

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIII-й.

І Ю Л Ъ.

1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Дубровина.	5—30	VIII. Экспедиція Государственнаго Хозяйства. (1797—1803 гг.). В. И. Вешнякова.	151—170
II. Заграничная поѣздка великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Теодоровны въ 1824 г. (Окончаніе). Сообщилъ Н. К. Шидьдеръ.	31—43	IX. Записки генерала В. И. Левенштерна. (Окончаніе).	171—208
III. Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ. (Изъ бумагъ акад. А. Ф. Вычкова). Сообщ. Н. А. Вычковъ.	45—59	X. Записки баронессы Праксисовны Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи. Сообщилъ князь А. Дадіишъ.	209—224
IV. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.	61—80	XI. Записная книжка „Русской Старины“; Н. Ф. Пасковичъ о пользѣ изученія дѣлій великихъ полководцевъ и о своихъ дѣйствіяхъ. Письмо Н. Пасковича — Егору Борисовичу Фуксу. 10-го февраля 1828 года. Сообщ. В. И. Везовъ. Жерве (стр. 44). — Памяти В. А. Жуковскаго. (Стихотвореніе). А. Н. О—ва (60). — Суворовъ въ Варшавѣ. (Историческая справка). Сообщилъ В. Лукаковский (128).	
V. Изъ переписки М. Н. Загоскина: I. Письма А. Н. Олещина. — II. Письма и записки гр. А. Х. Вешкендорфа. — III. Письма О. Н. Сенковского. — IV. Письма Ф. Ф. Вигеля. Сообщилъ Н. А. Вычковъ.	81—106	XII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).	
VI. Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853 — 1856 гг. В. В. Тимошукъ	107—127		
VII. Изъ дневника французскаго дипломата при дворѣ Екатерины II. (Окончаніе). Р.	129—150		

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ Н. А. Вычковъ.
2) Портретъ Михаила Николаевича Загоскина.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольная Подъячская, № 29.
1902.

Библиографическій листокъ.

Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край. Графа П. Шереметева. Москва, 1902 г.

Въ двадцатыхъ числахъ декабря 1900 года авторъ рассматриваемой нами книги пѣшѣ съ графомъ А. А. Бобринскимъ отправились къ предѣламъ Вѣлаго моря. Цѣль поѣздки была охота. Попутно они наѣтривались чередовать охоту съ развѣдываніемъ мѣстной старины. Неудачная охота содѣйствовала послѣдней цѣли. Они пробыли двѣ недѣли въ Кирилловскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, большую часть вблизи Терапонтова монастыря и недалеко отъ Кирилла-Вѣлозерскаго, а затѣмъ перемѣстившись въ Петропавловскую волость, находящуюся къ сѣверу отъ озера Вѣлаго и Кубинскаго по направлению къ озеру Воже. За эти немногіе дни набралось очень много впечатлѣній отъ видѣннаго и слышаннаго.

Систематическое изложеніе этихъ впечатлѣній и составляетъ содержаніе интересной книги графа Шереметева.

«Перейдя черезъ Бородавское озеро и миновавъ цѣлый рядъ стоящихъ на берегу вѣтранныхъ мельницъ,—описываетъ авторъ свою поѣздку въ Кирилла-Вѣлозерскій монастырь,—мы быстро сдѣлали оставшіяся 15-ти-верстный путь и скоро увидели вдаль, въ открытыяхъ со всѣхъ сторонъ поляхъ, величественная, бѣлая крѣпостная стѣна знаменитаго въ русскихъ лѣтописяхъ монастыря съ его внушительными башнями и главами монастырскихъ церквей. Два года назадъ минуло 500 лѣтъ, какъ преподобный Кирилла изъ московскаго рода Вельяминовыхъ основалъ эту обитель. Монастырь лежитъ у самаго берега Сиверскаго озера, при впаденіи рѣки Сѣяги.

Въ тепловѣ придѣлѣ собора особеннаго вниманія заслуживаютъ царскія врата, складень надъ ракой древняго письма и серебряная обложка самой раки съ изображеніями святаго, устроенная Ф. И. Шереметевымъ, скончавшимся въ монастырѣ и привившимъ схиму подъ именемъ Феодосія. Вычеканенная надпись говоритъ: «При державѣ Государя царя и Великаго Князя Михаила Федоровича... сдѣлалъ сію раку Преподобному Чудотворцу Кириллу Вѣлозерскому, по общему, Воларничъ Федоръ Ивановичъ Шереметевъ, при игумене Антоніе и при келаре старце Савватіе Юшкѣѣ, 7151 то есть 1643».

Въ ризницѣ находилось нѣсколько великолѣпныхъ чашъ,—изъ нихъ одна даръ Іоанна Грознаго,—кадилы, навагіи, крестовъ, валихъ складней. Въ шкафу увидели нѣсколько рукописныхъ евангелій на пергаментѣ съ прекрас-

ными лицевыми изображеніями евангелистовъ пергаментную псалтырь 1424 года съ превосходными заставками и богатыя иконы Возжіе Матери, прічемъ довольно поздняго письма, со складками фразы—даръ жены князя Ив. А. Воротынскаго, княгини Анастасіи Львовны, 1680 года. Въ сосѣдней комнатѣ хранятся ризы. Здѣсь они видѣли мухоуловную ризу преподобнаго Кирилла, сосудъ изъ бересты, въ которомъ онъ послалъ воду, котелокъ и вериги. Цѣлый рядъ шитыхъ плащаницъ, одна на другой, лежали тутъ же. Послѣ долгихъ исканій нашли плащаницу, которую Ф. И. Шереметевъ пожертвовалъ монастырю въ 1645 г. Библіотека сильно опустошена. Множество рукописей увезено въ Петербургъ и находятся въ духовной академіи.

Холодный соборъ съ величественнымъ иконостасомъ и живописью по стѣнамъ прозвель тягостное впечатлѣніе. Вся стѣнная живопись возобновлена, какъ это видно изъ надписи на стѣнѣ, въ 1838 г.; только при боковыхъ входѣхъ уцѣлѣлъ кусочекъ древней фресковой живописи, да входная дверь съ аркой, съ колонками.

Терапонтъ монастыря основанъ преподобнымъ Терапонтъ, уроженцемъ города Волоколамска, изъ рода дѣтей боярскихъ Поскочныхъ. Много имѣетъ связано съ Терапонтною обителью: прежде всего, самъ Терапонтъ, ушедшій изъ Симонова монастыря на сѣверъ, въ неустаннымъ трудахъ, основавшій средоточіе духовной жизни; преподобный Мартиніанъ, ученикъ и продолжатель Терапонта,—позднѣе настоятель Троицко-Сергіева монастыря, современникъ междуусобій Димитрія Шемяки и Василя Темнаго.

XV вѣкъ и часть XVI-го—цвѣтущая пора въ жизни монастыря: здѣсь процвѣтаетъ древняя письменность и собирается богатое собраніе рукописей. Великій князь Василій Ивановичъ съ великою княгиней Еленой посѣтили монастырь и молились о дарованіи имъ наследника. Дважды былъ въ этомъ монастырѣ Грозный.

Въ XVII вѣкѣ монастырь приходитъ въ упадокъ. Смутное время, воровскіе люди, литва оставили свои сѣдла. Уже во времена заточенія патріарха Никола ⁴⁾, какъ видно изъ писемъ его къ царю, въ монастырѣхъ «шотчинка небольшая и крестьяншки обвиняли до конца».

Въ концѣ XVIII столѣтія, именно 28-го апрѣля 1798 года, Св. Синодъ намѣлъ, что

⁴⁾ Келія патріарха Никола въ монастырѣ не сохранилось, и даже не извѣстно мѣсто, гдѣ она находилась.

МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
ЗАГОСКИНЪ.

Русская Старина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАНОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1902.

ЮЛЬ. — АВГУСТЪ. — СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ

ТОМЪ СТО ОДИНАДЦАТЫЙ.

DK

1

K89

v III

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.

1902.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ.

Имя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

*

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

И С Т О Р И Я
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. О. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

закрывающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.

Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться

въ Товарищество «Общественная Польза», Большая

Подъяческая, № 39.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XVIII ¹⁾.

Переселеніе поляковъ Западныхъ губерній въ Варшавское герцогство.— Варшавскій сеймъ 7-го марта 1809 г.—Волненія по поводу войны Наполеона съ Австріею.—Воззванія австрійскаго правительства и короля Саксонскаго къ полякамъ.—Состояніе Западныхъ губерній.—Газета „Литовскій Курьеръ“ и ея значеніе.—Непріязненные отношенія между русскими и польскими войсками.—Указы Сенату о конфискованіи имѣній бѣжавшихъ поляковъ.—Шенбрунскій миръ.—Поклоненіе поляковъ Наполеону и прославленіе его въ литературѣ.

бразованіе герцогства Варшавскаго вскружило голову полякамъ нашихъ Западныхъ губерній. «Одно уже существованіе герцогства Варшавскаго,—писалъ князь Адамъ Чарторыйскій,—поддерживаетъ въ полякахъ чувство любви къ отечеству. Оно, какъ призракъ прежней Польши, производитъ непреоборимое впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ, которые это разрушенное государство считаютъ своимъ отечествомъ. Какъ будто тому, кто потерялъ дорогаго для себя человѣка, вдругъ является его тѣнь и общаетъ скорое возвращеніе и его самого».

Ожиданія эти казались тѣмъ болѣе осуществимыми, что Наполеонъ, при каждомъ случаѣ, поддерживалъ ихъ въ полякахъ производствомъ крѣпостныхъ работъ и формированіемъ войскъ подъ начальствомъ Домбровскаго, князя Понятовскаго и Заіончека.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ февраль 1902 г.

Польское населеніе нашихъ Западныхъ губерній, безъ дозволенія правительства, бѣжало въ герцогство Варшавское. Къ тому же тогдашнія власти были какъ нельзя болѣе снисходительны на счетъ паспортовъ, и бѣглецы свободно переходили черезъ нашу границу ¹⁾. Они шли для поступленія въ ряды польскихъ войскъ или на жительство въ Варшаву и, по предсказанію Нѣмцевича, увозили съ собою значительные капиталы.

Патріотическій порывъ ихъ одушевлялъ и распалялъ съ церковной кеедры бывший впоследствии примасомъ Янъ-Павелъ Вороничъ, который въ своихъ проповѣдяхъ сравнивалъ Наполеона съ Киромъ, такъ какъ онъ, подобно Киру, освободившему изъ плѣна іудеевъ, для восстановления храма въ Іерусалимѣ, будто бы восстанавливалъ Польшу, а европейскихъ государей низлагалъ по своему произволу съ престоловъ и возводилъ на ихъ мѣсто кого хотѣлъ ²⁾.

Приписывая всѣ благодѣянія Наполеону, а не Александру, поляки Западныхъ губерній присматривались, что сдѣлаетъ для нихъ русское правительство, и, не ожидая отъ него ничего крупнаго, въ тайнѣ и исподволь готовили себя къ соединенію, при удобномъ случаѣ, съ населеніемъ герцогства Варшавскаго и къ содѣйствію видамъ Наполеона. Они вооружались и шли на службу въ польскіе легіоны. Энтузіазмъ былъ всеобщій; оставшіеся въ предѣлахъ Россіи сочувствовали ушедшимъ, ободряли ихъ и обѣщали скоро соединиться съ ними.

«Почтенные соотечественники!—писалъ Адамъ Чарноцкій полякамъ, ушедшимъ изъ Россіи ³⁾. Не повѣрите, насколько вашъ отъѣздъ исполнилъ насъ печали и сѣтованія, тѣмъ паче, что политическое раздѣленіе нашей земли, до безпредѣльнаго времени продолжающееся, и назначеніе васъ подъ команду великаго богатыря Европы не даетъ намъ сладости скоро васъ увидѣть. Будьте увѣрены, что, исправивши всѣ дѣла, ни отъ одного изъ живущихъ не отстану, съ началомъ весны къ вамъ и вашимъ славнымъ шеренгамъ прибуду въ нѣдра друзей знакомыхъ и соотечественниковъ.

«Подъ знаменами бѣлыхъ орловъ и подъ повелѣніемъ самого разума лестно служить для спасенія любезнаго отечества. Кто ощущаетъ тяготящее насъ здѣшнее правленіе, ежедневнымъ поношеніемъ имени поляка и рекрутскимъ наборомъ, который, дикимъ образомъ, нынѣ вторично изъ тысячи душъ по 10 въ повѣтахъ производится, на паст-

¹⁾ Калейдоскопъ воспоминаній „Русскій Архивъ“. 1872 г. Т. II, 2274.

²⁾ Старческія воспоминанія Авдія Востокова. „Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи“ 1864 г. № 2, Отд. II, стр. 62.

³⁾ Отъ 20-го ноября 1808 г. Чарноцкій жилъ въ Гродненской губерніи Новогрудскаго повѣта въ сел. Ворончи. Арх. Госуд. Совѣт. дѣла Комитета 1807 г. дѣло 1809 г. № 2.

бище строгихъ начальниковъ, на голодь, нужду и на жертву глупыхъ указовъ, тотъ сколь можно скорѣе долженъ поспѣшить къ оружію, для спасенія поправнаго человѣчества и угнетенныхъ соотечественниковъ»¹⁾.

Варшавскіе соотечественники его готовились тогда къ государственному сейму, который и состоялся 7-го марта 1809 года. Министръ внутреннихъ дѣлъ раскрылъ передъ собравшимися далеко не привлекательную картину внутренняго состоянія герцогства. Онъ указалъ на замѣшательства при введеніи французскаго кодекса, повлекшаго за собою волокиту дѣлъ и безпорядки въ управленіи. Онъ указалъ на упадокъ внѣшней и внутренней торговли, на затруднительное положеніе финансовъ и бѣдность государственнаго казначейства.

Жители Варшавскаго герцогства,—сказано въ одной запискѣ²⁾,—разорены совершенно прекращеніемъ торговли, содержаніемъ войскъ и большими податями, коихъ, не взирая на самую строгую экзекуцію, не платятъ, и оттого есть даже недостатокъ въ денежномъ содержаніи войскъ. Обыватели вступаютъ въ службу для прокормленія и одежды. Лучшіе дворяне, найдясь въ совершенно новомъ для нихъ обществѣ людей, ими презрѣнныхъ и самаго низкаго состоянія развратныхъ женщинъ, удаляются въ свои деревни, для поправленія разстроенаго своего состоянія.

«Освобожденные по конституціи крестьяне обременены болѣе, нежели когда-либо, въ десять мѣрь (разъ) увеличенною платою и работами за землю, на которой живутъ нынѣ, (обременены) конскрипціею и тяжкими государственными податями».

Войны, театромъ дѣйствій которыхъ было герцогство Варшавское, разорили населеніе; большая часть сельскихъ произведеній была забрана реквизиціею, и стоимость ихъ не возвращена собственникамъ. Со времени нашествія французовъ, земледѣльцы не могли уже не только уплачивать своихъ долговъ, но и процентовъ на нихъ. Предпріятыя Наполеономъ финансовыя операціи были неудачны и не улучшили положеніе населенія³⁾. Сейму предстояло обсудить, какъ выйти изъ столь затруднительнаго положенія. Онъ смягчилъ уголовные законы, уничтожилъ тѣлесныя наказанія, принялъ безусловно торговое французское право; но возстановилъ всѣ подати, существовавшія въ прежней Польшѣ, и прибавилъ новыя. Сеймъ прошелъ, однако же, безъ борьбы партій, безъ оппозиціи правительству и 27-го марта былъ закрытъ.

¹⁾ За это письмо Чарноцкій былъ отданъ въ солдаты въ одинъ изъ сибирскихъ полковъ.

²⁾ Записка, поданная М. М. Сперанскому и представленная имъ императору Александру безъ года и числа.

³⁾ Подробности этихъ финансовыхъ операцій см. „Русскій Вѣст.“ 1866 г. № 1, стр. 26—29.

Не смотря на тяжесть его постановленій, поляки, обращая вниманіе только на внѣшность, ликовали.

«Кто, въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ графъ М. Огинскій ¹⁾,—не увлекся бы широкими размѣрами политическаго устройства этой небольшой области (герцогства Варшавскаго) съ собственною арміею, сенатомъ, законодательнымъ собраніемъ, государственнымъ совѣтомъ, министерствами по всѣмъ отраслямъ управленія и даже французскимъ резидентомъ. Могли ли поляки оставаться равнодушными при томъ милостивомъ вниманіи, какое оказывалъ имъ въ то время Наполеонъ, при его трогательномъ обращеніи съ польскими воинами его гвардіи, при тѣхъ наконецъ лестныхъ надеждахъ, которыми не переставали обольщать ихъ и самъ Наполеонъ и приближеннѣйшія къ нему личности?»

Вотъ почему при послѣдовавшей вслѣдъ за тѣмъ войнѣ Наполеона съ Австріею поляки всецѣло принадлежали французскому императору.

Три недѣли спустя по закрытіи сейма, населеніе Варшавскаго герцогства неожиданно и съ удивленіемъ узнало о разрывѣ Франціи съ Австріею и о вступленіи войскъ послѣдней, подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда, въ предѣлы герцогства. 12-го (24-го) апрѣля 1809 года появилось въ Варшавѣ воззваніе австрійцевъ, въ которомъ они призывали поляковъ къ возстанію противъ французскаго владычества, къ переходу подъ законное прусское правительство и къ восстановленію порядка, нарушеннаго въ Европѣ.

Спустя нѣсколько дней, въ той же Варшавѣ читали, присланное изъ Лейпцига, воззваніе короля саксонскаго—герцога варшавскаго, подписанное имъ 13-го (25-го) апрѣля.

«Австрія,—писалъ онъ,—объявила войну его величеству, императору французовъ, подъ предлогомъ защищенія себя отъ нападенія. Войска ея вступили въ герцогство Варшавское. Командующій оними разсѣялъ (распространилъ) отзвывы укорительные для великаго нашего союзника и вашего возстановителя, желая тѣмъ поколебать нашу вѣрность и наложить на васъ новое иго; но тщетно будетъ сіе безчестное его предпріятіе.

«Поляки! Великій Наполеонъ возвратилъ вамъ законы, правильно пріобрѣтенные общимъ желаніемъ народа; отъ него получили вы все ваше существованіе, конституцію и законы. Никогда сей государь отъ дѣлъ своихъ не откажется, которыя онъ съ удовольствіемъ укрѣпилъ съ великимъ своимъ союзникомъ (императоромъ Александромъ). Спѣшите къ оружію на отмщеніе нападенія на вашего воскресителя, короля, васъ любящаго, и вашей свободы. Спѣшите на защиту вашихъ

¹⁾ Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру, „Русскій Архивъ“ 1874 г. Т. I, стр. 650 и 651.

жилищъ, послѣдуйте примѣру храбраго воинства вашего, составляющагося изъ единоплеменцевъ вашихъ. Испытанія ваши скоро пройдутъ. Уже непобѣдимый богатырь передъ лицомъ войскъ своихъ новые готовитъ имъ лавры и мщеніе за нападеніе на васъ».

По полученіи этого воззванія въ Варшавѣ, всѣ стали усиленно готовиться въ военнымъ дѣйствіямъ. По условіямъ Эрфуртскаго договора императоръ Александръ обязанъ былъ помогать Наполеону, и съ этою цѣлію на нашей западной границѣ была сосредоточена армія въ 70.000 человекъ, подъ начальствомъ князя С. О. Голицына. Не считая войну эту полезною для Россіи, Александръ не торопился главнокомандующаго скорымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій. При этомъ зная, что населеніе Варшавскаго герцогства относилось постоянно враждебно къ Россіи, графъ Румянцевъ писалъ князю Голицыну 6-го мая, что если отъ правительства Варшавскаго герцогства послѣдуетъ предложеніе дѣйствовать совокупно противъ австрійцевъ, то соглашаться на это только въ томъ случаѣ, если можно ожидать важныхъ выгодъ для русскаго оружія; вообще же уклоняться отъ совокупнаго дѣйствія съ варшавскими войсками.

Предусмотрительность эта оказалась не лишнею. Польскія войска и ихъ предводитель князь Понятовскій на первыхъ же порахъ стали во враждебное отношеніе къ русскимъ войскамъ. Князь Понятовскій разсылалъ по всей территоріи прежней Польши свои воззванія, приглашавшія поляковъ къ возстановленію Польши, вербовалъ въ свои войска охотниковъ изъ нашихъ Западныхъ губерній и даже переманивалъ солдатъ польскаго происхожденія изъ арміи князя Голицына. На замѣчаніе о предосудительности подобныхъ поступковъ Понятовскій отвѣчалъ:

— Русскіе — союзники наши, такъ почему же имъ не служить вмѣстѣ съ нами.

Въ дальнѣйшихъ поступкахъ князя Понятовскаго еще болѣе выразилось нераположеніе къ Россіи. Рѣка Висла дѣлитъ Галицію на двѣ половины: съ польскимъ населеніемъ и съ русскимъ. Населеніе первой части принимало съ восторгомъ варшавскія войска и враждебно русскія; вторая часть поступала совершенно наоборотъ. Походъ Понятовскаго въ глубь верхней Галиціи имѣлъ видъ триумфальнаго шествія, сопровождавшагося патристическими рѣчами и празднествами. Въ этой части Галиціи образовалось временное польское правительство, во главѣ котораго сталъ Игнатій Потоцкій, помѣстившій его въ своемъ имѣніи Климонтовичи. Австрійскіе чиновники, не смотря на приказаніе оставаться на мѣстѣ, узнавъ о движеніи польскихъ войскъ, толпами бросились къ Кракову, увозя съ собою женъ, дѣтей и имущество. Поляки заняли Замостье, Сендоміръ и Ярославль. Во Львовѣ образовалось цен-

тральное польское правительство для всей восточной Галиціи. Австрійскіе орлы были уничтожены на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ города. Польскія дамы составили комитетъ для ухода за ранеными. Галиційскіе поляки ликовали и жертвовали значительныя суммы. Отъ нихъ не могли отставать и поляки, жившіе въ нанихъ Западныхъ губерніяхъ. Имѣя за собою большею частію русское населеніе края, они не могли произвести вооруженнаго возстанія и выказывали свое сочувствіе къ общему дѣлу, такъ сказать, по одиночкѣ.

Въ маѣ 1809 г. получено было свѣдѣніе, что нѣкоторые поляки изъ Варшавскаго герцогства берутъ на аренду земли въ Гродненской и Минской губерніяхъ, съ цѣлью приготовить возмущеніе, и ведутъ переписку съ людьми «приверженными къ системѣ возстановленія Польши» ¹⁾.

«Безошибочно можно сказать,—писалъ литовско-гродненскій гражданскій губернаторъ ²⁾,—что здѣсь подъ пепломъ кроется огонь, который, при первомъ благоприятномъ случаѣ, готовъ вспыхнуть. Говорить о немъ такимъ образомъ я имѣю основаніемъ давность времени, въ которую оближенъ съ сими людьми; обращаясь же съ ними внимательно, не могу имѣть сомнѣнія въ сказанномъ мною на счетъ ихъ.

«При движеніи войскъ нашихъ, когда не было еще извѣстно о пресѣченіи сношеній нашихъ съ Австрією, видно было всеобщее здѣсь безпокойство, въ которой изъ двухъ воюющихъ державъ, приемлетъ Россія участіе. Теперь, знаютъ они, что мы со стороны французской, и потому хотя явно всеобщее о томъ удовольствіе; однако же оно смѣшано съ нѣкотораго рода сомнѣніемъ въ томъ отъ того, что имъ не кажутся быстрыми наши движенія. Явно не говорятъ они сего, но проговариваются».

Имѣя родственниковъ въ Варшавѣ и Галиціи, поляки Западныхъ губерній, конечно, находили много случаевъ и способовъ къ безпрестанному сообщенію съ Варшавою и «не только ежедневно, но ежечасно» распускали негѣпые и противорѣчивые слухи. «Опасно,—писалъ виленскій губернаторъ,—повторять все то, что отъ нихъ выходитъ, ибо часто добавляют собственными выдумками» ³⁾. Молчаніе служило обыкновенно признакомъ, что французы потерпѣли неудачу, а всеобщее оживленіе выражало обратное ⁴⁾.

¹⁾ Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ литовскому губернатору 8-го мая 1809 г. № 79.

²⁾ Министру внутреннихъ дѣлъ 18-го мая 1809 г. № 66.

³⁾ Письмо виленскаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ 19-го мая 1809 года.

⁴⁾ Отношеніе литовско-гродненскаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ 22-го мая 1809 г. № 75.

Въ маѣ 1809 года въ Вильнѣ рассказывали, что въ Варшавѣ весь народъ ничѣмъ болѣе не занимается, какъ военными приготовлениями, что даже дѣти, собираясь на улицахъ, вооружаются палками, деревянными саблями, маршируютъ и производятъ разнаго рода эволюціи. Жители Варшавы были очень недовольны вступленіемъ нашихъ войскъ въ Галицію и предполагали, что это дѣлается для того, чтобы овладѣть ею, и потому всѣ состоянія выражали ненависть къ русскому имени. Многие патріоты ободряли себя тѣмъ, что Наполеонъ не допуститъ Россію овладѣть Галиціею, а напротивъ, Литва и прочія польскія провинціи Россіи будутъ непремѣнно присоединены къ Варшавѣ; Польша по-прежнему будетъ восстановлена и возьметъ отъ Россіи все пространство до Двѣпра ¹⁾).

Какъ бы въ подтвержденіе этого среди польскаго населенія Западныхъ губерній появилось множество листовъ и брошюръ, утверждавшихъ въ скоромъ и несомнѣнномъ восстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 г. Въ числѣ такихъ изданій наиболѣе выдающимся было «Размышленіе о княжествѣ Варшавскомъ» (Uwagi nad księstwem warszawskim). Въ немъ авторъ увѣрялъ читателей, что, какъ временно и Цизальпинская республика была началомъ покоренія Франціею Венеціи и образованія Италіанскаго королевства, такъ и Варшавское герцогство составляетъ начало къ образованію Сарматской имперіи, которую Наполеонъ намѣренъ образовать изъ польскаго королевства и западныхъ областей Россіи ²⁾).

Общее стремленіе было направлено къ тому, чтобы произвести возстаніе, которое виленскіе поляки надѣялись поддержать польскими легіонами изъ Варшавы. «Люди сіи ведутъ сильную переписку съ варшавскими патріотами, но не по почтѣ, а по большей части черезъ нарочныхъ жидовъ, которые прокрадываются черезъ кордонную стражу и въ Варшавѣ подробно знаютъ, даже до самыхъ мелочей, что у насъ происходитъ».

Изъ столицы Польши тѣми же жидами приносились къ намъ самыя благопріятныя извѣстія о скорой самобытности Польши, и духъ своеволія между жителями усилился до явнаго нерасположенія къ русскому правительству. Хотя по донесеніямъ губернаторовъ и нельзя было ожидать явнаго возстанія, «тѣмъ не менѣе празднословіе сильно упражняетъ вѣтренныя и безпокойныя головы, и они болѣе, нежели когда-нибудь, мечтаютъ о соединеніи Польши. Нѣкоторые, искренно или нѣтъ, желаютъ и надѣются, что нашъ государь изволитъ принять на себя ти-

¹⁾ Письмо виленскаго губернатора Брусилова министру внутреннихъ дѣлъ 25-го мая 1809 г.

²⁾ „Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи“ 1864 г. № 2, отдѣл. II, стр. 62.

туль польскаго короля. Наиболѣ занимающіеся симъ суть или бывшіе магнаты, или праздные молодые и никакого состоянія не имѣющіе люди, которые отъ всякой перемѣны чего-нибудь надѣются и ничего не теряютъ. Мелкая шляхта, въ деревняхъ живущая и въ хлѣбопашествѣ упражняющаяся, гораздо покойнѣе и кажется болѣе предана нашему правительству».

«При семъ,—прибавлялъ виленскій губернаторъ Брусилсъ¹⁾,—долгою считаю упомянуть, что весьма трудно имѣть здѣсь вѣрныя свѣдѣнія, что гдѣ происходитъ, понеже всѣ почти чиновники здѣшніе жители, а потому опасно иногда многое препоручать, дабы не распространить недовѣрчивости».

Въ то время въ Вильнѣ не было почти ни одного человѣка, котораго не захватывала бы политика; всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за событіями и толковали ихъ на свой ладъ, какъ кому желалось. Большинство съ жадностью прислушивалось и читало извѣстія, получаемыя изъ Варшавы. Оттуда привозились патріотическіе стихи, печатаемые въ «Варшавскомъ Курьерѣ», и разныя воззванія, распространяемыя польскими патріотами. Эти воззванія вызывали тайныя пожертвованія, вооруженія и уходъ многихъ въ Варшавское герцогство.

«Дворянство, шляхта и все, что можетъ нести оружіе,—писалъ А. Столыпинъ²⁾,—изъ всѣхъ мѣстъ бѣжить въ предѣлы герцогства Варшавскаго и Галицію, безъ всякой опасности. Примѣръ ненаказанности и совершенной свободы, которою пользуются всѣ измѣнчившіе Россіи, еще болѣе въ настоящихъ обстоятельствахъ поощряетъ всѣхъ обывателей, наполненныхъ желаніями востановленія Польши, къ разнаго рода пожертвованіямъ».

Наиболѣе богатые помѣщики уводили съ собою преданныхъ имъ и ими же вооруженныхъ шляхтичей, для чего покупали оружіе, привезенное въ большомъ количествѣ изъ Тулы. Шляхта шла толпами, разбивала наши кордоны и уходила въ Варшаву³⁾. Тамъ всѣ выходцы поступали въ польскія войска, преимущественно въ полкъ князя Чарторыйскаго.

«Сѣмя возмущенія здѣсь,—довосилъ изъ Вильны Аркадій Столыпинъ⁴⁾.—въ сердцахъ духовенства, и особенно ректора университета, прославившаго себя любовью къ мучимому отечеству ихъ и зловреднымъ преподаваніемъ свободы и востановленія Польши. Ректоръ университета пользуется

¹⁾ Въ письмѣ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 30-го мая 1809 г. № 2110.

²⁾ Въ секретномъ письмѣ князю Куракину 16-го іюля 1809 г. изъ Гродно.

³⁾ Донесеніе волынскаго гражданскаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ 24-го іюля 1809 г. № 118, Житомиръ.

⁴⁾ Въ собственноручномъ письмѣ князю Куракину отъ 23-го іюня 1809 г. изъ Вильны.

особенною дружбою и довѣренностію Вавржецкаго, которому Корсаковъ ¹⁾, какъ онъ мнѣ самъ сказывалъ, выпросилъ Александровскій орденъ ²⁾. Духовенство и университетъ, а особенно духовенство, имѣя непоимѣнные доходы, имѣютъ здѣсь милліоны средствъ быть совершенно вредными правительству, которое не оставляетъ ихъ покровительствовать».

Литовскія губерніи были наводнены духовенствомъ. Въ одной Виленской губерніи считалось болѣе 3.000 монаховъ, между которыми были и малолѣтніе. «Духовенство, — доносилъ А. Столыпинъ ³⁾, — состоитъ болѣею частью изъ людей развратныхъ, упоенныхъ безначаліемъ и буйною свободою, или изъ фанатиковъ, предрасудками къ католической религіи ослѣпленныхъ. — Тѣ и другіе суть непримиримые враги Россіи. По извѣстной степени просвѣщенія и по важности своего званія, они издревле умѣли удержать поверхность надъ умами поляковъ. — Утопая въ праздности, нѣгѣ, роскоши и избыткахъ, они имѣютъ всѣ способы привлекать къ себѣ приверженниковъ и разсѣивать зловердныя свои внушенія».

Изъ частныхъ лицъ особенною дѣятельностію отличались Ѳ. Чацкій и Ходкевичъ, употреблявшіе всѣ средства для воспламененія умовъ на Волыни и вербовавшіе шляхту для пополненія галиційскихъ войскъ. — Всякому желающему поступить въ войска, для дѣйствій противъ Австріи, обѣщано полное обмундированіе и по 10 червонцевъ на руки. «Чацкій хитростію ума своего и по вѣренной управленію его гимназій (Кременецкой) существенно опасиле всѣхъ; онъ не только временное зло Россіи дѣлаетъ, но каждый день, такъ сказать, образуетъ новыхъ ей враговъ ⁴⁾. Долгъ чести и присяги требуютъ поставить въ виду правительства, что всѣ заведенія публичнаго воспитанія, въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, вѣренныхъ надзору поляковъ, не могутъ принести никакой пользы Россіи, но для блага и цѣлости ея, лучше всѣхъ ихъ до основанія истребить, нежели терпѣть въ настоящемъ положеніи».

Воспитаніе юношества преднамѣренно было передано въ руки людей, нерасположенныхъ къ Россіи, русскій языкъ былъ изгнанъ

¹⁾ Тогдашній генералъ-губернаторъ.

²⁾ Вавржецкій былъ очень остороженъ и велъ себя двусмысленно. Когда ему пожалованъ былъ орденъ, то онъ нарочно два мѣсяца не пріѣзжалъ въ Вильну за полученіемъ его, чтобы увѣрить поляковъ, что онъ лишь по принужденію расстаётся съ орденомъ Вѣлаго орла и принимаетъ русскій.

³⁾ Общія замѣчанія статск. сов. А. Столыпина о разныхъ предметахъ по присоединеннымъ отъ Польши губерніямъ, представленныя императору Александру I 19-го октября 1809 г.

⁴⁾ Секретное письмо Столыпина кн. Куракину 7-го августа 1809 года. Житомиръ.

изъ школъ и русскимъ именемъ гнушались. По заявленію А. Столыпина, довольно было одного Виленскаго университета и Кременецкой гимназіи, подъ руководствомъ Чацкого, чтобы возстановить противъ Россіи всѣ присоединенныя къ ней отъ Польши губерніи. Профессоры Виленскаго университета дѣлились на двѣ партіи, не сходныя между собою:—нѣмцевъ,—вообще спокойныхъ, не сочувствовавшихъ видамъ французской политики, и поляковъ, напротивъ, старавшихся способствовать планамъ Наполеона и воспламенявшихъ умы юношей. Въ томъ же направленіи дѣйствовало духовенство и монахи—враги русскаго правительства и православія, имѣвшіе по своему богатству огромное вліяніе на общество, весьма разнохарактерное по составу. Поселяне были такъ принижены своимъ скуднымъ и бѣднымъ состояніемъ, «что не имѣютъ никакого чувства; жида не любятъ никого, но рады служить всѣмъ изъ барышей и потому радуются всякой переменѣ, всякому волненію». При ихъ посредствѣ поляки, какъ мы видѣли, имѣли тайную почту и вели дѣятельную переписку съ Галиціею и Варшавою. Объ этой перепискѣ русская администрація не имѣла никакого понятія. «Полиціи здѣсь вовсе нѣтъ, писалъ Столыпинъ; губернаторъ Брусилловъ и вице-губернаторъ Багговутъ по справедливости отъ всѣхъ ненавидимы и презираемы; генераль-губернатора Корсакова поляки довольно любятъ и потому именно, что считаютъ его не опаснымъ для себя, умѣя пользоваться слабостію его характера, его легковѣріемъ и нескромностію». При такомъ составѣ администраціи, полякамъ не трудно было даже гласно распространять преувеличенныя извѣстія объ успѣхахъ французскихъ и въ особенности польскихъ войскъ. Такими извѣстіями и рассказами въ духъ польскаго патріотизма была наполнена виленская газета «Литовскій Курьеръ», цензура которой была поручена Виленскому университету, покровительствовавшему подобному направленію. «Литовскій Курьеръ» читали всѣ, даже низшія состоянія, но за то политическое просвѣщеніе польскаго общества не простиралось далѣе статей этой газеты. Всѣмъ извѣстіямъ, напечатаннымъ въ «Курьерѣ», давалась слѣпая вѣра, и оны употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы разжигать страсти и тѣмъ побудить на пожертвованія и вооруженія. Такъ въ № 60 «Курьера» были напечатаны извѣстія изъ Варшавы, что польское войско предположено увеличить до 100 т. человекъ и что князь Понятовскій будетъ вице-королемъ Польши. По полученіи этого номера газеты въ Житомирѣ замѣтно было необыкновенное движеніе на улицахъ и шинки были наполнены гораздо болѣе обыкновеннаго: тамъ пили и провозглашали тосты за «к р у л я П о н я т о в с к а г о». Этихъ извѣстій было уже достаточно, «чтобы поврежденные умы совершенно совратить». Директоръ Кременецкой гимназіи отправился за границу; всѣ воспитанники гимназіи, которые по

возрасту могли носить оружіе, уходили туда же партіями человекъ по 20 и поступали въ польское войско. «Воображеніе ихъ было воспламенено до такой степени, что они въ классахъ ходили въ усахъ, а тѣ, которые имѣть ихъ не могли, рисовали себѣ усы углемъ. Коль скоро виды возмущенія открылись въ Галиціи, Чацкій въ нѣсколько дней построилъ манежъ, крытый соломой, и всѣ ученики, извѣстнаго возраста, не выходили изъ него, чтобы оттуда идти прямо на поле славы. Всѣ поляки считаютъ Кременецъ ядромъ патріотовъ и тамъ учениковъ до 600 человекъ. Многіе помѣщики, которые всегда ходили во фракахъ и никогда усомъ не носили, нынѣ и особенно молодые люди,—въ усахъ—знакъ патріотизма, храбрости и готовности ввязаться за оружіе»¹⁾.

Эти свѣдѣнія были внесены въ Комитетъ министровъ, причемъ министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ всѣ учебныя заведенія въ Западныхъ губерніяхъ ввѣрить надзору гражданскихъ губернаторовъ или опредѣлить кураторовъ изъ русскихъ, которые бы имѣли тамъ пребываніе свое непрерывно. При обсужденіи этого доклада министръ внутреннихъ дѣлъ, товарищъ его и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ полагали: Чацкаго, какъ человекъ, навлекшаго на себя подозрѣніе, о которомъ и прежде сего донесенія писалъ находящійся въ губерніяхъ, отъ Польши пріобрѣтенныхъ, съ секретнымъ порученіемъ статскій совѣтникъ Столыпинъ,—отозвать сюда для присутствія въ главномъ училищѣ правленія на то время, пока не переимѣнятся обстоятельства. «Таковая мѣра,—сказано въ журналѣ Комитета министровъ 18-го августа 1809 г.,—не можетъ быть для него обидна, хотя бы открылось, что подозрѣніе на него было не справедливо, ибо въ такомъ случаѣ послужить она къ собственному его обезпеченію, и равнымъ образомъ вызвать сюда подъ какимъ-либо предлогомъ, какъ графа Ходкевича, такъ и генерала Княжевича». Министръ народнаго просвѣщенія заявилъ, «что поелику подозрѣніе на сихъ людей основано на одной только молвѣ, по которой въ заключеніяхъ утверждаться не можно, то нѣтъ никакой надобности въ сей мѣрѣ, особливо же противъ Чацкаго, какъ человекъ полезнаго, и что впрочемъ по мнѣнію его все вообще опасеніе относительно жителей губерній, отъ Польши пріобрѣтенныхъ, напрасно, ибо въ то время, какъ мы въ войнѣ съ французами находились, ничего ими предпринято не было, а теперь по союзу нашему съ французами не имѣютъ они ни повода, ни способовъ къ важнымъ противъ насъ покушеніямъ. По сему соображенію почитаетъ онъ мѣры кротости и ласки въ настоящемъ положеніи гораздо пристойнѣйшими и дѣйствительнѣйшими».

Относительно же прочихъ статей доклада министра внутреннихъ дѣлъ, Комитетъ положилъ: 1), что донесеніе о газетѣ виленской разрѣ-

¹⁾ Секретное письмо Столыпина князю Курякину 18-го августа 1809 г. Житомиръ.

шается сдѣланнымъ уже отъ министра народнаго просвѣщенія предписаніемъ, чтобы ни въ какія газеты политическія извѣстія болѣе не вносились; 2) Чтобы всѣ заведенія публичнаго воспитанія оставить въ настоящемъ положеніи, ибо порученіе ихъ другому начальству было бы противно учрежденію ихъ; 3) Чтобы о недостаткѣ воинской въ Житомирѣ команды сообщено было военному министру для усиленія оной ¹⁾.

Въ засѣданіи Комитета 29-го сентября статсъ-секретарь Молчановъ объявилъ, «что его императорское величество, признавая согласно съ мнѣніемъ Комитета помѣщиковъ Волынской губерніи Чацкаго, графа Ходкевича и генерала Княжевича подозрительными, не изволитъ однако находить по настоящимъ обстоятельствамъ за нужное употребить предполагаемую Комитетомъ въ разсужденіи ихъ мѣру».

Снисходительность эта не подѣйствовала въ томъ направленіи, въ которомъ ожидали. Поляки не сочли ее великодушіемъ императора Александра, а напротивъ, въ чаду успѣха, видѣли въ этомъ слабость русскаго императора. Самозванное центральное галиційское правительство отправило къ Наполеону депутацію съ просьбою о присоединеніи всей Галиціи къ герцогству Варшавскому. Въ составъ депутаціи были назначены: Игнатій Потоцкій, Игнатій Мончинскій и Фаддей Матусевичъ.

— Великій императоръ!—обратился Потоцкій къ Наполеону,—да исполнится воля твоя,—скажи слово, и Польша воскреснетъ.

Наполеонъ улыбнулся и сталъ разспрашивать Потоцкаго о положеніи обѣихъ Галицій ²⁾. Поляки жаловались, что жители южной Галиціи сочувствуютъ русскимъ, принимаютъ ихъ съ восторгомъ и даже выражаютъ желаніе остаться подъ властію Россіи.

Все это было справедливо, и князь С. О. Голицынъ предлагалъ Александру I присоединить эту часть Галиціи къ Россіи и объявить себя королемъ польскимъ.

Императоръ отклонилъ это предложеніе, и по его приказанію графъ Румянцевъ писалъ князю Голицыну ³⁾:

«Сколь ни лестно приобрѣтеніе Польши во всемъ ея объемѣ, государь императоръ, не гоняясь за блескомъ его, обратилъ особенное вниманіе на послѣдствія сего приобрѣтенія въ отношеніи къ Россіи, при чемъ представляются слѣдующіе вопросы: съ возстановленіемъ королевства Польскаго въ первобытномъ его состояніи, не должны ли отойти

¹⁾ Журналъ Комитета министровъ 18-го августа 1809 г.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1866 г. № 2, стр. 580 и 581.

³⁾ Отъ 15-го іюня 1809 г. На депешѣ рукою гр. Румянцева написано: «прошу в. с., отдѣла сію депешу отъ прочихъ, хранить ее подъ собственнымъ ключемъ вашимъ». М. И. Богдановичъ, „Исторія царствованія Александра I“, т. II, стр. 445—447.

отъ Россіи области, прежде принадлежавшія Польшѣ? Можно ли положить на постоянство польской націи? И подъ самымъ видомъ пылкаго ихъ желанія соединиться съ Россіей, подъ скипетромъ его величества, не кроется ли умыселъ возвратитъ тѣ области, которыя достались намъ, и потомъ вовсе отложиться отъ насъ?»

Приводя въ примѣръ Венгрію и Ирландію, какъ области, состоявшія на различныхъ правахъ отъ кореннаго населенія Австріи и Англіи, и непрочность ихъ соединенія, графъ Румянцевъ сообщалъ еще и другія соображенія.

«Явное и непосредственное послѣдствіе возстановленія королевства Польскаго и присоединенія его къ Россійской имперіи было бы то, что связь между державами, по раздѣлу Польши естественно интересованными другъ друга поддерживать, тогда совершенно рушится.

«Таковы причины, по коимъ его величество, довольствуясь удѣломъ, отъ бывшей Польши намъ доставшимся, желаетъ предпочтительно видѣть ее въ настоящемъ положеніи, и присоединеніе Польши, въ прежнемъ составѣ ея, не изволитъ признавать полезнымъ для Имперіи, не говоря уже о томъ, сколь несовмѣстно сіе было бы ни съ честью, ни съ достоинствомъ, ниже съ безопасностью Россіи, еслибъ въ смыслѣ возстановленія королевства Польскаго могло входить присоединеніе къ оному края Бѣлорусскаго и участковъ, отшедшихъ къ составленію Киевской и Подольской губерній.

«Со всѣмъ тѣмъ, при нынѣшнемъ гадательномъ положеніи Европы, его величество полагаетъ, что, съ одной стороны, принявъ во вниманіе представленіе вашего сіятельства, можно, льстя поляковъ надеждою возстановленія ихъ отечества, удержать ихъ въ спокойствіи и повиновеніи, а съ другой стороны, что, въ противномъ случаѣ, они могутъ обратиться къ Наполеону съ домогательствами о составленіи особаго владѣнія изъ герцогства Варшавскаго и Галиціи, что намъ весьма не выгодно. Государь императоръ соизволяетъ, чтобы ваше сіятельство, удостовѣрясь вполне, что магнаты варшавскіе и галиційскіе имѣютъ прямое и твердое желаніе поступить подъ скипетръ его величества, внушили имъ подъ рукою отъ себя, что ежели они дѣйствительно намѣрены, составя изъ герцогства Варшавскаго и княжествъ Галиційскихъ особое царство, подъ именемъ королевства Польскаго, вѣрить скипетръ онаго на вѣчныя времена государю императору и его преемникамъ, то вы почти увѣрены, что таковой подвигъ ихъ и предложенія о томъ не останутся безуспѣшны, и что вы, съ вашей стороны, примете на себя быть въ семъ дѣлѣ ревностнымъ ходатаемъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ князю Голицыну было поручено оставить въ занятой нами Галиціи прежнее управленіе, назначивъ чиновниковъ изъ

мѣстныхъ жителей такихъ, которые не были употреблены на австрійцами, ни кн. Понятовскимъ.

Послѣдній, постоянно интригуя противъ Россіи, старался убѣдить Наполеона, что медленность дѣйствій русскихъ войскъ объясняется тайными соглашениями съ австрійцами ¹⁾. Когда русскія войска заняли Львовъ, онъ исходатайствовалъ у Наполеона повелѣніе привести галичанъ къ присягѣ на вѣрность французскому императору, его именемъ производить судъ и управлять страню, набирать солдатъ во французскую армію и замѣнить австрійскіе гербы французскими. Понятовскій тотчасъ же сообщилъ это повелѣніе князю Голицыну, но тотъ отвѣчалъ, что «повелѣніе императора Наполеона можетъ быть исполнено только тамъ, гдѣ находятся варшавскія войска, а не въ странѣ, занятой русскими, гдѣ безъ повелѣнія его величества императора Александра не будутъ допущены ни присяга Наполеону, ни замѣна австрійскихъ гербовъ французскими, ни наборъ войскъ» ²⁾.

Этотъ отвѣтъ и внушенія князя Понятовскаго подали поводъ Наполеону заявить объ измѣнническомъ образѣ дѣйствій русскихъ войскъ въ Галиціи. Петербургскій кабинетъ выяснилъ французскому послу тѣ отношенія, которыя существовали между русскими и польскими войсками. Отношенія эти съ каждымъ днемъ ухудшались. «Наглость варшавскихъ войскъ выходитъ изъ границъ», доносилъ князь Голицынъ императору Александру ³⁾. Обоюдная ненависть другъ къ другу царствуетъ не только между офицерами, но и между нижними чинами обѣихъ армій.

«Не могу изъяснить вашему величеству всѣхъ униженій, которыя

¹⁾ Въ этомъ отношеніи Понятовскій былъ правъ. Императоръ Александръ не желалъ воевать съ австрійцами. Отпуская присланнаго изъ Вѣны князя Шварценберга, государь сказалъ ему: „ничего не будетъ забыто, что только человѣчески возможно придумать для ослабленія наносимыхъ ударовъ“ Наполеономъ Австріи. Къ этому Александръ присовокупилъ, что „его положеніе настолько странное, что хотя мы и находимся въ противныхъ лагеряхъ, однако же онъ не можетъ удержаться отъ выраженія пожеланій въ пользу успѣховъ австрійцевъ“. Императрица Марія Ѳеодоровна говорила Шварценбергу: «Дѣйствіе, рассчитанное съ хладнокровіемъ и благоразуміемъ, но выполненное съ быстротою и величайшею энергіею во всѣхъ его частностяхъ, произвело бы здѣсь въ скоромъ времени самое благоприятное вліяніе» (Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ I“, т. II, стр. 238 и 240). Все это и было причиною того, что, при первомъ появленіи русскихъ войскъ, австрійцы стали отступать, заявляя, что они не считаютъ императора Александра врагомъ Австріи и не будутъ драться съ его войсками.

²⁾ М. И. Богдановичъ, „Исторія царствованія императора Александра I“, т. II, стр. 444.

³⁾ Отъ 5-го іюля 1809 г. Богдановичъ, т. II, 449.

войска ваши отъ варшавцевъ переносить должны. Смѣю сказать, что еслибы я былъ помоложе, то не достало бы у меня терпѣнія»¹⁾.

Положеніе князя Голицына еще болѣе ухудшилось, когда 3-го іюля, русскій авангардъ занялъ Краковъ. Спустя нѣсколько дней пришли туда и войска кн. Понятовскаго. На заявленіе, что городъ занятъ уже русскими войсками и долженъ остаться въ ихъ власти, Понятовскій отвѣчалъ, что право занять этотъ городъ принадлежитъ ему, потому что онъ сражался подъ его стѣнами и заключилъ конвенцію съ австрійцами. Поднялись споры, едва не окончившіеся кровавымъ столкновеніемъ мнимыхъ союзниковъ. Дѣло кончилось соглашеніемъ, что городъ будетъ занятъ какъ русскими, такъ и польскими войсками въ равномъ числѣ; что предмѣстье Подгурже будетъ занято одними русскими войсками, а польскія перейдутъ Вислу, подъ предлогомъ преслѣдованія непріятели.

Въ Краковѣ и другихъ мѣстахъ происходили поединки между русскими офицерами и офицерами польскихъ войскъ. Жители повѣсили въ театрѣ занавѣсъ, на которомъ было изображено восходящее солнце, и изъ гроба, освѣщеннаго его лучами, возставалъ польскій король; рѣки Днѣпръ и Двина, обозначенныя на занавѣсѣ, изображали границы Польши.

При каждомъ случаѣ поляки старались выказать свою неприязнь къ русскимъ: перехватывали нашихъ дипломатическихъ чиновниковъ, вскрывали депеши, вербовали свои войска перебѣжчиками изъ русскихъ и австрійскихъ владѣній. Князь Понятовскій, носившій прежде званіе начальника войскъ Варшавскаго герцогства, потомъ командира 9-го корпуса великой арміи, сталъ именовать себя теперь главнокомандующимъ польской арміей.

«Не могу признать,—писалъ ему князь Голицынъ въ письмѣ отъ 21-го іюля,—ни Польши, давно отжившей, ни арміи, ни войскъ польскихъ, но признаю только войска Варшавскаго герцогства. Оно учреждено тильзитскимъ миромъ, и тамъ вовсе не упомянуто о Польшѣ».

«Не могу вѣрить,—отвѣчалъ ему князь Понятовскій отъ 24-го іюля (5-го августа),—чтобы вы имѣли повелѣніе оспаривать у императора французовъ право давать имена корпусамъ, состоящимъ въ его великой арміи».

Подобныя происшествія вынуждали князя Голицына просить императора Александра опредѣлить для дѣйствій русскихъ войскъ такую мѣстность, на которой они не сталкивались бы съ польскими войсками. Въ противномъ случаѣ онъ слагалъ съ себя отвѣтственность, если произойдутъ весьма непріятныя происшествія. Для отстраненія ихъ въ будущемъ, графъ Румянцевъ, по повелѣнію императора Александра, 15-го (27-го) іюля писалъ Коленкуру:

¹⁾ Донесеніе князя Голицына отъ 11-го августа 1809 г., тамъ же.

«Австрія соприкасается съ русскою имперіею обѣими Галиціями. Эти области должны были сдѣлаться поприщемъ дѣйствій его (русскаго императора) войскъ и отчасти войскъ саксонскаго короля, состоявшихъ въ распоряженіи главы Рейнскаго союза (Наполеона). Ничто, казалось, не нарушало выгодъ русскаго императора: войскамъ его величества могло быть только пріятно дѣйствовать совокупно съ войсками саксонскаго короля въ однихъ и тѣхъ же видахъ. Но войска Варшавскаго герцогства, въ силу самыхъ обстоятельствъ, дѣйствовали двойственно. Они не оставались въ предѣлахъ саксонскаго войска, напротивъ, они называли себя польскими войсками, повсюду разсылали прокламаціи во имя отечества, провозглашали возстановленіе прежней Польши, набирали въ свою службу воиновъ, даже виѣ предѣловъ герцогства и, возбуждая патриотическія чувства, привлекли къ себѣ многихъ изъ подданныхъ русскаго императора, которые до того времени оставались, послѣ паденія Польши, мирными гражданами его имперіи. Они безъ паспортовъ ушли за границу, увели съ собою цѣлыя отряды, которые дѣйствовали оружіемъ противъ пограничной стражи, которая не была такъ сильна, чтобы удержать ихъ переходъ.

«Гербы старой Польши явились на границахъ имперіи. Съ тою ли цѣлію, чтобы показать, кому принадлежитъ область, на которой ихъ ставили?..

«Мысль о возстановленіи прежней Польши бродитъ въ умахъ всѣхъ обитателей герцогства Варшавскаго. Она не передается въ видѣ тайнаго желанія; напротивъ, выражается явно съ полною надеждою осуществленія и съ этою цѣлію проповѣдуютъ крестовый походъ противъ Россіи. Но осуществленіе этой мысли, даже воображаемое, можетъ основаться только на разрывѣ союза между двумя императорами. Всѣ стремленія вооруженныхъ силъ герцогства Варшавскаго и его правительства естественно направлены къ этой цѣли. Они должны постоянно и безостановочно дѣйствовать для того, чтобы разрушить эту дружбу. Это такъ должно быть; это иначе и быть не можетъ».

Въ виду скрѣпленія тѣснѣйшей дружбы Россіи съ Франціею, графъ Румянцевъ, по порученію императора Александра, просилъ Коленкура обсудить вмѣстѣ съ нимъ будущую судьбу Галиціи и заключить по этому вопросу особую конвенцію.—При этомъ было заявлено Коленкуру, что императоръ Александръ, желая доказать дружбу своему союзнику и вѣрность въ соблюденіи принятыхъ на себя обязательствъ, приказалъ кв. Голицыну не обращать вниманіе на проповѣдниковъ возстановленія Польши, не поддерживать никакими уступками ихъ заблужденій, но продолжать съ рѣшительностью военныя дѣйствія.—«Во всѣхъ случаяхъ поступать такъ, какъ это принято между державами, когда одна изъ нихъ дѣйствуетъ въ союзѣ съ другою, т. е. чтобы въ заня-

тыхъ ими у непріятеля странахъ она имѣла равное вліяніе на управленіе въ нихъ, требованія отъ жителей присяги, взиманія налоговъ и рекрутовъ.

«Миръ,—писалъ графъ Румянцевъ,—произнесетъ послѣднее слово объ окончательной судьбѣ обѣихъ Галицій; но дружба, которая царствуетъ между двумя императорами, и ихъ взаимное довѣріе могутъ подготовить ее въ настоящее время и я очень радъ приступить къ этому дѣлу.—Мнѣ поручилъ мой государь совокупно съ вами, господинъ посолъ, еще болѣе скрѣпить союзъ, существующій между двумя императорами. Онъ одинъ можетъ упрочить миръ въ Европѣ, въ которомъ она такъ нуждается».

Между тѣмъ послѣ сраженія при Ваграмѣ 24-го іюня (6-го іюля) Австрія признала себя побѣжденною, и 30-го іюня (12-го іюля) было заключено перемиріе въ Цнаймѣ, а затѣмъ начались переговоры о мирѣ въ Альтенбургѣ. Приступая къ нимъ и сознавая, что австрійскія войска не были еще окончательно уничтожены, что они могли быть усилены новымъ комплектованіемъ, что въ Австріи преобладала партія, желавшая продолженія военныхъ дѣйствій, Наполеонъ желалъ знать, что предприметъ Россія въ случаѣ возобновленія таковыхъ. Ему было отвѣчено, что императоръ Александръ готовъ предписать 20-ти тысячному корпусу дѣйствовать противъ Австріи вмѣстѣ съ войсками императора Наполеона. Корпусъ этотъ откроетъ немедленно военныя дѣйствія, но лишь по заключеніи французскимъ посломъ предложеннаго ему соглашенія, которое одно только можетъ обезпечить отъ слуховъ, распускаемыхъ тѣми подданными Саксонскаго короля (т. е. поляками), которые считаютъ себя какъ бы отдѣльнымъ государствомъ, и, дѣйствуя согласно съ этимъ мнѣніемъ, надѣются на расширеніе своихъ границъ въ явный ущербъ выгодамъ Россіи. Поэтому одновременно съ дѣйствіями этого корпуса императоръ Александръ считаетъ необходимымъ удержать другой корпусъ въ Галиціи, для поддержанія спокойствія въ этой области, гдѣ возбуждено опасное для Россіи волненіе.

Не имѣя никакихъ инструкцій, Коленкуръ не могъ отвѣчать ничего опредѣленнаго, а Наполеонъ съ намѣреніемъ уклонялся отъ отвѣта на сдѣланное русскимъ кабинетомъ предложеніе. Онъ приглашалъ только русскаго императора принять участіе въ мирныхъ переговорахъ, но Александръ не прислалъ своихъ уполномоченныхъ въ Альтенбургъ и предоставилъ своему союзнику договариваться съ Австріею за Россію. Отказываясь отъ всякаго вознагражденія, но желая, чтобы Галиція, попрежнему, оставалась во владѣніи Австріи, Александръ просилъ только Наполеона не забывать, при заключеніи мира, интересовъ его имперіи въ отношеніи къ бывшей Польшѣ.

«Ваше величество,—писалъ онъ Наполеону ¹⁾,—можете дать мнѣ полное ручательство и обезпеченіе, если вспомните все то, что было мною часто повторяемо въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ объ интересахъ Россіи по отношенію дѣлъ прежде бывшей Польши, и то, что я поручилъ своему посланнику вамъ объяснить... Мое наибольшее желаніе заключается въ устраненіи всего того, что можетъ вредить союзу, дабы онъ могъ скрѣпиться еще болѣе».

Наполеонъ старался всячески уклониться отъ раскрытія своихъ видовъ и намѣреній. Онъ сказалъ Горголи, при отправленіи его въ С.-Петербургъ съ депешами: «*La Pologne va donner lieu à quelques contestations; mais le monde est assez grand pour que nous puissions nous arranger*» ²⁾.

Такія слова и уклоненія Наполеона отъ заключенія конвенціи ободрили окружающихъ его поляковъ, постоянно за нимъ наблюдавшихъ, и они стали еще смѣлѣе. Генераль польскихъ войскъ Карвицкій, жившій обыкновенно въ своемъ имѣніи въ Любарѣ, ѣздилъ по Подольской губерніи и воспламенялъ умы. Это былъ человекъ открытаго характера, смѣлый и патриотъ до энтузіазма. Карвицкій имѣлъ даръ слова, «манеры его весьма просты и несутъ на себѣ печать достоинства воинскаго,—однимъ словомъ, онъ одинъ изъ тѣхъ людей, который легко можетъ заставить себя уважать, любить и ему вѣрить» ³⁾.

Карвицкій говорилъ, что лично онъ терпѣть не можетъ Наполеона и ни въ чемъ ему не вѣрить; что онъ знаетъ его давно, слѣдилъ за всѣми его поступками и поведеніемъ, и что конечно поляки схватили за хвостъ чорта.

— Но,—прибавилъ Карвицкій въ разговорѣ со Столыпинимъ, кто изъ насъ не читаетъ отечественныхъ газетъ. — «Литовскій Курьеръ» предвѣщаетъ намъ, что Понятовскій будетъ королемъ. Всѣ кампаніи я сдѣлалъ съ нимъ вмѣстѣ; противъ непріятели онъ великъ, сохраняетъ все благородіе и хладнокровіе; въ политическихъ видахъ хитръ и неутомимъ. Понятовскій жилъ все время въ Варшавѣ самымъ открытымъ образомъ: два раза въ недѣлю у него былъ балъ и довѣренность къ нему соотечественниковъ неограничена. Я ручаюсь жизнью своей, что когда Понятовскій будетъ королемъ или вице-королемъ, онъ ни минуты не потерпитъ французскаго ига, и Польша или совсѣмъ пропадетъ или возстанетъ въ болѣшей силѣ, нежели когда-нибудь была.

Рѣчи Карвицкаго увлекали поляковъ, и ему помогали въ этомъ «Литовскій Курьеръ». Въ № 64 газеты было напечатано:

¹⁾ Отъ 21-го августа 1809 г.

²⁾ Польша даетъ поводъ къ нѣкоторымъ спорамъ, но миръ достаточно великъ для того, чтобы мы могли взаимно устроиться.

³⁾ Письмо А. Столыпина къ Кураевину 24-го августа 1809 г. Житомиръ.

Краковъ. Августа 10-го дня 1809 г.

«Пожертвованія обывательскія не прекращаются: купцы сей столицы дали 44.962 злотыхъ; городъ собственнымъ иждивеніемъ содержитъ караулы; помѣщики безденежно дали 100 быковъ и соразмѣрное количество хлѣба, водки, вина и припасовъ. Празднество возстановленія французскихъ орловъ производится по городамъ разнымъ образомъ. Люблинъ учинилъ присягу прежде, Радомъ позже; Краковъ недавно сіе исполнилъ; теперь сдѣлали то же Сѣдлецъ и Замосць несчастный, въ которомъ непріятель, будучи не въ состояніи защищаться, сжегъ 431 домъ. Вездѣ съ великолѣпіемъ совершался обрядъ взятія во владѣніе именемъ Наполеона. Древніе цехи стояли около вновь сформировавшагося войска; знамена первыхъ, въ древнія еще времена сдѣланныя, развѣвались и удивительно соперничали съ новыми знаменами вторыхъ. Особливо же обращали на себя вниманіе полки князя Константина Чарторыйскаго и Ордината Замойскаго, вновь порядочно образовавшіеся. Пушечный громъ, радостныя восклицанія, гласныя молитвы, рѣчи, проповѣди, иллюминаціи, толпы народа разнаго состоянія составляли празднество присяги въ вѣрности.

«Варшава, Модлинъ, Сѣроцкъ съ неменьшимъ великолѣпіемъ праздновали побѣды надъ австрійцами въ теперешней войнѣ. Всѣ власти гражданскія, все войско, духовенство, разнымъ образомъ при такомъ обстоятельствѣ отличались. Резидентъ французскій Серра далъ великолѣпный балъ. Полковникъ Нейманъ въ Сироку поставилъobeliskъ, украшенный трофеями и пристойными случая напписями. Особливо же занимало всѣхъ вновь сформированное войско, какъ-то новый полкъ 14-й Семянновскаго, кавалерія и гвардія ломжинская, ветераны и гвардія варшавская. Освѣщеніе домовъ общее».

Подобныя слова живили поляковъ и вызывали съ ихъ стороны поступки, нарушавшіе порядокъ. «Вообще о Подольской губерніи сказать можно, доноситъ Столыпинъ ¹⁾, что здѣшніе обыватели преступили уже всѣ границы пристойности, проходили за границу въ парадѣ. На-дняхъ разбитъ былъ эстафетъ, на-дняхъ же два чиновника въ Каменецкомъ повѣтѣ земскаго суда встрѣтились съ патриотами въ корчмѣ. Поляки начали бранить москалей и прибили сихъ чиновниковъ до полусмерти, хотѣли одного изъ нихъ зарѣзать; бунтовщиковъ отыскать не могутъ. Полиція кромѣ капитанъ-исправниковъ вся составлена изъ поляковъ; исправники безъ стражи не смѣютъ никуда показаться. Губернское же начальство имѣетъ очень мало средствъ къ водворенію спокойствія».

Люблинскій комендантъ распечатывалъ письма, адресованныя на имя министра иностранныхъ дѣлъ, снова прикладывалъ печать и от-

¹⁾ Кн. Куракину отъ 8-го сентабря 1809 г.

правлялъ по назначенію. «Всѣми передается, — писалъ графъ Румянцевъ Коленкуру ¹⁾, — за достовѣрный слухъ, что этого рода власти остановили нарочнаго отъ князя Прозоровскаго ²⁾ и силою отняли отъ него бумаги».

Вѣ почты въ Волынской и Подольской губерніяхъ находились въ рукахъ поляковъ, которые, имѣя надобность въ лошадяхъ для военныхъ цѣлей, уводили ихъ со станцій; многіе ямщики также ушли, и русская власть теряла всякое сношеніе съ Петербургомъ. Оставшіяся на почтовыхъ станціяхъ лошади, при непрерывномъ движеніи, едва волочили ноги. Курьеры, ѣхавшіе въ Турцію съ депешами къ главнокомандующему, принуждены были нѣкоторыя станціи проходить пѣшкомъ; письма лежали на станціяхъ по нѣскольку дней; офицеры, отправлявшіеся въ армію, платили по 20 и 25 руб. за проѣздъ одной станціи.

Положеніе края становилось настолько серьезнымъ, что правительство признало необходимымъ всѣхъ поляковъ, задержанныхъ при переходѣ черезъ границу, отсылать прямо въ солдаты въ сибирскіе батальоны, а имѣнія бѣжавшихъ конфисковать.

«До свѣдѣнія нашего дошло, — сказано было въ указѣ Сенату ³⁾, — что нѣкоторые изъ поселянъ и обывателей пограничныхъ губерній, предаваясь, по простотѣ ихъ, ложнымъ и неосновательнымъ слухамъ, отлучаются безъ вѣдома начальства отъ жилищъ ихъ за границу.

«Въ пресѣченіе таковыхъ противузаконныхъ отлучекъ, мы признали нужнымъ принять слѣдующія мѣры: 1) поселянъ, причисленныхъ въ таковыхъ отлучкахъ, по поимкѣ ихъ, отдавать безъ зачета годныхъ въ солдаты, а негодныхъ ссылатъ, яко бродягъ въ крѣпостную работу. 2) Хотя по извѣстной намъ благонамѣренности дворянства и помѣщиковъ, въ пограничныхъ губерніяхъ пребывающихъ, нельзя предполагать, чтобы кто-либо изъ нихъ, предаваясь тѣмъ же ложнымъ и неосновательнымъ толкамъ, покусился на таковыя отлучки, тѣмъ не менѣе, если бы паче чаянія и изъ дворянъ и изъ помѣщиковъ кто-либо обличенъ былъ въ таковомъ преступленіи, или же подущеніи, подговорѣ, а паче въ доставленіи какихъ-либо способовъ къ вооруженію, таковыхъ имѣнія не медленно конфисковать, а ихъ самихъ предавать суду по всей строгости законовъ».

Вслѣдъ за тѣмъ 5-го октября послѣдовалъ новый указъ Сенату, въ которомъ было сказано ⁴⁾: «По представленіямъ нѣкоторыхъ начальниковъ пограничныхъ губерній, затрудняющихся, какъ поступать относительно тѣхъ самовольно отлучающихся за границу дворянъ, у коихъ имѣнія нѣтъ, а состоитъ оное за ихъ отцами, въ разрѣшеніе обстоя-

¹⁾ Отъ 15-го іюля 1809 г.

²⁾ Главнокомандующаго войсками въ Турціи.

³⁾ Отъ 24-го августа 1809 г. Полн. Собр. Зак. т. XXX № 23806.

⁴⁾ Полное Собр. Закон., т. XXX № 23893.

тельства сего повелѣваемъ: на имѣнія отцовъ, кои хъ дѣти отъ нихъ неотдѣленные отлучаются безъ вѣдома правительства за границу, налагать запрещенія, съ тѣмъ, чтобы части, которыя послѣ ихъ смерти отлучившимся дѣтямъ слѣдовать будутъ, конфисковать на основаніи указа 24-го минушаго августа».

Наконецъ, 17-го декабря 1809 г. послѣдовалъ третій указъ Сенату, въ которомъ было сказано:

«Постановивъ указомъ 24-го августа сего года мѣры къ пресѣченію самовольныхъ отлучекъ за границу, въ разсужденіи тѣхъ, кои отлучились прежде сего времени, повелѣваемъ: чтобы отлучившимся безъ вѣдома начальства за границу до состоянія того указа, назначенъ былъ для возвращенія въ Россію шестимѣсячный, считая со дня подписанія нами настоящаго указа, срокъ, и опубликовать объ ономъ какъ въ Россійскихъ, такъ и въ иностранныхъ газетахъ, съ тѣмъ, что если кто къ оному сроку не возвратится, съ имѣніями таковыхъ тогда уже поступать по точной силѣ указовъ 24-го августа и 5-го октября сего года»¹⁾.

Эти распоряженія произвели удручающее впечатлѣніе на всѣхъ поляковъ западныхъ и юго-западныхъ губерній. Всѣ, ожидавшіе отъ Александра самостоятельности Польши, разочаровались въ немъ, перестали вѣровать въ него. Всѣ ихъ надежды сосредоточивались теперь на Наполеонѣ, и они съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали условій заключенія мирнаго договора Франціи съ Австріей.

Во все время, пока велись мирные переговоры, императоръ Александръ оставался въ полномъ невѣдѣніи о характерѣ ихъ. Только 23-го сентября (10-го октября) Наполеонъ написалъ собственноручное письмо, какъ будто съ цѣлію приготовить императора Александра къ извѣстію о раздѣлѣ Галиціи.

«Государь братъ мой!—писалъ онъ. Герцогъ Виченскій (Коленкуръ) извѣстилъ меня, что ваше величество заключили миръ съ Швеціею и что вы получили тѣмъ выгоды и преимущества, которыя желали. Ваше величество позволите ли мнѣ сдѣлать этимъ письмомъ мое привѣтствіе. Альтенбургская негодіація ведется въ Вѣнѣ. Князь Лихтенштейнъ занимается ею съ Шампаньи, и я надѣюсь на возможность увѣдомить вскорѣ ваше величество о заключеніи мира съ Австріею. Въ немъ ваше величество увидите, что большая часть Галиціи, согласно вашимъ желаніямъ, не перемѣняетъ повелителя и что я, угрожаемый вашими интересами, старался сдѣлать все, что могъ, совѣтуясь во всемъ съ собственною честію и тѣмъ, что она внушала мнѣ.

«Благоденствіе Варшавскаго герцогства требуетъ, чтобы оно поль-

¹⁾ Полное Собр. Закон., т. XXX, № 24035.

зовалось милостивымъ расположеніемъ вашего величества; ваши же подданные могутъ быть увѣрены, что ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не могутъ надѣяться на мое покровительство.

«Я далъ миръ Австріи болѣе выгодный, чѣмъ она сама могла надѣяться. Она ничего не уступаетъ кромѣ Зальцбурга и нѣсколькихъ незначительныхъ владѣній. Она ничего не уступаетъ со стороны Богеміи. Она ничего не уступаетъ со стороны Италіи за исключеніемъ того, что мнѣ необходимо для моихъ сообщеній съ Далмаціею. Австрійская монархія остается цѣлою. Это второе доказательство, которое я хотѣлъ сдѣлать. Я употребилъ относительно ея умѣренность, которой она не имѣла никакого права ожидать. Я, надѣюсь, сдѣлалъ этимъ весьма пріятное вашему величеству»...

— Если Галиція должна быть отдѣлена отъ Австріи, — говорилъ императоръ Александръ, — то пусть отдадутъ ее одному изъ эрцгерцоговъ, — я не стану противиться этому; но если хотятъ раздѣлить ее между мною и Варшавскимъ герцогствомъ, то надобно, чтобы оно получило меньшую, а я большую ея часть.

— Меньшая часть, данная Россіи, — отвѣчалъ Коленкуръ, — будетъ всегда имѣть обширныя преимущества и выгоды, тогда какъ герцогство Варшавское никогда не образуетъ сильнаго королевства и не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ опасно.

— Поляки, — отвѣчалъ на это императоръ Александръ, — никогда не будутъ для васъ тѣмъ, чѣмъ для Россіи. Рано или поздно они сдѣлаются недовольными.

Наполеонъ, казалось, раздѣлялъ мнѣніе императора Александра и намекалъ Чернышеву, что, въ вознагражденіе за содѣйствіе въ этой войнѣ, Россія получитъ большую часть Галиціи съ городомъ Львовомъ. Но, окруженный поляками, Наполеонъ уступилъ ихъ просьбамъ, въ особенности Матусевича и поступилъ какъ-разъ наоборотъ. По заключенному въ Шенбрунѣ, 2-го (14-го) октября, миру съ Австріею, Россія, въ вознагражденіе за помощь, оказанную Франціи, получила Тарнопольскую область съ народонаселеніемъ въ 400.000 человекъ, а къ герцогству Варшавскому было присоединено два милліона душъ, отторгнутыхъ отъ Австріи. Присоединяя къ Россіи Тарнопольскую область, Наполеонъ включилъ въ условія договора, чтобы въ область не входили Броды — единственный пунктъ, имѣвшій нѣкоторую важность по значительной своей торговлѣ. Къ Варшавскому герцогству было присоединено семь округовъ Западной Галиціи: Замосцьскій, Краковскій, Кѣлецкій, Радомскій, Люблинскій, Бальскій, Сѣдлецкій и два повѣта Станиславскій и Сѣвницкій. Такимъ образомъ число департаментовъ герцогства Варшавскаго возрасло до десяти.

«Австрія, поясняятъ Шампаньи, французскій министръ иностранныхъ

дѣль¹⁾),—сохраняетъ еще три пятыхъ части Галиціи, при томъ именно тѣ области, которыя наиболѣе привыкли къ ея господству. Та часть, которая перешла во власть саксонскаго короля, заключаетъ въ себѣ не много болѣе четверти всего ея народонаселенія и едва десятую часть владѣній прежней Польши. Неужели присоединеніе такой незначительной части можетъ вызвать къ жизни уже окончившее свое существованіе, большое государство? Но, повторяю, императоръ Наполеонъ готовъ всѣми средствами содѣйствовать всякой мѣрѣ, которая бы обезпечивала спокойствіе и покорность старыхъ поляковъ, и онъ полагаетъ, что имъ же можетъ принести пользу, избавивъ ихъ отъ новыхъ несчастій, подчиняя ихъ болѣе и болѣе мудрому и отеческому правительству императора Александра, своего союзника и друга».

Въ этихъ строкахъ нельзя было не видѣть лишь однѣ убажывающія фразы и совершенную противоположность дѣйствительности. Объявивъ саксонскаго короля, за увеличеніе герцогства Варшавскаго, платить Франціи ежегодно 10 милліоновъ франковъ и усилить польскую армію до 60.000 человекъ, Наполеонъ этимъ послѣднимъ далъ надежду на постепенное возстановленіе въ будущемъ всей Польши.

При увлекающемъ характерѣ поляковъ это казалось имъ почти несомнѣннымъ и при томъ въ недалекомъ будущемъ. «Ваше сіятельство, писалъ А. Столыпинъ²⁾),—не легко изволите повѣрить, съ какою удобностію здѣсь можно управлять общимъ мнѣніемъ. Одинъ редакторъ виленской газеты можетъ заставить думать всѣ пріобрѣтенныя отъ Польши губерніи, какъ желаетъ. Конечно, нѣтъ народа безъ меньшаго характера, непостояннѣе и вѣтреннѣе, какъ обитатели сихъ губерній».

Понятно, что этотъ народъ преклонился теперь передъ Наполеономъ и писалъ въ честь его хвалебные гимны, стихи и басни.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1810 г. въ г. Лидѣ были задержаны книгопродавцы, австрійскіе подданные Щепанскій, Клещинскій и шляхтичъ Кіевской губерніи Хоментовскій, которые развозили и продавали разнаго рода запрещенныя книги³⁾. Въ числѣ ихъ была напечатан-

¹⁾ Въ письмѣ графу Румянцеву изъ Вѣны отъ 8-го (20-го) октября 1809 г.

²⁾ Въ письмѣ князю А. Б. Куракину 7-го ноября 1809 г. Минскъ.

³⁾ Книгопродавцы эти возили книги на трехъ фурахъ и провезли ихъ черезъ Радзивилловскую таможену, находившуюся въ Волынской губерніи, при посредствѣ тамошняго купца еврея Волька. Онъ купилъ ихъ у Щепанскаго, а потомъ перепродалъ ему же, когда книги были перевезены черезъ границу. Отсюда книгопродавцы отправились въ Дубно, Житомиръ, Новгрудокъ, Бердичевъ, гдѣ были въ то время контракты, потомъ въ Вильно и Кіевъ. Изъ этого города часть книгъ была отправлена въ Украину. (Арх. Государств. Совѣта, дѣла Комитета 1807 г., дѣло 1810 г. № 2).

ная въ 1809 г. въ Варшавѣ на польскомъ языкѣ книжка подъ заглавіемъ «Кошка и пудель. Повѣсть въ стихахъ, съ присовокупленіемъ галиційскаго Отче нашъ».

Содержаніе книжки состояло въ томъ, что между кошкою (герцогство Варшавское) и пуделемъ (Австрія), въ отсутствіе хозяина (Наполеона), произошла драка. Прибывшій въ это время хозяинъ, любившій кошекъ за то, что истребилъ ими много мышей, прибилъ собаку и приказалъ запереть ее въ будъ (будеѣ) ¹⁾.

— Пускай,—сказалъ онъ,—котъ повоюетъ въ давнишнемъ уголкѣ своемъ.

Въ галиційской молитвѣ поляки такъ обращались къ императору Франціи: «Отче нашъ Наполеонъ, французскій императоръ, иже еси въ Парижѣ, да святится имя твое, яко въ нѣмецкой, прусской, такъ и въ нашей галиційской землѣ! Правленіе польское даждь намъ днесь, а ты Францъ (императоръ австрійскій), остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ недостойнымъ чиновникамъ твоимъ; не веди насъ отъ скорого искушенія, но избави насъ отъ лукаваго, дьявольскаго и ѿм ецѣ а го народа».

«Радуйся, Франція благодатная,—говорилось въ другихъ молитвахъ,— Наполеонъ съ тобою; благословенна ты въ народахъ, и благословенъ плодъ чрева твоего Наполеонъ, спаситель польскаго народа. Святая мать Наполеона, моли о насъ, галичанахъ, нынѣ и во время смерти Франца. Аминь».

«Вѣруемъ въ Наполеона, французскаго императора, сильнаго избавителя польскаго народа, и въ фамилію его, иже зачатъ отъ Духа Свята и рожденъ отъ блаженнѣйшей жены. Былъ бы умерщвленъ интригами англійскаго и другихъ сопротивныхъ народовъ и умеръ бы въ сердцахъ непріязненныхъ и недоброжелательныхъ; но, вступивъ въ Пруссію, потомъ въ Варшаву, тамъ побѣдилъ сперва нѣмцевъ, а послѣ пруссаковъ, и...²⁾ избавилъ поляковъ. Потомъ вошелъ въ Испанію и тамъ сидитъ на престолѣ. Оттуда придетъ черезъ Вѣну въ Краковъ судить оставшихся въ живыхъ нѣмцевъ за ихъ беззаконія. Вѣруемъ въ Духа Святаго, иже одарилъ Наполеона великимъ умомъ. Соборная церковь да будетъ между всѣми благомыслящими поляками, дабы они никому противляющемуся не прощали. Тако будемъ имѣть въ землѣ нашей животъ мирный, безопасный и вѣчный. Аминь».

Всѣ эти молитвы и басни указываютъ на ту силу преданности и поклоненія, которыя питали поляки къ Наполеону. Они увлекались его

¹⁾ Буда — столичный городъ Венгріи, гдѣ, по занятіи Наполеономъ Вѣны, поселился австрійскій императоръ съ семействомъ.

²⁾ Точки въ подлинникѣ.

ласками, даваемыми мимоходомъ обѣщаніями, ожидали только отъ него одного благополучія своей родины и жертвовали для него своею жизнью. Правда, что они неоднократно слышали отъ того же Наполеона, что слово дано человѣку для скрѣпленія своихъ мыслей, а не для выраженія ихъ, но императоръ Франціи постоянно ласкалъ поляковъ надеждою на осуществленіе ихъ желаній, какъ только настанетъ къ тому удобное время.

Образованіе сначала Варшавскаго герцогства, а затѣмъ и увеличеніе его были нѣкоторыми доказательствами его заботы о возстановленіи Польши. Въ дѣйствительности Наполеонъ не имѣлъ ни малѣйшаго сочувствія къ дѣлу польской національности по той простой причинѣ, что не признавалъ никакой національности. Но онъ былъ очень доволенъ, что нашелъ «въ восточной Европѣ народъ, который волновался и предъявлялъ безпрестанно свои претензіи на самостоятельное существованіе. Наполеону было нужно отъ времени до времени манить этого народъ, чтобы пугать имъ сосѣдей» ¹⁾).

Страстные мечты приводятъ часто къ увлеченію, къ отсутствію разсудительности и даже къ самозабвенію. Наполеонъ очень хорошо зналъ, говоритъ современникъ, долго жившій въ Польшѣ ²⁾),—что съ «поляками должно имѣть мягкость въ приемахъ и твердость въ исполненіи. Подайте руку поляку вѣжливо и ласково, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слегка прижмите ее такъ, чтобы онъ могъ догадаться о силѣ вашей. Полякамъ некогда быть благодарными: они легко или упадаютъ духомъ, или увлекаются энтузіазмомъ, хотя часто не по разуму. Главное дѣло: ихъ заговорить и охмѣлить. Такъ поступалъ съ ними Наполеонъ. Онъ никогда не думалъ возвратить имъ политическую независимость, а только въ лстивыхъ словахъ обольщалъ ихъ легковѣрный патриотизмъ этою независимостію, и они лѣзли за него въ огонь и тысячами гибли».

Тѣмъ не менѣе трудно допустить, чтобы цѣлая нація была настолько слѣпа, что не могла опредѣлить, гдѣ ея истинная польза и у кого именно она должна искать содѣйствія къ осуществленію своихъ завѣтныхъ желаній.

За время своего царствованія Наполеонъ надоѣлъ французамъ и былъ въ тягость многимъ изъ своихъ приближенныхъ, но поляки никогда не разочаровывались въ немъ, и онъ былъ для нихъ всегда кумиромъ. Почему это? Потому, что, смотря на частыя перемѣны, происходившія въ Европѣ, на то, какъ легко падали и разрушались прежнія государства и возникали новыя, поляки естественно могли допустить

¹⁾ „Еще замѣтка о Наполеонѣ I и Польшѣ“ С. М. Соловьева. „Московскія Вѣдомости“ 1863 г. № 39.

²⁾ Князь П. А. Вяземскій. Полное собраніе сочин., т. VIII, стр. 51.

мысль, что, при желаніи и содѣйствіи Наполеона, и они могутъ возстановить свое отечество. Они преклонялись передъ силою и гениемъ того, который перекроилъ всю Европу по своему усмотрѣнію и не встрѣчалъ равнаго себѣ противника. Ни отъ Австріи, ни отъ Пруссіи поляки не могли ожидать для себя ничего хорошаго. Посмотримъ же, что могъ дать имъ императоръ Александръ, подобно Наполеону, не прерывавшій съ ними сношеній.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Заграничная побѣдка великаго князя Николая Павловича
и
великой княгини Александры Теодоровны
въ 1824 году.

II ¹⁾.

Письма великой княгини Александры Теодоровны къ императору Александру I.

1.

6-го (18-го) августа 1824, г., 8 час. вечера.

Послѣ многихъ препятствій, послѣ очень долгаго и тягостнаго путешествія, вотъ мы, наконецъ, счастливые и довольные, у Мекленбургскихъ береговъ. Дорогой братъ, дорогой другъ, вы поймете мое счастье! Мой отецъ, два брата, двѣ сестры! Все это ожидаетъ меня завтра.

Вамъ пришлось пережить нѣсколько дней безпокойства о насъ—мое сердце говорить мнѣ это. Вѣдь вы были очень долго безъ извѣстій о путешественникахъ. И я въ особенности представляю себѣ, какимъ мрачнымъ мыслямъ предавалась мама. Вотъ чтò усиливало мою тоску—среди тѣхъ физическихъ и нравственныхъ мукъ, черезъ которыя я прошла. Да, должно сознаться вамъ, что у меня была морская болѣзнь,

II.

Письма великой княгини Александры Теодоровны къ императору Александру I.

1.

Le 6 (18) août 1824, à 8 heures du soir.

Après bien des contrariétés, après un bien long et pénible voyage, nous voilà heureux et contents, vis-à-vis des côtes de Mecklembourg. Cher frère, cher ami, vous comprendrez mon bonheur! Mon père, deux frères, deux sœurs! Tout cela m'attend demain.

Vous aurez eu quelques jours d'inquiétude pour nous, c'est ce que mon cœur me dit. Car vous avez été bien longtemps sans nouvelles des voyageurs. Et je me figure, surtout, que Maman aura été toute pleine d'idées noires. Voilà ce qui augmentait mes angoisses, parmi les maux physiques et moraux par lequel j'ai passé. Oui, il faut bien vous

¹⁾ См. „Русскую Старину“, июнь 1902 г.

и въ очень сильной степени. Одинъ разъ я пролежала въ постели 36 часовъ подъ-рядъ, больная, точно какая-нибудь несчастная, а затѣмъ прекрасный день, періодъ хорошаго вѣтра или спокойствія возвращали мнѣ здоровье и надежду, чтобы затѣмъ снова отдать меня во власть всѣхъ ужасовъ тошноты. Мнѣ потребовалось напряженіе всѣхъ моихъ душевныхъ силъ и вся моя вѣра въ Божественную благодать, чтобы не впасть въ полное уныніе. Несмотря на это, мнѣ представляется, что впоследствии мы съ удовольствіемъ будемъ вспоминать объ этомъ путешествіи и даже объ его невзгодахъ. Были очаровательныя мгновенія, лунныя ночи, которыхъ я никогда не забуду. Сколько разъ вашъ обликъ вставалъ въ моей душѣ, а когда я начинала терять терпѣніе, я думала, что вы стали бы порицать меня, и это придавало мнѣ силъ. Въ письмѣ къ маманъ я описала достаточно пространно и достаточно скверно наше путешествіе, а такъ какъ всѣ письма не минуютъ васъ, то вы тоже будете освѣдомлены о нашихъ приключеніяхъ. Что касается сегодняшняго дня, то глаза и руки опускаются у меня отъ усталости и волненія, и, нѣжно обнимая васъ со всею дружбою, которую, вы знаете, я чувствую къ вамъ, остаюсь на всю жизнь вашъ вѣрный другъ Александра.

Вашъ бинокль не разстается со мною.

J'avouer que j'ai eu le mal de mer, et cela à un haut degré. J'ai été couchée une fois 36 heures de suite dans mon lit, malade comme une malheureuse, et puis, un beau jour, un moment de bon vent ou de calme me rendait la santé et l'espérance pour me faire tomber de plus belle dans les horreurs des maux de cœur. J'avais besoin de toute ma force d'âme et de toute ma foi dans la bonté divine, pour ne pas être découragée tout à fait. Malgré cela, je crois que nous nous rappellerons avec plaisir de ce voyage et même de ses infortunes dans la suite. Il y avait des moments charmants, des nuits de clairs de lune que je n'oublierai jamais. Combien de fois votre image s'est offerte à mon âme, et quand je commençais à perdre patience, je pensais que vous me blâmeriez, et cela me donnait de la force. J'ai écrit assez au long et assez mal la description de notre voyage à Maman, et comme toutes les lettres passent devant vos yeux, vous serez donc aussi instruit de nos aventures. Pour aujourd'hui les yeux et les mains me tombent de fatigue et d'émotion et c'est en vous embrassant tendrement avec toute l'amitié que vous me connaissez pour vous, que je suis pour la vie

Votre fidèle amie

Alexandra.

Votre lorgnette ne me quitte pas.

2.

Берлинъ, 10-го (22-го декабря) 1824.

Довольно продолжительное нездоровье, вынуждавшее меня лежать, мѣшало мнѣ до сихъ поръ отвѣчать на ваше милое письмо. А какую пользу принесло оно мнѣ, это письмо, какъ ваши слова проникли прямо въ сердце, такъ нуждавшееся въ участіи! Но сами вы были поглощены столь горестными тревоженіями, вы пережили столь грустное время, что я должна быть вдвойнѣ благодарна вамъ за эти слова состраданія. Плохое состояніе здоровья императрицы, смерть бѣднаго Уварова, петербургское наводненіе—все это должно было ужасно подѣйствовать на васъ. О, дорогой другъ, ваше письмо заставило меня пролить очень горячія слезы! Мнѣ казалось, что этимъ лѣтомъ небо ниспослало вамъ довольно страшный ударъ, что чаша была довольно-таки горькая, но, повидимому, небомъ было предрѣшено, что въ этомъ году одно несчастье должно смѣняться другимъ, и что этотъ 1824-й годъ навсегда долженъ остаться отмѣченнымъ въ вашей жизни черною чертою. Я думаю, что не грѣхъ молиться страстно о томъ, чтобы будущій годъ былъ менѣе несчастнымъ. Если будетъ иначе, то, нечего дѣлать, нужно будетъ нести крестъ съ покорностью и извлечь изъ этого дѣй-

2.

Berlin, le 10 (22) décembre
1824.

Une incommodité assez longue qui m'obligeait de rester couchée, m'a empêché jusqu'ici de répondre à votre chère lettre. Et quel bien elle m'a fait, cette lettre, comme vos paroles sont allées droit au cœur qui avait tant besoin d'intérêt. Mais vous étiez occupé vous-même par des émotions si douloureuses, vous avez passé par un si triste temps, que je dois vous être doublement reconnaissante pour ces paroles compâtissantes. Le mauvais état de la santé de l'Impératrice, la mort du pauvre Ouvarof, l'inondation de Pétersbourg, tout cela a dû vous éprouver cruellement. Oh, cher ami, votre lettre m'a arraché des larmes bien amères. Il me semblait que le ciel vous avait envoyé un coup assez terrible cet été, que le calice avait été assez amer, mais il paraît que là-haut il a été décidé que dans cette année un malheur devait succéder à l'autre et que cette année 1824 devait à jamais être marquée d'un trait noir dans votre vie. Je crois que ce n'est pas un péché de prier avec ferveur pour que l'année prochaine soit moins douloureuse. S'il en est autrement, eh bien! il faudra porter la croix avec humilité et en tirer un profit réel pour l'âme et surtout travailler sur soi, pour que l'adversité ne nous rende pas amers.

ствительную пользу для души и, въ особенности, работать надъ собою, чтобы превратности не сдѣлали насъ озлобленными.

Какъ вы легко можете представить себѣ, мое пребываніе здѣсь не было все время розовымъ. Однако, я солгала бы, еслибы сказала, что принцесса Лигницъ ввела какое бы то ни было измѣненіе въ обыденномъ распорядкѣ жизни. Все остается такъ же, какъ было прежде, но, тѣмъ не менѣе, сущность всего измѣнилась.

Мы близки къ отъѣзду, хотя еще не можемъ назначить дня. Почти уже рѣшено, что, въ виду ужаснаго состоянія дорогъ въ Пруссіи, мы поѣдемъ черезъ Варшаву. Я заранѣе радуюсь свиданію съ Константиномъ и Жаннетой, и, въ особенности, возможности возобновить знакомство съ послѣдней, которую я такъ нѣжно люблю.

3.

12-го декабря.

Вы легко можете сказать себѣ, дорогой другъ, думаю ли я о васъ въ сегодняшний день и возношу ли мольбы о вашемъ счастьѣ. Я надѣюсь, что на будущій годъ я проведу этотъ день вмѣстѣ съ вами, и тогда намъ можно будетъ окинуть вмѣстѣ взоромъ событія года, который теперь еще прикрытъ для насъ густой завѣсой. Намъ сообщаютъ болѣе успокоительныя извѣстія на счетъ здоровья императрицы; разъ только зима пройдетъ, нужно будетъ, чтобы она выдержала вполнѣ система-

Tout mon séjour ici n'a pas été rose, comme vous pouvez facilement vous l'imaginer. Je mentirais cependant, si je disais que la princesse de Liegnitz ait introduit le moindre changement dans le train de vie journalier. Tout est comme autrefois, et pourtant le fond est changé.

Nous sommes sur notre départ, sans cependant pouvoir fixer le jour. Il est à peu près décidé que nous passerons par Varsovie, à cause des chemins affreux de la Prusse. Je me fais une fête de revoir Constantin et Jeannette, et surtout de pouvoir renouveler connaissance avec cette dernière que j'affectionne si tendrement.

3.

Le 12 décembre.

Vous pouvez facilement vous dire, cher ami, si je pense à vous aujourd'hui et si je forme des vœux pour votre bonheur. L'année prochaine j'espère que je passerai ce jour avec vous, et que nous pourrions récapituler ensemble les évènements d'une année qui est encore couverte maintenant pour nous d'un voile épais. On nous donne des nouvelles plus rassurantes sur la santé de l'Impératrice; une fois l'hiver passé, il

тическій курсъ лѣченія, и чтобы она заботилась о себѣ въ болѣе степенн, чѣмъ она дѣлала это до настоящаго времени.

4.

24-го декабря.

Вмѣсто того, чтобы уѣхать 15-го, мы вотъ все еще ждемъ здѣсь, чтобы дороги стали менѣе ужасны, чего, быть можетъ, совершенно не будетъ, такъ какъ я не запомню зимы болѣе теплой и дождливой, чѣмъ эта. Моя семья такъ радуется этому промедленію, что я была бы въ высшей степени неблагодарной, еслибы не воспользовалась съ признательностью этими днями и этими недѣлями, которыя небу угодно даровать мнѣ въ моемъ прежнемъ отечествѣ; но, тѣмъ не менѣе, признаюсь, что, будучи принуждена ѣхать, я желала бы, чтобы это большое путешествіе было совершено въ первую половину моей беременности. Но что дѣлать! О жидать съ терпѣніемъ? Это—добродѣтель, которую съ нѣкотораго времени мнѣ выпало на долю приложить къ дѣлу.

Прежде чѣмъ закончить это письмо, я не могу не сказать вамъ о томъ чистомъ наслажденіи, которое я испытала, читая различныя письма изъ Петербурга, въ каждомъ изъ которыхъ съ восторгомъ говорилось о государѣ, о томъ, какъ онъ послѣ наводненія явился среди несчастныхъ

faudra qu'elle fasse une cure bien suivie et qu'elle se soigne davantage qu'elle ne l'a fait jusqu'ici.

4.

Le 24 décembre.

Au lieu d'être parti le 15 décembre, nous voilà encore ici à attendre que les chemins soient moins horribles, ce qui n'arrivera peut-être pas du tout, car jamais je n'ai vu un hiver plus doux et pluvieux que celui-ci. Ma famille se réjouit tant de ce retard, que je serais bien ingrate, si je ne profitais avec reconnaissance de ces jours et de ces semaines que le ciel veut bien m'accorder dans mon ancienne patrie, mais j'avoue pourtant qu'étant obligée de partir, je voudrais que ce grand voyage fût entrepris dans la première moitié de ma grossesse. Mais que faire! Attendre avec patience! C'est une vertu que j'ai eu loi de mettre en pratique depuis quelque temps.

Avant de finir cette lettre, il faut que je vous parle de la jouissance pure que j'ai éprouvée en lisant différentes lettres de Pétersbourg qui parlaient tous de leur Souverain avec enthousiasme, comme il avait paru en ange consolateur parmi les malheureux après l'inondation et subjugué par là les cœurs durs et entraîné les âmes sensibles. En général, si vous

*

ангеломъ-утѣшителемъ, и тѣмъ самымъ покорилъ жесткія сердца и увлекъ отзывчивыя души. Вообще, если бы вы могли иногда читать въ глубинѣ многихъ сердецъ, вы несомнѣнно нашли бы тамъ очень чистую и искреннюю любовь, которая явилась бы для васъ утѣшеніемъ даже въ томъ случаѣ, еслибы злоба и неблагодарность людей привели васъ въ вашей жизни къ грустнымъ опытамъ.

Прощайте, дорогой братъ, дорогой другъ; я очень нѣжно обнимаю васъ, прося небо, чтобы оно вскорѣ привело меня въ Петербургъ, къ моимъ дѣтямъ и къ вашей дружбѣ. Вашъ вѣрный другъ А.

III.

Письма императора Александра I къ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

1.

С.-Петербургъ, 19-го ноября (1-го декабря, 1824.

Ваше письмо отъ 30-го октября (11-го ноября), дорогой другъ, вывело насъ изъ полной неизвѣстности, въ которую поставили насъ ваши предъидущія письма къ моей матушкѣ. Теперь, по крайней мѣрѣ, объяснилась причина вашихъ огорченій, и наше воображеніе уже не

pouviez lire quelquefois dans l'intérieur de bien des cœurs, vous y trouveriez sûrement un amour bien pur et sincère qui vous serait une consolation, quand même la méchanceté et l'ingratitude des hommes vous ont fait faire de tristes expériences dans votre vie.

Adieu, cher frère, cher ami, je vous embrasse bien tendrement, en priant le ciel de me ramener bientôt à Pétersbourg, à mes enfants et à votre amitié.

Ваша вѣрная amie

А.

III.

Письма императора Александра I къ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

1.

Le 19 novembre (1 décembre) 1824.
St-Pétersbourg.

Votre lettre du 30 octobre (11 novembre), chère amie, est venue nous tirer de l'incertitude complète dans laquelle vos précédentes à ma Mère nous avaient placés. Maintenant du moins la cause de votre peine se trouve expliquée, et notre imagination n'erre plus d'une supposition à une autre tout aussi peu fondée.—Mais vous savoir dans l'affliction,

блуждаетъ болѣе отъ одного къ другому, столь же мало обоснованному предположенію. Но знать васъ въ печали для меня то же, что испытывать ее самому. Я такъ хорошо понялъ все, что должно было происходить въ вашемъ сердцѣ, и насколько живо воспоминаніе о вашей неопѣненной матушкѣ должно было пробуждаться въ васъ при подобныхъ обстоятельствахъ! Это испытаніе, дорогой другъ, ниспослано вамъ Провидѣніемъ и одно изъ тѣхъ чувствительныхъ испытаній, которыя бываетъ трудно перенести. Еще не одно изъ нихъ ожидаетъ каждаго изъ насъ! Но не забывайте, дорогой другъ, того, что было сказано и неоднократно повторено намъ, что кого ово любить, того и испытываетъ по преимуществу!

Николай говорилъ мнѣ обо всемъ съ величайшими подробностями и показывалъ мнѣ мѣста изъ вашихъ писемъ, касающіяся этого неожиданнаго событія. Я, такъ сказать, мысленно слѣдилъ за вами во всѣхъ тягостныхъ положеніяхъ, черезъ которыя вы прошли послѣдовательно, и ваше сердце съумѣетъ подсказать вамъ, дѣлалось ли это съ участіемъ и чувствомъ.

Будьте покойны, дорогой другъ, насчетъ моего сужденія по отношенію къ королю. Никто еще никогда не слышалъ отъ меня чего-либо неблагопріятнаго для него. Теперь, когда дѣло кончено, у меня одна лишь мысль, одно желаніе—знать, что король счастливъ, на сколько онъ заслуживаетъ этого; и если его супругъ удастся доставить ему это счастье,

c'est comme si j'en ressentais moi-même. J'ai si bien compris tout ce qui devait se passer dans votre cœur et combien le souvenir de votre inappréciable Mère. devait se reproduire vivement en vous, dans une circonstance semblable! C'est une épreuve, chère amie, par laquelle la Providence vous a fait passer, et une de ces épreuves sensibles difficiles à supporter! Plus d'une en attend encore chacun de nous! Mais n'oubliez pas, ma bonne amie, ce qui nous est dit et répété plus d'une fois, que c'est ceux qu'Elle aime, qu'Elle éprouve de préférence!

Nicolas m'a parlé de tout dans le plus grand détail et m'a montré les passages de vos lettres qui ont trait à cet événement imprévu. Je vous ai suivi en pensée, pour ainsi dire, par toutes les situations pénibles par lesquelles successivement vous avez passé, et votre cœur saura vous dire, si c'est avec intérêt et émotion.

Soyez tranquille, chère amie, sur mon jugement quant au Roi. Jamais personne encore n'a entendu de ma bouche rien de défavorable à son égard. Maintenant que la chose est faite, je n'ai plus qu'une pensée, qu'un vœu, c'est de savoir le Roi heureux autant qu'il mérite de l'être, et si son épouse réussit à lui procurer ce bonheur, je vous assure que je lui

увѣрю васъ, я буду питать къ ней чувство расположенія и признательности. Увѣреніе съ вашей стороны, что согласіе въ семьѣ, слава Богу, не было нарушено, явилось для меня настоящимъ облегченіемъ, и я изъ глубины сердца благодарю Его за это.

Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю васъ, дорогой другъ! возвращайтесь къ намъ; столько интересовъ призываетъ васъ сюда! Ваши дѣти болѣе очаровательны, чѣмъ когда-либо. Я не могу въ достаточной степени выразить вамъ, на сколько васъ не хватаетъ здѣсь для меня, и насколько тягостно было для меня, по возвращеніи сюда, не найти васъ въ нашемъ кругу.

Мнѣ доставило очень большое удовольствіе увидѣть при своемъ возвращеніи сестеръ; но это удовольствіе не замедлило быть отравленнымъ рядомъ прискорбныхъ происшествій, быстро слѣдующихъ одно за другимъ.

Я нашелъ жену сильно пораженною груднымъ катарромъ, который, въ особенности со времени ея прибытія въ Зимній дворецъ, лишь все сильнѣе развивается и, вмѣстѣ съ другими, еще болѣе тревожными симптомами, дѣлаетъ ея положеніе однимъ изъ самыхъ критическихъ.

Три дня спустя послѣ нашего возвращенія въ городъ, а именно 7-го ноября, ужасное наводненіе, подобное бывшему въ 1777 году, за-

porterai un sentiment d'affection et de reconnaissance. L'assurance que vous me donnez que l'accord dans la famille, grâce à Dieu, n'a pas été troublé, m'a fait un bien véritable et je L'en ai remercié du fond de mon cœur.

Avec quelle impatience je vous attends, chère amie! revenez chez nous; tant d'intérêts vous y rappellent. Vos enfants sont plus délicieux que jamais. Je ne puis assez vous exprimer, combien vous me manquez ici, et combien à mon retour il m'a été pénible de ne pas vous trouver des nôtres.

J'ai joui d'un bien grand plaisir en revoyant mes sœurs à mon arrivée; mais ce contentement n'a pas tardé à être empoisonné par une série d'événements funestes, qui se succèdent avec rapidité l'un après l'autre.

J'ai trouvé ma femme fortement attaquée d'un rhume de poitrine qui, depuis surtout son arrivée au Palais d'Hiver, n'a fait qu'empirer et la place avec d'autres symptômes encore plus alarmants dans une situation des plus critiques.

Trois jours après notre rentrée en ville, nommément le 7 novembre, une inondation affreuse, pareille à celle de l'année 1777, ayant couvert d'eau toutes les rues, à l'exception du quartier de la Liteynaya, est venue

лило водою всё улицы, за исключеніемъ Литейной части, и поселило ужасъ въ Петербургѣ, такъ какъ въ городѣ и его окрестностяхъ сдѣлались жертвами волнъ свыше 500 человекъ. Вы можете себя представить, дорогой другъ, что происходитъ въ моемъ сердцѣ, и до какой степени оно опечалено.

Затѣмъ, чтобы закончить эту грустную картину, которую я началъ набрасывать вамъ вчера и долженъ былъ приостановиться, чтобы отправиться провести нѣсколько мгновеній съ однимъ умирающимъ, съ достойнымъ генераломъ Уваровымъ, я скажу вамъ сегодня, что онъ пересталъ существовать, и что меня постигло горе потерять въ немъ человека, съ которымъ меня тѣсно связывали около 30 лѣтъ испытаній и привязанности! Я подавленъ скорбью, дорогой другъ, и лишенъ возможности сказать вамъ что-либо большее. Вы сумѣете понять эту печаль и ваше сострадательное сердце удѣлитъ нѣсколько сожалѣній испытываемымъ мною мукамъ.

Сердцемъ и душою всецѣло вашъ на всю жизнь.

20-го ноября (2-го декабря).

P. S. Благоволите передать прилагаемое королю и кланяйтесь отъ меня всей семьѣ.

répandre la consternation dans Pétersbourg, car dans la ville et ses environs au delà de 500 personnes ont été victimes des flots. Vous pouvez vous représenter, chère amie, ce qui se passe dans mon cœur, et à quel point il est affligé.

Enfin, pour achever ce triste tableau que j'ai commencé à vous tracer hier et que j'ai dû interrompre pour aller passer encore quelques moments avec un mourant, avec le digne général O u v a r o f, je vous dirai qu'aujourd'hui il a cessé d'exister et que j'ai eu le chagrin de perdre en lui un être, auquel près de 30 années d'épreuves et d'affection m'unissaient étroitement! Je suis navré de douleur, chère amie, et je n'ai pas la possibilité de vous en dire davantage. Vous saurez la comprendre, cette douleur, et votre cœur compatissant accordera quelques regrets aux peines que j'éprouve. De cœur et d'âme tout à vous pour la vie.

Le 20 novembre (2 décembre).

A.

P. S. Veuillez remettre l'incluse au Roi et rappelez moi au souvenir de toute la famille.

2.

Петербургъ, 29-го ноября 1824.

Хотя еще не очень давно, какъ я писалъ вамъ, дорогой другъ, но мнѣ не хочется отпустить Николая, не давъ ему нѣсколькихъ строкъ для васъ, хотя бы только для того, чтобы напомнить вамъ о себѣ. Быть можетъ, вамъ суждено принести намъ съ собою нѣсколько утѣшеній, такъ какъ до сихъ поръ все вокругъ меня носить мрачный оттѣнокъ. Вчера мы присутствовали на похоронахъ Уварова, а за нѣсколько дней передъ этимъ—на панихидѣ по всѣмъ тѣмъ, которые погибли во время бѣдственнаго наводненія 7-го ноября.

Пока что, моя жена все находится въ очень тревожномъ положеніи, хотя и замѣтно легкое улучшеніе.

Поэтому вы поймете, дорогой другъ, что мое настроеніе не можетъ быть свѣтлымъ, и, значить, я сильно рассчитываю на вашу снисходительность ко мнѣ, если пишу вамъ въ подобномъ душевномъ настроеніи.

Я пишу королю самъ, поэтому не даю вамъ никакихъ порученій для него. Но зато благоволите принять на себя трудъ передать мой привѣтъ вашимъ братьямъ. Повергните меня къ стопамъ наслѣдной принцессы, вашихъ сестеръ и тетушки Маріанны. А вы сами, дорогой

2.

Pétersbourg, le 29 novembre 1824.

Quoiqu'il n'y ait pas très longtemps que je vous ai écrit, chère amie, je ne veux laisser partir Nicolas, sans lui donner quelques lignes pour vous, ne fût-ce que pour me rappeler à votre souvenir. J'attends votre retour avec impatience. Peut-être vous est-il réservé d'apporter chez nous quelques consolations, car jusqu'ici tout a une teinte lugubre autour de moi. Hier nous avons assisté aux funérailles du général O u v a r o f et peu de jours de cela au service funèbre pour tous ceux qui ont péri pendant la calamiteuse inondation du 7 novembre.

En attendant, ma femme est toujours dans un état très alarmant, quoiqu'une légère amélioration soit perceptible.

Vous comprendrez donc, chère amie, que mon humeur ne peut être rose, et il faut que je compte beaucoup sur votre indulgence pour moi, pour vous écrire dans une situation d'âme pareille.

J'écris au Roi moi-même, ainsi je ne vous charge pas de commissions pour lui. Mais, par contre, veuillez vous charger d'exprimer mille amitiés à vos frères. Mettez-moi aux pieds de la princesse Royale, de vos sœurs et de la tante Marianne. Et vous-même, chère amie, ménagez-

другъ, тщательно берегите себя въ теченіе этого зимняго переѣзда, въ особенности, въ виду того положенія, въ которомъ находитесь, и думайте иногда о братѣ, который отъ всего сердца нѣжно любить васъ.

А.

3¹⁾.

При прибытіи каждой почты я надѣялся, дорогой другъ, получить извѣстіе, что вы уже находитесь въ дорогѣ, и что, слѣдовательно, письмо, которое я адресовалъ бы вамъ, уже не застало бы васъ въ Берлинѣ. Но, къ несчастію, небо, повидимому, рѣшило иначе. Состояніе дорогъ не позволяетъ вамъ двинуться и подвергаетъ мое нетерпѣніе увидѣть васъ очень тяжелому испытанію. Я не въ состояніи высказать вамъ, сколько мнѣ недостаетъ васъ здѣсь, дорогой другъ, и какъ горячо я желаю вашего возвращенія. Но не подумайте, чтобы я былъ до такой степени жестокъ, чтобы не понимать, что вы должны испытывать удовольствіе отъ того, что находитесь среди нѣжнолюбимой семьи; и если, повидимому, сами стихіи содѣйствуютъ тому, чтобы продолжить для васъ это удовольствіе, то мнѣ не остается ничего другаго, какъ покориться; но, при всемъ томъ, я хочу нѣсколькими строками напомнить вамъ о себѣ и поблагодарить васъ за столь чудное письмо отъ 10-го, 12-го и 24-го декабря, которое было получено съ безконечной призна-

vous soigneusement pendant ce trajet d'hiver, dans l'état surtout dans lequel vous êtes, et pensez quelquefois à un frère qui vous chérit de tout son cœur.

А.

3.

A l'arrivée de chaque poste, j'espérais, chère amie, recevoir la nouvelle que vous étiez déjà en route et par conséquent que la lettre que je vous adresserais ne vous trouverait plus à Berlin. Mais malheureusement le Ciel paraît en avoir décidé autrement. L'état des chemins vous empêche de bouger, et met mon impatience de vous revoir à une bien rude épreuve. Je ne peux vous rendre, combien vous me manquez ici, chère amie, et combien votre retour est ardemment désiré. Mais n'allez pas croire que je sois assez égoïste pour ne pas sentir ce que vous devez éprouver de satisfaction de vous trouver au milieu d'une famille chérie, et puisque les éléments semblent eux-mêmes avoir conspiré pour prolonger pour vous cette jouissance, il ne me reste qu'à m'y soumettre; mais je veux du moins par quelques lignes me rappeler à votre souvenir et vous remercier pour votre si excellente lettre du 10, 12 et 24 dé-

¹⁾ Относится къ началу 1825 г.

тельностью, равно какъ и то, что вамъ угодно было высказать по поводу дня моего рожденія. Все то, что доказываетъ мнѣ хоть нѣкоторую дружбу съ вашей стороны, доставляетъ мнѣ громадное удовольствіе, и несомнѣнно, что не благодарному вы выказываете ее.

Съ наступленіемъ новаго года удовольствія снова вошли въ свою обычную колею. Танцуютъ достаточно; даже въ то время, какъ я пишу вамъ эти строки, у моей матушки происходитъ балъ.

Что касается меня, то я остаюсь вѣренъ своимъ привычкамъ къ уединенію, которыя однѣ согласуются съ моими вкусами, моими занятіями и моимъ здоровьемъ. При всемъ томъ, большой балъ въ Бѣломъ залѣ будетъ 28-го, въ день рожденія Михаила, а большой балъ-маскарадъ 4-го февраля, въ день рожденія Маріи; на нихъ я рассчитываю присутствовать какъ обыкновенно. Это ежегодная дань, которую я выплачиваю каждую зиму, и она представляется мнѣ достаточной для того, чтобы затѣмъ я имѣлъ возможность считать себя освобожденнымъ отъ остальнаго. Мнѣ нѣтъ надобности, я думаю, прибавлять, что въ этомъ году оба эти бала будутъ представлять для меня еще менѣ очарованія, такъ какъ на нихъ не будетъ васъ. Ваше положеніе должно также служить препятствіемъ къ тому, чтобы вы попользовались много Берлинскимъ карнаваломъ, и, какъ мнѣ кажется, спокойствіе должно быть необходимо вамъ болѣе, чѣмъ что бы то ни было другое. Поэтому-то неволью мои мысли постоянно приводятъ меня къ желанію увидѣть

cembre, qui a été reçue avec une reconnaissance infinie, ainsi que ce que vous voulez bien me dire pour ma fête. Tout ce qui me prouve quelque amitié de votre part, me cause un plaisir extrême, et certes ce n'est pas à un ingrat que vous la témoignez.

Depuis la nouvelle année, les plaisirs ont repris leur train habituel. On danse assez; même pendant que je vous trace ces lignes, il y a un bal chez ma Mère dans la chambre de service pour la fête de la nièce Marie. Quant à moi, j'en reste à mes habitudes de retraite qui cadrent seuls avec mes goûts, mes occupations et ma santé. Cependant, un grand bal dans la salle blanche va avoir lieu pour le 28, fête de Michel, et un grand bal masqué pour celle de Marie, le 4 février, auxquels je compte assister comme de coutume. C'est la contribution annuelle que je paye chaque hiver et elle me paraît suffisante, pour pouvoir ensuite me dispenser du reste. Je n'ai pas besoin, je crois, d'ajouter que cette année-ci ces deux bals auront encore moins de charme pour moi, vous n'y étant pas. Votre état doit mettre aussi obstacle à ce que vous profitiez beaucoup du carnaval de Berlin et plus que toute chose, le calme, il me semble, doit vous être nécessaire. Aussi, involontairement, mes pensées

васъ спокойно сидящею въ вашемъ зеленомъ кабинетѣ, на голубой софѣ. Когда-то наступить это время?

Прощайте, дорогой, добрый другъ; думайте иногда о братѣ, который изъ глубины своего сердца нѣжно любитъ васъ. А.

me ramènent toujours à vous souhaiter tranquillement assise dans votre cabinet vert, sur le sofa bleu. Quand ce temps viendra-t-il?

Adieu, chère bonne amie, pensez quelquefois à un frère qui vous chérit du fond de son cœur. А.

И. Паскевичъ ¹⁾ о пользѣ изученія дѣяній великихъ полководцевъ и о своихъ дѣйствіяхъ.

Письмо И. Паскевича—Егору Борисовичу Фуксу.

10-го февраля 1828 г. Туркманчай.

Я получилъ ваше пріятнѣйшее письмо и томъ вашихъ сочиненій, почтеннѣйшій Егоръ Борисовичъ, въ то самое время, какъ наши осадныя орудія громили стѣны Сардаръ-Абада. Урывками, сколько время позволяло я прочитывалъ занимательныя ваши описанія Италіи, Вѣны, а пуще всего черты, такъ удачно вами схваченныя изъ характера безсмертнаго Суворова. Во время войны приводить себѣ на память дѣянія такого великаго человѣка значить одушевлять себя еще болѣе огнемъ славы и жаждою военныхъ подвиговъ. Кто знаетъ? можетъ быть нѣсколько строкъ, прочтенныхъ въ вечернемъ утомленіи, передъ тѣмъ, какъ человѣкъ засыпаетъ, на другой день рождаютъ въ немъ и мысли отважныя и рѣшительность неожиданную.

Вы меня слишкомъ выхваляете въ письмѣ вашемъ,—я это не стою. Къ счастью, что я не далъ вамъ болѣе случая подстрекать мое ратное самолюбіе. Миръ подписанъ, конецъ осадамъ и сраженіямъ, и я васъ, какъ истиннаго патріота, поздравляю съ этимъ счастливымъ событіемъ. Грибоѣдовъ расскажетъ вамъ сколько угодно подробностей о нашей кампаніи въ Арменіи, потрудитесь только расшевелить его. Кстати и внуку боготворимаго вами Суворова теперь въ Петербургѣ, онъ во все время войны находился при мнѣ, пускай вамъ повѣствуетъ, а мнѣ пріятно замѣтить, что онъ, кажется, старается идти по слѣдамъ отца и дѣда.

Прощайте, почтеннѣйшій другъ, Егоръ Борисовичъ, въ вашемъ шумномъ Петербургѣ, вспоминайте иногда о насъ, скитальцахъ по горамъ и пустынямъ, и подарите еще вѣсточкою, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Паскевичъ.

Р. С. Прилагаю послѣдній мой приказъ.

Сообщ. Викт. Всевол. Жерве.

¹⁾ Впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, князь Варшавскій,—графъ И. Ѳ. Паскевичъ-Эриванскій.

Сперанскій въ Великонольѣ и Пензѣ¹⁾.

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

6.

Князь А. Н. Голицынъ—Сперанскому.

Москва, 16-го генваря 1818 г.

Милостивый государь мой Михайла Михайловичь.

Благодаря душевно ваше превосходительство за поздравленіе съ свѣтлымъ праздникомъ Рождества Христова и съ наступающимъ ново-лѣтіемъ, взаимно и васъ поздравляя съ оними, желаю вамъ сего благодатнаго рожденія Искупителева вкусить въ глубинѣ души вашей, ибо оно есть единственная цѣль промысла о насъ Божія и единое на потребу.

Письмо ваше государю императору²⁾ представилъ, и въ отвѣтъ на оное здѣсь прилагается высочайшій рескриптъ³⁾.

Въ разсужденіи мнѣнія вашего о соединеніи въ одно министерство духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, я совершенно съ вами согласенъ; но признаюсь, что, ежели бы надѣялся на собственныя силы, никогда бы не осмѣлился принять званія, на меня возложеннаго непремѣнною волею государя. По моимъ способностямъ я долженъ былъ отказываться, но когда его величество, зная меня, со всѣмъ тѣмъ хотѣлъ употребить

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1902 г., июнь.

²⁾ Отъ 25-го декабря 1817 г. (напеч. въ „Жизни графа Сперанскаго“, т. II, стр. 138).

³⁾ Отъ 13-го января 1818 г. (напеч. тамъ же, стр. 138—139).

къ такому мѣсту, которое никогда не было моимъ предметомъ, то должно было повиноваться волѣ Божіей.

При семъ позвольте себѣ попенять за ваше столь долгое молчаніе, я уже не помню, когда предпоследнее письмо отъ васъ получилъ. Примите при семъ увѣреніе истиннаго почтенія и таковой же преданности, съ коими честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

7.

Сперанскій—князю А. Н. Голицыну.

28-го января 1818 г.

Письмо вашего сіятельства отъ 16-го сего мѣсяца и приложенный при немъ рескриптъ всемилостивѣйшаго государя я имѣлъ честь получить и приношу вамъ, милостивый государь, совершеннѣйшую и искреннюю мою благодарность.

Когда я писалъ о соединеніи въ одно министерство духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, тогда не дошло еще до меня учрежденіе сего министерства. Нынѣ, прочитавъ его со вниманіемъ, я болѣе еще порадовался и утвердился въ сей мысли. Я не поздравлялъ и нынѣ не буду поздравлять васъ съ симъ званіемъ; въ свѣтъ такъ много лжи, что есть нѣкоторая застѣнчивость говорить даже и истину; но не могу умолчать, что то же самое Провидѣніе, которое распредѣляетъ званія, обыкновенно даетъ и силу къ ихъ прохожденію, когда принимаютъ ихъ безъ притязанія и проходятъ съ покорностію святой Его волѣ. Впрочемъ, во всѣхъ званіяхъ, а наипаче въ вашемъ, твердый и здравый образъ мыслей и духъ благочестія, всегда и вездѣ животворный, есть единое и на потребу; все прочее само собою прилагается.

Я долженъ еще вашему сіятельству дать отчетъ въ книгѣ Подражанія, которая и по сіе время еще не въ печати. При чтеніи первыхъ трехъ частей нѣкоторымъ знатокамъ въ Петербургѣ показалось, что переводъ не довольно гладокъ; я истребовалъ его сюда и нашелъ мнѣніе ихъ справедливымъ.

Принялся поправлять; а между тѣмъ доставили ко мнѣ новое латинское изданіе сей книги, въ 1810-мъ году напечатанное, исправнѣйшее, нежели всѣ доселѣ бывшія; сіе заставило меня все вновь пересмотрѣть, и теперь надѣюсь, что переводъ дѣйствительно будетъ лучше. Какъ скоро окончу, то и доставлю его по прежнему назначенію. А. Ф. Лабзинъ вызывается самъ смотрѣть за изданіемъ; по малой опытности въ сихъ дѣлахъ г. Цейера и по болѣзненному его состоянію, сіе предло-

женіе считаю я весьма обязательнымъ и нынѣ же о семъ къ нему пишу ¹⁾).

Сколь ни лестенъ для меня упрекъ вашего сіятельства въ долговременномъ молчаніи, но никогда не позволю себѣ часто занимать васъ, среди важныхъ дѣлъ, бесплодною моею бесѣдою, хотя, признаюсь, бесѣдовать съ вами въ откровенности есть и всегда будетъ для меня однимъ изъ лучшихъ моихъ утѣшеній.

Съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ и преданностію и проч.

8.

Сперанскій—князю А. Н. Голицыну.

12-го февраля 1818 г.

Получивъ отъ Д. А. ²⁾ описокъ съ высочайшаго указа о пожалованіи мнѣ земли ³⁾ и полагая, что его величество уже въ Москвѣ, покорнѣйше прошу ваше сіятельство поднести всемилостивѣйшему государю при удобномъ случаѣ благодарное письмо ⁴⁾, при семъ прилагаемое.

По истинѣ даръ сей есть великая для меня милость. Покупка здѣсь деревни и предыдущія мои обстоятельства завели меня въ долги, изъ коихъ безъ высшей помощи не зналъ я, какъ вытти. Теперь, благодареніе Богу, все само собою устроится, а на мнѣ останется одинъ долгъ всегдашней благодарности.

Сохраниите, милостивый государь, драгоцѣнное ваше ко мнѣ расположеніе и вѣрьте всей искренности чувствъ, основанныхъ не на внѣшнихъ соображеніяхъ, но на истинномъ и внутреннемъ уваженіи, съ коимъ честь имѣю быть и проч.

9.

Сперанскій—князю А. Н. Голицыну.

3-го декабря 1818 г.

Утѣшенъ и успокоенъ письмомъ вашего сіятельства отъ 18-го ноября, вчера мною полученнымъ, поспѣшаю принести вамъ искреннюю

¹⁾ Извлеченіе изъ этого письма Сперанскаго къ Лавину см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 года, № 3, столб. 434—435.

²⁾ Т. е. Дмитрія Александровича Гурьева, министра финансовъ.

³⁾ Высочайшимъ указомъ отъ 23-го января 1818 г. Сперанскому было пожаловано 5.000 десятинъ въ Саратовской губерніи (см. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 140).

⁴⁾ Напеч. тамъ же, стр. 140.

благодарность и вмѣстѣ признаніе, что я совершенно виноватъ. Точная истина, что я на госпожу К. ¹⁾ смотрѣлъ съ другой точки зрѣнія; согласиться съ вами не могъ, а противорѣчить не хотѣлъ, а потому и рѣшился промолчать, расчесть, который тогда казался мнѣ благоразумнымъ, а теперь кажется малодушнымъ и довѣрью ко мнѣ вашему несоразмѣрнымъ. Мысль о симбирскихъ вѣстахъ пришла мнѣ въ голову единственно потому, что я обыскивалъ себя со всѣхъ сторонъ, чтобъ найти хотя маловѣроятный поводъ; впрочемъ, вреда отъ сихъ вѣстей я не опасуюсь: ибо семилѣтняя отвычка есть лучшей и самый простой отвѣтъ на всѣ предположенія.—Салватори ²⁾ я зналъ въ Перми, и хотя по тогдашнему моему положенію не могъ быть съ нимъ знакомъ коротко, но имѣю понятіе о свѣдѣніяхъ его, дѣйствительно обширныхъ и разнообразныхъ. Онъ довольно, бѣдный, потерпѣлъ, чтобъ быть достойнымъ благодѣтельнаго вашего призванія и покровительства.

Мы здѣсь съ удовольствіемъ слышимъ и читаемъ, что Новый Заветъ издается на русскомъ языкѣ. Послѣ сего предпріятія, безъ сомнѣнія, самое полезнѣйшее было бы перевести также на русской или хотя на полуславянской языкъ псалтырь. Я называю полуславянскимъ то, чтобъ, сохранивъ обороты, свойственные церковному нашему языку, перемѣнить только нѣкоторыя слова обветшалыя или неудобопонятныя. Но переводъ должно составить съ еврейскаго. Сіе весьма много послужило бы къ ясности и удобнѣйшему разумѣнію. Извѣстно, что сію часть Священнаго Писанія наиболѣе читаютъ, и что на ней большею частію обращается вся наша служба церковная. Переводъ съ еврейскаго былъ бы лучшимъ ея толковникомъ. Удивительно, сколько высокихъ истинъ заключается въ псалмахъ! Что значать всѣ мистическіе писатели нашего времени въ сравненіи съ симъ древнимъ и по истинѣ богодухновеннымъ ученіемъ. Надписи на псалмахъ, еврейскими позднѣйшими писателями положенныя, отводятъ отъ истиннаго внутренняго ихъ смысла, относя и сжимая значеніе ихъ въ кругъ гражданской и политической жизни царя-пророка, между тѣмъ какъ всѣ мысли его изображаютъ внутреннее состояніе его души, гонимой, страждущей и спасаемой; брань его не есть брань къ крови и плоти, но къ духовомъ злобы поднебеснымъ. Посему-то и Церковь, находя въ нихъ самое точное приложеніе къ душѣ каждаго воющаго христіанина, ввела ихъ въ существенный составъ ея службы.

Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» имѣются еще два слѣдующія письма его изъ Пензы къ находившемуся

¹⁾ Извѣстную г-жу Криднеръ.

²⁾ Извѣстнаго доктора.

съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ Дмитрію Марковичу Полторацкому, извѣстному сельскому хозяину (отцу библиофила и библиографа Сергѣя Дмитриевича Полторацкаго):

1.

Пенза, 16-го генваря 1817 года.

Не можете ли вы мнѣ изъяснить, любезный другъ Дмитрій Марковичъ, какимъ образомъ, получивъ письмо ваше здѣсь въ ноябрѣ, отвѣчаю только въ генварѣ, собираясь писать къ вамъ каждую почту, каждый почти день?—Странной духъ отлагательства, которой мучалъ меня всю мою жизнь, и теперь еще мучить. Чѣмъ болѣе считаю я на снисхожденіе друзей моихъ, чѣмъ болѣе увѣренъ въ независимости ихъ чувствъ отъ внѣшнихъ изъясненій, тѣмъ болѣе позволяю себѣ отступать отъ формъ обыкновенныхъ.

Я прибылъ сюда 20-го октября; принять здѣшнимъ многолюднымъ дворянствомъ съ отличною ласкою. Люди здѣсь дѣйствительно добрые, земля благословенная; какая сила природы! какой кладъ богатствъ неистощимыхъ! Если бы я былъ чародѣй, я бы переносилъ васъ изъ одной губерніи въ другую; дарилъ бы вамъ за ничто большія помѣстья и заставлялъ бы васъ творить земледѣльческія ваши чудеса попеременно въ Олонцѣ и въ Пензѣ, въ Новѣгородѣ и въ Тамбовѣ.

Письмо ваше къ государю и всѣ подробности вашей встрѣчи много меня утѣшили и ободрили. Письмо прекрасное и по содержанію, и по слогу; вообще линія поведенія вашего въ семъ дѣлѣ соображена весьма умно и основательно.

Благодарить ли мнѣ васъ за намѣреніе ваше о молотильной машинѣ? Безъ меня она, кажется, не пойдетъ; но я благодарю за предположеніе ваше точно такъ, какъ бы самъ ею пользовался. Мнѣ не дозволено, видно, въ семъ мірѣ основать ничего прочнаго. Такъ поднялись на воздухъ всѣ мои затѣи великопольскаго хозяйства. Не ропщу, но смѣюсь иногда внутренно переменною судьбы моей и радуюсь впрочемъ, что у меня, какъ у ребенка, вырываются всѣ мои игрушки по мѣрѣ того, какъ я къ нимъ пристращаюсь. Выдетъ ли что-нибудь изъ сего образа воспитанія, не знаю; но увѣренъ совершенно, что онъ есть наилучшій. Прощайте, любезный другъ; душевно васъ обнимаю. М. Сперанскій.

Р. S. Письмо сіе было совсѣмъ готово къ отправленію въ Калугу, какъ получаю сейчасъ другое письмо ваше отъ 15-го декабря, подписанное въ Нижнѣй. Сія ошибка произвела тамъ по обыкновенію множество догадокъ и предположеній. По сему письму ожидали меня

туда; наконецъ одинъ добрый человекъ привезъ его сюда съ собою. Итакъ, машина моя скоро будетъ, или и доставлена уже, въ Великополье, прежде нежели собрался я васъ благодарить. Въ письмѣ есть немножко гнѣву; но и подѣломъ! Но никогда не можете вы мнѣ сдѣлать столько упрековъ, сколько я дѣлаю ихъ себѣ. Впрочемъ гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Я боюсь только вашего молчанія. Не подражайте мнѣ; пишите сколько можно болѣе и чаще и вѣрьте всей искренности чувствъ моихъ, исполненныхъ дружбы и сердечнаго почитанія. Пишу къ Масальскому¹⁾, чтобъ изъ первыхъ моихъ доходовъ отсчиталъ онъ тысячу рублей за машину: ибо долгъ платежемъ красенъ. Но нравственный долгъ останется вѣчно на мнѣ.

2.

Пенза, 12-го марта 1818 г.

Не совѣстно ли вамъ, любезный мой Дмитрій Марковичъ, имѣть въ Пензенской губерніи деревню, и не сказать мнѣ о томъ ни слова, и быть недовольну управителемъ, и отнять у меня изъ рукъ случай сдѣлать для васъ что-либо полезное или пріятное. Непростительно по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, доколѣ не пришлете вы мнѣ подробной записки о всемъ, что вамъ нужно по сему имѣнію, чтобъ привести его въ порядокъ. Здѣшніе господа помѣщики вообще меня любятъ, а многіе любятъ даже и отъ сердца. Слѣдовательно, пособія сего рода весьма для меня удобны. Никто не откажется услужить вамъ надзоромъ, ревизією, всѣмъ, что будетъ нужно. По рѣдкому счастью даже и исправникъ того уѣзда, гдѣ лежитъ ваше имѣніе, есть старикъ честной и основательной.

И я проповѣдаю здѣсь ротацию полей и даже помышляю съ будущаго лѣта ввести ее въ здѣшней моей деревнѣ, безлѣсной, но благословенной тучными полями. Теоріи большихъ не нужно тамъ, гдѣ столѣтній ручается опытъ. Вообще должно сказать къ чести нашего дворянства, что нынѣ несравненно болѣе занимаются сельскимъ хозяйствомъ, нежели прежде, ищутъ усовершенія, часто идутъ ощупью на угадъ, но все идутъ впередъ.

Поздравляю васъ съ помѣщеніемъ сына вашего въ лицей одесскомъ. При самомъ первомъ его основаніи я бесѣдовалъ о немъ съ дюкомъ де-Ришелье, которой отличалъ меня своимъ довѣріемъ, и тогда уже я какъ бы предчувствовалъ счастливое событіе. Ваше замѣчаніе весьма справедливо; домашнее воспитаніе не свойственно дѣтямъ мужеска пола.

¹⁾ Петру Григорьевичу, завѣдывавшему денежными дѣлами Сперанскаго.

Ихъ первая наука есть бороться съ самолюбіемъ своимъ и съ самолюбіемъ другихъ. Гдѣ же найти дома сію борьбу, необходимую для развитія душевныхъ силъ.

Прощайте, любезный другъ; примите свидѣтельство искреннаго почитанія и приверженности неизмѣняемой. М. Сперанскій.

Лѣтомъ 1818 года пріѣхалъ въ Пензу, проѣздомъ въ свои саратовскія имѣнія, графъ Нессельродъ, тогда уже управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. При этомъ свиданіи Сперанскій передалъ ему желаніе быть назначеннымъ въ сенаторы, чтобы положить конецъ своей «очистительной» службѣ, и просилъ, при случаѣ, завести о томъ рѣчь съ государемъ. Нессельродъ исполнилъ просьбу Сперанскаго, который, по полученіи его благопріятнаго отзыва, послѣдовалъ 1-го августа отослать С. К. Вязмитинову, для представленія государю, письмо, которымъ просилъ сенаторскаго званія, хотя бы съ оставленіемъ его виѣстѣ, «на нѣкоторое время, если угодно будетъ», и въ настоящей должности. Отвѣтъ Вязмитинова, въ которомъ онъ сообщалъ, что государь соизволилъ принять это письмо весьма милостиво и оставить у себя, не соотвѣтствовалъ ожиданію Сперанскаго; отвѣтъ значилъ, что просьба принята къ свѣдѣнію и останется—безъ исполненія. Но для Сперанскаго вопросъ былъ слишкомъ важенъ; онъ не могъ довольствоваться такимъ уклончивымъ, неопредѣленнымъ отзывомъ и потому попытался обратиться еще къ графу В. П. Кочубею, который, послѣ двухлѣтняго пребыванія за границею, занималъ въ это время должность предсѣдателя департамента Государственнаго Совѣта, но, при посредствѣ своихъ связей и положенія въ обществѣ, продолжалъ пользоваться большимъ на все вліяніемъ. Письмо къ нему Сперанскаго, отъ 21-го сентября 1818 г., было слѣдующаго содержанія ¹⁾:

«Отправленіе отсюда моей дочери подаетъ мнѣ случай возобновить себя въ памяти вашего сіятельства и представить новое увѣреніе въ давнишней и непоколебимой моей преданности.

«По участію, которое ваше сіятельство всегда принимали въ судьбѣ моей, я считаю долгомъ прежде всего дать вамъ краткій отчетъ въ похожденияхъ моихъ съ тѣхъ поръ, какъ отсутствіе ваше за границу могло ихъ сокрыть изъ вашего виду. Въ счастіи и въ несчастіи доброе ваше мнѣніе всегда было и будетъ однимъ изъ лучшихъ моихъ утѣшеній.

«При самомъ отбытіи вашемъ изъ Петербурга, письмомъ къ его величеству и въ особенности къ графу Аракчееву ²⁾ я просилъ суда и

¹⁾ Въ „Жизни графа Сперанскаго“ изъ этого интереснаго письма приведена (т. II, стр. 153—154) лишь небольшая выдержка.

²⁾ Изъ Великополя.

рѣшенія. Всѣ опасности сего поступка я принималъ на свой страхъ, а непріятелямъ моимъ представлялъ всѣ способы поправить ошибку самымъ благовиднымъ образомъ. На случай одной крайности я присовокуплялъ къ сему другое средство: службу. Изъ двухъ однакоже имянно выбрали худшее, и меня, ни оправданнаго, ни обвиненнаго, послали оправдываться и вмѣстѣ управлять правыми ¹⁾). А чтобъ довершить всю странность сего положенія, то примкнули ко мнѣ Магницкаго, поставивъ такимъ образомъ мое поведеніе не только въ связи, но и въ зависимости отъ его порывовъ. Одинъ Богъ сохранилъ меня отъ печальныхъ предзнаменованій, съ коими появился я въ губерніи. По счастью, и единственно по счастью, добрый смыслъ дворянства и особенно старинная связь моя съ Столыпиными мало-по-малу разсѣяли всѣ предубѣжденія. Ихъ совѣтами и ихъ сильною помощію я сталъ здѣсь помѣщикомъ, и хотя зашелъ въ долги, но за то примирился со всѣми подозрѣніями и пріобрѣлъ почти общую къ себѣ привязанность ²⁾). Между тѣмъ сношеніями и дѣлами мирился я и съ Петербургомъ. Дмитрій Александровичъ ³⁾) одинъ изъ первыхъ ко мнѣ обратился. По его ходатайству получилъ я продолженіе аренды, нѣкогда вами мнѣ присвоенной, и землю въ Саратовѣ. Вообще по всѣмъ частямъ министерствъ я не встрѣчалъ ничего, кромѣ пріятнаго. Его величество, сверхъ милостиваго вниманія ко всѣмъ моимъ представленіямъ по службѣ, удостоилъ меня двумя благосклонными и совершенно въ партикулярномъ и отъ службы независимомъ слогѣ рескриптами. Въ нихъ нашелъ я и то драгоцѣнное мнѣ увѣреніе, что государь не сомнѣвается въ искренности и преданности чувствъ моихъ. Такимъ образомъ худое начало произвело добрыя послѣдствія. Домашнія дѣла мои между тѣмъ устрояются, и какъ скоро удастся мнѣ окончить начатую продажу петербургскаго дома и новгородской деревни: то я буду имѣть состояніе небольшое, но чистое и независимое. Мнѣ останется послѣ сего желать отойти отъ службы съ нѣкоторою благовидностью, а именно пройти въ отставку чрезъ Сенатъ. Въ семъ намѣреніи я просилъ чрезъ Сергѣя Кузьмича ⁴⁾) сдѣлать меня сенаторомъ, оставивъ, ежели будетъ угодно, на время въ настоящемъ мѣстѣ. Просьба сія пришла поздно; но принята, какъ меня формально извѣстили, весьма милостиво и оставлена у государя.

«Между тѣмъ и прежде, нежели изъяснилъ я сіе желаніе, были уже

¹⁾ Намекъ на указъ Сенату 30-го августа 1816 г. о назначеніи Сперанскаго пензенскимъ губернаторомъ.

²⁾ 15-го января 1819 г. пензенское дворянство поднесло Сперанскому благодарственный адресъ (см. „Жизнь графа Сперанскаго“, стр. 131—132).

³⁾ Гурьевъ, министръ финансовъ.

⁴⁾ Вязмитинова.

здѣсь довольно вѣрные слухи объ учрежденіи областныхъ правленій и о предположеніи вмѣстить и меня въ число избранныхъ ¹⁾. Гдѣ не спрашиваютъ, тамъ, конечно, остается только повиноваться; но еслибы оставлено было мѣсто какому-либо выбору: то по всеѣмъ расчетамъ предпочелъ бы я скромное свое предположеніе почетному чужому.

«Разсуждая вообще, нѣчто похожее на то, что придумано было во Франціи, помнится Тюрго, и потомъ отчасти приведено въ дѣйствіе Неккеромъ подъ именемъ *administrations provinciales*, безъ сомнѣнія, весьма полезно было бы для Россіи. Учрежденіе таковое въ высшихъ политическихъ отношеніяхъ послужило бы къ образованію общаго народнаго мѣннія, безъ коего самыя благонамѣренныя правительства не могутъ иначе двигаться, какъ ошущю и наудачу; въ видахъ управленія оно послужило бы къ лучшему распорядку податей и къ пресѣченію вопіющихъ злоупотребленій. Но сколько предметовъ должно обозрѣть и приуготовить прежде, нежели введено будетъ сіе учрежденіе! Областные начальники должны явиться не только съ полными инструкціями, но и съ готовыми матеріалами или обдуманнѣйшими проектами разныхъ полезныхъ учрежденій. Никогда не должно выпускать изъ виду, что совѣты полезны только для совѣщанія на обдуманнѣйшіе и уложенные уже предметы; всякое сословіе, по существу своему, есть нестройная толпа, какъ скоро заставятъ его составлять, а не судить уже составленное. Если областные начальники явятся среди собраній своихъ съ пустыми, такъ сказать, руками, то лучшіе изъ нихъ пристыдятся себя. Все величіе и умъ Екатерины не могли избѣжать сей судьбы, когда въ 1762 г. собраны были законодатели прежде, нежели уложены были законы. Прекраснѣйшая инструкція (Наказъ) ни къ чему не послужила. Я понимаю, что предметъ областныхъ начальниковъ не можетъ быть столь огроменъ; но если дѣло ихъ ограничится только тѣмъ, чтобъ ввести или предположить лучшій и уравнительнѣйшій распорядокъ въ губернскихъ сборахъ и издержкахъ: то сіе безъ шума и уновленій могутъ легко сдѣлать и губернаторы съ предводителями, если сдѣлать имъ прикажутъ и дадутъ способы и правила. Если же дѣло областныхъ начальниковъ состоятъ будетъ въ томъ, чтобъ ввести вообще лучшій порядокъ губернскаго управленія, то еще повторю, они должны привезти съ собою готовые къ сему учрежденію, такъ чтобы оставалось только сообразить ихъ съ мѣстными обстоятельствами и уважить опытнымъ совѣтомъ. Безъ сего все ихъ предположенія плавать будутъ по воздуху и никогда ничего твердаго не составятъ.

¹⁾ См. въ письмѣ графа К. В. Нессельрода къ Сперанскому („Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 151). Здѣсь идетъ рѣчь о предполагавшемся раздѣленіи Россіи на генералъ-губернаторства.

«Если бы теперь спросили, какія же для внутренняго устройства Россіи учрежденія наиболѣе нужны,—не теряясь въ воздушныхъ высотахъ, можно бы было съ достовѣрностію отвѣтить: всего нужнѣе учрежденіе, или уставъ объ управленіи губерній. Настоящее учрежденіе ни времени, ни пространству дѣлъ, ни народонаселенію, ни уму управляемыхъ не соразмѣрно. Пересмотръ его и соображеніе есть первая потребность губерній. Доколѣ будутъ онѣ состоять на настоящемъ invalidномъ положеніи: дотолѣ, можно рѣшительно сказать, духъ народный и общее нравственное образованіе не только не пойдутъ впередъ, но отъ одного года къ другому будутъ отставать назадъ.

«Мысль о лучшемъ губернскомъ уставѣ сама собою уже приведетъ къ другимъ учрежденіямъ, для внутренняго гражданскаго порядка необходимымъ; къ учрежденіямъ, кои во всѣхъ случаяхъ должны предшествовать преобразованіямъ политическимъ, если желаютъ, чтобъ сіи послѣднія когда-либо у насъ возникли съ прочною пользою и безъ потрясеній. Словомъ: добрая администрація есть первый шагъ; а въ администраціи правила и учрежденія занимаютъ первое мѣсто; выборъ и нарядъ исполнителей второе; слѣдовательно, начинать съ нихъ есть начинать дѣло съ конца.

«Я переступилъ, можетъ быть, всѣ предѣлы приличія, войдя въ разсужденія, для меня почти чуждыя. Но я считаю за грѣхъ утаить отъ васъ образъ моихъ мыслей въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ, по общему мнѣнію, приписываютъ вамъ сильное участіе и отъ коего, именно потому, что вы въ немъ участвуете, ожидаютъ важныхъ и благотворныхъ послѣдствій.

«Обращаясь лично къ себѣ, я прошу и желаю одной милости, а именно, чтобъ сдѣлали меня сенаторомъ и потомъ дали бы въ общемъ и обыкновенномъ порядкѣ чистую отставку. Послѣ сего я побывалъ бы на мѣсяць или на два въ Петербургѣ единственно для того, чтобъ заявить, что я болѣе не ссыльный и что изгнаніе мое кончилось.

«Въ постепенномъ приближеніи къ сей единственной, неподвижной цѣли, которую одну я буду преслѣдовать не только постоянно, но даже съ несвойственнымъ мнѣ упрямствомъ, я буду всегда полагать мою надежду на сильное ваше содѣйствіе по мѣрѣ случаевъ и возможности, кои представятся къ тому могутъ. Я не имѣю другихъ правъ на сію надежду, кромѣ искренней моей къ вамъ преданности и вѣрныхъ опытовъ вашего въ судьбѣ моей участія.

«Съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ и проч.»

Кочубей на это письмо Сперанскаго прислалъ обширный отвѣтъ, отъ 18-го октября 1818 г. ¹⁾:

¹⁾ Небольшой отрывокъ изъ этого письма приведенъ въ „Жизни графа Сперанскаго“, т. II, стр. 154—156.

«Вы себя легко представить можете, по чувствамъ моимъ къ вамъ, милостивый государь мой Михайло Михайловичъ, съ какимъ удовольствіемъ получилъ я письмо ваше, дочерью вашу привезенное. Она можетъ засвидѣтельствовать вамъ, что не меньше онаго имѣлъ я и жена моя видѣть ее и предложить ей, чтобъ она домъ нашъ не почитала чужимъ. Мы просили М-ше Weichart, чтобъ она доставляла намъ чаще случаи видѣть Елисавету Михайловну. Я признаюсь вамъ, что образованіе ея немало меня удивило. Мнѣ представлялось вещь невозможно въ Перми и Пензѣ имѣть средства къ воспитанію. Г. Церръ просвѣтилъ меня, изъясня, что вы онымъ занимались исключительно.

«Теперь обращусь я къ подробному отвѣту на письмо ваше. Не можетъ, конечно, не быть пріятно каждому доброе мнѣніе, которое о немъ имѣютъ; а потому и для меня были утѣшительны разныя изъясненія чувства сего, по возвращеніи моемъ изъ чужихъ краевъ; не меньше былъ я тронутъ и благосклоннѣйшимъ пріемомъ государя, осыпавшаго меня и жену ласками и оказательствами наилучшаго къ намъ расположенія; но въ семь единственно состояли сношенія мои съ его величествомъ, и слухи здѣшніе, разнесшіеся потомъ во всей имперіи, объ участіи моемъ въ образованіи областномъ, объ опредѣленіи меня въ министерство внутреннихъ дѣлъ и пр. не имѣли никакого основанія. Государь съ 1816 года, когда при отъѣздѣ моемъ нѣчто сказать изволилъ мнѣ о намѣреніи его учредить округа, ничего мнѣ не упоминалъ и никакихъ предложеній къ помѣщенію меня въ министерство не дѣлалъ. Объ округахъ однакожь слышалъ я весьма много отъ разныхъ лицъ и видѣлъ тутъ намѣреніе государя вывести имперію изъ того отчаяннаго по администраціи положенія, въ коемъ онъ ее видитъ и о коемъ сокрушается; но при сихъ лучшихъ намѣреніяхъ не довольно былъ я вразумленъ въ учрежденіе сіе, чтобъ изъ онаго могъ ожидать той пользы, которою иные, болѣе меня, можетъ быть, свѣдущіе, могли ласкаться. По свѣдѣніямъ, до меня дошедшимъ, первое образованіе областей сдѣлано было у графа Аракчеева. Оно состояло въ томъ, чтобъ назначить генераль-губернаторовъ къ четыремъ или пяти губерніямъ, съ тѣмъ, чтобъ они, не мѣшаясь въ обыкновенное теченіе дѣлъ губернскихъ, имѣли по всѣмъ частямъ главное наблюденіе съ обширною властью, въ видѣ инспекторовъ. Послѣ сего составлено было другое образованіе Н. Н. Новосильцовымъ, который, какъ кажется, примѣняясь къ устройству Царства Польскаго, предлагалъ областного намѣстника съ совѣтомъ, состоящимъ изъ членовъ, каждому министерству принадлежащихъ. Совѣтъ сей подъ предсѣдательствомъ намѣстника долженствовалъ имѣть обширную власть, ничего изъ губерній мимо него въ столицу не могло итти и *vice versa* и пр. и пр.

«Въ семь послѣднемъ учрежденіи между многихъ неудобствъ нахожу

я важное то, что система единства, столь въ хорошей администраціи полезная, совершенно бы истребилась. Сколько намѣстниковъ, столько и системъ; сколько намѣстниковъ, столько папей. Счастлива можетъ быть область та, которая попадаетъ въ руки благоразумнаго и добраго намѣстника, но много ли такихъ наберется, а здѣсь упоминали о такихъ, коимъ бы жребія своего ввѣрить я не хотѣлъ.

«Первое учрежденіе (родъ инспекторскаго) я бы полагалъ удобнѣйшимъ, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что осталось бы существующее въ губерніяхъ неприкосновеннымъ, пока могли бы обратить вниманіе на свойственное преобразование учрежденія. Я совершенно съ вами согласенъ, что сіе послѣднее, и съ самаго начала недостаточное, требуетъ необходимо не только дополненій, но и полнаго установленія. Сіе именно твердилъ я здѣсь многимъ изъ людей, дѣлами кое-какъ занимающимся; но, по несчастію и добрыхъ слугъ государевыхъ и по большому еще несчастію самого государя, нѣтъ въ людяхъ сихъ никакой твердой системы; нѣтъ никакихъ точныхъ понятій объ управленіи. Каждый идетъ отъ своихъ и какихъ-то особенныхъ началъ. Иной хочетъ все привлечь къ себѣ; иной ищетъ, чтобъ только по части его шло хорошо, а все пропадай; иной думаетъ, что надобно слѣдствія, жесткость, непомѣрная строгость и пр.; но никто не хочетъ или не умѣетъ вразумиться, что все сіе составляетъ вмѣстѣ систему разрушенія въ администраціи; что умножающіеся безпорядки, всякое воображеніе превосходящія, конечно, заключаютъ какія-нибудь коренныя начала, а не побочныя мелкія обстоятельства и что, вѣроятно, зло происходитъ отъ недостатка или несвязанности въ установленіяхъ. Но если бы, къ счастью государя, и превозмогли здѣсь сіи истинныя начала, то кто при лучшихъ намѣреніяхъ его величества исполнять оныя будетъ? Въ подтвержденіе моего тутъ сомнѣнія приведу вамъ въ примѣръ учрежденіе областей. Три года онымъ занимаются, и какъ доселѣ никто не придумалъ, какимъ образомъ наилучше намѣреніе его величества выполнено быть можетъ. Впрочемъ я скажу вамъ откровенно, что многое меня здѣсь удивило и произвело во мнѣ чувство немалаго сожалѣнія. Вы знаете всю доброту души государя, либеральныя его правила; желаніе его, чтобъ справедливость на твердыхъ началахъ была основана. Началь сихъ трудно искать. Вездѣ употребляютъ имя его, вездѣ хотятъ дать волѣ его видѣ, правиламъ его несоотвѣтственный; однимъ словомъ, мнѣ кажется, что въ сравненіи прошедшаго мы далеко ушли вспять, и если скоро не осмотримся, то еще далѣе уйдемъ.

«По всѣмъ симъ уваженіямъ, и единственно только по онымъ, я бы чрезмѣрно желалъ, чтобы вы были здѣсь употреблены. Два предмета могли бы составить полезное въ обязанностяхъ вашихъ упражненіе: законы и учрежденія. Вы соединяете практику съ теоріею; а у

насъ, истинно, никого нѣтъ, который бы могъ удовлетворить по симъ частямъ ожиданіямъ его величества. Вы пишете о намѣреніи вашемъ искать увольненія отъ службы; но если бы предложено было вамъ здѣсь мѣсто, неужели не согласились бы вы, вмѣсто Сената, посредствомъ такого перехода возстановить себя въ томъ положеніи, коего вы послѣ ссылки вашей желаете? Скажите мнѣ при случаѣ мысли ваши. Впрочемъ я легко себѣ представляю, что, послѣ прошедшаго, съ трудомъ можете вы желать основать себя здѣсь. Партіи здѣсь по-прежнему существуютъ, но тѣ же люди, которые прежде васъ ругали (не при мнѣ однакожь), теперь васъ хвалятъ или по крайней мѣрѣ изъясняютъ сомнѣнія въ преступленіи вашемъ. Сначала всѣ къ вамъ обратятся; а дѣло ваше будетъ расположено въ предѣлахъ надлежащей осмотрительности. Все сіе, конечно, не можетъ тѣшить; я и противу себя вижу уже направляющіяся пружины; но это суть послѣдствія положенія всѣхъ тѣхъ людей, кои у насъ что-нибудь значили; это есть свойство нашего правительства. Я и въ отношеніи себя различаю двѣ вещи. Желанія къ службѣ дѣятельной, при теперешнихъ стихіяхъ и при худомъ здоровьѣ моемъ, не могу я имѣть; но нѣкоторая обязанность, упованіе, что, можетъ быть, дѣла поправятся, мысль, что, можетъ быть, иной хуже тебя еще будетъ, заставятъ меня, при личныхъ моихъ къ государю отношеніяхъ, принять мѣсто, если оно будетъ, какъ то утверждаютъ, мнѣ предложено и если основанія, на коихъ оно будетъ мнѣ предложено, покажутъ мнѣ хоть нѣкоторую возможность быть полезнымъ. Возвращеніе его величества рѣшить участь мою. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что министерство полиціи присоединится къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а о Балашовѣ заключаютъ, что онъ получитъ званіе окружнаго начальника въ Казани. Я собираюсь составить записку о разныхъ предметахъ по внутреннему управленію къ пріѣзду его величества. Полагаю коснуться и до крестьянъ. Нужно непременно вывести государство изъ настоящей нерѣшимости. Всѣ чего-то боятся. По моему мнѣнію, лучше дать свободу, нежели томить людей непрестаннымъ страхомъ. Я думаю, что большой шагъ былъ бы сдѣланъ, если бы опредѣлены бы(ли) закономъ повинности крестьянскія, дано было имъ право судиться съ помѣщиками и пр., однимъ словомъ, если бы безъ оглашенія постановленіями уничтожено было рабство и крестьяне привязаны были къ землѣ. Въ министерствѣ финансовъ занимаютъ образованіемъ казенныхъ палатъ. Полагаютъ совсѣмъ отдѣлить отъ губернскаго начальства. Я говорилъ людямъ, кои управляютъ симъ министерствомъ, что это никуда не годится. Чѣмъ болѣе въ губерніяхъ развлечены будутъ власти, тѣмъ болѣе, по мнѣнію моему, произойдетъ неустройства.

«Обращаясь снова къ вамъ лично, позвольте мнѣ предложить вамъ нѣсколько разсужденій. Мнѣ кажется, что въ положеніи вашемъ желать

вы можете, чтобъ прекратилось нѣчто неопредѣлительное, въ ономъ еще оставшееся. Нерѣшимость сія происходитъ неминуемо отъ того, что трудно взять на себя увидѣть васъ, при самомъ однакожъ несомнѣнномъ желаніи, чтобъ сіе совершилось. Что бы васъ ни ожидало сообразно мыслямъ вашимъ, увольненіе или служба, все полезно было бы прежде выйти изъ сего несообразнаго положенія. Я думаю, что вы могли бы попросить дозволенія прибыть сюда, объясня, что вы желаете сего для окончанія дѣлъ вашихъ (продажи дому и деревни) и полагаете остаться въ столицѣ на самое короткое время; но если бы еще могли вы взять на себя самое полезное предпріятіе составить систематическое описаніе о недостаткахъ въ губернскомъ устройствѣ и о способахъ исправленія, то непосредственнымъ доставленіемъ сочиненія сего къ его величеству оказали бы вы немалую услугу, изъяснивъ при томъ въ письмѣ ту мысль, что указомъ, по коему опредѣлены вы губернаторомъ, предоставлено было вамъ заслужить милость его величества, что высочайшимъ одобреніемъ по отправленіи должности вашей вы достигли счастья удовлетворить ожиданіямъ etc. etc., но что, сверхъ сего, руководствуясь неограниченной преданностію къ его величеству, зная, сколь велики суть старанія его объ устройствѣ государства, и убѣждены будучи въ настоятельной нуждѣ исправленія, вы повергаете (хотя сокращенно) все то, что изъ опыта нынѣ еще болѣе сдѣлалось вамъ извѣстнымъ, что вы, не обременяя его величество обширнымъ изложеніемъ недостатковъ и лучшаго устройства, готовы будете представить оныя тому, кто получить приказаніе съ вами снестись; что тутъ не имѣете вы и не можете имѣть лично никакихъ видовъ, понеже просьба, вами прежде принесенная о сенаторствѣ, должна служить доказательствомъ, что вы не могли прочить себя къ продолжительному занятію настоящаго вашего мѣста и пр. Я думаю, что подвигъ сей могъ бы быть весьма полезенъ; вреда же, безъ сомнѣнія, не можетъ онъ произвести. Много я о семъ думалъ и удостовѣренъ, что вездѣ, такъ, какъ и у насъ, надобно избирать приличное для всего время, а таковымъ нахожу я настоящее для расположенія вышеупомянутымъ образомъ поведенія вашего; но надобно только поспѣшить, дабы напрасно не потерять времени.

«Впрочемъ я не нахожу нужды удостовѣрять васъ, что, предлагая вамъ мысли сіи, я не могу имѣть никакихъ личныхъ видовъ. Двумя побужденіями руководствуюсь я: желаніемъ, чтобы государь пріобрѣлъ въ васъ полезнаго слугу, и желаніемъ, чтобъ вы выведены были окончательно изъ непріятнаго положенія вашего. Вы сему легко повѣрите, зная меня и вспомя, что я не только чрезъ васъ ничего не искалъ, когда вы здѣсь были, но что и самъ лично ни о чемъ, до меня касающемся, не беспокоилъ его величество. Я паче всего желаю, чтобъ могло умножиться число людей способныхъ въ разныхъ званіяхъ. Недостатокъ

онихъ есть прямое бѣдствіе. Удивитися надобно, какъ мы отошли назадъ даже въ отношеніи редакціи бумагъ; перемѣнился языкъ, и логики не много.

«Описывая мнѣ обстоятельства перемѣны положенія вашего, вы весьма съ основаніемъ оказываете нѣкоторое удивленіе, что дѣло ваше было связано вмѣстѣ съ дѣломъ Магницкаго. Я всегда считалъ его различнымъ и еще болѣе теперь здѣсь удостовѣрился, что вы весьма правильно онаго съ своимъ не сливали. Г. Магницкій можетъ имѣть хорошія качества, но не полагаю я, чтобъ онъ о всемъ здраво судилъ и чтобъ всегда благоразумно поступалъ. Вы не можете напередъ соединять съ нимъ вашего жребія.

«Поздно, можетъ быть, примѣтилъ я, что искреннее мое желаніе вамъ всякаго добра заставило меня перейти предѣлы, дозволяемые въ обыкновенномъ партикулярномъ письмѣ. Я не пзвиняюсь, ибо побужденія мои вамъ извѣстны. Прошу по прочтеніи истребить мое письмо, не потому, чтобъ я не былъ готовъ всегда сознать того, что я пишу, но потому, что многіе меня не разумѣютъ и что изъ многихъ опытовъ видѣлъ я, что и самыя чистыя намѣренія нерѣдко у насъ перетолковываются.

«Примите увѣреніе искренней моей преданности».

Такимъ образомъ и стъ Кочубея, вмѣсто помощи и прямаго содѣйствія, были только—совѣты. Продавъ нѣсколько мѣсяцевъ, не послѣдуетъ ли чего по отправленному черезъ Вязмитинова письму о сенаторствѣ, Сперанскій, въ началѣ февраля 1819 года, обратился къ тому же Вязмитинову, какъ непосредственному своему начальнику, съ ходатайствомъ о четырехмѣсячномъ отпускѣ въ Петербургъ для устройства домашнихъ дѣлъ. Но Сперанскаго ждало другое: 22-го марта 1819 года былъ подписанъ указъ о назначеніи его сибирскимъ генералъ-губернаторомъ.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

Памяти В. А. Жуковского.

Помню я юношей дни незабвенные,
Полные прелестей нѣжной любви,
Дни мимолетные, дни многоцѣнные,
Жаръ возбуждавшіе въ юной крови.

Помнится время, время чудесное,
Какъ намъ Жуковский баллады читалъ,
Что-то прекрасное, что-то прелестное
Въ сердцѣ онъ юныхъ всегда возбуждалъ.

Рѣчь поведеть-ли про наши обычаи
Праотцевъ, дѣдушекъ Русской земли,
Полные мудрости, честности привычки;
Всѣ они пылью времени поросли.

Вспомнить-ли старую Русь православную
Отчину-дѣдину полную силъ,
Духомъ могучую, щедрую, славную,
Какъ ее въ бѣдствіяхъ Богъ сохранилъ.

Съ грустью помянемъ многое милое,
Что безпощадно нашъ вѣкъ измѣнилъ,
Что было юное, сдѣлалось хилое...
Заступъ коснулся и древнихъ могилъ.

Гдѣ нынче „сборниці“, вѣча, собранія?
Гдѣ нынче встрѣтите думныхъ бояръ?
Сгинули „весей“ многихъ названія,
Все поизчезло, словно какъ паръ.

Гдѣ наши пущи и дебри дремучія?
Всѣхъ ихъ порушилъ торговый топоръ.
Гдѣ были сосны, березки плакучія,
Тамъ теперь бурямъ и вѣтрамъ просторъ.

Смокли и пѣсни, колядки, гаданія,
Старымъ потѣхамъ время прошло.
Рѣдко кто вспомнить и Руси преданія,
Видно, что было—быльемъ поросло.

А. И. С — въ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина ¹⁾.

V.

Манифестаціи въ Вильнѣ.—Пѣніе гимновъ.—Ожиданіе религіозной процессіи изъ царства Польскаго.—Участіе въ беспорядкахъ римско-католическаго духовенства.—Его проповѣди и сочиненныя молитвы.—17-е ноября въ Вильнѣ.—Воззваніе.—Положеніе русскихъ служащихъ.—Отъѣздъ автора въ Москву въ отпускъ.—Студенческая исторія.—Возвращеніе автора въ Вильну.

Вспоминая все происходившее, невольно является вопросъ: что бы сдѣлали съ подобными демонстраціями поляковъ, напримѣръ, хоть во Франціи, которая постоянно имъ покровительствовала? Можно сказать съ достовѣрностію, что данный имъ тамъ урокъ отрезвилъ бы ихъ, если не окончательно, то лѣтъ на сто по крайней мѣрѣ; а у насъ оттого они и мятежничаютъ періодически, что мы дѣйствуемъ снисходительно и словно ощупью. У насъ послѣ каждого польскаго возмущенія, гдѣ народъ не принималъ участія, спокойствіе въ краѣ, и то наружное, водворялось на то время, пока не подросло молодое поколѣніе, не видѣвшее всѣхъ гибельныхъ послѣдствій возстанія. Возьмемъ для примѣра текущее столѣтіе.

Въ 1812 году поляки шли въ авангардѣ нашествія на Россію. Самыя страшныя звѣрства продѣланы были ими тогда надъ русскимъ народомъ съ оскверненіемъ и поруганіемъ нашихъ святынь. Въ 1830 году вспыхнулъ вооруженный мятежъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, передъ Венгерскою кампаніею, по цѣлому Западнему краю производились политическія

¹⁾ См. „Русскую Старину“, іюнь 1902 г.

слѣдствія объ эмиссарахъ, и если дѣло не дошло до серьезнаго въ 1848 году, во время венгерскаго возстанія, то благодаря единственно тому обстоятельству, что наши войска наводнили собою царство Польское. Въ 1863 году повторился снова вооруженный мятежъ, страшный не штыками и вооруженною силою, а своею подпольною организаціею и разными интригами, которыя не прерывались никогда, да при нашемъ способѣ дѣйствія никогда и не перестануть ¹⁾).

Но возвратимся къ разсказу.

Въ тотъ же самый день, 31-го іюля, въ г. Вильнѣ съ самаго ранняго утра замѣчено было чрезвычайное движеніе народа. Погода стояла великолѣпная и придавала особенную торжественность цѣлому городу, который въ этотъ день припомнилъ намъ, русскимъ, то золотое время еще столь недавняго прошлаго, когда удовольствія и веселіе были неизмѣнными спутниками нашей общественной жизни. Болѣе четырехъ мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ глазъ нашъ ничего другаго на улицахъ не видѣлъ, кромѣ чернаго цвѣта платьевъ,—и вдругъ въ описываемый день костюмъ городскихъ жителей поляковъ, обоого пола, измѣнился какъ бы по мановенію волшебнаго жезла и принялъ яркій цвѣтъ радуги. Самый нелюбопытный даже наблюдатель, всмотрѣвшись въ эти костюмы, съ перваго же разу могъ бы замѣтить театральную обстановку этого переодѣванія; очевидно, били на эффектъ; возможное и невозможное сочетаніе цвѣтовъ было допущено въ этотъ день и въ дамскихъ, и въ мужскихъ костюмахъ. Встрѣчались сѣдовласныя личности, которыя вмѣсто галстука имѣли на шеѣ розовый или пунцовый бантъ; нѣсколько паръ появилось даже въ польскихъ національныхъ кунтушахъ. По всѣмъ костеламъ совершалось торжественное богослуженіе. Въ ожиданіи, чѣмъ кончится городской маскарадъ, В. И. Назимовъ сидѣлъ со мною и племянникомъ своимъ, чиновникомъ особыхъ порученій Тырковымъ, въ верхней гостиной, около кабинета, и по временамъ входилъ туда, чтобы взглянуть на улицу, по которой толпы народа пробирались къ римско-католическому кафедральному собору.

Въ началѣ перваго часа по полудни, старшій полицеймейстеръ Васильевъ привезъ съ собою во дворецъ какого-то мальчика лѣтъ 13—14 отъ роду, одѣтаго въ черную однобортную чамарку съ конфедераткою на головѣ, въ которой и ввелъ его въ комнату, гдѣ находился генераль-губернаторъ.

— Гдѣ это подхватили такого шута, Петръ Сергѣевичъ?—обратился В. И. Назимовъ съ вопросомъ къ вошедшему полицеймейстеру, и въ

¹⁾ Во время турецкой войны 1877—1878 г. панъ Грохольскій въ Австріи снова поднималъ польскій вопросъ. Вообще при каждомъ затрудненіи Россіи наши благожелатели стараются поднять это архивное дѣло.

то же время взялъ изъ рукъ сконфузившагося мальчика шапочку, которую онъ снялъ съ головы.

— Сынъ богатаго минскаго помѣщика (фамилію я не разслышалъ), живетъ у родныхъ, въ домѣ Карабановича близъ Острыхъ воротъ. Арестовалъ я его на Нѣмецкой улицѣ изъ числа десяти паръ, шедшихъ въ польскихъ національныхъ костюмахъ по Нѣмецкой улицѣ изъ Францисканскаго костела, любимое мѣсто аристократическихъ прогулокъ.

— Отправьте-ка его въ этомъ костюмѣ по этапу къ отцу, — пусть посмѣшитъ народъ.

Само собой разумѣется, слова эти были сказаны въ шутку, чтобы поугатъ мальчика... И дѣйствительно, едва только кончилъ эту фразу генераль-губернаторъ, какъ переряженный мальчуганъ-патріотъ бросился къ нему и, цѣлуя руки, сталъ умолять о помилованіи. Добрѣйшій В. И. Назимовъ дѣлалъ видъ, что не соглашается; шалунъ ревѣлъ навзрыдъ. Минутъ пять продолжалась эта комическая сцена... Затѣмъ обратившійся ко мнѣ генераль-губернаторъ поручилъ мнѣ отвести мальчика на квартиру и передать отъ его имени тѣмъ, у которыхъ тотъ жилъ, что, изъ уваженія къ отцу его, онъ прощаетъ на первый разъ шалость, но не совѣтуетъ допускать повторять ее, иначе взысканіе падетъ не на шалуна, а на тѣхъ лицъ, которымъ ввѣрено попеченіе о немъ. Признаюсь откровенно, я не ожидалъ подобнаго порученія, и оно было для меня крайне непріятно. Дѣйствительно мы, русскіе, подвергались чуть не на каждомъ шагу разнымъ поруганіямъ, возмездіе за которыя намъ было строго воспрещено, а тутъ мнѣ даютъ приказаніе отвести мальчика въ патріотическомъ костюмѣ, арестованнаго полицеймейстеромъ, который, въ виду могущаго быть сопротивленія, счелъ болѣе благоразумнымъ захватить съ собою изъ двадцати лицъ самаго слабого, но дѣлать было нечего. Когда я пригласилъ съ собою мальчугана, онъ протянулъ было руку къ конфедераткѣ, которую все еще держалъ въ рукахъ генераль-губернаторъ.

— Нѣтъ, мой любезный, тебѣ дадутъ шляпу, — сказалъ В. И. Назимовъ; слѣдовало бы надѣть на тебя дурацкій колпакъ съ бубенчикомъ, да и провести по городу; былъ бы впередъ поумнѣе, ну да ужъ Богъ проститъ на этотъ разъ.

Мы вышли. Первая попавшаяся въ передней шляпа была вручена моему спутнику, котораго и повезъ я на извозчикѣ по назначенію. Шляпа оказалась не по мѣрѣ, то и дѣло сползала на носъ молодому патріоту; это обстоятельство сильно его конфузило. Сначала онъ ѣхалъ молча, затѣмъ, не доѣзжая до магазина Фіорентини, то есть сдѣлавши половину пути, этотъ невылупившійся демонстраторъ сталъ громко роптать на то, что его, какъ шута, отправили въ подобной шляпѣ домой.

— Народъ идетъ и смѣется, глядя на меня,—произнесъ онъ со злобой.

— Пусть смѣется. Развѣ вы это не заслужили? Благодарите Бога, что еще такъ дешево отдѣлались; не долго и до грѣха; пожалуй, могли бы и постегать...

— Польскихъ дворянъ не сѣкутъ,—отвѣтилъ нахально мальчишка.

Второй разъ мнѣ приходилось услышать эту фразу и отъ подобнаго же малолѣтка-героя. Желая дать ему добрый урокъ, я крикнулъ извозчику: — Поверни-ка, братецъ, назадъ, да побѣжай поживѣе въ цитадель къ коменданту, тамъ наведутъ справки по поводу словъ его мосьщи.

Увидѣвши, что извозчикъ сталъ поворачивать лошадь, мальчишка бросился на дрожжахъ на колѣни и началъ просить у меня прощеніе. Сцена была дотога комична, что я невольно расхохотался.

— А что, паничъ, не нравится вамъ прогулка въ цитадель? Впередъ будьте поосторожнѣе и повѣжливѣе, а то, пожалуй, долго ли до бѣды.

Наконецъ мы приѣхали по назначенію. Когда я вошелъ въ переднюю съ своимъ спутникомъ, насъ встрѣтила молодая служанка, помиравшая со смѣху; въ то же самое время смѣхъ нѣсколькихъ лицъ доносился и изъ послѣднихъ комнатъ; дверь изъ передней туда была затворена. На мой вопросъ: есть ли кто-нибудь дома изъ старшихъ, чтобы я могъ передать полученное приказаніе генераль-губернатора? служанка отвѣтила, что никого нѣтъ дома. Очевидно, польскіе паны не хотѣли принять русскаго чиновника, такъ какъ, подѣзжая къ дому, я видѣлъ нѣсколько лицъ, обоего пола, смотрѣвшихъ на насъ изъ оконъ; раздававшійся при входѣ моемъ смѣхъ происходилъ, по всей вѣроятности, отъ комической фигуры мальчугана, которую онъ представлялъ изъ себя въ большой шляпѣ. Я былъ радъ отрицательному отвѣту служанки; пожалуй можно было бы наткнуться на непріятную исторію... Сдавши привезеннаго мною демонстратора на руки прислужницы, я поручилъ ей передать господамъ слова генераль-губернатора и, взявши ссуженную шляпу, возвратился во дворецъ, гдѣ и рассказалъ В. И. Назимову свои похождения.

День 31-го іюля, какъ оказалось, этимъ только начался; большія безобразія предназначены были коноводами на послѣ обѣда; утромъ же послѣ торжественнаго богослуженія, пѣли по костеламъ революціонный гимнъ. Возвращаясь отъ Острыхъ воротъ во дворецъ, я былъ пораженъ силою звуковъ органа въ Св. Янскомъ костелѣ, подъ который пѣли тамъ этотъ гимнъ. Стѣны храма, казалось, дрожали отъ негодованія при такомъ явномъ оскорбленіи святыни, а люди, ослѣвленные ненавистью, старались, повидимому, неистовымъ своимъ выкрикиваніемъ пересилить самый органъ, и въ святомъ мѣстѣ вѣры и любви выразить

свою злобу и ненависть къ своимъ русскимъ собратіямъ. Къ четыремъ часамъ по полудни, народная толпа болѣе пяти тысячъ человекъ зашурдела не только всю Остробрамскую улицу, но и доходила почти до кафедральнаго Николаевского собора. Когда окончилась вечерня въ Остробрамской часовнѣ, къ которой собрались народныя массы, служившій ея ксендзъ, съ зажженою свѣчею въ рукахъ, опустился на колѣни предъ иконою Богоматери, историческимъ достояніемъ святой нашей церкви, которое оттягали всѣми неправдами латиняне, и началъ пѣніе революціоннаго гимна; вся толпа послѣдовала его примѣру. Болѣе получаса продолжался гимнъ подъ открытымъ небомъ... Наконецъ, когда поднявшійся съ колѣнъ ксендзъ задернулъ, по обычаю, занавѣску передъ образомъ, и послѣдній звукъ пѣнія замеръ въ воздухѣ, дворяне Дисненскаго уѣзда Гайдамовичъ и Юхневичъ закричали во все горло польски: «господа братья! пожалуйте въ Бельмонтъ».

Немногіе изъ русскихъ городовъ могутъ посоперничать съ Вильною такимъ разнообразіемъ своихъ окрестностей, которыми природа одарила эту древнюю столицу Литвы. Къ числу такихъ безспорно принадлежатъ: Маркуци, Верки, Закреть, Поплавы, Бельмонтъ и другія подгородныя мѣстности лѣтнихъ прогулокъ и дачъ.

Раскинутая въ полтора верстѣ отъ центра города, у подножія горы, покрытой сосновымъ лѣсомъ, почти на самомъ берегу быстрой рѣчки Вилейки, мѣстность Бельмонтъ представляетъ очаровательный видъ: туда-то и двинулась, по полученному приглашенію, народная толпа, оглашая воздухъ разными восклицаніями. По прибытіи на мѣсто, часть публики остановилась на площадкѣ, подлѣ простой загородной гостиницы, а другая, болѣе, направилась въ находящейся за нею Маркуцкій лѣсъ; затѣмъ началось веселье и бражничанье, которымъ до того времени не бывало еще примѣра. У гостиницы подъ открытымъ небомъ начались танцы. Богатыя аристократки танцовали съ простыми ремесленниками—утѣшительная картина равенства и братства! Танцами распоряжался чиновникъ гражданской палаты Невядомскій, который, въ упоеніи восторга отъ оказанной ему чести, неоднократно провозглашалъ: «еще полонезъ на погибель Москвы». Но и подобныхъ благожеланій было мало для бѣсновавшихся, и вотъ чей-то голосъ закричалъ изъ толпы: «шпіоновъ на фонари»; эта пошлая выходка дотого понравилась присутствовавшимъ на этой сагуриаліи, что громкое «вивать» долго потрясало воздухъ и сильно перепугало воронъ. Между танцами пѣлись патріотическія пѣсни: «еще польска не сгинела», и «маршъ, маршъ, поляцы». Въ то же самое время, когда подобныя безобразія происходили у гостиницы, лѣсная партія не отставала отъ своихъ собратій ни въ танцахъ, ни въ пѣніи гимновъ, которое для большаго эффекта заключено было выстрѣломъ и криками: «москалей на висѣ-

лицу». Нѣкто Юхневичъ произнесъ возмутительную рѣчь къ ремесленникамъ, которую окончилъ словами: «не бойтесь шпионовъ, мы грудью защитимъ васъ... Приходите въ воскресенье въ костель, мы тамъ помолимся Богу». «Вивать!» было отвѣтомъ доморощенному оратору, а присутствовавшій при этомъ графъ Тышкевичъ за три слова: «дальше, господа, дальше», былъ поднятъ толпою на руки при всеобщихъ крикахъ. Заключеніемъ гулянья было угощеніе дамъ въ гостиницѣ, при чемъ произведена складка денегъ на освобожденіе угнетенной ойчизны. Поздно вечеромъ разошлась по домамъ толпа, упоенная восторгомъ по случаю выраженной открыто ненависти къ москалямъ. Что же, спрашивается, дѣлала мѣстная власть въ то время, когда публично происходили подобныя безобразія? Какимъ образомъ полиція допустила эти сборища, направленные прямо на поруганіе всего того, что носило названіе русскаго? Первая бездѣйствовала отчасти потому, что у нея связаны были руки изъ Петербурга, который не хотѣлъ вѣрить, благодаря интригамъ поляковъ, въ серьезность этихъ демонстрацій; при томъ надо сказать правду, она потеряла голову въ этомъ политическомъ водоворотѣ страстей, разжигаемыхъ съ запада, и положительно не знала, что ей дѣлать. Полиція же, большею частію составленная изъ поляковъ, потворствовала подъ рукою безпорядкамъ; если же, при поддержкѣ, и нашла бы въ средѣ ея немногія личности, которыя не захотѣли бы нарушить вѣрноподданническій долгъ, то, подвергаясь публично и среди бѣлаго дня разнымъ дерзостямъ, они вынуждены были держаться въ сторонѣ. Чтобы составить себѣ хоть легкое понятіе о томъ невыносимомъ положеніи, въ которое поставлено было наше малочисленное русское общество, я прошу благосклоннаго читателя прослѣдовать за мною по виленскимъ событіямъ. Мы, русскіе, были осуждены на безропотное терпѣніе; намъ строго-настрою было приказываемо устраняться отъ столкновеній съ поляками. Конечно, это приказаніе было благоразумно, но каково-то было исполнять его, когда на каждомъ шагѣ преподносили намъ разныя дерзости.

Въ первыхъ числахъ августа мѣсяца, семейство В. И. Назимова возвратилось изъ-за границы въ Вильну, чему я крайне обрадовался, такъ какъ, укрывая жену отъ уличныхъ обидъ, я отправилъ ее незадолго передъ тѣмъ въ Москву къ моимъ родственникамъ и остался совершенно одинокимъ. Одинъ только гостепріимный домъ коменданта былъ единственнымъ моимъ утѣшеніемъ. Въ виду того, что всѣ уличные безпорядки происходили въ отсутствіи Назимовыхъ, 4-го августа, въ семь часовъ послѣ полудня, весь женскій персоналъ пріѣхалъ въ крѣпость въ гости къ семейству коменданта А. С. Вяткина; имъ хотѣлось, сидя укрытыми на балконѣ, выходившемъ на рѣку Вилію, послушать мотивъ революціоннаго гимна, который ежедневно пѣли поляки

на находившемся вблизи отсюда форштадтѣ Снипшикахъ, предъ статуею Спасителя, за Зеленымъ мостомъ. Въ этотъ день ожидалось туда большое стеченіе народа. Въ исходѣ восьмага часа вечера дѣйствительно тамъ собралась толпа до трехъ тысячъ человекъ, изъ лицъ разныхъ сословій. Ровно въ восемь часовъ начался гимнъ. Ежедневное упражненіе толпы въ этомъ гимнѣ достигло такихъ результатовъ, что пѣніе происходило довольно стройно; можетъ быть, и отдаленный нѣсколько пунктъ, избранный для слушанія, былъ тому причиною, но волны звуковъ доносились до слуха нашего довольно стройно и были лишены тѣхъ рѣзкихъ выкрикиваній, которыми ярые патріоты хотѣли заявить свое усердіе въ дѣлѣ ойчизны. Звуки эти то замирали, то возвышались и, какъ бы катясь по струямъ быстрой Вили, на берегу которой происходила описываемая сцена, доносились до насъ. Молча стоялъ я на балконѣ и, опустивъ голову на грудь, чувствовалъ, какъ кровь переливалась въ моихъ жилахъ. Видѣть ежедневныя поруганія дорогой Россіи, не только молча переносить ихъ, но даже не видѣть и возможности положить имъ конецъ,—все это было для меня постояннымъ мученіемъ, настоящею нравственною пыткой. Минуть двадцать продолжалось пѣніе гимна, какъ вдругъ среди тихаго мотива раздается отчаянный крикъ: «помогите, спасите». Поднявшаяся вслѣдъ за симъ на мѣстѣ происшествія суматоха прекратила пѣніе. Услышавши этотъ отчаянный крикъ, не помня себя, я бросился вонъ изъ комнаты, схватилъ форменную фуражку, которую постоянно носилъ, и, выбѣжавъ на дворъ, перелѣзъ черезъ валъ цитадели, перебѣжалъ мостикъ и, поднявши два камня, пустился опрOMETRY по берегу Вили къ мѣсту происшествія, до котораго было сажень двѣсти; кровь била мнѣ въ голову, въ вискахъ стучало... Я подбѣжалъ къ дому Карабановича (половина пути) и замѣтилъ, что народная толпа стала расходиться; тутъ же встрѣтилъ я квартальнаго надзирателя, который издали наблюдалъ за происходившимъ; отъ него я узналъ, что во время пѣнія раздались въ толпѣ слова: «шпіонъ, шпіонъ». Затѣмъ схваченъ былъ нѣкто Давидовичъ, котораго народъ потащилъ отъ статуи Спасителя къ Зеленому мосту, чтобы сбросить его оттуда въ рѣчку. Къ счастью, Давидовичъ былъ кѣмъ-то скоро опознанъ и отдѣлался только полученными пинками, въ которыхъ обидчики тотчасъ же и извинились передъ нимъ. И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ... Дѣлать было нечего, Давидовичу пришлось утѣшаться мыслію, что онъ получилъ потасовеу за ойчизну и въ добавокъ еще отъ братьевъ-родаковъ. Потирая бока, оттасканный пѣвецъ отправился во-свояси; за нимъ поспѣшила по домамъ и толпа, такъ какъ, услыжавъ крики на берегу рѣки, дежурный казачій патруль показался изъ манежа на Виленской улицѣ. Этотъ случай, за который досталась мнѣ нравоучительная головомойка, показалъ наглядно, что

*

толпа была сильно раздражена; малѣйшій поводъ могъ повести за собою серьезные послѣдствія. Поводъ этотъ и не замедлил явиться.

Послѣ ковенской демонстраціи 31-го іюля распущены были по Вильнѣ слухи, что изъ царства Польскаго черезъ Ковно идетъ сюда процессія съ хоругвями и разными эмблематическими знаками единенія Литвы съ Польшею. Слухи эти, при всей неправдоподобности, сильно взволновали городское населеніе, которое и безъ того было уже порядкомъ возбуждено полною безнаказанностію бельмонтскихъ безобразій; а это какъ разъ было на руку вожакамъ беспорядковъ. Не смотря на объявленія полиціи, расклеенныя по цѣлому городу, что никакой процессіи изъ Польши не придеть, толпа любопытныхъ ходила ежедневно на Погулянку (городское предмѣстье), съ котораго цѣлая Вильна видна, какъ на ладони, откуда ожидалась процессія. Нѣсколько дней сряду повторялось уже это путешествіе и каждый разъ напрасно. (Прождавъ попусту нѣсколько часовъ, встрѣчавшіе спокойно расходились по домамъ). Были между ними и такіе, которые выходили навстрѣчу ожидаемой процессіи верстъ за десять отъ города, на Панарскія высоты, близъ которыхъ разбитъ былъ въ 1831 году Гелгудъ. Не посвященные въ тайну задуманной манифестаціи не подозрѣвали даже, что въ распущенной молвѣ о процессіи скрывалась совершенно другая цѣль, обнаруживать которую заблаговременно коноводы не рѣшались, изъ боязни, чтобы правительство не воспрепятствовало демонстраціи, тѣмъ болѣе, что съ нѣкотораго времени къ сборищамъ посылались казацкіе патрули или взводы солдатъ, которымъ, однако, строго настрого было приказано стоять смирно. Тайная цѣль агитаторовъ состояла въ томъ, чтобы произвести большую демонстрацію за Трокскою заставою, на мѣстѣ казни политическаго преступника Казарскаго, разстрѣляннаго тамъ 13-го февраля 1837 года. У нѣкоего Бонольди, учителя пѣнія, была изготовлена литографированная брошюра съ подробнымъ описаніемъ выдуманныхъ похиженій этого сумасброда и небывалыхъ пытокъ, которыя онъ будто бы вытерпѣлъ во время ареста. Нѣсколько экземпляровъ этой брошюры въ послѣдствіи найдено было во время обыска въ литографіи и фотографіи, которую открылъ Бонольди съ политическою цѣлію; передъ началомъ обыска Бонольди успѣлъ скрыться и затѣмъ бѣжалъ за границу. Для привлеченія болѣе массы народа, день для манифестаціи выбранъ былъ 6-го августа, праздникъ Преображенія Господня. Такъ какъ приготовленія къ этой демонстраціи были слишкомъ очевидны, то для предотвращенія беспорядковъ, по распоряженію генераль-губернатора, поставлена была въ этотъ день съ утра одна рота пѣхоты съ сотнею казаковъ у Трокской заставы съ приказаніемъ не пропускать за нее толпу; кромѣ того три роты ожидали въ полной готовности дальнѣйшихъ распоряженій въ цитадели—въ казармахъ. Въ назначенный

для демонстраціи день распушевъ былъ коноводами по городу слухъ, что столь давно ожидаемая процессія прибудетъ наконецъ въ Вильну къ 8 часамъ вечера. Вслѣдствіе этого, начиная съ послѣ-обѣда, народъ сталъ собираться къ Трокской заставѣ, такъ что къ пяти часамъ вечера толпа возросла до трехъ тысячъ лицъ обоого пола; но такъ какъ у заставы стояли войска, то народъ остановился въ тѣнистыхъ аллеяхъ, обрамляющихъ съ обѣихъ сторонъ улицу, ведущую къ заставѣ. Въ то самое время, когда все это происходило, генераль-губернаторъ прислалъ за мною жандарма съ приказаніемъ немедленно явиться къ нему по очень сѣшному дѣлу, что я тотчасъ же и исполнилъ. В. И. Назимовъ ожидалъ меня въ нижней гостиной.

— Вотъ вамъ предписаніе и подорожная,—сказалъ онъ мнѣ послѣ привѣтствія,—немедленно отправляйтесь въ Трокскій уѣздъ и осмотрите побережье Нѣмана. Если замѣтите, что готовится какая-нибудь демонстрація изъ царства Польскаго,—распорядитесь тотчасъ же не допускать ее оттуда. Исправникъ будетъ вамъ содѣйствовать. Возьмите съ собою для безопасности и въ помощь двухъ жандармовъ... Скорѣе возвращайтесь.

— Какую же помощь,—отвѣчалъ я,—могутъ оказать мнѣ два жандарма противъ толпы? Позвольте мнѣ ѣхать одному... Въ статскомъ платьѣ меня никто не узнаетъ. По-польски я говорю, значить, бояться мнѣ нечего; одному мнѣ легче будетъ собрать нужныя свѣдѣнія, а жандармы только меня задержать, вѣдь тамъ проселокъ, трудно будетъ собрать лошадей.

— Ну, пожалуй, возьмите съ собою одного жандарма. Сейчасъ же и поѣжайте.

Пожавъ мнѣ руку, добрѣйшій Владиміръ Ивановичъ перекрестилъ меня на дорогу.

Вышедши изъ дворца, я направился по Доминиканской улицѣ къ жандармскому полковнику А. М. Лосеву, съ которымъ жилъ дружно; я хотѣлъ попросить его поскорѣе командировать жандарма и приказать пріѣхать ему за мною на квартиру на почтовыхъ лошадяхъ. Не доходя полиціи, противъ Европейской гостиницы, я увидѣлъ слѣдующую сцену: дѣвочка лѣтъ четырнадцать на видъ, ухватившись за водосточную трубу полицейскаго дома, усиленно старалась удержаться на мѣстѣ, вырываясь изъ рукъ одѣтой въ черныя шерстяной салопъ женщины, которая тащила ее за собою. Подходя къ нимъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, я замѣтилъ, что вышедшая тогда изъ Нѣмецкой улицы сплошная толпа народа повернула на Троксую улицу, ведущую къ заставѣ. Хотя хвостъ толпы скрывался отъ меня за кривизною Нѣмецкой улицы, но можно было безошибочно сказать, что видѣнная мною народная масса, состоящая изъ лицъ всѣхъ сословій, простиралась за двѣ тысячи че-

ловѣкъ. Понявши, въ чемъ дѣло, я бросился опрометью во дворецъ и нашель при генераль-губернаторѣ управлявшаго канцелярію, дежурнаго штабъ-офицера полковника Галлера и старшаго полицеймейстера полковника Васильева.

— Вы еще здѣсь?—спросилъ меня съ удивленіемъ В. И. Назимовъ, когда я вошелъ съ поспѣшностію въ гостиную. Я рассказалъ причину моего возвращенія.

— Пожалуйста, Иванъ Владиміровичъ, поѣзжайте поскорѣе къ коменданту,—отвѣтилъ генераль-губернаторъ на мой докладъ, обращаясь къ полковнику Галлеру, и передайте Александру Сергѣевичу мое приказаніе послать на Погулянку батальонъ солдатъ, у него люди уже готовы. Пусть пройдутъ по городу съ барабаннымъ боемъ. А васъ прошу, Петръ Сергѣевичъ, продолжалъ В. И. Назимовъ, обращаясь къ полицеймейстеру, немедленно взять изъ манежа сотню донцовъ и вести лично ихъ туда же. Только, пожалуйста, избѣгайте насилія и постарайтесь убѣдить народъ разойтись по домамъ, за заставу не пропускать никого, хоть бы пришлось пустить въ дѣло нагайки.

Послѣ этихъ словъ мы всѣ поспѣшно вышли для исполненія возложенныхъ на насъ порученій.—Отъ души желаю вамъ полнѣйшаго успѣха,—послышалось за нами.

Оказалось, что встрѣченная мною толпа, въ которой было много и пьяныхъ лицъ, послѣ обычнаго гимна передъ Остробрамскою часовнею, направилась, по приглашенію коноводовъ, по Нѣмецкой улицѣ черезъ Трокскую на Погулянку, чтобы идти на могилу Канарскаго. Эта послѣдняя цѣль, какъ сказано выше, была извѣстна многимъ, большинство же народа шло навстрѣчу ожидаемой изъ царства Польскаго процессіи. Разставленные цѣпью казаки старались задержать идущихъ, но, видя, что толпа сильно напирала, шагъ за шагомъ подавались назадъ. Въ то время, когда уже поровнялись съ нѣмецкимъ кладбищемъ, черезъ Малую Погулянку прискакалъ съ казаками полицеймейстеръ и сталъ уговаривать народъ разойтись по домамъ, увѣряя толпу, что никакой процессіи не будетъ, а за заставу никого не пропустятъ. Слова его были встрѣчены криками и бранью, а между тѣмъ толпа настойчиво подавалась впередъ и наконецъ слилась въ одну съ прежде тамъ находившимся народомъ. Во время переговоровъ полицеймейстера дворянинъ Виленскаго уѣзда Кржижевичъ и сапожный подмастерье Вельць, убѣждая толпу послѣдовать ихъ примѣру, бросились на взводъ солдатъ пѣхоты, поставленный около заставы поперекъ дороги. Солдаты держали ружья на-руку; минута была критическая, малѣйшая оплошность, и кровь хлынула бы рѣкою. Только благодаря страшной сдержанности нашего героя-солдата все кончилось благополучно. По зову зачинщиковъ, толпа двинулась впередъ, а они,

схватясь за штыки, старались прорваться сквозь войско за заставу. Надо отдать справедливость нашимъ солдатамъ. Исполняя приказаніе, они старались только удержать въ рукахъ своихъ ружья и не пропустить нападавшихъ, которые при этомъ еще кричали: «ну, попробуй, ударь штыкомъ... не посмѣешь, Наполеонъ не приказалъ». Видя стойкость солдатъ и не смѣя напасть на нихъ, зачинщики начали бросать изъ толпы камнями, которые имъ подносили въ подолахъ платьевъ женщины. Когда и это не могло поколебать ряды солдатъ, раздраженная толпа, видя безнаказанность дѣйствій, бросилась къ заборамъ огородовъ, разобрала колья и была готова атаковать солдатъ, но въ этотъ самый моментъ державшіеся за штыки Кржижевичъ и Вельць, получивъ удары прикладами въ грудь, повалились на землю. При видѣ ихъ паденія, нападающіе остановились; въ это время оба зачинщика были подняты съ земли и отнесены на гауптвахту; изъ толпы снова посыпались камни въ солдатъ. Такъ какъ дальнѣйшее снисхожденіе къ безчинствующимъ могло только усилить серьезность безпорядка, то полицеймейстеръ попросилъ командира Донскаго № 42 полка приказать казакамъ очистить мѣсто нагайками. Раздалась команда: «на коней», и велѣдъ за тѣмъ казацкая сотня въ рассыпанномъ строю двинулась шагомъ на бушевавшую толпу; при этомъ случаѣ офицеръ, трубачъ и трое казаковъ получили довольно сильные ушибы колыями и камнями. Это сопротивленіе толпы послужило поводомъ къ тому, что казаки ударили въ плети... Не прошло затѣмъ и пяти минутъ, какъ на мѣстѣ сборища никого не осталось. Мужчины и женщины, аристократки и мѣщанки— все бросилось врасыпную, кто куда успѣлъ; пострадали при этомъ: капуста на огородахъ, по которымъ разсыпались бѣгущіе, да спины ихъ, получавшія въ догонку на память о событіи ударъ казацкой плети. Въ этомъ преслѣдованіи всѣ сословія были уравнены, богатая владѣлица Абрамовичъ, ея внучка, одна изъ дочерей генераль-губернаторскаго чиновника особыхъ порученій генераль-маіора Абрамовича, купчиха Орельбрандъ и другіе долго, вѣроятно, помнили погулянское происшествіе.

— Порядкомъ таки перепятнали народу,— заключилъ мнѣ свой рассказъ казацкій полковникъ,—никого не обошли, авось поуймутся.

Въ этотъ день въ первый разъ, отъ начала политическихъ безпорядковъ, войска наши получили хоть какое-нибудь удовлетвореніе за постоянныя оскорбленія, которыя сыпались на нихъ со всѣхъ сторонъ болѣе чѣмъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Бѣжавшая съ Погулянки толпа все-таки не унялась... Масса народа, спасаемая отъ нагаекъ на Погулянской улицѣ, направилась снова къ Остробрамской иконѣ Божіей Матери, оглашая Вильну неистовымъ пѣніемъ революціоннаго гимна, и затѣмъ разошлась по домамъ. Такъ

кончился день 6-го августа въ Вильнѣ, но не такимъ его изобразили наши доброжелатели, имѣвшіе въ виду натравить на насъ Европу. Иностранная пресса, благодаря центральному комитету и заграничнымъ выходцамъ, изобразила это происшествіе самою безпощадною бойнею, во время которой, къ стыду и ужасу цивилизаціи, погибло множество беззащитныхъ жертвъ, при чемъ часть изъ нихъ пала, будто бы, подъ штыками разъяренныхъ солдатъ, а другая была потоплена въ Вилии, которая, къ слову сказать, отъ мѣста происшествія находилась около полутора версты разстояніемъ, за городомъ. Но этого еще мало... По цѣлому краю разослано было подпольнымъ комитетомъ посланіе, призывавшее поляковъ къ молитвѣ за упокой мнимо-убиенныхъ за ойчизну въ этотъ день на Погулянкѣ и лишенныхъ даже христіанскаго погребенія!..

Хотя и не стоило бы обращать никакого вниманія на подобныя выходки, но генераль-губернаторъ, въ виду нападокъ на него заграничныхъ газетъ и разныхъ жалобъ въ Петербургъ, счелъ нужнымъ официальнымъ путемъ собрать по этому поводу всѣ необходимыя разъясненія и опубликовать ихъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ». Посланы были запросы губернатору, губернскому предводителю дворянства, городскому головѣ и старшему полицеймейстеру. По полученнымъ отъ нихъ официальнымъ донесеніямъ оказалось, что въ городѣ Вильнѣ 6-го августа и въ послѣдующіе затѣмъ дни не только убитыхъ, но и утопленниковъ не оказалось, равно и безъ вѣсти пропавшихъ изъ мѣстныхъ жителей никого не было. Ударенные прикладами въ грудь Кржижевичъ и Вельцъ, пролежавъ недѣлю въ военномъ госпиталѣ, были отправлены въ политическую тюрьму для производства слѣдствія. Не смотря на все это, зауспокойныя молебствія по убитымъ будто бы на Погулянкѣ въ праздникъ Преображенія Господня шли своимъ обычнымъ чередомъ. Интересно всего здѣсь то, что когда задуманная демонстрація потерпѣла 6-го августа фіаско, въ городѣ стали обвинять правительственную власть, что она сама подала поводъ къ безпорядкамъ, умышленно распустивъ слухи о процессіи изъ царства Польскаго, и въ подтвержденіе приводили то обстоятельство, что виленскій вице-губернаторъ И. И. Набоковъ, исправлявшій тогда должность губернатора, воспретилъ чиновникамъ губернскаго правленія встрѣчать процессію. Какъ ни нелѣпо подобное обвиненіе, а все-таки оно было сдѣлано и наглядно характеризуетъ подпольную тактику поляковъ, привыкшихъ сваливать вину съ больной головы на здоровую.

Вышеописанное происшествіе задержало меня въ Вильнѣ почти до девяти часовъ вечера; но вотъ, наконецъ, поѣхалъ я на тройкѣ перекладныхъ, въ сопровожденіи жандарма въ г. Троки, расположенный на берегу озера. Подѣхавши къ дому исправника, я насилу могъ тамъ

достучаться; хотя пробило только одиннадцать часовъ,—грязный городишка спалъ глубокимъ сномъ. Отъ вышедшаго, наконецъ, полицейскаго сторожа я узналъ, что исправникъ Черныявскій два дня тому назадъ уѣхалъ куда-то по Нѣману, и неизвѣстно, когда возвратится. Очевидно было, что вѣсть о процессіи проникла и въ этотъ смиренный уголокъ, населенный исключительно караимами, и что исправникъ, весьма дѣльный и распорядительный человекъ, отправился на розыскъ. Это обстоятельство какъ нельзя болѣе благоприятствовало исполненію возложеннаго на меня порученія. Переѣхавши лошадей, отправился и я на всю ночь въ путешествіе. Погода стояла отличная, и ночная прохлада умѣряла дѣйствіе пыли, которая была крайне несносна въ этой мѣстности, такъ какъ путь лежалъ по глубокимъ пескамъ. Въ десять часовъ утра нашелъ я, наконецъ, исправника въ одной корчмѣ на берегу Нѣмана; тамъ онъ сидѣлъ инкогнито уже двое сутокъ и ожидалъ процессіи, но она не появлялась, и было основаніе предположить, что никакой процессіи не будетъ, такъ какъ два дня тому назадъ изъ мѣстнаго костела въ м. Румшишкахъ ксендъ отпустилъ въ лодкѣ хоругви и образа въ царство Польское, откуда они уже и возвратились. При томъ по всему побережью находились, по распоряженію исправника, тысячи, которымъ приказано было давать ему немедленно знать обо всемъ, что только они замѣтятъ по поводу ожидавшейся демонстраціи. Вооруженный такими данными и распростившись съ исправникомъ, который предполагалъ проѣхать берегомъ Нѣмана, я направилъ путь свой въ Вильну, куда и прибылъ въ исходѣ пятаго часа по полудни прямо къ обѣду генераль-губернатора, которому и доложилъ о своемъ путешествіи.

Такъ какъ демонстрація 6-го августа грозила нарушеніемъ общественной безопасности, то генераль-губернаторъ на другой день послѣ этого происшествія вошелъ къ военному министру съ представленіемъ объ исходатайствованіи высочайшаго разрѣшенія, для подавленія политическихъ беспорядковъ, производить надъ виновными военный судъ въ двадцать четыре часа, съ предоставленіемъ ему власти подтвердить такіа дѣла окончательно и приводить конфирмаціи въ исполненіе немедленно. 31-го августа послѣдовало высочайшее соизволеніе на эту мѣру; но она осталась безъ примѣненія, какъ по крайней добротѣ В. И. Назимова, такъ и потому, что 9-го августа были опубликованы высочайше утвержденныя правила на случай объявленія въ западныхъ губерніяхъ военнаго положенія, и были учреждены, такъ названныя, полицейскіе суды для разбора по политическимъ дѣламъ. Но угроза военнымъ положеніемъ нисколько не остановила безчинствующихъ, а полицейскіе суды скорѣе принесли вредъ, чѣмъ пользу, за весьма ничтожными исключеніями, такъ какъ виновные постоянно были освобо-

даемы отъ отвѣтственности. Приводить, бывало, полицейскій чиновникъ или городской какое-нибудь лицо, взятое имъ при пѣніи гимна; обвиняемый выставляетъ свидѣтелей, что полиція схватила его мимоходомъ; вызванные свидѣтели подтверждаютъ слова обвиняемаго, и судъ поневолѣ долженъ былъ освобождать обвиняемаго полиціею отъ взыскапія. Подобные факты не могли не подрывать кредитъ правительственной власти въ краѣ, а она и безъ того не могла похвалиться своимъ значеніемъ. Подверглись взысканіямъ только тѣ, кто хотѣлъ пощеголять своимъ краткосрочнымъ арестомъ или показать, что штрафъ для него ровно ничего не значить.

Такъ какъ волненіе въ Вильнѣ послѣ погулянской исторіи, не смотря на полицейскіе суды, нисколько не уменьшалось, то генераль-губернаторъ вынужденъ былъ объявить 25-го августа военное положеніе. Объявленіе военнаго положенія сопровождалось въ городѣ разными шутовскими выходками, явно показывавшими то мнѣніе, которое составили себѣ поляки о правительственной власти въ краѣ и объ ея распоряженіяхъ. Въ числѣ другихъ мѣръ, принятыхъ по поводу военнаго положенія, приказано было, чтобы послѣ девяти часовъ никто, кромѣ военныхъ, не ходилъ по городу безъ фонаря, и въ первый же вечеръ появились на улицахъ мальчишки съ демонстраціями: одни изъ нихъ имѣли разныхъ видовъ и формъ фонари, воткнутые на длинныя палки, у другихъ, шедшихъ гуськомъ или попарно, небольшіе фонарики были помѣщены по срединѣ шеста, длиною сажени въ три. Впрочемъ, аресты и наказанія при полиціи скоро прекратили подобныя выходки. Но зато расклеенныя распоряженія генераль-губернатора или объявленія полиціи едва только появлялись на стѣнахъ домовъ, какъ тотчасъ же и срывались; тамъ же, гдѣ этого сдѣлать было невозможно, всѣ объявленія пачкались навозомъ или грязью; толки о разныхъ распоряженіяхъ центрального комитета стали все болѣе и болѣе распространяться по городу. Впрочемъ, со времени объявленія военнаго положенія открытыя манифестаціи поляковъ замѣтно уменьшились, такъ какъ сборища на улицахъ были воспрещены; вскорѣ затѣмъ прекратилось и самое пѣніе гимновъ по костеламъ; сохранилась только музыка, на которую и передѣляли разныя церковныя пѣсни; одинъ только трауръ по оскорбленной ойчизнѣ остался во всей своей силѣ. Пѣніе революціоннаго гимна было прекращено слѣдующимъ подпольнымъ воззваніемъ отъ 6-го сентября:

«Братья соотечественники!

«Мученія и всякаго рода преслѣдованія и притѣсненія, дѣлаемые врагами беззащитному польскому народу, обратили весь народъ къ стопамъ Предвѣчнаго, какъ единственнаго и вѣрнѣйшаго защитника и покровителя угнетенныхъ... Но молитва, высказанная откровенно и

громко, въ гимнѣ «Boze cos Polska», сдѣлалась несносною гонителю. Она напомнила ему и преступленіе, которое имъ совершено, и наказаніе въ будущемъ изъ рукъ Божіихъ, которое онъ заслужилъ. Чтобы принудить народъ къ оставленію этой молитвы, врагъ совершаетъ новыя мученія и преслѣдованія даже и въ святыхъ, и выдумалъ новые суды, гдѣ нѣтъ тѣни правосудія и справедливости, и подъ законнымъ видомъ производитъ грабежъ съ невинныхъ для увеличенія истощенной казны.

«А потому, братья соотечественники, чтобы не оставить врагу и вида законности къ мученіямъ и грабежу, вмѣняется вамъ въ обязанность, чтобы на нѣкоторое время оставили громкое пѣніе по костеламъ національнаго гимна, а только говорили его въ извѣстное время, какъ тихую молитву, а вмѣсто того, послѣ литургіи пѣли псаломъ: «Богъ наше прибѣжище» и «Aniol Palski» за упокой мучениковъ, павшихъ въ бою за независимость родины и беззащитно замученныхъ врагами. Во всѣхъ религіозныхъ пѣніяхъ, которыя обыкновенно совершаются народомъ, или въ начатыхъ ксендзомъ, всѣ находящіяся въ храмѣ обязаны принимать участіе».

Съ самаго начала политическихъ безпорядковъ въ краѣ, въ которыхъ, какъ мы видѣли выше, первыя роли играли женщины и молодежь, ксендзы, хотя и принимали въ нихъ самое дѣятельное участіе, но проявленіе своей дѣятельности ограничивали совершеніемъ заупокойныхъ молебствій, присутствіемъ при пѣніи революціоннаго гимна, принятіемъ участія въ этомъ пѣніи и наконецъ тайными поощреніями совершавшихся безпорядковъ. Съ августа мѣсяца они становятся смѣлѣе, мало-по-малу пускается въ ходъ проповѣдь. Проповѣдь эта идетъ къ цѣли шагъ за шагомъ, начиная говорить о событіяхъ иносказательно, намеками. Такая проповѣдь была сказана 14-го августа въ Остробрамскомъ костелѣ. «Народъ долженъ быть устойчивъ»,—говорилъ проповѣдникъ,—«и терпѣливъ въ тяжкое время преслѣдованія церкви и христіанъ, подобно тому, какъ терпѣли предки наши во время нападенія на города, разоренія ихъ и всеобщаго убійства, и Всевышній Господь умилосердился и избавилъ ихъ. И теперь безъ сокрушенія и наказанія никто не можетъ быть спасенъ. Будьте мужественны и переносите все терпѣливо». Солидарность ксендзовъ въ дѣйствіяхъ видна изъ того, что въ тотъ же самый день настоятель костела св. Іоанна ксендзъ Гундіусъ, послѣ подобной же проповѣди, не велѣлъ играть на органѣ, какъ бы слѣдовало, чтобы не помѣшать пѣнію революціоннаго гимна. Вообще можно сказать съ достовѣрностію, что римско-католическое духовенство съ своимъ архипастыремъ во главѣ предано было и душою и тѣломъ польской справѣ; но болѣе другихъ выдавались въ то время своими выходками ксендзы Гундіусъ, Бышевскій и Шульць. Послѣдній,

прибывшій недавно изъ Петербурга, былъ назначенъ проповѣдникомъ; онъ былъ самый красивый изъ этой тройки. На 17-е ноября, въ воспоминаніе перваго дня возстанія 1830 года, назначена была въ Вильнѣ огромная манифестація. Какъ видно, вожаки безпорядковъ не стѣснялись военнымъ положеніемъ, которое, кстати сказать, и соблюдалось-то весьма нестрого. Въ этотъ день, по совершеніи торжественнаго молебствія во всѣхъ городскихъ костелахъ, предполагалось собраться передъ дворцомъ, жилищемъ генераль-губернатора, и потребовать, чтобы онъ вышелъ къ народу и, выслушавъ его желаніе, изложенное въ особомъ адресѣ, представилъ бы таковой къ государю императору; хотѣли требовать возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 года! Чтобы приготовить толпу къ столь дерзкой манифестаціи, ксендзъ Шульцъ произнесъ 12-го ноября самую яркую проповѣдь, въ которой обвинялъ правительство, что оно угнетаетъ религію, оскверняетъ храмы, запрещая молиться и отрывая силою отъ образа Богоматери молящихся, наполняетъ ими темницы. Можно себѣ представить тотъ эффектъ, который произвели эти слова на возбужденныя и безъ того уже страсти. Своды костела, вслѣдъ за послѣднимъ словомъ проповѣди, огласились неистовымъ пѣніемъ революціоннаго гимна, который вскорѣ за введеніемъ военнаго положенія совсѣмъ было прекратился; женщины начали пѣніе, которое затѣмъ подхватила толпа, не только находившаяся въ храмѣ, но и собравшаяся въ громадномъ числѣ около костела за недостаткомъ мѣста внутри. Вслѣдъ за этимъ по городу расклеено было объявленіе о манифестаціи, которое гласило слѣдующее:

«День 17-го (29-го) ноября былъ первымъ днемъ народнаго возстанія въ 1830 году, въ который Польша, въ присутствіи Бога и человечества, торжественно запротестовала противъ сдѣланныхъ злодѣяній разьединенія и богатырскою битвою убѣдительно заявила, что никакой злой рокъ, никакое несчастіе не пошатнутъ вѣры въ будущность и что въ предопредѣленную часть она добьется своей свободы и правъ, у нея вырванныхъ. День этотъ въ нашемъ прошедшемъ составляетъ лучшее воспоминаніе о нашей дѣятельной жизни. День 17-го (29-го) ноября есть тридцать первая годовщина ноябрьскаго возстанія и, какъ образъ близкаго возрожденія отечества, есть день публичной радости.

«Посему призываемъ всѣ провинціи и всѣ сословія Польши въ этотъ праздничный день торжествовать память великаго народнаго акта и помолиться небу общею молитвою о благотворномъ исполненіи душевныхъ своихъ желаній. Трауръ въ этотъ день имѣетъ быть снятъ.

«О разглашеніи и исполненіи этого объявленія взывается ко всѣмъ усерднымъ людямъ».

Не смотря на усердіе и разглашеніе, задержанная манифестація все-таки не удалась. Проповѣдь ксендза Шульца послужила поводомъ къ

обыскамъ, произведеннымъ тогда одновременно у него и другихъ ксендзовъ Гундіуса и Бышевскаго. Всѣ трое патеровъ были крайне скомпрометтированы, но болѣе всѣхъ Шульцъ: у него найдено было 59 книгъ и брошюръ революціоннаго содержанія; взято было нѣсколько черновыхъ адресовъ, въ которыхъ указывалось на необходимость отдѣленія Сѣверо-Западнаго края отъ Россіи и присоединенія къ Польшѣ. Всѣ эти ксендзы были высланы изъ края административнымъ порядкомъ. Не лишнимъ будетъ здѣсь замѣтить, что на день 17-го (29-го) ноября была сочинена новая молитва, на голосъ революціоннаго гимна; вотъ ея содержаніе:

«Всемогушій Боже! Въ память возстанія Польши, мы всѣ, чада Твои, возносимъ наши молитвы къ Твоему Престолу! Возврати прежній блескъ и могущество нашего отечества, возврати свободу цѣлому народу польскому! Всемогушій Боже! Когда польется кровь за вѣру предковъ нашихъ, за отнятыя права, подкрѣпляя силою Твоею насъ, угнетенныхъ, да забьются сердца наши мужествомъ предковъ нашихъ, легионъ же польскій, напутствуемый Тобою и предводительствуемый Людовикомъ (Мѣрославскимъ), да сразится съ тиранскимъ народомъ.

«Пресвятый Боже! Сколько уже невинной польской крови пролилъ нашъ народъ въ нѣмомъ отчаяніи! Сколько этой крови пролито въ адской Сибири, гдѣ скитаются польскіе изгнанники! Свѣтъ надежды лучшихъ временъ съ каждымъ днемъ меркнетъ, но сердце наше не перестаетъ возноситься къ Твоему Престолу. Пресвятый Боже! сколько уже усилий и жертвъ понесли мы для возрожденія нашей Польши! Сколько перенесли мы страданій! Для прославленія Твоего имени, для сокрушенія нашихъ цѣпей, мы обагрили кровію старый и новый свѣтъ.

«Всеблагій Боже! Неужели свѣтлыя надежды наши померкнутъ въ самомъ ихъ зародышѣ, а враги наши, разставляя намъ сѣти на каждомъ шагу, поколеблютъ нашу вѣру въ будущность? Но Ты, Праведный, защитишь насъ и дозволишь Мѣрославскому утвердиться въ царствѣ.

«Пресвятый Боже! осѣни Твоею хоругвіею чадъ Твоихъ, собранныхъ для возстановленія свободы Польши, не откажи имъ въ Твоемъ покровительствѣ на пути браней и побѣдъ въ народномъ дѣлѣ, чтобы съ Тобою, Господи, и волею Твоею сокрушили послѣдніе признаки нашего ига. Всемогушій Боже! Если уже совершилось призваніе и намъ суждено страдать вѣчно и обагрять землю кровію нашихъ мучениковъ, даруй намъ мужество испить чашу страданій, и пускай уже польская земля будетъ гробомъ нашимъ!»

Выше было сказано, что со времени объявленія военнаго положенія въ Вильнѣ наружное проявленіе политическихъ манифестацій стихло. Римско-католическое духовенство, которое до того времени открыто потворствовало всѣмъ совершавшимся безобразіямъ по костеламъ, стало

держатъ себя гораздо сдержаннѣе и только по временамъ, дабы выразить свое сочувствіе польской справѣ и поднять духъ борьбы, прибѣгало къ разнымъ выходкамъ, на примѣръ: не произносило по временамъ установленной молитвы о здравіи и благоденствіи государя или осуждало правительство въ проповѣдяхъ. Нельзя не замѣтить при этомъ, что для бѣльшей безнаказанности своихъ дѣйствій ксендзы прибѣгали иногда къ школьническимъ уверткамъ. Такъ, прелать Бовкевичъ, спрошенный о причинѣ, по которой ксендзъ Бышевскій не молился перваго ноября за государя императора, отвѣчалъ: «что ксендзъ Бышевскій почувствовалъ внезапно слабость и потому по окончаніи литургіи установленной молитвы совершить не былъ въ состояніи». Вообще можно сказать, что ослабленіе безпорядковъ было только видимое; на самомъ же дѣлѣ, огонь скрывался подъ пепломъ; агитаторы избрали другой путь; наступалъ періодъ тайнаго подготовленія къ вооруженному мятежу. Этой-то подпольной дѣятельности никто изъ насъ и не подозрѣвалъ, начиная съ генераль-губернатора; между тѣмъ, враждебное настроеніе поляковъ высказывалось по-прежнему въ совершенномъ отчужденіи ихъ отъ русскаго общества. Домъ Назимовыхъ оставался опустѣлымъ, одни только русскіе, которыхъ было немного въ Вильнѣ, посѣщали болѣе прежняго радушныхъ хозяевъ и усиденнымъ къ нимъ вниманіемъ старались озолотить пилули, которыя преподносились имъ чуть не на каждомъ шагу прежними ихъ друзьями; изъ польскаго же общества, которое большею частію разѣхалось за границу и по деревнямъ, являлся только мужской персоналъ служащихъ, да, какъ оказалось впоследствии, лица, принадлежавшія къ тайной мятежной организаціи. Подобное положеніе было крайне тяжело. Меня одолѣла тоска. Разлука съ семействомъ и всѣ испытанныя передраги дотога разстроили мои нервы, что я порѣшилъ просить перевода въ Петербургъ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Жаль было мнѣ разстаться съ прекраснымъ семействомъ моего добраго начальника, домъ котораго для меня замѣнялъ по-истинѣ родной, но, дѣлать было нечего, надобно было рѣшиться. Я такъ исхудалъ въ это несчастное время, что секретарь генераль-губернаторской канцеляріи Давидовичъ подалъ докладную записку В. И. Назимову, въ которой, указавъ на скоро предетоявшую мнѣ смерть, ходатайствовалъ предоставить ему имѣющуюся открыться послѣ меня вакансію чиновника особыхъ порученій. Записка эта, своего рода курьезъ, хранится при дѣлахъ канцеляріи и по-нынѣ, съ собственноручною, весьма нелестною для просителя, резолюціею начальника, и, какъ я узналъ уже впоследствии, она оставалась для меня тайною нѣсколько лѣтъ; добрѣйшій Владиміръ Ивановичъ, видя разстроенное мое здоровье, боялся потревожить меня и приказалъ держать ее отъ меня въ секретѣ.

Порѣшивши, наконецъ, послѣ долгой внутренней борьбы, разстаться съ Вильною, гдѣ я прожилъ болѣе десяти лѣтъ и гдѣ протекли самыя лучшіе дни моей жизни, кромѣ золотыхъ дней студенчества и четырехлѣтней службы въ Калугѣ, я составилъ отчаянную докладную записку на имя генераль-губернатора, въ которой, изложивъ и поводъ своего удаленія, просилъ его оказать содѣйствіе къ достиженію предполагаемой цѣли.

Чтобы избѣжать личныхъ объясненій и не поколебаться въ моей рѣшимости, я отправилъ докладную записку съ челобѣткою, которому вручилъ особое письмо къ Анастасіи Александровнѣ, умоляя ее оказать помощь въ моемъ ходатайствѣ. Не прошло затѣмъ и часу, какъ я получилъ въ отвѣтъ записочку отъ А. А. Назимовой, которою она приглашала меня придти напиться къ нимъ чаю и переговорить лично о моемъ дѣлѣ. Дѣлать нечего, нужно было отправиться на объясненія.

Никогда не забуду я то сочувствіе, которое выказала мнѣ тогда эта достойнѣйшая и добрѣйшая женщина; она уговаривала меня остаться, подумать хорошенько, повременить; но я твердо оставался при своемъ намѣреніи до тѣхъ поръ, пока не услышалъ отъ нея слѣдующихъ словъ:

— Вы русскій, служба ваша нужна для края. Неужели вы захотите покинуть въ такое время Владиміра Ивановича, который васъ любить? Вѣдь это будетъ похоже на бѣгство военнаго отъ знамени чести; намъ развѣ легче? Поѣзжайте въ Москву, отдохните, успокойтесь! Владиміръ Ивановичъ дастъ вамъ отпускъ на мѣсяцъ, на два...

Въ отвѣтъ на эту душевную теплоту, я зарыдалъ, какъ ребенокъ; слезы успокоили меня, а напомнимый мнѣ долгъ службы заставилъ меня измѣнить намѣреніе бѣжать изъ несносной Вильны, о чемъ я и заявилъ моей доброжелательницѣ. Проведши цѣлый вечеръ во дворцѣ, съ спокойнымъ духомъ возвратился я домой, гдѣ ожидала меня новая радость. Видя изъ писемъ мою хандру, жена пріѣхала звать меня въ нашу матушку-Москву—бѣлокаменную, въ гости къ моему дорогому отцу. Сборы были недолги; черезъ два дня мы покатали вмѣстѣ по почтовому тракту на Динабургъ. Шесть недѣль, проведенныхъ въ кругу родныхъ, оживили мои ослабѣвшія силы и укрѣпили мой духъ. Въ Москвѣ мнѣ удалось быть случайнымъ очевидцемъ студенческой исторіи, которая разыгралась на Тверской площади, передъ домомъ генераль-губернатора.

Наканунѣ отъѣзда моего въ Вильну я зашелъ въ магазинъ Бирмана, рядомъ съ магазиномъ Андреева, купить теплыя перчатки на дорогу. Выходя оттуда, я замѣтилъ шествіе отъ Кремля большой толпы народа по Тверской улицѣ. Когда толпа поравнялась со мною, я увидѣлъ очень много молодыхъ людей, одѣтыхъ въ сѣрыя чамарки; ше-

ствовавши они отрядами; съ боку ихъ шли полицейскіе офицеры и служители. Толпа двигалась молча, направляясь къ дому генераль-губернатора. На вопросъ мой, обращенный къ шедшимъ по тротуару любопытнымъ зрителямъ, я получилъ въ отвѣтъ: «студенты глушать, идутъ къ генераль-губернатору съ какою-то просьбою». Слово студенты подействовало на меня магически; въ мысляхъ моихъ промелькнуло то золотое время, когда и я былъ въ Московскомъ университетѣ. Первымъ моимъ движеніемъ—было желаніе вмѣшаться въ толпу зрителей, но голосъ разсудка припомнилъ мнѣ столь недавнюю плачевную развязку погулянской исторіи въ Вильнѣ и, вернувшись въ магазинъ, я попросилъ у сидѣльца позволенія обождать конца исторіи; при томъ за множествомъ народа не было никакой возможности ѣхать домой. Ждать пришлось недолго. Не прошло и получаса, какъ масса народа разошлась по домамъ, браня студентовъ, которые и были арестованы на дворѣ Тверской части. Описывать эту исторію не стану, такъ какъ она въ подробности мнѣ не извѣстна; скажу одно, что между этою демонстраціею студентовъ и тѣми событіями, которыя такъ недавно совершались на западной нашей окраинѣ, непременно была таинственная связь, хотя нѣкоторые и утверждали противное. Тогдашняя одежда, которую я замѣтилъ на многихъ студентахъ, послужила формою для мятежническихъ шаекъ и называлась чамаркою; агитаторы, вѣроятно, считали нужнымъ заявить Европѣ, что политическія волненія съ береговъ Вислы перенеслись даже въ самое сердце Россіи. Этотъ же расчетъ побудилъ революціонныхъ дѣятелей прекратить и внѣшнее проявленіе политическихъ манифестацій въ западныхъ губерніяхъ, думая усыпить тѣмъ бдительность правительственной власти, и приготовиться втихомолку къ мятежу. По возвращеніи моемъ въ Вильну, я нашелъ общественное настроеніе въ томъ же самомъ положеніи, какъ и прежде. Прежнее отчужденіе поляковъ отъ русскихъ замѣчалось на каждомъ шагу, только внѣшнія безобразія прекратились. Вообще конецъ 1861 года прошелъ довольно спокойно. Получались по временамъ безыменные доносы политическаго свойства, но они не оправдывались по дознаніямъ. Эта ловка подпольныхъ дѣятелей еще болѣе укрѣпила убѣжденіе администраціи края въ томъ, что возжелѣнное спокойствіе близко къ возврату; эту же сладкую мечту нашептывали и постоянно твердили генераль-губернатору и посѣщавшіе его поляки. Но, увы! наружная тишина предвѣщала намъ грозную дѣйствительность... О чемъ и поведу рѣчь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ переписки М. Н. Загоскина ¹⁾.

(р. 14-го іюля 1789 + 23-го іюня 1852).

I. Письма А. Н. Оленина—М. Н. Загоскину.

1.

4-го апрѣля 1820 г.

Вчера я получилъ знакъ монаршаго благоволенія ²⁾ къ трудамъ вашимъ; но какъ онъ оказался не тотъ именно, котораго я ожидалъ, то я рѣшился его у себя оставить до объясненія. Сегодня я имѣлъ честь говорить о семъ предметѣ съ кѣмъ надлежало, и при объясненіи открылось, что такова была высочайшая воля. Я осмѣлился спросить, нѣтъ ли тутъ особеннаго неблаговоленія? Нѣтъ! никакого, ни малѣйшаго. Но недавнее ваше служеніе при Императорской Публичной Библиотекѣ ³⁾ тому только причиною. Итакъ малое примите—большаго подождите, отъ васъ зависить послѣднее получить, можетъ быть, съ наступленіемъ будущаго года; между тѣмъ примите мое поздравленіе и увѣреніе искренное въ готовности моей содѣйствовать во всемъ, что вамъ можетъ быть пріятно. Вспомните и надѣйтесь на французскую

¹⁾ 23-го іюня нынѣшняго года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины нашего извѣстнаго романиста Михаила Николаевича Загоскина. Печатаю рядъ писемъ къ нему разныхъ лицъ, по подлинникамъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, редація „Русской Старины“ сочла долгомъ помѣстить въ настоящей книгѣ и портретъ этого писателя.

²⁾ Орденъ св. Анны 3-й степени.

³⁾ Загоскинъ занималъ съ 1818 г. должность помощника бібліотекаря Императорской Публичной Библиотеки, которой директоромъ былъ А. Н. Оленинъ.

присловицу: *ce qui est remis, n'est pas perdu* ¹⁾). Затѣмъ пребываю на всегда васъ истинно почитающій и преданный вамъ, милостивый государь мой, покорный слуга Алексѣй Оленинъ.

2.

23-го октября 1823 г.

Какъ мнѣ начать къ вамъ мое письмо? Развѣ только по старинному русскому обычаю и съ старинною русскою присловицею, а именно: сперва челомъ ударить въ ноги, а потомъ, поднявъ это письмо на голову, сказать: повинную голову и мечъ не счѣтетъ! да и полно. Лучшаго средства извинить себя передъ вами я не нахожу и потому, препровождая при семъ давно вами требуемый аттестатъ ²⁾, болѣе писать къ вамъ не буду, доколѣ не узнаю, что вы положили гнѣвъ на милость. Между тѣмъ, я все-таки могу васъ увѣрить, что при истинномъ къ вамъ почтеніи я искренно вамъ преданъ. Вы не вѣрите! Но это, право, та и въ томъ мнѣ можетъ послушествовать Н. И. Гнѣдичъ. Ожидая великихъ и богатыхъ вашихъ милостей, имѣю честь быть вамъ, милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Оленинъ.

3.

3-го января 1830 г.

За день передъ Новымъ годомъ я имѣлъ удовольствіе получить обязательное ваше письмо и при немъ два экземпляра «Юрія Милославскаго». Не медля я одинъ отослалъ, по желанію вашему, къ Александру Семеновичу Шишкову; другой, по благосклонности вашей, оставилъ у себя и тотъ же часъ началъ читать. Будучи нездоровъ, я не могъ этого дѣлать безъ разстановокъ и потому кончилъ мое чтеніе сегодня только поутру, съ твердымъ однакоже намѣреніемъ немедленно повторить столь пріятное занятіе. Удостоивъ меня дорогимъ вашимъ подаркомъ, вы захотите, можетъ быть, узнать, любезный и почтенный Михаилъ Николаевичъ, мнѣніе мое о семъ новомъ произведеніи въ русской словесности. На это вамъ скажу устами избраннаго вами неподобнаго образца ³⁾:

Monsieur, je suis malpropre à décider la chose ⁴⁾.

¹⁾ Т. е. Что отложено, то не потеряно.

²⁾ О службѣ въ Императорской Публичной Библиотекѣ, изъ которой Загоскинъ вышелъ 5-го іюля 1820 года.

³⁾ Мольера.

⁴⁾ Т. е. Я не считаю себя способнымъ судить объ этомъ.—Это слова Альцеста въ „Мизантропѣ“ (актъ I, сцена 2).

Но такъ и быть, я скажу вамъ, что думаю; а какъ вы описываете старыя русскіе обычаи, то я старымъ же нашимъ языкомъ молвлю: «Утѣшь тебя самъ Богъ, какъ ты меня утѣшилъ приятнымъ, полезнымъ и даже назидательнымъ твоимъ твореніемъ». Однимъ словомъ, я въ восхищеніи отъ вашего романа, и не я одинъ—это чувство я раздѣляю съ В. А. Жуковскимъ, и съ Н. И. Гнѣдичемъ, и со всѣми, кто успѣлъ его прочесть. Выборъ предмета и времени, характеры дѣйствующихъ лицъ, гладкость слога, пристойность выраженій въ самыхъ низкихъ людяхъ; сила и краснорѣчіе, безъ всякой надутости, въ людяхъ высокаго званія или высокихъ чувствъ; игривость, важность и занимательность, а при томъ истина и природа во многихъ неожиданныхъ явленіяхъ; сохраненіе характера въ обычаяхъ того времени, все это—заставляетъ иногда думать, что ваша повѣсть не выписана ли изъ какой-нибудь лѣтописи, составленной современникомъ или самовидцемъ сей знаменитой для Россіи эпохи? Картина самой природы. Я разумѣю здѣсь русскую природу. Рѣчь Минина на площади нжегородской внушена автору чистою любовью къ отечеству. Смерть боярина Шалонскаго и кончина юрдываго Мити показываютъ чистоту христіанскихъ правилъ сочинителя. Умѣренность въ порицаніи и насмѣшкахъ, а, напротивъ того, отданіе должной похвалы непріятелямъ нашимъ доказываютъ безпристрастіе и справедливость автора. Однимъ словомъ, сей романъ долженъ быть приятенъ для всѣхъ сословій русскаго народа, въ томъ числѣ и русскимъ художникамъ, которые могутъ въ немъ почерпнуть множество прекрасныхъ сюжетовъ для картинъ; но съ тѣмъ, однакожь, что они ихъ отнюдь не такъ станутъ выполнять, какъ гг. Барановъ и Скотниковъ ¹⁾.

Съ этого мѣста позвольте, милостивый государь мой Михаилъ Николаевичъ, говорить уже какъ президенту Императорской Академіи Художествъ. Спросите сихъ господъ отъ лица президента: за что они вздумали страмить академію, доказывая виньетками, приложенными къ тремъ томамъ вашего романа, что они не умѣютъ ни рисовать, ни компоновать или сочинять, ни даже порядочно гравировать. Къ чему гг. Барановъ или Скотниковъ вздумали представить Милославскаго и пана Копычинскаго—мальчишками? Почему они это уродливое превращеніе повторили и въ другихъ двухъ виньетахъ? На что они, отрѣзавъ у Копычиноскаго цѣлую лѣвую ногу, положили ее на стулъ возлѣ него? Почему ни въ одной фигурѣ г. Баранова нѣтъ отчета, а въ рѣзцѣ г. Скотникова ни правильности, ни чувства, ни легкой отдѣлки? Неужели они думаютъ, что такія фигурки не стоятъ этого труда? Я со-

¹⁾ Художники, которымъ принадлежатъ виньеты, украшающія первое изданіе „Юрія Милославскаго“, вышедшее въ свѣтъ въ 1829 году.

вѣтую имъ посмотрѣть, какъ въ Англіи этого рода рисунки и гравировки отдѣляются тамошними художниками, и въ томъ числѣ однимъ русскимъ г. Стефановымъ, и въ чемъ же? Въ альманахахъ! Боже избави, если государь императоръ обратитъ свое вниманіе на сіе постыдное произведеніе русскихъ художниковъ. Его величество дѣло это разумѣетъ и, награждая щедро истинный талантъ, не попускаетъ: лѣни, неумѣнію и небрежности. Извините эту выходку, любезный Михаилъ Николаевичъ, но на то шука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ. При томъ грустно видѣть, что прекрасное твореніе въ словесности русской обезображено недостойными твореніями русскихъ художниковъ. Теперь, надвѣясь на старое ваше ко мнѣ благорасположеніе, остается мнѣ нѣсколько словъ сказать о нѣкоторыхъ незначущихъ выраженіяхъ, которыя меня при чтеніи вашего безподобнаго романа кой-гдѣ приостанавливали. Чортъ возьми или чортъ меня возьми есть божба, которая русскому народу вовсе не принадлежитъ. *C'est le diable emporte ou le diable m'emporte français.* По-русски она такъ гласитъ: чортъ побери или чортъ его побери—дѣвола. Чортъ бы тебя побралъ etc. Слово виднѣется я въ первый разъ слышу,— оно хорошо, но совсѣмъ необыкновенно. У насъ говорится: кажется. Выказывался кинжалъ etc.

Дать хребетъ—не случалось мнѣ ни слышать, ни читать. Въ лѣтописяхъ часто стоятъ: вдать плечи непріятелю т. е. бѣжать.

Вотъ всѣ мои замѣчанія—и за тѣ прошу прощенія. Если вы будете печатать новое изданіе вашего прелестнаго романа, что, конечно, не замедлитъ, то прошу только мнѣ дать знать. Здѣсь, подъ моимъ надзоромъ, вамъ сочинять, рисуютъ и выгравировать виньеты къ тремъ титульнымъ листамъ и по картинкѣ къ каждой части. Сими новыми произведеніями русскаго искусства я надѣюсь, что вы будете довольнѣе тѣхъ, коими обезображено первое ваше изданіе.

Полно, пора кончить плодовитое мое письмо—искреннимъ увѣреніемъ въ истинномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности къ автору «Юрія Милославскаго».

Имѣю честь быть вамъ, милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Оленинъ.

NB. Я приказалъ взять нѣсколько десятковъ экземпляровъ вашего романа для награды при экзаменахъ питомцевъ Императорской Академіи Художествъ.

4.

С.-Петербургъ. 8-го мая 1830 г.

Я вчера имѣлъ удовольствіе получить ваше поздравленіе съ новымъ моимъ длинно-писуемымъ и долгопрогносимымъ чиномъ ¹⁾. Очень вамъ благодаренъ за всѣ ваши дружескія желанія въ мою пользу, но я вамъ искренно скажу, что я теперь дошелъ до моего *pes plus ultra*—и совершенно доволенъ—по части службы, а не по части кармана. Но никто такъ, какъ Богъ! говоритъ русская старая присловица.

Да, милостивый государь мой Михайлъ Николаевичъ, земля слухомъ полнится—и мы здѣсь узнали, что нашъ справедливый государь васъ къ себѣ призывалъ ²⁾ и обласкалъ васъ по истинному достоинству вашему.

«*Et la palme du Cid en dépit de l'envie*» ³⁾—цвѣтетъ и красуется, говоритъ Пиронъ ⁴⁾ въ своей Метроманіи—и говоритъ правду. Это свидѣтельствуется отчасти и «Милославскимъ». Вотъ вы уже готовитесь къ четвертому изданію сего прелестнаго романа. Третье печатается, а второе, говорятъ, уже все вышло ⁵⁾. Публика справедлива и оправдываетъ прелестные стихи неподобнаго нашего Крылова. И при семъ случаѣ можно сказать:

„Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ впередъ,
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ“ ⁶⁾.

Поздравляю, еще разъ поздравляю съ особою милостью царскою—это стоитъ многихъ чиновъ и орденовъ.

Теперь поговоримъ о вашихъ дѣлахъ. Но какъ говорить? Во-первыхъ, мнѣ должно сознаться, что я если и богословъ, то не однословъ, ибо совсѣмъ не выполнилъ русскую присловицу: «Не давъ слова, крѣпись—а давъ его, держись». Но какъ я вамъ скажу, почему я не могъ слова моего (въ отношеніи винъ къ «Милославскому») сдержать, то я увѣренъ, что вы меня тотчасъ простите.

Знаете ли, любезный Михайлъ Николаевичъ, что въ началѣ года я было совсѣмъ отправился на тотъ свѣтъ. Я былъ при смерти боленъ и, послѣ долгаго выздоровленія, едва еще мѣсяцъ, какъ я началъ изъ дома выѣзжать. Слѣдственно, между тѣмъ накопилось множество казен-

¹⁾ Чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

²⁾ Это происходило въ Москвѣ 10-го марта 1830 года.

³⁾ Т. е. И пальма Сиды, несмотря на зависть, цвѣтетъ и красуется.

⁴⁾ Французскій поэтъ (р. 1689 † 1773). Метроманія (*Métromanie*) известная его комедія, написанная въ 1738 году.

⁵⁾ Второе и третье изданія „Юрія Милославскаго“ появились въ 1830 году.

⁶⁾ Стихи изъ басни Крылова „Слонъ и Моська“.

ныхъ дѣлъ, которыя я долженъ былъ очистить, несмотря на мою слабость. А тамъ долженъ былъ заняться весьма важными дѣлами по Государственному Совѣту. Все это вмѣстѣ и строительныя большія дѣла у меня отняли всѣ свободныя минуты въ пользу наукъ, художествъ и словесности. Итакъ, если я удосужусь нынѣшнимъ лѣтомъ на своей дачѣ, куда я ѣду, чтобъ воспользоваться чистымъ, хотя и холоднымъ еще сельскимъ воздухомъ, тогда я постараюсь по силѣ, по мочи, украсить ваше прекрасное твореніе приличными произведеніями искусства. Вы только мнѣ пришлите величину печатнаго вашего формата. Затѣмъ имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью вамъ, милостивый государь мой, покорнѣйшій слуга Алексѣй Оленинъ.

Р. S. Это письмо вамъ вручить г. художникъ 14-го класса Ѳедоръ Григорьевичъ Соицевъ ¹⁾. Онъ мною посланъ въ Москву. Будьте къ нему милостивы; порученіе, ему данное, полезно и пріятно.

II. Письма и записки графа А. X. Бенкендорфа—М. Н. Загоскину.

1.

Москва. 17-го октября 1834 г.

Шефъ жандармовъ, командующій Императорскою главною квартирою, генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, свидѣтельствуя свое почтеніе его высокородію Михаилу Николаевичу, покорнѣйше проситъ приказать ²⁾ актеру Спепанову ³⁾, игравшему вчерашній день въ комедіи «Горе отъ ума» роль Тугоуховскаго, быть ему сегодня въ театрѣ. Его величество, намѣреваясь въ ономъ быть, изволилъ изъяснить свою волю видѣть сего актера.

2.

11-го августа 1836 г. Москва.

Шефъ жандармовъ, командующій Императорскою главною квартирою, генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе его высокородію Михаилу Николаевичу, покорнѣйше проситъ его, какъ очевидца сегодняшняго шествія его величества государя императора въ Успенскій соборъ, потрудиться написать о семъ

¹⁾ Извѣстный впоследствии художникъ-археологъ († 1892).

²⁾ Загоскинъ состоялъ въ то время въ должности директора московскихъ театровъ.

³⁾ Петру Григорьевичу (р. 1800 † 1869).

статью, которую и доставить къ нему, генераль-адъютанту Бенкендорфу, завтрашняго числа къ 12-ти часамъ утра, для помѣщенія оной въ газету «Сѣверная Пчела»¹⁾.

3.

С.-Петербургъ, 24-го января 1839 г.

Милостивый государь Михаилъ Николаевичъ!

Издатель альманаха «Утренняя Заря» В. А. Владиславлевъ, котораго изданіе, ежегодно улучшаясь, приобрѣло общее расположеніе отечественной публики и выгодные отзывы иностранныхъ журналовъ, какъ по литературному достоинству помѣщаемыхъ въ ономъ статей, такъ и по изяществу гравюръ и по типографской роскоши, возобновляетъ альманахъ свой на будущій 1840 годъ, въ роскошнѣйшемъ видѣ, въ пользу С.-Петербургской дѣтской больницы.

По званію предсѣдателя означенной больницы, принимая съ признательностію столь благотворительное приношеніе г. Владиславлева и желая съ своей стороны по возможности содѣйствовать его предпріятію, я приему честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, не угодно ли будетъ вамъ удостоить участіемъ вашимъ изданіе его на будущій 1840 годъ, присовокупляя при томъ, что всякое приношеніе ваше въ сей альманахъ принято будетъ мною съ искреннею благодарностію²⁾.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга графъ Бенкендорфъ.

III. Письма О. М. Сенковскаго—М. Н. Загоскину.

1.

С.-Петербургъ, 6-го мая 1835 г.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ недѣль, я каждый день собирался писать къ вамъ, и всѣ мои каторжныя занятія съ журналомъ, въ этой страшной пустынѣ литературной, гдѣ не растетъ ни одного прочнаго и трудолюбиваго дарованія, гдѣ я долженъ работать одинъ или видѣть

¹⁾ См. Прибавленіе къ № 191 „Сѣверной Пчелы“, отъ 21-го августа 1836 г.

²⁾ Въ „Утренней Зарѣ“ на 1840 годъ помѣщенъ (стр. 255—297) рассказъ Загоскина „Нескучное“.

все перепороченнымъ, искаженнымъ, огрубѣлымъ, похищали у меня послѣднюю свободную минуту времени. А у меня есть двѣ важныя причины писать къ вамъ,—двѣ причины, которыя все время лежали у меня на сердцѣ. Во-первыхъ, я хотѣлъ всегда поблагодарить васъ за знакомство съ вами, которое вы мнѣ такъ любезно подарили въ бытность вашу въ Петербургѣ, сказать вамъ, сколько внушили вы мнѣ уваженія къ себѣ и дружбы; во-вторыхъ, я обязанъ былъ написать къ вамъ нѣсколько словъ о статьѣ, которую украсили вы нашъ журналъ ¹⁾).

Теперь случилось третье обстоятельство, которое я спѣшу присоединить къ двумъ первымъ, и съ котораго даже начну.

Податель этого письма англійскій литераторъ и путешественникъ Ричи (Ritchie) ²⁾, извѣстный своими сочиненіями и одинъ изъ хорошихъ нынѣшнихъ прозаиковъ въ Англии, просилъ меня доставить ему знакомство съ какимъ-нибудь отличномъ русскимъ литераторомъ въ Москвѣ. Вы понимаете сами, почтеннѣйшій Михайло Николаевичъ, что изъ народнаго тщеславія и для спасенія чести русской словесности передъ иностранцемъ я указалъ ему на одного васъ, какъ на единственнаго представителя русскаго изящнаго ума и литературной образованности въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, не говоря уже о вашихъ любезныхъ качествахъ. Поэтому пріймите же его подъ покровительство всей вашей блистательной любезности, а я съ своей стороны не сомнѣваюсь, что, потершись о ваши дарованія, онъ уѣдетъ изъ Россіи наэлектризованный восхищеніемъ и самымъ лучшимъ и лестнымъ понятіемъ о русскомъ литературномъ сословіи. Постарайтесь показать ему Москву съ самой живописной и выгодной стороны, потому что, надобно вамъ знать, онъ путешествуетъ съ такими злобными намѣреніями, которыя должны сильно подстрекнуть вашу патріотизмъ кореннаго москвича. Онъ издалъ въ прошломъ году великолѣпный альманахъ въ Лондонѣ, имѣвшій большой успѣхъ въ Англии и на твердой землѣ: это Walter Scott and Scotland, съ пышными гравюрами и текстомъ, относящимся къ разнымъ достопримѣчательностямъ Шотландіи. Въ нынѣшнемъ году издаетъ онъ такой же альманахъ подъ названіемъ—Russia. На будущій годъ онъ беретъ Швецію, потомъ Германію, Францію, Испанію, Турцію и прочая! Такимъ образомъ въ шесть лѣтъ они, то-есть, онъ и книгопродавецъ Heath, съ которымъ онъ предпринялъ это прекрасное изданіе, проведутъ черезъ альманахъ всю Европу. Въ прошломъ году они пригласили въ Россію живописца для снятія разныхъ видовъ, которые уже гравированы на стали въ Лондонѣ. Теперь г. Ричи самъ пріѣхалъ по-

¹⁾ Повѣсть Загоскина: „Три жениха. Провинціальныя очерки“, напечатанная въ X томѣ „Библиотеки для Чтенія“ 1835 года.

²⁾ Leitch Ritchie (р. 1800 † 1865).

смотрѣть на предметы, которые срисованы живописцемъ, чтобы описать ихъ. Альманахъ ихъ называется *Picturesque Annual*.

Теперь о вашей прекрасной статьѣ—«Три жениха». Вы не можете себѣ представить, сколько имѣлъ я хлопотъ съ ценсурю. Я чуть не заплакалъ кровавыми слезами, когда принесли ее ко мнѣ всю помаранную красными чернилами: превосходная сцена ваша, сцена высочайшей комики, между княземъ и мальчикомъ, привязаннымъ къ столу, была вычеркнута вся, кромѣ множества уничтоженныхъ пассажей. Пристраившись къ вашей повѣсти, какъ собственному дитяти, я старался отстоять всякое слово; многія мѣста спасъ; другія принужденъ былъ переимѣнить, то-есть, сказать то же иными словами, потому что, какъ вы знаете, у насъ все дѣло въ словахъ, какъ у дѣвокъ; иными, малозначущими мѣстами пожертвовалъ, чтобъ только возстановить хоть тѣнь сцены, которую они вымарали. Такъ, я долженъ былъ истребить всѣ слѣды мѣстности, чтобы статья не имѣла характера анекдота, то-есть, личности,—что впрочемъ и лучше,—и согласиться на выпущеніе нѣсколькихъ словъ тамъ и тамъ. Что касается до уничтоженной сцены, то я представлялъ ценсурѣ три разныя редакціи ея: одна была очень близка къ вашему подлиннику, съ малыми смягченіями, ее отринули; вторая, совершенно другими словами, но совершенно вашего же содержанія—и ту обраковали; третью придумалъ я такъ, чтобъ только схранить вашу мысль и по возможности ваши слова, а изложенію дать другой оборотъ: эта редакція прошла, и вы безъ сомнѣнія удивились, быть можетъ, и прогнѣвались на меня, находя буффонаду—«сердобольно—больно—больно»—въ вашей статьѣ.

Что жъ дѣлать! Помощію этого, я спасъ по крайней мѣрѣ смыслъ вашего сочиненія. Впрочемъ, если вы на меня гнѣваетесь, то можете утѣшиться однимъ—ваша повѣсть *fait figure* здѣсь, въ Петербургѣ, и успѣхъ ея таковъ, что еслибъ я былъ способенъ къ зависти, то уже былъ бы вашимъ врагомъ въ эту минуту. Но я надѣюсь, что вы не скажете, что я испортилъ ваше твореніе: могу васъ увѣрить, что я увертывался съ нимъ отъ ценсуры какъ съ своимъ собственнымъ и поступалъ съ нимъ съ такимъ же чувствомъ любви, какъ будто оно было мое,—потому что въ него нельзя не влюбиться.

Такимъ образомъ, почтеннѣйшій Михайло Николаевичъ, отдавъ вамъ отчетъ въ судьбѣ вашей повѣсти и порекомендовавъ вашему знакомству г. Ричи, который подъ оболочкою Джонъ-Булла скрываетъ много проникательнаго ума, остается мнѣ просить васъ, чтобы вы продолжали ко мнѣ ту благосклонность, которую такъ дружески и такъ любезно обнаружили при первой нашей встрѣчѣ, и увѣрить васъ въ пламенномъ моемъ желаніи заслужить ее съ вашей стороны.

Съ истиннымъ почтеніемъ къ вашему характеру и искреннимъ уди-

влениемъ вашему таланту имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Сенковскій.

2.

С.-Петербургъ, 7-го ноября 1835 г.

Повергаюсь къ подножію высокаго алтара вашей славы, съ молениемъ: присылайте намъ вашу повѣсть, которой я давно ожидаю съ нетерпѣніемъ. Я желалъ бы украсить ею первый номеръ «Библиотеки для Чтенія» на 1836 годъ¹⁾, и вы сами чувствуете, что это украшеніе было бы вмѣстѣ и капитальною стѣною для цѣлаго зданія годичной жизни журнала, который имѣетъ счастье считать васъ въ числѣ своихъ покровителей и благотворителей. Ради Христа, присылайте ее передъ первымъ декабря.

Я очень стражду здоровьемъ: работая какъ каторжный, я нажилъ себѣ мучительной боли въ сердцѣ, трепетаній сердца, спазмовъ, потерялъ силы и едва-едва живу. Проклятая «Библиотека»! Но едва я оставляю ее на одинъ день, какъ она тотчасъ падаетъ. Хочется какъ-нибудь поддержать ее, и не достааетъ силъ. Поддержите ее вашей статьею!

Считайте меня, Михайло Николаевичъ, въ первомъ ряду вашихъ искреннѣйшихъ обожателей и сохраните для меня навсегда то благо-расположеніе, которымъ вы меня обрадовали въ бытность вашу здѣсь: одного васъ станеть для меня за всѣхъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностью имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Сенковскій.

3.

С.-Петербургъ, 1-го іюля 1836 г.

Ужасныя вѣсти дошли до меня изъ Москвы и поразили меня, какъ громомъ: говорятъ, вы на меня сердитесь, или сердились, или хотите сердиться. Что вы это задумали? На вашего лучшаго друга и перваго почитателя? Вотъ это уже было бы свѣтопреставленіе и конецъ всему! Впрочемъ я самъ виновенъ: вотъ, уже третій мѣсяць, каждый день собираюсь писать къ вамъ, и не могу улучить свободной минуты времени. Я чувствую, что долженъ былъ писать вамъ тотчасъ по напечатаніи вашей превосходной были и отдать вамъ полный отчетъ во всемъ, что

¹⁾ Повѣсть Загоскина „Кузьма Рощинъ“ въ январскую книжку „Библиотеки для Чтенія“ не поспѣла; она помѣщена въ XVI томѣ этого журнала за тотъ же 1836 годъ.

съ ней приключилось. Вы давно узнали бы такимъ образомъ, какъ я спасъ вашего «Рощина» и какое принялъ въ немъ участіе, и поблагодарили бы меня за то, что имѣете во мнѣ такого комиссіонера въ Петербургѣ, который хлопочетъ о вашихъ произведеніяхъ усерднѣе, чѣмъ о своихъ собственныхъ. Вотъ въ чемъ дѣло: вся вторая часть «Рощина» была обречена ценсурою запрещенію. Безъ второй части, первая не могла быть напечатана, и сочиненіе, все, пропадало. Давай я торговаться съ этими господами. Нѣкоторыя мѣста отстоялъ; пропустили; но все-таки весь конецъ хотятъ отрѣзать, потому что это описаніе бунта. Я сдѣлалъ имъ такое предложеніе: пропустите ли вы вторую часть, если въ ней не будетъ даже слова бунтъ, мятежь и т. п.? Послѣ долгихъ колебаній, согласились пропустить съ этимъ условіемъ. Рѣжьте же всѣ мѣста, которыя вамъ не нравятся. Они и сдѣлали это. Статья возвратилась ко мнѣ въ ужасномъ состояніи: я провелъ цѣлыя сутки надъ склеиваніемъ остальныхъ обломковъ, такъ, чтобы они представляли правильный, логическій рассказъ. Опять въ цензуру. Мы возились такимъ образомъ цѣлую недѣлю, споря до слезъ за каждое выраженіе, за каждое обстоятельство. Уже нѣсколько разъ, съ досады въ этой мучительной борьбѣ съ ценсорскимъ упрямымъ, я хотѣлъ приказать разобрать наборъ и рѣшился не печатать вашей были: до того они мнѣ надоѣли своими щепетильными придирками! Наконецъ я побѣдилъ всѣ трудности, и статья вышла въ томъ видѣ, какъ вы ее читали. Этихъ обстоятельствъ вы навѣрное и не подозрѣвали. Скажите же по крайней мѣрѣ—спасибо.

Я слышалъ еще, что вы сердитесь на меня за измѣненіе нѣкоторыхъ фразъ: повѣрьте мнѣ, что ни одна не измѣнена безъ крайней необходимости. Вы приводили одну фразу—«дѣды наши не строили домовъ изъ лучинокъ и почаще оставляли ихъ своимъ наслѣдникамъ». Эта фраза требовала легкаго измѣненія: небрежность, маленькая, которая у всякаго можетъ вырваться отъ невниманія, дѣлала ее неясною. Мѣстоименіе ихъ неизвѣстно къ чему относится, къ домамъ или къ лучинкамъ; по правиламъ грамматики, оно относится къ ближайшему имени, къ лучинкамъ; общій смыслъ фразы выходилъ еще тотъ, что дѣды наши не строили домовъ изъ лучинокъ и почаще оставляли ихъ (то-есть, оставляли дома изъ лучинокъ) своимъ наслѣдникамъ. Обязанность редакціи всякаго журнала обратить вниманіе сочинителя на этого рода небрежныя словосочиненія, которыя ускользнули отъ его бдительности, или ихъ исправить по крайнему своему разумнью и умѣнью. Если бъ вы здѣсь были, я показалъ бы вамъ это мѣсто; васъ не было, я сдѣлалъ легкое измѣненіе, котораго требовали ясность слога и точность выраженія; сдѣлалъ его, какъ мнѣ по совѣсти казалось наилучшимъ; сдѣлалъ его въ пользу сочиненія, а не во вредъ, и, надѣюсь,

не испортилъ его этимъ. То же и съ другими мѣстами, ежели есть другія. Я вхожу въ эти подробности единственно, чтобы доказать вамъ, сколько я цѣню все, что выходитъ изъ-подъ вашего пера, сколько оно мнѣ дорого и сколько участія я принимаю въ каждой вашей строкѣ. Слѣдственно, я не заслужилъ отъ васъ никакого упрека, когда исполнилъ свою обязанность. Вотъ вся исторія. Теперь я представляю вашему правосудію рѣшеніе, и увѣренъ, что оно будетъ въ мою пользу.

Смирдинъ ¹⁾ ѣдетъ въ Москву. Онъ виноватъ, что не отвѣчалъ на ваши письма: да вы сами знаете, что онъ не грамматикъ; для него написать письмо значитъ болѣе, чѣмъ для васъ написать прекрасный романъ. Напрасно вы не взяли у него денегъ, когда онъ предлагалъ вамъ ихъ. Вы назначили, что въ сентябрѣ пришлете статью; къ этому времени онъ держалъ для васъ деньги въ конторкѣ. Статья пришла черезъ нѣсколько мѣсяцевъ позже; въ это время у него не случилось денегъ. Проволочка одна родила другую. Вотъ все.

4.

6-го февраля 1840 г.

Почтеннѣйшій Михайло Николаевичъ. Сколько я васъ люблю, это вы знаете. Сколько я обязанъ вашей любезности и вашему дружескому ко мнѣ расположенію, это одинъ я знаю. Я всегда смѣло обращаюсь къ вашей любезности, потому что она неисчерпаема и что тайный голосъ сердца говоритъ мнѣ, что вы не можете быть врагомъ моимъ; напротивъ. Я съ удовольствіемъ вѣрю этому чувству: противное было бы для меня слишкомъ тягостно.

Я очень радъ, что нашъ удивительный Vieux-Temps ²⁾ и другъ его Guillou обратились ко мнѣ съ просьбою доставить имъ ваше благосклонное знакомство. Это напомнило мнѣ, что я имѣю въ васъ друга, и утѣшило меня. Враговъ моихъ я очень люблю и уважаю; они дѣлаютъ мнѣ столько чести и пользы, что я считалъ бы себя неблагодарнѣйшимъ изъ людей, если бы не дорожилъ ихъ враждою. И вы знаете, что этотъ безцѣнный въ литературѣ народъ у меня ни по чемъ. Ни за что въ мірѣ не отдалъ бы я ихъ остервененія. Что былъ бы я безъ моихъ безцѣнныхъ враговъ?.. При всемъ томъ, если бы мнѣ пришлось или отказаться отъ друга въ васъ или потерять воѣхъ ихъ, я, безъ сомнѣнія, рѣшился бы на второе, и всю эту массу золотой вражды охотно промѣнялъ бы на одну вашу дружбу. Судите же, какъ я долженъ уважать васъ!

¹⁾ Александръ Филипповичъ, книгопродавецъ, издатель „Библіотеки для Чтенія“.

²⁾ Henri Vieuxtemps, знаменитый скрипачъ (р. 1820 † 1881).

Пріймите же Віѣ-Тана и Гилью, за мою готовность къ столь высокому пожертвованію, подъ ваше могущественное покровительство. Віѣ-Танъ—прелестный малой, и по таланту, и по личному характеру. Мы полюбили его какъ сына. Что касается до него относительно музыкальнаго дарованія, то это рѣшительно геній. Въ послѣдній концертъ его, даже соперники и враги его согласились въ этомъ. Восторгъ и изумленіе были свѣше всякаго описанія. Для насъ должно быть пріятно, что этотъ необыкновенный геній развился, образовался и достигъ своего апогея въ Россіи, и что мы, взявъ его прекраснымъ, но обыкновеннымъ музыкантомъ, возвратимъ Европѣ геніемъ первой величины. Доставьте ему всѣ средства и облегченія, чтобы онъ могъ развить у васъ свой талантъ съ наибольшимъ удовольствіемъ для Москвы и съ наибольшею пользою для себя. Это послѣднее ему очень нужно. Бѣдный мальчикъ! Будучи преданъ искусству со всѣмъ жаромъ юности, онъ доселѣ не думалъ о положительной пользѣ отъ своихъ занятій. Довершите вашимъ покровительствомъ и вашей любезностью начатое Россіей, которая воспитала его геній; дайте генію приданое, и пусть этотъ молодой человѣкъ уѣдетъ отъ насъ въ нѣмцы съ воспоминаніемъ о полнотѣ благодѣанія, оказаннаго ему Русью, и съ благодарностью не только къ ея заботливому вниманію, но и къ ея великодушію. Пособите также и его ментору, Гилью, котораго прекрасный талантъ уже извѣстенъ, и не переставайте любить искренне обожающаго васъ Сенковскаго.

Я боюсь, что опоздалъ и что они уже уѣхали въ Москву; я обѣщаль прислать къ нимъ это письмо въ семь часовъ утра, а теперь уже полдень.

• 5.

15-го декабря 1850.

Крайне и безконечно сожалѣю, добрѣйшій, почтеннѣйшій другъ Михайло Николаевичъ, что письмо ваше не дошло до рукъ моихъ недостойныхъ: вѣрно, оно было писано лѣтомъ и получено въ почтамтѣ въ мое отсутствіе, когда домъ былъ запертъ и пьяницы-почтальоны позволяли себѣ иногда бросать письма въ портерной лавочкѣ или у дворниковъ, гдѣ много писемъ, адресованныхъ ко мнѣ, затерялось. Послѣ сообщенія мнѣ желанія вашего молодымъ Данилевскимъ, я тотчасъ отправился отыскивать Смирдина ¹⁾ и передалъ ему ваше порученіе. Онъ обѣщаль мнѣ сообразиться, сдѣлать расчетъ и дать вамъ отвѣтъ прямо отъ себя. Шихматовская ²⁾ цензура до того здѣсь всёхъ напугала, что

¹⁾ См. выше, стр. 92, прим. 1-е.

²⁾ Министромъ народнаго просвѣщенія былъ князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ († 1854).

никто не смѣетъ предпринимать никакихъ изданій. Литература русская зарѣзана: не стоитъ болѣе учить дѣтей нашихъ грамотѣ; публика въ негодоваціи; книгопродавцы съ горя продають обои и старинновыя свѣчи. Жуковский прислалъ сорокъ стихотвореній своихъ сюда для напечатанія отдѣльною книжкою. Вы знаете, что Василій Андреевичъ не способенъ, такъ же какъ и мы съ вами, написать что-нибудь неприличное или вредное. Что же? Хаяжеская Шихматовская цензура перемарала ему все, и стихотворенія, обрѣзанныя, обезображенныя, уничтоженныя, не выйдуть ¹⁾. Жуковский уже не можетъ ничего написать. Лажечниковъ хотѣлъ сдѣлать четвертое или пятое изданіе своихъ сочиненій, всей Руси извѣстныхъ. «Послѣдняго новика» и «Ледяной домъ» обрѣзали и перегадили въ ценсурѣ до того, что Лажечниковъ, въ негодованіи, обратился къ Шихматову, а тотъ и совсѣмъ запретилъ ему эти два романа. Слѣдствіе этой системы ясно: порядочная книжная торговля разоряется, писатели безъ хлѣба, а букинисты наживаютъ деньги старыми изданіями, и, что всего печальнѣе, учреждается рукописная литература, самая опасная изъ всѣхъ, потому что она неприступна критикѣ и живетъ втайнѣ. Любимыя сочиненія не печатаются, а списываются, со злобнымъ наслажденіемъ, и многобогомольный Шихматовъ этого не понимаетъ. Что съ нами дѣлаетъ его цензура, этого ни перомъ не описать, ни въ сказкѣ не сказать. Вы понимаете, что Смирдинъ потерялъ весь куражъ въ этихъ обстоятельствахъ, и онъ говорилъ мнѣ, что не иначе можетъ предпринять изданіе вашихъ твореній, какъ если цензуру вы возьмете на свои мощныя плеча.

Прощайте, до свиданія. Я надѣюсь вскорѣ обнять и поцѣловать васъ въ Москвѣ. Вамъ душевно преданный Сенковскій.

Примѣчаніе. Гуляя недавно по Садовой улицѣ, я остановился передъ лавочкой букиниста и сталъ перебирать его оборванные сокровища. Нахожу одну мою книжку, неоднократно перепечатанную, засаленную, грязную и спрашиваю, что она стоитъ. Двѣнадцать цѣлковыхъ! Ты съ ума сошелъ, отецъ мой, говорю: она, новая, продавалась по два рубля.—Статья можетъ; но теперь не продается, потому что и въ продажѣ не найдете ея.—За такую дрянъ двѣнадцать рублей!—А сколько пожалеете?—Цѣлковый.—Букинистъ взялъ преспокойно книжку изъ моихъ рукъ и поставилъ обратно на полку, сказавъ: Видно, ба-

¹⁾ Свѣдѣніе, сообщаемое Сенковскимъ относительно Жуковскаго, не вполне вѣрно: Жуковский прислалъ въ 1850 году П. А. Плетневу для напечатанія рукописный экземпляръ своихъ прозаическихъ статей нравственно-философскаго и религіознаго содержанія; но со стороны свѣтской и духовной цензуры встрѣтились непреодолимыя затрудненія къ ихъ напечатанію (см. Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, изд. Я. К. Гротомъ, т. III, стр. 671 и слѣд., 687, 693, 702—704).

тюшка, не про васъ писано; али не по вашему карману такія книги. Дадуть и пятнадцать... Теперь старія книги въ модѣ, за нынѣшнія книги платять по три цѣлковыя на прокатъ, за право списать только.

IV. Письма Ф. Ф. Вигеля—М. Н. Загоскину ¹⁾.

1.

С.-Петербургъ. 17-го марта 1836.

Любезнѣйшій другъ Михайло Николаевичъ.

Вы прислали мнѣ новое произведеніе ваше. новую комедію «Недовольные» ²⁾, съ надписью, но безъ письма. Я могу только благодарить, но въ претензіи быть не смѣю. Лѣньность, заботы, но болѣе всего опасеніе, чтобы въ изліяніяхъ родственной и дружественной откровенности не сказать чего-либо лишняго, меня доселѣ останавливали отвѣчать на ваши письма. Теперь меня какъ будто что-то толкнуло, и за молчаніе ваше я хочу наказать васъ безконечнымъ посланіемъ. Мнѣ придется васъ много хвалить; знаяши меня коротко, вы не сочтете это лестію; но, чтобы болѣе доказать истину моихъ словъ, я могу похвалы мои перемѣшать съ справедливо заслуженной вами бранью, итакъ позвольте начать съ брани. Во-первыхъ, въ васъ чрезвычайно становится замѣтенъ одинъ русскій порокъ, лѣньность; вспомните, что вы такое были, когда добивались славы; вы весь были жизнь, вы были огонь; едва получили вы ее, какъ кинулись опять на свѣжихъ еще лаврахъ: правда, счастливыя пробужденія ваши вознаграждаютъ насъ иногда за нашу досаду и нетерпѣніе, но такъ ли рѣдко должно просыпаться? Теперь другое; молва, то есть пріѣзжіе болтуны, представляютъ васъ какимъ-то французскимъ сибаритомъ, который болѣе плѣняется прыжками мамзелей ³⁾, чѣмъ звуками и идеями, и, что всего ужаснѣе, который явно поддерживаетъ армоночную французскую труппу. Знаю, очень знаю, что въ Москвѣ казаться совершенно русскимъ и опасно, и смѣшно, что въ древней, благочестивой нашей столицѣ господствуетъ недавно губившій

¹⁾ Въ „Раутѣ“, историческомъ и литературномъ сборникѣ, изд. Н. В. Сушковымъ, книга третья (Москва. 1854), было напечатано (стр. 309—313) письмо Вигеля къ Загоскину, отъ 14-го января 1830 года.

²⁾ Вышла въ свѣтъ въ 1836 году.

³⁾ Загоскинъ былъ въ это время директоромъ московскихъ театровъ.

ее, истреблявшій нечестивый народъ французскій, что повелѣваетъ въ ней человѣкъ благородный, добродушный, но, къ несчастію, въ Парижѣ воспитанный ¹⁾). Какъ это все не знать; но тутъ-то и надобно всеобщему безмыслию противопоставить всю твердость правилъ, всю силу непомраченного предразсудками ума. Но что я говорю, васъ ли упрекать въ слабости? Бѣшенная рецензія «Московского Наблюдателя» ²⁾ на вашу славную комедію еще здѣсь читается, вы подъ проклятіемъ враговъ порядка, Руси, православія; торжествуйте, не слабѣйте, продолжайте. Я знаю духъ издателей и сотрудниковъ сказаннаго журнала, непокорность къ властямъ, безмѣрное честолюбіе, германская туманная философія и желаніе чего-то, чего они сами объяснить не умѣютъ, вотъ изъ чего составляется сей духъ. По моему, это якобинство новаго изданія, оно прикрывается какою-то полухристіанскою кротостію и вѣжливостію формъ; по моему, это волки въ овечьей кожѣ: ваша комедія, разумѣется, должна была жестоко оскорбить ихъ. У нихъ есть политическая вѣра, космополитизмъ, которая распространяется парижской пропагандой. Разумѣется, французы основали сію вѣру въ мирные дни Бурбоновъ, и она есть слѣдствіе разрушенія мечты о всемірномъ обладаніи, которою польстилъ имъ Наполеонъ. Увидѣвъ, что сила оружія, въ самой искусной рукѣ, на сѣверѣ, какъ и на югѣ, побѣждается патриотизмомъ и климатами, они обрѣли новый путь. Они разочли, сколько силы даетъ имъ тиранское владычество моды, всеобщее употребленіе ихъ языка, роскошныя и утонченныя удовольствія, которыя привлекаютъ къ нимъ толпы иностранныхъ путешественниковъ, промышленность, литература; къ симъ силамъ они присоединили новыя — обманъ и развратъ. Вышесказанная вѣра учитъ, что другаго отечества не должно быть, какъ міръ земной, и что всѣ люди земляки между собою, парадируя такимъ образомъ христіанское ученіе. Новая вѣра нашла послѣдователей вездѣ, увѣ! даже у насъ; и французы протягиваютъ теперь руки всѣмъ народамъ, въ надеждѣ, что они со временемъ протянутъ имъ шею. Что можетъ сравниться съ этимъ безуміемъ? Всякое общество составляетъ или для охраненія себя отъ опасностей, или для приобрѣтенія какихъ-нибудь выгодъ; неужели ему заботиться о пользахъ другаго общества, ему соперническаго и замышляющаго подорвать его? Въ обыкновенномъ смыслѣ, что такое отечество, если не многочисленное общество, связанное общими выгодами? Для насъ съ вами оно имѣетъ еще другое значеніе; разумъ и сердце, мысль и чувство должны равно насъ привязывать къ нашей матушкѣ Россіи. Затмить

¹⁾ Московскій генералъ-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ.

²⁾ См. „Московский Наблюдатель“, 1835 г., ч. 4, стр. 417—443.

одно, заглушить другое вотъ къ чему стремится злодѣйка, развратница Франція. Мало ей, старой кокеткѣ, пороками, коими она исполнена, коими она кипитъ, привлекать юные, сильные народы; она научаетъ злодѣянїямъ, представляя ихъ торжествующими въ романахъ и драматическихъ произведенїяхъ и облекая ихъ всею прелестїю слога; наконецъ, пакостница сія приучаетъ читателей и зрителей безъ отвращенїя глядѣть на все то, что въ человѣческой природѣ есть мерзвѣйшаго, самое дермо, такъ сказать, начиняя ароматами и украшая цвѣтами. И это называется духомъ времени: случается, послѣ полуночи, въ петербургскихъ улицахъ чувствовать духъ того времени, но тогда затыкаешь носъ; тотъ же духъ, который производитъ одна страна, коей жители отъ безнравственности сгнили и провоняли, другіе народы съ восторгомъ въ себя вдыхаютъ. Какой-то будетъ съ этимъ конецъ?

Вы очень хорошо сдѣлали, что сцену вашей комедїи поставили въ Москвѣ; здѣсь охотно смѣются надъ старой столицей, и хотя нравы, кои вы изобразили, совершенно суть здѣшніе, но никто не захочетъ себя узнать, и я ручаюсь вамъ за успѣхъ. Конечно, недовольныхъ и здѣсь довольно, они будутъ гнѣваться; иной промотался, и хочетъ пожить, повеселиться еще; другой лѣнивъ и гордъ, служить несогласенъ, а чиновъ и орденовъ хочется; про правительство говорить не смѣютъ, за все отвѣчаетъ Россїя и ея варварство, ее-то всѣ и поносятъ. Вы прекрасно схватили сію смѣшную и преступную склонность, но не во всѣхъ изъ недовольныхъ погасъ еще разумъ, авось-ли опомнятся, и мы вамъ будемъ обязаны за уменьшенїе ихъ числа. Я могу васъ тѣмъ потѣшить, что, сколько ни знаю я умныхъ и истинно просвѣщенныхъ здѣсь людей, всѣ хвалятъ вашу комедїю. Изъ нихъ назову я одного только, коего мнѣнїемъ, я знаю, вы особенно дорожите и коему не въ первый разъ уже доставили вы самое прїятное удовольствїе: это Дмитрій Никол(аевичъ) ¹⁾. Онъ послалъ купить «Недовольныхъ» и отъ дѣла улудилъ полчаса, чтобы прочитать ее; многія мѣста знаетъ наизусть и съ восторгомъ цитовалъ мнѣ всю тираду, которая кончится сими стихами:

И отвратительнымъ встрѣчаетъ крикомъ
Въ своемъ отечествѣ великомъ
Прекрасный солнечный восходъ.

Мнѣ случилось видѣть, какъ дочь ²⁾ читала ему повѣсть вашу «Три жениха» ³⁾; мнѣ прїятно было смотрѣть, какъ наморщенное его нынѣ го-

¹⁾ Блудовъ, въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ.—Вигель былъ тогда директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданїй.

²⁾ Антонина Дмитриевна.

³⁾ Была напечатана въ X томѣ „Библіотеки для Чтенїя“ 1835 года.

сударственными думами огромное чело прояснилось, какъ онъ отъ души хохоталъ, и дѣйствительно, сколько тутъ остроумія безъ злобы, какъ все любопытно, какъ вѣрно все изображено, какая постоянная веселость, настоящій аглинской юморъ и какой разсказъ! Прекрасно, вотъ все, что могу я сказать; по-моему, ничего вы лучше не написали. На-дняхъ замѣтилъ мнѣ Дим(итрій) Ник(олаевичъ), какъ все въ мѣрѣ перемѣняется. «Шаховской ¹⁾ пишетъ къ вамъ посланія въ стихахъ, сказалъ онъ, а я люблюсь произведеніями Загоскина».

Другой министр ²⁾ просилъ меня отъ его имени упрекнуть васъ въ клеветѣ; ѣхавши съ сестрой его въ дилижансѣ изъ Москвы, вы увѣрили ее, что онъ вашъ злѣйшій врагъ, тогда какъ онъ изъ числа усерднѣйшихъ почитателей вашего таланта. Вамъ были извѣстны короткія мои сношенія еще съ однимъ министромъ—нынѣ эта связь такъ разорвана, что никогда, кажется, завязаться не можетъ; но всегда надобно быть справедливымъ: Вигель имѣетъ всѣ причины ненавидѣть Уварова, а усердный сынъ отечества бываетъ почти всегда доволенъ дѣйствіями министра народнаго просвѣщенія. Я ни въ чемъ не вѣрю, знаю, что онъ прикидывается только руссоманомъ, но и за то ему спасибо; другіе вѣрятъ ему, онъ даетъ юношеству хорошее направленіе и неумышленно творитъ великое добро.

Что мнѣ сказать вамъ о настоящемъ моемъ положеніи и о намѣреніяхъ въ будущемъ? Настоящее довольно хорошо, но продлится оно не можетъ; духъ все еще бодръ, а плоть немощна, итакъ я постоянно думаю, какъ бы по добру по здорову убраться къ вамъ въ Москву, гдѣ древнія башни, разнообразіе зданій и видовъ, прелестныя окрестности, еще что-то такое русское, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ сословіяхъ сохранившееся, и нѣсколько избранныхъ знакомыхъ и пріятелей будутъ улаждать мое зрѣніе и чувства. Западъ годъ отъ году мнѣ становится отвратительнѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ становится любезнѣе нашимъ богатымъ и знатымъ. Охъ! ужъ эти мнѣ знатные! Съ какимъ бѣшенствомъ стремятся они за границу: тамъ ругательства на все русское, тамъ постоянная война противъ правъ аристократическихъ, коими они тщеславятся, ничто ихъ не останавливаетъ: цѣлыми роями вьются эти неосторожныя, безразсудныя, блестящія летучія насѣкомыя вокругъ адскаго пламени, почитаемаго свѣтомъ разума, обожгутся и падутъ въ

¹⁾ Князь Александръ Александровичъ, драматургъ, котораго осмѣивали члены Арзамасскаго Общества. Вигель былъ членомъ Арзамаса, въ которомъ онъ носилъ прозвище „Ивиковъ Журавль“. Какъ извѣстно, Загоскинъ написалъ въ 1815 году комедію „Комедія противъ комедіи, или Урокъ волокитамъ“ въ защиту пьесы князя Шаховскаго „Липецкія воды“ и находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Шаховскимъ.

²⁾ Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, министръ юстиціи.

бездну. Все отечественное имъ не мило, и они болѣе и болѣе становятся чуждыми Россіи. Боже милосердый! увидимъ ли мы наконецъ въ нашей отчизнѣ любовь къ просвѣщенію слитою съ духомъ народности? Но уже между дворянами, даже между знатными, и даже между купцами (несмотря на Полеваго) ¹⁾ являются, часто возникаютъ люди, паляемые священнымъ огнемъ руссизма, который ни Полевой, ни Лелевель ²⁾, ни кто изъ другихъ антирусовъ не только потушить не въ состояніи своими помоями, но который отъ усилій ихъ распространяется. Число ихъ еще не велико, но умножается съ каждымъ днемъ, и самая малочисленность ихъ даетъ имъ силу сектеризма; они пойдутъ проповѣдывать слово русское, и самая новость будетъ привлекать къ нимъ послѣдователей. Сіе перерожденіе не можетъ быть примѣтно для разсѣянной толпы, но тому, чье любопытное око, среди всеобщей тьмы, съ усиліемъ напрягается на востокъ своего отечества, является оно какъ свѣтлѣющая еще блѣдная полоса, предвозвѣстница еще не солнца, еще не дня, но хотя новой зари для Россіи. Сими надеждами привѣтствую васъ, любезнѣйшій братъ о Россіи, братъ по крови и по духу, и съ симъ вмѣстѣ на сей разъ прощаюсь съ вами. Поцѣлуйте за меня ручку Анны Димитріевны ³⁾ и обнимите зрѣющихъ вашихъ молодцовъ ⁴⁾, коимъ конечно будете вы умѣть передать ваши чувства. Они будутъ счастливы насъ съ вами и услышать повсюду, внѣ и внутри Россіи, имя ея превознесенное и препрославленное. Еще разъ прощайте, обнимаю васъ. Вѣчно вамъ преданный Ф. Вигель.

2.

С.-Петербургъ, 31-го мая 1836.

Любезнѣйшій мой другъ Михаилъ Николаевичъ!

Меня за ваше знакомство чрезвычайно какъ благодарилъ Сергій Павл(овичъ) Шиповъ ⁵⁾; я предвидѣлъ, что вы другъ другу полюбитеесь; онъ былъ въ восхищеніи отъ автора, не знавъ его лично, теперь безъ памяти отъ человѣка. Вамъ предстоитъ еще новое знакомство такого же рода, но съ особой другаго пола, и даже съ дѣвицей, которая просила меня ее съ вами сблизить, а какъ она близка къ вашимъ лѣтамъ, то

¹⁾ Н. А. Полеваго.

²⁾ Польскій историкъ Іоакимъ Лелевель († 1861), написавшій, какъ известно, критику на „Исторію“ Карамзина.

³⁾ Жена М. Н. Загоскина, рожденная Васильцовская.

⁴⁾ У М. Н. Загоскина было три сына. „Воспоминанія“ младшаго изъ нихъ, Сергѣя Михайловича, изданы въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1899 года.

⁵⁾ Генераль-адъютантъ († 1876).

безъ зазрѣнія совѣсти я за это дѣло взялся. Сія дѣвица есть авторъ довольно извѣстнаго романа «Скопинъ-Шуйскій» ¹⁾, не молодая уже фрейлина Олимпиада Петр(овна) Шишкина: она въ началѣ или въ половинѣ іюня будетъ въ Москвѣ. Не взирая на совершенное знаніе французскаго языка, на модное воспитаніе, на всѣ привычки свѣтскаго общезжитія, она вся русская и потому-то и въ шестьдесятъ лѣтъ она не отвыкнетъ отъ стыдливости, которой наши предки женскаго пола такъ придерживались. Ей невозможно будетъ васъ искать, васъ, мужчину свѣжаго, статнаго, крѣпкаго, красяваго, но въ васъ будетъ ли столько галантереи (простите сіе старофранцузское выраженіе), чтобы отыскать ее? Пока вы ее не знаете, хочу вамъ изобразить ее; можетъ быть, сіе привлечетъ васъ къ ней. Природа влила ей въ душу такъ много прелестей, что для наружности могла оставить лишь столько, сколько требовала благопристойность; она не уродлива и не безобразна, но вотъ и все. Но за то умъ, таланты, добродѣтели, а сердце... оно бы сильно воспламенилось, еслибъ могло другое воспламенить. Всю пылкость сиротствующаго сердца сего она посвятила друзьямъ, роднымъ, отчизнѣ, Богу—ихъ она любить страстно. Всякій, чье сердце бьется при имени Россіи, тотъ при вашемъ улыбается дружелюбно, и потому-то вы ей, хотя и не знакомый, но и не чужой. Посѣтите же ее, познакомьтесь съ ней, и когда раза два поговорите, то полюбите какъ сестру родную: она же между тѣмъ двоюродная двумъ весьма почтеннымъ и извѣстнымъ въ Россіи людямъ, Озерову ²⁾ и Блудову. Весьма бы хорошо вы сдѣлали, еслибъ познакомили ее и съ Анной Димитріевной ³⁾, а потомъ и съ г. Погодинымъ; сего также она весьма желаетъ.—Я переѣхалъ на дачу и пользуюсь искусственными минеральными водами; потому и не могъ быть при представленіи «Недовольныхъ»; мнѣ сказывали, что пьеса принята хорошо, и это меня удивило. Болѣе всего у насъ шуму дѣлаетъ раекъ во время представленія пьесы, а первые ряды креселъ и первый ярусъ ложъ послѣ представленія, а какъ ваша комедія написана не для райка и противъ ложъ и первыхъ креселъ, то я и полагалъ, что одни ее не поймутъ, а другіе разсердятся, но, видно, прочія мѣста въ театрѣ были на сей разъ наполнены.

То ли дѣло «Ревизоръ»; читали ли вы сію комедію? видѣли ли вы ее? Я ни то, ни другое, но столько о ней слышалъ, что могу сказать, что издали она мнѣ воныала. Авторъ выдумалъ какую-то Россію и въ

¹⁾ Полное заглавіе этого романа О. П. Шишкиной (р. 1791†1854) слѣдующее: „Князь Скопинъ-Шуйскій, или Россія въ началѣ XVII столѣтія“. Онъ вышелъ въ свѣтъ въ 1835 году.

²⁾ Владиславу Александровичу, извѣстному писателю, который также приходился Д. Н. Блудову двоюроднымъ братомъ.

³⁾ Женою Загоскина.

ней какой-то городокъ, въ который свалилъ онъ всё мерзости, которыя изрѣдка на поверхности настоящей Россіи находишь: сколько накопилъ онъ плутней, подлостей, невѣжества! Я, который жилъ и служилъ въ провинціяхъ, смѣло называю это клеветой въ пяти дѣйствіяхъ. А наша-то чернь хохочетъ, а нашимъ-то боярамъ и любо; всё эти праздные трутни, которые далѣе Петербурга и Москвы Россіи не знаютъ, половину жизни проводятъ за границей, которые готовы смѣшивать съ грязью и насъ, мелкихъ дворянъ и чиновниковъ, в всю нашу администрацію, они въ восторгѣ, отъ того, что приобрѣтаютъ новое право презирать свое отечество, и, указывая на сцену, говорятъ: вотъ ваша Россія! Безумцы! Я знаю г. автора—это юная Россія, во всей ея наглости и цинизмѣ. Онъ подъ покровительствомъ Жуковскаго, но вѣдь это Жуковский не прежній. Посудите, нынѣшнею зимою онъ по субботамъ собиралъ у себя литераторовъ, и я иногда являлся туда какъ въ непріятельскій станъ. Первостепенные тамъ князья Вяземскій и Одоевскій и г. Гоголь. Всегда бывалъ тамъ и Пушкинъ, но этотъ все придерживается Руси; еще видѣлъ я тамъ Теплякова, холоднаго поэта, и молодого Бенедиктова, который явился въ такомъ блескѣ и котораго, боюсь, заря скоро затмится. Разумѣется, всё оиі господа въ совершенной противоположности съ другимъ обществомъ, которое ежеднѣвно собирается у г. Греча: тамъ вы находите Булгарина, Воейкова, Сеньковскаго, Мосальскаго, и мало ли кого тамъ увидишь—также Европа, но въ другомъ духѣ, менѣе умѣренномъ. Какъ старику вездѣ и нигдѣ, мнѣ случалось и тамъ быть, и, кажется, одинъ разъ, какъ бѣсъ, мелькнулъ мнѣ тамъ Полевой. Признаюсь, первые мнѣ только что досадны, а послѣдніе почти ненавистны. Наконецъ и въ моей скромной хранилѣ собирались также одинъ разъ въ недѣлю если не литераторы, то люди просвѣщенные, а болѣе всего благонамѣренныя: не нужно вамъ говорить, что Сергій Павл(овичъ) ¹⁾ украшалъ присутствіемъ своимъ сіи бесѣды; ихъ посѣщали три губернатора—курскій, вашъ теска ²⁾, честь и слава имени русскаго; тверской—гр(афъ) Толстой ³⁾, почти единственный аристократъ патріотъ, и нынѣшній саратовскій Степановъ ⁴⁾, довольно пріятный человекъ и пріятный писатель, авторъ «Постоялаго двора»; унитскій епископъ Іосифъ Сѣмашко ⁵⁾, изувѣръ

¹⁾ Шиповъ.

²⁾ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ (впослѣдствіи графъ и виленскій генералъ-губернаторъ).

³⁾ Графъ Александръ Петровичъ Толстой († 1873), бывшій потомъ, въ 1856—1862 гг., оберъ-прокуроромъ Св. Синода.

⁴⁾ Александръ Петровичъ († 1837).

⁵⁾ Знаменитый литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко.

руссицизма, и молодой гр(афъ) Протасовъ ¹⁾, товарищъ мини(стра) нар(однаго) просв(ѣщенія), горящій священнѣйшимъ огнемъ любви къ Россіи и надежда всѣхъ ея поборниковъ. Являлся и вашъ давнишній знакомый, дряхлѣющій уже и тѣломъ, но бодрый еще умомъ, по крайней мѣрѣ, разговорнымъ, кн(язь) Шаховской ²⁾, когда здоровье ему позволяло. Вы знаете, какъ онъ фосфоренъ, воспалителенъ, и можете посудить, какъ посреди такого общества онъ воспламенялся и какъ славно иногда говорилъ; я увѣренъ, что это скоро опять проходило и что жаръ сей потухалъ при возвращеніи къ Катеринѣ Ивановнѣ ³⁾; но все равно, были молодые слушатели, которые увлекались его витійствомъ, мнѣ только было и нужно. Изъ настоящихъ, нынѣшнихъ литераторовъ посѣщаль меня одинъ Кукольникъ, который также, кажется, гармонизируетъ въ чувствахъ и мысляхъ съ предсказанными. Я забылъ упомянуть о Констант(инѣ) Ив(ановичѣ) Арсеневѣ, котораго ученость полезна Россіи и въ настоящемъ, и въ будущемъ, ибо онъ изъ числа первѣйшихъ наставниковъ наследника престола; умѣренный въ поступкахъ и выраженіяхъ, онъ неумѣренъ только въ энтузіазмѣ ко всему отечественному. Долго было бы вамъ называть другихъ зрѣлыхъ и молодыхъ людей, которые собирались у меня; имена сихъ послѣднихъ мало извѣстны, но ихъ, конечно, со временемъ узнають и будутъ уважать. Вы можете быть увѣрены, когда такого рода люди соберутся, то часто поминають и о васъ, и, повѣрьте, вы были бы какъ среди семьи родной: жаль, что вы не пріѣзжали, а г. Погодинъ не захотѣлъ меня найти.

Насмѣшники, которые сами столь же достойны посмѣянія, какъ и сожалѣнія, называютъ насъ сектой: увы! они правы. Что дѣлать, когда въ столь обширномъ, въ столь славномъ государствѣ патриотизма достаточно только для составленія одной секты, и онъ не можетъ быть господствующей вѣрой! Но что вы тамъ въ Москвѣ дѣлаете? Зачѣмъ вы не дѣятельнѣе проповѣдуете тамъ слово русское, зачѣмъ не умножаете число поклонниковъ Россіи? Дайте вы мнѣ только къ вамъ пріѣхать, вы увидите, сколько я вамъ народу наwerbую. Когда случится къ любимому человѣку писать о любимомъ предметѣ, то трудно положить перо, и я, обыкновенно скудный мыслями при обыкновенной перепискѣ, дѣлаюсь тогда неистощимъ. Другія занятія отрываютъ меня, да и ваше время пощадить нужно. Итакъ спѣшу проститься съ вами до будущаго письма, если не начинаю надѣвдать вамъ. Еще разъ прощайте. Вѣчно вашъ Вигель.

¹⁾ Графъ Николай Александровичъ Протасовъ, впоследствии оберъ-прокуроръ Св. Синода.

²⁾ Князь Александръ Александровичъ.

³⁾ Ежовой, актрисѣ, подругѣ жизни князя Шаховскаго.

Разсудокъ велить мнѣ просить васъ о сожженіи писемъ моихъ, ибо слишкомъ смѣло выражаюсь въ нихъ на счетъ нѣкоторыхъ лицъ, коихъ могу сдѣлать себѣ врагами, а самолюбіе заставляетъ меня желать, чтобы вы ихъ сохраняли, потому что въ нихъ есть мимоходныя идеи, коихъ бы мнѣ жаль было невозвратной потери.

3.

С.-Петербургъ, „ мая 1850.

Милой другъ и братъ Михаилъ Николаевичъ.

Какъ давно не видалъ я тебя, какъ давно не писалъ я къ тебѣ, страшно подумать: неужели мы вовсе сдѣлались чужды другъ другу? Правда, я бѣглець изъ Москвы, ты упрямый житель сего города, котораго оболочка для меня такъ обворожительна, но котораго начинка мнѣ такъ противна. За то сколько есть пунктовъ, на которыхъ мы сходимся душой и сердцемъ. Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Москву, въ цѣлой Европѣ разразилась революція, которую мы съ тобой такъ ожидали и такъ боялись. Ну что? каковъ образецъ, учитель нашъ Западъ? Признаюсь въ невѣжествѣ своемъ: когда въ 1844 году воротился я изъ-за границы, то въ Москвѣ изъ устъ твоихъ въ первый разъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ услышалъ я слово коммунизмъ, а онъ, подкрившись волгѣдъ за сенсимонизмомъ, фуріеризмомъ и всѣми нѣмецкими безсмысленными и богоотступными сектами, стоялъ уже выше всѣхъ этихъ стѣннобитныхъ орудій, готовыхъ сокрушить общественное зданіе. Имена Шеллинга и Гегеля, которыми такъ оглушали меня у васъ всѣ имѣющіе претензіи на ученость, въ Германіи едва доходили до слуха моего, нѣмцы считали путешествующихъ сѣверныхъ невѣждъ неспособными еще постигать высокихъ истинъ сихъ геніевъ. Въ Парижѣ разъ только одинъ землякъ завезъ меня въ общество фаланстеріанцевъ; мнѣ любопытно было послушать ихъ бредни, но они были скромны и разсуждали только о художествахъ. Вообще вездѣ замѣтно было волненіе умовъ, но ничто не возвѣщало близости революціоннаго взрыва. Нынѣ же социализмъ, выскочивъ прямо изъ ада и пройдя черезъ Бедламъ и Шарантонъ ¹⁾, распространился между людей. Что-то объ этомъ толкуютъ ваши дуры оксиданталістки, западницы или западни, какъ я ихъ называю? Между прочимъ весьма немногумная, но многоумствующая Ховрина. Меня увѣряли, что въ Пензѣ Блохина рѣшительно бѣснуется; не худо бы было тебѣ посовѣтовать пріятелю

¹⁾ Извѣстныя лѣчебныя заведенія для сумасшедшихъ: Бедламъ близъ Лондона, а Шарантонъ—недалеко отъ Парижа.

своему архіерею ¹⁾ и зятю своему губернатору ²⁾), чтобы ее отчитывать. Я такъ записался о томъ, что два года исключительно меня занимаетъ, что упустилъ изъ виду самую цѣль этого письма. Она состоитъ въ томъ, чтобы испросить благосклонное твое вниманіе и вспомошествованіе московскому же семейству Мальчугиныхъ, которое на время возвращается на родину. Они объясняютъ тебѣ желанія свои. Тебѣ извѣстно, какъ я лѣнивъ писать письма, и потому самый поступокъ мой покажетъ тебѣ живѣйшее участіе, которое принимаю я въ этомъ семействѣ. Особенно же прошу тебя оказать обычную любезность твою одному изъ братьевъ, котораго Булгаринъ въ фельетонѣ своемъ по всей справедливости назвалъ милымъ созданиемъ и котораго подъ мужскимъ рядомъ нѣжный полъ угадать весьма не трудно. Если паче чаянія будешь мнѣ отвѣчать (Мальчугины могутъ дать тебѣ мой адресъ), то не забудь увѣдомить о состояніи здоровья Анны Дмитриевны ³⁾: ты знаешь, что постоянно милостивое ея ко мнѣ расположеніе одно изъ пріятѣйшихъ воспоминаній моихъ въ Москвѣ. То же самое скажу о пріятельницѣ ея Любви Григорьевнѣ Новосильцевой, достойной имени, даннаго ей при крещеніи: значеніе его она внушаетъ всѣмъ знакомымъ своимъ обоого пола. Приведи меня на память симъ почтеннымъ дамамъ. Я переѣхалъ на дачу, когда въ первый разъ играли новую твою комедію ⁴⁾; я не видѣлъ ее и ничего не могу сказать тебѣ объ ней и о сдѣланномъ ей пріемѣ. По названію сужу, что она писана въ моемъ духѣ, и по заочности она уже мнѣ нравится. Графиня Блудова ⁵⁾ отъ тебя, отъ Хомякова и отъ Алексѣя Петровича Ермолова воротилась безъ памяти, съ послѣдними даже переписывается, за то безъ зѣвоты и смѣха не можетъ слышать имени Чаадаева, то же самое и другія придворныя дамы и дѣвицы, прошлаго года посѣтившія Москву. Обнимаю тебя мысленно, мой милый, сердечный, съ ребячества постоянный другъ. Вѣчно твой Вигель.

Отъ Жуковского давно уже, болѣе года, получилъ длинное письмо, и прекрасное. Право, какъ не возблагодарить небо, сохранившее намъ и въ старости живость воображенія.

¹⁾ Пензенскимъ архіереемъ былъ въ то время преосвященный Амвросій (Моревъ) († 1854).

²⁾ Пензенскій губернаторъ (съ 1831 по 1859 г.) Александръ Алексѣевичъ Панчулдзевъ былъ женатъ во второмъ бракѣ на сестрѣ М. Н. Загоскина, Варварѣ Николаевнѣ (въ первомъ бракѣ бывшей замужемъ за Ахлебенинымъ).

³⁾ Жены М. Н. Загоскина.

⁴⁾ Комедія „Поѣздка за границу“.

⁵⁾ Антонина Дмитріевна.

4.

С.-Петербургъ, 28-го декабря 1850.

Я только въ нуждѣ пишу къ тебѣ, милѣйшій и почтенивѣйшій другъ и братъ Михаилъ Николаевичъ; къ счастью, это бываетъ рѣдко, можетъ быть, скажешь ты. Ты всегда пріятельски былъ знакомъ съ Михаиломъ Александровичемъ Дмитріевымъ ¹⁾, а для меня онъ былъ въ числѣ немногихъ пріятнѣйшихъ воспоминаній о Москвѣ, и это воспоминаніе скрылось въ Симбирской губерніи, и я объ немъ никакихъ извѣстій не имѣлъ. А между тѣмъ я у него въ долгу; нѣкоторыя бумаги, которыя поручилъ онъ мнѣ, обязанъ я ему возвратить. У прибывшаго сюда губернатора князя Черкаскаго ²⁾ справлялся я объ немъ и бумаги сіи хотѣлъ черезъ него переслать. Но онъ увѣрилъ меня, что Мих(аилъ) Ал(ександровичъ) въ Москвѣ. Да гдѣ же? Кому лучше тебя это знать. Сдѣлай милость, при нѣсколькихъ строкахъ пришли мнѣ его адресъ; тогда бумаги по почтѣ могу къ нему отправить. Видишься ли ты съ Θεодоромъ Николаевичемъ и Авдотьей Павловной Глинками; послѣдняя на меня гнѣвается, съ этими дамами безъ вины будешь виновать. И за что же? За цензуру нашу, которую я ненавижу. Рассказать ея дѣйствія, не повѣришь. Ей бы противиться распространенію дурныхъ политическихъ мнѣній; она мѣшается въ духовныя дѣла и науки. Въ посланіяхъ Апостола и проповѣдяхъ вымарывается слово братія, оно слишкомъ пахнетъ коммунизмомъ, и замѣняется словомъ христіане. Изъ французскихъ медицинскихъ книгъ изгнаны слова: *gémède souverain* ³⁾ и *oréation cézarienne* ⁴⁾. Недавно высокоумный мужъ твоей (а отнюдь не моей) обожаемой Анненковой ⁵⁾ запретилъ сочиненіе одного доктора, который въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ предлагаетъ мѣдныя опилки какъ вѣрное средство, и объявилъ автора неблагонамѣреннымъ отравителемъ. Онъ забылъ или не знаетъ, что сулема, мышьякъ, іодъ, даже *bleu de Prusse* ⁶⁾ въ извѣстномъ количествѣ

¹⁾ Писателемъ (р. 1796 † 1866), авторомъ записокъ „Мелочи изъ записки моей памяти“, племянникомъ И. И. Дмитріева.

²⁾ Симбирскаго губернатора князя Петра Дмитріевича Черкаскаго.

³⁾ Т. е. отличное средство.

⁴⁾ Т. е. кесарское сѣченіе.

⁵⁾ Генераль-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ († 1865), бывшій предсѣдателемъ негласнаго Комитета по надзору за печатью. Н. Н. Анненковъ былъ женатъ на Вѣрѣ Ивановнѣ Бухариной († 9-го мая нынѣшняго 1902 г.), одаренной большимъ умомъ и обладавшей обширнымъ литературнымъ образованіемъ.

⁶⁾ Т. е. Берлинская лазурь.

употребляются въ лѣкарствахъ и суть самыя дѣятельныя яды. Эдакіе болваны у насъ почитаются дѣльными людьми. Всѣ, душою преданные правительству, смотрятъ на то съ грустью; иные полагаютъ, что цензоры злоумышленно такъ поступаютъ, но нѣтъ, всѣ трусы и дураки и по русской пословицѣ—заставь его Богу молиться, онъ лобъ расшибетъ. Сдѣлай милость, покажи это письмо Θεод(ору) Николаев(ичу) ¹⁾ и скажи, въ это время такимъ ли пѣть соловьямъ, какъ онъ?

Если бъ я писалъ по-французски, то попросилъ бы тебя повернуть меня къ ногамъ Анны Димитріевны ²⁾, а по-русски попрошу только поцѣловать за меня ручку у нея. Вѣчно и всею душою преданный тебѣ Ф. Вигель.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Глинеѣ.

²⁾ Жены Загоскина.

Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853—1856 гг. ¹⁾.

I.

Историческій ходъ вопроса о владѣніи Св. мѣстами.—Вмѣшательство въ это дѣло Франціи въ 1850 г.—Нота французскаго посла Портѣ. — Прибытіе въ Константинополь кн. Гагарина съ письмомъ императора Николая I къ султану.—Фирманъ султана 8-го февраля 1852 г.—Вмѣшательство въ переговоры нашего посланника Титова.—Неудовольствіе императора Николая. — Мнѣніе Кастельбажава о политикѣ русскаго государя.—Письма Сабатье къ Тувенелю.

ослѣдователи церкви православной и римско-католической издавна враждовали между собою на Востокѣ и соперничали по поводу различныхъ льготъ и преимуществъ христіанамъ, посѣщающимъ Святыя мѣста. Рѣшеніе этихъ споровъ нерѣдко затрудняло Порту, навлекавшую на себя въ чуждомъ для нея дѣлѣ неудовольствіе одной изъ сторонъ, а иногда и обѣихъ.

Еще въ средніе вѣка христіанскіе народы Западной Европы дѣлали геройскія усилія для того, чтобы отнять у невѣрныхъ мѣста, гдѣ Спаситель родился, гдѣ Онъ жилъ и былъ распятъ.

Испытанныя ими горькія неудачи и пораженія, самая трудность предпріятія, суета современной жизни, отчасти, быть можетъ, и упадокъ

¹⁾ Nicolas I et Napoléon III. 1852 — 1854 de M. Thouvenel. Paris 1891
Histoire du second empire par Pierre la Gorce. Paris 1895.

Preussens auswärtige Politik 1850 — 1858. Unveröffentlichte Dokumente aus dem Nachlasse des Minister-präsidenten Otto Freiherrn von Manteuffel. Zweiter Band. 1852—1854. Berlin 1902.

вѣры ослабили и, съ теченіемъ времени, окончательно заглушили эти благочестивые и воинственные порывы.

Въ XVIII вѣкѣ о крестовыхъ походахъ напоминалъ единственно упоминувшій съ тѣхъ поръ орденъ Іоаннитовъ, который, поселившись сначала на островѣ Родосѣ, а затѣмъ на Мальтѣ, лелѣялъ еще въ душѣ смѣлые замыслы крестоносцевъ, но встрѣчалъ въ нихъ постоянно отпоръ со стороны дипломатовъ.

Духъ благочестія пережилъ духъ завоеванія. На судахъ, выходившихъ изъ портовъ Марсели, Генуи или Венеціи, высаживаются въ наше время на берега Палестины многочисленные христіане, вооруженные не мечомъ, подобно своимъ предкамъ, а странническимъ посохомъ; это богомольцы, кающіеся грѣшники, а не воины. Въ Іерусалимѣ, Вилеємѣ и Назаретѣ существуетъ нѣсколько монастырей, гдѣ утомленные, немощные или больные странники и богомольцы находятъ пріютъ. Монахи этихъ монастырей съ любовью предаются благочестивымъ дѣламъ и постепенно расширяютъ кругъ своей дѣятельности.

Отторгнутые отъ родины, которую имъ нерѣдко не суждено было болѣе увидать, погруженные въ воспоминаніе великихъ событій, воодушевленные вѣрой, усугубляемой презрѣніемъ къ невѣрнымъ, наши предки считали для себя за честь и отраду ознаменовать какимъ-либо памятникомъ или какою-либо эмблемою каждое мѣстечко, гдѣ, по свидѣтельству Евангелія, жилъ Спаситель. Они старались сохранить отъ разрушенія или отъ фанатизма турокъ церкви, воздвигнутыя крестоносцами, украшали статуями или символическими изображеніями гроты, источники, оливковыя роціи, прославленные св. писаніемъ. Въ Вилеємѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ находились ясли, была поставлена серебряная звѣзда въ память той звѣзды, которая возвѣстила о рожденіи Іисуса Христа; кресты и цѣлыя дороги, обставленные крестами, напоминали его Страстный путь. Такимъ же вниманіемъ были окружены могилы извѣстѣйшихъ крестоносцевъ, Годфрида Бульонскаго, Бодуина; ихъ розыскали, возстановили, окружили почетомъ. Монахи, жившіе въ Святой Землѣ, не были позабыты, не смотря на то, что они находились далеко отъ Европы; папы давали имъ индульгенціи; короли предоставляли имъ важныя привилегіи; имъ присылались великолѣпные подарки, въ знакъ признательности отъ богомольцевъ, встрѣтившихъ подъ ихъ гостепримнымъ кровомъ пріютъ и уходъ во время болѣзни. Объ этихъ благодѣяніяхъ свидѣтельствовали гербы и надписи, сдѣланныя на стѣнахъ монастырей и храмовъ. Надъ каждымъ монастыремъ, который являлся вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы маленькой крѣпостцю, развѣвался флагъ той націи, которой онъ принадлежалъ; среди нихъ особенно выдѣлялся бѣлый французскій флагъ, какъ залогъ покровительства, хотя не всегда дѣйствительнаго, но болѣе могущественнаго, нежели всѣ остальные. Мало-по-

малу христіанскій міръ привыкъ обозначать однимъ и тѣмъ же названіемъ священную почву Іудей и учрежденія, возникшія благодаря усердію монаховъ и щедрости Западной Европы; онъ сталъ называть ихъ Святыми мѣстами. Но съ теченіемъ времени оказалось, что невѣрные были не единственными врагами католическихъ монаховъ въ Палестинѣ. Рядомъ съ монашествующими лицами латинской церкви, подчиненными верховной власти римскаго папы и тѣсно связанными съ западными народами и въ особенности съ Франціей, въ Іерусалимѣ и въ Вилеємѣ появились общежитія греческихъ монаховъ, которые смотрѣли на Россію, какъ на свою естественную защитницу и покровительницу. Соперничество между тѣми и другими монашествующими не проявлялось до тѣхъ поръ, пока Московское государство было не особенно сильно. По когда вновь возникала, въ началѣ XVIII вѣка, имперія увеличилась въ своихъ размѣрахъ и выказала стремленіе играть первенствующую роль на Востокѣ, то греческіе монахи, проживавшіе въ Палестинѣ, стали проявлять честолюбивые замыслы, соразмѣрные возникшему могуществу ихъ покровителя, и начали оспаривать вѣковыя преимущества латинской церкви сначала тайно, а затѣмъ болѣе и болѣе явно. Мало-по-малу дѣло дошло до того, что представители Франціи въ Константинополѣ стали протестовать. По ихъ словамъ, они не добивались никакихъ новыхъ привилегій для своихъ единовѣрцевъ, но хотѣли только, чтобы *statu quo* было опредѣлено какимъ-нибудь актомъ, который прекратилъ бы захваты грековъ. Ихъ просьба была удовлетворена.

Въ 1740 г. между Франціей, долгое время бывшею единственною представительницею западно-европейскаго міра въ Турціи, и Оттоманской Портой былъ заключенъ договоръ, коимъ монахамъ латинскаго вѣроисповѣданія было обезпечено «обладаніе всѣми Святыми мѣстами, куда они ѣздили на поклоненіе въ Іерусалимѣ», при томъ, какъ говорилось въ договорѣ, «въ томъ самомъ видѣ, какъ они владѣли ими до тѣхъ поръ».

Греки не оспаривали этотъ договоръ, напротивъ того, они выразили готовность подчиняться ему, но вмѣстѣ съ тѣмъ постарались уничтожить всецѣло его значеніе и расширить мало-по-малу свои права. Вначалѣ они заявили скромное желаніе владѣть нѣкоторыми святилищами совмѣстно съ католиками, говоря, что добиваются только права служить у престола, хотя бы послѣ латинянъ; но вскорѣ они захотѣли служить перьые, а затѣмъ одни. Они попросили вначалѣ одинъ ключъ отъ дверей большаго храма въ Вилеємѣ, потомъ два ключа отъ дверей въ пещеру Рождества Христова, а когда имъ дали всѣ ключи, то они отказались возвратить ихъ. Въ одномъ мѣстѣ они захватили нѣсколько комнатъ, въ другомъ выдвинули стѣну, чтобы увеличить свою церковь. Они разрушали то, что не могли присвоить, и наконецъ похитили изъ

Визеема серебряную звѣзду, которая издавна находилась тамъ и которую богомольцы привыкли почитать. Чѣмъ болѣе возрастало значеніе Россіи, тѣмъ болѣе возрастали притязанія грековъ, противъ которыхъ представители католической церкви энергично протестовали; въ сущности это было соперничество двухъ церквей, борьба двухъ народностей.

Съ 1841 г. восточный вопросъ какъ будто затихъ, послѣ того какъ надъ турецкими дѣлами былъ установленъ совмѣстный протекторатъ Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи, къ которымъ скоро присоединилась Франція, которая долгое время не внимала жалобамъ, доходившимъ до нея изъ Іерусалима. Въ монастыряхъ Палестины смѣнился цѣлый рядъ настоятелей, съ неутомимой настойчивостью повторявшихъ свои жалобы, которыя обыкновенно никто не слушалъ, и только въ 1850 г. французское правительство рѣшилось напомнить Портѣ торжественныя условія договора, заключеннаго ею въ 1740 г.

28-го мая 1850 г. французскій посланникъ въ Константинополь генералъ Опикъ (Aupick) вручилъ министру иностранныхъ дѣлъ Алипашѣ ноту, въ которой были изложены жалобы католиковъ и предъявлялось требованіе, чтобы эти жалобы были удовлетворены. Перечисляя главнѣйшія святилища и священныя мѣста, коихъ лишились католики, генералъ Опикъ доказывалъ, что эти захваты были совершены греками послѣ заключенія договора 1740 г., и слѣдовательно этимъ былъ нарушенъ точный его смыслъ. Прося у султана справедливости, онъ настаивалъ на соблюденіи прежнихъ обязательствъ.

Это требованіе было принято султаномъ довольно равнодушно, хотя оно поставило его въ затруднительное положеніе. Ему было, разумѣется, безразлично, греки или латиняне совершали богослуженіе въ іерусалимскихъ святилищахъ, онъ видимо даже былъ готовъ явиться посредникомъ между двумя христіанскими вѣроисповѣданіями, которыхъ законъ Магомета одинаково повелѣвалъ ему проклинать. Но съ точки зрѣнія политики вопросъ былъ весьма затруднительный. Всѣмъ было извѣстно, что Россія считала себя обязанной покровительствовать всѣмъ православнымъ христіанамъ ¹⁾ и что она приметъ на свой счетъ всякую нанесенную имъ обиду. Съ другой стороны, не обративъ вниманія на законныя требованія Франціи, можно было задѣтъ ея самолюбіе. Обидѣтъ

¹⁾ Начало протектората Россіи надъ христіанами въ Турціи положено Кучукъ-Канарджійскимъ договоромъ 1774 г., въ силу котораго русскимъ посламъ дозволялось дѣлать представленія въ пользу воздвигнутой въ Константинополь церкви и служащихъ въ оной; послѣдующіе трактаты подтвердили это право. Но Ункіаръ-Скелессійскій договоръ 1833 г., обезпечивавшій за одной Россіей вмѣшательство въ турецкія дѣла, уступилъ мѣсто лондонскому трактату 1840 г., установившему совмѣстный протекторатъ Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи, къ которымъ присоединилась скоро и Франція.
В. Т.

ту или другую державу было одинаково опасно. Россіи, искони враждебной Турціи, не слѣдовало давать повода къ нападенію; Франція же была всегдашней союзницей, которой надобно было дорожить.

Проволочка—обычный пріемъ людей слабыхъ, и для этого какъ нельзя лучше подходитъ извѣстная медлительность Востока; поэтому турки старались уклониться отъ опаснаго для нихъ рѣшенія, прибѣгая къ проволочкамъ. Они сослались прежде всего на необходимость рассмотреть фирманы или султанскіе указы, относящіяся къ этому предмету. Такъ какъ ихъ было много и они были весьма разнорѣчивы, то этимъ можно было выиграть не мало времени, но генераль Опики настоятельно требовалъ отвѣта.

— Фирманы не важны,—сказалъ онъ высокогортно;—мы указываемъ на договоръ 1740 г., заключенный обѣими сторонами, который имѣетъ несравненно болѣе значенія, нежели всѣ постановленія султана.

Встрѣтивъ отпоръ съ этой стороны, диванъ сослался на многочисленныя религиозныя праздники, въ которые Коранъ предписываетъ всякому правосѣрному мусульманину ничего не дѣлать. Кстати подошелъ рамазанъ, время поста и покаянія, когда пріостанавливаются всѣ дѣла. Затѣмъ подошелъ байрамъ, дни празднествъ и веселья, которые нельзя было омрачить трудомъ. Когда праздники окончились, турецкіе министры сдѣлались невидимы: ихъ обуяло желаніе путешествовать. Али-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ, очутился въ Бруссѣ, и по неволѣ пришлось ожидать его возвращенія. Когда, наконецъ, всѣ средства къ проволочкамъ были истощены, то придумали назначить для обсужденія вопроса комиссію. Какъ мало ни были турки знакомы съ обычаями западныхъ державъ, но все же они знали, что изо всѣхъ средствъ затормозить дѣло комиссія была самымъ вѣрнымъ.

Вначалѣ была назначена смѣшанная комиссія, состоявшая изъ мусульманъ и христіанъ. Вопреки всѣмъ ожиданіямъ, она оказалась довольно дѣятельной и по прошествіи семи или восьми мѣсяцевъ выработала проектъ соглашенія, который Ла-Валеттъ, занявшій мѣсто генерала Опики, счелъ возможнымъ утвердить, хотя соглашеніемъ не были подтверждены права, дарованныя латинянамъ въ 1740 году, и грекамъ было предоставлено право пользоваться привилегіями, которыя они себѣ присвоили. Не смотря на эти ограниченія католиками былъ одержанъ, такимъ образомъ, все же нѣкоторый успѣхъ, и тюльерійскій кабинетъ, коему наскучили эти безкончаемыя пререкательства, ничего болѣе не требовалъ. Ла-Валеттъ, бывший выразителемъ желаній своего правительства, заявилъ, что онъ удовлетворенъ. Можно было надѣяться, что споръ улаженъ. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ 1851 года.

Но опасенія Порты вскорѣ сбылись. Удовлетвореніе, данное католикамъ, какъ бы оно ни было ничтожно, не могло не затронуть Россію,

какъ это и предвидѣли совершенно вѣрно всѣ лица, сколько-нибудь знакомыя съ восточнымъ вопросомъ.

Такъ, 9-го декабря 1851 г., французскій посланникъ въ Мюнхенѣ Тувенель, писалъ Цинтрату (Cintrat), директору архивовъ департамента иностранныхъ дѣлъ:

«Что означаетъ споръ, затѣянный нами въ Константинополѣ по поводу Святыхъ мѣстъ? Надѣюсь, что онъ не такъ важенъ, какъ это изображаютъ нѣмецкія газеты. Я знакомъ съ Востокомъ и могу васъ увѣрить, что Россія не уступитъ. Это для нея вопросъ жизни или смерти; было бы желательно, чтобы это знали въ Парижѣ, если тамъ не хотятъ доводить дѣло до крайности».

Дѣйствительно, русскій посланникъ въ Константинополѣ Титовъ, узнавъ о новомъ договорѣ, который Франція собиралась подписать съ Портою, поспѣшилъ къ Али-пашѣ и просилъ его повременить окончательнымъ рѣшеніемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не снесется по этому поводу со своимъ правительствомъ, а когда турецкій министръ отвѣчалъ на это уклончиво, то Титовъ сказалъ:

— Берегитесь, всякое нарушеніе *statu quo* будетъ сочтено моимъ монархомъ оскорбительнымъ для его достоинства, и онъ не замедлитъ протестовать противъ этого официально.

— Я вижу положительно, — прибавилъ Титовъ, — что Порта поступаетъ подъ протекторатъ Франціи.

Али отвѣчалъ, что его монархъ не признаетъ ничьего протектората ¹⁾.

Такая стойкость турецкаго правительства была непродолжительна. Какъ разъ въ это время (25-го октября 1851 г.), въ Константинополь пріѣхалъ князь Гагаринъ, привезшій султану собственноручное письмо императора Николая I, коимъ требовалось, чтобы Абдулъ-Меджидъ отказалъ Франціи въ ея требованіяхъ. Шагъ былъ настолько серьезенъ, что переговоры съ Франціей неожиданно были прерваны, не смотря на энергичныя возраженія со стороны маркиза Ла-Валетта, который уже былъ увѣренъ въ успѣхѣ.

Несчастная Турція, боявшаяся все время Франціи, стала теперь бояться Россіи и только и думала о томъ, какъ бы отказаться отъ всѣхъ уступокъ, сдѣланныхъ ею Франціи. Чтобы скрыть это желаніе, она заявила о необходимости навести дополнительныя справки. Смѣшанная коммиссія, дѣйствовавшая вначалѣ, была замѣнена другой, въ которой засѣдали одни мусульмане: министры и улемы. Отдѣлаться наи-

¹⁾ Денеша сэра Стратфорда лорду Пальмерстону 5-го ноября 1851 года. (Correspondence respecting the rights and privileges of the latin and greck Churches, ч. I, стр. 29).

болѣе дешевой цѣною отъ притязаній Франціи и въ то же время избѣжать гнѣва могущественной Россіи таково было единственное желаніе турокъ.

Какъ бы то ни было, маркизь Ла-Валеттъ не принадлежалъ къ числу лицъ, которыя легко признають себя побѣжденными, въ особенности въ дѣлѣ, въ которомъ побѣда была такъ близка. Благодаря своей настойчивости и необычайной ловкости, онъ вынудилъ у турецкихъ министровъ, совершенно обитыхъ съ толку этими распрями, фирманъ, извѣстный подъ названіемъ фирмана 8-го февраля 1852 г., коимъ послѣдніе указы султановъ были, повидимому, согласованы съ правами, данными католикамъ старинными трактатами. Но въ сущности, сдѣланныя имъ уступки были такъ незначительны, что они утратили почти все свое значеніе и сводились только къ праву совершать богослуженіе у могилы Богородицы въ Иерусалимѣ и имѣть ключи отъ церкви Рождества Иисуса Христа въ Вилеємѣ.

Добиться такого ничтожнаго результата стоило маркизу Ла-Валетту немалого труда.

Нижеслѣдующее письмо маркиза къ Арману Лефевру ¹⁾ даетъ лучше всякихъ комментаріевъ понятіе о политической атмосферѣ, въ которой приходилось дѣйствовать представителю Франціи въ Константинополь, и о затрудненіяхъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться при веденіи этихъ щекотливыхъ переговоровъ.

Пера, 5-го января 1852 г.

«Любезный другъ,—писалъ Ла-Валеттъ,—я пережилъ крайне трудную недѣлю. Когда я увидѣлъ себя побитымъ рѣшеніемъ Великаго Совѣта, которое было принято большинствомъ пятнадцати голосовъ противъ четырехъ (это обошлось, вѣроятно, дорого грекамъ и г. Титову), то я отправился къ великому визирю Решидъ-пашѣ, попросилъ его пригласить министра иностранныхъ дѣлъ Али-пашу и объявилъ имъ рѣшительно, что я не могу хладнокровно перенести подобную несправедливость; что это значило бы поступать слишкомъ легкомысленно по отношенію къ Франціи; что прошло время, когда можно было душить людей между застѣнками, и что я оффициально прошу великаго визиря испросить мнѣ у его величества аудіенцію, въ которой я почтительно, но энергично изложу жалобы его старѣйшаго союзника. Решидъ-паша, пораженный горячностью моихъ словъ (ибо до тѣхъ поръ мои рѣчи были сладки, какъ медъ), замѣтилъ, что быть можетъ въ Парижѣ не одобрятъ ни сдѣланнаго мною шага, ни моихъ словъ.

¹⁾ Предшественникъ Тувенеля въ управленіи департаментомъ иностранныхъ дѣлъ.

«Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ я,—если е. в. султанъ недоволенъ тѣмъ или другимъ, то у него есть въ Парижѣ г. Каллимахи (турецкій посланникъ), который можетъ на это пожаловаться».

«Я чувствовалъ, что я сжигаю корабли; но повѣрьте, оскорбленіе было слишкомъ сильно. Весьма возможно, что въ Парижѣ, ошеломленные великими и достопамятными событіями ¹⁾, совершающимися вокругъ васъ, вы заблуждаетесь на счетъ печальныхъ послѣдствій понесеннаго нами здѣсь пораженія; но, предвидя его роковыя послѣдствія, я былъ обязанъ сдѣлать все возможное для того, чтобы предупредить ихъ, хотя бы подвергая себя при этомъ опасности. Я надѣялся, что султанъ и его министры откажутся отъ свиданія со мной, что они могли сдѣлать, только уступивъ моимъ требованіямъ. Такъ и случилось. Я не выходилъ изъ своей квартиры съ прошлой среды и только сегодня по утру, въ день отхода парохода, я отправился въ 8 часовъ утра къ Али-пашѣ, съ которымъ, кстати сказать, я нахожусь до сихъ поръ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и которому я оказывалъ всегда, по крайней мѣрѣ по видимости, полное довѣріе, дѣлая видъ, что я не причисляю его къ своимъ врагамъ. Мнѣ кажется, что онъ болѣе всѣхъ расположенъ къ намъ и въ то же время лучше всѣхъ знаетъ дѣла. Прежде всего онъ далъ мнѣ прочесть прекрасную депешу, написанную имъ къ Каллимахи по поводу послѣднихъ событій (во Франціи). Вы увидите изъ нея, что султанъ говоритъ въ этой депешѣ о своемъ восхищеніи принцемъ-президентомъ. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ:

«Вы хотите узнать что-нибудь о вашей аудіенціи. Надѣюсь и даже почти увѣренъ, что въ ней не будетъ надобности, и что когда вы получите официальное извѣщеніе о результатѣ плебисцита ²⁾ французскаго народа, то вамъ придется увидать его величество съ болѣе приятной цѣлью. Я ожидаю великаго визиря, который находится во дворцѣ.

«Въ тотъ же день я слышалъ, что султанъ препроводилъ наше дѣло для пересмотра его въ совѣтъ въ смыслѣ, указанномъ Али-пашою. Вотъ въ какомъ положеніи находятся здѣсь дѣла.

«Съ слѣдующимъ курьеромъ сообщу вамъ дальнѣйшія подробности. Мнѣ такъ нездоровится, что я едва могъ сѣсть на лошадь, чтобы отправиться въ Порту, но я твердо рѣшилъ бороться не на животь, а на смерть. Кстати, не подумайте, что мнѣ придется попросить у васъ секретныхъ суммъ для веденія переговоровъ. Я намекалъ только на нѣсколько орденовъ, которые мнѣ придется просить у васъ, болѣе ничего».

¹⁾ Говорится о государственномъ переворотѣ 2-го декабря 1851 г., упрочившемъ президентство принца Людовика Наполеона, вполнѣдствіи императора Наполеона III.

²⁾ Всеобщая подача голосовъ, коей избраніе Людовика Наполеона президентомъ одобрено французскимъ народомъ.

Нѣсколько дней спустя, 25-го января 1852 г., маркизь Ла-Валеттъ писалъ частное письмо Тувенелю, только-что заступившему мѣсто Армана Лефевра, въ качествѣ управляющаго департаментомъ иностранныхъ дѣлъ.

«Любезный Тувенель,—писалъ онъ,—я очень радъ, что мое первое письмо сообщить вамъ добрыя вѣсти. Послѣдній разговоръ, который я имѣлъ съ Али-пашою, не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно скорого окончанія дѣла (о фирманѣ), и если не случится какихъ-либо чрезвычайныхъ событій, то слѣдующій курьеръ доставитъ вамъ оффиціальное письмо Порты и протестъ, написанный мною въ твердыхъ, но умѣренныхъ выраженіяхъ, коимъ я долженъ закончить переговоры, чтобы сохранить все наши права. Мы условились, что Али-паша сообщитъ мнѣ о полученіи этого акта, но не будетъ отвѣчать на него. Мнѣ кажется, я сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать человекъ, чтобы окончить достойнымъ образомъ эти опасныя и щекотливыя переговоры; я былъ поставленъ въ большое затрудненіе вслѣдствіе распространяемаго здѣсь съ злымъ умысломъ слуха, будто дѣло это покончено въ Парижѣ между Киселевымъ и всѣми вами.

Но едва это письмо было отправлено, какъ неожиданное осложненіе снова поставило дѣло въ совершенную неизвѣстность. Вслѣдствіе домогательства русской партіи, обнародованіе фирмана, извѣстнаго впоследствии подъ названіемъ фирмана 8-го февраля 1852 г., коимъ вопросъ о Святыхъ мѣстахъ могъ бы быть оконченъ, было задержано, а вслѣдствіе дворцовой интриги великій визирь Репидъ-паша былъ смѣненъ (26-го января) Реуфъ-пашою, 94-хъ-лѣтнимъ старикомъ, который уже неоднократно исполнялъ трудныя обязанности перваго совѣтника султана.

«Любезный Тувенель,—писалъ по этому поводу Ла-Валеттъ 28-го января.—Я имѣю всего нѣсколько минутъ до отхода «la Vedette», чтобы сообщить вамъ о паденіи Репидъ-паши. Сознаетесь, что намъ не везетъ. Али-паша въ тотъ самый день уполномочилъ меня написать оффиціально въ Парижъ, что дѣло совершенно окончено, и мы поздравили другъ-друга съ благополучнымъ исходомъ нашихъ взаимныхъ непріятностей. А въ ночь великій визирь былъ смѣненъ! Я слышу со всѣхъ сторонъ, что министерство пало вслѣдствіе дворцовой интриги, имѣющей связь съ іерусалимскими дѣлами. Пока не могу еще сказать въ точности, какое значеніе и основаніе могутъ имѣть эти слухи. Но я счелъ бы весьма знаменательнымъ, если бы преемникъ Али-паши не выполнилъ обязательствъ, принятыхъ на себя падшимъ министерствомъ, тѣмъ болѣе, что Али-паша заявилъ мнѣ, что Великій Совѣтъ (Grand Conseil) ратификовалъ текстъ измѣненной ноты, въ которой излагалось содержаніе фирмана. Г. Коръ (первый драгоманъ французскаго посольства) пріѣхалъ

изъ Порты. Мнѣ кажется, едва ли можно сомнѣваться въ истинной причинѣ, которой вызвано паденіе министерства. Прошу васъ прислать мнѣ инструкціи немедленно съ обратнымъ курьеромъ. Но если, какъ я опасаюсь, дѣло снова затянется, то я постараюсь выиграть время, что будетъ, вѣроятно, не легко; если я увижу съ первыхъ словъ новаго рейсъ-эффенди, что онъ рѣшилъ не признавать обязательствъ, принятыхъ его предшественникомъ, то продолжать бесполезные переговоры будетъ, — по моему мнѣнію, — совершенно несомвѣстно съ достоинствомъ Франціи. Я писалъ вамъ вчера, что все кончено, если только не случится какихъ-либо чрезвычайныхъ событій. Эти событія произошли. Мнѣ не нужно спрашивать васъ, одобряете ли вы мое поведеніе, и просить у васъ энергической поддержки въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыя я поставленъ. Я считаю, что я исполнилъ свой долгъ, какъ честный человекъ, но мнѣ, по многимъ причинамъ, необходимо, чтобы вы сказали это мнѣ во всеуслышаніе. Мнѣ остается еще надежда, что новые министры ратификуютъ принятое Али-пашою обязательство, возложивъ, по отношенію къ Россіи, за это отвѣтственность на министерство, ниспровергнутое русской партіей; я не имѣю времени сказать вамъ все, что приходитъ мнѣ въ голову въ первый моментъ».

Къ счастью для Турціи, Франція хотѣла во что бы то ни стало покончить этотъ докучливый споръ какъ можно скорѣе и поэтому была готова удовольствоваться самыми ничтожными уступками.

Вопросъ о Святыхъ мѣстахъ, весьма важный въ своей совокупности, сводясь къ частностямъ, казался не болѣе какъ споромъ изъ-за религіи и даже изъ-за одной обрядности, и могъ даже возбуждать насмѣшки. Это чувствовали въ Парижѣ.

«Право, — говорилъ Тюрго, въ то время министръ иностранныхъ дѣлъ, — подобные факты не могутъ повести къ разрыву дипломатическихъ сношеній». То же чувствовали и въ Константинополѣ; поэтому товарищи Ла-Валетта по дипломатическому корпусу поддерживали его весьма слабо.

Иначе смотрѣлъ на дѣла французскій посланникъ, который получилъ, наконецъ, 8-го февраля 1852 г. извѣстный фирманъ, въ коемъ говорилось, что такъ какъ главный куполъ церкви Гроба Господня составляетъ принадлежность всего храма вообще, то желаніе латинянъ владѣть большимъ и малымъ куполомъ, мѣстомъ снятія со Креста на Голгоѣ, галлереей Богородицы, большой церковью въ Виелеемѣ и пещерой Рождества Христова лишено всякаго основанія. Султанъ постановилъ, что относительно всѣхъ вышепоименованныхъ Святыхъ мѣстъ все останется въ томъ же положеніи, какъ и нынѣ. Съ другой стороны, въ фирманѣ говорилось, что, такъ какъ одинъ изъ ключей отъ сѣверныхъ и южныхъ дверей большой церкви въ Виелеемѣ и отъ дверей въ пещеру

Рождества Христова, находящуюся подъ этой церковью, былъ данъ издавна грекамъ и въ то же время латинянамъ и армянамъ, что и было подтверждено высочайшимъ фирманомъ, обнародованнымъ въ 1160 г. Эгира (1744 г.), то греки должны довольствоваться этимъ преимуществомъ и предоставить латинянамъ ключи, коими они уже пользуются. *Statu quo* былъ подтвержденъ и относительно обоихъ Виодемскихъ садовъ. Относительно же могилы Богородицы, въ фирманѣ было сказано, что желаніе латинянъ обладать исключительно этимъ святилищемъ неосновательно, но, съ другой стороны, нѣтъ никакого основанія изгонять ихъ оттуда, такъ какъ греки, армяне, сирійцы и копты совершаютъ въ немъ свои религиозные обряды. Вслѣдствіе этого латинянамъ былъ разрѣшенъ доступъ къ могилѣ Богородицы совместно съ лицами иныхъ вѣроисповѣданій. Относительно церкви Вознесенія Христа, находящейся на Оливковой горѣ, такъ какъ латиняне совершали въ ней богослуженіе въ день Вознесенія, то султанъ повелѣлъ предоставить такое же преимущество и грекамъ. Церковь же Вознесенія по-прежнему должна была охраняться привратникомъ-мусульманиномъ.

«Благодаря Бога, мы вышли съ честью изъ крайне щекотливаго и угрожающаго вопроса о Святыхъ мѣстахъ,—писаль Ла-Валеттъ Тувенелю 15-го февраля.—Вы, любезный Тувенель, хорошо знакомы съ Востокомъ, давно уже поняли то, къ чему прочіе относятся, повидимому, легко. Въ данномъ случаѣ, дѣло касалось болѣе политики, нежели простаго спора между монахами. Надобно было либо не начинать его, либо настоять на своемъ. Конечно, мы не получили всего, на что мы были въ правѣ рассчитывать, но мы спасли право и добились, въ сущности, довольно важнаго преимущества (доступа ко гробу Богоматери). Записочка, полученная мною, сію минуту, отъ Али-паши дастъ вамъ понятіе о томъ, какое значеніе имѣетъ одержанный нами успѣхъ; объ этомъ можно судить по страху, обуявшему несчастныхъ турецкихъ министровъ. Вотъ, по моему мнѣнію, какъ было дѣло: Али-паша сообщилъ необдуманно г. Титову ноту, въ которой была изложена сущность фирмана, который онъ долженъ былъ сообщить мнѣ. Титовъ потребовалъ, чтобы въ этомъ фирманѣ были сдѣланы измѣненія, которыя совершенно искажали его смыслъ. Вслѣдствіе этого между мною и Али-пашою произошла сцена, хотя я не зналъ еще въ то время навѣрно, что причиною этого вѣроломства былъ Титовъ.

«Въ Одессу было даже послано стоящее на здѣшнемъ рейдѣ, русское судно (станціонеръ) съ текстомъ исправленной ноты, но предъявленное мною Оттоманскому кабинету энергическое требованіе, чтобы онъ выполнилъ свои обязательства и окончательный срокъ, 9-го февраля, назначенный мною для этого, заставили кабинетъ вручить мнѣ ноту, съ коей я посылаю вамъ копію. Титовъ жалуется на измѣну, и

Али-паша, встревоженный, просить меня держать эту ноту нѣкоторое время въ тайнѣ, отнюдь не оспаривая однако того, что я имѣю право сказать, что дѣло окончено, такъ какъ здѣсь все становится извѣстно въ тотъ же день и всѣ уже знаютъ, что дѣло сдѣлано, хотя никто не знаетъ подробностей. Нѣтъ надобности говорить, что я скромничаю и не имѣю ни малѣйшаго желанія посвящать въ дѣло всѣхъ и cadaго. Я жалуясь напротивъ на то, что происки русскихъ помѣшали кабинету поступить относительно насъ съ должной справедливостью. Но крики, поднятые нашими противниками, заставляютъ всѣхъ предполагать, что ими одержанъ гораздо болѣе существенный успѣхъ, нежели это есть на самомъ дѣлѣ».

Въ Парижѣ не обманывались, однако, относительно результата переговоровъ, веденныхъ Ла-Валеттомъ, и не придавали ему слишкомъ большаго значенія.

«Я искренно желаю, — писалъ Тувенель въ Петербургъ французскому послу Кастельбажаку ¹⁾, чтобы вопросъ о святыхъ мѣстахъ не слишкомъ огорчилъ императора Николая. Мы начали это дѣло, быть можетъ, нѣсколько легкомысленно, но намъ невозможно было не довести его до конца.

«Успѣхъ, достигнутый нами, въ сущности очень не великъ, но неосторожный, по моему мнѣнью, образъ дѣйствій Титова и тотъ фактъ, что онъ всюду разгласилъ о письмѣ императора Николая къ султану, придали ему какое-то особенное значеніе. Протестъ г. Ла-Валетта противъ соглашенія, предложеннаго Портою, существуетъ только pro forma, и мы вовсе не думаемъ ссылаться на него въ будущемъ».

Дѣйствительно, получивъ 8-го февраля 1852 г. фирманъ султана, маркизъ Ла-Валеттъ заявилъ Портѣ, что Франція сохраняетъ всѣ историческія права, проистекающія изъ предыдущихъ договоровъ. Такимъ образомъ вопросъ по существу оставался открытымъ въ ожиданіи того времени, когда могъ представиться случай рѣшить его въ болѣе благоприятномъ смыслѣ.

15-го марта 1852 г. маркизъ Ла-Валеттъ, утомленный всѣми пережитыми тревоженіями, уѣхалъ въ трехмѣсячный отпускъ, по его словамъ, «довольный тѣмъ, что могъ позабыть на время грековъ, латинянъ, турокъ и русскихъ», предоставляя другимъ распутывать докучливый вопросъ о Святыхъ мѣстахъ. Его замѣстителемъ въ Константинополѣ остался, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, первый секретарь французскаго посольства Сабатье, знатокъ Востока, служившій долгое время въ Афинахъ секретаремъ при тамошнемъ посольствѣ, человекъ умный, весьма энергичный и стремительный. Онъ велъ дѣятельную и откоро-

¹⁾ Отъ 15-го марта.

венную переписку съ Тувенелемъ, съ которымъ близко сошелся еще въ Греціи. Сабатье смотрѣлъ на дѣло правильно и не создавалъ себѣ никакихъ иллюзій.

«Любезный другъ,—писалъ онъ Тувенелю 26-го марта.—Изъ вашихъ послѣднихъ депешъ и изъ письма г. Рейневеля (французскаго посланника при папскомъ дворѣ) я вижу, что въ Парижѣ и въ Римѣ всё въ восторгѣ отъ рѣшенія, которое приняло дѣло о Святыхъ мѣстахъ. На это имѣется полное основаніе. Хотя результатъ, достигнутый нами, не особенно великъ, но сдѣланныя намъ уступки все же имѣютъ значеніе; это видно изъ того, что въ Аѳинахъ точно такъ же, какъ и здѣсь, греки, и въ частности всё друзья Россіи рвутъ и мечутъ. Я нахожу со своей стороны, что для насъ самое лучшее въ этомъ случаѣ то, что, такъ или иначе, дѣло все-таки рѣшено. Намъ надобно было, во что бы то ни стало, выйти изъ затруднительнаго положенія, и мы вышли изъ него болѣе прилично, нежели можно было ожидать. Остается довершить дѣло, т. е. привести его въ исполненіе. Будьте увѣрены, что я употреблю всевозможное стараніе къ тому, чтобы не случилось новыхъ осложненій. Если Пасха пройдетъ спокойно въ Іерусалимѣ, то все будетъ спасено.

«Маркизь Ла-Валеттъ уѣхалъ нѣсколько отуманенный успѣхомъ; впрочемъ, онъ можетъ быть правъ, такъ какъ вы не можете себѣ представить, сколько ему пришлось пустить въ ходъ ума, ловкости, дѣятельности во время этихъ нескончаемыхъ переговоровъ».

Между тѣмъ въ Петербургѣ были крайне недовольны успѣхомъ, достигнутымъ Франціей. Генераль, маркизь де-Кастельбажакъ, питавшій особенно сильную симпатію къ Россіи или, лучше сказать, къ императору Николаю, писалъ Тувенелю 31-го марта:

«Я всегда былъ того же мнѣнія, какъ и вы, любезный товарищъ, что въ виду нашего политическаго положенія, въ особенности по отношенію къ Россіи, мы поступили бы благоразумнѣе, не подымая пока вопроса о Святыхъ мѣстахъ, какъ бы онъ ни былъ важенъ для нашихъ религіозныхъ чувствъ и для нашего вліянія на Востокѣ. Но, поднявъ его, надобно было довести его до конца какъ можно лучше; кажется, это и было сдѣлано, при чемъ удалось сочетать право съ умѣренностью и терпимостью. Здѣсь узнали съ удовольствіемъ, что мы удовлетворимся сдѣланнымъ, и что нашъ протестъ сдѣланъ только для рго form'y, но все это дѣло очень не понравилось и чрезвычайно взволновало русское общественное мнѣніе, которое обыкновенно ни во что особенно не вмѣшивается.

«Нессельроде, который со своей стороны не особенно имъ интересуется, говорилъ со мною объ этомъ всякій разъ съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ и замѣшательствомъ, и, выслушавъ мои послѣднія сообще-

нiя по этому поводу, которыя имѣли и прiятную для него сторону, онъ сказалъ мнѣ, что императоръ оскорбленъ тѣмъ, что не одержали обѣщанiя, даннаго въ свое время Бруннову въ Лондонѣ, и не выждали для начала переговоровъ въ Константинополѣ болѣе благоприятнаго, въ политическомъ смыслѣ, времени. Онъ жаловался на огласку, приданную этому дѣлу съ самаго начала газетою «Journal des Débats», и на угрозы, какiя были сдѣланы, по его словамъ, нашимъ посланникомъ Портѣ. Словомъ, дѣло это, надѣюсь, окончено, хотя по нѣкоторымъ не вполне яснымъ намекамъ Нессельроде можно думать, что онъ еще не считаетъ его оконченнымъ».

Для внимательнаго наблюдателя было ясно, что Россiя, потерпѣвшая до нѣкоторой степени неудачу въ вопросѣ о фирманѣ, всячески постарается ослабить успѣхъ, достигнутый Ла-Валеттомъ. Тѣмъ не менѣе, 7-го апрѣля, султанъ назначилъ Эминъ-эффенди, перваго драгомана Порты, предсѣдателемъ комиссiи, коей было поручено привести въ исполненiе фирманъ 8-го февраля. Сабатье писалъ 15-го апрѣля 1852 г. по этому поводу Тувенелю:

«Что касается Святыхъ мѣстъ, то г. Ботта (французскiй консулъ въ Иерусалимѣ) создаетъ бездну затрудненiй. Письма визиря кажутся ему неясными, и онъ правъ; но онъ требуетъ измѣненiй, которыя неизбѣжно повлекли бы за собою новые переговоры, быть можетъ, болѣе трудные, нежели первый, а я не думаю, чтобы вы были расположены къ этому. Впрочемъ, я написалъ Боттѣ, чтобы успокоить его. Онъ скоро вернется въ Иерусалимъ, но одинъ, а не съ русскимъ консуломъ, какъ онъ видимо желаетъ. Коммиссаръ Порты, Эминъ-эффенди также получилъ приказанiе отправиться въ Иерусалимъ».

Въ щекотливомъ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ весь путь былъ усыянъ затрудненiями. Неудовольствiе Россiи было очевидно. Тувенель писалъ по этому поводу 15-го апрѣля 1852 г. генералу Кастельбажаку:

«Я такъ и думалъ, что незначительный успѣхъ, одержанный нами въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ, вызоветъ неудовольствiе императора Николая, но честь повелѣвала намъ не отступать. Если Петербургскiй кабинетъ этого не понялъ и хотѣлъ противоудѣйствовать въ Константинополѣ тѣмъ, далеко не существеннымъ, а скорѣе кажущимся результатамъ, которые достигнуты Ла-Валеттомъ, то онъ заставитъ насъ этимъ протестовать и поднять снова вопросъ, который было бы благоразумнѣе не затрогивать вовсе. Письмо императора Николая къ султану подзадорило нашего президента и измѣнило ходъ переговоровъ. Изъ защитника религии онъ сдѣлался политикомъ, а неудача его домогательства могла оказаться пагубною для нашего влiянiя».

Въ томъ же письмѣ отъ 15-го апрѣля, оставивъ вопросъ о Святыхъ мѣстахъ, Тувенель подѣлился съ генераломъ Кастельбажакомъ мыслями

относительно одного непредвидѣннаго событія, чрезвычайно взволновавшаго политическій миръ Европы. Въ то время только-что скончался внезапно князь Шварценбергъ, первый министръ императора австрійскаго; безвременная кончина этого государственнаго дѣятеля, одареннаго широкими и гуманными взглядами, и оказавшаго Австріи неоцѣнимыя услуги, вызвала большое сожалѣніе въ Парижѣ, гдѣ возможность возстановленія императорской власти,—къ чему князь Шварценбергъ подготовилъ Франца Іосифа,—становилась съ каждымъ днемъ все болѣе очевидною.

«Кончина князя Шварценберга,—писалъ Тувенель,—событіе весьма важное, съ которымъ въ Петербургѣ вѣроятно примирились, но которое съ нашей точки зрѣнія кажется мнѣ чрезвычайно прискорбнымъ. Князь Шварценбергъ, строго говоря, единственный изъ государственныхъ людей Европы, относился къ намъ доброжелательно. Онъ защищалъ интересы Австріи, но не имѣлъ предубѣжденій, присущихъ дворамъ неограниченныхъ монархій, и, получивъ извѣстіе о возстановленіи Имперіи, съ первымъ же курьеромъ призналъ бы ея существованіе. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что это событіе приближается; отъ того, какъ отнесутся къ нему прочія державы Европы, будетъ зависѣть, приметъ ли это великое событіе характеръ миролюбивый или воинственный. Для насъ оно будетъ актомъ вполне консервативнымъ. Когда это случится, я не знаю. Но я вполне увѣренъ, что оно не будетъ имѣть вѣтъ государственнаго переворота или какого-либо насилія. Тамъ, гдѣ вы находитесь, не хотятъ въ сущности взглянуть на принца Людовика Наполеона иначе, какъ на случайнаго замѣстителя власти; здѣсь же готовы признать его настоящимъ представителемъ этой власти, насколько власть можетъ быть неизблема въ рукахъ человѣка. Въ Петербургѣ на него смотрятъ, если я не ошибаюсь, какъ на шляпу, заступающую мѣсто законной короны. Императоръ Николай своимъ возвышеннымъ умомъ долженъ бы, по моему мнѣнію, понять наше положеніе болѣе правильно. Развѣ не величайшее счастье встрѣтить въ странѣ, столь волнуемой страстями, какъ наша страна, человѣка, который симпатиченъ народной массѣ и можетъ возвратить верховной власти то обаяніе, которое она по той или другой причинѣ утратила при двухъ отрасляхъ дома Бурбоновъ? Развѣ не совмѣстно съ интересами всѣхъ монарховъ Европы поощрять дѣло, коего плоды они первые же пожнутъ?»

Въ тотъ день, когда Тувенель писалъ въ Парижѣ вышеприведенныя строки, генераль Кастельбажакъ, довѣряя миролюбивымъ намѣреніямъ канцлера Нессельроде, который гораздо вѣрнѣе понималъ требованія минуты, писалъ Тувенелю 15-го апрѣля 1852 г.:

«Я не вѣрю алчнымъ желаніямъ Россіи по отношенію къ Турціи. Съ тѣхъ поръ какъ я нахожусь въ Петербургѣ, я измѣнилъ присущій

западнымъ державамъ взглядъ на честолюбивые замыслы Россіи. Политика императора Николая не есть политика Екатерины. Возстановленіе въ Европѣ матеріальнаго и нравственнаго порядка и земледѣльческаго, промышленнаго и торговаго развитіе его обширной Имперіи, точно такъ же, какъ ея нравственное и административное развитіе составляютъ съ 1848 г. почти единственный предметъ заботъ императора. По его мнѣнію, это составляетъ основу его истиннаго могущества и благоденствія Россіи и эта задача достаточно велика для того, чтобы заполнить всю его жизнь. Наслѣдникъ цесаревичъ раздѣляетъ этотъ взглядъ, а графъ Нессельроде, утомленный отъ дѣлъ, и которому уже семьдесятъ одинъ годъ, хотя онъ еще очень крѣпокъ и дѣятеленъ, только и жаждетъ покоя и желаетъ, чтобы всѣ затрудненія были улажены. Императоръ Николай никогда не согласится на то, чтобы ему былъ запертъ выходъ въ Босфоръ или въ Балтійское море и, слѣдовательно, чтобы какая-либо изъ великихъ державъ овладѣла Константинополемъ, а Германія—Зундомъ; но онъ самъ не хочетъ владѣть ими, будучи убѣжденъ, что владѣніе Константинополемъ повлекло бы за собою распаденіе единства Россійской имперіи (?) и не было бы сигналомъ къ европейской войнѣ. Будьте увѣрены въ томъ, что я вамъ говорю, и знайте, что Россія желаетъ прежде всего мира, мирнаго объединенія Польши и свободы дѣйствій въ дѣлахъ внутреннихъ. Это заставитъ ее въ сущности желать союза съ Франціей для обезпеченія себя отъ всякихъ случайностей, которыя могутъ угрожать ей со стороны Англіи; для насъ же это союзъ полезный, къ достиженію котораго надобно стремиться».

Эти слова, къ сожалѣнію, служили отголоскомъ бесѣды де-Кастельбажака съ канцлеромъ Нессельроде, а отнюдь не были выраженіемъ мыслей самого императора Николая. Извѣстный русскій дипломатъ, состарившійся въ дѣлахъ міровой политики, только и желалъ отдѣлаться отъ тревожившихъ его вопросовъ и покончить свои дни спокойно, пользуясь властью безъ постороннихъ тревоженій.

Между тѣмъ двоедушіе турокъ готовило дипломатіи новые сюрпризы.

Въ концѣ апрѣля Сабатье узналъ, къ величайшему своему изумленію, что турецкіе министры, вѣрные своимъ политическимъ принципамъ, постарались загладить дурное впечатлѣніе, произведенное на Россію фирманомъ 8-го февраля, и что судно, на которомъ уѣхалъ Ла-Валеттъ, не успѣло еще выйти изъ Дарданеллъ, какъ грекамъ былъ данъ тайно другой фирманъ, коимъ обезпечивалось *statu quo* и уничтожились всѣ уступки, сдѣланныя латинянамъ.

«Вы видите,—писалъ Сабатье Тувенелю, 25-го апрѣля 1852 г.,— что я говорю оффиціально о фирманѣ, данномъ грекамъ. Надѣюсь, вы не найдете, что я поступилъ дурно, пожелавъ выяснить это дѣло. Не-

сомнѣнно, что этотъ фирманъ существуетъ; что его скрыли отъ Ла-Валетта и что онъ заключаетъ довольно значительныя для насъ ограниченія. Если, какъ утверждаетъ Али-паша, г. Ла-Валеттъ, принимая ключи отъ Виллеемской церкви, обѣщаль, что ими не будутъ пользоваться, то я не вижу, чего мы добились, и въ такомъ случаѣ наша побѣда ограничивается до смѣшнаго малыми размѣрами. Вамъ давно уже извѣстно мое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ. Его напрасно начинали, и достигнутое ничтожно до смѣшнаго. Въ настоящее время было бы нелѣпо выдавать это за побѣду. А греки потираютъ руки точно такъ же, какъ и русскіе».

При видѣ такого двоедушія, такихъ происковъ, энергичная натура Сабатье возмущалась, и онъ 5-го мая писалъ Тувенелю:

«Любезный другъ. До сихъ поръ я писалъ вамъ на спѣхъ. Сегодня я располагаю нѣсколько болѣе временемъ. Позвольте мнѣ поговорить съ вами откровенно и высказать вамъ все то, что я думаю, безъ увлеченія, но вмѣстѣ съ тѣмъ никого не щадя и безъ малѣйшей утайки. Ради самаго дѣла и меня лично, весьма важно, чтобы вы знали, какъ тяжела ноша, которую мнѣ приходится нести. Въ послѣднемъ письмѣ вы говорите: не подымайте этого дѣла безъ крайней необходимости. Будьте покойны. Но скажу всю правду, какова она есть, и вотъ эта правда: послѣдніе два мѣсяца въ газетахъ и вездѣ только и было толковъ о побѣдѣ, одержанной нами въ дѣлѣ о Святыхъ мѣстахъ. Въ Парижѣ и въ Римѣ всѣ въ восторгѣ или по крайней мѣрѣ высказываются въ этомъ смыслѣ, и г. Ла-Валеттъ будетъ украшенъ, вѣроятно, орденами и лентами. Противъ этого я ничего не имѣю. Не подлежитъ сомнѣнію, что Ла-Валеттъ выказаль, какъ я уже вамъ писалъ, въ дѣлѣ о Св. Гробѣ изумительную дѣятельность, много ума и находчивости. Если бы достигнутый результатъ можно было назвать успѣхомъ, то я бы не обратилъ вниманія на то, что иные говорятъ, будто, именно благодаря этой неизсякаемой находчивости, переговоры свелись до размѣра интригъ; но успѣха, собственно говоря, никогда не существовало. Побѣда одержана Россіей, а не нами. Русскіе уполномоченные говорятъ это вездѣ и съ гораздо большимъ основаніемъ, нежели мы.

«Простое чтеніе фирмана должно, мнѣ кажется, разсѣять въ этомъ отношеніи всякое сомнѣніе; все то, что печатается въ газетахъ и что говорятъ наши друзья, даетъ поводъ смѣяться надъ нами. Вначалѣ я защищалъ Ла-Валетта, правда, безъ особеннаго успѣха. Теперь же я могу только уклоняться отъ разговоровъ, но признаюсь, я нѣсколько затрудняюсь, когда меня останавливаютъ, спрашивая: «правда ли, что г. Ла-Валеттъ получилъ большой крестъ ордена Почетнаго Легіона и званіе посланника, за прекрасное веденіе переговоровъ о Святыхъ мѣстахъ?» Я подчеркиваю послѣднія слова потому, что они дѣйствительно под-

черкиваются извѣстной иронической интонаціей, которая, вѣроятно, не особенно понравилась бы г. Ла-Валетту, если бы онъ могъ ее слышать. При томъ никто уже не рѣшается защищать его образъ дѣйствій, и въ числѣ лицъ, которые насмѣхаются надъ нимъ, первое мѣсто принадлежитъ сэру Стратфорду Каннингу ¹⁾ (англійскому посланнику) и его спутнику Вогоридесу (принцу Самосскому). И тотъ и другой по всякому поводу смѣются надъ нимъ, само собою разумѣется, каждый сообразно со своимъ характеромъ и положеніемъ. Въ сущности, мы получили только доступъ къ гробу Богоматери и ключъ отъ Виелеема. Первая уступка призрачна, вторая смѣхотворна. Прочитайте депешу Ботты. Такъ какъ гробъ Богоматери находится въ пяти минутахъ ходьбы за оградю валовъ, то наши монахи, отправляясь къ этому гробу будутъ подвергаться со стороны грековъ тысячъ оскорбленій.

«Въ Виелеемѣ у насъ будетъ ключъ отъ церкви, но дверь ея будетъ заперта. Съ той и съ другой стороны существующіе порядки ни въ чемъ не будутъ нарушены. О звѣздѣ надъ пещерою Рождества Христова нѣтъ и рѣчи, точно такъ же, какъ о нашихъ правахъ и договорахъ съ Портою. Что же касается русскихъ и грековъ, то они получаютъ доступъ къ церкви Вознесенія на Оливковой горѣ, гдѣ они будутъ отнынѣ пользоваться одинакими правами съ нами и, кромѣ того, а это главное, въ фирманѣ заявляется, что наши требованія лишены всякаго основанія, и этимъ фирманомъ утверждаются всѣ привилегіи, дарованныя грекамъ фирманомъ 1757 г. Однимъ словомъ, только для нихъ улучшаются существующія условія, и обезпечивается будущее. Поэтому русскіе, болѣе нежели мы, настаиваютъ на приведеніи этого фирмана въ исполненіе, и Озеровъ (повѣренный въ дѣлахъ Россіи) говорилъ еще два дня тому назадъ, что онъ приказалъ г. Базили (русскому консулу въ Іерусалимѣ) добиваться этого всѣми зависящими отъ него средствами, не допуская однако никакихъ измѣненій въ томъ, что было условлено. Что касается дома въ Геосиманіи, то будьте увѣрены, что вы ничего не добьетесь, даже хотя бы одного шкапа въ часовнѣ. Оказалось, что мы были въ восторгѣ отъ этого рѣшенія. По неволѣ придется подчиниться ему, тѣмъ болѣе, что г. Базили будетъ въ Іерусалимѣ, чтобы наблюдать за всѣмъ, а вамъ извѣстно, что мы такое въ Святыхъ мѣстахъ, подлѣ русскихъ. Что теперь дѣлать? Я жду, что вы скажете на это. Я не говорилъ съ Али-пашою ни слова объ этомъ дѣлѣ

¹⁾ Въ то время какъ происходили переговоры Ла-Валетта съ Али-пашою, англійскій посланникъ только посмѣивался и иронизировалъ: замкнувшись въ своемъ огелѣ въ Галатѣ или въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ Терапіи, онъ насмѣхался надъ этимъ „споромъ между монахами“, какъ онъ называлъ переговоры, и говорилъ о католическомъ духовенствѣ такъ же точно, какъ венеціанскіе арматоры XIII вѣка говорили о крестовосцахъ. В. Т.

съ того самаго дня, когда онъ отказался сообщить мнѣ фирманъ, данный грекамъ. Увѣдомляю васъ объ этомъ и жду.

«Возвращеніе Эминъ-эффенди дастъ мнѣ возможность выждать отвѣта изъ Парижа, но я внутренно убѣжденъ въ томъ, что мы понесли поражение и при всемъ томъ еще довольны. Это уже черевчуръ много. Али-паша посмѣялся надъ нами и велъ себя во время переговоровъ въ высшей степени нечестно.

«Возвращаюсь къ г. Ла-Валетту; очевидно, это дѣло, само-по-себѣ, нисколько его не интересовало, и онъ заботился лишь о своемъ собственномъ положеніи. Выйти изъ него прилично въ своихъ собственныхъ интересахъ, вотъ все, чего онъ желалъ. Онъ уступилъ Али-пашѣ по секрету ключъ Виеелема. Вѣдь было условлено, что его не будутъ употреблять! Я не порицаю его за это, такъ какъ въ Парижѣ не хотѣли серьезныхъ осложненій. Къ тому же это дѣло не могло быть рѣшено для насъ приличнымъ образомъ. Я не допускаю только, чтобы воспѣвали на всѣ лады побѣду. А главнымъ образомъ, я не хотѣлъ бы, чтобы отвѣтственность пала всецѣло на меня, если дѣло окажется неладнымъ. Все, что я высказалъ вамъ, не измѣняетъ моего убѣжденія, которое давно вамъ извѣстно. Мы не могли не потерпѣть пораженія. Мы будемъ побѣждены, чтобы мы ни дѣлали! Я сожалею о томъ, что посланы ордена, коихъ просили для турокъ. Одинъ изъ избранниковъ г. Серафинъ, завѣдующій корреспонденціей въ турецкомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, скончался. На его мѣсто назначенъ Иванъ Аристархи, братъ логофета Николая Аристархи. Я предпочелъ бы даже чиновника, состоящаго при русскомъ посольствѣ. Эти ордена произведутъ весьма неблагоприятное впечатлѣніе. Если они будутъ получены вскрѣ, то я ихъ задержу до полученія отвѣта на мою сегодняшнюю депешу. Я могъ бы еще многое сказать вамъ по этому поводу».

Десять дней спустя, 15-го мая 1852 г., Сабатье, все еще поглощенный вопросомъ о фирманѣ, писалъ Тувенелю:

«Фирманъ составляетъ все еще злобу дня. Я ничего не говорю и выжидаю. Но всѣ рѣшительно, т. е. католики, само-собою разумѣется, кричатъ, что ихъ обманули. Говорятъ даже, будто Ла-Валетту все было извѣстно до его отъѣзда изъ Константинополя и что именно потому онъ и хотѣлъ передъ отъѣздомъ одержать нѣкоторое подобіе успѣха, представивъ своему преемнику разобраться въ этомъ дѣлѣ, какъ онъ сумѣетъ. Это ловко, но по меньшей мѣрѣ странно».

«Что касается фирмана, писалъ Сабатье 25-го мая 1852 г., то онъ производитъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неблагоприятное впечатлѣніе. Я знаю, что Али-паша очень встревоженъ моимъ поведеніемъ. Это его дѣло. Такъ какъ мнѣ не платять за то, чтобы быть ему пріят-

нѣмъ, то я измѣню свой образъ дѣйствій только тогда, когда буду имѣть на это уважительныя причины. Сэръ Стратфордъ Каннингъ былъ у меня и распространялся о своихъ симпатіяхъ къ Франціи и о необходимости придти къ соглашенію. Я говорилъ, разумѣется, въ томъ же тонѣ и цѣлый часъ восторгался англичанами, но я не вѣрю ни слову изъ всего сказаннаго имъ».

Сабатье никакъ не могъ рѣшиться передать туркамъ французскіе ордена, присланные за веденіе переговоровъ о фирманѣ. Какъ бывшій военный, онъ зналъ, за какія важныя заслуги дается орденъ, и не могъ помириться съ тою щедростью, съ какою эти знаки раздаются на дипломатическомъ поприщѣ.

«Извѣстительныя письма на раздаваемые нами награды получены,— писалъ онъ,—но я передалъ орденъ только маркизу Сува (испанскій посланникъ въ Константинополь) и Аллеону (извѣстный константинопольскій банкиръ). Прочіе ордена лежатъ въ моей конторѣ и будутъ лежать тамъ до тѣхъ поръ, пока положеніе не выяснится. Согласитесь съ тѣмъ, что было бы смѣшно раздавать туркамъ ордена за то, что они насмѣялись надъ нами, поэтому я полагаю, вы не упрекнете меня за этотъ самовольный поступокъ. Я не могу быть о должностныхъ лицахъ блистательной Порты инаго мнѣнія. Они упали очень низко во мнѣніи всѣхъ, а принимая во вниманіе затруднительное финансовое положеніе, можно предвидѣть въ недалекомъ будущемъ серьезныя событія, если не произойдетъ какой-либо важной перемѣны. Жалуются даже на султана, и я слышалъ, что о немъ отзываются такъ же рѣзко, какъ и объ его министрахъ. Не знаю, почему думаютъ, будто Решидъ-паша нашъ другъ! Онъ никогда не былъ имъ и не будетъ, потому что онъ не можетъ быть одновременно другомъ сэра Стратфорда Каннинга и нашимъ. Я предпочелъ бы сто разъ Риза-пашу. По крайней мѣрѣ было бы правительство, и я не вижу, чтобы мы потеряли въ томъ случаѣ, еслибы онъ сталъ у власти».

Неудовольствіе которое испытывалъ Сабатье, и ясное представленіе, которое онъ имѣлъ о ничтожности достигнутаго Франціей успѣха, повлияли отрезвляющимъ образомъ на Парижъ, откуда были посланы въ Константинополь самыя энергичныя инструкціи, коими предписывалось дать понять туркамъ, что если они обманули Францію по существу, то по крайней мѣрѣ Франція сознаетъ это. Это было большою отрадою для Сабатье, который писалъ Тувенелю 5-го іюня 1852 года:

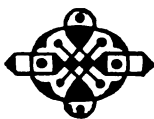
«Сердечно благодарю васъ, любезный другъ, за ваши письма и за ваши двѣ депеши. Они сотворили чудеса. Али-пашѣ все было извѣстно, но, кажется, онъ вовсе не ожидалъ такого внушенія. Когда я окончилъ чтеніе письма № 14, то несчастный министръ былъ совершенно убитъ. Онъ могъ только пробормотать нѣсколько невнятныхъ словъ; я былъ

глухъ ко всѣмъ его увѣреніямъ и обѣщаніямъ, и высказалъ ему свое неудовольствіе по всѣмъ пунктамъ, не щадя его. Пока все идетъ хорошо. Хотя и поговариваютъ о секретномъ соглашеніи, заключенномъ Ла-Валеттомъ, о чемъ можетъ сообщить вамъ г. Каллимахи, но я заявляю здѣсь, что этого нѣтъ и быть не можетъ. Я признаю лишь то, что условлено и обѣщано явно».

Но Россія и не думала уступать. Двоедушные турецкіе министры сообщили русскому правительству о содержаніи фирмана 8-го сентября, и императоръ Николай, смотрѣвшій на вопросъ о Святыхъ мѣстахъ какъ на свое личное дѣло, которое онъ желалъ рѣшить самъ, безъ содѣйствія своего канцлера Нессельроде, препроводилъ въ Константинополь фирманъ, измѣненный въ смыслѣ весьма неблагопріятномъ для католиковъ. Эти измѣненія, о коихъ говорили, хотя они въ точности никому не были извѣстны, такъ какъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ непосредственно самимъ императоромъ, не могли не внести смуту въ вопросъ, который считался одно время окончательно выясненнымъ.

В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Суворовъ въ Варшавѣ.

(Историческая справка).

«28-го октября 1794 года магистратъ г. Варшавы собрался у моста для встрѣчи Суворова. Въ 9-мъ часу утра послѣдовало вступленіе русскихъ войскъ въ городъ. По проходѣ ихъ черезъ мостъ, прибылъ и Суворовъ, встрѣченный магистратомъ съ вице-президентомъ Лукашевичемъ во главѣ. Онъ сказалъ небольшое привѣтствіе по-польски и вручилъ Суворову ключи города; Макаровичъ поднесъ соль, а Рафаловичъ—хлѣбъ. Суворовъ, сидя на конѣ съ непокрытой головой, выразилъ удовольствіе всѣмъ присутствующимъ, принялъ хлѣбъ-соль и нѣкоторыхъ обнялъ. Успокоивъ жителей относительно цѣлости ихъ имущества, Суворовъ объявилъ, что войска не будутъ стоять въ городѣ. Они были расположены за валами Варшавы, и самъ Суворовъ помѣстился въ усадьбѣ Тогневскаго у Лазенокъ. Спокойствіе въ городѣ не нарушалось, и во многихъ мѣстахъ были разставлены русскіе караулы» ¹⁾.

Усадьба Тогневскаго была на нынѣшней Вейской, въ переводѣ Сельской улицѣ, на углу Горной. До 1779 года она была не застроена и представляла обыкновенную дорогу съ пашнями по сторонамъ. Первое упоминаніе о покупкѣ земли Тогневскимъ относится къ 1782 году. Позднѣе усадьба эта перешла въ другія руки. Прожилъ Суворовъ въ упоминаемомъ мѣстѣ до ноября 1795 года, имѣя въ Варшавѣ для приемовъ отведенную ему городомъ главную квартиру, въ домѣ для высшаго духовенства (pałac prymasow), занятомъ теперь окружнымъ артиллерійскимъ управленіемъ. Лѣтомъ Суворовъ разбивалъ на горкѣ палатку и проводилъ время среди войскъ ²⁾. Въ настоящіе дни на мѣстѣ усадьбы, со стороны Вейской улицы, стоитъ домъ, примыкающій задней стѣной къ дому на углу Горной улицы. Рядомъ, по той же улицѣ,—досчатый заборъ, со входомъ во дворъ, занятый постройками начала прошлаго вѣка, гдѣ теперь помѣщается еврейская фабрика табачныхъ издѣлій.

Сообщ. В. Лукаковский.

¹⁾ См. „Kurjer Warszawski“ 1895 г., № 189. Сообщилъ Rembowski.

²⁾ „Kurjer Warszawski“ 1851 г.; № 205—206. Указаны мѣ были нынѣшнимъ редакторомъ Коротыньскимъ.

Изъ дневника французскаго дипломата при дворѣ Екатерины II¹⁾.

(Окончаніе).

VI.

Чѣмъ болѣе осваивался Корберонъ съ окружавшею его въ Петербургѣ средою, тѣмъ болѣе обстоятельными и подробными становились записи въ дневникѣ. Постепенно установившіяся у него близкія отношенія съ нѣкоторыми аристократическими домами, гдѣ его принимали — особенно дамы — съ величайшимъ радушіемъ, давали молодому французскому дипломату возможность узнавать многія изъ интимныхъ подробностей придворной жизни, доступныя далеко не всякому. Дамы и дѣвицы знатнаго круга, которымъ онъ сѣмѣлъ внушить къ себѣ полное расположеніе, не только передавали ему всѣ ходившіе въ обществѣ слухи, но даже посвящали его въ свои сердечныя тайны; благодаря этому, а также и природной смѣтливости, Корберонъ ко второму году своего пребыванія въ Россіи былъ уже совершенно хорошо освѣдомленъ по части придворной хроники. Ведя свой дневникъ въ началѣ преимущественно на основаніи толковъ и слуховъ, доходившихъ до него иногда изъ сомнительныхъ источниковъ, онъ могъ дѣлать теперь свои наблюденія лично, такъ какъ имѣлъ доступъ почти всюду, гдѣ сосредоточивались нити придворной жизни.

Второй томъ его дневника начинается отмітками о событіяхъ, относящихся къ осени 1776 г. Подъ 7-мъ октября (нов. ст.) мы находимъ описаніе торжественнаго бракосочетанія великаго князя Павла Петро-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, май 1902 г.

вича съ Маріей Ѳеодоровною (бывшею принцессой Софіей-Августой Виртембергскою). «Подача сигнала пятью пушечными выстрѣлами только-что началась—пишетъ Корберонъ—когда мы съ маркизомъ Жюинье прибыли первыми ко двору. Вслѣдъ затѣмъ начали съѣзжаться разодѣтыя въ пухъ и прахъ и осыпанныя брилліантами дамы. Надо быть въ Петербургѣ, чтобы видѣть такое обильное выставленіе богатствъ напоказъ. Черезъ часъ вышла императрица, за которою слѣдовали ихъ императорскія высочества; мы поспѣшно устремились впередъ, чтобы занять въ церкви возможно менѣе дурныя мѣста. Навстрѣчу государынѣ и ихъ высочествамъ вышло духовенство, и, когда они вошли въ церковь, императрица взяла великаго князя и великую княжну за руки и подвела ихъ къ алтарю. Съ этой минуты я уже не могъ больше ничего видѣть, такъ какъ меня цѣликомъ заслонила колоссальная фигура барона Дюбена ¹⁾; къ тому же, въ церкви было жарко и тѣсно и потому я ушелъ. Однако, со словъ художника Ролэна, которому удалось видѣть все, я могу рассказать, въ чемъ заключалась церемонія. Оба брачущіеся подошли къ аналою, гдѣ совершены были молитвы. Князь Орловъ держалъ вѣнецъ надъ великимъ княземъ, а Бецкій надъ великою княжною. Въ такомъ положеніи брачущіеся трижды обошли вокругъ аналоя, причемъ Орловъ и Бецкій слѣдовали за ними, что ихъ, повидимому, очень утомляло. Орловъ часто мѣнялъ руки, старикъ же Бецкій все время держалъ вѣнецъ одною и тою же рукой, которая дрожала, какъ ластъ. Еслибы меня спросили, почему Бецкаго избрали для этой церемоніи въ компанію къ князю Орлову, я сказалъ бы, что незаконнорожденнымъ здѣсь вообще счастье; извѣстно, что Бецкій—побочный сынъ Трубецкаго. Здѣсь это не считается безчестьемъ, и побочному ребенку обыкновенно присваиваютъ часть своего имени: Бецкій—вмѣсто Трубецкой, Лицынъ—вмѣсто Голицынъ и т. д.»

Послѣ бракосочетанія данъ былъ большой обѣдъ въ дворцовой галлерей. Императрица, великій князь и великая княгиня сидѣли подъ балдахиномъ, причемъ молодые супруги занимали мѣста противъ императрицы. Позади ея величества находились оберъ-мундшенкъ и оберъ-шталмейстеръ, оба Нарышкины. Ея величество выпила за иностранныхъ посланниковъ, и затѣмъ всѣ они удалились; члены дипломатическаго корпуса помѣщались напротивъ стола императрицы, отдѣльно отъ толпы другихъ присутствовавшихъ. Въ остальной части галлерей поставлены были четыре стола для особъ обоого пола первыхъ четырехъ классовъ. На хорахъ помѣщалось множество людей и музыка, которой, однако, не было слышно за общимъ шумомъ и звукомъ трубъ,

¹⁾ Шведскаго дипломата.

раздававшимся вслѣдъ за тостами императрицы. Узкіе обѣденные столы были обставлены апельсинными деревьями.

Къ этому дню ожидалось много производствъ, но ожиданія эти не сбылись; дѣло ограничилось назначеніемъ лицъ, избранныхъ для отправки къ иностраннымъ дворамъ съ сообщеніемъ о состоявшемся бракосочетаніи. Для этого назначены были: молодой графъ Румянцовъ въ Вѣну, камеръ-юнкеръ князь Куракинъ въ Стокгольмъ, камеръ-юнкеръ и директоръ академіи наукъ Домашневъ въ Берлинъ и Рахмановъ въ Штутгартъ. Вообще бракосочетанію Павла Петровича не было придано особенно широкой и блестящей обстановки и хотя придворныя празднества по поводу этого событія расписаны были на двѣ недѣли, съ нѣсколькими перерывами для отдыха, однако особымъ разнообразіемъ и пышностью они не отличались, что не прошло незамѣченнымъ со стороны дипломатовъ. Но и среди не особенно пышныхъ празднествъ Корберону удавалось порою подмѣтить ту или другую характерную черточку царедворскихъ нравовъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своего дневника онъ отмѣтилъ: «Вчера князь Орловъ нанесъ князю Потемкину униженіе, взявъ его подъ-локоть и отодвинувъ его въ сторону, чтобы очистить себѣ доступъ къ императрицѣ, когда она послѣ фейерверка выходила изъ галлерей. Вновь пожалованный князь ничего не сказалъ, но съ досады сталъ грызть себѣ ногти».

Отмѣчая въ своихъ пестрыхъ записяхъ различные мелкіе эпизоды и подробности придворнаго быта, французскій дипломатъ не оставилъ безъ вниманія, между прочимъ, и слабость императрицы Екатерины къ комнатнымъ собачкамъ, которыхъ у нея было около дюжины. Какъ черту, показавшуюся ему, вѣроятно, заслуживающею сохраненія въ памяти, онъ записалъ, что когда императрица отправляется обѣдать, за нею всегда слѣдуетъ одна изъ собачекъ, для которой имѣется отдѣльное кресло, куда ее и сажаютъ, причемъ ухаживающій за нею камеръ-пажъ покрываетъ собачку платкомъ, чтобы ее не беспокоили мухи. Если вѣрить Корберону, бѣдный пажъ этотъ былъ совершенно связанъ своею надзирательскою должностію и вполне зависѣлъ отъ прихотей собачки, которая бѣгала всюду, когда и куда ей вздумается.

Къ великому князю Павлу Петровичу авторъ дневника продолжалъ относиться, какъ и въ началѣ, несочувственно. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, отмѣтивъ стремленіе великаго князя давать понять, при случаѣ, окружающимъ, что руки у него пока связаны, и что по воцареніи снѣ поступалъ бы иначе, чѣмъ поступаетъ теперь, Корберонъ говорить: «Въ немъ мало высоты духа, еще меньше философскаго разума, и во всемъ видна мелочность. Вотъ новое тому доказательство: вчера вечеромъ, при дворѣ, по удаленіи императрицы, великій князь остался съ супругою, и присутствовавшіе окружили ихъ. Во время бесѣды ве-

ликаго князя съ графомъ Брюлемъ, проходившій мимо нихъ маркизъ Жюинье нечаянно толкнулъ его, самъ того не замѣтивъ. Великій князь ничего не сказалъ, Брюль же сдѣлалъ знакъ маркизу, который и ушелъ; но такъ какъ его императорское высочество сильно жестикулируетъ, а окружавшія его лица постоянно двигались, то маркизу Жюинье случилось задѣть его вторично и даже въ третій разъ. Тогда великій князь, прервавъ бесѣду, сказалъ графу Брюлю по-нѣмецки: «Ну, это ужъ слишкомъ!», причемъ отступилъ на два шага и толкнулъ маркиза Жюинье локтемъ, а затѣмъ, обернувшись, началъ передъ нимъ извиняться. Потомъ онъ снова подошелъ къ графу Брюлю и сказалъ ему, опять по-нѣмецки: «Видали?» Брюль отвѣчалъ: «Ваше высочество не можете думать, чтобы это сдѣлано было съ намѣреніемъ». — «О, возразилъ великій князь, одной и той же вещи не дѣлаютъ три раза сряду безъ намѣренія; но вы видѣли, что сдѣлалъ также и я?»

VII.

Описывая нѣкоторыя изъ празднествъ, которыми сопровождалось бракосочетаніе великаго князя, Корберонъ останавливается, между прочимъ, на народномъ гуляньѣ, устроенномъ 10-го октября 1776 года, отмѣчая также, что въ тотъ же день назначены были куртагъ и вечеромъ иллюминація. Гулянье происходило на площади передъ дворцомъ. «Посрединѣ ея построены были, въ видѣ амфитеатра, мѣста для публики, а передъ ними выставленъ былъ жареный быкъ, накрытый краснымъ покрываломъ, изъ-подъ котораго высывалась только голова съ рогами. Толпившуюся кругомъ нетерпѣливую массу народа осаживали полицейскіе, расхаживая съ кнутами въ рукахъ; это напоминало стаю проголодавшихся охотничьихъ собакъ, которыхъ сдерживаютъ передъ дѣвлежкою добычи. Справа и слѣва отъ амфитеатра красовались поставленныя на возвышеніи бочки съ виномъ и кислыми щами. По первому пушечному выстрѣлу, раздавшемуся въ видѣ сигнала, толпа изготвилась къ атакѣ на эти приманки, а послѣ второго выстрѣла полицейскіе отступили въ сторону, и толпа бросилась на приготовленное для нея угощеніе. Въ эту минуту—замѣчаетъ Корберонъ—этотъ грубый народъ показался мнѣ еще болѣе варварскимъ и звѣроподобнымъ. Есть, однако, и другая причина для его жадности: всякому хочется ухватить бычью голову за рога, такъ какъ тотъ, кто приволичитъ эту голову ко двору, получаетъ сто рублей въ награду за ловкость и силу. Но зато

сколько же и соперниковъ, ищущихъ побѣды! Люда опрокидываютъ, давятъ, калѣчатъ другъ друга, и всѣ хотятъ добиться своей доли славы. Триста человекъ растащили по кускамъ свою отвратительную жертву и сто рублей были подѣлены между ними. Это грубое, варварское зрѣлище мнѣ не нравится: я вижу въ немъ лишь жадность, лишенную всякаго хотя бы сколько-нибудь возвышеннаго побужденія. Если характеръ народовъ сказывается въ ихъ забавахъ, то о народѣ русскомъ нельзя составить благоприятнаго представленія по его развлечениямъ, и въ этихъ обычаяхъ его я не признаю ничего такого, что указывало бы на ихъ нѣкогда благородное происхожденіе». Высказавъ такой презрительный приговоръ, строгій судья находить, впрочемъ, для русскаго народа и нѣкоторое оправданіе въ томъ, что народъ этотъ исторически еще слишкомъ молодъ и, въ противность французамъ, живеть въ странѣ, которая никогда не бывала ранѣе занята цивилизованною націей.

Впрочемъ, отиѣтки о нравахъ народной массы Корберонъ дѣлаетъ лишь мимоходомъ: главное вниманіе его постоянно оставалось сосредоточеннымъ на подробностяхъ придворной жизни. Въ этой сферѣ онъ отиѣчаетъ, между прочимъ, особенное личное расположеніе великаго князя Павла Петровича къ прусскому сановнику графу Брюлю, съ которымъ великій князь сблизился на столько, что, въ бытность графа въ Петербургѣ, настойчиво склонялъ его къ переходу на службу Россіи. Графъ Брюль отиѣкивался, ссылаясь на неудобства, которыя возникли бы для него отъ этого, а именно на то, что на основаніи закона, изданнаго при Петрѣ I, всякій иностранецъ, при зачисленіи на русскую службу, получаетъ чинъ, на одну степень низшій противъ того, въ какомъ онъ состоялъ на родинѣ. Отпугивала его также и возможность назначенія по службѣ на какой-нибудь очень удаленный отъ Петербурга пунктъ. Великій князь—по словамъ Корберона—не отрицая перваго изъ указанныхъ неудобствъ, увѣрялъ Брюля, что въ дальній пунктъ его не назначать, и что если онъ старается привлечь его на русскую службу, то съ тѣмъ, чтобы имѣть его при себѣ. «Все это очень лестно—замѣчаетъ Корберонъ,—но какъ положиться на обѣщанія великаго князя, не имѣющаго ни характера, ни выдержки, и постоянно поступающаго сегодня наперекоръ тому, что было сдѣлано имъ вчера? Его горячая привязанность къ Разумовскому и затѣмъ внезапная переиѣна въ отношеніяхъ къ нему должны отпугивать всякаго, вступающаго на тотъ же путь. Говорятъ, Разумовскій возбудилъ его неудовольствіе своими отношеніями къ (покойной) супругѣ великаго князя; но развѣ достовѣрно, что она была виновна? Правда, мнѣ рассказывали, что однажды въ Москвѣ великій князь, садясь на коня, сказалъ князю Гагарину: «Ступайте, посидите съ великою княгиней и не оставляйте ея». Туда

же онъ послалъ и Николаи; оба они, по его приказанію, отправились къ великой княгинѣ, которую и застали сидѣвшею наединѣ съ Разумовскимъ. Она сказала имъ, что не имѣетъ въ нихъ надобности, но такъ какъ они заявили, что должны по волѣ великаго князя остаться при ней, то она отошла съ Разумовскимъ къ окну и тамъ продолжала бесѣдовать съ нимъ вполголоса. Тогда они вышли въ сосѣднюю комнату. Великій князь, вернувшись съ прогулки и увидѣвъ великую княгиню одну съ Разумовскимъ, спросилъ Гагарина и Николаи, зачѣмъ они ушли, а когда они передали ему, въ чемъ дѣло, замѣтилъ: «Вамъ все-таки слѣдовало остаться при ней, какъ я васъ просилъ; у меня были къ тому причины». Что же это можетъ доказывать? Что великій князь былъ подозрителенъ? Но вѣдь таковъ его характеръ. Вообще, я не знаю, было ли когда-либо что-нибудь между великою княгиней и Разумовскимъ. Притомъ, она имѣла достаточно власти надъ своимъ супругомъ и была достаточно ловка для того, чтобы руководить имъ по своему усмотрѣнію.

Среди пестрыхъ записей, которыя почти ежедневно дѣлалъ авторъ дневника, немало мѣста отведено свѣдѣніямъ о различныхъ любовныхъ интригахъ, повидимому, не составлявшихъ рѣдкости въ кругу знати того времени и, очевидно, не очень тщательно скрывавшихся, такъ какъ всѣ онѣ являлись достояніемъ молвы. Опуская подробности и имена, мы ограничиваемся здѣсь лишь общимъ указаніемъ на эту черту тогдашней эпохи, придававшую тогдашнимъ нравамъ высшаго петербургскаго общества извѣстное сходство съ французскими нравами временъ Людовика XV. Съ той же нравоописательной точки зрѣнія не лишеными интереса представляются и приводимые Корберономъ драматическіе эпизоды, въ родѣ исторіи офицера Гольца, надѣлавшей въ свое время много шума въ Петербургѣ. Случай этотъ разсказанъ въ дневникѣ такъ:

Кирасирскій полковникъ Паткуль, родомъ ливонецъ, отличавшійся суровымъ и несправедливымъ обращеніемъ съ подчиненными, не взлюбилъ находившагося подъ его начальствомъ молодого и дѣльнаго офицера изъ швейцарцевъ, маіора Гольца, котораго и вынудилъ выйти изъ полка. Оскорбленный Гольць рѣшилъ отмстить за это Паткулю. Воспользовавшись возвращеніемъ послѣдняго изъ временной отлучки, онъ явился къ нему и, входя въ комнату, сказалъ:

— Я пришелъ не съ тѣмъ, чтобы поздравить васъ съ прибытіемъ, а для того, чтобы потребовать удовлетворенія за глухія и недостойныя интриги, посредствомъ которыхъ вы заставили меня выйти въ отставку.

Паткуль отвѣчалъ, что не видитъ основанія давать ему удовлетвореніе, и что дастъ ему отвѣтъ путемъ закона. Гольць продолжалъ настаивать на удовлетвореніи посредствомъ дуэли, но такъ какъ Пат-

куль на это не соглашался, то онъ, бросивъ взглядъ на присутствовавшихъ при этомъ разговорѣ барона Шанкса и директора кадетскаго корпуса Перэ, сказалъ своему бывшему начальнику:

— Такъ какъ вы отказываетесь дать мнѣ требуемое удовлетвореніе, то заявляю вамъ, что вы... (онъ произнесъ нѣсколько грубо-ругательныхъ словъ); заявляю вамъ это по-нѣмецки, по-французски, по-русски, и буду повторять вамъ это при каждой нашей встрѣчѣ, да еще и побью васъ палкой!

Паткуль, вмѣсто отвѣта, сдѣлалъ шагъ назадъ и, схвативъ пистолеть, прицѣлился въ Гольца, а тотъ вынулъ шпагу и бросился на противника. Шанксъ и Перэ стали разнимать обоихъ, отняли у нихъ оружіе и начали просить Гольца, чтобы онъ ушелъ. Паткуль приказалъ было своимъ людямъ стрѣлять въ Гольца, но баронъ Шанксъ не допустилъ ихъ до этого и увлекъ Гольца вонъ изъ дома. Перэ же, оставшись съ Паткулемъ, сталъ уговаривать его, чтобы онъ принялъ вызовъ, указывая на то, что Гольцъ вполне порядочный человѣкъ, которому нельзя отказывать въ удовлетвореніи. Паткуль ни за что не соглашался и, въ свою очередь, пытался—хотя и безуспѣшно—склонить Перэ къ засвидѣтельствуванію того, что Гольцъ ворвался въ домъ съ цѣлю убить его, Паткуля. Чѣмъ завершилось это дѣло—изъ записокъ Корберона не видно; онъ говоритъ только, что великій князь Павелъ Петровичъ, къ явной невыгодѣ Гольца, принялъ, въ качествѣ шефа Кирасирскаго полка, сторону Паткуля и даже подарилъ ему цѣнную табакерку.

Подобные мрачные эпизоды встрѣчаются, однако, въ запискахъ Корберона лишь изрѣдка, изъ чего можно заключить, что происшествія въ такомъ родѣ являлись исключеніями среди болѣе или менѣе легкой и беззаботной жизни тогдашней знати. На эту знать, какъ мы уже видѣли, французскій дипломатъ смотрѣлъ нѣсколько свысока, приравнивая нашихъ аристократовъ къ людямъ, носящимъ лишь личину культурности. Такое же впечатлѣніе производилъ на него и общій характеръ петербургскихъ условій того времени. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своего дневника онъ записалъ: «Говорятъ, въ Петербургѣ сосредоточены всѣ науки, всѣ таланты; это центръ и очагъ всѣхъ знаній, говорятъ люди, наблюдавшіе эту страну поверхностно или судящіе со словъ Вольтера и журналистовъ, состоящихъ на жалованьи у Екатерины II. Правда, что учрежденій здѣсь много, и многіе громко толкуютъ о томъ, что можно въ нихъ увидѣть; но на дѣлѣ это не такъ. Петербургъ—прекрасное оглавленіе къ сочиненію, которое еще не обдуманно въ цѣломъ: заглавія есть, а содержанія нѣтъ. Во Франціи вамъ рассказываютъ о Петербургской академіи художествъ, но, пріѣхавъ въ Россію, вы изумляетесь при видѣ того, что она такое. Въ академіи было собраніе подъ предсѣдательствомъ

великаго князя и великой княгини; по приглашенію явились туда и иностранцы. Я тоже былъ тамъ и увидѣлъ вѣчто на столько жалкое, на сколько лишь можно себя представить. Назначили нѣсколькихъ академиковъ да членовъ совѣта изъ такихъ людей, которые въ Парижѣ были бы очень плохими членами сентъ-люкской академіи. Оно и не удивительно: вѣдь они еще только начинаютъ! Но весьма смѣшны пышность и надутость, которыя придаются здѣсь этимъ пустякамъ. Секретарь академіи прямо изнемогалъ, произнося по-нѣмецки рѣчь, которая не произвела большого впечатлѣнія; затѣмъ онъ захотѣлъ прочесть письмо на французскомъ языкѣ и жестоко его коверкалъ; въ письмѣ этомъ одна изъ французскихъ провинціальныхъ академій выражала здѣшней академіи благодарность за присланные въ даръ образцы мѣстныхъ камней. Бецкій—этотъ великій человекъ на малыя дѣла—раздалъ нѣсколько медалей, причѣмъ держалъ себя съ такимъ же величіемъ, какъ побѣдитель, раздающій царства. Это ребяческое засѣданіе завершилось еще болѣе ребяческимъ зрѣлищемъ: балетомъ и комедіей, которыми насъ угостили. И кто же былъ дѣйствующими лицами этого зрѣлища? Ученики академіи. Какъ! ученики? Да, да, ученики. Мало заботясь о живописи, скульптурѣ и пр., они отдають свои досуги танцамъ и комедіи. А послѣдствіемъ этого является то, что изъ нихъ не выходитъ ни художниковъ, ни танцоровъ, ни актеровъ, а выходятъ люди на всѣ руки».

Надо отдать справедливость безпристрастію Корберона: порицая многое изъ русскихъ порядковъ, онъ не щадилъ также и своихъ соотечественниковъ, которыхъ было въ ту пору такъ много въ Москвѣ и Петербургѣ. Большинство ихъ принадлежало къ отбросамъ французскаго общества, слагаясь изъ всякаго рода искателей приключеній, отчасти плутовъ и мошенниковъ, что не мѣшало многимъ изъ нихъ сдѣлать въ Россіи удачную карьеру. Не только петербургская знать относилась къ французскимъ выходцамъ предупредительно, но и сама Екатерина — на что указываетъ Корберонъ — не разъ оказывала снисхожденіе тѣмъ изъ нихъ, которымъ случилось явно провиниться въ какомъ-нибудь неблаговидномъ поступкѣ. Въ видѣ иллюстраціи, здѣсь можно разсказать описываемый Корберономъ случай съ нѣкою г-жей Шампаньоло, сомнительною личностью, выдававшей себя за французженку.

Авантюристка эта явилась въ Петербургъ съ кучеромъ графа Петра Чернышева, когда тотъ вернулся изъ своего посольства. Кучеръ этотъ утонулъ, упавъ въ воду при сходѣ съ корабля, а жена его, обладавшая красивою наружностью, вышла вскорѣ въ Москвѣ замужъ за нѣкоего Туйльи, который, впрочемъ, тоже умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ. Вдова, не утративъ склонности къ супружеству, вышла въ третій разъ замужъ,

причемъ судьба послала ей въ мужа нѣкоего Шампаньоло, человека бывалаго и въ то время офицера, который, прибывъ въ Россію, сумѣлъ получить мѣсто при графѣ Зах. Чернышевѣ, но вскорѣ бросилъ это мѣсто и перебрался въ Москву, гдѣ и женился на г-жѣ Туйльи. Последняя, благодаря своей красивой наружности, имѣла нѣсколькихъ богатыхъ поклонниковъ, что давало новобрачнымъ возможность жить безъ нужды. Потомъ они переѣхали въ Петербургъ и сдѣлались содержателями меблированныхъ комнатъ. Спустя нѣсколько времени, въ городѣ распространились слухи о предстоящемъ прибытіи въ Петербургъ изъ Голландіи партіи поддѣльныхъ русскихъ ассигнацій. Сообщение это прислано было изъ Гаги княземъ Голицынымъ, который получилъ извѣстіе о поддѣлкѣ отъ одного изъ мѣстныхъ граверовъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней присланы были на имя г-жи Шампаньоло четыре посылки, будто-бы съ кружевами; когда же, въ виду существовавшихъ подозрѣній, посылки были вскрыты, въ нихъ оказались не кружева, а поддѣльныя ассигнаціи. Ассигнаціи вынули, замѣнили ихъ старою газетною бумагой, и затѣмъ всѣ четыре посылки доставили черезъ капитана корабля г-жѣ Шампаньоло. Дѣло раскрылось, г-жу Шампаньоло представили къ генералъ-прокурору князю Александру Вяземскому, и на слѣдующій же день судьба авантюристки была рѣшена: ей приказано было немедленно выѣхать изъ Петербурга, вмѣстѣ съ матерью и братомъ. Ихъ препроводили подъ военнымъ конвоемъ въ Митаву, посадивъ женщину въ возокъ, а мужчину въ кибитку—«un kibick», какъ записалъ Корберонъ, видимо щеголяя своими познаніями въ русскомъ языкѣ. Высылкою виновныхъ за границу дѣло и кончилось; императрица простерла свое милосердіе даже до того, что велѣла выдать имъ по сто рублей каждому на дорогу.

Въ этой исторіи съ поддѣлкою кредитныхъ знаковъ Корберонъ былъ не болѣе, какъ постороннимъ наблюдателемъ, такъ какъ близкихъ отношеній съ скомпрометтированными лицами не имѣлъ, несмотря на неоднократныя попытки супруговъ Шампаньоло завязать съ нимъ знакомство. Но далѣе онъ описываетъ довольно мрачный случай, въ которомъ и самъ онъ, въ силу обстоятельствъ, принялъ участіе. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Въ русскомъ флотѣ служилъ офицеромъ голландецъ Биландъ, вышедшій въ описываемое Корберономъ время въ отставку и пользовавшійся дурною репутаціей. Однажды, за ужиномъ въ гостяхъ, сидѣвшій рядомъ съ Корберономъ секретарь прусскаго посольства Хюттель таинственно показалъ ему только-что принесенную записку, въ которой сообщалось, что Биландъ дрался съ кѣмъ-то на дуэли, гдѣ-то за Екатерингофомъ, и, кажется, убитъ. Собесѣдники пустились въ догадки о чловѣкѣ, съ которымъ могъ драться Биландъ, и остановились на итальян-

скомъ графѣ Робасоми, зная, что Биландъ былъ долженъ ему 800 рублей. «Вернувшись домой—пишетъ Корберонъ—я пошелъ наверхъ, къ маркизу Жюинье (французскому посланнику), чтобы сообщить ему о слышанномъ; но уже на лѣстницѣ мнѣ встрѣтился камердинеръ, передавшій мнѣ, что маркизъ проситъ меня зайти къ нему. Когда я вошелъ, онъ сказалъ мнѣ, что у графа Чернышева онъ видѣлся съ Робасоми, который сказалъ ему, что, имѣвъ дуэль съ Биландомъ, онъ являлся къ графу Румянцеву, и тотъ посоветовалъ ему укрыться у маркиза Жюинье, на что онъ и проситъ позволенія. Жюинье отвѣтилъ, что самъ онъ укрыть его у себя не можетъ, и рекомендовалъ итальянцу повидаться со мною.

— Онъ, вѣроятно, у васъ, сказалъ Жюинье; какъ вы думаете поступить?

— Пріютить его на ночь, отвѣчалъ я. Я знаю Робасоми только въ лицо, но онъ военный ¹⁾, мы товарищи, и я не стану выгонять порядочнаго человѣка за дверь въ такой поздній часъ.

— Завтра мы выпустимъ его. Притомъ, вы въ своемъ правѣ.

«Спустившись къ себѣ, я засталъ у себя Робасоми; мы поговорили. Я разспросилъ его о подробностяхъ дѣла. Онъ былъ грустенъ, но спокоенъ, и вотъ какъ разсказалъ онъ мнѣ о случившемся:

— Вчера я узналъ черезъ одного изъ моихъ пріятелей, что графъ Биландъ намѣренъ уѣхать инкогнито, а такъ какъ онъ задолжалъ всему Петербургу, въ томъ числѣ и мнѣ долженъ 800 рублей, то мнѣ совѣтовали принять мѣры предосторожности. Я написалъ ему сегодня поутру записку, которую и послалъ съ лакеемъ, но Биландъ записки не принималъ и велѣлъ передать мнѣ, что и впредь не приметъ. Лакей передаетъ мнѣ этотъ отвѣтъ, я посылаю его вторично; оказывается, что графа Биланда нѣтъ дома, и мнѣ велѣтъ передать, что онъ уѣхалъ обѣдать въ трактиръ на Милліонной. Я одѣваюсь и ѣду туда. Когда обо мнѣ доложили, графъ сказалъ сидѣвшимъ съ нимъ вмѣстѣ: «Господа, г. Робасоми пріѣхалъ ради меня».—«Правда, отвѣчалъ я: я пріѣхалъ переговорить съ вами». Всѣ вышли, и тогда я показавъ графу Биланду записку, которую посылаю къ нему, прибавивъ: «Вы можете прочесть ее: въ ней нѣтъ ничего такого, что васъ огорчило бы». Биландъ отвѣтилъ, что онъ уже говорилъ поутру моему лакею, что не принимаетъ никакихъ записокъ и повторяетъ теперь, что не желаетъ принимать ихъ отъ меня, а если мнѣ нужно поговорить съ нимъ особо, то онъ готовъ отвѣтить. Фразу эту онъ дополнилъ разными дурными словами, послѣ чего мы вышли. Онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ драться со мною около дома Перро, такъ какъ та мѣстность ему знакома. Мы сѣли ка-

¹⁾ Робасоми былъ офицеръ русской службы въ отставкѣ.

ждый въ свой экипажъ, а затѣмъ вышли изъ экипажей близъ дома саксонскаго посланника и, взявъ влѣво, вступили подъ деревья, противъ дома Фонвизина. «Здѣсь есть тропинка, сказалъ мнѣ Биландъ: поищемте ее». Онъ разыскалъ ее и такъ какъ на ней было много снѣга, то сталъ утаптывать его на протяженіи двухъ-трехъ сажень. Дѣлая эти приготовленія, онъ сказалъ мнѣ: «Если я васъ убью, то мнѣ удобно будетъ скрыться по этой дорогѣ; если же вы убьете меня, то доставите мнѣ этимъ удовольствіе и окажете мнѣ услугу: долги мои будутъ уплачены».—«Я не хотѣлъ бы оказывать вамъ этой услуги, но вы того желаете; пусть же дѣло рѣшитъ судьба». Мы начали поединокъ и такъ какъ я иногда нарушалъ мензурю, то онъ спрашивалъ меня, не страшно ли мнѣ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ обороны, онъ поднялъ руку, безъ сомнѣнія съ намѣреніемъ поразить меня въ лицо. Тогда я нанесъ ему рану, отпарировавъ ударъ, который провзиль бы меня насквозь, еслибы шпага его не была задержана пуговицею. Получивъ рану, несчастный Биландъ сказалъ: «Это ничего». Я старался поддержать его, но онъ упалъ на-земь отъ слабости, и кровь хлынула у него горломъ. Я сталъ звать извозчика и его лакея, но они разбѣжались. Моя карета осталась; я бросился въ нее и поскакалъ въ городъ за хирургомъ, но найти его было невозможно. Тогда я написалъ г. Сакену ¹⁾, извѣщая его, что около его дома лежитъ раненый, нуждающийся въ помощи; племянникъ Сакена, прочитавъ записку, велѣлъ снести ее обратно, ссылаясь на то, что онъ не можетъ будить своего дядю. А тогда было 6 часовъ вечера: мы дрались между четырьмя и пятью. Вторая записка къ Сакену имѣла такъ же мало успѣха. Я отправился къ графу Румянцову, и онъ сталъ успокаивать меня, обѣщавъ оказать мнѣ покровительство и посоветовалъ обратиться къ маркизу Жюинье; я засталъ у него графа Ивана Чернышева; онъ сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ къ вамъ—и вотъ я явился».

Выслушавъ рассказъ Робасоми, Корберонъ оставилъ его у себя ночевать. Ложась спать, онъ узналъ отъ своего лакея, что тотъ, услышавъ о безпомощно лежавшемъ въ снѣгу Биландѣ, успѣлъ сбѣгать на мѣсто поединка и засталъ тамъ окоченѣвшій трупъ убитаго; воры унесли его шпагу, шляпу, парикъ и всѣ другія вещи, кромѣ бумажника, котораго, вѣроятно, не рѣшились взять, такъ какъ онъ лежалъ подъ тѣломъ. Лакей попытался положить убитаго въ карету, но не смогъ сдѣлать этого и оставилъ его на снѣгу.

Все это происшествіе надѣлало Корберону немало хлопотъ и неприятностей. Во французское посольство явилась полиція съ разпросами, не тамъ ли находится Робасоми. Аташе посольства Комбъ за-

¹⁾ Баронъ Сакенъ, саксонскій посланникъ при русскомъ дворѣ.

явилъ, что ему это неизвѣстно, но что вообще полиція не имѣетъ права входить въ посольское зданіе; на это полицейскій съ величайшею учтивостью возразилъ, что онъ пришелъ лишь за справкою. Когда онъ ушелъ, Робасоми имѣлъ неосторожность показаться, и полицейскій заговорилъ съ нимъ, причемъ сказалъ, что бояться ему нечего. Забавно, что маркизъ Жюинье, по мысли котораго итальянцу дано было убѣжище въ посольствѣ, смалодушествовалъ и, желая выгородить себя, взвалилъ всю отвѣтственность на своего секретаря, Корберона. Когда къ нему явился секретарь графа Панина съ вопросомъ отъ имени императрицы, не у него ли находится Робасоми, Жюинье заявилъ въ присутствіи Корберона, что Робасоми не у него. «Но спросите у г. Корберона», прибавилъ онъ. Тогда Корберонъ сказалъ посланцу Панина:

— Милостивый государь, не стану скрывать отъ васъ, что г. Робасоми ночевалъ у меня. Я его не знаю, но военный человѣкъ не станетъ выгонять другого отъ себя въ полночь. Даю вамъ слово, что въ настоящую минуту онъ не у меня.

— Но я хотѣлъ бы, возразилъ секретарь Панина, имѣть совершенно точный отвѣтъ, именно—находится ли онъ въ этомъ домѣ или нѣтъ.

— Ни маркизъ, ни я не можемъ сказать вамъ того, чего не знаемъ. Домъ великъ, и мы не ходимъ по всѣмъ угламъ.

— Я могу только сказать вамъ, вставилъ Жюинье, что прикажу узнать объ этомъ. Г. Корберонъ потрудится освѣдомиться объ этомъ съ своей стороны. Притомъ, я не имѣю намѣренія укрывать у себя незнакомаго мнѣ человѣка вопреки волѣ императрицы.

Послѣ этого Корберонъ пошелъ въ свою квартиру, но секретарь Панина отправился за нимъ и туда и сказалъ:

— А вотъ тутъ одинъ полицейскій говоритъ, что видѣлъ Робасоми здѣсь.

При этихъ словахъ Корберонъ вспыхнулъ и твердымъ тономъ заявилъ секретарю:

— Развѣ вы не слышали того, что г. Жюинье и я имѣли честь говорить?

— Да, возразилъ секретарь, но и маркизъ Жюинье сказалъ мнѣ то же.

— Это не такъ, отвѣчалъ Корберонъ: будьте любезны, благоволите не перетолковывать того, что говорилъ вамъ г. Жюинье, и потрудитесь вслушаться въ буквальное значеніе моихъ словъ. Повторяю вамъ, что г. Робасоми ночевалъ у меня, что теперь его у меня нѣтъ, что я не знаю, находится ли онъ или не находится въ этомъ домѣ, но что я общаю вамъ справиться объ этомъ. Хотите войти ко мнѣ?

Посланецъ Панина принялъ смиренный видъ.

— Я не имѣю права дѣлать у васъ осмотръ.

— Мы съ вами оба это знаемъ, но зайдите погрѣться.

И, когда они вошли въ квартиру, Корберонъ прибавилъ:

— Вы видите, что г. Робасоми здѣсь нѣтъ, и что если я что-нибудь говорю, то говорю правду.

А Робасоми находился тѣмъ временемъ у аташе Комба, откуда и былъ благополучно выпущенъ на улицу по удаленіи русскаго чиновника. То былъ молодой чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Алопеусъ, впоследствии занимавшій посольскіе посты въ разныхъ городахъ, между прочимъ въ Берлинѣ и Дрезденѣ. Уходя отъ Корберона, онъ сдѣлалъ еще послѣднюю попытку добиться истины.

— Надѣюсь, г. шевадье, сказалъ онъ, вы повѣрите, что мнѣ крайне непріятно исполнять данное мнѣ порученіе, но я долженъ исполнить его. Прошу васъ сказать мнѣ, между нами, что г. Робасоми дѣйствительно здѣсь нѣтъ.

— Къ чему? возразилъ Корберонъ. Я уже сказалъ вамъ, что домъ великъ и что поэтому я не могу знать, не спрятали ли г. Робасоми въ какомъ-нибудь углу.

— Но вѣдь это только формальность, настаивалъ чиновникъ: вѣдь я долженъ дать графу Панину утвердительный или отрицательный отвѣтъ.

— И прекрасно; если хотите, дайте ему отвѣтъ отрицательный. Замѣтьте, однако, что я сказалъ вамъ, что мнѣ это неизвѣстно и что я не могу сказать вамъ ничего другого, кромѣ того, что вы отъ меня слышали, а именно, что г. Робасоми ночевалъ у меня, что теперь его у меня нѣтъ, что я не знаю, находится ли онъ въ нашемъ домѣ, и общаю вамъ, что, согласно намѣренію маркиза Жюинье, его здѣсь не оставлять, если окажется, что онъ здѣсь.

Собесѣдники разстались въ высшей степени вѣжливо, а Робасоми, по совѣту Корберона, передъ уходомъ изъ французскаго посольства, написалъ о своемъ дѣлѣ князю Орлову. На другой день стало извѣстно, что Орловъ направилъ его къ графу Панину, но тотъ итальянца не принялъ, а велѣлъ передать ему чрезъ своего секретаря, чтобы онъ обратился къ начальнику полиціи, какъ къ лицу, отъ котораго зависить направленіе дѣла.

Для Корберона дѣло это имѣло весьма непріятный исходъ: графъ Панинъ сообщилъ маркизу Жюинье, что императрица не желаетъ впредь видѣть молодого секретаря посольства при дворѣ. Послѣдствія этой опалы не замедлили отразиться на положеніи Корберона въ дипломатическомъ кругу: австрійскій и прусскій посланники обошли его приглашеніемъ на данные имъ черезъ нѣсколько дней послѣ того обѣды. Корберонъ хотѣлъ было съѣздить къ графу Панину для объясненій,

но маркизь Жюинье, сумѣвшій совершенно выгородить себя, отсовѣтовалъ ему дѣлать эту попытку. Графъ Панинъ общалъ, однако, сдѣлать все, что можно для молодого дипломата и совѣтовалъ только ожидать, пока неудовольствіе императрицы остынетъ. Но дѣло тянулось безъ всякаго результата, такъ что Корберонъ началъ было даже подумывать объ отъѣздѣ изъ Петербурга, постепенно озлобляясь противъ русскаго общества. «Какъ бы ни хотѣлось имѣть хорошее мнѣніе объ этихъ людяхъ—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ—приходится поневолѣ признать ту истину, которую они сами обличаютъ относительно себя: это истинные дикари, у которыхъ нѣтъ чутья, присущаго другимъ еще не установившимся народамъ; въ нихъ сказывается одна лишь дичина. Съ этимъ недостаткомъ соединяется въ нихъ огрубѣніе рабовъ и дряблость народовъ, испорченныхъ избыткомъ цивилизаціи. Имѣя склонность ко всѣмъ вызываемымъ роскошью порокамъ, будучи испорчены прежде, чѣмъ пройти различныя степени созрѣванія, они походятъ на зеленые, но уже загнившіе плоды, не имѣющіе ни сочности, ни нѣжности и никогда не могущіе достигнуть совершенства. Вина тутъ не въ недостатокѣ почвы: русское царство—прямо кладь, въ смыслѣ богатствъ. Нельзя сказать, чтобы и садовникъ былъ дурень: Екатерина II, не будучи тѣмъ, чѣмъ она желаетъ прослыть во всѣхъ газетахъ, государыня все-таки недурная; но она женщина во всемъ значеніи этого слова, не имѣющая основныхъ философскихъ понятій; всѣ ея дѣйствія отмѣнены самолюбіемъ, и воля ея направлена къ тому, чтобы царствовать, скорѣе, въ Европѣ при помощи репутаціи, которая будетъ лишь мимолетною, чѣмъ въ собственной странѣ путемъ солиднаго добра, которое она могла бы совершить безъ хвастовства, но зато основательно».

Несмотря на содѣйствіе графовъ Панина и Остермана, а также многихъ другихъ лицъ высшаго круга, принявшихъ участіе въ судьбѣ Корберона, ему долго не удавалось вернуть прежнее расположеніе къ себѣ императрицы, которая съ нѣкоторыхъ поръ подозрѣвала этого дипломата въ тѣсныхъ связяхъ со всѣми оппозиціонными ей элементами. Уже прошло около мѣсяца со дня злополучнаго происшествія съ Робасоми, а Корберонъ все еще писалъ въ своемъ дневникѣ: «Не знаю, чѣмъ кончится моя размолвка со дворомъ» и тутъ же прибавлялъ: «Говорятъ, Панинъ не особенно расположенъ въ мою пользу, но еще съ болѣею увѣренностью утверждаютъ, что отношенія его къ императрицѣ нехороши и что она недавно ¹⁾ писала ему объ его отставкѣ; министра этого она не любитъ. Изъ трехъ фаворитовъ—Орлова, Потемкина и Завадовскаго Потемкинъ вошелъ теперь въ болѣшую, чѣмъ когда-либо, милость, и

¹⁾ Въ концѣ декабря 1776 года.

недѣли черезъ три ожидаютъ вещей, которыми это будетъ засвидѣтельствовано». Здѣсь кстати будетъ отмѣтить отзывъ, сдѣланный Корберономъ мимоходомъ о Потемкинѣ. «Этотъ человекъ—пишетъ онъ—очень уменъ и, притомъ, обладаетъ тѣмъ тонкимъ умомъ, который даетъ успѣхъ при дворѣ. Родился онъ бѣднымъ; онъ самъ предрекъ свою судьбу и дословно сказалъ императрицѣ, что еслибы ему вздумалось возбудить къ себѣ любовь, то онъ достигъ бы этого: оказывается, что онъ былъ правъ. Слова эти переданы мнѣ г-жею Зиновьевой, которая слышала ихъ отъ самого Потемкина еще до выступленія его въ качествѣ любимца императрицы; онъ рассказывалъ объ этомъ въ обществѣ Строганова, Бярятинскихъ, Загряжскаго и др.»

VIII.

Изъ записей Корберона за 1777 годъ видно, что опала снята была съ него лишь въ концѣ февраля этого года. Объ этомъ сообщилъ ему Жюинье, придя къ нему вмѣстѣ съ саксонскимъ посланникомъ барономъ Сакеномъ, и сказалъ: «Благодарите барона: его дружбѣ обязаны вы благополучнымъ исходомъ вашего дѣла. Оно кончено, и вы можете вернуться ко двору». Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, впрочемъ, что главнымъ ходатаемъ за Корберона передъ императрицей былъ князь Орловъ. Молодой французскій дипломатъ былъ до слезъ тронутъ полученною вѣстью, такъ какъ съ допущеніемъ его вновь ко двору устранялись для него всѣ препятствія къ тому, чтобы опять вступить въ колею свѣтской жизни, со всѣми ея балами, раутами, любительскими спектаклями, интимными разговорами съ великосвѣтскими красавицами и всякими другими удовольствіями. Дамы и дѣвицы высшаго круга, давно уже соскучившіяся по ихъ изящномъ кавалерѣ, встрѣтили съ восторгомъ извѣстіе объ его прощеніи. «Какая радость! говорили онѣ: его помиловали—это все равно, какъ будто помиловали насъ самихъ». Оставалось только соблюсти обычную формальность, но и за этимъ дѣло не стало: графъ Панинъ письменно увѣдомилъ маркиза Жюинье, что императрица разрѣшаетъ Корберону бывать при дворѣ по-прежнему. И вотъ, сдѣлавъ визиты князю Орлову, графамъ Панину и Остерману и другимъ особамъ, Корберонъ появился, наконецъ, 23-го февраля при дворѣ, гдѣ былъ встрѣченъ посыпавшимися со всѣхъ сторонъ поздравленіями, привѣтствіями и проч. Цѣлуя руку императрицѣ, онъ замѣтилъ, что она избѣгаетъ его взгляда: быть можетъ, она не желала причинить ему неловкость или же хотѣла скрыть собственное смущеніе. Впослѣдствіи баронъ Сакенъ рассказывалъ ему, что когда князь Орловъ

въ первый разъ заговорилъ съ императрицей о Корберонѣ, она ничего не отвѣтила и даже, отвернувшись, завела разговоръ съ другимъ лицомъ. «Всякій другой—пишетъ Корберонъ—на мѣстѣ Орлова не сталъ бы настаивать и даже переи́нчилъ бы тему бесѣды; но Орловъ, напротивъ, холодно и пристально посмотрѣлъ на нее, послѣ чего она возобновила разговоръ съ нимъ, а онъ снова заговорилъ о томъ же и достигъ того, что она подъ-конецъ сказала: «Ну, хорошо; все забыто. Онъ можетъ вновь явиться ко двору». Однако, она написала и графу Панину, спрашивая его, не скомпрометтируетъ ли ее это прощеніе, на что Панинь отвѣтилъ, что оно дѣлаетъ ей честь. «Эта черта въ князѣ Орловѣ—прибавляетъ Корберонъ—показываетъ, каковъ онъ есть. Это человѣкъ откровенный, прямой и честный; твердость никогда не покидала его; у него рѣшительный характеръ. Еслибы съ этими качествами онъ соединялъ въ себѣ государственныя познанія и умѣлъ держать себя какъ нужно въ его положеніи, изъ него вышелъ бы великій министръ Россіи».

Небезынтересно приведенное Корберономъ описаніе утренняго приѣма у князя Орлова. «Онъ живетъ въ громадномъ домѣ на Мойкѣ. Я вошелъ въ кабинетъ, переполненный лицами, ожидавшими, когда князь встанетъ. Это былъ подлинно дворъ, о какомъ у насъ, въ европейскихъ странахъ, не имѣютъ и понятія. Наши принцы крови и министры принимаютъ посѣтителей, одѣвшись, и даютъ аудіенціи съ извѣстной внимательностью къ нимъ, которую всякій обязанъ оказывать публикѣ. Здѣсь же осталась еще отъ азіятскихъ нравовъ распущенность восточнаго деспотизма, и всякій, кто занимаетъ высокій постъ, принимаетъ туземную публику съ пышностью и небрежностью; въ этомъ, пожалуй, сказывается не столько высокомеріе, сколько обычай. Въ комнату, гдѣ мы находились, князь вышелъ изъ спальни въ халатѣ, съ растрепанными волосами и съ длинною трубкою во рту. Его окружили; каждый обратился къ нему съ почтительнымъ привѣтствіемъ; подошелъ и я, чтобы сказать князю, что я заходилъ нѣсколько разъ, но не заставалъ его. Онъ прервалъ мою изліянія благодарности за содѣйствіе въ моемъ дѣлѣ, взялъ меня за руку и сказалъ, что очень радъ былъ случаю сдѣлать, чего я желалъ, и готовъ помочь мнѣ во всемъ, съ чѣмъ мнѣ понадобится обратиться къ нему. Затѣмъ онъ усѣлся въ кресло, велѣлъ завивать себѣ волосы папильотками, и, покуривая трубку, продолжалъ со мною разговоръ, который, впрочемъ, не былъ продолжителенъ. Поговоривъ послѣ этого съ нѣсколькими другими лицами, онъ приказалъ показать мнѣ свою картинную галлерей; когда меня повели туда, весь дворъ князя образовалъ по обѣимъ сторонамъ шпалеры: такую власть имѣютъ здѣсь на людей милость и ея отраженія! Я отправился смотрѣть его картины, въ числѣ которыхъ замѣтилъ превосходныя произведенія фламандской школы».

Хотя авторъ дневника уже два года жилъ въ Россіи, многое въ мѣстныхъ нравахъ, видимо, продолжало казаться ему неожиданнымъ, особенно въ придворномъ кругу. Въ іюлѣ 1777 г. онъ записалъ, со словъ посольскаго аташе Комба, рассказъ о томъ, какъ Потемкинъ, игравшій въ то время такую же роль при Екатеринѣ II, какую приняла на себя подъ конецъ жизни г-жа Помпадуръ при Людовикѣ XV, представилъ императрицѣ, обѣдавшей у него на дачѣ, на невскихъ Островкахъ, гусарскаго маіора Зорича, которому послѣ перваго же знакомства было пожаловано 1.800 душъ. Послѣ обѣда и новаго знакомства императрица находилась, будто бы, въ самомъ веселомъ настроеніи. Особенно поражала его щедрость, съ которою были награждаемы фавориты императрицы при удаленіи ихъ отъ двора. По его словамъ, предшественнику Зорича, Завадовскому, пожалованы были 50.000 р. одновременно, 5.000 р. пенсін, 4.000 душъ на Украинѣ, да, сверхъ того, 40.000 р. на уплату долговъ. Подарили ему еще и много серебряной посуды, но ему всего этого показалось мало, и онъ рвалъ на себѣ волосы съ досады. Такія награжденія вызывали ропотъ со стороны великаго князя Павла Петровича, постоянно испытывавшаго нужду въ деньгахъ. Едва-ли могъ онъ относиться безъ раздраженія также и ко всѣмъ другимъ проявленіямъ щедрости императрицы, напр., въ родѣ подарковъ, дѣлавшихся отъѣзжавшимъ высокимъ гостямъ. Гостившему въ Петербургѣ шведскому королю подарены были, между прочимъ, трость, ручка которой была отдѣлана брилліантами, а шнурокъ къ ней, съ кистью, осыпанъ крупнымъ жемчугомъ и драгоценными камнями. По оцѣнкѣ ювелира, трость эта стоила 65.000 рублей. Кромѣ того, королю даны были дорогіе знаки ордена, которые носила императрица, и пожалована шуба, цѣною въ 15.000 р.

IX.

Въ ноябрѣ 1777 г. маркизъ Жюинье, давно уже домогавшійся отпуски по разстроеному здоровью, уѣхалъ изъ Петербурга, оставивъ за себя Корберона, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи. На первыхъ порахъ дѣятельность въ этой новой роли, повидимому, поглотила всѣ домашніе досуги молодого шеваляе, какъ можно судить по тому, что со времени отъѣзда французскаго посла, онъ на цѣлыхъ четырнадцать мѣсяцевъ прекратилъ писаніе своего дневника. Записки возобновляются лишь въ январѣ 1779 года. Нельзя сказать, чтобы такой перерывъ отразился на ихъ содержаніи: мы, по-прежнему, встрѣчаемъ въ нихъ тѣ же

отрывочныя записи о томъ, какъ изо-дня въ день протекала болѣе или менѣе пестрая жизнь французскаго дипломата среди пестраго велико-свѣтскаго міра. По своему обыкновенію, Корберонъ отводитъ въ своемъ дневникѣ немало мѣста отмѣткамъ о собраніяхъ, обѣдахъ, ужинахъ и различныхъ развлеченіяхъ въ аристократическихъ домахъ по случаю рождественскихъ праздниковъ и новаго года. Въ день новаго года былъ большой пріемъ во дворцѣ, причемъ по поводу состоявшагося обширнаго производства въ чины по арміи и флоту, новопроизведенные приносили императрицѣ благодарность, становясь передъ нею на колѣни и цѣлуя ей руку. «Этотъ восточный пріемъ—замѣчаетъ Корберонъ—никогда не нравился мнѣ и всегда раздражаетъ меня».

Касаясь лишь вскользь и всегда очень поверхностно своихъ дѣловыхъ переговоровъ съ русскими государственными людьми, Корберонъ отмѣчалъ преимущественно внѣшнюю сторону своихъ свиданій съ ними и охотнѣе всего описывалъ роскошь и пышность обстановки вельможъ, особенно Потемкина, дававшего парадныя обѣды въ своемъ домѣ на Невскомъ проспектѣ. Богатѣйшая отдѣлка комнатъ, лакированная японская мебель, предметы китайскаго издѣлія, хрустальные люстры—все это создавало въ домѣ Потемкина вполне достойную обстановку для императрицы, удостоивавшей его паршества своимъ присутствіемъ. Иностранные дипломаты весьма цѣнили приглашенія на эти собранія и въ своемъ дипломатическомъ самолюбіи очень огорчались, когда того, или другого изъ нихъ случайно обходили приглашеніемъ. Такія случайности являлись даже поводомъ къ формальнымъ представленіямъ со стороны обиженныхъ, которые видѣли въ этомъ признакъ недостаточнаго вниманія къ представляемому ими государству. Что касается Корберона, то онъ бывалъ желаннымъ гостемъ на всякихъ большихъ собраніяхъ, такъ какъ, благодаря установившимся связямъ, былъ на хорошемъ счету въ придворномъ кругу. Послѣ опалы, о которой говорено было выше, онъ счумѣлъ снискать милостивое расположеніе императрицы, очевидно, даже не подозрѣвавшей, какіе подчасъ ѣдкіе отзывы дѣлалъ онъ о ней въ своемъ дневникѣ. Положеніе его въ Петербургѣ настолько упрочилось, что въ свѣтѣ уже стали поговаривать о вѣроятномъ назначеніи его на постъ посланника, вмѣсто маркиза Жюинье; этого, однако, не случилось, хотя Потемкинъ и Панинъ увѣряли Корберона, что императрица желала бы видѣть его посланникомъ. При версальскомъ дворѣ было рѣшено замѣнить маркиза Жюинье въ Петербургѣ не Корберономъ, а другимъ лицомъ; лѣтомъ 1780 г. стало извѣстно, что посланникомъ при петербургскомъ дворѣ назначенъ маркизъ Веракъ, который и прибылъ къ своему посту въ іюнь. Новый посланникъ (по отзыву Корберона, карьеристъ, смотрѣвшій на свою должность лишь какъ на ступень для дальнѣйшаго повышенія) не за-

медлил представиться важнѣйшимъ изъ русскихъ государственныхъ людей и произвелъ на нихъ очень хорошее впечатлѣніе. 9-го іюня состоялось въ Петергофѣ представленіе маркиза Верака императрицѣ. По дорогѣ туда, Веракъ, сидя въ каретѣ съ Корберономъ, повторялъ вслухъ приготовленную имъ рѣчь къ императрицѣ и сильно волновался, опасаясь, что не съумѣетъ провзнести ее какъ слѣдуетъ. Представленіе прошло гладко; тѣмъ не менѣе, Веракъ на обратномъ пути изъ Петергофа, выражалъ тревогу, не имѣя увѣренности въ томъ, что хорошо сказалъ свою рѣчь, и все спрашивалъ Корберона, не повредитъ ли это ему. Новый посланникъ былъ пораженъ великолѣпіемъ двора императрицы (гдѣ, кстати сказать, гостилъ тогда австрійскій императоръ, прибывшій въ Россію инкогнито, подъ именемъ графа Фалькенштейна); Корберонъ, съ своей стороны, дивился тому, что такое сильное впечатлѣніе вынесъ изъ Петергофа французъ, выдавшій пышность версальскаго двора. «Быть можетъ, замѣчаетъ онъ, я слишкомъ приглядѣлся къ здѣшней роскоши, чтобы раздѣлять восторги людей, къ ней не привычныхъ».

Въ запискахъ Корберона за 1780 г.—последній годъ его пребыванія въ Россіи—много мѣста отведено замѣткамъ о его личныхъ дѣлахъ. Онъ говоритъ о предстоявшей ему переменѣ мѣста служенія, не безъ удовольствія упоминаетъ о томъ, что слухи объ его отъѣздѣ встрѣчены были петербургскою знатію съ сожалѣніемъ, и передаетъ разныя любезности, слышанныя имъ по этому поводу отъ русскихъ государственныхъ людей. Все это представляетъ мало интереса для русскаго читателя, хотя мѣстами попадаются въ отмѣткахъ автора штрихи, болѣе или менѣе характерные для придворнаго быта того времени. Такъ, между прочимъ, онъ описываетъ одинъ изъ своихъ визитовъ къ Потемкину, котораго онъ пришелъ поздравить въ день годового праздника Преображенскаго полка, гдѣ Потемкинъ числился подполковникомъ. Князь принялъ его очень любезно у себя въ кабинетѣ, усадилъ его и долго съ нимъ бесѣдовалъ, но затѣмъ, когда явился сенаторъ Елагинъ, тотчасъ же всталъ и ушелъ въ другую комнату, причѣмъ дважды просилъ Корберона садиться, прежде чѣмъ предложилъ стулъ новому посетителю. Тѣмъ временемъ, прибыло еще много другихъ лицъ, и къ нимъ князь Потемкинъ вышелъ въ халатѣ, да и то только для того, чтобы отпустить поздравителей.

X.

Весьма многое изъ русскихъ порядковъ поражало Корберона своею странностью до самого конца пребыванія его въ Россіи. Ему казалось непостижимымъ, какъ могутъ здѣсь вообще идти дѣла, когда изъ руководящихъ людей почти никто ничего не дѣлалъ. Особенно изумлялъ его образъ жизни графа Панина, бывшаго первенствующимъ министромъ. «Онъ встаетъ очень поздно—писалъ Корберонъ,—завлекается разсматриваніемъ эстамповъ или новыхъ книгъ, потомъ одѣвается, принимаетъ являющихся къ нему; затѣмъ обѣдаетъ, а послѣ того играетъ въ карты или спитъ. Вечеромъ у него опять гости и игра; потомъ онъ ужинаетъ и очень поздно ложится. Старшіе чиновники его работаютъ нисколько не больше его и проводятъ время за картежною игрою, причемъ проигрываютъ пропасть денегъ, до шестисотъ рублей въ вечеръ, какъ случается, напр., съ Фонвизиномъ, Марковымъ, Бакунинымъ и др. Одинъ только Алопеусъ работаетъ и живетъ по средствамъ. А машина дѣйствуетъ тѣмъ временемъ, кажется, въ силу особой милости Божіей и неслыханнаго счастья императрицы. Правда, мы не видимъ того, что происходитъ внутри, и не замѣчаемъ мелкихъ недостатковъ».

Кромѣ того, автора дневника удивляла та легкость, съ которою пронырливые иностранцы дѣлали карьеру въ Россіи. Совершенно невѣжественные люди, въ родѣ Рибаса, г-жи Лафонъ и др., достигали начальническихъ мѣстъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Театральный суфлеръ Бонафонъ попалъ въ преподаватели въ Смольный институтъ; разныя французенки съ сомнительнымъ прошлымъ, по прибытіи въ Россію, сразу получали мѣста учительницъ, наставницъ и гувернантокъ. Нетрудно представить себѣ, какъ велось дѣло обученія и воспитанія при такихъ условіяхъ.

Не лишено характерности отмѣченное въ дневникѣ посѣщеніе Корберономъ, въ сопутствіи его секретаря, Арибера, русской общественной бани. «Это зрѣлище—говоритъ онъ—и странно, и отвратительно. Мужчины и женщины толкуются, голые, въ перемишку въ парилнѣ, гдѣ отъ паровъ бросаемой въ раскаленную печь воды они обильно потѣютъ. Вспотѣвъ, люди мылятся, а потомъ бросаются въ рѣбу: Тутъ они остаются почти столько же времени, какъ и въ парилнѣ, причемъ поливаютъ себѣ изъ шайки голову, плечи и бока. Контрастъ двухъ температуръ, который былъ бы для насъ смертеленъ, оказывается для нихъ, напротивъ, полезнымъ. Бани раздѣлена на-двое, для мужчинъ и для женщинъ, но раздѣляющая ихъ переборка не препятствуетъ

смѣшенію половъ. Когда мы вошли въ женское отдѣленіе, чтобы взглянуть обнаженныя фигуры, кто-то въ родѣ зрителя, подойдя, объявилъ намъ, что императрица воспретила входъ сюда мужчинамъ, и мы вышли, несмотря на то, что сами видѣли, какъ мало соблюдается это повелѣніе. Трудно представить себѣ инертность этого народа, сравнительно съ нашимъ. Во Франціи всякое развлеченіе, всякое собраніе бываетъ шумнымъ: веселье выражается криками или, по меньшей мѣрѣ, смѣхомъ и пѣснями; въ этихъ же баняхъ люди какъ бы совершаютъ религиозную церемонію. Это видно по тому, какъ мало обращаютъ они вниманія на вошедшихъ постороннихъ, простыхъ зрителей среди этой толпы. Женщины при видѣ насъ изумились такъ же мало, какъ и мужчины; въ парижской купальнѣ насъ встрѣтили бы свистками, а здѣсь только разсмѣялись, увидя насъ; особенно заливалась молодая хорошенькая женщина, на которую мы съ Ариберомъ привѣтливо смотрѣли, когда зритель не особенно вѣжливо попросилъ насъ удалиться. Вообще, независимо отъ этой выставки голыхъ тѣлъ, непривлекательныхъ на видъ, зрѣлище это печально тѣмъ, что тутъ видно вліяніе рабства и дикости, т. е. написанныя на лицахъ забитость и тупость и отсутствіе выраженія удовольствія или тягости».

Въ сентябрѣ въ Петербургъ пріѣхалъ погостить прусскій наслѣдній принцъ. «Малый дворъ» сдѣлалъ было попытку возстановить его противъ партіи «большого двора», но высокій гость очень искусно далъ понять, что, въ качествѣ иностранца, онъ предпочитаетъ оставаться нейтральнымъ. Тѣмъ не менѣе, особенно виднаго вниманія со стороны императрицы ему оказано не было. При дворѣ объясняли это тѣмъ, что она вообще находилась въ послѣднее время въ дурномъ настроеніи, будучи озабочена какъ неудачами по части устройства губерній, такъ и господствовавшими въ провинціи волненіями. Въ разныхъ мѣстахъ происходили волненія крестьянъ, которые жаловались на дурное обращеніе помѣщиковъ и отказывались отъ повинovenія имъ, въ виду разнесшихся въ народѣ слуховъ о волѣ. Въ Бѣлоруссію и Новгородъ пришлось послать войска. Слухи же о волѣ распространились подъ вліяніемъ вѣстей о томъ, что императрица повелѣла выдать отпускныя грамоты нѣсколькимъ ходатайствовавшимъ о томъ крестьянамъ, которые записались въ купцы. По примѣру этихъ счастливыхъ, и многіе другіе стали подавать челобитныя, такъ что вскорѣ подобныхъ прошеній насчитывалось уже болѣе десятка тысячъ.

Кромѣ того, императрицу разстраивали также и сильныя разногласія, возникшія между Панинымъ и Потемкинымъ, изъ которыхъ первый держалъ сторону Франціи, а второй стоялъ за сближеніе съ Англіей, причемъ Потемкинъ однажды очень прозрачно намекнулъ

своему противнику, что считаетъ его продавшимся французскому правительству. Панинъ вспылилъ и пошелъ жаловаться императрицѣ, которая личнымъ виѣшательствомъ насилу положила конецъ схваткѣ. А въ это время разнесся еще слухъ, будто императрица получила отъ князя Орлова письмо, съ извѣщеніемъ, что, какъ ему достовѣрно извѣстно, Потемкинъ проданъ Англіи, отъ которой получилъ 150.000 гиней. Весьма понятно, какъ все это должно было дѣйствовать на императрицу, видѣвшую, что ей ни въ чемъ нельзя ни на кого положиться. При такихъ условіяхъ, ей, конечно, было не до того, чтобы окружать прусскаго принца особенною внимательностью. Тѣмъ не менѣе, она ласково принимала его, а въ день его рожденія послала ему чрезъ Ланскаго великолѣпный мѣхъ. Принцъ, съ своей стороны, щедро одарилъ деньгами нѣсколько полковъ, а при отъѣздѣ изъ Россіи, роздалъ многимъ лицамъ драгоцѣнные подарки, ради которыхъ вошелъ даже въ долги, такъ какъ ассигнованныхъ ему на это королемъ денегъ не хватило.

Мы подошли теперь къ окончанію дневника Корберона. Во второй половинѣ октября 1780 г. онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Парижъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда отправиться къ новому мѣсту служенія, въ качествѣ дипломатическаго представителя Франціи при герцогѣ Цвейбрюккенскомъ. Недѣли за двѣ до отъѣзда онъ представился императрицѣ въ прощальной аудіенціи, явившись прежде откланяться при «маломъ дворѣ». Великій князь Павелъ Петровичъ и его супруга приняли его очень милостиво, выражая сожалѣніе по поводу его отъѣзда и надежду на то, что онъ современемъ вернется въ Россію посланникомъ. Совершенно иной пріемъ встрѣтилъ Корберонъ со стороны императрицы: она не сказала ему ни слова. Напротивъ, графъ Панинъ наговорилъ ему при прощаніи кучу любезностей.

Р.

Экспедиція Государственнаго Хозяйства.

(1797—1803 гг.).

V 1).

Наряду съ дѣлами государственнаго хозяйства и сельскаго домоводства, Экспедиціи ввѣрено было императоромъ Павломъ опекунство надъ иностранными колонистами. Въ высочайше утвержденной 4-го марта 1797 года запискѣ генераль-прокурора князя Куракина сказано было: «Подъ опекою Экспедиціи состоятъ иностранцамъ, въ разныхъ мѣстахъ Имперіи поселившимся, также впредь приходящимъ и къ поселенію вызываемымъ, учредя по удобности нѣкоторыя мѣста для ближайшаго по оекѣ имъ вспоможенія и защищенія» ¹⁾.

Хотя Павелъ Петровичъ мало сочувствовалъ начинаніямъ и учрежденіямъ императрицы Екатерины II, но, съ цѣлю возбудить примѣромъ трудолюбія иностранцевъ къ подражанію и русское крестьянское населеніе, находилъ вызовъ ихъ въ Россію полезнымъ. При этомъ императоръ задавался также цѣлю исправить первые неудачные шаги въ дѣлѣ иностранной колонизаціи и искоренить тѣ злоупотребленія, которыми они сопровождались, и слухи о которыхъ до него доходили. Поэтому Экспедиція Государственнаго Хозяйства, призванная къ опекунству надъ иностранными колонистами, «для вспоможенія и защищенія», отнеслась весьма внимательно къ этой части своихъ обязанностей.

Заселеніе южныхъ и юго-восточныхъ пространствъ Россіи ино-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, 1901 г. октябрь и ноябрь.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17866.

странцами вызвано было, какъ извѣстно, манифестами императрицы Екатерины II, 4-го декабря 1762 г. и 22-го іюля 1763 г., которыми призывались всѣ желающіе водвориться въ Россіи, съ правомъ выбора мѣста для поселенія, и съ предоставленіемъ разныхъ временныхъ и постоянныхъ льготъ. Особые комиссары были отправлены къ нашимъ резидентамъ въ Германію для приѣма переселенцевъ, снабженія ихъ путевыми пособиями и отправленія въ Россію. Для высшаго управленія дѣломъ переселенія и водворенія иностранцевъ и устроенными ими колоніями, въ Петербургѣ учреждена была Канцелярія опекунства иностранныхъ, съ правами государственныхъ коллегій. Въ распоряженіе канцеляріи отпускалось ежегодно по 200.000 руб. Для первоначальнаго водворенія колонистовъ на отводимыхъ имъ мѣстахъ были назначены особые комиссары.

Въ 1766 г., въ виду обнаруженныхъ неудобствъ отъ завѣдыванія колоніями чрезъ мѣстныхъ комиссаровъ, особенно въ приволжскомъ краѣ, была учреждена въ Саратовѣ Контора канцеляріи опекунства иностранныхъ, но лишь на то время, пока иностранное населеніе, вошедъ во всѣ русскіе обычаи, можетъ уже быть поручено вѣдѣнію общихъ русскіхъ учреждений. Со введеніемъ учрежденія о губерніяхъ въ 1782 г., Канцелярія опекунства въ Петербургѣ и ея контора въ Саратовѣ были закрыты, а колонисты поступили въ вѣдѣніе директоровъ домоводства при казенныхъ палатахъ, наравнѣ съ казенными крестьянами. Однако многочисленныя жалобы на злоупотребленія и всякія стѣсненія побудили правительство возвратиться къ первоначальному порядку управленія колонистами и приступить къ устройству внутренней ихъ юрисдикціи съ изытіемъ ихъ изъ вѣдѣнія общихъ полицейскихъ, судебныхъ и правительственныхъ учреждений. 2-мъ пунктомъ именнаго указа 30-го апрѣля 1797 г. Экспедиціи Г. Х. повелѣвалось для ближайшаго и успѣшнѣйшаго попеченія и присмотра надъ всѣми колоніями принять въ руководство правила, по которымъ существовала Саратовская контора. 30-го іюня 1797 г. эта контора была восстановлена въ гор. Саратовѣ ¹⁾, причемъ утверждена была и инструкция для конторы ²⁾. Она должна была заниматься хозяйственными распоряженіями по всѣмъ Саратовскимъ колоніямъ, производить въ нихъ судъ и расправу; по дѣламъ же колонистовъ съ другими русскими подданными разсматривать и рѣшать дѣла вмѣстѣ съ общими присутственными мѣстами. Въ особенности же Саратовская контора должна была разсмотрѣть причины «изнеможенія и несостоянія» иностранныхъ поселенцевъ къ уплатѣ числящагося на нихъ казеннаго долга и изъяснить

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18021.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18022.

средства къ ихъ облегченію, а также наблюдать за охраненіемъ уже отведенныхъ колоніямъ земель отъ незаконныхъ притязаній.

Сарептская колонія, на Волгѣ, близъ Царицына, населенная братьями Евангелическаго общества Аугсбургскаго исповѣданія, получила отъ императора Павла 29-го іюня 1797 г. особую жалованную грамоту ¹⁾, въ которой не только подтверждались всѣ прежнія права и привилегіи, но, для поощренія трудолюбія и полезной дѣятельности, дарованы были ей еще новыя выгоды. Поэтому Сарептская колонія, по инструкціи 30-го іюня 1797 г., поручалась особенно въ опеку только главному судѣ, какъ старшему члену конторы.

По образцу Саратовской конторы, по высочайше утвержденному 6-го апрѣля 1800 г. докладу Сената, для завѣдыванія поселенными въ Новороссійскомъ краѣ колонистами открыта была въ г. Новороссійскѣ, подъ вѣдѣніемъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, Контора о пекунствѣ Новороссійскихъ иностранныхъ поселенцевъ ²⁾. Инструкція, утвержденная для Новороссійской конторы 26-го іюля 1800 г. ³⁾, почти тождественна съ инструкціей, данной Саратовской конторѣ; но въ ней обращаютъ на себя вниманіе пункты 8 и 9. Въ п. 8-мъ конторѣ предлагается приохочивать колонистовъ къ разведенію искусственныхъ луговъ, къ насажденію тутовыхъ деревьевъ, виноградныхъ лозъ, кунжутнаго сѣмени и другихъ полезныхъ растений, къ умноженію овчарныхъ лучшихъ породъ и къ заведенію полотняныхъ, сукоинныхъ, кожевенныхъ и другихъ фабрикъ, которыя по климату, по упражненіямъ и знанію иностранцевъ «устроены быть могутъ». Въ пунктѣ 9-мъ предписывалось главному судѣ и его товарищу объѣзжать ежегодно всѣ колоніи и удостовѣряться, исполняются ли всѣ постановленія и приказанія начальства.

Организуя правильную систему управленія колоніями на мѣстахъ, Экспедиція озаботилась собраніемъ точныхъ свѣдѣній о положеніи колоній въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Прежде всего Экспедиція обратила вниманіе на колоніи С.-Петербуржской губерніи, которыя подлежали ея непосредственному наблюденію и должны были служить примѣромъ благоустройства и сельскаго домоводства. Съ этою цѣлію, не ограничиваясь полученными ею письменными свѣдѣніями и справками, Экспедиція поручила члену своему, д. ст. сов. Хитрову, лично осмотрѣть означенныя колоніи и войти въ подробности ихъ хозяйства и его недостатки. Изъ обстоятельнаго описанія, представленнаго при всеподданнѣйшемъ докладѣ Экспедиціи императору, видно, что въ 4-хъ Петер-

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17011.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17372.

³⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19492.

бургскихъ колоніяхъ, основанныхъ въ 1765 и 1767 г.г.,—Софійской (по Царскосельской дорогѣ), Ижорской, Саратовской (по берегу Невы) и Ямбургской,—за переселеніемъ 272 душъ въ 1793 г. въ Екатеринославскую губернію, числилось въ 7 деревняхъ 132 двора, 500 душъ муж. и 1.257 ж. п.; на обзаведеніе ихъ затрачено было 204.776 р.; земли имъ было дано 6.356 дес., а въ уплату поземельныхъ сборовъ и въ возвратъ ссудъ причиталось ежегодно съ души: въ Софійской колоніи по 6 р. 30 к., въ Ижорской по 3 р. 75 к., въ Саратовской по 5 р. 37 к. и въ Ямбургской по 1 р. 93 к.; къ сложенію предполагалось разныхъ сборовъ съ недоимками 137.443 рубль.

Въ докладѣ своемъ Экспедиція объясняла, что если колоніи еще не приносили государству той пользы, какая отъ заведенія ихъ ожидалась, то причину этому слѣдуетъ искать въ томъ невниманіи, съ какимъ отнеслись первоначально мѣстные власти при устройствѣ колоній. Неспособность и недостатокъ земель, отведенныхъ колонистамъ, были причиною невозврата казенныхъ денегъ, безъ должной осмотрительности издержанныхъ. Экспедиція предлагала увеличить отводъ земли колонистамъ, полагая, что такой увеличенный надѣлъ могъ бы послужить къ практическому обученію поселянъ земледѣлію, къ производству разныхъ опытовъ, къ вѣдшему размноженію въ Россіи картофеля и къ заведенію небывалыхъ у насъ искусственныхъ луговъ. Экспедиція полагала освободить Петербургскія колоніи отъ разныхъ вѣдомствъ и подчинить ихъ особому смотрителю или управителю, который бы, завися единственно отъ Экспедиціи и наблюдая земскую полицію, внутреннее благоустройство и вѣрный отчетъ въ податяхъ, могъ преподавать практическія наставленія въ земледѣліи, скотоводствѣ и сельскомъ хозяйствѣ, къ обогащенію поселянъ способствующія и дѣйствительными опытами доказанныя. При этомъ Экспедиція не видѣла препятствія и къ выселенію изъ колоній желающихъ, особенно тѣхъ, которые обратятся къ ремесламъ и художествамъ, земледѣлію не свойственнымъ, ибо подать, платимая не съ душъ, а съ земли, отъ того не должна уменьшиться. Однако императоръ Павелъ, утвердивъ 20-го іюня 1797 г. всѣ предложенія Экспедиціи, не разрѣшилъ переселять петербургскихъ колонистовъ въ другія губерніи ¹⁾. Впрочемъ, уже въ октябрѣ 1799 г. ²⁾, разрѣшено было колонистамъ переходить въ мѣшанство и купечество съ разрѣшенія Экспедиціи, уплативъ предварительно причитающуюся часть долга казнѣ, а также и въ общественную сумму годовую поземельную подать одновременно.

Для обезпеченія Саратовскихъ колонистовъ землю, въ виду обна-

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18006.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18263.

руженнаго злоупотребленія мѣстныхъ властей, выразившагося въ отобраніи у колонистовъ и отдачѣ на откупъ части ихъ земель, озеръ и рыбныхъ ловель, по именному указу отъ 4-го декабря 1797 г. ¹⁾, и по высочайше утвержденному 4-го января 1798 г. докладу Экспедиціи опредѣлено было нарѣзывать Саратовскимъ колоніямъ по 20 дес. на душу, какъ изъ удобныхъ пустопорожнихъ казенныхъ земель, такъ и изъ предназначенныхъ къ пожалованію, но еще не розданныхъ.

Избытокъ имѣвшейся у нѣкоторыхъ колонистовъ земли предписывалось отрѣзывать при межеваніи и имѣть въ готовности, на тысячу семействъ, на случай новыхъ переселеній. Изъ именнаго указа 4-го сентября 1802 г. видно, что саратовскіе колонисты и въ то время все еще терпѣли нужду въ землѣ, и что поселенные для возки соли съ Эльтонскаго озера малороссіяне завладѣли отведенными колонистамъ пустошами. Означеннымъ указомъ подтверждалось о скорѣйшемъ обмежеваніи земель колонистовъ и о возстановленіи ихъ нарушенныхъ правъ ²⁾.

Для выясненія хозяйственнаго положенія новороссійскихъ колонистовъ, изъ коихъ нѣкоторые подавали императору въ 1799 г. чрезъ своихъ повѣренныхъ прошенія и жалобы на стѣсненное свое состояніе, Экспедиція командировала въ Новороссійскій край, съ высочайшаго соизволенія, совѣтника географическаго департамента, над. сов. Контевіуса. Онъ осматрѣлъ колоніи менонитовъ, прибывшихъ изъ окрестностей Данцига въ 1789, 1793 и 1796 г.г. и поселенныхъ частію въ Павлоградскомъ и въ Новомосковскомъ уѣздахъ, а также вблизи отъ Новороссійска.

Менониты прибыли въ числѣ 406 семействъ; нѣкоторые изъ нихъ по два года ожидали отвода земель, а обѣщанныя ссуды получаемы ими были раздробительно, по мелочамъ, съ большими стѣсненіями и потому, издержавъ полученныя деньги на свое пропитаніе, они не могли привести своего хозяйства въ порядокъ, несмотря на все свое трудолюбіе и порядочность, тѣмъ болѣе, что и земли, имъ отведенныя на высокихъ, безводныхъ мѣстахъ, не могли давать хорошаго урожая, а недостатокъ пастбищъ и сѣна лишалъ ихъ возможности развивать свое скотоводство. Приведенный колонистами иностранный скотъ и лошади большею частію пали въ жестокія зимы отъ безкормицы.

Шведскіе колонисты или крестьяне въ 1787 г. переведены были съ о. Даго въ числѣ 904 д. об. п. и поселены близъ г. Бреслава въ Херсонскомъ у., въ колоніи, названной Шведскою. Къ нимъ впослѣдствіи, по распоряженію князя Потемкина, приселено было 31 человекъ изъ плѣнныхъ шведовъ, пожелавшихъ остаться въ Россіи. Но

¹⁾ П. С. З., т. XXV, № 18305.

²⁾ П. С. З. т. XXVII, № 20403.

изъ всѣхъ 935 душъ въ живыхъ осталось только 157, остальные умерли или въ дорогѣ, или въ колоніи отъ болѣзней, частію вслѣдствіе переменъ климата, частію отъ необыкновенно худой пищи, отъ неимѣнія домовъ и по недостатку другихъ нужныхъ потребностей. Хлѣбъ, ими разводимый, страдалъ отъ засухи и отъ сусликовъ; только хорошія пастбища и рыбныя ловли давали имъ посредственный доходъ.

Экспедиція вошла въ подробное разсмотрѣніе нуждъ и всѣхъ прочихъ новороссійскихъ колонистовъ и выяснила, что можетъ быть сдѣлано для ихъ облегченія, какъ по обезпеченію землею, такъ и по платежу ими долговъ.

Вполнѣ одобряя всѣ заключенія Экспедиціи, Сенатъ предложилъ учредить Контору новороссійскихъ иностранныхъ поселенцевъ съ назначеніемъ въ нее главнымъ судьбою над. сов. Контеніуса, а товарищемъ его директора новороссійскихъ колоній Бриганци. Докладъ Сената былъ утвержденъ императоромъ 6-го апрѣля 1800 г. ¹⁾

Тому же кол. сов. Контеніусу поручено было, на возвратномъ пути изъ Новороссійской губерніи, ознакомиться съ положеніемъ колонистовъ, поселенныхъ въ Бѣловежской пущѣ, въ Малороссійской губерніи, и представить свои соображенія о мѣрахъ къ исправленію ихъ состоянія. Изъ доставленныхъ Контеніусомъ свѣдѣній оказалось, что на Бѣловежской пущѣ первоначально поселено было 742 об. п. душъ, вызванныхъ въ 1765 и 1766 г.г. изъ окрестностей Франкфурга-на-Майнѣ и изъ-подъ Данцига и Эльбинга.

Большая смертность между колонистами въ первые годы ихъ поселенія объясняется тѣмъ, что мастеровые и фабриканты, не получивъ обѣщанныхъ имъ по контракту домовъ, построили себѣ собственныя хаты, въ которыхъ бѣдствовали, перейдя къ хлѣбопашеству. Земледѣльцы же занимались имъ съ трудолюбіемъ и раченіемъ, хотя не могли, по недостатку пастбищъ и сѣнокосовъ, распространять свое хозяйство. Контеніусъ насчиталъ во всей колоніи только 12 хозяевъ съ хорошимъ достаткомъ; 80 имѣли посредственный, 116 безбѣдное пропитаніе и 13 бѣдныхъ по собственному нерадѣнію.

На основаніи собранныхъ Контеніусомъ и разсмотрѣнныхъ Экспедиціею свѣдѣній, Сенатъ опредѣлилъ: надѣлать 160 семей бѣловежскихъ колонистовъ землею по 30 дес. на каждое семейство и подчинить бѣловежскія колоніи Новороссійской конторѣ

На докладѣ Сената 21-го августа 1800 г. ²⁾ послѣдовала слѣдующая резолюція Павла I: «Начать тѣмъ, что намѣрить земли нужное ко-

¹⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19372.

²⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19523.

личество, какъ въ нѣмецкой землѣ водится, потому сію землю рассортировать на три рода и тогда по ихъ тамошнему обряду установить работу и образъ подати, точно такъ, какъ въ ихъ земляхъ обычно».

Собирая свѣдѣнія объ иностранныхъ поселенцахъ, въ Россіи водворившихся, Экспедиція вошла, между прочимъ, въ разсмотрѣніе правъ болгаръ, которые, по заявленію ихъ, выѣхали на основаніи манифеста 22-го іюля 1763 г. и поселились на земляхъ Братскаго монастыря, въ Кіевской губ., по контракту изъ платежа 10 руб. чиншевыхъ денегъ. Въ 1786 г., когда монастырскія имѣнія поступили въ казну, означенные поселенцы были поверстаны въ казенные поселяне.

По высочайше утвержденному 11-го августа 1800 г. докладу, Сенатъ, согласно съ заключеніемъ Экспедиціи, не призналъ возможнымъ считать болгаръ колонистами, такъ какъ они были вызваны не казною, и полагалъ оставить ихъ въ званіи казенныхъ поселянъ, надѣлать 15 дес. пропорціею на душу и, снявъ съ нихъ чиншевой платежъ, обложить податями, наравнѣ съ прочими крестьянами ¹⁾).

Но вслѣдъ за тѣмъ, уже въ царствованіе Александра I, Экспедиціи пришлось заняться устройствомъ быта грековъ и болгаръ, спасавшихся отъ разбойниковъ изъ Адрианопольскаго округа. Первая партія такихъ переселенцевъ прибыла на одномъ русскомъ суднѣ, укрывшемся отъ бури у румелійскихъ береговъ, и состояла изъ 19 семействъ и 148 душъ об. п. Вслѣдствіе рапорта новороссійскаго губернатора Миклашевскаго, пріютившаго этихъ поселенцевъ на первыхъ порахъ въ карантинѣ г. Одессы, разрѣшено было Экспедиціи принять ихъ на свое содержаніе и озаботиться водвореніемъ на основаніи узаконеній объ иностранныхъ поселенцахъ ²⁾). Между тѣмъ были приняты мѣры къ приему изъ-за границы новыхъ такихъ же переселенцевъ, такъ какъ, по заявленію первой партіи, подобныхъ имъ лицъ было до 300 деревень и около 7.000 душъ.

Права переселенцевъ изъ грековъ и болгаръ опредѣлены были высочайше утвержденнымъ 2-го января 1802 г. докладомъ Сената ³⁾, и они поселены были въ Мариупольскомъ уѣздѣ, по рѣкамъ Бердѣ, Молочной и другимъ ⁴⁾).

¹⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19512.

²⁾ П. С. З., т. XXVI, № 20035.

³⁾ П. С. З., т. XXVII, № 20103.

⁴⁾ П. С. З., т. XXVII, № 20343.

VI.

Стремясь къ распространенію свѣдѣній по земледѣлю среди поселянъ, къ обезпеченію ихъ землею и продовольствіемъ, Экспедиція въ то же время заботилась и о водвореніи новыхъ культуръ, особенно въ южныхъ окраинахъ Россіи, гдѣ климатъ и почва допускали воздѣлываніе болѣе цѣнныхъ растений. Такъ Экспедиціе были приняты послѣдовательно весьма усиленные мѣры для разведенія тутовыхъ деревьевъ, винограда и вообще для распространенія и улучшенія садоводства.

Въ началѣ 1801 г., членъ Экспедиціи Габлицъ представилъ записку ¹⁾ о пользѣ и возможности разведенія въ Россіи кунжутнаго сѣмени, которое въ разныхъ странахъ Азіи, а также въ Греціи и на многихъ островахъ Средиземнаго моря, а отчасти и въ Молдавіи, сѣется ежегодно на поляхъ, для полученія изъ него «презязнаго рода масла». Это масло, по мнѣнію автора записки, могло бы съ большою пользою замѣнить всѣ другія постныя масла, употребляемыя въ пищу, а также и оливковое. Самъ Габлицъ пытался разводить это растеніе въ Астрахани и въ Крыму и убѣдился въ возможности сдѣлать его въ Россіи «домашнимъ». Для достиженія этой цѣли онъ предложилъ: въ тѣхъ губерніяхъ, которыя по климату своему удобны для разведенія кунжута (Астраханской, Саратовской, Слободско-Украинской, Новороссійской, Киевской и Подольской) за этого рода опыты назначать жителямъ различныя поощренія, смотря по ихъ состоянію: о помѣщикахъ представлять на высочайшее благоусмотрѣніе, крестьянамъ за каждый пудъ масла, который будетъ ими выдѣланъ, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ выдавать по 25 копѣекъ, оставляя имъ масло въ собственность; купцамъ, если кто изъ нихъ сдѣлаетъ въ годъ не менѣе ста пудовъ масла, давать медали для ношенія на груди. Кромѣ того онъ находилъ полезнымъ высочайше утвержденную раздачу казенныхъ земель подъ шелководство распространить и на разведеніе кунжута, раздавая участки отъ 20 до 100 десятинъ, съ обязательствомъ, чтобы четвертую часть засѣвать всегда кунжутомъ; если же кто въ теченіе двухъ лѣтъ по полученіи земли и сѣмянъ этого не исполнитъ, то землю отбирать обратно въ казну, со взысканіемъ по 20 копѣекъ съ десятины за каждый годъ владѣнія землею. Заготовленіе сѣмянъ для желающихъ приступить къ ихъ посѣву должна была принять на себя Экспедиція; раздача же сѣмянъ и наблюденіе за ихъ посѣвомъ должны были быть возложены на смотрителей шелководства, подъ главнымъ вѣдѣніемъ главнаго инспектора надъ шелководствомъ, барона Биберштейна, который, обстоятельно зная бо-

¹⁾ Дѣло Экспедиціи № 13875.

танику, могъ бы снабдить смотрителей особыми инструкціями, соображаясь съ климатомъ и качествами земли каждой губерніи. На основаніи этой записки, Экспедиціею былъ составленъ всеподданнѣйшій докладъ, который и удостоился высочайшаго утвержденія 7-го марта 1801 г. ¹⁾. Въслѣдъ за тѣмъ были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія о выпискѣ кунжутныхъ сѣмянъ изъ Персіи и Бухары и о раздачѣ ихъ для посѣва, и напечатано отдѣльною брошюрою составленное Габлицемъ «Наставленіе о разведеніи въ Россіи кунжутнаго сѣмени».

При этомъ наставленіи было роздано частнымъ лицамъ около 40 пудовъ сѣмянъ для посѣва; но, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубея отъ 21-го апрѣля 1803 г., урожай только въ немногихъ мѣстахъ былъ посредственный; въ губерніяхъ же Саратовской, Слободско-Украинской, Кіевской, Подольской и даже въ Крыму «заведеніе сіе не имѣло никакого успѣха».

VII.

Лѣсная часть также не осталась чужда Экспедиціи Государственнаго Хозяйства. Забота о сохраненіи лѣсовъ, какъ для нуждъ морскаго вѣдомства, такъ и для обезпеченія населенія строительнымъ матеріаломъ и топливомъ, проявлялась неоднократно въ указахъ Павла Петровича. Павелъ любилъ лѣсъ и во время своихъ путешествій по разнымъ губерніямъ обращалъ вниманіе на состояніе лѣсовъ и на злоупотребленія по лѣсной части, чтó и вызывало съ его стороны строгіе указы, или непосредственно губернаторамъ, или Сенату, о принятіи надлежащихъ мѣръ къ сбереженію лѣсовъ и о взысканіи съ виновныхъ ²⁾.

По именному указу 31-го марта 1797 года ³⁾, вся лѣсная часть присоединена была къ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства съ тѣмъ, чтобы отъ нея же зависѣла и лѣсная часть по Адмиралтейству и чтобы были заведены особые вальдмейстеры. Изъ собранныхъ Экспедиціею свѣдѣній о казенныхъ лѣсахъ оказалось, что они были приведены въ извѣстность только по 7 губерніямъ: С.-Петербургской, Костром-

¹⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19771.

²⁾ „Столѣтіе учрежденія Лѣснаго Департамента. 1798—1898 гг. Спб. 1898 г., стр. 14—22. См. также именныя указы Павла I, въ Полн. Собр. Законовъ т. XXIV, № 17959, XXV, № 18527, и въ Сенатскомъ Архивѣ: I. Спб. 1888, указы: 28-го іюля 1797 г. (стр. 265), 8-го февраля 1799 г. (стр. 494), 8-го іюня 1799 г. (стр. 532) и 27-го іюня 1799 г. (стр. 540).

³⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17897.

ской, Воронежской, Курской, Орловской, Вологодской и Псковской, и что по Курляндской губерніи существовали уже особыя надъ лѣсами надзирательства, на основаніи узаконеній, изданныхъ при герцогахъ. Поэтому, какъ въ видахъ сохраненія лѣсовъ для прочнаго на будущее время снабженія флота, такъ и для правильнаго употребленія каждаго рода деревъ, на чтѣ они пригодны, а равно въ видахъ разведенія лѣса для отвращенія нужды, претерпѣваемой въ нѣкоторыхъ губерніяхъ по недостатку его, Экспедиція полагала учредить, вмѣсто вальдмейстеровъ, оберъ-форстмейстеровъ и форстмейстеровъ, такъ какъ къ обязанностямъ ихъ должно относиться не только сохраненіе, но и разведеніе вновь лѣса. Съ этою цѣлью Экспедиція составила болѣе полныя штаты только для 7 вышепоименованныхъ губерній, въ прочія же полагала опредѣлить по одному форстмейстеру съ нужнымъ числомъ землемѣровъ впредь до окончанія измѣренія казенныхъ лѣсовъ, положенія ихъ на планы и обозначенія на генеральныхъ картахъ, когда явится возможность ввести дѣятельное управленіе всѣми лѣсами государственными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ составлены были инструкція оберъ-форстмейстеру и форстмейстеру и общія правила, могущія служить руководствомъ и наставленіемъ о всѣхъ лѣсахъ, растущихъ въ Россіи, и о деревьяхъ иностранныхъ, могущихъ произростать въ ней.

Докладъ Экспедиціи, по разсмотрѣніи и одобреніи его въ общемъ Сената собраніи, былъ высочайше утвержденъ 12-го марта 1798 г. ¹⁾ вмѣстѣ со штатомъ лѣснаго управленія, инструкціею и руководствомъ, при чемъ въ особенную обязанность Экспедиціи поставлено было возможно чаще доносить объ успѣхахъ этого дѣла.

Впрочемъ, лѣсная часть не долго оставалась въ вѣдѣніи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства: уже 26-го мая 1798 г. послѣдовалъ указъ Сенату ²⁾ объ обращеніи всѣхъ казенныхъ лѣсовъ, а также состоящихъ на земляхъ экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ, въ вѣдѣніе Адмиралтействъ-Коллегіи вмѣстѣ со всѣми чиновниками, форстмейстерами и вальдмейстерами и съ ассигнованными на нихъ суммами. Одновременно и Адмиралтействъ-Коллегіи былъ данъ указъ ³⁾ о скорѣйшемъ примѣненіи вальдмейстерской и форстмейстерской инструкціи, о приведеніи означенныхъ лѣсовъ въ точную извѣстность съ

¹⁾ П. С. З., т. XXV, № 18429.

²⁾ П. С. З., т. XXV, № 18533.

³⁾ П. С. З., т. XXV, № 18534. Указы 26-го мая 1798 г. состоялись, судя по журналу, веденному во время путешествія Павла I, вслѣдствіе донесенія ген. лейт. Ласси и разговоровъ въ Казани объ истребленіи казенныхъ рощъ и лѣсовъ („См. Русск. Старина“, 1892 г. сентябрь, стр. 30 и Столѣтіе учрежд. Лѣснаго Департамента, стр. 17).

нанесеніемъ ихъ на генеральныя планы и карты, о прекращеніи всѣхъ вкравшихся въ истребленіи лѣсовъ злоупотребленій, о воспрещеніи рубить лѣсъ изъ казенныхъ дачъ безъ билета отъ Адмиралтействъ-Коллегіи, и о заведеніи новыхъ рощъ посѣвами и посадками на казенныхъ земляхъ, лежащихъ близъ рѣкъ. Для завѣдыванія лѣсною частію въ Адмиралтействъ-Коллегіи учрежденъ былъ, при Интендантской Экспедиціи, особый, Лѣсной департаментъ.

Къ числу мѣръ, принятыхъ во время состоянія лѣсной части въ вѣдѣніи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, для сохраненія лѣсовъ, слѣдуетъ отнести и упомянутое выше учрежденіе въ имѣніи члена Экспедиціи, дѣйств. статскаго совѣтника Львова, училища земляно-битнаго строенія и данное Львову разрѣшеніе продолжать разработку вольными людьми открытаго имъ на р. Мстѣ, около г. Боровичъ, землянаго угля, признаннаго по опытамъ годнымъ на разныя хозяйственныя и заводскія надобности. Открытіе это, по заявленію именнаго высочайшаго указа 21-го августа 1797 года ¹⁾, считалось заслуживающимъ вниманія, не только потому, что оно могло послужить къ сохраненію лѣсовъ, но и потому, что могло сберегать значительныя суммы, ежегодно за иностранный уголь изъ государства выходящія.

Нельзя также обойти здѣсь молчаніемъ всеподданнѣйшій докладъ Экспедиціи по поводу переданнаго ей по высочайшему повелѣнію донесенія орловскаго посадскаго Михаила Неручева, что истребленіе малорослыхъ липовыхъ лѣсовъ снятіемъ съ нихъ лыкъ на дѣланіе лаптей, возвышая цѣну на рожи и лубки, приноситъ казнѣ и частнымъ лицамъ дороговизною сихъ вещей большіе убытки. Экспедиція, подробно разсмотрѣвъ это заявленіе, нашла, что хотя указами 1715 и 1720 годовъ было запрещено въ числѣ прочихъ деревъ рубить также липу, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа и тѣлеснаго наказанія, но такое запрещеніе отмѣнено было указомъ Петра Великаго 26-го января 1721 г. вслѣдствіе оказавшихся для народа стѣсненій и разоренія. Въ виду такой ясности и уважительности закона, а также и того, что липа по свойству своему ни на какое важное строеніе употребляема быть не можетъ, а носеніе лаптей составляетъ обычную и съ климатомъ свойственную обувь поселянъ, Экспедиція признала, что запрещеніе драть лыки послужило бы единственно къ отягощенію народному, безъ дальней пользы лѣсамъ, и что по сей части замѣчаніе Неручева не заслуживаетъ вниманія. Докладъ Экспедиціи былъ утвержденъ императоромъ 21-го ноября 1797 года ²⁾.

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18104.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18251.

VIII.

Дѣятельность Экспедиціи по улучшенію скотоводства въ Россіи не ограничилась разсмотрѣніемъ только частныхъ проектовъ объ учрежденіи образцовыхъ племенныхъ заводовъ рогатаго скота и овецъ и особаго скотоврачебнаго училища: по инициативѣ Экспедиціи были приняты нѣкоторые положительныя мѣры въ этомъ направленіи, и сверхъ того отмѣнены нѣкоторые стѣснительныя обычаи, мѣшавшіе свободному развитію скотоводства.

Надворный совѣтникъ Эли представлялъ между прочимъ Экспедиціи, что «для разведенія въ Россіи лучшаго рогатаго скота и овецъ необходимо учредить заводъ изъ лучшихъ иностранныхъ породъ, а при заводѣ — лѣчебное училище для скотскихъ болѣзней, по примѣру учрежденнаго въ Австріи». По поводу такого предложенія Экспедиція высказалась, что польза, произойти могущая отъ поправленія и размноженія скотоводства выписными лучшими породами рогатаго скота и овецъ, неоспорима; но учрежденіе одного на то завода въ какомъ-нибудь мѣстѣ, по обширности Россіи, недостаточно, а для скорѣйшаго и лучшаго въ томъ успѣха полезнѣе было бы учредить отъ казны въ разныхъ мѣстахъ небольшіе заводы.

«Учрежденіе скотскаго лѣчебнаго училища, — писала Экспедиція, — есть одно изъ полезнѣйшихъ заведеній для Россійскаго государства необходимо нужное, но по сіе еще время не существующее; въ немъ заключается польза и частная, и общественная всего государства. Скотская врачевная наука, составляющая особую часть медицины, доселѣ нигдѣ въ Россіи не была преподаваема, а отъ неимѣнія искусныхъ по сей части людей бываютъ частыя бѣдствія отъ скотскихъ по разнымъ мѣстамъ падежей и важный уронъ въ лошадяхъ по кавалеріи. И для того Экспедиція, почитая нужнымъ заведеніе такого рода училища, не преминетъ составить начертаніе оному»¹⁾.

Дѣйствительно, въ концѣ 1797 года въ Экспедиціи былъ выработанъ проектъ учрежденія «скотскаго врачевнаго училища», который и былъ представленъ генераль-прокуроромъ на высочайшее усмотрѣніе. Императоръ Павелъ повелѣлъ: «дабы мѣсто къ учрежденію сего училища назначено было по близости города Гатчины, чему могутъ способствовать тамошнія воды и выгодное состояніе кормовъ, и чтобы на дѣйствительное всего сего исполненіе учиненъ и представленъ былъ планъ». Экспедиція, принимая въ примѣръ однородныя заведенія въ Вѣнѣ и Берлинѣ, признала прежде всего необходимымъ сдѣлать

¹⁾ Дѣло Экспедиціи № 13861 (по Архиву М. Г. И.).

распоряженіе о выпискѣ оттуда по одному профессору и по одному адъютанту; войдя для этого въ сношенія съ русскими послами, которые могли бы прислать подходящихъ людей; подробное же составленіе плана и смѣты на постройку училища принялъ на себя членъ Экспедиціи Габлицъ. Стоимость всѣхъ необходимыхъ для училища построекъ была имъ опредѣлена (примѣрно) въ 93.694 р. 70 к.

Русскій посолъ въ Берлинѣ, графъ Н. И. Панинъ, по сдѣланному съ нимъ сношенію, обратился къ профессору мѣстнаго ветеринарнаго института Науману, который отвѣчалъ, что прислать подходящихъ профессоровъ очень трудно, такъ какъ, хотя въ Берлинѣ и не мало ученыхъ людей, но, не взирая на ихъ знаніе и искусство, въ русскую службу ихъ принять вельзя, «по причинѣ превратныхъ ихъ правилъ». Въ виду этого профессоръ Науманъ предлагалъ или прислать въ Берлинскій ветеринарный институтъ способныхъ русскихъ студентовъ, которые, пройдя четырехлѣтній курсъ, могли бы затѣмъ быть въ Россіи профессорами,—или же, для избѣжанія потери времени, принять на русскую службу его самого. При этомъ профессоръ требовалъ: чтобы его назначили директоромъ учреждаемаго училища, съ чиномъ военнаго генерала; чтобы ему дано было 4.000 р. въ годъ жалованья, при казенной квартирѣ съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, канцелярскими принадлежностями, лошадьми и экипажами; чтобы на казенный счетъ были приняты его путевыя издержки и, сверхъ того, дано 4.000 р. единовременнаго пособія въ вознагражденіе за убытки, могущіе быть при продажѣ его движимости; чтобы въ случаѣ, если онъ будетъ вынужденъ оставить службу по болѣзни, ему была назначена пожизненная пенсія, при готовой квартирѣ, въ 2.000 р., и такая же пенсія, но безъ квартиры, если онъ, прослуживъ 10 лѣтъ, пожелаетъ возвратиться на родину; наконецъ, чтобы всѣ назначенія учебнаго персонала зависѣли исключительно отъ него, какъ директора и полнаго распорядителя училища. Къ своей запискѣ проф. Науманъ приложилъ и учебный планъ предполагаемаго училища, для котораго, по его мнѣнію, на первый разъ достаточно было бы четырехъ профессоровъ, аптекаря съ провизоромъ и двухъ ученыхъ кузнецовъ дляковки лошадей.

Русскій посолъ въ Вѣнѣ, графъ А. К. Разумовскій также отыскалъ одного профессора, соглашавшагося ѣхать въ Россію, но предложившаго совершенно несоразмѣрныя условія.

Признавая «непреодолимыя затрудненія въ присканіи людей способныхъ и достойныхъ, которыхъ бы можно было вызвать въ Россію для учрежденія школы скотскаго врачевства», Экспедиція сочла болѣе удобнымъ, «избравъ нѣсколько человѣкъ изъ находящихся во врачебныхъ училищахъ молодыхъ людей, пріобрѣвшихъ уже достаточныя познанія въ физиологіи, анатоміи, патологіи и прочихъ частяхъ, къ враче-

*

ванію челоуѣка потребныхъ, и знающихъ латинскій и нѣмецкій языки, отправить ихъ въ Берлинъ или Вѣну на три года для изученія основательно всего скотнаго врачеванія въ тамошнихъ училищахъ», а въ Россіи учрежденіе такого училища отложить до возвращенія этихъ будущихъ профессоровъ.

Между тѣмъ, въ 1798 году въ разныхъ мѣстностяхъ Эстляндіи и Лифляндіи открылся падежъ скота, вслѣдствіе чего состоялось высочайшее повелѣніе, «чтобы отъ Экспедиціи при открывающихся гдѣ-либо скотскихъ болѣзняхъ были посылаемы знающіе въ сей части люди для принятія скорѣйшихъ и благонадежнѣйшихъ мѣръ къ пресѣченію оныхъ». Докторъ Уденъ, жившій въ то время въ Новгородской губерніи, котораго Экспедиція желала привлечь къ этому дѣлу, также представилъ проектъ учрежденія, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Экспедиціи, «первоначальнаго» ветеринарнаго училища, въ которомъ самъ онъ вызывался преподавать всѣ необходимые предметы, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, когда возвратятся изъ-за границы посылаемые туда для изученія ветеринарнаго дѣла студенты, можно было постепенно преобразовать это училище въ полный ветеринарный институтъ. Ежегодные расходы на содержаніе проектированнаго д-ромъ Уденомъ училища исчислялись въ 15.000 рублей. Экспедиція, вполне одобряя проектъ д-ра Удена, указала источникъ для покрытія этого расхода—изъ суммъ, остающихся ежегодно отъ печатанія вексельныхъ бланковъ. Штатъ предполагаемаго училища долженъ былъ состоять изъ одного оберъ-инспектора, который преподавалъ бы и всѣ предметы ветеринарнаго курса, одного унтеръ-инспектора, трехъ лѣкарей, 6 подлѣкарей, двухъ прозекторовъ и одного канцеляриста.

Мнѣніе Экспедиціи было представлено на разсмотрѣніе 1-го департамента Сената, который его утвердилъ; но главный директоръ медицинской коллегіи, баронъ Васильевъ, не соглашаясь съ предложеннымъ штатомъ, предложилъ ввести въ немъ нѣкоторыя измѣненія. Хотя Экспедиція приняла это предложеніе къ исполненію, но училище не было открыто ¹⁾.

Въ ноябрѣ 1802 года докторъ Рензингъ, акушеръ и членъ врачебной управы въ Казани, изучившій, между прочимъ, и ветеринарное дѣло, подалъ на имя вдовствующей императрицы Маріи Феодоровны прошеніе объ учрежденіи «школы скотоврачеванія» съ проектомъ устройства этой школы. Указывая на необходимость и пользу такого заведенія, въ которомъ можно было бы лѣчить лошадей изъ кавалерійскихъ полковъ, а также—дворянскихъ и крестьянскихъ, авторъ проекта предлагалъ устроить школу «въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы,

¹⁾ Дѣло Экспедиціи № 13874 (по Архиву М. Г. И.).

какъ средоточія всего государства», а для обученія въ ней командировать людей изъ кавалерійскихъ полковъ, принимая также и постороннихъ лицъ «за порядочную плату». При этомъ авторъ находилъ полезнымъ «установить, чтобы нѣкоторое число лицъ, назначаемыхъ сельскими священниками, были принимаемы на одинъ годъ въ институтъ для пріобрѣтенія необходимыхъ познаній, для подачи поселянамъ полезныхъ совѣтовъ». Проектъ Рензинга былъ переданъ на разсмотрѣніе Экспедиціи, но о дальнѣйшей его судьбѣ свѣдѣній не имѣется ¹⁾.

Въ 1797 г. членомъ Экспедиціи, статскимъ совѣтникомъ Габлицемъ, былъ представленъ проектъ объ отиѣннѣ существовавшего въ Крыму и Новороссійскомъ краѣ сбора за пастбу скота. «Сборъ этотъ, установленный еще татарскими ханами»,—писалъ авторъ проекта,—«продолжается и по присоединеніи Крыма къ Россіи на прежнемъ основаніи и простирается отъ 10 до 12 тысячъ рублей ежегодно. Не принося казнѣ большой прибыли, онъ служитъ единственно къ угнетенію во всей тамошней странѣ хотя обильнаго, но гораздо еще больше распространиться могущаго скотоводства; а потому необходимо этотъ сборъ, ни на какомъ Россійскомъ законѣ, а единственно на прежнемъ татарскомъ установленіи основанный, на предбудущее время съ казенной стороны уничтожить».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ проекта предлагалъ учредить въ Крыму, по примѣру предположенныхъ конскихъ заводовъ, небольшой заводъ испанскихъ овецъ ²⁾.

Записка Габлица послужила для Экспедиціи поводомъ представить императору два обстоятельныхъ доклада о нуждахъ отечественнаго скотоводства въ связи съ нашей мануфактурной промышленностью и тѣмъ отвѣтить отчасти на именной указъ, данный 8 марта 1797 года ³⁾ генераль-прокурору, о томъ, чтобы онъ обратилъ вниманіе Экспедиціи на постоянно возрастающую дороговизну продуктовъ необходимыхъ для морскихъ и сухопутныхъ войскъ. Считая главнѣйшею причиною таковой дороговизны отпускъ означенныхъ продуктовъ за границу, не соразмѣрный съ собственными Имперіи надобностями и съ количествомъ ежегодно отпускаемыхъ земледѣльцами и фабрикантами отъ своихъ хозяйствъ, императоръ повелѣвалъ предложить уваженію Экспедиціи, чтобы она,—собравъ нужныя свѣдѣнія: 1) сколько таковыхъ продуктовъ выходитъ изъ первыхъ рукъ земледѣльцевъ и изъ фабрикъ, 2) что потребно на внутреннія по государству надобности, и 3) что затѣмъ на-

¹⁾ Дѣло Экспедиціи № 13949 (по Архиву М. Г. И.).

²⁾ Дѣло Экспедиціи № 13860 (по Архиву М. Г. И.).

³⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17874.

значено вывозить за границу,—сдѣлала свои соображенія и мнѣніе свое представила на высочайшее разсмотрѣніе.

Докладъ свой Экспедиція начинала слѣдующими словами: «Для исполненія благотворительныхъ намѣреній вашего императорскаго величества къ приведенію въ лучшее состояніе земледѣлія и сельскаго въ Россіи хозяйства, Экспедиція обратила вниманіе свое на обильное, вѣще умножиться могущее скотоводство, имѣющее великое отношеніе къ хлѣбопашеству, фабрикамъ, мануфактурамъ, заводамъ, внѣшней и внутренней торговлѣ».

Указавъ, что полуденное положеніе нѣкоторыхъ губерній и обширныя въ нихъ степи преимущественную предъ прочими мѣстами представляютъ способность къ скотоводству, и что наиболѣе къ этому удобна бывшая область Таврическая, присоединенная къ Новороссійской губерніи, ибо въ томъ краю привольныя и степныя мѣста побудили не только татаръ съ давнихъ временъ къ веденію многочисленныхъ стадъ, но и изъ смежныхъ россійскихъ губерній и даже изъ Молдавіи, до вывода изъ Бессарабіи кочевавшихъ татарскихъ ордъ, пригонялся ежегодно скотъ для зимованія въ Тавриду, Экспедиція заявляла, что установленный еще со временъ ханскаго владычества сборъ въ казну пошлины за пастьбу скота въ Тавридѣ стѣсняетъ свободу жителей и ограничиваетъ природную ихъ промышленность. Такъ какъ многія земли по Днѣпру розданы были помѣщикамъ, то и сія послѣдніе присвоили себѣ такое же право сбора за пастьбу скота на своихъ земляхъ. Такимъ образомъ хозяевамъ скота нерѣдко приходилось платить двойную и даже тройную дань, смотря по принадлежности земель, черезъ которыя они прогоняли или на которыхъ пасли свой скотъ.

По мнѣнію Экспедиціи, хотя казна и можетъ, съ уничтоженіемъ означеннаго сбора, лишиться ежегоднаго дохода отъ 10 до 12 т. руб., но эта потеря должна вознаградиться произведеніями, отъ свободнаго скотоводства получаемыми, для удовлетворенія домашнихъ въ государствахъ фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ; остающіеся же избытки въ разныхъ произведеніяхъ, вывозомъ въ чужіе края по Черному морю, увеличатъ государственную прибыль, въ видѣ пошлинныхъ сборовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Экспедиція полагала, что свободное на казенныхъ пажитяхъ скотоводство принудитъ и помѣщиковъ уменьшить взимаемый за пастьбу скота сборъ, а хозяева чрезъ то поощрятся не только къ размноженію скота, но и къ заведенію лучшихъ породъ. Для большаго споспѣшествованія такому улучшенію, Экспедиція находила полезнымъ, по примѣру предположеннаго уже въ томъ краѣ конскаго завода, учредить небольшой заводъ испанскихъ овецъ. Пользуясь лучшаго рода баранами этого завода, жители могли бы скорѣе поправить породу горскихъ овецъ, изяществомъ волны отличающихся;

притомъ и размноженіе ангорскихъ козь, сносящихъ весьма удобно тамошній климатъ, придастъ скотоводству бѣльшее совершенство и для мануфактуръ принесетъ ощутительную пользу. Представленіе Экспедиціи, какъ объ учрежденіи въ Таврическомъ краѣ овчарнаго завода, такъ и объ отѣнѣ сбора за пастбу скота на казенныхъ земляхъ, было утверждено высочайшею резолюціею: «быть по сему» 20-го іюня 1797 года ¹⁾. Вслѣдъ за этимъ докладомъ, Экспедиція представила новый докладъ съ подробными соображеніями объ устройствѣ овчарнаго завода въ Тавридѣ и о расходахъ на выписку овецъ изъ Испаніи и на содержаніе завода ²⁾. Примѣняясь къ способу содержанія лучшихъ испанскихъ овецъ въ ихъ отечественной землѣ, требующему по временамъ года разныхъ перемѣняныхъ для нихъ пастбищъ, Экспедиція не считала нужнымъ опредѣлять въ Тавридѣ особеннаго мѣста для заводскаго устройства, не полагала, что должно ему быть, по примѣру испанскихъ заводовъ, лѣтомъ и зимою подвижнымъ. Климатъ Тавриды представлялся для того вполне подходящимъ. Вершины приморскихъ горъ почти отъ Балаклавы до Судака, принадлежавшія казнѣ, могли послужить для лѣтняго пастбища; съ октября же до апрѣля мѣсяца стада должны быть перегонаемы въ южныя приморскія долины, принадлежащія преимущественно частнымъ лицамъ, коимъ за зимовье стада въ ихъ урочищахъ платится обыкновенно съ каждой сотни овецъ по одной овцѣ съ ягненкомъ, т. е. около 3 рублей. Нѣтъ также надобности заводить для овецъ строеній, требующихъ большихъ расходовъ, а достаточно имѣть для ночнаго и ненастнаго времени загонъ и сарай изъ хвороста, а для овчаровъ и пастуховъ палатки или на зиму войлочныя татарскія кибатки. Поэтому на предварительный расходъ по устройству завода требовалось не болѣе 500 руб. одновременно.

Вмѣстѣ съ баранами предполагалось выписать особой породы собакъ, употребляемыхъ при овчарняхъ и овчаровъ для присмотра за выписными баранами, для выбора лучшихъ и удобнѣйшихъ пастбищъ, для обученія таврическихъ жителей и пастуховъ, какъ содержать, размножать и сохранять племя барановъ и какъ лѣчить ихъ болѣзнями.

Сверхъ выписныхъ изъ Испаніи овчаровъ, предполагалось содержать при заводѣ наемныхъ пастуховъ изъ русскихъ поселянъ или татаръ; для ближайшаго надзора за казеннымъ заводомъ полагался смотритель съ жалованьемъ 500 руб. по примѣру получаемаго директоромъ земскаго коннаго завода.

Въ заключеніе Экспедиція испрашивала разрѣшенія: 1) выписку изъ Испаніи овецъ и доставку ихъ въ Россію поручить нашему повѣрен-

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18009.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18092.

ному въ дѣлахъ въ Мадридѣ Бюцову; 2) внутреннее устройство и распорядокъ овчарнаго завода возложить на особенное попеченіе новороссійскаго губернатора, съ подчиненіемъ ему и смотрителя завода. Утвердивъ означенный докладъ Экспедиціи 12-го августа 1797 года, Павелъ Петровичъ именнымъ указомъ, объявленнымъ генераль-прокуроромъ 15-го августа 1797 года ⁴⁾, повелѣлъ обратить особенное вниманіе, чтобы подобныя же овчарныя заводы были заведены и въ прочихъ губерніяхъ, гдѣ климатъ это дозволить.

Хотя всѣ распоряженія по выпискѣ овецъ изъ Испаніи и по отправкѣ ихъ въ Тавриду были сдѣланы Экспедиціею безъ замедленія, но выписка эта не состоялась, такъ какъ, по заявленію Бюцова, отправка овецъ чрезъ Царьградъ въ Севастополь сопряжена была въ то время съ большою опасностью по причинѣ размножившихся въ Средиземномъ морѣ французскихъ корсаровъ, которыми уже были перехвачены два нейтральныхъ корабля съ русскими товарами. Въ виду этихъ обстоятельствъ, Бюцову было предложено воздержаться отъ покупки и отправки овецъ въ Россію впредь до болѣе благоприятнаго времени. Когда въ 1799 году объявлена была Россіею война Испаніи, то тѣмъ пресѣклись совершенно всѣ средства къ полученію оттуда овецъ, а потому ассигнованнымъ для сей цѣли деньгамъ предположено было дать другое назначеніе, а именно употребить ихъ на покупку овецъ въ Англіи ⁵⁾.

Выписка овецъ изъ Испаніи осуществилась лишь въ 1803 году, по мысли министра внутреннихъ дѣлъ, графа В. П. Кочубея, при посредствѣ французскаго подданнаго, коммерціи совѣтника Рувье, которому выдана было правительствомъ пособіе въ 100.000 рублей и отведено 30.000 дес. въ Таврической губерніи, съ обязательствомъ увеличивать первоначальную покупку ста барановъ лучшей испанской породы новыми покупками испанскихъ овецъ въ Австріи и Саксоніи ⁶⁾.

Въ концѣ 1797 года, утверждая всѣ предположенныя Экспедиціею мѣры по части овцеводства, Павелъ именнымъ указомъ 8-го ноября 1797 г. ⁴⁾, повелѣлъ генераль-прокурору предложить Экспедиціи, чтобы она приступила къ составленію подобнаго проекта и объ умноженіи шерстей и о прочтѣйшей ихъ обработкѣ для дѣланія суконъ.

Во исполненіе этого новаго высочайшаго повелѣнія, Экспедиція разсуждала, что хотя введеніе въ обычай искусной стрижки шерсти

⁴⁾ П. С. З., т. XXIV, № 19093.

⁵⁾ Дѣло Экспедиціи объ учрежденіи въ Тавридѣ овчарнаго завода (1797—1803) № 15068 по архиву М. Г. И.

⁶⁾ Дѣло Экспедиціи № 15080 и Обзоръ дѣйствій Департамента Сельскаго Хозяйства. Спб. 1855, стр. 99--100.

⁴⁾ П. С. З., т. XXV, № 18240.

съ овецъ лучшаго разбора и лучшей разсортировки шерсти можетъ принести великую пользу для улучшенія добротности и прочности сукна, но главная нужда состоитъ въ количествѣ шерсти и сукна, которыхъ оказывалось недостаточно во внутреннемъ производствѣ; посему Экспедиція всеподданнѣйшимъ своимъ докладомъ испрашивала высочайшаго повелѣнія на принятіе поощрительныхъ и понудительныхъ мѣръ для побужденія помѣщиковъ и крестьянъ, въ губерніяхъ наиболѣе способныхъ къ овцеводству, къ вышшему размноженію овецъ, а также представляла о необходимости учрежденія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ новыхъ суконныхъ фабрикъ и предлагала разные способы къ поддержанію суконныхъ фабрикантовъ и къ поощренію вновь желающихъ таковыя заводить.

Докладъ Экспедиціи переданъ былъ на разсмотрѣніе учрежденнаго при дворѣ его императорскаго величества военного комиссаріата, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича, Александра Павловича, изъ членовъ: адмирала Пуцина, генерала-отъ-инфантеріи Ламба, генералъ-лейтенантовъ Вязьмитинова, барона Палена, и графа Бугсгевдена, генералъ-маіора Челищева, генералъ-адъютанта графа Кушелева, генералъ-провіантмейстера Оболянинова и генералъ-маіора князя Долгорукаго. Комитетъ одобрилъ часть предположеній Экспедиціи Государственнаго Хозяйства и съ своей стороны поднесъ государю всеподданнѣйшій докладъ 8-го января 1798 года, на основаніи коего повелѣно было изготovitъ къ подписанію императора именной указъ Сенату, состоявшійся 15-го января 1798 г. ¹⁾

Означеннымъ указомъ разрѣшалось мануфактуръ-коллегіи выдавать безпроцентныя ссуды отъ 5 до 10 лѣтъ, желающимъ заводить для солдатскихъ суконъ фабрики въ губерніяхъ Оренбургской, Астраханской, Кіевской, Подольской и Волынской, также и прочимъ фабрикантамъ, бывшимъ въ поставкѣ суконъ исправными и пришедшимъ въ разстройство, не по собственной винѣ, а въ силу несчастныхъ обстоятельствъ. Равно разрѣшалось выдавать въ задатокъ исправнымъ фабрикантамъ третью часть всей причитающейся имъ суммы. Выѣстъ съ тѣмъ воспрещенъ былъ отпускъ изъ Россіи черной овечьей шерсти, ибо она можетъ быть обращена на дѣланіе черныхъ суконъ для солдатскихъ штиблетовъ. Наконецъ, на казенной фабрикѣ, основанной въ 1794 году въ губ. Новороссійской, вмѣсто тонкихъ суконъ изъ выписныхъ испанской и шпенской шерстей, умножить выработку однихъ солдатскихъ суконъ, усиливъ дѣйствія фабрики прибавкою опытныхъ наемныхъ работниковъ.

Необходимо упомянуть здѣсь также объ одной мѣрѣ, принятой пра-

¹⁾ Дѣло Экспедиціи по высочайшему повелѣнію о размноженіи въ Россіи шерстей № 15069 по Арх. М. Г. И. Указъ 15-го янв. 1798 г. напечатанъ въ П. С. З., т. XXV, № 18323. См. также Сенатскій Архивъ, 1 стр., 342.

вительствомъ по докладу Экспедиціи по отношенію къ саловаренію. На разсмотрѣніе ея передано было, по высочайшему повелѣнію, въ ноябрѣ 1797 г. всеподданнѣйшее заявленіе уже упомянутого выше орловскаго посадскаго Михаила Неручева о томъ, что купцы Курской, Орловской, Воронежской и Слободско-Украинской губерній, закупаая въ большомъ количествѣ рогатый скотъ и овецъ для вывариванія изъ нихъ сала, производятъ къ общественному вреду уменьшеніе скота и возвышеніе цѣны мяса, что можетъ со временемъ привести къ совершенному недостатку такого важнаго для народнаго продовольствія продукта; ибо, льстясь прибыткомъ, и въ другихъ губерніяхъ начинаютъ то же дѣлать. Признавая такое заявленіе Неручева справедливымъ, такъ какъ оно подтверждалось и свидѣтельствомъ нѣкоторыхъ ея членовъ, Экспедиція находила, что хотя способъ варки скота въ котлахъ цѣлыми тушами для полученія только сала, причемъ мясо пропадаетъ, отчасти можетъ послужить къ возвышенію его цѣны, но высокая, однако не чрезмѣрная цѣна служить поощреніемъ къ скотоводству для народовъ полуденныхъ губерній; сало же, добываемое такимъ способомъ, выходитъ лучшей доброты и въ бѣльшемъ количествѣ, составляя одну изъ главныхъ статей нашего заграничнаго отпуска на сумму до 4 милліоновъ рублей. Опасаясь поэтому, чтобы чрезъ уменьшеніе количества добываемаго сала или чрезъ пониженіе его доброты не произошло вредной разности въ торговомъ балансѣ, Экспедиція полагала, не воспрещая такого образа саловаренія изъ рогатаго скота и овецъ, воспретить только, чтобы не варили на сало рогатый скотъ и овецъ, не содравши напередъ кожу и не снявши съ овецъ шерсти, дабы продукты сіи безъ пользы не пропадали, и испрашивала высочайшаго разрѣшенія запретить выварку сала изъ рогатаго скота съ кожей и шерстью, подъ опасеніемъ въ первый разъ конфискаціи товара у людей всякаго званія и взысканія денежнаго штрафа по оцѣнкѣ товара, во второй разъ—взысканія вдвое противъ перваго раза, въ третій же разъ подвергать купцовъ, мѣщанъ и поселянъ тѣлесному наказанію, а помѣщиковъ и дворянъ опубликовать указами отъ Сената во всѣ губерніи; неослабное за симъ наблюденіе поручить гражданскимъ губернаторамъ, комендантамъ, городничимъ и земскимъ исправникамъ по принадлежности. Именнымъ указомъ 21-го ноября 1797 г. ¹⁾ докладъ былъ утвержденъ, и генераль-прокурору было повелѣно предложить его Сенату для исполненія. Мѣра эта была вновь подтверждена Сенатомъ 26-го іюля 1800 г., по именному указу, состоявшемуся 13-го іюля на докладѣ Сената ²⁾. **В. Вешняковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18251.

²⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19493.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XXX¹⁾.

Ночное сраженіе.—Принцъ Голштинскій, исполняющій обязанности врача.—Графъ Воронцовъ и англійскій полковникъ Сиденгамъ.—Сраженіе при Нендорфѣ.—Дезертиръ.—Плѣненіе французскаго полковника.

Нсполня въ точности давное мнѣ приказаніе не терять не-
пріятеля изъ вида, я старался въ то же время всѣми силами
не уступать ему ни пяди земли. Такъ какъ генераль Вишери
не предпринялъ въ этотъ день никакихъ серьезныхъ дѣйствій,
то мнѣ это было не трудно. Весь день прошелъ въ незначи-
тельныхъ стычкахъ. Нѣсколько казаковъ было ранено; я взялъ
у непріятеля нѣсколько плѣнныхъ, и къ намъ присоединилось
человѣкъ десять голландскихъ дезертировъ.

Если бы генераль Вишери захотѣлъ, то онъ могъ бы ми-
гомъ справиться со мною, такъ какъ подкрѣпленіе находилось болѣе
чѣмъ въ сорока верстахъ отъ насъ, и я не зналъ, эшелонировался ли
за мною генераль баронъ Паленъ или нѣтъ.

Нерѣшительныя дѣйствія французскаго генерала показали мнѣ
неестественными и заставили меня быть еще болѣе осмотрительнымъ;
поэтому какъ только стемнѣло, я отступилъ къ Ральштадту и сталъ
бивуакомъ на огромной площади, передъ домомъ священника; самъ же,
по принятому мною разъ навсегда правилу, котораго я совѣтую дер-
жаться на войнѣ всѣмъ при подобныхъ обстоятельствахъ, я располо-
жился въ нижнемъ этажѣ дома.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ декабрь 1901 г.

Я послалъ нѣсколько отрядовъ на развѣдки направо и налево. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, дойдя до Аренсбурга, привезъ мнѣ отъ графа Шемельмана корзину превосходнаго вина, которое было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ погода была отвратительная, и мы мокли весь день.

Цѣль моихъ аванпостовъ едва не соприкасалась съ аванпостами непріятеля, и мы буквально смотрѣли имъ въ глаза. Казакамъ было насторожайше приказано не слѣшивать, а офицерамъ находиться при своихъ частяхъ и не располагаться на ночлегъ въ домахъ. У дверей моего дома стояла наготовѣ осѣдланная лошадь и небольшой отрядъ моихъ отборныхъ казаковъ.

Хотя я никогда не боялся быть застигнутымъ врасплохъ ночью, такъ какъ французы недолголюбиваютъ производить ночныя нападенія, исходъ которыхъ зачастую бываетъ сомнителенъ, однако, находясь такъ близко отъ непріятеля въ такую темную и, можно сказать, безконечную ночь, такъ какъ это было поздней осенью, я счелъ необходимымъ принять всевозможныя мѣры предосторожности.

Въ десять часовъ вечера ко мнѣ прискакалъ отрядъ кавалеріи Люцова, посланный графомъ Вальмодемомъ узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла.

Командовавшій имъ офицеръ спросилъ меня, можно ли дать отдохнуть людямъ и разсѣдлатъ лошадей; я не совѣтовалъ ему дѣлать этого, но онъ не послушался и въ ту же ночь былъ взятъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ отрядомъ.

Я легъ спать довольно поздно, окруженный своимъ штабомъ, не раздѣваясь. Впрочемъ, я и мои офицеры постоянно держались этого правила: днемъ всѣмъ разрѣшалось раздѣться, ночью же это строго воспрещалось, и такъ какъ я частенько навѣщалъ своихъ офицеровъ, то они свыклись съ подобнымъ образомъ жизни и строго исполняли это правило. Я проспалъ спокойно до трехъ часовъ утра, какъ вдругъ казакъ разбудилъ меня со словами, что «непріятель атакуетъ мои аванпосты». Казаки, проворные, какъ всегда, взнуздывали уже лошадей. Впрочемъ, я не думалъ, что атака будетъ серьезная, полагая, что какой-нибудь патруль наткнулся въ потемкахъ на одинъ изъ моихъ пикетовъ.

Въ эту минуту прискакалъ казакъ; не соскакивая съ лошади, онъ разбилъ копьемъ стекло моего окна и закричалъ мнѣ, что непріятель уже въ деревнѣ и что нашъ сотникъ изрубленъ.

Я выбѣжалъ изъ дома, не надѣвъ даже сабли и не накинувъ бурки: въ ту минуту, когда я собирался вскочить на лошадь, одинъ французскій офицеръ и нѣсколько конныхъ егерей были уже возлѣ моей квартиры. Ударомъ сабли, предназначавшимся мнѣ, былъ разсѣченъ кашмировый платокъ, повязанный у меня на шеѣ; мой ординарецъ, храбрый

Желатинцовъ, очутившійся подлѣ меня, нанесъ своимъ копьемъ такой сильный и вѣрный ударъ французскому офицеру, что выбилъ его изъ сѣдла, и онъ былъ убитъ. Непрiятель былъ вытѣсненъ изъ деревни.

Но какъ только мы выступили изъ деревни, по намъ былъ данъ залпъ изъ орудiй; по огню, освѣтившему на мгновенiе пространство, на которомъ мы находились, я увидѣлъ, что мнѣ придется имѣть дѣло съ превосходными силами и что во главѣ ихъ находилась кавалерiя, въ красныхъ мундирахъ: это были датчане. Они стремительно атаквали, безъ труда опрокинули меня и преслѣдовали во весь опоръ до Сика, т. е. цѣлыхъ двѣ нѣмецкiя мили.

Въ пяти верстахъ отъ Сика я наткнулся на пикетъ изюмскихъ гусаръ, которые были увлечены нами въ бѣгствѣ; они сообщили мнѣ, на бѣгу, что въ Сикѣ находился генераль баронъ Паленъ со своей кавалерiйской бригадою. Это обстоятельство несказанно обрадовало меня, я вздохнулъ съ облегченнымъ сердцемъ и могъ надѣяться, что намъ удастся скоро отплатить непрiятелю. Дѣйствительно, генераль Паленъ, будучи разбуженъ своимъ вѣстовымъ и услыжавъ выстрѣлы, вскочилъ на лошадь въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и поспѣшилъ мнѣ на помощь съ изюмскими гусарами.

Графъ Олоннъ (d'Olonpe), командовавшiй этимъ полкомъ, тотчасъ атаквалъ датчанъ; графъ Тиманъ съ двумя эскадронами напалъ на нихъ со стороны шоссе, а я съ обоихъ фланговъ. Начинало свѣтать; датчане поспѣшно построились въ боевой порядокъ, но ихъ часъ насталъ: ихъ полковой командиръ, храбрый Баудиссинъ былъ изрубленъ передъ полкомъ, который былъ нами опрокинутъ. Казаки, озлобленные противъ датчанъ, и гусары, со своей обычной храбростью, энергично преслѣдовали ихъ и погнали по той же дорогѣ, по которой передъ тѣмъ они преслѣдовали насъ. Сраженiе перешло въ рѣзню, такъ какъ наши солдаты не щадили непрiятеля.

По окончанiи сраженiя, я остановился въ харчевнѣ, чтобы собрать казаковъ.

Мы промокли, такъ какъ всю ночь непрерывно шелъ мокрый снѣгъ.

Воспользовавшись минутою отдыха, я написалъ донесенiе графу Воронцову, чтобы успокоить его насчетъ участи отряда и моей лично. Такъ какъ всегда и вездѣ находятся люди, готовые проскакать десятки верстъ, чтобы сообщить дурную вѣсть, то и тутъ нашлись такiе вѣстовщики, поспѣшившиє донести графу Воронцову о моей яко бы смерти.

Поэтому онъ былъ очень доволенъ получить отъ меня извѣстiе объ исходѣ этого дѣла, а отъ генерала Палена онъ узналъ, что мое пораженiе окончилось полной побѣдою.

Королевскій принцъ пожаловалъ барону Палену орденъ Меча; мнѣ была объявлена въ дневномъ приказѣ благодарность его высочества.

Въ главной квартирѣ Винценгероде и отчасти графа Воронцова очень потѣшались надъ тѣмъ, что «неуязвимоу» (это было данное мнѣ насмѣшливое прозвище) пришлось, наконецъ, испытать неудачу, и что я былъ застигнутъ врасплохъ непріателемъ. На эту тему рассказывались всевозможныя варіаціи, но главный припѣвъ былъ тотъ, что нельзя подвигать впередъ челоуѣка, который такъ попался въ просякъ. Я не желалъ объяснять имъ, что я дѣйствовалъ согласно приказанію графа Воронцова, который, какъ читатель припомнитъ, приказалъ мнѣ не терять непріателя изъ вида, что я и исполнилъ, сражаясь весь день.

У меня было штукъ двадцать телѣгъ, нагруженныхъ фуражемъ и съѣстными припасами; однако, я успѣлъ направить ихъ на проселочную дорогу; ни одна изъ нихъ не досталась въ руки непріателю. Если бы я былъ застигнутъ врасплохъ, то все это сдѣлалось бы его добычею.

Такъ какъ я ненавижу вообще всякія объясненія, то я не обращалъ вниманія на эти толки, находя удовлетвореніе въ одобреніи графа Воронцова и въ своемъ собственномъ сознаніи.

Къ тому же, начальнику штаба графа Воронцова можно поставить въ упрекъ то обстоятельство, что онъ не сообщилъ мнѣ о движеніи генерала Палена, а послѣдному можетъ быть поставлено въ вину, что онъ не послалъ развѣдчиковъ въ мою сторону.

Вслѣдствіе этого, генералъ Паленъ, которому совершенно не было извѣстно, что я нахожусь передъ нимъ, былъ весьма непріятно изумленъ, увидавъ, что я прискакалъ къ нему преслѣдуемый непріателемъ по пятамъ.

Генералъ Паленъ выказалъ въ этомъ случаѣ большую рѣшимость и храбрость. Въмѣсто того, чтобы отступить, какъ сдѣлали бы многіе на его мѣстѣ, онъ прямо пошелъ навстрѣчу непріателя, опрокинулъ его, преслѣдовалъ и уничтожилъ. Ему, по справедливости, принадлежить вся честь побѣды, одержанной въ этотъ день, въ который пострадать пришлось болѣе всего мнѣ и моимъ казакамъ.

Убѣдившись въ намѣреніи датчанъ пробить себѣ дорогу, чтобы присоединиться къ принцу Гессенскому, мы стали еще болѣе насторожѣ. Я расположился въ ту же ночь на прежнемъ бивуака въ Ральштадтѣ, откуда непріатель вытѣснилъ насъ въ предъидущую ночь.

Генералъ Паленъ, коему былъ данъ въ подкрѣпленіе 13-й полкъ легкой конницы, сталъ въ нѣкоторомъ разстояніи позади меня.

Ночью, я получилъ приказаніе идти направо, обойти Гамбургъ и дойти до Альтоны. Въ четыре часа утра я былъ уже въ Бранкфельдѣ

и занялъ на ночь Веллингсбюттельскій замокъ, принадлежавшій принцу Голштейнъ-Беку.

Принцъ, облачившись въ бѣлый генеральскій мундиръ временъ Павла I и нацѣпивъ имѣвшіеся у него русскіе ордена, встрѣтилъ меня на лѣстницѣ своего замка, прося пощадить его владѣнія и не потревожить его жену, которая была не совсѣмъ здорова. Я всею душою былъ готовъ исполнить его желаніе. Принцъ принялъ меня чрезвычайно радушно и угостилъ превосходнымъ завтракомъ и обѣдомъ.

Вечеромъ, онъ посѣтилъ меня и, замѣтивъ, что я немного прихрамывалъ, освѣдомился съ участіемъ, не раненъ ли я; мнѣ было не особенно пріятно рассказать ему о причинѣ этого недомоганья, но такъ какъ онъ настаивалъ, то я рассказалъ откровенно, что его соотечественники немного пощипали меня предвѣдущею ночью и что одинъ изъ нихъ ударилъ меня саблею по такой части тѣла, о которой не принято говорить.

— Только-то, — сказалъ онъ, улыбаясь, — покажите-ка *corpus delicti*, я берусь быть вашимъ врачомъ.

Онъ позвонилъ, приказалъ принести ящичекъ съ лѣкарствами и мазями, велѣлъ мнѣ раздѣться и, заставивъ моего охотника, Мейера, свѣтить, принцъ, бывшій еще въ Андреевской лентѣ, сталъ прикладывать мнѣ на больное мѣсто смягчающую припарку.

Мой братъ покатывался со смѣху. Онъ отлично рисовалъ; взявъ карандашъ, онъ набросалъ прелестный рисунокъ этой сцены, которая хотя была очень смѣшна, тѣмъ не менѣе дѣлала большую честь принцу. Я не зналъ въ то время, что его конькомъ и даже страстью было лѣчить всѣхъ и каждого.

На слѣдующее утро, замѣтивъ, что я сѣлъ на лошадь безъ сабли, и узнавъ, что она досталась въ руки его соотечественниковъ, онъ подарилъ мнѣ превосходную саблю и просилъ сохранить ее на память его признательности за то, что его супруга не была потревожена во время моего пребыванія въ замкѣ.

Видя, что герцога беспокоила мысль о моемъ скоромъ отъѣздѣ, я посоветовалъ ему уѣхать, пока я былъ тутъ, въ Киль, гдѣ его супруга была бы въ полной безопасности, и предложилъ дать ему конвой до Зигебурга. Онъ принялъ мое предложеніе съ радостью и уѣхалъ на слѣдующее утро. Впослѣдствіи я получилъ отъ принца любезное письмо съ изъявленіемъ его благодарности за данный ему совѣтъ; я же, со своей стороны, былъ благодаренъ ему за гостепріимный пріемъ и за излѣченіе моей раны.

Такъ какъ непріятель появился со стороны Лангенгорна, то мнѣ пришлось распротиться съ гостепріимнымъ замкомъ, чтобы принять участіе въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

У насъ завязалось съ непріятелемъ довольно жаркое дѣло, когда появился графъ Воронцовъ, въ сопровожденіи своего штаба и англійскаго полковника Сиденгама, друга герцога Веллингтона, только-что пріѣхавшаго изъ Испаніи.

Желая дать ему понятіе объ искусствѣ казаковъ, графъ Воронцовъ привезъ его ко мнѣ; благодаря счастливой случайности, казаки захватили въ его присутствіи у французовъ безъ малѣйшаго шума человекъ десять плѣнныхъ. Все произошло такъ быстро, что мы не успѣли оглянуться.

Графъ Воронцовъ предписалъ мнѣ идти къ Альтовнѣ и переправиться на правый берегъ Эльбы.

Вслѣдствіе этого приказанія, я прошелъ Ланденгорнъ не останавливаясь и расположился въ Ніендорфѣ. Такъ какъ мѣстность была тутъ весьма пересѣченная, то мнѣ былъ данъ въ подкрѣпленіе одинъ батальонъ 14-го легкаго коннаго полка и два орудія.

Непріятель, надвигавшійся изъ Локштедта, хотѣлъ вытѣснить меня изъ Ніендорфа, но я принялъ его такъ рѣшительно, что у него пропала охота тревожить меня.

Графъ Воронцовъ, слышавъ издали грохотъ орудій, снова послѣшилъ ко мнѣ въ сопровожденіи того же англійскаго полковника Сиденгама. Сраженіе уже окончилось; онъ возвратился вмѣстѣ со мною въ мою главную квартиру и былъ принятъ моими молодцами-казаками съ пѣснями.

Было семь часовъ вечера. Мы стали обѣдать. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, графъ Воронцовъ, спросилъ меня, со свойственной ему усмѣшкой: «находимся ли мы въ полной безопасности».

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—что мы слишкомъ близко къ непріятелю и окружены садами и изгородями, которые могутъ внушить ему смѣлость напасть на насъ врасплохъ. Было бы слишкомъ досадно, если бы ему удалось взять всѣхъ насъ въ плѣнъ.

— Ручаюсь головою, — сказалъ я, — что мы успѣемъ спокойно пообѣдать и что я надѣюсь провести ночь никѣмъ не потревоженный.

— Хорошо,—сказалъ онъ, съ тою беззаботностью, которая не боится опасности,—будемте обѣдать.

Намъ подали превосходный палтусъ и свѣжія устрицы, которыя, несмотря на присутствіе непріятеля, только-что были получены изъ Гамбурга. У меня всегда было вдоволь этихъ вкусныхъ вещей, я платилъ щедро и вмѣстѣ съ устрицами получалъ полезныя свѣдѣнія, до которыхъ я былъ еще болѣе охотникъ.

Едва успѣли мы проглотить нѣсколько устрицъ, какъ прибѣжалъ запыхавшійся казакъ съ извѣстіемъ, что непріятель проникнулъ въ деревню. Признаюсь, при этихъ словахъ кровь застыла у меня въ жи-

лахъ: я былъ въ ужасѣ при мысли, что я отвѣтственъ за безопасность начальника. Однако, я не потерялъ голову и, стараясь быть хладнокровнымъ, попросилъ графа не вставать изъ-за стола и увѣрялъ его, что этого не можетъ быть, что я тотчасъ проверю справедливость этихъ словъ.

Графъ, умѣвшій владѣть собою въ минуту опасности, не тронулся съ мѣста; свита послѣдовала его примѣру; я бросился къ дверямъ; но каковъ же былъ мой испугъ, когда я столкнулся на порогѣ съ французскимъ гренадеромъ, у котораго было въ рукахъ ружье со штыкомъ. Присутствующие моментально вскочили со своихъ мѣстъ; минута была критическая, но мое опасеніе быстро разсѣялось, такъ какъ за этимъ гренадеромъ шли два казака, и онъ, ни живъ, ни мертвъ, воскликнулъ: «Grâce, je suis déserteur!» (пощадите, я дезертиръ). Камень свалился у меня съ сердца, я и всѣ остальные вздохнули свободно.

Казаки объяснили, какъ было дѣло: они подмѣтили въ темнотѣ конецъ штыка, прокрадывавшагося между садами, подумали, что непріятель проникнулъ въ деревню, и поспѣшили предупредить меня, между тѣмъ какъ остальные казаки стали выслѣживать эти штыки, но на дѣлѣ оказался всего одинъ только штыкъ, принадлежавшій этому дезертиру.

Выслушавъ это объясненіе, мы принялись снова за обѣдъ съ удвоеннымъ аппетитомъ.

Графъ Воронцовъ сказалъ полковнику Сиденгаму.

— Левенштернъ былъ правъ, ручаясь головою за нашу безопасность, но надобно сознаться, что мы порядкомъ испугались, и я первый въ томъ числѣ.

Графъ Воронцовъ, увидавъ своими собственными глазами, что позиція при Нендорфѣ была неудобна и трудна для кавалеріи, приказалъ генералу Красовскому съ его бригадой смѣнить меня.

Ему не посчастливилось такъ, какъ мнѣ; непріятель атаковалъ его на слѣдующій день и причинилъ ему довольно много вреда.

Такъ какъ ночь была очень темная, то я приказалъ казакамъ съ факелами проводить генерала и его свиту до главной квартиры.

Имѣвъ такимъ образомъ ежедневно стычки съ непріятелемъ, я добрался въ окрестности Альтоны.

Графъ Воронцовъ запретилъ мнѣ вступать въ этотъ городъ, но велѣлъ начать переговоры съ президентомъ Альтоны, гр. Блюхеромъ, который управлялъ городомъ и всей Голштиніей.

XXXI.

Нейтралитетъ г. Альтоны.—Положеніе жителей.—Графъ Воронцовъ.—Перемиріе.—Вызовъ Левенштерна въ отрядъ Винценгероде въ Лиежъ.

Прибывъ въ Альтону и произведя рекогносцировку окрестностей и береговъ Эльбы, я устроилъ свою главную квартиру въ Бланкенезе, на очаровательной виллѣ негодіанта Клюндера, откуда поручикъ Клицингъ, переодѣтый въ статское платье, былъ посланъ мною въ сопровожденіи брата г-жи Клюндеръ въ Альтону, къ президенту, графу Блюхеру, чтобы предложить ему отъ моего имени свиданіе. Такъ какъ спутникъ Клицинга былъ хорошо знакомъ президенту, то это служило ему ручательствомъ, что мои намѣренія были серьезны и что на мою скромность можно было положиться. Дѣйствительно, о нашихъ переговорахъ не должно было никому быть извѣстно.

Графъ Блюхеръ принялъ моего посланнаго любезно, и наше первое свиданіе состоялось на виллѣ барона Фохта.

Чтобы облегчить наши сношенія, я переѣхалъ вскорѣ въ роскошный загородный домъ богатѣйшаго гамбургскаго банкира Петра Годфруа. Президентъ былъ у меня тайно нѣсколько разъ, и мы заключили съ нимъ договоръ, коимъ городу Альтонѣ былъ обезпеченъ полный нейтралитетъ за уплату контрибуціи въ 100.000 эку, которую онъ обязался внести сукномъ, холстомъ, кожею и т. п.

Подобный договоръ былъ заключенъ Блюхеромъ и съ княземъ Экмюльскимъ, поэтому ни французы, ни русскіе не вступили въ Альтону, что было весьма благоприятно для жителей. Графъ Воронцовъ, по порученію котораго я началъ переговоры съ Блюхеромъ, былъ очень доволенъ заключеннымъ нами договоромъ, который былъ ратификованъ королевскимъ принцемъ.

Удачный исходъ переговоровъ придалъ мнѣ нѣкоторый вѣсъ въ глазахъ королевскаго принца и графа Воронцова, который никогда не завидовалъ успѣхамъ своихъ подчиненныхъ. Надобно отдать въ этомъ отношеніи полную справедливость также генералу Чернышеву, который всегда старался раздѣлить свою славу съ подчиненными. Никто не умѣлъ лучше его вознаградить ихъ. Воронцовъ былъ скупѣе на награды, ни тотъ, ни другой ничего не сдѣлали для меня лично, поэтому я могу отдать имъ должное вполне безпристрастно.

Условившись окончательно съ графомъ Блюхеромъ, относительно снабженія Альтоны съѣстными припасами сухимъ путемъ, я организовалъ при помощи судовъ, оказавшихся въ Бланкенезе, небольшую флотилію, съ которой я предполагалъ блокировать Гамбургъ со стороны Эльбы.

Жителямъ Альтоны было разрѣшено безпрепятственно выѣзжать изъ города и даже изъ Гамбурга съ вещами, но возвращаться въ городъ никому не дозволялось. Надобно было устранить возможность обмана, такъ какъ, несомнѣнно, нашлись бы люди, которые захотѣли бы воспользоваться съ этой цѣлью нейтралитетомъ г. Альтоны. Миѣ оказали при этомъ дѣятельное содѣйствіе нѣкоторые именитые граждане Альтоны, въ особенности баронъ Фохтъ.

Онъ жилъ въ прелестной виллѣ по близости отъ моихъ аванпостовъ, и я далъ ему пропускные билеты за моей подписью и печатью, коими окрестнымъ жителямъ разрѣшалось доставлять въ городъ съѣстные припасы необходимые для ихъ пропитанія. Казакамъ было приказано пропускать жителей по предъявленіи такихъ билетовъ. Подобные же билеты были розданы нѣкоторымъ другимъ лицамъ; я старался облегчить участь тѣхъ, которые достаточно пострадали, такъ какъ ихъ дома были разграблены въ Гамбургѣ, а въ предмѣстьяхъ ежедневно горѣло ихъ имущество.

Маршалъ Даву своими строгими мѣрами довелъ жителей Гамбурга до того, что всѣ богатые и даже мало-мальски достаточные люди переселились на берега Эльбы. Въ каждой виллѣ жило по нѣсколько семей; такъ какъ, благодаря стеченію обстоятельствъ, ихъ участь зависѣла всецѣло отъ меня, то я воспользовался своей властью, чтобы доставить имъ сравнительное спокойствіе; неудивительно, что они старались отплатить мнѣ за это, чѣмъ могли, и доставляли мнѣ добровольно все, что я могъ по своему положенію требовать. Мой отрядъ продовольствовался лучше, нежели когда-либо, поэтому мнѣ легко было поддерживать дисциплину и требовать отъ солдатъ полного повиновенія.

Англійская торговля, потерявшая большую часть континентальныхъ портовъ, рада была пріютиться на берегахъ Эльбы въ маленькой Бланкенезской гавани, которая находилась подъ моимъ особымъ покровительствомъ. Для того, чтобы торговля сношенія могли совершаться безпрепятственно, графъ Воронцовъ поручилъ мнѣ войти въ сношенія съ англійскимъ агентомъ, генеральнымъ консуломъ Митчелемъ.

«Любезный полковникъ,—писалъ мнѣ графъ по этому поводу 18-го декабря 1813 г.—для того, чтобы упорядочить торговлю маленькаго Бланкенезскаго порта и не допустить непосредственнаго сообщенія съ Альтоной и Гамбургомъ, вамъ надобно условиться съ г. Митчелемъ и потребовать точный списокъ лодочниковъ и рыбаковъ.

«Надобно безпрепятственно пропускать бѣдныхъ, которые пожелаютъ уѣхать изъ Гамбурга, и выдавать имъ паспорта. Президентъ Блюхеръ общаетъ все устроить къ завтрашнему вечеру; я далъ ему на сегодняшній день отсрочку, для устройства его дѣлъ. Воронцовъ».

Митчель оказался человѣкомъ чрезвычайно умнымъ и дѣятельнымъ.

*

Онъ отнесся ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ и написалъ въ Англію, что оттуда спокойно могутъ высылать товары въ Бланкенезе до тѣхъ поръ, пока я буду командовать войскомъ въ этой мѣстности, и сказалъ, что англійскіе купцы охотно будутъ платить извѣстную сумму за пропускъ ихъ товаровъ, въ благодарность за покровительство, которое я имъ окажу, и что мы подѣлимъ съ нимъ эту прибыль, которую онъ опредѣлялъ приблизительно въ 150 или 200 тысячъ рублей въ мѣсяцъ.

Это было великолѣпно и вполне законно такъ, что я отъ этого не отказался, тѣмъ болѣе, что подобная мѣра не могла быть ни для кого тягостной. Но намъ предстояло оражаться для того, чтобы обезпечить неприкосновенность Бланкенезе.

Тайные агенты, коихъ я имѣлъ въ Гамбургѣ, и которые такъ же точно, какъ французы, имѣли, вѣроятно, своихъ агентовъ въ моемъ лагерѣ, извѣстили меня, что французы вооружили нѣсколько канонерскихъ лодокъ съ цѣлью атаковать Бланкенезе, разрушить гавань и сечь находившіяся въ ней суда.

Я немедленно предупредилъ объ этомъ графа Воронцова, и хотя онъ не вполне повѣрилъ этому слуху, однако, прислалъ мнѣ въ ту же ночь батальонъ 13-го егерскаго полка подъ командою подполковника Арцибашева. Это оказалось весьма кстати, такъ какъ на слѣдующее утро мнѣ донесли о появленіи маленькой флотиліи. Я послѣпно принялъ необходимыя мѣры: поставилъ батальонъ егерей въ садахъ и рвахъ такъ, чтобы ихъ нельзя было примѣтить съ рѣки, спряталъ орудіе на берегу, облачилъ моего брата въ юбку и соломенную шляпу и велѣлъ ему находиться на берегу и слѣдить за движеніемъ канонерокъ, между тѣмъ какъ нѣсколько человекъ казаковъ развѣзжали патрулями по берегу Эльбы.

Дуло спрятаннаго мною оружія было направлено на отмель, которую лодкамъ приходилось обогнуть; егерямъ было приказано стрѣлять по первому знаку моего брата.

Все удалось какъ нельзя лучше. Заслышавъ орудійную пальбу, непріятель пріостановился; бѣглый огонь, открытый въ то же время егерями, помѣшалъ матросамъ маневрировать, а между тѣмъ огонь, открытый съ судовъ, не достигалъ желаемыхъ результатовъ, такъ какъ суда находились еще на слишкомъ большомъ разстояніи.

Успѣхъ придаетъ смѣлость, поэтому я приказалъ капитану Коолу съѣсть съ двумя ротами егерей въ имѣвшіяся у насъ лодки и идти на абордажъ судовъ. Замѣтивъ это, непріятель благоразумно поворотилъ на другой галсъ. Въ это время гр. Воронцовъ, заслышавъ выстрѣлы, подоспѣлъ къ намъ со своимъ штабомъ. Онъ выразилъ мнѣ удовольствіе по поводу одержаннаго мною успѣха.

Графъ Воронцовъ—человѣкъ безусловно почтенный; служить подѣ

его начальствомъ пріятно, но ему нельзя противорѣчить. Онъ съ виду скромнень и нетребователень. Но этому нельзя довѣрять; онъ любитъ, чтобы ему подчинялись безпрекословно, и не терпитъ противорѣчій. Тотъ, кто высказываетъ мнѣніе, несогласное съ его взглядами, дѣлается ему непріятень. Какъ человекъ знатнаго происхожденія, онъ не довольствуется ревностной службою подчиненныхъ; онъ требуетъ отъ нихъ преданности.

Нѣсколько дней спустя мнѣ было приказано сдать командованіе аванпостами генералу Багратиону. Я же долженъ былъ присоединиться къ отряду генерала барона Палена, вступить въ герцогство Шлейзвигское и принять участіе въ осадѣ Ренсбурга.

Я оставилъ Бланкенезе съ сожалѣніемъ. На мое мѣсто были назначены два генерала: Понсе, начальникъ штаба графа Воронцова, человекъ умный и доброжелательный, и кн. Багратионъ, по происхожденію грузинъ, не говорившій ни по-нѣмецки, ни по-французски, что составляло большое неудобство.

Англійскій генеральный консулъ былъ въ отчаяніи, опасаясь за безопасность Бланкенезскаго порта. Но генералъ Понсе, прибывъ съ нѣсколькими батальонами гренадеръ, замѣнилъ меня вполне. Впрочемъ Эльба вскорѣ замерзла, и привозная торговля почти прекратилась.

По пути я остановился въ главной квартирѣ графа Воронцова, который принялъ меня очень любезно.

Въ составъ отряда, къ которому я былъ причисленъ, входили: Рижскіе драгуны, полкъ Изюмскихъ гусаръ и полки Попова 13-го и Пантелеева.

Нашъ маршъ былъ очень трудный и сопряженъ съ немалыми опасностями. Страшная снѣжная метель замела во все слѣды дороги. Мы шли съ раннаго утра до трехъ часовъ ночи, останавливались всего одинъ разъ, чтобы покормить лошадей. Я составлялъ голову авангарда и дошелъ до деревни Гонъ (Hohn) въ 3 часа ночи, окоченѣвъ отъ холода и донельзя измученный. Кажется, во время похода 1812 г. мнѣ не пришлось ни разу совершить болѣе утомительнаго марша, съ тою лишь разницею, что въ Россіи приходилось спать подъ открытымъ небомъ, а тутъ я остановился въ уютной квартирѣ сельскаго священника. Мои казаки, все безъ исключенія, также размѣстились въ деревнѣ; такъ какъ у нѣмецкихъ крестьянъ отводится всегда значительное пространство подъ сарай и конюшни, то все наши 50 лошадей были помѣщены подъ крышей, и солдаты могли обогрѣться и отдохнуть, какъ слѣдуетъ.

Въ этой мѣстности еще никогда не видали казаковъ, поэтому жители были чрезвычайно испуганы ихъ появленіемъ, и я едва могъ успокоить ихъ.

Снѣжная метель и морозъ были дотога сильны, что мы не только

не могли разолатъ развѣдчиковъ, но даже не могли разставить пикеты. Желая убѣдиться въ томъ, что это дѣйствительно было невозможно, я сѣлъ на лошадь, но не успѣлъ проѣхать и пятидесяти шаговъ, какъ моя лошадь не могла идти далѣе, погрузившись въ снѣгъ по грудь. Я потерялъ деревню изъ вида; вокругъ не было видно никакого жилья, и мнѣ удалось вернуться въ гостепріимный домъ священника, только благодаря инстинкту моей лошади.

Я рѣшилъ, что если мы не могли двинуться изъ деревни, то и неприятелю не удастся застигнуть насъ врасплохъ, поэтому оставалось спокойно ожидать, когда метель прекратится.

Перемиріе, заключенное вскорѣ шведскимъ королевскимъ принцемъ и принцемъ гессенскимъ, прекратило военныя дѣйствія. Эта короткая зимняя кампанія была очень тяжела, такъ какъ морозъ былъ чрезвычайно силенъ.

Вскорѣ пріѣхалъ курьеръ отъ графа Воронцова, съ письмомъ на мое имя и приказаніемъ отъ генерала Винценгероде, немедленно отправиться къ нему въ Ліежъ, въ Фландрію. вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ отъ князя Сергѣя Волконскаго письмо, слѣдующаго содержания:

«Любезный полковникъ! Слѣшу увѣдомить, по приказанію генерала барона Винценгероде, что главнокомандующій проситъ васъ, если вамъ здоровье позволяетъ, немедленно прибыть въ его главную квартиру, гдѣ имъ будутъ возложены на васъ порученія для васъ пріятныя и соотвѣтствующія вашимъ способностямъ. Примите и пр. князь С. Волконскій».

Мюнстеръ, 19-го (31-го) декабря 1813 г.

Этотъ знакъ довѣрія со стороны генерала Винценгероде былъ мнѣ очень пріятенъ, такъ какъ это давало мнѣ надежду вступить съ войсками во Францію; но я получилъ одновременно другое письмо отъ графа Воронцова, которое поставило меня въ весьма затруднительное положеніе. Высказывая свое сожалѣніе по поводу того, что я не буду долѣе служить съ нимъ, графъ предлагалъ мнѣ сказаться больнымъ для того, чтобы не уѣзжать. Вотъ, что онъ писалъ:

«Любезный полковникъ! Вы увидите изъ прилагаемаго приказа, который я обязанъ препроводить вамъ, что генералъ Винценгероде хочетъ вторично отнять васъ у меня. Донявъ меня количествомъ, онъ хочетъ донять и качествомъ. Я понимаю, что онъ желаетъ имѣть васъ, но онъ не имѣетъ никакого права лишать меня лучшихъ сотоварищей, посылая ко мнѣ такихъ личностей, съ которыми я не знаю, что дѣлать. Если вы предполагаете, что здоровье не позволяетъ вамъ въ настоящее время ѣхать, то извѣстите меня объ этомъ; это послужитъ мнѣ предлогомъ задержать васъ, что мнѣ будетъ весьма пріятно. Весь вашъ М. Воронцовъ.

27-го декабря 1813 г.

Я не зналъ, на что рѣшиться. Лично я былъ весьма преданъ графу Воронцову, и если бы военныя дѣйствія продолжались, то я остался бы съ нимъ, не колеблясь ни минуты. Но перемиріе было только-что заключено, подошла армія Беннигсена, страна была переполнена войскомъ; мнѣ было бы трудно получить назначеніе, соответствующее моимъ желаніямъ, тогда какъ корпусъ Винценгероде находился уже въ Бельгій и долженъ былъ вступить во Францію, на новый театр военныхъ дѣйствій, гдѣ предстояло обширное поприще дѣятельности и славы. Могъ ли я колебаться? Поэтому я отвѣчалъ графу Воронцову, что, не смотря на все мое желаніе остаться съ нимъ, не могу сказаться больнымъ, такъ какъ я отлично перенесъ зимнюю кампанію, и готовъ покориться своей участи. Я объяснилъ свое рѣшеніе еще тѣмъ, что его корпусу не предстояло въ ближайшемъ будущемъ никакой дѣятельности. Кромѣ того вновь прибывшіе генералы рассчитывали раздѣлить между собою командованіе моимъ отрядомъ, и слѣдовательно мнѣ пришлось бы находиться въ его главной квартирѣ безъ опредѣленнаго дѣла.

Графъ видимо былъ обиженъ моимъ отказомъ, принялъ меня вначалѣ довольно холодно и много говорилъ о непріятностяхъ, какія ему дѣлалъ Винценгероде, но когда я объяснилъ ему побудительныя причины, заставлявшія меня поступить вопреки его желанію, то онъ не прекословилъ болѣе, и мы разстались наилучшими друзьями.

Я отправилъ впередъ моихъ верховыхъ лошадей и экипажи съ моимъ денщикомъ, подъ конвоемъ десяти казаковъ, и моего храброго и неразлучнаго со мною унтеръ-офицера Елатинцова, котораго гр. Воронцовъ отпустилъ со мною.

Я и не предчувствовалъ, что я никогда болѣе не увижусь съ ними.

Эльба, чрезъ которую мнѣ надобно было переправиться, слегка замерзла, и переправа была довольно опасна, но дѣлать было нечего. Взявъ съ собою проводниковъ, вооружившись большими жердями, мы шли съ ними по льду нѣсколько часовъ, дѣлая большіе зигзаги по рѣкѣ. Очутясь наконецъ на другомъ берегу, я взялъ курьерскихъ и помчался не останавливаясь въ Бременъ.

XXXII.

Левенштернъ въ отрядѣ Винценгероде.—Переправа черезъ Рейнъ.—Атака и бомбардированіе Антверпена.—Порученіе Левенштерну возвратить казачьи полки отъ Антверпена въ отрядъ Винценгероде.—Встрѣча и знакомство Левенштерна съ Нидерландскимъ принцемъ Фридрихомъ.—Занятіе Брюсселя.—Характеристика общества.—Вступленіе на французскую территорію.—Занятіе Монса.—Казакъ, брѣющійся въ ратушѣ.

Часть пѣхоты Винценгероде и его главная квартира уже были за Рейномъ вмѣстѣ съ авангардомъ генерала Чернышева; всѣ прочія войска были вынуждены остановиться на берегу рѣки и ожидать окончанія ледохода. Это вынужденное бездѣйствіе оказалось бы пагубнымъ для генерала Винценгероде, если бы непріятель могъ противопоставить намъ значительныя силы.

Наблюдать за непріателемъ и организовать переправу было поручено генералу Александру Бенкендорфу, но такъ какъ въ данномъ случаѣ ему приходилось имѣть дѣло со стихіями, то надобно было покориться.

Привыкнувъ не сидѣть сложа руки, я отправился одинъ вдоль берега рѣки, чтобы какъ-нибудь переправиться; нашелся лодочникъ, который за нѣсколько лудировъ рѣшился попытать счастье и перевезти меня среди льдинъ.

Рейнъ бушевалъ, на немъ образовались цѣлыя горы плавучаго льда; признаюсь, я не чувствовалъ себя особенно пріятно во время этой переправы.

Лодочникъ взялъ съ собою здоровеннаго товарища, который съ удивительной ловкостью отпихивалъ длинной жердью большія льдины, которыя ежеминутно готовы были поглотить насъ.

Только черезъ три часа, проведенныхъ въ самыхъ усиленныхъ трудахъ, обливаясь потомъ, мы пристали къ берегу, въ разстояніи четверти мили отъ Кельна.

Страхъ и увѣренность въ томъ, что мы погибнемъ, если энергія наша ослабнетъ, придали намъ сверхъестественныя силы, но когда я вышелъ изъ лодки и опасность миновала, то я не былъ въ состояніи дойти до города и истомленный легъ на сѣнгъ.

Къ счастью, вкорѣ проѣхала мимо крестьянская телѣга, въ которую я сѣлъ, приказавъ везти себя въ городъ, гдѣ, благодаря счастливой случайности, мнѣ удалось помѣститься въ домѣ одного изъ богатѣйшихъ негоціантовъ г. Кельна, банкира Мума, который оказалъ мнѣ самое широкое гостепрѣимство. Отдохнувъ въ Кельнѣ, я отправился въ главную квартиру генерала барона Винценгероде, который принялъ меня

любезно и сообщил о своемъ намѣреніи послать меня къ генералу Бюлову, находившемуся подъ Антверпеномъ, и постараться увести два казацкихъ полка, предоставленныхъ въ распоряженіе этого прусскаго генерала, которые онъ ни за что не хотѣлъ возвращать. Этими полками командовали Мельниковы.

Я замѣтилъ генералу, что такъ какъ одинъ изъ Мельниковыхъ былъ старше меня въ чинѣ, то это обстоятельство можетъ осложнить дѣло.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ генераль,—я дамъ вамъ особое предписаніе, такъ что это не будетъ имѣть значенія; къ тому же я имѣлъ честь писать его величеству, прося о производствѣ васъ въ генералы, и надѣюсь, что государь исполнитъ мою просьбу.

Мнѣ было поручено между прочимъ сообщить генералу Бюлову донесеніе генерала Чернышева, въ которомъ послѣдній жаловался, что онъ потерялъ изъ-за прусскаго маіора Гельвига прекрасный случай разбить непріятеля.

Такъ какъ я не могъ взять съ собой моего брата, то я просилъ генерала Александра Бенкендорфа принять его подъ свое покровительство, что онъ любезно и общалъ мнѣ. Братъ былъ дѣльный молодой офицеръ и характера столь веселаго, что онъ могъ заставить разсмѣяться самаго мрачнаго человѣка. Такой характеръ настоящее золото въ военное время. На войнѣ весьма многіе видятъ все въ черномъ цвѣтѣ, и это вліяетъ неблагоприятно на настроеніе массы. Поэтому люди, которые своимъ веселымъ характеромъ, беззаботностью и презрѣніемъ къ опасности могутъ разогнать это мрачное настроеніе, прямо неоцѣнимы.

Надѣюсь, что братъ мой, состоя въ послѣдствіи посланникомъ въ Бразиліи, а затѣмъ много лѣтъ въ Вѣнѣ, сохранилъ этотъ веселый, жизнерадостный характеръ.

Блестящая женитьба заставила его оставить военную службу. Онъ женился на красавицѣ графинѣ Шимельманъ, внучкѣ извѣстнаго французскаго маршала графа Левендаля, героя Бергъ-оп-Цоома, котораго воспѣвали нѣкогда на всѣхъ улицахъ и переулкахъ Парижа.

Покойный датскій король, чрезвычайно полюбивъ моего брата, просилъ императора Александра дозволить ему поступить на датскую службу, осыпалъ его милостями и наградами, далъ ему чинъ генерала, званіе камергера, назначилъ посланникомъ въ Бразилію, а затѣмъ чрезвычайнымъ посломъ къ императору австрійскому, во время вступленія его величества на престолъ и наконецъ своимъ посланникомъ въ Вѣну.

Прошу читателя извинить меня за это отступленіе, но это былъ единственный изъ моихъ шести братьевъ, который остался въ живыхъ

послѣ войны 1812 г., въ которой всѣ они участвовали, служа въ кавалеріи.

Получивъ отъ генерала Винценгероде словесныя инструкціи, я уѣхалъ; погода была убійственная, вѣтеръ и снѣжная метель были такъ сильны, что лошади шли съ большимъ трудомъ.

Мнѣ по неволѣ пришлось остановиться на нѣсколько часовъ въ плохенькой харчевнѣ, переполненной фламандцами, которые неистово курили свои трубки.

На слѣдующее утро я отправился на повски генерала Нарышкина, котораго едва отыскалъ. Онъ любезно далъ мнѣ конвой изъ десяти казаковъ и хорошую верховую лошадь, чтобы я могъ защититься и ускакать въ случаѣ встрѣчи съ непріателемъ. Такъ какъ мнѣ вѣдно было избѣгать большихъ дорогъ, то я ѣхалъ проселками, которые въ этой мѣстности и въ это время года ужасны.

Намъ пришлось ѣхать по этимъ ужаснѣйшимъ дорогамъ въ Шильду, прекрасную, большую деревню, гдѣ расположилась главная квартира генерала Бюлова и великаго герцога Веймарскаго. Я не зналъ о присутствіи герцога въ арміи; оказалось, что императоръ поручилъ ему командованіе войсками въ Голландіи и Фландріи, въ отсутствіе шведскаго королевскаго принца, который не спѣшилъ переправиться черезъ Рейнъ. Его сильно упрекали впослѣдствіи за эту медлительность, весьма загадочную съ точки зрѣнія политики и которая такъ и осталась неразъясненной.

Ни великаго герцога Веймарскаго, ни генерала Бюлова въ Шильдѣ не оказалось. Оба они отправились, чтобы присутствовать при атакѣ предмѣстья Антверпена—Дюренъ. Схвативъ неосѣдланную крестьянскую лошадь, я помчался въ Дюренъ, гдѣ наконецъ имѣлъ счастье увидѣть обоихъ генераловъ, окруженныхъ блестящимъ штабомъ.

Сраженіе, въ которомъ я принялъ участіе, было кровопролитное; пруссаки дѣйствовали энергично, но единственнымъ результатомъ ихъ отвages была потеря 800 человекъ.

Начальникомъ штаба великаго герцога Веймарскаго былъ генералъ Вольцогенъ, съ которымъ мы были очень хороши во время достопамятнаго похода 1812 года; онъ тотчасъ представилъ меня герцогу, который былъ со мною любезенъ и смѣялся, говоря, что на своей деревенской клячѣ я напоминалъ ему Донъ-Кихота.

По окончаніи сраженія, генералъ Бюловъ возвратился въ Шильду, и я могъ наконецъ объяснить ему подробно возложенное на меня порученіе. Вотъ мое донесеніе.

«Ваше превосходительство! Я прибылъ безъ особыхъ приключеній въ главную квартиру генерала Бюлова, въ Шильду, въ тотъ самый моментъ, когда онъ атаковалъ предмѣстье Антверпена—Дюренъ.

«Дѣло было жаркое, непріятель былъ отброшенъ до гласисовъ Антверпена; но картечь, которою онъ стрѣлялъ съ валовъ, не дала пруссакамъ возможности утвердиться на нихъ. Пруссаки лишились 800 человекъ, однако потеря столькихъ храбрецовъ, смѣю сказать, была бесплодна.

«Англичане, подъ начальствомъ сэра Грахама, должны были атаковать предмѣстье Мерксенъ (Merxen), но вслѣдствіе плохого состоянія дорогъ прибыли слишкомъ поздно и не могли принять сегодня (1-го февраля) участіе въ сраженіи.

«Передавъ депеши генералу Бюлову и переговоривъ съ нимъ, я убѣдился въ томъ, что онъ готовъ исполнить требованіе вашего превосходительства. Нападеніе на Антверпенъ, коего я былъ свидѣтелемъ, было произведено, только съ цѣлью удовлетворить требованіе англичанъ или, лучше сказать, это было, со стороны генерала Бюлова, шагомъ, вызваннымъ скорѣе политическими, нежели военными соображеніями. По моему мнѣнію, генералъ Бюловъ былъ бы не прочь, чтобы англичане потерпѣли неудачу передъ Антверпеномъ и двинулись къ Брюсселю и Монсу.

«Согласно вашему приказанію, я потребовалъ, чтобы генералъ Бюловъ возвратилъ намъ два казацкихъ полка. Онъ не отказывается отъ этого, но его отвѣтъ равносильнъ отказу. Во-первыхъ, онъ говоритъ, что они разсѣяны на большомъ протяженіи вдоль по теченію Шельды и такъ какъ предполагается произвести атаку Антверпена совмѣстно съ англичанами, а вслѣдъ затѣмъ бомбардировать его, то при этомъ хотятъ воспользоваться нашими казаками. Въ виду этого, генералъ Бюловъ просилъ меня обождать и остаться съ нимъ нѣсколько дней.

«Великій герцогъ Веймарскій, къ которому я не обращался съ этимъ вопросомъ, такъ какъ я не зналъ, что онъ назначенъ главнокомандующимъ, потребовалъ меня къ себѣ въ тотъ же вечеръ и объявилъ мнѣ рѣшительно, что онъ не отдастъ мнѣ эти два полка.

«Всѣ мои возраженія были бесполезны. Его высочество предложилъ мнѣ сигару; сказалъ, что онъ беретъ на себя отвѣтственность за отказъ не только по отношенію къ вашему превосходительству, но и по отношенію къ императору, коимъ онъ только-что назначенъ главнокомандующимъ корпусовъ Бюлова и вашего.

«Я былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе.

«Если бы мнѣ пришлось имѣть дѣло только съ генераломъ Бюловымъ, то я зналъ бы, что дѣлать, и увелъ бы своихъ казаковъ подъ носомъ у пруссаковъ, но я не считаю себя въ правѣ дѣйствовать такъ по отношенію къ великому герцогу.

«Находясь такъ далеко отъ вашего превосходительства, я не рассчитываю получить отъ васъ какихъ-либо новыхъ инструкцій. Поэтому мнѣ придется дѣйствовать въ свою голову и сдѣлать все возможное,

чтобы возвратиться къ вашему превосходительству не иначе, какъ съ этими двумя полками.

«Мнѣ предстоитъ, слѣдовательно, либо навлечь на себя неудовольствіе великаго герцога, либо заслужить ваше неодобреніе.

«Такъ какъ на завтра назначена атака предмѣстій Антверпена соединенными силами, то я рѣшаюсь ожидать 24 часа и отправляюсь къ сэру Грахаму.

«Гарнизонъ Антверпена состоитъ изъ 7 или 8.000 человѣкъ. Сегодня разнесся слухъ, что въ городъ проѣхалъ тайкомъ извѣстный Карно, который и будетъ командовать гарнизономъ.

«Если мнѣ удастся похитить завтра полки Мельниковыхъ, то я умчусь съ ними и надѣюсь первый вступить въ Брюссель.

«Какъ только подойдутъ саксонцы (а они вѣроятно не замедлятъ, такъ какъ великій герцогъ торопитъ ихъ, то и дѣло посылая курьеровъ), генераль Бюловъ начнетъ движеніе къ французской границѣ. Онъ оставитъ здѣсь одну дивизію, а другую въ Брюссель для того, чтобы упрочиться въ этой мѣстности, и вступить во Францію съ двумя дивизіями.

«Его дѣйствія чрезвычайно замедлились, оттого что саксонцы подвигались, какъ раки, а голландцы вооружались такъ медленно, что на нихъ нельзя было рассчитывать.

«Я встрѣтилъ здѣсь поручика Волинскаго уланскаго полка, графа Гендрикова, которому ваше превосходительство назначили состоять при генералѣ Бюловѣ переводчикомъ. Я завладѣлъ имъ и командировалъ его къ полковникамъ Мельниковымъ, предписавъ имъ сосредоточить ихъ полки и двинуться, тотчасъ по полученіи отъ меня вторичнаго приказанія, держась указаннаго мною направленія.

«Англичане повели атаку, орудія гремятъ, спѣшу отправиться на мѣсто дѣйствія, а по окончаніи дѣла, буду имѣть честь донести о немъ вашему превосходительству. Левенштернъ».

Шильда 1-го февраля 1814 г.

P. S. Не имѣвъ возможности отправить курьера, честь имѣю присокупить къ моему донесенію нижеслѣдующія извѣстія:

«Генераль Грахамъ, принявшій меня весьма любезно, атаковалъ прежде всего окопы, защищавшіе предмѣстье Мерксенъ; въ головѣ его колонны шли шотландцы. Атака велась энергично. Я имѣлъ случай оцѣнить въ дѣлѣ солдатъ Веллингтона.

«Когда были взяты окопы, то генераль Грахамъ приказалъ составить батарею изъ 24 орудій и мортиръ и бомбардировать городъ.

«Я тотчасъ замѣтилъ, что выстрѣлы были направлены главнымъ образомъ на большой докъ съ цѣлью поджечь суда, а не на крѣпостные верки и не на городъ.

«Англичане всегда вѣрны себѣ: они вездѣ руководствуются практической пользою.

«Изъ крѣпости храбро отвѣчали на огонь англійскихъ батарей; всѣмъ руководилъ Карно; перестрѣлка продолжалась долго; зрѣлище было величественное, но цѣль не была достигнута.

«Я не отходилъ все время отъ генерала Грахама. Онъ былъ спокоенъ, невозмутимъ, вѣжливъ, сдержанъ; я невольно сравнивалъ его съ генераломъ Барклаемъ-де-Толли.

«Генераль Бюловъ, отдѣленный отъ англичанъ густымъ лѣсомъ, поддерживалъ атаку, но не особенно энергично, такъ какъ онъ предвидѣлъ, вѣроятно, исходъ битвы.

«Наши двѣ батареи, данныя вашимъ превосходительствомъ генералу Бюлову, дѣйствовали успѣшно; прусскій генераль былъ ими очень доволенъ. Имъ командовалъ капитанъ Сеславинъ.

«Я возвратился въ ту же ночь въ главную квартиру генерала Бюлова, а на слѣдующій день, рано утромъ, возобновилъ попытку, чтобы получить казацкіе полки. Генераль Бюловъ хотѣлъ умытъ въ этомъ дѣлѣ руки, но такъ какъ я успѣлъ заручиться содѣйствіемъ начальника его штаба, то онъ согласился снести по этому поводу съ герцогомъ.

«Тѣмъ временемъ я старался подѣйствовать на генерала Вольцогена и намекнулъ ему, что въ случаѣ крайности я уведу казаковъ силою, но что, разумѣется, я прибѣгну къ этому средству лишь тогда, когда всѣ иныя мѣры будутъ истощены.

«Генераль Вольцогенъ, зная меня по кампаніи 1812 г., считалъ способнымъ привести эту угрозу въ дѣйствіе. Онъ отправился къ великому герцогу, а часъ спустя его высочество снова пригласилъ меня къ себѣ, предложилъ мнѣ выкурить сигару, обошелся со мною какъ нельзя любезнѣе и вручилъ мнѣ приказъ, коимъ мнѣ предоставлялось право располагать полками, изъ-за которыхъ у насъ шелъ столь продолжительный споръ.

«Я былъ очень радъ тому, что мнѣ удалось уладить это дѣло мирнымъ путемъ, а еще болѣе, что я имѣлъ случай доказать вашему превосходительству мое всегдашнее стараніе исполнить ваши приказанія.

«Такъ какъ эти полки находятся въ большомъ разстояніи отсюда: одинъ на лѣвомъ флангѣ, гдѣ онъ наблюдаетъ за берегами Шельды, а другой въ распоряженіи генерала Борстея, то я отправляюсь къ этому послѣднему, dospѣшу сосредоточить ихъ, вступить въ Брюссель и присоединиться къ вашему превосходительству.

«Честь имѣю приложить къ моему донесенію перехваченное письмо, съ извѣстіемъ о пріѣздѣ въ Антверпенъ Карно; въ немъ заключаются еще кое-какія любопытныя свѣдѣнія.

«Честь имѣю препроводить вамъ настоящее донесеніе съ казацкимъ

офицеромъ изъ полка Мельникова 5-го; посылаю его курьеромъ къ вашему превосходительству и убѣдительно прошу отослать его обратно съ вашими приказаніями въ Брюссель, куда я надѣюсь вступить первымъ, такъ что честь этого завоеванія будетъ принадлежать корпусу вашего превосходительства. Честь имѣю и пр. Левенштернъ».

Главная прусская квартира на Шельдѣ
4-го февраля 1814 г.

Во время сраженія подъ Антверпеномъ у меня случилось съ нидерландскимъ принцемъ Фридрихомъ презабавное приключеніе, имѣвшее для меня самыя пріятныя послѣдствія.

Я стоялъ верхомъ вмѣстѣ съ прочими въ свитѣ генерала Бюлова. Узнавъ, что принцъ Фридрихъ находился при его штабѣ, я подѣхалъ къ одному юному офицеру и попросилъ его указать мнѣ принца. Офицеръ послѣшно обернулся ко мнѣ и съ улыбкою спросилъ, почему я такъ имъ интересуюсь. Я отвѣчалъ, что мнѣ говорили о немъ такъ много хорошаго, что я не хотѣлъ упустить случая взглянуть на него. Офицеръ поблагодарилъ меня за хорошее мнѣніе о принцѣ и заявилъ, что онъ самъ и есть принцъ Фридрихъ.

Я разсыпался, разумѣется, въ извиненіяхъ; но полагаю, что это не было ему особенно непріятно, такъ какъ онъ продолжалъ бесѣдовать со мною и пригласилъ меня отобѣдать вмѣстѣ съ нимъ послѣ сраженія. Я встрѣтилъ у него князя Радзивилла, племянника короля прусскаго.

Съ тѣхъ поръ я имѣлъ неоднократно случай встрѣчаться съ принцемъ, и онъ былъ всегда въ высшей степени любезенъ со мною.

Откланявшись генералу Грахаму и взявъ депеши великаго герцога къ императору Александру, я принялъ начальство надъ казаками и двинулся съ ними къ Брюсселю. Я вступилъ въ городъ безъ всякаго сопротивленія и встрѣтилъ на площади Belle vue отрядъ генерала Нарышкина, который точно такъ же, какъ и я, вступилъ безъ боя въ этотъ прекраснѣйшій изъ городовъ Европы.

Ко мнѣ тотчасъ явился мэръ г. Брюсселя, герцогъ Урсель, грандъ Испанія и графъ Виланъ (Vilain), и мы условились относительно мѣръ, какія надлежало принять, чтобы оккупация была какъ можно менѣе тягостна для жителей. Самое лучшее для этого средство было не ставить солдатъ на квартиры къ мѣстнымъ жителямъ. Меня благодарили за то, что я на это согласился, но они не подозрѣвали, что я и не могъ поступить иначе.

Я поставилъ одинъ полкъ въ паркѣ, а другой на площади передъ ратушею, приказавъ охранять главныя улицы сильными отрядами, а самъ помѣстился съ согласія властей въ прекрасной квартирѣ одного богатаго англичанина, у котораго была красавица жена. У нея собиралось самое избранное бельгійское общество, и какъ только ея знакомыя

узнали, что у нея поселился начальник казаковъ, которые внушали въ Европѣ всёю такой страхъ, ея салонъ все время былъ полонъ любопытными, въ особенности дамами.

Передо мной, какъ въ калейдоскопѣ, прошли всё выдающіяся личности бельгійской аристократіи. Всѣ меня разспрашивали, иные даже трогали. Мой казацкій мундиръ былъ внимательно осмотрѣнъ; кресты, коими была увѣшана моя грудь (ихъ было съ поддюжины), вызвали разные комментаріи и разспросы; не малое любопытство возбудила также моя казацкая нагайка.

— Фи, какой ужасъ!—восклипали дамы, когда я сказалъ имъ, что я употребляю ее вмѣсто сабли и что я не запомню, когда я обнажалъ послѣднюю противъ непріятеля.

Меня признали кроткимъ, скромнымъ, милымъ и удивлялись, какъ я самъ не боюсь вольницы, коею я командую. Меня стѣснялись спросить, какимъ образомъ я очутился во главѣ столькихъ бородатыхъ и на видъ дикихъ людей.

На другой день графъ Лидекерке далъ въ честь моего пріѣзда роскошный вечеръ; его квартира была переполнена гостями, меня принимали и угощали, какъ царя; но всѣ были нѣсколько удивлены, что я явился по-военному, въ сопровожденіи взвода казаковъ и что у воротъ дома стояла осѣдланная для меня лошадь.

Эти господа не привыкли къ военнымъ мѣрамъ, которыя не были излишни, вблизи непріятеля, въ многолюдномъ городѣ, гдѣ то и дѣло раздавались возгласы: «Да здравствуетъ принцъ Оранскій» или «Да здравствуетъ Наполеонъ», что вызывало во всѣхъ тревожное состояніе духа.

Я провелъ такимъ образомъ въ Брюсселѣ нѣсколько дней самымъ очаровательнымъ образомъ, но празднества для меня вскорѣ прекратились, такъ какъ я получилъ отъ генерала Винценгероде приказаніе поспѣшить къ нему.

«Ваше высокоблагородіе,—писалъ мнѣ князь Сергѣй Волконскій ¹⁾,—генералъ баронъ Винценгероде получилъ донесеніе, посланное вами изъ Брюсселя, и поручилъ мнѣ передать вамъ, чтобы вы сосредоточили какъ можно скорѣе ваши полки и поспѣшили присоединиться къ нему.

«Намъ необходимо имѣть большое количество кавалеріи на равнинахъ Суассона, гдѣ мы должны сосредоточить свои силы».

Я тотчасъ выступилъ изъ Брюсселя и двинулся къ Монсу.

Заставивъ французовъ очистить этотъ городъ, что мнѣ удалось безъ особеннаго труда, совершивъ демонстрацію противъ ихъ фланга и коммуникаціонной линіи, я отрядилъ 200 человекъ для наблюденія за

¹⁾ 24-го января (7-го февраля) 1814 г.

ними, а самъ остался въ Монсѣ, гдѣ я впервые разрѣшилъ моимъ казакамъ остановиться въ закрытомъ, тепломъ помѣщеніи.

Я остановился передъ ратушей, чтобы условиться съ мэромъ относительно помѣщенія для моихъ солдатъ и лошадей и для принятія необходимыхъ мѣръ безопасности. Меня ввели въ зало засѣданій. Каково же было мое изумленіе, когда я увидалъ, что тамъ находится казакъ, которому брадобрей преспокойно брилъ бороду, въ присутствіи всѣхъ должностныхъ лицъ городского управленія.

Онъ не оставилъ своего занятія и при моемъ приходѣ, хотя, разумѣется, всталъ, чтобы отдать мнѣ честь.

На мой вопросъ, что означаетъ эта комическая сцена, жители сообщили мнѣ, что этотъ казакъ одинъ прискакалъ въ Монсѣ, и что при его появленіи французы немедленно очистили ратушу и удалились въ предместья, а жители, обрадованные произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ, и тому, что онъ избавилъ ихъ отъ французовъ, принесли ему угощеніе; онъ отвѣдалъ всего понемногу и показалъ жестами, что онъ желаетъ, чтобы ему обрили бороду; тогда былъ приведенъ брадобрей, и казакъ, не стѣсняясь, сталъ бриться въ присутствіи властей.

Я хохоталъ до слезъ надъ простодушіемъ казака и не могъ не преклониться передъ его увѣренностью въ нравственной силѣ, сопутствующей всюду нашему казацкому войску. Появленіе одного казака заставило небольшой отрядъ жандармовъ и взводъ пѣхоты очистить ратушу и городскую площадь, а онъ отнесся къ нимъ съ такимъ пренебреженіемъ, что занимался своимъ туалетомъ въ самой ратушѣ, приказавъ уличнымъ мальчишкамъ подержать его лошадь и пикку, и съ улыбкой грозилъ имъ нагайкой, если они не послушаютъ его.

Мэръ горда, довольный сдѣланными мною распоряженіями, отвелъ мнѣ отличное помѣщеніе у одного богатаго жителя, разбитаго параличемъ.

Нѣсколько дней спустя я уѣхалъ изъ Монса, весьма довольный произведеннымъ тамъ временемъ.

Итакъ я былъ на французской землѣ; сердце мое преисполнилось радостью; наконецъ-то мы могли отплатить гг. французамъ! «Ваше пребываніе въ Россіи,—думалъ я—было непродолжительно, но бѣдственно; надѣюсь, что наше пребываніе во Франціи будетъ въ другомъ родѣ и что оно не окончится такъ бѣдственно!»

XXXIII.

Враждебность французовъ.—Движеніе къ Мобѣжу.—Занятіе Авена.—Опасное порученіе, данное Левенштерну.—Пораженіе селевской арміи.—Жизнь въ Реймсѣ.—Захватъ багажа Левенштерна.—Занятіе Суассона.—Движеніе къ Парижу.—Императоръ Александръ при капитуляціи столицы Франціи.—Вступленіе войскъ въ Парижъ.—Назначеніе Сакена губернаторомъ Парижа.—Пронсшествіе въ театрѣ.—Въѣздъ въ Парижъ Людовика XVIII.—Заключеніе мира.—Выводъ союзныхъ войскъ изъ столицы.—Возвращеніе Левенштерна въ Россію.—Великая княгиня Марія Павловна.

Мы начинали новую кампанію въ странѣ, настроенной къ намъ враждебно, среди населенія, самолюбіе коего было уязвлено тѣмъ, что иноземцы явились предписывать имъ свои законы. Поэтому немудрено, что жители были мрачны, мало предупредительны и не охотно исполняли наши требованія.

Мы дѣлали видъ, что не обращаемъ на это вниманія. Тѣмъ не менѣе контрастъ былъ очень чувствителенъ. Въ Германіи, Голландіи и Бельгіи къ намъ за весьма малыми исключеніями всѣ относились сочувственно, въ оъверной Франціи было какъ разъ обратное. Оттуда эмигрировало множество лицъ, много имѣній было конфисковано, много другихъ распродано; отъ этого многіе поживились, разбогатѣли, и боязнь землевладѣльцевъ, что они лишатся съ нашимъ приходомъ своего имущества, была главною причиною выказываемаго намъ недовѣрія и даже ненависти.

Въ городахъ насъ встрѣчали однако довольно дружелюбно, и благодаря свойственному французамъ самолюбію мы были обставлены въ ихъ домахъ несравненно лучше, нежели въ странахъ, дружески къ намъ расположенныхъ. Намъ давали всегда самые лучшіе припасы, какіе только удавалось достать. Француженки были любезны, граціозны, предупредительны, но не допускали особенной съ ними близости. Во Франціи было необходимо держать себя осторожнѣе, быть менѣе требовательнымъ и не задѣвать національнаго самолюбія.

Переѣхавъ границу, я направился къ Бомону и встрѣтилъ по дорогѣ генерала Винценгероде во главѣ его кавалеріи. Онъ не ожидалъ еще видѣть меня и былъ такъ обрадованъ нашему появленію, что поцѣловалъ меня, сказавъ своему начальнику штаба генералу Ренни и князю Волконскому:

— Видите, господа, мой выборъ оказался удаченъ, вотъ оба полка, онъ бы привелъ ихъ, хотя бы они были на лунѣ.

— Благодарю васъ, любезный Левенштернъ,—продолжалъ онъ,—вы превзошли мои ожиданія; я съумѣю оцѣнить ваше усердіе и вашу неутомимую дѣятельность.

Онъ просилъ генерала Ренни отвести моимъ казакамъ приличное помѣщеніе и пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ, чтобы поговорить подробно о моей экспедиціи. Къ сожалѣнію, генералъ Ренни могъ отвести мнѣ только жалкую хижину, а моимъ молодцамъ казакамъ пришлось расположиться на бивуакѣ по горло въ грязи и таломъ снѣгѣ.

Пообѣдавъ съ генераломъ и сообщивъ ему все, что онъ желалъ знать, я просилъ его дать мнѣ дальнѣйшія приказанія. Онъ выразилъ желаніе, чтобы полки обоихъ Мельниковыхъ остались подъ моею командою, но я просилъ уволить меня отъ этого, давъ ему понять, что мнѣ неудобно имѣть подъ своимъ начальствомъ полковника, который старше меня по службѣ.

— Это тягостное положеніе не можетъ долѣе продолжаться,—сказалъ я;—полковникъ Мельниковъ дѣйствовалъ съ такимъ отличіемъ, что онъ не заслуживаетъ подобнаго униженія. Только крайняя необходимость заставила меня принять командованіе полкомъ, такъ какъ съ этимъ было связано важное и щекотливое порученіе.

Генералъ Винценгероде понялъ и одобрилъ мои побужденія и приказалъ мнѣ остаться при немъ до тѣхъ поръ, пока представится случай употребить меня.

Полковникъ Мельниковъ, котораго я предупреждалъ, что я откажусь отъ командованія тотчасъ по приѣздѣ въ главную квартиру, былъ этимъ весьма тронутъ, и мы разстались добрыми друзьями.

Генералу Льву Нарышкину было приказано идти къ Мобѣжу и блокировать эту крѣпость. Съ той и съ другой стороны было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, но безуспѣшно. Никакихъ переговоровъ нельзя было начать, такъ какъ французскій комендантъ отказался принять парламентеровъ.

Подобнаго рода отказъ говорить всегда въ пользу личной храбрости коменданта. Когда имѣешь орудія, къ чему вести переговоры?

Потерпѣвъ эту маленькую неудачу, Винценгероде оставилъ небольшой отрядъ для наблюденія за Мобѣжемъ, а самъ пошелъ къ La Capelle, гдѣ мы завладѣли большимъ табачнымъ складомъ, принадлежавшимъ казнѣ; табакъ былъ розданъ солдатамъ. До тѣхъ поръ солдаты мало курили; но съ этого дня сигары были въ большомъ почетѣ въ арміи и такъ какъ мы забирали ихъ во всѣхъ городахъ, то ихъ раздавали щедро; сумма денегъ, вырученная нашимъ правительствомъ отъ продажи остатковъ, достигла весьма почтенной цифры.

Я продалъ табаку на 300.000 фр., Нарышкинъ продалъ въ Голландію вдвое болѣе, и этимъ воспользовались всѣ тѣ, кому посчастливилось первымъ вступить въ эту мѣстность.

Винценгероде былъ знатокъ и цѣнитель хорошихъ сигаръ; я никогда не видѣлъ болѣе яраго курильщика. Въ дорогѣ и дома, утромъ и вече-

ромъ, онъ не вынималъ трубку изо рта. Во время марша, дѣшчикъ то и дѣло подавалъ ему набитую трубку. Съ нею во рту, генералъ снималъ пресерьезно свою шляпу передъ каждымъ встрѣчавшимся солдатомъ. Онъ называлъ это бесѣдовать съ ними, хотя никогда не произносилъ при этомъ ни слова. Ъхалъ онъ всегда шагомъ и пускалъ лошадь въ галопъ, только за нѣсколько минутъ до привала: тогда подавали на травкѣ завтракъ и бесѣдовали. Во время марша онъ никогда не произносилъ ни слова, если не нужно было отдать приказанія. Онъ былъ отличный наѣздникъ и красиво сидѣлъ на лошади.

Солдаты не любили его, хотя онъ о нихъ заботился; русскіе солдаты любятъ, чтобы начальникъ говорилъ съ ними, они любятъ и умѣютъ цѣнить того, кто обладаетъ этимъ рѣдкимъ даромъ; имъ слишкомъ часто приходится выслушивать брань и ругательства, чтобы они не были польщены, если ихъ облащаютъ или съ ними пошутятъ.

Никто не умѣлъ сдѣлать это такъ, какъ генералъ Ермоловъ, многіе старались подражать ему, но это имъ не удавалось. Это природный даръ, который не приобретається; имъ обладали Наполеонъ и Суворовъ.

Съ каждымъ народомъ надобно обращаться иначе; истинный талантъ заключается въ томъ, чтобы уловить духъ народа и приспособиться къ его характеру. Обращаться съ русскимъ такъ, какъ съ французомъ или нѣмцемъ, было бы большою ошибкою. Французъ былъ бы тронутъ вѣжливостью генерала Винценгероде, когда тотъ снималъ шляпу, между тѣмъ какъ русскій солдатъ не обращалъ на это никакого вниманія. Иное дѣло, еслибы генералъ спросилъ его: сытъ ли онъ? тепло ли у него въ избѣ, красива ли его хозяйка?

Въ мирное время, можно вести батальонъ на смотръ, не говоря ему ни слова, но на войнѣ никогда не воодушевишь солдатъ, не говоря съ ними. Только любовь солдата къ командиру заставляетъ его переносить терпѣливо, даже съ удовольствіемъ, трудности похода и многочисленныя на войнѣ лишенія. Нѣсколько словъ, сказанныхъ кстати, производятъ на солдата болѣе впечатлѣнія, нежели блестящіе дневные приказы, которые они рѣдко понимаютъ.

Шведскій королевскій принцъ также обладалъ этимъ умѣньемъ, и хотя не говорилъ по-русски, но приказывалъ перевести свои слова и всегда производилъ на наши войска благоприятное впечатлѣніе. Когда случалось, что надъ головою батальона пролетало ядро и батальонъ невольно опускалъ голову, то онъ говорилъ, улыбаясь: «Друзья мои, не нагибайте голову, ядро свищетъ, но не убиваетъ». И можно было сказать навѣрно, что когда пролетитъ второе ядро, то ни одинъ солдатъ не наклонитъ голову.

Генералъ Винценгероде сосредоточилъ свои войска на берегахъ Маса и далъ имъ отдыхъ до 6-го февраля, а затѣмъ двинулся къ

*

Авену. Слабый гарнизонъ Авена, состоявшій изъ ветерановъ, сдался авангарду, коимъ командовалъ Чернышевъ.

Генералъ Винценгероде, торжествуя побѣду по случаю взятія Авена, въ которой онъ не принималъ, собственно говоря, никакого участія, поручилъ мнѣ донести объ этомъ маршалу Блюхеру и условиться съ генералами Гнейзенау и Мюффлингомъ, относительно дальнѣйшихъ дѣйствій.

Я взялъ почтовую телѣжку, конвой изъ 10 казаковъ и пустился на поиски маршала, о которомъ никто не могъ сказать мнѣ навѣрное, гдѣ онъ находится, хотя полагали, что онъ былъ въ Эперне.

Такъ какъ, только-что передъ тѣмъ, нѣсколько курьеровъ были взяты въ плѣнъ и даже убиты крестьянами, то я былъ не особенно доволенъ этимъ порученіемъ, и генералъ Винценгероде не скрывалъ, что онъ подвергаетъ меня большой опасности; но разумѣется, ему было необходимо сообщить о себѣ вѣсть маршалу Блюхеру.

По пути я подвергся величайшей опасности. Въѣзжая въ одну деревню, я замѣтилъ, что мой почтальонъ очень напуганъ и какъ будто хочетъ повернуть обратно, а я увидѣлъ съ испугомъ, что жители деревни собрались, вооруженные ружьями, косами, вилами. Такъ какъ я оказалъ почтальону, что, при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи съ его стороны, я пушу ему пулю въ лобъ, то бѣдняга считалъ себя погибшимъ.

Сообразивъ, что было поздно возвращаться обратно, и что мнѣ во всякомъ случаѣ надобно было розыскать маршала, я рѣшилъ идти на проломъ и приказалъ почтальону ѣхать далѣе, не останавливаясь, до самой почты.

Толпа пропустила меня; я раскланялся направо и налево, здороваясь съ крестьянами по-французски. У почты я слѣзъ съ телѣжки, но не потребовалъ лошадей, чтобы не показать, что я спѣшу, напротивъ, я не велѣлъ запрягать лошадей и, принявъ повелительный тонъ, приказалъ одному изъ мужиковъ предупредить мѣра о моемъ приѣздѣ и просить его немедленно явиться ко мнѣ.

Онъ тотчасъ явился. Любезно поздоровавшись съ нимъ, я приказалъ подать мнѣ бумагу и чернилъ и написалъ требованіе на доставку фуража и корма для 2.000 лошадей, сказавъ, что все должно быть готово къ вечеру, такъ какъ въ 5 или 6 часовъ по полудни въ деревню долженъ прибыть отрядъ кавалеріи. Дѣлая видъ, что я не обращаю никакого вниманія на то, что жители вооружены, я рассказывалъ съ мѣромъ, съ моими ближайшими сосѣдями, говорилъ любезности женщинамъ, шутилъ училъ ихъ, какъ понравится солдатамъ. Это будетъ имъ не трудно, прибавлялъ я, при ихъ красотѣ, но я совѣтовалъ не давать много пить солдатамъ, такъ какъ иначе начальство не будетъ въ со-

стояніи поддержать дисциплину, которую государь велѣлъ строго соблюдать въ войскахъ, приказавъ въ особенности щадить мирныхъ и безоружныхъ жителей.

Едва эти слова были произнесены, какъ мало-по-малу всѣ опустили ружья; я сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этого, и, обратившись къ мэру, попросилъ его приказать запречь лошадей, сказавъ, что я спѣшу въ Реймсъ, чтобы приготовить помѣщеніе для главной квартиры, которая должна прибыть туда завтра и остановится въ ихъ деревнѣ только на ночь.

Спокойствіе, съ какимъ все это было сказано, ввело ихъ въ заблужденіе, лошади были запряжены, и я уѣхалъ, привѣтствуемый толпою.

Принцъ Рейссъ, извѣстный своей беззаветной храбростью, о чемъ лучше всего свидѣтельствовалъ орденъ Маріи Терезіи, украшавшій его грудь, не могъ надивиться, что мы выбрались изъ деревни благополучно.

Я вздохнулъ спокойно только тогда, когда я переправился черезъ мостъ. На другой день я узналъ, что два курьера, слѣдовавшіе за мною, были убиты въ той же деревнѣ; еще одинъ курьеръ быть убитъ по пути изъ Мезьера въ Реймсъ, а молодой графъ де-Сенъ-Пріестъ, ѣхавшій тою же дорогою, остался живъ, только благодаря тому, что онъ былъ французъ, но все-таки поплатился за свою смѣлость и былъ взятъ въ плѣнъ.

Итакъ, я благополучно избѣжалъ опасности и добрался безпрепятственно въ Реймсъ; бѣдные казаки, конвоировавшіе меня, изнемогали отъ усталости, такъ какъ они ѣхали безъ остановки и нигдѣ не подкрѣпляли своихъ силъ.

Я былъ пріятно удивленъ, заставъ въ Реймсѣ сотню казаковъ подъ командою капитана Шеллинга, которые были посланы туда предусмотрительнымъ генераломъ Чернышевымъ, чтобы получить свѣдѣнія о маршалѣ Блюхерѣ.

Но Шеллингъ ничего не зналъ о немъ; его положеніе было до такой степени венадежно и онъ былъ такъ напуганъ, что мое появленіе съ десятью казаками показалось ему достаточной охраною, и дѣйствительно оно и было таковою въ глазахъ жителей, такъ какъ я назвалъ себя квартирмейстеромъ, прибывшимъ съ цѣлью приготовить квартиры для цѣлаго армейскаго корпуса.

Мэръ г. Реймса, Андріа, въ душѣ приверженецъ Бурбоновъ, принялъ меня какъ нельзя лучше и помѣстилъ въ своемъ домѣ. Только благодаря его личной храбрости и находчивости, у насъ не разыгралось подобіе Варооломеевской ночи: 50 или 60.000 населеніе Реймса состоит по большей части изъ мастеровыхъ, работающихъ на большихъ заво-

дахъ; они собирались нѣсколько разъ предъ моимъ домою съ зловѣщими криками. Андриѣ всякій разъ удавалось успокоить ихъ и водворить порядокъ.

Наше положеніе сдѣлалось еще болѣе критическимъ, когда въ городъ узнали о пораженіи Силезской арміи; первымъ прискакалъ въ Реймсъ князь Алексѣй Щербатовъ; его дивизія, потерпѣвшая довольно большой уронъ, не была окончательно разстроена. Онъ подтвердилъ извѣстіе объ уничтоженіи корпуса Олсуфьева и генерала Полторацкаго и о томъ, что оба эти офицера взяты въ плѣнъ.

Затѣмъ появились остатки корпусовъ Сакена и Йорка. Я отправился къ тому и другому, но они не могли указать мнѣ, гдѣ именно находился маршалъ Блюхеръ. Его потеряли изъ виду въ тотъ моментъ, когда непріятелю удалось прорвать центръ Силезской арміи.

Однако, надобно было на что-нибудь рѣшиться; время шло, а на войнѣ оно драгоцѣнно! Поэтому я рѣшилъ ѣхать на удачу въ Эпернѣ, надѣясь встрѣтить маршала по пути или хотя бы получить о немъ свѣдѣніе.

Но мои поиски въ этомъ направленіи были тщетны; тогда я возвратился въ Реймсъ съ намѣреніемъ отправиться въ другомъ направленіи, на Шалонъ, куда и прискакалъ въ часъ ночи. Пять минутъ спустя я увидѣлся съ генералами Мюфлингомъ и Гнейзенау, и имѣлъ съ ними продолжительное совѣщаніе. Они сообщили мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія и отпустили меня, не разбудивъ старика маршала Блюхера. Въ шесть часовъ утра я уже пріѣхалъ обратно въ Реймсъ и съ наслажденіемъ выпилъ чашку горячаго кофе, любезно предложенную мнѣ мѣромъ.

Освѣжившись, я отправился къ генералу Сакену, который былъ весьма доволенъ получить извѣстіе о Блюхерѣ и сказалъ мнѣ, что генераль Винценгероде идетъ въ Реймсъ.

Услыхавъ это, я схватилъ первую попавшуюся казацкую лошадь и поспѣшилъ ему навстрѣчу. Въ двухъ миляхъ отъ Реймса я увидалъ голову его колонны. Вскорѣ показался и самъ генераль.

Не смотря на свою обычную сдержанность, онъ горячо обнялъ меня и сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что былъ очень радъ видѣть меня. Онъ признался мнѣ, что онъ сильно раскаявался въ томъ, что подвергъ меня такой опасности, такъ какъ ему уже донесли объ убійствѣ слѣдовавшихъ за мною двухъ курьеровъ.

Генераль Винценгероде пробылъ со своимъ корпусомъ въ Реймсѣ нѣсколько дней. Армія Блюхера реорганизовалась, а я воспользовался этими нѣсколькими днями, чтобы отдохнуть и повеселиться.

Реймсъ большой, прекрасный промышленный городъ, который ведетъ вмѣстѣ съ тѣмъ большую торговлю шампанскимъ. У крупныхъ

виноторговцевъ всегда имѣется въ погребѣ 4—5.000 бутылокъ этого вина.

Семейство г. Андріа состояло изъ его жены и двухъ прелестныхъ дочерей. У нихъ же гостила графиня Гунольдштейнъ съ двумя дочерьми, и собирались прочія хорошенькія женщины Реймса, все ярыя роялистки. Поэтому онѣ отнесли къ намъ, какъ къ желаннымъ гостямъ, и не смѣя публично выражать свое удовольствіе по поводу появленія нашихъ войскъ, онѣ не скрывали предъ нами своихъ монархическихъ убѣжденій и своей преданности Бурбонамъ.

Однажды вечеромъ мы бесѣдовали у камина, какъ вдругъ вошелъ мой братъ; будучи представленъ дамамъ, вынулъ изъ кармана газету и показалъ мнѣ статью, въ которой говорилось, что всѣ мои экипажи, люди и верховыя лошади взяты французами. Это былъ для меня страшный ударъ; я не хотѣлъ этому вѣрить и перечиталъ вновь статью. Мое имя было напечатано въ ней полностью, сомнѣнія быть не могло. Такимъ образомъ я потерялъ въ одну минуту 6 упряжныхъ лошадей, 14 верховыхъ, 14.000 р. банковыми билетами и 2.000 луйдоровъ.

Единственная ложь, которую позволилъ себѣ Наполеонъ въ этомъ бюллетенѣ, состояла въ томъ, что онъ наградилъ меня титуломъ генерала и сдѣлалъ моего денщика моимъ адъютантомъ.

Въ бюллетенѣ говорилось также, что я спасся благодаря ночной темнотѣ, тогда какъ я находился въ ста верстахъ отъ пункта, гдѣ произошло это бѣдственное для меня происшествіе.

Это случилось въ одной большой деревнѣ въ окрестностяхъ Лаона, куда мои люди прибыли подъ вечеръ. Жители встрѣтили ихъ какъ нельзя болѣе миролюбиво; дали имъ въ волю съѣстныхъ припасовъ и фуража. Обманутые этимъ радушнымъ приѣмомъ, они задумали отдохнуть денекъ въ этой деревнѣ, не подозрѣвая, что ихъ выдадутъ. Крестьяне дали знать полковнику, находившемуся въ Лаферѣ (Lafere), что онъ могъ, безъ особеннаго труда, получить богатую добычу. Въ полночь, когда мои люди были погружены въ глубокій сонъ, постоянный дворъ былъ окруженъ, подошедшая изъ Лафера конная команда напала на десять человѣкъ казаковъ, конвоировавшихъ мои вещи, и изрубила ихъ. Только моему вѣрному Алексѣю и маленькому Грицко удалось спастись.

Я немедленно донесъ генералу Винценгероде о постигшемъ меня несчастіи, которое могло повториться съ кѣмъ-нибудь другимъ. Генералъ хотѣлъ послать отрядъ, чтобы сжечь деревню, но мнѣ удалось упросить его, чтобы онъ отмѣнилъ это приказаніе. Я не хотѣлъ быть причиною несчастія столькихъ ни въ чемъ не повинныхъ людей, которые исполнили, въ сущности, только свой долгъ, сдѣлавъ то, что наши крестьяне дѣлали съ такимъ успѣхомъ въ 1812 г. и что ставится имъ по сей часъ, вполне справедливо, въ заслугу.

Винценгероде, весь красный отъ гнѣва, распекъ князя Волконскаго, за то, что не было послано отряда для наблюденія за Лаферомъ, и обѣщалъ испросить мнѣ вознагражденіе за понесенный мною убытокъ. Но это осталось однимъ обѣщаніемъ.

Винценгероде и еѣо приближенные сдѣлали ошибку, которая была бы непростительна даже для простаго казацкаго офицера. Возможно ли было оставить безъ наблюденія такое важное укрѣпленіе, какъ Лаферъ. Графъ Воронцовъ, эшелонировавшійся за Винценгероде, отлично понималъ это, или, лучше сказать, настолько хорошо зналъ свое дѣло, что, подойдя къ Лаферу, тотчасъ отрядилъ съ этой цѣлью Пантелева съ его полкомъ.

2-го марта Блюхеръ пошелъ къ Суассону, куда двинулись наканунѣ, по его приказанію, генералы Винценгероде и Бюловъ.

Къ счастью, Суассонъ не пришлось осаждать, такъ какъ онъ сдался на капитуляцію, впрочемъ послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ, которые были возложены на меня.

Маршалъ Блюхеръ такъ прекрасно понималъ важное значеніе этой крѣпости, что, вступивъ въ Суассонъ, тотчасъ позвалъ меня къ себѣ и въ присутствіи своей многочисленной свиты благодарилъ и исходатайствовалъ мнѣ у короля прусскаго орденъ Краснаго Орла.

Особенно былъ доволенъ моею удачею графъ Воронцовъ, такъ какъ онъ предложилъ послать меня парламентаромъ и утверждалъ, что никто не сумѣетъ вести переговоры такъ, какъ я.

Наполеонъ узналъ о сдачѣ Суассона въ тотъ моментъ, когда онъ намѣревался обойти лѣвый флангъ Блюхера. Онъ былъ внѣ себя отъ гнѣва; французская армія раздѣляла его негодованіе; всѣ обвиняли коменданта, генерала Моро и говорили, что изъ-за него армія потеряла плоды восьмидневныхъ трудовъ и маршей.

Наполеонъ отдалъ его подъ судъ, и Моро былъ бы разстрѣлянъ, если бы мы не вступили вскорѣ въ Парижъ и не возвратили ему свободу.

Со взятіемъ Суассона и Реймса положеніе французовъ совершенно измѣнилось, и намъ была открыта дорога въ Парижъ.

Пусть читатель перенесется въ ту эпоху и пойметъ, какое магическое значеніе имѣло для насъ слово: «Мы идемъ въ Парижъ». Наконецъ-то мы могли отдать визитъ, сдѣланный намъ въ Москвѣ!

Приближаясь къ Парижу, никто изъ насъ не сомнѣвался въ исходѣ предстоявшаго сраженія. Мы были убѣждены въ томъ, что насъ ожидаетъ побѣда, и это придавало намъ огромную нравственную силу.

Ворота этого великолѣпнаго города должны были открыться передъ нашими побѣдоносными войсками, и мы могли вступить въ городъ, диктовавшій законы всѣмъ государствамъ Европы.

Наканунѣ того дня, когда должно было произойти рѣшительное сра-

женіе, я спалъ безъ просыпа до утра, а на разсвѣтъ былъ уже на лошади и отправился къ графу Палену. Всѣ были поглощены мыслію, гдѣ бы достать бѣлаго полотна и батистовыхъ платковъ, которые превращались въ перевязи, надѣтыя нами на правую руку. Это былъ отличительный знакъ, принятый союзными монархами для того, чтобы мы могли узнавать въ сраженіи своихъ. Опытъ доказалъ, что такъ какъ союзная армія состояла изъ множества разнородныхъ корпусовъ и мундировъ, то легко было смѣшать друга съ врагомъ и по ошибкѣ убить или ранить своего, что и случилось съ сѣромъ Кэмпбелемъ, которому казаки нанесли 17-ть ударовъ копьемъ. Къ счастью, онъ выздоровѣлъ.

Увидавъ наши перевязи, французы вообразили, что мы надѣли ихъ въ честь Бурбоновъ, но они ошиблись, объ этомъ никто не думалъ.

Солдаты забрали всѣ простыни, какія они могли достать, разрѣзали ихъ на полосы и быстро украсили себя этимъ знакомъ, который поразилъ парижанъ во время нашего торжественнаго вступленія въ ихъ прекрасный городъ. Быть можетъ, это дало первый толчекъ къ движенію, обнаружившемуся въ обществѣ въ пользу свергнутыхъ Бурбоновъ, о которыхъ, надобно признаться, до тѣхъ поръ никто не вспоминалъ.

Графъ Паленъ двинулся рано утромъ къ деревнѣ Монтрѣль и занялъ ее, оперевшись правымъ флангомъ на Роменвиль; французы поспѣшно атаковали эту позицію, но были побѣдоносно отбиты генераломъ Гельфрейхомъ.

Это было прологомъ битвы, которая произошла въ тотъ день подъ стѣнами Парижа и смыла позоръ, испытанный русскими, когда французы овладѣли пылавшей Москвою.

Императоръ Александръ, король прусскій и князь Шварценбергъ прибыли на разсвѣтъ въ тѣ мѣста, которыя должны были на вѣки обезсмертить ихъ.

Во время переговоровъ о капитуляціи Парижа, императоръ Александръ и король прусскій отправились на высоты St.-Chaumont и съ наслажденіемъ осматривали городъ, разстилавшійся у ихъ ногъ.

Я подѣхалъ къ нимъ. Императоръ сіялъ радостью. Возлѣ него стояли король прусскій, князь Шварценбергъ и Барклай де-Толли, только что пожалованный фельдмаршаломъ.

Всѣ спѣшилися; я послѣдовалъ ихъ примѣру и приблизился, на сколько было возможно, къ главной группѣ. Императоръ разговаривалъ весьма привѣтливо съ Шварценбергомъ и Барклаемъ. Онъ указалъ королю прусскому на дамъ, гулявшихъ на улицахъ Парижа, и хвалилъ ихъ грацію и изящество.

Парижане, для которыхъ всякое событіе есть зрѣлище, устремились толпами на старые бульвары и смотрѣли съ жаднымъ любопытствомъ на монарховъ и на высоты, освѣщенные бивуачными огнями.

которые загорались со всѣхъ сторонъ. Я благодарилъ Бога, что Онъ сподобилъ меня быть свидѣтелемъ этого торжества. Потерявъ изъ вида графа Палена и такъ какъ было уже слишкомъ поздно, чтобы можно было отыскать его, я быстро проскакалъ Бельвилъ, который солдаты грабили, и, приказавъ разломать дверь прехорошенькаго загороднаго домика, расположился въ немъ на ночь.

Домъ былъ пустъ; въ него попало нѣсколько ядеръ, всѣ стекла были выбиты, но по всему было замѣтно, что обитатели только-что покинули домъ. Мои казаки быстро развели огонь, достали прекрасные матрацы и постлали мнѣ передъ каминомъ постель, нашли гдѣ-то варенье, вино и другіе припасы, такъ что мы могли отлично подкрѣпить свои силы. Утоливъ голодь, я спокойно легъ спать; казаки расположились въ саду. Однако я приказалъ заложить двери, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ мародерами, которые навѣрно явились бы сюда ночью.

Мое воображеніе было такъ настроено, что я никакъ не могъ уснуть. Вдругъ я услыхалъ стоны, которые на минуту прекратились, а затѣмъ раздались вновь; я прислушивался къ этимъ таинственнымъ звукамъ, но не двигался съ мѣста, какъ вдругъ пронзительный крикъ заставилъ меня поспѣшно вскочить съ постели. Я схватилъ саблю и, направляясь по звуку, вскорѣ отыскалъ шкафъ, въ которомъ былъ спрятанъ французъ. У него была раздроблена нога, и жители, не имѣвъ возможности увезти его съ собою, спрятали его въ шкафъ, откуда я вытащилъ его, уложилъ на одинъ изъ матрасовъ и тщательно забинтовалъ ему ногу бѣльемъ, котораго я нашелъ въ домѣ въ изобиліи; затѣмъ я далъ ему варенья и вина. Какая участь постигла этого несчастнаго, не могу сказать, такъ какъ я оставилъ этотъ домъ на слѣдующій день въ 5 часовъ утра и, горя нетерпѣніемъ узнать, что мы предпримемъ, я тотчасъ пустился на поиски графа Воронцова.

Императоръ и король прусскій находились въ Bondy. Фельдмаршалъ Барклай былъ въ Роменвиллѣ, вся армія стояла бивуакомъ на высотахъ Бельвила, Менильмонта и Монлуи.

Я не нашелъ графа Воронцова, но, желая быть свидѣтелемъ всего, что должно было произойти въ этотъ достопамятный день, я примкнулъ къ бивуаку Кирасирскаго его величества полка, коимъ командовалъ мой другъ и двоюродный братъ генералъ Карлъ Будбергъ.

Съ этого пункта я могъ слѣдить за всѣмъ и могъ видѣть всѣхъ, кто ѣхалъ изъ Парижа въ главную квартиру императора.

Капитуляція была подписана въ 2 часа утра полковниками Фавье и Дени отъ имени французскихъ маршаловъ и полковникомъ Орловымъ и графомъ de-Рааг отъ имени союзныхъ войскъ.

Префекты, депутація отъ муниципальнаго совѣта и нѣсколько офицеровъ національной гвардіи сопровождали нашихъ уполномоченныхъ

въ парадныхъ каретахъ, принадлежавшихъ муниципальному совѣту и употреблявшихся при публичныхъ церемоніяхъ въ дни славы и могущества имперіи. Кареты были бѣлыя, богато позолоченныя, съ императорскими гербами.

Онѣ прослѣдовали безмолвно по опустошенному предмѣстью; бивуачные огни освѣщали вереницу бѣловатыхъ экипажей.

Въ главной квартирѣ, куда поѣздъ прибылъ въ три часа утра, все спало сномъ побѣдителя; но графъ Нессельроде не заставилъ себя ждать. Депутаты сообщили ему о цѣли своего приѣзда и просили аудіенціи у императора, которую министръ обѣщаль устроить имъ, когда императоръ встанеть. Тѣмъ временемъ князь Шварценбергъ послалъ графа Апраксина, въ сопровожденіи начальника національной гвардіи Туртона, чтобы удалить стражу отъ заставъ.

Какъ только были приняты эти предварительныя мѣры, главная квартира императора наполнилась генералами и главными начальствующими лицами союзной арміи. Они восхваляли дѣйствія французской арміи во время битвы, происходившей наканунѣ.

Вскорѣ депутація была допущена къ императору Александру, который милостиво сказалъ ей, что во Франціи у него есть только одинъ врагъ, предъ которымъ онъ долгое время преклонялся и котораго любилъ, но человѣкъ этотъ, снѣдаемый тщеславіемъ, напалъ на него въ его собственныхъ владѣніяхъ и вынудилъ его искать залога дальнѣйшей безопасности въ освобожденіи Европы; упрямство этого человѣка заставило императора преслѣдовать его и сразиться съ нимъ въ самомъ сердцѣ Франціи, и онъ воюеть только съ этимъ человѣкомъ.

Губернаторомъ города Парижа императоръ назначилъ генерала Сакена.

Депутація отправилась обратно, чтобы передать жителямъ Парижа слова императора. Она проѣхала вторично поле сраженія. Этотъ разъ солнце уже ярко блестѣло на небѣ. И депутаты видимо были спокойнѣе, нежели тогда, когда они ѣхали въ главную квартиру.

Вскорѣ на бивуакъ прискакали адъютанты, приказавъ войскамъ строиться въ колонны и ожидать приѣзда императора и короля прусскаго, которые должны были скоро появиться. Я подѣхалъ къ заставѣ, куда стеклась несмѣтная толпа народа.

Возлѣ заставы сталъ командующій главной квартирой и никого не пропускалъ. Въ числѣ лицъ, ожидавшихъ приѣзда императора, было множество генераловъ и нѣсколько принцевъ, между прочимъ принцъ Виртембергскій.

Наконецъ, его величество появился въ сопровожденіи короля прусскаго, князя Шварценберга, фельдмаршала графа Барклая, маршала

Блюхера и несмѣтной свиты генераловъ и офицеровъ. Ихъ было навѣрно болѣе 500.

Императоръ былъ великолѣпенъ въ кавалергардскомъ мундирѣ, на той же сѣрой въ яблокахъ лошади, на которой онъ ѣхалъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ.

Впереди ѣхалъ отрядъ Черноморскихъ казаковъ, отличавшихся своей статностью и красотой, и своимъ живописнымъ нарядомъ.

Вслѣдъ за императоромъ шли колонны русской, прусской и баденской гвардіи съ музыкой во главѣ, затѣмъ артиллерія и кавалерія.

Это великолѣпное шествіе вступило чрезъ porte St.-Martin и направилось по Итальянскому бульвару, по бульвару Маделены и площади Людовика XV въ Елисейскія поля. Въ числѣ парижанъ, присоединившихся къ намъ, я узналъ моего бывшего товарища, графа Ипполита Модена, верхомъ, во фракѣ съ большой бѣлой кокардой на шляпѣ, знакъ его преданности Бурбонамъ.

Императоръ и король прусскій остановились въ Елисейскихъ поляхъ и пропустили войска церемоніальнымъ маршемъ, что продолжалось до 5 часовъ по полудни. Число зрителей было неизмѣримое: весь Парижъ сбѣжался взглянуть на наши войска. Любопытныя и смѣлыя французки подходили къ намъ близко и, услыхавъ, что мы говоримъ по-французски, засыпали насъ вопросами. Одна изъ этихъ дамъ, очень хорошо и изящно одѣтая, никакъ не могла увидѣть императора. Я предложилъ ей сѣсть на мою лошадь, на что она тотчасъ согласилась. Другія дамы пристали съ подобною же просьбою къ моимъ товарищамъ: такимъ образомъ образовалась цѣлая группа женщинъ верхомъ, напротивъ императора, что было имъ замѣчено, и онъ указалъ на нихъ съ улыбкою королю прусскому.

Когда смотръ окончился, то императоръ отправился пѣшкомъ въ домъ князя Талейрана, гдѣ его уже ожидалъ графъ Нессельроде. За нимъ шла несмѣтная толпа, восторженно любуясь имъ.

Когда стемнѣло, и мы хотѣли переночевать въ какомъ-нибудь отелѣ, то оказалось, что намъ вездѣ отказали въ помѣщеніи: всѣ боялись впустить военныхъ, которые могли ничего не заплатить; намъ едва удалось устроиться въ одномъ отелѣ за очень большую цѣну.

На другой день вечеромъ я отправился въ театръ, гдѣ играли Тальма и Дюпенъ. Что это были за блестящіе, дивные таланты, я былъ въ восторгѣ! Когда первая пьеса была окончена, то нѣсколько чело- вѣкъ французовъ, въ числѣ коихъ были графъ Моденъ, Ла-Рошфуко и Монтемаръ, явились къ намъ въ ложу и просили дозволить имъ, спрятавшись за насъ, бросить на сцену свернутую бумажку, какъ только занавѣсъ будетъ поднятъ. Сначала я не соглашался на ихъ просьбу, но сидѣвшія съ ними въ ложѣ дамы изъ самаго хорошаго общества

такъ мило кивали намъ головою, прося не отказать въ ихъ просьбѣ, что я наконецъ согласился, но попросилъ молодыхъ людей оставить нашу ложу, тотчасъ послѣ того какъ они бросятъ свою бумажку, ибо какъ разъ напротивъ, въ ложѣ перваго яруса, я увидѣлъ генерала Сакена и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія навлечь на себя неприятность.

Въ ту минуту, когда занавѣсъ взвился, бумажка, ловко брошенная, упала посреди сцены. Никто не замѣтилъ, откуда она была брошена! Въ партеръ и галлереѣ тотчасъ закричали: «читайте, читайте!» Какой-то актеръ подошелъ къ рампѣ, но ему не дали читать, со всѣхъ сторонъ раздавался возгласъ: «Тальма!»

Вышелъ знаменитый трагикъ; его привѣтствовали неистовыми рукоплесканіями:

— Читайте, чатайте!—кричали всѣ.

Развернувъ бумажку и пробѣжавъ ее, онъ колебался. Крики усилились. Тогда онъ прочелъ громкимъ, взволнованнымъ голосомъ стихотвореніе въ честь Бурбоновъ и Людовика XVIII. Это былъ первый разъ, что имя Бурбоновъ было произнесено громогласно. Раздалось нѣсколько свистковъ, но большинство неистово требовало повторенія стиховъ. Тальма, вполне овладѣвъ собою, вторично прочелъ стихи, вызвавшіе на этотъ разъ неистовые аплодисменты.

Губернаторъ Парижа, генералъ Сакенъ, на котораго я устремилъ взоръ, сидѣлъ въ своей ложѣ совершенно спокойно, не мѣшая этой манифестаціи.

Такимъ образомъ, молодые роялисты впервые высказались публично. Въ тотъ же вечеръ генералъ Сакенъ донесъ императору о случившемся и о сочувствіи, вызванномъ стихами въ публикѣ.

Когда чтеніе было окончено, раздались крики: «Долой орла!» (украшавшаго авансцену) и «Да здравствуетъ лилія!». Крики смолкли только тогда, когда одинъ изъ актеровъ объяснилъ, что тотчасъ невозможно снять орла, но что завтра же его не будетъ.

Спокойствіе возстановилось, и спектакль окончился благополучно.

Послѣ отреченія отъ престола Наполеона, отъѣзда его на остр. Эльбу, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта графа Шувалова, заключенія перемирія и распущенія французской арміи, мы всѣ отправились въ Парижъ, чтобы отдохнуть и развлечься отъ трудовъ походной жизни.

Графъ де-Рошешуаръ (Rocheschouart), флигель-адъютантъ императора Александра и комендантъ г. Парижа, позабылъ щедрое гостепримство, коимъ онъ пользовался въ Россіи, отказалъ въ помѣщеніи тѣмъ, которые принимали его нѣкогда такъ гостепримно, и я, подобно многимъ другимъ, долженъ былъ за большія деньги помѣститься въ отелѣ, между тѣмъ какъ въ четверти верстахъ отъ Парижа самое маленькое селеніе или мѣстечко несло всю тягость военной оккупаци.

Эта мѣра вызвала всеобщій ропотъ, и излишняя заботливость о городѣ Парижѣ на счетъ нашихъ кошельковъ не соответствовала тому, на что мы рассчитывали. Князь Алексѣй Щербатовъ едва жестоко не заплатился за это. Ему, какъ корпусному командиру, предложили занять роскошный домъ, съ множествомъ прислуги, гдѣ его угощали всѣмъ въ изобиліи. И что же? По прошествіи недѣли, ему подали счетъ на 20.000 франковъ. Полагая, что онъ живетъ на счетъ города и очень довольный роскошнымъ помѣщеніемъ и содержаніемъ, кн. Щербатовъ не ограничивалъ усердія дворецкаго, и вдругъ ему пришлось внезапно пробудиться отъ своего чуднаго сновидѣнія. Императоръ, узнавъ о постигшей его непріятности, милостиво уплатилъ его долгъ; но за насъ никто не платилъ.

Чтобы отпраздновать достойнымъ образомъ окончаніе нашего пребыванія въ Парижѣ, офицеры штаба генерала Винценгероде дали ему обѣдъ въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ. Въ тотъ же день кн. Шварценбергъ угощалъ тамъ же обѣдомъ лорда Кастельре, князя Меттерниха, графа Нессельроде и другихъ лицъ.

Предстоявшая эвакуація иноземныхъ войскъ, отъѣздъ Наполеона на остр. Эльбу, возстановленіе во Франціи спокойствія побудили Людовика XVIII возсѣсть на престолъ своихъ предковъ. Онъ совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Парижъ 4-го мая.

Въ этотъ день наши войска нигдѣ не показывались; императоръ Александръ и прочіе монархи были настолько внимательны, что запретили офицерамъ появляться въ военной формѣ. Только генераль Сакенъ, какъ губернаторъ Парижа, составлялъ исключеніе.

Національная гвардія стояла шпалерами на улицахъ; дома были убраны цвѣтами и коврами, на балконахъ, окнахъ и на крышахъ была несмѣтная толпа народа.

Генераль Сакенъ, проѣхавъ, предварительно, по тѣмъ улицамъ, которымъ долженъ былъ слѣдовать король, былъ встрѣченъ криками: «Да здравствуетъ губернаторъ Парижа, да здравствуетъ генераль Сакенъ!»

Король появился въ открытой коляскѣ, запряженной восьмеркою бѣлыхъ лошадей въ богатой сбруѣ.

Вскорѣ послѣ того, какъ король водворился въ Тюльри, императоръ Александръ назначилъ въ честь его большой смотръ войскамъ. Вся русская и прусская гвардіи дефилировали передъ Людовикомъ XVIII, который стоялъ со своимъ дворомъ въ одномъ изъ оконъ дворца. Императоръ Александръ прибылъ во главѣ гвардіи и, стоя рядомъ съ королемъ прусскимъ, съ видимымъ удовольствіемъ слѣдилъ за прохожденіемъ войскъ. Ихъ выправка была замѣчательная, и одержанныя побѣды придавали имъ замѣчательно воинственный видъ.

Я ѣхалъ въ свитѣ губернатора Парижа и встрѣтился случайно

съ Талейраномъ, которому я оказалъ кое-какія услуги въ то время, когда онъ былъ нашимъ военно-плѣннымъ въ Пруссіи. Я обратилъ вниманіе на одного господина, верхомъ, во фракѣ, окруженнаго нѣсколькими молодыми людьми: его наружность поразила меня, и мнѣ пришло въ голову, что это былъ герцогъ Веллингтонъ. Дѣйствительно, онъ только-что пріѣхалъ изъ Испаніи, о чемъ никому еще не было извѣстно. Я поспѣшилъ сообщить объ этомъ генералу Сакену, который, наведя справки, донесъ императору и немедленно послалъ къ герцогу своего адъютанта, чтобы отвести для него во время смотра подобающее мѣсто.

Я былъ несказанно радъ увидѣть этого знаменитаго человѣка. Онъ видимо былъ въ восторгѣ отъ нашихъ войскъ; его открытое, веселое лицо составляло рѣзкую противоположность съ наружностью Людовика XVIII, который не могъ скрыть своего неудовольствія по поводу того, что ему пришлось присутствовать на смотре иноземныхъ войскъ, коимъ онъ былъ обязанъ, между прочимъ, своимъ положеніемъ.

Королю хотѣлось, чтобы мы какъ можно скорѣе выступили изъ Франціи; поэтому его первою заботою было заключить договоръ съ союзными монархами, чтобы ускорить уходъ ихъ войскъ.

Нашей арміи было приказано направиться пятью колоннами къ Рейну и перейти его въ Кобленцѣ, Майнцѣ и Кельнѣ.

Переговоры велись съ величайшею поспѣшностью, наконецъ, 13-го іюня былъ провозглашенъ миръ; на слѣдующій день монархи уѣхали въ Англію, войска выступили изъ Парижа, и генералъ Сакенъ сложилъ съ себя обязанности губернатора. Парижъ, въ знакъ признательности, поднесъ ему саблю и устроилъ въ честь его празднество.

Не имѣя возможности долѣе оставаться во Франціи, я попросился въ отпускъ, чтобы пользоваться водами въ Карлсбадѣ, и съ сожалѣніемъ оставилъ Парижъ, обѣщая графу Петру Палену съѣхаться съ нимъ въ Кельнѣ. По пути въ Карлсбадъ мы заѣхали въ Веймаръ.

Какъ только великая княгиня узнала о нашемъ пріѣздѣ, она тотчасъ прислала къ намъ своего камергера съ просьбою посѣтить ее. Мы поспѣшили одѣться и, сѣвъ въ ожидавшій насъ экипажъ, поѣхали къ ея императорскому высочеству. Къ ней только-что пріѣхала герцогиня Мекленбургская; не смотря на радость свиданія, великая княгиня не заставила насъ долго ожидать: какъ только насъ ввели въ внутренніе покои, великая княгиня вышла къ намъ со своимъ супругомъ и приняла насъ съ тою неизъяснимою любезностью, которая составляетъ особенность нашихъ коронованныхъ особъ. Она представила насъ великому герцогу, какъ своихъ соотечественниковъ, предложила намъ чаю и пригласила на слѣдующій день, чтобы быть представленными великой герцогинѣ.

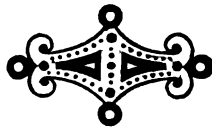
Дѣйствительно, на другой день, въ 12 час. къ намъ явился камергеръ съ экипажемъ, и мы представились великой герцогинѣ, которая пригласила насъ къ обѣду. Вечеромъ, по приказанію великой княгини Маріи Павловны, намъ подали коляску, въ которой мы катались въ паркѣ и въ окрестностяхъ города, а затѣмъ были приглашены ея высочествомъ къ ужину.

На слѣдующій день ея императорское высочество предложила намъ поѣхать въ Бельведерскій дворецъ, чтобы познакомиться съ ея дочерьми.

На третій день былъ обѣдъ на 100 персонъ у великой герцогини, а вечеромъ спектакль, гдѣ мы удостоились чести быть приглашенными въ ложу великой княгини.

Эта мирная жизнь была прервана пріѣздомъ великаго князя Константина Павловича.

Послѣ его отъѣзда при дворѣ былъ снова большой обѣдъ, на которомъ я имѣлъ счастье видѣть Гёте. На слѣдующій день мы откланялись великой княгинѣ и ея супругу и отправились въ Карлсбадъ, а затѣмъ въ Россію.

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи ¹⁾).

Въ Іерусалимѣ.

20.

1-го іюля.

Сегодня почта, а потому я сегодня отдыхаю, пишу къ своимъ. До сихъ поръ не получала ни отъ кого писемъ, между тѣмъ подъ часъ грущу. Завтра ѣду въ Горнее съ Е. А. Мазараки, буду тамъ ночевать. Приѣхавши (обратно), подѣлюсь моими впечатлѣніями и передамъ тебѣ то, что увижу и что мнѣ Господь на сердце положить.

О Іерусалимѣ скажу, что здѣсь постоянно жить намъ, русскимъ монахамъ, нѣтъ возможности; тутъ живутъ дѣйствительно тѣ, которымъ жить на яру пригоже. Съ архимандритомъ Рафаиломъ мы говорили откровенно; онъ считаетъ, что здѣсь онъ распятъ на крестѣ сплетнею и клеветою. Греки дѣлаютъ козни русскимъ, архимандрита Антонина они любили, потому что и онъ сталъ жить не по-русски, а по-гречески, а архимандрита Рафаила не любятъ, потому что во истину монахъ, у него нѣтъ прислужницъ, кому бы онъ все довѣрялъ.

21.

2-го іюля 1896 г.

Сегодня церковь православная привѣтствуетъ Святую Дѣву Богородицу. Радостный тропарь написанъ въ честь той радости, которую Матерь Божія оказала роду человѣческому, избравъ на то святую церковь Влахернскую. Сжимается мое сердце, видѣвши воочию запусѣніе

¹⁾ См. „Русскую Старину“, іюнь 1902 г.

этой великой церкви. Все было грѣхами рода человѣческаго превращено огнемъ въ груды мусора и кирпича въ 1434 году, т. е. незадолго до взятія Константинополя турками и это пепелище состояло съ того времени частнымъ имуществомъ турокъ. Только въ шестидесятихъ годахъ мѣсто знаменитаго храма, вмѣстѣ съ священнымъ источникомъ, было куплено у турокъ однимъ православнымъ обществомъ константинопольскихъ ремесленниковъ, и сооружена надъ источникомъ небольшая часовня, въ которой нынѣ богомольцы преклоняютъ колѣни передъ небольшой древней иконой (въ серебряной ризѣ) Пресвятой Богородицы и пьютъ священную воду изъ чудотворнаго источника.

Риза же Приснодѣвы, какъ намъ извѣстно, т. е. часть оной, хранится въ Москвѣ въ Благовѣщенскомъ и Успенскомъ соборахъ, а часть пояса хранится на Аѳонѣ. Вотъ то, что я воочию видѣла, и ты можешь вполне понять, что видъ этой часовни, вмѣсто величественнаго храма, не можетъ не возбудить въ сердцѣ богомольца особенной жалости, особеннаго чувства къ тому источнику, отъ котораго многіе получали исцѣленіе, даже и теперь, въ наше время.

Приходить мнѣ на мысль, неужели въ настоящее время нельзя отъ щедротъ всего русскаго народа воздвигнуть на томъ священномъ мѣстѣ долженствующій быть тамъ православный русскій храмъ, въ память крещенія предковъ, русскихъ князей Аскольда и Дира, со многими русскими дотолѣ язычниками въ 865 году и въ память особаго благоговѣнія русскихъ къ церкви Влахернской, установленіемъ у насъ на Руси въ княженіе князя Олега въ 911 году праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, 1-го октября.

22.

4-го іюля.

Вчера вечеромъ въ 9 час. утра, мы вернулись изъ Горняго. Горній— это весьма красивая мѣстность среди горъ и каменныхъ холмовъ, населена арабами, католиками, турками, православными, т. е. монахинями по одеждѣ только, самовольными труженицами, возмущившимися при началѣ порядка, который архимандритъ Рафаилъ началъ тамъ водворять. Горній, по безотрадной тамъ жизни, въ 10-ти верстахъ отъ Іерусалима, нельзя ничему уподобить какъ только острову Сахалину; средствъ никакихъ нѣтъ. Отецъ Антонинъ обездолилъ эту мѣстность, и священниковъ нечѣмъ содержать. По праздникамъ отецъ архимандритъ туда посылаетъ іеромонаха изъ Миссіи.

Была я у католиковъ, поклонилась мѣсту цѣлованія и жилью Захарія и Елизаветы, пещерѣ, гдѣ Елизавета скрывала младенца Іоанна. Выпила воды изъ источника св. Елизаветы, но въ пустыню Іоаннову

я, по слабости ногъ, не пошла, такъ какъ пришлось бы идти, взадъ и впередъ 6 верстъ, все по каменной горной дорогѣ. Конечно, жалко, но должна была по немощи смириться. Трапеза, т. е. зданіе воздвигнуто, но капитала, обезпечивающаго трапезу, нѣтъ никакого, нѣтъ капитала, и обезпечивающаго церковь. Послѣ всего вышесказаннаго, можете себѣ вообразить, что я, бывши разъ въ Горнемъ, вѣроятно, туда болѣе не поѣду, и мысль моя тамъ жить и принять схиму есть мечта неудобовыполнимая, я должна съ нею разстаться навсегда. Вечеромъ въ 7 часовъ я простилась съ Горнимъ. Ночевала я въ гостиницѣ, которая очень хороша; деревья и цвѣты посажены и цвѣтутъ въ добромъ порядкѣ; разрываютъ каменную гору и насыпаютъ землю ежегодно, чтобы растенія не погибли; кисти виноградныя висятъ, но онѣ еще не созрѣлы; вообще хорошая мѣстность, но жить тамъ далеко не легко. Завтра, 5-го, патриархъ служить на Голгофѣ въ 6 час. утра, въ честь великаго князя Сергія Александровича.

23.

5-го числа, вечеромъ.

Сегодня въ 6 час. утра, былъ громогласный звонъ, я уже была на Голгофѣ съ 5-ти часовъ, хотѣлось посмотрѣть входъ блаженнаго патриарха Герасима. Три каваса съ булавами шли передъ шествіемъ, за ними пѣвчіе-греки съ тремя оборванными исполатчиками безъ стихарей, и въ оборванныхъ пиджакахъ, стали направо близъ патриаршаго мѣста. Хоръ составляютъ три-четыре монаха, которые кричатъ безъ всякаго напѣва. За ними шли 4 діакона въ облаченіяхъ бѣлаго газета, два съ кадилами; за діаконами 4 священника и два архимандрита въ бѣлыхъ облаченіяхъ. Архимандриты въ камилавкахъ, русскій архимандритъ Рафаилъ и другой съ Кавказа поклонникъ; за ними шель патриархъ съ жезломъ, облаченный въ сакось съ омофоромъ, въ камилавкѣ. Ни онъ, ни архіереи, ни архимандриты, служа на Голгофѣ, не дерзаютъ надѣвать митры, въ память распятія Господня и того, что Онъ, Богочеловѣкъ, на Голгофѣ былъ увѣнчанъ вѣнкомъ терновымъ. Взошедши на Голгофу, патриархъ всталъ на каеэдру среди церкви, за нимъ было поставлено кресло; по лѣвую руку стояли русскіе пѣвчіе. Проскомидія была совершена до прихода патриарха. Я стояла у жертвенника, пока читалось мое поминаніе служащимъ русскимъ священникомъ изъ Миссіи. Часовъ не читали, началась прямо литургія. Престоль и жертвенникъ открыты. Престоль, гдѣ былъ водруженъ крестъ, доступенъ всѣмъ и каждому. Направо отъ престола православныхъ—престоль католическій. Обѣдня началась; патриархъ сѣлъ, когда начали пѣть по-русски псаломъ, потомъ, когда былъ входъ съ Евангеліемъ, онъ, какъ всегда, пошелъ къ престолу и

*

самъ совершалъ литургію. Отецъ архимандритъ Рафаиль былъ, конечно, вторымъ; возгласы были по-гречески, а эктенія по-русски; Евангеліе читали по-гречески на возвышеніи, т. е. на каедрѣ, а по-русски на аналоѣ, какъ всегда. Патріархъ снялъ на то время свою камилавку, потомъ опять надѣлъ. Затѣмъ, когда начали пѣть Херувимскую по-гречески, онъ надѣлъ малый омофоръ и снялъ камилавку. Херувимскую пѣть никогда не дозволяютъ греки русскому хору, только исключеніе бываетъ ночью, при разрѣшительныхъ обѣдняхъ. Греки пѣли отвратительно полчаса, потомъ шла обѣдня своимъ порядкомъ. «Вѣрую» читали по-гречески, а «Достойно» пѣли по-русски и до конца литургіи. Всѣ служащіе до одного приобщались. Завѣсы не было между народомъ и клиромъ. Патріархъ, приобщивши всѣхъ, умылъ себѣ уста и руки, вкусилъ антидору самъ, давалъ около него стоящимъ русскимъ: консулу, уполномоченнымъ Палестинскаго общества и другимъ. По окончаніи обѣдни начался по-русски молебень Сергію чудотворцу, и послѣ многолѣтія патріархъ давалъ многимъ прикладываться ко кресту.

24.

7-го іюля.

Сегодня патріархъ стоялъ службу въ Воскресенской церкви. Въ 6 часовъ утра, когда онъ вышелъ изъ патріархіи, зазвонили во вся. Я сейчасъ же пошла къ обѣднѣ въ Воскресенскій храмъ. Патріархъ стоялъ въ формѣ, не служилъ, стоялъ въ богатой мантии, шитой жемчугомъ; на ступеняхъ два монаха другъ противъ друга, у одного жезлъ. Удивительно, что часы не читаютъ, проскомидію совершаютъ, и послѣ нея начинаютъ обѣдню. Во время обѣдни патріархъ самъ читалъ громко «Вѣрую» по-гречески. Къ чтенію Евангелія онъ и всѣ іеромонахи снимаютъ наметки съ камилавокъ, а монахи и послушники свои камилавки не снимаютъ во все время, даже при совершеніи св. Таинъ. Когда же бываетъ входъ великій, то патріархъ сходитъ съ своей каедры и стоитъ около нея съ головою склоненною, потомъ опять входитъ на нее. Во время причастія онъ опять сходитъ и всѣмъ подходящимъ даетъ антидоръ.

25.

13-го іюля.

Сегодня Соборъ архистратига Гавріила, но здѣсь греки плохо празднуютъ, тяжело все это видѣть. Въ 5 часовъ утра разбудивши своихъ, въ 6 час. мы пошли къ Яффскимъ воротамъ; тамъ ждалъ насъ нанятый мною извозчикъ-арабъ, и мы поѣхали въ церковь св. Маріи Магдалины, на подошвѣ горы Елеонъ. Тамъ мѣсто дивное, храмъ вели-

колѣпный; вотъ тутъ слѣдовало бы быть женскому монастырю, а не въ Горнемъ. Вокругъ церкви устраиваются сады съ приличными дорожками, русская миссія прилагаетъ къ тому должное стараніе. Русскій іеромонахъ Павелъ, по старости своей, пріѣхалъ на осленкѣ, два дьякона и пѣвчіе пришли пѣшкомъ, тутъ разстояніе не болѣе трехъ верстъ по шоссе. Пріѣхали мы въ 7 часовъ до благовѣста; въ 8 часовъ изъ Гевсиманіи набрались поклонники, служба была согласна моимъ желаніямъ и моему внутреннему настроенію. Не хотѣла я пріобщаться въ греческой церкви, такъ какъ не могу сочувствовать этому неистовому греческому пѣнію, мѣшающему мнѣ молиться. Вчера, когда мы возвратились, послѣ исповѣди отъ отца Вениамина домой, въ наше жилище, пришелъ патріархъ Герасимъ посмотрѣть найденное въ археологическомъ отношеніи сокровище—это громадную, саженъ въ 20 длины и 10 ширины цистерну, наполненную чистой холодной водой въ 2 сажени глубиною, временъ царицы Елены, невѣдомыми Божиими судьбами уцѣлѣвшую безъ всякаго поврежденія въ зданіи Святаго Гроба, до сихъ поръ никому неизвѣстную. Откопать оную и сдѣлать доступною всѣмъ, для снабженія водою, стоило до 3.000 руб. Архимандритъ Евфимій очень дѣятельный человѣкъ, онъ все устроилъ на счетъ Св. Гроба. Это открытіе весьма важно; турки все разорили, но до этой цистерны не добрались, глубина ея громадная. Я сама спустилась въ пещеру ступенекъ на сорокъ по узенькой каменной лѣстницѣ, тѣхъ же временъ. Рядомъ съ этимъ уцѣлѣла большая зала подземная: каменные столы посреди въ два ряда указываютъ, что тутъ была подземная столовая или что другое. Столы аршинъ по 10 каждый. Надъ ними въ сводѣ устроены люстры. Эти столы теперь предназначаются для кормленія странниковъ въ праздничные дни. Лѣстница широкая бѣлаго мрамора ведетъ въ прихожую Аврааміевскаго подворья, т. е., гдѣ устроена мраморная лѣстница въ номера архимандрита и насъ, здѣсь помѣщающихся. Патріархъ, взошедши на верхъ къ отцу архимандриту, гдѣ есть комната для пріема гостей, по восточному обычаю, просилъ къ нему меня пригласить; тутъ была и сестра и племянникъ архимандрита. Патріархъ занялся со мною особенно, но такъ какъ изъ европейскихъ языковъ онъ знаетъ только французскій, много со мной говорилъ. Поговорила и я съ нимъ о Влахернской церкви. Общала поискать, нѣтъ ли какихъ-либо записей объ явленіи Матери Божіей въ Влахернѣ, и мнѣ все передать въ переводѣ; пригласилъ меня у него бывать во всякое время, когда я буду здорова и свободна въ его уединенномъ монастырѣ въ родѣ дачи, гдѣ хранится гробъ Симеона Богопріимца. Вообще онъ ко мнѣ очень благоволяетъ, за чтѣ, конечно, я ему очень благодарна. Про архимандрита мнѣ передавалъ, что онъ когда его видитъ, никогда не забываетъ спросить обо мнѣ, о моемъ здоровьи и спокойно

ли мнѣ въ зданіи, принадлежащемъ къ Св. Гробу. Спасибо имъ, не стою я ихъ высокаго вниманія, думаю, до отъѣзда въ Галлилею, зайду къ нему непременно, онъ весьма добрый, умный и пріятный человѣкъ лѣтъ подъ 50 не болѣе; поговорю съ нимъ о пѣніи, узнаю, почему такъ неистово кричать.

26.

14-го іюля.

Іерусалимъ во время обѣдни на пять минутъ былъ орошенъ теплымъ дождемъ, который пошелъ какъ бы изъ ведра. Это всѣхъ удивило, но прошли эти блаженные минуты, и опять пылъ въ видѣ извести. Солнце свѣтитъ всегда, но зима здѣсь, говорятъ, невыносимая для здоровья; дожди льютъ, постоянно по два и по три мѣсяца непрерывно, въ комнатахъ сыро; печей почти нигдѣ нѣтъ, такъ и на нашемъ подворьи. Можно поставить желѣзную печь временную, но конечно сырость будетъ страшная; зимнихъ рамъ нѣтъ. По Іерусалимскимъ улицамъ съ октября надо плавать, а не ходить; вода повсюду бѣжитъ и все стекаетъ въ цистерны Гроба Господня и другія низкія мѣста города. Въ Воскресенскомъ храмѣ даже лѣтомъ сыро, а потому я опасаясь ходить въ оный на ночную молитву. Всѣ тѣ, которые тамъ часто бывають ночью, всѣ получаютъ лихорадку. Я же грѣшная при моемъ слабомъ здоровьи и въ мои лѣта считаю для меня счастьемъ быть у Св. Гроба и на Голгофѣ ежедневно, когда душа моя туда помолиться влечетъ. На русской постройкѣ также нѣтъ печей; отецъ архимандритъ начинаетъ теперь ихъ понемногу устраивать, т. е. для братіи миссіонерской. Въ палестинскомъ домѣ печь есть, но зато дороговизна страшная, паломникамъ нѣтъ покоя. Русская больница получаетъ по 50 коп. съ cadaго паломническаго паспорта, чтѣ составляетъ доходу болѣе 5.000 р., коекъ въ больницѣ 40. Пища сестрамъ милосердія въ столовой Палестинскаго общества и всему палестинскому персоналу даромъ, обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ втораго класса, а поклонникамъ втораго класса этотъ обѣдъ стоитъ по 50 к. съ человѣка, а въ третьемъ классѣ борщъ и каша по 10 коп. съ человѣка; квартиры тамъ очень дороги, самоваръ въ день 20 коп. Съ поклонниковъ берутъ съ cadaго по назначенной цѣнѣ для платы проводникамъ, собираются, простите за выраженіе, табунами, и всѣ должны идти для поклоненія святынямъ; они должны сами платить за ослонъ и за верблюдовъ. Прежде все было гораздо дешевле, а теперь благодаря дороговизнѣ каждый спѣшитъ домой, прощаясь съ Іерусалимомъ съ грустью.

27.

17-го іюля.

Вотъ уже третій день, какъ мое перо отдыхаетъ, и я не подѣлилась съ тобой моими мыслями, чувствами и впечатлѣніями. Всѣ мои предположенія по волѣ Божіей не осуществились. Я съ 15 числа нигдѣ по богомольямъ не ходила и никуда не ѣдила, во-первыхъ, не рѣшилась сѣсть на осленка, оставила Елеонъ до предбудущихъ дней, послѣ всѣхъ предполагаемыхъ путешествій. Я рѣшилась только нѣсколько дней молиться неотлагательно на Голгофѣ и у Гроба Господня; очень устали мои ноги, дала имъ отдыхъ. До завтра.

28.

18-го числа.

Все время сижу дома и занимаюсь перепискою также и чтеніемъ; чтеніе утверждаетъ въ благоговѣйномъ расположеніи, въ богомыслии. Признаюсь, что я, не имѣя наставника въ умномъ дѣланіи, послѣ смерти незабвеннаго митрополита Филарета считаю необходимымъ упражняться по мѣрѣ возможности въ чтеніи дѣяній Св. Отцевъ, руководясь его же отеческимъ совѣтомъ, всегда помня его слова: «упражняйтесь въ чтеніи священнаго писанія, оно просвѣщаетъ умъ и сердце, а безъ чтенія истины намъ не разумѣть».

Сейчасъ отъ обѣдни, сегодня четвергъ. Были на раскопкахъ въ церкви Св. Александра Невскаго, слава Богу! Сердце мое утѣшилось русскою службою; пѣли три голоса, тихо, стройно, умирительно. Великое спасибо царственной семьѣ за сооруженіе въ этомъ мѣстѣ русской церкви,—только мѣсяца два, какъ она освящена. Раскопки—это мѣсто, пріобрѣтенное отцомъ Антоніемъ. Онъ открылъ конецъ страстнаго пути близъ храма Гроба Господня. Господь наконецъ благословилъ и намъ, русскимъ, овладѣть нынѣ частию того мѣста, по которому проходилъ Спаситель міра къ мѣсту распятія, т. е. на Голгофу. Открытію столь священнаго памятника мы обязаны великому князю Сергію Александровичу, который, бывши здѣсь въ 1881 году, поручилъ православному Палестинскому обществу расчистить все мѣсто до скалы. При этихъ раскопкахъ обнаружались остатки древней городской стѣны, высокій помостъ и тотъ проходъ, который велъ изъ города на Голгофу. Нельзя сомнѣваться, что то мѣсто и было конечно стезею крестнаго пути Богочеловѣка, а потому какая радость русскимъ молиться въ той вновь сооруженной церкви рядомъ съ Голгофою, т. е. на тѣхъ же скалахъ, въ своемъ храмѣ, который зависитъ не отъ грековъ, а отъ рус-

ской миссіи, и какая радость русскимъ, что эту стезю Господь благословилъ открыть намъ изъ подъ вѣковаго забвенья. Зданіе богато устроено. По срединѣ церкви Св. Александра Невскаго стоитъ громадный камень четырехъугольный въ родѣ сѣдалища. Говорятъ, тутъ сидѣлъ Пилать во время распатія Богочеловѣка и суда Его. Послѣ расчистки открывшагося перерыва въ стѣнѣ обнаружилась арка между двумя столбами, а потомъ далѣе немного и порогъ воротъ, по срединѣ которыхъ оказались съ ясными слѣдами ямки для засова и петель. Ворота въ то время назывались «судными воротами». Тутъ и вели страдальца Иисуса на вольную страсть. Фундаментъ подъ эти ворота устроенъ теперь подъ желѣзной рѣшеткой. За воротами большое распятіе, устроенное на огромномъ утесистомъ дикомъ камнѣ. Тутъ читается ежечасно псалтырь по императорѣ Александрѣ Александровичѣ. По мѣстоположенію видно, что все это мѣсто шло въ гору, начиная съ Геесиманскаго сада, до алтарной части храма Воскресенія, который нынѣ въ смежности съ абиссинскими постройками, кои прилегаютъ къ подземной церкви Обрѣтенія Креста. Участокъ русскій выходитъ на улицу «Бабъ-эль-Амудъ» и зовется русскимъ мѣстомъ; оно было приобрѣтено архимандритомъ Антониномъ у одного коптскаго священника. Четверть вѣка участокъ пролежалъ пустыремъ, заваленный мусоромъ. Промыслу угодно было вскрыть завѣсу прошлаго только въ истекшихъ восьмидесятихъ годахъ черезъ высочайшаго паломника, великаго князя Сергія Александровича.

29.

19-го іюля.

Вчера я была очень обрадована полученіемъ письма изъ Москвы отъ сестры моей Аладыной. Посланное мнѣ письмо изъ Усмани отъ 9-го іюня я получила 4-го іюля, т. е. оно шло три недѣли. Теперь я уже все разузнала; нужно посылать изъ Москвы и вообще изъ Россіи съ марками австрійской почты, гораздо скорѣй. Также отъ насъ въ Россію съ турецкою или съ австрійскою почтою, а съ русскимъ парходнымъ обществомъ идетъ гораздо тише, а потому я черезъ русское консульство никогда не посылаю.

Всѣ принимающіе во мнѣ участіе не совѣтуютъ мнѣ здѣсь надолго оставаться, а именно отецъ Рафаиль и духовникъ мой старецъ Веніаминъ. Они говорятъ: первое, климатъ въ зимнее время отвратительный, второе народъ здѣшній ужасный. Іерусалимъ есть логовище сплетенъ, никого въ покоѣ не оставляютъ; третье, въ рождественскіе праздники не возможно быть мнѣ въ Виелеемѣ, потому что въ вертепѣ не возможно будетъ мнѣ добраться цѣлую недѣлю.

Отецъ архимандритъ Рафаиль жалѣетъ очень о Саровской пустыни,

радъ былъ бы опять уѣхать навсегда. На счетъ принятія схимы, тотъ и другой совѣтуютъ мнѣ оную принять въ Россіи, а здѣсь не принимать, предвѣщая мнѣ большія затрудненія относительно послушаній разныхъ, если приму схиму по благословенію патріарха. Все это разсудивши и убѣдившись, что въ Горнемъ мнѣ жить положительно не возможно по всѣмъ тѣмъ причинамъ, которыя тебѣ уже извѣстны, что я, принявши схиму, должна жить въ греческомъ какомъ-либо монастырѣ, на всю мою жизнь довольствоваться греческимъ богослуженіемъ, которое раздражаетъ мои больные нервы и безъ принятія схимы, а потому я рѣшила жить здѣсь до конца сентября, а въ сентябрѣ ѣхать черезъ Александрію, пожить въ Константинополѣ нѣкоторое время, а затѣмъ поѣхать въ Кіевъ къ великой княгинѣ Александрѣ Петровнѣ, а побывавъ въ Кіевѣ, пріѣхать къ тебѣ, моя дорогая, чтобы укрѣпиться духомъ. Вѣрую, Господь мнѣ пошлетъ кого-нибудь изъ Бѣлгородскаго монастыря, который довезетъ меня до тебя, и ты утѣшишь меня твоею любовью, и я, можетъ быть, не буду тебѣ въ тягость. Можетъ быть, я поѣду къ своимъ въ Пензу, а послѣ поѣду туда, куда тебѣ Господь положить на сердце меня устроить. Вотъ о чемъ я теперь думаю, и никакихъ другихъ проектовъ у меня нѣтъ. Хочу жить подъ твоимъ вѣдѣніемъ, не отягощая собою твою обитель въ Балашовѣ. Пишу откровенно, какъ другу и матери. Мнѣ теперь ничего не надо кромѣ уголка, стаканка молока и чашки чаю; не нужно и келейной. Я счастливѣе воѣхъ: я живу теперь у Гроба Господня и буду впоследствии жить одними воспоминаніями. Чтожъ мнѣ искать теперь? Тебя мнѣ далъ Господь, тебѣ послужу чѣмъ только могу, хочу у тебя и умереть..

30.

19-го іюля, пятница.

Сейчасъ пришла изъ храма Воскресенія Христова. Праздничный благовѣстъ разбудилъ меня въ 4 часа, послѣ обѣда легла и уснула крѣпкимъ сномъ, такъ какъ я эту ночь дурно спала. Умывшись, пошла въ церковь. Храмъ почти пустъ, только служащіе и нѣсколько монахинь и одинъ чтець. Весь духовный причтъ и всѣ жители Іерусалима двинулись въ монастырь св. пророка Іліи, который за 8 верстъ. Говорятъ, сегодня и завтра тамъ будетъ болѣе 10.000 народу. Я пошла въ «прிடѣлъ заключенія во узы Спасителя міра» и поклонилась сохранившимся до сихъ поръ оковамъ священнымъ, въ которыя заключены были въ темницѣ святѣйшія ноги избавителя міра Іисуса Христа, и просила Его освободить меня грѣшную отъ узъ грѣховныхъ и страстей человѣческихъ. Рядомъ взошла въ прிடѣлъ Скорби Богородицы, въ которомъ преданіе говоритъ, что Она, Владычица міра, оставалась съ же-

нами мученицами, плача и рыдая, когда влекли ея Божественнѣйшаго сына, какъ агнца на закланіе и пригвождали Его ко кресту. Тутъ не возможно не взывать умомъ и сердцемъ.

Пошли въ придѣлъ св. мученика Логина сотника, гдѣ было отсѣченіе его главы и гдѣ, по обрѣтеніи оной, одна богобоязливая женщина, лишенная зрѣнія, тотчасъ и прозрѣла. Затѣмъ пошла я въ придѣлъ раздѣленія ризъ Христовыхъ и приложилась къ камню, на которомъ это раздѣленіе совершалось. Тутъ я немощная сошла съ каменной лѣстницы въ 30 ступеней и пошла въ придѣлъ Обрѣтенія честнаго и животворящаго Креста Господня, приложилась къ каменному сѣдалищу, на которомъ царица Елена сидѣла, когда по ея повелѣнію отрывали Крестъ Христовъ. Тутъ я спустилась въ подземную пещеру, гдѣ и было открыто честнѣйшее древо, въ которую ведутъ 20 высокыхъ ступеней. Пещера эта освѣщена тремя большими лампадами. Мракъ пещеры, сырость, висящіе надъ головою камни перенесли меня грѣшную мысленно къ святой труженицѣ царицѣ съ молитвою, да упробитъ она милосерднаго Бога принять мой трудъ поклоненія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она, святая труженица, обрѣла древо, на которомъ совершилось таинство Испытателя рода человѣческаго. Святыми молитвами ея, слабыя ноги мои бодро взойшли на высокія двѣ лѣстницы, оттуда вошла я въ придѣлъ «Терноваго вѣнца», въ которомъ сохранился обломокъ колонны, на которомъ претерпѣвалъ Создатель міра цѣлый сонмъ поруганій съ страшнѣйшими страданіями плоти. Избавитель міра какъ Богочеловѣкъ тутъ былъ окровавленъ мучительными иглами терноваго вѣнца. Приложившись къ этой святынѣ, надъ которой устроенъ св. престоль, я не замедлила взойти на святую Голгофу. О томъ, что чувствуетъ душа, взирая на Крестъ Христовъ, который поставленъ за престоломъ, т. е. за нѣсколько вершковъ отъ мѣста, гдѣ онъ былъ водруженъ и гдѣ Спаситель умеръ, я передать не въ силахъ—тамъ, кажется, рай земной. Люблю храмъ Голгофы, люблю взирать подолгу на страдальческій ликъ умирающаго Господа. Храмъ безъ оконъ, свѣтъ озаряетъ оный съ западной стороны изъ притвора храма Воскресенія. Множество лампадъ освѣщаютъ Божественный ликъ, при которомъ предтояетъ Матерь Божія и св. Іоаннъ Богословъ. За распятіемъ полумракъ, какъ и во всемъ храмѣ. Главный престоль православныхъ, а не подалеку алтарь католиковъ, третій—армянскій.

Отдохнувъ въ этомъ раѣ земномъ, я спустилась въ придѣлъ главы Адама. Тутъ подъ Голгофою видна расщелина, какъ дрогнулъ камень въ часъ смерти Богочеловѣка. По преданію тутъ лежалъ черепъ праотца нашего Адама, и на него протекла божественная кровь Спасителя міра. Здѣсь погребены и погребавшіе Господа Іосифъ и Никодимъ. Они тутъ же покоятся въ той скалѣ, которую освятилъ своимъ погребеніемъ вос-

кресній Господь. Оттуда я опять пошла къ Кувукліи, поклонилась придѣлу Ангела, приложилась къ Св. Гробу, зашла въ придѣлъ, именуемый «Не прикасайся мене», т. е. гдѣ Марія Магдалина увидѣла Господа въ первый разъ по воскресеніи Его. Очень замѣчательно то, что ни въ одномъ путеводителѣ нѣтъ этого воспоминанія пророческихъ словъ святаго царя пророка Давида: «спасеніе содѣлалъ еси посреди земли Божіей». Въ ознаменованіе ихъ въ Воскресенскомъ храмѣ поставлена мраморная ваза или чаша въ 1 арш. вышины среди собора, который есть середина Иерусалима, а Иерусалимъ середина Палестины. Посреди этой вазы какой-то глобусъ, по которому сдѣланъ черной краской крестъ полувыпуклый. Простолюдины поклоняются этой вазѣ, становятся по краямъ вазы свѣчки, прикладываются къ серединѣ креста и говорятъ, что это есть пупъ земли. Фанатики, т. е. ничего не соображающіе, говорятъ, что подъ вазой слышенъ стонъ подземный, и тутъ ставятъ свѣчи, прося Бога спасти ихъ отъ ада, предполагая, что подъ Воскресенскимъ храмомъ въ глубинѣ земли помѣщается адъ, потому что, по ихъ необразованію и ограниченнымъ понятіямъ, они предполагаютъ, что воскресшій Христосъ близъ самаго гроба, изшедъ изъ онаго, яко женихъ водворился въ бездну ада, смерть поправилъ и своимъ возстаніемъ воздвигнулъ умершихъ и жизнь имъ даровалъ, слѣдовательно, адъ подъ этой вазой. Признаюсь, такое дикое понятіе простолюдиновъ поклонниковъ поддерживается невѣрами греческими монахами ради дохода и пр.

31.

20-го іюля.

Здравствуй, моя дорогая. Св. пророкъ Ілія да сохранить тебя отъ всякаго зла. Сегодня я наняла фургонъ, т. е. крытую четверомѣстную коляску въ родѣ кареты, парой за 12 руб., и проводника-драгомана за 5 руб., и мы 23-го поѣдемъ въ Виенеемъ, и къ Дубу Маврійскому, также и къ источнику Соломона; на пути заѣдемъ въ монастырь св. Іліи пророка. Поѣду на три дня, вернусь въ четвергъ вечеромъ. Отдыхать буду эти дни, дабы сохранить ноги для сказанной поѣздки, гдѣ, говорятъ, мнѣ придется шествовать съ горы на гору, по 2 и болѣе версты, т. е. тамъ, гдѣ въ экипажѣ поѣзду не бываетъ.

Вечеръ 20-го.

Пошла къ вечернѣ въ Воскресенскій храмъ. Послѣ службы долго сидѣла я близъ Кувукліи; народу вовсе не было, кой-кто проходилъ къ Гробу, я же на досугъ стала всматриваться на монашескія келіи, окружающія Кувуклію, и все болѣе стала негодовать на нерадѣніе и нечистоту, окружающую святыню всѣхъ храмовъ. Греки хотя православные, но далеко не то, что русское монашество; мы соблазняемся на корысто-

любіе аеоицевъ, между тѣмъ они тому корыстолюбію научились въ аеоискихъ греческихъ монастыряхъ на Аеоиѣ; и въ Палестинѣ также нѣтъ теперь того, что ищетъ религиозное безкорыстіе, все основано и здѣсь на дѣятельной наживѣ. Архимандриты, іеромонахи, монахи всѣ имѣютъ здѣсь недвижимую собственность, дома, лавки, сады; они турецкіе подданные и дѣйствуютъ по-турецки. Старцевъ и отшельниковъ здѣсь теперь нѣтъ,—все поправно идеями XIX вѣка; нѣтъ теперь и здѣсь настоящихъ монаховъ. На русской постройкѣ остались двое изъ русскихъ, въ томъ числѣ мой духовникъ 80-лѣтній старецъ іеромонахъ Вениаминъ и еще другой труженикъ, а изъ грековъ есть одинъ іеродіаконъ Ефремъ, выдающаяся личность.

32.

22-го іюля 1896 г.

Была русская архіерейская служба на Голгофѣ. Служба была хороша потому, что были русскіе пѣвчіе; пѣли тихо и очень стройно. На молебень вышли три архіерея: одинъ служащій, а два въ черныхъ монашескихъ мантияхъ, и сверхъ оныхъ малый омофоръ. Поражена была безпорядкомъ, жезлъ архіерейскій некому было принять при маломъ входѣ, онъ отдалъ его кавасу съ булавою, у котораго на головѣ феска, а тотъ отдалъ архіерейскій посохъ держать мужику-поклоннику. Потомъ въ другой разъ онъ опять далъ свой жезлъ кавасу, а тотъ далъ его маленькому мальчику, тутъ стоящему, и мать его этотъ посохъ подерживала, чтобы онъ не упалъ.

Весь русскій людъ, консульство и дѣятели Палестинскаго общества присутствовали у службы съ ихъ драгоманами и кавасами,—все это хорошо, но въ Россіи много лучше, а всего лучше, поживши въ Св. Землѣ, возвратиться умирать въ Россію. Завтра я ѣду въ Вилеємъ, часа въ три дня, а потому оставляю перо.

33.

24-го іюля. Св. градъ Вилеємъ.

Отъ радости духовной не знаю, чѣмъ начать мое письмо. Остановилась я въ монастырѣ. Вертепъ былъ близъ меня, и мое сердце искало мѣсто рожденія Спасителя міра. Въ 4¹/₄ ч., я была въ храмѣ Рождества Христова, храмъ великолѣпный, но тоже бѣдно и неумыто. Изъ мѣста, у насъ называемаго трапезою, оказалась лѣстница, ведущая внизъ въ Вертепъ. Мой проводникъ меня ждалъ у Вертепа. Служащій арабскій священникъ уже совершилъ проскомидію на мѣстѣ,

гдѣ серебряная звѣзда съ 14 лучами на окружности круга и гдѣ начертана латинская надпись: «здѣсь родился Иисусъ Христосъ отъ Дѣвы Маріи». Надъ звѣздою висятъ 16 неугасимыхъ лампадъ, висячихъ и двѣ стоящихъ на самомъ помостѣ, т. е. на полу. Надъ этимъ помостомъ помѣщается мраморная доска, которая, какъ въ нишѣ, образуетъ престолъ, на которомъ имѣютъ право совершать литургію какъ православные, такъ и армяне. Стѣны ниши украшены покровомъ, малиноваго бархата, усѣяны вышитыми херувимами, а посрединѣ вышитъ золотомъ образъ Рождества Христова. Бока ниши обтянуты дорогою парчею, но все это ветхо. Камень Вертепа по этой стѣнѣ обить парчею, а престолъ надъ нишею охраняетъ образъ Казанской Божіей Матери въ серебряной вызолоченой ризѣ. Не смотря на то, что на одной части этого престола совершалъ священникъ проскомидію, мнѣ было дозволено приложиться къ мѣсту, гдѣ родился Спаситель міра, гдѣ посрединѣ звѣзды имѣется самое мѣсто скалы. Въ нѣсколькихъ шагахъ на югъ, спустившись ниже на три ступеньки, имѣется мѣсто, гдѣ были ясли Богомладенца, а за нимъ ложе, гдѣ Матерь Божія пеленала Богочеловѣка и оттуда повитаго клали въ ясли. Самыя ясли, говорятъ,—въ Римѣ въ церкви Рождества Христова.

То, что чувствуетъ душа, не удобовыразимо. Противъ этого мѣста, гдѣ волхвы пали на землю, поклоняясь Богомладенцу Иисусу, устроенъ престолъ католическій; тутъ служатъ ежедневно католики послѣ нашей литургіи.

Къ Вертепу прилегаютъ многія другія пещеры, о которыхъ будетъ описано ниже, а теперь возвратимся къ богослуженію. Священникъ началъ обѣдню по-русски; сугубую эктению онъ произнесъ по-русски, малую эктению также. Затѣмъ при маломъ выходѣ сталъ пѣть по-арабски. Апостола читали два мальчугана босые, грязные: одинъ по-гречески, другой по-арабски. Евангеліе, которое здѣсь вездѣ читаютъ лицомъ къ народу, священникъ читалъ по-гречески, другой по-арабски, а третій по-русски. На этотъ разъ въ Виенеемѣ мнѣ удалось слышать, что арабы читаютъ часы, а литургія оглашенныхъ пропускается цѣликомъ; херувимскую пѣли на греческомъ, а задостойникъ по-русски. При выходѣ со Св. Дарами священникъ идетъ сквозь по всему народу и возвращается къ престолу со словами: «и всѣхъ васъ православныхъ христіанъ» и проч.

Пошли за тѣмъ въ церковь Рождества, принадлежащую католикамъ, оттуда патеръ отперъ намъ дверь, ведущую въ пещеру, куда нужно опять спускаться. Дали намъ свѣчи; пещеры освѣщаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ также лампадами. Наконецъ вошли мы въ мѣсто, гдѣ Иродомъ совершалась казнь младенцамъ.

Слава Богу, мы изъ Виелеема доѣхали до конечнаго пути по великолѣпному шоссе среди весьма гористой мѣстности; почва каменистая, амфитеатромъ выступаютъ самородныя каменистыя стѣны огромной величины, между ними все усыяно роздробленными, пористыми камнями изкрасна-желтаго и сѣраго-дымчатаго цвѣта. Между ними въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виноградники оживляютъ ландшафтъ, въ другихъ мѣстахъ оливковыя и масляничныя деревья, которымъ каменистая почва вовсе не мѣшаетъ. Весь округъ Виелеемскій богатъ виноградниками и великолѣпнымъ масломъ.

Виелеемъ знаменитъ теперь перламутровыми издѣліями. Перламутръ привозятъ изъ Мекки, а здѣсь имѣются заводы; тутъ также дѣлаются четки и разныя вещи изъ камня Мертваго моря и изъ масляничнаго дерева. Вообще Виелеемъ и вся дорога до Хеврона очень живописна. Оставивши свой экипажъ за версту отъ Маврійскаго дуба, мы пошли пѣшкомъ по узкой каменистой тропинкѣ. Трудности этого пути не могу словами передать, нѣсколько разъ на камняхъ сидѣли и отдыхали. Наконецъ, мы дошли до русской постройки, и я удостоилась поклониться дубу, свидѣтелю временъ Авраама. Вчера на пути изъ Виелеема я любовалась на пруды Соломоновы, нѣкогда снабжавшіе Іерусалимъ, пила воду изъ источника Іакова, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ отдыхалъ, и ему снилась лѣстница.

Дубъ Маврійскій шириною въ стволѣ 11 арш.; онъ обгороженъ каменной оградой. Къ сожалѣнію, отъ времени и недосмотра въ прошломъ году отъ тяжести снѣжныхъ заносовъ 50-ти вѣковой старецъ во время бури въ одномъ мѣстѣ отломился и упалъ на землю; обломокъ былъ распиленъ и свезенъ на русскую постройку въ Іерусалимъ. Дубъ величественъ, но портитъ его обломанный стволъ самый высокій; двѣ вѣтви засохли, одна вѣтвь также надломилась, но поддерживается контрфорсомъ, но верхушка на ней, слава Богу, жива и даетъ зелень въ изобиліи, какъ и все дерево отъ низа и до верха.

Мысль о библейскихъ временахъ уноситъ путника въ ту даль, которая отражается въ сердцѣ всякаго человѣка, кромѣ идолопоклонниковъ. Дубъ Маврійскій близокъ и христіанину, и еврею, и магометанину. Каждый хранитъ у себя, когда можетъ получить, кору отъ него, каждый листокъ, каждый жолудь, какъ цѣлебную святыню; турки говорятъ, что отъ коры дуба больные исцѣляются. Я везу съ собою цѣлую коробочку съ корой и желудями. Неприятно, что во всѣхъ путеводителяхъ нѣтъ правды (относительно размѣровъ дуба). Въ Хевронъ я не пошла, потому что

на могилы нашихъ праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова и всѣхъ сыновей Іаковлевыхъ, также и жёнъ ихъ Сарры и Ревеки турки не допускаютъ русскихъ, и стража стоитъ у воротъ мечети.

Отецъ Рафаиль старается все начатое архимандритомъ Антоніемъ привести въ лучшій порядокъ; вѣроятно, со временемъ и каменистая дорога будетъ исправлена. Трудность пути заставила меня, возвращаясь обратно, сѣсть на ослика, и я съ помощію турка, поддерживающаго меня, доѣхала до шоссе въ полчаса. Выѣхавши обратно въ 11 часовъ дня, я въ 4 часа была уже въ Іерусалимѣ. Шоссейная дорога извилиста, овраги то съ той, то съ другой стороны мѣняютъ направленіе, и надо отдать справедливость туркамъ—они работаютъ хорошо и прочно; такихъ дорогъ теперь у насъ мало; экипажи европейскаго устройства, легки, красивы, лошади всегда въ шорахъ, кучера знаютъ свое дѣло.

35.

5-го августа 1896 г. Св. гора Елеонъ.

Величаю тя, Господи, яко прозрѣлъ еси на смиреніе мое! Пишу тебѣ, другъ мой, съ вершины горы Елеонской. Сегодня удостоилась приложиться къ стопѣ Христовой, образовавшейся на камнѣ, когда Онъ, Спаситель міра, вознесся на небо.

Сижу въ малой Галилеѣ и вижу предъ глазами моими то мѣсто, гдѣ Спаситель міра, вознесясь, сказалъ ученикамъ своимъ: «миръ вамъ». Слава Богу, я счастлива. Вижу передъ собою долину Іосафатову; поклонилась тому мѣсту, гдѣ архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Матери Божіей, что близко время переселенія ея въ вѣчность.

Надъ этимъ мѣстомъ, т. е. въ малой Галилеѣ, выстроенъ малый храмъ, и это мѣсто надъ самымъ престоломъ. При постройкѣ разрушенной часовни временъ св. Елены, открылись два гроба св. Сусаны и св. Анфиногена: надъ первой положена мозаиковая плита съ надписью, а надъ вторымъ гранитный камень, который какъ внѣ церкви обнесенъ желѣзной рѣшеткой. Послѣ обѣдни я приложились надъ престоломъ къ мѣсту явленія ангела. Русская церковь на Елеонѣ въ память Вознесенія Господня очень хороша; тамъ покоится теперь прахъ архимандрита Антонина, пріобрѣтшаго это мѣсто и выстроившаго церковь и громадную колокольню. Съ этой колокольни видно Мертвое море, виденъ евангельскій Эммаусъ, а также и Виванія. Русское мѣсто великолѣпно устроено: тамъ близъ церкви дома архимандрита русской миссіи, подальше—гостепріемница, воздѣланъ великолѣпный паркъ маслинъ, кедровъ и кипарисовъ; тутъ же рядомъ живетъ настоятель архіерей Елифаній, глубокоуважаемый старецъ, хорошо знающій по-русски. Вчера, по пріѣздѣ

сюда, я была у него, угощаль онъ насъ восточнымъ угощеніемъ: прежде всего водою холодной съ вареньемъ, затѣмъ чашкой кофе. Посидѣвши съ полчаса, мы пошли въ отведенную намъ квартиру. Мое сердце полюбило Елеонъ. Окна открыты; видъ на весь Іерусалимъ, панорама замѣчательная! Воздухъ много свѣжѣй, вѣтерокъ охлаждаетъ его. Передъ нами въ саду гранаты, маслины, виноградъ, леандры цвѣтутъ во всемъ блескѣ. Послѣ обѣдни, я опять вернулась въ Іерусалимъ, на осликѣ до Гевсиманіи, а затѣмъ въ экипажѣ до Яффскихъ воротъ. Все хорошо, но грустно видѣть часовню, въ которой сохраняются стопочки Господни въ рукахъ мусульманъ. Что дѣлать! На все воля Божія!

На вершинѣ Елеона есть еще нѣсколько домовъ турецкихъ, вся же гора каменистая и на ней въ большинствѣ масличныя деревья. Турецкія владѣнія, русскія и Галилея (греческія),—все огорожено каменными оградами. Конечно, турецкія—самыя грязныя, но это самый малый кварталъ, гдѣ мечеть, при которой часовня—Стопы Христовы.

Сообщилъ Князь А. Дадіанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П о п р а в к а.

Въ майской книжкѣ на стр. 302 третья строка сверху напечатано: мой племянникъ князь А н а т о л і й; слѣдуетъ читать князь А н т о н і й.

Издатель С. Зыковъ.

Редакторъ Н. Дубровинъ.

«тотъ штатный Орангевтъ монастырь, яко требующій на возобновленіе въ пещъ пещеростей великихъ, каменныхъ издержекъ, въ отвращеніе оныхъ, урядити и обратити въ приходскую церковь», и отъятыя: «Выть по сему» утверждаетъ этотъ докладъ. Въ соборѣ—прекрасныя входныя двери, изразцы, замѣчательная стѣпана живописи, великолѣпно сохранившаяся, прекраснаго письма иконы, особенно нижній ярусъ, паникадило—даръ царя Михаила Федоровича, деревянные шкафчики съ рѣзьбой, — словомъ, все отражаетъ одно прошлое безъ примѣси повзвыи. Въ ризницѣ находится прекрасной работы плащаница, шитая шелками и золотомъ, съ греческою надписью, полотнища риза преподобнаго Мартиниана, а по стѣпанъ—рядъ изразцовъ съ изображеніемъ какого-то животнаго.

Въ книгѣ графа Шереметева собрано немало интереснѣхъ памятниконъ древней литературы. Вотъ, наприжиръ, заговоръ отъ зайце въ: «Стану я, раба Божій Иванъ, выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, взойду на гору Сиону и помолюсь земному Богу. Какъ птица орлина летаетъ, прочь не отлетаетъ, такъ бы зайцы черноухіе не отбѣгали отъ моихъ ловушекъ»; или заговоръ противъ крови: «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Булдѣ, на бѣломъ горичемъ камнѣ сидитъ Мать Пресвятая Дѣва и тчетъ шелковыми тетивы и связываетъ у раба Божія... кровь и болѣзнь отъ придки его, отъ сердца его, отъ печени его. Аминь гѣ руды».

Особенно много удалось собрать разныхъ пѣсень: хороходныя, свадебныя, нечорическія, любовныя, рекрутскія и пр. Изъ свадебныхъ мы приведемъ начало одной, да и п и ш и ѳ и:

Стѣлать, ковры, стѣлать бархатные,
 Съ по тѣлъ коврамъ, да съ по тѣлъ
 бархатнымъ
 Идутъ новы, да идутъ дьяконы,
 Что за дьяконами идутъ пѣвчички,
 За пѣвчичками да дсбырай молодець,
 идетъ,
 Добрый молодець купецъ, что Василій
 молодець,
 За собою онъ ведетъ красну дѣвицу
 душѣ,
 Красну дѣвицу душѣ, да онъ Агнью
 хорашѣ.

Вотъ образецъ рекрутской пѣсни:

«Изъ правленія было слышно
 Про некрутскій про наборъ.

Памъ родители писали:
 Дѣти ѳзали домовъ,
 Дѣти ѳзали скорѣю
 Во некрутскій во наборъ...
 Влизко къ дому подѣбжажи,
 Облились сердца въ слезахъ,
 Во свой домикъ заходили,
 Поздоровались со всѣми.
 Наша матушка родила
 Замертвешинько лежитъ.
 Дѣѣ сестрицы однокровны
 Подъ окошечкомъ сидятъ.
 Нашъ отецъ-то старикъ старій
 Онъ во стульничѣ сидитъ,
 Слезно плачетъ, говоритъ...

Наибольшее впечатлѣніе,—говоритъ г. Шереметевъ,—произвела басня о Тихонѣ Адексиментьевичѣ. Эта былина известна подъ другимъ именемъ, какъ былина о царѣ Сухманѣ. Къ ней присоединена другая—о Василей Никулшинѣ. Есть въ книгѣ нѣсколько сказонъ, изъ которыхъ интересна о ковокрадѣ Копогѣ.

На возвратномъ пути графъ Шереметевъ со своимъ спутникомъ посетили село Кубенское. Село это, называвшееся К у б е н и, встрѣчается еще въ XV вѣкѣ, какъ владѣніе князей Заозерскихъ. Въ началѣ XVII вѣка царь Михаилъ Федоровичъ пожаловалъ его боярину Михаилу Михайловичу Салтыкову, и въ роду Салтыковыхъ оно держится до 1785 года. Съ этого года и до 1790 оно принадлежитъ Федору Алексѣевичу Пушкину. Съ 1790—1797 г. имъ владѣлъ графъ Ф. Г. Орловъ, отъ котораго оно перешло, по завѣщанію, къ Т. Ф. Ярославовой, въ пожизненное владѣніе. Въ 1847 г. Кубенское слова перешло къ Орловымъ. Въ церкви этого села обращаетъ на себя вниманіе икона Воскресенія Христова, разбитая на квадратники, подъ каждымъ—вишни. Въ ризницѣ хранятся вклады Салтыковыхъ: евангеліе печати 1759 г., нотиръ, дискосъ и двѣ тарелки; наиболѣе старій даръ—серебряное вызолоченное надгало 7174 (1666) года.

Книга графа Шереметева снабжена многочисленными прекрасными рисунками разнообразнаго содержанія; очень интересны узоры на полотеницахъ и утиральникахъ, собранныхъ въ волостяхъ Петропавловской и Пречистенской, Кирилловскаго уѣзда.

Въ концѣ книги помѣщены примѣчанія, приложенія и указатели именъ личнымъ, предметонъ и географическихъ названій.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цена за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ, редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по 9 рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала бесплатно.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIII-й.

АВГУСТЪ.

1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX в. П. Дубровина. 225—247	XI. Записки баронессы Пранковъ Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи. Сообщилъ князь А. Дадіанъ. 439—448
II. В. А. Жуковскій иаиъ народникъ. (Ко дню пятидесятилѣтій кончины). Пав. Висковатова. 249—266	XII. Записная книжка „Русской Старинѣ“. Прототипъ Вобчинскаго. Сообщилъ В. Н. Строевъ (стр. 248).— Распоряженіе одного изъ мировыхъ посредниковъ. 5-го февраля 1862 года. Сообщ. П. Н. Вереха. (288).— Воспрещеніе сообщать корреспонденціи въ иностранныя журналы. 15 февраля 1824 г. (310).— Образцы дворницкихъ дипломовъ. Сообщ. Н. Мурзановъ (330).— Поправки неточностей въ „Пушкинскомъ сборникѣ“. Сообщ. Евгения Клобачскаго (348).— Дѣятели и грады Д. В. Давыдова. Письмо Д. В. Давыдова—генераль-адъютанту Васильчикову. 12-го декабря 1812 года. Сообщ. В. П. Харкевичъ (366).
III. Русская журналистика въ 1849—1874 гг. (Изъ бумагъ М. В. Андѣева) Сообщилъ К. Четвериковъ. 267—287	XIII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).
IV. Великій князь Константинъ Павловичъ и его дворъ. (1810—1833). 289—309	
V. Наслѣдіе Петра Великаго. (Обочаніе). П. . . 311—329	
VI. Изъ записокъ Ивана Анимовича Никотина 331—347	
VII. Изъ переписки М. Н. Загоскина: V. Письма П. А. Корсакова. — VI. Письма П. И. Губдича. — VII. Письма М. П. Погодина. Сообщ. П. А. Бычковъ. 349—365	
VIII. Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853 — 1856 гг. В. В. Тимошукъ 367—398	
IX. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. 399—426	
X. Экспедиція Государственнаго Хозяйства. (1797—1803 гг.). (Обоч.) В. И. Вешнякова. 427—438	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ П. А. Бычковъ.
2) Портретъ великаго князя Константина Павловича.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣлаи редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольная Подълическая, № 39.
1902.

Библиографическій листокъ.

Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ XIII. Трактаты съ Франціею. 1717—1807. СПб. 1902.

Неутомимый изслѣдователь, извѣстный знатокъ международного права, Ф. Ф. Мартенсъ уже въ продолженіи тридцати лѣтъ обогащаетъ нашу историческую литературу своими капитальными трудами.

Исключительная особенность рассматриваемаго нами изданія заключается въ историческихъ очеркахъ, предпосланныхъ тексту отпечатанныхъ международныхъ актовъ и составленныхъ, почти исключительно, на основаніи источниковъ, непосредственно почерпнутыхъ въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Эти историческіе очерки составляютъ самую интересную и поучительную сторону изданія.

Рассматриваемый нами тринадцатый томъ труда г. Мартенса имѣетъ своимъ предметомъ международныя отношенія Россіи съ Франціею съ самаго ихъ начала до заключенія въ 1807 г. знаменитаго Тильзитскаго трактата.

Первый историческій очеркъ этого тома, — подъ № 471, — относится къ Амстердамскому союзному трактату, заключенному между Россіею, Пруссіею и Франціею 4-го (15-го) августа 1717 г. (П. С. З. № 3098), которымъ отрывается рядъ франко-русскихъ союзовъ и актовъ послѣ Вестфальскаго мирнаго трактата.

Въ обширномъ введеніи къ своему труду авторъ подробно излагаетъ исторію возникновенія и развитія дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею до 1717 года. Ни естественныя условія, ни политическія стремленія обоихъ государствъ, — по словамъ автора, — первоначально не могли содѣйствовать развитію между ними правильно организованнхъ международныхъ отношеній. Когда же въ XVI столѣтіи возникли между ними непосредственныя сношенія, — починъ принялъ на себя московскій царь, а не французскій король. Между тѣмъ въ сношеніяхъ Московскаго государства со всеми остальными западно-европейскими народами починъ обыкновенно принадлежалъ послѣднимъ, но не московскому правительству. Но до конца XVIII вѣка отношенія между Россіею и Франціею были далеко не искренно-дружескими: монархическая Франція временъ „Ancien régime“ не могла отречься отъ своихъ политическихъ традицій, не допускавшихъ удаленія на задній планъ въ европейской политической системѣ вѣковыхъ своихъ союзниковъ.

Ни настоятельными предложеніями Петра Великаго, во время его знаменитаго визита въ Версаль въ 1717 году, — вступить въ настоя-

ный союзъ съ Россіею, ни искреннія привязанность императрицы Елисаветы Петровны къ королю, народу, правамъ и обычаямъ Франціи временъ Людовика XV не въ состояніи были существеннымъ образомъ улучшить взаимныя отношенія обоихъ державъ.

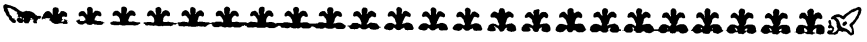
Въ историческомъ очеркѣ къ акту приступленія Россіи къ Версальскому трактату, заключенному 1-го мая 1756 г. (П. С. З. № 10680), подробно изложена исторія дипломатической миссіи маркиза Шетарди, заслуживающей особеннаго вниманія съ точки зрѣнія правоты и обычаяхъ дипломатовъ XVIII вѣка. Маркизь де-ла-Шетарди прибылъ въ С.-Петербургъ въ декабрѣ 1739 г., послѣ торжественнаго путешествія черезъ прибалтійскія провинціи. Чрезвычайный французскій посолъ повсюду наблюдалъ за отдаваніемъ ему должнаго почета со стороны мѣстныхъ властей и былъ неумолчимъ въ случаяхъ нарушенія строгаго этикета. Вопросы этикета поглощали большую часть времени маркиза. При назначеніи его посломъ при Петербургскомъ дворѣ, кардиналъ Флѣри выразилъ увѣренность, что маркизь постоянно будетъ обнаруживать свойственный ему «характеръ, полный ума и мягкости», которому онъ всегда отдавался въ продолженіе пребыванія своего при Берлинскомъ дворѣ. Но поведеніе Шетарди при русскомъ дворѣ весьма скоро показало, что кардиналъ Флѣри совсѣмъ не авалъ избраннаго имъ для Россіи французскаго представителя.

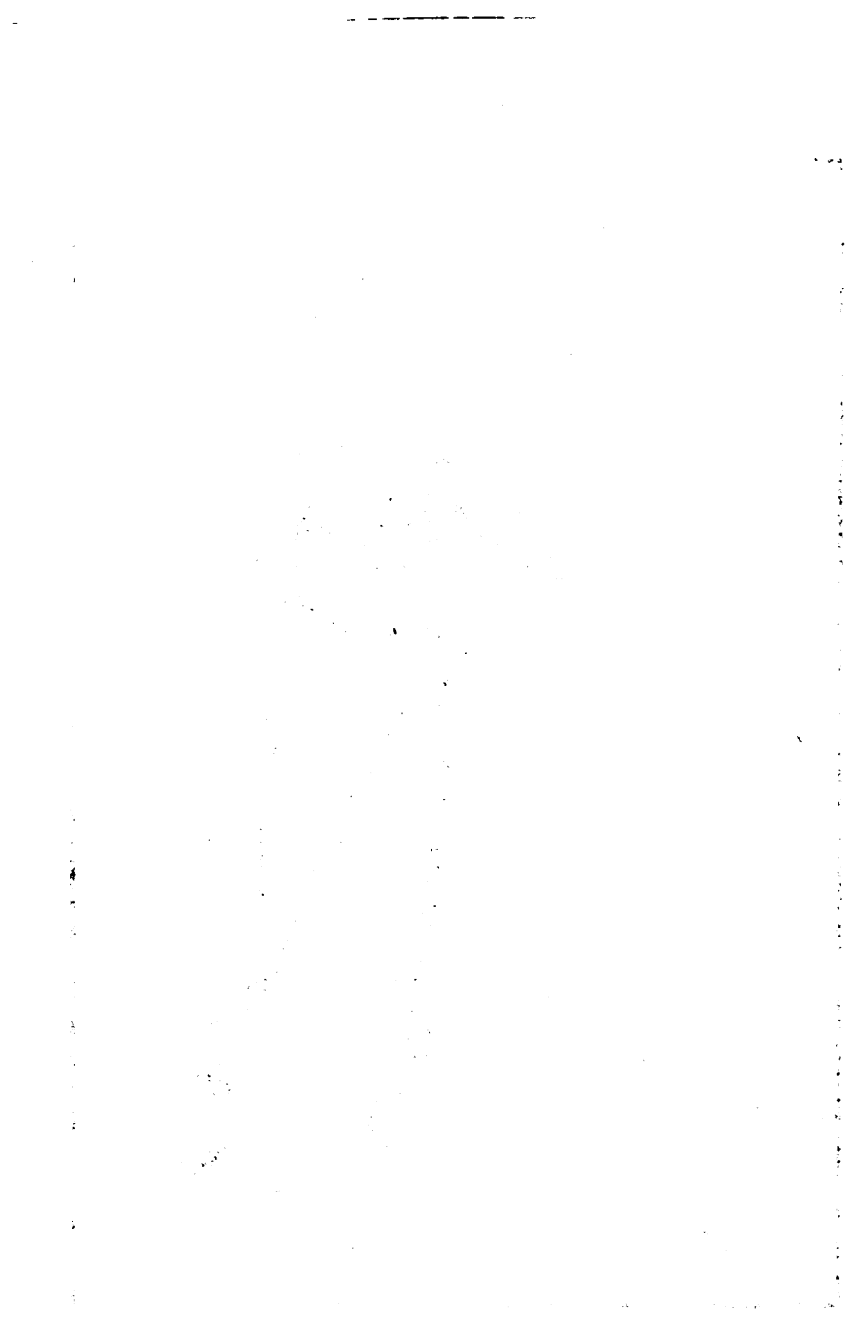
Инструкція 1-го іюля 1739 г., данная маркизу Шетарди, весьма подробно разбираетъ взаимныя отношенія между Франціею и Россіею, объясняя послѣдовавшее ихъ охлажденіе политикомъ Россіи въ главнѣйшихъ европейскихъ вопросахъ. Особенное вниманіе должень былъ Шетарди обращать на внутреннее состояніе Россіи, которое въ настоящее упрочено, чтобъ нельзя было ожидать новыхъ переворотовъ. Когда Шетарди прибылъ въ Россію, политическое положеніе Франціи было блистательное: въ ея помощи пуждалась Россія, Австрія и Турція, воевавшая другъ съ другомъ, а Швеція опять подыала ея полному вліянію. Успѣхи французской политики окончательно вскружили голову тщеславному французскому дипломату. Съ небывалою пышностью устроилъ онъ свой посольскій домъ и съ несокрушимомъ энергіею защищалъ, въ переговорахъ съ русскими министрами, свои права по этикету и церемоніямъ. Всѣ его допесенія, за первые мѣсяцы пребыванія при русскомъ дворѣ, были почти исключительно полны разсужденіями объ этикетѣ и о почестяхъ, на которыя претендовалъ французскій посолъ. Такой образъ дѣйствій маркиза Шетарди должень былъ вызвать омерзительное неудовольствіе въ русскихъ правительственныхъ сферахъ, тѣмъ болѣе, что онъ сталъ выказывать особенное почтеніе реальной княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которая счита-

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

(Съ наброска, сдѣланнаго въ частномъ альбомѣ).

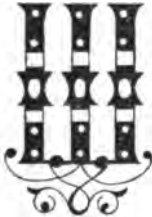

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XIX ¹⁾.

Шенбрунскій миръ и его послѣдствія.—Дипломатическіе переговоры по заключенію особой конвенціи относительно Польши.—Князь А. Чарторыйскій какъ ходатай о возстановленіи Польши.—Его бесѣды съ императоромъ Александромъ.—Вопросъ объ образованіи великаго княжества Литовскаго или соединеніе подъ отдѣльнымъ самостоятельнымъ управленіемъ восьми западныхъ губерній.—Мнѣніе объ этомъ кн. Чарторыйскаго.—Его записка, поданная императору Александру.—Появленіе въ Петербургѣ новаго ходатая по дѣламъ Польши.—Графъ Михайль Огинскій и его прошлое.—Состояніе Литвы.

Шенбрунскій миръ, какъ мы видѣли, не удовлетворилъ Александра и былъ оскорбителенъ для Россіи. Онъ вызвалъ продолжительную дипломатическую переписку, тянувшуюся, съ разными перерывами, почти до начала военныхъ дѣйствій въ 1812 году.

«Императоръ французовъ,—писалъ графъ Румянцевъ Коленкуру ²⁾,—распорядился единственно въ видахъ своихъ выгодъ тою частью австрійскихъ владѣній, которая была завоевана войсками моего государя, предоставивъ въ пользу Россіи округъ съ 400 тыс. населенія и увеличивъ силу герцогства Варшавскаго почти на два милліона какъ бы въ подкрѣпленіе общаго мнѣнія, что оно предназначается

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1902 г.

²⁾ Отъ 22-го октября 1809 г. А. Н. Поповъ.—Польскій вопросъ. „Русская Старина“ 1893 г. № 3, стр. 692 и 693.

къ тому, чтобы сдѣлаться Польскимъ королевствомъ. Его величество прямо объявляетъ, что былъ въ правѣ ожидать инаго рѣшенія.

«Обращая вниманіе на это неудобство, императоръ находитъ его огромнымъ въ отношеніи къ выгодамъ своего государства; но онъ не имѣетъ намѣренія ни остановить, ни затруднить дѣло мира... И въ этомъ случаѣ императоръ поступилъ также, какъ и всегда поступалъ, какъ вѣрный и добросовѣстный союзникъ. Онъ свидѣтельствуется предъ всею Европою, какъ дорого для него сохраненіе того направленія своей политики, которое она приняла послѣ тильзитскаго мира, и, не скрывая своихъ мыслей, какъ бы на его мѣстѣ поступилъ иной государь, явно выражаетъ ихъ своему союзнику. Онъ обращается къ императору Наполеону съ настояніемъ самой искренней дружбы и приглашаетъ его принять участіе такое же, какое онъ принимаетъ въ сохраненіи великаго дѣла,—союза между двумя имперіями».

Въ виду сохраненія союза графу Румянцеву поручено было возобновить Коленкуру предложеніе заключить конвенцію, которая навсегда убѣдила бы Россію, что она безопасно владѣетъ провинціями, приобретенными отъ Польши. Въ конвенціи этой должно быть выражено, «для убѣжденія какъ подданныхъ его величества, такъ и подданныхъ Варшавскаго герцогства, что новое увеличеніе его области и его силъ никогда не поведетъ къ возстановленію Польскаго королевства».

Румянцевъ говорилъ, что союзныя отношенія Россіи съ Франціею заставляютъ императора Александра предполагать, что «императоръ Наполеонъ не имѣетъ намѣренія въ заключенномъ имъ мирномъ договорѣ съ Австріею оставить зародышъ новой войны и самъ согласится ¹⁾, что нѣтъ удобнѣе способа для устраненія такого предположенія, какъ заключеніе конвенціи, которую онъ предлагаетъ».

Въ письмѣ къ императору Александру Наполеонъ грубо и самонадѣянно обѣщалъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, говоря, что подданные ей поляки не могутъ рассчитывать на его покровительство, т. е. другими словами, что онъ не возбудитъ волненій во владѣніяхъ своего союзника. Предъидущая дѣятельность Наполеона не внушала довѣрія къ его словамъ и обѣщанію. Вотъ почему петербургскій кабинетъ такъ усиленно настаивалъ на заключеніи конвенціи.— Не получая никакихъ опредѣленныхъ указаній изъ Парижа, Коленкуръ не могъ ничего сказать на наше требованіе. Положеніе его нѣсколько

¹⁾ Набранныя разрядкой слова внесены въ текстъ самимъ императоромъ Александромъ въ черновой нотѣ, написанной собственноручно графомъ Румянцевымъ.

облегчилось, когда въ Петербургѣ была получена нота Шампаньи на имя графа Румянцева отъ 8-го (20-го) октября.

«Императоръ,—сказано въ ней,—не только не желаетъ вызвать мысль о возстановленіи Польши, которая такъ далека отъ его видовъ, но онъ готовъ содѣйствовать императору Александру во всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы истребить на всегда воспоминанія о ней въ ея прежнемъ населеніи. Его величество согласенъ на то, чтобы слова: Польша и поляки не только бы исчезли изъ всѣхъ политическихъ договоровъ, но даже и изъ исторіи».

Такимъ образомъ Наполеонъ, повидимому и только повидимому, признавалъ полезнымъ для Европы, чтобы Польша не существовала. Въ рѣчи своей законодательному корпусу 21-го ноября (3-го декабря) 1809 г. онъ сказалъ:

— Союзникъ и другъ мой присоединилъ къ своей обширной имперіи Финляндію, Молдавію (?), Валахію (?) и часть Галиціи. Я не сожалѣю ни о чемъ, можемъ служить ко благу этой имперіи. Мои чувства въ отношеніи къ знаменитому ея повелителю согласны съ моими политическими видами.

Такое искаженіе фактовъ еще болѣе выразилось въ отчетѣ министра иностранныхъ дѣлъ Шампаньи за тотъ же 1809 г. Министръ объяснилъ самымъ неточнымъ и двусмысленнымъ образомъ причины, побудившія Наполеона увеличить герцогство Варшавское.

«Герцогство Варшавское,—говорилъ онъ 12-го (24-го) декабря ¹⁾,—увеличено присоединеніемъ части Галиціи. Императору было бы весьма не трудно присоединить къ герцогству и всю Галицію; но онъ не желалъ ничего такого, что могло бы возбудить безпокойство и опасеніе въ его другъ и союзникъ, русскомъ императорѣ. Галиція прежняго раздѣла вся цѣликомъ оставлена во владѣніи Австріи. Его величество не имѣлъ вовсе въ виду возстановленія Польши. То, что сдѣлалъ императоръ для новой Галиціи, его побудила сдѣлать это, конечно, гораздо менѣе политика, чѣмъ его достоинство: онъ не могъ предоставить мщенію неумолимаго (implacable) принца (австрійскаго) народа, который показалъ себя столь горячо преданнымъ Франціи.

«Молодой австрійскій принцъ, тотъ самый, который командовалъ подъ Ульмомъ въ 1805 году, столь же надменный, сколько несвѣдущій въ военномъ искусствѣ, не зналъ съ 40.000 человекъ, что будетъ разбитъ княземъ Понятовскимъ, имѣвшимъ только 13.000. Вслѣдствіе дурныхъ расчетовъ своего генерала, австрійскій домъ потерялъ Западную Галицію, жители которой съ энтузіазмомъ страхнули иго, тя-

¹⁾ «Moniteur» 1809 г. № 348.

готѣвшее надъ ними. Не подчинять ихъ снова тому же дому было обязанностію императора. Его величество желаетъ, чтобы подъ мудрымъ правленіемъ саксонскаго короля жители великаго герцогства Варшавскаго обрѣли спокойствіе и наслаждались счастіемъ, не дѣлая безпокойства своимъ сосѣдямъ».

Рѣчь эта была такова, что могла быть перетолкована каждымъ въ свою пользу. Поляки могли видѣть въ ней сочувствіе къ нимъ Франціи; Россія, напротивъ, что Наполеонъ не думалъ о возстановленіи Польши. Но для императора Александра было недостаточно этихъ словъ, и онъ требовалъ, чтобы Наполеонъ обязался письменно въ томъ, что Польша никогда не будетъ возстановлена. Поводомъ къ такому требованію послужило то, что черезъ шесть дней, послѣ письма Шампаньи къ графу Румянцеву, въ Вѣнѣ была подписана конвенція, въ которой войска саксонскаго короля назывались польскими войсками и говорилось о польской арміи; въ гамбургской газетѣ писали, что князю Понятовскому вѣроятно предназначается носить корону Польши. Во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній, графъ Румянцевъ предлагалъ Коленкуру испросить полномочіе у своего правительства на заключеніе особой конвенціи, которая бы навсегда устранила столь жгучій вопросъ о Польшѣ. 24-го декабря 1809 г. (5-го января 1810 г.) конвенція была подписана Коленкуромъ и заключала въ себѣ слѣдующія обязательства:

- 1) Королевство Польское никогда не будетъ возстановлено.
- 2) Высокія договаривающіяся стороны позаботятся о томъ, чтобы наименованіе Польша и поляковъ не было присваиваемо ни одной изъ областей, входившихъ въ составъ королевства, ни ея обитателямъ, ни войскамъ и исчезнуло бы навсегда изъ всѣхъ публичныхъ актовъ, какого бы рода они ни были.
- 3) Ордена прежняго королевства Польскаго будутъ уничтожены и вновь никогда возобновлены не будутъ.
- 4) Никто изъ прежнихъ поляковъ, а теперь подданныхъ російскаго императора, впредь не можетъ быть принимаемъ на службу его величества, короля саксонскаго, въ качествѣ герцога варшавскаго, и, наоборотъ, ни одинъ изъ подданныхъ саксонскаго короля, какъ герцога варшавскаго, не можетъ быть принятъ въ русскую службу.
- 5) Постановляется постояннымъ и неизмѣннымъ правиломъ, что герцогство Варшавское не будетъ увеличиваемо никакою изъ областей, входившихъ прежде въ составъ Польскаго королевства.
- 6) Не будетъ болѣе признаваемо смѣшанныхъ подданныхъ Россіи и герцогства Варшавскаго; тѣмъ же, которые въ настоящее время считаются таковыми, дается 12-ти мѣсячный срокъ, со дня ратификаціи этой конвенціи, для объявленія, какому государству хо-

тять принадлежать, и 3-хъ лѣтній срокъ для отчужденія имуществъ, находящихся въ томъ государствѣ, отъ подданства которому они отказались.

7) Его величество императоръ французовъ обязывается привлечь къ этому договору саксонскаго короля и обезпечить его исполненіе надѣлѣ.

8) Настоящая конвенція будетъ ратификована высокими договаривающимися сторонами и ратификація размѣнена въ Петербургѣ въ продолженіе 50 дней или скорѣе, если будетъ возможно.

Въ Парижѣ были очень недовольны этимъ договоромъ, недовольны, по словамъ Шлоссера ¹⁾, потому что Колленкуръ не сумѣлъ вставить въ условія такой лазейки, которая давала бы возможность впоследствии перетолковать эти условія, какъ угодно. Наполеонъ не утвердилъ конвенціи и требовалъ другой редакціи. Онъ говорилъ, что не можетъ принять на себя такого обязательства, которое нельзя исполнить, что событія могутъ совершиться помимо его воли, и онъ не будетъ въ состояніи ихъ отвратить. Наполеонъ предлагалъ свой проектъ, въ которомъ говорилось, что императоръ Франціи обязывается самъ не содѣйствовать возникновенію Польши и не помогать никакой державѣ, которая имѣла бы такое намѣреніе; что онъ обязывается не одобрять и не помогать никакому возстанію или бунту обывателей тѣхъ областей, кои составляли королевство.

Относительно статьи пятой конвенціи Наполеонъ предлагалъ постановить правиломъ на будущее время, что ни Россія, ни герцогство Варшавское не могутъ увеличивать своихъ владѣній на счетъ тѣхъ областей, которыя входили въ составъ бывшаго Польскаго королевства, исключая того лишь случая, который можетъ состояться по соглашенію высокаихъ договаривающихся сторонъ.

Статью шестую тюльерійскій кабинетъ предлагалъ изложить такъ: «Тѣ изъ смѣшанныхъ подданныхъ, которые состоятъ въ войскахъ того или другаго государства, если захотятъ остановиться въ войскахъ, будутъ уволены въ отставку. Во всякомъ случаѣ ихъ имущество будетъ имъ возвращено, и они воспользуются всѣми льготами, предоставляемыми этою статьею вообще всѣмъ смѣшаннымъ подданнымъ» ²⁾.

Императоръ Александръ не могъ согласиться съ предложеніемъ Наполеона.

— Только для того и заключается конвенція,—говорилъ государь,—чтобы въ ней положительно было выражено, что Польское королевство не будетъ никогда восстановлено. Ослабленіемъ смысла этой статьи уничтожается вся польза этой конвенціи.

¹⁾ Шлоссерь.—Всемирная Исторія. Изд. 1872 г., т. VI, стр. 586.

²⁾ Вопросъ польскій, А. Н. Попова „Рус. Стар.“ 1893 г., № 5, стр. 362 и 363.

Наполеонъ не ратификовалъ ее и говорилъ, что это споръ о словахъ, который поддерживаютъ съ упрямствомъ; что онъ не можетъ подписать неисполнимое обязательство. Переговоры затянулись, и вопросъ о конвенціи не получалъ никакого рѣшенія. Нашъ посланникъ въ Парижѣ кн. Куракинъ писалъ графу Румянцеву, что достоинство Россіи требуетъ не настаивать болѣе на заключеніи этой конвенціи, и получилъ повелѣніе императора прекратить переговоры.

Здѣсь невольно является вопросъ: имѣлъ ли Наполеонъ когда-нибудь серьезное намѣреніе возстановить Польшу настолько, чтобы сдѣлать изъ нея самостоятельное государство? Конечно, нѣтъ, и въ этомъ согласны были даже наблюдательные и безпристрастные поляки. Всѣ тѣ,—говорить графъ Огинскій въ одной изъ своихъ записокъ,—которые безъ предубѣжденія наблюдали за характеромъ Наполеона, за его политикой, могутъ легко разрѣшить этотъ вопросъ. Чтобы возстановить независимую страну, нужно бы было предположить у Наполеона тотъ характеръ воздержанности, безкорыстія и великодушія, который не имѣетъ никакого сходства съ ненасытной алчностью побѣждать, съ необходимостью ослаблять, раздроблять и разрушать всѣ государства Европы. Конечно, Наполеонъ понималъ, сколь важно было бы для Франціи имѣть между Россією и Австрією государство всегда союзное и готовое раздѣлить вполнѣ судьбы Французской имперіи. Но какъ это сдѣлать, не нарушая мысли и желанія всемірнаго владычества? Какъ предположить, что человѣкъ, который не умѣетъ ограничить свое честолюбіе, будетъ въ состояніи отказаться отъ подчиненія себѣ созданнаго имъ же государства? Можно ли было допустить, чтобы человѣкъ, считавшій себя посланнымъ Богомъ для устройства всего міра, чтобы человѣкъ, разрушившій столько престоловъ и постоянно подкапывавшійся подъ основанія тѣхъ, которые еще существовали, и воздвигавшій нѣкоторые только для того, чтобы помѣстить на нихъ своихъ родственниковъ, чтобы этотъ человѣкъ могъ содѣйствовать образованію самостоятельнаго государства. Наполеону нужна была не самостоятельная Польша, а поляки, готовые всегда принять его сторону и пополнять ряды его арміи. Въ этомъ направленіи онъ и велъ дѣла съ ними. Когда въ 1806 году прибыла къ Наполеону депутація подъ предводительствомъ графа Дзялынскаго и предложила императору содѣйствіе всего польскаго шляхетства, то Наполеонъ, не довѣряя пышнымъ и громкимъ рѣчамъ, отложилъ дѣло до личнаго прибытія въ Польшу. Впослѣдствіи, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Познани, императоръ убѣдился, что съ поляками никакого дѣла, требующаго многихъ и трудныхъ усилій, имѣть нельзя; что для него гораздо выгоднѣе манить поляковъ, показывать независимость издали, но не давать ее въ руки.

Такъ, послѣ своей рѣчи законодательному корпусу и отчета министра

иностранныхъ дѣлъ, Наполеонъ тотчасъ же отправилъ въ Варшаву курьера для успокоенія и увѣренія поляковъ, что цѣлью его рѣчи было собственно усыпленіе Россіи въ виду намѣреній его относительно Польши. Вслѣдъ за тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ Монталиве произнесъ рѣчь, подобную рѣчи министра иностранныхъ дѣлъ, и въ варшавскихъ газетахъ она была перепечатана съ пропускомъ словъ, относящихся до Польши. Въ Парижѣ приближенные Наполеона увѣряли поляковъ, что слова министра внутреннихъ дѣлъ «были не болѣе какъ любезность относительно русскаго посланника»¹⁾.

Поляки легко запутывались въ ловко сплетенной имъ паутинѣ и не видѣли ея. Въ западныхъ нашихъ губерніяхъ польское населеніе встрепенулось и стало волноваться. Тогда императоръ Александръ выразилъ Коленкуру свое неудовольствіе, обвиняя Наполеона въ недобросовѣстности и говоря откровенно, что присоединеніемъ части Галиціи къ герцогству Варшавскому онъ нарушилъ всѣ бывшіе трактаты.

Какъ ни скрытно велась дипломатическая переписка, но поляки, жившіе въ Парижѣ и окружавшіе Наполеона, знали о переговорахъ Александра съ Коленкуромъ относительно конвенціи и конечно потеряли надежду получить что-либо отъ русскаго императора, въ особенности послѣ указовъ о конфискаціи имѣній лицъ, удалившихся въ Варшаву.

«Мы получили здѣсь (въ Варшавѣ)—писалъ М. Солтанъ князю А. Чарторыйскому²⁾,—указы его императорскаго величества, относительно русскихъ подданныхъ, находящихся за границею; но губернскія правленія истолковываютъ ихъ такъ произвольно, что мы не знаемъ, какъ быть. По крайней мѣрѣ, что касается меня, то я очень затрудняюсь относительно своей особы и прошу васъ помочь мнѣ вашимъ совѣтомъ.

«Указами 24-го августа и 5-го октября 1809 г.³⁾ повелѣвается наложить секвестръ и конфисковать имѣнія всѣхъ эмигрантовъ, оставившихъ страну безъ разрѣшенія правительства и поступившихъ на службу въ иностранную армію. Въ этихъ указахъ говорится, что и самые эмигранты, которые возвратятся въ Россію, будутъ преданы суду.

«Повидимому, это относится лишь къ тѣмъ лицамъ, кои выѣхали изъ Россіи безъ паспорта—таково мое положеніе. Я оставилъ Россію въ 1808 году, имѣя безсрочный паспортъ, выданный министромъ внутреннихъ дѣлъ мнѣ и моему сыну. Мой сынъ, которому въ то время было 17 лѣтъ, вступилъ въ началѣ кампаніи въ отрядъ летучей (польской) артиллеріи. Военныя дѣйствія уже начинались; я не могъ воспрепятствовать моему сыну и, какъ русскій подданный, не могъ ничего имѣть противъ

¹⁾ Записка гр. Огинскаго, поданная императору Александру 15-го мая 1811 г. „Русскій Архивъ“ 1874 г., Т. I, стр. 647—652.

²⁾ Отъ 15-го февраля 1810 г. Варшава.

³⁾ См. „Русскую Старину“, 1902 г. Іюль, стр. 24 и 25.

этого, зная, что указами Петра Великаго разрѣшалось русскому дворянству служить въ иностранномъ войскѣ и что Россія дѣйствовала въ то время совмѣстно съ герцогствомъ Варшавскимъ противъ общаго врага. Вотъ эти соображенія даютъ мнѣ право думать, что мой сынъ совершенно свободно могъ поступить на иностранную службу.

«Между тѣмъ появился указъ 17-го декабря, касающійся лицъ, кои оставили Россію безъ разрѣшенія правительства¹⁾). Этимъ указомъ смягчены строгія мѣры, принятыя по отношенію къ эмигрантамъ, и данъ шестимѣсячный срокъ всѣмъ, кто пожелалъ бы возвратиться въ Россію, съ оговоркою, что въ противномъ случаѣ они будутъ подлежать наказаніямъ, указаннымъ въ предыдущихъ указахъ. Губернаторы и губернскія правленія утверждаютъ, что указъ 17-го декабря можетъ касаться только имущества эмигрантовъ, а не ихъ личности, и что надъ тѣми, кои оставили Россію безъ паспорта и служили въ какой-либо иностранной арміи, по-прежнему тяготѣеть отвѣтственность.

«Я спрашиваю ваше сіятельство, таково ли намѣреніе его императорскаго величества и не было ли бы это равносильно нежеланію, чтобы хотя одинъ эмигрантъ возвратился въ Россію? ибо кто захочетъ обезпечить свое имущество, рискуя своей личностью? Къ чему сохранять имущество, если рискуешь лично подвергнуться неприяностямъ?

«Изложивъ все сказанное выше, мнѣ остается напомнить вамъ два обстоятельства, изъ коихъ одно касается лично меня и моего сына.— Сובлагодолите сказать мнѣ, могутъ ли вышеупомянутые указы какимъ бы то ни было образомъ относиться къ намъ, уѣхавшимъ изъ Россіи съ паспортомъ? Можетъ ли сынъ мой согласно регламенту Петра Великаго служить за границею? Дѣйствителенъ ли паспортъ, полученной мною и моимъ сыномъ на неопредѣленное время, или же надобно просить о выдачѣ новаго? Въ такомъ случаѣ прошу васъ выхлопотать его мнѣ, такъ какъ увеличивающаяся слабость моего зрѣнія и здоровье моего сына, разстроенное утомленіемъ во время похода, настоятельно требуютъ, чтобы мы лѣчились и побѣхали на воды.

«Второе обстоятельство, о которомъ я хочу говорить съ вами, касается всѣхъ эмигрантовъ вообще. Надобно разъяснить смыслъ указа 17-го декабря 1809 г. настолько ясно, чтобы губернскія правленія не могли истолковывать его не согласно съ благодѣтельными видами его императорскаго величества. Повторяю, ни одинъ эмигрантъ не захочетъ возвратиться въ Россію, если ему не будетъ обезпечена личная безопасность. Мнѣ кажется, что слѣдуетъ испросить у его величества всеобщую амнистію для всѣхъ эмигрантовъ, или же слѣдуетъ разъяснить указъ 17-го декабря настолько точно и опредѣленно, чтобы онъ не могъ пода-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, іюль, стр. 25.

вать повода къ какому-либо двусмысленному или превратному толкованію. Я долженъ присовокупить, что во всѣхъ этихъ указахъ не упоминается о смѣшанныхъ подданныхъ, которые по своему положенію могутъ проживать или служить въ той или другой странѣ, и что относительно ихъ не сдѣлано никакого исключенія.

«Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстна ваша преданность къ вашимъ соотечественникамъ, ваше желаніе быть полезнымъ всѣмъ тѣмъ, кто угнетенъ и несчастенъ, и ваша дружба ко мнѣ лично, чтобы не льстить себя надеждою, что вы отнесетесь благосклонно къ моей просьбѣ и удостоите меня отвѣтомъ, каковой я буду ожидать съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ.

Р. S. Выданный мнѣ паспортъ помѣченъ 28-мъ мая 1808 г. и подписанъ графомъ Румянцовымъ. Губернское правленіе утверждаетъ, что этотъ безсрочный паспортъ можетъ быть годенъ и дѣйствителенъ только на одинъ годъ. Могъ ли я это знать, коль скоро срокъ въ немъ не указанъ? Говорятъ, будто его величество разрѣшаетъ молодымъ людямъ служить въ иностранномъ войскѣ. Если бы была возможность получить такое разрѣшеніе для моего сына, то я попросилъ бы васъ ходатайствовать за него. Узы дружбы и родства дѣлаютъ пребываніе въ этой странѣ для моего сына гораздо пріятнѣе, нежели гдѣ бы то ни было въ иномъ мѣстѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ весьма полезно для поправленія его здоровья».

Еще ранѣе полученія этого письма князь Чарторыйскій имѣлъ объясненіе съ императоромъ по поводу изданныхъ указовъ. На протестъ объ этомъ князя государь отвѣчалъ, что обстоятельства вынудили его предпринять эту мѣру; что онъ недавно получилъ отъ своего посла въ Парижѣ извѣстіе, что находящіеся тамъ поляки, подданные Россіи, «производятъ разные маневры и ведутъ самыя странныя рѣчи, не могуція не навлечь на нихъ строгости правительства»¹⁾.

Князь Чарторыйскій доказывалъ, что мѣра эта несправедлива, потому что существуетъ разрядъ смѣшанныхъ подданныхъ, и что нельзя винить ихъ за то, что они, живя въ Галиціи и герцогствѣ Варшавскомъ, поступили тамъ на службу, не бывъ предупреждены о томъ, что ихъ дѣйствія будутъ считаться незаконными и что, такимъ образомъ, указы имѣютъ какъ бы обратное дѣйствіе.

— Всякому дворянину изъ русскихъ подданныхъ,—говорилъ Чарторыйскій,—предоставлено право поступать на иностранную службу, не подвергаясь конфискаціи имущества; почему же поляки составляютъ исключеніе?

¹⁾ Разговоръ кн. Ад. Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ 12-го ноября 1809 г. „Русскій Архивъ“ 1871 г., Т. I, 751.

— Есть обстоятельства, — отвѣчалъ Александръ, — при которыхъ безопасность государства требуетъ исключеній. Мѣра эта вызвана поведеніемъ поляковъ по единогласному мнѣнію министровъ.

— Я нисколько не удивляюсь тому, — замѣтилъ Чарторыйскій, — что министры не приняли въ соображеніе страданій (?) столькихъ семействъ, но я надѣялся, что императоръ взглянетъ на дѣло иначе и положить конецъ притѣсненіямъ... Впрочемъ, я не знаю, въ чемъ можно упрекать поляковъ, которые желали принадлежать ему (императору) всѣ и постоянно встрѣчали отказъ.

Чарторыйскій упрекалъ Александра въ томъ, что онъ отвернулся отъ поляковъ, сдѣлался главнымъ врагомъ, первымъ гонителемъ націи и даже самаго имени Польши; «что лишь въ угоду ему Польша была покинута (Наполеономъ), обманута во всѣхъ своихъ надеждахъ и что онъ простираетъ ожесточеніе до того, что хотѣлъ бы вычеркнуть изъ исторіи и самое имя Польши».

Императоръ увѣрялъ, что личныя его чувства къ полякамъ нисколько не измѣнились, но что онъ стѣсненъ обязанностями своего положенія и что русскому государю иначе дѣйствовать нельзя.

«Я отвѣчалъ, — пишетъ Чарторыйскій ¹⁾, — что относительно этого пункта мнѣ невозможно раздѣлять два качества, соединенныя въ лицѣ императора; что самъ онъ призналъ, что возстановленіе Польши можетъ совершиться не только безъ нарушенія интересовъ Россіи, но, напротивъ того, къ великой его пользѣ черезъ соединеніе обѣихъ королей на главѣ его величества. Императоръ отвѣчалъ, что все это можетъ быть, но что такъ какъ это неосуществимо, то необходимо было избрать иной образъ дѣйствій».

Чарторыйскій возражалъ, говоря, что первымъ дѣломъ не слѣдуетъ уязвлять націю суровыми мѣрами.

Императоръ Александръ признавалъ, что суровыхъ мѣръ можно было бы избѣжать въ томъ случаѣ, если бы отъ поляковъ можно было ожидать какой-либо взаимности и быть увѣреннымъ, что они не будутъ дѣйствовать враждебно.

«Я отвѣчалъ, — пишетъ Чарторыйскій, — что не вижу, что было сдѣлано для того, чтобы пріобрѣсти привязанность поляковъ, что слѣдуетъ быть справедливымъ, что ссылаюсь на самаго императора относительно всего того, что выстрадала эта страна. Что могло быть возмутительнѣе поведенія трехъ державъ относительно Польши? И удивляться ли тому, что мысль о возстановленіи родины воспламеняетъ и соединяетъ всѣхъ поляковъ».

¹⁾ Разговоръ кн. А. Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ 12-го ноября 1809 г. „Русск. Арх.“ 1871 г., Т. I, стр. 754.

— Теперь,—говорилъ Чарторыйскій,—льстятъ себя надеждою, что миръ ослабитъ этотъ энтузіазмъ. Я же сужу о дѣлѣ иначе, и ликующій тонъ, съ которымъ провозглашали здѣсь (въ Петербургѣ), что всѣ надежды поляковъ рушились, на мой взглядъ скорѣе принесетъ пользу, чѣмъ вредъ Наполеону, ибо обратитъ всю ненависть на русскаго императора. Никто теперь не станетъ сомнѣваться въ томъ, что лишь по настояніямъ вашего величества, и для того, чтобы избѣгнуть войны съ Россією, Наполеонъ уступилъ въ дѣлѣ, отъ коего иначе онъ никогда бы не отступился, которое остается постояннымъ предметомъ его заботъ, а такой взглядъ на вещи лишь болѣе ожесточитъ сердца поляковъ... Строгости, коими ихъ преслѣдуютъ, довершать дѣло, ибо они раздражаютъ ихъ тѣмъ болѣе, что всѣ эти бѣдствія налагаются на нихъ именемъ государя, въ руки коего они согласились бы предать свою судьбу...

Чарторыйскій предупреждалъ Александра, что Наполеонъ съ своей стороны постарается лестью и всевозможными обѣщаніями привлечь поляковъ на свою сторону.

— Не слѣдуетъ думать,—присовокупилъ князь,—чтобы онъ всюду говорилъ однимъ языкомъ... Наполеонъ умѣетъ искусно вести самыя противоположныя рѣчи. Болѣе чѣмъ когда-либо дѣлаетъ онъ это теперь, когда, какъ увѣряютъ, онъ посылаетъ польскую армію въ Испанію... Если онъ двинетъ поляковъ въ походъ, онъ съумѣетъ сказать имъ, что тутъ онъ требуетъ отъ нихъ послѣдней услуги, что это для нихъ способъ окончательно усовершенствоваться въ военномъ искусствѣ, что послѣ этого ничто не помѣшаетъ ему исполнить ихъ желанія, что до сихъ поръ связывала его одна необходимость, что тому причина Русская имперія, этотъ вѣчный врагъ Польши. Такими рѣчами уничтожитъ онъ все дурное дѣйствіе своихъ поступковъ, и его словамъ повѣрятъ, потому что они польстятъ надеждамъ націи, потому что съ другой стороны (т. е. со стороны Россіи) не только не дѣлается ничего, чтобы уравновѣсить это впечатлѣніе, но, напротивъ того, дѣлается все, чтобы придать ему силы.

Императоръ Александръ напоминалъ другу своей юности, что онъ знаетъ, какъ государь относился къ раздѣлу Польши; что онъ считаетъ дѣло это несправедливымъ и что отсюда происходятъ всѣ тѣ бѣдствія, коимъ подвергается нынѣ Европа, но поправить этого нельзя. Восстановленія Польши подъ своимъ скипетромъ Александръ считалъ теперь невозможнымъ, но возможнымъ дать особую организацію для польскихъ областей, присоединенныхъ къ Россіи; впрочемъ и этотъ планъ,—говорилъ онъ,—встрѣтитъ бы сильное сопротивленіе со стороны русскихъ людей.

— Что касается того,—отвѣчалъ Чарторыйскій,—чтобы дать обла-

стамъ, нынѣ принадлежащимъ Россіи, особое устройство и самостоятельность, то я не знаю, что объ этомъ сказать... Дѣло, конечно, само по себѣ хорошее, но весьма естественно, что оно встрѣтитъ здѣсь (въ Петербургѣ) сопротивленіе еще бѣльшее, чѣмъ идея о присоединеніи (къ Россіи) всей Польши. Полагаю, что и ваше величество когда-нибудь припомните, что нужно будетъ прибѣгнуть къ этому средству; что въ немъ заключается спасеніе Россіи; но очень боюсь, что когда это поймутъ, будетъ поздно.

Александръ отвѣчалъ, что, безъ сомнѣнія, въ случаѣ войны съ Франціею было бы ему кстати объявить себя королемъ Польши, чтобы привлечь умы на свою сторону.

— Тогда будетъ поздно,—повторилъ Чарторыйскій.

Мѣсяць спустя онъ опять старался доказать императору Александру, что принятыя мѣры противъ поляковъ отклоняютъ ихъ отъ русскаго правительства и внушаютъ имъ нерасположеніе къ нему.

Государь отвѣчалъ, что мѣры строгости, принятыя противъ поляковъ, будутъ отмѣнены; что это дѣло рѣшенное, но что это будетъ обнаружено только черезъ нѣкоторое время; что поводы къ этимъ мѣрамъ исчезли, и теперь онъ имѣетъ основаніе быть спокойнымъ относительно поляковъ....

Зная хорошо императора, его уклончивость въ раскрытіи своихъ дѣйствительныхъ намѣреній и, наконецъ, его тактику «подносить каждому то кушанье, которое, по его мнѣнію, можетъ нравиться его собесѣднику»—зная все это, князь Чарторыйскій не особенно довѣрялъ послѣднимъ словамъ Александра и старался доказать, что спокойствіе его относительно поляковъ неосновательно и что въ душѣ онъ самъ сознаетъ это.

— Событія,—говорилъ князь,—заставили умы вернуться къ настроенію, господствовавшему пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Было время, когда обстоятельства наложили нѣкоторую повязку на раны, нанесенныя полякамъ и, быть можетъ, нѣсколько ослабили ихъ ощущеніе. Надежда на восстановленіе ихъ родины на минуту показалась имъ менѣе осуществимою, ихъ настоящее положеніе менѣе переходнымъ. Но теперь полузажившая рана словно внезапно раскрылась. При томъ существованіе герцогства Варшавскаго, значительно увеличеннаго послѣднею войною, содѣйствуетъ тому, чтобы поддерживать патріотическія чувства. Это словно призракъ старой Польши, производящій неотразимое дѣйствіе на всѣхъ тѣхъ, которые считаютъ эту разрушенную страну истиннымъ своимъ отечествомъ. Въ моихъ глазахъ человѣкъ, не привязанный къ своей родинѣ, есть человѣкъ презрѣнный. Отречься отъ своей вѣры, отъ своихъ родныхъ, отъ своей страны, по моему мнѣнію, одинаково преступно.

— Нѣтъ инаго средства все это уладить,—отвѣчалъ императоръ Александръ уклончиво, давая надежду на будущее,—какъ старинный нашъ планъ, какъ дарованіе отдѣльной конституціи и самостоятельности Польскому королевству, съ присоединеніемъ этого титула къ русской коронѣ. Нужно подождать, чтобы Австрія сдѣлала глупость и вызвала новый разрывъ съ Франціею; тогда можно найти средство сговориться съ Наполеономъ и вознаградить короля Саксонскаго.

«Императоръ,—прибавляетъ Чарторыйскій ¹⁾,—присовокупилъ, что покуда было бы умѣстно дѣйствовать въ этомъ смыслѣ въ областяхъ, нынѣ принадлежащихъ Имперіи, и принять титулъ великаго князя Литовскаго; но что, имѣя дѣло съ противникомъ столь искуснымъ, какъ Наполеонъ, онъ боится возбудить его подозрѣнія и внушить ему мысль противодействовать Россіи тѣмъ же способомъ; что при искусствѣ этого человѣка легко остаться позади его».

Выражаясь такимъ образомъ, Александръ скрывалъ истинное свое поведеніе относительно поляковъ. На вопросы кн. Чарторыйскаго не приходилось ли ему въ разговорахъ съ Наполеономъ коснуться польскаго вопроса, императоръ постоянно уклонялся отъ опредѣленнаго отвѣта.

— Въ Тильзитѣ, — говорилъ онъ, — Наполеонъ выразился слегка о всемъ, что касалось Польши и поляковъ, а въ Эрфуртѣ было слишкомъ много дѣла, чтобы заняться этимъ вопросомъ.

Не зная, что происходило въ дѣйствительности въ этихъ двухъ свиданіяхъ, Чарторыйскій и его соотечественники неумоѣвали, почему Наполеонъ распространялъ самыя противоположныя догадки и мнѣнія и заставлялъ ихъ вѣрять; почему онъ вселилъ убѣжденіе, что онъ не только принимаетъ къ сердцу интересы Польши, но и питаетъ къ полякамъ особое чувство пріязни, ихъ любить и желаетъ имъ блага.

— Для того,—говорилъ Чарторыйскій,—чтобы возбудить энтузіазмъ, Наполеону достаточно обнародовать газетную статью, послать въ Варшаву одного изъ своихъ адъютантовъ-поляковъ, который, принятый всюду въ общество, повторяетъ какое-либо слово Наполеона или рассказываетъ какой-нибудь анекдотъ, расшевеливающий патріотизмъ...

— Ахъ! что вы говорите,—прервалъ его Александръ.—Все это еще ничто, ибо мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что въ то самое время, какъ онъ заставлялъ Монталиве произносить свою рѣчь, онъ говорилъ совершенно противное вашимъ соотечественникамъ и старался разрушить дурное впечатлѣніе, которое должно было произвести на ихъ умы извѣстное мѣсто въ этой рѣчи и оживить ихъ надежды разными объясненіями и обѣщаніями.

¹⁾ Разговоръ кн. Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ 26-го декабря 1809 г. „Русскій Арх.“ 1871 г. Т. I, стр. 764 и 765.

Изъ своихъ объясненій съ императоромъ Чарторыйскій вынесъ однако же убѣжденіе въ неустойчивости Александра, въ скриваніи имъ истинныхъ намѣреній, въ невозможности положиться на его слова и общанія, и, наконецъ, въ весьма малой надеждѣ, что онъ что-либо сдѣлаетъ для поляковъ. «При малѣйшемъ препятствіи,—записалъ князь ¹⁾),— намѣреніе, повидимому, самое твердое, будетъ оставлено. Отъ того здѣсь опасно и скользко, что такъ мало можно полагаться на того, кому пришлось бы играть главную роль».

Спустя нѣсколько дней, князь Чарторыйскій повторилъ свою просьбу о дарованіи прощенія всѣмъ тѣмъ полякамъ, которые подвергались севкестру имѣній и другимъ мѣрамъ строгости, но получилъ отъ Александра совершенно неожиданный отвѣтъ. Императоръ сказалъ, что ожидаются нѣкоторыя извѣстія изъ Парижа, и тутъ же прибавилъ, что даровать прощеніе значить привлечь въ страну людей, на которыхъ положиться нельзя, въ особенности по легкомыслію поляковъ. Чарторыйскій отвѣчалъ, что не по легкомыслію поляки уклоняются отъ Россіи, а отъ привязанности къ отечеству и постояннаго желанія видѣть всѣ части Польши собранными во-едино. Тогда, въ угоду князю Чарторыйскому и изъ желанія показать податливость и расположеніе къ полякамъ, Александръ высказалъ мысль, что можно бы было соединить подъ отдѣльнымъ управленіемъ восемь польскихъ губерній и спросилъ своего собесѣдника, можно ли будетъ тогда разсчитывать на преданность жителей этихъ губерній?

«Ваше императорское величество повелѣли мнѣ,—писалъ князь Чарторыйскій въ отвѣтъ на вопросъ ²⁾),—повергнуть на. ваше благоусмотрѣніе мой взглядъ на проектъ образованія изъ восьми польскихъ губерній отдѣльнаго государства, съ цѣлю обезпечить преданность жителей, на случай войны съ Франціей, въ которой Варшавское герцогство могло бы принять участіе.

«Поставленный моею любовью къ родинѣ и преданностью, которую я питаю къ вашему величеству, въ положеніе, которое становится труднѣе съ каждой минутой, я принялъ за неизмѣнное правило быть правдивымъ. Поэтому, какъ бы искренно я ни желалъ блага моимъ соотечественникамъ, я долженъ, съ другой стороны, отвѣтить съ полнымъ чистосердечіемъ на вопросъ, съ коимъ вы, государь, соблаговолили обратиться ко мнѣ.

«Для того, чтобы обезпечить себѣ преданность поляковъ и упрочить ее навсегда, существуетъ въ настоящее время только одно средство,— это возстановить ихъ отечество и включить въ него всѣ разрозненные

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1871 г., т. I, стр. 771.

²⁾ Отъ 2-го апрѣля 1810 г. Арх. Собственной Его Величества Канцеляріи.

части Польши. Истина этого факта кажется мнѣ слишкомъ очевидною, чтобы нужно было доказывать ее.

«Всякая иная мѣра, какая бы она ни была, будетъ только полумѣрою до тѣхъ поръ, пока какія-либо чрезвычайныя событія не возбудятъ въ полякахъ болѣе существенныхъ и заманчивыхъ надеждъ, и всѣ таковыя мѣры будутъ соответствовать указанной цѣли лишь по столько, по сколько онѣ удовлетворяютъ этимъ надеждамъ въ болѣе или меньшей степени.

«Если это такъ, то, во избѣжаніе ложнаго истолкованія всего сказаннаго, я присовокушу, что всѣ смягчающія и успокоивающія мѣры, не излѣчивая недуга радикально, могутъ его ослабить и дать времени возможность оказать свое, подчасъ, благотворное вліяніе.

«Поэтому я полагаю, что русскому правительству надобно совѣтовать снискать расположеніе населенія этого края и прежде всего надобно избѣгать того, что должно озлоблять поляковъ, а тѣмъ болѣе отталкивать ихъ. Я хочу сказать, что поляковъ не слѣдуетъ безъ надобности мучить и надобно уважать признанныя ихъ уже права и собственность и не брать назадъ разъ оказанныхъ благодѣяній.

«Въ числѣ разныхъ соображеній, которыя можно бы высказать по этому поводу, возникаетъ прежде всего слѣдующее:

1) Надобно прекратить всякіе секвестры, конфискаціи и преслѣдованія со стороны губернаторовъ и возвратитъ всѣ отобранныя земли, объявивъ всеобщее прощеніе.

2) Не уничтожать того, что ваше величество сами постановили относительно амфитріоновъ, такъ какъ это основано на правѣ и справедливости; и не утверждать, напротивъ того, этого рода землевладѣнія въ общемъ.

3) Не трогать капиталовъ, положенныхъ на общественное образованіе и торжественно гарантированныхъ старинными законами страны и указами вашего императорскаго величества, а довершить ихъ организацію, изъявъ ихъ изъ вѣдѣнія казначейства и предоставивъ завѣдываніе ими національной магистратурѣ, подъ главнымъ надзоромъ министерства народнаго просвѣщенія.

4) Относиться ко всѣмъ губерніямъ вообще и къ литовскимъ въ особенности, какъ ко всѣмъ прочимъ губерніямъ Россіи въ вопросѣ о взиманіи налоговъ, не требуя уплаты ихъ наличными деньгами, что обходится имъ въ три-дорога, тогда какъ закрытіе портовъ столь же невыгодно для нихъ, какъ и для всей Имперіи, и они обременены, сверхъ того, постояннымъ постоемъ войскъ. Эти мѣры справедливы; онѣ вполнѣ соответствуютъ предыдущему образу дѣйствія правительства и даннымъ имъ обѣщаніямъ, отъ которыхъ ему было бы весьма невыгодно и неблагоразумно отказаться.

5) Можно присовокупить, какъ общее правило, что необходимо избѣгать всего, что могло бы дать понять, будто русское правительство, озлоблено противъ всего, что носитъ польское имя. Оно не должно разыгрывать роль заклятаго врага возрожденія Польши, а напротивъ должно пользоваться каждымъ случаемъ, при помощи котораго ваше величество могли бы доказать свою справедливость и свое доброжелательство къ этой націи; наконецъ

6) Можно бы было учредить высшую и безапелляціонную судебную инстанцію, которая засѣдала бы въ Вильно и разсматривала бы въ послѣдней инстанціи дѣла восьми губерній на основаніи мѣстныхъ законовъ и на польскомъ языкѣ. Эту послѣднюю мѣру можно бы считать вытекающею изъ желанія вашего величества учредить въ этой губерніи департаменты Сената.

«Такъ какъ все вышесказанное не измѣняетъ настоящаго хода дѣлъ и можетъ быть выполнено, не вызвавъ ни внутреннихъ, ни вѣшнихъ волненій, то эти мѣры не сопряжены, повидимому, ни съ какими неудобствами. Это были бы только пробныя и подготовительныя мѣры къ тѣмъ преобразованіямъ, которыя ваше величество намѣрены провести впоследствии.

«Если бы ваше величество дѣйствительно пожелали впоследствии сдѣлать нѣчто большее, если бы вы захотѣли вернуться къ прежнимъ мыслямъ, которыя однѣ могутъ имѣть рѣшающее значеніе, то прежде всего необходимо ясно и опредѣленно выяснитъ ваши собственныя намѣренія и желанія. Не считая ихъ вполне опредѣлившимися, предвидя, что исполненіе ихъ будетъ сопряжено съ множествомъ препятствій, не ожидая, чтобы эти препятствія захотѣли преодолѣть здѣсь, дѣйствуя съ этой цѣлью твердо, послѣдовательно и систематично, не зная, къ тому же, какъ далеко заходятъ эти желанія, я не знаю и колеблюсь среди тысячи всевозможныхъ смутныхъ предположеній, которыя не позволяютъ мнѣ высказать по этому поводу что-либо опредѣленное.

«Я ограничусь поэтому тѣмъ, что предложу вашему величеству нѣкоторые вопросы, которые обратятъ ваше вниманіе на сущность общей идеи и помогутъ уяснить и освѣтить ее.

«Если бы ваше величество возымѣли намѣреніе образовать со временемъ изъ восьми губерній отдѣльную провинцію, то пожелали ли бы вы въ этомъ случаѣ поставить во главѣ ея должностныхъ лицъ изъ поляковъ? сформировать въ странѣ отдѣльные корпуса польскихъ войскъ? Пожелали ли бы вы, какъ это сдѣлано по отношенію къ вновь приобретенной Финляндіи, чтобы управленіе этой провинціей было ввѣрено канцеляріи, находящейся въ Петербургѣ, по примѣру таковой, учрежденной для управленія Венгріей и Богеміей въ Вѣнѣ, съ тѣмъ, чтобы

эти губерніи не были бы подчинены непосредственно Сенату и министерствамъ?

«При дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса возникаютъ слѣдующія соображенія: намѣрены ли ваше величество, по прежнему предположенію, соединить всѣ части бывшей Польши, включая Варшавское герцогство? Хотите ли вы сдѣлать изъ него королевство и провозгласить себя королемъ? Разрѣшите ли вы въ такомъ случаѣ сформировать національную армію? Согласитесь ли вы ввѣрить управление королевствомъ Польскимъ министрамъ, которые будутъ жить въ Польшѣ? Однимъ словомъ, пожелаете ли вы дать странѣ конституцію, которую будутъ опредѣлены права правительства и привилегія націи въ будущемъ?»

«Обсудивъ эти пункты, ваше величество обнимете вопросъ почти во всей его совокупности, и, ежели вашему величеству придется со временемъ заняться имъ, то вамъ будетъ не бесполезно ознакомиться заблаговременно съ ихъ главнѣйшими основами.

«Я присовокуплю къ этому еще одно соображеніе, а именно, что всему бываетъ свое время. Благопріятное время для осуществленія идей прошло. Всегда непріятно прибѣгать къ какому-либо средству въ послѣдній моментъ, когда получается такое впечатлѣніе, какъ будто это дѣлается противъ воли. Въ такомъ случаѣ средство рѣдко удается, въ особенности когда непріятель опередилъ васъ на этомъ пути. Всегда лучше вѣзаться за него заблаговременно, когда масса не видитъ еще въ этомъ необходимости. Вотъ почему, если настоящій кризисъ разрѣшится благопріятно для вашего императорскаго величества, то я смѣлѣе посовѣтую привести въ исполненіе эти намѣренія, потому что оказать благодареніе добровольно бываетъ полезно и великодушно именно въ тотъ моментъ, когда всѣ выгоды и преимущества на нашей сторонѣ. Каково бы ни было счастье, благопріятствующее правительству, никогда нельзя ручаться за будущее и, во всякомъ случаѣ, вмѣсто недовольнаго и недоброжелательнаго населенія гораздо лучше имѣть преданныхъ подданныхъ, которые будутъ служить оплотомъ Имперіи».

Передавая это письмо лично, князь Чарторыйскій выразилъ удивленіе, что императоръ занимается этимъ предметомъ, въ виду подготавливаемой конвенціи съ Франціею. Чарторыйскому было хорошо извѣстно, что цѣлью этой конвенціи было уничтоженіе всѣхъ надеждъ поляковъ и исключеніе ихъ имени изъ жизни европейскихъ народовъ¹⁾.

Императоръ Александръ былъ смущенъ такимъ замѣчаніемъ, старался уклониться отъ прямого отвѣта и сваливалъ всю вину на Шам-

¹⁾ Разговоръ князя Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ I 5-го апрѣля 1810. „Русскій Арх.“ 1871 г., т. I, стр. 771.

паньи. Государь говорилъ, что не онъ, а Шампаньи желалъ помѣстить въ трактатъ статьи, уничтожающія и самое имя Польши, но что онъ измѣнилъ эти статьи. Чарторыйскій зналъ точно, кому принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ, и потому позволилъ себѣ высказать сожалѣнне, что императоръ такъ часто мѣняетъ свое мнѣнне о польскихъ дѣлахъ. Александръ отговаривался тѣмъ, что если повидимому онъ такъ поступаетъ, то единственно потому, что «постоянно примѣшиваетъ къ этимъ дѣламъ господствующую мысль, трудно-осуществимую, и что это-то затрудненне постоянно его останавливаетъ; что не только на случай войны, но и вообще, чтобы пріобрѣсти привязанность поляковъ, онъ желаетъ для нихъ что-нибудь сдѣлать».

«Загѣмъ,—пишетъ князь Чарторыйскій ¹⁾,—онъ (императоръ) выслушалъ чтенне записки, не произнося ни слова, но съ большимъ вниманнемъ. Лишь въ концѣ онъ прервалъ меня на томъ мѣстѣ, гдѣ было сказано, что самое благоприятное время для того, чтобы сдѣлать что-либо въ пользу поляковъ, уже пропущено».

— Вы, конечно, когда писали это, думали о 1805 годѣ,—замѣтилъ Александръ,—и о моемъ тогдашнемъ пребываннн въ Пулавахъ ²⁾. Я самъ теперь вижу, что то была минута благоприятная, быть можетъ, единственная. Тогда можно было сдѣлать легко то, что теперь можно сдѣлать лишь съ большимъ трудомъ; но не слѣдуетъ забывать, что мы имѣли бы противъ себя всю прусскую армію.

— Другой весьма благоприятный случай,—отвѣчалъ Чарторыйскій,—представлялся во время послѣдней войны съ Австріею; тогда Россія легко могла добиться возстановленія Польши.

— Это значило бы,—замѣтилъ Александръ,—подготовить окончательную гибель Австріи.

— Однако же несомнѣнно, — присовокупилъ Чарторыйскій, — что образъ дѣйствій Россіи въ то время былъ самый неразумный; ибо онъ не спасъ Австріи, которая оттого бросилась въ объятія Франціи; онъ возбудилъ неудовольствне Наполеона и не принесъ никакой существенной выгоды Россіи.

Касаясь вопроса объ общемъ настроеннн поляковъ, князь Чарторыйскій высказалъ, что лишь на мѣстѣ можно судить объ этомъ и о способѣ, которымъ слѣдуетъ бороться противъ всеильнаго влнннн Наполеона.

— О!—сказалъ Александръ,—и не находясь на мѣстахъ, не трудно знать, что думаютъ въ областяхъ и въ герцогствѣ (Варшавскомъ); это можно выразить въ немногихъ словахъ: поляки пойдутъ за самимъ

¹⁾ „Русскій Арх.“ 1871 г., т. I, стр. 773.

²⁾ Имѣнне князей Чарторыйскихъ, нынѣ посадъ Новая Александрія.

чортомъ, если чортъ поведетъ ихъ къ возстановленію ихъ отчизны. Впрочемъ, я доволенъ тѣмъ, что вы написали: это поможетъ моимъ размышленіямъ о предметѣ, такъ давно меня занимающемъ. Я придумывалъ разныя средства для осуществленія моихъ желаній и не дошелъ ни до чего удовлетворительнаго. Главное затрудненіе заключается въ томъ, какъ вознаградить саксонскаго короля. Этого никакъ не сдѣлаешь, не обобравъ еще бѣднаго короля прусскаго.

— Главное затрудненіе,—замѣтилъ князь Чарторыйскій,—заключается въ томъ, чтобы добиться согласія Франціи, и, по достиженіи этого, все остальное сдѣлается легкимъ.

— Это всего труднѣе,—отвѣчала Александръ,—потому что Наполеонъ гораздо менѣе озабоченъ благомъ Польши, чѣмъ возможностью пользоваться этою страной, какъ орудіемъ, въ случаѣ войны съ Россією; онъ заинтересованъ тѣмъ, чтобы настоящее положеніе дѣлъ не измѣнилось, для того, чтобы имѣть подъ руками, въ случаѣ нужды, подготовленныя имъ средства.

При этомъ императоръ выразилъ сомнѣніе, чтобы поляки покинули Наполеона и перешли на сторону Россіи.

— Соображая,—говорилъ Александръ,—обобщныя силы двухъ державъ, таланты и опытность генераловъ и армій и вѣроятности побѣды, имѣвшіяся во всякой войнѣ на сторонѣ Наполеона, поляки не захотѣли бы кинуться въ объятія Россіи, изъ опасенія лишиться плода усилій, производимыхъ ими съ столь долгихъ поръ.

Князь Чарторыйскій не возражалъ, и императоръ, чтобы угодить ему, высказалъ по отношенію къ устройству Польши нѣсколько проектовъ, отчасти, по словамъ князя, неисполнимыхъ и причудливыхъ, и кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ заняться этимъ дѣломъ, и просилъ своего собесѣдника помочь ему.

«Я отвѣчалъ,—пишетъ князь Чарторыйскій ¹⁾,—что я далекъ отъ желанія охладить добрыя намѣренія его величества, но что откровенно сознаюсь, я не знаю, какъ за это приняться; что, по моему мнѣнію, мѣры, предложенныя въ запискѣ, представленной мною императору, суть единственныя, которыя могутъ быть приняты немедленно; что я смотрю на этотъ годъ, какъ на важную эпоху, что онъ не можетъ истечь, не принеся съ собою событій важныхъ, болѣе важныхъ и рѣшительныхъ, чѣмъ всѣ видѣнныя нами до сихъ поръ. Императоръ прервалъ меня и сказалъ, тономъ глубокаго убѣжденія, что онъ не думаетъ, чтобы это было въ нынѣшнемъ году, ибо Наполеонъ слишкомъ занятъ своею женитьбою; но что онъ ожидаетъ кризиса на будущій годъ. «Теперь апрѣль мѣсяць,—сказалъ онъ;—итакъ это будетъ черезъ

¹⁾ „Русскій Арх.“ 1871 г., т. I, стр. 777.

девять мѣсяцевъ». При этихъ словахъ и вообще во время всего разговора, у императора былъ взглядъ неподвижный и строгій, напоминавшій мнѣ напряженное выраженіе его глазъ въ эпоху Аустерлица».

Такимъ образомъ, не получивъ никакого опредѣленнаго отвѣта, князь Чарторыйскій ушелъ отъ императора Александра съ сознаниемъ полного своего безсилія сдѣлать что-либо для соотечественниковъ. Скоро онъ уѣхалъ сначала въ Вильну, а затѣмъ въ Пулавы. Въ это время прибылъ въ Петербургъ изъ Вильны графъ Михаилъ Огинскій, уполномоченный отъ дворянства, для исходатайствованія разныхъ льготъ литовскому краю.

Уроженецъ Минской губерніи, графъ Михаилъ Огинскій началъ свою политическую дѣятельность въ 1790 году въ званіи чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Польши при Голландской республикѣ и въ Англии. Вслѣдъ за тѣмъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ поддержаніи конституціи 3-го мая, и когда императрица Екатерина II противопоставила торговицкую конфедерацію, то графъ Огинскій удалился въ Пруссію, за что всѣ его помѣстья въ Литвѣ и Бѣлоруссіи были конфискованы. Личное ходатайство въ Петербургѣ освободило его имѣнія, но во время гродненскаго сейма графъ Огинскій вновь навлекъ на себя негодованіе русскаго посла Сиверса и принужденъ былъ удалиться въ свое имѣніе близъ Варшавы.

Кровавыя событія въ Варшавѣ въ 1794 году заставили Огинскаго переѣхать въ свои литовскія имѣнія, и, когда вспыхнуло возстаніе въ Вильнѣ, то онъ принялъ въ немъ дѣятельное участіе, а по подавленіи мятежа, бѣжалъ въ Галицію, потомъ въ Вѣну и, наконецъ, въ Венецію, гдѣ въ то время собирались польскіе эмигранты. Они тотчасъ же открыли сношенія съ враждебными Россіи европейскими кабинетами, и когда рѣшено было въ нѣкоторыхъ столицахъ Европы имѣть тайныхъ польскихъ агентовъ, то графъ Огинскій былъ отправленъ въ Константинополь.

Въ 1797 году онъ переселился въ Парижъ, потомъ въ Берлинъ, гдѣ былъ милостиво принятъ королемъ, и по совѣту его послалъ просьбу императору Павлу о дозволении возвратиться на родину, но получилъ отказъ. Со вступленіемъ на престолъ Александра I всѣ эмигранты получили прощеніе, и графъ М. Огинскій пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ милостиво принятъ императоромъ. Поселившись въ Вильнѣ, онъ оставался тамъ не долго и, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1806 г., не зная, какой оборотъ примутъ дѣла, поспѣшилъ уѣхать за границу.

«Я считалъ неблагоприятнымъ, — говоритъ онъ, — проживать въ глуши провинціи и подвергаться пересудамъ, которыхъ не избѣгаетъ ни одинъ человекъ, принимающій дѣятельное участіе въ дѣлахъ своего отечества. Я страшился ихъ тѣмъ болѣе, что съ нѣкотораго времени тайные агенты

Наполеона развѣзжали по польскимъ областямъ, подчиненнымъ Россіи, а многія лица, не зная этого, имѣли неосторожность писать на мое имя письма, которыя могли компрометтировать меня предъ императоромъ французовъ».

Подъ предлогомъ болѣзни жены графъ отправился сначала въ Италію, а оттуда пробрался въ Парижъ, гдѣ и оставался до 1810 года, пока окончилась война съ Австріею. Временное затишье отъ бранныхъ тревогъ и дѣла по имѣніямъ заставили графа Огинскаго возвратиться въ Россію, и въ маѣ 1810 года онъ прибылъ въ Вильну, а вслѣдъ за тѣмъ отправился въ Петербургъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ дворянъ, для исходатайствованія разныхъ льготъ Литовскому краю.

Приглашенный, 25-го іюня, къ высочайшему столу, графъ Огинскій доложилъ государю о цѣли своего пріѣзда и получилъ разрѣшеніе представить памятную записку. При этомъ императоръ бесѣдовалъ съ нимъ въ продолженіе двухъ часовъ и между прочимъ говорилъ о проискахъ Наполеона съ цѣлью привлечь къ себѣ поляковъ. Огинскій жаловался на безразсудство своихъ соотечественниковъ, старался показать себя человѣкомъ умѣреннымъ, безпристрастнымъ и говорилъ, что хотя онъ самъ никогда не одобрялъ раздѣла Польши, сражался за отечество во время возстанія 1794 года, но тѣмъ не менѣе считаетъ несправедливымъ дѣлать новое русское поколѣніе отвѣтственнымъ за прежнія несчастія поляковъ ¹⁾.

— Я знаю все,—замѣтилъ Александръ,—что вы сдѣлали для отечества, и тѣмъ болѣе цѣню васъ за это. Я не говорилъ бы съ вами такъ откровенно, если бы не довѣрялъ вамъ. Человѣкъ, служившій вѣрою отчизнѣ, не можетъ измѣнить своему долгу. Наполеону понадобилось привлечь къ себѣ поляковъ, и онъ будетъ увлекать ихъ самыми лестными надеждами. Что касается меня, то я всегда высоко цѣнилъ вашъ народъ и надѣюсь современемъ доказать вамъ это, не руководствуясь въ моихъ дѣйствіяхъ видами личной пользы.

Вскорѣ послѣ того Огинскій, произведенный въ тайные совѣтники и назначенный сенаторомъ, отправился въ Парижъ къ своему семейству. Онъ унесъ съ собою благосклонный пріемъ императора, его увѣреніе въ расположеніи къ полякамъ и обѣщаніе исполнить ихъ желаніе. Эти обѣщанія быстро распространились между поляками и вызвали благодарность со стороны князя Чарторыйскаго.

«Милостивое обращеніе ваше, государь,—писалъ онъ ²⁾,—съ графомъ Огинскимъ и надежды, которыя вамъ благоугодно было разрѣ-

¹⁾ Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру. „Русскій Архивъ“ 1874 г., т. I, стр. 640 и 641.

²⁾ Въ письмѣ изъ Вильны отъ 25-го іюля 1810 г. Арх. Собствен. Его Величества Канцелярн.

шить ему подать жителямъ Литвы, относительно вашихъ отеческихъ намѣреній по отношенію къ нимъ, исполнили ихъ всѣхъ благодарностію и радостью, въ ожиданіи скорого облегченія ихъ бѣдствій.

«Всѣ мои желанія ограничиваются въ настоящую минуту стремленіемъ свидѣться поскорѣе съ моими родными. Благоволите, государь, сохранить мнѣ ваше прежнее благоволеніе. Вашему императорскому величеству извѣстны благодарность и преданность, издавна привязывающія меня къ особѣ вашей».

Уѣзжая изъ Вильны, князь Чарторыйскій жаловался императору на то, что въ Литовскомъ краѣ появилось много бумажныхъ ассигнацій и чувствуется отсутствіе звонкой монеты.

«Я только-что получилъ,—писалъ онъ ¹⁾),—письмо отъ министра народнаго просвѣщенія, который сообщаетъ мнѣ, что министръ финансовъ намѣренъ выдавать ежегодную сумму, причитающуюся университету, ассигнаціями. Эта мѣра, если она будетъ приведена въ исполненіе, будетъ истиннымъ бѣдствіемъ для края. Она разоритъ профессоровъ и будетъ имѣть для Литвы самыя пагубныя послѣдствія. Огромное количество бумажныхъ денегъ, которое наводнитъ университетъ и городъ, будетъ причиною, что цѣнность ихъ упадетъ гораздо ниже номинальной ихъ стоимости; изъ обращенія исчезнетъ остатокъ звонкой монеты, появившейся въ странѣ исключительно изъ суммъ, отпускаемыхъ на университетъ. Въ силу акта, подписаннаго вашимъ императорскимъ величествомъ, и статутовъ, вами утвержденныхъ, всѣ лица, служащія при университетѣ, должны получать жалованье звонкою монетою. Сообразно съ этимъ заключены условія съ профессорами. Ассигнаціи не имѣютъ здѣсь обращенія въ повседневной жизни, и на рынокъ ничего нельзя купить иначе, какъ на звонкую монету. Къ тому же было бы трудно фиксировать курсъ, такъ какъ онъ падалъ бы при каждомъ новомъ платежѣ, произведенномъ ассигнаціями. Поэтому частныя лица, весь край и казна будутъ нести все болѣе и болѣе значительныя потери, не говоря уже о томъ, что отъ этой мѣры несомнѣнно пострадаетъ университетъ.

«Въ то время какъ край собираются наводнить ассигнаціями, казна требуетъ уплаты всѣхъ податей серебромъ. Откуда же его возьмутъ? Могу удостовѣрить ваше величество, что и теперь нѣкоторые помѣщики продаютъ свои земли, потому что они не въ состояніи уплатить налоги, въ три и четыре раза превышающіе таковыя въ остальной Имперіи. У многихъ помѣщиковъ секвестрованы имѣнія за невзносъ податей, котрыхъ они не въ состояніи уплатить, и съ ними поступаютъ по всей стро-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 12-го іюля 1810 г. Срав. „Русскій Арх.“ 1871 г. (т. 1, 778), въ которомъ письмо это отнесено къ 12-му январю 1810 г.

гости законовъ. Всѣ налоги, включая косвенные, каковы вѣсовыя деньги за пересылку писемъ, гербовая бумага, пріемъ рекрутъ и другіе, взимаются не по курсу, но по номинальной стоимости денежныхъ знаковъ, а это увеличиваетъ налоги приблизительно въ той же пропорціи, въ какой падаютъ ассигнаціи и въ какой уменьшаются средства въ край.

«Особенно тяжелы, повидимому, злоупотребленія, происходящія при пріемѣ рекрутовъ, такъ какъ на одного взятаго человѣка приходится приводить ихъ шесть, семь и даже до десяти, что значительно увеличиваетъ расходъ; ни одного рекрута не принимаютъ безъ крупной взятки. Судя по всѣмъ даннымъ, общая сумма серебра, находящагося въ обращеніи въ край, не соответствуетъ суммѣ взимаемыхъ налоговъ.

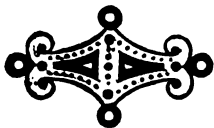
«Несомнѣнно одно, что Литва находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи и настоятельно требуетъ, чтобы ваше императорское величество обратили на нее свои отеческіе взоры... Соблаговолите, государь, быть защитникомъ этого края передъ собственнымъ вашимъ правительствомъ, такъ какъ, вѣроятно, о немъ никто не позаботится; напротивъ, найдется не мало людей, которые захотятъ притѣснять и угнетать его, а между тѣмъ изъ какого бы начала мы ни исходили и какія бы предсказанія мы ни дѣлали относительно будущаго этого края, я не думаю, чтобы оказывали вамъ услугу, давая совѣты, которые, будучи приведены въ исполненіе, могутъ разорить значительную часть вашихъ владѣній и лишить васъ любви ея жителей.

«Во время послѣдняго разговора съ вашимъ величествомъ, котораго я удостоился, я забылъ сказать, что, во время моего пребыванія въ Пулавахъ, мнѣ, вѣроятно, придется побывать въ Варшавѣ».

Этимъ послѣднимъ заявленіемъ императоръ Александръ воспользовался впоследствии, стараясь поставить князя Чарторыйскаго въ положеніе посредника между имъ и варшавскими поляками.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Прототипъ Бобчинскаго.

Кто изъ читавшихъ безсмертное произведеніе Гоголя не поминаетъ классическихъ словъ, съ которыми Бобчинскій обращается къ Хлестакову: «Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ молю, ваше императорское величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій», но едва-ли кому-либо приходила мысль о томъ, что Бобчинскій имѣлъ историческій прототипъ. Въ одномъ изъ нашихъ архивовъ хранится дѣло о глупыхъ письмахъ, написанныхъ императрицѣ Екатериной II Гамалѣемъ. Вотъ что пишетъ лицо, наводившее о немъ справки, по порученію Трощинскаго, въ письмѣ къ послѣднему:

Милостивый государь мой Дмитрій Прокофійевичъ.

Возвращая письмо Гамалѣи, дошедшее къ ея императорскому величеству, доношу объ немъ. Онъ въ отставкѣ ротмистръ, живетъ въ селѣ Борщевѣ, женатъ, имѣетъ дѣтей и болѣе двухъ сотъ за нимъ крестьянъ; ума скуднаго и въ домоводствѣ слабъ, зараженъ древностію дворянской своей породы, при томъ мнитъ себя вѣдающимъ Священное Писаніе и богомольнымъ. И все такое мечтаніе своего достоинства такъ имъ овладѣло, что наконецъ ему возмнилось весьма необходимымъ дѣломъ, чтобъ написать такого содержанія письмо къ ея императорскому величеству, о которомъ и нынѣ говоритъ онъ, смысла окровеннаго, какъ-де и Священное Писаніе, въ томъ себя расположеніи, что онъ и самъ любитъ прославленіе всемилостивѣйшей государыни, но чрезъ то однакожь, дабы знать дать, что онъ есть изъ рода Гамалѣевъ. Впрочемъ оказалось, онъ былъ сперва по жидибѣ щедръ, но впалъ отъ того въ долги, не превосходящіе однакожь его имѣнья, нынѣ же сталъ радѣтеленъ о домоводствѣ своемъ и нѣтъ отъ него ни своевольства, ни кому либо обидѣ, а только, какъ выше пишу, зараженъ знатностію своего происхожденія и желаетъ, чтобъ былъ онъ извѣстенъ государынѣ.

Затѣмъ я есть съ истиннымъ почтеніемъ милостиваго государя моего вашего высокородія покорнѣйшій слуга Ларіонъ Алексѣевъ.

Декабря 18-го дня

1794 года

Новгородъ-Сѣверскій.

Самыя письма Гамалѣи дотога негѣпы и бессмысленны, что мы затрудняемся ихъ печатать. Какъ извѣстно, Гоголь въ молодости былъ близокъ къ Трощинскому, а поэтому могъ слышать отъ него о Гамалѣѣ и вспомнить о страстномъ желаніи послѣдняго дать о себѣ знать государынѣ, во время созданія своей безсмертной комедіи.

Сообщ. В. Строевъ.

В. А. Жуковекій какъ народникъ ¹⁾.

(Ко дню пятидесятилѣтія его кончины).

Для самыхъ позднихъ правнуковъ звучитъ
Его благое слово, и живеть
Его благое дѣло.

Г ѣ т е.

Жуковского на всѣ лады называютъ у насъ отцомъ романтизма.

Безъ малаго 50 лѣтъ назадъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти поэта нашего, въ торжественномъ собраніи Московскаго университета (12-го января 1853 г.) профессоръ Шевыревъ говорилъ рѣчь о значеніи Жуковского въ русской жизни и поэзіи. При этомъ почтенный ораторъ не могъ не попытаться «вкратцѣ разъяснить понятіе о романтизмѣ», признавъ, что «романтизмъ принадлежитъ къ числу самыхъ неясныхъ, самыхъ неопредѣленныхъ понятій».

Въ разборъ и опредѣленіе романтизма я не буду вдаваться, но укажу на одну громадную заслугу романтизма—это пробужденіе народности. Романтизмъ обратился къ изученію прошлаго народа, занялся его ми-

¹⁾ Въ засѣданіи историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета было рѣшено почтить память Жуковского ко дню 50-лѣтней годовщины его смерти. Меня, какъ сотрудника д-ра Зейдлица при составленіи біографіи поэта (Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія В. А. Жуковского, съ предисл. П. А. Висковатова“, Спб. 1883), просили приготовить рѣчь къ торжественному акту. Торжество не состоялось, и предлагаемый очеркъ представляетъ собою дополненную и снабженную примѣчаніями рѣчь, произнести которую не пришлось. П. В.

еологіей, исторіей, бытомъ, вѣрованіями, повѣртіями, правомъ... А такъ какъ въ исторіи развитія всѣхъ народовъ, начиная съ древнѣйшихъ египетскихъ и ассиро-вавилонскихъ, книга смерти—книга жизни, т. е. все: отъ погребальныхъ обычаевъ до вѣрованій въ загробное существованіе, имѣетъ едва ли не первенствующее значеніе, то романтизмъ долженъ былъ интересоваться особенно всѣмъ чудеснымъ, надземнымъ въ вѣрованіяхъ, наполнявшихъ народную фантазію. Эта фантазія естественно получила въ творчествѣ народа реальное значеніе.

Но гдѣ же, какъ не въ поэзіи, въ пѣсняхъ народа и выступаютъ, и сохраняются завѣщанные идеалы, воззрѣнія и пониманія народнаго. «Пѣсня—быль», мѣтко опредѣляетъ значеніе ея нашъ народъ.

Только съ изученіемъ этой «были» возможно начало національнаго самосознанія, т. е. начало упроченія и развитія народности. «Das Kind ist des Mannes Vater», сказалъ Гёте, величайшій поэтъ-мыслитель новыхъ вѣковъ, которому была и звѣздная книга ясна, кто чувствовалъ «травъ прозябанья, преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ, градущихъ вѣковъ созиданья».

Да, только пройдя сквозь годы ученія и воспитанія, чрезъ всякаго рода опытъ, человекъ, приглядываясь къ чертамъ дѣтства своего, сознательно развивая индивидуальныя свои задатки, становится мужемъ, личностью, и тутъ только оправдываетъ изреченіе Гёте: «дѣтя—отецъ зрѣлаго мужа». «Выше лба не перескачешь», говоритъ народная пословица, и не стать человѣку выше врожденныхъ способностей, сказывающихся въ немъ въ первомъ его дѣтскомъ возрастѣ. Увлеченія и отклоненія въ юности, подъ давленіемъ чужаго вліянія, по большей части непродолжительны. Изреченное Гёте, великимъ знатокомъ души: Макрокосма и Микрокосма, выражено нашею пословицей: «Каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ». Но къ тому, что было въ колыбелькѣ, надо подходить съ пониманіемъ. Оно требуетъ изученія.

Справедливое по отношенію къ лицу имѣетъ отношеніе и къ цѣлому народу. Дѣйствительно, что высказалъ народъ въ началѣ своего существованія, то скажется со всею ясностью и въ зрѣломъ его возрастѣ, и къ концу существованія, разумѣется, если конецъ этотъ естественъ, а не насильствененъ и преждевремененъ.

И такъ, упроченію индивидуальной силы и зрѣлости въ отдѣльномъ индивидуумѣ, какъ и въ цѣломъ народѣ, должно предшествовать изученіе основъ всего, т. е. дѣтства.

Это-то изученіе было предпринято романтизмомъ, или, по меньшей мѣрѣ, романтизмомъ данъ первый толчекъ къ нему. Въ каждомъ народѣ романтизмъ проявляется иначе, и въ каждомъ народѣ онъ приводитъ къ народничеству. Не даромъ же и про отдѣльную личность,

работающую надъ индивидуализаціей своего я, говорятъ: «онъ переживаетъ романтическую эпоху».

Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка западная Европа пережила новую эпоху романтизма, сказавшагося въ дѣятельности лучшихъ и самыхъ жизненныхъ представителей ума, знанія и таланта.

Съ романтизмомъ въ Германіи, на примѣръ, появились дѣятели, для которыхъ участіе въ рѣшеніи крупныхъ вопросовъ жизни, въ широкомъ значеніи слова, было непреодолимою потребностью. Назовемъ Александра Гумбольдта и Арндта. Гумбольдтъ, великій популяризаторъ науки, въ своемъ «Космосѣ» дѣлаетъ сводъ всему современному знанію и является передъ дружески расположеннымъ къ нему королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV ходатаемъ за либеральныхъ писателей, за гонимыхъ дѣятелей, какъ, на примѣръ, за изгнанныхъ геттингенскихъ профессоровъ; Арндтъ, этотъ восторженный поэтъ-патріотъ, является ищущимъ-патріотомъ, пробуждающимъ германское народное самосознаніе. Онъ спутникъ и сотрудникъ прусскаго министра Штейна въ его политическомъ паломничествѣ при организаціи противодѣйствія завоевательнымъ планамъ Наполеона. За Арндтомъ выступаетъ и юный пѣвецъ-воинъ, сложившій свою голову въ бою за національную свободу—Теодоръ Кёрнеръ.

Въ самомъ фантастичномъ изъ романтиковъ, Гофманѣ, въ которомъ порою съ трудомъ можно отличить серьезную мысль отъ безумнаго бреда, мы встрѣчаемъ черты реализма, затрогивающаго самые жгучіе жизненные вопросы и бичующаго недостатки социальныхъ явленій безпощаднымъ юморомъ. Вотъ почему этотъ писатель вліялъ такъ сильно на реалиста-мечтателя, юмориста-этика—на нашего Гоголя.

Реальные черты въ романтизмѣ ¹⁾ побуждаютъ нѣкоторыхъ представителей его, какъ Беттина, и жить романтически. Князь Шюклеръ тратитъ огромное свое состояніе на устройство парковъ и замка, въ которомъ хочетъ сплести природу и искусство въ романтическо-реальномъ объединеніи ²⁾ и 86-лѣтнимъ старцемъ (онъ умеръ въ 1871 г.), во время франко-прусской войны, пытается вступить въ ряды прусской арміи.

¹⁾ Въ реализмѣ тайна обаянія такого произведенія, какъ „Ундина“ Ламотфука, на которомъ остановилъ свое вниманіе Жуковский, давъ произведенію французско-нѣмецкаго автора обаятельную форму, ставящую русскій переводъ во многихъ отношеніяхъ выше подлинника. Въ „Ундинѣ“ реально изображается сказочное. Послѣдователемъ реального въ произведеніи Фука является Шамиссо въ своемъ „Петръ Шлемилъ“. Тотъ самый Шамиссо, который въ стихахъ своихъ подражаетъ Веранже.

²⁾ Такимъ послѣднимъ романтикомъ въ жизни является и король баварскій Людвигъ II, этотъ близкій другъ и покровитель Вагнера и врагъ Бисмарка—и потому погибшій ужасною смертію.

Характеренъ и другой практическій романтикъ, близкій другъ послѣднихъ лѣтъ жизни Жуковскаго, которому онъ сообщалъ свои литературные планы и начинанія, Юстинъ Кёрнеръ, пережившій его на 10 лѣтъ. «Этотъ неуклюжій на видъ филистръ съ широкимъ лицомъ, которое въ шутку самъ онъ сравнивалъ съ тынковой, была высоко поэтическая натура. Кёрнеръ обладалъ способностью обращать жизнь въ поэзію. Въ его живописный, утопавшій въ цвѣтахъ домикъ, полный тихой, безмятежной радости и любви, стекались гости со всѣхъ концовъ: тихій Уландъ, бурный Фрейлигратъ, привѣтный Мерике, претенціозный Ленау и Варягагенъ и Грюнъ, и принцы крови, и бездомные бѣглецы-поляки». Тутъ чувствовалъ себя дома и Василій Андреевичъ.

Здѣсь жилося такъ сладко, здѣсь сердцу было пріятно.

Здѣсь поэзія завоевывала дѣйствительную жизнь, т. е. исполнялись великіе завѣты Гёте ¹⁾.

Романтизмъ, обратясь къ изученію элементовъ народности, не могъ не остановиться на собраніи памятниковъ народнаго творчества. Оно сказалось въ открытіи и занятіи древними эпическими пѣснями, особенно «пѣсню Нибелунговъ»; въ появленіи сборника старинныхъ пѣсенъ (des Knaben Wunderhorn), составленнаго трудами Арнима и Брентано и изданнымъ въ 1806 году; въ народныхъ сказкахъ, собранныхъ братьями Гриммами и пр. Все это привело къ познанію старины и нѣмецкаго народнаго духа. А все-таки значеніе этихъ произведеній оставалось неяснымъ для людей порою даже изъ-ряду вонъ умныхъ и понимающихъ. Такъ Фридрихъ II издѣвался надъ изученіемъ народной литературы и страстью собирателей памятниковъ его творчества. У насъ чуткій Бѣлинскій глумился надъ интересомъ къ былинамъ нашихъ первыхъ народниковъ, называя ихъ въ насмѣшку «славянофилами». Кличка, которая за ними и осталась, какъ кличка гезовъ за славными дѣятелями патриотами въ Нидерландахъ, брошенная имъ въ посмѣяніе презрительнымъ непониманіемъ ²⁾.

Въ изученіи народнаго творчества и крылось начало новой эры. Лучшіе умы искали связь съ прошлымъ народа, старались воскресить его индивидуальность, поправную историческимъ ходомъ событій и антинаціональнымъ строемъ, царившимъ надъ всѣмъ соціально политическимъ порядкомъ.

¹⁾ Ср. Richard Meier „Die deutsche Litteratur im XIX J.“ 2-te Auflage 1900.

²⁾ Позднѣе, даже враги славянофильскаго направленія почувствовали несправедливость смѣшиванія этихъ первыхъ нашихъ народниковъ съ шнечковистами и стали называть ихъ направленіе московскимъ славянофильствомъ въ отличіе отъ „официальнаго славянофильства“, понятіе и объясненіе немного смутное и искусственное. См. Пыпинъ: Характеристика литературныхъ мнѣній.

Въ этомъ отношеніи романтизмъ сказался еще раньше, въ дѣятельности Муціана Руфа и его учениковъ, между которыми славнѣйшимъ является Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ. Эпоха гуманизма можетъ быть названа первою эпохою бурныхъ стремленій или первою эпохою романтизма, а время конца XVIII столѣтія можно назвать второю эпохою бурныхъ стремленій, второю эпохою романтизма въ Германіи. Но, если изученіе народнаго составляетъ одну изъ задачъ романтизма, то, понятно, что это должно было въ концѣ концовъ привести къ реализму. Отъ изученія прошлаго естественно перешли къ изученію настоящаго, и въ то время какъ въ западной Европѣ одни изъ романтиковъ боязливо держались въ области фантазіи, другіе шли къ жизненному, и для нихъ

„Жизнь и поэзія одно“.

Тезисъ—формулированный этими словами Жуковскимъ.

При этомъ изученіи своего прошлаго, результаты въ западной Европѣ и у насъ были совершенно другіе. Когда западные романтики взялись за ознакомленіе съ прошлымъ народа и за воскрешеніе его основъ, заглушенныхъ ходомъ цивилизаціи, чуждыми наслоеніями, имъ пришлось имѣть дѣло съ давно умершими элементами. Не было ни народныхъ пѣсень, ни эпоса; т. е., въ устахъ народа ихъ не было; ихъ выносили на свѣтъ Божій изъ старыхъ кодексовъ и сборниковъ. Церковь и латинское просвѣщеніе давно уничтожили, смыли въ народѣ всѣ слѣды самобытности. Въ Россіи—совершенно обратное явленіе. Когда у насъ взялись за изученіе народныхъ элементовъ, народной словесности и обычаевъ на европейскій ладъ и подъ европейскимъ влияніемъ, произошло что-то совсѣмъ неожиданное.

Намъ ничего воскрешать не приходилось! Пѣсни, эпосъ, міровоззрѣніе, древнія вѣрованія, обычаи—все оказалось еще живымъ, реальнымъ.

Нашъ эпосъ не является въ искусственной переработкѣ, изъ которой надо выдѣлять пѣснь рапсодовъ, а поютъ его еще и по сю пору сами рапсоды. Пѣсни народныя пѣлись и еще поются, и ихъ записывали и записываютъ съ устъ живыхъ пѣвцовъ, а не выуживаютъ, какъ пришлось это дѣлать романтикамъ на западѣ, изъ пыльных, забытыхъ сборниковъ. Вотъ почему нашъ романтизмъ сталъ тотчасъ по своемъ появленіи реализмомъ. И въ то время какъ на западѣ писатели то болѣзненно держались фантастическаго, то бросались въ какой-то «идеальный реализмъ», у насъ лучшіе писатели и съ ними вся литература наша непомѣрно быстро дѣлается строго реалистическою и вполне жизненною. Глава нашей реальной школы Гоголь сейчасъ за выступленіемъ на литературное поприще, изъ подражателя романтика въ «Гайцѣ Кюхельгартенѣ», увлекающагося до того, что «поетъ свою Германію»,

почти непосредственно дѣлается реалистомъ ⁴⁾. То же можно сказать и о Пушкинѣ, да и о Лермонтовѣ. Этотъ юноша пишетъ свою знаменитую пѣсню о Иоаннѣ Грозномъ и Калашниковѣ, совсѣмъ въ духѣ и даже размѣромъ нашихъ былинъ, въ то время когда чуткій Бѣлинскій отрицательно относится къ народной поэзіи. Но въ это время Лермонтовъ встрѣтился съ Хомяковымъ и находился подъ его вліяніемъ, и весьма любопытное стихотвореніе Лермонтова рисуетъ очень наглядно разницу въ успѣхѣ обновленія народностью нашей и европейской національностей. Лермонтовъ, въ попыткѣ европейскаго міра воскресить черезъ романтизмъ народное право, видитъ тщетное усиліе. Во слѣдъ за восторженнымъ настроеніемъ нашихъ «народниковъ-славянофиловъ» онъ провозглашаетъ въ Европѣ паденіе и смерть; у насъ же народность должна повести къ жизненности и оздоровленію.

Эта мысль высказывается въ строкахъ, приписанныхъ Лермонтовымъ 2-го февраля 1836 года къ стихотворенію его «Умирающій гладиаторъ».

.
 Не такъ ли ты, о европейскій міръ,
 Когда-то пламенныхъ мечтателей кумирь,
 Въ могилѣ клонилъ безславной головою,
 Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей
 Безъ вѣры, безъ надеждъ—игралище дѣтей.
 Осмѣянный лгующей толпою!

И предъ кончиною ты взоры обратилъ
 Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
 На юность свѣтлую, исполненную силъ,
 Которую давно для язвы просвѣщенья,
 Для гордой роскоши безпечно ты забылъ.
 Стараясь заглушить послѣднія страданья,
 Ты жадно слушаешь и пѣсни старины
 И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья,
 Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны ⁵⁾.

⁴⁾ Очень любопытно и еще не изслѣдовано сильное вліяніе нѣмецкихъ поэтовъ-романтиковъ Фосса, Гёте, Шиллера, Гофмана и др. на Гоголя. Ужъ не говоря о томъ, что его „Ганцъ Кюхельгартенъ“ представляетъ рабское почти подраженіе Луизѣ Фосса, а „Италія“—Миньонѣ Гёте съ мотивами изъ наиромантичнѣйшихъ разсказовъ Гофмана. Послѣдній писатель сильно вліялъ на него. Въ Гоголѣ, особенно въ его первыхъ повѣстяхъ, необузданная фантазія, какъ у Гофмана, соединяется съ юморомъ, съ тою только разницею, что у Гофмана этотъ юморъ, часто хоть и весьма жизненный, не имѣетъ народнаго характера, какъ у Гоголя. Вліяніе Гофмана признавалъ надъ собою и Гоголь, о чемъ свидѣтельствовала и А. О. Смирнова.

⁵⁾ См. мою біографію Лермонтова, изд. Рихтера, Москва, 1891 года, стр. 222. Интересно, что сношенія Лермонтова съ Хомяковымъ относятся къ 1836 году и что тогда же онъ работалъ надъ „Пѣсню о Калашниковѣ“.

Итакъ наши изучатели народности, наши романтики—это славянофилы. Любопытно, что сами они себя не называли этимъ именемъ. «Мы, пишетъ И. С. Аксаковъ, мы, славянофилы, этой клички никогда не признавали и сами себя такъ не именуемъ никогда, хотя и допускаемъ у другихъ это именованіе, данное какъ Sobriquet Вѣлинскимъ (въ воспоминаніе сатиры на старика Шишкова), но ставшее уже нѣсколько почетнымъ» ¹⁾.

Если раньше говорится, что однимъ изъ важнѣйшихъ значеній романтизма и жизненности его было изученіе народности и воскрешеніе его элементовъ, то то же можно сказать о значеніи «Московского славянофильства». Побывавъ за границею, увлекшись шеллингианствомъ, во всеоружіи романтизма, основали они (Иванъ Кирѣевскій) даже журналъ «Европеецъ», стараясь познакомить русское общество съ стремленіемъ западной романтической литературы. Но вотъ нѣкоторые (Петръ Кирѣевскій) указываютъ на то, что зачѣмъ же намъ, русскимъ, изучать прошлое европейскихъ народовъ, когда ближе отдаться изученію своего? «Не былъ ли уже Карамзинъ своею Исторіею родоначальникъ направленія народнаго!»... И началось это оздравляющее увлеченіе нашимъ прошлымъ, изученіемъ народности. По рассказамъ Авдотьи Петровны Елагиной ²⁾, сильные споры поднялись въ лагерѣ славянофиловъ. Хомяковъ и Петръ Кирѣевскій увлекли другихъ, и Иванъ Кирѣевскій изъ европейца сталъ славянофиломъ, т. е. народникомъ.

¹⁾ Письмо Аксакова отъ 29-го февраля 1884 года ко мнѣ по поводу вышеприведенныхъ строкъ Лермонтова, впервые мною напечатанныхъ тогда въ „Русь“ 1884 г., № 5. Иванъ Сергѣевичъ не на шутку осерчалъ на меня. „Какъ вы могли на сѣ народниковъ называть славянофилами? Вы и себя порочите, отъ васъ я этого не ожидалъ...“ Статью мою „Славянофильскія сомнѣнія“ въ Лермонтовѣ онъ искажилъ и извѣщается: „Ну, Павелъ Алекс., будете вы меня бранить, увидавъ вашу статью въ такомъ сокращенномъ видѣ“ и т. д. Аксаковъ никакъ не хотѣлъ допустить, что въ Лермонтовѣ жили чувства и интересы народника. Однако, все же пишетъ: „по всей вѣроятности, Лермонтовъ кончилъ бы тѣмъ, что сталъ славянофиломъ и народникомъ, какъ сталъ имъ и Пушкинъ, сознательнымъ или несознательнымъ—все равно... Я самъ читалъ въ его (Лермонтовской) рукописи—о сравненіи русскаго народа съ Ильею Муромцемъ“... Но объ этомъ въ другой разъ. Мнѣ только хотѣлось указать на то, какъ сами славянофилы считали себя народниками. Въ другой разъ по поводу высылки изъ Москвы „за непатріотическое направленіе“ Иванъ Сергѣевичъ писалъ мнѣ: „Меня стараго народника за отсутствіе патріотизма!! даже смѣшно сказать“... и т. д.

²⁾ Авдотья Петровна Елагина, по первомъ мужѣ Кирѣевская, мать Ивана и Петра Кирѣевскихъ, полтора послѣднихъ года жизни своей провела въ Дерптѣ. Она пріѣхала къ сыну своему Василию Алексѣевичу Елагину, тоже извѣстному славянофилу, женатому на Екатеринѣ Ивановнѣ Мойеръ, дочери Маріи Андреевны Протасовой—„Машѣ Жуковскаго“. Жилъ еще въ Дерптѣ

Любопытно, что воспитаніемъ Кирѣвскихъ съ равныхъ лѣтъ руководилъ Жуковскій. Онъ направлялъ его, назначалъ и рекомендовалъ учителей и воспитателей, выбирая ихъ изъ питомцевъ Дерптскаго университета—изъ людей, романтически настроенныхъ. Жуковскій настаиваетъ на отправкѣ молодыхъ Кирѣвскихъ за границу, а затѣмъ принимаетъ дѣятельное участіе въ ихъ литературныхъ начинаніяхъ. Изъ первыхъ указываетъ на необходимость имъ изучать нашу народную словесность, какъ и самъ это дѣлалъ по мѣрѣ силъ и возможности. Онъ мечталъ о томъ, чтобы написать поэмѣ «Владиміръ Красное Солнышко» и еще въ 1810 году подъ руководствомъ Карамзина изучалъ древнюю исторію Россіи, а въ 1816 г. онъ съ тою же цѣлью посѣщалъ въ Дерптѣ лекціи профессора Эверса и мечталъ о поѣздкѣ въ Кіевъ для ознакомленія съ самымъ мѣстомъ дѣйствія предполагаемой поэмѣ¹⁾. Около этого же времени Жуковскій занимается «С л о в о м ъ о полку Игоревѣ» и перекладываетъ его на современную рѣчь.

Явившійся въ Европѣ интересъ къ изученію прошлаго народа и воскрешенію его жизни и идеаловъ нашелъ откликъ въ душѣ Жуковскаго. Жуковскій получилъ рѣдкое для того времени образованіе, и пополнялъ онъ его ревностно изученіемъ иностранныхъ литературъ. Черезъ Карамзина его живо коснулись традиціи гуманныхъ стремленій кружка Шварца и Новикова. 2-го января 1801 года Жуковскій вмѣ-

другъ и биографъ Жуковскаго Карлъ Карловичъ Зейдлицъ и Эмануилъ Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ. Всѣ они полны были памятью о Жуковскомъ. Дерптъ со своими традиціями романтизма пріютитъ и послѣднихъ его представителей. Но въ этомъ почтенномъ и тепломъ гнѣздышкѣ добраго стараго времени не всѣ члены его могли вполне ужиться. Э. А. Мамоновъ вступилъ даже въ полемику съ Иваномъ Сергѣевичемъ Алсаковымъ относительно стараго и новаго славянофильства. Василій Алексѣевичъ и особенно Елизавета Ивановна Елагина идеализировали современную жизнь и во что бы то ни стало хотѣли видѣть въ ней тождественность съ 20-ми годами прошлаго столѣтія. Авдотья Петровна тосковала въ чуждой ей обстановкѣ, тосковала болѣе, чѣмъ въ одиночествѣ своего Петрищева (Орловскаго имѣнія). Она пережила всѣхъ своихъ современниковъ, но отличалась до послѣдняго дня (умерла въ 1878 году въ Дерптѣ) свѣжестью всѣхъ умственныхъ и, пожалуй, физическихъ силъ. Она мыслила, слышала и видѣла вполне отчетливо (мигъ передъ самой смертью связала кошелекъ изъ тончайшихъ шелковъ) и много бесѣдовала о прежнихъ дняхъ, отвѣчая на вопросы мои и дополняя уже извѣстное.

¹⁾ См. Вас. Андреевичъ Жуковскій, столѣтняя годовщина дня рожденія. Очерки П. А. Висковатаго... Письма Жуковскаго. „Русская Старина“ 1883 г., стр. 148, 150, и рассказанное миѣ Авд. Петровной; объ этомъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Сравни тоже Зейдлицъ, стр. 119. См. Рѣчь мою, стр. 9 и Зейдлицъ, стр. 78 и 107. Тоже, Очеркъ жизни и поэзіи В. А. Жуковскаго. Рѣчь Я. К. Грота, читанная въ академическомъ собраніи 30-го января 1883 года, отдѣльный оттискъ, стр. 9.

ствѣ съ братьями Тургеневыми и другими товарищами-друзьями основываетъ новое дружеское литературное общество. Въ уставѣ его сказано между прочимъ: «мы всѣ высоко цѣнимъ талантъ трогать и убѣждать другихъ словесностью. Мы удивляемся тѣмъ великимъ умамъ, которые въ безсмертныхъ своихъ сочиненіяхъ заронили божественную искру, могущую зажечь въ сердцахъ любовь къ добродѣтели и истинѣ. Служить имъ есть божественная и главнѣйшая наша обязанность. Всѣ мы льстимся найти и образовать въ себѣ этотъ талантъ. Да будетъ же сіе образованіе въ честь и славу добродѣтели и истины, цѣлю нашихъ упражненій».

Такимъ образомъ Жуковский рано задается цѣлю послужить родинѣ своимъ талантомъ. Для него литературная работа и творчество не упражненіе силъ, не забава, а серьезная служба на поприщѣ нравственнаго и умственнаго совершенствованія людей и прежде всего русскаго общества и народа ¹⁾.

Литературу признаетъ онъ тѣмъ свѣточемъ, который свѣтитъ впереди всякаго начинанія и совершенствованія народнаго. Радѣя о нравственномъ совершенствованіи, онъ освѣщаетъ этимъ свѣточемъ величайшія произведенія гениевъ челоѣчества. Переводя ихъ на русскій языкъ, онъ вноситъ въ сокровищницу своего народа выработанное представителями другихъ націй. Онъ расширяетъ кругозоръ своихъ согражданъ, дѣлаетъ лучшихъ представителей соучастниками общечеловѣческихъ задачъ. Онъ отлично понимаетъ, что каждый народъ призванъ внести свое въ челоѣческое совершенствованіе, но можетъ сдѣлать это только тогда, когда задачи общечеловѣческаго развитія дѣлаетъ своими задачами. Народность и ея развитіе не исключаетъ общечеловѣческаго. Первый народникъ въ Германіи «германофилъ» Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ былъ въ то же время величайшій изъ гуманистовъ, дерзнувшій писать на языкѣ народномъ и крикнувшій безсмертный кличъ: «Вставайте! Заря новой жизни зажглась. Духъ воскресаетъ, живетъ радостно!» И сѣтью по западной Европѣ распространились гуманисты и ихъ начинанія, связывая въ одно общее братство безъ уставовъ или орденскихъ правилъ всѣхъ, кто исполненъ любви къ совершенствованію челоѣка и любви народной; и рушатся преграды, взведенныя эгоизмомъ темныхъ людей.

«Я дерзнулъ» «Iacta alea est», ставитъ девизомъ гуманистъ-народ-

¹⁾ Еще въ 1816 году писалъ онъ А. И. Тургеневу: «...поэзія часть отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ. Не надобно думать, что она только забава воображенія: она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію». Зейдлицъ: Ein russisches Dishesleben, стр. 142.

никъ,—и откликъ его воззваній бѣжить по Европѣ и съ новою силою раздается въ рядахъ романтиковъ, а у насъ, подхваченный Новиковымъ и Карамзинымъ ¹⁾, западаетъ въ чудесную душу Жуковского, этого «запѣвалы всѣхъ русскихъ пѣвцовъ».

„Все въ жизни—въ великому средство“.

кричитъ онъ современникамъ и потомкамъ; и вѣруя, что

„Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли!

онъ служить своему народу подѣ благословеніемъ этого Бога, и ту глубокую вѣру онъ вкладываетъ въ души такихъ людей, какъ Пушкинъ и Гоголь.

Послѣднему онъ пишетъ: «Жизнь поэта въ его поэзіи: дѣла его—слова его». И къ этимъ словамъ Жуковский относится какъ къ службѣ своей на пользу родины, свято и высоко чтя зажигаемый имъ свѣточъ.

Начавъ съ элегии Грея, поразившей въ свое время теплотою отношенія къ меньшей братіи, о которой едва думали лучшіе люди, онъ взволновалъ современниковъ такъ, что Карамзинъ, передавая Жуковскому редакторство «Вѣстника Европы» и рекомендуя его читателямъ, для характеристики Жуковского счелъ достаточнымъ сказать, что юный другъ его извѣстный переводчикъ Греевой элегии. Въ этой элегии дремлетъ зародышемъ то высокое настроеніе поэта, которое воспитало его питомца, освободителя миллионъ рабовъ, и которому еще ребенку онъ говорилъ:

„Будь на тронѣ человѣкомъ“.

Жуковский не былъ бойцомъ. Но истина и любовь, горящія яснымъ огнемъ, зажигаются не только бойцами. Можетъ быть, истина и любовь тѣмъ сильнѣе и прочнѣе дѣйствуютъ, если сіяютъ не безпокойнымъ огнемъ битвы, а спокойнымъ сіяющимъ пламенемъ любви и мира. Если люди ясной и спокойной дѣятельности поздиѣе и вызываютъ борьбу, то это по несовершенству людей, вносящихъ въ дѣла свои личный эгоизмъ. Отъ столкновенія убѣжденій и борьбы выясняется истина, но формулируется она не бойцами, а философами-наставителями, отъ предтечей Сократа и Платона и до великихъ мастеровъ и художниковъ слова нашихъ дней.

Отъ элегии Грея Жуковский переходитъ къ пѣснѣ, въ которой отдаются звуки подъема народнаго духа въ 12-мъ году ²⁾.

¹⁾ Вліяніе Карамзина на Жуковского есть одно изъ тѣхъ событій въ исторіи русской словесности, на которое нельзя не обратить вниманія. Карамзинъ—родоначальникъ направленія народнаго (Шевыревъ), которое черезъ Жуковского отразилось на Пушкинѣ и другихъ писателяхъ.

²⁾ Я употребляю выраженіе двѣнадцатый годъ, какъ совокупность всѣхъ лѣтъ съ начала XIX стол. до 20-хъ годовъ, годовъ нашей реакціи и нахлынувшей тьмы.

Его «Пѣсни барда на гробѣ славянъ-побѣдителей», «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» и пр. въ наше время не трогаютъ читателя. Намъ какъ будто чужды эти россияне подъ шлемомъ и броней, вооруженные мечами и копьями; но подъ шлемомъ со щитомъ и мечемъ давно стоятъ на петербургскомъ морозѣ памятникъ чудеснаго нашего народнаго героя Суворова. Въ одѣяніи классическихъ героевъ изображень русскій царь и Россія 1812-го года въ безсмертныхъ медальонахъ графа Фёдора Петровича Толстаго, поднимающихъ въ насъ благородство духа не меньше «Войны и мира» другаго графа Толстаго, еще живущаго среди насъ Льва Николаевича.

Во всѣхъ этихъ и подобныхъ твореніяхъ нашихъ художниковъ живетъ народность. Увлеченный ею, Жуковский написалъ и гимнъ, который сталъ и гимномъ народнымъ, и пока живетъ русская земля нераздѣльною, не умолкнуть звуки его, раздающіеся вмѣстѣ съ гимномъ народной свободы другаго намъ дружественнаго народа, и если бы Жуковский умеръ молодымъ человѣкомъ и не написалъ ничего болѣе, онъ все же жилъ бы между нами со славою, какъ выразитель народнаго чувства.

Жуковский почитался у насъ близорукими начетчиками переводчикомъ иностранныхъ поэтовъ. Онъ самъ, въ письмѣ къ Стурдзѣ называя себя «поэтическимъ дядькомъ на Руси англійскихъ и нѣмецкихъ вѣдьмъ и чертей», давалъ поводъ къ такому сужденію, но уже Бѣлинскій произноситъ о немъ иное мнѣніе:

«О Жуковскомъ говорятъ, что у него мало своего, но почти все переводное. Ошибочное мнѣніе! Жуковский поэтъ, а не переводчикъ: онъ воссоздаетъ, а не переводитъ. Онъ беретъ у нѣмцевъ и англичанъ только свое, пригодное ему или намъ, русскимъ».

Молодой поэтъ созналъ очень быстро, что въ задачахъ романтизма лежитъ поднятіе народнаго духа въ сознаніи своего прошлаго и присущихъ ему свойствъ. Ему захотѣлось поэзію своею способствовать пробужденію народнаго сознанія и достигнуть этого сознанія, какъ уже сказано, путемъ поэтическаго творчества.

Онъ вѣрилъ, что

„Художники, какъ боги,
Входятъ въ Зевсовы чертоги“,

а, слѣдовательно, и книга прошлаго и будущаго должна быть имъ ясна. Но ничего не дается безъ труда, и, желая проникнуть въ тайники нашего еще не познаннаго прошлаго, онъ бросился изучать его. Попытка дать русскій характеръ нѣмецкимъ и англійскимъ балладамъ, переименовывая «Леонору» въ «Людмилу» и заставляя ее бѣжать навстрѣчу не нѣмецкой рати, а славянской, не удовлетворила Жуковского,

*

хотя современники наивно думали, что «Людмила» русская дѣвушка и вся баллада русская¹⁾.

Жуковский пытается въ «Свѣтланѣ» дать обстановку и характеръ народный. Но хотя у него дѣвушки и гадаютъ въ Крещенскій вечерокъ по обычаю народному и хотя женихъ и прѣзжаетъ за героиней не въ видѣ рыцаря верхомъ на лошади, а въ образѣ русскаго молодца на тройкѣ, Василій Андреевичъ все-таки въ концѣ своей баллады признается, что

„Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу“.

Недовольный своими попытками воссоздать русское народное, онъ серьезно начинаетъ заниматься русскимъ прошлымъ, русскою исторіей. Изъ небольшого запаса нашей эпической поэзіи, извѣстной въ началѣ вѣка, Жуковский выводитъ заключеніе, что народный былинный матеріалъ группируется около Владиміра Красное Солнышко, и что историческія событія лежатъ въ основѣ ихъ. Онъ задумываетъ поэму «Владиміръ» и ищетъ въ Дерптѣ у историка Эверса указаній, какъ углубиться въ нѣдра прошлаго Россіи. Изъ этихъ попытокъ вышли его баллады-поэмы «Громобой и Вадимъ», гдѣ опять-таки кромѣ именъ и названій немного чертъ народныхъ. Жуковский, какъ поэтъ, столкнулся съ препятствіями непреодолимыми—т. е. съ общимъ недостаткомъ знанія прошлаго, знанія народа, его творчества и вѣрованій. А Жуковский, не смотря на весь свой идеализмъ, почиталъ жизнь реальную—дѣйствительною и въ нее вносилъ свой идеальный міръ. «Жизнь и поэзія—одно», говаривалъ онъ.

«Не ринулся ли Жуковский, — замѣчаетъ Бѣлинскій, — отважно и смѣло въ такой міръ дѣйствительности, о которомъ, если знали и говорили, то какъ о мірѣ искаженномъ... Не былъ ли онъ для своихъ современниковъ Колумбомъ?»

— Да былъ! Онъ указалъ путь къ нашему народничеству,—отвѣчу я.

Народничество въ Жуковскомъ сказалось и еще въ одномъ. «Народничество или славянофильство,—пишетъ Ив. Серг. Аксаковъ,—немыслимо безъ религіозной основы»²⁾.

¹⁾ Яв. Карл. Гротъ въ рѣчи своей, читанной въ академическомъ собраніи 30-го января 1883 года говоритъ: „Впрочемъ, несправедливо было бы отрицать въ Жуковскомъ всякое отраженіе народнаго духа: оно явно въ его „Свѣтланѣ“, въ его поэмѣ „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, въ его „Сказкахъ“.

²⁾ Письмо ко мнѣ отъ 29-го февраля 1884 года. Замѣчательно, что Гёте характеризуетъ романтизмъ, называя его „новомѣмедко-религіозно-патріотическимъ искусствомъ“.

Эта истина подтверждается уже тѣмъ, что не только наша народная жизнь вся группируется около религіознаго начала, но и величайшіе наши писатели вносятъ элементъ этотъ въ свои творенія. Не чужды ему рано погившіе Пушкинъ и Лермонтовъ. Сильно сказался онъ въ Гоголѣ, Достоевскомъ, Тургеневѣ, даже, въ наши дни, въ гр. Львѣ Толстомъ. Знатокъ русской жизни, нѣмецкій писатель Боденштетъ, въ одной изъ послѣднихъ статей своихъ характеризуюя Россію, говоритъ о сильной религіозной жизни въ ней. Онъ объясняетъ нѣмцамъ, что если бы въ западной Европѣ кто-либо кликнулъ кличъ идти на завоеваніе Гроба Господня, то вызвалъ бы всеобщій смѣхъ и недоумѣніе. Но если бы въ Россіи царь кликнулъ такой кличъ, многіе милліоны отозвались бы на зовъ его. И дѣйствительно, не есть ли появленіе у насъ разныхъ сектъ и религіозныхъ ученій доказательство сильной религіозной жизни?! Въ Германіи съ половины прошлаго столѣтія образовалась одна только религіозная секта «когитантовъ», просуществовавшая не долго и походившая скорѣе на философское общество, чѣмъ на религіозную секту. А у насъ сколько попытокъ, сколько религіознаго движенія! Если же это такъ, если религіозное начало столь сильно въ нашей народной жизни, то понятно, что и великіе наши національные писатели должны въ своихъ твореніяхъ, въ своемъ душевномъ мірѣ отражать религіозность началъ нашей народной жизни, и что чѣмъ народнѣе писатель, тѣмъ болѣе въ немъ религіознаго элемента. Что наша отбившаяся отъ народности интеллигенція не понимаетъ этого и подчасъ считаетъ народнѣйшими нашими писателями Некрасова, Щедрина, Глѣба Успенскаго и другихъ, а въ наши дни Максима Горькаго, что она перемѣшала не только понятія народнаго съ простонароднымъ—эта ошибка выяснится, какъ только пройдетъ немного времени и прояснится историческій взглядъ на нашу современность. Не даромъ гр. Алексѣй Толстой, значеніе котораго все больше сознается и распространяется въ нашемъ отечествѣ, уже указалъ на эту сбивчивость въ понятіяхъ народнаго и бичуетъ его въ извѣстной сатирѣ своей¹⁾.

Считая призваніемъ своимъ службу родному отечеству и народу, посредствомъ Богомъ даннаго таланта писателя, Жуковский строго и неуклонно исполнялъ долгъ свой и работалъ на поприщѣ литературы. Одно только обстоятельство могло побудить его отойти отъ этого пред-

¹⁾ Потокъ-богатырю кричитъ патриотъ-интеллигентъ въ Петербургѣ:

„Знай, что только въ народѣ спасенье!“

Но Потокъ говоритъ:—Я вѣдь тоже народъ,

Такъ за что жъ для меня исключенье?

Но къ нему патриотъ:—Ты народъ де не тотъ,

Править Русью приравнать только черныи народъ;

То по старой системѣ всякъ равенъ,

А по нашей лишь онъ полноправенъ!“ и т. д.

начертаннаго пути своего—это призывъ его воспитать будущаго государя той страны, которой онъ посвящалъ всѣ свои силы. Но и тутъ, строго говоря, онъ не отшатнулся отъ своего убѣжденія, по которому «задачею поэта считать воспитаніе народа». Воспитывая государя и человѣка въ государѣ, онъ сдѣлалъ благое дѣло, не противорѣчившее его божественному призванію. И какъ высоко и свято выполнялъ онъ новый принятый на себя долгъ, мы знаемъ. Девять лѣтъ съ 1823—1830 гг. онъ сравнительно пишетъ весьма мало. Все время уходитъ на подготовку и выполненіе важной педагогической задачи. Когда въ концѣ 30-хъ годовъ совершенно было возложено на него высокое для блага Россіи порученіе и Жуковский могъ опять нераздѣльно отдать силы свои литературѣ, литературныя вѣянія, вкусы и потребности общества перемѣнились. Пушкинъ сошелъ въ могилу, создавъ новую эру. Гоголь написалъ своего «Ревизора» и былъ провозглашенъ критикомъ и всею молодой Россіей представителемъ обличительнаго направленія, чтò его такъ испугало.

Жуковский почувствовалъ себя чуждымъ среди новаго поколѣнія¹⁾. Онъ искалъ такого пристанища, гдѣ бы безъ помѣхи могъ отдаться творчеству, исполняя «задачу поэта какъ воспитателя народа». На берегу романтическаго Рейна сплѣшилъ онъ основать свое домашество, зажить семейною тихою жизнію, въ которой ему отказано было въ молодости. Шестидесятилѣтній старецъ еще разъ протягиваетъ руки къ завѣтному кубку. Молодая, красивая, обожающая его жена даетъ ему желанное счастье. Двое малютокъ пополняютъ картину семейную. Литературная работа закипаетъ. Но скромный идеалъ Жуковского далеко не вполне осуществляется. Спокойствіе на берегу романтическаго Рейна нарушается революціонными движеніями, которыя, сказавшись на всемъ континентѣ, находятъ сильный откликъ въ южной Германіи. Жена хвораетъ, пріютъ въ утопающемъ въ цвѣтахъ и зелени домѣ Юстина Кернера не даетъ желаннаго покоя, и его опять влечетъ на родину, гдѣ снится ему покой, довольство, гдѣ нѣтъ революціонной лихорадки²⁾.

„Его влечетъ подъ тѣнь березы,
Подъ кровь земли своей родной“,

¹⁾ См. стихотвореніе Жуковского „Царскосельскій Лебедь“, гдѣ онъ говоритъ, что его образъ пугаетъ молодежь.

„Онъ на нихъ наводитъ,
Скуку и въ пріютъ твой ни одинъ не входитъ
Гость изъ молодежи“.

Не безынтересна замѣтка въ „Рижской Газетѣ“ (№ 287, 9-го сентября 1853), гдѣ О. Сталь печатаетъ и переводитъ на нѣмецкій языкъ „Лебединую пѣсню“ Жуковского. (Extrablatt zur rigasch. Zeit. 9 Dec. 1853).

²⁾ См. его стихотвореніе къ „Русскому великану“, писанное въ 1848 г.

и особенно въ колыбель романтическихъ дней юности, въ Дерптъ и его окрестности.

Василій Андреевичъ сознавалъ, однако, что жизнь европейскаго, а потому и русскаго общества и народа нуждается въ реформѣ, что сказалась потребность иного строя, и вотъ откуда тревоги и судороги болѣзненныхъ явленій въ жизни. Но какъ осуществить эту реформу? Что можетъ обновить увядающія начала? И вотъ, онъ приглядывается къ явленіямъ: съ конца XVIII вѣка, съ великой французской революціи началась попытка переустройства общественнаго строя съ внѣшней стороны, уничтоженіемъ прежнихъ святынь, и привела къ несчастію не только для Франціи, но и къ горю всѣхъ образованныхъ націй. Любопытно, какъ Жуковский высказываетъ эти свои мысли въ произведеніи «Четыре сына Франціи», гдѣ доходитъ до пророческаго ясновидѣнія, о которомъ говоритъ самъ съ нѣкоторымъ страхомъ¹⁾.

И вотъ вдумываясь въ грозныя явленія и требованія жизни, онъ приходитъ къ заключенію, что человѣчеству поможетъ не внѣшнимъ переустройствомъ формъ жизни, т. е. соціального и политическаго строя, а этической переработкою внутренняго я. Вопросы этическіе связаны съ религіозными, и съ начала 40-хъ годовъ, а особенно съ середины ихъ, Жуковский выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ этико-религіозныхъ и мистическихъ произведеній, въ которыхъ рисуетъ онъ силу и необходимость внутренняго религіознаго перерожденія человѣка. Таковы его: «Выборъ Креста», «Капитанъ Бопль» и въ особенности лебединая пѣснь старца-поэта «Агасферъ», которая блещетъ высоко поэтическими достоинствами и исполнена желаніемъ уяснить и показать, какъ любовь, любовь величайшая, любовь божественной религіи, черезъ страданіе приводитъ человѣка къ ясности и обновленію. «Вѣчный Жидъ» Жуковскаго черезъ страданія познаетъ Христа, познаетъ спокойствіе, величіе души и истину черезъ любовь, какъ апостоль Павелъ, гнавшій Христа, вдругъ увидавъ его, понимаетъ доктрину религіи любви. Въ рѣчахъ Агасфера Жуковскаго, увидавшаго въявь Христа, мы находимъ и перефразъ знаменитаго, ничѣмъ не превышеннаго опредѣленія любви, сдѣланнаго въ посланіи къ коринтянамъ апостоломъ Павломъ.

Любовью къ людямъ безнаградной—я
 Любовь къ Спасителю, любовь къ царю
 Любви, къ ея источнику, къ ея
 Подателю питаю. И съ тѣхъ поръ,
 Какъ этотъ міръ любви меня проникнулъ,
 Моя любовь къ нимъ есть любовь къ тому,

¹⁾ Стихотвореніе начато въ 1846 г. и дописано въ 1852 г. Ср. примѣчаніе къ нему самого Жуковскаго.

Кто первый возлюбилъ меня, любовь,
 Которая не ищетъ своего,
 Не превозносится, не мыслитъ зла,
 Не знаетъ зависти, не веселится
 Неправдою, не мститъ, не осуждаетъ,
 Но милосердствуетъ, но вѣру емлетъ
 Всему, смиряется и долго терпитъ,—
 Такой любовію я близокъ къ людямъ...

Еще болѣе высказывается религіозно-нравственное воззрѣніе Жуковского въ его перепискѣ послѣднихъ годовъ. То, что дремало въ юношѣ-поэтѣ, теперь является созрѣвшимъ въ пѣвцѣ-философѣ. Народные мотивы трогаютъ его. Оттуда его занятія народнымъ эпосомъ у грековъ, персіанъ, индусовъ, интересъ къ сказкамъ, а главное къ тому, что составляетъ основу каждой народности—къ этико-религіозному началу, къ основамъ бессознательнаго, а потомъ и сознательнаго міровоззрѣнія.

Жуковский всегда, а особенно при концѣ жизни придавалъ поэтическому призванію высокой смыслъ. И въ этомъ отношеніи онъ сходится съ Гоголемъ. Два писателя столь различныхъ лѣтъ и направленія подають руку другъ другу, сходятся, вступаютъ въ тѣсный духовный союзъ. Не только переписка ихъ того времени свидѣтельствуетъ о религіозномъ направленіи, но и литературное творчество всецѣло носитъ этотъ характеръ. Оба стремятся зажечь свѣточъ религіозно-нравственнаго начала и, пробуждая его, совершить реформу въ отдѣльныхъ лицахъ, а черезъ нихъ въ обществѣ и народѣ. Не здѣсь мнѣ вдаваться въ подробный анализъ творчества и вѣры нашихъ двухъ великихъ дѣятелей, 50 лѣтъ тому назадъ покинувшихъ насъ почти одновременно. Но какъ они были близки, какъ понимали другъ друга и направляли, видно изъ почти предсмертнаго письма Жуковского къ Плетневу въ отвѣтъ на извѣщеніе о смерти Гоголя. Письмо это писано 2-го марта 1852 г.—черезъ нѣсколько дней Жуковского не стало.

«Какою вѣстью вы меня оглушили! И какъ она была для меня неожиданна! Весьма недавно я получилъ еще письмо отъ Гоголя и собрался ему отвѣчать и хотѣлъ дать ему отчетъ въ своей теперешней стихотворной работѣ, то-есть поговорить съ нимъ подробно о моемъ «Жидѣ» (Агасферѣ), котораго содержаніе ему было извѣстно, который пришелся бы ему особенно по сердцу—и занимаясь которымъ, я особенно думалъ о Гоголѣ... И вотъ уже его нѣтъ! Я жалѣю о немъ несказанно собственно для себя: я потерялъ въ немъ одного изъ самыхъ симпатическихъ участниковъ моей поэтической жизни и чувствую свое сиротство въ этомъ отношеніи. Теперь мой литературный міръ состоитъ изъ четырехъ лицъ, изъ двухъ мужескаго

пола и изъ двухъ женскаго: къ первой половинѣ принадлежите вы и Вяземскій, къ послѣдней двѣ старушки!

— Елагина и Зонтагъ ¹⁾.

«Какое пустое мѣсто оставилъ въ этомъ маленькомъ мѣрѣ мой добрый Гоголь! Я жалѣю объ немъ еще для его начатыхъ и неоконченныхъ работъ: для нашей литературы онъ потеря незамѣнимая. Но жалѣть ли о немъ для него? Его болѣзненная жизнь была и нравственно мучима. Настоящее его призваніе было монашество.

«Я увѣренъ, что еслибы онъ не началъ свои «Мертвыя души», которыхъ окончаніе лежало на его совѣсти и все ему не удавалось, то онъ давно бы былъ монахомъ, и былъ бы успокоенъ совершенно, вступивъ въ ту атмосферу, въ которой душа его дышала бы легко и свободно. Его авторство, по особенному свойству его генія, въ которомъ глубокая меланхолія соединялась съ рѣзкостью ироніи, было въ противорѣчій съ его монашескимъ призваніемъ и ссорило его съ самимъ собою. По крайней мѣрѣ такъ это мнѣ кажется изъ тѣхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ его смерти, которыя вы мнѣ сообщаете. Гоголь, долгіе часы стоящій на колѣняхъ передъ образомъ, отказываю-

¹⁾ Одна изъ этихъ старушекъ Авдотья Петровна Елагина доживаетъ свой вѣкъ въ Дерптѣ, и въ концѣ 70-хъ годовъ еще свѣжая, въ полномъ обладаніи умственныхъ способностей, она сообщаетъ мнѣ въ разсказахъ своихъ многое о Жуковскомъ (и другихъ). Никакіе мемуары и записки не могутъ замѣнить живую рѣчь. Помню я хорошо и Плетнева, который въ 1858 году, больной, проѣзжалъ съ семьей черезъ Баденъ-Баденъ. Я съ матерью жилъ въ томъ же домѣ, который занималъ Жуковскій. Плетневъ, знакомый моего отца, посѣтилъ насъ и познакомилъ съ докторомъ Куккартомъ, лѣчившимъ Жуковского. Онъ сталъ нашимъ врачомъ и разсказывалъ о Жуковскомъ. Изъ этихъ разсказовъ я почерпнулъ не много. Но въ Петербургѣ, когда я былъ студентомъ, Плетневъ, въ то время ректоръ, ввѣлъ меня подъ особое свое покровительство и руководилъ моими занятіями. Онъ же убѣдилъ меня, когда начались студенческіе беспорядки 60-хъ годовъ, уѣхать за границу, начерталъ планъ занятій литературой и помогъ получить заграничный паспортъ въ періодъ времени, когда его студентамъ не выдавали. Близость моя съ Э. А. Дмитриевымъ-Мамоновымъ, подарившимъ мнѣ портретъ, снятый съ Гоголя незадолго до смерти, съ дочерью Марьи Андреевны Майеръ, рожденной Протасовой, и ея семьей, съ Зейдлицемъ, другомъ и товарищемъ Жуковского, знаніе задушевнѣйшихъ сторонъ въ жизни Жуковского, возможность заглянуть въ самыя завѣтныя письма Жуковского—все это дало мнѣ случай ознакомиться съ подробностями жизни и характера Жуковского, какъ писателя и человѣка, тѣмъ болѣе, что я съ 80-ти-лѣтнимъ Зейдлицемъ перерабатывалъ біографію поэта, писанную на нѣмецкомъ языкѣ. У меня и теперь хранятся ненапечатанныя письма Жуковского интимнаго характера, рукописи его и пр. Кое-что отдалъ я въ Публичную бібліотеку и остальное будетъ мною передано въ вѣрное хранилище. Кое о чемъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

щійся отъ пищи и кротко говорящій тѣмъ, которые о немъ заботились: оставьте меня, мнѣ хорошо—какъ это трогательно! Нѣтъ, тутъ я не вижу суевѣрія: это набожность человѣка, который съ покорностью держится установленій православной церкви. Что возмутило его страждущую душу въ послѣднія минуты? я не знаю. Но онъ молится, чтобы успокоить себя. И, конечно, ему было въ эти минуты хорошо—какъ онъ самъ говорилъ,—и путь, которымъ онъ вышелъ изъ жизни, былъ самый успокоительный и утѣшительный для души его. Оставьте меня, мнѣ хорошо! Такъ; никому нельзя осуждать по себѣ того, что другому хорошо по его свойству. И эта долгая молитва на колѣняхъ есть нѣчто вселяющее глубокое благоговѣніе. Такъ бы онъ умеръ, еслибы, послушавшись своего естественнаго призванія, провелъ жизнь въ монашеской кельѣ. Теперь конечно душа его нашла все, что искала... Перейдемъ теперь къ земному»... и Жуковскій говоритъ о необходимости изданія соч. Гоголя...

Черезъ нѣсколько дней не стало и этого свѣточа. Не допѣлъ старый лебедь своей лебединой пѣсни:

Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало ¹⁾.

Но живетъ онъ въ народѣ русокомъ и будетъ жить еще реальнѣе. Образъ его все будетъ становиться народнѣе, когда станетъ отходить въ забвеніе партійное, мелкое сужденіе о немъ.

Жуковскій, какъ вноситель міра душевнаго, мотивовъ этико-религіозныхъ въ содержаніе русской поэзіи, является родоначальникомъ всѣхъ русскихъ поэтовъ-писателей отъ Пушкина и Гоголя до Аполона Майкова и Льва Толстаго включительно. И чѣмъ сознательнѣе будетъ очерчиваться наша народная жизнь и мы—вносить лепту свою въ культурное развитіе человѣчества, тѣмъ ярче будетъ стоять образъ Жуковского, этого заповѣдалы всѣхъ русскихъ пѣвцовъ!—И позвольте мнѣ кончить словами поэта:

То мѣсто, гдѣ былъ добрый, свято.
Для самыхъ позднихъ правнуковъ тамъ звучить
Его благое слово, и живетъ
Его благое дѣло.

Пав. Висковатовъ-Висковатый.

¹⁾ „Царскосельскій Лебедь“ писанъ въ 1851 году.

Русская журналистика въ 1849—1874 гг.

(Изъ бумагъ М. В. Авдѣева).

Извѣстный беллетристъ, авторъ многихъ романовъ и повѣстей, Михаилъ Васильевичъ Авдѣевъ родился въ Оренбургѣ 22-го сентября 1821 г. Получивъ домашнее воспитаніе и частію въ Уфимской гимназіи, онъ поступилъ въ Институтъ путей сообщенія и на 17 году отъ роду написалъ первую свою повѣсть. По окончаніи въ 1842 году курса, М. В. Авдѣевъ былъ опредѣленъ въ Нижегородскую губернскую строительную и дорожную комиссію, и съ эѣхъ поръ началась его кипучая литературная дѣятельность. Онъ печаталъ свои романы, повѣсти, путевые очерки и проч. почти во всѣхъ современныхъ ему журналахъ и газетахъ и велъ переписку со многими литераторами. Въ 1852 году онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и скончался 1-го февраля 1876 г. Часть обширной и интересной его переписки печатается нынѣ на страницахъ журнала.

Ред.

1.

Н. Некрасовъ—М. В. Авдѣеву.

30-го мая 1849 г. С.-Петербургъ.

Я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ вашу повѣсть. Въ ней много хорошаго, и вы имѣете несомнѣнный талантъ. Повѣсть ваша будетъ напечатана не позже какъ въ 9-й книжкѣ «Современника» на 1849 годъ. Впрочемъ, напишите, если вы къ 9-й или 10-й книжкѣ можете при-

слать намъ другую свою повѣсть, въ такомъ случаѣ «Вариньку» я напечатаю теперь же, то-есть въ 7 №. Что касается до вознагражденія, то, начиная со второй вашей повѣсти, вы будете получать столько, сколько получаютъ всѣ наши лучшіе сотрудники, то-есть два рубля серебромъ за печатную страницу. За первый же трудъ каждаго новаго автора, выводимаго въ публику, журналы обыкновенно ничего не платятъ. Впрочемъ, если есть особыя причины, то я могу до нѣкоторой степени сдѣлать для васъ исключеніе, о чемъ потрудитесь написать.

Напишите мнѣ также, сколько вамъ лѣтъ, гдѣ вы служите, куда думаете выступить изъ Нижняго. Все, что напишете, присылайте смѣло ко мнѣ: годное будетъ напечатано и будутъ вамъ тотчасъ высланы деньги (по 32 рубля серебромъ съ каждаго печатнаго листа). Что же окажется неудовлетворительнымъ, на то я не полѣнюсь прислать вамъ свои замѣчанія, ибо вашъ талантъ меня очень заинтересовалъ. Высылайте мнѣ поскорѣй.

Свидѣтельствую вамъ мое истинное почтеніе, имѣю честь быть вашъ покорный слуга Н. Некрасовъ.

На конвертѣ написано: Въ Нижній-Новгородѣ, Михаилу Васильевичу Авдѣеву.

2.

Н. Некрасовъ—М. В. Авдѣеву.

11-го января 1850 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь!

Сегодня только я немного успокоился, выпустивъ третьяго дня первую книжку «Современника». Въ этой книжкѣ я помѣстилъ половину вашей повѣсти. Скажу вообще: эта повѣсть настолько хороша, что можно ее напечатать въ журналѣ съ удовольствіемъ; но сходство всей ея постройка и даже нѣкоторыхъ частныхъ слишкомъ явно напоминаетъ Лермонтова. Впрочемъ, объ этомъ надо говорить много, а мнѣ теперь некогда; итакъ скажу только общій выводъ: не смотря на свою подражательность, повѣсть эта выказываетъ въ авторѣ талантъ, а еще болѣе умъ и тактъ. Это такія вещи, съ которыми смѣло можно продолжать писать, что я вамъ и совѣтую. Я убѣжденъ, что вы напишете много хорошихъ вещей, да еслибъ вы и не писали ничего лучше первыхъ вашихъ трудовъ, то и тогда жаль было бы, еслибъ вы перестали писать. Это мнѣніе не только мое, но и многихъ другихъ.

Изъ первой половины вашей повѣсти вышло 3 листа, изъ второй—выйдетъ 2½. Посылаю вамъ при семъ до расчета сто рублей серебромъ. Какъ только вашей повѣсти вторая половина пройдетъ черезъ

цензуру, я тотчасъ вышлю вамъ остальные деньги. Напишите, высы-
лать ли вамъ «Современникъ» въ Ярославль? Вы, кажется, сюда хо-
тѣли прѣхать; очень будетъ пріятно познакомиться.

Извините, что мало пишу. Вашъ покорнѣйшій слуга Н. Некрасовъ.

Р. S. Письма иногороднимъ подписчикамъ пишутъ по большей части
Дружининъ.

3.

Н. Некрасовъ—М. В. Авдѣеву.

17-го іюня 1852 г. С.-Петербургъ.

Любезнѣйшій Михаилъ Васильевичъ! Мы съ Панаевымъ жалѣли,
что ни онъ, ни я не имѣли случая лично сказать вамъ, что вашъ по-
слѣдній рассказъ есть неподобнѣйшая вещь,—очень умная, даровитая
и прекрасно написанная. И таково общее мнѣніе. Затѣмъ просимъ васъ
не забыть объ насъ и написать намъ къ осени повѣсть или къ зимѣ
романъ или то и другое. Пожалуйста не обойдите насъ. Краевскій, го-
ворять, заваленъ романами, а мы бездѣйствуемъ. 3.400 экз. «Современ-
ника» разошлись всѣ до единого. И неподобио! скажетъ Аннен-
ковъ, но, въ томъ-то и дѣло, что хотѣлось бы не ослабѣвать къ концу
года, а матеріаловъ нѣтъ; пожалуйста не забудьте «Современникъ».
Будьте здоровы! Душевно вамъ преданный Н. Некрасовъ.

Напишите намъ о себѣ. А что ваши путевыя письма?

4.

Ив. Ансаковъ—М. В. Авдѣеву.

26-го іюля 1852 года.

Любезнѣйшій другъ Авдѣевъ. Спасибо тебѣ за твое длинное, боль-
шое письмо. Видѣлъ ли ты литографированную картину комиссіи. Я
получилъ 10 экземпляровъ и нашелъ, что литографія хуже оригинала.
Всѣ мои знакомые здѣсь находятъ, что въ портретѣ моемъ нѣтъ ни ма-
лѣйшаго сходства. Не похожъ также и Унковскій. Лучше всѣхъ самъ
Поповъ, потомъ графъ, потомъ Хомутовъ, Оболенскій, ты...¹⁾ Это правда,
что и ты нѣсколько старообразнѣе на портретѣ и сдѣланъ нѣсколько
смаживающимъ на чувашскій типъ!.. Повѣсть твою въ «Современникъ»
я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Разказано такъ мило, просто,
какъ только ты умѣешь разказывать теперь, но это не все. Хорошъ
также этотъ типъ вывѣтривагося петербургскаго молодого чиновника,

¹⁾ Какъ здѣсь, такъ и далѣе точки въ оригиналѣ письма.

совершенно гнилаго и чортъ знаетъ зачѣмъ существующаго на землѣ, потому что и жизнью онъ не живетъ живо, и не одушевленъ никакимъ благороднымъ побужденіемъ, никакою высокою цѣлью, даже не честолюбивъ очень... Таковы въ С.-Петербургѣ чиновники большею частью, но для того, чтобы сдѣлать этого Чернова типомъ, надо бы шаржировать (charger) его образъ, сдѣлать черты болѣе рѣзкими, т. е. рѣзче выставить въ немъ всю эту пустоту души, а для сего потребно самому почувствовать къ нему глубокое омерзеніе. У тебя же не слыхать никакого личнаго негодованія, даже твое собственное мнѣніе остается неизвѣстнымъ. Въ твоимъ юморѣ не слышно слезъ, оттого онъ и не очень ѣдокъ. Вообще, ты до тѣхъ поръ не сдѣлаешь ничего крупнаго, покуда не установишь своихъ убѣжденій, не разработаешь нравственной точки зрѣнія, не будешь самъ знать: во имя чего писать!

Да, скажи пожалуйста, къ чему въ ряду всѣхъ этихъ забавныхъ образцовъ влюбленныхъ, выставлять въ глупомъ видѣ дѣтину и дѣвку. Всѣ эти строчки преудрачкія и портать все дѣло. И любятся они вовсе не такъ. Я написалъ для 2-го тома «Моск. Сборн.» (въ Смѣси) статью объ общественной жизни въ провинціи. Если ее пропустятъ, ты прочтешь ее и увидишь, съ какой точки зрѣнія должно смотрѣть и описывать губернскія общества: я отваялъ ихъ на обѣ корки. Ты написалъ также великую нелѣпость по поводу статьи брата о родѣ и семьѣ и проч. Вотъ что значитъ судить о статьѣ, не прочитавъ ее до конца. Родовой бытъ—значитъ бытъ, признающій верховную и неограниченную власть родоначальника, такую власть, при которой слабѣетъ даже значеніе отца семейства и самой семьи; бытъ общинный или общинно семейный—бытъ демократическій съ мірскимъ управленіемъ. Братъ опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ врадей, что у насъ бытъ прежде родовой бытъ, и доказываетъ существованіе быта семейно-общиннаго. Статья его въ ученомъ мірѣ произвела переворотъ въ мнѣніяхъ. Скажи пожалуйста, кто это у васъ тамъ пишетъ въ фельетонѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» и настроилъ дурачкій, только въ Петербургѣ возможный, разборъ «Сборника»? Вѣрно онъ тебѣ пріятель, по крайней мѣрѣ изъ свиты «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника». Хоть бы ты его пристыдилъ. Сдѣлай одолженіе пиши свой рассказъ. Я тебѣ безъ церемоній скажу, годится ли онъ или нѣтъ для «Сборника». Если не годится для «Сборника», такъ пригодится для петербургскихъ журналовъ. Простота, совершенная искренности, трезвость и бодрость—вотъ чего намъ нужно...

Съ отзывомъ твоимъ о «Бродягѣ» я совершенно согласенъ, нахожу даже, что твои похвалы преувеличены. Никто не судить строже меня самого о моихъ произведеніяхъ.

Прощай, душа моя, крѣпко тебя обнимаю, твой Ив. Аксаковъ.

Ив. Ансаковъ—М. В. Авдѣеву.

22-го декабря 1853 г. Харьковъ.

Рѣшительно не помню, любезный другъ Авдѣевъ, отвѣчалъ ли я на твое послѣднее письмо, полученное мною передъ отъѣздомъ? Кажется, нѣтъ. Во всякомъ случаѣ да будетъ тебѣ извѣстно, что письмо это все-таки меня порадовало: я видѣлъ изъ него, что въ тебѣ пробуждается потребность вложить въ самого себя болѣе серьезное содержаніе, писать для чего-нибудь и во имя чего-нибудь. Да, любезный другъ, твой прекрасный талантъ будетъ безплоденъ, если не воодушевится какимъ-нибудь искреннимъ душевнымъ убѣжденіемъ, любовью къ чему-нибудь внѣ себя, не къ чему-нибудь частному и исключительному, но къ чему-нибудь общему, къ общей идеѣ, къ вопросу общему. Поясню это тебѣ примѣромъ. Тургеневъ былъ весьма плохъ во всѣхъ своихъ повѣстяхъ и сочиненіяхъ, покуда выражалъ самого себя или относился къ жизни только въ качествѣ присяжнаго литератора. Какъ скоро же онъ проникся искреннимъ, теплымъ сочувствіемъ къ народу, то обнаружилъ сильный талантъ, писать не даромъ и не имѣетъ надобности спрашивать себя и другихъ, какъ одинъ мой знакомый въ одной своей повѣсти: «Господа, зачѣмъ мы всё пишемъ?» Точно также и Григоровичъ, отъ нѣкоторыхъ произведеній котораго вѣетъ искреннею любовью, душевнымъ сочувствіемъ. Твой «Огненный змій» написанъ прекрасно, читается съ удовольствіемъ (особенно хорошо мѣсто, гдѣ выражается чувство дали и глуши), но тѣмъ не менѣ слышишь, что это произведеніе умнаго литератора, задавшаго себѣ работу обработать сюжетъ въ этомъ родѣ. Все зависитъ отъ отношенія автора къ своему произведенію. Совсе не даю я тебѣ совѣта—писать непременно въ «русскомъ» родѣ, брать непременно содержаніе изъ простонароднаго быта. Самъ сдѣлайся другимъ человѣкомъ, и тогда уже будешь знать, откуда черпать содержаніе, что проповѣдывать людямъ, на что раскрывать имъ глаза, въ чемъ добиваться отъ нихъ сочувствія. Если я тебѣ указалъ на чтеніе Евангелія, то я вовсе не требовалъ отъ тебя, чтобы ты сталъ человѣкомъ вѣрующимъ. Этого требовать нельзя, да и кто «вѣрующій»? Но надобно однако же опредѣлить свои нравственные понятія, различить самому себѣ добро и зло; надобно мнѣ знать въ состояніи ли ты напимѣръ зарѣзать человѣка, или нѣтъ,—и если не въ состояніи, то вслѣдствіе ли слабости духа, или нравственнаго принципа? Эта-то безнравственность, т. е. отсутствіе положительныхъ нравственныхъ основъ и убѣжденій (а не порочная склонность) и слышится въ произведе-

нѣхъ, и она-то приводитъ читателя въ непріятное недоумѣніе. Думаю, что чтеніе Евангелія, возбуждая постоянно нравственные вопросы, заставитъ человѣка дать самому себѣ какой-нибудь положительный отвѣтъ на эти вопросы, и вотъ почему я присовѣтовалъ тебѣ это чтеніе. Не предполагалъ я также, чтобъ ты, благодаря этому чтенію, составилъ себѣ формальнымъ образомъ кодексъ нравственныхъ правилъ. Я имѣлъ въ виду болѣе непосредственное впечатлѣніе, производимое Евангелиемъ на самое художественное чувство читателя, благодѣяніе нравственной доктрины, которое невольно обдастъ душу читающаго. А потому, если ты послѣдовалъ моему совѣту, или послѣдовалъ ему въ началѣ, потомъ отложилъ его въ сторону,—то совѣтую и теперь—продолжать чтеніе.

Что сказать тебѣ о себѣ. Совѣтовать вообще я гораздъ, но самъ не доволенъ ни собою, ни жизнью. Я, впрочемъ, добился, чего искалъ,—но теперь зима, слѣдовательно, путешествіе самое лишено пріятности; къ тому же я уже почти три недѣли сижу въ Харьковѣ и буду сидѣть еще до февраля, занимаясь своимъ порученіемъ,—дѣломъ довольно скучнымъ. Но лѣтомъ—думаю—много испытаю я наслажденій среди чудной малороссійской природы. Любопытно знать: скоро ли дойдетъ это письмо до Стерлитамака, и найдетъ ли оно еще тебя въ этомъ татарскомъ захолустьѣ! Мнѣ во всякомъ случаѣ отвѣчай въ Харьковѣ. Если ты давно не получалъ писемъ изъ Ярославля, то скажу тебѣ, что Оболенскій переведенъ въ г. Калугу, что Унковскій еще прокурорствуетъ въ Ярославлѣ, что Стенбокъ на ревизіи въ Саратовской губерніи, что Хомутовъ правителемъ дѣлъ комиссіи, учрежденной въ Ярославлѣ въ замѣнъ нашей, но непохожей на нашу. Прощай, любезный другъ Авдѣевъ, будь здоровъ, обнимаю тебя крѣпко, пиши ко мнѣ и выбирайся вонъ изъ этой глуши, гдѣ жить я никогда бы не согласился. Тургеневъ прощенъ и, я думаю, уже въ Петербургѣ. Твой Ив. Аксаковъ.

6.

Е. Вердеревскій—М. В. Авдѣеву.

6-го декабря 1854 г. Тифлисъ.

Письмо ваше, любезнѣйшій Михаилъ Васильевичъ, отъ 15-го ноября я получилъ 1-го декабря, и съ фельетономъ, который украситъ собою 96 № нашей газеты ¹⁾. Я не ожидалъ отъ васъ такъ скоро исполненія нашего условія, предполагая, что фельетонная корреспонденція наша начнется только съ 1855 года,—что и было мною обѣщано подписчи-

¹⁾ Газеты „Кавказъ“.

камъ въ объявленіи. Но тѣмъ пріятнѣе подарокъ, чѣмъ онъ неожиданнѣе,—и мнѣ остается только благодарить васъ за послѣдшность. Вы просите со всею откровенностью сказать, доволенъ ли я содержаніемъ и объемомъ вашего перваго письма. Исполняю ваше требованіе. Объемъ его 3½ листа, почти достаточенъ для нашего фельетона, такъ что еслибы еще ½ листа,—то было бы и очень хорошо; надѣюсь, что это незначительное прибавленіе въ будущихъ вашихъ письмахъ не составитъ для васъ большаго затрудненія. Что касается до содержанія письма, то оно не все удовлетворяетъ требованіямъ закавказской публики. На Кавказѣ вообще жизнь крупная, явленія жизни—все болѣе или менѣе патетическія, самая шутка или веселость должны быть прямодушно размашистыя; дендизма здѣсь нѣтъ, а мелочными общественными забавами (*les petits amusements de société*) мы не занимаемся. Поэтому ваше объясненіе въ любви къ нашей публикѣ—намъ понравится; замѣтка объ упадкѣ моды на оперу тоже пройдетъ; замѣтки о литературѣ, въ концѣ письма,—туда и сюда; параллель между политическимъ любопытствомъ Москвы и Петербурга—очень хороша, но дагерротипъ и гальваническое освѣщеніе пройдутъ равнодушно; но отсутствіе политическаго элемента въ письмѣ—будетъ съ неудовольствіемъ замѣчено. Впрочемъ, не стѣсняйтесь моими замѣчаніями; пишите свои—какъ вздумаете, только не жалѣйте крупной соли, пишите, снявъ перчатки, а когда будете смѣяться или острить, смѣйтесь громче и острите, не боясь, что кто-нибудь замѣтитъ: «это ужъ слишкомъ!» Здѣсь край еще первоначальный, и то, что показалось бы *outré* въ Петербургской газетѣ,—здѣсь возбудитъ восторгъ. Мы здѣсь всѣ деремся или работаемъ; въ обоихъ случаяхъ часто утомляемся, а утомленному человѣку до тонкостей ли элегантнаго разсказа, въ которомъ, чтобы уловить хитроприкрытую соль, нужно снова напрягать свои силы, т. е. снова утомляться? Я думаю, что вообще это примѣняется ко всей провинціальной массѣ читаемаго (читающаго) русскаго міра ¹⁾, и что поэтому крупныя гротески Ө. Булгарина находятъ себѣ такъ много постоянныхъ читателей. Но здѣсь, на Кавказѣ, рѣшительный и смѣлый тонъ, какъ кавалерійская атака, или веселый, какъ погоня за разстроенымъ и бѣгущимъ непріателемъ,—въ особенности вкушается. Не знаю, успѣлъ ли я выразить вамъ мою мысль. Но распространяться о ней больше не стану, чтобы не наскучить вамъ теперь и не стѣснить васъ впоследствии. Въ одной фразѣ скажу: сюжеты выбирать должно по рельефнѣе, а если не наберется рельефныхъ сюжетовъ, такъ выѣзжать на стилистикѣ.

¹⁾ Только по другимъ причинамъ.

Примѣч. Вердеревскаго.

Чтобы вы не прогнѣвались за неисполненіе одного вашего требованія,—исполняю, хоть и не вполне, второе. Посылаю вамъ вмѣсто 100 рублей только 50. Это, во-первыхъ, потому, что подписка до сихъ поръ у насъ идетъ медленно, отъ этого же года денегъ у насъ весьма мало въ остаткѣ; а во-вторыхъ, потому, что на высылку болѣе значительныхъ суммъ впередъ я не получилъ разрѣшенія: вы вѣдь знаете, что я въ прямой зависимости отъ начальства канцеляріи намѣстника кавказскаго. Во всякомъ случаѣ трудъ вашъ обезпеченъ за два письма. Мысль ваша посылать письма каждое 15 число мѣсяца—очень хороша. За постоянное и аккуратное вознагражденіе вашего сотрудничества будьте совершенно спокойны.

Книги ваши отъ Исакова я на комиссію принять готовъ; только думаю, что 20 экз. будетъ здѣсь достаточно; при томъ же менѣе 15% за комиссію я взять не могу. Помочь ему въ дѣлѣ съ моимъ предшественникомъ, Сливицкимъ, я не могу потому, что онъ получаетъ 500 р. жалованья, изъ которыхъ третья часть по закону вычитается на уплату долга въ 5.000 рублей. По полученіи вашихъ сочиненій постараемся, по мѣрѣ силъ, безъ лицепріятія расхвалить ихъ. Объявленіе объ изданіи г-мъ Аксаковымъ сочиненій Пушкина я въ «Кавказѣ» напечатать не могу до тѣхъ поръ, пока г. Аксаковъ не извѣститъ меня, что онъ уступаетъ мнѣ не 10% (какъ вы пишете), а 15% ¹⁾, и при томъ на его же счетъ пересылка книгъ до Тифлиса; за меньшія условія я никакихъ комиссій не принимаю, потому, что дорого обходится мнѣ разсылка книгъ по почтѣ въ закавказскія провинціи. И такъ, я жду увѣдомленія г. издателя и долгомъ считаю завѣрить его, что сочиненія Пушкина, если будутъ здѣсь продаваться не дороже того, какъ въ Петербургѣ,—могутъ имѣть большое число покупателей: здѣсь множество полковыхъ, баталіонныхъ и батарейныхъ библиотекъ, а еще болѣе скупающаго и читающаго народа въ отрядахъ и крѣпостяхъ.

Двѣ-три грузинскія пѣсенки постараюсь вамъ доставить. Гр. Соллогубъ не написалъ для васъ ничего; но я напомню ему объ обѣщаніи, данномъ вамъ. Онъ теперь сильно корпитъ надъ сочиненіемъ исторіи нынѣшней войны за Кавказомъ. Въ февралѣ собирается въ Петербургъ для представленія перваго тома на высочайшее благоусмотрѣніе. Берже ²⁾ до земли вамъ кланяется и напоминаетъ о Казембекѣ. Жена моя свидѣтельствуемъ вамъ свое почтеніе. Примите привѣтъ и отъ вашего преданнаго Е. Вердеревскаго.

¹⁾ Эта цѣна весьма благоразумна, если взять въ соображеніе, что книгопродавцы берутъ не меньше 20%.

²⁾ Адольфъ Петровичъ Берже—издатель актовъ Кавказской археографической комиссіи.

Р. S. Пишите ваши письма на почтовыхъ листкахъ бумаги, для того, чтобы они были легче и не попадали на тяжелую почту, которая ходитъ отъ Петербурга до Тифлиса два мѣсяца. Второго вашего письма жду никакъ не позже новаго года.

Еще покорнѣйшая просьба: доставлять ваши письма перебѣленными. Вы не повѣрите, какой трудъ не только для наборщиковъ, но и для всей редакціи—разбирать ихъ.

Если г. Аксаковъ не согласится на мои условія, а захочетъ только, чтобы было напечатано въ «Кавказѣ» его объявленіе, въ такомъ случаѣ пусть вышлетъ по $\frac{1}{4}$ коп. съ каждой буквы объявленія; по $\frac{1}{2}$ —за два раза, по $\frac{3}{4}$ —за три и т. д. Если же мы сойдемся, то на первый разъ можно мнѣ выслать экземпляровъ 15 или 20 независимо отъ хода подписки.

7.

Е. Вердеревскій—М. В. Авдѣеву.

12-го января 1855 г. Тифлисъ.

Вчера я получилъ, любезнѣйшій Михаилъ Васильевичъ, 2-е письмо ваше для фельетона «Кавказа», которое напечатано въ сегодняшнемъ № его, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ удовольствіе получить и то ваше посланіе, которое вы написали собственно ко мнѣ. На послѣднее спѣшу отвѣтить вамъ. Прежде всего—посылаю къ вамъ 50 рублей за будущія два письма въ «Кавказъ», т. е. за 3-е и за 4-е, обѣщаемыя вами, до отъѣзда вашего изъ Петербурга. Надѣюсь, что это письмо и деньги застанутъ еще васъ тамъ, хотя, правду сказать, почты у насъ теперь ходятъ съ величайшею неаккуратностію по случаю огромныхъ снѣговъ и заваловъ на Военно-Грузинской дорогѣ.

Хотя вы и говорите, что съ благодарностію примете продолженіе моихъ замѣчаній на ваши фельетоны, тѣмъ не менѣе, я, однако, не рѣшаюсь повторять ихъ потому, что все содержаніе и въ особенности тонъ вашего отвѣта на первыя мои замѣчанія, значительно отзываются неудовольствіемъ. Въ доказательство приведу только двѣ фразы изъ многихъ подобныхъ: «мнѣ кажется, что вы ошиблись, выбравъ меня своимъ корреспондентомъ»... и далѣе: «себя мнѣ трудно передѣлать»... Позвольте мнѣ думать, многоуважаемый Михаилъ Васильевичъ, что это маленькое раздраженіе есть только слѣдствіе неохоты или лѣни заниматься пустымъ и заказнымъ дѣломъ въ такое время, когда у васъ, можетъ быть, куча другихъ, болѣе серьезныхъ хлопотъ. Въ этомъ убѣждаетъ меня еще и то, что вы такъ рано заговорили о прекращеніи ва-

*

шего сотрудничества, подѣ предлогомъ вашего отъѣзда въ деревню ¹⁾.. Ну что же! Богъ съ вами,—не смѣю и не буду стѣснять васъ никакими притязаніями; хотите,—мы рады; лѣнь,—мы пожалѣемъ и покоримся. Въ редакторствѣ моемъ я не дошелъ еще до той точки душевнаго замерзанія, съ которой собратіи мои смотрятъ на сотрудниковъ, какъ на орудія своихъ выгодъ. Пусть лучше потерпитъ мое изданіе, чѣмъ русская словесность потеряетъ одно изъ вашихъ созданій, которому родиться можетъ помѣшатель кака-нибудь вздорная статейка для провинціального фельетона!.. ²⁾).

И такъ—все да будетъ въ волѣ вашей.

Хотѣлъ, но забылъ, позволить себѣ еще одно необходимое замѣчаніе. Второе письмо ваше заняло еще менѣе мѣста въ фельетонѣ, чѣмъ первое, и насчетъ размѣра писемъ я уже къ вамъ писалъ...

Очень сожалѣю, что я имѣлъ несчастіе подвергнуться недовѣрію г. Исакова за грѣхи моего предмѣстника. Впрочемъ, сочиненія ваши на дняхъ присланы мнѣ книгопродавцемъ Печаткинымъ и довольно хорошо продаются здѣсь по 3 р. 50 к. Отъ г. Аксакова я не получилъ никакого вызова насчетъ коммисіонерства по его изданію Пушкина. Будьте же такъ добры, пришлите мнѣ его адресъ.

Гр. Соллогубу и Берже переданы ваши привѣтствія.

За симъ поздравляю васъ съ новымъ годомъ, который да будетъ для васъ новымъ шагомъ къ успѣхамъ всякаго рода. Это самое искреннѣйшее желаніе вамъ преданнаго Е. Вердеревскаго.

Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ искреннее почтеніе и признательность за память о ней.

Р. С. Нельзя ли приноровить слѣдующія два письма такъ, чтобы они получились здѣсь около первыхъ чиселъ слѣдующаго мѣсяца?

8.

А. Дружининъ—М. В. Авдѣеву.

25-го апрѣля 1856 г. Спб.

Милостивый государь и почтеннѣйшій товарищъ Михаилъ Васильевичъ. Поздравляю васъ съ окончаніемъ вашихъ воинскихъ трудовъ и съ вождѣльннмъ возвращеніемъ къ трудамъ другаго рода. О вашихъ дѣянiяхъ по ополченной части я довольно часто имѣлъ извѣстія отъ

¹⁾ Предлогъ, впрочемъ довольно уважительный, потому, что трудно петербургскія письма писать изъ Оренбургской губерніи.

Примѣч. Вердеревскаго.

²⁾ Здѣсь и далѣе точки въ подлинникѣ.

Краевского ⁴⁾), но теперь совершенно не знаю, гдѣ найдете васъ письмо это. А желательно было бы, чтобъ оно дошло къ вамъ скорѣе, потому что я пишу его съ своекорыстною цѣлью и передаю вамъ одну покорнѣйшую просьбу отъ своей персоны.

Въ началѣ этого мѣсяца, волѣдствіе сильнаго движенія по литературной части, у насъ возгорѣвшагося—издатели журнала «Библиотеки для чтенія», столько лѣтъ умиравшаго и все еще не погибшаго, предложили мнѣ быть редакторомъ этого изданія, съ совершеннымъ полномочиемъ и уничтоженіемъ вліянія тѣхъ лицъ, которыя до сихъ поръ вредили его ходу. Я принялъ предложеніе: во-первыхъ, потому что «Библиотека» имѣетъ 2.000 подписчиковъ, стало быть жива еще, а во-вторыхъ потому, что вижу возможность подѣйствовать къ установленію у насъ еще одного журнала съ честнымъ, благопристойнымъ и совершенно независимымъ направленіемъ. Трудъ мой начнется съ осени, всѣ литераторы, до сихъ поръ избѣгавшіе сношеній съ «Библиотекой для чтенія», изъявляютъ охоту быть моими помощниками, совѣтниками и сотрудниками.

Позвольте надѣяться, многоуважаемый Михаилъ Васильевичъ, что вы не откажете мнѣ въ дружескомъ пособіи съ вашей стороны. Не одного случайнаго сотрудничества, но дружескаго и товарищескаго содѣйствія рѣшаюсь я просить у васъ, и мнѣ было бы чрезвычайно пріятно думать, что судьба дѣла, мною предпринятаго, васъ заинтересуетъ хотя немного. Чѣмъ болѣе вашихъ вещей вы мнѣ доставите къ осени и зимѣ, тѣмъ благодарнѣе я вамъ буду. — Цѣну статьямъ назначайте сами, за исправность и скорость расчетовъ я могу ручаться съ полной увѣренностью. Не одни большія произведенія, но и всѣ сценки, этюды, путевые очерки, отрывки, мелкіе эпизоды, все, что будетъ вамъ угодно набросать и подарить намъ,—обрадуютъ меня чрезвычайно. Съ отдѣломъ изящной словесности у меня на первое время будетъ много хлопотъ, тѣмъ болѣе я прошу васъ не отказать въ вашей помощи и вниманіи для того, чтобъ двинуть все дѣло. Позвольте же мнѣ еще разъ поручить судьбы мои и «Библиотеки» вашимъ пріятельскимъ чувствамъ и надѣяться хотя небольшого отвѣта на настоящее письмо. Адресъ мой: на Васильевскомъ островѣ, въ 7-ой линіи, домъ Капгера.

Желая вамъ добраго здоровья и всего лучшаго въ жизни имѣю честь быть душевно преданнѣйшимъ и покорнымъ слугою А. Дружининъ.

⁴⁾ Андрей Александровичъ Краевскій, издатель „Отечественныхъ Записокъ“.

9.

А. Дружининъ—М. В. Авдѣеву.

17-го октября (1856). Спб.

Дорогой и почтеннѣйшій другъ Михаилъ Васильевичъ. Душевно благодарю васъ за статью вашу, она будетъ напечатана въ слѣдующей или въ декабрьской книжкѣ, и деньги за нее будутъ высланы въ Стерлитамакъ, куда я уже приказалъ вамъ доставлять «Библиотеку для чтенія». Цѣну за листъ я предлагаю, если оно вамъ будетъ удобно, по 75 р. сер. и то только до той поры, пока возвышеніе подписки не позволитъ мнѣ приступить къ значительному возвышенію платы главнымъ сотрудникамъ. Возвышеніе цѣнъ на литературную собственность для меня есть важная задача, къ которой долженъ идти всякій журналъ. Это не пустая фраза съ моей стороны, ибо я самъ слишкомъ долго былъ сотрудникомъ, и ходъ моихъ дѣлъ много зависѣлъ отъ литературы. Сверхъ того, если «Библиотека» пойдетъ хорошо и станетъ давать доходъ (теперь, при ея средствахъ, она едва покрываетъ издержки изданія), самый ея успѣхъ поставитъ редакцію въ необходимость прочнымъ образомъ отблагодарить всѣхъ тѣхъ, кто по своей добротѣ и желанію добра дали ей *сout d'éraire*, такъ важные въ первое время. А въ этомъ отношеніи я болѣе чѣмъ счастливъ, никогда мнѣ не было еще такъ весело быть русскимъ писателемъ и членомъ нашего литературнаго круга. Матеріаломъ я очень богатъ и даже отъ своихъ конкурентовъ по журналистикѣ вижу помощь и радушіе.

Позвольте просить васъ, любезнѣйшій другъ Михаилъ Васильевичъ, и дальнѣйшаго дѣятельнаго участія въ судьбахъ «Библиотеки для чтенія». Чѣмъ ранѣе вы пришлете мнѣ слѣдующую вещь вашу, тѣмъ будетъ лучше,—а у меня она не залежится, потому что вашимъ трудамъ, какъ городничему въ «Мертвыхъ душахъ», всегда и вездѣ есть мѣсто готовое. Вы живете въ любопытномъ краѣ, въ послѣднее время вы столько странствовали и видѣли, что даже въ минуты самаго непоэтического расположенія можете безъ труда набросать статейку въ повѣствовательномъ родѣ, картинку нравовъ и такъ далѣе. Посвящая хорошія минуты трудамъ серьезнымъ, вы еще имѣете ту выгоду, что у васъ не будутъ пропадать и минуты, безплодные для творчества. А ваше имя здѣсь любимо, и ваша манера разсказа способна оживить всякую прозу жизни. Не забывайте же меня, дорогой Михаилъ Васильевичъ, и еще при случаѣ сообщайте ваши замѣчанія по ходу журнала. Я всѣми мѣрами стараюсь, чтобъ мой журналъ не былъ голосомъ одного лица, а по возможности представлялъ судъ и мнѣніе цѣлаго круга литераторовъ. Еслибъ

вы были отъ насъ поближе, я бы попытался втянуть васъ въ составъ редакціи, теперъ же только приходится пользоваться совѣтами и указаніями издалека.

Что дѣлаетъ Михайловъ? Я не писалъ къ нему, ибо знаю, что здѣсь его поджидаютъ. Будьте здоровы, обнимаю васъ, душевно преданный А. Дружининъ.

Р. С. Сейчасъ получилъ вашу записочку изъ Нижняго и статьи. Я думаю дать замѣткамъ путевымъ какое-нибудь другое заглавіе и инныя мѣста перифразировать, ибо у меня цензоромъ Фрейгангъ, хотя значительно умягченный ходомъ дѣлъ въ настоящую годину. Будьте здоровы и не забывайте вашего А. Д. О высылкѣ вамъ «Библіотеки для чтенія» я распорядился.

10.

Я. П. Полонскій—М. В. Авдѣеву.

17-го октября 1857 г. Женева.

Получилъ нынче утромъ депешу, завтра утромъ рано пошлю на почту—стихотвореніе Некрасова, ибо для колоніи все равно — прочтеть ли она эти стихи нынче или завтра.—Всѣмъ усердно кланяюсь.

Смирнова еще не уѣхала—спрашивала меня: что же письмо отъ графа Салиаса? я сказалъ: Дружининъ опять отвезъ его назадъ въ Веве, тѣмъ разговоръ о письмѣ и кончился.

Получилъ письмо отъ Майкова.—Пишетъ, что Михайловъ боленъ въ Лисинѣ и что въ одну прекрасную ночь онъ сочинилъ десять плановъ для десяти романовъ.—Майковъ издаетъ полное собраніе своихъ сочиненій. Кажется, Кушелевъ покупаетъ у него это собраніе за 2000 р. сер. Писемскій кончилъ романъ свой «1.000 душъ». Гончаровъ дописалъ романъ «Сонъ Обломова».

Въ будущемъ году готовится къ изданію 17 литературныхъ журналовъ (разумѣется, со включеніемъ существующихъ).

Дружининъ боленъ и на строгой діетѣ. Журналы къ зимѣ начинаютъ зацвѣтать—вотъ и всѣ новости.

Кланяйтесь графу Салиасу и пожалуйста пришлите стихотвореніе Некрасова, если не успеете переслать съ графиней, то обратно пришлите по почтѣ, врядъ ли вы его разберете.

Въ октябрѣ графиня Салиасъ была здѣсь — вчера у меня былъ Теокистовъ. Напишите мнѣ мнѣніе ваше и всей компаніи о стихотвореніи Некрасова.

11.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

15-го марта 1860 г. Вторникъ.

Любезный Михаилъ Васильевичъ, большинство членовъ нашего комитета рѣшило во вчерашнемъ засѣданіи—послѣ долгихъ соображеній, что чтенія не будетъ—о чемъ считаю долгомъ извѣстить васъ сегодня же.

Дружески жму вамъ руку и благодарю за высказанную готовность помогать намъ—остаюсь преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

12.

Н. Некрасовъ—М. В. Авдѣеву.

6-го ноября 1862 г. Спб.

Многоуважаемый Михаилъ Васильевичъ! Видѣлъ я ваше письмо къ Давыдову и отвѣчаю на нѣкоторые вопросы. Я въ Петербургѣ. «Современникъ» съ февраля 1863 года будетъ издаваться; подробности прочтете въ объявленіи, которое надѣюсь скоро выпустить.

Романъ «Подводный камень» до сей поры я не отпечаталъ, по разнымъ причинамъ, которыя долго и бесполезно было бы излагать.

Теперь вскорѣ его отпечатаю. Я рассчитываю на ваше сотрудничество и усердно прошу объ ономъ. Въ условіяхъ денежныхъ, надѣюсь, сойдемся.

Будьте здоровы и духомъ бодры. Душевно преданный вамъ Н. Некрасовъ.

Увѣдомьте, нѣтъ ли чего написаннаго или приходящаго къ концу.

13.

Н. Некрасовъ—М. В. Авдѣеву.

8-го февраля 1863 г. Спб.

Любезнѣйшій Михаилъ Васильевичъ! Получилъ ваше письмо. Согласиться на ваше условіе покуда не могу; буду ли въ состояніи, покажетъ время. Во всякомъ случаѣ благодаренъ вамъ за деликатное представленіе на мою волю объявлять или нѣтъ, что романъ вашъ у насъ не будетъ. Думаю промолчать.

Второй вопросъ: объ отрывкѣ изъ комедіи: вы правы, онъ очень малъ и не достаточно значителенъ; думаю, для васъ самихъ, послѣ долгаго молчанія, лучше будетъ явиться съ чѣмъ-нибудь покапитальнѣе. Оставить ли мнѣ его до времени у себя или отослать къ вамъ, жду вашего увѣдомленія.

Третій вопросъ: о «Подводномъ камнѣ». Вы правы, я виноватъ, что не выпустилъ его прошлаго года: этимъ только я повредилъ вамъ въ денежномъ отношеніи. Впрочемъ, я бралъ романъ не изъ барышей: дѣло было только въ томъ, чтобъ дать денегъ извѣстному лицу, когда онъ были ему нужны. Я печатаю «Подводнаго камня» 2.000 экз. какъ условился съ продавцомъ его (изданіе будетъ хорошее и скоро выйдетъ). Какъ только выручу издержки за изданіе и мои 500 рублей, изъ остальной значительную часть предоставлю вамъ; это было мое намѣреніе и тогда, какъ я бралъ его. Я не барышничая этими вещами.

У насъ въ Петербургѣ особеннаго ничего не происходитъ, а что дѣлается въ литературѣ, вы видите изъ журналовъ; чего тамъ не доставало, то теперь увидите изъ «Современника», который на-дняхъ вышелъ и пошлетъ къ вамъ (о чемъ я распорядился, сочтемся со временемъ). Будьте здоровы и легко несите тяготу свою. Искренно вамъ преданный Н. Некрасовъ.

14.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

18-го февраля 1866 г.

Баденъ-Баденъ Schillerstrasse, 277.

Любезнѣйшій Авдѣевъ.

Если я не тотчасъ отвѣчалъ вамъ—причиной тому было довольно неприятное для меня обстоятельство; а именно: у меня сдѣлалось воспаление въ одной изъ мышцъ лѣвой руки, принявшее подъ конецъ такіе размѣры, что вотъ уже двѣ недѣли, какъ я принужденъ каждыя десять минутъ прикладывать къ лѣвой рукѣ холодныя примочки; владѣть я ею не въ состояніи. Это очень неприятно и скучно—и хотя мнѣ теперь легче, но конецъ не скоро предвидится. Эти болѣзни очень рѣдки, но за то очень упорны. Счастье еще, что эта пакость не случилась во время охоты, хотя она уже тогда начиналась. Я очень радъ, что книга Кинѣ вамъ окончательно понравилась: она со всѣми недостатками принадлежитъ къ числу немногихъ книгъ, изъ которыхъ можно научиться, а самые эти недостатки подобны неправильностямъ въ живомъ человѣческомъ лицѣ. Эта книга живая, въ ней изложено цѣлое существованіе

со всѣми его противорѣчіями, горечью и мудростью, добытой не однимъ личнымъ опытомъ.

Говорятъ, у васъ отъ розъ прохода нѣтъ и всѣ покрыты анемонами. Здѣсь тоже совсѣмъ зимы не было, но отъ этого намъ не легче: дождикъ льетъ съ утра до вечера и небо имѣетъ видъ мокраго утиральника. Работа моя, по милости руки, остановилась: невозможно за нее приняться, когда приходится вскакивать каждыя 10 минутъ. Вслѣдствіе этого жизнь проходитъ довольно однообразно: я много читаю, играю въ шахматы. Изъ Россіи по временамъ доходятъ унылые вопли, особенно письма изъ деревни отличаются мрачнымъ колоритомъ. Постройка подвигается не спѣша; въ саду я насадилъ много деревьевъ,—вотъ пока и все.

Я ѣздилъ на консультацію съ Фридрихомъ (знаменитымъ докторомъ) въ Гейдельбергъ; видѣлъ тамъ кое-какихъ русскихъ. И они всѣ опустивши хвосты ходятъ: молодые герои, на которыхъ они надѣялись, какъ на каменную стѣну, оказались весьма обыкновенными колпаками, и «Московскія Вѣдомости» торжествуютъ и царятъ во всю длину и ширину нашей эпохи.

Я помню Никитина съ Рима (я передъ этимъ встрѣтилъ его на берегахъ Рейна). Поклонитесь ему отъ меня и благодарите за память: ну, а что до искусства, то, я думаю, онъ, какъ деревья, перешелъ уже періодъ растенія.

Такъ какъ вы желаете знать, что именно я придумываю, то скажу вамъ, что я затѣялъ романъ—въ продолженіе моихъ прежнихъ; только не знаю, что выйдетъ изъ этого: задача трудная по своей сложности и неопредѣленности, а собственный жаръ охладѣлъ—пожалуй, что такъ называемый талантъ оскудѣлъ. Поживемъ—увидимъ.

За симъ дружески жму вамъ руку и желаю всего хорошаго, начиная съ полного возстановленія здоровья. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

15.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

1-го (13-го) марта 1866 г.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse 277.

Любезнѣйшій Авдѣевъ. Въ отвѣтъ на ваше письмецо желаю вамъ терпѣнья, которое особенно необходимо при настоящей скверной погодѣ (сегодня ни дать ни взять, Петербургъ, такъ и вѣтъ екатерингофскимъ гуляньемъ); а скука не бѣда: при лѣченіи она даже очень полезна. Комиссіи я вашей не исполнилъ: на почтѣ было одно письмо

на ваше имя, и оно отправлено въ Баденъ. Съ Ковалевскимъ и Жемчужниковымъ я объѣдаю сегодня; сей послѣдній уѣзжаетъ послѣ завтра, и я ему сообщилъ вашу просьбу о телеграфѣ. Изъ Россіи же собственно новыхъ новостей нѣтъ. Коммиссія подъ предсѣдательствомъ Муравьева молчитъ упорно, и лира Некрасова приуныла, но она еще возгремѣтъ! Очень было бы любопытно посмотрѣть долженствующій выдти на-дняхъ № «Современника».

Здѣсь уже не берутъ прусскихъ талеровъ; война надвигается какъ туча—виситъ прямо надъ головою, ужъ поскорѣй бы!

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» нѣтъ продолженія «Преступленія и наказанія», но есть продолженіе толстовскаго романа: слабо, мелко и скучно. Онъ тянетъ какую-то несвойственную ему ноту.

Пришлите вашъ адресъ въ Соденъ, такъ, чтобы я могъ себѣ представить, гдѣ вы обрѣтаетесь. Соденъ я хорошо знаю, проживъ въ немъ около 6 недѣль.

Будьте здоровы, дружески жму вашу руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

16.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

25-го января (6-го февраля) 1867 г. Баденъ-Баденъ.

Дней десять тому назадъ, получилъ я ваше письмо, любезнѣйшій Авдѣевъ, а самъ не тотчасъ отвѣтилъ вамъ, то причиною былъ тому припадокъ подагры; да, батюшка, дѣйствительной, несомнѣнной подагры, которая лихо меня встряхнула. Я до сихъ поръ почти что не владѣю лѣвой ногой и безъ палки шагу ступить не могу. Штука невеселая—да дѣлать нечего—впереди, пожалуй, еще хуже могутъ произойти сюрпризы; слѣдовательно, распространяться объ этомъ бесполезно, а нужно запастись терпѣніемъ, что я и дѣлаю.

Жемчужниковъ Алексѣй здѣсь съ женой, которая должна въ скоромъ времени родить: онъ остается здѣсь совсѣмъ и живетъ въ Zähringer Hof. Я ему сообщилъ ваше письмо; но, кажется, онъ охладѣлъ къ мысли основать журналъ; во всякомъ случаѣ онъ чувствуетъ себя неспособнымъ на редакторское дѣло. Впрочемъ, напишите ему.

Я думаю черезъ недѣлю выѣхать отсюда въ Россію; буду въ Петербургѣ, Москвѣ, въ деревнѣ: не столкнемся ли мы гдѣ-нибудь? Я везу Каткову для «Русскаго Вѣстника» оконченный мною романъ, который, вѣроятно, помѣстятъ въ февральскомъ номерѣ. Всего я полагаю остаться въ Россіи два мѣсяца, а къ веснѣ опять сюда, въ новый свой домъ. Романъ мой озаглавленъ: «Дымъ», можетъ быть, заглавіе это перемѣ-

нится и написано въ новомъ для меня родѣ. Посмотримъ, что скажетъ публика и не найдетъ ли она, что я уже слишкомъ устарѣлъ, чтобы забавлять ее. Я было совсѣмъ бросилъ литературу, да видно, это въ родѣ запоя, при чемъ есть матеріальные поводы къ возобновленію этой дѣятельности.

Я около трехъ лѣтъ не былъ въ Россіи (поѣздку въ деревню въ 1865 году не считаю), и она мнѣ представляется чѣмъ-то новымъ и почти незнакомымъ. И въ литературѣ тоже я какъ чужой. По временамъ, я повторяю самому себѣ: господа Ганъ (?) и Мессаропъ (?!) *) издають журналъ «Всемирный Трудъ и Женское Дѣло»—и ничего не постигаю. А вотъ увидимъ, постараемся вникнуть.

А вы напрасно бросили начатый вами трудъ; въ нашемъ званіи, да и во всякомъ, никогда не должно самому забѣгать впередъ съ своей отставкой; когда время придетъ, и безъ насъ намъ пропишуть.

Будьте здоровы, дружески жму вашу руку. Въ Петербургѣ мой адресъ: на Караванной, № 14, у В. П. Боткина.

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

17.

Ив. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

30-го марта 1867 г., четвергъ. Москва, на Пречистенскомъ бульварѣ, въ д. Удѣльной конторы.

Я давно получилъ ваше письмо, любезнѣйшій Авдѣевъ, да до сихъ поръ не улучилъ времени отвѣчать вамъ. Вотъ уже пять сутокъ, какъ я въ Россіи, но столько хлопотъ было у меня, столько литературныхъ, издательскихъ и прочихъ дѣлъ, что сказать нельзя. А къ тому же болѣзнь меня припекала: нога раза два сильнѣйшимъ образомъ разбалывалась, а въ Москвѣ я схватилъ гриппъ, который помѣшалъ мнѣ съѣздить въ деревню, гдѣ мое присутствіе было тоже необходимо. Я печаталъ повѣсть, продавалъ новое изданіе своихъ сочиненій, читалъ публично въ пользу галичанъ, читалъ приватно, писалъ довѣренности, контракты (я нанялъ новаго управляющаго),—словомъ, дѣятельность моя меня самого удивляетъ.—Теперь это все угомонилось, и я ѣду завтра въ Петербургъ, а оттуда самымъ живымъ манеромъ къ себѣ въ Баденъ, въ милый Баденъ, о которомъ я охаю и вздыхаю, явно и тайно, каждый день.

Что мнѣ вамъ сказать о томъ калейдоскопѣ, который въ теченіе

*) Вопросительные и восклицательные знаки поставлены самимъ И. С. Тургеневымъ.

этихъ пяти недѣль вертится у меня передъ глазами? Надо было быть великимъ философомъ, чтобы резюмировать это въ нѣсколькихъ словахъ. Явно одно: отъ литературно-эстетическаго берега наше общество отстало, а къ политическому еще не пристало... тутъ и плыви по серединѣ. Больше всего занимаютъ теперь вопросы юридическіе и финансовыя: даже вороны на крышахъ трактуютъ о желѣзныхъ дорогахъ, и дѣльцы умѣлые большія деньги препровождаютъ себѣ въ карманъ. Основать теперь журналъ дѣло мудреное; да и къ тому же мы, русскіе, вообще не одарены необходимымъ къ такому дѣлу темпераментомъ: не знаю, какъ вы. Жемчужникову такъ, кажется, нравится въ Баденѣ, что онъ оттуда не выѣдетъ. Да и правду говоря—кому охота? Тамъ теперь весна въ полномъ расцвѣтѣ, трава уже въ полъ-аршина, а здѣсь еще вчера снѣговая метель, пурга, вѣтеръ воетъ и коетъ,—глухая зима!

Повѣсть моя уже набрана, и я продержалъ корректуру, она появится въ мартовской книжкѣ, но, вѣроятно, не раньше конца апрѣля. Какъ-то она вамъ покажется? Бранить будутъ, безъ этого нельзя, а только я добросовѣстно надъ ней потрудился. Редакторская цензура кое-что урѣзала.

Я все не теряю надежды увидѣть васъ въ Баденѣ. Право, приѣжайте: дѣло хорошее. Надѣюсь, что вы продолжали, а можетъ быть, даже окончили свой романъ. Съ «Русскимъ Вѣстникомъ» все-таки лучше всего имѣть дѣло; онъ хорошо платитъ по крайней мѣрѣ; а петербургскіе теперешніе журналы все больше на фуфу. Проѣздомъ черезъ Петербургъ я видѣлъ нѣкоторыхъ тамошнихъ литераторовъ, былъ у Полонскаго, который опять женился и милъ по-прежнему. Писаревъ, великій Писаревъ, бывшій критикъ «Русскаго Слова», зашелъ ко мнѣ и оказался человѣкомъ вполнѣ не глупымъ и который еще можетъ выработаться: а главное—il a l'air d'un enfant de bonne maison, какъ говорится; ручки имѣетъ прекрасныя, а ногти—слѣдующей длины: _____), что для нигилиста нѣсколько странно. Журналъ, въ которомъ онъ участвуетъ, «Дѣло», находится подъ цензурой... Можно себѣ представить, какъ это успокоительно.

Ну, а теперь прощайте; жму вамъ дружески руку и желаю всего хорошаго. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

18.

Я. П. Полонскій—М. В. Авдѣеву.

(1867?).

Многоуважаемый Михаилъ Васильевичъ. Простите великодушно, что не тотчасъ же отвѣчалъ вамъ на ваше письмо. Былъ въ большихъ

хлопотахъ, жена была больна, а теперь, когда ей лучше, надо было искать дачи, дачи, дачи! Такъ душно въ Питерѣ, и я такъ вамъ завидую! Вы слушаете соловья, вы дышите степнымъ воздухомъ, на вашихъ плечахъ нѣтъ семейныхъ мелочныхъ заботъ... Впрочемъ, видно, вездѣ тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ и, можетъ быть, на вашемъ мѣстѣ, я точно также страдалъ бы и порывался бы dahin, dahin!—туда, гдѣ нѣтъ соловья, а есть Некрасовъ, гдѣ нѣтъ степей, а есть журналы, гдѣ нѣтъ такихъ друзей, которымъ писать издалика есть время и гдѣ посѣщать ихъ положительно нѣту времени, гдѣ есть вопіющія насущныя потребности и гдѣ самыя воспоминанія являются въ какомъ-то отрывочномъ не связномъ видѣ, а будущее кажется чѣмъ-то невозможнымъ.

На костыляхъ я хожу, потому, что колѣно моей ноги въ гипсовой повязкѣ, а въ повязкѣ оно оттого, что въ суставѣ сдѣлался эксудатъ (т. е. вода), а эксудатъ оттого, что было воспаленіе, а почему сдѣлалось воспаленіе, этого, признаюсь, я самъ не знаю. Просто, должно быть, отрыгнулась старая болѣзнь.

Съ Некрасовымъ я хотѣлъ поговорить о васъ, но, заставъ его въ такомъ мрачномъ, непривѣтливомъ настроеніи духа, что тотчасъ же хотѣлъ уйти, ему стало совѣстно, и онъ сказалъ, что никого не принимаетъ потому, что пишетъ, что самый порядокъ разума его отъ этого нарушенъ, что онъ не знаетъ, когда онъ будетъ обѣдать, когда пойдетъ гулять или спать ляжетъ. Чтобы ничѣмъ его не тревожить, я скоро удалился и, признаюсь, удалился съ тяжелымъ чувствомъ. Мнѣ такъ и казалось, что вслѣдъ за мной раздалась его желчная воркотня.

Недавно слышалъ я, кажется, отъ князя Вяземскаго, что Некрасовъ проигралъ 20.000, можетъ быть, и вздоръ, а можетъ быть и правда.

На дняхъ заѣду опять съ вашимъ письмомъ къ нашему литературному Клефту Некрасову, авось застану; говорю «авось», потому что кто же можетъ знать, гдѣ сей Клефтъ, можетъ быть, убиваетъ медвѣдя, а можетъ быть у себя въ деревнѣ, на винокуренномъ заводѣ, сатиры писать.

Но какъ мнѣ помочь вамъ съ вашей комедіей, не пропущенной четырьмя цензорами, это, признаюсь вамъ, задача.

Во-первыхъ, мнѣ всегда очень досадно, когда такіе близкіе по душѣ люди, какъ вы, воображаютъ, что я ближе къ цензурному вѣдомству, чѣмъ кто-нибудь. Повѣрьте, что я дальше, чѣмъ вы. Вы разговаривали съ Лонгиновымъ, я же съ тѣхъ поръ, какъ былъ онъ во главѣ, на единого словечка не сказалъ ему, даже видѣлъ его разъ поневолѣ. Съ Григорьевымъ вы знакомы и можете по приѣздѣ въ Питеръ навѣстать его, какъ равный равнаго, я же не знакоплюсь съ нимъ и не познакоплюсь до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ моимъ начальникомъ. Я потому

только цензоръ, что на моемъ столѣ куча англійскихъ журналовъ, которые знакомятъ меня съ потокомъ европейской мысли, и гдѣ я раза три въ годъ отмѣчу какое-нибудь неприличное или скандальное мѣсто о нашихъ великихъ міра сего. Однимъ словомъ, дальше моего письменнаго стола и не простирается мое вліяніе.

Сами научите меня, какъ мнѣ воскресить вашу комедію, которой заглавіе вы въ одномъ мѣстѣ забыли, а въ другомъ мѣстѣ называете ее такъ, что я разбиралъ, разбиралъ, но сталъ въ недоумѣніи. Можно ее прочесть «6 спасибо», «6 способъ», «6 столбъ», и что значить это 6—шестое или что-нибудь другое.

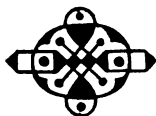
Будь ваши рассказы у меня въ рукахъ, можетъ быть, я еще могъ съ ними распорядиться, отдать въ «Дѣло» Шеллеру (А. Михайлову, заправляющему литературнымъ отдѣломъ) или Полевому въ «Пчелу», или въ «Биржевыя Вѣдомости» въ фельетонъ, или въ «Недѣлю» Гайдебурову. Однимъ словомъ, еще могъ бы какъ-нибудь это дѣло орудовать, а то гдѣ я ихъ найду и розыщу, ваши рассказы съ моей хромотой, съ запрещеніемъ ходить много по лѣстницамъ, съ моимъ безвременьемъ, съ моей жаждой пустыни и того уединенія, которое надоѣло вамъ.

А вы поселяете во мнѣ новую жажду, жажду быть вамъ полезнымъ, жажду помочь вамъ, и я томлюсь, не знаю, что дѣлать... Нечего и говорить вамъ, что всѣ мои литературныя связи вѣтъ теперешней журналистикѣ. Что я ни чей, не принадлежу ни къ какой редакціи, и если что-нибудь опять напечатаю, непременно будутъ со всѣхъ сторонъ ругать меня.

Майковъ живетъ на дачѣ, онъ будетъ пріѣзжать сюда разъ въ двѣ недѣли. Непременно поговорю съ нимъ о вашей комедіи, если встрѣчу. Это я могу обѣщать вамъ. Прощайте. Не браните меня за письмо, которое, я знаю, ничѣмъ не утѣшитъ васъ. Моего дружескаго расположенія къ вамъ я не смѣю цѣнить, какъ нѣчто для васъ благодатное. Люблю васъ по-прежнему, люблю во имя милыхъ воспоминаній, крѣпко жму вашу руку и остаюсь вашъ Я. Полонскій.

Сообщ. К. Четверикова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Распоряженіа одного изъ мировыхъ посредниковъ ¹⁾.

5-го февраля 1862 г. № 93.

Цыркулярно!

Волостнымъ Правленіамъ 3-го Мироваго Участка.

Предписаніе.

Вникая въ слова Высочайшаго Манифеста 19-го Февраля 1861 года въ заключительномъ пунктѣ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій, пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, и чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постоянного пользованія, или на землѣ приобрѣтенной въ собственность. По ст. 188 Общаго Положенія, 261 и 264 Мѣстнаго Положенія указываются отдавать въ заработки недоимщиковъ въ сосѣдніе уѣзды, а въ другіе отдаленные губерніи не иначе какъ по особому распоряженію. Нѣкоторые Волостные Правленія и Сельскіе Начальники дозволяютъ себѣ увольнять крестьянъ въ самыя отдаленныя губерніи на продолжительныя времена даже на годъ, какъ то въ Керчь; Предупреждаю, что это не вниманіе къ закону, подвергать виновныхъ такъ же какъ и за подмогъ по службѣ по ст. 92-й Общаго Положенія и мною вопреки приведенныхъ выше словъ «дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ нихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій и оно отвлечено! послушаю продолжительныхъ отлучекъ въ отдаленныя губерніи, не желая стѣснять крестьянъ въ торговыхъ оборотахъ при кротко-временныхъ отлучкахъ, виѣствъ съ тѣмъ подтверждаю, во избѣжаніе строжайшаго взысканія по законоположенію: Старшинамъ, старостамъ и писарямъ, обратитъ не прошенное вниманіе въ смыслѣ указанныхъ словъ Положенія. Если же въ какихъ либо Волостныхъ Правленіяхъ, сдѣлано условіе цѣвностію болѣе 300 руб. по ст. 91 Общ. Полож., или на наемъ людей далѣе сосѣдственнаго Уѣзда или безъ Сельскаго приговора утверждено мною, на отлучку въ другую губернію, то условіе это тотчасъ уничтожить, какъ влекущее за собою Важныя послѣдствія, допущенныя злоупотребленію по службѣ, по ст. 129 Общ. Полож., а принятые задатки возвратитъ тѣмъ отъ кого они приняты, и людей удержать намѣстахъ ибо семейства останутся безъ хлѣба ²⁾.

Сообщ. П. Н. Вереха.

¹⁾ Печатается буквально, но редація не считаетъ удобнымъ называть фамилію посредника и обозначать точно мѣсто его дѣйствій.

²⁾ Требованіе мирового посредника поставило крестьянъ въ безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе, что циркуляръ послѣдовалъ въ то время когда многіе заключили уже сдѣлки на отхожіе промыслы. Если бы не виѣшательство одного лица, заставившаго мирового посредника отказаться отъ своего толкованія Положенія, то въ исторіи крестьянской реформы прибавился бы еще одинъ такъ называемый „бунтъ“ крестьянъ.

Великій князь Константинъ Павловичъ и его дворъ ¹⁾.

(1810—1833).

I.

Бѣгство графа Моріоля изъ Франціи въ Россію.—Лишенія, испытанныя имъ въ пути.—Прибытіе въ Каменецъ-Подольскъ.—Губернаторъ графъ Шереметевъ.—Поступленіе гувернеромъ къ графу Браницкому и потомъ къ сыну великаго князя Константина Павловича.

Получивъ отъ брата казеннаго Людовика XVI рекомендательныя письма къ императрицѣ Екатеринѣ II, графъ Моріоль вынужденъ былъ оставить революціонную Францію одновременно съ прочими представителями французской знати и дворянства и искать счастья въ Россіи, гдѣ онъ рассчитывалъ поступить на военную службу.

Испытавъ, по пути, въ Германіи, всевозможныя затрудненія и непріятности, какія выпадали въ то время на долю эмигрантовъ, онъ добрался наконецъ до Линца, на Дунаѣ, откуда хотѣлъ про-

¹⁾ Въ помѣщенномъ въ „Русской Старинѣ“ текущаго года въ извлеченіи изъ записокъ генерала Колачковаго подъ заглавіемъ „Польша въ 1814—1831 г.“, при описаніи маленькаго Бельведерскаго двора, упоминается между прочимъ о гувернерѣ молодаго Павла Александрова, французскомъ эмигрантѣ графѣ Моріолѣ. (Въ майской книжкѣ на стр. 412 фамилія эта ошибочно напечатана Мариоллэ) Нынѣ появились въ Парижѣ вторымъ изданіемъ записки (Mémoires du comte de Moriollés sur l'émigration, la Pologne et la cour du grand-duc Constantin (1789—1833). Paris. 1902) этого представителя древняго рода графовъ Моріолей, который, эмигрировавъ въ 1794 г. изъ Франціи въ Россію, такъ хорошо устроился при дворѣ великаго князя Константина Павловича,

ѣхать въ Вѣну. Но тутъ графа ожидали новыя препятствія. Оказалось, что проѣздъ черезъ Вѣну былъ воспрещенъ всѣмъ французскимъ эмигрантамъ и что къ русской границѣ надо было ѣхать черезъ Краковъ.

Осмотръ паспортовъ происходилъ въ Радзивиловѣ, возлѣ котораго были разставлены многочисленныя казачьи аванпосты, строго слѣдившіе за тѣмъ, чтобы никто не проѣхалъ границу тайно. Въ таможи у графа отобрали паспортъ, задержали его багажъ и заявили, что ему придется остаться въ Радзивиловѣ до полученія приказаній отъ генералъ-губернатора изъ Каменецъ-Подольска.

Въ ожиданіи отвѣта, ему пришлось десять дней прожить въ жидовской корчмѣ, гдѣ не было даже кровати, и гдѣ онъ спалъ на соломѣ и долженъ былъ довольствоваться безногой окаянью вмѣсто дивана. Графъ ужаснулся при видѣ постоялаго двора съ вонючими, грязными комнатами, въ которыхъ стѣны были черны отъ грязи и копоти, а содержатель корчмы, еврей, походилъ на нищаго въ лохмотьяхъ.

«То же самое вы встрѣчаете повсюду въ Польшѣ,—записалъ графъ въ своихъ запискахъ,—потому каждый возить съ собою все необходимое, чтобы спать, ѣсть и удовлетворить самыя насущныя свои потребности. Что особенно удивительно въ этой полудикой странѣ,—воскликаетъ онъ,—это то, что даже у знатныхъ господъ, у которыхъ царствуетъ вездѣ роскошь и изобиліе, комнаты, предназначенныя для пріѣзжихъ, не имѣютъ мебели, и послѣдніе должны все привозить съ собою. Поэтому за богатыми путешественниками слѣдуетъ всюду нѣсколько фургоновъ съ ихъ багажемъ и съѣстными припасами, которыхъ они нигдѣ не могли бы достать. А между тѣмъ поляки давно разѣзжаются по всему

что возвращеніе на родину въ 1833 г., послѣ сорокалѣтняго почти отсутствія, показалось ему новымъ изгнаніемъ.

Проживъ въ домѣ великаго князя съ 1810 по 1833 г. и стоя къ нему близко, какъ воспитатель его сына, графъ Моріоль былъ изо дня въ день свидѣтелемъ интимной жизни маленькаго Бельведерскаго двора, которую онъ подробно описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, изображая въ нихъ личность царевича, княгини Ловичъ и интриги, волновавшія ихъ приближенныхъ. Его рассказъ отличается большою точностью, хотя грѣшитъ, быть можетъ, излишними подробностями. Передавая слышанныя отъ великаго князя его взгляды на современныя событія, авторъ записокъ затрогиваетъ попутно разныя политическіе вопросы, касающіеся управленія Польши, намѣреній императора Александра, восшествія на престолъ Николая I, подготовленія революціи, вспыхнувшей въ Варшавѣ 18-го ноября 1830 г., и проч. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію этой, во многихъ отношеніяхъ интересной части записокъ гр. Моріоля, считаемъ не лишнимъ передать вкратцѣ о тѣхъ подробностяхъ судьбы, которыя ему пришлось испытать съ того момента, какъ онъ переступилъ русскую границу, и до того, какъ онъ построился такъ счастливо для себя въ Варшавѣ.

свѣту, знакомы съ удобствами жизни и съ комфортомъ, котораго у нихъ не встрѣтишь нигдѣ».

По прошествіи десяти дней, во время которыхъ графу пришлось не мало претерпѣть, тѣмъ болѣе, что его денежные средства совершенно истощились, онъ получилъ приказаніе отправиться немедленно въ Каменецъ-Подольскъ; его бумаги были уложены въ ящикъ, опечатаны таможенной печатью, и для сопровожденія графа былъ приставленъ къ нему казакъ, которому было приказано неустанно слѣдить за нимъ.

«Приходилось покориться своей судьбѣ,—пишетъ Моріоль,—но я не палъ духомъ. Нанявъ еврея съ телѣгою и парюю лошадей, я помѣстился въ ней съ ящикомъ, въ которомъ были сложены мои бумаги, и выѣхалъ изъ Радзивилова на слѣдующее утро съ однимъ дукатомъ въ карманѣ, въ сопровожденіи казака, который смотрѣлъ на меня какъ на государственнаго преступника. Онъ привязалъ свою лошадь къ телѣгѣ, а самъ безъ церемоніи развалился рядомъ со мною на соломѣ въ моемъ великолѣпномъ экипажѣ. Дождь лилъ какъ изъ ведра, дороги были отвратительныя, лошади — самыя жалкія клячи; проѣхавъ нѣсколько миль, мы были вынуждены остановиться.

«Состояніе моихъ финансовъ предписывало мнѣ строжайшую экономію. Я содрогался при мысли, что мнѣ придется продовольствоваться двухъ лошадей, еврея и казака, такъ какъ генераль-губернаторомъ не было сдѣлано никакихъ распоряженій на этотъ счетъ. Къ счастью, съѣстные припасы очень дешевы въ этихъ отдаленныхъ странахъ, но меня разорялъ казакъ на водку, которую онъ глоталъ, какъ воду. Я рѣшилъ питаться только хлѣбомъ и водою, и добрался до Каменецъ-Подольска съ нѣсколькими грошами въ карманѣ. Судьба, повидимому, преслѣдовала меня: генераль-губернаторъ совершалъ объѣзды губерніи, и никто не могъ сказать мнѣ, когда онъ вернется; я положительно не зналъ, что дѣлать.

Начальникъ Радзивиловской таможи далъ мнѣ письмо къ полковнику Шимановскому, состоявшему при генераль-губернаторѣ; предполагая, что онъ писалъ обо мнѣ, я поспѣшилъ отнести полковнику это письмо. Шимановскій былъ полякъ, но давно уже принадлежалъ къ русской партіи и въ награду за оказанныя имъ услуги былъ опредѣленъ въ канцелярію губернатора. Я не ошибся; прочитавъ письмо, полковникъ разговорился со мною и, узнавъ мои дальнѣйшіе планы, составилъ себѣ, вѣроятно, довольно выгодное обо мнѣ мнѣніе, а услышавъ, что я имѣю въ Польшѣ пріятеля Быстраго (Bystri), съ которымъ, оказывается, онъ былъ хорошо знакомъ, онъ сдѣлался со мною весьма любезенъ и сказалъ, что я могу на него рассчитывать.

Прежде всего онъ позвалъ моего еврея и когда тотъ сказалъ ему,

*

за какую цѣну онъ условился везти меня, то полковникъ далъ ему пощечину и нѣсколько пинковъ, и уплатилъ за мой провозъ половинную сумму изъ своихъ денегъ, деликатно сказавъ мнѣ, что мы сосчитаемся впоследствии. Затѣмъ онъ выдалъ моему казаку удостовѣреніе въ томъ, что тотъ исполнилъ данное ему порученіе, и приказалъ отнести мой ящикъ въ канцелярію. Такимъ образомъ я развязался съ тѣмъ, что наиболѣе меня стѣсняло, и нѣсколько успокоился. Шимановскій сказалъ мнѣ, что генераль-губернаторъ вернется только чрезъ нѣсколько дней, но что онъ представитъ меня на слѣдующій день коменданту города, генералу Толстому. Затѣмъ онъ приказалъ свезти меня къ одному честному еврею, содержавшему харчевню.

Закутавшись въ плащъ, который со времени моего приѣзда въ Польшу замѣнялъ мнѣ простыни и одѣяла, растянувшись на соломѣ, которая, вѣроятно, по приказанію Шимановскаго, была постлана мнѣ свѣжая, я плохо спалъ ночь, предаваясь болѣе размышленіямъ, нежели сну.

На другой день вечеромъ полковникъ представилъ меня генералу Толстому, который подробно обо всемъ распросилъ меня и, позвавъ одного изъ своихъ адъютантовъ, приказалъ ему позаботиться обо мнѣ; затѣмъ онъ пригласилъ меня на другой день обѣдать и сказалъ, что просить считать его домъ своимъ до возвращенія генераль-губернатора.

Когда я явился на слѣдующій день къ обѣду, то генераль принялъ меня весьма любезно, посадилъ за столъ возлѣ себя и сказалъ, что хотя генераль-губернаторъ Тутолминъ вернется не скоро, но такъ какъ онъ пишетъ ему ежедневно, то извѣститъ его о моемъ бѣдственномъ положеніи и о томъ, что мнѣ необходимо ѣхать далѣе какъ можно скорѣе.

По прошествіи нѣсколькихъ дней получился отвѣтъ генераль-губернатора, который приказалъ немедленно препроводить графа въ Житомиръ, гдѣ онъ долженъ былъ явиться за дальнѣйшими инструкціями къ губернатору графу Шереметеву, который оказался человѣкомъ весьма любезнымъ и пользовался въ губерніи всеобщимъ уваженіемъ, но дотого былъ обремененъ дѣлами, что, не смотря на оказанный графу любезный пріемъ, онъ цѣлую недѣлю не могъ заняться разсмотрѣніемъ его бумагъ. «Наконецъ на восьмой день моего пребыванія въ Житомирѣ, Шереметевъ сказалъ мнѣ, рассказываетъ графъ, что онъ будетъ къ моимъ услугамъ на слѣдующее утро.

«Когда я явился, губернаторъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ; возлѣ него стоялъ мой ящикъ, который онъ приказалъ открыть, показавъ мнѣ предварительно, что онъ цѣлъ и невредимъ. Въ ящикѣ были рукописи нѣкоторыхъ моихъ произведеній, нѣсколько книгъ, семейныя письма и прочіе документы; бумагъ, въ общемъ, было такъ много, что на таможи мѣня приняли за человѣка весьма подозрительнаго. Шере-

метевъ съ большимъ любопытствомъ пересмотрѣлъ всѣ бумаги и сказалъ:

— Могу сказать вамъ, графъ, что съ такими документами вамъ навѣрно будетъ оказанъ въ Петербургѣ наилучшій приѣмъ, чего я вамъ отъ всего сердца желаю. Я выдамъ вамъ паспортъ для проѣзда въ Петербургъ, куда вы можете отправиться, когда пожелаете, и кромѣ того видѣ на свободное жительство во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Россійской Имперіи.

— Но что находится въ этомъ маленькомъ пакетикѣ?—прибавилъ онъ съ хитрой улыбкою. Судя по надписи, я полагаю, что это письма Быстраго.

Признаюсь, я былъ весьма смущенъ, но не за себя, а за своего друга. Онъ былъ ярый полякъ, поэтому очень недолюбливалъ русскихъ и не щадилъ ихъ въ нашей перепискѣ.

Губернаторъ видѣлъ по моему лицу волновавшія меня чувства и поспѣшилъ сказать:

— Миѣ извѣстны взгляды вашего друга, онъ относится къ намъ враждебно, я извиняю его, у всякаго свои взгляды; поляки не могутъ насъ любить, но такъ какъ я имѣю обыкновеніе смотрѣть сквозь пальцы на тѣ вещи, о которыхъ я былъ бы обязанъ донести правительству, если бы онѣ были миѣ извѣстны, и такъ какъ въ письмахъ вашего пріятеля таковыя вещи, вѣроятно, найдутся, то посмотрите, какъ я поступлю съ ними.

Сказавъ эти слова, онъ разорвалъ пакетъ и сжегъ его на свѣчѣ.

— Скажите ему, что вы видѣли,—прибавилъ онъ,—и скажите миѣ всё съ тѣмъ, что русскіе не такіе черти, какъ онъ думаетъ.

Этотъ поступокъ далъ миѣ самое высокое понятіе о благородствѣ графа Шереметева, что я ему и выразилъ.

— А мы видѣ варвары,—сказалъ онъ, улыбаясь,—но это не мѣшаетъ намъ обладать и нѣкоторыми хорошими качествами. Вы навѣрно поѣдете завтра къ своему другу; надѣюсь, что мы проведемъ сегодняшній день вмѣстѣ, а такъ какъ вы будете жить близъ Житомира, то прошу васъ навѣщать меня, я на это разсчитываю.

На слѣдующій день я уѣхалъ и два дня спустя былъ уже у моего пріятеля. Я отдыхалъ и блаженствовалъ у него цѣлыхъ три мѣсяца и съ грустью думалъ о томъ, что миѣ предстоитъ скоро ѣхать въ Петербургъ, какъ вдругъ неожиданное событіе разрушило всѣ мои планы и повергло меня снова въ самое бѣдственное положеніе.

Этимъ неожиданнымъ событіемъ была кончина императрицы Екатерины.

Съ новымъ царствованіемъ всѣ обстоятельства въ Россіи такъ измѣнились, что графу нечего было и думать о поступленіи на службу. Это

было для него тяжкимъ ударомъ. Нужда заставила его скитаться отъ одного польскаго пана къ другому, пока онъ не поступилъ къ одному изъ нихъ воспитателемъ его шестимѣсячной дочери. Теперь кажется просто невѣроятнымъ, чтобы кавалерійскаго офицера пригласили воспитателемъ къ грудному младенцу, но тогда было принято имѣть въ домѣ гувернера-француза, а тѣмъ болѣе для самолюбія разбогатѣвшаго шляхтича было лестно имѣть у себя въ домѣ парижанина, да еще графа. Онъ далъ ему 1.200 рублей жалованія, карету, кучера, четверку лошадей и увезъ къ себѣ въ Украину, въ глухую деревушку.

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ домѣ этого пана, графъ Моріоль построился наконецъ въ 1797 г. у графа Браницкаго, женатаго на племянницѣ извѣстнаго князя Г. А. Потемкина (дѣвицѣ Энгельгардтѣ).

Онъ сопровождалъ въ 1809 г. графа Браницкаго въ его поѣздку въ Дунайскую армію, куда графъ ѣздилъ для свиданія съ сыномъ, состоявшимъ при канцеляріи фельдмаршала князя Прозоровскаго, который командовалъ арміею, дѣйствовавшей противъ турокъ.

Благодаря покровительству и рекомендаціи графини Браницкой, Моріоль поступилъ затѣмъ гувернеромъ къ малолѣтнему Павлу Александрову, сыну великаго князя Константина Павловича.

Великій князь жилъ въ Варшавѣ очень замкнуто со своей второй женою и своимъ сыномъ, къ которому онъ относился очень строго и требовательно. Обычное общество его составляли два гувернера молодого Павла Александрова, графъ Моріоль, полякъ Фавицкій, и дежурный адъютантъ.

Окончивъ воспитаніе Павла Александрова, графъ Моріоль остался въ Бельведерскомъ дворцѣ, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ занятій и обязанностей, но получалъ весьма значительную пенсію. Во время возстанія въ Варшавѣ въ 1831 году, отношенія графа Моріоля къ великому князю настолько измѣнились, что онъ принужденъ былъ уѣхать за границу.

II.

Поступленіе графа Моріоля въ семейство великаго князя Константина Павловича. — Особенности жизни въ Бельведерѣ. — Характеристика великаго князя. — Его рассказы о Лагарпѣ, императорѣ Павлѣ и Наполеонѣ. — Заботы великаго князя о непріятельскихъ плѣнныхъ.

«Въ Бельведерѣ, дворцѣ великаго князя Константина Павловича, меня приняли весьма любезно. Его супруга любитъ наполнять свои комнаты всевозможными предметами, связанными съ какими-нибудь

воспоминаніями: вещицами, напоминающими дружескія отношенія, или мелочныя событія жизни, коимъ она придаетъ особое значеніе ¹⁾).

Въ семейной жизни замѣтно было ея преобладаніе; великому князю часто многое не нравилось, но онъ ограничивался обыкновенно какою-либо шуткою, подъ часъ довольно язвительной, но вообще любезно соглашался на многое, чему онъ вовсе не сочувствовалъ. Онъ не противорѣчилъ женѣ, лишь бы его оставили въ покоѣ, лишь бы съ нимъ были ласковы и предупредительны. Супруга же его была слишкомъ умна для того, чтобы не воспользоваться слабостью мужа.

Вслѣдствіе плохого сообщенія съ городомъ уединеніе въ Бельведерѣ было полное; отсюда ѣздили въ Варшаву только служащіе во дворцѣ, и эта дорога, которая могла бы быть любимой прогулкою высшаго общества, была совершенно пустынна. Не смотря на это, жизнь въ Бельведерѣ не надѣдала великому князю даже и въ осеннее время. Сидя у камина съ сигарою во рту, онъ наслаждался этимъ полнымъ уединеніемъ и картиною природы, лишенной ея лѣтняго украшенія. Онъ ѣздилъ по утру въ Варшаву на аудіенціи и смотры и, вернувшись въ Бельведеръ, спалъ до обѣда, за которымъ присутствовали только мы и дежурный адъютантъ. Послѣ обѣда онъ снова ложился въ постель до восьми часовъ; вечеромъ посѣщала французскій спектакль въ тѣ дни, когда его привлекала какая-нибудь пѣса легкаго содержанія, а когда не предстояло этого развлеченія, то онъ бодрствовалъ до десяти часовъ, а затѣмъ снова ложился спать. Я нерѣдко проводилъ вечеръ втроемъ съ нимъ и его супругою. Иногда великій князь просилъ меня читать ему въ слухъ. Однажды мы начали читать сочиненіе «*Histoire de l'Assemblée constituante*» Лакретеля, которое сильно заинтересовало его. Во время этого чтенія я могъ подмѣтить врожденный здравый смыслъ великаго князя, чистоту его нравственныхъ правилъ и мѣткость сужденій. Онъ ежеминутно останавливалъ меня, дѣлая замѣчанія, отличавшіяся наблюдательностью и знаніемъ людей, которыя составляютъ признакъ выдающегося ума; онъ удивлялъ меня своимъ умѣніемъ схватить причину и послѣдствія тѣхъ великихъ событій, которыя составляли вначалѣ частное дѣло одной націи (Франціи), но затронули впослѣдствіи роковымъ образомъ всю Европу. Онъ нерѣдко говорилъ мнѣ:

— Не правда ли, я такой же французъ, какъ и вы, и если бы я былъ членомъ вашей палаты депутатовъ, то я засѣдалъ бы на правой. Безъ

¹⁾ Необходимо замѣтить, что кромѣ графа Моріоля у маленькаго Павла Александрова былъ другой воспитатель, полякъ Фазицкій; французъ съ полякомъ не ужились, и это отразилось въ запискахъ графа, который не могъ простить княгинѣ того, что она держала сторону поляка. Въ его отвѣкахъ о ней постоянно сквозитъ раздраженіе; охотно отмѣчаютъ ея недостатки, а все хорошее считается притворствомъ.

сомнѣнія, нѣтъ отца лучше меня; я нѣжно люблю своего сына, но если бы Павелъ увлекся когда-либо современными либеральными идеями, то я бросилъ бы его собственноручно въ Вислу.

Онъ сказалъ это умышленно въ присутствіи Фавицкаго, втораго губернера Павла, который увлекается всѣми мечтаніями нашихъ современныхъ лже-филантроповъ; впрочемъ больше по глупости и тщеславію, такъ какъ въ сущности онъ человѣкъ не злой.

Въ другой разъ, когда я читалъ о проискахъ приверженцевъ герцоговъ Орлеанскихъ, великій князь прервалъ меня, сказавъ, что между положеніемъ его и этого принца есть большое сходство. Я не могъ уловить его мысли, такъ какъ я не находилъ никакой связи ни въ политическомъ положеніи, ни въ характерѣ этихъ личностей: одинъ хотѣлъ вступить на престолъ, который былъ для него недосыгаемъ, тогда какъ другой вполне естественно долженъ былъ наследовать престолъ своего брата.

— Герцогъ Орлеанскій,—продолжалъ великій князь,—могъ возжечь въ странѣ междоусобную войну; но я надѣюсь, что этого не случится у насъ, такъ какъ если бы злополучное стеченіе обстоятельствъ вызвало у насъ междоусобіе, то я не только не сталъ бы поддерживать свои законныя права, но пожертвовалъ бы ими ради спокойствія и благополучія Имперіи.

По окончаніи чтенія его высочество пригласилъ меня въ свои покои и, когда мы остались одни, онъ снова завелъ рѣчь о критическомъ положеніи, въ какомъ находилась Европа; напалъ на либеральную партію и распространялся о проискахъ, коими эта партія хотѣла не допустить великія державы до вмѣшательства въ дѣла Неаполя и Пьемонта; и объ ея проискахъ, направленныхъ преимущественно противъ Россіи. Но я предоставляю слово самому великому князю, придерживаясь, насколько возможно, его собственныхъ выраженій.

— Нѣсколько времени спустя послѣ возстанія въ Неаполѣ (1821 г.) и до открытія нашего сейма,—сказалъ онъ,—я узналъ о существованіи среди нашихъ депутатовъ людей довольно злыхъ умысловъ. Мнѣ было также извѣстно изъ секретныхъ донесеній полиціи, что въ Варшаву пріѣхало нѣсколько подозрительныхъ личностей. Я заподозрѣлъ, что это были агенты большаго центральнаго отдѣла, существующаго въ Парижѣ, во главѣ котораго стоитъ Т. ¹⁾). Вы помните, что когда пріѣхалъ братъ, то я выѣхалъ ему навстрѣчу, и мы ѣхали вмѣстѣ съ нимъ съ послѣдней станціи до Бельведера. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы передать ему все, что я узналъ, и предупредить его, что ему хотятъ устроить затрудненія внутри государства, чтобы не дать возможности руководить

¹⁾ Тайлеранъ.

самому предполагаемыми военными дѣйствіями и дать имъ то энергичное направленіе, въ которомъ они нуждались. Императоръ отвѣчалъ мнѣ, что я всегда тревожусь попусту, что мнѣ всюду мерещатся заговоры и что въ полученныхъ мною донесеніяхъ зло, по всей вѣроятности, преувеличено. Я возразилъ на это, что я ничего не говорю на вѣтеръ и что я хочу просить его объ одной милости: замедлить открытіе сейма на двѣ недѣли, чтобы онъ имѣлъ время самъ навести справки и узнать настроеніе умовъ. Его величество согласился на мою просьбу; вотъ истинная причина этого замедленія, коимъ всѣ были удивлены; братъ убѣдился вскорѣ въ истинѣ всего, что я ему говорилъ. Сеймъ былъ открытъ, и государь остался такъ недоволенъ имъ, что хотѣлъ уничтожить конституцію, которая вслѣдствіе либерализма, коимъ было провинуто большинство депутатовъ, вовсе не соответствовала той цѣли, какую онъ преслѣдовалъ, давая странѣ эту конституцію. Я совѣтовалъ ему не дѣйствовать слишкомъ поспѣшно, убѣждая его, что онъ и со временемъ успѣетъ отмѣнить это мнимое благодѣяніе.

— Но какимъ образомъ,—сказалъ мнѣ братъ,—ты никогда не увлекался этими идеями, въ лживости и опасности которыхъ я убѣждаюсь ежедневно.

— Это потому, что я всегда старался смотрѣть на вещи, какъ можно проще и не давалъ убажывать себя прекрасными рѣчами вашего г. Лагарпа, чему я очень радъ.

— Тотчасъ по закрытіи сейма,—продолжалъ великій князь,—мой братъ отправился въ Троппау; его поспѣшное появленіе многихъ удивило, такъ какъ распространили слухъ, будто въ Польшѣ произошли волненія и его присутствіе тамъ необходимо и что поэтому онъ опоздаетъ на конгрессъ. Тѣмъ временемъ эта дьявольская партія старалась поддѣйствовать на гвардію, и ей удалось вызвать бунтъ ¹⁾, который могъ имѣть самыя прискорбныя послѣдствія. Съ другой стороны, она старалась вызвать возстаніе среди грековъ, а въ настоящую минуту она волнуетъ татаръ въ Крыму, Саратовѣ и во всѣхъ нашихъ южныхъ губерніяхъ, куда уже двинуты войска. Словомъ, нѣтъ тѣхъ средствъ и происковъ, которыхъ эта партія не пустила бы въ ходъ, чтобы поставить въ Европѣ все вверхъ дномъ, но ея нападки направлены главнымъ образомъ противъ Россіи. Что касается меня, то я не могу скрыть моей ненависти къ этимъ людямъ, нарушающимъ спокойствіе людей. Я не жестокъ, но если бы я могъ схватить одного изъ ихъ главарей, то мнѣ доставило бы чрезвычайное удовольствіе забить его до смерти шпичрутенами. Мой бракъ доказываетъ, что я не имѣю ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ дѣла, которыя принимаютъ такой дурной оборотъ;

¹⁾ Л. гв. Семеновскаго полка.

женившись на особѣ не царственнаго происхожденія, я ясно показалъ, какой карьерой я готовъ довольствоваться.

Изъ послѣднихъ словъ я понялъ, что великій князь получилъ право жениться, отрекшись отъ престола.

Все это было въ 1821 году. Его высочество относился ко мнѣ весьма милостиво, оказывалъ мнѣ большое довѣріе и самое лестное вниманіе. Княгиня была со мною въ высшей степени вѣжлива, но меня не любила. Я полагаю, что ее стѣсняло присутствіе челоуѣка, котораго она считала достаточно проникательнымъ, чтобы приподнять завѣсу, скрывающую ея истинныя чувства; ей гораздо болѣе нравились лести и угодничество Фавицкаго.

Но я долженъ отдать ей справедливость, она всегда очень предупредительна къ своему мужу и держитъ себя въ настоящее время съ большимъ умомъ и деликатностью. Что касается Павла, то онъ идетъ быстрыми шагами къ той цѣли, къ которой его ведетъ Фавицкій, т. е. онъ становится все болѣе и болѣе грубъ, вздоренъ, педантъ, тщеславенъ; умъ его постепенно искажается, занятія ведутся нелѣпо и, приумножаясь до безконечности, приведутъ въ концѣ-концовъ къ полному невѣжеству и къ отвращенію отъ всякаго труда.

Приведу здѣсь нѣсколько анекдотовъ, которые казались мнѣ интересны и которые я хочу записать, пока они не изгладились изъ моей памяти и пока я помню ихъ во всей подробности. Я приведу ихъ безъ всякой системы, въ томъ порядкѣ, какъ я ихъ слышалъ.

Великій князь Константинъ Павловичъ большой любитель рассказывать и когда онъ говорить съ людьми, къ коимъ питаетъ довѣріе, то онъ увлекается и рассказываетъ множество анекдотовъ и пикантныхъ подробностей, которыя легко запоминаются. Такъ какъ я бывалъ съ нимъ каждый день въ самомъ тѣсномъ кругу и зачастую съ глазу на глазъ, то я слышалъ отъ него много любопытныхъ вещей, которыя и приведу здѣсь, стараясь по возможности передать тѣми же словами и выраженіями, кои употреблялъ великій князь.

Вотъ эти рассказы:

Императрица Екатерина, желая дать своимъ внукамъ Александру и Константину хорошее воспитаніе, намѣтила для этой цѣли Даламберта, извѣстнѣйшаго изъ современныхъ философовъ. Но онъ отвергъ сдѣланныя ему блестящія предложенія, либо изъ гордости, нашедшей удовольвореніе въ этомъ отказѣ, либо для того, чтобы не разлучаться съ своимъ прелестнымъ, но коварнымъ другомъ, m-lle Леспинасъ.

Между тѣмъ шайкѣ философовъ было выгодно воспользоваться желаніемъ императрицы, голова которой, не смотря на весь ея умъ, немного закружилась отъ эміана, который извѣстнѣйшіе изъ нихъ усердно воскуривали ей не совсѣмъ безпристрастно. Отдавая полную спра-

ведливость своей бабѣ, ея глубокимъ видамъ, блеску ея царствованія, великій князь Константинъ Павловичъ высказывалъ однако свою нелюбовь къ ней; это чувство простекало у него изъ глубокой любви къ отцу, императору Павлу.

Итакъ, гг. философы выставили нѣкоего Лагарпа, который казался имъ подходящимъ для ихъ цѣлей. Для обширныхъ плановъ этихъ людей было весьма важно, чтобы наследникъ перваго въ Европѣ престола былъ провикнутъ принципами, которые облегчили бы распространение либерализма, и такъ какъ впечатлѣнія дѣтства изглаживаются съ трудомъ, даже не смотря на жизненный опытъ, то они должны были вызвать благоприятное настроеніе, которымъ эти господа предполагали со временемъ воспользоваться.

Лагарпъ, уроженецъ г. Берна, готовился къ адвокатурѣ. Пылкій умъ, горячая голова, самоувѣренность, способность къ интригѣ, злобность и мстительность, увлеченіе современными идеями и огромное честолюбіе, прикрываемое безкорыстіемъ философа, таковы были главные черты его характера.

Проигравъ первое дѣло, которое онъ защищалъ въ Бернѣ, Лагарпъ, уязвленный въ своей гордости, покинулъ родину съ непримиримой ненавистью къ ея правительству и отправился въ Парижъ, гдѣ онъ вкрался въ довѣріе къ представителямъ философской партіи и, будучи рекомендованъ ими императрицѣ Екатеринѣ, былъ принятъ ею на службу. Императрица сама начертала планъ воспитанія великихъ князей, которое должно было происходить подъ ея личнымъ надзоромъ; она слѣдила за ихъ успѣхами, насколько позволяли ея обширныя занятія.

Великому князю Павлу Петровичу дозволялось весьма мало вмѣшиваться въ воспитаніе его дѣтей, и онъ никогда не посмѣлъ бы дѣлать указанія относительно того, что ему не нравилось. Лагарпъ воспользовался этимъ, чтобы овладѣть довѣріемъ императрицы и руководить всецѣло воспитаніемъ своихъ учениковъ. Бурный и рѣшительный характеръ великаго князя Константина былъ причиною того, что онъ вскорѣ отдался отъ Лагарпа и сдѣлался предметомъ ненависти и грубыхъ выходокъ со стороны воспитателя. Обреченный сидѣть въ углу и учить наизусть трудные уроки, въ то время какъ Лагарпъ обращалъ все свое вниманіе на великаго князя Александра, Константинъ былъ только предметомъ ненависти, невниманія и презрѣнія ¹⁾. На него то и дѣло жаловались императрицѣ. Лагарпъ изображалъ его, какъ ребенка ограниченнаго, упрямаго, что и было, вѣроятно, причиною предпочтенія, которое государыня оказывала всегда Александру, и нѣкотораго отчужденія послѣдняго отъ брата, которое онъ старался скрывать.

¹⁾ Сравни письма великаго князя Константина Павловича къ Лагарпу. Сборникъ императорскаго историческаго общества, т. V, 1870, стр. 53.

Весьма естественно, что вслѣдствіе этого великій князь Константинъ сдѣлался любимцемъ отца и матери. Жалость обыкновенно усиливаетъ любовь; къ тому же между положеніемъ сына и родителей было нѣчто общее. Вдовствующая императрица (Марія Ѳеодоровна) по сей часъ питаетъ къ нему тѣ же чувства, хотя многія обстоятельства могли измѣнить ихъ; такъ, напр., его бракъ, заключенный безъ ея воли и безъ ея согласія, не уменьшилъ расположенія, которое она питаетъ къ нему въ глубинѣ души. Но возвращаюсь къ г. Лагарпу.

Занятый всецѣло великимъ княземъ Александромъ и стараясь внушить ему тѣ принципы, которые согласно его плану было такъ важно внушить тому, кому предстояло современемъ играть столь видную роль, Лагарпъ видѣлъ, что его старанія приносили плоды. Братя въ своихъ дѣтскихъ играхъ создали себѣ идеальное, вымышленное существо, названное ими графомъ де-Сентъ-Альбанъ (comte de-Saint-Albant). Этотъ графъ былъ у нихъ всегда во главѣ ихъ солдатъ и ихъ воинственныхъ игрушекъ; онъ былъ центромъ, вокругъ котораго вертѣлись всѣ ихъ политическія соображенія, ибо французская революція, которая была въ то время въ полномъ разгарѣ, составляла постоянно предметъ толковъ при дворѣ и возбуждала ихъ молодые умы. Великій князь Александръ ставилъ этого графа де-Сентъ-Альбана во главѣ всѣхъ революцій, народныхъ возстаній, всѣхъ предпріятій, направленныхъ противъ власти, и всегда награждалъ его. А великій князь Константинъ приговаривалъ его къ повѣшенію или къ разстрѣлянію. Эти мелочи были весьма знаменательны и обрисовывали характеръ этихъ двухъ дѣтей; изъ нихъ одинъ проявлялъ свои врожденные чувства, а другой высказывалъ тѣ убѣжденія, которыя ему внушали.

Между тѣмъ строгость и грубыя замѣчанія, сыпавшіяся на младшаго брата, приумножались. Однажды, когда этотъ необыкновенный воспитатель былъ болѣе не въ духѣ, чѣмъ обыкновенно, онъ придумалъ нарисовать на длинной лентѣ ослиную голову и повѣсить ее на шею Константина. На этой лентѣ было написано: «Орденъ, пожалованный великому князю Константину въ тотъ день, когда я узналъ объ уничтоженіи національнымъ собраніемъ во Франціи всѣхъ орденовъ». Великій князь въ отчаяніи спрятался за оконную занавѣсь, снялъ ленту, сдѣлалъ изъ ленты затяжную петлю, продѣлъ въ нее голову и чуть было не удушилъ себя. Замѣтивъ во-время, Лагарпъ едва успѣлъ схватить перочинный ножъ и перерѣзать имъ роковую ленту; еще минута, и его ученика не было бы на свѣтѣ. Не смотря на это, онъ не измѣнилъ своего дурнаго съ нимъ обращенія.

Но этому странному преслѣдованію все же насталъ конецъ. Однажды, молодой великій князь, выведенный изъ себя издѣвательствами Лагарпа, сказалъ своему воспитателю:

— Я согласенъ съ вами, что я осель, но тогда и братъ мой осель, и мои родители ослы, и моя бабушка, тоже ослица.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ Лагарпъ.

— Осель можетъ произойти только отъ осла,—возразилъ Константинъ,—и это родословіе идетъ до моей бабушки, которой я скажу отъ вашего имени, что она ослица, если вы будете продолжать такъ оскорблять меня.

Лагарпъ, знавшій рѣшительный характеръ великаго князя, побоялся, что дѣло пойдетъ слишкомъ далеко, и обѣщалъ не оскорблять его болѣе.

Такъ продолжалось воспитаніе молодыхъ князей: одинъ изъ нихъ былъ постояннымъ предметомъ заботъ и похвалъ своего воспитателя, а второй—находился у него въ небреженіи и загонѣ. Великій князь Константинъ говорилъ мнѣ, что онъ не понимаетъ, какимъ образомъ дурное обращеніе съ нимъ Лагарпа не сдѣлало его окончательно равнодушнымъ ко всему.

Наконецъ, Александръ и Константинъ женились; но, по причинѣ ихъ крайней молодости, Лагарпъ остался при нихъ и продолжалъ исполнять свои прежнія обязанности. Впрочемъ, это продолжалось недолго, и императрица уволила его неожиданно по причинѣ, которая была извѣстна его высочеству, но о которой онъ не считалъ еще возможнымъ говорить. Можно предполагать, что императрица узнала объ его интригахъ и о вредномъ влияніи, которое онъ имѣлъ на великаго князя Александра.

Когда на престолъ вступилъ императоръ Павелъ, Лагарпу, котораго онъ ненавидѣлъ, неловко бы было появиться на сценѣ, и ему пришлось ограничиться дѣятельной перепиской со своимъ бывшимъ ученикомъ, чтобы не утратить его довѣрія. Но онъ напомнилъ о себѣ великому князю Константину Павловичу такимъ способомъ, о которомъ стоитъ упомянуть. Великій князь совершалъ походъ подъ начальствомъ Суворова. Во время блестящаго отступленія русскихъ войскъ, которое было неизбежно, не смотря на всѣ одержанныя имъ побѣды, Швейцарія представляла имъ большія затрудненія, и они были отрѣзаны отъ всѣхъ своихъ сообщеній. Курьеръ, ѣхавшій изъ Петербурга съ депешами въ главную квартиру фельдмаршала Суворова, былъ захваченъ швейцарцами и отвезенъ въ Бернъ, гдѣ Лагарпъ, во главѣ революціоннаго комитета, торжествовалъ низверженіе правительства, которое онъ поклялся погубить. Въ числѣ захваченныхъ бумагъ были письма къ великому князю Константину отъ его родителей. Лагарпъ былъ настолько великодушенъ, что отослалъ ихъ великому князю, не читая, при письмѣ, приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Гражданинъ Лагарпъ, предсѣдатель комитета С. Ш. (comité de L. S. L.) великому князю Константину.

«Тѣ, кои были такъ часто оклеветаны вами, очень довольны случаю доказать вамъ, что вы были неправы. Письма будутъ вамъ переданы не вскрытыя, скромность, которую вы не стали бы, вѣроятно, соблюдать при подобныхъ обстоятельствахъ. Вотъ какимъ образомъ свободные люди мстятъ деспотамъ».

Великій князь, избѣженный этой дерзостью, ничего не отвѣчалъ, но сохранилъ это дерзкое письмо; оно находится у него до сихъ поръ, и онъ показывалъ его мнѣ.

По вступленіи на престолъ императора Александра, Лагарпъ возвратился въ Петербургъ; онъ былъ принятъ молодымъ императоромъ какъ нельзя лучше. Великій князь Константинъ, не смотря на бывшія между ними неудовольствія, также отнесся къ нему съ большимъ уваженіемъ. Однажды, когда они встрѣтились у вдовствующей императрицы, послѣдняя сказала ему:

— Вотъ молодой человекъ, который доставилъ вамъ не мало горя своей горячностью и несдержанностью.

— Это правда,—сказалъ Лагарпъ,—но ему никогда не удавалось взять надо мною верхъ; я умѣлъ покорить его.

— Не всегда,—отвѣчалъ великій князь,—доказательство ослиная голова, отъ которой я заставилъ васъ отказаться, доказавъ вамъ, что это названіе касается также здѣсь присутствующей моей матушки.

Императрица, сконфуженная, удалилась, а великій князь, оставшись наединѣ съ Лагарпомъ, присовокупилъ:

— Г. Лагарпъ, я не нахожусь болѣе подъ вашей опекой; я уже совершилъ нѣсколько походовъ, и, какъ видите, моя грудь украшена орденами. Я готовъ забыть тѣ поводы жалобъ, которые я имѣлъ противъ васъ, но прошу васъ принять со мною подобающій тонъ; иначе я съумѣю напомнить вамъ объ этомъ.

Лагарпъ сопровождалъ императора на коронацію, пробылъ съ нимъ еще нѣкоторое время, а затѣмъ оставилъ Россію; но онъ состоялъ съ императоромъ въ постоянной перепискѣ и продолжалъ вліять на него своими совѣтами. Когда русскіе вступили во Францію, Лагарпъ поспѣшилъ явиться къ своему бывшему воспитаннику. Безъ сомнѣнія, имъ руководило при этомъ не желаніе насладиться его славой, но ему было, вѣроятно, поручено защищать чьи-нибудь интересы, но только не Бурбоновъ и не Бонапарта. Онъ остался съ императоромъ Александромъ и имѣлъ на его рѣшенія болѣе вліянія, нежели полагають: тайный совѣтникъ и самое незначительное довѣренное лицо имѣють нерѣдко болѣе вліянія, нежели тотъ, кто по своему званію и положенію долженъ бы, повидимому, быть облеченъ довѣріемъ монарха.

Послѣ того какъ конгрессъ въ Шатильонѣ не состоялся, и когда императоръ Александръ рѣшилъ идти въ Парижъ, онъ позвалъ своего

брата, великаго князя Константина, сообщилъ ему свой планъ и просилъ его высказать свое мнѣніе. Великій князь горячо одобрилъ его намѣреніе точно такъ же, какъ и его рѣшимость появиться въ столицѣ Франціи только въ качествѣ друга.

— Что сдѣлаемъ мы съ Бурбонами?—спросилъ императоръ.

— Если ваше величество позволяете мнѣ говорить смѣло, то я скажу вамъ откровенно свое мнѣніе. Послѣ васъ я первое лицо въ Имперіи; слѣдовательно, мнѣ принадлежитъ честь быть посланнымъ вами въ Англію за его величествомъ Людовикомъ XVIII съ порученіемъ привезти его къ вамъ, чтобы вы возвратили ему престолъ изъ вашихъ побѣдоносныхъ рукъ; это будетъ довершеніемъ вашей славы и торжествомъ справедливости и могущества надъ интриганомъ и похитителемъ власти.

Императоръ отвѣчалъ, что онъ не хочетъ вмѣшиваться въ это дѣло и стѣснять французовъ.

— Ваше величество,—сказалъ великій князь еще энергичнѣе,—обдумайте все неудобство подобнаго образа дѣйствій, берегитесь, чтобы русскіе, вернувшись домой со славою, не внесли въ Россію опасныхъ идей. Когда наши офицеры, вернувшись къ своимъ семьямъ и разсѣявшись по всѣмъ губерніямъ нашей Имперіи, будутъ рассказывать о нашихъ побѣдахъ, о нашемъ вступленіи въ Парижъ, будутъ говорить съ воодушевленіемъ обо всемъ, что они сдѣлали и видѣли, то всякій будетъ ожидать, что слѣдствіемъ этого будетъ возстановленіе на престолѣ законнаго монарха, которому престолъ будетъ возвращенъ побѣдами и справедливостью вашего величества. Но какъ будутъ удивлены, когда узнаютъ, что мятежнымъ, побѣжденнымъ и униженнымъ французамъ будетъ предоставлено право избрать себѣ монарха и что вы, такъ сказать, признаете за ними право избирательнаго правленія! Какъ это будетъ ново для нашихъ вѣрноподданныхъ русскіхъ, и какой это будетъ опасный предметъ для размышленія! При томъ, такъ какъ вы дали мнѣ право быть откровеннымъ и такъ какъ вамъ принадлежитъ, по справедливости, славное, признанное политикою право воздать кесарево кесареви, то къ чему же вамъ лишать себя такой прекрасной роли въ угоду горсти интригановъ и людей развратныхъ? Ваше величество приказываете мнѣ отправиться въ Англію?

— Мои намѣренія иныя,—сухо отвѣчалъ императоръ,—я смотрю на вещи иначе, чѣмъ вы.

Такъ окончился разговоръ, который я передаю слово въ слово, какъ я слышалъ его отъ его высочества.

Войска вступили въ Парижъ, и императоръ помѣстился не въ отдѣльномъ отелѣ, какъ прочіе монархи, а въ домѣ Талейрана.

Въ первомъ упоеніи побѣды, въ минуту воодушевленія, когда увле-

ченіе оправдываетъ порывъ, императоръ вздумалъ снять съ себя Андреевскую ленту и надѣть ее на шею своего возлюбленнаго Лагарпа. Такая милость удивила и оскорбила всѣхъ русскихъ, такъ какъ это самый важный русскій орденъ и дается только высшимъ сановникамъ, при томъ отличившимся своими заслугами. Когда объ этомъ фактѣ узнали въ Петербургѣ, то этому даже долго не хотѣли вѣрить. На другой день по полученіи этого выдающагося знака отличія, Лагарпъ явился къ великому князю Константину въ полной парадной формѣ и въ лентѣ. Его высочество пошутилъ надъ этимъ нарядомъ, который плохо согласовался съ высокоумными взглядами философа.

Когда, въ 1815 г., Швейцаріи пришлось заняться пересмотромъ конституціи, то Лагарпъ не преминулъ отправиться туда, чтобы повліять на правительство въ своемъ духѣ; онъ написалъ записку, въ которой изложилъ тѣ же самыя демагогическія идеи, и поносилъ монарховъ, не пощадивъ даже русскаго императора. Графъ Капо д'Истрія, бывшій въ то время русскимъ посланникомъ въ Швейцаріи, досталъ эту записку и послалъ ее императору. Послѣдній нѣсколько разочаровался въ своемъ менторѣ, но не отказался отъ принциповъ, которые имъ были внушены; ибо впечатлѣнія, наложенныя въ дѣтствѣ коварной рукою, изглаживаются съ трудомъ. Это можетъ быть достигнуто только продолжительнымъ опытомъ, какъ это и случилось съ этимъ монархомъ.

Когда великій князь Михаилъ предпринялъ путешествіе для довершенія своего образованія, то Лагарпъ сопровождалъ его въ Италію; онъ хотѣлъ внушить ему тѣ же принципы, какъ и его брату, но Михаилъ Павловичъ, который не терпѣлъ ни его самого, ни его принциповъ, заставилъ его вкорѣ замолчать. Великій князь говорилъ мнѣ, что ему наскучилъ этотъ педантъ и пустомеля, и что онъ, въ концѣ концовъ, запретилъ ему говорить о политикѣ.

— Наши взгляды расходятся,—сказалъ ему великій князь Михаилъ,—поэтому сдѣлайте милость, увольте меня отъ болтовни, которая мнѣ только докучаетъ!

И ему удалось, наконецъ, отдѣлаться отъ этого надоедливаго чело-
вѣка.

Я нѣсколько распространился о Лагарпѣ, потому что эти подробности могутъ объяснить поведеніе императора во многихъ отношеніяхъ. Для насъ весьма драгоцѣнно, если мы можемъ приподнять хотя уголокъ этой завѣсы.

Императоръ Павелъ обладалъ большимъ умомъ и характеромъ возвышеннымъ и великодушнымъ. Но обстоятельства сложились такъ, что всѣ его прекрасныя качества должны были измѣниться подъ гнетомъ

притѣсненія и несчастія. Продолжительныя страданія, коимъ онъ предвидѣлъ конецъ только со смертью императрицы, пробудили въ немъ жажду власти. Когда онъ вступилъ, наконецъ, на престолъ, то онъ такъ ревниво оберегалъ свою власть, требовалъ такого слѣпago и пассивнаго повиновенія, какъ никто. Возможность дѣлать все, что онъ хотѣлъ, какъ бы опьянила его. Однако, при всѣхъ своихъ необузданныхъ порывахъ, императоръ Павелъ часто проявлялъ врожденныя ему чувства великодушія и справедливости.

Я уже сказалъ, что великій князь Константинъ былъ его любимымъ сыномъ; онъ относился къ нему съ величайшею нѣжностью и старался внушить ему свои взгляды.

Когда англичане заняли Мальту и послѣдній гроссмейстеръ ордена Гомпешъ остался безъ преемника, то императору Павлу вздумалось замѣнить его и объявить себя гроссмейстеромъ ордена, существованіе котораго, повидимому, должно было прекратиться. Вслѣдствіе этого, онъ придумалъ такую комбинацію, которая могла зародиться только въ его умѣ. Нѣкто графъ Литта, младшій членъ знаменитаго италіанскаго ордена графовъ Литта, давно уже пріѣхалъ искать службы въ Россію, женился весьма выгодно, получилъ мѣсто при дворѣ и поселился окончательно въ Петербургѣ. Графъ былъ рыцарь Мальтійскаго ордена, и императоръ на него обратилъ свои взоры. Онъ приказалъ ему отправиться за нѣсколькими станціями отъ Петербурга, куда было выслано множество экипажей и прислуги, которые должны были составлять его свиту. Испачкавъ эти экипажи, по приказанію императора, пылью, какъ будто они совершили длинный путь, онъ возвратился въ столицу, а Павелъ, тѣмъ временемъ, объявилъ, что Мальтійскій орденъ посылаетъ ему депутацію, чтобы просить его принять званіе гроссмейстера. Мнимые депутаты совершили торжественный въѣздъ въ Петербургъ, и утомленіе длинной дорогой не помѣшало имъ отправиться прямо во дворецъ, гдѣ ихъ ожидалъ императоръ. Имъ былъ оказанъ весьма лестный пріемъ, и его величество милостиво согласился исполнить мнимую просьбу, которую орденъ повергъ къ подножію его престола.

Послѣ этого новый гроссмейстеръ сталъ щедро раздавать знаки отличія и званіе, на что онъ получилъ, такимъ образомъ, право.

Въ исходѣ 1799 г. великій князь Константинъ Павловичъ находился съ войскомъ въ Мейнингенѣ, по сосѣдству отъ герцога Ангіенскаго. Однажды утромъ, его разбудилъ кавалеръ де Жуанвиль, адъютантъ этого принца, и передалъ ему просьбу герцога Ангіенскаго захватить къ нему, сказавъ при этомъ, что, посылая его съ этимъ порученіемъ къ великому князю, герцогъ казался крайне взволнованнымъ и разстроен-

нимъ. Великій князь тотчасъ сѣлъ на лошадь и отправился къ герцогу, котораго онъ засталъ въ чрезвычайномъ волненіи.

— Вы не знаете великой новости,—сказалъ ему герцогъ,—Франція спасена! Бонапартъ возвратился изъ Египта; онъ уже въ Парижѣ, и я ѣду къ нему. Это человекъ, передъ которымъ я давно преклоняюсь; я почту за честь служить подъ его начальствомъ.

Великій князь Константинъ былъ не мало удивленъ этимъ извѣстіемъ и въ особенности рѣшимостью герцога. У него были достаточно вѣскія причины оспаривать его рѣшимость, но ему пришлось долго убѣждать герцога въ томъ, что ему слѣдуетъ вести себя такъ, какъ того требуютъ его долгъ и происхожденіе. Герцогъ никакъ не подозрѣвалъ, что тотъ, къ кому онъ относился такъ восторженно, могъ убить его; когда его арестовали, онъ мечталъ, быть можетъ, объ иной судьбѣ, нежели о той, которая постигла его во рву Венсенскаго замка.

Совѣщанія, происходившія въ Тильзитѣ, доставили великому князю Константину случай часто встрѣчаться съ императоромъ французовъ, котораго онъ не любилъ, но уважалъ за его выдающіяся качества. Наполеонъ относился къ великому князю благосклонно и даже довольно дружелюбно. Онъ зналъ, съ какою мягкостью и человѣколюбіемъ великій князь относился всегда къ плѣннымъ, попадавшимъ въ его руки, и былъ ему за это признателенъ. Онъ никогда не называлъ его иначе, какъ «молодой человекъ», и держался съ нимъ нѣсколько фамильярнаго и шутивлаго тона. Однажды, когда великій князь Константинъ сопровождалъ своего брата на смотръ, на которомъ присутствовалъ и Наполеонъ, послѣдній, по окончаніи маневровъ, попросилъ Константина Павловича, бывшаго въ тотъ день въ уланской формѣ, сдѣлать для него нѣсколько пріемовъ пику. Великій князь тотчасъ началъ гарцовать, держа въ рукахъ пику на перевѣсѣ, а затѣмъ, пустившись вскачь, помчался къ Наполеону и осадилъ лошадь въ двухъ шагахъ отъ него. Наполеонъ, не ожидая подобнаго маневра, не могъ скрыть своего испуга; онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно; его подбородокъ задрожалъ, и, чтобы не показать своей слабости, онъ повернулъ лошадь и ускакалъ галопомъ.

Однажды, когда великій князь бесѣдовалъ съ Наполеономъ, у окна, выходящаго на улицу, мимо нихъ прошелъ человекъ, съ большими усами; Наполеонъ обратилъ на него вниманіе великаго князя. Его высочество, обладавшій феноменальною памятью, сказалъ Наполеону:

— Я знаю этого человека, это полякъ такой-то, онъ служилъ въ такомъ-то полку.

— Ага!—сказалъ императоръ,—я такъ и думалъ, что это одинъ изъ поляковъ, которые хотятъ быть самостоятельными на родинѣ, а между тѣмъ они не имѣютъ къ этому ни малѣйшихъ задатковъ.

Эти слова показываютъ истинныя чувства Бонапарта къ этому народу и участь, которую онъ ему готовилъ, пользуясь въ то же время его доблестью и заставляя его проливать кровь для удовлетворенія своего безумнаго честолюбія.

Великій князь совершилъ италянскую кампанію подъ начальствомъ фельдмаршала Суворова. Подъ конецъ сраженія при Требіи, одинъ батальонъ французовъ, прикрывавшій отступление, былъ разрѣзанъ надвое, окруженъ и вынужденъ сложить оружіе. Великій князь подбѣжалъ къ нему и спросилъ номеръ его корпуса. Солдаты назвали его; но по присущему имъ старинному воинственному духу, который не могла искоренить революція, они назвали себя по-старому Овернскимъ полкомъ.

— Овернскій,—сказалъ великій князь,—это одинъ изъ самыхъ славныхъ полковъ французской арміи. Друзья мои, вы по вашей старинной репутаціи заслуживаете того, чтобы къ вамъ отнеслись съ уваженіемъ. Я позабочусь о васъ.

Онъ тотчасъ послалъ просить у фельдмаршала позволенія располагать по своему усмотрѣнію пѣнными отрядомъ, что, разумѣется, ему и было разрѣшено. Онъ взялъ съ офицеровъ честное слово, что они будутъ хорошо вести себя, далъ имъ только для вида нѣсколько конвойныхъ солдатъ, отвелъ пѣннымъ хорошія квартиры и неусыпно заботился о нихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не обмѣняли.

Во время маневровъ, происходившихъ въ Тильзитѣ, великій князь, находясь въ свитѣ императора Наполеона, былъ весьма удивленъ, услыжавъ, что солдаты кричали: «Vive le prince Constantin» (Да здравствуетъ великій князь Константинъ)! Наполеонъ пожелалъ знать причину. Тотчасъ многіе офицеры и солдаты вышли изъ рядовъ, окружили великаго князя и сказали съ изъявленіемъ величайшей признательности, что они состояли въ томъ самомъ Овернскомъ полку, который былъ такъ много ему обязанъ въ Италіи. Наполеонъ одобрилъ этотъ порывъ благодарности и, возвысивъ голосъ, сказалъ великому князю:

— Благодарю васъ отъ имени французской арміи. Если ей придется когда-либо страшиться вашей храбрости, то ей слѣдуетъ также уважать ваше великодушіе.

Его высочество говорилъ мнѣ неоднократно, что это былъ одинъ изъ лучшихъ моментовъ его жизни.

На конгрессѣ въ Эрфуртѣ, куда были приглашены почти всѣ монархи Европы и гдѣ дитя революціи и генія подавляло своимъ превосходствомъ старинныя королевскія династіи, вынужденныя склонять голову подъ блестящей судьбою выскочки солдата, великій князь Константинъ обѣдалъ однажды у императора французовъ со всѣми коронованными особами. Въ это время Австрія была въ непріязненныхъ

*

отношеніяхъ съ Франціей, и между ними вскорѣ ожидали разрыва. Разговоръ зашелъ объ Австрійскомъ домѣ, и король Баварскій считъ возможнымъ, при этихъ обстоятельствахъ, отозваться пренебрежительно объ этой августѣйшей династіи.

— Было время,—сказалъ онъ,—когда принцы этого дома были счастливы считать себя въ числѣ слугъ моего дома!

— Замолчите, король Баварскій,—сказалъ обиженный Наполеонъ,—цѣните человѣка, не заботясь о его предкахъ.

Это рѣзкое замѣчаніе поразило всѣхъ и великій князь, увидавъ въ этихъ словахъ нѣчто болѣе, нежели оскорбленное самолюбіе, задѣтое нарушенными правилами приличія, сказалъ своему брату, подлѣ котораго онъ сидѣлъ:

— Вѣроятно, вскорѣ будетъ заключенъ бракъ, чтѣ и сбылось.

Во время этого же конгресса, Наполеонъ вызвалъ изъ Парижа самыхъ знаменитыхъ артистовъ французскаго театра. Само собою разумѣется, не были забыты и дѣвицы Марсъ и Леверъ. Нѣкоторые изъ свитскихъ генераловъ, которые были въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ, вздумали дать ему ужинъ съ этими дамами и прочими артистами, но не захотѣли пригласить въ эту интимную компанію Савари. Ужинъ прошелъ весело, дамы были очаровательны; ужинъ продолжался далеко за полночь, съ обильными возліаніями Бахусу, но великій князь былъ по обыкновенію воздержанъ. На другой день онъ встрѣтилъ Наполеона, которому обиженный Савари уже донесъ объ этомъ, прикрасивъ, быть можетъ, свое донесеніе какими-нибудь подробностями своего собственнаго изобрѣтенія.

— Слышалъ, слышалъ, молодой человѣкъ,—сказалъ ему Наполеонъ. Вы вчера кутнули, мнѣ извѣстны всѣ участники вашей пирушки.... Говорить, что было очень весело и главное много болтали.

Великій князь, недовольный этимъ своего рода выговоромъ, отвѣчалъ императору холодно и съ достоинствомъ:

— Я не думаю, ваше величество, что ваши подданные подали поводъ къ упрекамъ съ вашей стороны, точно такъ же, какъ и я не заслужилъ таковыхъ со стороны моего императора.

Во время реставраціи, великій князь обѣдалъ однажды у короля въ тѣсномъ семейномъ кругу. По окончаніи обѣда, король спросилъ его высочество, занятъ ли онъ чѣмъ-нибудь, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, попросилъ его остаться поболтать съ нимъ. Разговоръ коснулся, весьма естественно, въ то время Наполеона. Герцогиня Ангулемская и Monsieur (братъ Людовика XVI) отозвались о немъ очень не лестно; король просилъ великаго князя высказать свое мнѣніе объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ. Его высочество, со свойственной ему прямою, отдалъ должное великимъ качествамъ Наполеона, не умолчавъ

однако о томъ, что можно было поставить ему въ упрекъ. Тогда король сказалъ:

— Наполеонъ сдѣлалъ чрезвычайно много для славы и благополучія Франціи, и если я могу сдѣлать ее счастливой, то не иначе, какъ идя по его стопамъ.

Говоря это, король сидѣлъ въ креслѣ у стола, за которымъ прежде работалъ Наполеонъ, и присовокупилъ:

— Я хотѣлъ бы имѣть такой же здравый умъ, какой имѣлъ тотъ человекъ, на чьемъ креслѣ я сижу и за чьимъ столомъ я работаю, но я сознаю, что я стою гораздо ниже его.

Великій князь былъ въ восторгѣ отъ словъ короля.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспрещеніе сообщать корреспонденціи въ иностранныя журналы.

Письмо Дибича къ главнокомандующему 1-ю арміею.

15-го февраля 1824 г.

Изъ письма моего отъ 30-го іюня прошлаго 1823 года вашему сіятельству извѣстно, что состоявшій въ свитѣ его императорскаго величества по квартирмейстерской части прапорщикъ Полторацкій 4-ый открытъ въ неприличной и дерзкой насчетъ правительства нашего перепискѣ съ парижскимъ книгопродавцемъ, за чтò онъ по высочайшему приказу 13-го іюля 1823 г. и отставленъ отъ службы; но послѣ, изъ уваженія къ молодымъ лѣтамъ его и раскаянію въ содѣланномъ поступкѣ, приказомъ 17-го октября опредѣленъ по-прежнему на службу въ Кіевскій гренадерскій полкъ.

Нынѣ изъ-за-границы вновь доставлена переписка прапорщика Полторацкаго съ однимъ изъ ученыхъ тамошнихъ обществъ, въ которой заключается увѣдомленіе о литературныхъ нашихъ произведеніяхъ и сужденіе его на счетъ оныхъ. Его императорское величество хотя и не изволитъ ничего находить предосудительнаго въ перепискѣ сей; но не менѣе того остается недовольнымъ, что молодой офицеръ, недавно еще испытавшій надъ собою неприятыя отъ сего послѣдствія и послѣ сего, казалось бы, долженствующій болѣе заниматься службой и усердіемъ къ оной изгладить прежнее невыгодное о немъ мнѣніе,—продолжаетъ съ иностранными обществами переписку, могущую въ послѣдствіи распространиться на другіе предметы и вовлечь его въ неприличныя сужденія. Его императорскому величеству благоугодно, чтобы ваше сіятельство вызвали прапорщика Полторацкаго въ главную квартиру и сдѣлали ему строжайшее ваше замѣчаніе, внушивъ, что по молодости и неопытности приличнѣе ему воздержаться отъ подобныхъ переписокъ и сужденій и чрезъ то избѣгать иногда невыгодныхъ заключеній о собственныхъ своихъ познаніяхъ; впрочемъ, ежели онъ имѣетъ склонность къ литературнымъ занятіямъ, то весьма похвально будетъ, если онъ свободное отъ службы время будетъ посвящать онымъ для усовершенствованія своего.

Сообщая вашему сіятельству къ исполненію высочайшую волю сію и пользуясь симъ случаемъ, я имѣю честь свидѣтельствовать вамъ совершенное мое почтеніе и преданность.

Наелѣдіе Петра Великаго ¹⁾.

VIII.

Въ особенную всесторонность Валишевскій останавливается на личности Анны Іоанновны.

Не пользовавшаяся большою любовью со стороны матери, предоставленная гувернанткамъ и преподавателямъ—нѣмцу Остерману, брату вице-канцлера, и французу Рамбуру—Анна извлекла мало пользы изъ ихъ уроковъ. Въ 17 лѣтъ она вышла замужъ за герцога Курляндскаго. «Петръ, — замѣчаетъ авторъ, — устроилъ этотъ бракъ въ промежуткѣ между двумя путешествіями черезъ Германію, не безъ задней мысли, оказавшейся проявленіемъ гениальности».

Свадебныя торжества отличались пышностью и своеобразностью. Между прочимъ, за столомъ были поданы два громадныя пирога, изъ которыхъ появились двѣ карлицы, протанцовавшія на столѣ минуешь. Петръ Великій самъ разрѣзалъ пироги; онъ же пускалъ фейерверкъ и при этомъ едва не былъ изувѣченъ. Послѣ этого, въ теченіе празднествъ, продолжавшихся около полумѣсяца, онъ занялся женитьбою карлика Ефима Волкова, выразивъ желаніе, чтобы свадебная ночь новобрачныхъ прошла въ его собственной спальнѣ.

Однако, мужу Анны Іоанновны не суждено было лично привезти ее въ Курляндію, такъ какъ дорогою онъ умеръ отъ послѣдствій чрезмернаго количества вина, выпитаго имъ на свадебныхъ торжествахъ. «Тѣмъ не менѣе, — пишетъ Валишевскій, — Петръ пожелалъ, чтобы вдова обосновалась въ Митавѣ. Тамъ Анна долго жила безъ всякихъ радо-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1902 г.

стей, подъ зоркимъ присмотромъ своего гофмаршала Бестужева, котораго Петръ превращалъ въ тюремщика. Приѣхавъ туда, она нашла лишь домъ безъ мебели и доходъ въ 12.680 экю, изъ которыхъ 12.254 экю должны были идти на столъ, лошадей, прислугу и содержаніе батальона драгунъ». Она вышла изъ этого труднаго положенія, приблизивъ къ себѣ Бестужева. «Но затѣмъ ей было трудно сохранить его, послѣ того, какъ вслѣдствіе ея же собственныхъ сѣтованій было удостовѣрено, что этотъ плутъ грабилъ герцогство и превращалъ герцогскій домъ въ лупанаръ. Тщетно взывала она ко всѣмъ святымъ, обращаясь къ Меншикову, къ его женѣ, дочери, называя послѣднюю своей дорогой племянницей, и къ самой Варварѣ Арсеньевой. Присланный въ 1728 году для замѣны Бестужева курлянецъ Рацкій былъ пораженъ и испуганъ расходами двора, который, казалось, вскорѣ дойдетъ до нищеты. Гофмаршалъ, оберъ-гофмейстерина, камергеръ, три камеръ-юнкера, шталмейстеръ, двѣ фрейлины, статсъ-дама, легіонъ различныхъ чиновъ, секретарей, переводчиковъ, лакеевъ окружали герцогиню, содержавшую еще резидента въ Москвѣ, Корфа, которому она выплачивала ежегодно 1.200 р. По своей привычкѣ имѣть возлѣ себя много людей она, была дочерью своей страны и своего народа, и это постоянно составляло ея большую роскошь. Подобная склонность даже и нынѣ замѣчается у нѣкоторыхъ русскихъ. Съ другой стороны, на Митавскій дворъ оказывали свое вліяніе и претенціозныя традиціи маленькихъ германскихъ дворовъ».

Наружность Анны Іоанновны является, — по свидѣтельству автора, — предметомъ самыхъ разнорѣчивыхъ показаній современниковъ. По отзыву Наталіи Долгорукой, на нее было страшно смотрѣть. Но, конечно, отзывъ несчастной жены бывшаго фаворита Петра II долженъ былъ составиться подъ вліяніемъ всѣхъ бѣдъ, обрушившихся на нее. Въ общемъ, ея отзывъ только въ одномъ отношеніи сходится съ портретомъ, набросаннымъ герцогомъ Лиріа. Анна была очень большого роста, такая высокая, — по словамъ Наталіи Долгорукой, — что при своемъ вѣздѣ въ Москву она была на голову выше всѣхъ кавалеровъ своей свиты. Лиріа писалъ: — «Царица Анна очень высокаго роста и брюнетка. У нея красивые глаза, прелестныя руки и величественная осанка. Нельзя сказать, чтобы она была красавица, но въ общемъ производитъ пріятное впечатлѣніе». Почти въ томъ же родѣ говоритъ авторъ, и замѣчаніе Берхгольца: «Пріятна и полна жизни, хорошо сложена, хорошая внѣшность, съ осанкой, внушающей почтеніе». Такимъ образомъ нѣтъ ничего, чтò говорило бы о «престрашномъ взорѣ», которые представлялись m-elle Шереметевой. Но, за то, находящіяся въ нашемъ распоряженіи другіе документы скорѣе подтверждаютъ слова послѣдней. Путь царицы Прасковьи, свидѣтель, имѣющій значеніе, если и называлъ ея

дочь Анфисой, именемъ одной изъ святыхъ греческаго календаря, и предсказывалъ ей монастырь во вѣдствіе ея наклонности къ набожности, то иногда также, при ея появленіи, кричалъ: «донъ, донъ, донъ, царь Иванъ Васильевичъ!»

«Такъ какъ красота этой государыни не играла никакой роли въ исторіи, то вопросъ этотъ не имѣетъ большаго значенія. Безспорно только, что ни съ физической, ни съ нравственной стороны она ничѣмъ не напоминала своего отца. Напротивъ того, отъ матери она унаслѣдовала много чертъ ума и характера: суевѣрную набожность, патриархальныя привычки, оригинальныя наклонности въ духѣ народныхъ традицій, но съ бѣльшею готовностью воспринять новшества, введенныя Петромъ. Ея дѣдушка, Алексѣй Михайловичъ, казалось, завѣщалъ ей свое упорство, свою любовь къ церемоніалу, роскошнымъ одѣяніямъ, пышности религіозной службы, бесѣдамъ съ монахами, равнымъ образомъ, свою страсть къ охотѣ и къ стрѣльбѣ въ цѣль. Но очень замѣтное влеченіе къ шутовскимъ забавамъ сближало ее также съ Петромъ I. Иронія и нравъ страшнаго устроителя маскарадовъ оживали въ рѣчахъ, которыя она держала, и въ развлеченіяхъ, которыя она устраивала для себя. Удовольствія Алексѣя Михайловича носили характеръ болѣе мирный и болѣе приличный: онъ любилъ купать своихъ стольниковъ въ пруду въ Коломенскомъ и развлекался по преимуществу тѣмъ, что слушалъ рассказы людей бывалыхъ.

Въ общемъ Анна Іоанновна олицетворяла собою полный типъ барыни-помѣщицы; наклонная къ лѣни, съ неожиданными порывами энергіи, безъ всякаго образованія, съ осторожнымъ умомъ, но духовно ограниченная. Въ Митавѣ она проводила дни совершенно неодѣтая, лежа на медвѣжьей шкурѣ и предаваясь сну или мечтамъ. Повидимому, она никогда не пользовалась для своего туалета водою, предпочитая употребленіе распущеннаго масла. Войдя на престолъ, она присоединила къ этому искусство болѣе утонченнаго кокетства: она прибѣгла къ румянамъ и бѣлиламъ. Въ 1738 году она упрекала за желтый цвѣтъ лица одну старую кумушку, которую потребовала къ себѣ для бесѣды.

— Уже, матушка, запустила себя,—объясняла та,—прежде пачкалась бѣлилами, брови марала, руманилась.

— Румянить не надобно, а брови марай.

Въ то же время, Анна Іоанновна проявляла озабоченность на счетъ своей фигуры:

— Какова же я толщиною, съ Авдотью Ивановну (графиню Чернышеву, урожденную Ржевскую),—говорила она.

Въ Москвѣ она вставала между семью и восемью часами, пила кофе и затѣмъ проводила часъ или два за разсматриваніемъ матерій и драгоценностей. Въ девять часовъ происходилъ приемъ министровъ и секре-

тарей. Она подписывала бумаги и отправлялась въ манежъ Бирона, гдѣ у нея были особые апартаменты. Она пробовала или разсматривала лошадей, давала аудіенціи, потомъ стрѣляла въ цѣль. Возвратившись во дворецъ въ полдень, она обѣдала съ семейю Бирона, не мѣняя своего домашняго костюма, длиннаго капота восточнаго фасона, свѣтлоголубаго или зеленаго цвѣта, и краснаго платка на головѣ, повязаннаго такъ, какъ его повязываютъ русскія мѣщанки. Вставъ изъ-за стола, она ложилась на диванъ... Жена Бирона съ дѣтьми незамѣтно удалялась... Отдохнувъ послѣ обѣда, она открывала дверь, за которою дѣвушки занимались различными рукодѣліями.

— Ну, дѣвки, пойте,—говорила она.

И начинался концертъ, въ которомъ количество замѣняло качество, такъ какъ пѣвицы должны были пѣть во весь голосъ и могли останавливаться лишь тогда, когда получали соотвѣтственное приказаніе. Иногда онѣ доходили до полнаго изнеможенія, но еслибы допустили царю замѣтить это, то рисковали быть отосланными на прачешную. Когда, наконецъ, она находила нужнымъ приказать имъ замолчать, то наступала очередь гадальщицъ, кумушекъ, занимавшихся сплетнями, шутовъ и шутихъ».

Особенное значеніе для характеристики личности Анны Іоанновны имѣетъ,—по заключенію Валишевскаго,—ея переписка съ московскимъ губернаторомъ Салтыковымъ. «Серьезные предметы затрогиваются здѣсь очень рѣдко»,—пишетъ онъ,—и въ подтвержденіе приводитъ выдержки изъ писемъ Анны Іоанновны. Въ этихъ письмахъ она спрашиваетъ: правда ли, что камергеръ Юсуповъ женился, и что онъ сильно ухаживаетъ за женщинами; прилично ли ведетъ себя жена Алексѣя Петровича Апраксина, а то въ Петербургѣ рассказываютъ, что князь Алексѣй Долгорукій постоянно находится у нея; проситъ сообщить ей подъ величайшимъ секретомъ, гдѣ и какъ произошла свадьба Бѣлосельскихъ, какъ отнеслась къ этому Марія Феодоровна Куракина, была ли она весела.

«Вотъ въ чемъ заключалось любопытство Анны Іоанновны и самые обычные предметы ея заботъ,—заключаетъ авторъ.—Прочія порученія, даваемые ею Салтыкову, въ общемъ не имѣютъ большаго отношенія къ государственнымъ дѣламъ. Она поручаетъ ему прислать ей дочь князя Вяземскаго, о которой ей передавали, какъ о большой говорунѣ. Она ищетъ этихъ говоруній повсюду, даже въ Персіи, посылая Салтыкову подробныя инструкціи и мѣрки, такъ какъ она обращала вниманіе и на ростъ.

«У вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны въ Москвѣ живетъ одна княжна Вяземская, дѣвка; и ты ее сыщи и отправь сюда, только чтобъ она не испужалась: то объяви ей, что я ее беру изъ милости, и въ до-

рогѣ вели ея беречь, а я ея беру для своей забавы.—Какъ сказываютъ, — что она много говорить».

На долю Салтыкова выпадали вообще трудныя задачи. То онъ долженъ былъ пускаться въ поноски скворца, слава котораго дошла до ея величества, то достать экземпляръ шутовской пѣсенки, имѣвшей успѣхъ въ кабацѣхъ близъ Москвы.... Затѣмъ высочайшія повелѣнія возлагали на него обязанность заниматься: устройствомъ съ подобающей торжественностью заупокойнаго богослуженія по царевнѣ Прасковѣ, распрей между настоятелемъ и монахами одного монастыря, покупкой матеріи у московскихъ торговцевъ.

Анна Іоанновна входила въ тщательное разсмотрѣніе вопроса о цѣнахъ. Въ ней было очень развито чувство родства, и на Салтыкова возлагалось также доставать ей различныя портреты ея родныхъ. Крайне патріархальная въ отношеніяхъ къ своимъ, она вмѣшивалась въ денежные затрудненія графа Апраксина, своего родственника, изъ котораго, впрочемъ, сдѣлала своего придворнаго шута, и даже въ дѣла профессиональнаго шута Балакирева. Она заботилась о томъ, чтобы ея духовникъ Варлаамъ, сдѣланный архимандритомъ Троицкой лавры, не нуждался ни въ чемъ.

У избранницы верховниковъ не было недостатка ни въ здравомъ смыслѣ, ни въ извѣстной колкости въ духѣ Петра I. На донесеніе казанскаго архіерея, что онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ 25-го марта, въ день Благовѣщенія, она отвѣчала:

«За то мы благодарствуемъ, что научилъ насъ здѣсь въ Петербургѣ знать», что Благовѣщеніе «какъ въ Казани, такъ и здѣсь въ одно время прилучается».

Какъ глава правительства, она, по отзыву Екатерины II, стоитъ значительно выше Елисаветы. Это еще не много; но, помимо ея переписки съ московскимъ губернаторомъ, переписка, которую она вела съ Остерманомъ, и нѣкоторые отрывки изъ которой были опубликованы, тоже заслуживаетъ вниманія. Изъ этой переписки прекрасно видно, что она не много понимала въ дѣлахъ, но любуешься ея прозорливостью относительно передачи дѣлъ тѣмъ, кто болѣе понимаетъ въ нихъ. И приходишь приблизительно къ тому же выводу, какъ Щербатовъ: посредственный умъ, полное отсутствіе образованія, но ясность мысли и вѣрность сужденій; непрерывное, безъ всякаго предубѣжденія исканіе истины, полное отсутствіе любви къ лести, полное отсутствіе честолюбія высшаго порядка и, вслѣдствіе этого, полное отсутствіе стремленія творить, давать новыя законы, создать что-либо великое; но, при всемъ томъ, извѣстная методичность, большая любовь къ порядку, постоянная забота не сдѣлать что-либо съ поспѣшностью и не посовѣтовавшись съ людьми болѣе искусными, стараніе принимать постоянно рѣшенія разум-

ныя и обоснованныя; прилежаніе къ дѣламъ, достаточное для женщины, — Щербатовъ могъ быть не слишкомъ требователенъ въ этомъ отношеніи, — довольно сильная, но безъ предосудительныхъ излишествъ любовь къ представительству. Прибавьте къ этому, что, принеся на престолъ характеръ, закаленный испытаніями, и темпераментъ грубый по природѣ, она была вынуждена, чтобы удержаться у власти, прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, которыя, казалось, оправдывались обстоятельствами и нравами того времени. Съ другой стороны, постоянно неспокойная, потому что ее не оставляли въ покоѣ, постоянно находясь на сторожѣ, она нуждалась въ развлеченіяхъ, которыя были грубы, какъ были грубы вкусы и влеченія окружавшаго ее общества, какъ были грубы ея воспитаніе и ея семейныя традиціи.

Переживъ страстное увлеченіе верховой ѣздою, она съ тою же горячностью предалась стрѣльбѣ. Во всѣхъ углахъ дворца ее ждали заряженные ружья. Она стрѣляла черезъ окна въ пролетавшихъ птицъ, наполняя комнаты шумомъ и дымомъ, и вынуждала окружавшихъ ее дамъ дѣлать то же самое. У нея стояло на конюшняхъ до 379 верховыхъ лошадей, а одно время она сильно увлекалась пусканіемъ змѣевъ.

Валишевскій примѣняетъ къ Аннѣ Іоанновнѣ извѣстную пословицу: — скажи мнѣ, кто посѣщаетъ тебя, и я скажу тебѣ — кто ты. «Ея первая горничная и большая любимица, Анна Ѳедоровна Юшкова, — пишетъ онъ, — была прежде кухонною босоногою дѣвкою, изъ разряда низшей дворцовой челяди. Анна Іоанновна поставила ее въ число лицъ, непосредственно окружавшихъ ее, выдала ее замужъ за родственника спальника Василя Юшкова, но тѣмъ не менѣе нисколько не отполировала ее. Веселого нрава, любившая подурачиться, быстро пускавшая въ ходъ сквернословіе, эта подруга оживляла длинные зимніе вечера — и стригла ногти ея величества, а также Бирона и всей его семьи. Другая судомойка, Маргарита Ѳедоровна Манахиѣ, дополняла вмѣстѣ съ Аграфеной Александровной Щербатовой, жизнерадостной и веселой кумушкой, личный составъ интимнаго женскаго кружка. По части мужчинъ, первое мѣсто занимали скоморохи и шуты, и со стороны Анны Іоанновны было привычкою и системою вводить въ ихъ среду элементы, почерпнутые въ высихъ рядахъ аристократіи»....

IX.

«12-го февраля 1718 года, когда Анна Іоанновна, еще въ качествѣ герцогини Курляндской, находилась въ Анненгофѣ, резиденціи по близости Митавы, тамъ произошло незамѣтное событіе, которому суждено

было оказать громадное вліяніе на судьбы будущей императрицы и даже на судьбы Россіи. Вслѣдствіе болѣзни оберъ-гофмаршала Петра Михайловича Бестужева, бумаги, требовавшія подписи герцогини, были представлены ей однимъ изъ чиновниковъ его канцеляріи. Она приказала ему приходить каждый день. Нѣсколько времени спустя она сдѣлала его своимъ секретаремъ, а затѣмъ—камеръ-юнкеромъ». Это былъ Эрнестъ Биронъ.

Остановливаясь на вопросѣ о правописаніи фамилии временщика, авторъ отмѣчаетъ, что первоначально она писалась «Бюренъ» (Bühren), и превращеніе ея въ «Биронъ» онъ склоненъ приписать «смѣшной претенціозности нѣмецкаго авантюриста», который былъ не прочь выставить свою мнимую родственную связь съ французскими Биронами. Самъ Валишевскій въ своемъ трудѣ строго придерживается правописанія «Бюренъ».

«Находились біографы,—замѣчаетъ авторъ,—выказывавшіе сомнѣніе относительно обычной оцѣнки характера отношеній, установившихся съ этого времени между молодою женщиною и этимъ вновь появившимся лицомъ. Они выдумали своего рода сродство душъ (Wahlverwandschaft) платоническаго свойства, которому страстная привязанность Анны Іоанновны къ женѣ фаворита и, въ особенности, къ его дѣтямъ, дѣйствительно, могла бы придавать правдоподобный видъ. Но были высказаны и другія соображенія».

Для характеристики отношеній Анны Іоанновны къ Бирону авторъ приводитъ свидѣтельство Маньяна отъ 13-го іюля 1731 г. «Такъ какъ въ прошлое воскресенье царица переѣхала изъ своего городского дворца въ новый лѣтній домъ, который только три мѣсяца тому назадъ она приказала построить спѣшно, и въ которомъ апартаменты оберъ-камергера (Бирона) смежны съ ея апартаментами, она обѣщала княгинѣ Ромадановской пріѣхать на банкетъ, который та хотѣла дать въ прошлую среду. Ея величество уже помѣстилась въ карету, чтобы отправиться къ ней, какъ вдругъ лошадь, на которую сѣлъ г. Биронъ, чтобы сопровождать ее, чего-то испугалась.... сбросила его на землю, но такъ счастливо, что онъ получилъ лишь легкій ушибъ ноги. Несмотря на это, царица проявила такую чувствительность, что вышла изъ кареты и послала сказать княгинѣ Ромадановской, чтобы та не ждала ее. Все то, что можно было бы сказать о впечатлѣніи, которое это происшествіе произвело на старыхъ русскихъ, совершенно не поддается выраженію».

Родившись въ 1690 году, фаворитъ былъ вторымъ изъ трехъ сыновей отставнаго офицера польской арміи. Его родъ былъ вестфальскаго происхожденія, но обосновался въ Курляндіи и уже въ продолженіе двухъ поколѣній владѣлъ тамъ вотчиною Кальмцеемъ. Въ этомъ обстоятельстве онъ видѣлъ доказательство благородства своего происхожденія,

такъ какъ, по мѣстнымъ законамъ, земли могли принадлежать только дворянамъ.... Однако, когда Анна Іоанновна пожелала добиться для своего камергера оффиціального признанія этого дворянства, ей пришлось встрѣтить формальный отказъ, и Биронъ сдѣлался герцогомъ курляндскимъ прежде, чѣмъ сталъ дворяниномъ своего герцогства. Городскіе центры, Митава на востокъ и Либава на западѣ, съ теченіемъ времени проявили снисходительность въ отношеніи къ нему, но помѣстная аристократія до конца протестовала противъ выскочки.

Юность Бирона была бурная. Будучи студентомъ Кенигсбергскаго университета, онъ два раза попадалъ въ тюрьму, въ частности, за участіе въ ночной кражѣ, и навлекъ на себя штрафы, которые долгое время оставались невыплаченными. Въ 1714 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и пытался устроиться при дворѣ Софіи-Шарлотты, жены царевича Алексѣя. Но признали, что онъ слишкомъ низкаго происхожденія. Онъ встрѣтилъ лучший приемъ десять лѣтъ поздиѣ, когда сопровождалъ Анну Іоанновну въ Москву на коронацію Екатерины I-й; тогда онъ завязалъ тамъ полезныя отношенія и добился признанія со стороны императрицы своихъ познаній по лошадиной части, которыя, повидимому, были поразительны. Впослѣдствіи было высказано, что онъ говорилъ съ лошадьми такъ, какъ будто онѣ были люди, а съ людьми такъ, какъ будто они были лошади. Рассказывали также, что онъ былъ конюхомъ, но это не отвѣчаетъ ни одной фактической данной изъ его біографіи. Въ 1723 году Анна Іоанновна женила его на Беннигнѣ фонъ-Тротто-Трейденъ; выборъ этотъ не можетъ быть объясненъ иначе, какъ податливостью, приписываемой супругѣ Бирона, такъ какъ послѣдняя, если исключить ея довольно декоративныя родственныя связи, выдѣлялась лишь рѣдко встрѣчаемою дурнотою и равною ей глупостью, — болѣзненная, необычайно обезображенная оспою и съ не менѣе необычайными претензіями.

Средняго роста, но прекрасно сложенный, Биронъ произвелъ на Казанову, видѣвшаго его уже въ преклонномъ возрастѣ, впечатлѣніе старика, который былъ прежде очень красивымъ мужчиной. Портретъ Соколова, оставшійся неоконченнымъ по причинѣ отъѣзда модели въ Сибирь, рисуется намъ профиль суровый и повелительный, съ носомъ, напоминавшимъ клювъ хищной птицы и поражавшимъ посѣтителей герцогскаго склепа въ Митавѣ, гдѣ еще недавно набальзамированное тѣло фаворита было выставлено съ открытымъ лицомъ.

Дѣйствительно, Сибирь ждала этого избранника счастья, которому суждено было быть регентомъ Россіи въ продолженіе двадцати двухъ дней, а изгнанникомъ—въ продолженіе двадцати двухъ лѣтъ. Повидимому, онъ былъ убѣжденъ, что цифра два играетъ роль въ его жизни. Были склонны представлять его въ нравственномъ отношеніи, какъ мало

отесаннаго мужлана, вносящаго съ собою запахъ конюшни и соотвѣтствующія привычки, лишеннаго какъ образованія, такъ и принциповъ. Въ этомъ отношеніи легенда, по меньшей мѣрѣ, представляется спорною. Съ точки зрѣнія воспитанія, не исключая Бенигны фонъ Тротто-Трейденъ, женщины въ этомъ родѣ, правда, стояли выше мужчинъ, но это не была семья конюха. Переписка матери фаворита, урожденной фонъ-деръ-Раабъ, и самой его жены, хранящаяся въ Московскомъ архивѣ, служатъ доказательствомъ этого. Когда страннымъ превратностямъ судьбы угодно было, чтобы онъ водворился въ своемъ герцогствѣ, потерявъ въ Россіи положеніе, доставшее ему этотъ удѣлъ, Эрнестъ Биронъ вовсе не былъ тамъ не у мѣста. Онъ лучше справлялся съ сеймомъ, чѣмъ его сынъ Петръ, въ пользу котораго онъ отказался отъ власти. И въ Петербургѣ, въ періодъ его всемогущества, у него была прекрасная бібліотека, въ которой онъ часто уединялся.

Пріѣхавъ въ Россію, онъ принесъ съ собою, какъ плодъ своихъ мало пріятныхъ отношеній къ курляндскому дворянству, большую нечувствительность сердца, которая, отъ соприкосновенія съ политическими нравами страны, превратилась въ жестокость и ненависть къ людямъ и интересамъ аристократіи; развитію этой ненависти должна была благопріятствовать борьба съ олигархической партіей, начатая Анной Иоанновной. Но, выстрадавъ болѣе отъ бѣдности, чѣмъ отъ ранъ, нанесенныхъ его гордости, онъ былъ болѣе жаденъ, чѣмъ жестокъ. Еврей Липманъ служилъ ему повѣреннымъ и посредникомъ для всевозможныхъ темныхъ дѣлъ, въ число которыхъ входило и ростовщичество. Онъ помогъ ему превратить свою переднюю въ лавочку, въ которой другой обрѣзанецъ, Биленбахъ, торговалъ мѣстами и милостями. И такимъ образомъ онъ способствовалъ укорененію въ высшихъ правящихъ сферахъ обычаявъ, которые издавна не были чужды имъ, но которые въ эту эпоху получили особо широкое развитіе.

Биронъ вмѣшивался въ дѣла правленія даже тогда, когда еще не былъ облеченъ официальнымъ званіемъ. Официально, при жизни Анны Иоанновны, онъ не принималъ въ нихъ никакого участія. Герцогъ курляндскій съ 1737 года, въ Россіи онъ былъ лишь фаворитомъ. Но, съ давнихъ поръ, этотъ титулъ соотвѣтствовалъ болѣе или менѣе прямому захвату власти.

Говоря о значеніи Бирона, авторъ приводитъ современное письмо изъ Петербурга, помѣченное 30-мъ декабря 1738 г. «Царица—читаемъ въ этомъ письмѣ,—часто страдаетъ отъ подагры и скорбута, такъ что, если бы предположить въ ней способность къ дѣламъ и любовь къ работѣ, ей, все-таки, было бы невозможно царствовать самой по себѣ. Поэтому, въ сущности, она вмѣшивается только въ свои удовольствія... Что касается правленія, то она лишь предоставляетъ свое имя своему

дорогому герцогу курляндскому. Графъ Остерманъ, повидимому, является помощникомъ герцога, не будучи имъ въ дѣйствительности. Правда, герцогъ совѣтуется съ нимъ.. но онъ не довѣряетъ ему и слѣдуетъ его совѣтамъ лишь постольку, поскольку они бывають одобрены... Липманомъ. Можно сказать, что этотъ еврей и управляетъ Россіей»⁴⁾.

«Компаньонъ Липмана, — пишетъ авторъ, — сдѣлался герцогомъ Курляндіи при содѣйствіи нѣсколькихъ русскихъ полковъ, посланныхъ въ Митаву послѣ смерти Фердинанда (23-го апрѣля (4-го мая) 1737 года) подъ начальствомъ полковника Бисмарка, безспорнаго предка «железнаго канцлера». Засѣдая подъ сѣнью штыковъ и подъ дуломъ привезенныхъ имъ пушекъ, Курляндскій сеймъ столь же послушно подавалъ голоса за Бирона, съ какой восторженностью онъ привѣтствовалъ Морица; Польша не протестовала, и, помѣченный 2-го (13-го) іюня 1737 г., дипломъ на избраніе былъ ратификованъ 13-го слѣдующаго іюля Августомъ III.. Биронъ, конечно, остался въ Петербургѣ, и, управляемая издали, точно какая-нибудь русская провинція, Курляндія свыкалась съ судьбою, которая послѣ этого роковымъ образомъ должна была постигнуть ее; она напоминала собою грушу, тихо дозрѣвающую на деревѣ, отдѣленною отъ своего польскаго корня. Затѣмъ, по диплому императора Карла VI, фаворитъ получилъ титулъ свѣтлости. Онъ былъ кавалеромъ орденовъ Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго. Онъ сдѣлался даже «барономъ», главою французскихъ бароновъ. Если вѣрить Маньяну, его сотоварищи изъ Вѣны и Берлина подавали въ это время примѣръ позорной угодливости; они цѣловали фавориту руки и пили его здорье, стоя на колѣняхъ.

Заслужилъ ли человекъ, такъ избалованный судьбою и низостью лицъ, которыхъ она предавала въ его власть, заслужилъ ли онъ весь тотъ позоръ, которымъ послѣ его паденія постыжили покрыть его тѣ же самые льстецы? Я совершенно не допускаю этого, при чемъ не вижу надобности прибѣгать для этого къ положенію, проводимому однимъ изъ его соотечественниковъ, нѣмецкимъ біографомъ Сиверсомъ: «нѣмецъ дѣлаетъ все основательно, gründlich: находясь въ дурной компаніи, онъ перещеголяетъ своихъ товарищей; и такимъ-то образомъ много славныхъ вестфальцевъ или саксонцевъ оказались въ Россіи страшными негодьями». Я предпочитаю сослаться на доказательства, которые, повидимому, даетъ въ пользу обвиняемаго сама исторія царствованія, въ продолженіе котораго, по словамъ его обвинителей, онъ былъ всемогущимъ,

⁴⁾ Это письмо было напечатано въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества (XV, 110), какъ извлеченное безъ фамиліи автора изъ Дрезденскаго архива. По этому поводу Валишевскій замѣчаетъ, что это письмо хранится въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ приложение къ письму маркиза Мирпуа, отъ 13-го марта 1739 г.

и въ продолженіе котораго жизненнымъ интересамъ страны не приходилось страдать слишкомъ много. Недавно обнаруженные отрывки изъ его переписки раскрываютъ въ его нравственномъ обликѣ такія стороны, которыхъ, кажется, его біографы и не подозрѣвали, хотя нѣкоторые изъ нихъ и касались случаевъ, когда, какъ въ происшествіи съ Куракинымъ, онъ призывалъ Анну Иоанновну къ снисходительности и кротости. Ни у кого не было представленія о Биронѣ, грустномъ и разочарованномъ, писавшемъ въ апрѣлѣ 1736 года: «Богъ свидѣтель, я усталъ отъ жизни, насколько только можно устать отъ нея. Годы, недуги, государственныя заботы, огорченія и работа все возрастаютъ, и кромѣ смерти я не вижу другой возможности избавиться отъ нихъ». А вотъ еще: «Вся тяжесть дѣлъ ложится на меня, такъ какъ Остерманъ въ постели, а между тѣмъ все должно идти своимъ порядкомъ». Отказаться отъ цѣлаго міра и кончить свою жизнь въ уединеніи—мечта, которой, если вѣрить ему, онъ предается ежедневно. Принимать эти заявленія буквально было бы наивно. Но на извѣстныхъ ступеняхъ нравственной лѣстницы—а уже установлено, что здѣсь мы находимся на самой низкой—само лицемѣріе является добродѣтелью, такъ какъ оно порождается стыдливостью. Былъ ли фаворитъ великимъ государственнымъ человѣкомъ или просто честнымъ человѣкомъ,—не въ этомъ вопросъ. Я уже показалъ его занимающимся ростовщичествомъ, а это не худшее изъ того, что онъ дѣлалъ. Дѣло въ томъ, чтобъ узнать, былъ ли онъ чудовищемъ, гнуснымъ и бессмысленнымъ животнымъ, какимъ представили его сами его соотечественники.

«Онъ не блисталъ, какъ регентъ, и допустилъ захватить и низвергнуть себя смѣшнымъ образомъ. Но Меншиковъ, который безспорно олицетворялъ собою умъ и силу, въ подобномъ же случаѣ защищался не лучше. Положеніе, занятое этими людьми, управлялось законами неустойчиваго равновѣсія. Какъ бы высоко ни подымались они, они оставались во власти малѣйшаго потрясенія.

«Вникая во все и соображаясь съ обстоятельствами, я все-таки думаю, что главная вина этого фаворита была та, что онъ былъ нѣмецъ... Ненависть, которую масса русскаго народа проявляла къ «биرونщинамъ», складывалась, какъ мнѣ представляется, изъ тѣхъ же элементовъ», изъ которыхъ складывалась ненависть къ нѣмцамъ Волынскаго и его единомышленниковъ. А ихъ возстановляли противъ нѣмцевъ «относительный духъ порядка, системы и простоты, который эти иностранцы вносили съ собою, ихъ болѣе культурныя нравы и большая образованность»... Биронъ несомнѣнно проявлялъ замашки невыносимо высокомерныя, деспотическія и наглыя, и сенаторы, которымъ онъ грозилъ однажды проѣхать по нимъ своей каретой, послѣ того, какъ его тряхнуло какъ-то при переѣздѣ черезъ мостъ,—должны были затаить въ себѣ

вполнѣ законную злобу. У него была также несносная семья. Рядясь въ стотысячныя платья и надѣвая на два милліона брилліантовъ, Бенигна принимала посѣтителей сидя на чемъ-то вродѣ трона, протягивала имъ обѣ руки и оскорблялась, если у нея цѣловали лишь одну. Любимое развлеченіе ея дѣтей состояло въ выливаніи чернымъ на платье лицъ, бывавшихъ при дворѣ, и въ снятіи съ нихъ париковъ. Младшій сынъ, Карлъ, присоединялъ къ «этому привычку бѣгать по заламъ съ хлыстомъ въ рукахъ и стегать по икрамъ, которыя не нравились ему». Когда старшій князь Бяратинскій, генераль-аншефъ и человекъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, проявилъ недовольство по этому поводу, фаворить сказалъ ему:

— Вамъ остается лишь не появляться при дворѣ. Подайте въ отставку; я обещаю вамъ, что она будетъ принята.

Старшій изъ братьевъ, Карлъ, въ Малороссіи, гдѣ долгое время онъ имѣлъ свою главную квартиру, велъ жизнь сатрапа, среди сераля, состоявшаго изъ молодежькихъ дѣвушекъ и женщинъ, захваченныхъ вооруженною силою, и псарни, для которой такимъ же образомъ доставали кормилицъ изъ окрестныхъ крестьянокъ. Биронъ не потрудился даже научиться языку страны, которую онъ открыто презиралъ, не счумѣлъ признать въ ней элементовъ величія, изъ которыхъ онъ же первый извлекалъ пользу. А русскіе его времени, въ свою очередь, были очень склонны не признавать значенія, которое историческій фатумъ предоставилъ иноземному элементу въ судьбахъ ихъ отечества».

Въ частности, царствованіе Анны Іоанновны авторъ признаетъ «эпохой, когда проявился апогей нѣмецкаго вліянія, выражающійся въ настоящемъ завоеваніи высшихъ должностей лицами германскаго происхожденія».

Остановливаясь затѣмъ на вопросѣ о роли чужеземнаго элемента въ исторіи Россіи, Валишевскій замѣчаетъ: «фактъ исторической очевидности, что въ этой странѣ національный элементъ оказался не въ состояніи своими собственными средствами проявить значеніе тѣхъ средствъ, которыя природа и исторія предоставили въ его распоряженіе, какъ равно, даже въ настоящее время, онъ обнаруживаетъ неспособность, безъ иностраннаго содѣйствія, эксплуатировать ихъ во всей ихъ совокупности. Исключительныя величіе и трудность задачи не допускаютъ возможности какого бы то ни было унизительнаго истолкованія этого явленія. Народъ, получившій въ удѣлъ континентальную область, самую обширную, образованіе которой міръ видѣлъ когда-либо, народъ, счумѣвшій сохранить ее и надѣющійся расширить ее, этотъ народъ въ сто тридцать милліоновъ человекъ, конечно, не можетъ же быть вдругъ признанъ низшимъ въ сравненіи съ какимъ-либо другимъ народомъ. Тѣ, которымъ пришлось пострадать отъ силы его расширенія, тѣ особенно

заинтересованы въ томъ, чтобы провозглашать это, потому что нельзя возвеличивать себя, уничтожая своихъ побѣдителей. Но даже Римъ не завоевалъ міра безъ содѣйствія союзниковъ. Поэтому же широкая система набора извѣй, примѣненная Петромъ I, связана въ исторіи страны съ очень старыми традиціями. Наличие и даже численное значеніе иностраннаго элемента, поглощеннаго страной въ различное время, ясно сказываются въ генеалогіи высшихъ фамилій. Даже, по даннымъ Бархатной книги, большинство этихъ фамилій ведетъ свое происхожденіе отъ иностранныхъ авантюристовъ, являвшихся въ разное время на службу къ великимъ князьямъ кievскимъ, черниговскимъ, тверскимъ, рязанскимъ, московскимъ и новгородскимъ».

Но стремленіе автора къ безпристрастію тотчасъ же заставляетъ его оговориться, что показанія объ иностранномъ происхожденіи родоначальниковъ многихъ фамилій должны быть принимаемы съ извѣстною осторожностью. «Странно развитое тщеславіе расплодилось въ этой области гипотезы, самыя фантастическія измышленія. Въ средѣ двора и общества, гдѣ преобладали иностранныя вліянія, въ теченіе долгаго времени считалось хорошимъ тономъ приписывать себѣ подобное происхожденіе. Это былъ родъ снобизма, вліяніе котораго сохранилось, повидимому, до новѣйшаго времени и проникло въ среду промышленнаго класса. Такъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ одномъ процессѣ въ Петербургѣ фигурировала псевдо-англійская фамилія Витарзака, произвольно присвоенная себѣ однимъ крестьяниномъ Тульской губерніи. Онъ объяснял свой поступокъ желаніемъ лучше сбывать свои папиросы».

«Съ семнадцатаго, по крайней мѣрѣ, по девятнадцатое столѣтіе, иностранцы, дѣйствительно, держали въ своихъ рукахъ болѣе половины того, что составляло величіе и мощь Россіи. Сами ли они единогласно создали эти величіе и мощь? Конечно, нѣтъ. По признанію самихъ нѣмцевъ, средства, которыя они нашли въ странѣ, широкіе горизонты, которые открывались тамъ ихъ предприимчивому уму, удесятерили природныя таланты Остермановъ и Миниховъ».

X.

Набрасывая яркую картину нравовъ въ царствованіе Анны Іоанновны, Валишевскій говоритъ въ частности и о той сторонѣ ихъ, которая составляла «окончательный разрывъ съ прежними традиціями». Въ Митавѣ Анна Іоанновна прилагала усилія примѣнить къ широкому

обиходу своего двора образцы, которые предлагали ей воображенію современные нѣмецкіе дворы, въ свою очередь, увлекавшіеся примѣромъ Версаля. Лирія утверждалъ, конечно, не безъ преувеличенія, что великолѣпіе, воспоминаніе о которомъ оставилъ въ немъ французскій дворъ, было превзойдено въ Москвѣ празднествами, которыя новая государыня стала учащенно давать тотчасъ послѣ своего воцаренія. Но ни у Петра II, ни даже у Екатерины I не было двора въ тѣсномъ смыслѣ слова, со сложной организаціей и декоративнымъ великолѣпіемъ, по образцу западныхъ дворовъ. Петръ I уничтожилъ малѣйшіе слѣды того, что составляло величіе и пышность его предшественниковъ, а вмѣсто этого не далъ ничего новаго. Онъ жилъ въ хижинѣ и ѣздилъ въ кабриолетѣ. Если исключить нѣсколько должностей камергеровъ, то все предстояло создать заново, и Анна Іоанновна не остановилась предъ этимъ. У нея были заведены придворные для всевозможныхъ надобностей, и установлены приемы въ опредѣленные дни; она давала балы, и у нея играла драматическая труппа, какъ у короля (французскаго). Къ праздникамъ коронаціи Августъ II прислалъ ей изъ Дрездена нѣсколько итальянскихъ артистовъ, и она поняла, что ей необходимо имѣть постоянную итальянскую труппу. Она завела ее въ 1735 году, и два раза въ недѣлю «интермедіи» чередовались съ балетами. Въ нихъ принимали участіе воспитанники кадетскаго корпуса, обученные французомъ балетмейстеромъ Ланде. Затѣмъ появилась итальянская опера съ семьюдесятью пѣвцами и пѣвицами. Такъ какъ императрица не знала итальянскаго языка, то Тредьяковскій дѣлалъ для нея переводы, и государыня слѣдила за представленіями. Но даже при такихъ условіяхъ она не стала находить въ нихъ удовольствія. Ея умъ, какъ и ея воспитаніе, мало гармонировали съ артистическими формами удовольствій, такъ что Бирона осѣнило очень мудрое вдохновеніе, когда онъ пригласилъ еще нѣмецкую труппу, грубые фарсы которой всецѣло пользовались тѣмъ успѣхомъ, на который онъ рассчитывалъ. Анна Іоанновна особенно смѣялась въ тѣхъ мѣстахъ, когда дѣло доходило до смѣха. Тѣмъ не менѣе, возникла борьба между этимъ новымъ элементомъ франко-итальянскимъ, которому покровительствовалъ Рейнгольдъ Левенвольдъ, проявлявшій пріязанія на изящество. Смерть Анны Іоанновны обезпечила окончательную побѣду второму элементу...

Одновременно съ этимъ заводилась и распространялась въ высшихъ сферахъ общества необычайная роскошь. Одѣянія прежнихъ бояръ были богаты, но служили нѣсколькимъ поколѣніямъ. Вводя европейскій костюмъ, Петръ I подавалъ примѣръ крайней простоты. При Аннѣ Іоанновнѣ появилась мода. Такъ какъ Биронъ любилъ лишь свѣтлые цвѣта, а Левенвольдъ чувствовалъ пристрастіе къ золотому шитью, то стали разоряться на заказы въ Ліонѣ. Было воспрещено дважды

являться ко двору въ одномъ и томъ же платьѣ. Старики, въ родѣ Остермана, показывались тамъ въ нарядахъ нѣжно-розоваго цвѣта. При годовомъ расходѣ на туалетъ въ три тысячи рублей, человекъ все-таки производилъ жалкое впечатлѣніе, а платья жены Бирона оцѣнивались въ пятьсотъ тысячъ рублей. Столъ тоже сталъ отличаться утонченностью, до тѣхъ поръ неизвѣстною. При Петрѣ I для самыхъ изобильныхъ возмѣній служила «простая». Въ царствованіе Анны Іоанновны сцены опьяненія были рѣдкостью при дворѣ. Онѣ вызывали въ ней слишкомъ непріятныя воспоминанія. Но за то за столомъ стали чаще появляться французскія вина, шампанское, бургонское, сопровождавшія болѣе изысканныя блюда. Во многихъ домахъ завелся обычай держать открытый столъ, и странно, что эта форма гостепримства, до тѣхъ поръ новая и западнаго происхожденія, въ нѣкоторыхъ русскихъ домахъ удержавшаяся до настоящаго времени, принимаетъ теперь видъ національной особенности. Дома строились болѣе просторными и украшались англійскою мебелью изъ краснаго дерева, зеркалами и обоями. Заводились роскошныя экипажи, золоченыя и обтянутыя бархатомъ кареты. Петръ I запретилъ игру даже въ арміи. Анна Іоанновна, ненавидя карты, въ то же время считала необходимымъ имѣть свою партію, какъ имѣла свою партію королева (французская) въ Версали. Она устраивалась такимъ образомъ, что проигрывала лишь незначительныя суммы и никогда не брала выигранныхъ денегъ, но на сосѣднихъ столахъ рисковали цѣлыми состояніями. Въ концѣ своего царствованія она сама ужаснулась тѣхъ результатовъ, къ которымъ привело это внезапное вторженіе чужеземныхъ нравовъ, и изданные противъ роскоши законы должны были помочь бѣдѣ. Золото и серебро изгонялись изъ мужскихъ и женскихъ туалетовъ. Но привычки уже сложились, и неумолимая мода прибѣгла къ изобрѣтательнымъ средствамъ, чтобы не выпустить изъ рукъ своихъ жертвъ...

Впрочемъ, подъ западно-европейскимъ лоскомъ сохранялись и прорывались черты неотесанности, грубости и природной дикости. На придворныхъ балахъ, національный танецъ чередовался съ менуэтомъ. Гвардейскіе унтеръ-офицеры съ своими молоденькими женами и нѣкоторые придворные даже отличались въ немъ.

Подражаніе французской модѣ было общераспространено, но, при всемъ томъ, лѣтомъ можно было встрѣтить «даму» съ подобраннѣмъ платьемъ изъ дамá, изъ-подъ котораго виднѣлись голыя ноги.

Роскошь на-ряду съ нищетою и наружное великолѣпіе, прикрывающее неприглядную изнанку, и въ настоящее время составляютъ характерныя особенности обывденной жизни въ славянскихъ странахъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны интимныя привычки даже въ высшемъ классѣ были, повидимому, далеки отъ всякой утонченности, какъ равно

и отъ дѣйствительнаго комфорта. Въ загородномъ домѣ своихъ свекра и свекрови Наталія Долгорукова ночевала съ своимъ молодымъ мужемъ въ сѣнномъ сараѣ.

Императрица не любила, чтобы напивались пьяными въ ея присутствіи. Но въ другихъ мѣстахъ банкеты очень часто переходили въ грязныя оргіи, какъ было встарь, а иногда пьянство становилось даже обязательнымъ. Въ маѣ 1732 года, отдавая отчетъ о празднествѣ, данномъ въ московскомъ императорскомъ дворцѣ по случаю годовщины коронаванія ея величества, Салтыковъ сообщалъ, что все обошлось бы хорошо, если бы не упорство одного генерала, отказывавшагося пить, тогда какъ значительное число приглашенныхъ, среди которыхъ находились всѣ высшіе мѣстные сановники, военные, гражданскіе и духовные, съ ихъ женами, были вынесены безъ сознанія. Губернаторъ (главнокомандующій) тщетно пытался вернуть этого упрямаго застольника къ сознанію долга: «вѣдаешь ли,—говорилъ онъ, что ты въ домѣ ея императорскаго величества!» Возникли препирательства съ возмущенными присутствовавшими, и дерзкаго пришлось удалить ¹⁾.

¹⁾ Несомнѣнно, пьянство было однимъ изъ главныхъ пороковъ того времени. Только намъ кажется, что едва-ли письму Салтыкова, о которомъ говоритъ авторъ, можно придать то рѣзкое освѣщеніе, какъ это сдѣлано въ „Наслѣдіи Петра Великаго“. Поэтому мы считаемъ великимъ привнести здѣсь это письмо. Вотъ что писалъ графъ Салтыковъ Бирону: „Прошедшаго апрѣля 28, въ день коронаванія ея императорскаго величества, здѣсь торжествовали въ домѣ ея императорскаго величества обрѣтающіеся здѣсь въ Москвѣ архіерей и господа министры и генералитетъ и дамы и статскіе чины и лейбъ-гвардіи полковъ штабъ и оберъ-офицеры, также и другихъ полковъ штабъ-офицеры, обѣдали и всѣ веселились довольно и очень были шумны, такъ что иныхъ насплу на рукахъ снесли, а иныхъ развезли, однакожь все по благости Божіей благополучно; токмо въ то число Федоръ Чекинъ былъ неспокоенъ. Какъ еще сидѣли за столомъ и не очень были шумны, то онъ, Чекинъ, многова не пилъ, и которые офицеры подносили, пришли ко мнѣ и сказали, что онъ, Чекинъ, не пьетъ, и я ему сталъ говорить: вѣдаешь ли, что ты въ домѣ ея императорскаго величества, а не хочешь пить и сказываешь, что будто вино худо, вѣдь ты это зашелъ не въ вотчинную коллегію и не на Катоку, и оное я ему сказалъ для того, что онъ, Чекинъ, безпрестанно живетъ въ вотчинной коллегіи, и кабакъ, что подлѣ вотчинной коллегіи, который называется Катоку; и онъ сталъ со мною въ споръ говорить и хотѣлъ браниться, только я съ нимъ браниться и въ споръ говорить не хотѣлъ въ домѣ ея императорскаго величества и въ такой торжественный день; токмо я противъ него умолчалъ и такъ сдѣлалъ, что будто ничего не слыжалъ; а потомъ Григорій Петровичъ Чернышевъ черезъ столъ началъ съ нимъ говорить, что онъ не пьетъ и выбираетъ вино: вѣдаешь ты, что домъ ея императорскаго величества, и онъ, Чекинъ, къ нему придирался, однакожь Григорій Петровичъ отъ того умолчалъ и не хотѣлъ съ нимъ браниться и показалъ, что будто ничего не слыжалъ; да герольдмейстеръ

XI.

Говора о восшествіи на престолъ Іоанна Антоновича и о назначеніи регентомъ Бирона, Мардефельдъ доносилъ 1-го ноября 1740 г.: «всѣ русскіе отправились (въ Зимній дворецъ) поздравить регента, цѣлуя ему руку или платье. Онъ заливался слезами, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова... Спокойствіе такъ велико, что, такъ сказать, ни одна кошка не шевельнется».

Передавая о паденіи Бирона, Мардефельдъ сообщалъ, будто въ его бумагахъ нашли доказательства, что еще при жизни императрицы онъ уже лично и крайне произвольно вмѣшивался въ важнѣйшія государственныя дѣла, а именно заключилъ, будто бы, безъ вѣдома министровъ, секретный договоръ съ дрезденскимъ дворомъ, въ силу котораго онъ обѣщалъ помощь въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ противъ Австріи, взаимѣнъ чего саксонское правительство гарантировало Аннѣ Іоанновнѣ свое согласіе на осуществленіе ея намѣреній въ вопросѣ о престолонаслѣдіи.

Квашнинъ-Самаринъ объявилъ мнѣ, что въ то жъ число, какъ изъ стола въ залѣ въ наугольной встали и шли на колѣнкахъ, и какъ сталъ пить онъ, Квашнинъ-Самаринъ, то пришедъ къ нему оный Чекинъ и толкнулъ его Квашнина-Самарина больно, отъ чего онъ упалъ и парикъ съ головы сронилъ и сталъ ему, Чекину, говорить: для чего ты такъ толкаешь, этакъ генераль-поручики не дѣлаютъ, и онъ, Чекинъ, сказалъ, что я тебя толкнулъ въ надеждѣ, и онъ, Квашнинъ-Самаринъ, сказалъ ему, что эта надежда худа, что больно; и послѣ, какъ уже всѣ стали раздѣзжаться, онъ, Чекинъ, пришедъ въ покои, гдѣ я по ея императорскаго величества милости живу, и въ тотъ часъ вышелъ я въ другой покой ненадолго, и безъ меня въ тотъ часъ онъ же Чекинъ убилъ (т. е. прибилъ) дворянина Августова, съ которымъ у него въ вотчинной коллегіи дѣло, который былъ въ тѣ числа у меня; а какъ я вшелъ въ покои и увидалъ, что оный Августовъ плачетъ, и я ему Чекину сталъ говорить, для чего такъ въ домѣ ея императорскаго величества противно дѣлаешь и дерешься, и онъ, Чекинъ, со мною сталъ говорить противно, и я его, Чекина, велѣлъ выслать изъ дому ея императорскаго величества; а послѣ того онъ же, Чекинъ, пошелъ къ князю Ивану Юрьевичу и сталъ ему на меня жаловаться и бранилъ меня у него м..., за что и отъ него князь Ивана Юрьевича онъ, Чекинъ, выведенъ изъ дому. Онъ же, Чекинъ, дворянину Августову чинить многія обиды и разорилъ его безъ остатку, отъ котораго оный бѣдный Августовъ живетъ у меня, и я его кормлю для того, что онъ, Чекинъ, разорилъ его въ конецъ, да и гдѣ оный Чекинъ въ сосѣдствѣ ни живетъ, толкія жалобы на него показываютъ въ землѣ и въ прочихъ непорядочныхъ его поступкахъ, и я съ онымъ Чекинымъ не смѣлъ ничего сдѣлать, для того что онъ имѣетъ чинъ генерала-поручика, и правда, что всѣмъ намъ этотъ его чинъ только стыдъ наноситъ».

Съ переходомъ регентства къ Аннѣ Леопольдовнѣ, жизнь во дворцѣ какъ бы замерла. Сама она почти не выходила изъ внутреннихъ покоевъ, обѣдая наединѣ со своей приближенной Юліей Менгденъ.

Какъ только власть перешла къ Аннѣ Леопольдовнѣ, въ Петербургѣ снова появился графъ Линаръ, бывшій нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ саксонскимъ министромъ при русскомъ дворѣ. Въ то время семнадцатилѣтняя Анна Леопольдовна увлекалась имъ, такъ что Анна Иоанновна должна была принять мѣры, чтобы «слишкомъ придирчивый дипломатъ» былъ отозванъ изъ Петербурга.

По поводу положенія, которое Линаръ сталъ завоевывать себѣ, снова появившись въ Петербургѣ, Мардефельдъ сообщалъ своему двору въ апрѣлѣ 1741 года: «графъ Линаръ, впавшій на-дняхъ въ притворный обморокъ во время игры въ карты съ регентшею, съ каждымъ днемъ все болѣе подвигается впередъ, такъ что объ этомъ уже говорить въ народѣ. Но до сихъ поръ еще не произошло ничего серьезнаго, и они ни разу не видѣлись наединѣ. Повидимому, фаворитка и партія фельдмаршала покровительствуютъ этой интригѣ».

Нѣсколько дней спустя, онъ писалъ снова: «графъ Линаръ не упускаетъ ни малѣйшаго случая дать замѣтить великой княгинѣ, что онъ страстно влюбленъ въ нее. Она терпитъ это, не обнаруживая, чтобы это чувство было неприятно ей... Онъ нанялъ домъ совершенно вблизи императорскаго сада, и, съ тѣхъ поръ, великая княгиня регентша, противъ своего обыкновенія, часто отправляется туда гулять».

О степени близости, установившейся между Анной Леопольдовной и Линаромъ, можно судить по тому, что въ одномъ случаѣ, какъ передаетъ Мардефельдъ, слышали, какъ Линаръ сказалъ ей: «вы сдѣлали глупость».

Фаворъ Линара особенно возросъ послѣ того, какъ онъ рѣшилъ жениться на Юліи Менгденъ: ему былъ пожалованъ орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Въ сентябрѣ 1741 года Линаръ уѣхалъ изъ Россіи, чтобы привести въ порядокъ свои дѣла въ Германіи, куда онъ предполагалъ уже не возвращаться болѣе. «Онъ,—пишетъ Валишевскій,—уезъ съ собою большое количество драгоценныхъ камней, которые онъ долженъ былъ дать оправить въ Дрезденѣ, и значительныя суммы денегъ, назначеніе которыхъ осталось загадочнымъ. Мардефельдъ не безъ основанія высказывалъ подозрѣнія, что Анна Леопольдовна думала провозгласить себя императрицей, и что расходы предназначались для коронаціи».

Но что думалъ обо всемъ происходившемъ Антонъ Ульрихъ?—спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: «по свидѣтельству Мардефельда, онъ высказывалъ нѣкоторое недовольство, но нашелъ утѣшеніе въ радости, которую доставляли ему независимость и причастность къ власти, кото-

рыя, впрочемъ, были скупо отмѣрены ему. По этому поводу между супругами часто возникали препирательства. Въ октябрѣ 1741 года Мардефельдъ отмѣчаетъ одно изъ наиболѣе сильныхъ, возникшее вслѣдствіе назначенія нѣкоторыхъ сенаторовъ, сдѣланнаго безъ вѣдома принца и показавшагося ему еще болѣе оскорбительнымъ, чѣмъ почести, открыто возданныя Линару. Но и изъ этихъ столкновеній онъ выходилъ не болѣе побѣдоноснымъ, чѣмъ изъ своихъ прежнихъ столкновеній съ Бирономъ».

Что касается внутренняго положенія Россіи въ это время, то лѣтомъ 1741 года Мардефельдъ доноситъ своему двору: «настоящее правительство самое спокойное, какое когда-либо было въ этомъ государствѣ. Русскіе злоупотребляютъ этимъ. Они воруютъ и грабятъ со всѣхъ сторонъ и, не смотря на это, высказываютъ крайнее недовольство, какъ потому, что регентша почти совершенно не говоритъ съ ними, такъ и потому, что герцогъ Брауншвейгскій слѣпо слѣдуетъ совѣтамъ нѣкоего Грамматина, управляющаго его канцеляріей».

Заканчивая свой трудъ разсказомъ о низложеніи Іоанна Антоновича, авторъ выставляетъ и доказываетъ два тезиса: 1) участіе Франціи въ переворотѣ существовало лишь въ проектѣ, и самый проектъ этотъ вовсе не исходилъ отъ молодаго представителя французской дипломатіи въ Петербургѣ маркиза Шетарди, и 2) національный элементъ не игралъ во всемъ этомъ дѣлѣ той роли, которую ему обыкновенно приписываютъ. Если можно согласиться съ первымъ изъ этихъ положеній, то второе изъ нихъ далеко не представляется доказаннымъ.

П.

Образцы дворянскихъ дипломовъ.

Императоръ Николай I въ 1838 г., подписывая подносимые ему дипломы на дворянское достоинство, обратилъ вниманіе свое на неискусную ихъ отдѣлку и, вслѣдствіе сего, повелѣлъ министру юстиціи сдѣлать распоряженіе, дабы рисунки на таковыхъ дипломахъ были отдѣлываемы, сколь возможно, съ большимъ тщаніемъ и изящностію. Министръ юстиціи Д. В. Дашковъ, сообщая тогдашнему герольдмейстеру Званцову высочайшую волю, прибавилъ, что если лица, занимающіяся рисованіемъ дипломовъ, не имѣютъ потребной на то способности, въ такомъ случаѣ необходимо пригласить для сего другихъ художниковъ, болѣе свѣдущихъ въ этой части, и приказавъ имъ сдѣлать предварительно нѣсколько приличныхъ рисунковъ, представить таковые на его, министра, усмотрѣніе.

Тогда было изготовлено нѣсколько новыхъ рисунковъ живописцами герольдіи и два таковыхъ же рисунка проектированы профессоромъ академіи художествъ Александромъ Павловичемъ Брюлловымъ. По представленіи проектовъ министру, рисунки Брюллова были признаны «приличіе» прочихъ и потому поднесены на утвержденіе его императорскому величеству.

Императоръ Николай I, разсмотрѣвъ рисунки, замѣтилъ, что эмблема, изображенная на рисункѣ проектированномъ профессоромъ Брюлловымъ, болѣе приличествуетъ для пріобрѣвшихъ дворянство воинскою службою и что для гражданскихъ чиновъ слѣдуетъ сдѣлать особые рисунки.

Министръ юстиціи, возвратя въ Герольдію рисунки, приказалъ сдѣлать одинъ дипломъ для лица, пріобрѣвшаго дворянство воинскою, а другой, съ приличнымъ украшеніемъ, гражданской службѣ соответствующимъ, и, по переплетѣ ихъ въ зеленый бархатъ съ тисненнымъ бордюромъ, представить къ нему, въ томъ предположеніи, что ежели императору благоугодно будетъ удостоить сіи два диплома высочайшаго утвержденія, то чтобы они на будущее время въ изготовленіи дипломовъ служили образцомъ.

21-го іюня 1839 года Герольдіею были представлены министру юстиціи два диплома на дворянское достоинство генераль-лейтенанта Алексея Ѳедоровича Арбузова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василія Андреевича Жуковскаго.

Эти образцовые дипломы 21-го іюля того же 1839 г. удостоились высочайшаго утвержденія.

Сообщилъ Н. Мурзановъ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина ¹⁾.

VI.

Событія 1862 г.—Тайныя приготовленія къ мятежу.—Участіе въ этомъ полевѣ, жившихъ и служившихъ въ Петербургѣ.—Семейство Губинскихъ.

Рь то самое время, когда главная администрація края, успокоенная наружнымъ затишьемъ политической неурядицы, мечтала, что недалеко уже столь вождѣльное для всѣхъ спокойствіе, коноводы мятежа шибко вели свою подпольную работу по секретной организаціи возстанія, на основаніи инструкцій центрального комитета. Дѣло это подготавливалось такъ искусно, что никто изъ насъ, русскихъ, не подозрѣвалъ той серьезной опасности, которая намъ всѣмъ грозила. Нагляднымъ подтвержденіемъ тому можетъ служить слѣдующій фактъ. Въ половинѣ января 1862 года, подъ благотворнымъ впечатлѣніемъ прекращенія уличныхъ безобразій, я поѣхалъ въ Москву за женою, гдѣ прогостилъ у отца около двухъ недѣль. Такъ какъ у насъ было много клади, то обратный путь держалъ я на Динабургъ (Двинскъ), черезъ Петербургъ, по желѣзной дорогѣ; въ виду же того обстоятельства, что до г. Вильны оставалось оттуда еще двѣсти верстъ, для сокращенія пути, я порѣшилъ ѣхать на Свенцяны на долгихъ прямыхъ зимнихъ путемъ черезъ озера, а оттуда уже доѣхать по желѣзной дорогѣ домой. Оказалось, что проселочная дорога была убійственная, по случаю ухабовъ; поэтому въ Свенцянахъ я остановился съ женою отдохнуть у письмоводителя уѣзднаго предводителя

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль 1902 г.

дворянства Домбровскаго, съ которымъ былъ знакомъ лѣтъ пятнадцать, по служенію его при губернаторѣ въ Вильнѣ, куда на слѣдующій день я и поѣхалъ одинъ, чтобы привести въ порядокъ квартиру. Наканунѣ моего отъѣзда радушная хозяйка рассказала женѣ моей по секрету такія вещи, которыя показались мнѣ совершенно неправдоподобными; все дѣло заключалось въ томъ, что по уѣзду шли усиленные будто бы приготовленія къ вооруженному мятежу; заготовлялось оружіе, порохъ, аммуниція. Что смотритъ правительство? Впослѣдствіи насъ же стануть обвинять. Вотъ чтѣ говорила поляка...

На другой день послѣ моего пріѣзда въ Вильну, въ началѣ десятиаго часа утра входилъ я въ столовую комнату, чтобы явиться изъ отпуска В. И. Назимову, который сидѣлъ тамъ съ цѣлымъ семействомъ за чаемъ. Меня приняли какъ роднаго; усадивши около себя по правую руку, генераль-губернаторъ началъ разспросы про Москву, про брата своего и про разныхъ знакомыхъ. Общій разговоръ нашъ болѣе часу вертѣлся около одного и того же предмета, переливаясь, какъ говорится, изъ пустаго въ порожнее. Воспользовавшись, наконецъ, минутнымъ молчаніемъ, я попросилъ у Владиміра Ивановича позволеніе передать ему нѣсколько словъ по секрету на счетъ дѣла, касающагося спокойствія края, и попросилъ его наверхъ въ кабинетъ.

— Говорите здѣсь,—отвѣчалъ мнѣ В. И. Назимовъ, нагибаясь ко мнѣ немного,—постороннихъ нѣтъ никого.

— Мнѣ передали по секрету, что идутъ приготовленія по уѣздамъ къ вооруженному мятежу, заготовляютъ оружіе, порохъ, аммуницію.

Едва успѣлъ я выговорить послѣднее слово, какъ В. И. Назимовъ, откинувшись на спинку стула, залился громкимъ хохотомъ, такъ что сильно озадачилъ меня этою выходкою.

— Посмотри, посмотри, Анастасія Александровна,—обратился онъ къ женѣ,—какія новости привезъ Иванъ Акимовичъ изъ Москвы, готовится, видишь, вооруженный мятежъ въ краѣ... Въ Бонифратеры посадить его нужно за подобныя новости... И снова звонкій смѣхъ его раздался по столовой.

Бонифратерами въ Вильнѣ называлась больница умалишенныхъ, находящаяся противъ дворца. Замѣтя мое крайнее смущеніе, добрый-шая Анастасія Александровна старалась сгладить эту выходку своего мужа, который продолжалъ смѣяться надъ секретнымъ моимъ сообщеніемъ. Видя подобное отношеніе къ дѣлу того, который по прямому своему долгу обязанъ былъ блюсти за спокойствіемъ вѣрннаго ему края, я подумалъ невольно, что попался впросакъ, поторопившись передать ему пустые толки женщины о готовящемся возстаніи. Неудержимая веселость В. И. Назимова заразила всѣхъ присутствующихъ,

такъ что и я самъ сталъ, наконецъ, смѣяться надъ своимъ легковѣріемъ. Но, увы! горько пришлось намъ раскаяться за этотъ ребяческій смѣхъ.

Общественная жизнь въ Вильнѣ шла обычнымъ своимъ чередомъ; поляки попрежнему чуждались русскихъ; въ политическомъ траурѣ ходилъ цѣлый край; появились булавки съ одноглавымъ польскимъ орломъ, медальоны съ переломленнымъ крестомъ, браслеты изъ цѣпей и другіе эмблематическіе знаки, плодъ фантазіи польскихъ патриотовъ. Между тѣмъ подпольная крамола, видя усиленную безопасность власти, дѣятельно повела свое дѣло; повсюду формировалась секретная организація возстанія; выбирались десятники, сотники, начальники округовъ, воеводы и т. п. Подъ разными предлогами продолжались сборы денегъ на мятежь, заводились политическіе склады подъ названіемъ магазиновъ для удовлетворенія потребностей простаго народа; учреждались, съ вѣдома и разрѣшенія властей, по городамъ библіотеки для чтенія, дабы дать возможность коноводамъ мятежа имѣть извѣстные пункты для необходимыхъ совѣщаній, тѣмъ болѣе, что общественныя сходки воспрещены были по военному положенію края. Все польское, или, правильнѣе, сказать, ополяченное населеніе городовъ приняло самое живое участіе въ этомъ дѣлѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и евреи болѣе чѣмъ сочувственно относились къ замысламъ агитаторовъ; въ слѣдственныхъ дѣлахъ есть много указаній на то, что и они участвовали въ тайной организаціи. Напримѣръ, еврей Зельманъ Ландо, изъ Варшавы, не только распространялъ разныя воззванія по Западному краю, но самъ писалъ ихъ; Лейба Палкисъ провозилъ двадцать пудовъ пороху по Рижско-Динабургской дорогѣ для вооруженнаго мятежа. Впрочемъ, трудно себѣ и представить, чтобы евреи не знали о тайныхъ приготовленіяхъ поляковъ къ возстанію; вѣдь въ ихъ рукахъ вся торговля, всѣ промыслы, вообще всѣ экономическія силы страны, тамъ безъ нихъ ничего сдѣлать невозможно. А между тѣмъ правительство узнало про вооруженный мятежь только тогда, когда по цѣлому краю пошли гулять вооруженныя шайки мятежниковъ. Сказать прямо, что евреи желали мятежа, въ польскомъ смыслѣ, будетъ несправедливо, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они получали огромные барыши по случаю тайно подготовлявшагося возстанія; они брали съ поляковъ, что хотѣли, а потому изъ корыстолюбивыхъ видовъ помогали имъ и молчали. Проживавшіе и состоявшіе на русской государственной службѣ въ Петербургѣ поляки принимали весьма дѣятельное участіе въ организаціи возстанія. Дѣло Иосафата Огрызки служитъ нагляднымъ тому подтвержденіемъ. Слѣдующее письмо, присланное въ Вильну подъ такимъ адресомъ: *A Monsieur Casimir Szuksta, etudiant de l'institut des nobles à Wilna* ясно обрисовывало тогдашнюю тактику поляковъ, а потому считаю нелишнимъ привести его въ подлинникѣ:

.С.-Петербургъ, 25-го марта 1862 года.

«Зная хорошо твои благородныя чувства къ отечеству, я долженъ обрадовать тебя новостію, весьма утѣшительною для каждаго поляка. Вы, вѣрно, и не думаете, чтобы поляки, состоящіе въ русской военной службѣ, приготовлялись къ освобожденію отечества отъ ига, которымъ оно угнетено немилосердно. Всѣ поляки судятъ несправедливо о полякахъ, состоящихъ на службѣ, но и эти послѣдніе такъ же мыслятъ, какъ настоящіе поляки и самыя истыя патріоты; если же мы носимъ шкуру волковъ, то для пріобрѣтенія познаній въ военномъ искусствѣ, а что можетъ быть нужнѣе въ настоящее время для поляка? Потому говорю это, что мы не заслужили презрѣнія со стороны патріотовъ на словахъ; когда наступитъ время возстанія, мы докажемъ это на дѣлѣ—въ полѣ. Почему тотъ, кто такъ строго судитъ, не подумаетъ, пріятно ли носить на плечахъ эту рубашку Деянизы. О! они очень ошибаются; я самъ замѣтилъ, что глаза нѣкоторыхъ смотрѣли на меня съ презрѣніемъ.

«Поляки офицеры, находящіеся въ трехъ военныхъ академіяхъ: въ артиллерійской, инженерной и генеральнаго штаба, очень часто имѣютъ сходки, собираются у кого-нибудь одного и разсуждаютъ о предметахъ, чрезвычайно важныхъ для будущности Польши. Два офицера генеральнаго штаба взялись писать польскую тактику, какъ войска, менѣе образованныя, должны воевать съ регулярными русскими войсками. Мы будемъ имѣть много свѣдѣній о фортификаціи, о томъ, какія ставить препятствія русскимъ войскамъ, какъ обучать военной службѣ партій и т. д., однимъ словомъ, очень важныя наставленія во-время...

«Я познакомился недавно съ офицеромъ полякомъ, выпущеннымъ изъ Виленскаго корпуса, подпоручикомъ Ропковскимъ. Это сильный духомъ полякъ, рѣдко встрѣтишь такого. Мы часто толкуемъ съ нимъ о вешахъ, касающихся освобожденія отечества. Напримѣръ: я сказалъ ему однажды, что очень много батарей стоитъ въ царствѣ Польскомъ, а онъ на то отвѣчалъ съ улыбкою: «тѣмъ лучше, больше ихъ заберемъ». Онъ крѣпко надѣется отбить около ста орудій. Въ 1831 году едва-ли пѣлая польская армія имѣла столько орудій.

«Если онъ такъ твердо увѣренъ, то долженъ имѣть къ тому какое-нибудь обдуманное средство. Я могъ бы сообщить тебѣ много важныхъ и очень утѣшительныхъ свѣдѣній.

«Насчетъ паспорта въ Краковъ не безпокойся. Я узнавалъ у студентовъ, много ихъ уѣхало за границу... На сходкѣ молодежи Ковенской губерніи я видѣлъ Дырмонта, онъ поздравляетъ тебя съ этимъ намѣреніемъ. Онъ знаетъ поляковъ, которые туда поѣхали; пишутъ, что очень довольны, и приглашаютъ другихъ. Нынѣ бываютъ сходки молодыхъ учениковъ медицины изъ Литовскихъ губерній. Они намѣрены во время вакаціи заводить крестьянскія училища; это самый кратчай-

шій путь къ примиренію крестьянъ съ помѣщиками». Подписано братъ Адольфъ.

Переходя затѣмъ къ описанію политическихъ демонстрацій 1862 г., считаю нелишнимъ предварительно познакомить съ нѣсколькими особами, чтобы составить вѣрное понятіе о тѣхъ личностяхъ, которыми прикрывались вожаки подготовленія мятежа и съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло. На пятой недѣлѣ Великаго поста, въ исходѣ девятаго часа вечера, пришелъ ко мнѣ жандармъ съ собственноручною запискою В. И. Назимова, которою онъ лаконически приглашалъ меня немедленно явиться къ нему по очень срѣшному дѣлу. Одѣвшись на скорую руку, я тотчасъ же побѣжалъ во дворецъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ меня пришли туда же предсѣдатель цензурнаго комитета дѣйствительный статскій совѣтникъ П. В. Кукольникъ и управляющій политическимъ отдѣленіемъ, старшій адъютантъ А. С. Павловъ. Оказалось, что и они явились по приглашенію начальства. Пока у насъ шли догадки о причинѣ столь поздняго призыва, предувѣдомленный о нашемъ приходѣ генераль-губернаторъ вышелъ изъ кабинета, неся довольно большой узелъ, опечатанный нѣсколькими печатами, который и положилъ на столъ; кромѣ того, онъ держалъ въ рукѣ небольшой пакетъ, также опечатанный.

— Пожалуйста, потрудитесь поскорѣе разсмотрѣть взятые при обыскѣ у Свѣбоды и Пашковской бумаги,—сказалъ онъ, обратясь къ намъ послѣ привѣтствія;—если тамъ не найдете ничего противозаконнаго, то эту пачку, которую онъ при этомъ передалъ мнѣ, возвратите, не запечатывая, въ собственныя мои руки. Это любовныя письма Свѣбоды; она, заливаясь слезами, умоляла меня сохранить ея тайну. Я буду ожидать результата вашихъ занятій въ кабинетѣ.

Пожелавъ намъ успѣха, В. И. Назимовъ удалился; намъ тотчасъ же поданъ былъ чай, и мы втроемъ усѣлись за работу. Часа два слишкомъ прошло, пока успѣли мы пересмотрѣть взятые при обыскѣ бумаги. Въ нихъ не только политическаго, но и интереснаго-то ничего не оказалось; попалось только довольно порядочное количество любовныхъ записокъ, которыя размѣшили насъ въ нашемъ скучномъ занятіи. Последнія, впрочемъ, подъ конецъ нашей работы, навели меня на одну думу: вѣдь Свѣбода увѣряла генераль-губернатора, что она сама отобрала любовныя записки и опечатала ихъ особо, а что, если въ пачкѣ хранится политика? дай-ка вскрою... И прежде чѣмъ мои товарищи успѣли удержать меня, я вынималъ уже одно письмо... Съ первыхъ же строкъ догадки мои оправдались. Всѣ двадцать четыре почтовые листика заключали въ себѣ политическую переписку, которая велась съ Свѣбодою однимъ, высланнымъ изъ Вильны въ Вилейку за политическія выходки, мелкимъ чиновникомъ Боньчковскимъ, принятымъ вилейскимъ уѣзд-

нымъ предводителемъ Тукаллою въ свою канцелярію на мѣсто секретаря. Изъ писемъ этого господина открывалось, что у самого предводителя было сильно рыльце въ пушку, что въ его квартирѣ бывали зачастую политическія сходки, дѣлались денежные сборы. По окончаніи интереснаго чтенія, составивши подробный актъ обо всемъ найденномъ при обыскѣ и получивши за полуночные труды благодарность добрѣйшаго нашего начальника, въ исходѣ перваго часа ночи разошлись мы по домамъ. Обыски у Свѣбоды и Пашковской были произведены по случаю крайнихъ безобразій, которыя онѣ выдѣлывали, не смотря даже на военное положеніе. Попадались онѣ повсюду. Свѣбода при этомъ носила особый черный, обшитый бѣлымъ, костюмъ, нѣчто въ родѣ кунтуша, съ черною на головѣ конфедераткою, окаймленною бѣлымъ мѣхомъ и съ бѣлымъ крыломъ; на улицѣ ее было видно издали. Одинъ мой пріятель, старшій учитель гимназіи Наркевичъ, въ разговорѣ со мною объ этихъ двухъ личностяхъ, крайне дивился тому, что правительство не обращало на нихъ вниманія столь долгое время.

На страстной недѣлѣ прислана была въ Вильну цѣлая семья подобныхъ же дѣятелей изъ Ковны, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться. Въ среду прислалъ за мною В. И. Назимовъ и, узнавши, что я уже исповѣдался, поручилъ мнѣ на другой день, послѣ причастія Св. Таинъ, съѣздить въ политическую тюрьму, помѣщавшуюся въ зданіи № 14 Вилейской цитадели, и допросить тамъ арестантовъ Губинскихъ, присланныхъ изъ Ковны тамошнимъ губернаторомъ, контръ-адмираломъ Кригеромъ. На другой день, въ исходѣ перваго часа по полудни, отправился я въ цитадель для исполненія возложеннаго на меня порученія. Вообразите мой ужасъ... Вхожу въ камеру одиночнаго заключенія № 3, гдѣ содержалась Бригада Губинская, и вижу женщину лѣтъ сорока пяти, съ растрепанными волосами, краснымъ лицомъ, съ блуждающими глазами; все бѣлье въ крови. Лежала она на соломенномъ тюфякѣ. Въ комнатѣ топилась печь, но было сыро и свѣжо; топка производилась изъ коридора. Свѣтъ проникалъ въ небольшое окно, почти подъ потолкомъ, а потому въ камерѣ арестантки царствовалъ полумракъ. При входѣ моемъ она вскочила съ кровати и съ воплями по-польски: «спасите, спасите меня и дѣтей моихъ отъ преслѣдованія губернатора и полицеймейстера», бросилась мнѣ въ ноги. Поднявши Губинскую и усадивши на кровать, я попросилъ ее успокоиться и рассказать мнѣ подробно, какъ посланному генераль-губернаторомъ, въ чемъ дѣло? Послышались глухія рыданія. Минутъ пять продолжалась нѣмая сцена, глубоко меня поразившая... Страстная недѣля усиливала еще болѣе мою впечатлительность. Наконецъ, Бригада Губинская, такъ звали арестантку, собралась съ духомъ и начала слѣдующій рассказъ, по временамъ прерываемый всхлипываніями...

— У меня есть молодая дочь—красавица, въ замужествѣ за скульпторомъ; на бѣду она приглянулась губернатору; ковенскій полицеймейстеръ Васильевъ, желая прислужиться губернатору, взявъ на себя презрѣнную роль сводника, а потому и поклялся жестоко отомстить намъ всѣмъ... На-дняхъ мой зять, вмѣстѣ съ моими сыновьями Станиславомъ и Иваномъ, работалъ въ скульпторной мастерской, а моя дочь, послѣ беременности, была не такъ здорова и лежала въ постели въ сосѣдней комнатѣ. Часовъ около десяти утра, полицеймейстеръ, въ сопровожденіи полицейскихъ солдатъ и казаковъ, врывается неожиданно въ нашъ домъ, вбѣгаетъ въ мастерскую, опрокидываетъ отъ поспѣшности столъ, при паденіи котораго разбивается лежавшая на немъ мраморная доска; бьетъ сыновей и приступаетъ къ какому-то обыску и ничего не находитъ, а для того, чтобы скрыть свое безчинство, уносить разбитую мраморную доску съ собою и забираетъ подъ арестъ меня съ сыновьями и затемъ... Несчастная дочь моя, перепугавшись крику, опасно занемогла и осталась одна безъ ухода. Какая участь ожидаетъ ее по выздоровленіи. Лучше смерть, чѣмъ позоръ...

При этихъ словахъ слезы снова хлынули потокомъ изъ глазъ несчастной арестантки; затѣмъ, успокоившись немного, она продолжала:

— Посмотрите на меня, какъ я одѣта... На дальнюю дорогу не дозволили мнѣ даже взять ватное платье; полицеймейстеръ спѣшилъ разлучить меня съ дочерью; съ жандармомъ, какъ важную государственную преступницу, онъ отправляетъ меня въ Вильну, почти въ одномъ бѣльѣ, по морозу... Здѣсь сажаютъ меня подъ арестъ въ цитадель, въ холодный казематъ. Обвиняютъ несчастныхъ и угнетенныхъ поляковъ въ какихъ-то злоумышленіяхъ, а сами дѣлаютъ надъ беззащитными женщинами ужасныя истязанія... Вѣрьте, что это не доведетъ до добра. Всякому терпѣнію есть мѣра... Вы видите, въ какомъ я положеніи, прибавила Губинская, раскрываясь и показывая окровавленное бѣлье; проѣхать сто шестьдесятъ четыре версты на перекладной, при пяти градусахъ мороза, не шутка; больною я доставлена сюда... При выѣздѣ, я умоляла полицеймейстера дать мнѣ хоть мой салопъ на дорогу, но онъ и этого не позволилъ.

При этомъ, заливаясь горькими слезами, Губинская повалилась на кровать.

Потрясенный до глубины души только-что описанною сценою, я обѣщалъ Губинской доложить обо всемъ генераль-губернатору, а, между тѣмъ, послалъ за докторомъ, такъ какъ у ней показался горячечный жаръ. Не стану описывать тѣхъ благословеній, которыми осыпала меня утѣшенная моими словами арестантка; скажу одно—она бросилась къ моимъ ногамъ и хотѣла поцѣловать ихъ. Поднявши ее и попросивши успокоиться, я обѣщалъ ей исходатайствовать скорѣйшее назначеніе

слѣдствія по ея жалобамъ и прибавилъ, что буду просить генераль-губернатора командировать меня въ Ковну по ея дѣлу; при чемъ далъ ей честное слово открыть всю истину и не дать ни малѣйшаго потворства виновнымъ, кто бы они ни были. Затѣмъ, простившись съ Губинскою, крайне взволнованный, съ тяжелыми думами, что всё безпорядки происходятъ, можетъ быть, отъ недобросовѣстности мѣстной администраціи, вышелъ я изъ каземата и отправился опросить другихъ арестантовъ, сыновей Губинской и ея зятя, отъ которыхъ получилъ полное подтвержденіе ея разказа. Это обстоятельство убѣдило меня еще болѣе въ справедливости показаній Бригады Губинской. Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, когда же имъ было сговориться между собою? Арестованные при обыскѣ, они тотчасъ же были высланы порознь въ Вильну съ жандармами и содержались поодионокѣ; между тѣмъ, показанія ихъ были согласны. Я и не зналъ тогда, чтѣ значить быть бараномъ панургова стада и, какъ незамѣтно насъ, русскихъ, загоняютъ туда!

Около трехъ часовъ по полудни я былъ уже во дворцѣ.

— Ваше высокопревосходительство,—сказалъ я, входя въ биллиардную, гдѣ сидѣлъ тогда Назимовъ,—во имя святыхъ дней умоляю васъ сейчасъ же съѣздить со мною въ четырнадцатый номеръ и посмотрѣть на тѣ страданія, которымъ подвергалась бѣдная Губинская за то, что не согласилась продать дочь свою на безчестіе. Позвольте мнѣ произвести слѣдствіе по ея жалобамъ; и, клянусь вамъ—истина будетъ раскрыта.

Затѣмъ я разказалъ подробно все слышанное мною отъ арестантовъ. Добрѣйшій Владиміръ Ивановичъ пришелъ въ ужасъ отъ моихъ словъ и тотчасъ же поѣхалъ со мною къ коменданту, въ завѣдываніи котораго состояла политическая тюрьма; отъ него мы, втроемъ, прошли къ арестантамъ. Около Губинской хлопоталъ докторъ; ей ставили горчичники; отъ коменданта присланъ былъ чай. При входѣ нашемъ въ камеру, арестантка вскочила съ постели и повалилась генераль-губернатору въ ноги, съ крикомъ: «спасите, защитите несчастныхъ!» Потрясающая душа сцена повторилась снова. Бригада Губинская съ прежними подробностями жаловалась на губернатора и полицеймейстера. Для большаго успокоенія Губинской, В. И. Назимовъ разрѣшилъ, въ виду великихъ дней поста, допускать въ ея камеру сыновей и ея зятя, и обѣщалъ прислать имъ пищу и чѣмъ разговѣться въ предстоящій Свѣтлый праздникъ. Затѣмъ, поручивъ мнѣ онять съ нихъ формальный допросъ, объявилъ, что я долженъ буду уѣхать въ Ковну для производства строжайшаго слѣдствія.

— Будьте спокойны, Губинская, виновные подвергнутся строгому взысканію,—прибавилъ генераль-губернаторъ, выходя изъ камеры.

Слова эти сопровождались благословеніями утѣшенныхъ арестантовъ, которые при насъ же пришли къ матери.

— Освободить васъ въ настоящую минуту я не могу,—прибавилъ В. И. Назимовъ,—такъ какъ приславшій васъ сюда губернаторъ требуетъ вашего ареста, но, пожалуйста, Александръ Сергѣевичъ, облегчите имъ арестъ и позволяйте сыновьямъ и зятю приходиться къ ней въ камеру; изъ дворца я имъ пришлю разговѣться.

— Да я уже самъ позаботился объ этомъ,—отвѣчалъ комендантъ.

Пятницу и субботу Страстной недѣли я провелъ за допросами арестантовъ. Не стану описывать тѣхъ подробностей, которыя они показали по своему дѣлу; скажу одно, душа моя была сильно возмущена разказами ихъ про губернатора и полицеймейстера. Въ субботу, въ одиннадцать часовъ вечера, за полъ-часа до начала заутрени Свѣтлаго Воскресенія, одѣтый въ мундиръ, принесъ я во дворецъ снятые съ арестантовъ допросы. Поблагодаривъ меня за труды, В. И. Назимовъ приказалъ правителю канцеляріи заготовить мнѣ предписаніе о производствѣ въ Ковнѣ строжайшаго слѣдствія по дѣлу Губинскихъ.

По прошествіи первыхъ дней праздника, выѣхалъ я въ Ковну. Тяжелыя думы налегли мнѣ на сердце; ѣхалъ я нерадостно. Мнѣ предстояло побороть много трудностей для открытія истины, но я далъ себѣ честное слово—не останавливаться ни передъ чѣмъ и вывести все наружу. Въ Ковнѣ я остановился въ зданіи Рагуши и съ первыхъ же минутъ моего пріѣзда началъ собирать подъ рукою необходимыя свѣдѣнія для разъясненія дѣла. Знакомыхъ въ городѣ у меня было очень много; дѣло Губинскихъ было многимъ извѣстно. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ отъ людей, заслуживающихъ полного довѣрія, совершенно противное тому, что показали Губинскіе. Общій голось, отзываясь отлично о губернаторѣ и полицеймейстерѣ, положительно внизи Губинскихъ въ крамолѣ.

— Съ высылкою ихъ въ Вильну, у насъ поутихли безпорядки,—говорили мнѣ многіе.

Признаюсь откровенно, все услышанное мною крайне озадачило меня, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и уяснило мнѣ, что въ данномъ случаѣ нужно дѣйствовать съ большою осторожностію и выбросить изъ головы предвзятую мысль о невинности Губинскихъ. На другой день, послѣ моего пріѣзда, я приступилъ къ производству формальнаго слѣдствія и, чтобы выяснить обвиненія Губинскихъ, потребовалъ къ допросу выставленныхъ ими свидѣтелей. Тутъ приключился курьезъ, который послужилъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ превосходною нитью. Нѣкто, сапожникъ по ремеслу, являсь ко мнѣ часу въ четвертомъ по полудни въ нетрезвомъ видѣ, безъ вызова съ моей стороны, хотя и былъ помѣщенъ въ числѣ свидѣтелей, настоятельно требовалъ отъ меня снять съ него допросъ по ихъ дѣлу

*

подъ присягой. Подобное требованіе заставило меня крѣпко попризадуматься. Какимъ образомъ сапожникъ могъ узнать, что я его потребую къ допросу по дѣлу Губинскихъ? Зачѣмъ домогался онъ быть допрошеннымъ подъ присягою, когда обыкновенно отъ нея свидѣтели стараются уклоняться? «Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ», подумалъ я и повелъ на него атаку; нарочно сталъ увѣрять его, что показаній отъ него отбирать не буду; допрошу его безъ присяги...

— Никакъ нѣтъ, этого быть не можетъ,—отвѣчалъ мнѣ едва державшійся на ногахъ сапожникъ,—я долженъ показать подъ присягою всю правду за несчастныхъ Губинскихъ.

— Да кто же тебѣ сказалъ, что ты долженъ давать показанія подъ присягою и непременно про Губинскихъ? Вѣдь я тебя не вызывалъ. А, можетъ быть, ты будешь допрошенъ по другому дѣлу?

— Я знаю очень хорошо, что говорю,—продолжалъ съ улыбкою непрощенный свидѣтель,—и не буду иначе ничего показывать, какъ о Губинскихъ и подъ присягою...

Видя, что отъ него ничего больше нельзя добиться, я составилъ актъ и отправилъ сапожника въ полицію, впредъ до вытрезвленія. По явкѣ выставленныхъ Губинскими свидѣтелей, нѣсколько лицъ оказалось порочнаго поведенія, родственниковъ ея; по закону они не могли быть допрошенными подъ присягою; съ остальными свидѣтелями я отправился въ костель для приведенія ихъ къ присягѣ; ихъ было пять человекъ, въ томъ числѣ одна старушка. Войдя въ боковую каплицу, на стѣнѣ которой висѣло большое Распятіе, я обратился къ ожидавшему тамъ моего прихода ксендзу съ просьбою дать приличествующее наставленіе приведеннымъ мною лицамъ относительно важности присяги и присяжнаго показанія. Ксендзъ исполнилъ мое приглашеніе вяло, какъ бы не хотя; говорилъ ничего незначащія фразы, однимъ словомъ, видимо хотѣлъ произвести на своихъ слушателей совершенно противоположное впечатлѣніе тому, которое было необходимо. Подобное дѣйствіе невольно поразило меня. Зная по опыту, какое сильное вліяніе имѣютъ внушенія ксендзовъ и ихъ проповѣдь, я самъ рѣшился исполнить то, что не было исполнено имъ.

— Во имя распятаго и воскресшаго Господа,—сказалъ я свидѣтелямъ,—святое изображеніе Котораго вы здѣсь видите, заклинаю васъ показывать одну только правду. Вы обязаны это сдѣлать въ силу клятвы, безъ всякаго уклоненія отъ истины или съ какою-нибудь затаенною мыслию, а въ томъ, именно, смыслѣ, въ какомъ я васъ буду спрашивать при слѣдствіи. Вы должны будете подробно пояснить, видѣли ли сами лично то, о чемъ будете показывать, или только слышали и отъ кого именно? Не только приводившій васъ къ присягѣ ксендзъ, но даже и никто въ мірѣ не можетъ разрѣшить васъ отъ тяжкаго грѣха клятвопреступленія,

если вы захотите что-либо утаить или переименовать. На страшномъ судѣ Господнемъ потребуется отъ васъ отвѣтъ за ложь и сокрытіе истины; отъ ложныхъ показаній могутъ пострадать невинные. Помните,—говорите одну только правду и ничего не скрывайте по тому дѣлу, по которому будете допрашиваемы, иначе вамъ угрожаетъ наказаніе и на землѣ за клятвопреступленіе и вѣчное наказаніе въ будущей жизни...

Едва произнесъ я эти послѣднія слова, какъ два-три голоса тихо заявили, что они рѣшительно начево не знаютъ по дѣлу Губинскихъ, о которыхъ не упомянулъ я даже и намекомъ. Очевидно было, что подпольная интрига вела дѣло къ оправданію виновныхъ. По произнесеніи присяга, мы всѣ отправились на мою квартиру, гдѣ и начался допросъ. Оказалось, что четверо изъ вышеозначенныхъ пяти лицъ ровно ничего не знали про обстоятельства ареста Губинскихъ и не понимали даже, почему были выставлены ими во свидѣтели, такъ какъ очевидцами происшествія не были и случайно только видѣли Губинскихъ, когда ихъ вели въ полицію подъ арестъ. Старушка же прямо показала, что «Бригада Губинская такая тварь, которую строго должно наказывать, такъ какъ, по милости ея и ея дѣтей, происходятъ въ Ковнѣ разныя безобразія и что эта семейка будетъ причиною многихъ несчастій, если городъ окончательно отъ нихъ не избавится». Затѣмъ она добавила, что не была при обыскѣ, а потому не могла быть и свидѣтельницею безчеловѣчныхъ поступковъ полицеймейстера, если онъ ихъ допустилъ, и не знаетъ, почему она попала въ свидѣтельницы. Въ заключеніе показанія старушка просила сохранить его въ тайнѣ, дабы не подвергнуться несчастію... Изъ пронаведеннаго мною при депутатахъ слѣдствія обнаружилось слѣдующее:

Ковенскій полицеймейстеръ, по порученію губернатора, слѣдилъ за коноводами политическихъ манифестацій. Полученныя имъ данныя указывали ясно, что Бригада Губинская съ своею семьею стояла во главѣ всѣхъ безобразій, а зять ея, скульпторъ Ельскій, выдѣлывалъ разныя демонстраціонныя эмблемы: пряжки съ одноглавымъ польскимъ орломъ для поясовъ, переломленное распятіе въ видѣ медальона, указывавшее на варшавскіе безпорядки 13-го (25-го) февраля, булавки, запонки съ одноглавыми орлами и т. п., и распространялъ ихъ продажу при содѣйствіи Губинскихъ. Заручившись такими свѣдѣніями, полицеймейстеръ съ частнымъ приставомъ Рейхенбахомъ и двумя полицейскими служителями, при двухъ понятыхъ изъ евреевъ, отправился на обыскъ въ квартиру скульптора Ельского, гдѣ онъ засталъ и двухъ братьевъ Губинскихъ, изъ которыхъ старшій братъ Станиславъ былъ высланъ изъ Ковны по распоряженію генераль-губернатора, генераль-майоромъ Хоминскимъ, 27-го іюня прошлаго года, за участіе въ дѣлѣ объ оскорбленіи ковенскими гимназистами жандармскаго капитана

Крайскаго и который, несмотря на запрещеніе, все-таки потихоньку прїѣзжалъ въ городъ. При входѣ въ мастерскую, полицеймейстеръ поймалъ ихъ въ тотъ самый моментъ, когда на лежавшую на столикѣ мраморную доску вылито было олово въ вырѣзанную на ней форму революціоннаго знака. Едва только успѣлъ онъ войти въ комнату, какъ одинъ изъ Губинскихъ бросился къ двери и заперъ ее, другой же братъ, схвативши полицеймейстера—оттолкнулъ его отъ стола, а братъ его, взявши отлитое изображеніе, бросилъ его въ печь. Все это сдѣлано было такъ быстро, что ни понятые, ни полицейскіе не успѣли войти за полицеймейстеромъ въ комнату. Во время этой суматохи зять Губинской, скульпторъ Ельскій, при помощи долота, молоткомъ разбилъ мраморную доску на куски. Когда слѣды преступленія были скрыты, Губинскіе отперли двери, и въ комнату вошли сопровождавшіа полицеймейстера лица. Столикъ былъ опрокинутъ, куски мраморной доски валялись на полу—вотъ картина, которая представилась понятымъ. Приступили къ обыску. Когда подобраны были куски мрамора, на одномъ изъ нихъ замѣтили случайно уцѣлѣвшее изображеніе орлинаго крыла, подобное найденнымъ готовымъ изображеніямъ революціонной эмблемы. Всѣ куски были уложены въ мѣшокъ вмѣстѣ съ найденными при обыскѣ демонстраціонными вещами и опечатаны печатями присутствовавшихъ. Встрѣтивши описанное выше сопротивленіе, полицеймейстеръ Васильевъ, составя на мѣстѣ надлежащій актъ и оставивъ въ квартирѣ Ельскаго частнаго пристава съ двумя полицейскими служителями, отправился къ губернатору съ докладомъ о происшествіи, объявивъ при своемъ уходѣ Губинскимъ и Ельскому, что они арестованы. Губернаторъ приказалъ полицеймейстеру тотчасъ же послать казаковъ и взять всѣхъ подъ арестъ до дальнѣйшаго распоряженія. Частный приставъ Нацюлевичъ, командированный полицеймейстеромъ для арестованія Губинскихъ и Ельскаго, прибывъ въ домъ послѣдняго съ тремя полицейскими служителями и девятью казаками, поставилъ у воротъ караулъ съ приказаніемъ не впускать никого изъ постороннихъ лицъ на дворъ; оставивъ затѣмъ на дворѣ казаковъ и полицейскихъ служителей, самъ онъ пошелъ на крыльцо, гдѣ былъ встрѣченъ съ площадною бранью Бригидою Губинскою, которая, кинувшись на него, ударила его два раза по лицу и, когда замахнулась она на него въ третій разъ, приставъ Нацюлевичъ, наотмашъ бывшею у него въ рукахъ палкою, отстранилъ бѣшеную женщину отъ себя. Въ это время выбѣжала на крыльцо къ матери сильно взволнованная Ельская и произносила разныя ругательства на пришедшихъ. По этому поводу Бригада Губинская вмѣстѣ съ сыновьями и зятемъ отправлены были подъ арестъ въ полицію, а дочь же слегла въ постель и сказалась больною, а такъ какъ она нѣсколько дней тому назадъ выкинула, то ее и оставили въ покоѣ дома. Всѣ эти

обстоятельства были подтверждены при слѣдствіи присяжными показаніями, при чемъ нѣсколько свидѣтелей пояснили, что «Бригада Губинская была женщина самая зловредная для спокойствія города и постоянно участвовала съ своимъ семействомъ во всѣхъ беспорядкахъ, принуждая къ тому и другихъ, такъ что ее прозвали польскою королевою». Мраморная доска, про которую утверждали Губинскіе, что она разбилаь при паденіи на полъ въ то время, когда полицеймейстеръ ихъ билъ, была около четырнадцати вершковъ въ квадратъ и толщиною въ вершокъ; поэтому одному уже случайно разбиться при паденіи на полъ не могла и, для раздробленія ея на куски, очевидно, требовались особенныя усилія. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, я взялъ мраморный кусокъ болѣе четверти аршина въ квадратъ величиною и бросилъ его плашмя изо всѣхъ силъ на полъ; кусокъ этотъ, оставивши довольно глубокій слѣдъ на доскѣ, отскочилъ отъ полу на аршинъ безъ всякаго поврежденія себя. Тогда стало яснымъ, что мраморная доска, при паденіи со столомъ на полъ, какъ показали Губинскіе, не только не могла разбиться на нѣсколько мелкихъ кусковъ, но даже и треснуть пополамъ, потому что, падая со столомъ, должна была удариться ребромъ о полъ. При томъ часть орлиаго крыла, вырѣзанная на мраморѣ, которую Ельскій не успѣлъ уничтожить, служила, по точному сходству съ найденнымъ при обыскѣ вылитымъ изъ олова изображеніемъ, явною уликою Губинскихъ въ содѣянномъ преступленіи и во лжи. Замужняя дочь Губинской, это яблоко раздора, была женщина лѣтъ двадцати пяти и дурна собою, какъ смертный грѣхъ; влюбиться въ нее не было никакой возможности, хотя на вкусъ да на цвѣтъ товарища нѣтъ.

Въ виду подтвердившихся при обыскѣ обвиненій Губинскихъ въ политической ихъ неблагонадежности и безчинства, допущеннаго ими при обыскѣ, ковенскій губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленной высылкѣ ихъ съ жандармами въ Вильну. Полицеймейстеръ, желая въ точности исполнить приказаніе начальника губерніи и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь, чтобы продолжительное содержаніе Губинскихъ подъ арестомъ при полиціи не породило въ городѣ новыхъ беспорядковъ, рѣшился выслать ихъ безъ замедленія по назначенію. Затрудненіе состояло въ томъ, что Бригада Губинская взята была подъ арестъ въ одномъ платьѣ, имѣя на головѣ большой теплый платокъ, поэтому отправлять ее въ дорогу въ такомъ костюмѣ не приходилось; но съ другой стороны полицеймейстеръ призналъ неудобнымъ послать къ ней на домъ за теплою одеждою, такъ какъ сообщники Губинской могли догадаться о предстоящей ей высылкѣ изъ города и произвести беспорядки. Поставленный такимъ образомъ въ затрудненіе, полицеймейстеръ приказалъ выдать ей на дорогу теплый тулупъ, который долженъ былъ привезти обратно жандармъ, назначенный ей въ проводники. Во время

пути Губинская цѣлюю дорогу ругала жандарма и глѣза къ нему съ кулаками; веротъ за пять отъ Вильны, она сняла съ себя тулупъ и, прикрывшись однимъ платкомъ, вѣхала при легкомъ трехградусномъ морозѣ въ городъ, гдѣ и разыграла такъ искусно роль невинной жертвы москальскаго варварства.

По возвращеніи въ Вильну, я представилъ все дѣло съ подробною запискою генераль-губернатору, который, подъ влияніемъ прежняго впечатлѣнія и въ виду мѣсячнаго ареста виновныхъ, приказалъ освободить Губинскую съ семействомъ изъ заключенія, съ отдачею подъ надзоръ полиціи, при чемъ всѣ они обязаны были подпискою не выѣзжать изъ Вильны впредь до рѣшенія дѣла. Нѣсколько времени спустя, старшій сынъ Губинской Станиславъ, для присканія средствъ къ жизни, переданъ былъ свенцянскому окружному начальнику Квинтѣ, который и далъ ему мѣсто волостнаго писаря въ м. Желядзь; тамъ онъ сформировалъ, въ началѣ 1863 года, вооруженную шайку, съ которою и выступилъ 27-го января 1863 года въ Лидскій уѣздъ, на соединеніе съ бандою Нарбута, гдѣ и погибъ при стычкѣ съ нашими войсками. По окончаніи ковенсакаго слѣдствія я потерялъ Губинскихъ изъ виду, какъ вдругъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1863 года, въ одно изъ засѣданій слѣдственной по политическимъ дѣламъ комиссіи приводятъ Бригиду Губинскую, вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ, подъ арестъ за участіе въ мятежѣ. Она была въ глубокомъ траурѣ, а сынъ въ сѣрой чамаркѣ и высокихъ сапогахъ, которые покрыты были грязью; по всему видно было, что оба лица только-что возвратились изъ какой-нибудь поѣздки. И мать и сынъ обвинялись въ сношеніи съ мятежниками и въ доставленіи въ шайку Станислава Губинскаго денегъ, пороху и оружія. Допрошенные порознь, они показали, что, пришедши по обыкновенію помолиться утромъ къ Остробрамской часовнѣ, они были, неизвѣстно по какому поводу, арестованы; про мятежъ ничего не знаютъ и никакого участія въ немъ не принимали. Во время допроса Бригида Губинская неоднократно прибѣгала къ слезамъ, но, видя, что эта комедія ей не удастся, она перемѣнила тактику; упавши на колѣни и указывая на икону Спасителя, она клялась будущею жизнію, крестными ранами Богочеловѣка, всѣмъ святымъ, что арестована невинно, что сынъ ея Иванъ находился постоянно при ней, а сына Станислава не видѣла болѣе полугода и, что онъ подѣлываетъ, не знаетъ. Однимъ словомъ, разыгрывала прежнюю роль невинной жертвы русскаго варварства. Вынужденный, по распредѣленію въ комиссіи занятій, записывать со словъ Губинской всю чепуху, которую она умышленно несла, я ей сказалъ:

— Послушайте, Губинская, мы знаемъ другъ друга, къ чему эта комедія? Свѣдѣнія о васъ, добытыя прежнимъ слѣдствіемъ, имѣются въ виду комиссіи; лучше сознайтесь и показаніемъ правды облегчите вину

свою,—противу васъ есть сильныя улики; ложью ни себя, ни сына не спасете, а только увеличите мѣру наказанія.

— Ничего не знаю, ни въ чемъ не виновата,—было отвѣтомъ, съ повтореніемъ прежнихъ клятвъ, отъ которыхъ невольно бросало въ дрожь.

Полякамъ разрѣшено было показывать ложно, даже подъ присягою, по дѣламъ отчизны. Сынъ Губинской твердилъ постоянно, что въ мятежѣ не участвовалъ, не знаетъ причины своего ареста и изъ города съ матерью нигуда не отлучался. Такъ какъ обвинительные факты говорили совершенно другое, нужно было, за отсутствіемъ сознанія, приступить къ очнымъ ставкамъ съ мятежниками, взятыми въ плѣнъ послѣ разбитія шайки Нарбута, изъ которыхъ четверо утверждали, что Губинская съ сыномъ Иваномъ неоднократно прѣвѣжала къ своему сыну Станиславу въ м. Желядзь, гдѣ онъ, будучи волостнымъ писаремъ, формировалъ шайку, и привозила къ нему деньги, порохъ и оружіе; при чемъ обязались опознать и уличить виновныхъ. По ихъ-то показаніямъ и сдѣлано было распоряженіе объ арестованіи Губинскихъ, которые при этомъ оказались неизвѣстно куда отлучившимися изъ Вильны, безъ вѣдома полиціи, на чтѣ не имѣли права, такъ какъ состояли подъ ея надзоромъ. За возвратомъ Губинскихъ въ городъ полиція слѣдила: во время остановки ихъ у Остробрамскихъ воротъ они и были взяты подъ арестъ. Чтобы убѣдиться окончательно въ справедливости обвиненій, вводимыхъ плѣнными мятежниками на Губинскихъ, слѣдственная коммиссія дала предварительную очную ставку обвиняемыхъ съ обвинителями, такъ что первые ничего о томъ не знали. Съ этою цѣлію Бригаду Губинскую посадили между двумя арестантками однихъ съ нею лѣтъ и почти одинаково съ нею одѣтыми; сдѣлать это было не трудно—польки въ то время ничего, кромѣ чернаго цвѣта, не носили. Въ смежной комнатѣ подводили поодиночкѣ арестантовъ къ затвореннымъ дверямъ, на которыхъ было просверлено отверстіе въ двугривенный величинаю, и предлагали опознать между сидѣвшими женщинами Губинскую. Трое арестантовъ тотчасъ же указали на нее; когда же Губинская была замѣнена другою, четвертый объявилъ, что ее не видитъ между предъявленными лицами, и затѣмъ, когда ее показали ему между новыми личностями, арестантъ тотчасъ же опозналъ Губинскую. То же самое продѣлано было и въ отношеніи Ивана Губинскаго, который былъ поставленъ между четырьмя арестантами, онъ тоже былъ воими узнавъ. Заручившись такими данными, коммиссія пригласила Губинскихъ поодиночкѣ въ свое присутствіе. Предсѣдатель генераль-лейтенантъ Веселитскій, желая облегчить ихъ участь, предлагалъ имъ чистосердечно сознаться въ своей винѣ и общалъ ходатайствовать за нихъ о снисхожденіи. Тѣ же страшныя клятвы со стороны матери о невинности и

то же упорное заpiresательство со стороны ея сына были отвѣтомъ на всѣ его убѣжденія. Отъ женщины такого закала, какъ Губинская, трудно было и ожидать сознанія, а тѣмъ болѣе указанія на соучастниковъ; сынокъ тоже пошелъ по матушкѣ—яблочко не далеко падаетъ отъ дерева. Дѣлать было нечего; комиссія должна была путемъ очныхъ ставокъ довести ихъ до сознанія или уличить во лжи, что и было сдѣлано... Зная Бригиду Губинскую за отъявленную фанатичку и желая еще болѣе изучить этотъ темный характеръ изъ послѣдняго мятежа, я наблюдалъ за малѣйшимъ движеніемъ ея лица во время очныхъ ставокъ. Сидѣла она рядомъ съ двумя арестантками; при чемъ, для большей трудности опознанія, постарались придать еще болѣе однообразный видъ ихъ одѣянію. Когда предсѣдатель отдалъ приказъ—вводить по одиночкѣ арестантовъ, Губинская была совершенно спокойна или по крайней мѣрѣ казалась такою; ни одинъ мускулъ лица не дрогнулъ у ней, только глаза ея свѣтились огнемъ безильной злобы. Введенный повстанецъ, когда ему было приказано указать ту, которая пріѣзжала съ сыномъ своимъ въ м. Желядзь къ Станиславу Губинскому, прямо указалъ на нее, назвавъ по имени Бригидою Губинскою, и добавилъ при этомъ, что она привозила туда деньги, порохъ и оружіе.

— Что вы скажете на это? — спросилъ ее предсѣдатель комиссіи, генералъ-лейтенантъ Веселитскій.

— Онъ лжетъ,—отвѣтила Губинская,—я его вижу въ первый разъ и у сына моего Станислава въ Желядзи никогда не была,—ни одна, ни съ сыномъ.

Та же самая сцена повторилась при очныхъ ставкахъ съ другими мятежниками. Удаливши затѣмъ двухъ арестантокъ изъ комиссіи и пригласивши Губинскую сѣсть въ сторонѣ, предсѣдатель приказалъ ввести въ присутствіе Ивана Губинскаго съ другими тремя арестантами; всѣ они были одѣты въ сѣрыя чамарки и высокіе сапоги. Увидѣвши сына, Губинская, видимо, сконфузилась; исторія клонилась къ развязкѣ... Иванъ Губинскій окончательно растерялся... Какъ приговоренный, онъ стоялъ, опустивъ голову на грудь. Миѣ стало его жалко.

— Ободритесь, молодой человекъ,—сказалъ я ему;—вашимъ смущеніемъ вы только изобличаете себя; еще есть время, сознайтесь; упорство только повредитъ вамъ.

Губинскій поднялъ голову, видимо хотѣлъ что-то сказать, но, взглянувши на угрюмо сидѣвшую мать, отвѣтилъ только однимъ глубокимъ вздохомъ; вѣроятно, онъ надѣялся по прежнему примѣру выдти сухимъ изъ воды. Началась очная ставка, на которой его опознали и обвинили въ томъ же, въ чемъ была обвинена и его мать. Послѣ улики послѣдняго мятежника, Бригида Губинская бросилась на колѣни передъ генераломъ Веселитскимъ и съ воплями начала божиться, что показалал ожно о

небытности своей у сына Станислава въ м. Желядзи, желая тѣмъ спасти сына Ивана и избавиться отъ отвѣтственности за самовольную отлучку изъ Вильны. Поѣздку свою туда она пояснила желаніемъ повидаться съ сыномъ Станиславомъ, котораго они оба давно не видѣли; участіе же въ мятежѣ отрицала клятвенно. Чтобы положить конецъ этой тяжелой сценѣ, отданъ былъ приказъ отвести арестантовъ по камерамъ. Впослѣдствіи времени Губинскіе преданы были суду и понесли заслуженное наказаніе.

Вотъ съ какими личностями и какого закала намъ приходилось имѣть дѣло, а мы все еще не переставали довѣрчиво смотрѣть на пановъ и, увлекаемые ихъ лживыми увѣреніями, оказывали имъ незаслуженное снисхожденіе, а въ награду за это подвергались съ ихъ стороны разнымъ обвиненіямъ въ небывалыхъ притѣсненіяхъ и жестокостяхъ. Пусть же разсудитъ благосклонный читатель, каково было положеніе наше въ то печальное время, когда русскія власти совершенно растерялись и не знали, что дѣлать въ этомъ вихрѣ политическихъ страстей, разжигаемыхъ съ запада, когда для высылки изъ Ковны совершенно ничтожныхъ личностей потребовалось, какъ мы видѣли выше, сохраненіе тайны для избѣжанія серьезныхъ безпорядковъ. Дерзость крамольниковъ доходила до крайнихъ предѣловъ, а мы только смотрѣли на нее, какъ на дѣтскую шалость. Кто въ этомъ былъ виноватъ—произнесетъ свой судъ исторія, а я скажу только одно: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Поправки неточностей въ «Пушкинскомъ сборникѣ».

Въ недавно напечатанномъ «Пушкинскомъ сборникѣ» преподавателей и слушателей историко-филологическаго факультета Петербургскаго университета, 1900 г., въ статьѣ профессора С. К. Булича: «Пушкинъ и русская музыка», встрѣчаются неточности, нуждающіяся въ исправленіи.

Перечисляя музыкальныя произведенія, написанныя на ошибочно приписанныя Пушкину тексты, профес. Буличъ мѣстами называетъ имена настоящихъ авторовъ этихъ текстовъ, а мѣстами нѣтъ. Такъ, имъ не указано, что извѣстное стихотвореніе: «Тройка» («Вотъ мчится тройка удалая») принадлежитъ Ѡ. И. Глинкѣ; что стихи: «Зачѣмъ въ душѣ моей волненье», на которые написанъ романъ Н. Вителаро, принадлежатъ перу В. И. Туманскаго (см. стихотв. В. И. Туманскаго, Спб., 1881, стр. 145—146). Въ отдѣлѣ этомъ пропущенъ вышедшій въ Москвѣ въ 1828 г. романъ А. Л. Гурилева на неправильно приписанныя Пушкину слова: «Я очарованъ былъ прекрасной» (см. «Русск. Стар». 1879 г., декабрь стр., 732—733).

Въ библиографической работѣ, конечно, очень трудно избѣгать недочетовъ и пропусковъ, но отъ автора большаго библиографическаго труда, внушеннаго памятью Пушкина, можно требовать простаго знакомства съ произведеніями великаго нашего поэта. Приходится съ сожалѣніемъ убѣдиться, что проф. Буличу незнакомъ «Евгеній Онѣгинъ», такъ какъ онъ считаетъ ложно приписанными Пушкину стихи: «Я позабылъ вашъ образъ милый», на которые написанъ романъ В. Кашперовымъ. Стихи эти дѣйствительно принадлежатъ Пушкину и представляютъ собою вариантъ къ XXXII строфѣ VIII-й главы «Евгенія Онѣгина»; это отрывокъ изъ письма Онѣгина къ Татьянѣ (см. «Сочиненія Пушкина», изд. литерат. фонда, Спб., 1887, т. III, стр. 397).

Сообщ. Евгенія Клебанская.

Изъ переписки М. Н. Загоскина ¹⁾.

(р. 14-го іюля 1789 † 23 іюня 1852).

V. Письма П. А. Корсакова—М. Н. Загоскину ²⁾.

1.

3-го іюня 1816 г. Село Буриги, Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда.

Милый и незабвенный другъ Мишелюшка!

Хотя и не удалось мнѣ тотчасъ по прибытіи моемъ въ обитель мира отдать пріятную для сердца моего дань дружеству; однакоже надѣюсь, что братъ Саша увѣдомилъ о томъ милаго моего Мишеля; я убѣдительно его объ этомъ просилъ.

Итакъ, мой другъ, наконецъ сбылись пріятныя мечты моего воображенія:

Я, покинувъ шумный кругъ,
Улетѣлъ туда, гдѣ вѣетъ
Воздухъ родины моеи;

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1902 г., іюль.

²⁾ Петръ Александровичъ Корсаковъ (р. 1790 † 1844), весьма плодотворный писатель въ стихахъ и прозѣ, съ 1807 по 1810 г. состоялъ при нашей миссіи въ Гаагѣ, гдѣ изучилъ голландскій языкъ и литературу; въ 1823—1826 гг. служилъ, по выборамъ дворянства, уѣзднымъ судьей въ Порховѣ; съ 1835 г. по кончину былъ цензоромъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета.—Одно письмо П. А. Корсакова къ Загоскину, отъ 24-го октября 1824 года, напечатано въ „Раутъ“ Н. В. Сушкова, книга третья (Москва. 1854), стр. 307—308.

Гдѣ родимыя пенаты
 Кровь мой тихій, небогатый
 Среди наслѣдственныхъ полей
 Кроткимъ счастьемъ осѣняютъ,
 Домосѣда защищаютъ
 Отъ опасныхъ свѣтскихъ бурь!

Написавъ, между прочимъ, и эти стихи къ общему знакомцу нашему, а моему старому дружищу Потемкину ¹⁾, за мѣсяцъ передъ отъѣздомъ моимъ изъ вашего пекла, я не воображалъ, чтобы все, мною придуманное, могло такъ счастливо, такъ пріятно исполниться!

Хвала Богу, благословившему меня за долгое, долгое мое терпѣніе!

Другъ мой! ты самъ имѣешь нѣжныхъ, примѣрныхъ родителей: ты знаешь имъ дѣну. У меня одинъ только отецъ ²⁾—и тотъ еще лишень зрѣнія. Я служу ему проводникомъ, я плачу ему сыновнею любовію за устройство моего благосостоянія, за образованіе сердца моего и ума, за тѣ примѣры сыновней преданности, которыми онъ, вмѣсто пустыхъ словесныхъ наставленій, училъ мою молодость!—Понимаешь ли ты всю полноту моего удовольствія? Такъ, мой другъ, можетъ быть, ты одинъ и твои братья и сестры поймутъ меня!

Кромѣ того еще имѣю я въ утѣшеніе мое—надежду поправить не только здоровье мое, но и самый характеръ мой, который отъ безпре-
 станныхъ мнѣ козней начиналъ изъ филантропическаго превращаться въ мизантропическій. Боже мой! и мысль о томъ пугаетъ меня, перестать любить мнѣ подобныхъ, можетъ быть, и любезныхъ мнѣ!—Ужасно! И отъ чего?—Отъ злодѣйства и вѣкоторыхъ!—Нѣтъ, мой другъ, лучше злобнымъ

поклониться

И бѣжать, пока злой духъ
 Заразитъ насъ не успѣетъ.

Добрые друзья мои, какъ ты, какъ почтенные твои родители, какъ милое твое семейство, не позабудутъ меня—иногда удостоятъ грамоткою; а до другихъ мнѣ и дѣла нѣтъ!

Здѣсь—пусть буду я забытымъ
 Злобой, завистью людей,
 Пусть умру для нихъ безвѣстный,
 Лишь бы, кровнымъ всѣмъ любезный,
 Жилъ я въ памяти друзей.
 Здѣсь тихонько, осторожно
 Прощенчу Сильвановъ стихъ:
 „Гдѣ намъ лучше жить возможно,
 Если не въ кругу родныхъ?“

¹⁾ По всему вѣроятію, графу Сергѣю Павловичу Потемкину (р. 1787 † 1858), драматическому писателю, большому любителю театра.

²⁾ Александръ Степановичъ Корсаковъ († 1832).

Прочитавъ сіе, я увѣренъ, что на слѣдующей почтѣ и милой Мишель мой скажетъ пріятливое *да* вѣрному его деревенскому, а потому и искреннему другу Петру Корсакову.

Еще разъ скажи мое почтеніе батюшкѣ, матушкѣ, братцамъ, сестрицамъ и любезнѣйшей твоей супругѣ ¹⁾, которая, и не бывъ еще мнѣ совершенно извѣстна, уже любезна, потому что дѣлаетъ счастье добраго моего Мишеля, которому повторю то же, что и Потемкину:

Будь здоровъ, не забывай,
Веселись, пиши, прощай!

Мараль ли ты когда-либо въ твоихъ брульонахъ бумагу, подобно этому бѣдному, мною измаранному письму?

2.

Усадище Заховье. 15-го іюля 1816 г.

Ну какъ теперь не сказать, милый мой и безцѣнный Мишелюшка, что иногда и побраниться не дурно, особливо когда бранишь не отъ сердца, а такъ, какъ бранятся милые—только для потѣхи? Я потѣшилъ своего маленькаго червячка, котораго имѣлъ противъ моего Мишелюшки, и онъ самымъ пріятнымъ письмомъ отвѣчалъ мнѣ на легкіе мои упреки. Шутки въ сторону, братъ! А въ письмѣ твоемъ ты до того въ моихъ глазахъ оправдался, что хотъ самому себя обвинять пришлось: а такъ какъ тутъ нѣтъ середины, то ужъ хотъ я пусть буду виноватымъ передъ тобою, несмотря, что кажуся правымъ по всѣмъ правамъ естественнымъ и гражданскимъ... А чтобы ты и впередъ вѣрилъ моему смиренію, скажу тебѣ со всею наивностію деревенскаго простачка: прости меня въ томъ, что ты не писалъ ко мнѣ цѣлыя три недѣли,—для того, что, послѣ милаго твоего письма отъ 10-го сего мѣсяца, даже и въ этомъ обвинить тебя не имѣю силы!

Я всегда зналъ тебя за пламеннаго остряка; читалъ твои шуточные, замысловатые отрывки; забавлялся отъ души театральною твоею веселостію; но теперь еще въ первый разъ вижу, что и сердце твое, благородное, чувствительное сердце, такъ же хорошо управляетъ перомъ, какъ и бѣглый твой умъ. Ты опасаясь умицъ. Но, другъ мой, для нихъ ли ты ко мнѣ пишешь? Пусть ихъ съ хладнокровною, догматическою точностію взвѣшиваютъ каждое слово; между тѣмъ какъ мы съ тобою, скрывая отъ нихъ нашу откровенность, будемъ другъ друга любить и такъ же выражать это, какъ и чувствовать. Иногда, обманы-

¹⁾ М. Н. Загоскинъ былъ женатъ на Аннѣ Дмитріевнѣ Васильцовской.

вая разстояніе и разнообразія письменныя непринужденныя наши бесѣды, подсолимъ ихъ нѣсколькими веселыми шуточками (въ которыхъ у тебя недостатка не будетъ); иногда,—слѣдуя издали за послѣдователями суеты и, можетъ стать, бывъ сами, въ свою очередь, жертвами суеты,—посмѣемся (какъ въ свѣтѣ водится) надъ суетностью другихъ. Иногда—по примѣру послѣдняго твоего извѣстія о новомъ произведеніи твоей музы—и я, смиренный отшельникъ отъ шума парнаскаго, скажу тебѣ словечко о своей Мельпоменѣ или Эрато, изрѣдка посѣщающихъ мое уединеніе. Но куда что-либо затѣю, ты еще долженъ мнѣ описаніемъ твоей комедіи новаго Дворянщикагося мѣщанина ¹⁾: ты обѣщаль мнѣ его на слѣдующей почтѣ, и, вѣрно, сдержишь обѣщаніе. Но когда придетъ эта слѣдующая почта?.. Въ ожиданіи ея прибытія, подтвердимъ еще одно условіе—взаимно отвѣчать на получаемыя письма, по старой пословицѣ—долгъ платежемъ красенъ; или, пожалуй, хоть и по новой, недавно мною слышанной отъ добраго моего отца—дѣй добро, жди добра!—Послѣ страшныхъ твоихъ заклятій, особливо подъ ужасомъ воскресенія усопшаго Демокрита на похвалу трудовъ твоихъ, повѣрю, что не только ко мнѣ письма писать, но и бочку Данаидъ ворочать можешь рѣшиться!

Жаль мнѣ бѣднаго Катенина ²⁾, если ему крѣпко досталось за бѣдную его «Ольгу» ³⁾: я люблю правду; а въ этой бѣдняжкѣ многія мѣста похвалы достойны, и въ концѣ есть, по совѣсти, такіе стихи, какихъ нѣтъ и у Жуковскаго ⁴⁾; хотя я и не прочь отъ того, что переводъ послѣдняго, особливо въ началѣ, гораздо выше Катенинскаго. Критики я еще не читалъ, отъ того, что благодѣтель нашъ и почтеннѣйшій братъ Гречъ ⁵⁾ (котораго надо бы посѣчь) вдругъ, остановя благодѣянія свои на нынѣшнемъ полугодіи, прекратилъ неизвѣстно почему присылку своего журнала. Вѣроятно, однакожь, что въ этомъ болѣе виноваты мои петербургскіе комиссіонеры. Опять таки, по пословицѣ, не хлѣбу ходитъ за брюхомъ, не Гречу за Корсаковымъ, но брюху за хлѣбомъ, Корсакову за Гречемъ, который даромъ, безъ платежа квартиры, снабжалъ мое умственное чрево своимъ умствен-

¹⁾ Въ 1817 году вышла комедія Загоскина: „Господинъ Богатовъ, или провинціалъ въ столицѣ“.

²⁾ Павла Александровича (р. 1792 † 1853), извѣстнаго писателя, чело-
вѣка большаго ума и образованія.

³⁾ Въ „Сынъ Отечества“ 1816 года, ч. XXX, № 24, Катенинъ напечаталъ балладу „Ольга“, — переложеніе Бюргеровой баллады „Ленора“. Критика на „Ольгу“ помѣщена въ „Сынъ Отечества“ 1816 года, ч. XXXI. № 27.

⁴⁾ Въ 1808 году Жуковскій написалъ „Людмилу“. (Русская баллада, подраженіе Бюргеровой „Ленорѣ“).

⁵⁾ Н. И. Гречъ, издававшій „Сынъ Отечества“.

нымъ хлѣбомъ Но я вижу, что нѣсколько плоское сравненіе возмутило остроту твоей натуры, и потому не лучше ли къ ф и н и с у? Сегодня что-то врется; не лучше ли дать пройти этому умственному затменію и до будущей почты сказать тебѣ—прости, пиши и помни вѣрнаго твоего друга Петра Корсакова.

Село Буриги. Іюля 18-го числа.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Въ прошлую субботу настрочилъ я тебѣ, милый Мишелюшка, цѣлыя три страницы вранья, которыя съ переездами сюда, въ село батюшкино, опоздали на почту. Немного потерялъ бы ты, еслибъ онѣ и вовсе не дошли; но я, можетъ быть, потерялъ бы въ добромъ мнѣніи о моей исправности, и потому, какъ прежнее письмо мое вылилось, такъ его и посылаю, въ доказательство строгаго исполненія заключеннаго нами трактата.—Слѣдующая почта съ подробнымъ извѣстіемъ о твоей комедіи еще не приходитъ, и я жду ее на слѣдующей недѣлѣ, желая, сколько можно мнѣ будетъ, оправдывать отсутствующихъ, вопреки французскому обычаю, по которому *les absents ont toujours tort*. Скажи даже и Новикову, общему нашему собрату, мнѣ по Адаму и еще кое по чему, а тебѣ и по потомству Адамову, что его молчаніе на братскій мой вызовъ переносу я въ молчаніи и безъ сердца: ему, вѣрно, некогда; вотъ и все тутъ; но я увѣренъ, что и самый недосугъ его не мѣшаетъ иногда вспомнить о преданномъ ему жителѣ деревенскомъ.—Строеніе барскаго моего дома, въ усадищѣ Захонѣ, на берегахъ излучистой Шелони, поостановилось немного за сельскою нашею мѣженью и такъ называемою страдною порою, т. е. временемъ уборки хлѣба.—Видишь ли, другъ мой, что и я, недавній предъсимъ горожанинъ, знакомлюсь уже съ лексикономъ поселянъ! Боюсь, чтобы скоро не начать писать языкомъ моихъ древнихъ шелонскихъ республиканцевъ; что же до разговора, то иногда, — вѣроятно отъ желанія быть внятнѣе добрымъ моимъ крестьянамъ,—я забываюсь и говорю совершенно ихъ нарѣчіемъ. Хорошо, что нѣту здѣсь на то время какого-нибудь Шашкова: онъ бы задалъ мнѣ такихъ приѣма два—три изъ грамматики, отъ которыхъ бы и въ глазахъ посоловѣло. Но я вижу, что, если мнѣ слушаться моего сердца, то письму моему не видать конца. Послушаюсь на сей разъ необходимости—недостатка мѣста и скажу тебѣ въ заключеніе то же самое, что говорилъ и въ началѣ: люблю милаго Загоскина, любилъ и любить буду. Въ чемъ просить увѣрить и все семейство его вѣрно преданный П. Корсаковъ.

3.

(1817 года).

Безцѣнный другъ Михайла Николаевич!

Пріятно мнѣ видѣть, что деревенскаго пустытника не совсѣмъ еще позабыли его столичные отоварищи. Милое письмоце твое много меня порадовало и открыло нѣкоторыя опіски въ предыдущихъ письмахъ моихъ, а именно:

Написано: Ай, да братцы молодцы...

Читай: Ай, да братецъ молодець!

какую погрѣшность прошу исправить и еще разъ повторить въ единственномъ числѣ за лихой отпоръ пасынковъ.

Мнѣ кажется, другъ мой, что редакторъ «Сына Отечества» впадаетъ въ младенческую глупость: въ послѣднемъ № его читалъ я такое жалкое повтореніе твоихъ словъ, что мнѣ за него стало совѣстно. И Журналъ королевскій, и Газета Французская не отвѣчали еще съ такимъ простодушіемъ Жолюму Карлу¹⁾.

Не знаю, другъ мой, угодилъ ли на тебя присылкою послѣдней статьи о учителяхъ нашихъ, гдѣ, кажется, и касимовцу на грибы досталось²⁾.

Посылаю при семъ окончаніе моеи Исторіи³⁾ и нѣсколько добытыхъ мною стиховъ. Въ первой прошу велѣть выставить по порядку номера въ замѣчаніяхъ, какъ они слѣдуютъ послѣ предыдущихъ главъ.— Если бы зналъ, какихъ трудовъ будетъ мнѣ стоить сей историческій отрывокъ, то лучше бы вовсе не предпринималъ его. Болѣе двадцати увражей прочелъ и изъ выписокъ принужденъ создать нѣчто цѣлое. Слава Богу, что кончилъ! Теперь займусь присылкою тебѣ какой-нибудь веселенькой статьи для нравовъ или политическихъ діалоговъ

¹⁾ Журналъ „Le Nain Jaune, ou journal des arts, des sciences et de littérature“, основанный Sauchois Lemaire'омъ, издавался съ конца 1814 года и нападалъ на роялистовъ и противниковъ свободы. Съ возвращеніемъ Бурбоновъ (въ іюль 1815 г.) „Nain Jaune“ былъ запрещенъ. Sauchois удалился въ Бельгію, гдѣ съ марта по ноябрь 1816 года издавался „Le Nain Jaune réfugié“.

²⁾ Вѣроятно, здѣсь разумѣется одна изъ двухъ статей Корсакова въ издававшемся въ 1817 году имъ вмѣстѣ М. Н. Загоскиннмъ и Похорскимъ журналѣ „Сѣверный Наблюдатель“: Совѣтники (№ 9, стр. 275—278), или Кого больше? Кто полезнѣе? (№ 13, стр. 401—408). Статьи подписаны псевдонимомъ Корсакова „Русскій Пустытникъ“.

³⁾ Статья Корсакова „Краткая исторія свободы тисненія во Франціи“ печаталась въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“ 1817 года (съ № 6 по № 18; въ концѣ статьи (въ № 18) стоитъ подпись: П. Крскв.).

Джона-Буля съ министрами, присовокупляя къ нимъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ.

По крайней мѣрѣ не скажешь ты, чтобы я не содѣйствовалъ братцу молодцу моему по мѣрѣ силы и способовъ.

Увѣдомь меня, что ты думаешь на будущее полугодіе ¹⁾? Проклятыя дѣла мои меня давятъ. Но у меня есть всегда время усердно дѣйствовать съ милымъ моимъ другомъ. Весь твой Пьеръ.

Почтенному твоему семейству мое неслетное почитаніе.

4.

18-го мая 1824 г. С.-Петербургъ.

ЛѢННИВЫЙ, забывчивой и все еще равно памятный и любезный другъ **Михайла Николаевичъ!**

Если бы не новыя произведенія милаго и веселаго комика Загоскина, то я не зналъ бы и до сихъ поръ, существуетъ ли прежній товарищъ мой и побратимъ парнасскій? И въ старые годы еще лѣньность твоя, какъ корресподента, заставляла меня писать тебѣ упреки въ довольно негладкихъ стихахъ; теперь же, когда ты самъ такъ удачно пустился въ стихобѣсіе (*métromanie*); когда прелестная комедія твоя «Урокъ холостымъ» ²⁾, по дружбѣ ссудившаго меня ею почитателя твоего г. Каратыгина ³⁾, разглаживаетъ морщины столичной моей скуки, не смѣю настраивать ржавныя струны заплывшей моей лиры, а буду бранить тебя въ прозѣ, какъ ты бывало бранивалъ Русскаго Пустынника подъ литерою А и Б ⁴⁾.—Бранить?... Но кстати ли?—Развѣ бранятся съ тѣми, до кого есть дѣло? Не лучше ли постараться извинить твое долгое молчаніе? И будто это такъ трудно? Мало ли увертокъ представляетъ намъ благодатная наша юриспруденція? И мнѣ ли избранному собратіями моими Порховской округи въ судьи цѣлаго уѣзда ⁵⁾ съ 45.000 жителей, не найти 45 резоновъ къ оправданію стороны, въ пользу которой наклоняются вѣсы моего правосудія?—Во 1-хъ,

¹⁾ Въ 1818 году „Сѣверный Наблюдатель“ уже не выходилъ.

²⁾ Написана въ 1822 году.

³⁾ Извѣстнаго трагика Василія Андреевича Каратыгина († 1853 г.).

⁴⁾ „Русскій Пустынникъ“—псевдонимъ П. А. Корсакова. Въ 1817 году Корсаковъ издавалъ журналъ „Русскій Пустынникъ, или Наблюдатель отечественныхъ нравовъ“. Въ № 4 этого журнала (стр. 94—95) напечатано письмо къ редактору этого журнала, подписанное буквами А. Б. В., по поводу помѣщенной въ томъ же журналѣ статьи: „Замѣчанія русскаго объ иностранномъ театрѣ“.

⁵⁾ Какъ сказано выше, П. А. Корсаковъ въ 1823—1826 гг. служилъ въ Порховѣ уѣзднымъ судьбою.

ты авторъ-стихотворецъ, слѣдственно часто бываешь въ маральной отлучкѣ; 2-е, ты членъ московской дирекціи ¹⁾ и, вѣрно, не всегда свободенъ; 3-е, ты въ чадѣ заслуженныхъ похвалъ многолюдной столицы и, весьма естественно, не всегда властенъ думать о друзьяхъ, заточенныхъ судьбою и обязанностями на тѣсную сцену провинціального театра; 4-е, 5-е, 6-е... Но неужели всѣ 45 резоновъ мнѣ выписывать? Пожалѣемъ лучше нашего времени и заключимъ рѣшительнымъ опредѣленіемъ: «Объявить Михаила Николаева сына Загоскина отъ суда и слѣдствія свободнымъ».—Но такъ какъ по порядку древняго и новаго судопроизводства принято за основаніе, что правосудіе есть рѣдкая вещь и ее ни въ какихъ палатахъ не даютъ задаромъ, то и я попрошу у тебя за оправданіе твое нѣсколькихъ взятокъ.—Какихъ?—объясняюсь.

Молодой Росціи нашъ—г. Каратыгинъ,—отступя отъ общаго обычая новѣйшихъ питомцевъ русской сцены, почитающихъ—весьма основательно!—просвѣщенные занятія въ словесныхъ наукахъ несомнѣнными съ ихъ званіемъ, возмечталъ, согласно съ мнѣніемъ собратій своихъ Ифланда ²⁾, Гаррика ³⁾, Дмитревскаго ⁴⁾ и еще нѣкоторыхъ столь же не важныхъ лицъ, что игра актера образованнаго будто бы можетъ быть благороднѣе на театрѣ... Возмечталъ, и для опыта переложилъ твою прелестную комедію «Доброй малой» ⁵⁾ въ добрые и гладкіе русскіе стихи.—Я, прослушавъ ее, осмѣлился ему за тебя поручиться, что ты не только за посвященіе тебѣ пьесы сей и приношеніе твоего отъ твоихъ не посердишься, но и съ удовольствіемъ увидишь комедію сію въ стихотворномъ видѣ ея на сценѣ.—Скромный поэтъ нашъ, однакоже, сему не вѣритъ и хочетъ сильнѣйшихъ доказательствъ—письменнаго твоего дозволенія. Я опять така общать ему и это осмѣлился, въ надеждѣ, что ты въ семъ письменномъ дозволеніи дружбѣ моей не откажешь. Итакъ подтверди мнѣ скорѣе, что я не ошибся; напиши на все это отвѣтъ съ первою почтою и пришли письмо твое подъ кувертомъ моего кліента Василя Андреевича Каратыгина, перваго трагическаго актера С.-П(етер)бургскаго русскаго театра.—Вотъ первая моя затка; вторую—пусть будетъ другое извѣстіе: живъ ли, здоровъ ли, веселъ ли ты и все любезное твое семей-

¹⁾ Загоскинъ съ 1823 года былъ членомъ по хозяйственной части дирекціи московскаго театра.

²⁾ Росціи—знаменитый римскій актеръ, пріятель Цицерона.

³⁾ Августъ-Вильгельмъ Ифландъ (Iffland, р. 1759 † 1814), нѣмецкій актеръ и писатель.

⁴⁾ Давидъ Гаррикъ (Garrick, р. 1716 † 1779), англійскій актеръ, писавшій и комедіи.

⁵⁾ Иванъ Аванасьевичъ (р. 1736 † 1821), извѣстный русскій актеръ.

⁶⁾ Эта комедія была написана Загоскинымъ въ 1820 году.

ство; что ты теперь поддѣливаешь; представляютъ ли тебѣ иногда воспоминавiя прошедшихъ временъ—одного довольно страннаго (какъ ты называлъ), но не совсѣмъ дурнаго провинціала, привосившаго не въ однихъ стихахъ, но на самомъ дѣлѣ жертвы родимымъ пенатамъ? Такъ ли тебѣ памятенъ, какъ ему, канувшіе въ нѣмую вѣчность часы, въ которые искренность и прiязнь оживляла твои съ нимъ бесѣды?... И провинціалъ твой, любезный другъ, сдѣлался, подобно тебѣ, отцемъ семейства ¹⁾: трое прелестныхъ амуровъ увѣнчали его счастливый бракъ, и наконецъ, послѣ бурныхъ дней столичной мятели, отдохнулъ и онъ въ мирной пристани стороны родимой, забывая помалу театральныя сплетни, литературныя ненависти, тупое остроуміе и едѣльныя журналовъ и тому подобныя утѣшенія литераторовъ.—Кто бы увѣрилъ меня, наслаждавшагося скромною радостію жителя полей, что Фемида, слѣпая Фемида, сдѣлается рушительницею моего спокойствiя? Какъ бы ты думалъ? Сперва, по ея милости, попалъ я, какъ дворянинъ, въ уѣздные суды моей округи; а потомъ попалъ самъ, какъ помѣщикъ, въ когти уѣзднаго суда, палаты и, наконецъ, въ бездну юстиціи—въ Правительствующій Сенатъ.—Тутъ узналъ я справедливость пословицы. Одна изъ нихъ говорить:

Le vrai malheur des hommes d'ici-bas—
Est d'avoir femme et procès sur les bras ²⁾.

За первую я, конечно, долженъ благодарить Провидѣніе, какъ за кладъ; а за второй... Но къ чему роптать прежде времени? Не помню ты, или Шамшевъ, говаривалъ: Il faut être philosophe..., и я слѣдую вашему правилу.

Молчу, покорствую и въ томъ всю славу мѣрю.

Пока правосудіе не разрѣшитъ онѣмѣлаго языка моего, позволю хоть мысленно обнять тебя такъ же крѣпко, какъ ты въ старину сжималъ руку друга твоего и побратима П. Корсакова.

5.

Г. Порховъ. Усадище Захонье. Генваря 25 дня 1830.

Любезнѣйшій другъ Михайло Николаевичъ!

Вмѣсто утраченнаго по милости петербургской театральной дирекціи экземпляра моей процензурованной трагедіи «Гедвига и Ягелъ»

¹⁾ П. А. Корсаковъ былъ женатъ два раза: первый разъ на Шарлоттѣ Бетлингъ († 1810 г.), второй разъ (съ 1818 г.)—на Александрѣ Ивановнѣ Буткевичъ.

²⁾ Т. е. Истинное несчастье людей—это имѣть жену и судебную тяжбу.

лонъ», или «Судъ Божій», долженъ я былъ составить новый экземпляръ изъ черновыхъ листковъ сей пьесы, дабы воспользоваться готовностію твоею удружить ея автору; итакъ, проценировавъ вторично сію трагедію, отправляю къ тебѣ въ Москву бѣлокаменную, гдѣ по крайности не уничтожаютъ пьесъ, по чему-либо неугодныхъ начальству театра, и не лишаютъ автора достоянія—богатаго или убогаго, но тѣмъ не менѣе принадлежащаго ему по всѣмъ законамъ справедливости и разсудка.

Вотъ тебѣ, милой другъ и товарищъ, моя польская страница въ землѣ чуждей; не покинь ее, и да благоволитъ всемогущій Фебъ, чтобы вступленіе ея на помосты его московскаго храма было счастливымъ древняго царствованія на престолѣ польскомъ! Если, при критическомъ разборѣ пьесы сей, понадобилось бы сдѣлать для представленія ея на театрѣ нѣкоторыя перемѣны или урѣзки, хода дѣйствія не нарушающія, то я довѣряю ихъ произвести твоему познанію сцены, вкусу и доброжелательности къ старинному твоему собрату. При семъ случаѣ, заботься, какъ говорятъ французы, о томъ, что они называютъ *le spirituel de la chose, n'oubliez pas aussi le temporel*¹⁾, по несчастію, тоже немаловажную вещь въ семъ мѣрѣ нужды и недостатковъ карманныхъ, гдѣ честь честию, а и благодѣянія благодѣяніемъ.

Еще слѣдуетъ одна просьба: поклониться отъ меня нашему Орфею—Верстовскому²⁾ и попросить его, въ память дружбы къ умоленному навѣки кудрявому пѣвцу Николаю Корсакову³⁾, написать музыку хоровъ и романса моей «Гедвиги» съ тѣмъ гениальнымъ искусствомъ, которое отличаетъ его мелодію въ твоёмъ необыкновенномъ твореніи «Панъ Твердовскій»⁴⁾.

Съ истиннымъ наслажденіемъ читалъ я твое новѣйшее произве-

¹⁾ Т. е. заботься о духовномъ, не забывайте и матеріальнаго.

²⁾ Композитору Алексѣю Николаевичу Верстовскому (р. 1799 † 1866).

³⁾ Братъ П. А. Корсакова, Николай Александровичъ Корсаковъ, товарищъ Пушкина по лицей, принадлежалъ къ числу лицейство-литераторовъ; онъ участвовалъ въ изданіи лицейскихъ журналовъ и самъ писалъ стихи. Но главное, чѣмъ онъ отличался, это были его музыкальныя способности: онъ прекрасно игралъ на скрипкѣ и былъ отчасти композиторъ. По выходѣ изъ лицей Н. А. Корсаковъ былъ причисленъ къ нашей миссіи въ Римъ и въ 1820 году умеръ во Флоренціи (см. Сочиненія Пушкина (академич. изданіе, съ примѣчаніями Л. Н. Майкова), т. I, изданіе второе, Спб. 1900, примѣчанія, стр. 67).—«Кудрявымъ пѣвцомъ» Н. А. Корсаковъ названъ въ стихотвореніи Пушкина „19-го октября 1825“. Строфа четвертая этого стихотворенія, посвященная памяти Корсакова, начинается такъ: „Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ“. Извѣстіе о смерти Корсакова вызвало стихотвореніе Пушкина „Гробъ юноши“.

⁴⁾ Опера; текстъ Загоскина; музыка Верстовскаго (написана въ 1828 г.).

деніе — «Благородный театр»¹⁾: новѣйшее для насъ, поселятъ, и, можетъ быть, не послѣднее для вашей братьи, гражданъ шумнаго свѣта. Знаешь ли, что ты изумилъ меня? Ты, дезертиръ изъ царства поэзій, пишешь стихами, и какими! Не грѣхъ ли тебѣ было такъ долго лишать публику удовольствія читать твои прелестныя комедіи на пріятномъ, легкомъ, стихотворномъ языкѣ? Что-то теперь ты подѣлываешь? Вѣроятно, не лѣнишься: иначе стыдно тебѣ будетъ, и слѣдуетъ снять съ тебя на базарѣ шапку.

Живы ли, здоровы ли милые твои семьянитяне? Удостоиваютъ ли они и почтеннѣйшая твоя супруга воспоминаніемъ своимъ меня и жену мою Александру Ивановну²⁾, ихъ записныхъ любителей?

Ты прежде меня ознакомилъ съ званіемъ отца семейства; но и я не отсталъ отъ тебя: трое живыхъ амуровъ *à la lettre*, четвертый на мази и пятый во гробѣ: вотъ мои произведенія въ пользу народонаселенія Россіи. Много радостей, милый дружище, но много и заботъ, особливо кому не всегда *goûté* по дѣламъ хозяйства. Ты живешь на деньгахъ, и потому не знаешь, что это за звѣрь — деревенская экономія. Сегодня пожаръ, завтра неурожай, послѣзавтра удадокъ цѣнъ на продукты и, наконецъ, опись имѣнія, заложенаго по праву россійскаго благороднаго дворянства въ Опекуинскомъ совѣтѣ или Заемномъ банкѣ; а кушать-обѣдать надобно; а вина рюмку поднести доброду гостю необходимо; а neodѣтому выѣхать совѣстно, и тому подобныя тысячи тысячъ нуждъ и необходимостей образованнаго общества, неизвѣстныхъ на островахъ Тихаго моря Отаити и Овайги, гдѣ вмѣсто домовъ, стоящихъ намъ нѣсколькихъ тысячъ рублей серебромъ или ассигнаціями, живутъ въ шалашахъ, покрытыхъ банановыми листьями; гдѣ, вмѣсто аглицкаго или, что еще дороже, русскаго сукна, носятъ платье Адама и Евы; гдѣ не знаютъ ни ломбардовъ, ни банковъ, ни гражданскихъ палатъ, безъ которыхъ бы мы пропали, а съ которыми все-таки пойдемъ когда-нибудь по *міру etc., etc., etc.*, и сколько вылилось бы еще *et cetera*, если бы опасность превратить письмо къ другу въ огромную диссертацію не остановила потока сихъ этцетеръ при самомъ ихъ началѣ.

Не пора ли кончить? Я думаю. Чѣмъ же заключить сіе маранье своевольнаго пера? Опять таки просьбою: возобновить имя Корсакова въ памяти незабвеннаго Федора Федоровича Кокошкина³⁾ и донести ему нелестную преданность отъ искренняго его почитателя. Бывъ по

¹⁾ Эта комедія Загоскина написана въ 1828 году.

²⁾ См. выше, стр. 357, прим. 1-е.

³⁾ Федоръ Федоровичъ Кокошкинъ († 1838), любитель литературы и записной театралъ, управлялъ съ 1823 по 1831 годъ московскимъ театромъ.

лѣту въ Петербургѣ, я съ немалою пріятностію удивился, найдя въ одномъ журналѣ, показанномъ мнѣ почтеннымъ нашимъ Гнѣдичемъ, что ея сіятельство княгиня Катерина Семеновна Гагарина ¹⁾ и еѳо превосходительство Ѳ. Ѳ. Кокшкінъ порадовали всѣхъ необыкновеннымъ своимъ талантомъ въ одномъ приватномъ спектаклѣ. Слѣдовательно Мельпомена наша уже исчезла съ поприща ея прежней славы, и одна память о ея великомъ талантѣ, какъ эхо волшебной мелодіи, будетъ насъ очаровывать напредки.

Ай, ай, ай! 3-я страница уже къ концу, а я еще не кончаю. Прости же, другъ любезнѣйшій, дабы опять отрада бесѣдовать съ тобою не завлекла долѣе преданнаго тебѣ друга Петра Корсакова.

6.

Порховскаго уѣзда с. Захонье. 18-го ноября 1832 г.

Въ надеждѣ на Бога и на тебя, мой незабвенный другъ Михайла Николаевичъ, хоть не бывалъ понтеромъ, а рѣшаюсь загнуть уголъ: посылаю новый списокъ моей трагедіи «Гедвига» прямо на твое имя, а не въ контору—*crainte de nouvel accident*.

Трагедія моя полуромантическая и не на ходуляхъ ходитъ, а потому можетъ быть и сойдетъ—середкой на половинѣ. Будетъ она достойною вниманія публики, то актеры ея не совсѣмъ уронятъ; а нѣтъ, то не поддержитъ ея и искусство актеровъ. Впрочемъ, если, по прежнему общанію, напишетъ нашъ знаменитый Верстовскій для пьесы моей хоры и романсъ; если ты, мой старинный другъ, велишь дать ея съ принадлежащими къ ней украшеніями и господа актеры удостоятъ меня хоть въ половину того доброжелательства, которое имѣлъ всегда ко мнѣ нашъ неподражаемый Куперъ ²⁾—авторъ «Юрія» и «Рославлева» ³⁾, то я не совсѣмъ еще упаду духомъ, и попрошу только объ одномъ: не выставлятъ моего имени до поры до времени на афишѣ. Коли пойдетъ дѣло на ладъ, то автора узнать еще успѣютъ...

Нетерпѣливо жду твоего новаго зимняго гостя ⁴⁾, о которомъ пред-

¹⁾ Знаменитая актриса Екатерина Семеновна Семенова († 1849), съ 1828 года бывшая замужемъ за княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Гагаринымъ.

²⁾ Знаменитый американскій романистъ (р. 1789 † 1851).

³⁾ „Юрій Мирославскій“ вышелъ въ свѣтъ въ 1829 г., а „Рославлевъ“ въ 1831 году.

⁴⁾ Въ 1833 году былъ изданъ новый романъ Загоскина „Аскольдова могила“.

увѣдомляешь письмомъ твоимъ. Жду его цѣлою семьею моею, дабы вмѣстѣ съ публикою поглотить его и затвердить его, какъ затвердилъ уже два первыхъ твоихъ произведенія. Не могу не сказать одного, что и вдова твоего молчаливаго офицера, живущая отъ меня въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, узнала героя своего—Фигнера ¹⁾ въ безымянномъ портретѣ его, украшающемъ прекрасную галлерей «Рославлева».

Что сказать о себѣ? Жизнь моя течетъ въ единообразіи, къ коему обрекла меня судьба: тогда какъ бывшіе мои товарищи теперь министрами и мало-мало—губернаторами!.. Но когда и они, и я дойдемъ до философской цѣли нашего странствія, то, вѣроятно, и имъ такъ же, какъ и мнѣ, такъ же, какъ и недавно переселившемуся въ вѣчность доброму отцу моему Александру Степановичу—не болѣе сажени земли нужно будетъ для вѣчнаго покоя! Боюсь одного, чтобы къ вечеру дней не втащили меня подрастающія дѣти въ метель, отъ которой я такъ постоянно устранился. Признаюсь, что начинать будетъ позднеенько: но чего не рѣшится сдѣлать отецъ пятерыхъ милыхъ херувимовъ, въ которыхъ красота тѣлесная есть еще меньшее достоинство? *Bon gré, mal gré il faudra que l'amour progre cède à l'amour paternel* ²⁾. Ты, мой безцѣнный другъ, не прерывалъ теченія своей службы и потому не можешь чувствовать, какъ трудно человѣку моихъ лѣтъ идти опять въ рекруты и попасть (можетъ быть) подъ команду къ какому-нибудь писарю, котораго нѣкогда самъ я грамотѣ учивалъ... *De la philosophie, et encore une fois de la philosophie!* вотъ совѣтъ, который даетъ не совсѣмъ худое сердце довольно строптивому уму. Да не говорить ли и пословица: *Il faut toujours laisser faire ce qu'on ne peut pas empêcher?* ³⁾.

Симъ заключаетъ нынѣшнюю бесѣду съ тобою неместный другъ твой по душевнымъ чувствамъ и почитатель по великимъ твоимъ дарованіямъ не совсѣмъ еще остылый къ міру пустынный Петръ К(орсаковъ).

Р. С. Донеси мое и Александры Ивановны моей уваженіе почтенной и милой твоей супругѣ и, пожелавъ ей здоровья, ознакомь насъ при первомъ случаѣ съ твоею семьею, назвавъ мнѣ поименно твоихъ малютокъ. Что твоя почтенная матушка, братцы, сестрицы и батюшка? Живы ли, здоровы ли, и гдѣ?

¹⁾ Извѣстнаго партизана Отечественной войны Николая Самойловича Фигнера (р. 1787 † 1812).

²⁾ Т. е. какъ ни какъ, самолюбіе должно будетъ уступить родительской любви къ дѣтямъ.

³⁾ Т. е. Незабѣжнаго не отвратишь.

VI. Письма Н. И. Гнѣдича—М. Н. Загоскину ¹⁾.

1.

С.-Петербургъ. Апрѣля 19-го 1821.

Послѣ «Авторской клятвы» ²⁾ я уже перестану и удивляться твоимъ истинно блистательнымъ успѣхамъ, любезный другъ Михайло Николаевичъ! Или, лучше сказать, перестану думать, что сложеніе стиховъ дѣло не легкое; оно, видно, трудно было только для меня. «Авторскую клятву» читалъ я вчера въ собраніи соревнователей ³⁾. Она какъ слушана съ истиннымъ удовольствіемъ, такъ и балотированіемъ принята единогласно; въ ихъ журналѣ будетъ и напечатана, также и твое ко мнѣ посланіе ⁴⁾. Съ «С(ыномъ) Отец(ества)», при новомъ опекунѣ его ⁵⁾, я не такъ коротокъ, несмотря, что опубликованъ въ числѣ завербованныхъ поэтовъ. Въ первой пѣсѣ, кромѣ все мучитъ меня (такъ не пишется) и еще двухъ легкихъ переправокъ, все остается безъ перемѣны. Обѣ пѣсы твои читалъ я Савѣ Михайл(овичу) ⁶⁾ и Мар(ѣ) Степ(ановнѣ), и ты легко можешь вообразить ихъ изумленіе. Но удовольствіе Крылова при слушаніи «Автор(ской) клятвы», вѣрно, лучшая

¹⁾ Это письмо Гнѣдича служить отвѣтомъ на письмо къ нему Загоскина отъ 16-го апрѣля 1821 г., напечатанное въ приложеніи къ Отчету Императорской Публичной Библиотеки за 1895 годъ, стр. 41—42.—Три письма Гнѣдича къ Загоскину, отъ 11-го марта 1824 г., 11-го февраля и 12-го мая 1830 г., напечатаны въ „Раутѣ“ Н. В. Сушкова, книга третья (Москва. 1854), стр. 297—301. Изъ помѣщаемыхъ нынѣ писемъ Гнѣдича были приведены двѣ небольшія выписки въ „Биографіи М. Н. Загоскина“, написанной С. Т. Аксаковымъ (Москва. 1855), стр. 14 и 15.—Отвѣтомъ на это письмо Гнѣдича служить письмо Загоскина отъ 2-го мая, напечатанное въ „Современномъ Обзорѣннѣ“ 1868 г., февраль, стр. 289—290.

²⁾ Сцены въ стихахъ, написанныя Загоскинымъ въ 1820 году. До этого года Загоскинъ не писалъ стиховъ.

³⁾ Т. е. въ собраніи Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности.

⁴⁾ „Авторская клятва“ напечатана въ „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія“ 1821 года, № VII, стр. 98—105. „Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу“, первые стихи Загоскина, помѣщены въ томъ же журналѣ за тотъ же годъ, № VI, стр. 302—307.

⁵⁾ Въ письмѣ отъ 16-го апрѣля Загоскинъ просилъ Гнѣдича сообщить ему, намѣренъ ли Н. И. Гречъ напечатать въ своемъ журналѣ „Сынъ Отечества“ Посланіе Загоскина къ Гнѣдичу. Съ 1821 года „Сынъ Отечества“ сталъ издаваться Гречемъ совмѣстно съ А. Ѳ. Воейковымъ.

⁶⁾ Мартынову (ср. „Современное Обзорѣннѣ“ 1868 года, февраль, стр. 286, прим. 9). Мать М. Н. Загоскина, Наталья Михайловна, была рожденная Мартынова.

тебѣ порука за достоинство пѣсы, основанной на дѣйствіи и характерѣ и написанной живо и чисто. Самая жѣ пѣса порука намъ, что ты подарить театрѣ комедіею въ стихахъ. Начинай смѣло и немедля, любезной другъ, но не стихами, а прозою, прозою, т. е. планомъ, планомъ. Сообрази, т. е. раздѣли предметъ на дѣйствія и явленія, назначь число лицъ и набросай кратко экстрактъ всего, что они будутъ говорить и дѣлать. Разверни, т. е., вслѣдствіе сдѣланнаго соображенія, пиши сцены въ прозѣ, пиши все, не откидывая ни одной мысли, какова бы она ни была, пиши со всѣмъ жаромъ вдохновенія, не заботясь, хорошо или дурно пишешь. А послѣ этого—съ простывшею головою, размотри, лишнее выкинь, холодное оставь—перемѣни и пиши стихами. Вотъ тебѣ урокъ, чтобъ ты не напрасно называлъ меня учителемъ. Но оканчиваю письмо, чтобъ успѣть на почту. Всѣ три письма, отъ марта 3-го, 7-го и 30-го ¹⁾, я получалъ, но кн(язя) Долгорукова ²⁾ еще не видѣлъ. Обнимаю тебя, поэтъ, въ пріятныхъ ожиданіяхъ хорошихъ о тебѣ вѣстей и стиховъ. Тебѣ душевно преданный Н. Гнѣдичъ.

Р. S. Письмо начато съ жаромъ дружбы и перевернуто Богъ знаетъ по-каковски.

2.

С.-Петербургъ. Маія 19-го 1821.

Не думаю, мой другъ, чтобъ хвалы могли избаловать тебя. Ты имѣешь и умъ, и совѣсть дарованія, чтобъ не ослѣпляться собою. Успѣхи твои дѣйствительно, во всемъ смыслѣ этого слова, блистательны—такъ никто не начиналъ; ты понимаешь меня: не начиналъ. «Выборъ невѣсты» ³⁾—та же пріятность, живость и красота въ стихахъ, но самой предметъ ослабленъ: есть длинноты и вялости. Я никакъ не могу сравнивать ее съ «Авторскою клятвою». При всемъ этомъ пѣса имѣетъ достоинства и сдѣлала пріятное впечатлѣніе въ Обществѣ современов(ателей), гдѣ она была читана. Тамъ же я слышалъ и твои разговоры въ прозѣ. Ихъ читалъ Гречъ, и читалъ прекрасно. Мысль чрезвычайно оригинальная, веселая и выполнена отменно пріятно. Родъ этотъ, то-есть маленькія сочиненія въ разговорахъ, можетъ быть лучшимъ упражненіемъ твоего таланта для отдыховъ отъ работъ серьезныхъ, то-есть большихъ. Прочитай разговоры Лукіана, переводъ на

¹⁾ Эти три письма Загоскина напечатаны въ „Современномъ Обзорѣніи“ 1868 г., февраль, стр. 287—289.

²⁾ Князя Михаила Петровича Долгорукова, сына писателя князя Ивана Михайловича; князь М. П. Долгоруковъ желалъ заниматься въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и Загоскинъ рекомендовалъ его Гнѣдичу (тамъ же, стр. 286, письмо отъ 3-го марта).

³⁾ Написанъ Загоскинымъ также въ 1821 г.

француз(скій), а еще лучше прекрасный переводъ Виланда на нѣмецкомъ. Журналы наши ведутъ себя отиѣнно не забавно и даже не потѣшно. Этого мало—они какъ (бы) сговорились продавать свою совѣсть. Что, напримѣръ, скажутъ потомки, читая вдругъ во всѣхъ журналахъ, въ «С(ыиѣ) О(течества)», въ «Вѣст(никѣ) Евр(опы)», въ «Соревноват(елѣ)», въ «Благонамѣр(енномъ)», похвалы тому, кто носить на челѣ своемъ печать отверженія—и музъ, и людей ¹⁾. Читая, напримѣръ, въ одномъ журналѣ похвалы Хвостову, можно только подумать, что журналистъ заплаченъ или шутить. Но слышать вдругъ въ одно время во всѣхъ журналахъ о превосходномъ переводѣ «Андромахи» и стыдно, и гнусно ²⁾. По крайней мѣрѣ я не могъ этого видѣть безъ особеннаго чувства, которому нѣтъ названія, но оно противоположно зависти и есть родъ негодованія, наполняющаго сердце, когда видишь хвалы недостойному и такое униженіе тѣхъ, которые воздають ихъ. И послѣ этого дорожи похвалами нашихъ литераторовъ! Я даже хотѣлъ писать объ этомъ; но чего добраго?—подумають отъ зависти. Сдѣлай изъ этого разговоръ въ царствѣ мертвыхъ или и живыхъ; но онъ можетъ быть очень забавенъ. Пишу тебѣ чрезъ Михаила Григорьевича Павлова ³⁾: онъ профес(соръ) Мос(ковскаго) университета, путешествовавшій по Европѣ, человекъ образованный и любезный. Прощай, мой любезный другъ. Иверская и Эивейской да хранять тебя и милуютъ. Тебѣ душевно преданный Н. Гнѣдичъ.

VII. Письма М. П. Погодина—М. Н. Загоскину.

1

(1841).

Любезнѣйшій мой Михаилъ Николаевичъ! Вы говорили мнѣ когда-то о г. Неѣловѣ, а у него есть, я слышалъ недавно, повѣсти, изъ-за которыхъ я бьюсь. Нельзя ли вамъ отъ своего лица взять ихъ у него: «я, де, отдамъ ихъ журналисту—почему вы не хотите печатать ихъ, и тому под.» Понимаете, что самъ я просить не хочу для того, чтобъ не налагать на себя обязанности напечатать именно то, что получу, а чрезъ

¹⁾ Т. е. графу Д. И. Хвостову.

²⁾ Въ 1821 году вышло 5-е изданіе „Андромахи“ Расина, въ переводѣ графа Д. И. Хвостова.

³⁾ М. Г. Павловъ (р. 1793 † 1840) былъ профессоромъ физики и агрономіи; онъ издавалъ „Атеней“ и „Русскій Земледѣлецъ“.

васъ это всего ловчѣе и для меня, и для него: ни онъ, ни я не явимся просителями. Устройте, мой добрый Михайль Николаевичъ, это дѣло и поддержите «Москвитянина» ¹⁾, который, право, принесетъ пользу литературы, если поддержится и удержится. Ольга Семеновна ²⁾ сказывала мнѣ, что и у васъ есть повѣсти. Нужно бы перевести ихъ изъ головы на бумагу, благо теперь пишется, а я поклонился бы чѣмъ могу, по писанію, и что вы назначите. Я хочу торговать у васъ и Миропшева ³⁾, когда вы кончите. Вѣдь вы слышали, что я à la Новиковъ хочу учредить издавальное заведеніе, чтобъ уничтожить опеку и опеканье нашихъ книгопродавцевъ, которые разоряютъ насъ. Преданный М. Погодинъ.

Обнимаю васъ.

2.

23-го августа.

Стыдно и грѣшно, что мы совсѣмъ не видимся, любезнѣйшій Михайль Николаевичъ! Какъ будто раззнакомились! Хотя бы разъ когда завернулъ, а я сажу дома, монахъ постриженный. Изъ Богеміи пишутъ ко мнѣ родичи наши чехи, что имъ очень хочется почитать васъ. Я посылаю имъ теперь книги. Если хотите, доставьте мнѣ экземпляра по два всѣхъ вашихъ сочиненій. Чехи хотятъ и переводить ихъ на свое нарѣчіе.

Въ ожиданіи и экземпляровъ, и васъ, остаюсь преданный М. Погодинъ.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Москвитянинъ“ сталъ издаваться съ 1841 года.

²⁾ Аксакова, жена С. Т. Аксаева, находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ съ Загоскинымъ.

³⁾ Романъ Загоскина „Кузьма Петровичъ Миропшевъ“ вышелъ въ свѣтъ въ 1842 году. Отрывки изъ этого романа Загоскинъ читалъ на одномъ вечерѣ у Погодина (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды Н. П. Погодина, книга однадцатая, стр. 339).

Двѣ награды Д. В. Давыдову.

Письмо Д. В. Давыдова генералъ-адъютанту Васильчикову.

12-го декабря 1812 г. Соколы.

Милостивый государь Ларіонъ Васильевичъ!

По приказанію вашего превосходительства я остановился въ Соколахъ, гдѣ буду ожидать вашего новаго повелѣнія. Спѣшу увѣдомить ваше превосходительство, что я получилъ вдругъ двѣ монаршія милости—св. Владиміра 3 степени и Георгія 4 класса. Я сему обрадовался, какъ ребенокъ, и, увѣренъ будучи въ вашемъ ко мнѣ дружескомъ расположеніи, зная, что возьмете участіе въ моемъ удовольствіи, перваго васъ, какъ человѣка, котораго я болѣе всѣхъ почитаю, извѣщаю съ нетерпѣніемъ. Если можете, прошу ваше превосходительство отыскать въ вашемъ корпусѣ Георгіевскій крестъ съ лентою, ибо я его не имѣю, чѣмъ крайне обяжете того, который съ истиннымъ почтеніемъ и сердечною преданностію имѣетъ честь быть вашего превосходительства покорный слуга Денисъ Давыдовъ.

Сообщилъ В. И. Харевичъ.

Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853—1856 гг.

III ¹⁾.

Дипломатическая борьба въ Константинополѣ въ 1852 и 1853 г.—Англійскій посоль Страдфордъ Каннингъ.—Положеніе, принятое императоромъ Николаемъ въ переговорахъ.—Переписка Тувенеля съ Кастельбажакомъ.—Перемяна министерства въ Турціи.—Возвращеніе Лавалетта въ Константинополь и его дѣятельность.—Весѣды императора Николая съ англійскимъ посломъ Сеймуромъ.—Участіе Англіи въ дипломатическихъ переговорахъ.—Отозваніе Лавалетта изъ Константинополя.

Въ Парижѣ дипломаты были въ самомъ затруднительномъ положеніи, и Тувенель писалъ, 15-го іюня 1852 г.²⁾, генералу Кастельбажаку:

«Вопросъ о Святыхъ мѣстахъ чрезвычайно озабочиваетъ насъ. Молчать было бы равносильно признанію, что мы утратили до извѣстной степени свое вліяніе. Разсердиться значило бы поставить все верхъ дномъ. Россія отомстила за одержанный нами ничтожный успѣхъ слишкомъ ловко и слишкомъ сильно. Я полагаю, что вполне естественное раздраженіе, вызванное фирманомъ, который былъ данъ грекамъ вопреки всѣмъ увѣреніямъ турокъ, было причиною того, что принцъ Людовикъ-Наполеонъ принялъ такъ близко къ сердцу отказъ (со стороны Порты) дать намъ фирманъ для пропуска черезъ Дарданеллы французскаго военнаго судна «Шарлеманъ» (le Charlemagne). Во время пребыванія адмирала Роменъ-Дефоссе (Romain-Defossés) въ Кон-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1902 г.

²⁾ Всѣ даты означены по новому стилю.

стантинополѣ, Порта сама подала намъ поводъ требовать у нея этого фирмана, и я вполнѣ увѣренъ, что если бы не дѣятельное вмѣшательство сэра Стратфорда Каннинга и г. Озерова, то она не отказалась бы письменно отъ предложеній, сдѣланныхъ ею словесно. Эта умышленная дерзость, которая съ точки зрѣнія права можетъ быть вполнѣ оправдана текстомъ конвенціи, заключенной 13-го іюля 1841 г., задѣла принца Людовика-Наполеона, и нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ былъ вынужденъ заявить Дивану, что если «Шарлеманъ» не будетъ пропущенъ черезъ Дарданеллы, то нашъ представитель будетъ отозванъ. Было бы несправедливо обвинять насъ въ нарушеніи договоровъ. Тутъ идетъ вопросъ только о сохраненіи нашего достоинства; въ этомъ смыслѣ вамъ и надлежитъ отстаивать его, если императоръ Николай или его министры коснутся этого дѣла въ разговорѣ съ вами. Лондонскій кабинетъ гораздо болѣе сдержанъ, нежели его константинопольскій представитель, и я имѣю основаніе думать, что онъ именно и подалъ Дивану мысль дать намъ фирманъ для пропуска «Шарлемана», когда нашъ посланникъ вернется къ своему посту. Это дѣло, какъ видите, еще въ зачаткѣ; мы не могли коснуться его въ депешѣ, но я полагаю, что вамъ необходимо знать о немъ».

Затруднительное положеніе дипломатіи, созданное двоедушіемъ турокъ и враждебнымъ отношеніемъ представителей Франціи и Россіи въ Константинополѣ, увеличилось нескончаемыми интригами англійскаго посланника, сэра Стратфорда Каннинга, который дѣйствовалъ по своему собственному усмотрѣнію, принимая во вниманіе инструкціи великобританскаго кабинета лишь по столько, по скольку онѣ соответствовали его личнымъ планамъ, отношеніямъ и честолюбивымъ видамъ. Англійское министерство высоко цѣнило опытность, патріотизмъ и положеніе, пріобрѣтенное въ дипломатическомъ мірѣ сэромъ Стратфордомъ Каннингомъ, который уже былъ въ это время англійскимъ перомъ и получить званіе лорда Редклиффа. Представители великихъ державъ въ Константинополѣ, въ особенности представители Франціи, подвергались (въ 1850—1858 г.г.) постояннымъ нападкамъ со стороны благороднаго лорда.

Сабатье также подвергался выходкамъ Каннинга и жаловался на нихъ Тувенелю:

«Сэръ Стратфордъ Каннингъ,—писалъ онъ 25-го іюня 1852 г.,—какъ человѣкъ честный и безкорыстный, не хотѣлъ принять никакого подарка для себя лично, но султанша Валиде, встрѣтивъ леди Каннингъ на водахъ, подарила ей драгоценную вещь стоимостью въ сто тысячъ пиастровъ, а въ настоящее время на монетномъ дворѣ дѣлаютъ длинное ожерелье и серьги изъ алмазовъ, которые будутъ стоить болѣе 150 тысячъ франковъ».

Переговоры о Святыхъ мѣстахъ произвели въ Петербургѣ такое же смутное и тягостное впечатлѣніе, какъ въ Константинополѣ и Парижѣ; французскій посланникъ, генералъ Кастельбажакъ чувствовалъ, что дѣло не налаживается, и писалъ 2-го іюля Тувенелю въ отвѣтъ на вышеприведенное письмо касательно «Шарлеманя»:

«Любезный товарищъ, существуетъ два пункта, относительно которыхъ императоръ Николай не пойдетъ ни на какія уступки: это польскіе повстанцы и дѣла греческой вѣры. Во всѣхъ остальныхъ вопросахъ онъ съ свойственною ему справедливостію и возвышеннымъ умомъ, склоненъ уступать требованіямъ политической необходимости и доводамъ разума. Надобно сказать, что, при всей его деспотической и непреклонной волѣ, онъ относится осторожно ко всему касающемуся религіознаго и народнаго духа своихъ подданныхъ, прекрасно понимая, что въ этомъ источникъ его силы, и что это національное и религіозное чувство даетъ ему вліяніе на народъ и на войско.

«Въ Россіи императоръ Николай принадлежитъ къ партіи народа, который называетъ его своимъ отцомъ и всегда уповаетъ на поддержку монарха противъ деспотизма помѣщиковъ. Это чувство, имѣющее огромное нравственное вліяніе, очень сильно въ народѣ, въ арміи и среди купечества. Императоръ, при всей своей деспотической власти, долженъ съ нимъ считаться, въ особенности въ дѣлахъ внѣшней политики, за которыми въ Россіи очень слѣдятъ. Вотъ почему, въ особенности при нынѣшнихъ политическихъ осложненіяхъ, я былъ очень недоволенъ тѣмъ, что вопросъ о Святыхъ мѣстахъ былъ поднятъ, и его обсуждали всеуслышаніе, а газеты, въ особенности «Journal des Débats» придали ему большую огласку, послѣ отъѣзда Лавалетта. Но дѣло сдѣлано, надобно выйти изъ него съ честью. Императоръ Николай никогда не говорилъ со мною объ этомъ дѣлѣ прямо и не обмолвился также ни словомъ о «Шарлеманѣ», о которомъ ему, однако, извѣстно, такъ какъ Сенявинъ (одинъ изъ высшихъ чиновъ министерства иностранныхъ дѣлъ) говорилъ со мною о немъ и спрашивалъ, не могу ли разъяснить ему это дѣло, которое ему не вполне извѣстно. Поэтому ваше письмо пришло весьма кстати; я передалъ ему на словахъ подробности, которыя вы мнѣ сообщали. Онъ прекрасно понялъ, что этотъ неожиданный фактъ сдѣлался для насъ, помимо нашей воли, вопросомъ чести. Но Сенявинъ увидитъ императора Николая не раньше, какъ чрезъ нѣсколько дней, по окончаніи большихъ трехдневныхъ маневровъ; а Сенявинъ, еще болѣе чѣмъ канцлеръ Нессельроде, никогда не высказываетъ своего мнѣнія, не узнавъ предварительно мнѣнія монарха».

Императоръ Николай не говорилъ о Святыхъ мѣстахъ не только съ французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, но даже и со своимъ канцлеромъ Нессельроде. Такъ какъ онъ былъ лютеранинъ и нѣмецъ,

то императоръ, считая вопросъ о Святыхъ мѣстахъ какъ бы вопросомъ своей религіозной совѣсти, полагалъ, что Нессельроде не можетъ понять его мысли.

Молчаніе царя было многозначительно и чрезвычайно осложняло дѣло.

Разные мелкіе факты растравляли еще болѣе самолюбіе императора. Такъ на смотру, произведенномъ въ Парижѣ принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ 10-го мая новаго стиля, среди его свиты видѣлись мундиръ польскихъ офицеровъ; Франція требовала отъ Турціи фирмана для пропуска черезъ Дарданеллы военнаго суда «Шарлемань»; наконецъ, маркизъ Лавалеттъ, начавшій дѣятельный походъ противъ грековъ православнаго исповѣданія, получилъ приказаніе возвратиться въ Константинополь, на этотъ разъ въ званіи посланника. Вся совокупность этихъ фактовъ свидѣтельствовала о самостоятельности дѣйствій со стороны Франціи и о ея ревностномъ желаніи отстоять свое политическое достоинство.

Императоръ же Николай, избалованный успѣхомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ ставилъ свою политическую самостоятельность такъ высоко, что почти не признавалъ ея въ другихъ.

Хотя Франція и отстаивала свои права, однако ея государственные люди считали необходимымъ дѣйствовать довольно сдержанно. Тувенель писалъ 1-го августа 1852 г. генералу Кастельбажаку:

«Побѣдныя клики, коими нѣкоторыя газеты привѣтствуютъ возвращеніе Лавалетта въ Константинополь, произвели, вѣроятно, у васъ неблагоприятное впечатлѣніе. Что касается меня, то я нахожу ихъ смѣшными. Мы вовсе не намѣрены завоевывать Іерусалима, а тѣмъ болѣе спорить съ Россіей; мы хотимъ одного—полнаго и честнаго исполненія обѣщаній, данныхъ намъ Портою. Для тѣхъ, кто знакомъ съ этимъ вопросомъ, наши требованія и нашъ успѣхъ должны казаться весьма ничтожны. Въ Петербургѣ это, конечно, понимаютъ, надѣюсь, что тамъ не заблуждаются на счетъ нашихъ намѣреній, точно такъ же, какъ и на счетъ значенія, которое надобно придавать статьямъ, помѣщаемымъ въ нашихъ католическихъ газетахъ».

Эти благоразумныя слова не вполнѣ оправдывались фактами.

Возвращеніе въ Константинополь маркиза Лавалетта совпало съ новымъ министерскимъ кризисомъ. Великій визирь, Решидъ-паша, былъ вторично смѣщенъ; его мѣсто занялъ Али-паша, а вмѣсто послѣдняго во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сталъ Фуадъ-эффенди.

Маркизъ Лавалеттъ, тотчасъ по пріѣздѣ, позаботился объ исполненіи на мѣстѣ фирмана 8-го февраля. Турецкій комиссаръ, Афишь-бей, давно уже назначенный въ Іерусалимъ, все еще туда не ѣхалъ, и маркизъ писалъ Тувенелю 17-го августа:

«Я не могу признать инструкцій, данныхъ Афифъ-бею. Онѣ написаны очевидно для грековъ! Въ воскресенье утромъ у меня назначено свиданіе съ Фуадъ-эффенди у Али-паши. Меня преслѣдуетъ одна забота: какъ бы основательно похоронить этотъ вопросъ; надѣюсь, что это мнѣ удастся».

25-го августа 1852 г. Лавалеттъ писалъ Тувенелю:

«Если мнѣ удастся добиться ноты, которую я требую отъ турецкихъ министровъ, то наше положеніе улучшится; въ противномъ случаѣ, намъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, энергично протестовать и заявить туркамъ, что они нарушили договоръ и что это отразится неизбежно на нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Поведенію Али-паши должно быть выражено строгое порицаніе. Я объ этомъ позабочусь. Читая мою депешу, вы будете, вѣроятно, поражены, точно такъ же, какъ и я былъ пораженъ слѣдующей фразою Фуадъ-эффенди: «Я понялъ бы, — сказалъ онъ, — если бы вы сдѣлали ради Святыхъ мѣстъ то, что вы сдѣлали для Триполи, но послѣдняго я никакъ не могу понять»¹⁾.

«Это признаніе серьезной вины со своей стороны и этотъ вызывающій тонъ сильно задѣли меня, и я долженъ былъ принудить себя, чтобы отвѣтить ему съ подобающей сдержанностью».

Маркизь Лавалеттъ при всякомъ свиданіи съ турецкими сановниками настаивалъ на исполненіи ихъ обѣщаній и старался убѣдить ихъ въ томъ, что Франція не отступитъ отъ своихъ требованій, и былъ почти увѣренъ, что все обѣщанное фирманомъ 8-го февраля будетъ исполнено. Онъ дѣйствительно добился того, что министръ иностранныхъ дѣлъ, Фуадъ-эффенди, далъ турецкому комиссару въ Іерусалимѣ самыя обстоятельныя и точныя инструкціи.

Такимъ образомъ каждая изъ двухъ сторонъ считала себя удовлетворенной и воздерживалась нѣкоторое время отъ всякихъ жалобъ и нареканій.

Лавалеттъ писалъ Тувенелю 25-го сентября 1852 года:

«Относительно Іерусалима нѣтъ ничего новаго. Мы ожидаемъ исполненія фирмана на мѣстѣ. Я предвижу энергическое сопротивленіе со стороны Россіи только по поводу ключа отъ Вилеємской церкви. Относительно этого пункта мы не можемъ и не должны уступить. Остается выждать дальнѣйшихъ событій, сдѣлавъ предварительно все возможное, чтобы повернуть ихъ въ нашу пользу».

Видимо маркизь Лавалеттъ все еще опасался какихъ-то осложненій. И, дѣйствительно, когда турецкій комиссаръ, Афифъ-бей, посланный въ Іерусалимъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ для того, чтобы выяснитъ на

¹⁾ Франція только-что передъ этимъ послала въ Триполи флотъ, чтобы освободить нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ, обиженныхъ пашомъ.

мѣстѣ права латинянъ и грековъ, прибылъ въ этотъ городъ, то обманъ вскорѣ открылся, и въ Иерусалимѣ разыгралась оригинальная сцена.

Одновременно съ Афифъ-беемъ, въ Палестину прибылъ русскій генеральный консулъ Базили. Онъ торжественно высадился въ Яффѣ на берегъ съ многочисленной свитой, направился оттуда въ Святой городъ и вступилъ въ него при звукахъ барабаннаго боя и залпа изъ мушкетовъ. На томъ же пароходѣ, на которомъ прибылъ Базили, пріѣхалъ и французскій консулъ Ботта. И тотъ и другой вѣдали только тотъ фирманъ, который ихъ касался, поэтому тотъ и другой собирались торжествовать. Когда представители державъ обмѣнялись официальными визитами, то Афифъ-бей пригласилъ (16-го октября) въ церковь Святаго Гроба патриарховъ греческаго, латинскаго и армянскаго всѣхъ консуловъ и высшихъ должностныхъ лицъ для чтенія фирмана. Монахи расщедрились и предложили гостямъ угощеніе. Турецкій комиссаръ произнесъ рѣчь, въ которой онъ восхвалялъ отеческую заботливость своего монарха и объявилъ, что султанъ обѣщаетъ исправить куполь храма. Затѣмъ, всѣ отправились въ церковь Богородицы, гдѣ былъ прочитанъ фирманъ, коимъ латинянамъ даровалось право совершать службу въ этомъ храмѣ. Но Афифъ-бей, истолковывая въ самомъ строгомъ смыслѣ ту статью фирмана, коей повелѣвалось «ничего не измѣнять» во внѣшнемъ видѣ святилища, заявилъ рѣшительно, что онъ не дозволитъ латинянамъ ничего передѣлывать въ церкви, такъ что католическіе монахи были поставлены въ необходимость либо совершать богослуженіе въ греческомъ алтарѣ, либо отказаться отъ привилегіи, дарованной имъ султаномъ. Они ожидали большаго и громко протестовали, придавая огромное значеніе нѣкоторымъ чисто обрядовымъ вопросамъ; а такъ какъ, давъ имъ право совершать богослуженіе по обряду католической церкви, имъ запретили передѣлать алтарь и измѣнить его украшенія, то они считали себя жестоко обманутыми. Едва удалось нѣсколько успокоить латинянъ, какъ заволновались греки. Русскій консулъ, Базили, потребовалъ, чтобы былъ прочитанъ фирманъ, данный специально грекамъ.

— Какой фирманъ?—возразилъ Афифъ-бей.

— Тотъ,—отвѣчалъ Базили,—который былъ составленъ и написанъ собственноручно вами, какъ вторымъ секретаремъ, и коимъ всѣ требованія латинянъ признаны неправильными и утверждено *statu quo*.

— Я не получилъ на этотъ счетъ никакихъ инструкцій,—возразилъ турецкій комиссаръ.

Противорѣчіе турецкихъ указовъ было очевидно, греки были обмануты въ такой же степени, какъ и латиняне.

Произошла весьма бурная сцена...

Базили послѣшно командировалъ чиновника посольства въ Константинополь, чтобы получить объясненія поступковъ у турецкаго пра-

вительства; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ въ Петербургъ о томъ, какъ поступаютъ турки.

Россия требовала, чтобы фирманъ, благоприятный грекамъ, былъ торжественно прочитанъ въ Иерусалимѣ въ присутствіи представителей всѣхъ исповѣданій. Франція, считая это торжественное чтеніе для себя пораженіемъ, настаивала на томъ, чтобы фирманъ былъ только зарегистрированъ. Послѣ долгихъ пререканій, та и другая сторона пошла на уступки; было рѣшено, что фирманы будутъ прочитаны, но только передъ незначительнымъ собраніемъ пашей, патриарховъ и нѣсколькихъ должностныхъ лицъ.

Оставался еще вопросъ о ключахъ отъ Виллеемской церкви и о знаменитой серебряной звѣздѣ, которую, какъ оказалось, нигдѣ не могли отыскать.

18-го октября состоялось второе собраніе въ Виллеемской церкви для рѣшенія вопроса о ключѣ, который тѣмъ же фирманомъ было присуждено дать латинянамъ. Но тутъ пошли интриги. Турки рѣшили, что латиняне могутъ пользоваться имъ только четыре раза въ годъ.

Это коварство свидѣтельствовало о томъ, какой страхъ внушалъ туркамъ императоръ Николай.

— Я не требовалъ и десятой доли того, на что латиняне имѣютъ право въ силу трактатовъ ¹⁾,—говорилъ Лавалеттъ.

Во все это время англійскіе дипломаты были невозмутимы и только посмѣивались.

— Покончите этотъ споръ между христіанами въ христіанскомъ духѣ, — повторяли они, сопровождая эти колкія слова язвительной улыбкою.

— Я не понимаю,—говорилъ въ Петербургѣ графъ Нессельроде,—почему турки предпочитаютъ милліонамъ своихъ греческихъ подданныхъ нѣсколько сотъ туристовъ-католиковъ ²⁾.

Во Франціи провозглашеніе имперіи, совпавшее съ этими осложненіями, было причиною, что они прошли почти незамѣченными публикою, хотя положеніе дѣлъ было гораздо серьезнѣе, нежели думали многіе.

Лавалеттъ, понимая, какое неблагоприятное впечатлѣніе должно было произвести торжественное и публичное чтеніе въ Иерусалимѣ фирмана, даннаго грекамъ, въ присутствіи тѣхъ самыхъ латинянъ, кои занимали нѣкогда въ Святомъ городѣ первенствующее положеніе, добивался того, чтобы это чтеніе было отиѣнено. Узнавъ объ этомъ, греки,

¹⁾ Денеша полковника Роза къ лорду Мальмсбюри отъ 14-го августа 1852 г. (Correspondence respecting, и т. д., ч. I, стр. 42).

²⁾ Денеша сэра Гамильтона Сеймура лорду Мальмсбюри, 31-го декабря 1852 г. (Correspondence respecting, и т. д., ч. I, стр. 56).

поддерживаемые Россіей, стали дѣйствовать въ обратномъ смыслѣ и, не смотря на всѣ обѣщанія, данныя французамъ, фирманъ былъ наконецъ торжественно прочитанъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь послѣдствій этого чтенія и не зная, что дѣлать, турецкіе министры выдумали секретно предписать Афиѣ-бею не приводить въ исполненіе тѣхъ статей греческаго фирмана, которыя могли оскорбить латинянъ. Россія зорко слѣдила за тѣмъ, что дѣлалось въ Іерусалимѣ, и всякая комбинація, которая могла привести къ униженію грековъ, была бы встрѣчена ею враждебно. Императоръ Николай уже не скрывалъ своего желанія, чтобы въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ былъ соблюденъ *statu quo*; съ этой цѣлью къ греческому патриарху было послано два курьера съ предписаніемъ выѣхать изъ Іерусалима въ томъ случаѣ, если Афиѣ-бей будетъ дѣйствовать согласно фирману 8-го февраля, а русскому консулу въ Іерусалимѣ, Базили, было приказано энергично воспротивиться выполненію этого акта.

Положеніе дѣлъ ухудшилось, но вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось взаимное положеніе заинтересованныхъ въ нихъ лицъ. Маркизь Лавалеттѣ старался утѣшиться надеждою, что ожидаемое провозглашеніе имперіи дастъ ему новое орудіе для борьбы. Онъ писалъ Тувенелю 15-го декабря 1852 года:

«Любезный другъ, іерусалимское дѣло производитъ здѣсь сильнѣйшее впечатлѣніе. Одни не хотятъ вѣрить, чтобы фирманъ 8-го февраля былъ приведенъ въ исполненіе; другіе раздражаются; наконецъ, иные, и ихъ большинство, смотря на насъ, какъ на новую силу, въ которой они надѣются найти поддержку. Не смотря на недоброжелательство многихъ и на всѣ дѣлаемые намъ непріятности, наше положеніе упрочивается, и до сихъ поръ всѣ эти непріятности обращались во вредъ нашимъ противникамъ. Что сдѣлаетъ русскій императоръ въ виду огласки, которую придалъ дѣлу г. Базили, доведя его до крайности и не соглашаясь даже на тѣ ничтожныя уступки, которыя намъ были сдѣланы и которыя только и давали намъ возможность выйти съ честью изъ этой борьбы? Въ всякомъ случаѣ, отнынѣ, мы приняли оборонительное положеніе, которое предпочтительнѣе всякаго другаго, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту. Весьма возможно, что теперешній министръ будетъ искупительной жертвой, которую принесутъ разгнѣванной Россіи. Я очень остороженъ и сдержанъ съ великимъ визиремъ Али-пашою; ибо, хотя онъ и обѣщаетъ выполнить обязательство, данное въ февралѣ мѣсяцѣ, но я все-таки принимаю видъ жертвы. Съ нами начинаютъ считаться, но мнѣ кажется, нельзя допускать, чтобы на насъ слишкомъ рассчитывали. Турція—изъ тѣхъ особъ, за которыми ухаживаютъ, но на которыхъ не женятся! Ея семейство слишкомъ бѣдно и пользуется слишкомъ дурной репутаціей».

«Между тѣмъ, за публичное чтеніе фирмана въ Іерусалимѣ Озерову и первому драгоману русскаго посольства выражено высочайшее благоволеніе,—писаль Лавалеттъ Тувенелю 6-го января 1853 г.,—первый произведенъ въ тайные совѣтники, а второй получилъ Анну на шею и шесть тысячъ франковъ прибавки къ жалованію! Это не много поспѣшно, но, какъ бы то ни было, я писаль Озерову и поздравилъ его. Онъ отвѣтилъ мнѣ любезнѣйшимъ образомъ. Разумѣется, я старался скрыть свое неудовольствіе».

Маркизу Лавалетту не пришлось быть свидѣтелемъ развязки тѣхъ недоразумѣній, въ которыхъ онъ принималъ столь живое участіе. Французское правительство, желая какъ-нибудь уладить дѣло, было не только готово удовольствоваться самыми незначительными уступками, но французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ-де-Люисъ, озабоченный тѣмъ оборотомъ, какой принимало дѣло о Святыхъ мѣстахъ, рѣшилъ сдѣлать еще одинъ шагъ къ примиренію и отозвать изъ Константинополя Лавалетта, замѣнивъ его новымъ лицомъ, не причастнымъ къ бывшимъ опорамъ и недоразумѣніямъ.

Тувенель писаль по этому поводу генералу Кастельбажаку:

«Надобно вамъ сказать, дабы вы могли упомянуть объ этомъ мимоходомъ въ разговорѣ, что Лавалеттъ снова уѣзжаетъ въ отпускъ и что около половины февраля въ Константинополь отправится посланникомъ Бренье. Съ отъѣздомъ нашего посланника однимъ поводомъ къ неудовольствію будетъ меньше. Газетныя статьи, въ которыхъ воспѣвались похвалы маркизу Лавалетту, вызвали въ насъ досаду, не менѣе какъ въ Нессельроде. Говорю вамъ истинную правду: мы отнюдь не желаемъ войны. Если бы мы не были связаны прошлымъ, то мы оставили бы это дѣло. Но оно зашло такъ далеко, что намъ необходимо окончить его съ честью, и то, чего мы добиваемся, вполнѣ невинно. Вотъ истинная правда относительно вопроса о Святыхъ мѣстахъ. Слово, которое должно утишить бурю или сдѣлать ее еще болѣе грозной, должно раздаться изъ Петербурга».

Но въ то самое время, когда Друэнъ-де-Люисъ дѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы уладить какъ-нибудь жгучій вопросъ о Святыхъ мѣстахъ и предупредить его драматическую развязку, въ Петербургѣ разыгрывался первый актъ этой драмы.

9-го января 1853 г., на большомъ вечерѣ во дворцѣ великой княгини Елены Павловны, императоръ Николай, замѣтивъ англійскаго посланника, сэра Гамильтона Сеймура, подошелъ къ нему и, поздравивъ его съ образованіемъ новаго министерства, смѣнившаго 26-го декабря кабинетъ лорда Дерби, отозвался весьма лестно о первомъ министрѣ, лордѣ Абердинѣ, котораго государь, по его словамъ, зналъ лично уже сорокъ лѣтъ.

— Я хотѣлъ бы,—сказалъ онъ,—тѣснѣе сблизиться съ Англіей... Вы находитесь здѣсь уже нѣсколько времени, и вамъ извѣстно, что наши интересы сходятся почти во всѣхъ отношеніяхъ. Когда мы находимся въ добромъ согласіи, то я вполне спокоенъ за Западную Европу. Что другіе думаютъ, въ сущности неважно. Что касается Турціи, то это иной вопросъ, эта страна находится въ критическомъ положеніи и можетъ доставить намъ много хлопотъ.

Весьма удивленный этой неожиданной откровенностью и чрезвычайно заинтересованный ею, Сеймуръ осмѣлился замѣтить своему августѣйшему собесѣднику:

— Слова вашего величества,—сказалъ онъ,—вызовутъ всеобщее удовольствіе. Не соблаговолите ли, ваше величество, успокоить насъ относительно Турціи?

Царь, нѣсколько подумавъ, сказалъ:

— Турецкія дѣла въ крайнемъ разстройствѣ. Надобно говорить. У насъ на рукахъ человекъ больной, серьезно больной: было бы большое несчастье, если бы мы лишились его, когда еще не сдѣланы всѣ нужныя распоряженія... Но теперь не время говорить объ этомъ,—присовокупилъ онъ и прервалъ свою рѣчь.

Сеймуръ понялъ, что пора было откланяться.

— Ваше величество говорите,—сказалъ онъ,—что это человекъ больной. Прошу ваше величество извинить меня, если я скажу, что человеку великодушному и сильному слѣдуетъ щадить больного и слабого ¹⁾.

Дней пять послѣ этого неожиданнаго разговора, Сеймуръ увидѣлъ опять императора Николая, который тотчасъ возобновилъ прерванный разговоръ.

— Вамъ извѣстны,—сказалъ онъ,—планы императрицы Екатерины. Я не унаслѣдовалъ ея проекты, или, если хотите, ея мечты... Моя имперія обширна: дальнѣйшее расширеніе ослабило бы ее... Намъ болѣе нечего опасаться Турціи: она была до сихъ поръ достаточно сильна, чтобы охранять свою независимость; но въ настоящее время она настолько слаба, что не можетъ смутить ничьего спокойствія. Въ Турціи есть нѣсколько милліоновъ христіанъ, за интересами которыхъ я долженъ наблюдать. Я пользуюсь своимъ правомъ умѣренно, но это право существуетъ, и я не могу отказаться отъ него.

Затѣмъ императоръ высказалъ свою мысль еще яснѣе:

— Намъ желательно,—сказалъ онъ,—продлить существованіе больного человека; но онъ можетъ умереть внезапно, и мертвого намъ уже

¹⁾ Деша сэра Гамильтона Сеймура лорду Джону Русселю, 11-го января 1853 г. (Eastern Papers, ч. V, стр. 1—3).

не удастся воскресить. Не лучше ли подготовиться заранее къ этой случайности, нежели подвергать себя неизвѣстности, которая можетъ изъ этого произойти? Вотъ вопросъ, который я хотѣлъ бы предложить вашему правительству.

Вопросъ былъ слишкомъ ясенъ, чтобы можно было уклониться отъ отвѣта.

— Въ Англіи,—говорилъ Сеймуръ,—всегда смотрѣли неохотно на наслѣдіе бывшаго союзника.

— Безъ сомнѣнія, это прекрасный принципъ, однако надобно объясниться. Я буду говорить съ вами, какъ другъ и джентльменъ,—прибавилъ императоръ, впадая все болѣе и болѣе въ откровенный тонъ.—Если намъ удастся столковаться, то нѣтъ нужды, какъ поступить другіе. Я вамъ скажу, чего я хочу. Я не позволю Англіи утвердиться въ Константинополѣ и, само собою разумѣется, самъ не сдѣлаюсь его собственникомъ.

— Великобританскій кабинетъ весьма мало склоненъ принимать на себя какія-либо обязательства на этотъ счетъ,—сказалъ Сеймуръ.

— Но я уже говорилъ по этому поводу съ Веллингтономъ,—возразилъ императоръ.

Разговоръ перешелъ на другіе предметы, затѣмъ государь сказалъ посланнику на прощанье:

— Вы донесете правительству королевы о томъ, что произошло между нами, и скажете, что я готовъ принять всякое сообщеніе, какое оно сочтетъ нужнымъ мнѣ сдѣлать ¹⁾).

Англійскому министерству иностранныхъ дѣлъ уже было извѣстно о предложеніяхъ императора Николая. Великобританскій кабинетъ относился, въ то время, не особенно благопріятно къ французской политикѣ на Востокѣ. Въ новомъ англійскомъ министерствѣ у Наполеона былъ только одинъ другъ,—лордъ Пальмерстонъ, но онъ вѣдалъ въ то время дѣлами внутренняго управленія. Въ Лондонѣ осуждали чрезмѣрное, какъ говорили, усердіе Лавалетта въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ и, когда баронъ Брунновъ, русскій посланникъ въ Лондонѣ, прочитывалъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ какую-нибудь депешу Нессельроде, недоброжелательную къ Тюльрійскому двору, то ее выслушивали съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

Англійская пресса, со своей стороны, выражалась о Портѣ рѣзко, и «Times» предсказывалъ тотъ день, когда покончатъ существованіе это обезсиленное тѣло ²⁾).

¹⁾ Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ лорду Джону Русселю, 22-го января 1853 г. (Eastern Papers, ч. V, стр. 3—6).

²⁾ „Times“, 22-го января 1853 г.

Но какъ бы недружелюбно на относился англійскій кабинетъ къ Франціи и презрительно къ Турціи, отъ этого еще было далеко до рѣшительныхъ мѣръ, которыя могли бы ускорить паденіе Оттоманской имперіи.

Во всякомъ случаѣ, нельзя было ожидать, чтобы кабинетъ, руководимый осторожнымъ лордомъ Абердиномъ, принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ.

Отвѣтъ министра иностранныхъ дѣлъ лорда Джона Русселя былъ написанъ 9-го февраля въ вѣжливомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердомъ тонѣ. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ:

«Никакой кризисъ не даетъ права,—писалъ лордъ Руссель,—располагать Турціей. Вопросъ о Святыхъ мѣстахъ не важенъ. Нельзя рассчитывать на наслѣдіе Оттоманской имперіи подобно тому, какъ Вильгельмъ III и Людовикъ XIV рассчитывали въ исходѣ XVII вѣка на наслѣдіе Карла II, ибо нельзя предвидѣть, когда наступитъ этотъ моментъ. Кромѣ того, столь важный шагъ не могъ бы быть сдѣланъ безъ вѣдома Франціи и Австріи, и переговоры по этому поводу не могли бы остаться тайною, а коль скоро они стали бы извѣстны, то это могло бы послужить поощреніемъ всѣмъ врагамъ султана; такимъ образомъ слишкомъ большая предусмотрительность друзей большаго человѣка сдѣлалась бы причиною его смерти».

Послѣднія ироническія слова смягчались самыми дружескими увѣреніями по адресу Россіи и обѣщаніемъ, что Англія не приступитъ ни къ какимъ переговорамъ относительно возможнаго раздѣла Оттоманской Имперіи, не войдя предварительно въ соглашеніе съ императоромъ Николаемъ ¹⁾.

20-го февраля, на балу у наслѣдника, Сеймуръ встрѣтился въ третій разъ съ императоромъ Николаемъ, который тотчасъ подошелъ къ посланнику, поздоровался съ нимъ какъ нельзя болѣе привѣтливо и, отвѣдя его въ сторону, спросилъ:

— Ну что? получили ли вы отвѣтъ?

— Получилъ, ваше величество, онъ таковъ, какъ я предполагалъ.

— Миѣ очень прискорбно слышать это. Ваше правительство не поняло моей цѣли. Не столько важно знать, чтѣ будетъ сдѣлано, когда больной человѣкъ умретъ, сколько рѣшить совмѣстно съ Англіей то, чтѣ и е будетъ сдѣлано.

— Но мы не имѣемъ никакого повода думать, что больной находится при смерти.

— Нѣтъ, нѣтъ,—замѣтилъ государь,—онъ умираетъ. Надобно сговориться. Если бы я могъ поговорить минутой десять съ вашими мини-

¹⁾ Депеша лорда Джона Русселя сэру Гамильтону Сеймуру, 9-го февраля 1853 г. (Eastern Papers, ч. V, стр. 7 и 8).

страми, напр. съ лордомъ Абердиномъ, то мы легко пришли бы къ соглашенію. Я говорю не о какомъ-либо протоколѣ или договорѣ, а о взаимномъ соглашеніи. Повидайтесь со мною завтра.

Возвратившись нѣсколько часовъ спустя въ посольство, Сеймуръ успѣшилъ дать своему двору отчетъ объ этомъ разговорѣ.

«Мысль императора, — писалъ Сеймуръ, — ясно проглядываетъ сквозь дымку, которою онъ ее окутываетъ. Ясно видно его желаніе, чтобы раздѣлъ Турціи совершился помимо участія Франціи» ¹⁾.

Бесѣда, которую имѣлъ англійскій посланникъ съ императоромъ на слѣдующій день, еще болѣе утвердила его въ увѣренности, что монархъ, обсуждавшій съ такою настойчивостью возможность паденія сосѣдней державы, имѣлъ твердое намѣреніе не ожидать этого событія, но самъ вызвать его.

— Будьте увѣрены, — сказалъ императоръ, — что катастрофа неизбежна. Иностранная война, возстаніе христіанъ, соперничество старой и младо-турецкой партій, — все можетъ ускорить кризисъ. Я хочу уяснить, чего нельзя будетъ сдѣлать.

— Но какія же будутъ эти отрицательныя условія?

Императоръ подумалъ съ минуту:

— Я не желаю, — сказалъ онъ, — чтобы Константинополь былъ занятъ русскими, французами, англичанами или какой-либо иной державою. Я никогда не допущу возстановленія Византійской имперіи и увеличенія Греціи: тѣмъ болѣе я не позволю, чтобы Турція распалась на нѣсколько небольшихъ государствъ, которыя служили бы надежнымъ пріютомъ для разныхъ Мадзиня, Кошутовъ и иныхъ революціонеровъ.

— Въ такомъ случаѣ надобно будетъ объявить, что никому не будетъ дозволено овладѣть ни одной провинціей Турецкой имперіи, которая будетъ находиться какъ бы подъ охраною до наступленія дружескаго соглашенія.

— Это трудно будетъ сдѣлать, — возразилъ императоръ, — христіане и турки будутъ воевать.

— Ваше величество, — сказалъ Сеймуръ, становясь смѣлѣе по мѣрѣ того какъ разговоръ затягивался, — между вами и нами есть различіе: ваше величество постоянно думаетъ о паденіи Турціи, а мы стараемся не допустить ее до упадка.

— А! вы говорите, какъ Нессельроде, но катастрофа случится.

Разговоръ коснулся прочихъ державъ.

— Я не забочусь о Франціи, — сказалъ императоръ Николай, — она только старается поссорить насъ; если мы придемъ къ соглашенію съ вами, то я не забочусь объ остальномъ.

¹⁾ Сеймуръ Русселя 21-го февраля (Тамъ же, стр. 8—9).

— А Австрія, ваше величество?

— Австрія!—возразилъ пренебрежительно императоръ; чтѣ годится Россіи, то годится и Австріи.....

Императоръ похвасталъ своею умѣренностью относительно султана.

— Этотъ господинъ,—сказалъ онъ,—не сдержалъ своего слова.

— Если бѣдные турки не сдержали слова, даннаго вашему величеству, то это было изъ боязни Франціи ¹⁾.

Императоръ возвратился еще разъ къ мысли, которая его преслѣдовала:

— Княжества,—сказалъ онъ,—независимы подѣ моимъ протекторатомъ. Въ случаѣ распаденія Турціи, почему бы Сербіи и Болгаріи не имѣть подобнаго же правительства? Что касается Египта, я понимаю, что Англія дорожить имъ: пусть она займетъ его, если хочеть, такъ же, какъ и Кандію.

— О!—возразилъ небрежно Сеймуръ,—мы хотимъ только имѣть удобное сообщеніе Индіи съ метрополіей.

— Напишите вашему двору,—сказалъ императоръ на прощанье,—что я не требую заключенія трактата, а хочу только слова джентльмена.

Канцлеръ Нессельроде сознавалъ, какъ опасны могли быть откровенныя бесѣды императора съ англійскимъ посланникомъ, и, желая умалить ихъ значеніе, составилъ меморандумъ, въ которомъ говорилось о начатыхъ переговорахъ, какъ о простомъ обмѣнѣ мыслей.

Въ Парижѣ о нихъ ничего не знали.

Между тѣмъ французскій посланникъ въ Петербургѣ, генералъ Кастельбажакъ, видя приближающуюся грозу, просилъ инструкцій.

1-го февраля 1853 г. онъ писалъ Тувенелю:

«Надѣюсь, что, не смотря на греко-русское упрямство г. Сенявина, основанное на искренней вѣрѣ, и г. Лабенскаго (одинъ изъ высшихъ сановниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ), который старается казаться болѣе яримъ грекомъ, нежели самые греки, прямодушіе императора Николая и разсудительный умъ Нессельроде дадутъ намъ возможность преодолѣть трудности, которыя представляетъ вопросъ о Святыхъ мѣстахъ. Но надобно ковать желѣзо, пока оно горячо, а я нахожусь въ положеніи кузнеца, который готовъ работать, но у котораго нѣтъ нужныхъ для этого инструментовъ. Поэтому прошу васъ снабдить меня таковыми своевременно. Мнѣ все извѣстно въ общихъ чертахъ, но я ничего не знаю подробно, въ особенности, что касается переговоровъ съ г. Лавалеттомъ, объ отъѣздѣ котораго вторично въ отпускъ я намекнулъ мимоходомъ, чтѣ произвело самое благопріятное впе-

¹⁾ Дешеш сэра Гамильтона Сеймура лорду Джону Русселю, 22-го февраля 1853 г. (Тамъ же, стр. 10 и 11).

чатлѣніе. Императоръ Николай, какъ я уже вамъ говорилъ, заинтересованъ въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ изъ личнаго, а еще болѣе изъ присущихъ русскому народу религиозныхъ чувствъ. Это единственный вопросъ, имѣющій корни въ народныхъ чувствахъ, которые въ Россіи гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Но повѣрьте, что въ этой обширной Имперіи хватить работы на трехъ монарховъ, пока для нея явится возможность распространить свои границы. Только паденіе Турецкой имперіи могло бы заставить Россію овладѣть Константинополемъ. Императоръ Николай сказалъ мнѣ: «Я не хочу Константинополя, но если бы имъ вздумала овладѣть какая-нибудь другая держава, то я буду тамъ раньше ея. Поэтому намъ слѣдуетъ сдѣлать все возможное для того, чтобы покончить миролюбиво вопросъ о Святыхъ мѣстахъ, не поступаясь конечно нашимъ политическимъ и религиознымъ достоинствомъ, и тѣмъ избѣгать осложненій на востокѣ».

Тувенель, со своей стороны писалъ тоже 1-го февраля 1853 г. генералу Кастельбажаку, по поводу отставки маркиза Лавалетта:

«Нашъ спорный вопросъ будетъ скорѣе улаженъ съ Россіей въ отсутствіе Лавалетта. Впрочемъ, онъ самъ просилъ объ отпускѣ, и его замѣнить его другъ, г. Бренье, съ его собственнаго согласія; слѣдовательно, его отъѣздъ не есть порицаніе его дѣйствій или уступка, это только счастливое стеченіе обстоятельствъ».

Какими благовидными предлогами ни старалась французская дипломатія обставить отъѣздъ Лавалетта изъ Константинополя, все же было ясно, что его удаленіе было уступкою Россіи. Но императоръ Николай дѣлалъ видъ, что онъ не замѣчаетъ этого новаго доказательства сговорчивости французскаго правительства.

IV.

Осложненіе политическихъ переговоровъ въ Константинополѣ.—Прибытіе чрезвычайнаго австрійскаго посла и его требованія.—Посольство кн. Меншикова въ Константинополѣ.—Его поведеніе.—Кажущееся политическое положеніе европейскихъ державъ.—Восторженная встрѣча греками кн. Меншикова.—Участіе европейской печати въ обсужденіи политическихъ событій.—Переписка Кастельбажака съ Тувенелемъ и Друентъ-де-Люисомъ.—Положеніе Англіи.

Совершенно неожиданное событіе еще болѣе осложнило и безъ того запутанное положеніе дѣлъ въ Константинополѣ. Къ султану прибылъ (30-го января новаго стила 1853 г.) чрезвычайный австрій-

скій посоль, которому было приказано добиться, подъ угрозой ультиматума, отозванія турецкихъ войскъ, блокировавшихъ Черногорію, въ то время вассальное владѣніе Турціи, пытавшеяся освободиться изъ подъ турецкаго ига. Австрія потребовала, чтобы турецкія войска очистили Черногорію, чтобы было отмѣнено запрещеніе вывозить въ Австрію дрова, чтобы былъ обложенъ пошлиною табакъ, и отмѣнены возвышенныя пошлины съ товаровъ, ввозимыхъ въ Австрію и вывозимыхъ оттуда.

Порта отвѣчала сначала отказомъ, но когда въ Трансильваніи и Далмаціи были сосредоточены войска, то султанъ уступилъ энергичнымъ требованіямъ графа Лейнингена.

По поводу этого факта, въ которомъ можно было видѣть пробный шаръ, пущенный Австріей противъ Турціи, по наущенію Россіи, генераль Кастельбажакъ писалъ Тувенелю изъ Петербурга:

«Возникшее осложненіе съ Черногоріей объясняютъ здѣсь различно.

«Россія, разумѣется, искренно желаетъ, чтобы черногорцы могли противустоять туркамъ и сохранить независимость, которой они пользовались доселѣ. Но она не можетъ помочь имъ въ ихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ и требовать отъ турокъ, чтобы они не отвѣчали на эти вызывающія дѣйствія. Она совѣтуетъ черногорцамъ подчиниться Турціи, но въ то же время послала въ Рагузу вліятельнаго человѣка, которому поручила слѣдить затѣмъ, чтобы Порта не злоупотребила своею властью.

«Этотъ важный человѣкъ—начальникъ штаба русскаго черноморскаго флота, вице-адмиралъ и генераль-адъютантъ ¹⁾. Какъ попалъ онъ въ Рагузу, этого я въ точности не знаю. Во всякомъ случаѣ, онъ пріѣхалъ или на маленькомъ пароходикѣ, или совсѣмъ одинъ, подъ видомъ простаго путешественника».

Обстоятельства сложились такъ, чтобы окончательно смутить боязливаго отъ природы Абдуль-Меджида, и три года, предшествовавшіе Крымской войнѣ, могутъ считаться крайне тяжелымъ временемъ, пережитымъ Оттоманской имперіей.

Неожиданная миссія, возложенная на графа Лейнингена, помѣшала маркизу Лавалетту немедленно воспользоваться отпускомъ, и это замедленіе дало ему возможность вручить султану, 6-го февраля, въ торжественной аудіенціи, новыя вѣрительныя грамоты, коими онъ былъ аккредитованъ при Абдуль-Меджидѣ въ качествѣ посланника императора Наполеона III.

15-го февраля 1853 г. онъ писалъ Тувенелю:

«Любезный другъ, гроза пронеслась, но бѣдные турки потеряли при

¹⁾ В. А. Корниловъ.

этомъ нѣсколько перышковъ. Я оказалъ имъ нравственную поддержку въ той степени, какая совмѣстима съ моимъ страстнымъ желаніемъ сохранить миръ. Вы увидите изъ письма ко мнѣ Фуадъ-эффенди, что по крайней мѣрѣ одна изъ сторонъ осталась нами довольна. Что касается австрійцевъ, которые были вначалѣ встревожены положеніемъ, принятымъ мною и полковникомъ Розе ¹⁾, то они признаютъ теперь, что мои совѣты значительно способствовали миролюбивому разрѣшенію вопроса».

Въ дипломатическомъ мѣрѣ полагали, что въ черногорскомъ вопросѣ Австріей руководило до извѣстной степени желаніе одѣлать угодное Россіи. Съ другой стороны Пруссія также была озабочена вопросомъ, какое положеніе ей надлежало принять въ виду возможной войны на Востокаѣ.

Вотъ чтò писалъ по этому поводу (14-го февраля 1853 г.) прусскій министръ Мантейфель прусскому посланнику графу Гацфельду:

«Инструкціи графа Лейнингена отнюдь не носятъ того миролюбиваго характера, какой придаетъ имъ австрійскій кабинетъ въ своихъ сообщеніяхъ, посланныхъ въ Лондонъ и Парижъ. Графу поручено высказать Турціи самыя тяжелыя упреки относительно ея образа дѣйствій въ послѣдніе годы и угрожать ей на всякій случай тѣмъ, что австрійскія войска будутъ двинуты въ Боснію. Въ Россіи на дѣйствія Австріи смотрятъ, какъ на оказанную ей услугу. Англійское правительство, по видимому, очень встревоженное этимъ, обращаетъ наше вниманіе на то, что Систовскій договоръ (1795 г.), коимъ признана верховная власть Порты надъ Черногоріей, былъ заключенъ подъ гарантіей Англии, Голландіи и Пруссіи. Вареннъ говоритъ, что наши интересы требуютъ сохраненія неприкосновенности Турецкой имперіи, и присовокупляетъ, что если Россія и Австрія раздѣлятъ между собою Турецкую имперію, то европейское равновѣсіе будетъ этимъ нарушено, и что для поддержанія его Франція также должна будетъ расширить свои границы.

«Я послалъ въ Вѣну и въ Петербургъ успокоительныя депеши, съ цѣлью предотвратить скандалъ, но приходится дѣйствовать крайне осмотрительно, такъ какъ ихъ величества находятъ, что турокъ слѣдуетъ изгнать изъ Европы. Поэтому я совѣтовалъ Портѣ дѣйствовать осторожно».

«Въ Константинополѣ считаютъ Австрію авангардомъ Россіи ²⁾, и полагаютъ, что обѣ державы думаютъ совмѣстно о раздѣлѣ европейской Турціи. Впрочемъ, я убѣжденъ, на основаніи донесеній, полученныхъ мною изъ Вѣны и Петербурга, что тамъ не помышляютъ о территориаль-

¹⁾ Повѣренныиъ въ дѣлахъ Англии.

²⁾ Другое письмо Мантейфеля Гацфельду отъ 24-го февраля.

ныхъ приобрѣтеніяхъ, но я полагаю, что въ случаѣ какихъ-либо перемѣнъ въ этомъ отношеніи, мы не можемъ остаться хладнокровными зрителями, хотя благоразуміе требуетъ, чтобы мы не вмѣшивались въ это дѣло преждевременно. Въ Вѣнѣ жалуются на то, что французскій и англійскій посланники въ Константинополѣ относятся другъ къ другу иначе и при томъ дружелюбнѣе, нежели ихъ кабинеты. Я очень боюсь, что это дѣло доставитъ всѣмъ еще не мало хлопотъ, и я желалъ бы, чтобы оно поскорѣе было окончено».

Государственные люди Пруссіи были того мнѣнія, что этой державѣ слѣдовало какъ можно долѣе не вмѣшиваться въ мало ее касавшійся вопросъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно было зорко слѣдить за событіями и содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, миролюбивому рѣшенію возникшихъ недоразумѣній, такъ какъ для Пруссіи во всякомъ случаѣ было желательно сохраненіе неприкосновенности Турецкой имперіи.

Если бы Россія или Австрія расширили свои границы за счетъ Турціи, то Пруссіи нельзя было бы оставаться равнодушной зрительницей событій, а слѣдовало добиваться въ томъ или иномъ видѣ территориальнаго вознагражденія.

«Восточный вопросъ скоро уладился,—писалъ принцъ прусскій Мантейфелю, 9-го марта 1853 г., узнавъ о миролюбивомъ окончаніи переговоровъ, веденныхъ графомъ Лейнингенгомъ, и о возвращеніи его въ Вѣну. Меня тревожила мысль о роли, которую пришлось бы играть Пруссіи, если бы дѣло не приняло мирнаго оборота. Вы сами осуждали Австрію за то, что она такъ необдуманно вмѣшалась въ это дѣло. Мнѣ кажется, Пруссія имѣетъ полное право потребовать отъ Австріи отчета въ ея политикѣ на Востокѣ, такъ какъ она можетъ повести къ столкновеніямъ между европейскими державами, въ коихъ Пруссія неизбежно будетъ замѣшана; поэтому она не можетъ смотрѣть равнодушно или безмолвно на то, какъ поступаетъ въ этомъ случаѣ Австрія.

«Я считаю обязанностью Пруссіи зорко слѣдить за политикой Австріи и предостерегать ее».

Въ то время, какъ великія державы были озабочены исходомъ недоразумѣній, возникшихъ на Востокѣ, русскій посланникъ при оттоманской Портѣ, Озеровъ, объявилъ 23-го декабря своимъ коллегамъ по дипломатическому корпусу объ ожидаемомъ пріѣздѣ въ Константинополь чрезвычайнаго посланника русскаго царя, адмирала и свѣтлѣйшаго князя Меншикова.

Чѣмъ могла быть вызвана такая посылка, турецкимъ министрамъ объ этомъ ничего не было извѣстно. Озеровъ также умалчивалъ объ этомъ. Послѣшная посылка такого важнаго лица и тайна, которой она была окружена, взволновали весь политическій міръ, а въ Петербургѣ между

тѣмъ все было, повидимому, спокойно. Кастельбажакъ писалъ Тувенелю 15-го февраля:

«Я далъ большой праздникъ, балъ и ужинъ, по случаю бракосочетанія нашего императора (Наполеона). На немъ присутствовали канцлеръ Нессельроде, всѣ министры, весь дворъ, весь дипломатическій корпусъ. Настѣдникъ цесаревичъ и его три брата были какъ нельзя болѣе любезны со мною. Это произвело тѣмъ болѣе благоприятное впечатлѣнiе, что великiе князья не переступали порога французскаго посольства ни въ царствованiе короля Людовика-Филиппа, ни во времена республики, и что они давно уже не были ни на одномъ приемѣ въ иностранныхъ посольствахъ, которымъ оказываютъ въ Россiи, вообще, весьма мало вниманiя. Что касается императора и императрицы, то съ тѣхъ поръ какъ ихъ постигли разныя семейныя огорченiя, и какъ они постарѣли, они никуда не выѣзжаютъ, и я не хотѣлъ подвергать себя отказу, который получаютъ всѣ, но который при теперешнихъ обстоятельствахъ могъ бы быть дурно истолкованъ публикою».

«Скажу вамъ,—писалъ Тувенель въ отвѣтъ на это письмо¹⁾,—что русскимъ оказываютъ при нашемъ дворѣ самый лучший приемъ, и что въ салонѣ княгини Ливенъ снова появились наши государственныя люди. У насъ начинаютъ поговаривать, быть можетъ, преждевременно, о выгодахъ союза съ Россiей. Присутствiе великихъ князей у васъ на балу произвело здѣсь наилучшее впечатлѣнiе; всѣ приписываютъ это улучшенiе во взаимныхъ отношенiяхъ вамъ!»

Къ сожалѣнiю, всѣ эти взаимныя любезности не могли приостановить роковаго хода событiй.

24-го февраля, на почтовомъ пароходѣ прибылъ изъ Одессы въ Константинополь полковникъ Волковъ, адъютантъ князя Меншикова, съ порученiемъ приготовить приемъ для своего начальника. Приемъ долженъ былъ быть торжественный: турецкому правительству даже было подтверждено официально, чтобы были соблюдены всѣ правила обычнаго церемонiала. Нѣсколько дней спустя, пронесся слухъ, что Меншиковъ произвелъ смотръ черноморскому флоту и, кромѣ того, осмотрѣлъ армейскiй корпусъ, сосредоточенный на границѣ Бессарабiи. По полученiи этого извѣстiя догадки смѣнились опасенiями.

Между тѣмъ въ русскомъ посольствѣ шли усиленныя приготовленiя, а среди грековъ, весьма многочисленныхъ въ Константинополь, замѣчалось необычайное волненiе.

1-го марта пароходъ, на которомъ ѣхалъ Меншиковъ, появился въ водахъ Босфора. Посла сопровождало множество должностныхъ лицъ, генераловъ и офицеровъ всевозможныхъ чиновъ. Въ этой блестящей

¹⁾ Письмо отъ 1-го марта 1853 г.

свитѣ находились флигель-адъютантъ князь Голицынъ, графъ Дмитрій Нессельроде, сынъ канцлера, и другія не менѣ важныя лица. Можно было подумать, что ѣхалъ не мирный дипломатъ, для переговоровъ съ монархомъ дружественной державы, но какой-то вице-король, явившійся отъ имени своего монарха принять изъявленіе покорности отъ вассальнаго государства. Это впечатлѣніе еще увеличивалось поведеніемъ грековъ, которые оглашали воздухъ своими громкими криками, столпились вокругъ парохода и на набережной въ количествѣ 7 или 8 тысячъ человекъ. Нѣсколько часовъ спустя послѣ пріѣзда Меншикова ожидался второй пароходъ, на которомъ плыли вице-адмиралъ черноморскаго флота Корниловъ и генералъ Непокойчицкій.

Одновременно стало извѣстно, что на югѣ Россіи были приведены на военное положеніе два армейскихъ корпуса и что въ Придунайскихъ княжествахъ заготовлялись большіе запасы съѣстныхъ припасовъ.

Миссія, возложенная на князя Меншикова, надѣлала столько шума и имѣла столь важныя послѣдствія, что на ней надобно остановиться нѣсколько подробнѣе.

Уступки, которыхъ добился отъ Турціи графъ Лейнингенъ, несомнѣнно, побудили Россію въ свою очередь возвысить голосъ. Почему бы въ самомъ дѣлѣ императору Николаю было не добиться отъ султана, путемъ угрозъ, результата, благоприятнаго для греческой церкви, коль скоро императоръ австрійскій одержалъ весьма значительную дипломатическую побѣду гораздо болѣе скромнымъ путемъ? Казалось, что тогдашнее политическое положеніе Европы какъ нельзя болѣе этому благоприятствовало. Франція, по возстановленіи имперіи, была занята своими внутренними дѣлами, Англіи не было причины вмѣшиваться въ дѣло, касавшееся исключительно католиковъ, Пруссія держалась выжидательной политики, а Австрія, признательная русскому царю за усмиреніе Венгріи, еще не подала ему повода сомнѣваться въ ея преданности. Турція же сама по себѣ была безсильна.

Первое впечатлѣніе, произведенное кн. Меншиковымъ на жителей Константинополя, дѣйствительно было огромное. Радости грековъ по случаю его пріѣзда не было предѣла. Они осаждали весь день русское посольство, въ Перѣ, гдѣ остановился посолъ «покровитель Восточной церкви». Какъ только князь показывался народу, раздавались громкіе крики привѣтствія, всѣ греки обнажали головы, что они дѣлаютъ обыкновенно только во время церковныхъ празднествъ.

На другой день по пріѣздѣ князя, 2-го марта, должно было произойти его официальное представленіе Абдуль-Меджиду.

Вопреки принятому обычаю, князь Меншиковъ отправился къ султану не въ мундирѣ, а въ простомъ сюртукѣ; видя это пренебреженіе этикетомъ, турецкіе сановники не могли придти въ себя отъ изумленія.

Изъ сераля волненіе охватило весь дипломатическій міръ; вся европейская печать заговорила объ этомъ.

По принятому этикету, всё вновь пріѣхавшіе дипломаты должны сдѣлать два визита, первый великому визирю, а второй министру иностранныхъ дѣлъ. Послѣднимъ былъ въ то время Фуадъ-эффенди, одинъ изъ самыхъ выдающихся людей современной Турціи, столь извѣстный впоследствии подъ именемъ Фуада-паши, но котораго Россія обвиняла въ пристрастіи къ Франціи въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ.

Меншиковъ, выйдя изъ дворца султана, отправился къ великому визирю. Фуадъ-эффенди, покои котораго были смежны съ помѣщеніемъ великаго визира, ожидалъ князя на порогѣ зала, роскошно убраннаго по этому случаю. Двери были открыты настежь; отъ входа до пріемной залы стояли шпалерами тѣлохранители. Возлѣ дворца стояла несмѣтная толпа турокъ и грековъ, такъ что ни малѣйшее отступленіе отъ принятыхъ обычаевъ не могло пройти незамѣченнымъ, но Меншиковъ, посѣтивъ великаго визира, гордо прошелъ мимо покоевъ Фуадъ-эффенди и, не заходя къ нему, возвратился въ русское посольство.

Правда, на слѣдующій день онъ сообщилъ великому визирю, что, не зайдя къ Фуадъ-эффенди, онъ не имѣлъ намѣренія публично оскорбить оттоманское правительство въ лицѣ одного изъ главныхъ его сановниковъ, но что онъ не можетъ вести переговоры съ этимъ «живымъ министромъ». Презрительный отзывъ о министрѣ иностранныхъ дѣлъ еще болѣе усилилъ смущеніе турокъ.

Во время могущества Оттоманской имперіи султанъ всеконечно приказалъ бы свергнуть дерзновеннаго посла въ темницу и отвѣтилъ бы на это оскорбленіе объявленіемъ войны. Но эти времена прошли, и страхъ, внушенный надменнымъ поступкомъ Меншикова, былъ такъ великъ, что Фуадъ-эффенди, имѣвшій несчастье возбудить неудовольствіе петербургскаго кабинета, былъ принесенъ въ жертву и замѣненъ Рифать-пашою, рекомендованнымъ султану императоромъ Николаемъ.

Затруднительное положеніе Порты увеличивалось отсутствіемъ ея естественныхъ совѣтниковъ, французскаго и англійскаго посланниковъ. Сэръ Стратфордъ Редклиффъ находился въ отпуску; маркизь Лавалеттъ также уѣхалъ изъ Константинополя, а его преемникъ, де-Лакуръ, еще не успѣлъ прибыть. Взволнованные турецкіе министры то и дѣло совѣщались съ секретарями французскаго и англійскаго посольствъ, Бенедетти и полковникомъ Розе. Смущенные этимъ неожиданнымъ осложненіемъ, не зная, что отвѣтить, представители двухъ западныхъ державъ совѣтовали дѣйствовать осторожно и хладнокровно. Бенедетти посылалъ въ Парижъ тревожныя донесенія, а полковникъ Розе писалъ лорду Джону Русселю 7-го марта 1853 г.:

*

«Миссія, возложенная на князя Меншикова, возбуждаетъ серьезныя опасенія за независимость и, быть можетъ, даже за существованіе Турціи». По просьбѣ оттоманскаго правительства онъ послалъ курьера въ Мальту къ адмиралу Дундасу (Dundas), командовавшему англійскимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ, съ просьбою двинуть его эскадру въ Архипелагъ.

Между тѣмъ князь Меншиковъ нѣсколько дней спустя послѣ своего пріѣзда разослалъ по всей Оттоманской имперіи русскихъ эмиссаровъ, коимъ было приказано освѣдомиться о нуждахъ подданныхъ султана, исповѣдывавшихъ греческую вѣру, а адмиралъ Корниловъ былъ посланъ въ Аѳины для совѣщаній съ греческимъ королемъ Оттономъ I, коему услужливые царедворцы уже давали византійскій титулъ, а королева Амалия намекала окружающимъ, что когда Константинополь сдѣлается наконецъ столицею новой Греческой имперіи, то ея резиденція будетъ перенесена въ Безикъ-Ташъ, дворецъ, незадолго передъ тѣмъ построенный султаномъ на волшебныхъ берегахъ Босфора.

Какъ несбыточны ни могли казаться эти мечтанія, но всѣ чувствовали, что готовились важныя событія.

Князь Меншиковъ, котораго, вопреки всѣмъ принятымъ обычаямъ, посѣтилъ великій визирь, облачился нѣсколько дней спустя (15-го марта) въ полную парадную форму, которую онъ не считъ нужнымъ надѣть на аудіенцію султана, и отправился къ Хозревъ-пашѣ, извѣстному приверженцу Россіи, принимавшему въ 1833 г. участіе въ заключеніи Ункіаръ-Скелесскаго договора и который, послѣ кончины султана Махмуда, жилъ вдали отъ дѣлъ, въ совершенной опалѣ.

Столь необычайное поведеніе посла окончательно встревожило политическій міръ и заставило его задуматься.

Во Франціи на биржѣ упали всѣ цѣнности. Французская пресса проповѣдывала почти единодушно крестовый походъ противъ русскаго царя. Одинъ изъ самыхъ главныхъ органовъ французской печати «Journal des Débats» писалъ, что Россія добивается протектората надъ греческой церковью ¹⁾.

«Если хотятъ уничтожить преобладающее вліяніе Россіи въ Константинополѣ, — говорилось въ этой газетѣ, — то надобно заботиться не о возстановленіи Оттоманской имперіи, а объ ослабленіи Россіи. До тѣхъ поръ, пока на берегахъ Чернаго моря будетъ существовать могущественная имперія, простирающаяся отъ Азовскаго моря до Балтійскаго, до тѣхъ поръ, пока эта имперія будетъ имѣть въ Севастополѣ наготовѣ вооруженный флотъ, Константинополь будетъ подвергаться опасности, по причинѣ могущества Россіи. Графъ Лейнингенъ ворчалъ, а князь Меншиковъ

¹⁾ Journal des Débats, 1-го апрѣля 1853 г.

мечетъ громъ и молніи. Очевидно, что если Россія и Австрія, и въ особенности Россія, добьются того, что официально будетъ признанъ ихъ религиозный и, можно сказать, политическій протекторатъ (ибо религія всегда идетъ на Востокъ рука объ руку съ политикой) надъ населеніемъ Болгаріи, Сербіи, Македоніи, Босніи, т. е. надъ одиннадцатью милліонами православныхъ жителей Турціи, то въ Европѣ останется не болѣе трехъ милліоновъ турокъ, и послѣдствія этого само собою понятны».

Въ Парижѣ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ не заблуждались на счетъ того, что готовилось на Востокъ. Тувенель писалъ 15-го марта 1853 г. Кастельбажаку въ Петербургъ:

«Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ обстоятельно поговорить съ вами о дѣлахъ, но я не могу скрыть отъ васъ крайняго безпокойства, испытываемаго мною по поводу миссіи князя Меншикова. Я опасюсь, что графъ Нессельроде сказалъ не всю правду, и ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ извѣстій изъ Константинополя. Сюда только-что пріѣхалъ Лавалеттъ. Картина Турціи, набросанная имъ, ужасающая. Малѣйшій толчокъ можетъ повлечь за собою паденіе всего зданія. Мы ускоримъ отъѣздъ де-Лакура, но ему будетъ трудно прибыть къ своему посту равнѣ первыхъ чиселъ апрѣля, а тѣмъ временемъ мало ли что можетъ случиться?».

Что касается самаго министра иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ де-Люиса, то онъ громко протестовалъ противъ дѣйствій Меншикова:

«Всѣ дѣйствія князя Меншикова указываютъ достаточно,—писалъ онъ Кастельбажаку 21-го марта 1853 г. ¹⁾,—что онъ пріѣхалъ не столько, чтобы вести переговоры, сколько для того, чтобы предложить ультиматумъ. Сосредоточеніе войскъ на югѣ Россіи, чрезвычайныя приготовленія, дѣлаемые въ Севастополѣ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Петербургскій кабинетъ считаетъ войну съ Портою весьма вѣроятною».

Напомнивъ о договорѣ, заключенномъ 15-го іюля 1841 г., коимъ цѣлостъ и неприкосновенность Турецкой имперіи были поставлены подъ гарантію всѣхъ державъ, онъ присовокуплялъ:

«Миссія, возложенная на князя Меншикова, если принять во вниманіе всѣ сопровождающія ее обстоятельства, повидимому, совершенно не соответствуетъ духу этого договора. Можно опасаться, что петербургскій кабинетъ рѣшилъ произвести на Порту давленіе. Подчинившись ему, она утратитъ то небольшое значеніе, коимъ она еще пользуется; если же она попытается противустоять ему, то это можетъ повлечь для нея неисчислимыя опасности».

¹⁾ „Moniteur“ 1854 г., стр. 153.

Въ тотъ же день, когда было написано вышеприведенное письмо, де-Лакуръ выѣхалъ изъ Парижа, получивъ самыя точныя инструкціи, въ которыхъ были предусмотрѣны всевозможныя случайности, а 19-го марта французской эскадрѣ, находившейся въ Средиземномъ морѣ, было приказано быть готовой къ отплытію. 23-го числа она вышла изъ Тулона и ушла въ Архипелагъ.

Англійское министерство отнеслось къ послѣднимъ событіямъ въ Константинополѣ совершенно иначе; отклонивъ предложенія, одѣланныя ему императоромъ Николаемъ, оно все-таки находилось до известной степени подъ обаяніемъ этихъ предложеній.

— Дѣло идетъ только о Святыхъ мѣстахъ, и могущественной Англійи не стоитъ волноваться изъ-за столь ничтожнаго повода, касающагося исключительно католиковъ,—говорили англійскіе министры.

Опасенія полковника Розе были признаны чрезмѣрными, и адмиралу Дундасу было приказано остаться въ Мальтѣ. Когда французскій посланникъ въ Лондонѣ, Валевскій, сообщилъ лорду Кларендону объ отплытіи французскаго флота въ Грецію, то послѣдній нашелъ эту мѣру преждевременною.

— Въ донесеніяхъ, полученныхъ изъ Константинополя,—сказалъ онъ,—отражается волненіе, царящее на берегахъ Босфора. Если отъ нихъ отбросить всёъ прикрасы, то въ поступкахъ князя Меншикова окажется только одинъ неестественный фактъ, именно его отказъ вести переговоры съ Фуадъ-эффенди. Но такого ничтожнаго обстоятельства, право, недостаточно, чтобы встревожить насъ¹⁾.

Англійская печать дѣлала видъ, что она раздѣляетъ этотъ взглядъ, и выражала свое неодобреніе дѣйствіямъ Тюльрійскаго кабинета.

Въ Петербургѣ старались поддержать эту увѣренность и въ особенности разъединить обѣ западныя державы. Нессельроде, къ которому Сеймуръ обратился за разъясненіемъ, всячески успокаивалъ его.

— Франція,—говорилъ онъ,—напрасно жалуется. Въ миссіи, возложенной на князя Меншикова, нѣтъ ничего тревожнаго. Она касается вопроса о Святыхъ мѣстахъ, который не можетъ вызвать столкновенія. Князя давно уже было рѣшено послать въ Константинополь, только плохое состояніе здоровья помѣшало ему выѣхать раньше.

— Имѣете ли вы какой-либо поводъ неудовольствія противъ Порты, помимо вопроса о Святыхъ мѣстахъ?—спросилъ Сеймуръ.

— Да нѣтъ же,—возразилъ Нессельроде,—нѣтъ, и онъ прибавилъ небрежно: мы имѣемъ предъявить ей только кое-какія незначительныя требованія.

¹⁾ Деша лорда Кларендона лорду Коузлею отъ 22-го марта 1853 года. (Correspondence respecting и т. д., ч. I, стр. 93).

Сеймуръ настаивалъ и просилъ канцлера выразиться яснѣе.

— Успокойтесь,—сказалъ Нессельроде,—это касается только нѣкоторыхъ текущихъ дѣлъ, какія бываютъ постоянно между дружественными націями ¹⁾).

Мало того, Нессельроде позаботился разсѣять опасенія англійскаго правительства и въ депешѣ къ барону Бруннову, русскому посланнику въ Лондонѣ, въ которой онъ порицалъ всякое стремленіе къ новымъ пріобрѣтеніямъ и желаніе занять Придунайскія княжества, однимъ словомъ, всякіе честолюбивые виды Россіи и говорилъ, что русскіе хотятъ только согласовать фирманы, данные латинянамъ, съ фирманомъ, который былъ данъ грекамъ. Императоръ, писалъ онъ, очень признателенъ лорду Абердину и лорду Кларендону за то, что они не послѣдовали примѣру Тюильрійскаго кабинета и удержали британскій флотъ въ Мальтѣ. Разумѣется,—продолжалъ Нессельроде,—цѣли Франціи и Англии совершенно различны, но надобно, чтобы Европа объ этомъ знала.

Лордъ Кларендонъ былъ совершенно успокоенъ этими дружескими увѣреніями и приписалъ тревогу, царствовавшую въ Парижѣ, неопытности Наполеона III, и его министровъ ²⁾. Когда Валевскій (французскій посланникъ въ Лондонѣ) высказывалъ въ началѣ апрѣля свои опасенія относительно заключенія между Портою и Россіей какого-нибудь тайнаго договора, ссылаясь, въ доказательство своихъ опасеній, на тревожныя депеши г. Бенедетти, то Кларендонъ отвѣчалъ равнодушно:

— Ахъ! полковникъ Розе твердитъ намъ то же самое; но успокойтесь, дѣло идетъ только о Святыхъ мѣстахъ.

Основываясь на этомъ разговорѣ, графъ Валевскій писалъ Тувенелю 24-го марта 1853 г.:

«Англія относится безучастно къ вопросу о Святыхъ мѣстахъ и будетъ такъ относиться къ нему впредь. Она пылаетъ и будетъ пылать лишь въ томъ случаѣ, когда Оттоманской имперіи угрожаетъ опасность. Если бы паденіе Оттоманской имперіи было близко, то я ручаюсь, что Англія дѣйствовала бы съ нами заодно, если бы мы захотѣли этого. Есть одинъ пунктъ, относительно котораго я всегда сходилъ во мнѣніи съ Брунновымъ, что Россія хочетъ, прежде всего, шадить наше самолюбіе, и что она примирилась съ мыслию, что латиняне будутъ пользоваться нѣкоторыми преимуществами, кои признаны за ними фирманомъ 8-го февраля».

Это заявленіе графа Валевскаго весьма важно; оно свидѣтельствуетъ,

¹⁾ Депеши сэра Гамильтона Сеймура лорду Кларендону 1-го, 24-го, 26-го, 29-го марта 1853 г. (Correspondence respecting и т. д., ч. I, стр. 90, 101, 102, 104).

²⁾ Greville, Memoirs, т. VII, стр. 54. „Друэнь де-Люисъ очень жалкій и недалекій министръ“,—говоритъ лордъ Кларендонъ.

во-первыхъ, о томъ, что высококомѣрное поведеніе князя Меншикова не вполне соответствовало духу возложенной на него миссии, и во-вторыхъ, что Россія, по сознанию самого Бруннова, была готова согласиться на то, чтобы латиняне воспользовались нѣкоторыми преимуществами фирмана 8-го февраля. Но французскіе дипломаты, въ лицѣ Друэнъ де-Люиса, человѣка весьма проникательнаго, и Тувенеля, много лѣтъ прожившаго на Востоку и понимавшаго намѣренія Россіи, постарались разъяснить истину английскимъ министрамъ, и послѣдніе стали защищать Турцію, съ той минуты, какъ вопросъ былъ поставленъ на политическую почву, такъ же ревностно, какъ они относились х о л о д н о къ нему до тѣхъ поръ, пока онъ касался только Святыхъ мѣстъ. Вслѣдствіе этого, Меншиковъ, не измѣняя принятаго имъ высококомѣрнаго тона, то и дѣло измѣняя свои требованія, переходилъ отъ одной мысли къ другой и старался сбить съ толку турокъ своими безчисленными домогательствами, которыя выражалъ словесно и письменно.

16-го марта, князь Меншиковъ вручилъ Блистательной Портѣ свою первую записку, въ которой онъ напоминалъ туркамъ, что 10-го февраля 1852 г., т. е. слишкомъ годъ передъ тѣмъ, султанъ обѣщалъ императору, что вопросъ о Святыхъ мѣстахъ будетъ скоро окончательно рѣшенъ, и что императоромъ Николаемъ въ отвѣтъ на это были сдѣланы извѣстныя оговорки. Но Турція не удовлетворила ни одного изъ требованій, предъявленныхъ Россіей, въ виду тѣхъ преимуществъ, кои были дарованы латинянамъ фирманомъ 8-го февраля 1852 г.

22-го марта князь Меншиковъ предъявилъ новыя требованія въ своей второй еще болѣе обстоятельной запискѣ. Этотъ разъ онъ уже завелъ рѣчь не о простомъ дополнительномъ фирманѣ, а о дипломатическомъ договорѣ, въ силу котораго Россія пользовалась бы въ Иерусалимѣ равными правами съ Франціей. Исчисливъ нѣкоторые пункты, на коихъ особенно настаивалъ императоръ Николай, посланникъ требовалъ, чтобы ключъ отъ Вилеємской церкви, по поводу котораго велось столько переговоровъ, былъ отобранъ у латинянъ, которые, слѣдовательно, снова не имѣли бы доступа къ гробу Богородицы. Кромѣ того, греки требовали, чтобы имъ было разрѣшено передѣлать, безъ посторонняго вмѣшательства, на ихъ собственный счетъ, большой куполь церкви Святаго Гроба и, наконецъ, чтобы Турція торжественно обязалась не производить въ Иерусалимѣ никакихъ перемѣнъ, не войдя предварительно въ соглашеніе съ Россіей.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Рифать-паша, не смотря на приписываемыя ему симпатіи къ Россіи, рѣшился сообщить, по секрету, ноту кн. Меншикова французскому посольству въ Константинополь. Живя въ странѣ, гдѣ никакая тайна не можетъ быть долго соблюдаема, князь Меншиковъ узналъ вскорѣ о болтливости турецкихъ министровъ,

сдѣлался нервнѣе, раздражителенѣе, но зато менѣе требователенѣе въ своихъ словесныхъ заявленіяхъ, нежели въ своихъ письменныхъ нотахъ. Крайне недовольный тѣмъ, что французскому посланнику было извѣстно объ его требованіяхъ, относительно которыхъ онъ не могъ разсчитывать, что они будутъ исполнены турками, Меншиковъ настаивалъ на томъ, чтобы его ноты хранились въ величайшей тайнѣ. Не удовлетворившись обѣщаніемъ турокъ и желая вліять какъ можно болѣе на боязливаго и нерѣшительнаго Абдуль-Меджида, онъ просилъ разрѣшенія являться во дворецъ, не испрашивая предварительно аудіенціи, на чтѣ и послѣдовало согласіе султана. Наконецъ, стараясь завербовать себѣ приверженцевъ среди турецкихъ сановниковъ, князь былъ донельзя любезенъ и предупредителенъ съ Рехидъ и Риза-пашами, коихъ онъ называлъ публично «честными противниками».

Нѣсколько дней спустя, Меншиковъ совершенно неожиданно заговорилъ о Черногоріи и просилъ султана признать ея независимость. Это неожиданное требованіе имѣло, вѣроятно, цѣлью изгладить въ умѣ обитателей воинственнаго маленькаго княжества благопріятное впечатлѣніе, произведенное на нихъ вмѣшательствомъ Австріи, которая спасла ихъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ отъ жестокости турокъ.

Посолъ русскаго царя затронулъ еще одинъ щекотливый вопросъ: онъ требовалъ низложенія греческаго патріарха въ Константинополѣ съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ этотъ сановникъ назначался русскимъ царемъ, дабы, какъ говорилъ Меншиковъ, устранить позорную продажность, которою дѣйствительно сопровождалось обыкновенно назначеніе и смѣщеніе патріарха. Кромѣ того, посолъ потребовалъ смѣщенія сербскаго министра Гарашанина, который былъ не достаточно покоренъ волѣ Россіи.

Чрезмѣрность этихъ требованій, ихъ разнообразность и то обстоятельство, что они касались самыхъ большихъ мѣстъ турецкаго правительства, быстрота и неожиданность, съ какою предъявлялись эти требованія, окончательно сбили съ толку оттоманскихъ министровъ, привыкшихъ вѣками дѣйствовать медлительно, и повергли ихъ въ страшное недоумѣніе. Они прибѣгли по своему обыкновенію къ проволочкамъ, избѣгали дать окончательный отвѣтъ, не узнавъ предварительно мнѣнія Франціи и Англіи и, со свойственнымъ имъ политическимъ умомъ, поняли сразу, что имъ слѣдуетъ воспользоваться общностью видовъ, соединявшихъ, въ восточномъ вопросѣ, Францію и Англію. Увѣренные въ томъ, что обѣ великія державы не захотятъ содѣйствовать нравственной и матеріальной гибели Турціи, они упорно слѣдовали принятой ими системѣ отвѣчать на всѣ требованія Меншикова отказомъ.

Когда французскому флоту было приказано отплыть въ Средиземное море, Тувенель писалъ генералу Кафельбажаку (1-го апрѣля 1853 г.):

«Вамъ пришлось, вѣроятно, выдержать бурю по поводу посылки нашего флота, но я надѣюсь, что вы благополучно выпутались изъ нея. При томъ, изъ словъ самого Меншикова вытекаетъ, что если бы дѣла Черногоріи не уладились, то русскимъ войскамъ, сосредоточеннымъ въ Бессарабіи, было бы приказано идти къ границѣ. Слѣдовательно, мы поступили благоразумно, принявъ со своей стороны нѣкоторыя мѣры. Не мѣшаетъ, чтобы всѣ знали, что мы не останемся равнодушными зрителями беспорядковъ, происходящихъ на Востокахъ. Самый очевидный результатъ, какой имѣла демонстрація, сдѣланная Россіей, заключается въ томъ, что это дало многимъ поводъ строить планы относительно паденія Турціи. Это еще принесетъ плоды со временемъ, и я очень опасаюсь, что старинная тема о неприкосновенности Оттоманской имперіи окончательно истощилась. Мы очень довольны Пруссіей. Въ Берлинѣ, какъ вамъ извѣстно, только и думаютъ объ увеличеніи владѣній, и Пруссія никогда не допуститъ, чтобы Австрія присоединила къ себѣ какую-нибудь провинцію, не заявивъ претензій на соразмѣрную часть. Въ Берлинѣ тронуты нашими сообщеніями, тѣмъ болѣе, что Вѣнскій и Петербургскій кабинеты держали Берлинскій въ невѣдѣніи. Г. Вильденбрукъ, прусскій посланникъ въ Константинополь, дѣйствовалъ все время заодно съ нами. Мнѣ весьма любопытно, генераль, узнать, наконецъ, къ чему именно сводятся требованія Россіи въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ.

«Если я не ошибаюсь, она потребуетъ права возобновить куполь церкви Гроба Господня ¹⁾. Вотъ, въ двухъ словахъ, исторія этого свя-

¹⁾ Надъ церковью Святаго Гроба въ Иерусалимѣ возвышаются два купола, большой и малый. Большой куполь имѣлъ, до пожара 1808 г., форму усѣченной пирамиды. Послѣ пожара онъ былъ передѣланъ по измѣненному чертежу и хотя все-таки имѣлъ на верху оригинальную усѣченную форму, но уже болѣе походилъ на обыкновенный куполь. Въ настоящее время большой куполь церкви Святаго Гроба, именуемой также церковью Воскресенія Христова, деревянный со свинцовой обшивкой; малый же куполь построенъ изъ камня, и этимъ объясняется его прочность и то обстоятельство, что о передѣлкѣ его не заходило рѣчи. Внутри храма, въ томъ мѣстѣ, надъ которымъ возвышается большой куполь, находится часовенка, построенная надъ самою могилою Христа; часовенка эта также была уничтожена пожаромъ 1808 г. и построена вновь на томъ же самомъ мѣстѣ, но въ другомъ стилѣ одновременно съ большимъ куполомъ. Къ этой-то часовенкѣ, сооруженной внутри большой церкви, и тяготѣютъ страстные вождѣвія людей всѣхъ вѣроисповѣданій. Приблизиться къ ней какъ можно ближе составляетъ желаніе каждаго. Ключи отъ церкви Святаго Гроба находятся въ рукахъ турокъ. Принимая во вниманіе страшное соперничество, которое разыгрывается по поводу этого святилища между представителями христіанскихъ вѣроисповѣданій, это, въ сущности ненормальное, положеніе дѣлъ все же предпочтительнѣе того, если бы этотъ ключъ находился въ рукахъ какой-либо изъ христіанскихъ державъ.

тилица: до 1808 г. оно было собственностью латинянъ, которые возобновили его въ прошломъ столѣтїи. Въ 1808 г. оно было истреблено пожаромъ; какъ это случилось, одному Богу извѣстно; латиняне говорятъ, что его подожгли греки. Какъ бы то ни было, пожаръ послужилъ грекамъ на пользу, и Порта, недовольная тильзитскимъ свиданіемъ и тѣмъ, что мы предоставили ее во власть Россїи, желая либо успокоить гнѣвъ своего врага, либо дать грекамъ такія преимущества, которыя удержали бы ихъ на пути долга, дала имъ фирманъ, въ силу котораго церковь Гроба Господня перешла въ ихъ руки. Тогда греки перестроили ее и украсили образами и надписями. Въ 1812 г. ла-Турь-Мобуръ протестовалъ противъ этого и добился противоположнаго фирмана, который впрочемъ не былъ приведенъ въ исполненіе, но коимъ были признаны права латинянъ. Наконецъ, куполь, по словамъ грековъ, пришелъ въ совершенную ветхость, и Россія потребовала въ 1843 г. для грековъ новаго фирмана. Г. де-Буркене воспротивился этому; было рѣшено, что куполь, который былъ вовсе не такъ ветхъ, какъ говорили, будетъ исправленъ не раньше, какъ черезъ 30 лѣтъ. Въ 1852 г., султанъ, въ виду новыхъ настояній грековъ, желая прекратить домогательства соперничающихъ вѣроисповѣданій, заявилъ намѣреніе самъ перестроить церковь Святаго Гроба, на чтѣ Франція и Россія изъявили согласіе. Вслѣдствіе этого на мѣсто былъ посланъ архитекторъ для составленія чертежей. На томъ дѣло и остановилось. Но между тѣмъ греки хотятъ, чтобы новая часовня была возобновлена, до мельчайшихъ подробностей, по прежнему плану, т. е. была бы украшена тѣми же иконами и надписями; съ своей стороны, латиняне требуютъ, чтобы эти признаки, свидѣтельствующіе о правахъ грековъ на святилище, были уничтожены. Мы подали мысль, чтобы надписи были сдѣланы на трехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и армянскомъ. Существовало еще предположеніе сдѣлать надпись только по-турецки, въ воспоминаніе о великодушїи султана. Мы готовы согласиться на ту и другую комбинацію, но мы сильно поспорили бы, ежели бы церковь Святаго Гроба была перестроена греками и если бы на ней снова появились признаки ихъ исключительнаго господства. И такъ, мы требуемъ либо *statu quo*, ежели его еще возможно продлить, либо возобновленія церкви султаномъ или же на общія средства христіанъ разныхъ исповѣданій, но съ надписями, которыя удовлетворили бы всѣхъ и cadaго. Я полагаю необходимымъ сообщить вамъ эти подробности, чтобы вы могли поддержать разговоръ съ г. Нессельроде, ежели онъ коснется этого спеціальнаго вопроса.

Извѣщая Тувенеля о полученіи этого письма, изъ котораго видно, въ какой сѣти всякихъ недоразумѣній запутался вопросъ о Святыихъ мѣстахъ, генералъ Кастельбажакъ писалъ 15-го апрѣля 1853 г.:

«Ваши частныя письма, любезный коллега, представляютъ для меня

огромный интересъ, и кромѣ того весьма полезны мнѣ. Въ настоящее время князь Меншиковъ уже получилъ новыя инструкціи отъ своего правительства, поэтому я начинаю успокаиваться и оставляю Нессельроде въ покоѣ. Мнѣ кажется, надобно лишить русскихъ возможности дѣйствовать въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ, т. е. въ нашемъ личномъ дѣлѣ, на Турцію устрашающе и помимо насъ. Де-Лакуру надобно дать всѣ необходимыя инструкціи для того, чтобы какъ можно быстрѣе окончить дѣло съ княземъ Меншиковымъ.

«Я не могъ говорить съ нимъ о Святыхъ мѣстахъ, такъ какъ онъ уѣхалъ совершенно неожиданно. Наканунѣ онъ долженъ былъ присутствовать на раутѣ, который я далъ по случаю бракосочетанія нашего императора, и прислалъ мнѣ записочку съ извиненіемъ, ссылаясь на свое нездоровье. Князь Меншиковъ человѣкъ умный; его манеры простыя и вѣжливыя, при этомъ онъ напоминаетъ своимъ обхожденіемъ нашихъ вельможъ двора Людовика XV. Онъ любитъ женщинъ, карты, лошадей и веселую компанію, не разбирая, хороша она или худа. Но, имѣя недостатки людей дурнаго общества, онъ имѣетъ также многія качества, въ противность своимъ соотечественникамъ, которые, вообще говоря, обладаютъ только первыми. Онъ честенъ, характера независимаго и никого не щадитъ въ остроумныхъ и язвительныхъ замѣчаніяхъ. Въ самый день своего отъѣзда онъ встрѣтилъ во дворцѣ, на лѣстницѣ, фрейлину императрицы, графиню Баранову, которая спросила его, правда ли, что онъ уѣзжаетъ и куда онъ ѣдетъ. «Какъ! вы не знаете? Скажу вамъ по секрету, дорогая графиня; вамъ извѣстны милости, оказанныя императоромъ Чернышеву, при выходѣ его въ отставку; его величество, по неисчерпаемой добротѣ своей, находитъ, что этого мало по его заслугамъ и хочетъ женить Чернышева на одной изъ дочерей султана! Съ этой цѣлью его величество и посылаетъ меня въ Константинополь, и поэтому-то меня и сопровождаетъ Дмитрій Нессельроде (сынъ канцлера), который, какъ вамъ извѣстно, мастеръ устраивать браки». Графиня Баранова успѣшила передать эту великую новость императрицѣ. Императоръ Николай только посмѣялся надъ шуткою князя Меншикова, котораго онъ любитъ и уважаетъ. Но говорятъ, и это немудрено, что Нессельроде и Чернышевъ были не особенно довольны этой шуткой. Этотъ анекдотъ подтверждаетъ то, что я всегда думалъ, и объясняетъ мнѣ отчасти затруднительное положеніе Нессельроде, который не руководитъ самостоятельно этимъ дѣломъ. Но канцлеръ, по обыкновенію, одержитъ верхъ своимъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ и своей политической опытностью. Тогда дѣло уладится. Самое главное то, что князю Меншикову даны въ настоящее время послѣднія инструкціи; надобно дать таковыя же и де-Лакуру, чтобы покоичить дѣло какъ можно скорѣе, ибо если, при этихъ огромныхъ разстояніяхъ, понадо-

бятся еще разъясненія и если петербургской канцеляріи, разнымъ Сенявинымъ и Лабенскимъ, дадутъ сунуть носъ въ это дѣло, то оно никогда не кончится, или, лучше сказать, оно окончится разрывомъ».

Между тѣмъ Англія, видя осложненіе дѣлъ на Востокѣ, поспѣшила послать обратно въ Константинополь своего представителя, лорда Стратфорда Редклиффа, который прибылъ въ Перу 4-го апрѣля.

Прослуживъ сорокъ лѣтъ на Востокѣ, между прочимъ двѣнадцать лѣтъ въ Константинополѣ, лордъ Редклиффъ вполнѣ освоился съ обычаями страны, гдѣ, при полномъ отсутствіи гласности, всѣми дѣлами руководить интрига.

Высокомѣрный и самоувѣренный, Стратфордъ былъ болѣе чѣмъ обыкновенный посланникъ; вслѣдствіе своего многолѣтняго пребыванія въ Константинополѣ, онъ одѣлался съ теченіемъ времени для турецкихъ министровъ и для самихъ султановъ совѣтникомъ, словомъ котораго дорожили и коего гнѣва боялись. Онъ командовалъ турками съ такою увѣренностью, что никому и въ умъ не приходило, что его можно было не послушать. Посланники прочихъ державъ время отъ времени смѣнялись, и Стратфордъ, пробывшій въ Константинополѣ много лѣтъ, посвящалъ ихъ въ существовавшія тамъ отношенія и обнаруживалъ передъ ними только ту часть правды, которую онъ считалъ удобнымъ открыть имъ. Такимъ образомъ, онъ былъ какъ бы главою дипломатическаго корпуса, и ничто не дѣлалось безъ его совѣта; по его желанію смѣнялись великіе визири и посланники.

Онъ руководилъ англійскими консулами на Востокѣ и старался создать изъ нихъ агентовъ, которые властвовали бы надъ пашами точно такъ же, какъ онъ властвовалъ надъ Портою. Въ Германіи и въ Россіи его называли, съ отгѣнкомъ нѣкотораго озлобленія, константинопольскимъ султаномъ. Это недоброжелательство, смѣшанное съ завистью, не только нравилось ему, но приводило его въ восторгъ; оно было для него доказательствомъ услугъ, оказанныхъ имъ Великобританіи. Собственно говоря, онъ былъ прежде всего англійскій патриотъ, радѣвшій о величіи своего отечества, хотя не терялъ въ то же время изъ вида и своихъ личныхъ интересовъ; чрезвычайно дѣятельный, онъ не допускалъ посторонняго вмѣшательства въ свои дѣла, но самъ любилъ вмѣшиваться въ дѣла другихъ; характера страстнаго, хотя на видъ холодный, онъ былъ чувствителенъ ко всякой обидѣ и во всякой личной обидѣ видѣлъ оскорбленіе, нанесенное Англіи; къ восточнымъ людямъ, коихъ онъ считалъ низшей расой, онъ относился свысока и вообще по манерамъ и тону былъ настоящій англійскій аристократъ. Друзья говорили о немъ, что за исключеніемъ Пальмерстона никто лучше его не олицетворялъ собою англійскаго генія.

Въ 1833 г. лордъ Редклиффъ добивался быть аккредитованнымъ

при русскомъ дворѣ, но императоръ Николай не одобрилъ этого выбора, и Редклиффъ питалъ къ нему съ тѣхъ поръ злобу, которую онъ не старался скрывать, что еще болѣе увеличивало его значеніе въ глазахъ турокъ. Они чувствовали, что Стратфордъ, защищая ихъ отъ попятно-веній Россіи, будетъ не только дѣйствовать въ ихъ интересахъ, но удовлетворить этимъ и свое личное злопамятство. Они привыкли мало-по-малу ничего не скрывать отъ него, и имъ казалось, что пока Стратфордъ руководитъ ими, всякое событіе будетъ поправимо. Таковъ былъ дипломатъ, прибывшій въ Константинополь 4-го апрѣля 1853 г. Между нимъ и княземъ Меншиковымъ весьма скоро установились самыя натянутыя отношенія, и личныя враждебныя чувства лорда Редклиффа сыграли немалую роль въ разрывѣ, происшедшемъ въ 1854 году.

В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXIX ¹⁾.

Генералъ Чевкинъ, какъ главноуправляющій путями сообщенія.—Образованіе имъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.—Вопро съ о продажѣ Николаевской дороги.—Злоупотребленія контрагента Уайманса.—Оставленіе дороги въ вѣдѣніи правительства.

о возвращеніи изъ-за границы, мнѣ пришлось въ продолженіе многихъ лѣтъ работать съ генераломъ Чевкинымъ, и я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ истинно государственномъ человѣкѣ.

При вступленіи своемъ въ управленіе вѣдомствомъ путей сообщенія, Чевкинъ былъ, также какъ и графъ Клейнмихель, сильно предубѣжденъ противъ вѣдомства; но это предубѣжденіе тоже скоро исчезло.

По распространенному общественному мнѣнію, вѣдомство путей сообщенія считалось, какъ бы исключительно, зараженнымъ болѣзною казнообирательства. Между тѣмъ, это мнѣніе сильно грѣшило противъ правды, и едва-ли вѣдомство путей сообщенія не было, наоборотъ, вѣдомствомъ наименѣе другихъ грѣховнымъ.

Чѣмъ менѣе человѣкъ развитъ и менѣе образованъ, тѣмъ менѣе онъ щекотливъ въ отношеніи нравственнаго своего долга и, тѣмъ болѣе, является онъ въ этомъ отношеніи циничнымъ. Институтъ путей сообщенія, до конца сороковыхъ годовъ, давалъ самое серьезное и самое высокое образованіе. Одно время, какъ я замѣтилъ, онъ стоялъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюнь 1902 г.

даже выше политехнической Парижской школы съ ея спеціальностями. Въ институтѣ сосредоточилась тогда цѣлая плеяда великихъ и знаменитыхъ профессоровъ, которые не только блестящимъ образомъ передавали свои познанія ученикамъ, но, кромѣ того, дѣйствовали на облагораживаніе духа послѣднихъ и на ихъ нравственную сторону.

Я позволю себѣ утверждать, что, вслѣдствіе большей степени развитія инженеровъ сравнительно съ чиновными массами другихъ вѣдомствъ, вѣдомство путей сообщенія несло на себѣ незаслуженный укоръ въ исключительной грѣховности казнообирательства. Я полагаю, что многимъ случалось слышать безцеремонные разговоры товарищей о полученіи тепленькаго мѣстечка или о хлопотахъ по этому предмету, и такіе безцеремонные разговоры происходили иногда въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ могли слышать совершенно посторонніе люди. Могу засвидѣтельствовать, что мнѣ ни разу не случалось слышать такого циническаго разговора между офицерами путей сообщенія. Это можетъ служить доказательствомъ, что извѣстная степень развитія накладываетъ узду, т. е. внутреннее сознаніе о грѣховности того или другаго. При этомъ надо обратить вниманіе еще на слѣдующій фактъ: я предлагаю сопоставить число служившихъ въ тѣ времена инженеровъ съ мизернымъ бюджетомъ вѣдомства путей сообщенія, включая, конечно, и расходы по работамъ. Между тѣмъ, вѣдомство путей сообщенія сооружало каналы, шоссе, мосты, шлюзы и проч., т. е. оставляло видимый слѣдъ навѣки ассигнуемыхъ ему бюджетовъ, которые всегда можно проконтролировать и убѣдиться, что укоры вѣдомству въ исключительной грѣховности казнообирательства были сущимъ вздоромъ.

По вступленіи въ управленіе Чевкина, онъ тотчасъ обратилъ свое вниманіе на развитіе у насъ желѣзныхъ дорогъ и задумалъ образовать Главное общество желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ французскимъ элементомъ во главѣ, чтѣ и осуществилось въ 1857 году. За созданіе этого общества Чевкинъ потерпѣлъ много нареканій.

Какъ всякое дѣло не бываетъ безъ ошибокъ, то и Чевкинъ впалъ въ ошибку, оказавъ въ началѣ слишкомъ большое довѣріе къ представителямъ общества. По прошествіи, однако, съ небольшимъ одного года, обнаружилось, что общество, считая себя могучей силой, вознамѣрилось разыгрывать роль министерства въ министерствѣ, стало игнорировать вѣдомствомъ путей сообщенія и дѣйствовать въ ущербъ общимъ государственнымъ интересамъ, охранителемъ которыхъ былъ Чевкинъ. Кромѣ того, обнаружилось, что, за исключеніемъ весьма малаго числа достойныхъ инженеровъ, вся масса прочихъ иностранныхъ инженеровъ отличалась вопіющимъ невѣжествомъ и стремленіемъ къ наглому воровству. Тогда Чевкинъ вступилъ въ упорную борьбу съ обществомъ которое онъ самъ же создалъ. Я говорю въ борьбу, потому что онъ

могъ бы, по своему положенію, обуздать общество и безъ борьбы, но ему, главнымъ образомъ, пришлось бороться съ тѣми вліятельными высшими сферами, которыя стояли за общество.

Мнѣ пришлось быть и дѣйствующимъ лицомъ и свидѣтелемъ означенной борьбы, и я расскажу одинъ изъ самыхъ крупныхъ ея эпизодовъ. Въ началѣ 1860 года обнаружилась полная несостоятельность Главнаго общества: капиталъ, собранный имъ на устройство 4.000 верстъ, былъ весь израсходованъ на устройство только Варшавской и Нижегородской дорогъ, тогда какъ общество обязано было построить еще Московско-Феодосійскую и Орлово-Рижскую, т. е. общество не исполнило вполнѣ даже и половины своего обязательства. Въ виду такого плачевнаго обстоятельства, наше правительство, не желая допустить разоренія десятковъ тысячъ акціонеровъ и не скомпрометтировать тѣмъ первую попытку устройства дорогъ на частные капиталы, рѣшилось утвердить гарантію не по расчету построенныхъ верстъ, а на весь собранный капиталъ, чѣмъ совершило актъ мудрости и возвышенной справедливости. Но представители Главнаго общества не удовлетворились этимъ и, видя снисходительность правительства, повели интригу о забраніи въ свои руки Николаевской желѣзной дороги за половину той цѣны, во чтѣ она обошлась казнѣ.

Это предложеніе было принято во вліятельныхъ сферахъ очень благосклонно, подъ предлогомъ, что этою покупкою Главное общество окажетъ большую услугу казнѣ усиленіемъ государственнаго фонда.

Вопреки оппозиціи Чевкина, вопросъ о продажѣ Николаевской дороги и о немедленной передачѣ ея Главному обществу былъ рѣшенъ комитетомъ министровъ, и это рѣшеніе было утверждено государемъ. На другой же день послѣ этого рѣшенія, Чевкинъ призвалъ начальника дороги и приказалъ составить, какъ можно скорѣе, опись для передачи дороги. Случилось такъ, что я находился въ пріемной Чевкина, ожидая очереди своего доклада, когда вышелъ изъ кабинета начальникъ дороги и сообщилъ мнѣ отданное ему приказаніе. Вслѣдъ за затѣмъ вошелъ въ кабинетъ я и, сдѣлавъ свой докладъ, спросилъ Чевкина:

— Неужели правда, что Николаевская желѣзная дорога продается?

— Къ сожалѣнію, сущая правда, — отвѣчалъ Чевкинъ.

По тону отвѣта я заключилъ, что Чевкинъ былъ противъ продажи. Тогда я предложилъ ему составить записку о тѣхъ вредныхъ послѣдствіяхъ, какія могутъ явиться отъ того, что правительство выпустить изъ рукъ то оружіе, которымъ оно можетъ дѣйствовать для урегулированія всей будущей сѣти замосковныхъ дорогъ, а равно и служить, вообще, примѣромъ для частныхъ дорогъ. Чевкинъ поблагодарилъ меня за мое предложеніе, но сказалъ: «поздно».

Едва я вернулся домой, какъ черезъ четверть часа прибылъ курьеръ, съ запиской отъ Чевкина, чтобы я явился сейчасъ же къ нему.

Когда я вошелъ, Чевкинъ сказалъ мнѣ:

— Вы говорили мнѣ, что можете написать записку противъ продажи Николаевской дороги; напишите, что знаете, и принесите ее не позже среды вечера.

Такъ какъ этотъ день былъ канунъ докладовъ его государю, то я понялъ, что этимъ назначеніемъ дня онъ хотѣлъ дать мнѣ почувствовать о цѣли записки, дабы въ редакціи ея не вкралось чего-либо неудобнаго. Въ назначенное время я явился и встрѣтилъ у Чевкина директора департамента желѣзныхъ дорогъ, интриговавшего въ пользу Главнаго общества, чего Чевкинъ не подозрѣвалъ и исполнѣ доврѣлся ему. Провѣдавъ, конечно, что Чевкинъ намѣревается поднять вновь вопросъ о продажѣ дороги, и, зная, уже навѣрно, что мнѣ поручено составить записку, директоръ департамента всячески старался парализовать дѣло, но ему не удалось поколебать Чевкина. Черезъ нѣсколько дней Чевкинъ прислалъ за мною.

Когда я вошелъ, то нашелъ Чевкина, на этотъ разъ, въ очень пріятномъ настроеніи, и онъ сказалъ мнѣ:

— При послѣднемъ докладѣ, я прочелъ государю мою записку въ видѣ взгляда русскихъ людей на продажу Николаевской желѣзной дороги. Содержаніе этой записки очень понравилось государю, и онъ одобряетъ изложенные въ ней взгляды. Вамъ извѣстно, — добавилъ онъ, — что продажа въ принципѣ рѣшена совѣтомъ министровъ, и рѣшеніе это было одобрено государемъ, но теперь, въ виду измѣнившихся нѣсколько возрѣній, можно поправить дѣло. Не можете ли вы составить такія условія продажи, при которыхъ Главное общество нашло бы неудобнымъ для себя купить дорогу?

— Могу, — отвѣчалъ я.

Такъ какъ этотъ вопросъ былъ обдуманъ мною прежде, то черезъ три дня я доставилъ Чевкину желаемую имъ записку.

Суть была въ томъ, что сторонники продажи опирались на аргументъ усиленія государственнаго размѣннаго фонда. Поэтому, я и построилъ свою записку, объ условіяхъ продажи, преимущественно на томъ, чтобы Главное общество внесло весь капиталъ звонкою монетою, не допуская даже взноса государственными бумажными фондами. Эту записку Чевкинъ передалъ въ комиссію, подъ предсѣдательствомъ С. В. Кербедза, назначенную для передачи дороги Главному обществу, и, по предъявленіи ему означенныхъ условій продажи, оно, какъ извѣстно, отказалось тогда отъ приобрѣтенія Николаевской дороги.

Разсказанное мною обстоятельство происходило въ томъ же 1860

году, когда былъ измѣненъ уставъ общества. Выйдя побѣдителемъ изъ борьбы, Чевкинъ приступилъ, какъ Кутузовъ, къ удаленію иноплеменнаго нашествія на Россію.

Видя, что Николаевская желѣзная дорога не приноситъ никакого дохода, онъ, не успѣвъ еще ознакомиться съ вопросомъ, полагалъ, что причина такого положенія кроется въ злоупотребленіяхъ, и потому рѣшилъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ управленіе вѣдомствомъ, произвести самую подробную и строгую ревизію дороги. Эту ревизію онъ поручилъ двумъ лицамъ: мнѣ отъ Петербурга до Бологое и инженеру Поземковскому отъ Бологое до Москвы. Мнѣ пришлось производить эту ревизію съ ранней весны и до зимы. Результатомъ этой ревизіи было выясненіе Чевкину, что причина незавиднаго состоянія дороги кроется не въ злоупотребленіяхъ, а въ самой системѣ ремонта пути и, главное, подвижнаго состава. Въслѣдствіе этого Чевкинъ отправилъ меня за границу, на продолжительное время, для изученія администраціи желѣзныхъ дорогъ и подвижнаго состава, предписавъ обратить вниманіе преимущественно на правительственныя дороги въ Бельгіи, и, независимо отъ этого, поручилъ еще ознакомиться вообще съ общимъ государственнымъ контролемъ.

По возвращеніи моемъ изъ-за границы, гдѣ я пробылъ около двухъ лѣтъ, знакомившись со всѣми отраслями желѣзныхъ дорогъ въ Бельгіи, Англии, Франціи и Германіи, Чевкинъ тотчасъ же назначилъ комиссію, подъ предсѣдательствомъ своего товарища, инженеръ-генераль-лейтенанта Герсфельда, для измѣненія системы ремонта пути и сооруженій Николаевской дороги. Не смотря на сильную оппозицію большинства членовъ комиссіи и департамента желѣзныхъ дорогъ, Чевкинъ одобрилъ мое особое мнѣніе, система оптоваго подряда была отвергнута, и ремонтъ дороги былъ переданъ въ хозяйственное распоряженіе управленія дороги. Результатомъ было то, что вмѣсто 1.000.000 руб., платившихся до того время оптовому подрядчику, ремонтъ, въ первый же годъ, обошелся лишь въ 650.000 руб. При этой реформѣ мнѣ удалось склонить Чевкина къ тому, чтобы инженерамъ, служащимъ на дорогѣ, вмѣсто ничтожнаго жалованья по чину, назначено было надлежащее содержаніе, а именно — по 5.000 руб. начальникамъ отдѣленій и по 2.500 руб. начальникамъ дистанцій, безъ чего, по моимъ понятіямъ, нельзя было подвергать ихъ строжайшей безпощадной отвѣтственности, при чемъ былъ указанъ и вѣрный способъ дѣйствительнаго контроля,

Но, по отношенію къ Николаевской дорогѣ, Чевкину предстояло рѣшить болѣе серьезную и болѣе крупную задачу, касающуюся ремонта подвижнаго состава. Въ то время всѣмъ былъ извѣстенъ пресловутый контрактъ Уайнанса, по которому всѣ 95 его параграфовъ ограждали лишь интересы контрагента, въ полный ущербъ казны. Когда я,

*

вернувшись изъ-за границы, представилъ Чевкину, съ приложеніемъ самыхъ подробныхъ документовъ, результаты изученія мною вопроса о ремонтѣ подвижнаго состава въ разныхъ странахъ Европы, то оказалось, что по ремонту, напримѣръ, вагоновъ, составлявшему главную цифру платежей по контракту, Уайнансъ получалъ въ 17 разъ болѣе, чѣмъ этотъ ремонтъ обходился въ другихъ странахъ Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я усмотрѣлъ въ контрактѣ одинъ параграфъ, 43-й (введенный контрагентомъ для огражденія своихъ интересовъ), который представлялъ возможность понизить, на основаніи этого параграфа, платимую контрагенту сумму за ремонтъ по крайней мѣрѣ на три четверти. Дѣло было въ томъ, что, на основаніи означеннаго параграфа, правительство имѣло право построить подвижной составъ иной конструкции, чѣмъ та, которая была введена тѣми же контрагентами на Николаевской дорогѣ, и, въ такомъ случаѣ, контрактныя цѣны ремонта не были обязательны для обѣихъ сторонъ. По расчету выходило, что если поставить на Николаевскую дорогу новый подвижной составъ и предложить Уайнансу только $\frac{1}{4}$ прежней цѣны, или, въ случаѣ его отказа, отремонтировать новый подвижной составъ самому управленію—что было бы еще выгоднѣе—то въ теченіе $2\frac{1}{2}$ лѣтъ, которыя оставались еще за контрагентомъ, сберегалась бы сумма не только достаточная на покрытіе расходовъ по устройству новаго подвижнаго состава, но явился бы немалый остатокъ.

По моему рапорту Чевкинъ приказалъ собрать немедленно комиссію, не гласную. По разнымъ обстоятельствамъ, комиссія эта не собиралась, и Чевкинъ разсудилъ не подымать новой борьбы по этому предмету, въ виду скорого истеченія контрактнаго срока.

Я употребилъ опять слово борьбы, потому, что Уайнансъ представлялъ изъ себя могучую денежную силу, поддерживаемую вліятельными сферами. Только при этой поддержкѣ и могъ быть заключенъ такой контрактъ, который представлялъ изъ себя образецъ наглаго обирательства казны. Но Уайнансъ не довольствовался одной баснословной цѣной, получаемой имъ за ремонтъ по контракту, онъ щипалъ казну весьма крупно и другими путями, безусловными контрактомъ, при чемъ изобрѣтательность его достигла до степени невѣроятнаго. Вообще вопросъ объ обузданіи Уайнанса и затѣмъ объ отстраненіи его отъ ремонта представился Чевкину вопросомъ серьезнымъ, и онъ велъ по этому дѣлу упорную борьбу. Перечислять всѣ фазисы этой борьбы было бы долго. Я расскажу лишь два болѣе выдающіеся факта.

По истеченіи срока контракта, Уайнансъ былъ обязанъ сдать паровозы въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ принялъ. Понятно, что, послѣ 12 лѣтъ движенія, котлы паровозовъ должны были быть признаны негодными. Дабы не дѣлать на свой счетъ новыхъ котловъ, Уай-

нансъ употребилъ слѣдующій фортель. Заблаговременно, еще до развитія по дорогѣ надлежащаго движенія, онъ поставилъ на паровозы невѣрные, слабые манометры, — что онъ могъ сдѣлать незамѣтнымъ образомъ, такъ какъ подвижной составъ былъ въ его рукахъ. Вслѣдствіе этого увеличилось число паровозо-верстѣ, т. е. число оплачиваемыхъ казною единицъ. Проработавъ такимъ образомъ много лѣтъ, Уайнансъ, за 2½ года до окончанія контракта, сдѣлалъ слѣдующее предложеніе.

Въ виду развитія въ настоящее время движенія, паровозы оказываются очевидно малосильными, и потому онъ готовъ передѣлать всѣ паровозы, за извѣстную плату, на новый типъ, такой, который будетъ возить вдвое болѣе грузные поѣзда, и предъявилъ къ осмотру передѣланный имъ паровозъ по новому типу, объясняя, при этомъ, что расходъ казны на передѣлку паровозовъ вознаградится съ излишкомъ отъ экономіи въ числѣ паровозо-верстѣ. Чевкинъ принялъ это предложеніе; но въ тотъ день, когда департаментъ сдѣлалъ уже заказъ на передѣлку паровозовъ, Чевкину вздумалось убѣдиться еще разъ въ достоинствѣ новаго типа. Онъ послалъ за мной и приказалъ освидѣтельствовать передѣланный паровозъ и въ тотъ же день донести ему о результатѣ осмотра. По освидѣтельствованіи, я донесъ ему, что болѣе милліона рублей, назначенныхъ на передѣлку паровозовъ, будутъ брошенными деньгами, что гораздо лучшее на эти деньги купить совсѣмъ новые паровозы, и что цѣль передѣлки паровозовъ, сдѣланной Уайнансомъ—есть замѣна старыхъ котловъ новыми, между тѣмъ какъ онъ былъ бы обязанъ поставить новые котлы ко времени сдачи паровозовъ на свой счетъ. Тутъ же при мнѣ Чевкинъ написалъ собственноручно записку директору департамента:—«остановить заказъ». Но на другой день Уайнансъ подалъ заявленіе, что онъ, получивъ заказъ отъ департамента, въ тотъ же часъ сдѣлалъ, по телеграфу заказъ разныхъ предметовъ въ Лондонѣ, на 500.000 руб., и откажется отъ дѣла, если ему будетъ уплачена эта сумма. Чевкинъ, конечно, не измѣнилъ своего рѣшенія объ остановкѣ заказа, и потому Уайнансъ завелъ процессъ, дошедшій до Сената, но чѣмъ онъ кончился, мнѣ не извѣстно.

XXX.

Проектъ станціи въ Москвѣ для Нижегородской дороги.—Бельгійскій инженеръ де-Брауеръ.—Составленіе имъ компаніи на постройку Саратовской дороги.—Неудовлетворительное веденіе дѣлъ.—Удаленіе де-Брауера.—Желаніе совѣта общества имѣть директоромъ В. А. Панаева.—Отказъ Чевкина отпустить его отъ себя.—Дальнѣйшая исторія постройки Саратовской дороги.

Въ 1860 году, Главное общество желѣзныхъ дорогъ представило главноуправляющему проектъ станціи въ Москвѣ для строившейся Нижегородской дороги и предполагавшейся Θεодосійской, ассигнуя на это 4.000.000 руб. Чевкину предположеніе Общества почему-то не совсѣмъ понравилось. Онъ призвалъ меня и сказалъ, что назначаетъ коммисію подъ предсѣдательствомъ Мельникова изъ пяти членовъ, въ которой должны участвовать: Кербедзъ, Языковъ, Серебряковъ, Липинъ и я; при чемъ обратилъ мое вниманіе на важность вопроса. Я тутъ же замѣтилъ ему, что подобныя вопросы уже поднялись теперь въ большихъ городахъ Европы, гдѣ станціи помѣщались почти на окраинахъ городовъ, и теперь раздумываютъ уже о мѣрахъ къ исправленію неудобствъ, изъ того вытекающихъ, и которыя потребуютъ значительныхъ затратъ, и потому было бы желательно избѣжать въ будущемъ этихъ затратъ, для чего надо подумать объ устройствѣ въ Москвѣ центральной станціи.

— Прошу васъ, — сказалъ Чевкинъ, — выяснить этотъ вопросъ въ коммисіи.

Вслѣдствіе этого, я представилъ двѣ записки (20-го января и 9-го февраля 1860 г.) о центральной станціи въ Москвѣ, въ которыхъ между прочимъ говорилъ:

- 1) Что въ городѣ, представляющемъ средоточіе нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, наивыгоднѣйшее рѣшеніе задачи, относительно помѣщенія пассажирской станціи, есть устройство общей центральной станціи.
- 2) Что таковая станція представляетъ много удобствъ и матеріальныхъ выгодъ для города и для самихъ дорогъ, и въ то же время экономизируетъ общій народный капиталъ какъ при постройкѣ, такъ и при эксплуатаціи дорогъ.
- 3) Что Москва представляетъ возможность для устройства центральной пассажирской станціи и прохода по городу.
- 4) Что отдача единственно удобнаго для этого мѣста въ руки одной компаніи или лишитъ всѣ прочія дороги удобнаго сообщенія съ городомъ или поставитъ ихъ въ полную зависимость отъ одной дороги.

Теперь слѣдуетъ рассмотретьъ подробнѣе, въ чемъ именно заключаются удобства и выгоды общей центральной станціи, по сравненію съ тѣмъ, если бы каждая дорога имѣла свою особую станцію.

Относительно города. Естественнымъ слѣдствіемъ желѣзныхъ дорогъ, выходящихъ изъ многолюднаго города, есть быстрое развитіе населенія окрестныхъ мѣстъ, по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, если только окрестности сколько-нибудь тому благоприятны и если окрестное направление дорогъ проведено удачно.

Дешевизна окрестной жизни, въ сравненіи съ городской, чистый воздухъ и удобства сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ суть три условія, которыя способствуютъ быстрому населенію окрестныхъ мѣстъ города.

Желѣзныя дороги имѣютъ свойство умѣрять чрезмѣрное развитіе городского населенія, что важно въ отношеніи гигиеническомъ, нравственномъ и даже политическомъ. Въ настоящее время, въ такихъ большихъ городахъ, какъ Лондонъ и Парижъ, замѣтно даже переселеніе въ окрестныя мѣста прежнихъ постоянныхъ жителей города и даже такихъ, которые имѣютъ ежедневныя въ немъ занятія.

Окрестная жизнь совмѣщаетъ въ себѣ удобства какъ городской, такъ и деревенской жизни; между тѣмъ, развитіе окрестнаго населенія способствуетъ развитію торговли, промышленности, а, слѣдовательно, и производительности въ той же самой мѣрѣ, какъ и развитіе городского населенія, а потому окрестная жизнь, не ослабляя нисколько полезныхъ сторонъ средоточія населенія, отстраняетъ при этомъ дурныя его стороны.

Въ Россіи, вслѣдствіе особенныхъ условій страны и, главное, вслѣдствіе характера народа, городская жизнь вообще мало развилась и едва-ли можетъ когда-либо развиться въ той степени, какъ въ другихъ странахъ. Развитіе большихъ центровъ жизни должно возбудить полезное вліяніе центровъ и, въ то же время, какъ нельзя лучше можетъ удовлетворить потребностямъ страны и характеру русскаго народа.

Но развитіе окрестнаго населенія на счетъ развитія чисто городского населенія можетъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, когда сообщенія съ окрестностями города доведены до крайняго удобства и дешевизны, а этого нельзя допустить иначе, какъ помѣщеніемъ станціи желѣзныхъ дорогъ, по возможности, ближе къ центру города.

Обращаясь теперь къ Москвѣ, очевидно, что если отдать центральное въ оной мѣсто въ руки одной компаніи, то окрестная жизнь можетъ развиваться только въ одномъ направленіи, а не по всѣмъ направленіямъ выходящихъ изъ города желѣзныхъ дорогъ.

Относительно пассажировъ. Пассажировъ можно раздѣлить на 4 разряда въ отношеніи города Москвы.

1) Пассажиры окрестные, имѣющіе крайними пунктами передвиженія окрестныя мѣста и Москву, или окрестныя мѣста, лежація по ту и другую сторону города.

2) Пассажиры сквозные (проѣзжіе), имѣющіе крайнимъ пунктомъ передвиженія не Москву, но пункты, лежащіе по ту или другую сторону города, не въ значительномъ отъ него удаленіи.

3) Пассажиры сквозные, имѣющіе крайними пунктами передвиженія пункты, лежащіе по ту или другую сторону города, въ значительномъ отъ него разстояніи.

4) Пассажиры дальніе, выѣзжающіе изъ Москвы и прибывающіе туда.

Изъ отсутствія общей центральной станціи вытекають слѣдующія неудобства для пассажировъ:

Для пассажировъ перваго разряда неудобства и относительное возвышеніе расходовъ на сообщеніе, при отсутствіи центральной станціи, такъ чувствительны, что самое развитіе движенія этого рода пассажировъ будетъ до крайности парализовано.

Пассажиры втораго разряда, во-первыхъ, будутъ терять время на переѣзды или переходы съ багажемъ со станціи на станцію, а, во-вторыхъ, расходы на проѣздъ для многихъ неизбежно увеличатся отъ 20 до 25 процентовъ и даже болѣе.

Такъ, напримѣръ, пассажиръ изъ Твери или Клина въ Коломну и обратно, при существованіи центральной станціи, легко можетъ въ одинъ и тотъ же день пріѣхать на мѣсто, сдѣлать свое дѣло и вечеромъ ѣхать назадъ. При отсутствіи же общей центральной станціи, онъ этого сдѣлать не можетъ и, въ добавокъ, израсходуетъ лишнія деньги на переѣздъ отъ станціи до станціи и на плату за подноску и относку багажа. Можно положительно сказать, что, при отсутствіи центральной станціи, пассажиры втораго разряда, при своихъ перемѣщеніяхъ, постоянно будутъ терять не нѣсколько часовъ, а цѣлый день безъ всякой нужды—соображенія, заслуживающія вниманія, независимо отъ неизбежныхъ лишннихъ расходовъ пассажира.

Для пассажировъ третьаго разряда, т. е. сквозныхъ дальнихъ, отсутствіе центральной станціи будетъ имѣть послѣдствіемъ то, что эти пассажиры будутъ вынуждены проводить день въ Москвѣ. Будь центральная станція—пассажиръ третьаго разряда охотно отдохнетъ на ней часъ, два или три и отправится далѣе. Но если пассажиръ вынужденъ взять свой багажъ и, затѣмъ, ѣхать въ гостиницу, то весьма натурально, что онъ останется на цѣлый день въ Москвѣ. Это обстоятельство влечетъ за собой значительный расходъ, чувствительный, въ особенности, для пассажировъ средняго класса. Проѣздъ съ багажемъ въ гостиницу, расходы въ оной и обратный переѣздъ на станцію обойдутся ему, за исключеніемъ пищи, не менѣе какъ отъ 4 до 5 р. сер.

Въ нѣкоторыхъ городахъ Западной Европы, напримѣръ, въ Брюсселѣ, умышленно сдѣланы двѣ станціи, для того, чтобы городъ могъ

пользоваться отъ проѣзжающихъ пассажировъ; но нынѣ признали уже всю узкость такого взгляда и имѣютъ намѣреніе преобразовать существующій порядокъ и устроить такъ, чтобы не стѣснять болѣе, искусственнымъ образомъ, пассажировъ, давъ желающимъ возможность проѣзжать городъ насквозь безъ задержки.

Потеря Москвы отъ сквозныхъ пассажировъ будетъ состоять только въ томъ, что въ городѣ пятью или шестью гостиницами и нѣсколькими сотнями извозчиковъ будетъ менѣе. Конечно, большая часть пассажировъ, вынужденныхъ провести день въ Москвѣ, естественно сдѣлаютъ и другіе, неизбѣжные расходы, но рассчитывать на эти искусственные прибыли для города, если бы онѣ и дѣйствительно могли быть серьезны, было бы, съ точки зрѣнія общей пользы, несовмѣстно и, для такой страны, какъ Россія, вовсе неприлично, тѣмъ болѣе, что Россія внутреннихъ заставъ не имѣетъ, посредствомъ которыхъ въ другихъ странахъ искусственнымъ образомъ развиваютъ извѣстные пункты.

Отсутствіе общей центральной станціи, въ томъ случаѣ, когда есть возможность ее устроить, можно разсматривать какъ заставу въ отношеніи сквозныхъ пассажировъ, а расходы, въ которые они, волею или неволею, должны вовлекаться—какъ бы налогъ съ нихъ въ пользу города.

Всего менѣе чувствительно отсутствіе общей центральной станціи для пассажировъ четвертаго разряда, т. е. для такихъ, которые выѣзжаютъ изъ Москвы и пріѣзжаютъ туда. Но для извѣстнаго класса пассажировъ затрудненіе это все-таки чувствительно, и, въ общей массѣ, увеличеніе расходовъ на переѣзды въ отдаленныя отъ центра города станціи составить не малую сумму.

Всѣ исчисленныя выше неудобства и лишніе расходы для пассажировъ становятся гораздо внушительнѣе для людей семейныхъ.

Относительно желѣзныхъ дорогъ. Выше сказано уже было, что отсутствіе общей центральной станціи сильно парализуетъ развитіе движенія окрестныхъ пассажировъ и чрезвычайно затрудняетъ движеніе сквозныхъ недалнихъ пассажировъ.

Общая центральная станція будетъ имѣть слѣдствіемъ возрожденіе окрестнаго движенія и значительное усиленіе движенія сквозныхъ недалнихъ пассажировъ. На пассажировъ же прочихъ разрядовъ общая центральная станція не можетъ имѣть сильнаго вліянія. Но уже одни пассажиры перваго разряда могутъ доставить дорогамъ весьма значительный доходъ. На Западной дорогѣ во Франціи сборъ по движенію окрестныхъ пассажировъ составляетъ одинъ изъ главныхъ ресурсовъ дороги. Такъ, напримѣръ, весь сборъ съ пассажировъ въ 1857 году простирался до 20.000.000 фр., и въ этомъ числѣ 6.050.000 фр. или около 30% падаетъ на долю сбора съ однихъ окрестныхъ пассажировъ,

которыхъ среднее разстояніе переѣзда не превышаетъ 11 километровъ, а средній сборъ съ каждого пассажира простирается только до 56 сантимовъ, или до 14 коп. сер. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы станція этой дороги находилась не по близости къ центру Парижа, то сборъ съ окрестнаго движенія далеко не достигалъ бы означенной цифры.

Центральное положеніе станціи, независимо отъ окрестнаго движенія пассажировъ, даетъ еще другіе источники доходовъ, а именно—ежедневное доставленіе свѣжихъ продуктовъ изъ окрестностей въ городъ. Напримѣръ, въ Парижъ ежедневно доставляется изъ окрестныхъ мѣстъ, по желѣзнымъ дорогамъ, особыми поѣздами, свѣжее молоко, а по нѣкоторымъ дорогамъ и свѣжая рыба.

Итакъ, устройство общей центральной станціи въ Москвѣ должно имѣть послѣдствіемъ:

- 1) Увеличеніе окрестнаго населенія. Отъ этого усилится полезное вліяніе города безъ вреднаго, во многихъ отношеніяхъ, развитія городского населенія.
- 2) Доставленіе значительныхъ удобствъ пассажирамъ всѣхъ разрядовъ.
- 3) Сбереженіе народнаго капитала въ рукахъ пассажировъ.
- 4) Усиленіе сборовъ по желѣзнымъ дорогамъ.

И кромѣ того:

- 5) Уменьшеніе расходовъ какъ на первоначальное устройство, такъ и во время эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ; ибо очевидно, что устройство 3-хъ и 4-хъ станцій и путей къ нимъ, съ приобретеніемъ земель, будетъ стоить несравненно дороже, нежели устройство одной общей станціи.

Если бы даже вопросъ былъ рѣшенъ тѣмъ, чтобы отдать центральное мѣсто въ руки одной компаніи, то рано или поздно, прочія дороги вынуждены будутъ соединить свои станціи съ этою центральною станціею и войти съ привилегированной дорогой въ сдѣлку; слѣдовательно, не смотря на истраченный уже капиталъ на устройство отдѣльныхъ станцій для каждой дороги, все-таки придется дѣлать новыя и огромныя расходы на проложеніе путей по городу и на перестройку центральной станціи, сообразно новымъ нуждамъ; при каковой перестройкѣ, замѣтитъ надо, нельзя уже достигнуть того же удобства, какъ это возможно въ томъ случаѣ, когда станція первоначально строится для удовлетворенія извѣстнымъ условіямъ.

Возможность выполненія изложенной идеи. На основаніи всѣхъ выше изложенныхъ соображеній, слѣдуетъ употребить всѣ мѣры къ осуществленію идеи общей центральной станціи въ Москвѣ.

Характеръ общей центральной пассажирской станціи долженъ заключаться въ слѣдующихъ условіяхъ:

1) Станціонное зданіе, дебаркадеры и пути должны быть расположены такъ, чтобы каждая дорога могла отправлять свои поѣзды независимо отъ другихъ дорогъ.

2) Каждая дорога должна имѣть особую кассу для раздачи билетовъ.

3) Хозяйства подвижнаго состава каждой дороги должны быть независимы отъ центральной станціи.

4) Каждая дорога должна производить движеніе, относящееся до центральной станціи собственнымъ подвижнымъ составомъ.

5) Ремонтъ и содержаніе въ исправности станціоннаго зданія и соединительнаго пути, равно и станціонная прислуга должны быть въ одномъ управленіи.

6) Сущность назначенія центральной станціи должна состоять въ отправленіи и приѣмѣ пассажировъ и мелкихъ владѣй.

Единственное препятствіе, которое можетъ представиться къ выполненію высказанной здѣсь идеи—это несогласіе со стороны правленія Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.

Но можетъ ли имѣть правленіе Главнаго общества разумную причину къ подобному несогласію, и имѣетъ ли оно право требовать, чтобы Обществу непремѣнно было уступлено извѣстное центральное въ городѣ мѣсто—эти вопросы подлежатъ обсужденію.

Единственно разумныя причины, которыя правленіе Общества можетъ привести въ оправданіе своего несогласія, суть слѣдующія:

1) Что распоряженія по отправленію и прибытію поѣздовъ и, вообще, по станціонной службѣ будутъ стѣснены и

2) Что правленіе Общества предполагаетъ помѣстить въ станціонномъ зданіи управленіе дорогъ.

Причины эти легко могутъ быть отстранены.

1) Стѣсненіе или нестѣсненіе, затрудненія или неудобства въ распоряженіяхъ на станціи (какой бы то ни было—общей или отдѣльной) зависятъ не отъ того, что станція будетъ общая или частная, а зависятъ отъ плана станціи и отъ расположенія путей. Слѣдовательно, этотъ вопросъ всегда можетъ быть рѣшенъ, сообразно извѣстнымъ требованіямъ и нуждамъ, и для выполненія этого проектъ общей станціи долженъ быть рассмотрѣнъ и обсужденъ депутатами отъ всѣхъ дорогъ.

2) Если правленіе Главнаго общества желаетъ помѣстить управленіе замосковныхъ дорогъ въ станціонномъ зданіи, то ничто не помѣшаетъ ему устроить особое зданіе подлѣ центральной станціи, ибо мѣсто, назначенное подъ станцію, чрезвычайно обширно. При этомъ, нѣкоторый излишекъ въ расходахъ, на устройство особаго зданія, не можетъ быть серьезнымъ доводомъ въ опроверженіе устройства общей станціи, тѣмъ болѣе, что правленіе проектировало станціонное зданіе въ одинъ

этажъ; слѣдовательно, оно имѣло же какія-нибудь причины для того, чтобы не воспользоваться главными выгодами, представляемыми общамъ зданіемъ.

Правленіе Общества могло бы сказать еще, что устройство общей станціи не можетъ быть скоро исполнено, а, между тѣмъ, одна изъ дорогъ ихъ Общества должна быть въ непродолжительномъ времени открыта. Такой доводъ не могъ бы имѣть тоже основанія, ибо, все равно, будетъ ли строиться станція самимъ правленіемъ для двухъ дорогъ, или она будетъ строиться для всѣхъ дорогъ—Главное общество не можетъ обойтись безъ того, чтобы не устроить временную станцію, и таковую оно можетъ поставить на мѣстѣ, назначаемомъ для товарной станціи.

Итакъ, кромѣ выше изложенныхъ причинъ, которыя легко могутъ быть отстранены, правленіе не можетъ имѣть другихъ разумныхъ причинъ въ опроверженіе идеи общей станціи. Слѣдовательно, предполагаемое несогласіе съ его стороны могло бы быть объяснено только тѣмъ, что правленіе имѣетъ въ виду, чрезъ приобрѣтеніе центрального мѣста, завладѣть окрестнымъ движеніемъ и поставить въ зависимость отъ своихъ дорогъ всѣ прочія дороги.

Предполагая, что правленіе Общества, не смотря ни на какіе доводы, не пожелаетъ участвовать въ общей станціи—возражается вопросъ: слѣдуетъ ли уступить одному этому Обществу центральное мѣсто въ городѣ, или нѣтъ?

Кажется, что, въ виду тѣхъ важныхъ удобствъ и выгодъ, которыя, со всѣхъ сторонъ, представляетъ общая центральная станція, уступать этого мѣста не слѣдуетъ, и въ случаѣ упорнаго несогласія со стороны правленія, можно предоставить ему выбрать другое мѣсто. Непремѣннымъ слѣдствіемъ такой мѣры будетъ то, что правленіе выразитъ свое согласіе на участіе въ общей станціи, ибо, въ противномъ случаѣ, оно не будетъ имѣть никакого довода для оправданія себя передъ совѣтомъ и публикой въ пренебреженіи къ сбереженію расходовъ, которые вытекаютъ изъ устройства общей станціи.

Что же касается теперь до того, имѣетъ ли Главное общество право на требуемое имъ мѣсто, на томъ основаніи, что оно его выбрало, надо замѣтить, что ни одинъ параграфъ устава Общества ни прямо, ни косвенно, такого права Обществу не даетъ. Если бы еще движеніе по отправленію и прибытію пассажировъ, по двумъ дорогамъ Главнаго общества, могло бы значительно превышать общее движеніе пассажировъ по остальнымъ дорогамъ, то это обстоятельство могло бы еще быть принято во вниманіе, но пассажирское движеніе въ Москвѣ, по тремъ остальнымъ дорогамъ, а именно: Николаевской, Саратовской и Ярославской, конечно, будетъ несравненно сильнѣе, нежели по двумъ до-

рогамъ Главнаго общества. Слѣдовательно, Главное общество не имѣетъ за собой и права большинства, если бы даже это право и въ самомъ дѣлѣ составляло дѣйствительное право.

Коммиссія признала, что изложенная мною идея будетъ самымъ лучшимъ рѣшеніемъ вопроса, что устройство центральной станціи необходимо, а представленный проектъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ слѣдуетъ отклонить, и въ концѣ засѣданія Мельниковъ обратился къ производителю дѣлъ Полежаеву, и, можно сказать, продиктовалъ ему редакцію журнала.

Надо замѣтить, что журналы коммиссій, въ которыя я назначался членомъ, доставлялись для подписанія ко мнѣ изъ департамента, накануне ихъ доклада Чевкину, часовъ въ 12 ночи. По этому поводу я подалъ рапортъ Чевкину, въ которомъ жаловался, что, при такихъ порядкахъ, я не имѣю времени излагать мои особия мнѣнія, не согласныя съ редакціею журнала, который по обыкновенію приносился уже подписаннымъ всѣми прочими членами. И вотъ, вслѣдствіе замѣчанія, сдѣланнаго Чевкинымъ директору департамента Языкову, послѣдній вызвалъ меня въ департаментъ.

— Вы жаловались главноуправляющему, что вамъ доставляютъ поздно журналы, то прошу васъ прочесть изготовленный къ завтрашнему докладу журналъ о центральной станціи.

Когда я прочелъ, то увидалъ, что редакція журнала двухсмысленнаго свойства; въ этомъ отношеніи онъ былъ составленъ необыкновенно искусно.

— Позвольте мнѣ замѣтить,—сказалъ я производителю дѣлъ Полежаеву,—коммиссія пришла къ заключенію о необходимости центральной станціи и къ полному отклоненію проекта Главнаго общества. Самъ предсѣдатель указалъ редакцію журнала, но я ничего подобнаго не вижу, и потому журнала теперь не подпишу.

— Да вѣдь въ журналѣ говорится о разрѣшеніи лишь временнаго пути,—отвѣтилъ мнѣ Полежаевъ.

На другой день утромъ я поспѣшилъ поѣхать къ Мельникову, чтобъ предупредить его о редакціи журнала. Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ съ журналомъ и Полежаевъ, предчувствуя, что я предупрежу Мельникова. Когда Полежаевъ прочелъ журналъ, Мельниковъ, недвольный редакціей, сказалъ:

— Да это совсѣмъ не то, какъ я приказалъ вамъ составить журналъ.

Полежаевъ молча подалъ журналъ Мельникову, гдѣ значились уже подписи всѣхъ членовъ, кромѣ меня.

— Ахъ! журналъ уже подписанъ, и директоръ подписалъ; ну, дѣлать нечего—и онъ взялся за перо.

Полежаевъ очень хорошо зналъ слабость Мельникова, что онъ никогда не пойдетъ на борьбу и подписеть, когда увидить всё подписи.

Въ этотъ моментъ я остановилъ Мельникова и сказалъ:

— Вы сгубите дѣло. Извините меня, Павелъ Петровичъ, я подпишу при особомъ мнѣніи.

— Какъ угодно,—отвѣтилъ Мельниковъ и подмахнулъ.

Въ этотъ же день журналъ пошелъ къ докладу, и Чевкинъ, не замѣтивъ мою подпись при особомъ мнѣніи, подписалъ этотъ журналъ, въ полной увѣренности, что проектъ Главнаго общества отклоненъ.

Здѣсь надо объяснить подкладку дѣла. Главною цѣлью Общества и заинтересованныхъ лицъ было отчужденіе домовъ и земель по Москвѣ, которое оцѣнивалось болѣе одного милліона рублей. Въ журналъ проскочило слово о временномъ пути. Разъ разрѣшенъ путь временной, то дѣло было улажено къ удовольствію Общества и заинтересованныхъ лицъ.

Ко времени дебатовъ комиссіи о центральной станціи былъ вызванъ изъ Москвы инспекторъ желѣзной дороги Казначеевъ. Онъ между прочимъ доложилъ Чевкину, что Главное общество дѣлаетъ всё приготовленія для устройства своей станціи, и небольшая артель стоитъ уже на работахъ. Чевкинъ приказалъ Казначееву немедленно остановить всё подготовки. Черезъ нѣсколько дней Чевкинъ получаетъ телеграмму отъ Казначеева, что, не смотря на его приказаніе, Главное общество поставило сегодня на работу болѣе 500 человекъ, ссылаясь на то, что работы разрѣшены главноуправляющимъ.

Чевкинъ послалъ за мною:

— Посмотрите, какую депешу я получилъ отъ Казначеева,—что это значить?

— Вы утвердили журналъ, гдѣ сказано о разрѣшеніи временнаго пути; я подписалъ журналъ при особомъ мнѣніи.

— При какомъ мнѣніи?—я его не знаю.

— Департаментъ сдѣлалъ вамъ докладъ, не дождавшись моего особаго мнѣнія, которое было доставлено ему черезъ день послѣ того, какъ я подписалъ журналъ. Еслибы вы имѣли въ виду мое особое мнѣніе, то вѣроятно не утвердили бы журнала.

Чевкинъ потеръ лобъ, нахмурился и замолчалъ.

Такъ какъ проектъ станціи Главнаго общества былъ журналомъ отклоненъ, и положено было устройство центральной станціи, для чего требовалось соглашеніе дорогъ, выборъ мѣста и въ крайнемъ случаѣ устройство центральной станціи за счетъ казны, то, въ виду этого, я подалъ Чевкину записку о назначеніи нѣсколькихъ компетентныхъ лицъ для уясненія вопроса на мѣстѣ.

Чевкинъ назначилъ комиссію изъ нѣсколькихъ лицъ подъ предѣтельствомъ генерала Кербеда.

Дальнѣйшій ходъ по вопросу центральной станціи мнѣ неизвѣстенъ, ибо я вскорѣ уѣхалъ на Донъ.

Послѣ отдачи концессіи Главному обществу на постройку дорогъ отъ Петербурга въ Варшаву, отъ Москвы въ Нижній и въ Феодосію, и отъ Орла въ Ригу, протяженіе которыхъ превышало 4.000 верстъ, возбудилась лихорадка на полученіе концессій. Серьезнымъ представилось предложеніе на дорогу изъ Москвы въ Ярославль и изъ Москвы въ Саратовъ.

Дорога въ Саратовъ представляла неоспоримыя выгоды въ государственномъ отношеніи, и потому Чевкинъ особенно расположился къ этому предпріятію.

Инициаторомъ этого дѣла явился бельгіецъ, нѣкто де-Брауеръ де-Гогендорфъ. Этотъ господинъ былъ вліятельнымъ депутатомъ въ бруссельскомъ парламентѣ. Не будучи инженеромъ или техникомъ, онъ пристально изучалъ все относящееся до желѣзныхъ дорогъ, и въ особенности до администраціи ихъ. Всякій разъ, когда вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ вносился въ палату, она назначала комиссію съ предѣтелемъ де-Брауеромъ. Въ палатѣ было двѣ партіи: одна, стремившаяся признать правительственныя дороги убыточными и вредными, и клонила къ необходимости отдать дороги въ частныя руки,—и эта партія была многочисленна,—другая, малочисленная, отстаивала правительственныя желѣзныя дороги. Де-Брауеръ былъ представителемъ огромной партіи, враждебной системѣ правительственныхъ дорогъ. Былъ постоянно докладчикомъ въ палатѣ наряджавшихся комиссій, а послѣ трехлѣтнихъ изслѣдованій, долженъ былъ громогласно заявить палатѣ, что комиссія пришла къ заключенію, что можно только ожидать экономности отъ эксплуатаціи правительственныхъ дорогъ.

Вотъ тогда-то де-Брауеръ пріѣхалъ въ Россію, гдѣ началось лихорадочное движеніе на полученіе концессій. Ему, при тогдашнемъ настроеніи, было не трудно составить компанію учредителей изъ числа лицъ, выдающихся по служебному своему положенію.

Де-Брауеръ очень понравился и Чевкину, такъ какъ былъ въ курсѣ вопросовъ, до желѣзныхъ дорогъ относящихся. Когда Чевкинъ отправлялъ меня за границу, то, кромѣ писемъ всѣмъ посланникамъ, онъ далъ мнѣ, какъ я упомянулъ выше, письма къ Мазюи и къ де-Брауеру, съ просьбою оказывать мнѣ содѣйствіе въ Брюсселѣ. Вслѣдствіе этого, я познакомился съ де-Брауеромъ и его семействомъ, который дѣйствительно помогалъ мнѣ, знакомя меня съ разными государственными дѣятелями въ Бельгіи.

Во время бытности моей за границей, концессія на Саратовскую

дорогу была утверждена, и, послѣ моего возвращенія, открыта была подписка на акціи, а вскорѣ назначено было общее собраніе для выбора членовъ совѣта и директора-распорядителя. Въ члены совѣта попали всѣ учредители и нѣсколько постороннихъ лицъ, принадлежащихъ къ кликѣ банкира Марка. Совѣтъ, по рекомендаціи своего члена генераль-лейтенанта Поливанова, избралъ въ секретари Павла фонъ-Дервиза, человѣка замѣчательнаго, умнаго, особенно энергичнаго и очень дѣльнаго. О томъ, почему Поливановъ рекомендовалъ Дервиза, будетъ сказано въ одной изъ слѣдующихъ главъ, такъ какъ этотъ эпизодъ представляетъ большой интересъ.

Мѣсяца черезъ два совѣтъ представилъ Чевкину проектъ, который онъ поручилъ разсмотрѣть мнѣ и представить свое заключеніе. Проектъ оказался рѣшительно неудовлетворительнымъ, что было неприятно Чевкину, разсчитывавшему на дѣльность де-Брауера.

Секретарь общества, Павелъ Дервизъ, вскорѣ обнаружилъ непригодность де-Брауера. Онъ былъ краснорѣчивый ораторъ въ палатѣ по вопросамъ желѣзныхъ дорогъ, но практическое дѣло было ему не подъ силу. И вотъ Дервизъ, побуждаемый членомъ совѣта Маркомъ, стеръ вскорѣ изъ директоровъ де-Брауера.

Маркъ былъ учредителемъ и банкиромъ, подписавшимся на 20.000 акцій, поэтому, въ сущности, орудовалъ совѣтомъ. Но онъ наткнулся на секретаря совѣта Дервиза, который, хотя и не имѣлъ капитала, но умомъ и энергіей стоялъ на нѣсколько головъ выше Марка и въ скоромъ времени обнаружилъ дутую банкирскую репутацію Марка, развѣшавшаго по гористымъ улицамъ Москвы цугомъ.

Съ удаленіемъ де-Брауера, поднялся вопросъ объ избраніи новаго директора.

Въ одинъ прекрасный день ко мнѣ явился генераль-лейтенантъ Поливановъ, отрекомендовавшись членомъ совѣта Саратовскаго общества, и спросилъ меня, не пожелаю ли я принять званіе директора-распорядителя?

— Если главноуправляющій, — отвѣчалъ я, — отчислитъ меня въ распоряженіе Общества, то я готовъ. Но позвольте мнѣ узнать, отъ чьего имени вы обращаетесь ко мнѣ съ предложеніемъ? Вѣдь теперь общаго собранія акціонеровъ нѣтъ.

— Совѣтъ уполномоченъ на избраніе директора-распорядителя, — сказалъ Поливановъ. — И я къ вамъ явился отъ имени предсѣдателя совѣта генераль-адъютанта Анненкова, и вотъ вамъ письмо отъ него.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Желая давно поближе съ вами познакомиться и побесѣдовать объ истинно-русскомъ, важномъ для меня дѣлѣ, обращаюсь къ вамъ съ почтеннѣйшею просьбою обязать и посѣтить меня, завтра, въ воскресенье,

въ 7 ч. вечера». Я не успѣлъ еще посѣтить Анненкова, какъ черезъ два дня Поливановъ явился опять уже вмѣстѣ съ Анненковымъ. Я отвѣтилъ Анненкову то же, что и Поливанову при первомъ его посѣщеніи.

Что предприняли по этому вопросу Анненковъ и Поливановъ, мнѣ тогда не было извѣстно. Только мѣсяца черезъ полтора Поливановъ доставилъ мнѣ двѣ свои записки, поданныя имъ Чевкину съ согласія предсѣдателя Анненкова, въ доказательство того, что они сильно хлопотали о моемъ назначеніи директоромъ Общества. Вотъ эти записки:

«По поводу вопроса,—писалъ генераль-лейтенантъ Поливановъ Чевкину,—возникшаго въ совѣтѣ, о перемѣнѣ главнаго директора при правленіи Общества Саратовской желѣзной дороги, я уже выразилъ свое мнѣніе, согласное съ мнѣніемъ г. предсѣдателя, въ пользу русскаго инженера. Съ мнѣніемъ нашимъ большинство членовъ совѣта не согласилось и предпочло, по настоятельному представленію правленія, иностранца г. Жаклина. Но при первоначальномъ рѣшеніи этого вопроса, совѣтъ не имѣлъ въ виду какъ отзывовъ о достоинствахъ подполковника Панаева, такъ и того обстоятельства, что иностранный инженеръ требуетъ заключенія съ нимъ контракта на 3 года, на нижеслѣдующихъ условіяхъ: содержанія по 12.000 руб. сер. въ годъ; суточныхъ, во время разъѣздовъ, дѣлаемыхъ на счетъ Общества, по 10 руб. сер. въ день; по открытіи движенія отъ Москвы до Коломны—вознагражденія, въ видѣ преміи, 8.000 руб. сер.; на дальнѣйшее производство отъ Коломны до Саратова, при томъ же содержаніи, выдавать за каждую открытую для ѣзды версту по 50 руб. сер. преміи, что составитъ болѣе 30.000 руб. серебр., на протяженіи отъ Коломны до Саратова; въ случаѣ же перемѣны директора, заплатить ему неустойки 15.000 руб. сер.

«Я не только не могу согласиться на заключеніе контракта съ г. Жаклинымъ, а въ особенности на предлагаемыхъ имъ стѣснительныхъ для Общества условіяхъ, но остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи относительно выбора директора и считаю своею обязанностью, при настоящемъ случаѣ, заявить совѣту основаніе моихъ убѣжденій, тѣмъ болѣе, что выборъ директора, на которомъ лежитъ все дѣло, есть самый первѣйшій и важнѣйшій вопросъ успѣха предпріятія.

«Начну съ того, что сдѣлаю краткій обзоръ какъ прошедшихъ фактовъ, такъ и настоящаго положенія дѣлъ.

«Для производства изысканій отъ Москвы до Саратова приглашенъ былъ иностранный инженеръ Кеми. На эти изысканія, до утвержденія Общества, истрачено было 48.000 руб. сер. За тѣмъ, по утвержденіи Общества, приглашенъ былъ другой иностранный инженеръ, для производства окончательныхъ изысканій отъ Москвы до Коломны. На 87 верстъ неполныхъ изысканій между этими пунктами израсходовано 28.000 руб. сер. Представленный этими инженерами правительству

проектъ оказался не только до крайности неудовлетворительнымъ, но и въ отношеніи основательности избраннаго направленія весьма сомнительнымъ, а потому и былъ возвращенъ Обществу для исправленія и для пополненія надлежащими данными. Слѣдовательно, истративъ, въ оба раза, до 385 руб. сер. на версту изысканій отъ Москвы до Коломны, мы не имѣемъ до сихъ поръ проекта, по которому бы можно было приступить къ работамъ; тогда какъ до начатія работъ остается нѣсколько недѣль, и вызванные и объявившіе цѣну подрядчики съ нетерпѣніемъ ожидаютъ рѣшительнаго отвѣта.

«Естественно, что такое неудачное начало не могло не отразиться на общественномъ мнѣніи, въ подрывъ кредита предпріятія. Изъ собранныхъ по первому взносу 3.000.000 руб. сер., сколько мнѣ извѣстно, израсходовано Обществомъ до 130.000 р. сер., что составляетъ съ небольшимъ 4% всей суммы; между тѣмъ пониженіе акцій дошло до 25%. Это обстоятельство ясно обнаруживаетъ недовѣріе къ успѣшному выполненію предпріятія, не смотря на то, что Саратовская дорога представляетъ неоспоримыя выгоды.

«Такое положеніе дѣлъ побудило совѣтъ отстранить какъ прежняго директора, такъ и инженера, съ тѣмъ, чтобы избрать въ директоры такое лицо, которое бы соединяло въ себѣ всѣ условія, нужныя къ тому, чтобы установить наконецъ надлежащій порядокъ и успокоить тѣмъ акціонеровъ.

«Нынѣ правленіе настоятельно спрашиваетъ у совѣта утвержденія главнымъ директоромъ иностранца Жаклина, соглашаясь даже и на предъявленныя имъ стѣснительныя для Общества условія. Между тѣмъ правленіе не представляетъ никакихъ соображеній, которыя бы могли убѣдить кого бы то ни было, что предлагаемое имъ лицо дѣйствительно можетъ исполнить важную обязанность директора, въ особенности при настоящемъ положеніи дѣлъ Саратовской дороги. Хотя г. Жаклинъ и имѣлъ въ Главномъ обществѣ отдѣльную линію работъ отъ Москвы до Нижняго, но какъ операція эта имъ не окончена, то о результатѣ его дѣйствій мы судить еще не можемъ. Свое удаленіе изъ Главнаго общества г. Жаклинъ объясняетъ несогласіемъ Общества заключить съ нимъ контрактъ; между тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, Общество другимъ инженерамъ въ этомъ не отказываетъ. И что побуждаетъ Главное общество не заключать съ г. Жаклиномъ контракта, намъ не извѣстно.

«При подобныхъ неопредѣленныхъ и неясныхъ данныхъ, можетъ ли совѣтъ сознательно удостовѣрить акціонеровъ въ томъ, что избираемое имъ лицо совмѣщаетъ въ себѣ всѣ нужныя для директора условія? Неудача выбора, на этотъ разъ, могу съ увѣренностью сказать, окон-

чательно подорветъ довѣріе къ совѣту, отчего неминуемо сильно пострадаетъ и самое предпріятіе.

«Собственный нашъ опытъ, не говоря уже объ операціяхъ въ другихъ чуждыхъ намъ предпріятіяхъ, показалъ намъ, что три иностранца не оправдали нашихъ ожиданій. А потому руководствуясь этимъ опытомъ и простыми логическими соображеніями, что всякому иностранцу трудно вести дѣло въ чужой странѣ, что каждая страна имѣетъ свои особыя условія и что мѣстный человѣкъ непременно лучше знаетъ и понимаетъ ихъ, г. предсѣдатель и я, съ полнымъ убѣжденіемъ, подали голоса не въ пользу четвертаго иностранца, а въ пользу русскаго инженера Панаева.

«Г. Панаевъ былъ первымъ ученикомъ въ первоклассномъ заведеніи института корпуса инженеровъ путей сообщенія. Окончивъ курсъ, онъ 10 лѣтъ былъ начальникомъ дистанціи при постройкѣ, а потомъ и при эксплуатаціи Николаевской желѣзной дороги, гдѣ, между прочимъ, изучалъ машинную часть, не входящую обыкновенно въ кругъ дѣйствія инженеровъ путей сообщенія. Затѣмъ г. Панаевъ производилъ, какъ начальникъ отдѣльной линіи, изысканія для двухъ желѣзныхъ дорогъ, имѣя подъ командой многихъ офицеровъ. Успѣхи его дѣйствій, по этому предмету, можно видѣть изъ опубликованной имъ въ журналѣ путей сообщенія статьи. Послѣ того подполковникъ Панаевъ былъ отправленъ на 1½ года за границу, для расширенія круга своихъ познаній по инженерной и административной частямъ. Сверхъ того онъ, въ бытность свою за границею, усовершенствовалъ себя по части паровозовъ и занимался изученіемъ счетной и контрольной частей, относящихся до операціи желѣзныхъ дорогъ. Ко всѣмъ этимъ даннымъ Панаевъ пользуется отличнымъ положеніемъ въ службѣ и стоитъ на счету одного изъ самыхъ лучшихъ офицеровъ корпуса. Что г. Панаевъ достоинъ своего призванія—это засвидѣтельствовано не только главными авторитетами вѣдомства путей сообщенія, но и самымъ г. главноуправляющимъ, о чемъ уже извѣстно совѣту изъ отзыва г. предсѣдателя.

«Въ г. Жаклянѣ мы можемъ пріобрѣсти, быть можетъ, хорошаго пракческаго строителя, но отнюдь не директора. Для директора мало имѣть одни пракческія познанія строителя. Директоръ долженъ обнимать всѣ отрасли предпріятія, и г. Панаевъ, какъ видно изъ предыдущаго, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ необходимыя для того условія, и при этомъ важно то, что онъ, какъ русскій, знаетъ свой народъ и всѣ условія своей страны, и можетъ привлечь съ собою лучшихъ молодыхъ офицеровъ корпуса; наконецъ, г. Панаевъ въ затруднительныхъ случаяхъ всегда можетъ обращаться за совѣтомъ къ знаменитымъ нашимъ авторитетамъ корпуса, сооруженіями коихъ укра-

*

шается наша имперія, и безъ которыхъ авторитетовъ, сколько извѣстно публикѣ, многія сооруженія Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ были бы въ жалкомъ положеніи или не могли бы быть исполнены. Эти лица, безъ сомнѣнія, вполне готовы будутъ содѣйствовать г. Панаеву, какъ ихъ воспитаннику.

«Нынѣ, когда представился новый вопросъ, не бывшій у совѣта въ виду, о заключеніи на 3 года контракта съ г. Жаклиномъ, я считаю своею обязанностью, передъ совѣтомъ и акціонерами, заявить г.г. членамъ совѣта нижеслѣдующее обстоятельство.

«Кондаціи, объявленныя мнѣ г. Панаевымъ, были основаны на примѣрѣ Волго - Донской желѣзной дороги. Но когда г. Панаевъ узналъ, что имя его было сопоставлено въ совѣтъ съ другимъ именемъ иностранца, и что большинство членовъ совѣта не согласилось на предложеніе г. предсѣдателя, то онъ, принимая во вниманіе, что большинство членовъ совѣта не могло его знать, что рѣшеніемъ вопроса могло руководить только одно соображеніе—выборъ между русскимъ и иностранцемъ,—и видя, что пристрастіе къ иностранцамъ опять взяло верхъ,—рѣшился, какъ человекъ, лично замѣшанный въ вопросъ, безъ всякой съ его стороны инициативы, сдѣлать, ради защиты чести русскихъ инженеровъ, слѣдующее предложеніе.

«Онъ предлагалъ взять на себя обязанность директора безъ всякихъ предварительныхъ условій, какъ на счетъ жалованья, такъ и на счетъ премій, предоставляя на совѣсть совѣта, или общаго собранія акціонеровъ, назначить ему содержаніе и вознагражденіе по истеченіи года, когда будутъ видны результаты его дѣйствій; и, предвидя возможность доставить Обществу, сравнительно, значительныя выгоды, онъ предлагалъ, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ предпріятія, представить свои соображенія принять на себя извѣстныя гарантирующія Общество обязательства, для подтвержденія основательности которыхъ предлагалъ принять отъ него залогъ въ 30.000 руб. сер.

«Сравнивая извѣстныя намъ данныя о г. Панаевѣ и его нестѣсняющія Общество предложенія съ мало извѣстными для насъ данными о г. Жаклинѣ и его стѣснительныя условія, и принимая въ соображеніе, что, при приобрѣтенномъ подполковникомъ Панаевымъ положеніи въ службѣ, онъ не можетъ рисковать своимъ именемъ ни съ какой стороны, и наконецъ, видя твердое его убѣжденіе въ своихъ силахъ, я считаю долгомъ обратить вниманіе совѣта на слѣдующій вопросъ:— Можно ли найти лучшія гарантіи, и имѣемъ ли мы право, по совѣсти и по возложенной на насъ отвѣтственности, предпочесть связать себя контрактомъ съ лицомъ, конечно, быть можетъ, достойнымъ, но не представляющимъ ни тѣхъ условій, ни тѣхъ гарантій, какъ г. Панаевъ.

«Ко всѣмъ вышензложеннымъ соображеніямъ надо прибавить, что

русскій инженеръ, вообще, подвергается дѣйствительной и строгой отвѣтственности и передъ правительствомъ, и необходимо долженъ дорожить своимъ именемъ. А иностранецъ? Связанъ ли онъ въ этомъ отношеніи серьезною отвѣтственностью—примѣръ у насъ передъ глазами: приглашенные нами иностранцы, совершивъ свои обязанности дурно и забравъ отъ насъ значительныя деньги, удаляются въ свою страну и насъ же обвиняютъ въ нераспорядительности и несправедливости.

«Пока мы не будемъ имѣть директора не по названію, а по сущности, до тѣхъ поръ наше дѣло не пойдетъ. Отъ выбора директора зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ предпріятія, и вопросъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобы можно было не обсудить его безпристрастно со всѣхъ сторонъ и не войти, по этому предмету, въ болѣе серьезное разсмотрѣніе. Тогда и сами акціонеры не посѣтуютъ на насъ за прежнія наши ошибки, вкравшіяся отъ нашей неопытности.

«Не время утаивать далѣе грустное положеніе нашего дѣла. Остановить справедливо возрастающее къ намъ съ каждымъ днемъ недовѣріе публики можно только безпристрастными и рѣшительными дѣйствіями. А потому я полагаю, что для безошибочнаго выбора директора, необходимо обратиться за совѣтомъ къ извѣстнымъ здѣсь лицамъ главнаго управленія путей сообщенія, и этими только авторитетами руководствоваться въ разрѣшеніи столь важнаго для насъ вопроса».

Вторая записка генераль-маіора Поливанова была слѣдующаго содержания:

«Опытъ всюду и вездѣ показываетъ, что единственная гарантія успѣха какого бы то ни было предпріятія зависитъ вполне отъ личности главнаго распорядителя. Никакія административныя организаціи и комбинаціи не могутъ имѣть силы оживить предпріятіе, вложить, такъ сказать, въ него душу и тѣмъ обезпечить полный его успѣхъ.

«Въ силу этихъ неоспоримыхъ убѣжденій, я взглянулъ на вопросъ выбора директора Саратовской желѣзной дороги, какъ на вопросъ самый важнѣйшій, отъ котораго, въ моихъ понятіяхъ, зависитъ осуществленіе дороги, въ тѣхъ условіяхъ, которыя налагаются на общество высочайше утвержденнымъ уставомъ, принимавшимся акціонерами въ соображеніе при подпискѣ. Замедленіе осуществленія дороги на 10 или 15 лѣтъ равносильно паденію общества.

«Въ особомъ мнѣніи, поданномъ мною въ совѣтъ, я изложилъ отчасти тѣ соображенія, которыя побуждали меня остановиться на подполковникѣ Панаевѣ, какъ представляющемъ всевозможныя данныя и гарантіи для полнаго удовлетворенія тому, что нужно, для директора большаго государственнаго и народнаго предпріятія желѣзной дороги въ Россіи. Но независимо отъ этихъ соображеній, я руководствовался дру-

гими, весьма важными, которыя я не могъ изложить въ особомъ мнѣніи, и которыя заставляли меня настоятельно желать въ директоры личность русскую и самостоятельную.

«Если я буду умалчивать далѣе объ этихъ соображеніяхъ, то я приму на себя строгую отвѣтственность, какъ передъ правительствомъ и нашимъ высокопревосходительствомъ, такъ и передъ обществомъ, ибо соображенія мои составляютъ мое твердое убѣжденіе. Документальныхъ доказательствъ въ такомъ предметѣ, который я буду излагать, не можетъ и быть, но мои убѣжденія основываются на внимательныхъ и постоянныхъ наблюденіяхъ за ходомъ дѣла Саратовской желѣзной дороги со времени образованія общества, и на множествѣ мелочныхъ и серьезныхъ фактовъ, которыхъ нѣтъ никакой возможности передать, но которые вмѣстѣ дадутъ вѣрную картину направленія дѣла.

«Вотъ результатъ моихъ наблюденій.

«На Саратовской дорогѣ нѣтъ въ сущности ни совѣта, ни управленія, а существуетъ диктатура Марка. Конечно, въ извѣстныхъ случаяхъ, когда личность диктатора заключаетъ всѣ нужныя условія, когда есть опытность и знаніе дѣла, и когда при этомъ личность эта руководится не личными интересами, а полною преданностью прямому успѣху дѣла, тогда характеръ диктаторства въ предпріятіи не только не можетъ быть вреденъ, но будетъ чрезвычайно полезенъ. Но на Саратовской дорогѣ я не вижу не одного изъ тѣхъ условій, которыя бы внушали хотя малѣйшее довѣріе къ личности, направляющей всѣмъ предпріятіемъ по своему произволу. Напротивъ, къ сожалѣнію, я ясно вижу и неискusstvenное и темное и, главное, неодобрительное, если не сказать хуже, веденіе дѣла.

«Маркъ, имѣя въ своихъ рукахъ 20.000 акцій, которыя, въ сущности, могъ взять на себя всякій коммерческій человекъ, ибо за этотъ капиталъ платятся учредителями 7½ процентовъ—имѣлъ возможность своимъ вліяніемъ управлять выборами въ члены совѣта, а за тѣмъ и назначеніемъ членовъ правленія. Два введенные Маркомъ члена правленія суть лица совершенно до того чуждыя предпріятію, и главное—не акціонеры. Необходимое для выбора число акцій дано этимъ членамъ Маркомъ. Слѣдовательно, эти два члена не суть лица независимыя и самостоятельныя; они, получая 6.000 руб. сер. въ годъ, обязаны этимъ Марку и потому во всемъ должны будутъ соглашаться съ нимъ. Одинъ де-Брауеръ представлялъ затрудненіе для Марка, и вотъ онъ, не позволительной интригой, успѣлъ, внезапно, неожиданнымъ образомъ, въ три минуты, безъ всякихъ обсужденій, вырвать у совѣта согласіе на замѣненіе де-Брауера Жаклиномъ,—личностью весьма темною. По дошедшимъ до меня въ послѣднее время положительнымъ слухамъ, Жаклинъ не могъ оставаться въ Главномъ обществѣ, и если вѣ-

рять всему, то по причинамъ, о которыхъ считаю лучшимъ умолчать. При такихъ обстоятельствахъ Жаклинъ спасенъ Маркомъ и, слѣдовательно, дѣлается тоже лицомъ не самостоятельнымъ, но рабски преданнымъ Марку,—чего и нужно было послѣднему.

«Главный планъ Марка—есть стремленіе способствовать видамъ Главнаго общества, дабы, по системѣ взаимнаго одолженія, пріобрѣсть чрезъ Главное общество возможность расширить свои банкирскія операціи и интересы.

«Чтобъ сдѣлать Главному обществу угодное, ему надо направить дѣло такъ, чтобъ, по окончаніи постройки участка Саратовской дороги до Коломны, Общество Саратовской дороги не могло рассчитывать на реализацію новаго капитала для продолженія дороги. Это самосознанное безсиліе будетъ официальнымъ ударомъ для кредита Саратовской дороги и торжествомъ Главнаго общества во всѣхъ отношеніяхъ. Въ рукахъ Главнаго общества, во-первыхъ, является сильное оружіе для оправданія своихъ неудачъ и, во-вторыхъ, подобное обстоятельство открываетъ ему путь къ осуществленію прежняго своего плана, на которомъ оно потерпѣло поражение. Чтобъ не манкируя достигнуть такого положенія дѣлъ, Марку нужно искать въ директоры такое лицо, которое бы никакъ не могло возбудить довѣріе къ публикѣ, и повести дѣло въ глазахъ ея такъ, чтобы дать надежду на успѣшное осуществленіе дороги до Саратова. Независимо отъ этого, для достиженія тѣхъ же цѣлей, Марку нѣтъ нужды, чтобъ директоръ былъ—директоръ для дѣла, ему нужно въ директоры лицо, лично ему обязанное и преданное. Въ такомъ же родѣ должна быть и вся обстановка. Чего онъ также достигъ.

«Итакъ Маркъ достигъ той обстановки дѣла, какая ему нужна, и нѣтъ никого, кто бы могъ думать, что, при настоящей обстановкѣ дѣла, не смотря на выгоды, представляемая Саратовской дорогою, публика дала бы хотя копѣйку на продолженіе дороги до Саратова. Но вышеизложенное обстоятельство влечетъ за собою новое зло, которое и не могло быть въ видахъ Марка, но которое есть необходимое слѣдствіе дѣла, несущихъ въ себѣ характеръ интриги.

«Если бы даже Маркъ и не сообщилъ всѣмъ преданнымъ ему лицамъ своихъ заднихъ плановъ, то лица эти должны ихъ угадать и дѣйствовать скрытно въ его духъ. Таковыми своими отношеніями лица, отъ которыхъ на самомъ дѣлѣ должны зависѣть интересы общества, легко могутъ воспользоваться и воспользоваться въ пользу своихъ личныхъ интересовъ и во вредъ интересамъ общества. Не ускользнуло отъ меня и это обстоятельство, и я вижу уже зародышъ образованія конклава съ предосудительнымъ направленіемъ. Еслибъ Маркъ и замѣтилъ это направленіе—онъ обречилъ на молчаніе.

«Я нахожусь въ самомъ затруднительномъ положеніи. Все видѣть и молчать—значитъ принять на себя отвѣтственность и нареканіе. Разглашать же характеръ положенія нашихъ дѣлъ,—мнѣ кажется, до поры до время, неприлично и неблагоразумно. Пока капиталы не истрачены, есть еще время предупредить зло, а потому я прежде всего рѣшился обратиться къ вашему высокопревосходительству, ибо Саратовская дорога есть дѣло государственное».

Между тѣмъ, поощряемый нѣсколько разъ словами Чевкина, чтобы я не стѣснялся ничѣмъ, когда нахожу нужнымъ сообщить ему о серьезномъ дѣлѣ и высказывать все откровенно,—я написалъ записку о ходѣ дѣла по Саратовской дорогѣ, въ которой предупреждалъ его о многомъ, не взирая на то, что эта моя записка имѣла видъ какъ бы поученія.

Въ то же время одинъ мой хорошій знакомый, который взялъ большое дѣло на Саратовской дорогѣ, держалъ меня въ курсѣ событій, совершавшихся въ ея управленіи, какъ человѣкъ заинтересованный. И вотъ онъ написалъ мнѣ, что директоромъ назначенъ совѣтомъ французъ Жаклинъ, и что всѣ обращавшіеся къ Чевкину касательно избранія меня въ директоры получили отъ него слѣдующій отвѣтъ:

— Берите, кого хотите, исключая Панаева. Этого офицера я дать не могу, и не просите его, онъ мнѣ нуженъ.

Тогда я задумался о своемъ будущемъ и сталъ подводить итоги моихъ трудовъ у Чевкина. Оказывалось, что я былъ обреченъ на безконечную борьбу съ разными крупными личностями путейскаго вѣдомства и обнаруживанію умышленныхъ или неумышленныхъ ихъ ошибокъ и промаховъ, и это создало мнѣ множество враговъ. Обдумавъ все это, я рѣшился, не смотря на исключительное довѣріе, оказываемое мнѣ Чевкинымъ, подать въ отставку, при чемъ написалъ ему длинное письмо.

Когда я пришелъ къ Чевкину, то онъ при разговорѣ какъ будто прослезился.

— Послушайте, Панаевъ,—сказалъ онъ,—я не разъ показалъ вамъ, что вы пользуетесь такимъ моимъ довѣріемъ, какъ никто, и всякій можетъ позавидовать этому. Что же касается до матеріальной обстановки, то я, сверхъ занимаемыхъ вами обязанностей, прикомандирую васъ къ департаменту и все получаемое вами отъ казны будетъ удвоено по высочайшему повелѣнію.

— Да, вотъ, что я еще вамъ скажу,—онъ усмѣхнулся.—Вѣдь я могу не выпустить васъ теперь. Вѣдь по закону, находившійся, какъ вы, почти два года за границей на казенный счетъ, обязанъ прослужить извѣстное время.

Понятно, что такое обращеніе Чевкина побудило меня взять отставку назадъ. Да и мнѣ тяжело было разстаться съ этимъ умнѣвшимъ, добрый-

шимъ, высокообразованнымъ и деликатнѣйшимъ человѣкомъ-министромъ, имѣвшимъ преобладающее вліяніе на всѣ государственные вопросы.

Доскажу теперь исторію постройки Саратовской дороги.

Иностранецъ Жаклинъ провелъ линію такъ неудачно, что весной размыло насыпь на огромное пространство. Назначена была Чевкинѣмъ коммиссія для обсужденія вопроса. Эта коммиссія пришла къ убѣжденію—перемѣнить направленіе дороги на значительномъ протяженіи, не смотря на увеличеніе расхода,—чуть ли не на миллионъ. Жаклинъ былъ удаленъ, и Общество осталось безъ директора. Но подрядчики-инженеры: Садовскій и фонъ-Меккъ, окончили постройку до Коломны благополучно, споспѣшествуемые секретаремъ совѣта фонъ-Дервизомъ, замѣстившимъ директора, не будучи инженеромъ.

Банкиръ Маркъ оказался несостоятельнымъ. Онъ не только не внесъ денегъ за 20.000 акцій, но рѣшительно ничего.

Капиталъ, собранный для Саратовской дороги, былъ израсходованъ на постройку до Коломны, и дальнѣйшая постройка прекратилась. Уставъ Саратовскаго общества былъ уничтоженъ и замѣненъ уставомъ дороги отъ Москвы до Коломны.

Такъ какъ въ это же время обнаружилась несостоятельность Главнаго общества, которое, вмѣсто гарантированныхъ 62.500 руб. на версту, израсходовало 120.000 руб. на версту, а Саратовская дорога 100.000 на версту,—то Чевкинъ пришелъ къ убѣжденію, что денегъ за границей давать на желѣзныя дороги въ настоящее время не будутъ.

Но бывшій секретарь совѣта Саратовской дороги, изучивъ степень движенія грузовъ къ Москвѣ и, видя тѣ особенныя выгоды, которыя можетъ дать дорога при ея продолженіи за Коломну, явился въ Петербургъ къ Чевкину съ предложеніемъ продолжать дорогу хотя бы, сначала, до Рязани.

Чевкинъ, сочувствуя этому предложенію, отвѣтилъ, что денегъ достать теперь подъ желѣзныя дороги нельзя. Тогда Дервизъ сказалъ, что это его дѣло, надо только, чтобы онъ могъ быть гарантированъ промесомъ отъ правительства. Тогда Чевкинъ, послѣ разныхъ колебаній, рѣшился выдать просимый Дервизомъ промессъ.

Между тѣмъ Дервизъ заключилъ съ инженеръ-подрядчикомъ Меккомъ оптовый подрядъ на постройку дороги за 62.000 руб. съ версты, съ подвижнымъ составомъ, мостами, станціями и всѣми вполнѣ принадлежностями дороги.

Меккъ построилъ уже дорогу до Коломны и оказался въ этомъ подрядѣ исправнымъ, слѣдовательно, представляющимъ гарантію.

Дервизъ, заручившись промесомъ и контрактомъ съ Меккомъ, отправился немедленно въ Берлинъ. Недѣли черезъ двѣ онъ возвратился и доставилъ Чевкину подписку банкировъ, что они принимаютъ на себя

реализацію капитала. Конечно, они приняли это дѣло въ свои руки, имѣя въ виду оптовый опредѣленный контрактъ, заключенный съ Меккомъ, заявившимъ свою исправность, какъ подрядчика.

Чевкинъ былъ въ особенномъ восторгѣ отъ операціи, сдѣланной Дервизомъ.

Послѣ этого, въ скоромъ времени образовалось уже общество Московско-Рязанской дороги, и уставъ Московско-Коломенской былъ уничтоженъ.

При постройкѣ Московско-Рязанской дороги, Дервизъ былъ уже директоромъ. Когда эта дорога была построена, Дервизъ получилъ на свое уже имя концессию на продолженіе дороги отъ Рязани до Козлова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Экспедиція Государственнаго Хозяйства.

(1797—1803 гг.).

IX ¹⁾.

о отношенію къ шелководству дѣятельность Экспедиціи была лишь развитіемъ и исправленіемъ предшествующей дѣятельности правительства по этой части и шла параллельно съ дѣятельностью Мануфактуръ-Коллегіи.

Въ апрѣлѣ 1797 года, академикъ Лепехинъ представилъ «краткое начертаніе о заведеніи шелковыхъ заводовъ», которое и было передано на разсмотрѣніе Экспедиціи ²⁾.

Членъ Экспедиціи Габлицъ, которому было поручено разсмотрѣть эту записку, обратилъ вниманіе на два вопроса, о которыхъ въ запискѣ ничего не было сказано: 1) почему у насъ шелководство производилось съ столь малымъ успѣхомъ? и 2) какими способами можетъ оно впредь быть распространено и въ цвѣтущее состояніе на пользу общую приведено?

Причиною печальнаго положенія у насъ шелководства Габлицъ считалъ невѣжество приставленныхъ къ этому дѣлу смотрителей и нерадѣніе начальниковъ губерній. Чтобы привести эту отрасль хозяйства въ лучшее состояніе, слѣдовало, по его мнѣнію, заботиться не о томъ, чтобы заводить шелководство повсюду, гдѣ позволяетъ климатъ, но населеніе не имѣетъ о немъ никакого понятія, а о томъ, чтобы поддержи-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1902 г.

²⁾ Дѣло Экспедиціи 1797 г. № 14.593 по архиву М. Г. И.

вать и развивать это дѣло въ мѣстностяхъ, гдѣ къ нему уже издавна привыкли, именно въ Астрахани, Кизлярѣ, Моздокѣ, на Терекѣ, по всей Кавказской линіи и въ Крыму. Наиболѣе цѣлесообразными средствами для этого Габлицъ считалъ въ началѣ—«повелѣніе, а потомъ—ободреніе и поощреніе». По его мнѣнію, слѣдовало «возложить на попеченіе начальниковъ губерній распоряженіе, чтобы въ указанныхъ мѣстностяхъ во всякомъ селеніи каждая семья или дворъ обязаны были, въ собственномъ ли огородѣ, или въ общественномъ всего селенія, повсегодно развести 10 тутовыхъ деревьевъ». За неисполненіе этого предписанія предлагалось брать штрафы, а за ревностное исполненіе давать разныя награды. Генераль-прокуроръ кн. Куракинъ, соглашаясь съ мнѣніемъ и предложеніемъ Габлица, поручилъ Экспедиціи составить и представить на Высочайшее утвержденіе докладъ.

Основываясь на мнѣніи Габлица, Экспедиція, считая наиболѣе дѣйствительными средствами для распространенія и усовершенствованія шелководства разведеніе тутовыхъ деревьевъ, предлагала: 1) предписать правителямъ губерній, чтобы они, соображаясь съ пространствомъ и качествомъ земли и съ состояніемъ казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ туковыя деревья разведены быть могутъ, обязали бы каждую семью сажать ежегодно по 10 деревьевъ въ собственномъ своемъ огородѣ или въ общественномъ всего селенія мѣстѣ; для побужденія же нерадивыхъ назначить денежную пеню по 10 коп. за каждое дерево, которое изъ положеннаго числа не находится или не сохранится; 2) затѣмъ для поощренія дѣлателей шелка, Экспедиція полагала установить слѣдующія поощренія: для дворянъ, особенно отличавшихся въ разведеніи шелка и распространеніи сего полезнаго промысла, предлагалось назначать особыя медали; лицамъ изъ купечества и мѣщанства, служащимъ людямъ и казакамъ, поселянамъ и крестьянамъ выдавать въ награжденіе тѣмъ, кои не менѣе 10 фунтовъ сдѣлаютъ шелка, по 10 рублей; за каждые же 20 фунтовъ 25 рублей, а за пудъ 50 рублей, оставляя шелкъ въ собственную ихъ пользу и наблюдая, чтобы не давать одному болѣе 3 разъ.

Сверхъ того Экспедиція предлагала опредѣлить смотрителей, которые, объѣзжая всѣ селенія и мѣста, къ шелководству отведенныя, могли бы слѣдить за насажденіемъ шелковичныхъ деревьевъ и давать наставленія. Такую должность при заведеніяхъ въ Тавридѣ предполагалось возложить на смотрителя Ново-Водолажскаго завода, а надзоръ въ Астраханской губерніи—поручить смотрителю возобновленнаго Ахтубинскаго завода; каждому изъ нихъ полагалось по одному помощнику.

Сверхъ того предполагалось опредѣлить въ Симферополь, Астрахани и Кизлярѣ по одному искусному мотальщику и въ помощь имъ придать по два воспитанника изъ воспитательнаго дома.

Именнымъ указомъ 8-го ноября 1798 г. ¹⁾, даннымъ на имя генераль-прокурора, Павелъ I, утверждая докладъ Экспедиціи во всѣхъ частяхъ, «возложилъ на особенное ея попеченіе, чтобы предположенія ея по части шелководства были во всей точности исполняемы и объ успѣхахъ въ семь дѣлъ передъ наступленіемъ каждаго года было доносимо его императорскому величеству».

На сколько Павелъ I интересовался успѣхами шелководства, видно изъ послѣдующихъ именныхъ указовъ по поводу представленныхъ ему Сенатомъ годовыхъ докладовъ о состояніи шелководства. Такъ въ именномъ указѣ отъ 9 го января 1799 г. ²⁾, во уваженіе нарочитыхъ успѣховъ шелководства въ 1798 г. въ Астрахани и на Кавказской линіи, повелѣно было положенную за ненасаженныя деревья пеню на 1799 г. отиѣнить, а смотрителя за шелководствомъ по Кавказской линіи барона Биберштейна наградить чиномъ надворнаго совѣтника. Принятая Экспедиціею вышеуказанныя мѣры оказались настолько удачными, что въ 1799 году было посажено и посажено болѣе 600 тыс. тутовыхъ деревьевъ, а шелку выдѣлано около 200 пудовъ, втрое болѣе противъ 1798 г. «Взирая съ особеннымъ удовольствіемъ на столь дѣятельное попеченіе Экспедиціи Государственнаго Хозяйства и на возвышеніе между прочими заведеніями наипаче сей важной отрасли разведенія шелководства», Павелъ I повелѣлъ именнымъ указомъ Сенату отъ 29-го декабря 1799 г. ³⁾: объявить присутствующимъ и членамъ свое монаршее благоволеніе и производить имъ сполна назначенное въ штатѣ Экспедиціи жалованье, сверхъ получаемаго нѣкоторыми изъ нихъ, изъ другихъ мѣстъ; правителя же канцеляріи надворнаго совѣтника Безака пожаловалъ въ коллежскіе совѣтники.

Другимъ указомъ Сенату, отъ 28-го декабря того же 1799 года ⁴⁾ изъявивъ свое благоволеніе барону Биберштейну, съ производствомъ его въ коллежскіе совѣтники, Павелъ наградилъ также чинами смотрителей: по Астрахани титулярнаго совѣтника Смирнова и по Крыму Жеребцова. вмѣстѣ съ тѣмъ назначены были награды отличившимся четверемъ грузинскимъ дворянамъ и одному армянину.

29-го мая 1799 года, по высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ особый комитетъ «для усовершенія шелководства и овчарныхъ заводовъ въ Россійскомъ государствѣ, а также мануфактуръ вообще». Указомъ, даннымъ на имя членовъ этого комитета, сенатора графа Завадовскаго, графа Румянцева и князя Юсупова, имъ поручено было «собрать по

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18240.

²⁾ Сенатскій Архивъ I, 1888 г., стр. 484.

³⁾ Сенатскій Архивъ I, 1888 г., стр. 576.

⁴⁾ Тамъ же.

симъ предметамъ и вообще по части мануфактуръ, вѣрныя и достаточныя свѣдѣнія и предложить надежнѣйшія мѣры къ усовершенію и расширенію сей важной вѣтви государственной экономіи».

Изъ собранныхъ комитетомъ свѣдѣній оказалось ¹⁾, что въ 1799 г. выдѣлано было въ Россіи 190 пудовъ шелка, иностраннаго же въ привозѣ было въ 1798 г. 14.594 пуда цѣною на 1.963.762 рубля, да шелковыхъ матерій на 486.763 р., а всего на 2.450.382 руб. Хотя на основаніи этихъ данныхъ казенная Кунавинская фабрика шелковыхъ матерій могла быть снабжена на всѣ свои издѣлія туземнымъ шелкомъ, однако, по мнѣнію означеннаго комитета, которое было поддержано и разсматривавшими его президентомъ Коммерцъ-Коллегіи дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Гагаринымъ и генераль-прокуроромъ Обольяниновымъ, невозможно еще было приступить къ запрещенію привоза иностраннаго шелка или шелковыхъ матерій; ибо, не смотря на успѣхи, сдѣланные у насъ въ дѣлѣ насажденія тутовыхъ деревьевъ, дѣйствительной пользы отъ нихъ нельзя было ожидать ранѣе 10 или 12 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе едва прошло 10 мѣсяцевъ, какъ 23-го декабря 1800 г. послѣдовалъ указъ Сенату ²⁾ о воспрещеніи привоза не только шерстяныхъ, но и шелковыхъ матерій. Въ запискѣ, представленной императору княземъ Гагаринымъ и генераль-прокуроромъ Обольяниновымъ, предложены были слѣдующія средства къ усовершенію и распространенію шелковичнаго производства въ Россіи:

1) Существующее въ Астраханской губ. и въ горной части Крыма положеніе о насажденіи тутовыхъ деревъ и о награжденіи отличившихся въ выдѣлываніи шелка сохранить въ силѣ.

2) Шелковый заводъ армянина Хастатова близъ Кизляра, за неплатежъ выданной ему въ 1784 г. оруды, взять въ казну, сложивъ недоимку въ 35.836 рублей и причисливъ собственныхъ Хастатова русскихъ крестьянъ къ числу государственныхъ, живущихъ же тамъ по особымъ условіямъ армянъ и грузинъ оставить на отведенной имъ землѣ, предоставивъ пользоваться дарованными имъ правами и привилегіями.

3) Отданную въ 1764 г. близъ г. Саратова иностранцу Вердію подъ шелковичную плантацію землю, 60 десятинъ, отдать въ полное распоряженіе городской думы съ тѣмъ, чтобы она засадила ее туковыми деревьями въ теченіе 6 лѣтъ не менѣе 250 деревъ на десятину, подъ опасеніемъ взыскація пени.

4) Въ Астрахана, по Кавказской линіи и въ Крыму опредѣлить искусныхъ мотальщиковъ, изъ Кизлярскихъ армянъ и грузинъ или

¹⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19290.

²⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19697.

иныхъ способныхъ лицъ, и при каждомъ изъ мотальщиковъ опредѣлить по два ученика изъ сиропитательныхъ домовъ.

5) Признавалось полезнымъ завести, на счетъ казны, у частнаго лица, съ услѣхомъ выдѣлывающаго шелкъ, снарядъ употребительный въ другихъ европейскихъ странахъ при воспитаніи шелковичныхъ червей.

6) Для облегченія сбыта шелка жителями Астраханской губерніи и Крыма, предлагалось смотрителямъ шелководства пріобрѣтать приносимый ими добровольно шелкъ, по цѣнѣ иностраннаго шелка, одинаковой доброты, на наличныя деньги и доставлять чрезъ гражданскаго губернатора на казенную шелковую фабрику. При этомъ предлагалось губернаторамъ внушать жителямъ пользу отъ заведенія фабрикъ шелковыхъ матерій въ мѣстахъ, гдѣ добывается достаточное количество шелка; когда же, по прошествіи 5 лѣтъ, «значительное количество шелка» въ Россіи будетъ выдѣлываться, тогда обложить фабрики, употребляющія иностранный шелкъ, пошлиною по 10 процентовъ съ цѣны шелка, ими покупаемаго, и деньги эти обращать на награжденіе производителей шелковыхъ матерій изъ туземнаго шелка.

7) Для поощренія къ насажденію возможно большаго числа тутовыхъ деревьевъ, предлагалось: лицамъ купческаго званія, за посадку въ одно лѣто 10.000 тутовыхъ деревьевъ, давать медали, для ношенія на груди; мѣщанамъ же, поселянамъ и крестьянамъ за посадку 11.000 деревьевъ выдавать по 10 рублей; за 2.000 по 25 руб. и за 4.000 по 50 руб., притомъ одному лицу не болѣе 3 разъ; дворянъ же, наиболѣе отличившихся, представлять къ особенному высокомонаршему благоволенію. Для дворянъ и купцовъ, не имѣющихъ земли и желающихъ заняться насажденіемъ тутовыхъ деревьевъ, опредѣлено было раздавать пустопорожня и оброчныя казенныя земли, оставшіяся свободными за надѣломъ крестьянъ.

8) Экспедиція Государственнаго Хозяйства поручалось войти въ разсмотрѣніе, въ какихъ еще мѣстностяхъ и губерніяхъ окажется удобнымъ и возможнымъ разведеніе тутовыхъ деревьевъ.

9) Въ виду препятствій, возникающихъ для распространенія шелководства въ Астраханской губ. и въ южной части Крыма, отъ недостатка тамъ населенія, предлагалось приложить попеченіе о заселеніи тѣхъ странъ.

Исполненіе этихъ предначертаній князь Гагаринъ и генералъ-прокуроръ Оболяининовъ полагали возложить на Экспедицію Государственнаго Хозяйства съ тѣмъ, чтобы по окончаніи въ каждомъ году шелковаго производства, ею доносило было его величеству о достигнутыхъ успѣхахъ и о лицахъ, особенно отличившихся въ семь дѣлъ и заслуживающихъ награжденія, а равно и новыхъ опытахъ, средствахъ

къ дальнѣйшему распространенію и улучшенію сей вѣтви государственной экономіи.

Докладъ князя Гагарина и генераль-прокурора Оболянина былъ утвержденъ 22-го февраля 1800 года высочайшею резолюціею: «быть по сему» ¹⁾.

По представленіи отчета за 1800 г., Павелъ I указомъ Сенату отъ 1-го февраля 1801 г. ²⁾ приказалъ награждать отличившихся, съ нерадивыхъ же взыскать установленную пеню непремѣнно.

Изъ дальнѣйшихъ донесеній главнаго инспектора надъ шелководствомъ, барона маршала Биберштейна объ успѣхахъ шелководства видно ³⁾, что въ теченіе 1802 года какъ разведеніе тутовыхъ деревьевъ, такъ и выдѣлка шелка шли успѣшнѣе, чѣмъ въ прежніе года. Количество деревьевъ, вновь посаженныхъ съ 1798 года, дошло до 1.016.000, а шелку въ 1802 году выдѣлано 364 пуда 3¹/₂ фунта,—на 78 п. 9 ф. болѣе сравнительно съ 1801 годомъ. Особенности успѣхи были замѣчены среди армянскаго населенія Кавказа и Екатеринославской губерніи; менѣе успѣшно шло дѣло въ горной части Крыма и всего менѣе—въ Саратовской губерніи. Ахтубинскіе крестьяне дотога были нестарательны, что даже данныя имъ отъ инспектора сѣмена по большей части оставили безъ употребленія.

При этомъ баронъ Биберштейнъ замѣтилъ, что «понижъ разведеніе шелковицъ послѣдовало почти единственно въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ инспекторы и унтеръ-инспекторы надъ шелководствомъ лично быть могли. Куда же они, по обширности губерніи, пересылали шелковичныя сѣмена къ мѣстнымъ начальникамъ, тамъ посѣва или вовсе не было, или, по крайней мѣрѣ, инспекторы не получили отъ мѣстнаго начальства надлежащихъ свѣдѣній о раздачѣ сѣмянъ и результатахъ урожая».

X.

Одновременно съ разработкою вопросовъ о мѣрахъ къ поощренію разведенія тутовыхъ деревьевъ и къ увеличенію добычи шелка въ Россіи, генераль-прокуроръ князь Куракинъ объявилъ въ апрѣлѣ 1797 г. Экспедиціи Государственного Хозяйства высочайшую волю, чтобы она занялась также мѣрами къ размноженію виноградныхъ садовъ въ Астраханской губерніи и приняла подъ свой присмотръ и управленіе имѣющіеся

¹⁾ Дѣло Экспедиціи № 17611.

²⁾ Сенатскій Архивъ, I, стр. 708. Дѣло Экспедиціи 1801 г., № 14640 по архиву М. Г. И.

³⁾ Дѣло Экспедиціи, № 14686.

уже казенные сады, пригласивъ къ совѣщанію по этому дѣлу смотрителя гатчинскаго винограднаго сада Банка (Bang). Дѣло это Экспедиція поручила члену своему, статскому совѣтнику Габлицу, какъ опытному ботанику, вполне знакомому съ положеніемъ садовъ Астраханской губерніи, вслѣдствіе долговременнаго пребыванія его въ томъ краѣ¹⁾.

Изъ представленной Экспедиціи Габлицомъ обстоятельной записки о положеніи виноградныхъ садовъ и состояніи винодѣлія въ Россіи видно, что начало виноградныхъ насажденій въ Астрахани относится къ 1613 году, но, лишь со времени похода Петра Великаго въ Персію, приложено было стараніе къ размноженію казенныхъ астраханскихъ садовъ. Въ 1736 году считалось уже 19 казенныхъ садовъ, для которыхъ виноградныя лозы выписывались изъ Персіи, Турціи, Венгріи и Франціи и иногда раздавались для насажденія частнымъ лицамъ, при чемъ имѣлись и искусные мастера изъ иностранцевъ. Когда казенные сады стали приходить въ упадокъ, учреждена была въ 1752 г. особая садовая контора подъ управленіемъ директора, майора Паробича, съ припискою въ конторѣ садовыхъ работниковъ изъ безпаспортныхъ и праздношатающихся въ Астрахани русскихъ крестьянъ, изъ крещеныхъ иновѣрцевъ и изъ татаръ. Число ихъ къ 1762 г. доходило до 1.370 душъ.

Благодаря стараніямъ Паробича, получившаго 300 р. въ ссуду, число какъ казенныхъ, такъ и частныхъ садовъ увеличилось (первыхъ до 26, вторыхъ до 350). Но, такъ какъ Паробичъ для умноженія доходовъ началъ заводить разныя другія хозяйственныя заведенія, а число приписныхъ къ конторѣ людей уменьшилось вслѣдствіе возвращенія ихъ прежнимъ владѣльцамъ, то посему казенныя заведенія начали приходить въ упадокъ.

Въ 1786 году, по высочайшему повелѣнію, всѣ казенные сады отданы были въ вѣдѣніе города Астрахани, но какъ по дороговизнѣ рабочихъ рукъ содержаніе тѣхъ садовъ обратилось въ тягость купечеству, то по ходатайству Астраханскаго магистрата объ обращеніи вновь тѣхъ садовъ въ казну, разрѣшено было продать ихъ съ публичныхъ торговъ. Всего продано было 26 садовъ въ Астрахани, въ Красномъ Яру и на Терекѣ за 28.500 рублий.

По отзыву какъ Габлица, такъ и Банка, астраханскій климатъ по своей сухости и бесплодію почвы, требующей постоянной поливки, мало благоприятенъ для разведенія винограда. Наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для этой цѣли считались мѣста близъ Кизляра и Моздока, по Тереку и по Кавказской линіи, а также на Дону и въ Крыму.

Предполагалось учредить три казенныхъ училища винодѣлія: одно—

¹⁾ Дѣло Экспедиціи о виноградныхъ садахъ въ Астрахани.

на Терекъ, другое—на Дону въ Цимлянской станицѣ, или и ниже отсюда къ Черкасску, и третье—въ Тавридѣ. По мнѣнію Экспедиціи, учрежденіе училищъ послужило бы къ вѣдшему распространенію и усовершенствованію винодѣлія и для поправленія неудобствъ и погрѣшностей, существующихъ въ виноградномъ садоводствѣ Россіи. У насъ вездѣ лозы были разсажены безъ различія родовъ и безъ разбора мѣстоположенія, нигдѣ не имѣлось надлежащаго искусства дѣлать вина и вездѣ почти чувствовался недостатокъ въ хорошихъ бочкахъ и погребахъ, поэтому выходили вина или дурныя, или только посредственныя, и продавались по низкой цѣнѣ.

Въ училищахъ предполагалось преподавать практически нужныя наставленія, какъ сообразно климату и свойству земли насаждать виноградъ, ходить за нимъ, дѣлать вина по выработаннымъ способамъ и какъ сберегать вина. Для сего считалось необходимымъ при каждомъ училищѣ имѣть одного искуснаго виноградаря, одного купера, одного бочара и 20 рабочихъ; первыхъ трехъ—изъ саратовскихъ колонистовъ, вышедшихъ изъ винодѣльныхъ мѣстностей, или выписать ихъ изъ-за границы, работниковъ же изъ людей, бывшихъ приписанными къ садовой конторѣ. Сверхъ того, допускалось брать и учениковъ отъ частныхъ людей, на собственномъ ихъ содержаніи.

Для большаго успѣха отъ таковыхъ заведеній въ размноженіи винограда и усовершенствованіи винодѣлія предполагалось выписывать со временемъ новыя лозы изъ Европы и Азіи, а также испытывать перенесеніе домашнихъ лозъ изъ одного края въ другой для полученія лучшаго со временемъ вина. При этомъ указывалось на примѣръ кашскаго вина, происшедшаго отъ лозъ, перенесенныхъ съ Рейна на мысъ Доброй Надежды. Какъ выписныя изъ чужихъ странъ, такъ и перевозимыя свои домашнія лозы предполагалось раздавать также и частнымъ лицамъ, съ наставленіемъ, какъ съ ними обходиться.

Существующій уже опытъ научилъ, что по Тереку и на Дону выходятъ преимущественно красныя вина превосходнаго качества и сходныя съ красными французскими винами, а поэтому для сихъ мѣстъ нужно выписывать лозы бургонскихъ и другихъ красныхъ виноградовъ; въ Тавридѣ же вообще—бѣлыя вина имѣютъ преимущества передъ красными, и сходство или съ шампанскими, или съ рейнвейномъ, или съ мозелемъ, а потому полезно выписывать туда вина изъ Шампаніи, съ Рейна и Мозеля; сладкія, мускатныя вина еще нигдѣ не удавались, хотя мускатный виноградъ разводился уже въ Тавридѣ; поэтому въ виду сходства климата южнаго берега Крыма съ итальянскимъ, считалось полезнымъ выписать туда изъ Италіи и Франціи лозы лучшихъ сортовъ винограда, изъ коихъ дѣлаются ликерныя вина.

Такъ какъ размноженію винограда препятствуетъ трудность въ сбытѣ

и продажъ винъ и низкая ихъ цѣна, то, въ ожиданіи успѣха отъ распространенія винограднаго садоводства, предлагалось, въ видахъ его поощренія, учрежденіе казенныхъ винокуренъ для дѣланія французской водки, отчего цѣна на вина поднимется и всегда въ денежномъ равновѣсіи съ трудами и издержками виноградныхъ заводчиковъ можетъ быть содержима; государственная же польза будетъ состоять въ томъ, что иностранной водки тогда менѣе будетъ привозимо въ Россію.

Учрежденіе такихъ винокуренъ признавалось излишнимъ на Дону и около Кизляра, потому что довское вино по своей лучшей добротѣ было уже довольно цѣнно, доходя до 10 р. за ведро, съ тѣхъ поръ, какъ оно вошло въ употребленіе по окрестнымъ губерніямъ и въ столицахъ, а около Кизляра—потому, что тамъ уже были многіе частныя водочныя заводы. Учрежденіе подобныхъ винокуренъ признавалось особенно полезнымъ въ Тавридѣ, пока обиходъ винограда не усовершенствуется и цѣна на вина не поднимется.

Докладъ Экспедиціи, по одобреніи его Сенатомъ, былъ утвержденъ 15-го февраля 1798 г. резолюціей Павла: «быть по сему» ¹⁾).

Осуществленіе предположеній Экспедиціи послѣдовало лишь въ началѣ 800-хъ годовъ, такъ какъ переписка съ мѣстными властями о выборѣ мѣстъ для училищъ затянулась, а выписка иностранныхъ виноградарей и винодѣловъ встрѣтила затрудненіе въ существовавшемъ при Павлѣ запрещеніи такой выписки. Первымъ было открыто, по докладу князя Кочубея, винодѣльное училище въ Крыму въ Судацкой долинѣ, подъ наблюденіемъ академика Палласа и ближайшемъ участіи инспектора шелководства Хр. Хр. Стевена.

XI.

На обязанности состоявшаго при Экспедиціи Государственнаго Хозяйства Географическаго Департамента лежало печатаніе вексельной бумаги и географическихъ картъ. Первая операція приносила ей доходъ, на которой были относимы нѣкоторыя хозяйственныя предпріятія Экспедиціи.

Именнымъ указомъ Сенату 9-го декабря 1798 г. ²⁾ повелѣно было, чтобы въ пресѣченіе злоупотребленій, могущихъ произойти отъ напечатанія и изданія общихъ и частныхъ картъ и плановъ земель Импе-

¹⁾ П. С. З., т. XXV, № 18375.

²⁾ П. С. З., т. XXV, № 18778.

ріи, всѣ географическія, обыкновенныя карты и планы, къ печатанію и изданію предполагаемыя, предварительно были вносимы на разсмотрѣніе Географическаго Департамента; топографическія же, крѣпостныя и всякаго рода карты, съ показаніями, относящимися до военныхъ операцій, были представляемы на разсмотрѣніе въ Императорское депо картъ, и не прежде приступать къ печатанію и изданію, какъ по полученіи его разрѣшенія.

Именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 18-го октября 1800 года ¹⁾, Географическому Департаменту повелѣно было вновь состоять при собственномъ его величества Депо картъ, въ вѣдѣніи адмирала графа Кутшелева; но заготовленіе вексельной и гербовой бумаги оставалось при Экспедиціи Государственнаго Хозяйства до 1802 г., т. е. до учрежденія министерствъ.

XII.

Хотя дѣла финансоваго свойства не входили въ кругъ дѣятельности Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, такъ какъ они вѣдались особою Экспедиціею о доходахъ и расходахъ, но тѣмъ не менѣе большая часть финансовыхъ проектовъ, которые подавались разными лицами императору, были передаваемы имъ обыкновенно на разсмотрѣніе Экспедиціи Государственнаго Хозяйства.

XIII.

При учрежденіи императоромъ Александромъ I министерствъ къ вѣдѣнію министра внутреннихъ дѣлъ отнесено было, кромѣ заботъ о благосостояніи народа, спокойствіи, тишинѣ и благоустройствѣ Имперіи, также управленіе всѣхъ частей государственной промышленности, кромѣ городской. На этомъ основаніи, непосредственному вѣдѣнію этого министра подчинена была Экспедиція Государственнаго Хозяйства, Опекунства Иностранныхъ и Сельскаго Домоводства, кромѣ той части ея, которая вѣдаетъ дѣла по камеральному столу и печатанію векселей и заемныхъ писемъ. Эти послѣднія части, вмѣстѣ съ Экспедиціею Мануфактуръ-Коллегіи по заготовленію и храненію вексельной и гербовой бумаги, ввѣрены были министру финансовъ.

Въ октябрѣ того же года Экспедиція Государственнаго Хозяйства возбудила передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ рядъ вопросовъ объ отношеніяхъ своихъ къ Сенату и о производствѣ дѣлъ, начатыхъ въ прежнемъ порядкѣ. Посему, въ отмѣну прежде существовавшаго по-

¹⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19607.

рядка, министр внутренних дѣлъ испросилъ 17-го октября 1802 г.¹⁾ высочайшее утвержденіе: 1) чтобы Экспедиція Государственнаго Хозяйства по всѣмъ дѣламъ, власть ея превышающимъ, относилась къ министру, а въ случаяхъ, превышающихъ власть министра, испрашивала разрѣшеніе или Сената или его императорскаго величества, особыми отъ себя представленіями; 2) чтобы неоконченныя въ Экспедиціи дѣла производились и оканчивались въ прежнемъ порядкѣ.

Послѣ 10-мѣсячнаго опыта завѣдыванія дѣлами, ему вѣренными, министр внутренних дѣлъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о неудобствахъ отдѣльнаго завѣдыванія дѣлами Мануфактуръ-Коллегіи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства и Главной Соляной Конторы, и о соединеніи всѣхъ сихъ частей въ одно управленіе съ Департаментомъ внутреннихъ дѣлъ подъ именемъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства. На основаніи именного указа, даннаго Сенату 18-го іюля 1803 года, и утвержденнаго вмѣстѣ съ тѣмъ положенія сей Экспедиціи, она заключала въ себѣ три отдѣленія, съ управляющимъ во главѣ.

Первымъ управляющимъ вновь преобразованной Экспедиціи назначенъ былъ статскій совѣтникъ Габлицъ, остававшійся въ этой должности до 1808 г.

XIV.

Подводя итоги дѣятельности Экспедиціи Государственнаго Хозяйства при Павлѣ I, за время ея самостоятельнаго существованія при Сенатѣ, подъ вѣдѣніемъ генераль-прокуроровъ, нельзя не признать, что учрежденіе это было задумано въ весьма широкихъ размѣрахъ и съ очень благонамѣренными цѣлями улучшенія разныхъ частей государственнаго хозяйства. Если не всѣ намѣченныя Экспедиціею задачи и не всѣ начатыя ею предпріятія получили осуществленіе, то вина этого должна быть отнесена, конечно, не къ самой Экспедиціи, а къ той неустойчивости и шаткости, которыми отличалась вообще администрація временъ Павла I, подъ влияніемъ его нервнаго, недовѣрчиваго и впечатлительнаго характера. Едва задумывалось какое-либо полезное предпріятіе и начинало устраниваться на выработанныхъ Экспедиціею началахъ, какъ Павелъ вырывалъ его изъ рукъ Экспедиціи и передавалъ въ другое вѣдомство. Такъ было съ учрежденіемъ земледѣльческой школы, съ лѣсною частью, съ Географическимъ Департаментомъ. Наибольшую послѣдовательностью и выдержанностію отличалась дѣятельность по развитію шелководства и отчасти винодѣлія; хотя заботы относительно

¹⁾ П. С. З., т. XXVII, № 20470.

последняго встрѣтили неодолимыя препятствія въ недовѣрчивости Павла I къ иноземнымъ элементамъ, безъ которыхъ оказывалось невозможнымъ двинуть это дѣло. То же почти можно сказать и относительно овчарныхъ заводовъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отдать полную справедливость, что благодаря крупнымъ талантамъ, опытности и знаніямъ главныхъ дѣятелей Экспедиціи, какъ сенаторы Храповицкій и Тарбѣевъ, и члены Самборскій и Габлицъ, труды и доклады Экспедиціи отличались основательностью и послѣдовательностью. Они не носили на себѣ теоретическаго характера, а по возможности стремились примѣняться къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и считаться съ экономическими привычками и наклонностями населенія. Обнаруживая въ своихъ докладахъ, особенно при разсмотрѣніи разнообразныхъ, подлежащихъ ей разбору плановъ и проектовъ, положительное знакомство съ здоровыми началами тогдашней экономической науки, члены Экспедиціи не всегда, конечно, могли отрѣшиться отъ господствовавшаго въ XVIII столѣтіи въ Россіи предубѣжденія, что развитіе разныхъ отраслей сельскаго хозяйства и промышленности можетъ быть достигаемо приложеніемъ къ этому дѣлу обязательнаго труда, денежныхъ поощреній и штрафовъ.

Въ общемъ нельзя не сказать, что дѣятельность Экспедиціи была почтенна и заслуживаетъ тѣмъ болѣе быть помянутою добрымъ словомъ, что это былъ первый опытъ систематическаго правительственнаго воздѣйствія на сельское хозяйство, который постепенно привелъ къ болѣе широкому и разумному проявленію этой дѣятельности. Благодаря хорошему руководству первыхъ главныхъ дѣятелей Экспедиціи, ни частое обновленіе состава членовъ, ни четырехкратная смѣна генераль-прокуроровъ ¹⁾ не отразились ощутительно на дѣятельности Экспедиціи. Императоръ Павелъ съ самаго начала живо интересовался работами и докладами Экспедиціи, о чемъ свидѣтельствуется частое обращеніе его къ ней за содѣйствіемъ въ разрѣшеніи самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и разнымъ резолюціи его, доказывающія, что онъ внимательно относился къ докладамъ Экспедиціи и не скупился на личныя указанія въ интересующихъ его вопросахъ.

Съ 8-го сентября 1802 года Экспедиція Государственнаго Хозяйства вошла въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ и была отдѣлена отъ Сената, оставаясь въ его подчиненіи наравнѣ со всѣми прочими административными учрежденіями.

В. Вешняковъ.

¹⁾ Князя А. Б. Куракна, князя П. В. Лопухина, генераловъ Беклешова и П. Х. Обольянинова.

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розентъ, въ монашествѣ Митрофаніи ¹⁾).

Въ Іерусалимѣ.

36.

6-го августа Іерусалимъ.

Впечатлѣніе горы Елеонской, т. е. трехъ вершинъ Елеона, я никогда не забуду. На Елеонѣ есть и мѣсто, на которомъ Спаситель научалъ учениковъ молитвѣ «Отче нашъ». Близъ оной есть кармелитокій латинскій монастырь, женскій, изъ котораго отшельницы никогда не выходятъ и въ стѣнахъ онаго никто не бываетъ. Говорятъ, что есть тамъ крытый корридоръ, на стѣнахъ котораго на 33 языкахъ, по числу лѣтъ земной жизни Спасителя, переведена молитва «Отче нашъ», въ томъ числѣ на славянскомъ и русскомъ языкахъ.

Я говорила выше, что на Елеонѣ три вершины: средняя, самая большая, называется мѣстомъ Вознесенія Господня, т. е. малая Галилея; южная—гора соблазна, потому что на ней Соломонъ поставилъ идоловъ въ угожденіе своимъ женамъ-идолопоклонницамъ, а сѣверная вершина носить названіе горы Мужей Галилейскихъ, потому что тутъ былъ по преданію домъ, въ которомъ гостили всѣ пришельцы галилейскіе и гдѣ часто проживали и св. апостолы, отгуда они всѣ смотрѣли на Вознесеніе Господне и были утѣшены видѣніемъ ангела. На томъ же Елеонѣ, т. е. на половинѣ горы среди группы маслинъ находится мѣсто «Плача» Иисуса Христа объ Іерусалимѣ, въ день его торжественнаго входа въ оный, чтò мы читаемъ въ Евангеліи.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1902 г.

37.

8-го августа.

Сколько христіанъ находятъ утѣшеніе и спокойствіе, покоряясь волѣ Божіей, какъ утѣшительно повергаться предъ крестомъ! Какъ же жить иначе, какъ покоряясь волѣ Его, Спасителя міра. Вчера послѣ всенощной я пошла исповѣдываться къ великому старцу Веніамину. Долго говорила я съ нимъ, и онъ положительно не совѣтуетъ мнѣ здѣсь оставаться. Ему жизнь палестинская хорошо знакома. Отецъ архимандритъ Рафаиль отъ скорбей сильно боленъ, 6-го числа служилъ черезъ силу, думалъ онъ освѣжиться на Елеонѣ, но цуце заболѣвъ, его привезли обратно на осликѣ, очень слабъ и похудѣлъ. Дѣла же съ греками и Палестинскимъ обществомъ ему не подъ силу; жаль, если ему готовится скорая могила въ церкви Елеонской. Послѣ обѣдни я пришла домой, долго устала, что легла отдохнуть съ часъ, потомъ немного почитала. Люблю я углубляться въ твореніе св. Августина; преосвященный Антоній воронежскій въ 1851 г. мнѣ совѣтовалъ почаще читать его книгу «Бесѣда души съ Богомъ».

38.

13-го августа.

Вчера и сегодня страдала отъ жары; въ августѣ мѣсяцъ стоятъ необычайные жары, и во истину вспомнишь благодатную Россію. Третьяго дня вечеромъ въ 6 часовъ, патриархъ прислалъ мнѣ сказать, что онъ ѣдетъ за границу, т. е. въ Парижъ, для совѣта съ докторами, а потому, желая со мною проститься, просить меня къ нему придти съ его келейникомъ, побесѣдовать послѣдній вечерокъ, не смотря на то, что онъ надѣется, что я дождусь возвращенія его въ Іерусалимъ обратно. Такое отеческое вниманіе къ моему убожеству заставило меня преодолѣть всѣ мои недуги, и я пошла въ патриархію немедленно. Бѣднѣйшій патриархъ очень измѣнился; оказывается, у него болѣзнь печени и катарръ желудка. Изъ Парижа онъ ѣдетъ въ Виши. Поговоривъ съ нимъ около часу, я просила его блаженство помолиться за меня слабую, глубокоуважающую его, и дала ему слово, что если я не поѣду скоро въ Россію, то дождусь его въ Яфѣ, такъ какъ по многимъ причинамъ, спеціально климатическимъ, мнѣ слѣдуетъ выѣхать изъ Іерусалима въ концѣ сентября, а послѣ Воздвиженія ѣхать на Іорданъ. Его блаженство просилъ меня не ѣхать, какъ предполагаю, въ концѣ августа, такъ какъ тамъ теперь еще жарче, чѣмъ въ Іерусалимѣ, что тамъ невыносимо. Конечно, я по словамъ его не поѣду и буду ждать поры болѣе сносной.

Возвратившись изъ патриархіи въ 8 часовъ вечера, я узнала, что по нашей улицѣ въ 4 часа утра пройдетъ крестный ходъ изъ Геесиманскаго подворья въ Геесиманію съ чудотворнымъ образомъ Успенія Божіей Матери, который ежегодно носятъ туда на Гробъ Господень до отданія праздника; а потому встала въ 3 часа утра, открыла окно, и такъ какъ наша квартира во второмъ этажѣ, то мнѣ было отлично видно. Въ это время я горько заплакала, видя нерадѣніе греческаго духовенства. Ночь была лунная, народъ съ зажженными свѣчами; впереди всѣхъ (шла) толпа изъ русскихъ поклонниковъ, и женскіе голоса умиленно пѣли стихиры Успенію. Съ умиленіемъ жду шествія духовенства съ чудотворной иконой, и что я вижу? Среди тысячей свѣчей богомольцевъ одинъ несетъ шесть, на верху котораго крестъ вершковъ 6—8, за нимъ двое несутъ репиды и два фонаря, идутъ два діакона безъ кадилъ, и іеромонахъ несетъ икону, которую поддерживаютъ два каваса въ фескахъ и стучатъ по камнямъ своими булавами. Еслибъ не хоръ русскихъ паломниковъ, то въ воздухѣ не было бы слышно ни пѣнія, ни сердечнаго торжества. Этотъ постъ всѣ православные жители Іерусалима ежедневно ходятъ въ Геесиманію съ 2-хъ часовъ утра, отсюда идутъ на Елеонъ по стопочкамъ Христа Спасителя,—это ужъ обычай, но грустно сказать, что при такой святынѣ нѣтъ обычнаго русскаго православнаго благоговѣнія. Грустно мнѣ все это описывать, всего болѣе меня смущаютъ ночевки у Гроба Господня, и это мнѣніе всѣхъ глубоко-религіозныхъ людей.

39.

14-го августа.

Слава Богу, дожила я грѣшная до кануна праздника. Такъ жарко, что не могу даже ничѣмъ заняться, только ночью прохладно. Утромъ въ 4 часа открываю окно, а съ вечера у меня открыто окно въ коридоръ, гдѣ въ сводахъ есть отдушины; не будь того, то можно задохнуться отъ духоты. Вчера ко мнѣ утромъ приходила съ русской постройки жена яфскаго консула; она пріѣхала сюда, чтобы отдохнуть на двѣ недѣли отъ яфскихъ жаровъ, говоря, что здѣсь въ Іерусалимѣ ночи прохладнѣе, а въ Яффѣ и ночью духота. Дождей здѣсь нѣтъ никогда. Начинаются они только въ половинѣ октября и то рѣдко; обыкновенно въ началѣ ноября начинается идти дождь ежедневно, весь день и всю ночь. Потоки воды орошаютъ въ эти мѣсяцы не всю Палестину, а только Іерусалимъ. Иногда здѣсь не прерывается дождь два и три мѣсяца. Но будетъ для меня то, что будетъ, я покоряюсь волѣ Божіей, должна принять совѣтъ патриарха и ѣхать на Іорданъ послѣ Воздвиженія, тогда буду собираться въ Яффу и Назаретъ и вѣроятно прощусь съ св. городомъ.

Завтра буду у службы на раскопкѣ, а ко всеобщей пойду въ нашу миссію, Филарету отпустила въ крестный ходъ, который изъ патриархіи шествуетъ въ Геосиманію. Тамъ на гробъ Матери Божіей всякій день архіерейская обѣдня. Сегодня въ 8 час. утра, какъ говорятъ здѣсь, погребаютъ Матерь Божію; тамъ музыка турецкая встрѣчаетъ этотъ ходъ; турки, греки, армяне, копты тамъ угощаются. Я сочла лучше не тревожиться и въ эту толпу не пошла, а прочла себѣ дома въ уединеніи акафистъ Успенію. Ольга (сестра милосердія) осталась со мной готовить мнѣ чай, спасибо ей, она меня покоитъ, безъ нея не знаю, что было бы со мною.

40.

25-го августа.

Сегодня ровно три мѣсяца съ половиною, какъ ничего отъ тебя не получала. Отъ изнуренія я очень изнемогла, даже цѣлую недѣлю не ходила къ Св. Гробу. Теперь благодаря Бога мнѣ стало лучше, ходила въ Воскресенскую церковь и послѣ оной совершила мой обычный ежедневный крестный ходъ. Думаю здѣсь пробыть до начала октября; послѣ Воздвиженія поѣду на Иорданъ, Покровъ пробуду въ Иерусалимѣ, а затѣмъ поѣду въ Яффу, гдѣ надѣюсь окрѣпнуть, такъ какъ тамъ, во-первыхъ, морской воздухъ, а во-вторыхъ, свѣжая рыба и коровье молоко, а здѣсь я совершенно отошала.

41.

8-го сентября. Иерусалимъ.

Всѣ эти дни писала для тебя икону Св. Троицы на св. дубѣ Маврійскомъ и вчера, 7-го сентября, я ее окончила и съ помощью Всевышняго моими 70-лѣтними глазами совершила чудо. Говорятъ, что хороша, не смотря на миниатюрность ликовъ. Св. дубъ величественъ. Для тебя же Господь мнѣ помогъ привести въ должный порядокъ св. икону Св. Спасу Нерукотвореннаго. Вѣнецъ я придумала сдѣлать перламутровый; виолиецъ по моему узору сдѣлать, теперь дѣлается мозаиковая рамка изъ всѣхъ деревъ Св. Земли; всѣ дивятся моему изобрѣтенію. Икона эта мнѣ очень дорога, напоминаетъ дорогое для меня время, когда я въ 1850 году, съ благословенія митрополита Филарета, списывала ее съ чудотворной иконы, на стѣнѣ изображенной въ храмѣ Борыковской богадѣльни, на Пречистенкѣ, въ Полуэктовскомъ переулкѣ. Писала я ее въ совершенномъ уединеніи, бывъ проникнута тѣми чувствами, которыя ты сама не разъ испытала, занимаясь съ молодыхъ лѣтъ иконописаніемъ. Въ то время я готовилась въ монастырь, писала двѣ недѣли эту икону въ храмѣ, по благословенію митрополита Филарета; она вышла подобна

оригиналу. До смерти сестры моей въ монашествѣ Алексіи, она была у нея, а послѣ ея смерти она постоянно у меня была въ молельнѣ. Я такъ люблю этотъ св. ликъ, что, смотря на него, мнѣ кажется, что Спаситель на меня глядитъ, обращаюсь къ нему, какъ бы къ живому, думаю: я недостойна имѣть этотъ ликъ при себѣ,—пусть онъ будетъ въ твоёмъ Казанскомъ храмѣ, на утѣшеніе тебѣ и всѣмъ твоимъ чадамъ. У меня на мысли, чтобы у тебя было въ храмѣ Распятіе во весь ростъ, какъ здѣсь на Голгофѣ, подобный ему, надѣюсь, что доживу до осуществленія этой идеи. Сегодня принуждена была быть у всеночной съ утра и у обѣдни въ арабской церкви. У грековъ все не по-нашему, а потому въ Воскресенскомъ главномъ храмѣ не было ни всеночной, ни обѣдни. Всеобщныхъ здѣсь нѣтъ съ вечеру никогда, идти на русскую постройку мнѣ положительно трудно, тѣмъ болѣе, что темнѣетъ въ 6 часовъ, а всеночная отходить въ 7-мь, экипажей не найти, если бъ и были, то у Яффскихъ воротъ, куда нужно идти пѣшкомъ. Когда было освѣтлѣе, то можно было идти хорошо; но ночью мнѣ слабѣе идти пѣшкомъ по улицамъ. Иерусалима неммыслимо. Трудно мнѣ то, что служба здѣсь греческая или арабская, пѣніе настолько крикливое, раздражительное, что молитва не возможна безъ смущенія; музыкальный слухъ здѣсь вполнѣ оскорбленъ. Во время обѣдни въ Воскресенскомъ храмѣ только отдыхаетъ духъ мой, когда долетаетъ до слуха моего великолѣпный органъ католиковъ, который прерывается крикомъ грековъ. Кромѣ того для духа моего великій недостатокъ въ томъ, что здѣсь монашества нѣтъ. Манетейныхъ нѣтъ ни въ мужскихъ, ни въ женскихъ греческихъ монастыряхъ — всѣ рясофоры. Монахи ѣдятъ мясо, рыбы нѣтъ никакой, кромѣ консервовъ, которые привозятъ изъ Лондона, но они дороги; изъ Яффы привозятъ рыбу морскую зимой.

42.

9-го сентября.

Часы ночи, часы любимые мои, когда всѣ спятъ, эти часы были моею отрадой еще въ домѣ матери моей, они утѣшали меня и назидали, когда вступила въ монастырь. Бывало, въ часы полуночи, взирая и молясь распятому Господу, Который былъ въ моей келии, я всѣ скорби забываю, а скорбей было много. Послѣ молитвы у креста святаго, утромъ встану точно обновленная, и при усердномъ трудѣ я забывала о причинахъ моего волненія. Никогда никто этого не зналъ, я хранила мои чувства, какъ нѣкое сокровище, любила особенно молиться и передъ ликомъ Спаса Нерукотвореннаго и Матери Божіей Тихвинской. Распятіе писала при поступленіи моемъ въ Алексѣевскій монастырь, писала его съ цѣлю, чтобы этотъ крестъ охранялъ мою могилу до общаго воскре-

сенія мертвыхъ; но когда пришлось мнѣ ѣхать на Кавказъ, думая, что я тамъ умру, я это большое Распятіе пожертвовала въ монастырь моихъ благодѣтелей Лабзинныхъ, и онъ поставленъ въ храмѣ близъ могилы незабвеннаго Якова Ивановича (Лабзина). Тихвинскую я пожертвовала въ Горбатовку, въ церковь усадьбы генеральши Турчаниновой (станц. по Ник. жел. дорогѣ), устроила ее подъ клиросомъ въ 1891 году. Ночное время для меня, въ началѣ моего убогаго подвижничества, считала я преддверіемъ рая. Въ то время я отдыхала духомъ отъ всего того, что тяжело ложилось на сердце въ теченіе дня. Конечно, эти чувства довѣряю тебѣ одной. Всѣ думаютъ, что я матеріалистка во всей силѣ слова—пусть думаютъ; я рада, что меня не понимаютъ. Надѣюсь на милость Божию, можетъ быть, труды мои для страждущаго человечества и молитвы сиротъ, больныхъ и угнетенныхъ покроютъ хотя десятую часть моихъ грѣховъ. Схиму на меня надѣли уже давно, но схиму, которая состоитъ въ моемъ безвинномъ страданіи за любовь мою къ страждущимъ. Я оную несу по милосердію Божию терпѣливо.

43.

11-го сентября.

Сегодня весь день трудилась: написала эскизъ Распятія въ $1\frac{3}{4}$ арш., т. е. тѣло Спасителя, а завтра, если Богъ благословитъ, сдѣлаю эскизъ во всю величину Голгофскаго Распятія, тѣло $2\frac{3}{4}$ арш., т. е. копія съ настоящаго оригинала. Если умру, то мой трудъ будетъ тебѣ переданъ. Здѣсь, собственно на Голгофѣ, тѣло Спасителя накладное, писано на кипарисѣ и положено на крестъ, который величиною до 5 аршинъ. Если Богъ поможетъ, все совершится согласно моему желанію, завтра пойду на раскопки къ русской службѣ.

44.

12-го сентября.

Съ отрадой стояла сегодня обѣдню въ церкви св. Александра Невскаго на раскопкахъ. Пѣли два голоса тихо, музыкально, утѣшительно. Послѣ обѣдни пошли ко Гробу Господню и на Голгофу. Тихо, уединенно помолилась и тамъ всю мою надежду возложила на Господа. Гдѣ буду Пасху, не знаю; гдѣ буду жить, вернувшись въ Россію, тоже не вѣмъ, все знаетъ одинъ Богъ, а здѣсь оставаться невысказанно, относительно средствъ и климата. Все упованіе возлагаю на Царицу Небесную.

45.

13-го сентября.

Въ 5 часовъ я встала, ягремѣли колокола, и въ 6 пошла я въ храмъ. Храмовой праздникъ; служилъ архіерей съ двумя дьяконами; чтобы ты имѣла понятіе о нерадѣніи грековъ, скажу тебѣ мое поражение: въ шествіи съ большимъ выходомъ посохъ несъ мальчикъ въ пиджакѣ; при архіерейской службѣ, въ храмовой праздникъ пѣлъ одинъ монахъ и болѣе никого. Возмущается духъ мой при видѣ такого безобразія; на амвонѣ въ царскихъ вратахъ не было ковра, и все здѣсь совершается небрежно, хуже, чѣмъ у насъ въ деревенской церкви.

46.

16-го сентября.

Сейчасъ вернулась съ постройки, гдѣ пріобщалась св. таинъ, такъ сложились обстоятельства. Я отъ усталости не рѣшилась идти ночевать въ церковь Св. Гроба, а потому вчера не могла быть причастницей, тѣмъ болѣе, что, чтобы исповѣдаться, мнѣ слѣдовало быть у старца духовника, а туда путешествіе для моихъ ногъ и силъ тяжеленко; а потому вычитавши себѣ всю службу дома, также и правило, пошла сегодня утромъ на постройку. Старецъ меня ждалъ въ своей келии. Въ то время благовѣстили, я успѣла исповѣдаться и поспѣла къ часамъ. Никого почти въ церкви не было, кромѣ нѣкоторыхъ старухъ; пѣли тихо, сердце несло къ сердцеѣдущему Иисусу. Пріобщившись, мнѣ стало легко.

Скажу тебѣ о моихъ впечатлѣніяхъ въ праздникъ Воздвиженія. Начну съ того, что въ 5 часовъ я встала, одѣлась и ждала шествія архіерейскаго, которое возвѣщается колоколомъ. Это всегда такъ бываетъ, когда патріархъ или архіерей выходятъ изъ патріархіи къ служенію съ кавасами и съ своимъ монашескимъ штатомъ. Трезвонятъ до прихода ихъ въ Воскресенскій храмъ; затѣмъ на колокольні все затихаетъ, и начинается богослуженіе. Но въ этотъ годовой праздникъ стали колотить въ колокола, которые повѣшены на хорахъ св. алтаря, колотили долго, пока митрополитъ Никаноръ ходилъ прикладываться къ Св. Гробу, потомъ замолкли. Букетъ цвѣтовъ, который мнѣ принесли накануне изъ патріархіи для шествія въ крестномъ ходу, я предпочла поставить на Святой Гробъ, который извнѣ и изнутри горѣлъ разноцвѣтными лампадами. Храмъ былъ великолѣпно освѣщенъ. Внѣ Кувукліи было теплящихся лампадъ до 200, вокругъ до 100 паникадилъ, — всѣ съ разноцвѣтными лампадами. Всѣ придѣлы освѣщены, въ каждомъ по 3 лампады, гдѣ Камень мвропомазанія, тамъ было тоже до 100 лам-

падѣ. Внутри Кувукліи весь сводъ былъ украшенъ богатѣйшими лампадами до 50 штукъ. Храмъ Воскресенія сіялъ также огнемъ: одно паникадило въ 6 арш. въ діаметрѣ, стоющее 15.000 руб. сереб., сіяло свѣчами и лампадами, другое противъ патріаршаго мѣста освѣщено было свѣчами, между ними лампады съ разноцвѣтными огоньками. Соборъ освѣщенъ 6-ю паникадилами; въ дверяхъ храма напротивъ Кувукліи горѣли также лампады. Всѣ паникадила составляютъ большую цѣнность; кромѣ того по иконостасамъ и противъ нихъ были особо повѣшены богатѣйшія серебряныя лампады въ числѣ по 37 съ каждой стороны. Я считала, что въ Воскресенскомъ храмѣ, кромѣ свѣчей, были освѣщены до 600 лампадъ; алтарь отдѣльно, Голгофа отдѣльно горѣла отъ великолѣпныхъ лампадъ. Все торжество св. храма высказывалось открытіемъ всѣхъ паникадилъ, богатствомъ лампадъ, которыхъ я насчитала до 1.300, а потомъ спуталась даже.

Когда архіерей взомель въ Воскресенскій храмъ, народу было много, начали сбѣгаться всѣ арабы Іерусалима. Въ первый разъ при мнѣ облаченіе происходило по нашему обычаю, и митрополита облачали какъ слѣдуетъ: два архіерея вышли изъ алтаря уже облаченные, за ними 12 священниковъ облаченныхъ и 5 діаконовъ.

Я не выдержала крестнаго хода, видя слабость силъ, пошла потихоньку на Голгофу; народъ толпился, выжидая крестнаго хода. Я прошла свободно по лѣстницѣ, поставила свѣчку передъ крестомъ, съ хоромъ видѣла шествіе трехъ архіереевъ. Облаченія у священниковъ были тѣ же, которыя были на вечернѣ: архіереи были въ пунцовыхъ съ золотомъ облаченіяхъ, митры всѣ жемчужныя. Въ этотъ день былъ хоръ изъ 20 крикуновъ (прости за выраженіе). Здѣсь чѣмъ больше кричатъ, тѣмъ праздникъ торжественнѣе. Въ этотъ день были въ стихаряхъ тѣ мальчики, которые держатъ репиды, кресты, свѣчи и посохъ. Вообще все было чинно относительно одѣянія, а малыши пѣвчіе были въ монашескихъ рясочкахъ. Прежде всего пошелъ крестный ходъ въ церковь св. Константина и Елены. Священники, архіереи пошли воздвигать крестъ въ пещеру, тамъ, гдѣ онъ былъ обрѣтенъ. Митрополитъ несъ на головѣ животворящій крестъ, который мѣрою всего не болѣе 8 вершковъ, усыпанъ брилліантами; изъ части его сдѣланы маленькіе кресты, въ которыхъ врѣзаны частицы креста Господня по 2 и 3 вершка каждый. Всѣ священники имѣли въ рукахъ эти кресты, букетъ цвѣтовъ и свѣчу. Въ колокольцы били и колотили, но не долго. Воздвигнувши крестъ на блюдѣ, покрытомъ цвѣтами, одинъ архимандритъ окропилъ оный ароматами. Изъ церкви св. Константина и Елены крестный ходъ пришелъ на Голгофу, въ числѣ трехъ архіереевъ и русскаго архимандрита, который пріѣхалъ къ крестному ходу, и съ нимъ пріѣхали консулъ и палестинскіе дѣятели.

Помолившись и все посмотрѣвши, пришла къ мысли, что въ грекахъ нѣтъ того благоговѣнія, къ которому мы привыкли въ Россіи. Здѣсь только эффектъ, золото, серебро и масса разноцвѣтныхъ огней, то, что плѣняетъ дикарей и необразованныхъ русскихъ поклонниковъ, а о молитвѣ тутъ не спрашиваютъ. Въ церкви во время крестнаго хода гулъ, крикъ неистовый, громкій разговоръ арабовъ, и послѣ этого торжества изъ торжествъ идешь домой усталая безъ малѣйшаго сожалѣнія, что служба отошла.

Вотъ тѣ впечатлѣнія, которыя произведены были въ душѣ моей во время Воздвиженія въ св. градѣ Іерусалимѣ. Можетъ быть, эти впечатлѣнія вызваны настроеніемъ души моей, которая всецѣло ищетъ спокойствія и уединенія въ пустынной келии, въ церкви, гдѣ не думаютъ о внѣшнемъ эффектѣ, а только о молитвѣ искренней, сердечной? Богатства Іерусалимскаго храма видятъ только 4 раза въ годъ: въ Пасху, въ Рождество, въ день Воздвиженія и въ день Православія, т. е. на первой недѣлѣ великаго поста.

Теперь я намѣреваюсь ѣхать на Іорданъ. Игуменъ Іорданскаго св. Іоанна Предтечи монастыря пріѣхалъ въ Іерусалимъ и меня приглашаетъ съ нимъ ѣхать, дней черезъ пять или шесть. Расходы, конечно, мои, но онъ найметъ мнѣ экипажъ, сядетъ съ нами и будетъ, какъ говорить, моимъ драгоманомъ. Онъ говоритъ немного по-русски; какъ тамошній житель, повезетъ меня прямо въ Виванію, а оттуда на Іорданъ въ свой монастырь, гдѣ отецъ Веніаминъ сегодня послѣ исповѣди и причастія благословилъ меня поговѣть. Вотъ и сонъ мой 1874 года въ руку. Ты помнишь, что я на день Крещенія въ ночь съ 5-го по 6-е января, бывши по злобѣ людской подъ арестомъ, сильно скорбѣла съ вечера, что не могла быть на водоосвященія. Въ то время ночью я проснулась съ чувствомъ несказанной радости отъ того, что я видѣла себя въ струяхъ Іордана и, погружаясь въ ономъ, слышала пѣніе: «во Іорданѣ крещающуся» и проч. и дала обѣтъ ѣхать въ Іерусалимъ.

Игуменъ Іорданскій ждетъ письма отъ патріарха съ разрѣшеніемъ открыть дорогу, имъ проведенную, изъ его монастыря на Іорданъ, къ мѣсту, гдѣ въ нынѣшнемъ году по волѣ Спасителя найдено мѣсто, гдѣ самъ Іисусъ Христосъ погружался въ рѣку при крещеніи своемъ отъ св. Предтечи и Крестителя Іоанна. Оно было замѣчено апостолами, а по нѣкоторымъ обыскамъ и путеводителямъ ученыхъ паломниковъ были сдѣланы раскопки, и все свидѣтельствуетъ о мѣстѣ томъ. Получивши разрѣшеніе отъ патріарха, онъ вмѣстѣ со мной поѣдетъ освятить воду, и послѣ того я первая изъ поклонниковъ погружусь въ этомъ самомъ мѣстѣ, или близъ того, гдѣ самъ Спаситель. Считаю это чудомъ, совершающимся надо мною грѣшной, опозоренной, когда мнѣ приснился этотъ сонъ.

18-го сентября.

Сегодня я утѣшена необыкновеннымъ вниманіемъ ко мнѣ уважаемаго католика ордена St.-François, Абата Іосифа. Великолѣпный костель устроенъ ими въ Іерусалимѣ. Вся живописная работа стѣвъ, мозаиковый полъ, рѣзьба, золоченіе—все работы французскихъ монаховъ, которыхъ въ орденѣ 120 человекъ. Водилъ онъ меня, любящую искусство, по всѣмъ мастерскимъ, начиная съ типографіи, потомъ пошли въ переплетную, гдѣ сегодня переплеталось Евангеліе латинское съ арабскимъ. Любоваюсь я на словолитную, на фабрикацію макаронъ, устройствомъ мельницы и кузницею, изготовляющею разныя вещи. Осмотрѣвши весь этажъ мастерскихъ, мы пошли въ другой корпусъ, гдѣ имѣютъ пріютъ поклонники. Принимаютъ ихъ на двѣ недѣли бесплатно съ самоваромъ и всѣмъ продовольствіемъ; 1-го и 2-го класса номера положительно барскіе, 3-го класса очень хорошіе, кровать, постельное бѣлье, все прилично и главное, что все даромъ; рядомъ общая трапеза, великолѣпно устроенная. Оттуда повели меня въ аптеку, въ которой по книгамъ видно, что каждый мѣсяцъ выдается бесплатно лѣкарствъ всѣмъ приходившимъ отъ 3 до 4.000 номеровъ. Больница также великолѣпно устроена для паломниковъ бесплатно; все сдѣлано съ любовью и со смысломъ.

Простившись со мною, отецъ Іосифъ, пригласилъ меня придти къ нему, когда захочу, чтобы сходить съ нимъ въ католическій женскій монастырь, а въ воскресенье пригласилъ придти къ обѣднѣ слушать замѣчательный органъ и хоровое пѣніе, обѣщалъ показать въ храмѣ Гроба Господня и ихъ ризницу, въ которой хранится много замѣчательныхъ вещей.

Ѣду завтра на Іорданъ вмѣстѣ съ игуменомъ отцемъ Пахоміемъ, который ѣдетъ съ турецкими властями для измѣренія мѣстности (?), такъ какъ султанъ разрѣшилъ монастырю св. Іоанна Крестителя имѣть свой маленькій пароходъ для слѣдованія по Іордану до Мертваго моря и Мертвымъ моремъ въ Тиверіаду и Назаретъ.

Сообщилъ Князь А. Дадіанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

дась, даже въ глазахъ императрицы Анны Иоанновны, опаснѣйшею претенденткою на престолъ. Непріязнь русскихъ правительственныхъ сферъ наглядно выражалась въ томъ обстоятельстве, что никто изъ русскихъ сановниковъ не являлся въ открытый домъ французскаго посланства. Все стало его избѣгать и ограничивались обѣдкомъ визитовъ и комплиментовъ съ французскими посланцами. Только когда маркизъ сталъ жаловаться графу Остерману на такое явное недружелюбіе лицъ высшаго петербургскаго общества, положеніе измѣнилось къ лучшему: на блестящіе обѣды и вечера во французскомъ посольствѣ стали ѣздить, но на откровенности съ посланцемъ никто не отваживался.

Во времена бироповщины и правленія принцессы Анны Леопольдовны маркизъ Шетарди игралъ при русскомъ дворѣ весьма опасную игру, вызванную прямыми предписаніями его правительства и отчасти оправдываемую положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Версальскій дворъ отлочно зналъ объ общей неапатности русскаго народа и войска къ временщику Бироу и къ правительству Аннѣ Леопольдовнѣ съ ея клепотами; онъ зналъ, что все надежды русскаго народа обращены на дочь преобранителя Россіи, царевну Елизавету Петровну, воярешин которой пламенно желали многочисленныя враги ивменской принцессы правительницы. Этими обстоятельствами желала воспользоваться Версальскій дворъ для сокрушенія въ Россіи «иностранной партіи», естественно склонявшейся къ союзу съ Австріей, и для оказанія помощи вѣковому союзнику Франціи — Швеціи. Въ виду этого, маркизу приказано было: вступити въ секретнѣйшіе переговоры съ принцессою Елизаветою Петровою и уговорити ее подписать тайное соглашеніе съ Швеціей.

Въ продолженіе всей первой половины 1741 г. онъ старался «подстрекнуть» великую княгиню Елизавету Петровну рѣшиться на совершеніе государственнаго переворота.

Въ ночь съ 6-го на 7-е декабря 1741 г. совершился давно ожидаемый государственный переворотъ: царевна Елизавета Петровна вступила на прародительскій престолъ. Маркизъ приписывалъ себѣ чуть не главную роль въ этомъ событіи. Въ своихъ донесеніяхъ Версальскому кабинету онъ рассказываетъ, что гренадеры-солдаты называли его «батьюшка», цѣловали ему руки и пришли его поздравити съ востановленіемъ на престолъ царевны. Онъ отдавалъ приказанія, кого арестовать изъ вѣстныхъ сановниковъ и какія принимать мѣры предосторожности. Въ дѣйствительности же домъ французскаго посланника былъ нагладу запертъ, все огни были погашены, и самъ маркизъ спрятался за занавѣску у окна, откуда онъ могъ видѣть, чрезъ скажину стаянъ, что происходило на улицѣ. Для Шетарди эта революція была сюрпризомъ: онъ ее такъ скоро не ожидалъ.

Въ виду настоятельныхъ предписаній изъ

Версаля и при полномъ заблужденіи насчетъ своего дѣйствительнаго положенія при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны, маркизъ продолжалъ назойливымъ образомъ требовать, чтобы миръ съ Швеціей былъ заключенъ при посредничествѣ Франціи и на условіяхъ, которыя она предложитъ Россіи. Ему было объявлено единогласное рѣшеніе совѣта русскихъ министровъ не дѣлать Швеціи никакихъ территориальныхъ уступокъ. Такой оборотъ дѣлъ долженъ былъ въ высшей степени раздражити маркиза, который сталъ открыто жаловаться на «черную поблагодарность» императрицы и ея приближенныхъ. Раздраженіе его дошло до того, что онъ сказалъ императрицѣ, что все ее обманываютъ и что ея министры — «негодяи и подлецы»; между тѣмъ онъ, Шетарди, рисковалъ своею жизнью для нея и много разъ подвергался изъ-за нея опасности потерять ноги и руки. Къ этому онъ прибавлялъ: «черезъ два мѣсяца ваше величество будете освобождены отъ моего присутствія». Императрица, естественно, стала избѣгать встрѣчъ съ французскимъ посланникомъ и стала отказывать ему въ просьбахъ объ аудіенціяхъ.

Наконецъ, самъ французскій король убѣдился въ бесполезности дальнѣйшаго пребыванія маркиза при русскомъ дворѣ и охотно исполнилъ его просьбу объ отозваніи. Въ іюнѣ 1742 г. Шетарди получилъ свою отъѣздную грамоту и сталъ готовиться къ отъѣзду. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ имѣлъ большую неосторожность писать своему двору донесенія, въ которыхъ личность, характеръ и образъ жизни императрицы подвергались вѣдкой критикѣ и злымъ пасажкамъ.

Очень интересна историческая очеркъ, въ которомъ изложена исторія участія Россіи въ заключеніи Версальскихъ мирныхъ трактатовъ 1788 г., которыми была признана политическая независимость Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Роль Россіи, въ качествѣ посредницы при заключеніи этихъ трактатовъ, была по настоящее время такъ мало известна, что она обыкновенно не считалась участницею въ этихъ международныхъ актахъ. Между тѣмъ Россія участвовала въ переговорахъ, приведшихъ къ миру, по просьбѣ всѣхъ военавшихъ державъ.

Съ воярешіемъ императора Александра I начинается новый фазисъ въ исторіи международныхъ сношеній Россіи и Франціи, центромъ которыхъ сдѣлалась гениальная личность Наполеона I.

Исторія мирнаго трактата 1806 г., подписаннаго Убри въ явное пренебреженіе своихъ полномочій, изложена Ф. Ф. Мартеномъ на основаніи архивныхъ источниковъ, вполнѣ обнаруживающихъ несомнѣнную олошность этого русскаго дипломата.

Заключаются этотъ томъ трактатами, подписанными въ 1807 году въ Тильзитѣ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала бесплатно.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIII-й.

СЕНТЯБРЬ.

1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Дубровина. 449—471	XII. 1838 годъ въ Петербургѣ. (По дневнику П. Г. Даво-ва). 635—650
II. Французскій іезуитъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи. П. Пирлинга. 473—483	XIII. Къ биографіи Н. В. Го-голя. Сообщ. В. Н. Ше-ро-ва. 651—652
III. Изъ разсказовъ А. О. Смир-новой о Н. В. Гоголь. Пав. Висковатова. 485—492	XIV. Записная книжка „Русской Старинѣ“: Исправленіе ко-ласски гр. Аракчеева (стр. 472).—Письмо А. Турге-нева—Павлу Александрови-чу Галазову объ изда-ніи книги М. М. Спера-нскаго «О подражаніи Хри-сту». 27-го марта 1823 г. (484).—Отказъ импера-тора Александра произне-сти въ коллежскіе ассес-соры безъ экзамена. Сооб-щилъ Н. Мураиновъ (598).—Камень съ при-родой начертанными изо-браженіями императрицы Екатерины II. Сообщилъ В. Н. Строровъ (614).—Рескриптъ императора Але-ксандра I графу Ростоп-чину по поводу письма его о слухахъ и безпо-рядкахъ въ провинціи. 2-го января 1807 года (634).
IV. Русская журналистика въ 1849—1874 гг. (Изъ бу-маги М. В. Андѣева). Сооб-щила К. Четверикова. 493—512	XV. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).
V. Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ. Д. Г. Анучина. 513—532	
VI. Великій князь Константинъ Павловичъ и его дворъ. (1810—1833). 533—546	
VII. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ и его патриоти-ческія стихотворенія. . . . 547—548	
VIII. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. 549—563	
IX. Дипломатическіе перего-воры передъ Восточною войною 1853—1856 гг. В. В. Тимошукъ. 569—597	
X. Фотій и гр. А. Орлова-Чесменская. (По подлин-нымъ неиздан. письмамъ). А. Слезкинскаго. 599—613	
XI. Изъ переписки М. Н. За-госкина: VIII. Письма раз-ныхъ лицъ. Сообщ. Н. А. Вычковъ. 615—633	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ Н. А. Вычковъ.
2) Портретъ Михаила Васильевича Авдѣева.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольная Подъячская, № 39.
1902.

IX-я книга „Русской Старинѣ“ вышла 1-го сентября 1902 года.

Бібліографическій листокъ.

Къ столѣттю Комитета Министровъ (1802—1902). Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Томъ второй. Часть I-я. Комитетъ Министровъ въ царствованіе императора Николая Перваго (1825 г. ноября 20—1855 г. февраля 18). Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе Канцеляріи Комитета Министровъ С. П. Б. 1902 г.

Второй томъ разсматриваемаго нами труда С. М. Середонина заключаетъ въ себѣ обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ за время царствованія императора Николая Павловича.

Съ самаго начала царствованія дѣла законодательнаго характера изъяты были изъ вѣдѣнія Комитета, по это обстоятельство не умалило значенія Комитета и не уменьшило интереса дѣлъ, разсмотрѣнныхъ и принятыхъ имъ.

Въ глазахъ императора Николая I Комитетъ Министровъ былъ такимъ же совѣщательнымъ при немъ учрежденіемъ, какимъ былъ при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, и пользовался особымъ его довѣріемъ; поэтому сначала на меморіяхъ, а съ 1830 г. на журналахъ Комитета находится очень много резолюцій императора Николая I, самая форма которыхъ часто указываетъ на характеръ отношеній императора къ Комитету; резолюціи эти, даныя по всевозможнымъ вопросамъ тогдашней жизни, позволяютъ вполнѣ возстановить нравственный обликъ этого монарха, его понятія, желанія, требованія и надежды.

Мы приведемъ нѣсколько такихъ резолюцій. Напр., по дѣлу объ утвержденіи завіщанія жены генерала Гаевского въ журналѣ былъ упомянутъ генераль-маіоръ М. Ф. Орловъ; государь написалъ: «г. м. Орлова нѣтъ, ибо онъ отставленъ по приговору верховнаго уголовного суда; стало, писать его должно отетавнымъ». Одинъ журналъ былъ доставленъ государю днемъ раньше, чѣмъ слѣдовало; Николай I написалъ: «Зачѣмъ мнѣ присланы въ Четвергъ и прямо въ комнату, тогда какъ должно было прислать въ Пятницу по утру и чрезъ мою канцелярію?» Еще въ 1829 г., когда Николай Павловичъ подошелъ былъ медленнымъ ходомъ дѣлъ по Комитету, онъ приказалъ въ журналѣ 14-го мая этого года: «отнынѣ впередъ противъ каждой статьи подъ опредѣленіемъ Комитета отъбчать, котораго числа дѣло поступило въ Комитетъ». На другомъ журналѣ онъ приказалъ: «богохульнымъ словомъ впередъ никогда не помѣщать въ меморіи и оговаривать просто, что подсудимый употребилъ богохульственные слова».

Помѣты государя очень часто относились и къ содержанію журналовъ; такія помѣты обыкновенно встрѣчаются на отчетахъ сенаторовъ, губернаторовъ и другихъ лицъ; напр., на отчетѣ члена Государственнаго Совѣта Анненкова объ управленіи Сибири, противъ мѣста отчета, гдѣ говорится, что Анненковъ встрѣчалъ въ Сибири женщинъ, сосланныхъ

туда за бродяжничество и клеветныхъ,—государь пишетъ: «Какъ это! послѣдовать», или объ арестахъ, ошибочно отправленныхъ въ Сибирь и оттуда отсылаемыхъ на мѣсто назначенія, въ Бобруйскъ,—«повѣрить нельзя!»; о женщинахъ, осужденныхъ въ каторжную работу въ рудникахъ и крѣпостяхъ,—«спешивѣрно!!!»; объ обращеніи личной повинности въ денежную,—«справедливо». Нѣсколько крестьянъ, прикосновенныхъ къ дѣлу объ убійствѣ и ограбленіи одного крестьянина и его работника, приговорены были Сенатомъ къ тѣлесному наказанію; изъ нихъ четверо оказались виновными въ лиходѣльствѣ, а одинъ въ лихоимствѣ, и за это были уже наказаны плетью канцелярію Колывано-Воскресенскаго завода. Сенатъ положилъ прибавить имъ еще по 20 ударовъ плетей каждому, съ чѣмъ согласился и Комитетъ. Государь написалъ: «И на это не согласенъ, потому что съ одного поля двухъ шкуръ не дерутъ, а сдѣлать строгій выговоръ канцеляріи Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства за самоуправство». Казачка Куликова, не смотря на свою берменность, бросилась въ Донъ и спасла тонувшаго мальчика. Государь повелѣлъ: «дать золотую медаль и тысячу рублей и сверхъ того похвальный сей поступокъ публиковать во всѣхъ вѣдомостяхъ. Если родитъ сына, воспитать на казенный счетъ, гдѣ мать пожелаетъ; а если родитъ дочь, то дать тысячу рублей въ приданое со дня рожденія. Сверхъ того хочу знать, отчето такъ поздно о томъ доносится» (случилось въ юлѣ 1826 г., записано въ меморіи 5-го ноября 1827 г.).

Всѣ такія помѣты сообщались лицамъ и учрежденіямъ по принадлежности и служили основаніемъ какъ для новыхъ предложеній, сообразныхъ съ высочайшею волею, выраженною въ помѣтѣ, такъ и для дополнительныхъ донесеній и расслѣдованій.

Эпоха императора Николая I,—говоритъ г. Середонинъ,—тѣмъ существенно отличается отъ эпохъ, какъ предыдущей—императора Александра I, такъ и послѣдующей—императора Александра II, что въ продолженіе ея правительство стремилось улучшить положеніе государства и народа не столько общими реформами, сколько постоянными, во частными мѣрами, вводимыми къ тому же въ жизнь перѣдко въ видѣ временныхъ правилъ; большая часть такого рода дѣлъ проходила чрезъ Комитетъ Министровъ. Такими многочисленными измѣненіями въ положеніи сословій, различными попытками поставитъ тверже продовольственное дѣло,—организацией ли общественныхъ работъ, устройствомъ ли общественныхъ заштаткѣ; такъ разнообразныя измѣненія въ устройствѣ дорожной и почтовой повинностей, равно какъ въ устройствѣ откупной системы, столь сильно повлиявшей на всѣ тогдашнія отношенія.

Измѣненія въ устройствѣ Комитета начались тотчасъ по смерти его основателя: уже 10-го декабря 1825 г. графъ Аракчеевъ уво-

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
АВДѢЕВЪ.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XX ¹⁾.

Дѣятельность Варшавскаго Общества любителей наукъ.—Мѣры, принятія императоромъ Александромъ I для привлеченія поляковъ на свою сторону.—Инструкція князю Чарторыйскому и переписка съ нимъ.—Предположеніе императора Александра возстановить Польшу и принять титулъ короля Польскаго.—Признаніе княземъ Чарторыйскимъ плана этого неосуществимымъ.—Просьба его о пособіи.—Перемѣна въ его взглядахъ.—Назначеніе барона Бяньона французскимъ агентомъ въ Варшаву.—Инструкція, ему данная.—Увѣренія Наполеона, что онъ не желаетъ ни возстановленія Польши, ни войны съ Россією.

еустройства въ Литвѣ, о которыхъ писалъ князь Чарторыйскій императору Александру, преувеличиваемыя поляками, и интриги, исходившія изъ герцогства Варшавскаго, возбуждали неудовольствіе и нерасположеніе къ русскому правительству. Варшавское Общество любителей наукъ всѣми силами старалось поддержать такое настроеніе населенія Западныхъ губерній Россіи. Не имѣя теперь нужды скрывать свои политическія цѣли, Общество постановило въ торжественныхъ собраніяхъ произносить и печатать похвальныя рѣчи въ честь своихъ членовъ и вообще соотечественниковъ, отличившихся на разныхъ поприщахъ дѣятельности. Такъ графъ Станиславъ Потоцкій, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, произнесъ рѣчь въ память и прославленіе храбрыхъ поляковъ, убитыхъ въ войну съ Австрією въ 1809 году.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1902 г., августъ.

22-го іюня того же 1809 года графъ Феликсъ Лубенскій въ своей рѣчи выразилъ похвалу Обществу любителей наукъ и рядомъ съ этимъ порицаніе прусскому правительству, въ той части Польши, которая находилась подъ его властію.

— Будущіе роды,—сказалъ онъ,—удивятся твердому народному духу поляковъ, когда всѣ старанія были употреблены къ тому, чтобы его уничтожить; чтобы преобразовать насъ въ другой народъ и истребить не только передаваемую наслѣдникамъ нашимъ память объ ихъ предкахъ, но самый нашъ языкъ. Такая жестокость, неслыханная въ лѣтописяхъ міра, противная всѣмъ нравственнымъ чувствамъ, встрѣтила истинныхъ защитниковъ отечества въ васъ, ученые поляки, составляющіе это отечественное сословіе. Нынѣшняя народность наша сохраненіемъ своимъ обязана вамъ столько же, какъ и героямъ, доказавшимъ ее подвигами храбрости. Тогда какъ они въ разныхъ отдаленныхъ краяхъ прославляли имя и заявляли о существованіи поляка, вы, среди роднаго народа, съ мужествомъ, равнымъ ихъ мужеству, охраняли бытіе отчизны. Тогда предсѣдатель Албертранди, Чацкій, Колонтай, Оссолинскій, Пржимовскій, Богущъ, Сѣраковский, Суравецкій и другіе, отыскиваніемъ въ лѣтописяхъ достопамятныхъ дѣяній поляковъ, утверждали въ сердцахъ поляка чувства народнаго достоинства. Тогда Сташицемъ объяснены свойства отечественной почвы и физическія перемѣны, происшедшія въ продолженіе вѣковъ на семъ великомъ позорищѣ доблестныхъ дѣлъ праотцевъ нашихъ. Тогда Нѣмцевичъ воспѣвалъ плачевныя пѣсни роднаго ему народа надъ гробомъ отечества; тогда Вороничъ почерпалъ изъ минувшихъ вѣковъ вдохновенныя предсказанія, подкрѣплявшія надежды наши. Все это дѣлалось не смотря на строгое за нами наблюденіе враговъ, неблагопріятствующихъ нашей народной славі и не безъ явной опасности, которой, однакожъ, не боялась подвергать себя добродѣтели поляковъ.

Высказавъ похвалы и другимъ членамъ Общества наукъ, ученымъ и художникамъ, труды которыхъ служили къ усиленію національнаго чувства, графъ Лубенскій такъ закончилъ свою рѣчь:

— Я не имѣю возможности изобразить всѣхъ совершенныхъ или по крайней мѣрѣ начатыхъ дѣлъ и наименовать какъ всѣхъ членовъ Общества, оказавшихъ наукамъ и отечеству услуги, такъ равно о тѣхъ, которые соревновали имъ въ семъ благородномъ предпріятіи. Духъ нашего Общества сдѣлался, въ короткое время, духомъ всѣхъ людей съ талантами: онъ служить выраженіемъ всеобщаго національнаго чувства.

Подобныя рѣчи и вообще дѣятельность Общества любителей наукъ увлекала поляковъ и вызывала ихъ благодарность.

«Отдѣленный дальними предѣлами государства,—писалъ волынскій

помѣщикъ графъ Иванъ Тарновскій председателю Общества Сташицу ¹⁾), — а съ удовольствіемъ и удивленіемъ смотрѣлъ на усилія моихъ собратьевъ, изъ коихъ одни старались сохранить языкъ и духъ народный, другіе стремились обрѣсти на поприщѣ славы прежнее отечество. Наконецъ, наступило то время, когда на могилахъ Обертина и на поляхъ подъ Тарновомъ воскрешена память вѣка Сигизмундовъ: тогда я не могъ остаться празднымъ свидѣтелемъ такихъ благородныхъ усилій и прибылъ сюда со множествомъ юношей изъ земли братьевъ, кои ступутъ подъ чужимъ владычествомъ насилія».

Получивъ это письмо и желая имѣть еще одного горячаго дѣятеля въ русскихъ владѣніяхъ, Общество любителей наукъ поторопилось избрать графа Тарновскаго въ свои члены. Благодаря за избраніе, онъ писалъ ²⁾), что Общество, содѣйствуя сохраненію языка «въ несчастнѣйшую эпоху уничтоженія польскаго имени, приготовило свѣтлые дни возрожденія поляковъ, распространило любовь къ наукамъ и стараніе о сохраненіи отечественной славы и народныхъ памятниковъ».

Вообще Общество имѣло большое вліяніе на поляковъ нашихъ западныхъ губерній ³⁾).

Впрочемъ, не одними рѣчами Общество наукъ стремилось возбудить патріотическое настроеніе. Въ дѣлахъ его сохранились стихи перваго его председателя епископа Албертранди, въ которыхъ онъ, осмѣливая сперва союзъ Россіи съ Австрією, потомъ Россіи съ Пруссією, превозноситъ могущество и побѣды Наполеона и называетъ

¹⁾ Отъ 4-го марта 1810 г. Взглядъ на дѣйствія бывшаго Варшавскаго общества любителей наукъ (рукопись).

²⁾ Отъ 18-го января 1811 года, тамъ же.

³⁾ Въ 1812 году помѣщикъ Кіевской губерніи графъ Венцеславъ Ржевускій издалъ книгу: „Les mines d'Orient“; посылая ее Варшавскому обществу, онъ писалъ 29-го октября 1811 г.: „Вы, которые рѣшились первые сохранить въ языкѣ и наукахъ остатки отечества; вы, которые пеклись о томъ, чтобы во время разрушенія отечества не утратить славы предковъ и распространить просвѣщеніе—будьте судьями моего предпріятія“.

Въ мартѣ 1812 года въ Обществѣ обсуждался присланный Чацкимъ проектъ устава для Кіевской гимназіи. Чацкій находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Обществомъ: присылалъ ему на разсмотрѣніе не только проекты уставовъ для учебныхъ заведеній въ присоединенныхъ отъ Польши губерній, но и всѣ свои предположенія, клонившіяся къ сохраненію польскаго языка и памяти гражданскихъ и семейныхъ добродѣтелей предковъ.— Въ 1814 году, по возвращеніи въ Варшаву графа Викентія Красинскаго, Общество наукъ встрѣтило его, какъ своего члена, привѣтственною похвальною рѣчью. Красинскій отвѣчалъ, что дѣятельность Общества настолько плодотворна, что если бы къ несчастію погибло отечество, то онъ нашелъ бы его въ семъ Обществѣ.

Австрію несчастною, Пруссію—хищною, а русскихъ—кровожадными дикарями и отсылаетъ ихъ на холодный Сѣверъ и въ степи.

Членъ Общества Суровецкій пошелъ еще далѣе. Онъ подалъ председателю Сташицу проектъ выбитія медали въ память паденія и возстановленія Польши. Онъ предлагалъ поражаемую Св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ змѣю превратить въ изображеніе Россіи и представить ее гидрою о трехъ головахъ, поражаемыхъ на Дунаѣ, Эльбѣ и Вислѣ громами Французскаго орла. Къ этому орлу, по его призыву, прилетаетъ польскій Бѣлый орелъ съ намѣреніемъ раздавить сію гидру (Россію), уже выпускающую въ судорожныхъ движеніяхъ гербъ Литвы, который она прежде сильно придерживала ногою. Наконецъ, Нѣмцевичъ представилъ Обществу для изданія свои «Литовскія письма», написанныя въ духѣ враждебномъ Россіи.

Все это горячало, живо и возбуждало поляковъ нашихъ Западныхъ губерній. Они, въ особенности привилегированное сословіе, приготавливались ко всеобщему движенію. Орудіемъ для исполненія своихъ замысловъ польскіе паны употребляли іезуитовъ, ксендзовъ и женщинъ, всегда слѣдовавшихъ во главѣ политическихъ движеній. Подъ вліяніемъ ихъ явились восторженные патріоты, говорившіе пламенные рѣчи. Общее настроеніе выразилось прежде всего тѣмъ, что многіе надѣли конфедератки и красныя шапки, воздавая тѣмъ честь цвѣту, носимому бывшими польскими королями.

Такое положеніе дѣлъ и полученныя извѣстія, что Наполеонъ въ тайнѣ готовится къ военнымъ дѣйствіямъ, заставили императора Александра сдѣлать новую попытку къ привлеченію поляковъ на свою сторону.

«Настоящія обстоятельства, — писалъ онъ князю Чарторыйскому¹⁾, — кажутся мнѣ весьма важными. Мнѣ кажется, пришла минута доказать полякамъ, что Россія не есть ихъ врагъ, но скорѣе ихъ истинный, естественный другъ; что не смотря на то, что имъ представляютъ Россію какъ единственное препятствіе, существующее къ возстановленію Польши, нѣтъ напротивъ невѣроятности въ томъ, чтобы именно она-то его не осуществила. То, что я вамъ говорю, быть можетъ, удивить васъ; но повторяю, что ничто не можетъ быть вѣроятнѣе, и обстоятельства кажутся мнѣ изъ самыхъ благопріятныхъ для развитія мысли, которая прежде была моею любимою мыслию, которую я два раза долженъ былъ отсрочить подъ давленіемъ обстоятельствъ, но которая, тѣмъ не менѣе, запала мнѣ въ душу. Никогда не представлялось къ тому болѣе удобной минуты».

¹⁾ Въ письмѣ отъ 25-го декабря 1810 г. „Русскій Арх.“ 1871 г., т. I, стр. 792—797.

Но прежде чѣмъ высказываться опредѣленно, Александръ просилъ князя Чарторыйскаго доставить ему самыя подробныя свѣдѣнія: о настроеніи умовъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, о томъ, присоединятся ли поляки къ той державѣ, которая пожелала бы войти въ ихъ интересы съ искреннимъ сочувствіемъ и содѣйствовала бы возрожденію ихъ отечества, или же существуетъ въ этомъ отношеніи разномысліе и нельзя рассчитывать на единодушіе и желаніе «поспѣшно схватиться за первый случай, который имъ представится къ восстановленію Польши?»

Александръ желалъ знать, какія партіи существуютъ въ герцогствѣ, кто станетъ во главѣ ихъ? единодушна ли армія и кто именно имѣетъ на нее вліяніе? «Таковы важнѣйшіе изъ вопросовъ,—прибавлялъ императоръ,—которые считаю нужнымъ предложить вамъ въ эту минуту. Какъ только я получу ваши отвѣты, я еще болѣе открою съ передъ вами.

«Что касается до этого письма, то если вы подумаете, что оно написано для того, чтобы вліять на умы и быть распространеннымъ подъ рукою, то вы совершенно не достигнете цѣли, которую я себѣ поставилъ, и на счетъ его содержанія должна быть соблюдена ненарушимая тайна. Полагаю, что достаточно знаю ваши ко мнѣ чувства, чтобы съ довѣріемъ положиться на вашу осторожность. Впрочемъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ долженъ интересоватъ васъ для того, чтобы я не былъ увѣренъ въ стараніи, которое вы приложите къ тому, чтобы не испортить дѣла, которому ваша родина будетъ обязана своимъ возрожденіемъ, Европа—своимъ избавленіемъ, а вы лично—славою и наслажденіемъ, которыя принесетъ вамъ содѣйствіе оному, чѣмъ вы докажете, что все ваше личное поведеніе было послѣдовательно и что тѣ изъ вашихъ, которые рассчитывали на васъ въ прежнее время, не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Если вы мнѣ поможете, и если свѣдѣнія, которыя вы сообщите мнѣ, будутъ такого свойства, что подадутъ мнѣ надежду на единодушное содѣйствіе варшавцевъ, въ особенности въ арміи къ восстановленію ихъ родины, откуда бы ни пришла помощь, такомъ случаѣ успѣхъ, съ Божіею помощію, не подлежитъ сомнѣнію: ибо онъ основанъ не на надеждѣ найти противовѣсъ талантамъ Наполеона, но единственно на недостаткѣ силъ, коимъ онъ будетъ страдать, въ сочетаніи со всеобщимъ ожесточеніемъ умовъ противъ него во всей Германіи.

«Вотъ, что я имѣлъ вамъ сказать. Обдумайте хладнокровно всю важность моихъ сообщеній. Подобная минута не повторяется; всякая другая комбинація приведетъ лишь къ безконечной борьбѣ, на жизнь и смерть, между Россіею и Франціею, борьбѣ, поприщемъ которой будетъ ваша несчастная родина. И такъ какъ поддержка, на которую начнутъ рассчитывать поляки, связана лишь съ личностью Наполеона, который

однако невѣченъ, то въ случаѣ перемѣны личности произошли бы гибельныя для Польши послѣдствія, между тѣмъ какъ существованіе вашей родины будетъ упрочено немедленно, когда сочетаніемъ Россіи съ державами, которыя немедленно къ ней присоединятся, нравственная сила Франціи будетъ опрокинута и Европа освобождена отъ ея ига».

Давая Чарторыйскому указанія, что желаемыя свѣдѣнія могутъ быть собраны путемъ разговоровъ съ вліятельными лицами, истинными патриотами и, наконецъ, какъ предполагалъ и самъ Чарторыйскій поѣздкою, подъ предлогомъ отпуска и лѣченія болѣзни, въ Варшаву, императоръ Александръ набросалъ ему собственноручно инструкцію на этотъ случай,—подъ заглавіемъ: «Мѣры, относящіяся до поляковъ». Въ инструкціи этой было сказано ¹⁾:

- «1) Во всю поѣздку стараться привлечь ихъ къ себѣ; для сего
- 2) Приглашать ихъ къ себѣ на обѣды, входить съ ними въ разговоры о ихъ положеніи, о желаніи правительства (русскаго) всѣми способами оное улучшить. Сравнивать оное съ положеніемъ Варшавскаго герцогства, воелить въ нихъ мечту о присоединеніи оного нѣкогда къ Россіи. Возбуждать въ нихъ недовѣріе къ Франціи и къ пустымъ ея обольщеніямъ;
- 3) Посѣщать нѣкоторыхъ изъ болѣе значущихъ;
- 4) Сыновей помѣщать въ Пажескій корпусъ, взрослыхъ же ко двору, въ войска, къ дѣламъ гражданскимъ и проч.;
- 5) Найти способъ помѣстить нѣкоторыхъ въ чиновники по руссійскимъ губерніямъ;
- 6) На границѣ приглашать и угощать варшавскихъ генераловъ и офицеровъ, увѣряя ихъ въ добрыхъ расположеніяхъ правительства (русскаго) къ ихъ существованію;
- 7) Если будетъ способъ увидѣться съ Понятовскимъ, то
- 8) Попытаться надъ нимъ, взойдя съ нимъ въ разсужденіе о трудности возобновленія Польши посредствомъ Франціи, о жестокой войнѣ, изъ сего имѣющей неминуемо послѣдовать, о разореніи всего края и о жестокихъ способахъ, которые Россія принуждена будетъ принять въ свою защиту; напротивъ того,
- 9) Если поляки предадутся Россіи, то существованіе ихъ не сумнительно. Силы соединенныя Россіи съ герцогствомъ Варшавскимъ,—и Пруссія, конечно, будутъ содѣйствовать,—достаточны противустать Франціи. Умы же Германіи такъ раздражены противъ Наполеона, что они ожидаютъ единственно удобнаго случая возстать противу его. Тогда

¹⁾ Черновая написана собственноручно Александромъ карандашемъ и хранится въ архивѣ Собственной Его Величества бібліотеки, шк. 113, полка 4, въ дѣлѣ подъ заглавіемъ: „Correspondance de S. M. l'Empereur Alexandre I avec le prince Adam Czartoryski“.

картина Европы совсѣмъ перемѣнится: Франція теряетъ ту моральную силу, которой она болѣе владѣла надъ Европою, нежели силою военною.

«Польша восстанавливается съ присоединеніемъ ея къ Россіи. Австрія вознаграждается Валахією, частью Молдавіи и своими старыми владѣніями, какъ-то: Далмацією, Венецією, частью Италіи и Тиролемъ.

«Пруссія можетъ получить отъ Вестфальскаго королевства; Баварія въ замѣну Тироля—Кассель.

«Не позволительно ли даже надѣяться, что когда согласіе между Россією и герцогствомъ Варшавскимъ будетъ тѣсно утверждено, что Австрія, бывъ объ этомъ извѣщена, приступитъ съ своей стороны къ содѣйствію. Можетъ быть, Баварія и Виртембергъ послѣдуютъ сему же примѣру. Но даже если сіи двѣ послѣднія державы согласятся единственно на совершенное бездѣйствіе, то и сего уже довольно, дабы привести Францію въ самое опасное положеніе. Извѣстно, что французскихъ войскъ болѣе 60.000 не имѣется въ Германіи и Голландіи. Бывъ внезапно атакованы, потерявъ своихъ союзниковъ, можно надѣяться, что успѣхъ будетъ совершененъ.

10) Если сіи и подобныя разсужденія потрясутъ мнѣніе князя Понятовскаго и будутъ имъ приняты, то

11) Приготовить бумага по сему и согласиться съ нимъ о дѣйствіяхъ;

12) Взойти немедленно въ сношеніе съ Австрією и Пруссією черезъ письма къ государямъ обѣихъ сихъ державъ».

Къ этой соблазнительной инструкціи императоръ Александръ прибавлялъ въ письмѣ князю Чарторыйскому отъ 25-го декабря: «Вотъ минута, въ которую вы въ первый разъ можете сослужить вашей родинѣ дѣйствительную службу. Ожидаю вашего отвѣта съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ. Для того, чтобы не возбудить толковъ, вы можете послать его въ Пулавы, черезъ нарочнаго въ Брестъ, адресуя его гродненскому губернатору Ланскому, который получитъ приказаніе позаботиться о пересылкѣ всего, что отъ васъ прибудетъ; или же всякимъ инымъ путемъ, который вы сочтете наиболѣе вѣрнымъ. Весь вашъ сердцемъ и душою.

«Тысячу привѣтовъ вашимъ родителямъ и сестрамъ, а также вашему брату».

Чарторыйскій отвѣчалъ¹⁾, что Александръ «въ письмѣ своемъ, столь же хорошо написанномъ, какъ и придуманномъ», уже столь мудро разобралъ общій вопросъ, ихъ занимающій, что ему остается только отвѣчать на заданные вопросы. «Въ обществѣ и арміи,—говорилъ онъ,—господствуетъ единодушіе въ намѣреніяхъ и цѣляхъ, т. е.

¹⁾ Въ письмѣ 18-го (30-го) января 1811 г. „Русскій Архивъ“ 1871 г., т. I, стр. 798.

въ возстановленіи Польши, соединеніи всѣхъ ея частей воедино, подѣ національнымъ и конституціоннымъ правительствомъ; что для этой цѣли поляки охотно пойдутъ за тѣмъ, кто дастъ имъ прочную увѣренность и обезпечитъ болѣе въ успѣхѣ, чѣмъ представляется настоящая ихъ связь съ Франціею».

Сдѣлать это, по мнѣнію Чарторыйскаго, было однако же довольно трудно потому, что Наполеонъ успѣлъ увѣрить поляковъ, что только безусловная невозможность, а не недостатокъ доброй воли, помѣшала ему возродить ихъ отечество и что при первой войнѣ съ Россіею Польша будетъ возстановлена.—Къ этой увѣренности присоединялась и благодарность поляковъ Наполеону за то, что онъ уже для нихъ сдѣлалъ; за ту долю самостоятельности, которую онъ создалъ, которая хотя не прочна, если ничѣмъ не будетъ дополнена, однако, считается первымъ и весьма важнымъ шагомъ.

По мнѣнію князя Чарторыйскаго, едва-ли поляки обратятъ оружіе противъ Наполеона еще и потому, что между польскими и французскими войсками возстановилось братство по оружію; что французы всегда считались друзьями поляковъ, а русскіе напротивъ,—злѣйшіе ихъ враги, какъ по политикѣ, такъ и по личной ненависти. Для того, чтобы побѣдить такіа трудности, необходимо привести въ дѣйствіе весьма сильныя побужденія и средства.

«Конституція, законы,—писалъ Чарторыйскій,—и правительство независимые, всѣ должностныя лица изъ туземцевъ и національное войско кажутся мнѣ поэтому необходимыми предварительными условіями, ибо все это суть преимущества, коими уже пользуется герцогство, и наиболѣе дорожить вся нація. Мысль объ иностранномъ управленіи, которое не имѣетъ ни привязанности, ни доброжелательства къ управляемымъ, всегда обращается съ ними, какъ побѣдитель съ побѣжденными, которое по необходимости надменно и привязчиво,—эта мысль самая несносная для поляковъ, какъ и для всякаго другаго народа».

Характеризуя такъ русское правительство и отношенія поляковъ къ Россіи, князь Чарторыйскій прибавлялъ, что если бы ко всѣмъ его требованіямъ было обѣщано значительное увеличеніе благосостоянія, которое было бы признано варшавскимъ правительствомъ, арміею и всею націею, «то мнѣ кажется, что три слѣдующіе пункта были бы всего способнѣе произвести желаемое дѣйствіе: 1) Конституція 3-го мая 1791 г. запечатлѣна неизгладимыми чертами въ сердцахъ всѣхъ поляковъ. Провозгласивъ ее, можно было бы ожидать объединенія всѣхъ желаній. 2) Соединеніе всего, что есть Польша, подѣ однимъ скипетромъ, для того чтобы положить конецъ тому печальному положенію вещей, при которомъ родственники, братья, люди, которые не могутъ не считать себя согражданами, одно и то же лицо, когда оно имѣетъ

помѣстья въ разныхъ владѣніяхъ, отчуждаются другъ отъ друга и отъ самихъ себя, будучи вынуждены повиноваться разнымъ государямъ, исполнять противорѣчивыя обязанности и, принадлежа къ одному народу, къ одному семейству, однако, разлучены болѣе чѣмъ жестоко, чѣмъ если бы ихъ раздѣляли моря или горы. Повѣрьте, государь, что подать полякамъ другихъ странъ надежду на воссоединеніе и на общее обезпеченіе ихъ участи есть средство наиболѣе способное подѣйствовать на настроеніе поляковъ въ герцогствѣ. 3) Открыть и обезпечить пути для торговли, безъ которой эта страна, при теперешнемъ ея истощеніи, никогда не можетъ подняться.

«Когда хочешь результатовъ,—прибавляетъ наставительно князь Чарторыйскій,—надо хотѣть и средствъ, и эти средства могутъ быть дѣйствительны лишь тогда, когда они указаны знаніемъ цѣли, къ коей должны они вести. Тѣ, которые хотятъ извлечь изъ поляковъ возможную пользу, должны удовлетворить единодушному желанію, которое не перестаетъ одушевлять эту націю и сдѣлалось еще пламеннѣе отъ ея прошлыхъ несчастій и нѣкоторыхъ недавнихъ успѣховъ. Съ этою націею слѣдуетъ обращаться великодушно и честно, ибо поляки, при несомнѣнныхъ недостаткахъ, одарены всѣми великими качествами, зависящими отъ сердца и воображенія. Они способны цѣнить и заслуживать самый великодушный образъ дѣйствій. Чѣмъ больше имъ будетъ оказано довѣрія, тѣмъ болѣе можно будетъ на нихъ положиться. Чѣмъ болѣе имъ сдѣлано будетъ добра, тѣмъ способнѣе будутъ они на самопожертвованіе въ пользу своего благодѣтеля. Для того, чтобы привязать къ себѣ поляковъ, слѣдовало бы обращаться съ ними, какъ съ націею, отъ которой ожидаешь великихъ, немедленныхъ услугъ и которой въ будущемъ имѣеть быть ввѣрена защита передовой пограничной линіи Имперіи.

«Однимъ словомъ, это дѣло не легкое. Не полумѣрами, не полупризнаніями можно надѣяться превратить вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, недовѣріе и ненависть въ энтузіазмъ и привязанность».

Пользуясь заявленіемъ императора Александра открыться еще болѣе въ будущемъ, князь Чарторыйскій настаивалъ, чтобы государь сдѣлалъ это теперь.

— Мнѣ необходимо,—говорилъ онъ,—прерывать молчаніе, ибо если я буду все держать про себя, мнѣ нельзя будетъ присовокупить ничего къ гадательнымъ разсужденіямъ моего нынѣшняго письма. Мнѣ очень жаль, что ваше величество не сообщили мнѣ съ болѣею полнотою подробности вашего плана, хочу сказать тѣхъ выгодъ, на которыя могутъ рассчитывать поляки, того способа, которымъ осуществится дѣло; ибо въ виду болѣе положительныхъ данныхъ я могъ бы

и отвѣтить вамъ съ болѣею увѣренностію. Быть можетъ, эти подробности могли бы снабдить меня непобѣдимыми доводами для убѣжденія тѣхъ, которымъ придется выбирать между согласіемъ и отказомъ. Во всякомъ случаѣ, лишь ясно выраженные и обеспеченныя условія могли бы разсѣять сомнѣнія и быстро привести къ окончательному отвѣту.

«Соблаговолите, государь, вспомнить,—прибавляетъ онъ,—что соединеніе всѣхъ частей Польши есть одно изъ необходимѣйшихъ условій для покоренія общественнаго мнѣнія въ герцогствѣ, и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ, въ свое время, вспомнить и объ остальной Галиціи. Чтобы это дѣло пришло къ счастливому концу, желательно, чтобы все было предвидѣно заранѣе, условлено и обеспечено, чтобы Польша знала положительно, чего можетъ она ожидать отъ вашего величества и чтобы ваше величество, съ вашей стороны, знали, чего можете вы требовать отъ поляковъ, такъ, чтобы во всемъ этомъ не было ни обмана, ни разочарованія съ той или другой стороны. Вообще, для того, чтобы привлечь умы, слѣдовало бы придать дѣлу форму самую искреннюю. Что касается меня лично, то, если благодѣтельныя намѣренія вашего величества относительно Польши не смогутъ осуществиться, и если ваша политика потребуетъ, чтобы вы отнеслись къ этой странѣ съ суровостію врага, то вы легко поймете, сколь мало, при этомъ жестокомъ предположеніи, я могу быть вамъ полезнымъ, и какъ долженъ я буду желать удаленія отъ службы странѣ, даже невольно довершающей гибель моей родины. Съ другой стороны, если планъ вашего величества удастся, то мнѣ кажется, что я сослужу лучшую службу общему дѣлу, въ качествѣ поляка, чѣмъ въ качествѣ лица, состоящаго на русской службѣ».

На это рѣзкое письмо Александръ отвѣчалъ Чарторыйскому ¹⁾:

«Трудности, представляемыя вами, весьма значительны, сознаюсь въ томъ; но такъ какъ я ихъ по большей части предвидѣлъ, и имѣются въ виду столь важные результаты, то остановиться на поль-пути было бы всего хуже. Вдумываясь старательно въ ваши письма, я счелъ себя въ правѣ вывести изъ сего относительно вашихъ воззрѣній слѣдующія главныя заключенія:

«1) Неувѣренность съ вашей стороны насчетъ той державы, которою должно совершиться возстановленіе Польши.

«2) Такая же неувѣренность въ самомъ свойствѣ этого возрожденія и боязнь, чтобы не воспротивились сліянію воедино всего того, что прежде составляло Польшу.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 31-го января 1811 г. „Русскій Архивъ“ 1871 г., т. I, стр. 815.

«3) Необходимость предложить полякамъ, чтобы привлечь ихъ на свою сторону, увѣренность въ положеніи вещей лучшемъ, чѣмъ настояшее.

«Все это пункты, на которые считаю нужнымъ отвѣчать прежде всего, предоставляя себѣ коснуться остальныхъ въ продолженіе этого письма.

«1) Держава, о которой я говорилъ, которая хочетъ взять на себя возрожденіе Польши, есть Россія.

«2) Подъ этимъ возрожденіемъ разумѣю соединеніе всего того, что прежде составляло Польшу со включеніемъ русскихъ областей, за изъятіемъ Бѣлоруссіи, такъ чтобы границами были Двина, Березина и Днѣпръ.

«3) Чиновники правительства, власти гражданскія, такъ же, какъ и армія, должны быть національно-польскія.

«4) Не помню хорошо конституціи 3-го мая, не могу рѣшить ничего, не издавши ея и прошу васъ ее мнѣ прислать. Во всякомъ случаѣ предполагается конституція либеральная, которая могла бы удовлетворить желаніямъ жителей.

«5) Чтобы доказать искренность моихъ предложеній, всему должно предшествовать провозглашеніе возстановленія Польши, и этимъ дѣломъ должно начаться осуществленіе плана.

«6) Но эти результаты я предлагаю подъ слѣдующими условіями *sine qua non*:

«а) чтобы Польское королевство навсегда было присоединено къ Россіи, императоръ коей впредь будетъ носить титулъ императора Россіи и короля Польши.

«б) Формальное и положительное удостовѣреніе въ единодушій жителей герцогства относительно достиженія этого результата, которое должно быть скрѣплено подписью лицъ наиболѣе вліятельныхъ».

Александръ говорилъ, что для него одно затрудненіе представляетъ Галиція, принадлежащая Австріи, которую необходимо шадить и ни въ чемъ съ нею не сталкиваться. «Въ этихъ видахъ я рѣшился предложить ей Валахію и Молдавію до Серета, въ обмѣнъ Галиціи. Но необходимо было бы отсрочить присоединеніе Галиціи до полученія согласія отъ Австріи, чтобы доказать ей, что противъ нея не имѣется враждебныхъ видовъ. Слѣдовательно, Польское королевство будетъ составлено въ началѣ изъ герцогства Варшавскаго и изъ русскихъ областей».

Разбирая вопросъ: что выгоднѣе для поляковъ, присоединиться ли къ Россіи или перейти на сторону Наполеона, Александръ I, конечно, отдавалъ предпочтеніе первому событію. Въ случаѣ если Наполеонъ не объявитъ войны Россіи, то возрожденіе Польши будетъ отсрочено

на отдаленное и весьма неопредѣленное время. «Если онъ нападетъ на Россію и провозгласитъ возрожденіе Польши, то она обвинитъ лишь герцогство Варшавское, ибо для увеличенія ея предѣловъ ему нужно будетъ силою оторвать польскія области, принадлежащія Россіи. Между тѣмъ эти послѣднія и герцогство, сдѣлавшись театромъ военныхъ дѣйствій, будутъ обращены въ обширную пустыню, и жители будутъ несчастными жертвами войны».

По словамъ Александра, совсѣмъ иное произойдетъ, если поляки присоединятся къ Россіи.

«Неминуемыя послѣдствія того, — писалъ онъ, — были бы слѣдующія:

«1) Возрожденіе Польши, вмѣсто того, чтобы быть отсроченнымъ, будетъ предшествовать всякому другому событію.

«2) Возрожденіе это распространится и на Варшавское герцогство и на присоединенныя къ нему русскія области, при надеждѣ, довольно положительной, на присоединеніе къ нимъ и Галиціи.

«3) Театръ войны, вмѣсто того, чтобы находиться въ сердцѣ Польши, будетъ перенесенъ на Одеръ¹⁾.

«Таковы послѣдствія неминуемыя, а вотъ послѣдствія вѣроятныя:

«1) Совершенный переворотъ въ общественномъ мнѣніи Европы.

«2) Весьма замѣтное уменьшеніе въ силахъ Наполеона и черезъ то вѣроятность успѣха.

«3) Избавленіе отъ ига, подъ которымъ томится Европа.

«4) Польша, сдѣлавшаяся вновь королевствомъ, государствомъ, связаннымъ съ сильною имперіею, силы коей, въ собственномъ ея интересѣ, всегда будутъ готовы къ защитѣ Польши.

«5) Возстановленіе торговли, уничтоженіе нищеты, либеральная конституція, налоги, сообразныя съ нуждами страны, а не такъ, какъ теперь, вымучиваемые единственно для содержанія слишкомъ многочисленнаго войска, вынужденнаго служить честолюбивымъ планамъ Наполеона...

«Такова картина нашего положенія, въ томъ видѣ, какъ она мнѣ представляется. Вотъ, вкратцѣ главныя ея черты:

«1) Пока я не буду увѣренъ въ содѣйствіи поляковъ, я рѣшился не начинать войны съ Франціею.

«2) Если этому содѣйствію поляковъ Россіи суждено осуществиться, нужно, чтобы я получалъ тому несомнѣнныя удостовѣренія

¹⁾ Въ случаѣ присоединенія къ Россіи войскъ герцогства Варшавскаго и Пруссіи, предполагалось дѣйствовать наступательно и достигнуть Одера, „не обнаживъ меча“.

доказательства: лишь тогда могу я дѣйствовать вышеизложеннымъ способомъ. И, въ этомъ случаѣ, нужно, чтобы вы прислали мнѣ всѣ бумаги, для этой цѣли нужныя, каковы прокламаціи, конституція и прочіе необходимые акты. Они могутъ быть изготовлены лишь въ герцогствѣ Варшавскомъ, ибо должны заключать въ себѣ множество подробностей здѣсь неизвѣстныхъ...

«Мнѣніе, что мнѣ слѣдовало бы принять титулъ короля Польскаго, распространяется въ Петербургѣ. Если, съ одной стороны, это даетъ мнѣ увѣренность, что эта мѣра будетъ принята съ одобреніемъ, то, съ другой, въ настоящую минуту, эти толки болѣе вредны, чѣмъ полезны, и я стараюсь, по возможности, положить имъ конецъ, утверждая, что дѣло это невозможно и несбыточно¹⁾».

«Я долженъ предупредить васъ, что мнѣ известно изъ достовѣрнаго источника, что за вами надзираетъ парижскій министръ полиціи; итакъ удвойте осторожность и бдительность».

Письмо это было получено княземъ Чарторыйскимъ въ то время, когда онъ былъ уже въ Варшавѣ и имѣлъ возможность близко познакомиться съ положеніемъ дѣлъ и общественнымъ мнѣніемъ. Это знакомство привело его къ убѣжденію, что едва-ли можно считать осуществимыми предположенія императора Александра.

«Возстановленіе Польши,—писалъ Чарторыйскій²⁾, — въ ея прежнихъ границахъ, подъ властію національнаго и конституціоннаго правительства составляетъ до сихъ поръ единодушное желаніе и единственную цѣль, къ которой стремится каждый полякъ герцогства. Но въ настоящее время еще невозможно вызвать внезапно убѣжденіе, въ особенности въ арміи, что эти желанія могли бы осуществиться, что эта цѣль могла бы быть достигнута, если бы мы (поляки) оставили Францію и присоединились къ Россіи. Такая полная пережѣна во мнѣніяхъ, взглядахъ, чувствахъ, во всѣхъ существующихъ отношеніяхъ не можетъ произойти внезапно; для того, чтобы произвести ее, необходимо время и извѣстное стеченіе обстоятельствъ, которыя готовятъ пути и облегчаютъ исполненіе».

«Такъ какъ Россія и Франція единственныя державы, которыя могутъ имѣть благое или пагубное вліяніе на судьбу Польши, то мнѣ было не трудно навести разговоръ на эту щекотливую тему и услышать, какъ сравнивали выгоды и невыгоды, какія можно было ожидать съ той и съ другой стороны».

¹⁾ Въ этихъ послѣднихъ словахъ виденъ тонкій дипломатъ, заметающій слѣдъ истинныхъ своихъ намѣреній и оставляющій себѣ путь отступленія.

²⁾ Въ письмѣ изъ Пулавъ отъ 28-го февраля (12-го марта) 1811 г. Арх. Собственной Его Величества бібліотеки, шкафъ 113, полка 4.

Эти доводы клонились на сторону Наполеона. Вѣра въ его гений, ловкость и счастье не допускали въ полякахъ мысли, что онъ можетъ быть побѣжденъ, и въ то же время имъ трудно было освоиться съ мыслию, что Россія можетъ когда-либо желать добра Польшѣ и искренно предлагать возстановить ее. Признавая личныя качества императора Александра и его благія намѣренія, поляки говорили, что надо отличать личность русскаго государя отъ политики его правительства и отъ духа, господствовавшего въ русской арміи. Послѣдняя всегда будетъ враждебна полякамъ, и вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу будетъ равносильно ея разоренію; кампанія 1809 года доказала это.

— Если образуется новая коалиція противъ Франціи,—говорили поляки,—то какова бы ни была опасность, которой мы могли бы подвергнуться, во время этого страшнаго столкновенія, все же лучше быть на сторонѣ наиболѣе искуснаго полководца и того, кто доказалъ уже на дѣлѣ участіе, принимаемое имъ въ дѣлахъ Польши. Опытъ прошлаго долженъ наставить насъ относительно будущаго.

Были, конечно, и сторонники Россіи, понимавшіе всю выгоду присоединенія къ ней; но, касаясь этого вопроса, выражали сожалѣніе, что Александръ не воспользовался ранѣе представлявшимися ему случаями возстановить Польшу и привязать ее къ себѣ. Всѣ соглашались съ доказательствами о выгодахъ присоединенія къ Россіи только «до тѣхъ поръ,—писалъ Чарторыйскій,—пока вопросъ этотъ не выходитъ изъ области разсужденій и пожеланій относительно будущаго; но какъ только разговоръ коснется дѣйствій, какъ только является необходимость принять немедленное рѣшеніе, то превосходство Наполеона, не поколебленное до сихъ поръ никакимъ событіемъ, никакими стараніями одерживаетъ, само собою разумѣется, верхъ».

Чтобы уничтожить такое мнѣніе и привязанность поляковъ къ Наполеону, по мнѣнію князя Чарторыйскаго, необходима была совершенно иная система дѣйствій по сравненію съ той, которой слѣдовала Россія до сихъ поръ. Ей необходимо доказать свое доброжелательство не только къ подвластнымъ ей полякамъ, но и жителямъ Варшавскаго герцогства, доказать наглядно, что истинныя намѣренія Наполеона гораздо менѣе великодушны и менѣе доброжелательны, чѣмъ императора Александра. «Или же надобно,—говорилъ князь,—чтобы блистательныя побѣды сокрушили обаяніе, коимъ всѣхъ обворожилъ Наполеонъ, и чтобы поведеніе вашихъ войскъ при вступленіи въ страну и другіе тому подобныя факты вызвали довѣріе къ образу дѣйствій и намѣреніямъ Россіи. Тогда прокламаціи вашего величества несомнѣнно были бы приняты съ радостію и восторгомъ и произвели бы то впечатлѣніе, какое ваше величество въ правѣ ожидать отъ нихъ».

На заявленіе императора Александра, что Наполеонъ не вѣченъ и что тогда будутъ дѣлать поляки, они отвѣчали:

— Тогда мы обсудили бы положеніе страны спокойно, не поддаваясь заблужденію и обратились бы въ ту сторону, гдѣ намъ предвидѣлись бы болѣе существенныя выгоды.

«Таковы наблюденія, сдѣланныя мною на мѣстѣ,—писалъ князь Чарторыйскій.—Я счелъ долгомъ повергнуть ихъ на благоусмотрѣніе вашего величества со всею возможною правдивостью и откровенностью. Они сводятся къ слѣдующему:

«Существовали неоднократно обстоятельства, когда отъ Россіи зависѣло возстановить Польшу и навсегда привязать ее къ себѣ; но такъ какъ эти случаи были упущены и ваше величество не могли, или не пожелали воспользоваться ими, то въ настоящее время положеніе дѣлъ таково, что оно не можетъ отвѣчать видамъ вашего величества въ особенности такимъ образомъ, какъ ваше величество высказываете въ вашемъ послѣднемъ письмѣ. Но случай, котораго нынѣ не существуетъ, легко можетъ представиться вновь и повести къ желаемымъ результатамъ. Въ переживаемое нами время событія слѣдуютъ одно за другимъ столь быстро и общественное мнѣніе подъ влияніемъ этихъ событій такъ скоро измѣняется, что эта перемѣна можетъ произойти гораздо скорѣе, чѣмъ мы думаемъ».

Отказываясь доставить императору письменное удостовѣреніе въ томъ, что герцогство Варшавское будетъ содѣйствовать Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ, князь Чарторыйскій прибавлялъ:

«Если бы мнѣ пришлось сдѣлать выводъ изъ вышеприведенныхъ наблюденій, то, ограничиваясь въ своихъ разсужденіяхъ тѣмъ, что касается Польши, я могъ бы сказать, что этотъ выводъ сводится къ слѣдующимъ пунктамъ:

«Въ случаѣ, если бы ваше императорское величество признали нужнымъ не предпринимать никакихъ непріязненныхъ дѣйствій (противъ Наполеона), вамъ слѣдовало бы воспользоваться этимъ временемъ, чтобы, такъ сказать, по кокетничать (*se mettre en coquetterie*) не только съ поляками присоединенныхъ губерній, но въ особенности съ герцогствомъ. Уже разнесся слухъ о благосклонномъ приѣмѣ, оказанномъ вами недавно первымъ ¹⁾, и это не пропадетъ даромъ. Но особенно сильное впечатлѣніе произвело бы все то, что касается благосостоянія губерній и ихъ національной самостоятельности.»

«Съ другой стороны по распоряженію правительства ввозъ товаровъ въ Россію разрѣшается только черезъ таможи Полавецка и Радзивилова. Распоряженіе это приводится какъ доказательство особаго

¹⁾ Приѣмъ депутатовъ съ графомъ Огинскимъ во главѣ.

предпочтенія къ Пруссіи и Австріи и рѣшительнаго желанія разорить герцогство».

Посылая это письмо, князь Чарторыйскій вновь просилъ объ увольненіи его въ отставку, чтобы, не навлекая на себя подозрѣніе, имѣть возможность оказать бѣльшую услугу родинѣ и содѣйствовать въ исполненіи видовъ императора Александра.

«Высказывая въ своемъ предъидущемъ письмѣ свое сомнѣніе,— писалъ онъ императору Александру¹⁾,—въ томъ, что Наполеону могутъ быть неизвѣстны переѣмны, происшедшія во взглядахъ петербургскаго кабинета, единственною моею цѣлью при этомъ было убѣдить ваше величество, что нельзя основывать своихъ расчетовъ на этомъ обстоятельстве, которое кажется мнѣ весьма сомнительнымъ. Я подозреваю даже, что Наполеону извѣстны планы вашего величества относительно Польши, чему, разумѣется, не мало способствуютъ толки петербургскаго общества.

«Еще до прочтенія тѣхъ свѣдѣній о парижской полиціи, которыя вашему величеству благоугодно было сообщить, мнѣ было уже извѣстно, что въ Варшаву прибылъ агентъ Савари, съ специальнымъ порученіемъ слѣдить за тѣмъ, не возникнетъ ли въ герцогствѣ русская партія, и присматривать за моею семьей и за мною въ особености.

«Не говорили ли ваше величество что-либо откровенно г. Огинскому? ибо вслѣдствіе нѣсколькихъ вырвавшихся у него фразъ, онъ былъ въ большомъ подозрѣніи въ Парижѣ. Извѣстно также, что г. Рачинскій, проживающій въ Бреславлѣ, человекъ, никѣмъ не уважаемый и запятанный во мнѣніи общества, котораго считаютъ какъ бы посредникомъ между Россіей и Пруссіей, намекалъ на какіе-то планы союзниковъ относительно Польши.

«Все это убѣдило меня въ томъ, что здѣсь находятся настоужѣ и что я легко могу быть скомпрометтированъ. Это заставило меня удвоить осторожность и послѣпить отъѣздомъ изъ Варшавы, тѣмъ болѣе, что, проведя уже въ этомъ городѣ около мѣсяца, мнѣ было бы бесполезно оставаться тамъ долѣе, и я не могъ бы узнать ничего, кромѣ того, что я уже повергнулъ на благоусмотрѣніе вашего величества...

«Позвольте мнѣ вновь обратиться къ вамъ съ просьбою объ увольненіи меня окончательно въ отставку. Эта формальность ни въ чемъ не измѣнитъ моихъ отношеній и моей преданности къ вашему величеству и избавитъ меня только отъ большихъ затрудненій, либо дастъ мнѣ возможность быть полезнѣе для вашего дѣла.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 28-го февраля (12-го марта) 1811 года.

«Я всегда пламенно желалъ связать славу и интересы вашего величества и моей родины, и всегда былъ бы готовъ трудиться со всевозможнымъ рвеніемъ для достиженія этой двоякой цѣли. Такъ какъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ у меня не было ни одного чувства, сокрытаго отъ вашего величества, то вамъ извѣстно, что все мое вниманіе, всѣ мои пожеланія должны быть обращены прежде всего на мое отечество. По странной случайности вашему величеству извѣстна въ этомъ отношеніи искренность моихъ чувствъ гораздо лучше, нежели нѣкоторымъ изъ моихъ соотечественниковъ, кои полагаютъ, что взглядами, высказанными мною, относительно польскихъ дѣлъ, руководятъ виды личнаго интереса и честолюбія, которые, по ихъ мнѣнію, будутъ лучше удовлетворены, если мы будемъ обязаны возрожденіемъ нашего отечества вашему величеству. Вотъ почему, если обстоятельства позволятъ и Польша будетъ восстановлена Россіей, было бы весьма кстати, чтобы я находился въ отставкѣ, такъ какъ это дало бы мнѣ несравненно болѣе возможности дѣйствовать и принести пользу общему дѣлу».

Отправляя это письмо, князь А. Чарторыйскій вложилъ въ конвертъ и другое отъ того же 28-го февраля (12-го марта), въ которомъ просилъ у императора ссуду въ 250.000 рублей.

«Первый разъ въ жизни,—писалъ онъ,—обращаюсь къ вашему величеству по денежному дѣлу и льщу себя надеждою, что ваше величество признаете побуждающій меня къ тому поводъ законнымъ.

«Мой братъ взялъ въ банкѣ на восемь лѣтъ ссуду въ 250.000 рублей. Когда насталъ срокъ платежа, мы рассчитывали отсрочить эту ссуду еще на восемь лѣтъ, но нашъ расчетъ не оправдался, вслѣдствіе новыхъ мѣръ, принятыхъ во всѣхъ общественныхъ банкахъ, для остановки паденія ассигнацій. Меня уже не было въ то время въ Петербургѣ. Г. Раль оказалъ намъ огромную услугу, уплативъ банку нашъ долгъ, ибо иначе заложенная земля была бы, какъ водится, секвестрована. Соболаволяете ли ваше величество устроить дѣло такъ, чтобы мнѣ не пришлось упрекать себя въ томъ, что я былъ хотя невольною причиною разоренія семьи, и чтобы Раль не погибъ за оказанную мнѣ услугу».

Просьба эта была конечно не во-время, тогда, когда среди приготовленій къ военнымъ дѣйствіямъ, финансы наши были истощены, и требовались новые значительные расходы. Что отвѣчалъ на эту просьбу императоръ Александръ, мы не знаемъ, но знаемъ, что онъ прекратилъ переписку со своимъ другомъ, и князю Чарторыйскому пришлось самому возобновлять ее.

«Не получая давно уже никакихъ приказаній отъ вашего величества,—писалъ онъ ¹⁾,—и видя, что личность, посланная мною въ Петер-

¹⁾ Отъ 12-го (24-го) іюля 1811 г. Арх. Собственной Его Величества бібліотеки, шк. 113, полка 4.

бургъ, не возвращается, я рѣшился ѣхать немедленно на воды въ Силезію... Не получая никакихъ извѣстій отъ вашего величества, я полагаю, что ничего не упущу этой поѣздкой и не нанесу никакого ущерба вашимъ намѣреніямъ.

«Я могу прибавить къ моимъ послѣднимъ письмамъ не многое. Въ обществѣ начинаетъ распространяться убѣжденіе, что Польшѣ нечего ожидать отъ обѣщаній, сдѣланныхъ Наполеономъ, и что онъ не помышляетъ о возстановленіи ея въ томъ видѣ, какъ это могло бы удовлетворить поляковъ. Это убѣжденіе проникаетъ даже въ армію, дѣлаетъ видимыя успѣхи, хотя и развивается медленно и съ опаской, ибо доходящія изъ Литвы слухи о вашихъ доброжелательныхъ намѣреніяхъ также прекратились. Поэтому трудно на чемъ-либо остановиться окончательно, и никто не знаетъ, на что можно надѣяться. Всѣ приуныли, обременены налогами и не имѣютъ средствъ заплатить ихъ. Привычка къ существующему порядку вещей, боязнь переменъ къ худшему, скорѣе нежели искреннее убѣжденіе удерживаютъ пока поляковъ герцогства на томъ пути, на который они были вынуждены вступить силою обстоятельствъ. Но это положеніе дѣлъ не можетъ долго продолжаться; ни нравственно, ни физически нѣтъ возможности выносить его долгое время. Ощущаемая уже нынѣ переменъ во взглядахъ, которая совершается въ арміи, можетъ сдѣлаться очень замѣтной, если существующее нынѣ тягостное положеніе продлится долѣе и если ваше величество останетесь при своихъ прежнихъ намѣреніяхъ».

«Франція, упорствующая въ своемъ желаніи завоевать Испанію, придаетъ, повидимому, большое значеніе сохраненію мира съ Россіей. Тѣмъ не менѣе въ герцогствѣ дѣятельно идутъ приготовленія къ войнѣ. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что Наполеонъ сказалъ недавно:— «Пусть хоть одинъ казакъ проникнетъ за границу Варшавскаго герцогства, и я провозглашу независимость Польши.. Говорятъ, будто императоръ Александръ намѣревается сдѣлать то же и хочетъ быть королемъ польскимъ. Если это будетъ сдѣлано съ общаго согласія, то я этому не буду препятствовать; напротивъ, я даже самъ охотно присоединюсь къ этому. Я и самъ предлагалъ ему это, но въ то время онъ не принялъ моего предложенія. Я согласился бы даже, чтобы его братъ сталъ королемъ польскимъ».

Такъ говорилъ Наполеонъ, но не такъ онъ поступалъ.

Въ февралѣ 1811 года былъ отправленъ въ Дрезденъ и въ Варшаву баронъ Биньонъ,—сторонникъ Наполеона, по мнѣнію самого императора, лучшій исполнитель его воли, впоследствии официальный историкъ его жизни, а тогда политическій дѣятель и посланникъ при тѣхъ дворахъ, на которыхъ преимущественно сосредоточивалось вниманіе Наполеона. Биньонъ долженъ былъ закончить то дѣло, которое давно

подготовлялось тайными агентами французскаго императора, т. е. под-
нять всю Польшу. При этомъ Наполеонъ желать оставаться въ сторонѣ,
предоставить починъ полякамъ, а за собою сохранить право и воз-
можность воспользоваться патріотическимъ ихъ движеніемъ въ свою
пользу.

Императоръ,—сказано было въ инструкціи, данной министерствомъ
Виньону,—полагаясь на его преданность и готовность къ услугамъ, по-
вѣряетъ ему порученіе «высшей политической важности». Порученіе это требуетъ опытности, расторопности и умѣнья сохранять
тайну.

«Въ началѣ вы отправитесь въ Дрезденъ. Явною цѣлю этого путе-
шества будетъ врученіе саксонскому королю письма, которое вы завтра
получите отъ императора. Его величество уже сообщалъ вамъ свои
виды въ этомъ дѣлѣ; завтра же онъ дастъ послѣднія инструкціи отно-
сительно того, что вы имѣете сообщить саксонскому королю. Императоръ
желаетъ, чтобы монарху этому оказано было то почтеніе, которое должно
свидѣтельствовать о личномъ расположеніи къ нему императора. Въ
разговорахъ своихъ какъ съ королемъ, такъ и съ министрами его, вы
будете вполне откровенны и дадите вѣру всѣмъ сообщеніямъ, какія
послѣдуютъ со стороны графа Зенфта Пильзака ¹⁾). Каждая жертва, при-
несенная Саксоніей, будетъ вознаграждена. Для Саксоніи нѣтъ выгоды
владѣть Варшавскимъ герцогствомъ въ томъ положеніи, въ какомъ оно
теперь находится: это владѣніе непрочное и обременительное. Владѣніе
этимъ обломкомъ Польши ставитъ Саксонію въ ложныя отно-
шенія къ Пруссіи, Австріи и Россіи ²⁾). Вы найдете Дрезденскій каби-
нетъ мало наклоннымъ къ сопротивленію противъ такого взгляда на
вещи: дипломатія его заявляла намъ нѣсколько разъ тотъ же самый образъ
мыслей. Здѣсь вопросъ не идетъ о раздѣлѣ наслѣдственныхъ земель
саксонскаго короля. Послѣ краткаго пребыванія въ Дрезденѣ вы объ-
явите о своемъ выѣздѣ въ Варшаву, гдѣ будете ожидать новыхъ пред-
писаній отъ императора. Его величество будетъ просить саксонскаго
короля, чтобы онъ акредитовалъ васъ у своихъ польскихъ министровъ.

«Въ Варшавѣ вы войдете въ сношеніе съ княземъ X., импера-
торскимъ камергеромъ (Александромъ Сапѣгоу) и съ генераломъ Z. Оба
эти лица происходятъ изъ знатнѣйшихъ польскихъ фамилій. Они
обѣщали употребить все свое вліяніе, какое имѣютъ надъ своими сооте-
чественниками, чтобы склонить ихъ къ дѣятельности во имя сча-
стія и независимости ихъ родины. Вы приготовите правитель-
ство герцогства къ тѣмъ великимъ перемѣнамъ, которыя императоръ

¹⁾ Министра иностранныхъ дѣлъ Фридриха-Августа саксонскаго.

²⁾ Наполеонъ не находилъ, однако, этого, когда образовывалъ герцогство
Варшавское.

хочетъ совершить въ пользу польскаго народа. Необходимо, чтобы поляки поддерживали виды императора и сами содѣйствовали бы своему возрожденію. Они должны смотрѣть на Францію, какъ на единственное имъ пріязненное государство. Императоръ не скрываетъ отъ себя трудностей, какія долженъ будетъ встрѣтить при возстановленіи Польши. Это великое политическое дѣло противно всѣмъ очевиднымъ и существеннымъ интересамъ его союзниковъ. Возстановленіе Польши силою оружія Французской имперіи суть предпріятіе не вполнѣ прочное и вмѣстѣ съ тѣмъ опасное, ибо тогда Франціи пришлось бы воевать не только съ врагами, но и съ своими союзниками.

«Цѣль, которую предположилъ себѣ императоръ, есть организація Польши въ части или въ цѣломъ объемѣ прежней ея территоріи, и при томъ избѣгая войны, если только это возможно. Съ этою цѣлью его величество сообщилъ чрезвычайно широкое полномочіе своему послу въ С.-Петербургѣ и выслалъ въ Вѣну повѣреннаго, которому поручено входить въ переговоры съ главными державами и обѣщать даже значительныя уступки изъ земель Французской имперіи, въ видѣ вознагражденія за земли, необходимыя для возстановленія Польскаго королевства»¹⁾.

При этомъ Наполеонъ находилъ, что Польша должна полагаться на собственныя силы болѣе, чѣмъ на помощь французскаго императора, и что помощь эта можетъ быть только въ видѣ усиленія средствъ, какими располагаютъ сами поляки. «Населеніе Варшавскаго герцогства желаетъ возстановленія Польши, — сказано было въ той же инструкціи. — Оно обязано приготовить для этого всѣ средства, которыя дали бы возможность каждой изъ провинцій, находящихся подъ общимъ управленіемъ, свидѣтельствовать о такомъ желаніи своемъ. Правительство Варшавскаго герцогства обязано, лишь только позволять обстоятельства, сконфедеровать разрозненныя части своей родины во имя національной независимости. Ежели въ Россіи или въ Австріи найдутся такіе поляки, которые не захотятъ возвратиться въ свое отечество, не слѣдуетъ ихъ принуждать къ тому. Польша должна черпать свои силы изъ народнаго духа, изъ патріотизма, изъ учреждений, которыя лягутъ въ основу ея новаго политическаго бытія. Главная цѣль вашего посольства будетъ состоять въ томъ, чтобы наставлять, возбуждать и руководить польскихъ патріотовъ».

Эта инструкція совершенно противоположна тому, что говорили многіе историки Наполеона и въ томъ числѣ самъ Биньонъ. Последній

¹⁾ Н. Поповъ. „Варшавское герцогство“ „Русскій Вѣстн.“ 1866 г. № 3, стр. 73 и 74. Даже и въ этой инструкціи Наполеонъ не былъ чистосердеченъ и скрывалъ свои виды.

увѣряетъ, что, посылая его, императоръ Франціи хотѣлъ скорѣе ослабить, чѣмъ возбудить надежды поляковъ.

— Не надобно, — говорилъ Наполеонъ, по словамъ Биньона, — чтобы они (поляки) предавались вреднымъ мечтаніямъ. Въ настоящее время они составляютъ государство болѣе, чѣмъ въ четыре милліона населенія. Гораздо будетъ лучше, если они займутся своими внутренними улучшениями и преобразованиями, чѣмъ преслѣдовать химерическія идеи, которыя могутъ быть для нихъ не безопасны.

Трудно объяснить, съ какою цѣлью Биньонъ искажаетъ факты, тогда какъ въ инструкціи, ему данной, говорилось совсѣмъ другое.

«Несчастія и слабость польской Рѣчи Посполитой были дѣломъ аристократіи, — продолжаетъ та же инструкція, — которая ни въ чемъ не знала мѣры и границъ. Въ то время какъ шляхта была могущественна, горожане находились въ зависимости, народная масса была безправною; но и среди такого разлада въ этомъ народѣ жила любовь къ свободѣ и независимости: она долго поддерживала его непрочное существованіе. Это чувство выросло теперь отъ множества тяжелыхъ испытаній. Императоръ исполнить съ своей стороны данное въ 25-й статьѣ трактата 9-го іюля 1807 года обѣщаніе, что населеніе Варшавскаго герцогства будетъ пользоваться конституціей, вполнѣ обеспечивающею вольности и привилегіи народа. Польша будетъ имѣть независимость и свободу. Что касается избранія государя, то оно будетъ ясно изъ договора, который его величество заключить съ другими державами. Императоръ не ищетъ права на польскій престолъ ни для себя, ни для членовъ своего семейства. Въ великомъ дѣлѣ возстановленія Польши онъ имѣетъ въ виду единственно счастье поляковъ и спокойствіе Европы. Его величество уполномочиваетъ васъ обнародовать официальнымъ образомъ это заявленіе его, когда вы признаете то полезнымъ для выгодъ Франціи и Польши».

Биньону поручено было обѣщать, что Наполеонъ вознаградитъ Австрію въ случаѣ отдѣленія отъ нея Галиціи, дастъ Польшѣ другаго короля вмѣсто мало способнаго Фридриха-Августа саксонскаго, но что для всего этого поляки должны сами начать дѣло возстановленія Польши.

Отправляя въ Варшаву барона Биньона и желая скрыть истинную цѣль его посланки, Наполеонъ старался увѣрить императора Александра въ томъ, что не желаетъ войны съ Россією и не имѣетъ въ виду возстановленія Польши.

— Все мое вниманіе — говорилъ онъ князю Курагину 7-го (19-го) августа 1810 г., — поглощено отношеніями къ Англіи, Голландіи, Испаніи и Италіи. Я не хочу возстановленія Польши; кажется, я это довольно доказалъ, потому что я могъ бы возстановить ее и во время Тиль-

зитскаго мира и послѣ мира Вѣнскаго. Послѣдніе переговоры съ Австріею потому такъ долго и тянулись, что Австрія хотѣла уступить всѣ свои польскія владѣнія, чтобы только сохранить германскія. Если бы у меня была мысль о возстановленіи Польши, то я отдалъ бы герцогство Варшавское не саксонскому королю, человѣку слабому, апатичному, который никогда не пошевелится ¹⁾. Вы сами виноваты въ томъ, что теперь это герцогство получило приращеніе. Если бы въ началѣ кампаніи (1809 г.) вы дѣйствовали энергически и заняли Галицію, то она была бы ваша; а то вы дали время инсургентамъ овладѣть ею, и я, при заключеніи мира, не могъ отдать ее вамъ, не могъ возратить и Австріи, потому что не могъ пожертвовать страной, оказавшею мнѣ преданность ²⁾.

На одномъ изъ официальныхъ приемовъ Наполеонъ преднамѣренно обратился къ князю Понятовскому и сказалъ ему:

— Наше дѣло впрокъ не пойдетъ. Я радъ всѣми силами поддержать васъ, но вы отъ меня слишкомъ далеки, а отъ Россіи слишкомъ близки. Что ни дѣлай, а кончится тѣмъ, что она васъ завоюетъ, мало того завоюетъ и всю Европу ³⁾.

Посылая такія льстивыя слова по адресу Россіи, Наполеонъ при каждомъ отдѣльномъ случаѣ старался высказать, что онъ не начнетъ войны, если къ тому его не принудятъ.

— Я не хочу воевать съ Россіею,—говорилъ онъ графу Шувалову,—это было бы преступленіемъ съ моей стороны, потому, что я буду воевать безъ цѣли, а я, слава Богу, еще не потерялъ разсудка, я не сошелъ съ ума. Не думаютъ ли, что я захочу пожертвовать 200.000 франкузовъ для возстановленія Польши.

— Я не хочу войны,—говорилъ онъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ князю Куракину,—я не хочу возстановлять Польшу. Я это объявилъ положительно въ моихъ публичныхъ рѣчахъ законодательному корпусу, я это сказалъ князю Понятовскому—поляки это знаютъ.

Не народъ польскій, конечно, а лица, близко стоявшія къ Наполеону, знали и другое, знали, что онъ считалъ войну съ Россіей неизбѣжною.

— Мнѣ хотѣлось только начать ее,—говорилъ Наполеонъ откровенно впоследствии,—въ надлежащій часъ. Россія была слишкомъ сильна, чтобы составлять часть той политической системы Европы, которой я былъ творцомъ и которой средоточіе находилось во Франціи. Зданіе, мною

¹⁾ Такой и былъ ему нуженъ, чтобы распоряжаться въ Варшавскомъ герцогствѣ по своему произволу.

²⁾ С. Соловьевъ. „Еще замѣтка о Наполеонѣ и Польшѣ“, „Московск. Вѣдомос.“ 1863 г. № 39.

³⁾ Полн. собраніе сочин. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 50.

воздвигнутое, отстояло слишкомъ далеко отъ его основанія. Россія тяготѣла всею своею тяжестью на верхнюю часть этого зданія. Александръ I, будучи моложе меня, вѣроятно пережилъ бы меня, и тогда моя имперія распалась бы непременно на части. Слѣдовательно, нужно было отбросить Россію за предѣлы Европы, дабы она не вредила единству моей имперіи. Нужно было дать этому новому политическому распредѣленію довольно твердые предѣлы, чтобы сообщить ему силу бороться успѣшно съ могуществомъ царей. Для осуществленія моего плана слѣдовало возсоздать Польшу на крѣпкомъ основаніи, и въ то же время нужно было побѣдить русскихъ на полѣ брани, дабы принудить ихъ къ принятію тѣхъ границъ, которыя я хотѣлъ начертать мечемъ. Вытѣсненная такимъ образомъ изъ политической системы Европы, Россія наплась бы отдѣленной отъ нея двумястами тысячь стражи, которыхъ бы я готовъ былъ поддерживать при всякомъ случаѣ ¹⁾.

Хотя возстановленіе Польши и связывалось съ уничтоженіемъ Россіи, но поляки вѣрили въ геній Наполеона и считали это дѣло не только возможнымъ, но и несомнѣннымъ. Вотъ почему они приняли Биньона съ восторгомъ, слѣдовали всѣмъ его внушеніямъ и стали вооружаться. Сторонники Наполеона пробрались въ наши западныя губерніи и распространяли слухъ о благихъ намѣреніяхъ французскаго императора относительно поляковъ и о возстановленіи ихъ отечества. Положеніе Александра было довольно трудное, и ему оставалось послѣдовать совѣту князя Чарторыйскаго «пококетничать съ поляками»,—что онъ и сдѣлалъ, воспользовавшись прибытіемъ въ Петербургъ графа Михайла Огинскаго.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Napoléon au tribunal de César. „Чтенія общества Исторіи и древностей“, 1864 г. кн. I, смѣсь, стр. 133.

Исправленіе коляски графа Аракчеева.

Письмо князя Василія Долгорукаго — графу Аракчееву.

16-го іюня 1825 г.

На отношеніе вашего сіятельства приѣмлю смѣлость представить мое увѣреніе, что по вѣренной мнѣ части я, не обезпеча спокойствіе вашего сіятельства, собственнаго себѣ не позволю, съ тѣмъ вмѣстѣ и въ томъ, что съ осмотрѣ на дѣловомъ дворѣ вашему сіятельству доложено не справедливо, ибо въ коляскѣ ничего къ исправленію не оказалось, колеса совершенно невредимы; но по волѣ вашего сіятельства, вчера объявленной служителемъ, теперь подставили новый станъ колесъ для легкости гораздо выше прежнихъ.

Коляску, всякій разъ по прибытіи вашего сіятельства въ столицу, установленнымъ мною порядкомъ, принимаютъ на дѣловой дворъ для разборки, осмотра, подвинтить станокъ, смазать во всѣхъ частяхъ и собрать, какъ поступаютъ и съ прибывающими экипажами ихъ императорскихъ величествъ.

Удостоите меня ваше сіятельство довѣренностью, что по части экипажей, исполненіемъ всякаго вашего приказанія, я почту себя счастливымъ и, что я, конечно, не выпущу экипажа, который бы могъ навлечь безпокойства въ разъѣздахъ вашего сіятельства, какъ бы они сильны ни были.

Французскій іезуитъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.

Въ концѣ XVII-го вѣка, Общество Іисуса задалось мыслью отыскать сухопутное сообщеніе между Франціею и Китаемъ. Цѣль была при этомъ практическая. Христіанская вѣра вмѣстѣ съ европейскою наукою проникла въ Небесную имперію и распространялась въ ней, а добраться до нея, при тогдашнихъ условіяхъ океанскаго плаванія, было весьма затруднительно, и многіе миссіонеры погибали, не достигнувъ своего назначенія. Можно было надѣяться, что на сушѣ путешествіе подвергалось бы менѣе опасностямъ, чѣмъ на морѣ. Вотъ почему орденское начальство поручило Филиппу Аврилю заняться этимъ вопросомъ и попытаться найти желаемый путь. Для разрѣшенія данной задачи Авриль два раза являлся въ Москвѣ. Вынесенныя отсюда впечатлѣнія онъ откровенно изложилъ въ своемъ «Путешествіи» ¹⁾. Эта книга взволновала Гордона и обидѣла Петра Алексѣевича. Такимъ образомъ розысканія китайскаго пути кончаются довольно неожиданно царскимъ гнѣвомъ. Это можно прослѣдить документально.

Прежде всего, Авриль предстояло соединиться съ назначеннымъ къ нему товарищемъ, который пребывалъ на Востокаѣ. Онъ выѣхалъ изъ Ливорно 13-го января 1685 года и высадился въ Александреттѣ, гдѣ, мимоходомъ сказать, существовала превосходная голубиная почта. Отправившись оттуда въ Діарбекиръ, онъ нашелъ тамъ своего собрата Луи Барнабе, которому и объявилъ о данномъ имъ обоемъ порученіи. Трудно себѣ представить, какъ возликовалъ при этомъ отецъ Барнабе!

¹⁾ Voyage en divers Etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine. Paris, 1692.—Другія изданія перечислены у Адельунга, К. L. Uebersicht der Reisenden in Russland, т. II, стр. 376.

Онъ когда-то представлялъ власть имущимъ записку о сухопутномъ сообщеніи съ Китаемъ и, послѣ Вербиста, едва-ли не первый между іезуитами не только мечталъ о немъ, но и серьезно его обдумывалъ. Теперь же ему приходилось приступить вмѣстѣ съ Аврилемъ къ практическому исполненію любимаго плана. Оба взялись за дѣло съ восторгомъ. Ихъ одушевляла и поддерживала мысль, что они будутъ какъ бы проводниками всѣхъ послѣдующихъ за ними миссіонеровъ и ученыхъ.

Само по себѣ предпріятіе было не легкое, особенно въ виду недостатка необходимыхъ свѣдѣній. Наши путешественники рѣшились ѣхать прямо въ Астрахань и тамъ добывать языка. Это имъ удалось какъ нельзя лучше. Присоединившись къ армянскимъ купцамъ, они проникли въ Персію, поплыли по Каспійскому морю и благополучно достигли намѣченнаго порта. При вѣздѣ особыхъ препятствій не было: оба носили восточную одежду и не выдавали своего званія; къ тому же отецъ Барнабе слылъ за медика, ибо, имѣя кое-какія медицинскія познанія, пользовалъ при случаѣ больныхъ.

Расчетъ ихъ оказался вѣрнымъ. Въ Астрахани велась бойкая торговля; со всѣхъ сторонъ стекались иноземные купцы, которымъ всевозможныя дороги были хорошо знакомы. Что на Западѣ только подозревали, то знали здѣсь навѣрное и по опыту—именно, что сухопутная дорога въ Китай несравненно короче и удобнѣе морской. Надо вспомнить, что тогда изъ Тулона или Марсели въ Пекинъ плаваніе длилось около двухъ полныхъ лѣтъ. Между тѣмъ, бухарскій купецъ, посѣтившій четыре раза Китай, увѣрялъ, что для поѣздки изъ Бухары въ Пекинъ не требуется болѣе двухъ мѣсяцевъ, а какой-то монахъ, имя котораго не приводится, сообщилъ Аврилію дневникъ трехъ купцовъ, дошедшихъ изъ Астрахани въ Пекинъ, чрезъ Бухару и Самаркандъ, въ сто одиннадцать дней. Эти письменныя данныя совпадали съ изустнымъ показаніемъ выше упомянутаго бухарскаго купца; они взаимно провѣрялись, и потому на нихъ можно было до нѣкоторой степени полагаться.

Руководствуясь такими соображеніями, оба іезуита постановили ѣхать въ Пекинъ чрезъ Бухару и Самаркандъ, вмѣстѣ съ русскими купцами, которые довели бы ихъ до Самарканда, а тамъ нашли бы другіе проводники. Ближайшія приготовленія уже были сдѣланы, когда пришлось отказаться отъ этого маршрута, вслѣдствіе возникшихъ мѣстныхъ усобицъ, не позволявшихъ и думать о безопасномъ проходѣ въ Бухару.

Такимъ образомъ рушился первый планъ; предстояло искать другой исходъ. Очень кстати пришло извѣстіе, что китайскіе купцы находятся въ Москвѣ и что въ концѣ зимы они пускаются въ обратный путь, въ свое отечество. Казалось, лучшаго случая и желать было невозможно. Стояло

только пробраться въ Москву, а тамъ ужъ можно было бы устроиться съ китайскимъ караваномъ. Рѣшено такъ и сдѣлать. О бюрократическихъ формальностяхъ вовсе не заботились, только бы получить «паспортъ», какъ выражался Авриль, отъ астраханскаго воеводы.

Но здѣсь-то и начинаются мытарства. Въ Астрахани воеводствовалъ тогда окольникій, князь Борисъ Васильевичъ Горчаковъ ¹⁾, человекъ не злой, подъ часъ сговорчивый, но привыкшій къ крѣпкимъ напиткамъ и очень дорожившій сохраненіемъ своего здоровья. Армянскіе купцы, которые сами отправлялись въ Москву, согласились посредничать у него въ пользу своихъ бывшихъ спутниковъ. Они расхвалили французовъ, ѣхавшихъ въ Китай для Божія дѣла, упомянувъ, между прочимъ, о врачебномъ искусствѣ отца Барнабе. Это пришлось воеводѣ какъ разъ на - руку. Тайное его намѣреніе скоро выяснилось. Дѣло стояло такъ: іезуиты просили «паспортъ» и спѣшили уѣхать, а князь Горчаковъ хотѣлъ ихъ задержать на вѣчныя времена въ качествѣ своихъ лейбъ-медиковъ. Открыто онъ этого не высказывалъ; онъ просто морочилъ своихъ гостей—прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ, толковалъ объ обращеніи язычниковъ и даже о взаимныхъ отношеніяхъ римской и греческой церкви, а желаемого позволенія не выдавалъ.

Потерявъ, наконецъ, терпѣніе, іезуиты смѣло и грозно объяснились съ воеводою. Онъ умиловивился, пошелъ на уступки, потомъ прислалъ даже «паспортъ», но при самомъ отъѣздѣ, когда Авриль и Барнабе уже были на палубѣ судна, велѣлъ имъ возвратиться въ городъ и запретилъ кому-либо ихъ вывозить.

Положеніе становилось критическое. Тщетно хлопотали армянскіе купцы; и надо было искать другихъ посредниковъ. Наши путешественники были дружны съ мѣстнымъ архіереемъ Савватіемъ, часто приглашавшимъ ихъ для присутствія на службѣ, и съ какимъ-то игуменомъ, котораго они избавили отъ несноснаго глиста длиною въ полтора аршина. Возложивъ свою надежду на этихъ лицъ, они слезно умоляли ихъ о ходатайствѣ. Противъ такихъ заступниковъ воевода не устоялъ и, скрѣпя сердце, далъ требуемое разрѣшеніе. 19-го октября іезуиты отплыли вверхъ по Волгѣ, послѣ почти четырехмѣсячной задержки въ Астрахани, гдѣ они много претерпѣли всякаго рода лишеній и невзгодъ.

Таковъ рассказъ Авриля. Онъ сваливаетъ всю вину на воеводу, но врядъ ли ближайшая обстановка была ему знакома. Въѣздъ въ Москву былъ всегда затрудненъ для духовныхъ лицъ; необходимое позволеніе предоставлялось только высшей власти. Можно лишь удивляться, что князь Горчаковъ не уклонился отъ такой отвѣтственности, зная очень хорошо, что его гости не были обыкновенными путешественниками.

¹⁾ Александръ Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ, стр. 12.

Плаваніе по Волгѣ не обошлось безъ приключеній. Безпечные моряки такъ усердно разводили огонь для варки пищи, что самое судно, нагруженное рыбою, загорѣлось. Пассажиры едва спаслись; они высадились на берегъ, гдѣ и просидѣли двое сутокъ, пока другое проходящее судно не выручило ихъ изъ бѣды. Вслѣдъ за опасностью отъ огня настала опасность отъ воды или вѣтрища отъ льда. Задулъ холодный сѣверный вѣтеръ, рѣка стала замерзать, и недалеко отъ Саратова движеніе впередъ оказалось невозможнымъ. Чтѣ было дѣлать? Неустрашимый Барнабе отправился съ проводниками пѣшкомъ по льду въ Саратовъ, откуда вернулся съ припасами и съ санями, такъ что оставшіеся на мѣстѣ получили возможность, подкрѣпившись, перебраться въ Саратовъ. Потребовалось еще пять недѣль для проѣзда до Москвы. Полузамерзшіе и усталые иезуиты вступили въ столицу только около половины января 1687 года.

Новый и для нихъ незнакомый міръ открылся передъ ними. Хотя въ Москвѣ и находились уже два-три иезуита, но положеніе ихъ было не совсемъ прочное. Они были допущены въ Москву по просьбѣ императора Леопольда I-го, въ качествѣ цесарскихъ каплановъ, но ихъ пребываніе въ Россіи зависѣло отъ произвола правительства. Предупрежденные заранѣе о пріѣздѣ своихъ собратьевъ, они ихъ приняли радушно; но, какъ австрійскіе подданные, не могли официально вступаться за французовъ. Новопроѣзжимъ пришлось дѣйствовать на свой страхъ. Дѣло имъ казалось очень просто, а въ глазахъ московскихъ властей оно было крайне сложно, даже таинственно и, въ полномъ смыслѣ слова, дѣло государственное. Съ давнихъ временъ папа и цесарь требовали свободного прохода для миссіонеровъ на Востокъ; еще въ минувшемъ году, при заключеніи мира, король польскій, Янъ Собѣскій, домогался того же—русскіе дипломаты дорожились этой статьею, чтобы выманивать соответствующія выгоды.

Наши французы не подозрѣвали этого, когда имъ посовѣтовали, какъ и слѣдовало, обратиться къ князю Василію Васильевичу Голицыну. Немедленно послѣ пріѣзда, въ дорожномъ, восточномъ платьѣ, они отправились къ боярину, который стоялъ тогда на верху своего могущества. Несчастные крымскіе походы были еще впереди; Кіевъ съ Приднѣпровьемъ уже достались Россіи, ничего не препятствовало сердечнымъ отношеніямъ Голицына къ Софѣѣ Алексѣевнѣ. Онъ принялъ французовъ благосклонно, выказалъ участіе и общалъ содѣйствіе. Однако жъ, ради установленнаго обычая, требовалъ, чтобы пріѣзжіе представились въ посольскій приказъ.

Было уже поздно. Не смотря на свое утомленіе, иезуиты подчинились предписанію. Въ приказѣ ихъ окружили три, четыре дьяка и, усадивъ, стали разспрашивать и записывать отвѣты. Четыре битыхъ

часа, отъ семи до одиннадцати, длилось «это мученіе». Не иначе обошлись бы съ опасными преступниками, только въ добавокъ дѣлались еще многіе пустые вопросы. Рѣшеніе не могло сейчасъ послѣдовать, для чего собирались предварительныя свѣдѣнія.

Между тѣмъ, не теряя времени, іезуиты отыскивали упомянутыхъ выше китайскихъ купцовъ, которые оказались пограничными съ китайцами татарами. Хорошо зная дорогу въ Москву и Пекинъ, куда попеременно хаживали, они сообщили цѣнныя показанія, подтвержденныя потомъ русскими купцами и склоняющіяся къ тому, что сибирскій путь въ Китай самый краткій и самый удобный.

Еще важнѣе и гораздо обстоятельнѣе были свѣдѣнія, добытыя, неизвѣстно какимъ образомъ, изъ посольскаго или другаго какого-либо приказа: Авриль глухо ссылается на «канцелярію». Официальныя сношенія съ правительствомъ оставались на строго законной почвѣ; но тайкомъ дѣлались послабленія, ибо Авриль доставили изъ этой «канцеляріи» записки Николая Спаарія, умнаго и смѣтливаго валаха, переводчика посольскаго приказа, котораго правительство посылало въ Китай въ 1675—1677 годахъ ¹⁾). Эти записки содержали свѣдѣнія двойкаго рода. Первыя касались смежныхъ съ китайцами народовъ, за которыми русскіе зорко слѣдили. Эта часть поразила Авриля своимъ сходствомъ съ китайскими, недавно изданными во Франціи источниками, и вообще съ отзывами путешественниковъ. Онъ не усумнился назвать ее достовѣрною. Другія свѣдѣнія относились къ дорогамъ изъ Москвы въ Пекинъ. Такихъ дорогъ оказалось шесть, нѣкоторыя изъ нихъ пролегли чрезъ Сибирь. Все это, по московскимъ понятіямъ, должно было бы оставаться государственною тайною. Самъ Спаарій, когда его назначили приставомъ къ де ла-Невиллю, въ 1689 году, охотно рассказывалъ про Китай; но точныхъ указаній не давалъ, якобы изъ опасенія батовъ ²⁾).

Въ этихъ розысканіяхъ и въ ожиданіи отвѣта изъ посольскаго приказа прошло болѣе мѣсяца. Можно себѣ представить, какъ сильно іезуиты желали пуститься въ Китай по сибирской дорогѣ и оцѣнить на опытѣ ея выгоды. Но ихъ желанію не суждено было осуществиться. Въ концѣ февраля 1687 года, имъ объявили отвѣтъ въ отрицательномъ смыслѣ. Ѣхать въ Китай имъ не дозволялось подъ тѣмъ предлогомъ, что они не предъявили никакихъ писемъ или свидѣтельствъ отъ своего короля, а незнакомымъ лицамъ такое дозволеніе не выдавалось. Чтобы

¹⁾ Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ т. I, стр. 341.

²⁾ Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, Paris, MDCXCVIII, введение, стр. 206, 225 и слѣд.

нѣсколько смягчить само по себѣ крутое рѣшеніе, іезуитамъ предложили ѣхать вмѣстѣ съ княземъ Я. О. Долгорукимъ, который отправлялся посломъ въ Парижъ, а потомъ вернуться съ надлежащими документами. Такой отвѣтъ сокрушалъ всѣ надежды и разстраивалъ всѣ расчеты нашихъ путешественниковъ. Они умоляли, чтобы ихъ пощадили ради короля Людовика XIV, но все было тщетно. Самъ Голицынъ объявилъ имъ непреклонную царскую волю: на официальномъ языкѣ, ихъ просто выслали изъ Москвы ¹⁾.

Не получивъ желаемого разрѣшенія, іезуиты, съ своей стороны, отказались отъ сопутствованія князю Долгорукому, предугадывая, что положеніе его при французскомъ дворѣ будетъ неловкое. Онъ ѣхалъ съ предложеніями о турецкой войнѣ, а про Францію говорили тогда, что она носитъ тюрбанъ. Австрійскія побѣды надъ полумѣсяпомъ были для нея пораженіями, и вступленіе ея въ христіанскую лигу признавалось невыгоднымъ. Кромѣ того, вопреки предупрежденіямъ Аврilia, Долгорукій взялъ съ собою значительное количество пуховаго тавара, хотя и могъ собразить, что беспошлинная торговля не будетъ допущена. На дѣлѣ, все такъ и сбылось. Людовикъ XIV уклонился отъ союза противъ Порты, а русскій посолъ надѣлалъ себѣ непріятностей въ таможенныхъ.

Не смотря на вѣрную оцѣнку тогдашнихъ обстоятельствъ, французскіе іезуиты рѣшились подчиниться предложеннымъ условіямъ: снабдиться королевскими письмами въ Парижъ и вернуться съ ними въ Москву. Они отправились въ Варшаву, куда пріѣхали 12-го марта 1687 года, и тамъ разстались. Барнабе поѣхалъ въ Парижъ; Авриль, оставшись на мѣстѣ, заручился покровительствомъ французскаго посла Бетюна и былъ удостоенъ королевской аудіенціи въ Яворово. Янъ Собѣскій совершенно обворожилъ іезуита. Увѣнчанный боевыми лаврами, вѣнскій герой выказалъ себя отличнымъ географомъ. Предупрежденный Бетюномъ, онъ первый заговорилъ о Китаѣ и сообщил все слышанное отъ думнаго дьяка Протасія Никифорова, бывшаго недавно въ Польшѣ, а передъ тѣмъ посѣщавшаго Китай. Мало того, онъ дозволилъ Аврилю снять копию съ карты китайскихъ дорогъ, составленной д'Абланкуромъ по указаніямъ Никифорова. Эту карту Авриль напечаталъ впоследствии въ своей книгѣ, сознавая, однако жъ, что она не точна, и жалѣя, что не могъ ее провѣрить.

Между тѣмъ его постигло внезапное несчастіе: онъ потерялъ своего товарища. Успѣшно выполнивъ данныя ему порученія, Барнабе возвра-

¹⁾ Въ „Реестрѣ дѣламъ духовнымъ иностранныхъ исповѣданій“ Московскаго Главнаго Архива упоминается подъ 4-мъ числомъ января 1687 года „Дѣло о высылкѣ изъ Россіи пріѣхавшихъ изъ Персіи двухъ іезуитовъ Барнабасова и Филиппа Аврilia, просившихъ пропустить ихъ чрезъ Сибирь въ Китай“, но самое дѣло, кажется, затерялось.

щался моремъ въ Польшу и, не доѣхавъ до Данцига, погибъ во время бури. Съ нимъ погибли и королевскія письма, и математическіе приборы, и всякое добро, предназначенное для китайской миссіи.

Сознавая всю тяжесть этого удара, Авриль, однако же, не палъ духомъ и снова занялся своимъ Китаемъ. Онъ отправился на сеймъ въ Гродно, чтобы тамъ удобнѣе устроить свои дѣла, которыя сложились такъ: онъ былъ назначенъ королевскимъ математикомъ въ Пекинъ, ему вручили письмо Людовика XIV для русскихъ царей, Бетюнь рекомендовалъ его князю Голицыну, вмѣсто Барнабе къ нему присоединился Антоній Боволье, наконецъ, графъ Сири взялся проводить его до Пекина.

Для уясненія этого послѣдняго обстоятельства, надо познакомиться съ личностью графа Сири. Онъ былъ своего рода проходимецъ, но умный, дѣятельный и честный. Не забывая своихъ личныхъ выгодъ, онъ заботился также о высшихъ народныхъ интересахъ. Родомъ армянинъ или маронитъ, происходившій изъ опальнаго семейства, воспитанный при португальскомъ дворѣ, онъ, усвоивъ себѣ нѣсколько восточныхъ и европейскихъ языковъ, пристрастился къ путешествіямъ. Побывавъ во Франціи, Италіи, Германіи, ему захотѣлось взглянуть и на Польшу. Тамъ его приняли на посольскую службу въ Турціи и Персіи, что дало ему возможность посѣтить Москву. Теперь Янъ Собѣскій посылалъ его вторично въ Персію, а Сири очень желалъ сблизиться какъ-нибудь съ Людовикомъ XIV. И вотъ, по настоянію Авриля, ему выдали официальное письмо съ порученіемъ довести до Пекина королевскаго математика изъ іезуитскаго ордена.

Всѣ эти предосторожности были не лишніи въ виду неизбежныхъ препятствій. Неудача Долгорукаго въ Парижѣ была уже совершившимся фактомъ. И не смотря на его увѣренія, самъ Авриль сомнѣвался въ успѣхѣ своего предпріятія, но хотѣлъ все-таки попытать счастья. Не упоминая изъ осторожности о Сибири, онъ намѣревался ѣхать въ Астрахань, а оттуда чрезъ Тибетъ въ Пекинъ.

Одновременно съ Аврилемъ отправлялись въ Персію и Иверію, но также чрезъ Москву, нѣкоторые другіе польскіе іезуиты. Ихъ положеніе было надежнѣе, ибо въ силу договора 1686 года съ Собѣскимъ, они могли требовать свободный пропускъ на Востокъ, что французамъ никакъ не предоставлялось.

Въ такихъ условіяхъ Авриль покинулъ Польшу въ сентябрѣ 1688 года. Ему не удалось сопровождать графа Сири, что повлекло за собою рядъ непріятностей. На русской границѣ его не пропустили, и онъ прожилъ три, четыре недѣли въ Кадзинѣ, переписываясь съ смоленскимъ воеводою, ожидая курьера отъ Голицына чрезъ посредство графа Сири. Къ счастью, проѣздомъ въ Москву явился въ Кадзинъ польскій посла-

нець Іосифъ Лядинскій. Онъ охотно пришелъ Аврилю на помощь, взявъ его къ себѣ въ качествѣ каплана и благополучно доставилъ въ столицу ¹⁾. Это неожиданное появленіе Аврilia возмутило правительство, и немедленно приняты были рѣшительныя мѣры. Графу Сири предложили удалиться и продолжать свой путь, а иезуитамъ Аврилю и Боволье отдали приказъ выѣхать изъ Москвы, безъ всякаго замедленія.

Тяжело было примириться съ такимъ рѣшеніемъ и повиноваться ему безпрекословно. Авриль обратился къ польскому резиденту Довмонту и, по его совѣту, заявилъ, что онъ привезъ письмо на царское имя отъ Людовика XIV. Это произвело впечатлѣніе, и правительство какъ будто призадумалось. Высылка иезуитовъ была приостановлена; князь Голицынъ пригласилъ ихъ къ себѣ на аудіенцію.

Довмонтъ присутствовалъ при ней. Королевское письмо было принято съ благоговѣніемъ, по крайней мѣрѣ, наружнымъ. Голицынъ одобрилъ поѣздку въ Китай и, какъ и въ первый разъ, общалъ свое содѣйствіе. Иезуиты вынесли такое убѣжденіе, что онъ лично хорошо къ нимъ расположенъ. Спрашивалось только, хватитъ ли у него силы, чтобы провести на дѣлѣ свое собственное мнѣніе?

Двѣ недѣли приготовлялся отвѣтъ, и отвѣтъ былъ опять-таки отрицательный. Такой печальный исходъ Авриль приписываетъ проискамаъ голландскаго и особенно бранденбургскаго резидента, которые повліяли на бояръ. Самъ же Голицынъ, хотя и старался отмѣнить ихъ рѣшеніе, но не имѣлъ уже прежняго своего авторитета. Первый крымскій походъ ему не удался, надо было готовиться ко второму. Какъ разъ въ то время князю подбросили подметное письмо съ угрозами, и даже, по словамъ Аврilia, покушались на его жизнь. Понятно, что Голицынъ не смѣлъ выступать рѣшительно. При всемъ этомъ не слѣдуетъ забывать, что были и другія крайне неблагопріятныя обстоятельства. Между Москвою и Китаемъ происходили тогда непріязненныя столкновенія, которыя уладились въ 1689 году при заключеніи Нерчинскаго договора. Такъ какъ онъ оказался невыгоднымъ для русскихъ, что заранѣе предвидѣлось, то неловко было посвящать французовъ въ эти тайны, тѣмъ болѣе, что при китайскомъ дворѣ находились тогда другіе французскіе иезуиты, а Людовикъ XIV не внушалъ къ себѣ особаго расположенія съ русской стороны. Московское правительство согласилось лишь на одну уступку: на отстрочку отъѣзда до конца масленицы, во время которой путешествіе не считалось безопаснымъ.

Авриль воспользовался этимъ временемъ, чтобы собрать матеріалы для намѣченнаго имъ особаго сочиненія о Россіи. А потомъ съ несо-

¹⁾ Бантышъ - Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. III, стр. 159.

крушимою энергіею вернулся къ отыскиванію дороги въ Китай. Не имѣя доступа въ Астрахань, онъ рѣшился направиться въ Константинополь и для этого поѣхалъ въ Варшаву. Тамъ находился, въ качествѣ цесарскаго резидента, тотъ самый Зіеровскій, который такъ усердно хлопоталъ объ іезуитахъ въ Москвѣ. Отъ него онъ надѣялся получить паспортъ для проѣзда въ Константинополь чрезъ Молдавію. Но къ немалому своему удивленію потерпѣлъ отказъ. Впослѣдствіи выяснилось, что Австрія вела глухую борьбу съ Польшей на Дунаѣ и не желала ее оглашать.

Находчивый Аврилъ не растерялся и обратился съ тою же просьбою къ гетману и русскому воеводѣ Яблоновскому. Лучшаго посредника и покровителя нельзя было найти. Сыновья Яблоновскаго воспитывались у іезуитовъ въ Парижѣ, онъ самъ былъ человѣкъ образованный и религіозный, восточныя дѣла сильно интересовали его. Онъ повезъ Авриля и Боволье во Львовъ, продержалъ ихъ у себя два мѣсяца, а между тѣмъ снесся съ молдавскимъ господаремъ и надѣлилъ обоихъ путешественниковъ такими письмами, что ихъ повсюду встрѣчали съ большимъ почетомъ. Они доѣхали до Константинополя вполне благополучно.

Здѣсь Аврилъ задался новыми соображеніями, но его преслѣдовалъ злой рокъ. Вслѣдствіе трудовъ и лишеній, здоровье его пошатнулось, онъ жестоко захворалъ и долженъ былъ вернуться во Францію: 30-го ноября 1689 года, онъ высадился въ Тулонѣ. Онъ такъ и не доѣхалъ до Китая, но узналъ очень многое о китайскихъ дорогахъ.

Приговоренный на нѣкоторое время къ покою, Аврилъ взялся за перо и составилъ описаніе своего путешествія, которое надѣлало не мало бѣдъ. О Россіи онъ говоритъ относительно мало, ибо намѣревался, какъ уже сказано, написать о ней особое сочиненіе. То, что онъ говоритъ о лживости, грубости, пьянствѣ русскихъ, встрѣчается и у другихъ писателей. Выдается только его отзывъ о Петрѣ. По случаю брака съ Евдокіей Лопухиной, Аврилъ утверждаетъ, что нѣсколько дней послѣ свадьбы молодой государь заболѣлъ падучею болѣзнію, которая будто бы наследственна въ его семействѣ ¹⁾.

Изданная въ 1692 году ²⁾ книга Авриля приобрѣла нѣкоторую извѣстность. Ее перевели на голландскій языкъ, и она попала въ Москву. Кто-то поднесъ ее Петру Алексѣевичу съ указаніемъ на несчастныя слова о падучей болѣзни. Молодой царь такъ вознегодовалъ и такъ оскорбился, что генералъ Гордонъ не на шутку перепугался. Этотъ

¹⁾ Voyage en divers Etats, стр. 321.

²⁾ Упоминаемое Аделунгомъ изданіе 1691 года врядъ-ли когда-либо существовало.

шотландскій выходець быть, можно сказать, другомъ Петра и вмѣстѣ съ тѣмъ усерднымъ католикомъ. Сгоряча онъ сталъ увѣрять, что книга, пожалуй, подложная, цѣликомъ или въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ то же время, онъ обратился для объясненія къ своему старому знакомому, отцу Шмидту.

Первый учредитель іезуитскихъ школъ въ Москвѣ пребывалъ тогда въ Браунсбергѣ и переписывался съ Гордономъ, сынъ котораго, Федоръ, воспитывался въ тамошней коллегіи. И вотъ, 6-го апрѣля 1694 года, генераль Гордонъ пишетъ Шмидту о своихъ семейныхъ дѣлахъ и влагаетъ въ письмо особую записку приблизительно такого содержанія: два года тому назадъ вышла въ Парижѣ книга іезуита Филиппа Авриля, бывшаго проѣздомъ въ Москвѣ, въ которой есть много обиднаго для русскихъ. Всего хуже, да и ложно, то, что авторъ пишетъ о младшемъ государѣ и о его якобы наследственной болѣзни. Царь Петръ изъ-за этого сильно разгнѣвался не только на іезуитовъ, но и на всѣхъ католиковъ, такъ что полагаться на его благосклонность уже нельзя. Упомянувъ потомъ о возможности подлога, Гордонъ сознается, что это только предположеніе съ его стороны, а что доказательствъ у него нѣтъ ¹⁾.

Эта замѣтка взволновала и опечалила отца Шмидта. По правдѣ сказать, Гордонъ слегка преувеличивалъ опасность; ему лично, по крайней мѣрѣ, не угрожала немилость, ибо въ то самое время онъ пировалъ съ Лефортомъ и сопровождалъ царя въ Архангельскъ, но въ сущности было чего бояться. Отецъ Шмидтъ, хотя и не знакомый съ книгою Авриля, однако не пренебрегъ замѣткою Гордона и довелъ ее, 8-го мая 1694 года, до свѣдѣнія орденскаго начальства. По этому поводу завязалась интересная переписка между Римомъ и Парижемъ.

Авторство Авриля было несомнѣнно, отрицать его даже и не думали. Обсуждать дѣло по существу было также немыслимо въ Римѣ. Орденскій генераль Гонзалезъ повѣрилъ Гордону на слово и поручилъ руководителю восточныхъ миссій въ Парижѣ, въ вѣдомствѣ котораго находился Авриль, позаботиться объ улаженіи этого дѣла. Ему самому казалось, что Авриль могъ бы напечатать опроверженіе и объяснить, что посторонніе рассказы ввели его въ заблужденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось, чтобы намѣченное Аврилемъ особое сочиненіе о Московіи было прислано въ Римъ для пересмотра, и заранѣе воспрещались немумѣстныя выходки противъ русскихъ ²⁾.

¹⁾ Posselt, Tagebuch des Generals Patrick Gordon, т. II, стр. 443.

²⁾ Письмо Гонзалеза къ Антонію Вержюсъ, отъ 6-го іюля 1694 года, напечатано въ *Études de théologie, de philosophie et d'histoire*, 1857, т. II, стр. 510.

Это особое сочиненіе о Москвѣ, вѣроятно, такъ и не появилось; слѣдовъ его, по крайней мѣрѣ, нигдѣ ни находится. Напечаталъ ли Авриль свое опроверженіе, намъ также не извѣстно; а если напечаталъ, то едва-ли оно дошло до Москвы, ибо въ 1698 и 99 годахъ тамъ снова заговорили о злополучной книгѣ. Непримиримые враги іезуитовъ, кальвинисты, при содѣйствіи Лефорта, перевели ее на русскій языкъ и пользовались ею для притѣсненія католиковъ. Въ Москвѣ проживали тогда два іезуита, но тайкомъ, въ качествѣ цесарскихъ каплановъ, а посломъ Леопольда I былъ Игнатій де-Гваріентъ, ихъ усердный покровитель. Ихъ попрекали книгою Авриля. Гваріентъ, какъ нѣкогда Гордонъ, предполагалъ подлогъ, а іезуиты отмалчивались. На ихъ бѣду пріѣхалъ доминиканецъ изъ Персіи, вздумалъ самъ писать противъ Авриля и обратился за совѣтомъ къ іезуитамъ, не подозрѣвая ихъ принадлежности къ ордену. Но задуманное сочиненіе не появилось, и мало-по-малу эта литературная невзгода миновала и пришла въ забвеніе ¹⁾.

Между тѣмъ самъ Авриль пустился моремъ въ Китай и, не доѣхавъ до своей обѣтованной земли, скончался въ виду острова Формозы, въ октябрѣ 1698 года. Ему было отъ роду сорокъ три года. Краткая, но не безцѣльная жизнь.

П. Пирлингъ.

¹⁾ Брюнвъ, Городскій архивъ, *Missio Mosquensis*, письма 23-го сентября 1698 и 23-го іюня 1699 года.—Вѣна, государственннй архивъ, *Russica*, 1698.

**Письмо А. Тургенева — Павлу Александровичу Галахову объ
изданіи книги М. М. Сперанскаго «О подражаніи Христу».**

27-го марта 1828 г. № 359.

Имѣя въ виду, что второе изданіе книги «О подражаніи Христу», обращенное въ пользу заведеній Императорскаго человѣколюбиваго общества, все разошлось, я долгомъ поставилъ увѣдомить о семъ Михаила Михайловича Сперанскаго и, получивъ его отзывъ, докладывалъ его сіятельству князю Александру Николаевичу ¹⁾, который и поручилъ мнѣ отнестись къ вашему превосходительству о предпріятіи третьяго изданія сей книги, которое переводчикъ предоставляетъ такъ, какъ и всѣ имѣющія быть впредь изданія, въ пользу бѣдныхъ, на томъ же самомъ основаніи, какъ и первыя два изданія, почему и не угодно ли будетъ приступить къ надлежащимъ для сего распоряженіямъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть и проч. ²⁾.

¹⁾ Голицину.

²⁾ О предъидущихъ изданіяхъ этой книги см. у Корфа „Жизнь графа Сперанскаго“ т. II, стр. 90 и 91.

Изъ разсказовъ А. О. Смирновой о Н. В. Гоголѣ.

Въ 1867 году на берегу Женевского озера жила А. О. Смирнова, рожденная Розетти, вмѣстѣ съ дочерью своею Ольгою Николаевною. Я близко познакомился съ нею черезъ князя Б. и часами просидивалъ у нея по большей части дома или въ саду и на прогулкахъ. Самымъ дружескимъ отношеніямъ положенъ былъ конецъ ссорой изъ-за Лермонтова. Я тогда уже собиралъ матеріалъ для его біографіи. Князь Б. не любилъ его памяти, въ спорахъ о немъ Александра Осиповна становилась всегда на сторону Б.. Ей, кажется, доставляло удовольствіе дразнить меня, тогда еще юношу, только-что окончившаго университетскій курсъ. Но о г-жѣ Смирновой и ея дочери въ другой разъ. (Я подробнѣе говорю о нихъ въ запискахъ своихъ). Теперь хочется подѣлиться нѣсколькими воспоминаніями Александры Осиповны о Гоголѣ, какъ тогда были они записаны со словъ ея. Она передала мнѣ въ оригиналѣ 26 его писемъ 1844 и 1845 годовъ. Эти письма въ копіяхъ были переданы мною проф. Оресту Ѳедоровичу Миллеру въ 1871 году въ Петербургѣ, когда я пріѣхалъ на короткое время, приглашенный профессорами С.-Петербургскаго университета читать вмѣстѣ съ ними рядъ публичныхъ лекцій въ пользу недостаточныхъ студентовъ. О. Ѳ. Миллеру отдалъ я и оригиналы Гоголевскихъ писемъ для сравненія съ ними копій, какъ онъ этого желалъ, а затѣмъ выслалъ драгоценныя рукописи Александрѣ Осиповнѣ. По какимъ причинамъ проф. Миллеръ не исполнилъ своего намѣренія и не напечаталъ писемъ, не помню хорошенько. Знаю только, что въ рѣдкіе мои пріѣзды Орестъ Ѳедоровичъ мнѣ копій съ писемъ не возвращалъ—не могъ розыскать ихъ (теперь читатель найдетъ ихъ въ собраніи писемъ, изд. подъ ред. г. Шенрока). У меня сохранились только

довольно подробныя извлеченія изъ нихъ, собственно мѣсть, касавшихся нѣкоторыхъ интересовавшихъ меня вопросовъ въ исторіи развитія Гоголя. Да и эти наброски и выписки сильно потерпѣли отъ бывшаго у меня пожара. Я тогда собирался писать объ отношеніяхъ писателя нашего къ поэміе его «Мертвыя души». Намѣреніе это такъ и осталось намѣреніемъ, хотя на лекціяхъ своихъ я студентамъ университета не разъ читалъ о «Мертвыхъ душахъ», пополняя свои сообщенія тѣмъ, что слышалъ отъ А. О. Смирновой, Авдотьи Петровны Елагиной (Кирѣевской), Ивана Сергѣевича Аксакова, Софьи Михайловны Солдогоубъ (рожд. Вьельгорской) и другихъ ¹⁾. Въ настоящее время я подѣлюсь тѣмъ, что сообщила мнѣ Александра Осиповна Смирнова. Читателю эти рассказы будутъ можетъ быть частью извѣстны, но, записанные прямо со словъ Александры Осиповны, они имѣютъ интересъ.

1) «Познакомилась я съ Гоголемъ еще въ дѣтствѣ... Меня рано увезли изъ Малороссіи, и воспоминанія о ней и дѣтствѣ какъ-то сплелись съ образомъ ребенка Гоголя, игравшаго со мной. Вотъ почему, встрѣтившись позднѣе въ Петербургѣ въ домѣ, гдѣ Гоголь давалъ уроки, я заинтересовалась «холодомъ», который былъ неловокъ и застѣнчивъ и совсѣмъ не интересенъ при первомъ знакомствѣ. Но меня влекла къ нему память о дѣтствѣ и дорогой Малороссіи, представлявшейся мнѣ въ какомъ-то таинственномъ полусвѣтѣ, какъ это говоритъ вашъ Лермонтовъ:

. вечеръ ясный
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ.

И въ этомъ таинственномъ полумракѣ рисовался мнѣ неясный образъ мальчика, рассказывавшаго мнѣ что-то, мастеровитого какую-то игрушку, а на синемъ небѣ съ алою полосой солнечнаго заката, причудливо обозначались узоры вишневыхъ деревъ, тянувшихся

¹⁾ Между прочимъ не безынтересны были краткія сообщенія Эмануила Александровича Дмитріева-Мамонова, который часто видался съ Гоголемъ передъ смертью его и еще 5-го февраля (слѣд. за двѣ недѣли до смерти) снялъ съ писателя карандашомъ извѣстный профильный портретъ, приложенный къ запискамъ о жизни Гоголя Кулиша (тоже къ 4 тому Тихонравовскаго изд. сочиненій Гоголя и пр.). Мнѣ въ Дерптѣ Мамоновъ подарилъ карандашный набросокъ, сдѣланный съ Гоголя (и еще портреты нѣкоторыхъ славянофиловъ). Это только голова—и художникъ объяснилъ, что галстукъ и часть тѣла, вырисованные больше на печатныхъ экземплярахъ, были сдѣлана позднѣе. Подарилъ онъ мнѣ и литографію своего портрета, сдѣланную тоже въ 1852 г. На ней дата: 5 марта 1852 г. Когда я спросилъ, что же это значитъ? Гоголь-то умеръ 21-го февраля, то Мамоновъ объяснилъ это просто ошибкой: „надо бы помѣтить 5-го февраля“. Находящійся у меня карандашный портретъ типичнѣе, жизненинѣе извѣстнаго всѣмъ печатнаго экземпляра. П. В.

вдоль плетня. Какъ и когда мы увидали другъ друга въ первый разъ, я никогда не могла вспомнить. Не разъ я задавала о томъ вопросъ Гоголю, но онъ всегда отвѣчалъ мнѣ:

— Никогда не было этого перваго раза. Мы всегда были съ вами знакомы.

А между тѣмъ онъ хорошо помнилъ свое дѣтство и любилъ порою возвращаться къ нему и рассказывать о немъ. Жаль, что я не записывала, а теперь всего въ памяти не возстановить. Въ памяти сохранился у меня рассказъ Гоголя о себѣ еще мальчикомъ:

— Было мнѣ лѣтъ пять. Я сидѣлъ одинъ въ Васильевкѣ. Отецъ и мать ушли. Оставалась со мною одна старуха няня, да и она куда-то отлучилась. Спускались сумерки. Я прижался къ уголку дивана и среди полной тишины прислушивался къ стуку длиннаго маятника старинныхъ стѣнныхъ часовъ. Въ ухахъ шумѣло, что-то надвигалось и уходило куда-то. Вѣрите ли — мнѣ тогда уже казалось, что стукъ маятника былъ стукомъ времени, уходящаго въ вѣчность. Вдругъ слабое мяуканье кошки нарушило тяготившій меня покой. Я видѣлъ, какъ она, мяукая, осторожно кралась ко мнѣ. Я никогда не забуду, какъ она шла, потягиваясь, а мягкія лапы слабо постукивали о половицы когтями, и зеленые глаза искрились недобрымъ свѣтомъ ¹⁾... Мнѣ стало жутко! Я вскарабкался на диванъ и прижался къ стѣнѣ... Киса, Киса! пробормоталъ я и, желая ободрить себя, соскочилъ и, схвативъ кошку, легко отдавшуюся мнѣ въ руки, побѣжалъ въ садъ, гдѣ бросилъ ее въ прудъ и нѣсколько разъ, когда она старалась выплыть и выйти на берегъ, отталкивалъ ее шестомъ. Мнѣ было страшно, я дрожалъ, а въ то же время чувствовалъ какое-то удовлетвореніе, можетъ быть, месть за то, что она меня испугала. Но когда она утонула и послѣдніе круги на водѣ разбѣжались—водворились полный покой и тишина—мнѣ вдругъ стало ужасно жалко «кисы». Я почувствовалъ угрызения совѣсти. Мнѣ казалось, что я утопилъ человѣка. Я страшно плакалъ и успокоился только тогда, когда отецъ, которому я признался въ поступкѣ своемъ, меня высѣкъ.

«Этотъ рассказъ, говорила Александра Осиповна, остался у меня особенно въ памяти изъ-за выраженія: «Стукъ времени, уходя-

¹⁾ Не вспомнилась ли Гоголю эта сцена изъ его дѣтства, когда онъ въ „Майской ночи“ описываетъ кошку, крадущуюся къ одиноко тоскующей дочкѣ сотника: „Глядитъ: страшная черная кошка крадется къ ней; шерсть на ней горитъ, и желѣзные когти стучать по полу“... Вѣдь извѣстно, что Гоголь каждую черту въ рассказахъ своихъ списывалъ съ природы. Г. Свирибѣвъ въ шипѣвшихъ часахъ Коробочки, столь удивившихъ Павла Ивановича Чичикова, узналъ старинные часы въ столовой своего помѣстья, потерявшіе бой и хрипѣвшіе.

щаго въ вѣчность». И теперь еще, когда я одна въ комнатѣ, и при полной тишинѣ раздается щелканье маятника стѣнныхъ часовъ, мнѣ сдается, что густая, страшная, подавляющая густота какого-то тока проходитъ мимо меня, уходя въ пучину темнаго прошлаго, и «топить въ пропасти забвенья народы, царства и царей», а ужъ обо мнѣ и подобныхъ мнѣ смертныхъ—говорить нечего».

2) «Гоголь любилъ лакомиться, и у него въ карманахъ, особенно въ дѣтствѣ, всегда были какіе-либо пряники, леденцы и т. п. Живя въ гостиницѣ, онъ никогда не позволялъ уносить прислугѣ поданный къ чаю сахаръ, а собиралъ его, пряталъ гдѣ-нибудь въ ящикѣ и порою грызъ куски за работою или разговоромъ.

— Вотъ посмотрите,—сказала мнѣ Александра Осиповна, лежавшая на кушеткѣ, указывая на комодъ—выдвиньте ящикъ.

Я выдвинулъ. Онъ почти весь былъ помонъ кусками сахара.

— Этому научилъ меня Гоголь. Зачѣмъ—говорить онъ—оставлять его хозяину гостиницы, вѣдь мы за него уплатили...

Происходило это, конечно, не отъ скупости. Гоголь никогда не былъ скупымъ.

— Ну а вы,—спросилъ я, что станете дѣлать съ этимъ количествомъ сахара?

— Ужъ, конечно, не возьму съ собою, а оставлю здѣсь, ну хоть въ пользу горничной. Пусть угощаетъ, кого знаетъ.

3) «У Гоголя всегда въ карманѣ была записная книжка, или просто клочки бумаги. Онъ заносилъ сюда все, что въ теченіе дня его поражаало или занимало: собственныя мысли, наблюденія, уловленныя оригинальныя, или почему-либо поразившія его, выраженія и пр. Онъ говорилъ, что если имъ ничего не записано, то это потерянный день; что писатель, какъ художникъ, всегда долженъ имѣть при себѣ карандашъ и бумагу, чтобы наносить поражающія его сцены, картины, какія-либо замѣчательныя, даже самыя мелкія детали. Изъ этихъ набросковъ для живописца создаются картины, а для писателя—сцены и описанія въ его твореніяхъ. «Все должно быть взято изъ жизни, а не придумано до-сужей фантазіей»¹⁾).

4) «Гоголь, при всей своей застѣнчивости и нелюдимости, охотно вступалъ въ разговоры съ самыми разнообразными людьми.

— Мнѣ это вовсе не интересно,—говорилъ онъ, какъ бы оправдываясь,—но мнѣ необходимо это для моихъ сочиненій.

Въ Калугѣ онъ какъ-то перезнакомился въ Гостиномъ дворѣ со всѣми купцами и лавочниками. У нѣкоторыхъ засиживался и игралъ подолгу

¹⁾ Ср. Матеріалы для біогр. Гоголя, изд. Шенрокомъ, т. IV, стр. 941.

въ пашки. Его знали, не только какъ гостя, проживавшаго у губернатора, но и какъ автора «Ревизора», столь знакомой комедіи.

Братъ мой засталъ разъ цѣлую толпу купцовъ и приказчиковъ, разсматривавшихъ и примѣрившихъ шляпу съ головы Гоголя, оставившаго ее въ лавкѣ, гдѣ купилъ новую. Шляпа была старая и грязная, всѣмъ велика, но ее надѣвали другъ другу на голову и острили по поводу «головнаго убора» писателя.

Но вообще Гоголь былъ тугъ на новое знакомство. Онъ утверждалъ, что вести знакомство можно только съ тѣми, у кого чему-либо можно научиться, или кого можно научить чему-либо. Познакомившись и заинтересовавшись человѣкомъ, Гоголь или внимательно слушалъ его, или обучалъ иногда самымъ элементарнымъ истинамъ, или просто вопросамъ практической жизни. Толкуя ихъ по-своему и придавая имъ особое значеніе, онъ смущалъ этимъ людей, а натуры обыденныя, любящія говорить свысока самыя банальныя истины, приводилъ въ негодованіе. Онъ не на шутку сердился на расточавшаго непрощенныя поученія».

5) «Гоголь былъ доброжелателенъ къ людямъ, но требовалъ, чтобы непременно входили въ его интересы. Придавая, особенно въ послѣдніе годы дѣятельности своей, большое значеніе своимъ сочиненіямъ, въ особенности «Мертвымъ душамъ», онъ и отъ другихъ требовалъ почтенія, и страннымъ образомъ не къ написанному—это можно было разбирать и бранить—но къ тому, что ройлось у него въ мысляхъ, надъ тѣмъ онъ думалъ и день и ночь, но чего не говорилъ другимъ и не объяснялъ.

Тутъ Александра Осиповна изъ пачки Гоголевскихъ писемъ вынула письмо его къ ней отъ 25-го іюня 1845 года изъ Карлсбада и предложила мнѣ слѣдующій отрывокъ:

«Вы коснулись «Мертвыхъ душъ» и просите меня не сердиться на правду, говоря, что вы исполнились сожалѣнія къ тому, надъ чѣмъ прежде смѣялись. Другъ мой, я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, и особенно «Мертвыхъ душъ», но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за нихъ автора, принимая за карикатуру, насмѣшку надъ губерніями, такъ же, какъ были прежде несправедливы, хваливши. Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ «Мертвыхъ душъ». Это пока еще тайна, которая должна вдругъ къ изумленію всѣхъ (ибо ни одна душа изъ читателей не догадалась) раскрыться въ послѣдующихъ томахъ, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущій трудъ. Повторяю вамъ вновь, «что это еще тайна, и ключъ отъ нея покамѣстъ въ душѣ у одного только автора»¹⁾...

¹⁾ Интересно сравнить съ этимъ и письмо отъ 27-го января 1846 года у Шенрока. Т. III, стр. 141 внизу.

— Вотъ видите ли, — продолжала Александра Осиповна, — какъ Гоголь тщательно скрывалъ отъ другихъ значеніе своей безсмертной поэмы и въ то же время негодовалъ, что никто изъ читателей, и особенно друзей, не догадался, что онъ замышлялъ сдѣлать изъ своихъ «Мертвыхъ душъ», какое должно было быть вліяніе ихъ на Россію. Онъ такъ и говорилъ: на Россію, на судьбу Россіи, на развитіе русскаго общества или на развитіе русскаго человѣка. Онъ дѣйствительно сердился на меня и друзей, что мы не умѣли проникнуть въ его душу. Онъ говорилъ: «Отъ друзей не можешь требовать всегда сочувствія къ своимъ дѣламъ, но пониманія тебя должно требовать. Ибо что ты мнѣ за другъ, когда ты меня не понимаешь. Чѣмъ же ты будешь мнѣ полезенъ? Какъ ты меня убѣдишь и наставишь на путь истинный, когда и я, и мысли мои тебѣ непонятны?»

Гоголя сердило, что конецъ первой части «Мертвыхъ душъ», да еще два, три мѣста въ поэмѣ (очевидно, рѣчь шла о такъ называемыхъ лирическихъ мѣстахъ) остались непонятыми даже близкими ему.

— И Аксаковы, и друзья его, и мои могли думать, что восторгъ свой къ Россіи я выражаю по поводу Собакевичей и Ноздревыхъ!

— Такъ зачѣмъ же вы не объясняете друзьямъ своихъ плановъ? — спрашивала его Александра Осиповна.

— Довольно сказано, — возражалъ, раздражаясь, Гоголь. Вѣдь напечатано, что такое Чичиковъ, указано, что въ слѣдующихъ частяхъ должны появиться люди, передъ которыми всѣ мы преклонимся. Не виновать я, или нѣтъ, извините, виновать, что такъ выставилъ Ноздревыхъ, что всѣ въ нихъ увидали идеалъ русскаго человѣка, да и сами захотѣли стать ими.

Тутъ Гоголь разразился страшною бранью, не хуже своего Костанжоглы».

6) «Гоголь былъ очень нервенъ и боялся грозы. Разъ какъ-то въ Ниццѣ, кажется, онъ читалъ мнѣ отрывки изъ второй или третьей части «Мертвыхъ душъ», а это было не легко упросить его сдѣлать. Онъ упирался, какъ хохоль (А. О. и называла его «хохликъ»), и чѣмъ больше просишь, тѣмъ сильнѣе онъ упирается. Но тутъ какъ-то онъ растаялъ, сидѣлъ у меня и вдругъ вынулъ изъ-за пазухи толстую тетрадь и, ничего не говоря, откашлялся и началъ читать. Я вся обратилась въ слухъ. Дѣло шло объ Улинькѣ, бывшей уже замужемъ за Тевтетниковымъ. Удивительно было описано ихъ счастье, взаимное отношеніе и воздѣйствіе одного на другаго.... Тогда былъ жаркій день, становилось душно. Гоголь дѣлался безпокоенъ и вдругъ захлопнулъ тетрадь. Почти одновременно съ этимъ послышался первый ударъ грома, и разразилась страшная гроза. Нельзя себѣ представить, что стало съ Гого-

лемъ: онъ трясся всѣмъ тѣломъ и весь потушился. Послѣ грозы онъ боялся одинъ идти домой. Вѣльгорскій взялъ его подъ руку и отвелъ.

Когда послѣ я приставала къ нему, чтобы онъ вновь прочелъ и дочиталъ начатое, онъ отговаривался и замѣчалъ:

— Самъ Богъ не хотѣлъ, чтобы я читалъ, что еще не окончено и не получило внутренняго моего одобренія... Признайтесь, вы тогда очень испугались?

— Нѣтъ, хохликъ! это вы испугались,—сказала я.

— Я-то не грозы испугался, а того, что читалъ вамъ, чего не надо еще никому читать, и Богъ въ гнѣвѣ своемъ погрозилъ мнѣ»¹⁾.

7) «Гоголь смотрѣлъ на „Мертвыя души“ какъ на что-то, что лежало внѣ его, гдѣ долженъ былъ раскрыть тайны, ему заповѣданныя.

— Когда я пишу, очи мои раскрываются неестественною ясностью. А если я прочитаю написанное, еще неоконченнымъ, кому бы то ни было, ясность уходила съ глазъ моихъ. Я это испытывалъ много разъ. Я увѣренъ, когда сослужу свою службу и окончу, на что я призванъ, то умру. А если выпущу на свѣтъ не созрѣвшее или подѣлюсь малымъ, мною совершаемымъ, то умру раньше, нежели выполню, на что я призванъ въ свѣтъ.....

Свою службою царю и отечеству Гоголь называлъ свою писательскую дѣятельность, но не ту, что была за нимъ, а ту, что была впереди.

— Богъ вразумилъ государя, и онъ даетъ мнѣ возможность работать, онъ даетъ мнѣ средства — это мое жалованье за мою службу.... Неужели вы думаете, что онъ далъ бы мнѣ деньги за ту дрянь, что я написалъ? Да и эта дрянь полезна только тѣмъ, развѣ, что тоже дала мнѣ нѣкоторыя средства.... Да, это навозъ, но безъ него не вырасти розанамъ».

8) «Гоголь любилъ со всѣми жить въ мирѣ. Онъ боялся кого-либо огорчить и искренно сѣтовалъ на то, что его не понимаютъ, какъ и на Бѣлинскаго, которому не отвѣчалъ.

Я принесъ Смирновой «Полярную Звѣзду» Герцена, гдѣ напечатано было извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю въ отвѣтъ на его письмо, и затѣмъ опять отвѣтъ Гоголя на письмо Бѣлинскаго. («Полярная Звѣзда» 1855 г., стр. 62—77).

Александра Осиповна сказала, что отвѣта Гоголя не знала, но что въ немъ видна прекрасная душа Николая Васильевича, и что онъ только служить подтвержденіемъ всего того, что она говорила о Гоголѣ.

Гоголь стремился къ тому, чтобы не только перезнакомить всѣхъ своихъ знакомыхъ, но постояннымъ его желаніемъ было сблизить друзей

¹⁾ Подобный же разговоръ изъ записокъ о жизни Гоголя воспроизведенъ Шенрокомъ (Мат. для біогра. Гоголя, т. III, стр. 194).

своихъ, чтобы всѣ были связаны однѣми общими узами дружбы и «жили между собою въ мирѣ и согласіи».

9) «Нѣмецъ онъ не любилъ, но хранилъ благодарную память и любовь къ нѣкоторымъ изъ нѣмецкихъ писателей. Особенно благоволилъ къ Шиллеру и Гофману. Послѣдняго называлъ даже своимъ наставникомъ «при созданіи моихъ первыхъ юродивыхъ твореній». Но долго Гофманъ не могъ ужиться на малороссійскомъ хуторѣ. Хохолъ пересталъ понимать нѣмца, нѣмецъ—хохла и убѣжалъ, и мы послѣ не встрѣчались.

— Вы браните нѣмцевъ, — какъ-то сказала я ему, — ну, а Шиллера все-таки любите; а Шиллеръ тоже нѣмецъ.

— Шиллеръ! — отвѣчалъ Гоголь. Да когда онъ догадался, что былъ нѣмцемъ, такъ съ горя умеръ. А вы думали, отчего онъ умеръ?»

10) «Изъ рассказовъ Гоголя, которыми онъ любилъ занимать своихъ слушателей, Александра Осиповна передавала мнѣ довольно много. Но рассказы эти въ мастерской передачѣ Николая Васильевича и даже А. О. Смирновой, владѣвшей малороссійской рѣчью, имѣли свою прелесть, (тутъ было много малороссійскихъ анекдотовъ), а въ простой безыскусной передачѣ они теряютъ и смыслъ, и значеніе.

Таковъ, напр., рассказъ о маіорѣ, прибывшемъ въ селеніе на отведенную ему квартиру на краю города. Тщетно онъ спрашиваетъ у хохладенщика спичекъ и затѣмъ посылаетъ его раздобыть ихъ, строго наказывая хорошенько испытать, горять ли онѣ. Денщикъ возвращается не скоро. Маіоръ его ругаетъ, чиркаетъ спички объ стѣну, объ обшлагъ рукава, онѣ не вспыхиваютъ. Денщикъ объясняетъ, что, исполняя приказъ барина, перечиркалъ ихъ всѣ, и у него онѣ горѣли».

Пав. Висковатовъ-Висковатый.

Русская журналистика въ 1849—1874 гг.

(Изъ бумагъ М. В. Авдѣва).

19.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣву.

18-го (30-го) апрѣля 1868 г.
Баденъ-Баденъ. Thirgartenstrasse, 3.

Сейчасъ получилъ ваше письмо, любезнѣйшій Авдѣвъ, и отвѣчаю немедленно, такъ какъ, повидимому, дѣло къ спѣху. Прежде всего о вашихъ переводахъ.

Переводы съ иностранныхъ языковъ печатаются въ Парижѣ туго и неохотно, потому что плохо идутъ съ рукъ. Диккенсъ не намъ чета, а ни одинъ изъ его романовъ не выпелъ вторымъ изданіемъ, между тѣмъ какъ какое-нибудь: *Monsieur, Madame et Bébé*—Г. Дроза уже 20-мъ изданіемъ вышло. Мои книги переводились, но собственно я ни копѣйки за это не получалъ никогда,—а переводчику въ видѣ великой милости платилось и то не всегда—франковъ 300, 400—аффера, какъ вы видите, не блестящая. Нечего и говорить, что ни одной моей книги не разошлось и перваго изданія, т. е. 2.400 экз. Меня просили уговорить издателя Гетцеля напечатать Дирона отличный переводъ «Князь Серебряный», а онъ едва-ли согласится. Сверхъ того есть еще затрудненіе: переводъ вашъ сдѣланъ русскимъ и вѣроятно написанъ тѣмъ московско-французскимъ языкомъ, который французамъ просто ужасенъ: приходится рѣшительно все передѣлывать, ибо мы русскіе и не подозреваемъ, какіе они пуристы. Двѣ мои книги были такъ переведены—и

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1902 г.

переводчикамъ было объявлено, что впредь такой работы не примутъ. Со всѣмъ тѣмъ, если вы хотите попытаться и прислать мнѣ манускриптъ, я сдѣлаю все отъ меня зависящее, но предвараю васъ—великое уже будетъ со стороны издателя снисхожденіе, если онъ напечатаетъ даромъ (За «Futée» безъ сравненія самый удачный мой романъ съ точки зрѣнія продажи въ Парижѣ я такъ же ничего не получилъ);—если же дадутъ 300 фр.—ce sera le bout du monde. Русскія дамы, желающія зарабатывать деньгу, должны придумывать нѣчто другое. Повторяю, пришлите рукопись: сдѣлаю все возможное.

Моей «Исторіей»¹⁾ въ Россіи всѣ рѣшительно недовольны, да всѣ, безъ исключенія. Я въ такихъ случаяхъ всегда охотно соглашаюсь съ критикой, но на этотъ разъ мнѣ кажется, что эта небольшая штучка не стоила такого негодованія. Еще бы я сталъ вкладывать мысль въ нее! Но я воображаю, что помимо мысли чъ ней есть нѣчто: видно, я ошибся.

Я черезъ мѣсяцъ отправляюсь въ Россію, но въ Петербургѣ останусь всего два или три дня: я долженъ провести недѣль 6-ть въ Москвѣ и въ деревнѣ. Хорошо бы, если бы пришлось увидѣться. Потомъ я опять сюда возвращаюсь и живу до зимы здѣсь.

Вашъ романъ мнѣ понравился менѣе предыдущихъ вашихъ работъ. Умно и хорошо написано, но растянута и чувствуется какое-то постоянное напряженіе—да и любовныхъ сценъ немножко много.

Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе: на счетъ «Войны и мира»—но есть красоты первоклассныя.

И такъ присылайте вашу рукопись, не мѣшкая, а я вамъ дружески жму руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

20.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

8-го (20-го) октября 1868 г.

Баденъ-Баденъ. Thirgartenstrasse, 3.

Очень радъ, что вы дали о себѣ вѣсточку, любезнѣйшій Михаилъ Васильевичъ, и спѣшу откликнуться съ своей стороны. Не знаю, извѣстно ли вамъ, что я нынѣшнимъ лѣтомъ ѣздилъ въ Россію, на возвратномъ пути изъ деревни схватилъ въ Москвѣ новый припадокъ подагры, съ трудомъ сюда дотащился и два мѣсяца не могъ надѣть сапога, а потому и не охотился; но вотъ уже 6-ть недѣль, какъ все пришло въ порядокъ, и я имѣлъ уже нѣсколько удачныхъ охотъ. Такъ же, какъ вы,

¹⁾ Повѣсть Тургенева „Странная исторія“.

я написалъ повѣсть и такъ же, какъ вы, я не совѣмъ доволенъ ею: больно мрачная она уже вышла. Поправлю и отошлю въ «Русскій Вѣстникъ» Каткову, если онъ возьметъ. Теперь началъ возиться съ литературными воспоминаніями, которыя должны составить нѣчто въ родѣ предисловія къ новому изданію моихъ сочиненій.

Вы, я вижу, были дѣятельнѣе меня... Похвально! Особенно любопытно было бы мнѣ послушать вашу комедію.

О «переводящихъ» дамахъ ни слуху, ни духу; когда вашъ романъ выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ, пришлите его; быть можетъ, откроется возможность его пристроить.

Жемчужниковъ писалъ мнѣ недѣли три тому назадъ изъ Швейцаріи, что онъ на зиму поселяется въ Штутгардѣ. Онъ очень огорченъ потерей своей младшей дочки.

Зиму провожу по обыкновенію здѣсь, а быть можетъ и въ Карлсруэ, во всякомъ случаѣ думаю въ февралѣ побывать въ Петербургѣ и остаться тамъ около мѣсяца. Тогда увидимся.

Въ домѣ своемъ я живу уже съ 15-го апрѣля, и очень онъ удобенъ.

Странное же вамъ попалось ружье! Здѣсь другихъ ружей и не видно—старыя съ шомполами всѣ исчезли—но никто и не слыхивалъ о томъ, чтобы оба ствола стрѣляли разомъ.

Будьте здоровы, дружески жму вашу руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

21.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

21-го сентября (3-го октября),
воскресенье, 1869 г. Бадень-Бадень.

Я очень обрадовался, любезнѣйшій Авдѣевъ, получивъ наконецъ вѣсточку отъ васъ; мнѣ такъ же очень пріятно было узнать, что вы намѣрены издавать журналъ. Я всегда думалъ, что вы вполне способны на подобное дѣло, и съ нетерпѣніемъ ожидаю васъ à l'oeuvre. Что же касается до моего сотрудничества, то позвольте объясниться съ вами со всею откровенностью старинной пріязни. То, что вы мнѣ предлагаете и ожидаете отъ меня, совершенно несвойственно моей натурѣ. Не говоря уже объ обуявшей меня лѣнии, но я не умѣю писать подобнаго рода статьи. Лучшее доказательство тому—слѣдующій фактъ. Два года тому назадъ я обѣщаль одному московскому издателю Салаеву доставить ему нѣсколько отрывковъ изъ литературныхъ моихъ воспоминаній, которыя онъ напечатаетъ въ видѣ предисловія къ новому изданію; и только в ч е р а послалъ ему послѣдній отрывокъ. И какъ это все кучо, неловко, неразвито! А главное—какъ этотъ вздоръ утомилъ меня!

Какъ неохотно я приплетаю строку къ строкѣ! Рѣшительно я такихъ вещей больше писать не буду. Живя за границей въ отдаленіи отъ русской почвы, я точно также большихъ повѣстей сочинять уже не въ силахъ; одинъ небольшой разсказецъ—много два—во весь годъ я могу еще высидѣть и только! Если бы у меня было теперь что-нибудь готовое, я бы съ охотой предложилъ вамъ; но единственный разсказъ (въ 16-ть страничекъ), находящійся въ моемъ портфель, проданъ «Вѣстнику Европы». Вы видите сами, что сотрудникомъ въ вашемъ смыслѣ я вамъ быть не могу; я знаю, что вы повѣрите мнѣ. Браните меня за мою лѣнь, за мой абсентѣизмъ, но не сомнѣвайтесь въ моей искренней готовности быть вамъ полезнымъ. Если я въ теченіе зимы напишу что-нибудь путное, то я конечно не обойду васъ.

За симъ желаю вамъ всего хорошаго, здоровья, терпѣнія, успѣха. Я «Дѣло» не получилъ и потому не имѣю о немъ много понятія; но я знаю, что въ немъ сосредоточилась молодая, нѣсколько еще не перебродившія силы, которыя вамъ предстоитъ направить по настоящей дорогѣ.

Зиму я провожу здѣсь, быть можетъ, въ Веймарѣ; но раньше декабря отсюда не выѣду. Дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

22.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

25-го января 1870 г. Вторникъ.

Баденъ-Баденъ. Thirgartenstrasse, 3.

Небольшое путешествіе въ Парижъ помѣшало мнѣ тотчасъ отвѣчать на ваше письмо, любезнѣйшій Авдѣевъ, при томъ же и дѣла накопилось довольно: теперь вышла минута свободная, и я берусь за перо.

Сперва о васъ. Мнѣ жаль, что вамъ не удалось попасть въ дѣятельную текучую журналистику, къ которой вы очевидно имѣете и склонность и расположеніе. Письмо ваше въ «Вѣстникъ Европы» интересно и дѣльно; позволяю себѣ замѣтить, что въ немъ еще чувствуется нѣкоторый литературный запахъ, который слѣдуетъ вывести: я хочу сказать, что читателю не слѣдуетъ замѣчать литературнаго пошиба своего корреспондента. Повѣсть вашу я не прочелъ за немнѣшимъ здѣсь «Дѣла» (на будущій годъ я подписался); что же касается до переведеннаго на французскій языкъ романа, то повторяю: не выправивши его окончательно, нечего и представлять его на судъ издателямъ въ Парижѣ: они безусловно и немедленно его отвергнутъ. Французская рѣчь, такъ какъ она живетъ въ русскихъ устахъ—имъ особенно противна, а потому пришлите

рукопись: я постараюсь найти француза, который приведетъ ее въ порядокъ, и тогда я все сдѣлаю, чтобы исполнить ваше желаніе.

А теперь скажу два слова и о самомъ себѣ. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что русскій писатель, поселившійся въ Баденѣ, тѣмъ самымъ осуждаетъ свое писательство на скорый конецъ. Я на этотъ счетъ не обманываюсь, но такъ какъ этого передѣлать нельзя, то и толковать объ этомъ нечего. «Странная исторія», о которой вы говорите—бездѣлка,—да я и не способенъ теперь на большее, но неужели вы до того потонули въ современности, что не допускаете никакихъ не современныхъ типовъ?—Я «отсталъ»—съ своей Софи—еще бы!—да я, пожалуй, еще дальше назадъ хвачу;— Софи не возбуждаетъ ничего кромѣ презрительнаго сожалѣнія, и этого, по моему, еще много. Неужели каждый характеръ долженъ непременно быть чѣмъ-то въ родѣ прѣписи: вотъ, молъ, какъ надо, или не надо, поступать? Подобныя лица жили, стало быть, имѣютъ право на воспроизведеніе искусствомъ. Другаго, безсмертія, я не допускаю; а это безсмертіе, безсмертіе человѣческой жизни—въ глазахъ искусства и исторіи—лежитъ въ основаніи всей нашей дѣятельности. Вы находите, что я увлекаюсь мистицизмомъ, и приводите въ примѣръ эту «Исторію», «Призраки» и Ергунова (хотя что собственно мистическаго въ Ергуновѣ, я понять не могу, ибо хотѣлъ только представить незамѣтность перехода изъ дѣйствительности въ сонъ, что всякій на себѣ испыталъ); но могу васъ увѣрить, что меня исключительно интересуетъ одно: фізіономія жизни и правдивая ея передача, а къ мистицизму во всѣхъ его формахъ я совершенно равнодушенъ и въ фабулѣ «Призраковъ» видѣлъ только возможность провести рядъ картинъ. Вы указываете на неизбежность недоразумѣній; но, душа моя, мы съ вами перешагнули за 5-й десятокъ и должны знать, что избѣгнуть этой бѣды совершенно невозможно, да и какая въ этомъ бѣда?—Перемелется — мука будетъ; а не окажется муки, шелухѣ туда и дорога.

Вашъ упрекъ на счетъ рекомендаціи молодымъ литераторамъ русскаго языка я, признаюсь, не могъ постигнуть: и такъ я его вертѣлъ и инако—ничего не выходило. Я просто, какъ нѣкій ветеранъ, позволилъ себѣ обратить вниманіе моихъ молодыхъ сверстниковъ на распушенность и вялость нынѣшняго слога. Никакой тутъ подколодной змѣи въ видѣ темнаго намека не было.

Вотъ сколько я наговорилъ! остается сказать вамъ, что съ 1-го февраля н. ст. я переселяюсь на 2¹/₂ мѣсяца въ Веймаръ; что въ апрѣлѣ я отправляюсь въ Россію и останусь тамъ до іюля. Надѣюсь свидѣться съ вами въ Петербургѣ, а до тѣхъ поръ будьте здоровы и веселы. Дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

Алексѣй Ник. Веселовскій ¹⁾—М. В. Авдѣву.

27-го февраля 1870 г. Москва.

Давно собирався я представить вамъ отчетъ объ исполненіи «Мѣщанской семьи», уважаемый Михаилъ Васильевичъ, и только теперь могу исполнить мое намѣреніе. Не говоря уже о первомъ представленіи, куда грѣхи не пускали, но и на второе и на третье я не могъ до-стать билета, такъ какъ занятія не позволяли съ ранняго утра находиться уже у кассы; когда же продѣлалъ это и, на масляницѣ, добылъ намъ билеты, уже было четвертое представленіе пьесы. Результатъ всѣхъ наблюденій тотъ, что она имѣетъ положительный успѣхъ и идетъ прекрасно. Имѣя случай сталкиваться съ личностями изъ разнороднѣйшихъ сферъ, я убѣдился, что «Мѣщанская семья» возбуждаетъ всюду интересъ, ее спѣшатъ смотрѣть и даютъ чаще многихъ пьесъ, имѣвшихъ успѣхъ въ теченіе сезона. Перейду къ игрѣ актеровъ. Всѣ они исполнили, какъ я уже сказалъ, свое дѣло добросовѣстно. Въ этомъ случаѣ первенство бесспорно принадлежитъ Шумскому, который изъ небольшой роли князя Темникова сдѣлалъ одно изъ характернѣйшихъ лицъ пьесы; костюмъ, гримировка, поступъ, отрывистыя фразы, отгѣненные съ мастерствомъ, важная осанка съ легкой краской бури,—все это невольно поражало въ Шумскомъ; живыя рукоплесканья встрѣчали и провожали его. Самаринъ, какъ вы и ожидали, былъ вполне у мѣста въ роли Кубарева; Акимова и Васильева сдѣлали каждая свое дѣло безукоризненно. Ихъ костюмы на балу были придуманы съ рѣдкимъ умѣньемъ; Васильева была настоящей старой дѣвой, что рѣдко удается нашимъ актрисамъ. Когда же, придя въ гостиную Кубаревыхъ, Анфиса видитъ деревенскихъ гостей и кидается на шею своей старой пріятельницѣ, Васильева такъ наивно порхнула, а Акимова нашла въ груди своей такой неподдѣльный радостный приокъ, что минута заключенія въ объятія вышла дотою уморительна и въ то же время далеко не похожа на фарсъ, что не только вся публика, но и актеры не могли удержаться отъ смѣха, невольно прервали дѣйствіе на нѣсколько минутъ. Садовскій роль свою игралъ спустя рукава и вполне безцвѣтно, но, разумѣется, не портилъ; Вильде, не смотря на нѣсколько рутинные приемы, правдиво передалъ колебанія молодого Пѣнкина и хорошо ушелъ отъ отдающейся ему дѣвушки. Ѳедотова на этотъ разъ была не слезлива и мелодраматична, но вполне естественна, въ особенности въ словахъ, произносимыхъ ею послѣ ухода Пѣнкина въ концѣ пьесы. Объ остальныхъ, болѣе второстепенныхъ ли-

¹⁾ За разрѣшеніе напечатать какъ это, такъ и нижеслѣдующія письма, редакція приноситъ А. Н. Веселовскому искреннюю благодарность.

пахъ говорить не буду. Ваша нижегородская знакомка Таланова заслуживаетъ въ числѣ ихъ особаго упоминанія; она держалась съ особымъ тактомъ, свойственнымъ многопожившей на свѣтѣ и скептически относящейся къ новой средѣ, старой женщинѣ. Только чуланъ, куда ее запрятали на время бала, былъ чрезчуръ уродливъ и къ тому же темный. Итакъ ансамбль былъ хоть куда.

Позвольте сказать нѣсколько словъ о пьесѣ. Помнится, вы говорили, что прологъ (или, лучше сказать, первое дѣйствіе) не исполняется въ Петербургѣ; не сердитесь, если я пожелаю того же и для Москвы. Органической связи съ цѣлымъ пьесы онъ не имѣетъ, вводитъ лица, которыя за тѣмъ болѣе не встрѣчаются (мать Пѣнкина), и въ заключеніе нѣсколько обрывисто порывается. Начавъ пьесу прямо со втораго дѣйствія, откуда начинается живое и безостановочное развитіе интриги, вы нисколько не подорвете ея впечатлѣнія. Я не скажу, чтобы вы были правы, находя, что въ пьесѣ мало дѣйствія, что оно недостаточно быстро движется впередъ. Мнѣ кинулось въ глаза лишь нѣсколько бѣглыхъ, собственно сценическихъ недосмотровъ, вполне естественныхъ въ первомъ произведеніи, назначенномъ вами для сцены. Такова, напр., нѣкоторая суетливость входовъ и выходовъ въ первомъ дѣйствіи, когда зритель постоянно видитъ передъ собой новыя лица, но подъ часъ и просто опустѣвшую сцену. Такова нѣкоторая неожиданность въ завершеніи актовъ, на что я указывалъ сейчасъ; зрителя нѣсколько поражаетъ эта внезапность паденія занавѣса въ тотъ моментъ, когда по общему ходу дѣйствія онъ не могъ ожидать этого,—но повторяю, все это мелочи, которыя сами исчезнутъ при ближайшемъ ознакомленіи съ сценическими условіями. Теперь же начало уже сдѣлано, и сдѣлано съ успѣхомъ, нечего говорить, что я ни въ одной чертѣ пьесы не могъ найти объясненія, почему Любимовъ такъ отрецивался отъ нея. Видно, у этихъ господъ своя логика!

Вотъ нѣсколько бѣглыхъ словъ о «Мѣшанской семьѣ». Надѣюсь, что для васъ они будутъ имѣть нѣкоторый интересъ: сообщая ихъ вамъ, я «выковалъ новое звено» въ той связи, которая сблизила насъ когда-то столь случайно на чужбинѣ¹⁾ и снова не менѣе случайно свела въ Москвѣ. Желалъ бы я, чтобы эта связь не порывалась и вы не забыли уважающаго васъ А. Веселовскаго.

¹⁾ Я встрѣтился съ М. В. Авдѣевымъ зимою 1865—66 г. въ Монтрѣ, гдѣ провелъ съ нимъ нѣсколько недѣль въ Pension Anglaise; мы были неразлучны и дома, и на прогулкахъ, и онъ былъ неистощимъ въ воспоминаніяхъ и разсказахъ о своихъ родныхъ стерлитамацкихъ краяхъ, о Петербургѣ въ срединѣ пятидесятихъ годовъ, о кружкѣ „Современника“, о Тургеневѣ и о Герценѣ, съ которыми онъ только-что передъ тѣмъ свидѣлся въ Женевѣ. Съ нами одно время жилъ знакомый всѣмъ заграничнымъ русскимъ той поры

24.

Алексіи Никол. Веселовскій—М. В. Авдѣву.

1870 г., начало ноября. Москва.

Милостивый государь Михаилъ Васильевичъ!

Радуюсь, что добрый случай даетъ мнѣ возможность напомнить вамъ о себѣ и немногихъ дняхъ, когда-то проведенныхъ нами вмѣстѣ. Я имѣю къ вамъ просьбу, которую вы, можетъ быть, найдете возможнымъ исполнить. Въ Москвѣ будетъ выходить съ новаго года журналъ «Бесѣда», основываемый на дѣньги извѣстнаго Кошелева и имѣющій цѣлю, между прочимъ, отвоевать поле у Каткова и К^о 1). Редакторъ новаго журнала, Сергій Андреевичъ Юрьевъ, проситъ меня передать вамъ приглашеніе сотрудничать въ его изданіи и, въ случаѣ, если у васъ есть въ-готовѣ хоть небольшая вещица, прислать ее такъ, чтобы она могла быть помѣщена въ первой же книгѣ. Отъ себя я уже намекнулъ, что менѣе 200 рублей вы не возьмете. Журналъ же будетъ на расплату скорѣ, такъ какъ фондъ, назначенный на его поддержку, весьма великъ. Программа журнала и его направленіе такого рода, что вы съ нимъ почти во всемъ сойдетесь. Кажется, впрочемъ, что, сочувствуя женскому вопросу, редакція не желала бы видѣть на страницахъ журнала требованіе полной отміны брака и т. д. И тутъ, стало быть, дѣло въ формѣ; то же высказанное такъ, чтобы читателю было предоставлено дѣлать свой выводъ, будетъ вполне допущено,—это я говорю, конечно между нами и отъ себя, для вашего свѣдѣнія. Итакъ, если вы найдете что-либо прислать въ «Бесѣду», то благоволите адресовать посылку Сергію Андреевичу Юрьеву, на углу 4-й Мѣщанской и Садовой, въ д. Пятницкихъ. Повторяю, что присылкой въ возможно скорѣйшемъ времени вы въ особенности обязали бы насъ.

д-ръ Бакстъ (братъ извѣстнаго издателя), появлялся изрѣдка землякъ Авдѣва Жуковский, умный собесѣдникъ, прекрасный пѣякъ-импровизаторъ, эмигрировавшій во время первыхъ студенческихъ волненій начала шестидесятыхъ годовъ, впоследствии весьма популярный въ рабочей партіи Швейцаріи публицистъ.

А. В.

1) Просуществовавшій лишь два года, 1871 и 1872, московскій журналъ „Бесѣда“ останется навсегда въ исторіи новой нашей журналистики любопытнымъ примѣромъ компромисса между славянофилами и западниками. Задуманный даровитымъ и независимо мыслящимъ Юрьевымъ, онъ привлекъ на свою сторону многихъ въ западническомъ лагерѣ, раздражилъ славянофиловъ и изнемогъ отъ каръ тогдашней администраціи, которая конфисковала и уничтожала одну книгу за другой. Подробнѣе объ этомъ въ моей статьѣ „Воспоминанія о старомъ другѣ“ въ кн. „Этюды и характеристики“. М. 1894.

А. В.

25.

М. В. Авдѣевъ—Алексію Ник. Веселовскому.

6-го ноября 1870 г. Петербургъ.

Очень, очень вамъ благодаренъ, любезнѣйшій Алексей Николаевичъ за вашу память и любезное приглашеніе, хотя долженъ сказать, что послѣднее меня нѣсколько удивило. «Бесѣда», какъ я слышалъ, будетъ органъ славянофиловъ, которые всегда выказывали нѣкоторую враждебность и нетерпимость къ людямъ моихъ убѣжденій: очень радъ, если «Бесѣда» измѣнится въ этомъ отношеніи къ лучшему. Что касается до меня—то я съ удовольствіемъ готовъ принять приглашеніе: «Бесѣда» будетъ безъ сомнѣнія органъ честный, съ которымъ дѣло имѣтъ пріятно; найдутся стороны и сходственныхъ убѣжденій; участвуя въ немъ, себѣ я не измѣню, а въ какой мѣрѣ буду подходить подъ тонъ редакціи—это уже ея дѣло. Но... первое «но» состоитъ въ томъ, что у меня въ настоящее время,—да и врядъ ли скоро будетъ и впредь, нѣтъ никакой повѣсти. Была «Сухая любовь», да отдалъ въ «Дѣло», и вообще повѣсти врядъ ли буду писать: высказывать въ нихъ свои воззрѣнія—вещь очень неудобная и неблагодарная, и я отъ нея откажусь, да кажется и старъ становлюсь для повѣстей. Можетъ, напишу еще на досугѣ романъ безъ сложныхъ тенденцій—но и это въ будущемъ. Теперь я кончаю и могу предложить большую критическую статью «Герои и героини русской литературы» (я не окрестилъ еще хорошенько). Я въ ней перебираю героевъ, начиная съ Чацкаго, Онѣгина, Софьи, Татьяны и пр., всѣхъ представителей общественной мысли (Чичиковъ и подобные—не входятъ), и въ мужской половинѣ разбираю ходъ и развитіе «гражданской» мысли и въ обществѣ, а въ женской взгляды и отношенія этой половины къ вопросамъ любви, брака и пр. Отрицанія брака нѣтъ (да я вообще и не отрицаю его,—что пользы отрицать стѣну (?), но не знаю, сойдемся ли съ редакціей въ другихъ взглядахъ, хотя крайностей въ моихъ нѣтъ)¹⁾. Если редакція захочетъ, то я пришлю ей половину 1-й ч. (во всей статьѣ листовъ 10), другая готова, но въ перепискѣ. Если это предложеніе не по желаніямъ редакціи, то не сойдемся ли на слѣдующемъ: я готовъ ежемѣсячно писать ей «Петерб. письма». Образецъ можетъ она видѣть въ 1-й книжкѣ «В. Евр.» за нынѣшній годъ. Я съ Стасюлевичемъ разошелся потому, что онъ нашелъ слѣдующее письмо неудобнымъ въ печати, но можно будетъ ихъ изла-

¹⁾ Очерки, о которыхъ идетъ рѣчь, вышли потомъ отдѣльной книгой въ Петербургѣ, въ 1874 году.

гать легче (хотя то было очень пусто) и въ другомъ тонѣ потому, что тутъ главное тонъ, а смыслъ можетъ быть только жидкій при нынѣшнихъ условіяхъ печати. Въ письмахъ и статьяхъ моихъ можно оговориться, что если редакція не раздѣляетъ всѣхъ моихъ воззрѣній, то оставляетъ ихъ какъ мои. Письма могу подписывать или писать подъ псевдонимомъ.

26.

М. В. Авдѣевъ—Алексѣю Никол. Веселовскому.

31-го января 1871 г. Петербургъ, Невскій 54, кв. 57.

Я виновать передъ вами, уважаемый Алексѣй Николаевичъ, что до сихъ поръ не отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо (была спѣшная работа). По дѣлу о «Бесѣдѣ» и отвѣчать собственно нечего: не сошлись въ условіяхъ, и баста. Но мнѣ хотѣлось сказать вамъ, что вы сильно ошибаетесь, если полагаете, что неудавшіеся переговоры могли повліять на наши отношенія. Они, пожалуй, и повліяли, но тѣмъ, что доставили мнѣ случай убѣдиться въ вашемъ добромъ расположеніи и памяти обо мнѣ, потому что я едва-ли ошибусь, полагая, что мысль о приглашеніи меня въ сотрудники «Бесѣды» подана ея редакціи вами. Если же переговоры не привели къ удачѣ, то чѣмъ же вы-то виноваты? Да и изъяну отъ этого я ни малѣйшаго не получилъ. Кстати! Если хотите имѣть о статьяхъ понятіе, то прочтите въ газетѣ «Недѣля» отрывокъ изъ нихъ подъ заглавіемъ «Рудинъ» (въ 1 №), и «Наташа» и «Елена» въ сегодняшнемъ (кажется 5). Самыя статьи я еще додѣлываю (о женщинахъ) и сбытомъ ихъ несколько не озабоченъ.

А теперь въ свою очередь есть у меня къ вамъ небольшая просьба. Мнѣ изъ московской театральной дирекціи приходится что-то еще за одно или два представленія моей комедіи. Такъ какъ комедія похоронена, вѣроятно, навсегда (почему это случилось въ Москвѣ, гдѣ она имѣла успѣхъ, я право не понимаю), то надо бы закончить счеты, а такъ какъ на это требуется нѣсколько дней, а я обыкновенно останавливаюсь на нѣсколько часовъ, то будьте добры справьтесь, что нужно сдѣлать, чтобъ получить эти деньги заочно, т. е. просить ли о присылкѣ сюда или прислать кому довѣренность (если только не нужно гербовой). Много меня обяжете, увѣдомивъ объ этомъ, а если встрѣтите Самарина (актера), то передайте ему мой поклонъ.

P. S. Что же однако не появляется ваша «Бесѣда»? Я думаю, у нея съ такими приѣмами окажется всего 400 подписчиковъ. Въ Калугу поѣхала Люд. П. Шелгунова. Она взяла у меня вашъ адресъ, чтобъ по-

бывать у васъ. Вотъ если вы ей дадите работу для «Бесѣды», то удружите и ей, и журналу: она переводчица отличная, а я, судя по православной программѣ, врядъ ли бы пришелся по шерсти журналу.

27.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

10-го (22-го) мая 1871 г. Лондонъ.

Любезнѣйшій Авдѣевъ. Отъ Анненкова узналъ, что вы снова вернулись къ себѣ въ деревню, а также, что вы прислали оттуда весьма теплое и сочувственное письмо по поводу ложнаго слуха о кончинѣ г-жи Віардо. Слава Богу, она жива и здорова; а то безъ сомнѣнія, мнѣ было бы очень плохо: эта привязанность срослась съ моею жизнью, и безъ нея я былъ бы какъ безъ воздуха; искренно благодарю васъ за сочувствіе и жму вамъ руку.

Я остаюсь здѣсь до августа, потомъ отправляюсь въ Баденъ, а въ ноябрѣ вѣроятно буду опять въ Петербургѣ. Но все это во власти судьбы.

Работа моя совсѣмъ замерла; да и не хочется писать. Я наблюдаю, сколько могу, англійскую жизнь: она суховата, но интересна.

Вчера вечеромъ пришло извѣстіе, что правительственные войска наконецъ вошли въ Парижъ; но это еще не конецъ, да и не начало: каша была, каша и будетъ. *Finis Franciae!*

Черкните мнѣ два слова изъ своего «далека»,—не знаю «прекрасно» ли оно. Мнѣ очень будетъ пріятно услышать вѣсточку о васъ отъ васъ самихъ.

Будьте здоровы и работайте, коли вамъ это еще по вкусу. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

P. S. Посылаю вамъ новую мою карточку, которую считаютъ удачной.

28.

Алексѣй Ник. Веселовскій—М. В. Авдѣеву.

Москва, іюль 1872 г.

Многоуважаемый Михаилъ Васильевичъ.

Вы имѣли полное основаніе сердиться на «Бесѣду», какъ имѣю основаніе сердиться на нее за васъ и я. Послѣ долгой проволочки, я увидалъ, что вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ вашей статьѣ не бывать въ этомъ журналѣ. Обстоятельства эти вотъ какія: въ одномъ

изъ недавнихъ № № была помѣщена примѣчательная статья Евг. Маркова, протестовавшая противъ ханжескаго направленія школы у насъ. Статья была горячая и, охватывая въ своемъ обзорѣ развитіе общественной мысли, съ большимъ сочувствіемъ упоминала о Бѣлинскомъ. Что же вы думаете? Остатки славянофильскаго кружка (потому что онъ вымираетъ) сочли себя оскорбленными этою статьею. При посредствѣ Погодина они возстановили Кошелева противъ статьи и противъ Юрьева, говоря, что статья есть крайнее проявленіе нигилизма, что она возстаетъ не противъ ханжества и лживой религіозности, а противъ преподаванія закона Божія вообще и т. д. Что же касается Бѣлинскаго, который, какъ извѣстно, много насолилъ Погодину, то совѣтчики Кошелева увѣрили его, что хвалы Бѣлинскому въ славянофильскомъ журналѣ составляютъ измѣну направленію; они сказали ему, что патріархи славянофильства перевернулись бы въ гробахъ своихъ, еслибы могли увидѣть это. Заметался нашъ Кошелевъ и несмотря на отговоры Юрьева и другихъ помѣстилъ, скрывъ имя, н е до ум ѣ н і е въ слѣдующемъ же № «Бесѣды». Юрьева страшно взбѣсила вся эта глупая исторія, и онъ въ той же книжкѣ помѣстилъ свой довольно рѣзкій, хотя и многословный отвѣтъ, гдѣ заступался за Маркова, отстаивалъ Бѣлинскаго и т. д. Кошелевъ наконецъ сдался и увидѣлъ, что его морочили. Тѣмъ не менѣе сношенія съ нимъ по журналу заставили Юрьева быть осторожнѣе и выжидать. Поэтому-то онъ убоился и вашей статьи, гдѣ столько разъ вы касаетесь оцѣнки Бѣлинскимъ различныхъ героевъ... Печально писать это, а между тѣмъ это правда. Я долженъ только еще разъ извиниться передъ вами, умывая руки въ этомъ дѣлѣ. Мое желаніе было по крайней мѣрѣ добросовѣстно.

Я хочу въ завершеніе немножко васъ пожурить. Романъ Андре Лео, котораго вы побранили въ письмѣ, вовсе не такъ слабъ, какъ вамъ кажется; въ немъ есть главы горячо и искусно написанныя. Это одно, а второе, — причина его помѣщенія, — желаніе доставить работу Жуковскому и его знакомымъ; это ихъ переводъ, помѣщаемый вълѣдствіе хлопотъ моихъ и маленькаго-горбатенькаго ¹⁾, вамъ вѣрно памятнаго.

Если будете въ Москвѣ, загляните къ намъ на старую квартиру. Быть можетъ, вы меня не застанете, такъ какъ черезъ недѣлю я поѣду на мѣсяцъ въ Остенде. Въ такомъ случаѣ жена будетъ очень рада васъ видѣть и расскажетъ вамъ о нашихъ литературныхъ дѣлахъ.

¹⁾ О Жуковскомъ и Бакстѣ („маленькомъ-горбатенькомъ“) см. выше примѣчаніе стр. 499.

М. В. Авдѣевъ—Алексію Ник. Веселовскому.

Петербургъ, 22 ген. 73.

Прежде всего позвольте пожурить васъ, любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ. Какъ вамъ не грѣхъ, доставляя хоть разъ мнѣ случай въ свою очередь быть вамъ полезнымъ и отплатить хоть немного своей услугой за многія доуки и просьбы, начинать съ извиненій. Но къ дѣлу. Получивъ ваше письмо, я немедленно вмѣстѣ съ своимъ разъясненіемъ отправилъ его Гайдебурову ¹⁾, но вотъ уже, кажется, больше недѣли не получаю отъ него ни слова и вчера опять писалъ къ нему, но посланный его не засталъ, и я отвѣта до сихъ поръ не имѣю. Впрочемъ, зная бѣдность газетки, бѣдность, объясняющуюся ея скукой, я не думаю, чтобъ сотрудничество въ ней было бы сколько-нибудь выгодно въ денежномъ отношеніи, и потому искалъ для васъ другой работы и, составивъ записочку, передалъ ее сотрудникамъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» Скальковскому и де-Роберти, чтобъ они передали ваше желаніе работы въ редакцію. Это я сдѣлалъ самовольно, потому что «Петербургскія Вѣдомости» однородны съ «Недѣлей», и участвовать въ нихъ не зазорно. Сотрудники мнѣ сказали, что редакціи это весьма на руку, потому что она ищетъ корреспондента изъ Москвы и что, если не ошибаемся, братъ вашъ въ «Петербургскія Вѣдомости» пишетъ письма изъ Италіи. Но вотъ и съ этой стороны прошло болѣе недѣли и не смотря на то, что я почти ежедневно вижу этихъ господъ въ клубѣ (гдѣ мы обѣдаемъ) и напоминаю каждый разъ—записка о васъ еще и не дошла до редакціи, ибо то тотъ забудеть, то другой, то Скальковский передаетъ ее де-Роберти, то де-Роберти Скальковскому. Вотъ мой неутѣшительный отвѣтъ ²⁾. Пишу его, чтобъ вы только не бранили меня за бездѣйствіе. Буду понукать и добиваться отвѣта и, получивъ его, немедленно вамъ сообщу,—а болѣе сдѣлать не могу ничего! Жаль мнѣ очень «Бесѣды» и сожалѣю не я одинъ. Какъ это Юрьевъ не протянулъ еще съ годъ—а тамъ дѣло бы окупилось. А я, представьте—только-что хотѣлъ послать ей мою комедію, которую театр. ценз. запретила, а подцензурное дѣло печатать не осмѣливается. Впрочемъ, при томъ гоненіи, которое преслѣдуетъ

¹⁾ Горячо отнесясь къ участи сотрудника закрытой „Бесѣды“, Авдѣевъ прежде всего свелъ меня на многіе годы съ „Недѣлей“, въ лучшее время ея существованія.

²⁾ Авдѣеву удался и этотъ планъ. Съ 1873 года до перехода „Спб. Вѣдомостей“ отъ Валентина Корша въ другія руки я велъ въ нихъ московскія письма и фельетоны за подписью X. и Л.

А. В.

«Бесѣду», я думаю, ей и при деньгахъ продолжать было бы трудно. Будьте здоровы, поклонитесь вашей женѣ и уповайте. Если что нужно, то обращайтесь и, пожалуйста, безъ оговорокъ: неужели вы сомнѣваетесь въ моей готовности услужить вамъ!—и особенно вамъ! М. Авдѣевъ.

30.

Алексѣй Николаевичъ Веселовскій—М. В. Авдѣеву.

Москва, январь 1873 г.

Многоуважаемый Михаилъ Васильевичъ.

Въ воскресенье, проѣздомъ черезъ Москву, у меня былъ Гайдебуровъ. Онъ мнѣ очень понравился, и мы долго прокалякали; онъ мнѣ предложилъ политическое обзорѣніе, и мы условились. Завтра посылаю первую статью. Такимъ образомъ съ этой стороны дѣло улажено, въ чемъ опять таки честь вамъ. Когда я началъ это письмо, мнѣ приносить вапе, гдѣ вы извѣщаете меня о новомъ планѣ, задуманномъ относительно меня, грѣшнаго, именно о «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»; слышу поблагодарить васъ за это многостороннее участіе. Такъ какъ 1) у меня времени останется и для московской корреспонденціи, и 2) «Недѣля» будетъ все-таки болѣе непрочнымъ изданіемъ, чѣмъ «Вѣдомости», такъ какъ она столько разъ была приостанавливаема, то уже благоразуміе указываетъ не основывать всѣхъ надеждъ на ней одной, съ тѣмъ, чтобъ, въ случаѣ возможной катастрофы, не остаться опять внезапно à se с, какъ это случилось послѣ крушенія «Бесѣды». Поэтому я очень буду радъ, если вашъ планъ удастся. Буду ждать вашего отвѣта. — Вы не ошиблись, братъ мой дѣйствительно пишетъ изъ Италіи въ «Петербургскія Вѣдомости» и давно знаетъ Корша.

Какъ жаль, что и вашу комедію постигла та же участь, которая выпала на долю Писемскаго. Неужели нѣтъ никакой возможности, немного поизмѣнивъ, поставить ее на сцену? а что дѣлаетъ вашъ романъ, о которомъ вы писали еще съ годъ тому назадъ? Быть не можетъ, чтобъ вы дали себя обезкуражить неудачей и наложили на себя воздержаніе.

О возрожденіи «Бесѣды», кажется, нечего и думать. Послѣдняя книжка опять задержана, а въ виду этого не скоро найдешь человѣка, который бы захотѣлъ рисковать деньгами. По окончаніи изданія, всплыло много неряшества и непрактичности главныхъ руководителей, такъ что расхлебывать кашу будетъ не такъ легко. Во всякомъ случаѣ, однако, «Бесѣда» останется любопытнымъ въ своемъ родѣ образчикомъ компро-

мисса между старымъ и молодымъ поколѣнiемъ, компромисса, недурно затѣяннаго, но далеко не вполне удававшася.

Въ лагерѣ славянофиловъ стараго закала ликованiе большое. Тотъ расколъ въ ихъ учени, который заставлялъ ихъ волосы на себѣ рвать съ досады, приказалъ долго жить! имъ ли не радоваться!

Но нечего возвращаться къ предмету недавнихъ волненiй. Буду надѣяться, что начинающiяся мои петербургскiя литературныя связи, во всякомъ случаѣ болѣе соответствующiя моимъ взглядамъ и направленiю, чѣмъ всѣ прежнiя, будутъ прочны и успѣшны. Прощайте, многоуважаемый Михаилъ Васильевичъ. Жму вашу руку. Спасибо за память. Жена моя посылаетъ вамъ поклонъ. Преданный вамъ А. Веселовскiй.

31.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

26-го апрѣля (8-го мая) 1873 г. Парижъ.

Я много виноватъ передъ вами, любезнѣйшiй Авдѣевъ; мнѣ бы давно слѣдовало отвѣчать на ваше дружелюбное письмо. Извините великодушно мою, меня самага ужасающую лѣньность.

Сожалѣю, что ваше литературно-публицистическое предпрiятiе не удалось, и надѣюсь, что, рано или поздно, журналъ попадетъ вамъ въ руки. — Не сомнѣваюсь въ томъ, что и на этомъ поприщѣ вы окажетесь умнымъ и полезнымъ дѣятелемъ.

Послѣ бывшихъ колебанiй и замедленiй отъ «Revue des deux Mondes» пришелъ, наконецъ, отвѣтъ: романъ вашъ, по мнѣнiю редакци, не можетъ быть помѣщенъ, развѣ сократитъ его на цѣлыя двѣ трети... да и то! Полагаю, что переводъ ихъ запугалъ.

Здѣшнiе издатели при одномъ упоминенiи «русской» дамы-переводчицы приходятъ въ ярость до пѣны у рта! Чтѣ прикажете сдѣлать съ рукописью? Не попытать ли счастья въ какомъ-нибудь журнальномъ фельетонѣ?

Душевно благодарю васъ за прiятельскiй совѣтъ насчетъ заглавiя моей будущей повѣсти.

Вы совершенно правы: если ей суждено явиться, въ чемъ я начинаю сильно сомнѣваться, то не подь прежде придуманнымъ мною заглавiемъ, которое въ сущности есть не что иное, какъ претензiя. Вотъ ужъ точно можно сказать, пародируя Лермонтова:

«Какое дѣло намъ!»... въ послѣднiй разъ или не въ послѣднiй ты пишешь?

Спасибо за отличную фотографію; я бы вамъ охотно выслалъ мою въ обмѣнъ, да у меня нѣтъ ни одной сносной.

Я здѣсь остаюсь еще двѣ недѣли, а тамъ ѣду черезъ Баденъ-Баденъ, Цюрихъ и Вѣну въ Карлсбадъ. Не знаю еще навѣрное, когда я попаду въ Россію, но въ сентябрѣ я опять здѣсь.

Желаю вамъ всего хорошаго, начиная съ здоровья, и крѣпко жму вашу руку. Преданный вамъ И. Тургеневъ.

31.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

21-го августа (2-го сентября) 1873 г. Буживаль.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я нахожусь здѣсь, любезнѣйшій Авдѣевъ, послѣ возвращенія изъ Карлсбада, гдѣ я пилъ воды, дабы, по мѣрѣ возможности, избавиться отъ подагры. Буживаль, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, небольшое мѣстечко около Парижа съ красивымъ положеніемъ и хорошимъ воздухомъ. Здѣсь я нашелъ накопившіеся въ моемъ отсутствіи «русскіе журналы» и между прочимъ «Биржевыя Вѣдомости», въ которыхъ я только на-дняхъ прочелъ ваши этюды о «Герояхъ и героиняхъ» русской литературы. Вы отвели мнѣ въ нихъ такое почетное мѣсто, что я почти не могу рѣшиться сказать вамъ, до какой степени эти этюды показались мнѣ умны, тонки и дѣльны; впрочемъ вы довольно меня знаете, чтобы не искать въ моихъ словахъ выраженія благодарности. Этюды эти несомнѣнно мастерскіе; въ нихъ резюмируются главныя черты русской жизни за послѣднія 40—50 лѣтъ, спокойно и свободно *sine ira et studio*. Но могу сказать, мое удивленіе возбудилъ этюдъ базаровскаго типа. Точно вы мнѣ въ душу забрались и все подмѣтили, на все указали, что я думалъ тогда, что старался выразить. Все это такъ вѣрно до послѣднихъ мелочей, а автору, которому вы воздали высшую похвалу, назвавъ его правдивымъ, остается только снять шапку и склониться передъ пронизательностью критика, а пріятель крѣпко жметъ пріятелю руку.

Надѣюсь, что вы не оставите издать эти этюды особой книжкою.

Пишу вамъ черезъ магазинъ Черкесова, такъ какъ я навѣрное не знаю, гдѣ вы, а магазинъ вамъ вышлетъ мое письмо. Я остаюсь здѣсь и въ Парижѣ до конца ноября, а тамъ отправляюсь въ Петербургъ, гдѣ проведу мѣсяца два и гдѣ надѣюсь встрѣтиться съ вами. Черените мнѣ два слова въ отвѣтъ. Что тогдашній планъ журнала такъ окончательно и канулъ въ воду...? Правда, время теперь не такое, чтобъ затѣвать новые журналы.

Здоровье мое недурно, воды мнѣ помогли, но работа совсѣмъ остановилась и едва ли возобновится.

Желаю вамъ отъ души всего хорошаго и остаюсь преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

32.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

Суббота 19-го (31-го) января 1874 г. Парижъ.

Давно я передъ вами въ долгу, любезнѣйшій Авдѣевъ, но у меня было въ это время, какъ говорится, хлопотъ полноу роту. Старшая дочь г-жи Виардо выходитъ замужъ, и я принималъ дѣятельное участіе въ этомъ радостномъ событіи. Но вотъ выдался свободный денекъ, и я берусь за перо. Если бы не эта свадьба, я о сю пору былъ бы уже въ Петербургѣ; теперь же я надѣюсь попасть туда въ мартъ или въ апрѣлѣ самое позднее и конечно васъ застаю тамъ. На этотъ разъ я думаю довольно долго тамъ остаться; но съютить нашу разрозненную литературу, какъ вы пишете, это ни мнѣ, ни кому другому не по силамъ, особенно теперь. Все пошло въ разбродъ и въ раздробь, и мы туда же.

На-дняхъ я посылаю въ «Складчину» небольшой рассказецъ, отысканный мною въ старыхъ моихъ бумагахъ, весьма, признаться, незначительный. Да другаго ничего нѣтъ. Начатая большая вещь не подвигается вовсе; за границей положительно нельзя писать русскихъ вещей! Затѣянный литературный альманахъ по всей вѣроятности потерпитъ фіаско; развѣ изъ состраданія къ самарцамъ будутъ покупать читатели.

Я съ новаго года пересталъ получать «Биржевыя Вѣдомости»: больно мало въ нихъ было толку. Ваши фельетоны я, разумѣется, читалъ съ удовольствіемъ: они уступаютъ прочимъ этюдамъ, но все-таки въ нихъ виденъ умный, опытный и гуманный человекъ. Примѣненіе послѣдняго эпитета не часто бываетъ возможно въ наше время. Темное и не совсѣмъ даже понятное время наступаетъ на Руси!

Жалко мнѣ очень васъ и вашихъ славныхъ ружей! Фирма Гастинъ Генетта все еще держится; но изъ парижскихъ оружейниковъ безспорно первое мѣсто принадлежитъ Ульэ-Бланшару; новое ружье Бланшара стоитъ 1000 фр. Такъ какъ я въ апрѣлѣ прибуду въ Петербургъ, то я бы могъ привезти вамъ ружье, еслибъ вы вздумали воспользоваться этимъ. Можно найти здѣсь ружье хорошее, но не меньше 600 франковъ.

За симъ дружески жму вашу руку и говорю: до свиданія. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

1-го (13-го) августа 1874 г. Карлсбадъ.

Любезнѣйшій Авдѣевъ. Отвѣчаю изъ Карлсбада на ваше Стерлитамацкое письмо. Вскорѣ послѣ того какъ я вамъ писалъ изъ деревни, со мной сдѣлался очень сильный припадокъ подагры и, нѣсколько разъ возобновляясь, до сихъ поръ меня мучить, такъ что я пишу вамъ изъ постели, въ которой я нахожусь болѣе недѣли. Лѣчение, разумѣется, долженъ былъ бросить и жду только хоть слабаго облегченія, чтобы уѣхать въ Парижъ. Вотъ третій разъ, какъ я прїѣзжаю въ Россію, и третій разъ сряду, какъ она даритъ меня такимъ прїятельскимъ гостинцемъ. Результатомъ послѣдняго знака ея вниманія мое твердое рѣшеніе больше не подвергаться ему, и потому я говорю и ей и, разумѣется, моей литературной дѣятельности окончательное прости. И никакой сентиментальности при этомъ не ощущаю. Жалѣю, что не успѣлъ окончить своего большаго труда; въ немъ было, сколько мнѣ кажется, кое-что дѣльное. Но впрочемъ бѣда небольшая: другіе скажутъ, что я хотѣлъ сказать; а не скажутъ, Россія отъ этого не провалится.

Вы очень меня продергиваете на счетъ моей напускной или прививной галерееманіи. Во-первыхъ, коли строго разобрать, въ какомъ изъ нашихъ чувствъ, занятій и т. д. отыщется много и напускнаго и прививнаго; а во 2-хъ, вы знаете поговорку: «чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало». А что эта манія меня тѣшитъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Замѣчаніе ваше, что странно заводить галерею въ Парижѣ, гдѣ есть Лувръ и т. д., это замѣчаніе не совсѣмъ вѣрно: любителю прїятно обладать картинами. И позвольте также спросить: какія бы я могъ картины завести, живя въ деревнѣ въ Спасскомъ!! — Посмотрѣлъ бы я для куріоза на эти картины!! При томъ моя галерея состоитъ преимущественно изъ произведеній новѣйшихъ французскихъ пейзажистовъ, безспорно первыхъ въ мірѣ, а сего-то и нѣтъ въ Луврѣ.

NB. Замѣчу кстати, что люди, увѣряющіе, что они любятъ одну серьезную и классическую музыку, по большей части не любятъ никакой; такъ же, какъ исключительные охотники до классической старой живописи никакого влеченія къ картинамъ не чувствуютъ. Я же съ своей стороны очень радъ, что нашлъ себѣ новую забаву, новую страсть, такъ какъ прежняя ружейная охота мнѣ уже не по ногамъ.

Радуюсь тому, что у васъ въ нынѣшнемъ году дичи много: я вмѣстѣ съ вами никогда не стрѣливалъ, но убѣжденъ, что это въ васъ сидитъ очень крѣпко.

Вполнѣ сочувствую также вашей литературной работѣ: пока пишется, пишете. Оно и пріятно и полезно, не въ одномъ меркантильномъ смыслѣ. Пока молодые не смѣнили совсѣмъ стариковъ, старикамъ не слѣдуетъ класть оружія. У меня оно вырвано изъ рукъ, а вы молодецъ.

Не знаю, право, когда и гдѣ мы свидимся. Я имѣлъ было намѣреніе пріѣхать зимой въ Петербургъ, но теперь... Ah! какъ говорятъ итальянцы. Развѣ вы пріѣдете въ Парижъ. На всякій случай вотъ мой адресъ въ Парижѣ: 50. Rue de Douai.

Желаю вамъ всего хорошаго и крѣпко жму вамъ руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

34.

И. С. Тургеневъ — М. В. Авдѣеву.

30-го декабря 1874 г. (11-го января 1875 г.) Парижъ.

Давно и очень давно слѣдовало мнѣ отвѣчать на ваше дружеское письмо, любезный Авдѣевъ, да вы знаете, какъ это дѣлается: день за день, разныя дразги, время уходитъ, но въ умѣ я все держалъ и васъ и ваше письмо, а вотъ наконецъ берусь за перо и принимаюсь бесѣдовать съ вами. Слова ваши насчетъ необходимости работы для нашего брата золотыя, и я глубоко чувствую ихъ справедливость, тѣмъ болѣе, что у меня въ эту минуту даже предлога нѣтъ (подагра меня оставила). Отговариваться отъ работы по той-де причинѣ, что не на родной почвѣ стоишь, тоже не дѣло; да лѣнь проклятая одолѣла, удобства жизни слишкомъ велики, день тратится на мелочи, всякое разсѣяніе такъ само и лѣзетъ въ ротъ... что будешь дѣлать? Однако, я все еще не теряю надежды, что кончу когда-нибудь давно мною начатый трудъ: мнѣ почему-то кажется, что было бы жаль бросить это «последнее сказаніе».

Въ изданіи моихъ сочиненій 1849 годъ ошибочно поставленъ вмѣсто 1843, какъ тотъ годъ, съ котораго началась моя литературная дѣятельность. Что же касается до моихъ стиховъ, то я имѣю къ нимъ чуть не физическое отвращеніе, какъ къ клопамъ или тараканамъ; послѣ моей смерти пусть дѣлаютъ, что хотятъ, а ужъ, конечно, при жизни моей ни одна изъ этихъ мерзостей не появится въ печати. Ужъ и то большая уступка, что я напечаталъ свои плохія драматическія попытки.

Это вы хорошо дѣлаете, что живете зиму въ провинціи; дайте намъ картину правдивую и вѣрную провинціальной зимней жизни; до сихъ поръ она еще не довольно извѣстна въ литературѣ.

А показать вамъ мои картины я не теряю надежды; когда женибудь вы проберетесь въ мѣстечко Парижъ! У насъ на Руси народился

наконецъ крупный живописецъ Харламовъ! Онъ написалъ такой портретъ г-жи Віардо, что приводитъ въ изумленіе всѣхъ здѣшнихъ артистовъ. Это Русскій Веласкэзъ.

А изъ Россіи все идутъ скверныя вѣсти. По милости и стараніямъ Каткова придушили единственную чуть-чуть либеральную газетку, «С.-Петербургскія Вѣдомости», которая съ новаго года переходитъ въ вѣдомство молодого Салиаса.

Во Франціи продолжается тотъ же кавардакъ (gâchis), но замѣчательно, что дѣла вообще идутъ недурно, даже хорошо.... Одна бѣда—сосѣди; особенно германскій сосѣдъ. Онъ не дастъ установиться Франціи. Впрочемъ, qui vivra—vega.

Я въ маѣ ѣду пить воды въ Карлсбадъ, а оттуда, можетъ быть, опять съѣзжу въ Россію.

Пока, желаю вамъ всего хорошаго и дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

Сообщ. К. Четверикова.

Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ.

I.

Участіе римско-католическаго духовенства и монастырей въ мятежъ 1863—1864 г. — Слухи о предположеніяхъ правительства закрыть монастыри и сомнѣнія мѣстной интеллигенціи въ возможности осуществленія такой мѣры. — Въ чемъ дѣйствительно были затрудненія. — Собраніе предварительныхъ свѣдѣній въ Варшавѣ и Петербургѣ. — Число монастырей и монаховъ, ихъ доходы съ имущества и отъ исполненія требъ. — Выработка основаній для монастырской реформы. — Уничтоженіе монастырей и разные способы осуществленія этой мѣры. — Буллы папъ Григорія XV, Климента XIV и Пія V. — Уменьшеніе числа монастырей въ Имперіи въ 1832 г. — Необходимость охраненія интересовъ мѣстнаго населенія. — Утвержденіе записки статсъ-секретаря Милютина государемъ. — Разсмотрѣніе ея въ соединенныхъ комитетахъ западномъ и Царства Польскаго. — Основанія монастырской реформы, высочайше утвержденныя 11-го (23-го) іюня 1864 года. — Особая забота о скорѣйшемъ окончаніи предварительныхъ работъ въ Варшавѣ — какъ знакъ недовѣрія къ графу Бергу. — Полная неосновательность подобныхъ опасеній.

Вчастіе польскаго римско-католическаго духовенства и особенно монастырей въ мятежъ 1863—1864 г. и предшествовавшемъ ему политическомъ заговорѣ было настолько смѣло, многообразно и явно, что не представляется никакой нужды доказывать его. Правительство имѣло въ своихъ рукахъ такое обиліе фактическихъ доказательствъ преступной дѣятельности духовенства, что въ нихъ было даже не легко разобраться. Польское общество знало это и само было отлично ознакомлено со всѣмъ тѣмъ, что духовенство сдѣлало во время манифестаціоннаго періода и самаго мятежа. Ни отъ кого изъ интеллигентныхъ жителей края не было тайной,

что мѣстное духовенство разжигало страсти и подстрекало толпу къ манифестаціямъ, дѣятельно въ нихъ участвовало и потомъ благоволяло убійцѣ на преступленія, а повстанцевъ на вступленіе въ банды, куда и само отпустило не малое число ксендзовъ, проявившихъ участіе въ возстаніи съ оружіемъ въ рукахъ; наконецъ, многіе члены духовенства были дѣятельными участниками различныхъ народно-революціонныхъ учрежденій и обществъ.

Въ началѣ 1864 г., при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ, при общемъ подъемѣ духа въ русскомъ обществѣ и усиленныхъ дружныхъ дѣйствіяхъ войска и мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, мятежъ затихалъ. Съ каждымъ днемъ приближался моментъ, въ который правительство должно было на дѣлѣ показать, что оно думаетъ сдѣлать:—оставить ли почти все по-старому, какъ было сдѣлано послѣ мятежа 1831 года, когда Царство Польское потеряло свое самостоятельное войско, но сохранило неприкосновеннымъ политической и общественный строй, или прибѣгнуть къ мѣрамъ органическимъ, съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ повтореніе въ будущемъ.

Мѣстная интеллигенція, извѣрясь въ успѣхѣ возстанія, давно уже стала интересоваться не столько революціею и ходомъ мятежа, сколько приготовленіями правительства къ дѣйствію. По разнымъ начинаніямъ властей, она смутно понимала, что «москали» что-то замышляютъ, но тутъ же по неисправимой своей легковѣрности и самообольщенію утѣшала себя мыслью, что ничего особеннаго не произойдетъ, такъ какъ русскіе ничего не умѣютъ выдержать до конца и, горячо принимаясь за дѣло, скоро къ нему охладѣваютъ. Никто не рассчитывалъ, что на этотъ разъ правительство развернетъ всю свою энергію, а русскій геній покажетъ всю свою мощь и силу, подъ знаменемъ тѣхъ истинно русскихъ людей, которымъ Царь-Освободитель ввѣрилъ главное направленіе дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ.

Введенное съ 1-го января 1864 года военно-полицейское управленіе покрыло всю страну сѣтью людей, вполне преданныхъ правительству и опиравшихся въ своихъ дѣйствіяхъ не только на матеріальную силу войскъ, но и на свою энергію, при помощи которой въ самомъ краѣ найдены были точки опоры и даже прочные устои въ низшихъ слояхъ общества, въ простомъ народѣ, радостно привѣтствовавшемъ крестьянскую реформу. Покоясь на такихъ незыблемыхъ основаніяхъ, военно-полицейскія власти смѣло гарантировали правительству скорое, точное и безповоротное осуществленіе всѣхъ мѣръ, какія предположено будетъ принять.

Законы 19-го февраля 1864 года о крестьянахъ были опубликованы съ большою торжественностью и всюду произвели сильное впечатлѣніе. Вслѣдъ за тѣмъ организовался Учредительный комитетъ и

сотни комиссаровъ во всѣхъ мѣстахъ Царства рѣшительно взялись за радикальное разрѣшеніе отношеній между помѣщиками и крестьянами и устройство быта сельскаго населенія на новыхъ началахъ.

Появились слухи и о предполагаемыхъ реформахъ по духовной части. Объ этомъ говорили въ обществѣ и много писали въ иностранныхъ газетахъ, выставяя намѣренія правительства закрыть монастыри. Иностранная клерикальная пресса ополчилась за это на русское правительство и выказала много злобы тогда еще, когда никакихъ по сему предмету намѣреній нашего правительства не обнаруживалось. Въ этомъ была впрочемъ и хорошая сторона—скорѣе потомъ примирились съ совершившимся фактомъ и перестали говорить о томъ, о чемъ такъ много рассуждали преждевременно и что безповоротно осуществилось потомъ прежде, чѣмъ о томъ узнали.

Польская пресса въ самомъ Царствѣ была бессильна и очевидно не могла говорить ни слова о такомъ вопросѣ, но радѣтели народной sprawy успѣли проникнуть въ редакцію издававшагося тогда въ Варшавѣ officialнаго органа «*Dziennik Warszawsky*», и въ немъ появилась замѣтка, что заграничные слухи о предстоящей реформѣ монастырей—дѣло несбыточное, и правительство не предприметъ его въ собственныхъ своихъ интересахъ. Замѣтка эта явилась въ видѣ письма какого-то ксендза, а редакція нашей officialной газеты помѣстила ее по своему добродушію, граничившему въ этомъ случаѣ съ чѣмъ-то болѣе худшимъ.

Итакъ польское общество приготовлялось къ монастырскому вопросу, но не вѣрило ему, потому, что видѣло въ этомъ дѣлѣ много серьезныхъ затрудненій и полагало, что русскимъ властямъ, только-что возникшимъ послѣ мятежа, трудно было даже узнать, въ чемъ суть и что дѣйствительно возможно было сдѣлать. Поэтому думали, что правительство просто не справится съ задачей и все оставить по-старому, такъ какъ водворявшееся спокойствіе въ краѣ не давало уже ближайшихъ поводовъ къ закрытію монастырей, которые не закрывались тогда, когда вся ихъ братія почти поголовно участвовала въ мятежныхъ дѣйствіяхъ. Во всякомъ же случаѣ вожаки мѣстнаго польскаго общества скорѣе были бы удивлены неприятіемъ правительствомъ мѣръ противу монастырей, чѣмъ закрытіемъ нѣкоторыхъ и даже многихъ изъ нихъ. Многие еще помнили, что участіе, напримѣръ, французскихъ монастырей не только въ мятежныхъ дѣйствіяхъ, но просто въ производствѣ волненій въ народѣ вызвало рѣшительныя мѣры правительства, закрывшаго въ 1808 г. (декретъ 20-го іюля 1808 г.) монастыри. Тѣмъ не менѣе поляки съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе надѣялись, что гроза не разразится надъ монастырями.

Подобныя сообщенія мѣстныхъ политикановъ были небезоснова-

*

тельны, и трудность нашего положенія отлично понималась Н. А. Милютинымъ. Вотъ что говорить онъ по этому поводу во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 21-го мая 1864 года. «Дѣло это затрудняется главнѣйше тѣмъ, что при настоящемъ составѣ правительственной комиссiи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенiя ¹⁾, не только нельзя рассчитывать на содѣйствiе ея въ изученiи вопроса о монастыряхъ, но надлежитъ, напротивъ, ожидать неминуемаго отъ нея противодѣйствiя. Уже прошлою осенью при изслѣдованiи крестьянскаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ принужденный работать, такъ сказать, скрытно отъ мѣстной администраци, я имѣлъ случай убѣдиться въ безчисленныхъ затрудненiяхъ и неудобствахъ подобныхъ ненормальныхъ отношенiй. Но по крайней мѣрѣ въ крестьянскомъ дѣлѣ важнѣйшiе материалы были болѣе или менѣе извѣстны и опредѣлительны. Въ настоящемъ же случаѣ, безъ прямаго и искреннаго содѣйствiя лицъ мѣстнаго гражданскаго управленiя, трудно даже отыскать источники, которые могли бы послужить къ полному изученiю предмета».

Монастырскiй вопросъ усложнялся еще финансовою его стороною. При упраздненiи монастырей имущество ихъ подлежало секуляризаци, т. е. поступленiю въ вѣдѣнiе казны, и эта послѣдняя обязывалась изъ собственныхъ своихъ средствъ отпускать содержанiе монастырямъ и монахамъ. Принимая на себя новыя обязательства, слѣдовало сообразить, достанетъ ли доходовъ на покрытiе предстоящихъ расходовъ или придется часть послѣднихъ отнести на средства государственнаго казначейства, или наконецъ отъ доходовъ образуется нѣкоторый остатокъ. Безъ приведенiя всего этого въ достаточную извѣстность нельзя было сдѣлать никакихъ основательныхъ предположенiй. Однако слѣдуетъ замѣтить, что финансовыя соображенiя играли роль второстепенную; политическiя выгоды, ожидавшiяся отъ уменьшенiя числа монастырей, были столь существенны, что для ихъ достиженiя правительство не остановилось бы предъ новыми расходами.

Вообще по этому предмету необходимо было: во-первыхъ, на мѣстѣ, въ Царствѣ Польскомъ, собрать точнѣйшiя, по возможности, свѣдѣнiя о числѣ монастырей, монашествующихъ, ихъ имуществахъ, состоящихъ при монастыряхъ, школахъ и благотворительныхъ учрежденiяхъ; о доходахъ и расходахъ чернаго духовенства; во-вторыхъ, въ Петербургѣ собрать свѣдѣнiя о прежнихъ примѣрахъ упраздненiя монастырей, какъ у насъ, такъ и за границей; объ условiяхъ дѣйствовавшего тогда съ римскою курiею конкордата и выяснить тѣ права, опираясь на которыя, можно бы было дѣйствовать прямо и рѣшительно,

¹⁾ Главнымъ директоромъ былъ Леонъ Дембовскiй. Леонъ Дембовскiй былъ престарѣлый, но извѣстный патрiотъ и дѣятель революцiи 1830 г.

какъ то подобаетъ великой державѣ, стремящейся къ упорядоченію, правда, своихъ собственныхъ внутреннихъ дѣлъ, но которыя однако очень близко задѣвали самые существенные интересы папства и всего католическаго міра.

Собраніе предварительныхъ свѣдѣній въ Петербургѣ Н. А. Милютина взялъ на себя и на статсъ-секретаріатъ по дѣламъ Царства Польскаго, а въ Варшавѣ подобный трудъ возложенъ на управленіе генераль-полицеймейстера, которое должно было собрать всѣ данныя объ участіи монастырей и отдѣльныхъ монашествующихъ лицъ въ революціонномъ движеніи. По своему характеру, эти данныя должны были сосредоточиваться въ управляемомъ мною 2-мъ департаментѣ, и я взялъ работу лично на себя, такъ какъ дѣло это требовало не только секрета, но и полного единства въ порядкѣ собранія и оцѣнки свѣдѣній. Кромѣ того, частнымъ образомъ я, совмѣстно съ товарищами моими по генеральному штабу полковникомъ М. Н. Анненковымъ и капитаномъ барономъ Н. Н. Медемомъ ¹⁾, приняли порученіе Н. А. Милютина собрать свѣдѣнія о числѣ монастырей и раздѣленіи ихъ на ордена; о числѣ монашествующихъ лицъ и объ имущественномъ положеніи монастырей.

Работа закипѣла. М. Н. Анненковъ и баронъ Медемъ ежедневно по утрамъ приходили ко мнѣ,—я жилъ тогда въ Замкѣ—и мы занимались вмѣстѣ. Особую услугу оказалъ намъ нѣкто С***, находившійся тогда въ отставкѣ, но по прежней службѣ въ духовномъ отдѣленіи, отлично знавшій какъ положеніе римско-католическаго духовенства, такъ и подлинныя источники, могущіе дать намъ желаемыя свѣдѣнія. Отъ него мы узнали, что капиталы и все недвижимое имущество каждаго монастыря въ отдѣльности были подробно описаны и зарегистрированы въ особыхъ таблицахъ, подъ названіемъ: «Spis tabellariczny». Экземпляры этихъ spis'овъ имѣлись въ комиссіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, хранясь тамъ въ общихъ связкахъ съ такими же spis'ами свѣтскихъ римско-католическихъ приходоу отдѣльно по каждой епархіи. Оставалось получить эти spis'ы. Вытребовать ихъ официально въ управленіе генераль-полицеймейстера признавалось неудобнымъ. При первой попыткѣ получить ихъ они могли исчезнуть изъ комиссіи, и потому рѣшено было потребовать ихъ прямо въ Замокъ къ графу-наместнику для справокъ совершенно чуждыхъ монастырскому дѣлу; для большаго замаскированія дѣла предполагалось вытребовать не исключительно монастырскіе, а spis'ы всѣхъ вообще римско-католическихъ

¹⁾ М. Н. Анненковъ занималъ тогда должность помощника генераль-полицеймейстера, а баронъ Медемъ въ 1864 г. состоялъ для порученій при штабѣ Варшавскаго округа.

приходовъ, вмѣстѣ съ которыми въ однѣхъ связкахъ, какъ мы знали, были и нужны намъ свѣдѣнія о монастырскомъ имуществѣ.

Въ то время только-что вводилась въ краѣ новая система всесословныхъ гминь (волостей). Каждое имѣніе помѣщика переставало быть гминой; каждый помѣщикъ или его повѣренный лишались права, въ качествѣ войта гмины, управлять общиной. Власть самая ближайшая къ сельскому люду, къ землѣ, ускользала изъ рукъ мѣстныхъ пановъ. Оставалась еще у нихъ надежда на приуроченіе границъ гминь къ границамъ римско-католическихъ приходоу; при чемъ поддерживалась власть духовенства, всегда стоящаго на сторонѣ крупнаго землевладѣнія. Разсужденія о подобныхъ гминахъ-приходахъ ходили въ польскомъ обществѣ,—ими и рѣшено было воспользоваться. Положено было потребовать въ Замокъ всѣ эти spis'ы будто бы для составленія предварительныхъ соображеній о слитіи границъ гминь и приходоу, для чего, подъ моимъ руководствомъ, должна была составиться особая карта Царства Польскаго.

Приводя этотъ планъ въ исполненіе, я въ одно утро явился въ правительственную комиссію народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и, по докладу, введенъ былъ въ кабинетъ главнаго директора или, быть можетъ, въ залу засѣданій комиссіи—точно не помню. Главнаго директора Дембовскаго я засталъ вмѣстѣ съ начальниками отдѣленій, т. е. съ графомъ Веліопольскимъ и Кржижановскимъ. Только послѣдній изъ трехъ былъ незнакомъ мнѣ. Объяснивъ повелѣніе графа-намѣстника насчетъ немедленнаго доставленія въ Замокъ всѣхъ spis'овъ, я тогда же объяснилъ о составляемой мною картѣ, на которой изображаются границы существующихъ приходоу и предполагаемыхъ гминь, съ цѣлью попытки слить ихъ на практикѣ. Мысль эта была знакома моимъ собесѣдникамъ, и разговоръ принялъ желаемое направленіе,—объ устройствѣ гминь. Они также находили полезнымъ такое соединеніе, при чемъ Дембовскій и Кржижановскій сообщили мнѣ, что въ требуемыхъ мною документахъ дѣйствительно можно почерпнуть необходимыя свѣдѣнія о составѣ приходоу. Ну, а spis'ы монастырей тамъ же?—Тамъ же, отвѣтили мнѣ, такъ какъ многіе монастырскіе костелы замѣняютъ приходскіе. Оказалось, что документовъ этихъ хватитъ на нѣсколько добрыхъ возовъ, и мы порѣшили отправлять ихъ въ Замокъ по частямъ, забирая матеріалы по одной или двумъ епархіямъ. Для ускоренія дѣла я предложилъ первую посылку отправить немедленно и для отвозки ея оставилъ экипажъ графа Берга, въ которомъ я пріѣхалъ, и двухъ линейцевъ изъ конвоя намѣстника, меня сопровождавшихъ. Черезъ какіе-нибудь полчаса времени, первая пачка документовъ была въ моемъ распоряженіи. Масса пыли, вырвавшаяся при распаковкѣ

связки документовъ, показала, что ихъ выдали прямо съ архивныхъ полокъ безъ предварительнаго пересмотра.

Справедливость требуетъ сказать, что едва-ли бы встрѣтилось затрудненіе въ полученіи этихъ документовъ по прямому официальному требованію. Но дѣло уже было сдѣлано и при томъ такимъ способомъ, при коемъ всего менѣе можно было предполагать, что документы были вытребованы для извлеченія изъ нихъ статистическихъ свѣдѣній о монастыряхъ.

Во всякомъ случаѣ, эпизодъ этотъ показываетъ, въ какомъ изолированномъ положеніи находились — и считали себя — высшія русскія власти въ Царствѣ Польскомъ. Я не считалъ нужнымъ умолчать о немъ, напротивъ рассказалъ подробно для еще бѣльшаго иллюстрированія вышеприведенныхъ словъ Н. А. Милютина.

По мѣрѣ полученія связокъ рѣш'овъ мы, т. е. я, Анненковъ и баронъ Медемъ разсматривали монастырскіе документы и дѣлали изъ нихъ выписки, которыя ежедневно посылали въ Петербургъ на имя Н. А. Милютина. Первое время совершенно новая для насъ работа шла туго, а потомъ хотя и пошла довольно быстро, но все-таки отняла у насъ не мало времени.

Свѣдѣнія, какъ добытыя нами, такъ и извлеченныя изъ ежегодныхъ отчетовъ комиссіи духовныхъ дѣлъ и ежегодныхъ росписей, дали возможность составить слѣдующую картину положенія монастырей въ Царствѣ Польскомъ въ первую половину 1864 года.

На 3.800.000 католиковъ состояло:

Монастырей мужскихъ	155
„ женскихъ	42 ¹⁾
	Итого 197
Монашествующихъ: мужчинъ	1.631
„ женщинъ	548
	Итого 2.180

Слѣдовательно, было: по одному монастырю на 19.289 жителей и по 11 монашествующихъ на каждый монастырь.

Монастыри принадлежали 17 различнымъ орденамъ, распавшимся на три отдѣльныя группы.

Въ первой группѣ—монастырей древнѣйшихъ, ведущихъ созерцательную жизнь и ближе подходящихъ къ характеру православныхъ—относилось 18 монастырей съ 250 монашествующими обоюга пола, т. е. 11%.

Ко второй группѣ — орденовъ проповѣдниковъ или нищенствующихъ—принадлежало до 130 монастырей съ 1.507 монашествующими, или 60%, и

¹⁾ Въ томъ числѣ 21 домъ сестеръ милосердія.

Къ третьей группѣ относились остальные ордена, прототипомъ коихъ былъ орденъ іезуитовъ. Въ этихъ орденахъ монашескій принципъ почти упраздняется, а главною цѣлью поставлено воздѣйствіе на окружающее общество. Ордена эти не имѣютъ монастырей въ собственномъ смыслѣ слова, а составляютъ конгрегаціи или коллегіи клириковъ, связанныхъ общою цѣлью и общими правилами. Такихъ монашествующихъ обществъ въ Царствѣ Польскомъ было 40 съ 519 монашествующими обою пола или 23⁰/₀ ¹⁾.

Любопытно сравненіе этихъ данныхъ съ однородными же, относящимися до Имперіи. Здѣсь на 2.800.000 католиковъ находилось:

Монастырей мужскихъ	38
„ женскихъ	22
Итого	60
Монашествующихъ мужчинъ	624
„ женщинъ	370
Итого	994

Вообще по одному монастырю считалось на 46.666 жителей и по 16¹/₂ иноковъ на каждый монастырь. Такимъ образомъ сравнительно съ населеніемъ, въ Царствѣ было въ 1864 году въ 2¹/₂ раза болѣе латинскихъ монастырей, чѣмъ въ западныхъ областяхъ Имперіи. Это объясняется тѣмъ, что съ 1830 г. въ Имперіи закрыто болѣе 300 монастырей, а въ Царствѣ все оставалось по-прежнему. Нельзя также не замѣтить, что въ Имперіи всѣ монастыри давно уже были подчинены епархіальному начальству, а въ Царствѣ — управлялись своими генералами и провинціалами вовсе независимыми отъ правительства и проживавшими за границей. Наконецъ, ордена бонифраторовъ, піаровъ и миссіонеровъ, уничтоженные въ Имперіи, какъ вредные въ политическомъ отношеніи, спокойно существовали въ Царствѣ.

Разсмотрѣніе духовныхъ описей показало, что въ началѣ 1854 года, мужскимъ монастырямъ приблизительно принадлежало слѣдующее имущество съ прописаніемъ противу него и ежегоднаго дохода.

Фольварковой земли 37.145 мор. 66 пр. приносявшихъ	24.135 р. 27 к.
Крестьянской земли 7.051 моргъ 258 пр. приносявшихъ	21.679 „ 82 „
Капиталовъ ипотекowanychъ	176.689 р. 37 к.
Капиталовъ хранящ. въ Польск. банкѣ	150.305 „ 70 „
Суммъ пожертвованныхъ на духовныя потребности ипотекowanychъ	271.065 „ 26 „
Хранящихся въ Польск. банкѣ	487.408 „ 71 ¹ / ₂ „
Доходовъ съ домовъ	43.205 „ 45 ¹ / ₂ „
Компетенціи изъ казны по разнымъ случаямъ	18.438 „ 87 к.
Итого	155.588 р. 68 к.

¹⁾ Эти цифры монашествующихъ по группамъ нѣсколько разнятся отъ общей цифры, приведенной выше потому, что взяты изъ разныхъ источниковъ; при томъ же число монашествующихъ постоянно колеблется.

Кромѣ того всѣ вообще монастыри получали ежегодно до 215.818 р. 60³/₄ коп. сборовъ за совершеніе требъ и вообще такъ называемыхъ *jur astolae*.

Женскіе монастыри ¹⁾ имѣли доходовъ до 53.999 р. 4¹/₂ к.

Такъ что всѣ доходы латинскихъ монастырей достигали до 209.581 р. 72¹/₂ к., а считая съ *jur astolae*—до 425.400 р. 33¹/₄ к.

Утвердившись окончательно въ мысли о неотложной необходимости возможнаго сокращенія числа римско-католическихъ монастырей въ Царствѣ Польскомъ, съ цѣлью прекращенія вреднаго ихъ вліянія на умы мѣстнаго общества, оставалось сообразить самый способъ этого уменьшенія. Историческіе примѣры, касавшіеся иностранныхъ государствъ, показывали, что иногда уничтожались всѣ монастыри сразу, въ большинствѣ же случаевъ закрывались лишь нѣкоторые.

Примѣры упраздненія всѣхъ безъ исключенія монастырей повторились три раза. Англія закрыла ихъ въ XVI вѣкѣ, во время реформациі; Франція—въ 1790 году и Португалія въ 1834 г.

Очевидно, что такое огульное упраздненіе монастырей разрубало узелъ сразу и окончательно, и было даже удобнѣе въ отношеніи къ римскому двору. Протесты римской куріи неизмѣнно являются по каждому случаю упраздненія монастырей и одновременное ихъ уничтоженіе могло дать всего лишь поводъ къ одному протесту, а не къ непрерывному ихъ появленію, такъ какъ римская курія должна была бы, какъ всегда, подчиниться совершившемуся факту. Но однако такой способъ дѣйствій не былъ удобенъ для Россіи. Англія и Франція измѣняли весь строй своей общественной жизни; существованіе монастырей сдѣлалось у нихъ несогласнымъ съ новыми учрежденіями. У насъ опереться на этотъ принципъ было тѣмъ болѣе невозможно, что въ Россіи существуютъ монастыри православные. Отказать католической церкви въ Царствѣ Польскомъ въ юридической возможности имѣть монастыри, когда церковь православная пользуется этимъ правомъ, было бы явнымъ нарушеніемъ религіозной равноправности. Кромѣ того подобная мѣра могла бы повлечь за собою учрежденіе частныхъ общежитій, а они, оставаясь уже внѣ всякаго за ними контроля и наблюденія, могли сдѣлаться гораздо болѣе вредными въ политическомъ смыслѣ, чѣмъ явно существующіе латинскіе монастыри. Такимъ образомъ одновременное упраздненіе всѣхъ монастырей безъ исключенія было признано неудобнымъ.

Переходя къ вопросу объ упраздненіи лишь нѣкоторыхъ монасты-

¹⁾ Женскимъ монастырямъ принадлежало 4.264 морговъ 76 прентовъ земли фольварковой, а сколько крестьянской — не извѣстно. Земли обихъ родовъ давали доходу 12.237 р. 17¹/₂ к.

рей, прежде всего обратились къ существованію такихъ въ католической церкви постановленій, которыя весьма облегчаютъ подобную мѣру, узаконяя ее буквальныймъ примѣненіемъ папскихъ буллъ. Еще въ 1622 году (17-го августа) папа Григорій XV издалъ буллу, которою запрещалось учреждать новые монастыри, не могущіе помѣстить въ себѣ и содержать, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать монаховъ. Если бы эту буллу примѣнить къ мужскимъ римско-католическимъ монастырямъ въ Царствѣ Польскомъ, то изъ общаго ихъ числа (155) можно было закрыть 121. Но булла Григорія XV, подтвержденная буллою папы Урбана VIII отъ 21-го іюня 1625 г., относится исключительно ко вновь учреждаемымъ монастырямъ, а потому воспользоваться ею, было не вполне удобно. Тѣмъ болѣе не встрѣчалось основаній примѣнять эту буллу, что была въ виду другая, непосредственно относящаяся до Польши. Это булла папы Бенедикта XIV отъ 2-го мая 1744 г. Этою буллою папа Бенедиктъ, во исполненіе каноническихъ правилъ, устанавливалъ закрытіе тѣхъ польскихъ монастырей, которые не имѣли восьми монаховъ. Примѣняя эту буллу, можно было закрыть въ Царствѣ Польскомъ до 87 мужскихъ римско-католическихъ монастырей (изъ 155).

Кромѣ принятія мѣръ къ частному закрытію отдѣльныхъ монастырей римская курія давала примѣры закрытія ея властью цѣлыхъ монашескихъ орденовъ. Папа Климентъ XIV въ 1772 году уничтожилъ орденъ іезуитовъ по вредности его направленія, а въ 1818 году тоже папскою буллою закрыты всѣ монастыри ордена цистерсовъ, который тѣмъ и упразднился. Наконецъ, были примѣры закрытія папами монастырей за явное участіе ихъ въ мятежъ. Папа Пій V (1566—1572) закрылъ монастырь такъ-называемыхъ смиренныхъ братій (*fratres humilitatis*) за участіе нѣкоторыхъ членовъ этого ордена въ заговорѣ противъ жизни кардинала Карла Борромео.

Что касается до мѣръ, принимавшихся различными правительствами къ закрытію тѣхъ или другихъ латинскихъ монастырей, то имѣлось въ виду множество примѣровъ какъ закрытія нѣкоторыхъ только монастырей, такъ и цѣлыхъ орденовъ, по вредности направленія, малому числу монаховъ и явному участію монастырей въ мятежъ. Наиболѣе поучительнымъ примѣромъ для насъ было уменьшеніе числа монастырей въ нашемъ Западномъ краѣ, послѣ мятежа 1830 г.

По высочайше утвержденному 19-го іюня 1832 года докладу министра внутреннихъ дѣлъ постановлено было упразднить въ Имперіи во-первыхъ—монастыри, принимавшіе участіе въ мятежѣ; во-вторыхъ—тѣ обители, въ которыхъ не было опредѣленнаго каноническими правилами числа монашествующихъ, и въ-третьихъ—тѣ римско-католическіе монастыри, которые находились посреди православнаго или греко-уніатскаго исповѣданія. На этихъ основаніяхъ, изъ

общаго числа 304 находившихся въ то время въ Имперіи римско-католическихъ монастырей упразднено—191.

По соображеніи этихъ обстоятельствъ и устраняя возможность поголовнаго уничтоженія всѣхъ монастырей, предполагалось монастырскую реформу въ Привислинскомъ краѣ произвести путемъ: а) упраздненія тѣхъ римско-католическихъ монастырей, которые не имѣли достаточнаго числа монаховъ (булла папы Бенедикта XIV) и б) закрытія — принимавшихъ участіе въ мятежѣ. Уничтоженіе цѣлыхъ орденовъ, требовавшее особой для сего регламентаціи, не предполагалось въ виду также и того обстоятельства, что путемъ закрытія и упраздненія монастырей можно было достигнуть на практикѣ совершеннаго упраздненія нѣкоторыхъ наиболѣе вредныхъ монашескихъ орденовъ.

Монастырская реформа отнюдь не должна была въ чемъ-нибудь вредно повліять на интересы мѣстнаго населенія. Съиздавна многіе монастырскіе костелы служили приходскими, а другіе обладали чудотворными иконами, привлекавшими массы богомольцевъ преимущественно изъ простаго народа. Наконецъ, нѣкоторые, — хотя и не многіе — монастыри имѣли при себѣ училища и разныя благотворительныя заведенія. Упраздняя вредныя общества монаховъ, слѣдовало сохранить во всей, по возможности, неприкосновенности все то, что приносило въ монастыряхъ пользу населенію. Поэтому предполагалось сохранить всѣ монастырскіе костелы, школы и благотворительныя заведенія, монастырями содержимыя.

Такимъ образомъ мѣропріятія государствъ Западной Европы и въ томъ числѣ наиболѣе католическихъ, какъ Франція, Испанія и Португалія, и примѣръ упраздненія многихъ монастырей въ нашемъ Западномъ краѣ давали правительству полную возможность снова обратиться къ этой мѣрѣ и на этотъ разъ примѣнить ее къ монастырямъ Царства Польскаго, забывшимъ, въ разгарѣ политическихъ страстей, объ обязанностяхъ къ своему государю. Никакое международное обязательство не связывало насъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ конкордатъ съ Римомъ, заключенный 22-го іюля 1847 г., ни однимъ словомъ не упоминалъ о монастыряхъ ¹⁾.

¹⁾ Въ конкордатѣ дѣйствительно ничего о монастыряхъ не упомянуто, но римскій дворъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлалъ попытку къ цробрѣтенію въ этомъ отношеніи нѣкоторыхъ правъ. Поручая епископу Головинскому привести конкордатъ въ исполненіе, папа Пій IX въ буллѣ 5-го іюля 1848 года помѣстилъ, между прочимъ, слѣдующее: „имѣя въ виду, что существующіе нынѣ въ Россійской Имперіи обители и монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе (которыхъ обрѣтается болѣе ста), постановлено вполнѣ сохранить и впредь вовсе не уменьшать ихъ числа безъ предварительнаго и точнаго на сіе уполномочія святѣйшаго престола, то повелѣваемъ и предписываемъ исполнителю сей грамоты точнѣйшимъ образомъ показать число существующихъ

Что касается до нашихъ отношеній къ куріи, то они, въ то время, были самыя неудовлетворительныя. Всѣ дѣйствія куріи были явно намъ не дружелюбны, и глава католической церкви много разъ позволялъ себѣ самыя неумѣстныя и оскорбительныя выходки противъ Россіи. Никакихъ основаній бояться ухудшенія этихъ отношеній не существовало; въ интересахъ Россіи было, напротивъ, полное ихъ прекращеніе съ объявленіемъ конкордата 1847 г. потерявшимъ свою силу.

Записка статсъ-секретаря Милютина отъ 21-го мая 1864 г., въ которой весьма подробно изложены были всѣ соображенія о монастырской реформѣ, сущность коихъ приведена мною выше,—въ тотъ же день была поднесена государю императору, а 25-го мая на ней уже послѣдовала слѣдующая высочайшая резолюція: «Обсудить въ совмѣстномъ засѣданіи Западнаго и Польскаго комитетовъ». Государемъ сдѣланы три слѣдующія собственноручныя отмѣтки: слово «Да» поставлено противу того мѣста, которымъ предполагалось отвергнуть общее и безусловное упраздненіе всѣхъ римско-католическихъ монастырей. «Я вполнѣ разделяю это мнѣніе» — было написано сбоку заключенія о возможности достигнуть значительнаго сокращенія монастырей, примѣняя буллу папы Бенедикта XIV и закрывая ихъ, сверхъ того, за явное участіе въ мятежѣ, и, наконецъ, слово «Согласенъ» — стояло противу предположенія объ учрежденіи въ Царствѣ Польскомъ особой о монастыряхъ комиссіи.

Нельзя не остановиться на быстротѣ, съ которою въ эту знаменательную эпоху принимались тѣ или другія мѣропріятія правительства. 21-го мая статсъ-секретарь Милютинъ подалъ свою записку о мо-

тамъ обителей и монастырей и подробно разъяснить, въ какихъ именно родахъ и въ какой епархіи состоятъ, какого они ордена, наименованія и правила и сколько въ каждой обители и монастырѣ находится лицъ, посвятившихъ себя монашескимъ обѣтамъ“.

Помѣщеніе подобнаго требованія папа основалъ не на конкордатѣ, а на протоколѣ, подписанномъ 22-го іюля (3-го августа) 1847 года, въ коемъ наши уполномоченные въ статьѣ, отнесенной къ числу вопросовъ, которые предположено передать на усмотрѣніе правительства, сказали, что правительство не имѣетъ въ виду уменьшать число монастырей и если найдетъ эту мѣру нужною, то приступить къ ней не иначе, какъ по предварительному соглашенію съ римскимъ престоломъ.

Не смотря на это, правительство наше никогда не считало себя связаннымъ въ этомъ отношеніи и въ періодъ времени съ 1847 по 1864 г. уничтожило въ Западномъ краѣ 46 монастырей. На требованіе кардиналомъ Антонелли въ 1856 году объясненій, положено было отвѣчать, что мѣра эта не имѣетъ политическаго и религіознаго характера, а принята вслѣдствіе ограниченности поступающихъ въ казну доходовъ съ монастырей и имѣній и что римскій дворъ можетъ быть удостовѣренъ въ совершенной неприкосновенности 50 штатныхъ монастырей въ Имперіи.

настыряхъ; 25-го на ней положена резолюція государя; 26-го мая и 2-го іюня записка рассмотрѣна въ соединенныхъ комитетахъ Западномъ и Польскомъ, а 11-го іюня соображенія комитетовъ окончательно утверждены государемъ въ Киссингенѣ.

Соединенные комитеты по дѣламъ Царства Польскаго и Западный въ два засѣданія рассмотрѣли записку статсъ-секретаря Милютина и большинствомъ девяти голосовъ противу одного ¹⁾ постановили:

I. Въ отношеніи римско-католическихъ монастырей въ Царствѣ Польскомъ принять слѣдующія мѣры:

1) Приступить немедленно къ упраздненію въ Царствѣ Польскомъ тѣхъ римско-католическихъ монастырей и вообще монашескихъ обителей (мужскихъ и женскихъ), въ коихъ состоитъ нынѣ на-лицо менѣе восьми монаховъ или монахинь.

2) Равнымъ образомъ приступить немедленно къ закрытію, указаннымъ ниже порядкомъ, тѣхъ монастырей и обителей римско-католическаго исповѣданія, которые принимали явное участіе въ мятежныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ.

3) При упраздненіи и закрытіи на семь основаніи монастырей и обителей, находящіяся въ нихъ церкви, если онѣ замѣняли приходскія или вообще если онѣ посѣщались жителями, оставить, по-прежнему, открытыми для прихожанъ и принять мѣры къ охраненію неприкосновенными всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые въ упраздняемыхъ и закрываемыхъ монастыряхъ и обителяхъ были чтимы народомъ, какъ святыня.

4) Училища, больницы, богадѣльни и вообще благотворительныя учрежденія, находящіяся при упраздняемыхъ и закрываемыхъ монастыряхъ и обителяхъ, должны быть на будущее время устроены и обезпечены въ средствахъ содержанія, а впредь до окончательнаго о семъ распоряженія, оставлены, по возможности, въ прежнемъ видѣ.

5) Для разбора всѣхъ предстоящихъ по случаю упраздненія или закрытія монастырей распоряженій, учредить въ Варшавѣ нынѣ же особую комиссію изъ генералъ-полицеймейстера, главнаго директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ, трехъ членовъ военно-судныхъ комиссій и нѣсколькихъ лицъ военнаго и гражданскаго управленій, совершенно благонадежныхъ, по назначенію намѣстника.

¹⁾ Членами комитетовъ тогда были: князь Павелъ Гагаринъ, графъ Панинъ, Константинъ Чевкинъ, Дмитрій Милютинъ, Александръ Зеленый, Петръ Валуевъ, Валеріанъ Платоновъ, Николай Милютинъ, Дмитрій Замятинъ, Александръ Потаповъ. Графъ Панинъ возражалъ только противу одновременности упраздненія монастырей, склоняясь къ постепенному ихъ закрытію за некомплектъ.

6) Означенной выше комиссіи вмѣнить въ обязанность, подъ ближайшимъ руководствомъ намѣстника: а) опредѣлить, какіе именно монастыри и обители должны подлежать или упраздненію по малому числу монашествующихъ или закрытію за явное участіе въ мятежныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ; б) опредѣлить самый порядокъ закрытія монастырей и обителей, т. е. какими правительственными мѣстами или лицами, при посредствѣ какихъ властей и съ соблюденіемъ какихъ формальностей, должно быть приведено въ исполненіе распоряженіе объ упраздненіи или закрытіи монастырей и обителей; в) указать, какія надлежитъ принять мѣры для того, чтобы согласно пунктамъ 3-му и 4-му богослуженіе въ церквахъ упраздняемыхъ и закрываемыхъ монастырей и обителей не прекращалось, чтобы находящіяся въ нихъ святыни сохранены были неприкосновенными и чтобы состоящія при сихъ монастыряхъ училища и благотворительныя заведенія были обеспечены въ средствахъ содержанія; г) указать, какія должны быть приняты мѣры для устройства монаховъ, монахинь, клириковъ, новиціевъ и другихъ лицъ, принадлежащихъ къ составу упраздняемыхъ и закрываемыхъ монастырей и обителей; д) составить правила о немедленномъ принятіи въ казну имуществовъ и капиталовъ упраздняемыхъ и закрываемыхъ монастырей и обителей, съ обращеніемъ доходовъ отъ сихъ имуществовъ и капиталовъ на исполненіе тѣхъ обязательствъ, которыя лежатъ на означенныхъ имуществахъ и капиталахъ, на выдачу пособій монахамъ и монахинямъ упраздняемыхъ монастырей, на содержаніе училищъ и благотворительныхъ заведеній, состоящихъ при тѣхъ монастыряхъ, на содержаніе духовенства при церквахъ упраздняемыхъ монастырей и на удовлетвореніе другихъ надобностей духовнаго вѣдомства.

7) Предоставить намѣстнику въ царствѣ наблюсти, чтобы комиссія всѣ означенныя выше работы окончила въ мѣсячный срокъ и предложенія комиссіи, съ своимъ заключеніемъ, представить на высочайшее благоусмотрѣніе съ тѣмъ, чтобы, по восполнѣдованіи высочайшаго указа объ упраздненіи и закрытіи монастырей, можно было немедленно и сколь можно одновременно привести эту мѣру въ исполненіе.

8) Предоставить намѣстнику, если онъ признаетъ нужнымъ, приступить къ закрытію монастырей, на изложенныхъ выше основаніяхъ и не ожидая окончанія работъ комиссіи и обнародованія высочайшаго указа по сему предмету.

9) Принять въ завѣдываніе казны имущества и капиталы не только упраздняемыхъ монастырей, но и тѣхъ, которые будутъ сохранены, съ назначеніемъ симъ послѣднимъ штатнаго содержанія и съ тѣмъ, чтобы доходы съ ихъ имуществовъ и капиталовъ были обращаемы на содержаніе католическихъ монастырей, католическаго духовенства вообще и

находящихся нынѣ при сихъ монастыряхъ училищъ, богадѣленъ и больницы съ принятіемъ всѣхъ сихъ заведеній, не исключая и принадлежащихъ сестрамъ милосердія, въ вѣдѣніе подлежащихъ гражданскихъ управленій и вообще на удовлетвореніе потребностей духовнаго вѣдомства. Составленіе проекта правилъ по сему предмету возложить на означенную комиссію, при участіи нѣсколькихъ лицъ изъ правительственной комиссіи финансовъ по назначенію намѣстника, съ тѣмъ, чтобы правила сіи были составлены въ самомъ непродолжительномъ времени и представлены намѣстникомъ, съ его заключеніемъ, на высочайшее благоусмотрѣніе.

10) Возложить на ту же комиссію составленіе подробныхъ наставленій для гражданскаго начальства относительно разрѣшенія приѣма новыхъ иноковъ, инокинь, клириковъ, новиціевъ и проч., относительно монастырскихъ семинарій и студій, относительно полицейскаго наблюденія за монашествующими и т. п.

11) Сообщить намѣстнику въ царствѣ какъ о принятыхъ въ Имперіи мѣрахъ для упраздненія монашескихъ орденовъ и конгрегацій, признанныхъ особенно вредными, такъ и о составленныхъ по сему предмету нѣкоторыхъ предварительныхъ соображеніяхъ статсъ-секретаря Милутина, предоставивъ ему, намѣстнику, по собраніи надлежащихъ мѣстныхъ свѣдѣній, представить въ самомъ непродолжительномъ времени окончательныя предположенія: по какимъ именно орденамъ и конгрегаціямъ, не исключая сестеръ милосердія, отличающимся особою религіозною или политическою нетерпимостью и наиболѣе враждебными противу правительства дѣйствіями, надлежитъ прекратить приѣмъ новыхъ членовъ, и кромѣ того принять другія мѣры къ постепенному или даже немедленному упраздненію въ царствѣ означенныхъ монашескихъ учрежденій. Въсѣтъ съ тѣмъ предоставить намѣстнику обратить особое вниманіе на существующія въ царствѣ различныя общины, братства, архибратства и т. п. учрежденія и принять мѣры къ недопущенію существованія подобныхъ учрежденій (фелиціанокъ и другія) безъ надлежащаго разрѣшенія правительства.

12) Предоставить также намѣстнику составить и представить, въ возможно непродолжительномъ времени на высочайшее утвержденіе, предположенія о подчиненіи монастырей въ царствѣ епархіальному управленію и особымъ визитаторамъ, съ устраненіемъ отъ сего орденовскихъ начальниковъ (особенно тѣхъ, кои пребываютъ за границею), подобно тому, какъ сіе существуетъ въ Имперіи.

13) Предоставить намѣстнику въ царствѣ нынѣ же воспретить, циркулярнымъ предписаніемъ, какъ по военному, такъ и по гражданскому вѣдомству, употребленіе военныхъ командъ и другихъ правительственныхъ экзекуціонныхъ мѣръ для взысканія десятины.

«Постановивъ означенныя заключенія по представленнымъ статсъ-секретаремъ Милютинымъ предположеніямъ, соединенные комитеты не могли не обратить вниманія на способы, коими успѣшное приведеніе постановляемыхъ мѣръ въ исполненіе можетъ быть обезпечено. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ необходимо ближайшее участіе высшаго въ царствѣ управленія по духовной части, т. е. комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Статсъ-секретарь Милютинъ во всеподданнѣйшей запискѣ, представленной вашему императорскому величеству, и въ записданіи комиссіи, объяснилъ, что, при стоящихъ нынѣ во главѣ этой комиссіи лицахъ, нельзя ни въ какомъ случаѣ надѣяться на успѣшное исполненіе означенныхъ мѣръ и что по глубокому убѣжденію его необходимо сколь можно скорѣе назначить главнымъ директоромъ духовныхъ дѣлъ человѣка, вполне благонадежнаго, вполне преданнаго правительству и сочувствующаго его видамъ и намѣреніямъ, такъ чтобы вновь назначенный директоръ имѣлъ возможность ознакомиться со всѣми подробностями дѣла, прежде чѣмъ послѣдуетъ разрѣшеніе приступить къ закрытію монастырей въ царствѣ. Статсъ-секретарь Платоновъ съ своей стороны пояснилъ, что нынѣшній директоръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія былъ членомъ революціоннаго правительства въ 1831 году и послѣ того до назначенія его, въ 1861 году, постояннымъ членомъ государственнаго совѣта царства не состоялъ на службѣ русскаго правительства.

«Соединенные комитеты, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, пришли къ убѣжденію, что упраздненіе и закрытіе монастырей, обращеніе ихъ имущества въ завѣдываніе казны и другія необходимыя преобразованія по устройству католическаго духовенства въ царствѣ принадлежатъ къ такимъ мѣрамъ, исполненіе коихъ невозможно, съ какою-либо надеждою на успѣхъ, поставить въ зависимость отъ лица, принадлежащаго къ римско-католическому исповѣданію. Съ другой стороны, такъ какъ комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, составляя отдѣльное управленіе, въ числѣ обязанностей коего первое мѣсто занимаетъ завѣдываніе духовною частью, то удобнымъ средствомъ выйти изъ этого затрудненія было бы, по мнѣнію соединенныхъ комитетовъ, возстановленіе того порядка, который былъ установленъ послѣ усмиренія мятежа въ 1831 году и существовалъ до 1861 года; въ теченіе сего 30-ти лѣтняго періода, духовныя дѣла въ царствѣ состояли въ завѣдываніи комиссіи внутреннихъ дѣлъ, коею управляли постоянно и безъ всякаго неудобства русскіе и при томъ православнаго исповѣданія.

«Соединенные комитеты, считая это обстоятельство чрезвычайно важнымъ для обезпеченія успѣха предположенныхъ мѣръ относительно римско-католическихъ монастырей и духовенства, полагаютъ, въ случаѣ,

если вашему императорскому величеству благоугодно будетъ утвердить означенное коренное начало о присоединеніи управленія духовныхъ дѣлъ къ комиссіи внутреннихъ дѣлъ, предоставить намѣстнику войти немедленно съ представленіемъ о способахъ приведенія сей мѣры въ дѣйствіе.

II. Относительно римско-католическихъ монастырей въ Имперіи.

1) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ существующаго постановленія о немедленномъ упраздненіи тѣхъ римско-католическихъ монастырей, въ коихъ окажется менѣе восьми монашествующихъ.

2) Предоставить генераль-губернаторамъ западныхъ губерній закрыть неотложно тѣ монастыри и другія монашескія обители, которые принимала участіе въ мятежныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ, съ тѣмъ, чтобы тѣ монастырскія церкви, которыя посѣщались мѣстными жителями, оставались, и по закрытіи монастырей, открытыми для богослуженія.

и 3) Зданія тѣхъ монастырей, которые будутъ упразднены, принять въ распоряженіе правительства для обращенія ихъ подъ богоугодныя заведенія».

На журналѣ этомъ, государь, въ Киссингенѣ 11-го (23-го) іюня 1864 г., положилъ резолюцію: «исполнить по мнѣнію большинства».

22-го іюня это высочайшее повелѣніе и всѣ необходимыя данныя по этому предмету переданы были намѣстнику въ царствѣ для исполненія, а имъ 28-го іюня образована особая комиссія, и работа закипѣла.

При самомъ даже бѣгломъ чтеніи резолюціи соединенныхъ комитетовъ видно, что они были особенно озабочены скорѣйшимъ окончаніемъ всѣхъ предварительныхъ для закрытія монастырей распоряженій. Учреждаемая въ Варшавѣ комиссія должна была окончить свои главнѣйшія работы въ мѣсячный срокъ; затѣмъ, намѣстнику неоднократно указывалось, что его представленія должны послѣдовать въ самомъ непродолжительномъ, по возможности, времени. Указаніе на эту скорость особенно бросается въ глаза и оправдывается, кажется, боязнью, чтобы намѣстникъ не затянулъ этого дѣла. Графъ Бергъ былъ лютеранинъ, а жена его и пріемная дочь, жившія съ нимъ въ Варшавѣ и имѣвшія на него несомнѣнное вліяніе,—католички. Общество польское имѣло въ нихъ своихъ убѣжденныхъ союзницъ въ дѣлахъ религіи, усердно посѣщало ихъ и черезъ пріемную дочь доводило до графа Берга всѣ свои жалобы и сѣтованія. Зная эту закулисную сторону, въ Петербургѣ боялись домашняго вліянія на намѣстника и потому, во что бы то ни стало, желали сократить срокъ подготовительныхъ къ реформѣ дѣйствій.

Однако опасенія эти были напрасны и вытекали изъ совершенно

ложныхъ предположеній. Графъ Бергъ, женившійся въ 1830 году на итальянской графинѣ Сигонья, старшей его лѣтами, заключилъ бракъ не по любви, а по расчету. Жена его, по своему характеру и возрасту, не могла блистать въ свѣтѣ, но была богата, и онъ обезпечивалъ себѣ возможность занимать—не стушевываясь за женою—видное мѣсто въ высшемъ обществѣ, куда его влекло честолюбіе. Въ семьѣ никогда не было любви, но сразу отношенія установились самыя приличныя, дружественныя. Живя въ замкѣ на разныхъ половинахъ, графъ дѣлалъ визиты женѣ утромъ и вечеромъ, а къ обѣду—когда она была здорова—принималъ ее у себя, при чемъ она всегда приходила въ его кабинетъ за нѣсколько времени до появленія первыхъ приглашенныхъ въ числѣ шести—семи человекъ, ежедневно обѣдавшихъ у графа. Этихъ свиданій было достаточно, чтобы успѣть выслушать все то, что обѣ дамы имѣли сказать ему. Выслушивалъ онъ терпѣливо, быть можетъ, общалъ что-нибудь сдѣлать, но едва-ли когда прямо подчинялся ихъ вліянію и удовлетворялъ какое-либо не свойственное ихъ требованіе. Я, по крайней мѣрѣ, рѣшительно не могу привести ни одного примѣра тому, чтобы онъ, подъ вліяніемъ своей семьи, сдѣлалъ что-либо противное своимъ официальнымъ обязанностямъ и положенію. Сгѣшу оговориться; здѣсь я разумѣю не частныя какіе-либо случаи, а принципиальное направленіе дѣла. Графъ Бергъ былъ человекъ въ высшей степени правительственнымъ и преданнымъ престолу.

— Прикажетъ государь,—нерѣдко говорилъ онъ мнѣ лично,—лягу у дверей его кабинета, какъ вѣрная собака, и умру, исполняя его приказанія.

И, говоря это, онъ нисколько не преувеличивалъ и не рисовался. Имѣя свои взгляды и убѣжденія и по своему воспитанію и прошедшей дѣятельности не соглашаясь со многимъ изъ того, что дѣлалось вокругъ него и что предпринималось самимъ правительствомъ, графъ Бергъ высказывалъ свое мнѣніе и дѣлалъ все, чтобы заставить отказаться отъ мѣры, казавшейся ему несвоевременной, вредной или опасной. Взгляды свои въ подобныхъ случаяхъ онъ рѣдко излагалъ въ официальныхъ бумагахъ и запискахъ потому, думается мнѣ, что самъ не владѣлъ русскою рѣчью въ письменномъ изложеніи, а всегда писалъ собственноручныя письма къ государю, письма весьма откровенныя, но черезъ-чуръ уже частыя. Рѣдкій день онъ не писалъ письма, а иногда посылалъ два и болѣе по разнымъ предметамъ. Это не мало затрудняло государя, но никогда онъ не выказалъ своего неудовольствія и всегда аккуратно отвѣчалъ графу Бергу на отдѣльныя серіи его писемъ. Письма свои графъ Бергъ писалъ по-французски, и мнѣ множество разъ приходилось снимать съ нихъ копию для его архива, такъ что я положительно могу засвидѣтельствовать, что онъ смѣло и ясно высказывалъ свои мысли государю, а до отъѣзда изъ Варшавы великаго князя Констан-

тивна Николаевича—нерѣдко писалъ и къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, принимавшей сердечное участіе во всемъ, что дѣлалось тогда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Подобныя возраженія въ собственноручныхъ письмахъ графъ Бергъ посылалъ какъ во время соображеній той или другой мѣры, такъ и тогда, когда соображенія оканчивались и выражались въ послыжѣ въ Петербургъ того или другаго проекта. По той же причинѣ графъ никогда не писалъ официальныхъ контрпроектовъ, а протестовалъ въ излюбленной формѣ письма. Какъ только проектъ получалъ высшую санкцію и дѣлался закономъ, все измѣнялось, и графъ Бергъ, вѣрный своимъ принципамъ преданнаго служенія государю, становился самымъ точнымъ исполнителемъ новаго узаконенія. Никогда тайно, подъ рукою, онъ не разрушалъ того, что дѣлалъ явно, а это было такъ легко во многихъ случаяхъ и такъ часто практикуется въ жизни. Н. А. Милютинъ говаривалъ, что «лучшаго исполнителя, какъ графъ Бергъ, трудно и желать». Эту фразу я самъ много разъ слышалъ отъ Милютина, и она была дѣйствительно самой справедливой оцѣнкой безупречной исполнительности графа Берга.

Въ послѣднее время, занятый множествомъ лежавшихъ на мнѣ обязанностей, я пересталъ переписывать копии графскихъ писемъ; это сталъ дѣлать чиновникъ дипломатической канцеляріи Шлѣцеръ, а потому я не могу сказать, что собственно графъ Бергъ писалъ о монастырской реформѣ. Онъ во всякомъ случаѣ былъ противъ нея, но не въ принципѣ, а потому, что видѣлъ въ ней возможность: во-первыхъ, сильнаго возбужденія общественнаго мнѣнія и, во-вторыхъ, не по разуму рьянаго исполненія, могущаго повести къ такимъ дѣйствіямъ исполнительныхъ чиновъ, которыя легко могли быть истолкованы какъ оскорбленіе и преслѣдованіе римско-католическаго исповѣданія. Словомъ, онъ предполагалъ, что приведеніе этой реформы въ исполненіе поведетъ ко многимъ недоразумѣніямъ и снова поставитъ правительство въ затруднительное положеніе. Собственно же въ мѣрѣ уменьшенія числа монастырей онъ не могъ не видѣть благоразумной стороны, тѣмъ болѣе, что тунеядство монаховъ, независимо отъ ихъ участія въ революціонныхъ дѣйствіяхъ, было ему хорошо извѣстно.

Приданіе всѣмъ подготовительнымъ работамъ по монастырской реформѣ особой экстренности и умышленнаго выставленія на видъ необходимости окончить все это въ самое кратчайшее время не ускользнуло, разумѣется, отъ вниманія графа Берга, было понято имъ и оцѣнено по достоинству. Чтеніе отзыва статсъ-секретаря Платонова вызвало у графа саркастическую улыбку, ясно показавшую мнѣ, что онъ догадался, въ чей огородъ летятъ камни. Указаніе окончить всѣ работы комиссіи въ мѣсячный срокъ показалось ему совершенно невыполни-

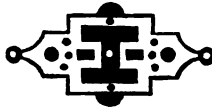
*

мымъ, что раздѣлялъ и генералъ Треповъ, въ качествѣ генераль-полицеймейстера имѣвшій кромѣ утренняго и вечерняго доклада у графа-намѣстника и нерѣдко остававшійся и послѣ доклада при разборѣ и чтеніи вечерней почты, съ которою приходили всѣ бумаги изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ. Это чтеніе съ августа 1863 года до половины іюня 1865 г., т. е. до назначенія моего радомскимъ губернаторомъ,—всегда дѣлалъ я.

Мѣсячный срокъ дѣйствительно казался невозможнымъ, но, какъ увидимъ, комиссія съ честью вышла изъ затруднительнаго, даже просто невозможнаго положенія и если затянула работы на нѣсколько дней сверхъ мѣсячнаго срока, зато исполнила не только то, что отъ нея требовалось окончить въ теченіе мѣсяца, но и многое другое, подлежащее исполненію послѣ. Впослѣдствіи я объясню, почему вообще всѣ серьезныя административныя работы дѣлались тогда въ Царствѣ Польскомъ быстро и основательно.

Д. Г. Анучинъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

Великій князь Константинъ Павловичъ и его дворъ.

(1810—1833).

III ¹⁾.

Поѣздка великаго князя Константина Павловича въ Петербургъ.—Жизнь въ Бельведерѣ въ его отсутствіи.—Возвращеніе въ Варшаву.—Отъѣздъ императора Александра на конгрессъ въ Верону.—Прібытіе въ Варшаву великаго князя Михаила Павловича.—Возвращеніе Александра изъ Вероны.—Смотръ войскамъ въ Брестъ.—Вечеръ въ Бельведерѣ.—Кончина императора Александра I.—Положеніе великаго князя.—14-е декабря 1825 г. въ Петербургѣ и его отраженіе въ Варшавѣ.—Слухи по поводу вступленія на престолъ императора Николая.—Мнѣнія великаго князя о политическихъ дѣлахъ.—Жизнь въ Варшавѣ.

Въ исходѣ 1821 года, великій князь Константинъ Павловичъ уѣхалъ въ Петербургъ, хотя ему было весьма тяжело разстаться со своей съ женою, съ своими привычками и съ Бельведеромъ. Онъ долженъ былъ совершить эту поѣздку, такъ какъ не видалъ матери со времени своей женитьбы и цѣлыхъ два года не появлялся въ столицѣ. Великій князь нѣсколько замедлил отъѣздомъ, чтобы не быть при дворѣ въ новый годъ и избѣгнуть обычныхъ церемоній и этикета, которыя отъ души ненавидѣлъ, но ему хотѣлось быть въ Петербургѣ въ Крещенье и присутствовать на Иордани. Его высочество обѣщалъ намъ возвратиться какъ можно скорѣе.

Итакъ, мы остались въ Бельведерѣ одни, въ самое дурное время года. Княгиня Ловичъ должна была жить вмѣстѣ съ нами, не бывая

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1902 г.

вовсе въ Варшавѣ; ей даже не было разрѣшено посѣщать свою семью. Его высочество хотѣлъ отдалить княгиню отъ ея родныхъ и отъ тѣхъ лицъ варшавскаго общества, коихъ онъ не терпѣлъ, критикуя ихъ политическое поведеніе, нравы и нѣкоторыя смѣшныя стороны. Онъ не желалъ, чтобы его супруга была довѣренной ихъ жалобъ и орудіемъ ихъ патріотизма. Великому князю было извѣстно, какія надежды поляки возлагали на его бракъ, и онъ хотѣлъ разрушить ихъ намѣренія даже въ мелочахъ. Княгинѣ приходилось подчиниться его волѣ, хотя неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого была для нея смертельная скука.

Занимаясь животнымъ магнетизмомъ, Фавицкій заставилъ княгиню заинтересоваться всѣми неглѣпостями, которыя продѣлывали фокусники-магнетизеры; она увѣровала въ чудесныя излѣченія, совершаемыя ясно-видящими, въ предсказанія, словомъ, во всѣ сверхъестественныя явленія, коими шарлатаны поражаютъ людей съ слабымъ и разстроеннымъ восбраженіемъ. Его высочество, съ свойственнымъ ему здравымъ смысломъ, нападалъ, при всякомъ удобномъ случаѣ на эти мнимыя чудеса и высказывалъ величайшее презрѣніе къ этимъ явленіямъ и къ людямъ, кои ими занимались; отъ хотѣлъ этимъ отвлечь отъ нихъ жену, но Фавицкій, не обращая вниманія на здравыя сужденія великаго князя, старался, во время своихъ бесѣдъ наединѣ съ княгиней, упрочить въ ней вѣру во все чудесное, чему онъ самъ подавалъ примѣръ. Когда мы сходились всѣ вмѣстѣ въ нашемъ уединеніи, то разговоръ то и дѣло касался метафизики, отвлеченнаго анализа, вопросовъ мистическихъ; въ такихъ случаяхъ Фавицкій выказывалъ всю свою несносную глупость, свое чванство и вредъ, который можетъ принести полужнаніе неуравновѣшенному уму. Это было просто невыносимо. Я не говорилъ ни слова, старался думать о другомъ, но мое лицо, выражавшее скуку и нетерпѣніе, должно было чрезвычайно не нравиться княгинѣ. Такъ проводили мы время въ отсутствіе великаго князя.

Великій князь вернулся изъ Петербурга черезъ мѣсяцъ. Императоръ даровалъ ему гораздо болѣе обширныя полномочія по сравненію съ тѣми, коими онъ пользовался прежде. Это было, какъ онъ самъ выражался, нѣчто въ родѣ диктатуры, которая была, повидимому, необходима вслѣдствіе революціоннаго движенія, которое начало обнаруживаться повсюду.

Между тѣмъ въ Варшавѣ, по-прежнему, все было спокойно; за исключеніемъ нѣсколькихъ студентовъ, подражавшихъ нѣмецкой молодежи, съ коей они поддерживали переписку, всѣ остальные не уклонялись отъ порядка и мирной жизни; многіе изъ этихъ сорванцовъ были арестованы, высланы изъ Варшавы, а иные довольно долго содержались подъ арестомъ. Эти мѣры вызвали ропотъ среди польскихъ либераловъ, которые ссылались на гарантія, обѣщанныя конституціей. Но на ихъ крики

не обращали вниманія, предоставляя имъ дѣлаться за политическій призракъ, который все болѣе и болѣе обращался въ ничто и который имъ посулили Богъ вѣсть зачѣмъ.

Императоръ Александръ все болѣе и болѣе охладѣвалъ къ либеральнымъ идеямъ, которыми онъ нѣкогда увлекался. Онъ не скрывалъ этой перемѣны, происшедшей въ немъ подъ вліяніемъ опыта, при видѣ того, что происходило въ Европѣ и что старались насадить и въ его Имперіи. Онъ удалилъ изъ столицы нѣсколько профессоровъ Петербургскаго университета, распространявшихъ современныя ученія, и за эти дѣйствія ему пришлось выслушать строгую отвѣдь отъ своего бывшаго воспитателя. Лагарпъ написалъ ему письмо, въ которомъ высказалъ, что онъ много потерялъ во мнѣніи Европы, и что такая перемѣна въ принципахъ человѣка, имъ воспитаннаго, заставляетъ его сожалѣть о томъ, что онъ принималъ участіе въ его воспитаніи.

Нѣсколько времени спустя послѣ возвращенія его высочества, произошла совершенно неожиданная сцена. Однажды, за обѣдомъ, великій князь спросилъ меня, требуется ли правилами приличія, чтобы въ отвѣтъ было упомянуто о полученіи письма, на которое отвѣчаешь. Я сказалъ, что здравый смыслъ и обычай требуютъ упомянуть о письмѣ, при чемъ это упоминаніе дѣлается въ церемонномъ, серьезномъ или шутовскомъ тонѣ, смотря по положенію лица, коему отвѣчаютъ, и по существующимъ между пишущими отношеніямъ, или сообразно съ тѣмъ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь; но что упоминаніе дѣлается всегда. Тогда великій князь, обратясь къ княгинѣ, сказалъ: «Вы видите, я былъ правъ». Я понялъ, что княгиня писала какой-либо особѣ царской фамиліи, не упомянувъ о письмѣ, на которое она отвѣчала, и что великій князь сдѣлалъ ей по этому поводу замѣчаніе; этимъ, очевидно, и былъ вызванъ его вопросъ. Княгиня возразила обиженнымъ тономъ, настаивая на своемъ мнѣніи, а великій князь съ горячностью отстаивалъ свои слова. Всѣмъ сдѣлалось неловко, всѣ смолкли, и мнѣ было очень неприятно, что я подалъ поводъ къ спору. Тогда Фавицкій, открывъ ротъ, какъ ворона, потерявшая кусокъ сыра, началъ длинную рѣчь, стараясь поддержать мнѣніе княгини; великій князь, выведенный изъ себя этимъ неприличнымъ поступкомъ, сказалъ, покраснѣвъ отъ гнѣва: «Замолчите, милостивый государь, вы все говорите глупости и только для того, чтобы угождать женѣ».

Императоръ, отправляясь на конгрессъ въ Верону, былъ проѣздомъ въ Варшавѣ и провелъ нѣсколько дней съ братомъ; въ это время были произведены маневры; по окончаніи ихъ, его величество отправился далѣе на Вѣну.

Нѣсколько времени спустя къ намъ пріѣхалъ изъ Штутгардта великій князь Михаилъ Павловичъ, куда онъ ѣздилъ повидаться со своей

будущей супругою, племянницею короля Виртембергскаго. Онъ провель въ Бельведерѣ болѣе мѣсяца и уѣхалъ съ сожалѣніемъ, будучи вызванъ своей матерью. Младшій братъ нѣжно любилъ великаго князя Константина Павловича. Уединенная, чисто военная жизнь цесаревича прилась ему какъ нельзя болѣе по вкусу; у него былъ веселый, открытый характеръ; онъ былъ утонченно вѣжливъ, и его общество придало намъ нѣкоторое оживленіе. Его сопровождалъ его бывшій воспитатель, генералъ Алединскій, и два адъютанта, весьма пріятные собесѣдники.

Мы провели осень такъ же, какъ и остальные времена года. Мы собирались всѣ вмѣстѣ каждый вечеръ въ восемь часовъ. Постороннихъ лицъ на этихъ собраніяхъ никогда не бывало кромѣ дежурнаго адъютанта. Газеты тщательно прочитывались нами и истолковывались, такъ какъ великій князь живо интересовался политикой. Конгрессъ, происходившій въ Веронѣ, предвѣщалъ, повидимому, важныя событія, но было извѣстно одно, что всѣ искренно желали обуздать всѣми возможными средствами революціонное чудовище, которое уже пожало жатву въ Греціи, намѣревалось пробраться въ Испанію и могло возжечь въ Европѣ всеобщій пожаръ. Греція была окончательно предоставлена своимъ силамъ, и великія державы жестоко обманули этимъ надежды либеральной партіи. Этотъ разъ монархи были послѣдовательны въ своихъ принципахъ. Болѣе всѣхъ пришлось бороться противъ искушенія императору Александру. Онъ сознался брату, что никогда еще ему не были болѣе искусно разставлены сѣти и что ему пришлось употребить всю свою энергію, чтобы не попасть въ нихъ. Каподистрія заплатился своимъ мѣстомъ за соблазнительную картину, которую онъ осмѣлился представить монарху.

Графъ Каподистрія, по отзыву всѣхъ лицъ, его знающихъ, былъ человекъ выдающихся способностей, одаренный большимъ умомъ. Овладевъ полнымъ довѣріемъ императора, онъ какъ бы исполнялъ обязанности его перваго министра и, зная тайныя склонности монарха, льстил себя надеждою, что ему удастся восторжествовать надъ ними. Императоръ былъ проникнутъ идеями Екатерины Великой о возстановленіи греческой монархіи.

Министръ надѣялся, что обстоятельства придадутъ этимъ идеямъ новую силу, и подалъ сигналъ къ революціи, обѣщавъ грекамъ поддержку въ которой онъ не сомнѣвался. Но Александръ счумѣлъ дать ему отпоръ, понявъ, что онъ былъ орудіемъ революціонной партіи.

Союзъ Россіи, Австріи и Пруссіи обязанъ своимъ возникновеніемъ Наполеону. Послѣ его падевія, этотъ союзъ, возникшій для взаимной защиты, поставилъ себѣ благородной цѣлью возстановленіе порядка. Можетъ ли онъ существовать долго? Конечно, нѣтъ. Созданный въ силу необходимости, поддерживаемый дружбою и уваженіемъ, которыя мо-

нархи питають другъ къ другу, онъ можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока живы тѣ, по мысли коихъ онъ возникъ. Послѣ нихъ проявится вновь соперничество народовъ, и священный союзъ, не скрѣпленный болѣе взаимною дружбою, рухнетъ, подобно тому, какъ рушились всѣ союзы, возникшіе по волѣ одного лица или подъ вліяніемъ какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ, и которые поэтому не могли быть долговѣчны.

Императоръ возвратился изъ Вероны въ первыхъ числахъ января и провелъ десять дней въ Варшавѣ. Я узналъ изъ бесѣды съ великимъ княземъ, что однимъ изъ главныхъ вопросовъ, обсуждавшихся на конгрессѣ, была война съ Испаніей. Великій князь говорилъ, что императоръ очень желалъ этой войны. Испанія сдѣлалась убѣжищемъ революціонеровъ и ихъ послѣдней надеждою. Если они будутъ побѣждены въ Испаніи, то революціонной партіи будетъ нанесенъ этимъ смертельный ударъ, и отдѣльныя ея вспышки легко будутъ подавлены.

Во время пребыванія императора въ Варшавѣ, его высочество призвало меня однажды вечеромъ къ себѣ. Когда я явился, великій князь вручилъ мнѣ коробочку, сказавъ, что это подарокъ его величества въ знакъ его признательности за мои заботы о Павлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что на слѣдующій день, передъ обѣдомъ, онъ представитъ меня императору, который хотѣлъ видѣть меня, и что я могу поблагодарить его величество. Я видѣлъ по футляру, что это былъ перстень, и, дѣйствительно, вернувшись домой, я увидѣлъ великолѣпный солитеръ, осыпанный шестнадцатью алмазами.

На слѣдующій день, передъ обѣдомъ, я отправился въ покои великаго князя, вскорѣ вышелъ ко мнѣ его величество. Великій князь представилъ меня, и императоръ обошелся со мною съ тою очаровательною любезностью, которая составляетъ ея отличительную черту. Выраженіе лица Александра благородное и привлекательное, его царственный видъ смягчается выраженіемъ доброты и кротости, которыя дѣйствуютъ ободряюще. Императоръ много разспрашивалъ меня о моей предъидущей службѣ; мои отвѣты дали ему поводъ заговорить о нашей революціи и о либеральной партіи. Я замѣтилъ, что онъ отзывался о ней чрезвычайно враждебно, и что перемѣна во взглядахъ императора, о которой говорилъ его высочество, была полная. Императоръ соблаговолилъ бесѣдовать со мною болѣе получаса и отпустилъ, сказавъ мнѣ много любезнаго. Признаюсь, хотя я зналъ этого монарха по всему, что было сдѣлано имъ великаго, великодушнаго, и хотя я зналъ его еще лучше по всему слышанному мною въ бесѣдахъ отъ великаго князя, но я все-таки былъ пораженъ его манерой говорить, ясностью его сужденія и изысканностью его выраженій. Онъ говорилъ самымъ безукоризненнымъ, изящнымъ, выразительнымъ французскимъ языкомъ. Онъ не произнесъ

ни одного слова, которое было бы не кстати и изобличило бы иностранца; вдобавокъ, провзношеніе его было вполнѣ академическое. Я былъ до крайности изумленъ и въ восторгѣ отъ этого свиданія. Нѣсколько дней спустя императоръ уѣхалъ обратно въ столицу, откуда онъ отсутствовалъ довольно долго; наградъ было роздано весьма немного, и такъ какъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ былъ назначенъ большой смотръ войскамъ, то всѣ полагали, что награды будутъ приурочены къ этому времени. Поэтому, честолюбцы, съ ихъ ненасытимыми желаніями, жили надеждою.

Между тѣмъ начались дѣятельныя приготовленія къ большому смотру войскъ въ Брестѣ, гдѣ должны были сосредоточиться всѣ войска, бывшія подъ начальствомъ его высочества, всего на всего 80 тысячъ человекъ. Отдѣльнымъ частямъ, расположеннымъ въ Литвѣ и на Волыни, пришлось совершить большіе переходы, чтобы прибыть къ назначенному мѣсту. Привыкнувъ къ шумнымъ походамъ нашихъ французскихъ войскъ, къ пѣснямъ и грубой веселости нашихъ солдатъ, я былъ чрезвычайно пораженъ спокойствіемъ и молчаливостью русскихъ кирасиръ: если бы не военные мундиры, то можно было бы подумать, что это шествіе монаховъ; впрочемъ, то же самое наблюдалось и въ прочихъ частяхъ войскъ. Для того, чтобы дать понятіе о безупречной дисциплинѣ, царствовавшей въ арміи его высочества, достаточно сказать, что на всемъ пути, по которому слѣдовали въ Брестъ разные корпуса, не было ни несчастныхъ случаевъ, ни жалобъ, ни безпорядка. Когда это огромное войско сосредоточилось на пространствѣ нѣсколькихъ миль и было скучено въ крестьянскихъ сараяхъ, то нигдѣ не случилось ни пожара, ни дракъ, словомъ, ни одного изъ тѣхъ прискорбныхъ случаевъ, которые почти неизбежны при скопленіи такой массы людей. Это дѣлало честь энергіи и предусмотрительности великаго князя. Онъ былъ по истинѣ неутомимъ въ исполненіи порученій, возлагаемыхъ на него братомъ, и ни одинъ подданный не выказывалъ столько усердія, рвенія и точной исполнительности. Ему предстояло теперь пожать плоды своихъ трудовъ и показать императору великолѣпную, прекрасно обученную и обмундированную армію, словомъ, самую блестящую армію въ Европѣ. По его прекрасному настроенію было видно, что онъ былъ доволенъ благоприятнымъ результатомъ своихъ неуспынныхъ стараній. Его высочество поселился въ Брестѣ у еврея въ такой тѣсной квартирѣ, что намъ приходилось до и послѣ обѣда проводить время на дворѣ. Въ домѣ была всего одна маленькая комнатка; императоръ, которому, разумѣется, было предназначено самое лучшее помѣщеніе, жилъ въ плохенькомъ домѣ, который былъ однако наилучшимъ въ городѣ.

Великіе князья Николай и Михаилъ помѣстившись какъ попало;

мы жили какъ бы въ лагерѣ, среди жалкихъ развалинъ, именуемыхъ Брестомъ, которыя обозначены на картѣ, какъ довольно значительный городъ.

Намъ пришлось ожидать двѣнадцать дней пріѣзда императора; въ это время самыя отдаленныя части войскъ успѣли подойти къ мѣсту назначенія. Великій князь выѣзжалъ имъ навстрѣчу и наблюдалъ лично за ихъ размѣщеніемъ по квартирамъ. Его братья прибыли за нѣсколько дней до императора и предались своимъ любимымъ военнымъ занятіямъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ долженъ былъ поѣхать на границу для встрѣчи своей невѣсты и только ожидалъ извѣстія о ея приближеніи, чтобы уѣхать изъ Бреста.

Я уже говорилъ, что великій князь Михаилъ рабски подражалъ цесаревичу во всемъ, что было возможно, и съ восторгомъ перенималъ малѣйшія его привычки.

Что касается княгини, то ея желаніе сопровождать своего супруга въ Брестъ, на смотръ войскъ, вызвало не мало толковъ; всѣ находили страннымъ, что она покажется войскамъ, и полагали, что это вызоветъ много разговоровъ въ Петербургѣ. Нѣкоторые думали, что эта поѣздка была только предвѣстникомъ болѣе далекаго путешествія и что княгиня имѣла при этомъ цѣлью добиться отъ императора, чтобы онъ далъ ей званіе, которое дозволило бы ей появиться при дворѣ и занять подобающее мѣсто, во время бракосочетанія великаго князя Михаила Павловича.

Поговаривали о велико-княжескомъ титулѣ; это было весьма возможно, такъ какъ при всей скромности, простотѣ и отсутствіи притязаній, коими гордилась княгиня, есть основаніе предполагать, что она была бы не прочь воспользоваться милостью, коей императоръ всенародно призналъ бы ее членомъ царской фамилии. Но противъ этого были весьма вѣскія соображенія, такъ какъ она сдѣлалась бы старшей великой княгиней и имѣла бы первенство надъ дочерью короля прусскаго (супругою великаго князя Николая Павловича), что, разумѣется, не было бы одобрено вдовствующей императрицей, которая дорожила преимуществами сана и требованіями этикета. Такимъ образомъ, хотя бы императоръ и захотѣлъ исполнить желаніе княгини, но глубокое уваженіе, какое онъ питалъ къ своей матери, должно было удержать его отъ поступка, который не былъ бы ею одобренъ.

Сосредоточеніе войскъ, не имѣвшее никакой политической цѣли, доставило газетамъ обильную пищу для толковъ. Они видѣли въ этомъ какія-то тайныя цѣли, которыя каждый толковалъ по-своему. Въ сущности, это былъ только большой смотръ, на которомъ его высочество хотѣлъ впервые показать своему брату всю армію, бывшую подъ его начальствомъ.

За нѣсколько дней до императора, прибылъ въ Брестъ второй сынъ короля прусскаго; его присутствіе довершило это блестящее собраніе.

Наканунѣ дня, назначеннаго для большого смотра, пошелъ дождь. Его высочество былъ въ отчаяніи, такъ какъ день смотра былъ назначенъ самимъ императоромъ и отложить его не было возможности. Было бы, разумѣется, весьма прискорбно, если бы столько приготовленій и заботъ пропало даромъ или если бы войска появились вымокшія отъ дождя, перепачканныя въ грязи. Войско было одѣто съ иголки; было приложено всевозможное стараніе къ тому, чтобы все было роскошно и изящно, начиная съ генерала и кончая солдатомъ, и всѣ были воодушевлены желаніемъ пожать плоды столькихъ трудовъ, показать себя императору достойнымъ образомъ и заслужить его одобреніе. Между тѣмъ набѣжавшія тучи могли испортить все дѣло и лишить императора зрѣлища, ради котораго онъ пріѣхалъ издалека, а великаго князя—удовольствія похвастать своими трудами

Но на этотъ разъ небо услышало мольбы смертныхъ, солнце взошло, и день былъ восхитительный. Погода была какъ на заказъ для дѣйствующихъ лицъ и для многочисленныхъ зрителей, съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ полюбоваться великолѣпнымъ зрѣлищемъ.

Во время смотра случилось происшествіе, жертвою котораго былъ, къ несчастію, самъ императоръ: онъ подозвалъ къ себѣ одного полковника, который, поспѣшивъ исполнить его приказаніе, не могъ сдержать свою лошадь, и она сильно ударила стремянами императора въ ногу; императоръ даже не моргнулъ глазами, и полученную имъ рану увидѣли только тогда, когда онъ возвратился къ себѣ и снялъ сапога.

Послѣ смотра мы возвратились въ Варшаву, и все пошло по-старому.

Въ монотонной жизни Бельведерскаго двора особенно тягостны были вечера; къ 8-ми часамъ всѣ собирались въ гостиной. Это была длинная, глубокая комната, съ полукруглой нишей, въ которой стоялъ такой же полукруглый диванъ и круглый столъ, на которомъ горѣли четыре свѣчи.

Надѣво отъ дивана была печка, направо вѣчно пылавшій каминъ; посреди висѣла люстра. За этимъ столомъ пили чай; сюда же подсаживалась съ работой княгиня, а великій князь развертывалъ польскія газеты и читалъ вслухъ заглавія статей, напирая на самыя трудно произносимыя слова; онъ никогда не могъ примириться съ шапачными польскими согласными; хотя прекрасно говорилъ по-польски.

Это было непріятно княгинѣ, которая слѣшила завести разговоръ и приказывала подать чай. Отставной кирасиръ громаднаго роста вносилъ поднось съ чайными принадлежностями; за нимъ шелъ маленькій шустрый греченокъ съ пирожками.

Княгиня заваривала чай; его высочество продолжалъ читать. Она подавала ему чашку, онъ молча, не отрываясь отъ газеты, бралъ ее и мало-по-малу выпивалъ. Когда чай былъ выпитъ, газеты прочитаны, начинали разговаривать; говорилъ больше великій князь, интересно, остроумно, рассказывая анекдоты, разные случаи изъ своей жизни, пересыпая все это каламбурами. Княгиня въ это время работала или перелистывала книгу. Но если она хотѣла что-нибудь сказать, то мужъ сердился.

— Да дай же мнѣ договорить, подожди, когда я кончу.

Иногда княгиня предлагала чтеніе вслухъ. Она любила обсуждать прочитанное.

Наконецъ около десяти часовъ всѣ расходились очень довольные, что можно было лечь въ постель и закрыть глаза, которые давно уже спипались.

Послѣ неожиданной кончины Александра I, въ то время когда всѣ присягали императору Константину и молились за него въ церквахъ, когда день и ночь скакали въ Варшаву фельдъегери съ пакетами, а приближенные говорили великому князю «ваше величество», что сердило великаго князя.

— Моя скорбь по поводу потери брата, — говорилъ онъ, — усугубляется заботами, которыя мнѣ предстоятъ, а я чувствую себя почти больнымъ. Я послалъ свою присягу брату Николаю, но мнѣ до сихъ поръ присылаютъ донесенія изъ разныхъ концовъ Имперіи, гдѣ знаютъ только о моихъ правахъ. Нѣкоторые упорно называютъ меня «ваше величество», не смотря на сдѣланное мною, по этому поводу, заявленіе. Я желаю быть только первымъ вѣрно подданнымъ его величества, всѣ должны это знать.

Когда графъ Моріоль выразилъ Константину Павловичу свое удивленіе по поводу того, что онъ не поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ его присутствіе было необходимо, то великій князь замѣтилъ съ живостью:

— Нѣтъ, я не выѣду изъ Бельведера; покойный императоръ довѣрилъ мнѣ этотъ постъ, который я не могу и не хочу оставить. Если я останусь тутъ, то не будетъ предлога должно истолковать мои поступки; на меня устремлены глаза всей Европы, поэтому мое поведеніе должно быть ясно и открыто.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней великій князь выходилъ изъ своихъ покоевъ только къ княгинѣ, съ которой онъ обѣдалъ съ глаза на глазъ. Все остальное время онъ былъ занятъ отправкою фельдъегерей, которые ежеминутно являлись съ пакетами.

Упорствуя въ своемъ намѣреніи не выѣзжать изъ Варшавы, Константинъ Павловичъ хотѣлъ этимъ подчеркнуть искренность своего отреченія; быть можетъ, имъ руководило въ этомъ случаѣ слишкомъ узко

понятое представлѣніе объ его обязанностяхъ, но отнюдь не страхъ за себя, за свою личность, какъ утверждали иные, такъ какъ онъ всегда былъ храбръ и впослѣдствіи, не смотря на произведенныя на него покушенія, не принималъ никогда никакихъ предосторожностей, выѣзжалъ одинъ въ открытой коляскѣ, безъ конвоя, безъ лакея и только изрѣдка бралъ съ собою адъютанта.

Чтобы положить конецъ неопредѣленному положенію, которое чрезвычайно тяготило его, великій князь собралъ гвардію и варшавскій гарнизонъ и прочиталъ имъ свой актъ отреченія, въ которомъ говорилъ, что, не чувствуя въ себѣ ни силъ, ни дарованій, нужныхъ для управленія государствомъ, онъ отказывается отъ престола... и, тотчасъ присягнувъ императору Николаю, приказалъ сдѣлать то же и, войскамъ. Вернувшись домой съ этой церемоніи, онъ былъ какъ-то особенно, возбужденно веселъ.

— Ну, дѣло сдѣлано,—сказалъ онъ, потирая руки,—я надѣюсь, что теперь меня оставить въ покоѣ.

И онъ сѣлъ за столъ и хотя старался казаться веселымъ, однако видно было, что онъ сильно взволнованъ. Этотъ грустный обѣдъ продолжался не долго; по окончаніи его великій князь, по обыкновенію, пошелъ отдохнуть.

Когда въ Петербургѣ вспыхнуло возмущеніе, то великій князь созналъ, вѣроятно, что его присутствіе въ Петербургѣ быть необходимо; но онъ не говорилъ объ этомъ ни слова съ окружающими, а когда графъ Моріоль упрасивалъ его принять какія-либо мѣры предосторожности для своей личной безопасности, то Константинъ Павловичъ отвѣчалъ, что онъ считаетъ эти предосторожности бесполезными, могущими вызвать только толки.

— Все предначертано выше,—сказалъ онъ,—я всегда предоставлялъ себя волѣ Провидѣнія и никогда въ этомъ не раскаивался.

«Мелочныя заботы военнаго дѣла и производство слѣдственныхъ дѣлъ, вызванныхъ подозрѣніемъ въ соучастіи поляковъ въ заговорѣ 14-го декабря, поглощали великаго князя всецѣло, такъ что я видѣлъ его высочество,—ишетъ графъ Моріоль—только за столомъ и во время нашихъ маленькихъ вечернихъ собраній. Впрочемъ, онъ призывалъ меня иногда въ кабинетъ, чтобы присутствовать при секретныхъ допросахъ, которые онъ производилъ лично разнымъ лицамъ, арестованнымъ на границѣ Царства Польскаго, отъ которыхъ онъ надѣялся получить интересовавшія его свѣдѣнія. Всѣ лица, переступавшія границу Польши, препровождались въ Бельведеръ, гдѣ великій князь разсматривалъ ихъ паспорта; если среди пріѣхавшихъ оказывались лица подозрительныя, о пріѣздѣ которыхъ полиція была предупреждена, то ихъ тотчасъ задерживали и жандармы доставляли ихъ немедленно къ ве-

ликому князю, который никому не довѣрялъ произвести допросъ, и они отпускались на свободу лишь въ томъ случаѣ, когда ихъ невинность была вполне доказана».

Весною (1826 г.) случился одинъ фактъ, свидѣтельствовавшій о томъ, до чего доходили происки заговорщиковъ. Крестьянинъ, пришедшій изъ отдаленнѣйшей губерніи, явился въ Бельведеръ и настоятельно просилъ позволенія видѣть великаго князя и говорить съ нимъ. Допущенный къ нему, этотъ человекъ заявилъ, что онъ уполномоченъ своими односельчанами узнать о судьбѣ великаго князя. Въ той мѣстности полагали, что онъ заключенъ въ тюрьму и что Николай Павловичъ похитилъ у него престолъ. Его высочество разсмѣялся, увѣрилъ посланнаго, что онъ пользуется полной свободой и что императоръ царствуетъ законно вслѣдствіе его добровольнаго отреченія. Онъ оставилъ крестьянина у себя нѣсколько дней, чтобы тотъ вполне повѣрилъ справедливости его словъ, а затѣмъ отпустилъ его, щедро наградивъ.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая I положеніе великаго князя не измѣнилось, онъ остался по-прежнему полновластнымъ хозяиномъ въ Польшѣ, но утратилъ свое прежнее вліяніе.

Между великимъ княземъ и новымъ монархомъ не было тѣхъ, основанныхъ на взаимномъ довѣрїи, отношеній, какія существовали между нимъ и Александромъ I. Хотя молодой императоръ и относился къ нему почтительно, но Константинъ Павловичъ не имѣлъ на него вліянія, на которое онъ, быть можетъ, рассчитывалъ, какъ старшій братъ, что не могло не отразиться на его настроеніи. Это было особенно замѣтно въ то время, когда вспыхнула война съ Персіей. Онъ сказалъ мнѣ по этому поводу, что его братъ еще слишкомъ молодъ, чтобы рѣшиться самостоятельно на большое предпріятіе; что совѣтники императора будутъ руководствоваться его желаніями и взглядами, желая снискать его благоволеніе, что онъ боится, что его братъ увлечется войною и что, поддавшись жаднѣ славы, онъ захочетъ ознаменовать начало своего царствованія какими-либо громкими предпріятіями, что императоръ Александръ отрезвился отъ обманчиваго блеска, который набросила на него вначалѣ великая роль, которую онъ захотѣлъ играть, и если бы онъ прожилъ долѣе, то онъ заботился бы только о внутреннемъ благѣ Имперіи, которое требовало еще много работы.

Когда вспыхнуло возстаніе въ Греціи и Россія сочла долгомъ вступить за грековъ, чтобы прекратить кровопролитіе, то великій князь громко выражалъ свое неодобреніе.

— Греки,—говорилъ онъ,—въ сущности не что иное, какъ мятежники, и я не вижу никакой надобности вступаться за нихъ, въ особенности въ нашъ вѣкъ, когда всѣ усилія направлены къ тому, чтобы порвать узы, связывающія народы съ ихъ монархами. Мы не имѣемъ

повода желать ослабленія Оттоманской Порты; прошло время, когда воинственные турки внушали вполнѣ понятный страхъ Европѣ и когда ихъ могуществу угрожала опасность. Они отстали въ отношеніи цивилизаціи, военнаго искусства, политики и всего, что составляетъ силу народа; они представляютъ собою самыхъ драгоценныхъ сосѣдей. Они не только не могутъ напасть, но они даже не въ состояніи защититься и предоставляютъ это другимъ державамъ, заинтересованнымъ въ сохраненіи ихъ. Всѣ державы полагаютъ, что уничтоженіе Оттоманской имперіи повлечетъ за собою низверженіе существующаго въ Европѣ порядка и вызоветъ всеобщую войну. Эти соображенія заставили мою бабу, Екатерину, отказаться отъ мысли воскресить Восточную имперію и если бы ей удалось посадить меня на этотъ престолъ, вопреки всей Европы, то усилія, которыя пришлось бы сдѣлать для этого, истощили бы ея собственную имперію. Ради чего? Чтобы расширить безъ того слишкомъ обширную имперію и придти въ соприкосновеніе съ сильными и завистливыми державами, которыя сдѣлали бы обладаніе этой имперіей для насъ весьма затруднительнымъ; русскіе поспѣшали бы покинуть наши холодныя страны и переселиться на богатые берега Босфора, а это повело бы къ уtratѣ нашего народнаго духа, который составляетъ нашу силу. Вотъ соображенія, заставившія императрицу отказаться отъ своихъ плановъ. Турки должны быть нашими друзьями, отъ насъ зависимыми. Истинная цѣль нашей политики должна заключаться въ поддержкѣ турокъ, а не въ союзѣ съ греками; по крайней мѣрѣ намъ слѣдовало бы довольствоваться ролью наблюдателя, каковою держался покойный императоръ.

Таковы были мысли, вызванныя въ умѣ великаго князя участіемъ, которое императоръ Николай принялъ въ судьбѣ грековъ. Его неудовольствіе еще увеличилось при полученіи извѣстія о Наваринской битвѣ.

— Какое счастье для англичанъ,—воскликнулъ онъ. Сожженіе флота равносильно для нихъ сожженію фейерверка. Сожжемъ его, а тамъ будетъ видно, что дѣлать далѣе,—вотъ ихъ правило. Это повтореніе исторіи съ датскимъ флотомъ въ Копенгагенѣ. Мы, русскіе, повинувшись только своей совѣсти и забывая требованія здравой политики, были вынуждены идти на буксирѣ у этихъ морскихъ разбойниковъ, которые никогда не пропустятъ случая пустить ко дну барку, если онъ представится имъ. При первомъ удобномъ случаѣ придетъ и нашъ чередъ, и я такъ вѣрю въ прочность ихъ союза и дружбы, что я не поручусь за благополучное возвращеніе нашихъ судовъ въ Кронштадтъ.

Начальствуя польскими войсками, великій князь хотѣлъ, чтобы у Польши была первая армія въ Европѣ. Онъ проводилъ цѣлые дни на смотрахъ, въ казармахъ, въ конюшняхъ, училъ, распекалъ, награждалъ.

Эту, черезчуръ большую армію пришлось вооружить и обмундировать. Были открыты царскіе арсеналы, и въ Польшу была препровождена многочисленная и великолѣпная артиллерія, оружіе всѣхъ родовъ и вся матеріальная часть, и, благодаря заботамъ великаго князя, польская армія была быстро организована, снабжена всѣмъ необходимымъ, обмундирована, обучена съ неимовѣрною быстротою и сдѣлалась образцовою по дисциплинѣ.

Столица новаго королевства быстро украсилась роскошными зданіями, въ ней появились: казармы, походившія на дворцы, дома различныхъ министерствъ, великолѣпныя биржи, роскошный театръ—все это сдѣлало Варшаву однимъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Европы. Стоявшій въ ней многочисленный гарнизонъ, множество служащихъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, дворъ великаго князя вносили въ нее жизнь, дѣятельность и привлекали денежныя средства. Сами поляки не узнавали своей столицы; ни одна страна не сдѣлала въ пятнадцать лѣтъ столь быстрыхъ успѣховъ и не подавала такихъ блестящихъ надеждъ въ будущемъ.

Таково было положеніе Польши въ то время, когда революція все смела и уничтожила.

Первое время, послѣ возстановленія королевства Польскаго, Варшава усердно веселилась, и ея красавицы кружили всѣмъ голову. Но мало-по-малу стали проявляться первые признаки неудовольствія. Великій князь не поладилъ съ мѣстной аристократіей. Онъ жилъ замкнуто, не дѣлалъ ни пріемовъ, ни баловъ для польской знати, и магнаты стали развѣзжаться изъ Варшавы.

Были и болѣе существенные поводы неудовольствія, начались сѣтованія о томъ, что королевство Польское не возстановлено въ предѣлахъ 1772 года.

Константинъ Павловичъ придавалъ огромное значеніе тайной полиціи и считалъ ее самой надежной опорой своей власти. У него были тайные агенты почти во всѣхъ мѣстечкахъ королевства. Ему доставляло истинное удовольствіе самому допрашивать людей, возбуждившихъ подозрѣнія полиціи, и онъ обладалъ изумительнымъ даромъ вынудить сознаніе.

Но тайная полиція не открывала заговоровъ, а доносила только объ офицерахъ, одѣтыхъ не по формѣ.

О настроеніи Варшавы великій князь ничего не зналъ.

Неудовольствіе польскаго общества было возбуждено стѣсненіями со стороны цензуры, запрещеніемъ иностранныхъ сочиненій и газетъ, которыя читались всѣми въ Петербургѣ.

Недовольство, возникшее благодаря всему этому въ обществѣ, пере-

шло на армію, которая, будучи по составу чисто національною, естественно должна была послѣдовать за общимъ теченіемъ.

Между тѣмъ заговоръ, въ которомъ польское войско принимало дѣятельное участіе, созрѣвалъ на глазахъ у великаго князя, и возстаніе спѣшно подготовлялось.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ и его патріотическія стихотворенія.

Въ апрѣлѣ 1828 года графъ Д. И. Хвостовъ передалъ А. Х. Бенкендорфу, для представленія государю слѣдующіе стихи:

На выступленіе полковъ Лейбъ-Гвардіи изъ С.-Петербурга 1828 г., 15-ю апрѣля.

Идутъ—и громъ предъ ними раздается;
Парятъ на Югъ Россійскіе орлы;
До позднихъ лѣтъ гласъ трубный пронесется
Въ концы земли неслестной имъ хвалы.

И храбрый Россъ въ рядахъ своихъ встрѣчая
Правдиваго—любимаго Царя;
Безтрепетно обиду отомщая,
Течетъ на бой, усердіемъ горя.

Они текутъ—и Царь свою десницу
Къ строптивому Босфору обратитъ,
Увидитъ вновь побѣды колесницу,
Царь будетъ тамъ, гдѣ живъ Олеговъ щитъ.

«Возвращая при семъ стихи,—писалъ ему Бенкендорфъ 24-го апрѣля 1828 г.,—написанные вашимъ сіятельствомъ на выступленіе полковъ Лейбъ-Гвардіи изъ С.-Петербурга 1828 г. апрѣля 15-го дня, имѣю честь васъ увѣдомить, что государь императоръ съ удовольствіемъ изволилъ оныя прочесть».

Ободренный такимъ высочайшимъ вниманіемъ, графъ Д. И. Хвостовъ, въ томъ же году, написалъ новое стихотвореніе на кончину императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Препровождая ихъ къ тому же Бенкендорфу, поэтъ писалъ ему 30-го октября 1828 г.:

«Я на другой день пріѣзда вашего превосходительства изъ арміи имѣлъ честь и удовольствіе быть у васъ, почитая себѣ священнымъ долгомъ и теперь и тогда принести вамъ искреннюю благодарность за трудъ, который вы на себя приняли поднести, въ прошедшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ, государю императору мои стихи на выступленіе изъ Петрополя Лейбъ-Гвардіи полковъ.

«По поводу сего благодѣянія вашего превосходительства, я взысканный особливими милостями покойнаго государя Павла I-го, имѣя въ

*

свѣжей памяти благоволеніе императрицы Маріи Ѳеодоровны, по самыи конецъ ея жизни ко мнѣ продолжавшееся, приѣмлю смѣлость обременить ваше превосходительство, на 72-мъ году отъ рожденія, покорнѣйшею просьбою: сдѣлайте милость, прилагаемые у сего стихи, на кончину императрицы Маріи Ѳеодоровны, удостойте принять на себя трудъ поднести ихъ, въ знакъ вѣрнопопдадническаго неограниченнаго усердія, его императорскому величеству.

«Я счастливъ буду, если чрезъ посредство ваше въ награду себѣ получу благоводительное воззрѣніе государя императора на мои стихи и дозволеніе напечатать оныя.

Р. С. Я сегодня дежурю у тѣла покойной императрицы, и вотъ причина, по коей лишаюсь чести принести вашему превосходительству мою покорную просьбу и лично вручить прилагаемые стихи».

Прошло нѣсколько дней, а отвѣта на это письмо не было. Мучимый неизвѣстностью, графъ Хвостовъ, 5-го ноября, писалъ А. Х. Бенкендорфу.

«Усугубляя мою покорнѣйшую просьбу о показаніи его императорскому величеству стиховъ моихъ на кончину императрицы-матери, мною на 72-мъ году отъ роду отъ усердія сдѣланныхъ, и ожидая благовоительнаго царскаго воззрѣнія, отъ покровительства вашего превосходительства, ибо я рѣшился не иначе печатать мои стихи, какъ по увѣдомленіи вашемъ, что они были представлены государю императору. Чего ожидая отъ благосклонности вашей, имѣю честь быть и пр.»

Въ тотъ же день онъ получилъ отвѣтъ, не удовлетворившій его желанія.

«На почтеннѣйшее отношеніе,—писалъ ему Бенкендорфъ 5-го же ноября,—при коемъ ваше сіятельство изволили препроводить ко мнѣ прекрасное стихотвореніе ваше на кончину достойнѣйшія славной памяти государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, для испрошенія высочайшаго одобренія къ напечатанію онаго, нахожусь къ крайнему сожалѣнію моему принужденнымъ отвѣтствовать, что глубокая скорбь и печаль, исполняющія государя императора о горестной потерѣ возлюбленной августѣйшей матери, отнюдь не дозволяютъ мнѣ представить его величеству стихи ваши. Итакъ, не угодно ли вамъ будетъ нужное къ напечатанію оныхъ одобреніе истребовать обыкновеннымъ порядкомъ отъ цензуры».

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXI ¹⁾.

Мнѣніе Панаева о возможности уменьшить стоимость версты желѣзно-дорожнаго пути. — Несостоятельность Главнаго Общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ и Московско-Саратовской дороги. — Попытка правительства строить дороги собственными средствами и силами. — Постройка Грушевской дороги на Дону. — Полномочія, данныя Панаеву. — Прибытіе его въ Новочеркасскъ. — Знакомство съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. — Дѣятельное участіе атамана Хомутова въ постройкѣ дороги. — Волненіе рабочихъ.

В

ъ 1860 году, среди непрерывныхъ порученій, даваемыхъ мнѣ Чевкинымъ, разныхъ записокъ, ему подаваемыхъ и разныхъ назначаемыхъ имъ комиссій, гдѣ онъ предлагалъ проводить ту или другую идею, — я нашелъ однако время, — больше по ночамъ, — написать рядъ статей по разнымъ вопросамъ, до желѣзныхъ дорогъ относящимся. Между прочимъ, я высказалъ рѣшительное мнѣніе, что нѣтъ въ Европейской Россіи такого направленія дороги, которое могло бы, при постройкѣ, обходиться дороже 50.000 р. съ версты.

Чевкинъ немедленно призвалъ меня къ себѣ.

— Какъ вы можете, — сказалъ онъ, — заявлять категорически подобную несообразность. Развѣ вы не знаете, что Николаевская дорога обошлась почти въ 150.000 р. съ версты, Варшавская — въ 120.000 р., Саратовская, концессія на которую дана въ 62.000 р., обнаружила,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1902 г.

что она на протяженіи только до Коломны обойдется 190.000 р. На какихъ же данныхъ вы можете основывать заявленную вами цифру?

— Я основываюсь на впечатлѣніи, вынесенномъ мною изъ опыта, при постройкѣ Николаевской дороги, изъ обширныхъ изысканій и объѣздовъ по Европейской Россіи.

— Такъ это ваше убѣжденіе?

— Да!—это мое твердое убѣжденіе.

— Хорошо!—и Чевкинъ слегка улыбнулся,—вы должны будете доказать мнѣ это на опытѣ.

Я поклонился и вышелъ.

Къ этому же времени относится составленіе мною обширной статьи, по экономическому вопросу, изложенной строго-научнымъ методомъ, подъ заглавіемъ: «Бумажныя деньги—товаръ». Тогда всѣ финансисты, съ Ламанскимъ во главѣ, мнили поднять курсъ до «al-ra gi»; для чего была высочайше утверждена продажа Николаевской дороги. Я возсталъ противъ этой мѣры; въ концѣ-концовъ, продажа, какъ мы видѣли, была отмѣнена. Смыслъ моей статьи клонился къ тому, что мечтать о поднятіи курса немыслимо; что настоящими деньгами надо считать деньги бумажныя, выпускаемыя въ разумныхъ размѣрахъ. Что наши бумажныя деньги есть могучая сила, которая утвердилась въ народномъ воззрѣніи; что онѣ будутъ у насъ мѣриломъ цѣнности. И вотъ черезъ 35 лѣтъ, эта мысль оправдалась на дѣлѣ. Нынѣ приравниваютъ золото и серебро къ нашему бумажному рублю.

Моя статья надѣлала шума, но безъ слѣда въ ученое мѣрѣ. Однако, бывший морской министръ, князь Меншиковъ, обратилъ на нее вниманіе и пожелалъ познакомиться со мною,—о чемъ и передалъ своему адъютанту, брату моему Аркадію.

Послѣ того, я нѣсколько разъ обѣдалъ у князя, и мы бесѣдовали съ нимъ. Это былъ человѣкъ широко-образованный, острога ума, находчивый и горячо-любившій Россію, хотя былъ, въ сущности, англо-маномъ.

Въ этотъ періодъ, два общества, а именно: Главное Общество російскихъ желѣзныхъ дорогъ и Общество Московско-Саратовской дороги явились несостоятельными, не смотря на то, что во главѣ Главнаго Общества стояли почти всѣ крупныя европейскіе банкиры. Это обстоятельство неволью привело Чевкина къ мысли о постройкѣ на будущее время дорогъ правительствомъ. Разъ эта мысль начала въ немъ вырабатываться, онъ воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ сдѣлать опытъ такой постройки дороги, но на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ производились въ то время казенныя работы. Наказный атаманъ Войска Донскаго, генераль-адъютантъ Хомутовъ, ходатайствовалъ о разрѣшеніи постройки желѣзной дороги отъ Грушевскихъ каменноуголь-

ныхъ копей къ р. Дону на счетъ войсковыхъ суммъ, имъ скопленныхъ. Чевкинъ пожелалъ поручить эту работу мнѣ.

Онъ призвалъ меня и сказалъ:

— Вы помните, что я вамъ сказалъ:—докажите на опытѣ заявленную вами цифру. Получено представленіе отъ наказнаго атамана Хомутова о разрѣшеніи постройки, на счетъ суммъ Войска Донскаго, желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ Дону, т. е. отъ того пункта, который былъ выбранъ вами, при изысканіяхъ, какъ основной пунктъ для развитія каменно-угольной промышленности въ Донецкомъ бассейнѣ. Я увѣдомилъ уже военнаго министра, что назначаю васъ, и придалъ вамъ званіе строителя этой предполагаемой дороги. Я имѣлъ въ виду дать вамъ другое назначеніе, для чего и посылалъ васъ за границу, но, въ виду вашего категорическаго заявленія о возможности не переходить предѣла 50.000 р. за версту, я измѣнилъ это намѣреніе и пользуюсь представившимся случаемъ.

— Благодарю васъ за довѣріе,—отвѣчалъ я,—но, вѣроятно, вы помните, ваше превосходительство, мою записку о необходимости измѣнить существующіе порядки производства работъ. Если эти порядки будутъ удержаны, то я категорически отказываюсь отъ возлагаемаго на меня порученія, такъ какъ при этихъ порядкахъ я не могу доказать ожидаемыхъ вами отъ меня результатовъ. Я долженъ буду подать записку вамъ по этому случаю.

— Хорошо, но такъ какъ я извѣстилъ уже военнаго министра о нашемъ назначеніи, то, одновременно, подайте записку и ему, и я съ своей стороны помогу этому дѣлу.

Подавъ записку Чевкину и военному министру, я подалъ такую же и Мельникову. Надо сказать, что Мельниковъ интересовался устройствомъ предполагаемой дороги; онъ собственно посоветовалъ Хомутову войти съ представленіемъ объ устройствѣ дороги отъ Грушевскихъ копей къ Дону, потому что рассчитывалъ на то, что Грушевскій рудникъ будетъ доставлять каменный уголь на Волгу и дать грузъ Волго-Донской дорогѣ, которая строилась отъ Царицына до Калача на Дону, по его инициативѣ.

Когда Мельниковъ прочелъ мою записку, онъ сказалъ:

— Значитъ, вы отказываетесь и не желаете исполнять даннаго вамъ порученія. Ваше предложеніе, изложенное въ запискѣ, не мыслимо и потому не можетъ быть выполнено, для этого надо измѣнить закономъ установленные порядки.

— При существующихъ порядкахъ я не могу взяться за исполненіе порученія, и если они не будутъ измѣнены, то я и откажусь.

— Напрасно, въ настоящую минуту, когда исполненіе дорогъ скомпрометтировано неудачей Главнаго Общества и Общества Саратовской

дороги, вы являетесь единственнымъ представителемъ этого дѣла. Порученіе, даваемое вамъ отъ правительства, чересчуръ лестно.

— Припомните, — отвѣтилъ я, — ваши негодованія, которыя вы выражали намъ, неоднократно во время посѣщеній вашихъ, когда строилась Николаевская дорога. Сколько разъ вы возмущались существующими порядками, при которыхъ вы были бессильны парализовать злоупотребленія.

— Да-съ, — это правда-съ, но съ этимъ ничего не подѣлаешь.

— Въ моей запискѣ высказана мысль о необходимости дать исполнителю самостоятельность, хотя бы при самомъ строгомъ контролѣ фактовъ, но не распоряженій, иначе учрежденіе не съ личною, а коллективною отвѣтственностью будетъ парализовать всѣ дѣйствія, что вы испытывали сами.

— Да-съ, это такъ, — съ усмѣшкой сказалъ Мельниковъ.

Когда я подаль мою записку военному министру Сухожанету, онъ передалъ ее при мнѣ же директору канцеляріи генераль-лейтенанту Лихачеву. Этотъ, какъ оказалось, былъ человекъ умный, очень образованный и энергичный. Прочитавъ мою записку, Лихачевъ сказалъ, что онъ вполне раздѣляетъ мнѣніе о необходимости предоставить въ живомъ дѣлѣ самостоятельность исполнителю.

— Я прикажу написать докладъ, — сказалъ Лихачевъ; — но передайте Павлу Петровичу Мельникову, что я просилъ бы его пріѣхать ко мнѣ вмѣстѣ съ вами въ четвергъ, въ то время докладъ будетъ готовъ, а я хочу спросить его совѣта.

Въ назначенный день мы пріѣхали къ Лихачеву. Онъ сталъ намъ читать и, когда дошелъ до изложенія правъ и обязанностей строителя, вдругъ остановился и сказалъ:

— Въ докладѣ не то написано, что я приказалъ: извините меня, Павелъ Петровичъ, что я напрасно васъ побеспокоилъ.

Дѣйствительно, въ докладѣ былъ исковерканъ весь смыслъ моей записки.

Раздраженный напраснымъ вызовомъ Мельникова, Лихачевъ тотчасъ позвонилъ и велѣлъ позвать къ себѣ начальника отдѣленія Мордвинова.

— Я поручилъ вамъ, — сказалъ онъ, — составить докладъ сообразно переданной вамъ записки, а не писать ваши собственные фантазіи. Если вы не сумѣли сдѣлать этого, то прошу васъ внести въ докладъ въ точности записку г. Панаева.

Затѣмъ Лихачевъ просилъ Мельникова пріѣхать черезъ три дня. Въ назначенный день мы собрались. Проектъ доклада, составленный на основаніи моей записки, былъ прочитанъ и черезъ нѣсколько дней получилъ высочайшее утвержденіе.

«Каменноугольная формація земли Войска Донскаго, сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ военнаго министра отъ 16-го мая 1860 г., занимающая площадь до 12-ти тысячъ квадратныхъ верстѣ, изобилуетъ антрацитомъ высскаго достоинства. Находясь близъ Дона и Азовскаго моря, она представляетъ неотъемлемое преимущество передъ всѣми другими мѣсторожденіями каменнаго угля въ Южной Россіи. Успѣшная разработка этого угля становится необходимою, въ особенности въ настоящее время, когда промышленная дѣятельность, возбужденная въ послѣдніе годы частными предпріятіями и поддержанная правительствомъ, сильно развивается на югѣ и юго-востокѣ Россіи и требуетъ для своего существованія огромнаго количества минеральнаго топлива.

«Д) 1858 года ежегодная добыча антрацита изъ Грушевскихъ копей, признаваемыхъ лучшими въ землѣ Войска Донскаго, простиралась отъ 2¹/₂ до 4 милліоновъ пудовъ, но постепенно возникавшія торговыя предпріятія значительно увеличили требованіе на него.

«Не касаясь новыхъ предпріятій, требующихъ пароваго двигателя, осуществленіе коихъ должно совершиться въ скоромъ будущемъ, и для дѣйствія которыхъ понадобится антрацитъ, потребность его въ настоящее время для удовлетворенія выяснившихся и созрѣвшихъ уже предпріятій, простирается до 9 милліоновъ пудовъ.

«Такая возрастающая потребность въ антрацитѣ возбудила предпримчивость углепромышленниковъ. Съ сентября 1858 по 1-е января 1860 г. разобрано уже на новомъ отводѣ при рѣкѣ Грушевкѣ 472 участка, составляющіе площадь въ 5¹/₄ квадр. верстѣ, которая по приблизительному, и скорѣе уменьшенному, чѣмъ увеличенному, исчисленію должна содержать въ себѣ до 525 милліоновъ пудовъ антрацита. Изъ заложенныхъ на этой площади 150 шахтъ 31 доведены уже съ успѣхомъ до угольнаго пласта и дали по 1-е января настоящаго года болѣе 1.200.000 пудовъ антрацита. Владѣльцы участковъ приступаютъ одинъ за другимъ къ открытію новыхъ шахтъ; работы вездѣ идутъ дѣятельно, и если предположить, что въ нынѣшнемъ году изъ 150 заложенныхъ шахтъ только половина дойдетъ до угольныхъ пластовъ, то по исчисленію, основанному на опытѣ прежнихъ лѣтъ, въ 1861 году будетъ выработано около 15 милліоновъ пудовъ антрацита.

«Такимъ образомъ успѣшное развитіе работы на Грушевскихъ копяхъ не представляетъ сомнѣнія въ возможности обезпечить въ непродолжительномъ времени, какъ предъявленныя уже, такъ и могущія открыться впредь требованія на минеральное топливо. Но для удовлетворенія такихъ требованій нельзя останавливаться только на одной возможности добывать известное количество угля; необходимъ еще вѣрный, скорый и дешевый способъ доставки его къ мѣстамъ потребления, то-есть нужно именно то, что въ настоящее время составляетъ главное и непреодо-

лимое препятствіе къ сбыту Грушевскаго антрацита соотвѣтственно потребности въ немъ и размѣрамъ работъ, предпринятыхъ къ его добыванію.

«Нынѣ Грушевскій антрацитъ отправляется въ Азовскіе и Черноморскіе порты сплавомъ по Дону изъ Ростова, Нахичевани и Мелеховской станицы Войска Донскаго.

«Отъ Грушевскихъ копей до Ростова и Нахичевани около 70-ти, а до Мелеховской станицы около 37-ти верстъ.

«Собственно извознаго промысла на Дону, по малонаселенности края, не имѣется, а имъ занимаются, въ свободное время отъ полевыхъ работъ, какъ мѣстные жители, такъ и прибывающіе изъ ближайшихъ къ Дону уѣздовъ, употребляя для этого обыкновенныя свои воловыя фуры, — и то, впрочемъ, только до наступленія покоса. Въ половинѣ іюня фурщики покидаютъ занятіе извозомъ, обращаются къ полевымъ работамъ и возвращаются къ перевозкѣ угля въ октябрѣ, не болѣе какъ на двѣ—три недѣли, и только въ такомъ случаѣ, если сухая погода поддерживаетъ хорошее состояніе дорогъ. Зимой же перевозки вовсе нѣтъ, во-первыхъ, по всегдашнему почти бездорожью; а во-вторыхъ, потому, что для передвиженія тяжестей, въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ по дорогамъ поселеній, необходимъ подножный кормъ. Итакъ наибольшее время перевозки антрацита отъ шахтъ къ Донскимъ пристанямъ продолжается въ сложности отъ двухъ и не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году. Цѣна за перевозку антрацита отъ копей къ пристанямъ, два года назадъ, не превышала трехъ копѣекъ съ пуда въ Ростовъ и Нахичевань и отъ 1⁵/₇ до 2 копѣекъ въ Мелеховскую станицу; теперь первая превзошла шесть копѣекъ, а послѣдняя доходитъ до 4-хъ копѣекъ съ пуда. Такое возвышеніе платы за перевозку, кромѣ повсемѣстной въ Россіи дороговизны, объясняется увеличившеюся потребностію въ антрацитѣ, а слѣдовательно и въ средствахъ перевозки его къ пристанямъ, и крайнимъ въ нихъ недостаткомъ. При самой благоприятной перевозкѣ, отстраняя дороговизну оной, фурами можетъ быть перевезено до 5 милліоновъ пудовъ; болѣе этого нѣтъ никакой возможности перевезти, ибо потребное количество воловъ и на 5 милліоновъ пудовъ едва могутъ продовольствоваться подножнымъ кормомъ и водопоемъ, слѣдовательно, при нынѣшнихъ перевозочныхъ средствахъ, все, чтѣ потребуетъ свыше 5 милліоновъ, не возможно доставить отъ шахтъ къ пристанямъ. Между тѣмъ теперь уже потребность антрацита доходитъ до 9 милліоновъ пудовъ, будущность же потребуетъ десятки милліоновъ. При такихъ условіяхъ, развитіе каменно-угольной промышленности на Дону становится положительно невозможнымъ. Энергическая предприимчивость, съ какой приступлено теперь къ разработкѣ Грушевскихъ копей, поддерживается только убѣжденіемъ, что крайняя необходимость въ антрацитѣ, для же-

лѣзныхъ дорогъ и пароходства, приведетъ къ другой крайней необходимости—устройства искусственнаго пути, для сближенія мѣстъ выработки его съ мѣстами потребленія. Если убѣжденіе это поколеблется, то ослабнетъ энергія, каменно-угольная промышленность на Дону неминуемо упадетъ, и впослѣдствіи потребуются не только большія усилія, но даже пожертвованія, чтобъ поднять ее на ту степень развитія, которая уже настоятельно требуется, и на которую Грушевскія разработки готовы стать въ непродолжительномъ времени.

«Дабы отвратить опасность, угрожающую Донской каменно-угольной промышленности, упрочить ея самостоятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить потребность въ минеральномъ топливѣ для военнаго и коммерческаго флота нашего, для желѣзныхъ дорогъ и вообще для всѣхъ промышленныхъ предпріятій на югѣ Россіи, требующихъ паровой силы, необходимо Донскія каменно-угольныя мѣсторожденія соединить искусственными путями съ мѣстами быта и потребленія минеральнаго топлива.

«Въ такихъ видахъ наказный атаманъ Войска Донскаго ходатайствуетъ о разрѣшеніи устроить желѣзную дорогу отъ Грушевскихъ копей къ рѣкѣ Дону на протяженіи до 40 верстъ.

«Издержка на сооруженіе этой желѣзной дороги, хотя не можетъ быть съ точностію опредѣлена до подробнаго изслѣдованія проектовъ и смѣтъ, но, по мнѣнію генераль-адъютанта Хомутова, она будетъ значительно менѣе употребляемыхъ на устройство другихъ дорогъ, потому что нѣтъ надобности ни въ приобрѣтеніи земель подъ дорогу, такъ какъ она будетъ пролегать по землямъ, принадлежащимъ станицамъ, ни въ устройствѣ промежуточныхъ станцій, ни въ особыхъ дорогахъ стоящихъ приспособленія для быстрыхъ пассажирскихъ поѣздовъ. Камень, необходимый на постройку дороги, найдется въ изобилии на самомъ мѣстѣ работы, а лѣсъ, желѣзо и другіе матеріалы могутъ быть удобно доставлены сплавомъ по Дону; при открытіи же движенія по дорогѣ, издержка на топливо будетъ самая ничтожная, такъ какъ для этого можетъ быть употребляемъ мелкій уголь, неспособный къ дальнѣйшей перевозкѣ и потому имѣющій около шахтъ самую ничтожную цѣну.

«Если предполагать, что постройка желѣзной дороги на протяженіи 40 верстъ, съ устройствомъ обширной пристани на рѣкѣ Донѣ, обойдется около 2 милліоновъ рублей, то при перевозкѣ по ней только 8 милліоновъ пудовъ угля въ годъ, съ платою по 2¹/₂ коп. съ пуда, валовой доходъ, не считая даже обратнаго отъ Донской пристани къ копеймъ груза, будетъ составлять 200 тыс. руб., за отчисленіемъ же примѣрно 40 тыс. руб. на ремонтъ и содержаніе дороги, чистаго дохода будетъ оставаться до 160 тысячъ руб., что составитъ до 8% на затраченный капиталъ. Соображаясь съ этимъ, генераль-адъютантъ Хомутовъ при-

знаеть полезнымъ и въ финансовомъ отношеніи употребить сумму необходимую на постройку дороги изъ войсковыхъ капиталовъ, которые, находясь въ кредитныхъ установленіяхъ, не приносятъ въ настоящее время болѣе 2% дохода.

«Принадлежащихъ Войску Донскому капиталовъ: общаго войсковаго, строительнаго, военнаго и приказа Общественнаго Призрѣнія въ настоящее время состоитъ:

На лицо	165.111 р. 94 $\frac{1}{2}$ к.
Въ кредитныхъ установленіяхъ съ процентами	4.200.555 „ 58 $\frac{3}{4}$ „
Въ оборотахъ и долгахъ	557.930 . 2 „
Итого	4 923.597 р. 55 к.

«При такомъ блестящемъ положеніи войсковыхъ капиталовъ, хотя безъ всякаго ущерба для войсковаго хозяйства, можетъ быть отдѣлено на устройство желѣзной дороги съ пристанью 2 мил. руб., но еслибы почему-нибудь оказалось невозможнымъ отдѣлить такую сумму, то на половину и даже на двѣ-трети оной, по свидѣтельству генераль-адъютанта Хомутова, можетъ быть выпущено акцій, которыя легко разберутся донскими же капиталистами.

«Вполнѣ раздѣляя мнѣніе наказнаго атамана Войска Донскаго о необходимости устройства желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ р. Дону и пристани на этой рѣкѣ, я препровождалъ соображеніе его по сему предмету на заключеніе главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, съ просьбою о назначеніи строителемъ дороги опытнаго инженера путей сообщенія.

«Генераль-адъютантъ Чевкинъ, признавая несомнѣнную пользу дороги для всего края и въ особенности для самыхъ каменноугольныхъ копей, назначилъ строителемъ оной инженеръ-подполковника Панаева, котораго уже и передалъ въ мое распоряженіе.

«Имѣя въ виду, что замедленіе въ построеніи желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ р. Дону отзовется невыгодно не только на Донскомъ каменноугольномъ промыслѣ, но и на всѣхъ предпріятіяхъ Южной Россіи, требующихъ паровой силы, я полагалъ бы немедленно командировать подполковника Панаева въ землю Войска Донскаго для предварительныхъ изысканій къ опредѣленію наивыгоднѣйшей линіи желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ р. Дону, а также для составленія проектовъ и смѣтъ на устройство какъ этой дороги, такъ и пристани на р. Донѣ, назначивъ ему въ помощь, смотря по надобности, 2-хъ или 3-хъ инженерныхъ офицеровъ, по его избранію, съ согласія генераль-адъютанта Чевкина, и вмѣнивъ подполковнику Панаеву въ обязанность приступить безотлагательно къ исполненію возлагаемаго на

него порученія, а по окончательномъ составленіи предположеній своихъ, доставить оныя со всѣми проектами и смѣтами, коими опредѣлится издержка потребная на исполненіе сказаннаго предпріятія къ наказному атаману, которому предложить представить оныя въ военное министерство для поднесенія на высочайшее утвержденіе, съ соображеніемъ, на какіе источники должна быть отнесена издержка на сооруженіе желѣзной дороги съ пристанью и въ какомъ порядкѣ должны быть ассигнуемы суммы. Выѣстъ съ тѣмъ для устраненія сложной переписки, замедляющей ходъ работъ и обыкновенно возникающей по недостатку самостоятельности въ распорядителяхъ, поручить наказному атаману Войска Донскаго образовать особый Комитетъ для построенія Грушевско-Донской желѣзной дороги и составить о немъ положеніе на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Образовать Комитетъ подъ предсѣдательствомъ наказнаго атамана изъ начальника штаба, члена со стороны военнаго министерства, одного или двухъ членовъ отъ Войска Донскаго и инженеръ-строителя, и предоставить ему право разрѣшать всѣ представленія строителя желѣзной дороги въ предѣлахъ смѣты и вѣтребующія существеннаго измѣненія утвержденныхъ проектовъ; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ испрашивать разрѣшенія установленнымъ порядкомъ чрезъ военнаго министра или военный совѣтъ.

2) Если Комитетъ не одобритъ представленія строителя по техническимъ или хозяйственнымъ распоряженіямъ, то можетъ: или предоставить привести ихъ въ исполненіе строителю, возложивъ на него полную отвѣтственность за послѣдствія, или сдѣлать немедленно распоряженіе о приведеніи въ дѣйствіе своихъ собственныхъ предположеній, съ принятіемъ за тѣмъ на себя всей отвѣтственности и освобожденіемъ отъ нея строителя.

3) При утвержденіи цѣнъ по представленію строителя и подпискамъ поставщиковъ предоставить Комитету принимать въ основаніе не справочныя цѣны, большею частію невѣрныя, а дѣйствительно существующія. Въ экстренныхъ же случаяхъ, не допускающихъ отлагательства, предоставить строителю право утверждать цѣны на сумму не свыше 5.000 руб. по каждому отдѣльному случаю, обязавъ его о такихъ случаяхъ доносить немедленно Комитету съ подробнымъ объясненіемъ причинъ, побудившихъ утвердить эти цѣны.

4) Для утвержденія представленныхъ строителемъ цѣнъ и подписокъ поставщиковъ назначается 2-хъ недѣльный срокъ, по прошествіи котораго считать цѣны утвержденными, если отъ Комитета не послѣдуетъ никакого разрѣшенія.

5) Въ случаѣ несогласія большинства членовъ утвердить представленные строителемъ или объявленные промышленниками въ подпискахъ

цѣны, Комитетъ обязанъ въ теченіе 2-хъ недѣльнаго срока сдѣлать распоряженіе по тѣмъ предметамъ, на которые не согласился утвердить цѣны.

6) Для избѣжанія бесполезной переписки и для устраненія излишнихъ формальностей, усложняющихъ только дѣлопроизводство, опредѣлить при составленіи положенія, какого рода распоряженія, какъ по технической, такъ и хозяйственной частямъ предоставляется строителю приводить въ исполненіе, не испрашивая разрѣшенія Комитета, а только донося объ ихъ разрѣшеніи, и тѣ распоряженія, которыя до приведенія въ исполненіе должны быть предоставляемы на обсужденіе Комитета.

7) Такъ какъ за исключеніемъ инженера-строителя въ постоянный составъ Комитета назначаются лица, не имѣющія техническихъ свѣдѣній въ строительномъ искусствѣ, то по утвержденіи смѣтъ и проектовъ Грушевской желѣзной дороги, инициативу техническихъ и хозяйственныхъ распоряженій по работамъ ея, равно какъ и организацію управленія возложить на строителя, съ полною отвѣтственностію за общій результатъ операціи. Такимъ образомъ ему предоставить: а) выборъ всѣхъ лицъ для производства операцій; б) опредѣленіе имъ соотвѣтственнаго содержанія въ предѣлахъ, назначенныхъ Комитетомъ (исключая лицъ, назначенныхъ отъ правительства, еслибы таковыя были); в) устройство внутренней администраціи по работамъ желѣзной дороги и представленіе наивыгоднѣйшихъ способовъ ихъ производства, заказовъ и поставокъ.

8) Обязать строителя доставлять, по требованію Комитета, всѣ свѣдѣнія и данныя, необходимыя для обсужденія распоряженій по работамъ желѣзной дороги, въ хозяйственномъ и техническомъ отношеніяхъ. Затѣмъ, по мѣрѣ окончанія работъ, представлять по каждой статьѣ полную и ясную отчетность, сообразную съ существомъ дѣла и характеромъ работъ.

9) При составленіи правилъ отчетности не считать обязательнымъ Комитету принять въ руководство правила, установленныя по этому предмету для казенныхъ работъ, а сообразоваться съ правилами и упрощенными формами, принятыми въ хорошо организованныхъ коммерческихъ операціяхъ.

10) Въ случаѣ, еслибы при повѣркѣ дѣйствій строителя и производства самыхъ работъ, были открыты какія-либо упущенія, то предоставить Комитету право отмѣнять сдѣланныя строителемъ распоряженія и обращаться къ изысканію другихъ способовъ производства операціи.

«Принимая во вниманіе важность предпріятія, общую дороговизну, отдаленность края и степень принимаемой на себя строителемъ отвѣтственности, влекущей за собою и матеріальный и нравственный трудъ, сознавая при томъ, что только при полномъ обезпеченіи всѣхъ потребностей можно ожидать отъ производителей работъ энергіи и добро-

совѣтнаго исполненія обязанностей, столь необходимыхъ въ настоящемъ дѣлѣ, я бы полагалъ: съ назначеніемъ строителемъ Грушевско-Донской желѣзной дороги и пристани на р. Донѣ подполковника Панаева, котораго генераль-адъютантъ Чевкинъ рекомендуетъ, какъ одного изъ лучшихъ и надежныхъ инженеровъ путей сообщенія, опредѣлить ему: одновременно на подъемъ 2.000 руб.,—содержанія по 6.000 руб. въ годъ во все время производства работъ, начиная съ прибытія его на мѣсто для изысканій, и потомъ по окончаніи постройки дороги и пристани, выдать въ видѣ награды 10.000 руб. Инженерамъ же, которые будутъ даны въ помощь подполковнику Панаеву, назначить всего содержанія отъ 1.200 до 2.500 руб. въ годъ, смотря по степени ихъ опытности и усмотрѣнію главнаго строителя.

«Повергая на высочайшее вашего императорскаго величества воззрѣніе какъ обстоятельства, вызывающія необходимость устройства желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ р. Дону и пристани на этой рѣкѣ, такъ и изложенныя соображенія мои къ осуществленію сего важнаго для благосостоянія края и промышленности предпріятія, имѣю счастье испрашивать, въ случаѣ, если вашему величеству благоугодно будетъ одобрить эти предположенія,—разрѣшить: привести ихъ въ исполненіе, съ отнесеніемъ, на счетъ суммъ Войска Донскаго, всѣхъ расходовъ, предстоящихъ нынѣ при приведеніи въ исполненіе предварительныхъ, по настоящей операци, распоряженій, и на производство предназначаемаго содержанія лицамъ, опредѣляемымъ къ исполненію работъ».

Императоръ Александръ II написалъ на докладѣ: «Согласенъ и признаю дѣло весьма полезнымъ».

Утвержденіе означеннаго доклада, пробывшаго какъ бы китайскую стѣну въ рутинныхъ порядкахъ, возбудило зависть во всемъ нашемъ вѣдомствѣ, въ особенности среди лицъ, занимавшихъ высшія должности. Характеръ этой зависти сохранился и отражался почти все время, пока я оставался на службѣ.

Послѣ утвержденія высочайшаго доклада, я отправился къ Чевкину. Онъ поздравилъ меня и былъ видимо доволенъ результатомъ.

— Помните,—сказалъ онъ,—что я васъ командирую, но отнюдь не отчисляю отъ вѣдомства и отъ себя, слѣдовательно, я буду пользоваться вами всякій разъ, когда мнѣ это понадобится.

Затѣмъ, собравшись уѣзжать, я поѣхалъ откланяться Чевкину, военному министру и Лихачеву.

Чевкинъ далъ мнѣ слѣдующій напутственный совѣтъ:

— Вы явитесь на Дону и будете встрѣчены тамъ медовыми рѣчками. Казачки сушіе медоусты, но медовыми ихъ рѣчками не увлекайтесь и имъ не довѣряйтесь.

Лихачевъ же сказалъ мнѣ:

— На Дону теперь начальникомъ штаба Дондуковъ-Корсаковъ, который и назначенъ членомъ Комитета. Это человекъ молодой и получившій университетское образованіе. Постарайтесь сблизиться съ нимъ, онъ будетъ вамъ помогать. Что же касается до атамана Хомутова, то совѣтую вамъ остерегаться его. Высочайше утвержденнымъ докладомъ вамъ даны такія права, при которыхъ вы можете смѣло бороться съ могущими быть натисками на васъ; слѣдовательно, остальное будетъ зависть отъ вашего умѣнья.

Еще въ Петербургѣ, до отъѣзда на Донъ, я сообщилъ Чевкину, что предположеніе и соединеніе Грушевскихъ копей со станціею Мелеховской на Дону я нахожу большой несообразностью, вызванной лишь кратчайшимъ направленіемъ, и мысль эта внушена атаману Хомутову, сдѣлавшему представленіе, кажется, генераломъ Мельниковымъ, учредителемъ Волго-Донской желѣзной дороги и пароходства по Дону, что, по предполагаемой дорогѣ, антрацитъ не пойдетъ на Донъ и оттуда на Волгу, что мною въ 1855 и 1856 г. было назначено другое направленіе, о чемъ и помѣщена статья въ журналѣ министерства, а именно: отъ Грушевскихъ копей къ Ростову черезъ Новочеркасскъ и Аксайскую станицу.

— Постарайтесь выяснить этотъ вопросъ,—сказалъ онъ,—по изысканіямъ на мѣстѣ.

На Донъ я отправился со всею семьей, т. е. съ женой и тремя дочерьми. Мы поѣхали на пароходѣ изъ Твери. Я рассчитывалъ доѣхать по Волгѣ до Царицына, а оттуда изъ Калача по Дону до Ростова.

По приѣздѣ въ Царицынъ въ эту ужасающую по климату мѣстность, одна изъ дочекъ заболѣла сильной гастрической лихорадкой. Когда этой дочери сдѣлалось лучше, то, не ожидая ея полного выздоровленія, я поспѣшилъ поѣхать одинъ, чтобы осмотрѣть изысканія, которыя начали уже производиться около Новочеркасса посланными мною туда офицерами.

Сдѣлавъ надлежащія распоряженія, я вернулся назадъ, взявъ семейство, и отправился въ Новочеркасскъ.

По прибытіи въ Новочеркасскъ я, по совѣту Лихачева, сталъ сблизаться съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Я ожидалъ натиска со стороны атамана, въ томъ, чтобы опредѣлять разныхъ служащихъ на предполагаемую желѣзную дорогу, организацію которой я долженъ былъ устраивать. Прошло недѣли три, и никто ни съ рекомендательными письмами, ни съ словесными просьбами отъ имени атамана не появлялся; а между тѣмъ, непрерывно стали являться съ просьбами отъ князя, и онъ самъ указывалъ извѣстныхъ лицъ.

Вслѣдствіе моего заявленія Чевкину, передъ моимъ отъѣздомъ, я

предпринялъ произвести изысканія по двумъ направленимъ: на Мелехово и на Аксайскую станицу.

По изысканіямъ обнаружилось, что дорога на Мелехово, не смотря на то, что она на 30 верстъ короче, обойдется въ 3.900.000, а на Аксайскую станицу въ 2.900.000 рублей. Что же касается до коммерческихъ цѣлей и выгодъ соединенія копей съ Ростовомъ, черезъ Новочеркасскъ и Аксайскую станицу, Мелеховское направленіе не выдерживало ни малѣйшей критики.

Хомутовъ не предполагалъ означеннаго результата изысканій и считалъ, что я дѣлаю напрасный расходъ на производство изысканій по двумъ направленимъ. Когда же онъ узналъ результатъ, то онъ душой расположился въ пользу Аксайскаго направленія, которое неминуемо подымало значеніе Новочеркасска и оживляло край, который онъ любилъ, какъ свое дѣтище. Вопросъ становился серьезнымъ, такъ какъ направленіе на Мелехово было высочайше утверждено. Поэтому я принужденъ былъ составить записку и приложить къ ней всевозможные расчеты, которые заняли чуть не полстопы бумаги.

Когда принесъ все Хомутову, который восчувствовалъ уже громадную разницу въ выборѣ направленія и былъ готовъ пожертвовать своимъ самолюбіемъ, ради блага края, онъ, однако, задумался.

— Какъ же это будетъ? Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я сдѣлалъ категорическое представленіе о направленіи къ Мелехову, и которое высочайше утверждено, а теперь буду дѣлать представленіе о дорогѣ на Аксай, которая направляется подъ прямымъ угломъ и совершенно въ другую сторону.

— Министръ, — сказалъ я, — прежде, нежели сдѣлать докладъ государю, конечно, обратится съ запросомъ къ генералу Чевкину. А потому я посоветовалъ бы вамъ написать ему отъ себя письмо, и я съ своей стороны напишу ему, такъ какъ онъ былъ предупрежденъ мною о необходимости измѣненія направленія.

Дня черезъ три я зашелъ къ Хомутову. Докладъ министру и моя записка не были еще отправлены.

— Все раздумываю, — сказалъ онъ, — и не рѣшаюсь послать докладъ министру.

— Я долженъ вамъ заявить, что если вы рѣшаетесь на постройку дороги къ Мелехову, то я откажусь отъ этого порученія и строить ее не буду, пусть исполняютъ это другіе. Я не захочу быть орудіемъ исполненія желѣзной дороги, которая истребитъ 4.000.000 и, конечно, абсолютно будетъ заброшена.

Эти слова подѣйствовали на рѣшимость Хомутова, и черезъ два дня докладъ былъ посланъ.

Дѣйствительно, военный министръ обратился къ Чевкину, посылаетъ

ему мою записку со всѣми расчетами. Чевкинъ, не отсылая этихъ документовъ военному министру, самъ доложилъ государю и увѣдомилъ министра о высочайшемъ утвержденіи измѣненнаго направленія на Аксайскую станицу, а Хомутову послалъ отъ себя телеграмму. Послѣдній былъ въ восторгѣ.

Между тѣмъ, я, увѣренный, что Чевкинъ достигнетъ надлежащаго результата, не теряя времени, сталъ думать объ открытіи съ весны работъ. Я подалъ атаману большую записку, въ которой склонялся къ системѣ работъ, исполняемыхъ хозяйственнымъ способомъ, но только при соблюденіи извѣстныхъ условий. А потому, если Комитетъ рѣшитъ возложить отвѣтственность по хозяйственнымъ распоряженіямъ на меня, то я долженъ буду окружить себя лицами мнѣ близкими, преданными, вѣрными, къ которымъ я могу имѣть полное довѣріе. Хомутовъ, опасаясь, что какъ бы я не отказался отъ возлагаемой на меня обузы, съ видимымъ удовольствіемъ, тотчасъ же написалъ: «Утверждаю».

Тогда я поспѣшилъ написать тремъ лицамъ: Алексію Кусакову, который былъ въ то время довѣреннымъ главнаго подрядчика, строившаго желѣзную дорогу отъ Москвы въ Нижній; Александру Усачеву, бывшему довѣреннымъ подрядчика на Николаевской дорогѣ, Широбокова, и родному моему брату Крониду, который завѣдывалъ участкомъ на строившейся тогда Московско-Коломенской дорогѣ. Я предлагалъ Кусакову быть главнымъ комиссаромъ, а Усачеву и брату быть его помощниками.

Кусаковъ отвѣтилъ мнѣ, что, находясь при большомъ отвѣтственномъ дѣлѣ, которое еще не кончено, онъ, при всей готовности помогать мнѣ, долженъ отказаться отъ моего предложенія. Усачевъ отвѣчалъ, что боленъ при смерти и потому пріѣхать не можетъ. Братъ отвѣтилъ, что очень теперь занятъ, можетъ освободиться лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и посоветуется съ Кусаковымъ.

Получивъ эти письма, я отправился къ Хомутову:

— Я прошу васъ,—сказалъ генералъ,—написать брату, что я избираю его комиссаромъ, чтобы онъ постарался освободиться къ концу декабря или къ началу января.

Братъ отвѣтилъ мнѣ, что постарается прибыть въ концѣ декабря. Я сообщилъ объ этомъ немедленно Хомутову.

— Я очень радъ,—сказалъ онъ,—что дѣло пришло къ такому исходу. На васъ лежитъ огромная отвѣтственность, кому же можно довѣриться, какъ не родному брату; на вашемъ мѣстѣ, я не поступилъ бы иначе.

По пріѣздѣ брата, онъ отклонилъ отъ себя поѣздку для найма рабочихъ, и на это дѣло вызвался одинъ изъ членовъ Комитета, подполковникъ Полушкинъ. Я представилъ въ Комитетъ инструкцію для него. Эту инструкцію предлагалось нанять землекоповъ въ Смоленской или

Витебской губерніяхъ, выдавать задаточныя деньги непосредственно рабочимъ на руки, совокупляя при этомъ артели, назначить къ нимъ десятниковъ и проч. Эта инструкція не была выполнена членомъ Комитета; онъ не поѣхалъ ни въ Смоленскую, ни въ Витебскую губерніи и, подъ предлогомъ сбереженія расходовъ на поѣздку, нанялъ всѣхъ рабочихъ въ Харьковской и отчасти въ Курской губерніяхъ, гдѣ тогда абсолютно не существовало землекоповъ, а было лишь незначительное число, такъ называемыхъ, граборей, т. е. возщиковъ на лошадяхъ. Невыполненіе данной инструкціи привело къ большимъ хлопотамъ и потерямъ.

Между тѣмъ на мѣстѣ заготавливались помѣщенія для рабочихъ, провіантъ, катальныя доски, лопаты и тачки. За невѣніемъ въ то время на Дону ни единого плотника, выдавшаго настоящую землевозную тачку, пришлось составлять проектъ образца тачки. Хомутовъ интересовался всѣмъ, и когда увидалъ землевозную тачку, гдѣ нельзя было обхватить ладонью ручки, пришелъ въ недоумѣніе, полагая, что тачка устроена ошибочно. Тогда я объяснилъ ему, что землекопъ поднимаетъ и ведетъ тачку не руками, а лямкой, перекинутой черезъ загривокъ, что тачка катится на горизонтальномъ мѣстѣ почти безъ усилія по доскѣ, потому что центръ тяжести наваленной земли переходитъ нѣсколько за ось колеска. Хомутовъ, будучи уже 70 лѣтъ, захотѣлъ самъ испробовать и къ своему удивленію свезъ тачку съ грузомъ въ 10 пудовъ. Это его много успокоило, такъ какъ онъ заботился о трудѣ людей.

Я предложилъ, съ санитарной точки зрѣнія, помѣщать людей не въ землянкахъ, а въ досчатыхъ баракахъ, поверхъ земли устроенныхъ, для чего надо было заготавливать тесу и тонкихъ бревенъ, что конечно, удорожало стоимость помѣщенія. Хомутовъ не только согласился на это, но, можно сказать, потребовалъ, чтобы всѣ помѣщенія были такъ устроены. Кромѣ того, я обратилъ его вниманіе на то, что во время жаровъ, которые бываютъ на Дону, придется продовольствовать людей исключительно солониной, такъ какъ свѣжее мясо можно заготавливать лишь на одинъ день. Между тѣмъ, было бы желательно употреблять попеременно солонину съ свѣжимъ мясомъ, для чего надо бы устроить на всѣхъ пунктахъ ледники. Разъ Хомутовъ услышалъ объ этой возможности, то сталъ настаивать на этой мѣрѣ, и ѣздилъ самъ осматривать устройство барачковъ, ледниковъ и навѣсовъ надъ столами, гдѣ должны обѣдать рабочіе. Однажды, во время этихъ подготовленій, онъ сказалъ:—«Знаете ли вы, что здѣсь, на Дону, во время жаровъ, солнце такъ печетъ, что между рабочимъ людомъ бываютъ не рѣдко солнечныя удары, и для предупрежденія этого, я думалъ бы сдѣлать холщовые колпаки или шапки съ фартуками назади для прикрытія шеи. Я рассчиталъ, что это

*

будеть стоить по 15 или 20 коп. на человекѣ. Будете ли вы согласны на такой расходъ?»

— Я не думалъ объ этомъ обстоятельствѣ,—отвѣчалъ я,—но вполне раздѣляю вашъ взглядъ.

Дня черезъ два, три, вечеромъ я зашелъ къ Хомутову и засталъ его за кройкой изъ холста колпаковъ или шапокъ съ фартуками.

— Я приказалъ купить нѣсколько концовъ холста,—сказалъ онъ,—и хочу убѣдиться, сколько пойдетъ аршинъ на шапки. Затѣмъ я отдамъ холстъ въ швальню рабочаго полка, такъ что работа ничего не будетъ стоить.

Это характеризуетъ заботы Хомутова о рабочемъ людѣ.

Я упомянулъ предъ симъ, что членъ Комитета, вызвавшійся самъ ѣхать на наемку рабочихъ, не исполнилъ данной ему инструкціи и нанялъ ихъ въ Харьковской и частью въ Курской губерніяхъ. Эта его ошибка разразилась весьма тяжелыми послѣдствіями съ приходомъ рабочихъ въ числѣ до 3.000 человекъ. Люди эти не имѣли никакихъ понятій о земляныхъ работахъ, не умѣли даже насаживать желѣзныхъ накопечниковъ на заготовленные черни и, когда увидали землевозныя тачки съ разставленными широко рукоятками, пришли въ полное недоумѣніе и заявили, что въ такихъ тачкахъ они землю возить не могутъ, и принялись передѣлывать тачки, чтобы обратить ихъ въ знакомыя имъ садовыя тачки. Садовая тачка могла вмѣщать до 4-хъ много 5-ти пудовъ земли, тогда какъ землевозныя вмѣщаютъ отъ 12 до 20 пудовъ, и рабочіе стали передѣлывать ихъ по ночамъ. Какъ ни старались объяснить имъ, что тачки съ мѣста поднимаются за ручки не руками, а что ихъ слѣдуетъ поднимать лямкой, перекинутой черезъ спину, и тогда тачка на ровномъ мѣстѣ покатится сама потому что передъ будетъ тяжелѣе зада, но это не помогало дѣлу, и рабочіе начали волноваться. Въ это время я взялъ, въ качествѣ десятника, одного служившаго много лѣтъ на Кавказѣ офицера Гамазова. Этотъ Гамазовъ былъ разжалованъ въ солдаты за то, что однажды, въ походѣ, будучи ротнымъ командиромъ, онъ заболѣлъ и легъ въ фуру. Батальонный командиръ, при объѣздѣ батальона, растянувашагося по узкой дорогѣ въ горахъ, подѣхавъ къ ротѣ, не увидаль ротнаго командира. Взводный командиръ сказалъ, что ротный командиръ внезапно заболѣлъ и лежитъ въ лазаретной фурѣ.

— Позвать его ко мнѣ!—закричалъ батальонный.

Гамазовъ, не смотря на страшную боль, вышелъ, сѣлъ на лошадь и подѣхалъ къ батальонному.

— Вы уклоняетесь отъ службы.

Гамазовъ, обиженный и взбѣшенный отъ испытываемой боли, схватилъ пашку и отсѣкъ все ухо, за что и былъ разжалованъ въ солдаты. Выслуживъ четыре года солдатомъ, Гамазовъ былъ произведенъ

въ офицеры, съ чиномъ прапорщика. Тогда я пригласилъ его на желѣзную дорогу десятникомъ. Это былъ человекъ, обладавшій силой. Я предложилъ ему показать примѣръ рабочимъ возки на устроенныхъ тачкахъ. Гамазовъ, снявъ форменный сюртукъ, принялся за работу. Изъ этого можно судить, до чего надо было мельчаться въ занятіяхъ и отвлекаться отъ прямой моей обязательной роли строителя. Означенный видимый всѣми опытъ успокоилъ волненіе. Тѣмъ не менѣе мы съ братомъ рѣшились послать приказчика нанять человекъ 10 хорошихъ десятниковъ въ Смоленскую губернію и привезти ихъ на почтовыхъ. По пріѣздѣ этихъ десятниковъ, я предложилъ имъ набрать каждому артели человекъ по 100 и болѣе и получать плату по 10 коп. съ кубика, вырабатываемого его артелью, а не по опредѣленному жалованью. Такимъ образомъ, я заинтересовывалъ каждого десятника въ выработкѣ артели. Всѣ, конечно, согласились, выработка увеличилась, но не всѣ десятники достигали ожидаемыхъ результатовъ ¹⁾.

Между тѣмъ все-таки изрѣдка появлялись неудовольствія между рабочими, и вотъ однажды во время какого-то оффиціального большаго обѣда у Хомутова, подали мнѣ записку, присланную съ нарочнымъ съ линіи. Записка гласила, что артель въ 500 человекъ подлѣ Новочеркаскомъ не вышла сегодня на работы. Я сидѣлъ подлѣ Хомутова, а съ другой стороны сидѣлъ Дондуковъ. Хомутовъ захотѣлъ узнать, что за записка съ линіи, я ему показалъ и сказалъ, что тотчасъ послѣ обѣда поѣду. Дондуковъ, услыжавъ о содержаніи записки, сказалъ, что тоже поѣдетъ со мною.

¹⁾ Не безынтересно сообщить здѣсь слѣдующій фактъ: „Десятники были вызваны на почтовыхъ изъ Смоленской губерніи. Одинъ изъ нихъ, особенно разумный и смысленный, сразу понялъ, что предложенное мною условіе, до того нигдѣ не практиковавшееся, можетъ, при стараніи и дѣятельности, дать такой хорошій заработокъ, который будетъ въ десять разъ выше тридцатирублеваго жалованья. Съ каждымъ днемъ онъ постепенно увеличивалъ изъ нашихъ рабочихъ свою артель и набралъ, наконецъ, до 500 человекъ. Такимъ образомъ, къ концу осени, онъ могъ составить себѣ капитадецъ тысячи въ двѣ, а можетъ быть и болѣе. Отправляясь домой, онъ предложилъ привести на слѣдующую весну свою собственную артель и объявилъ задѣльную плату на куб. саж. земляныхъ работъ. Я чрезвычайно обрадовался такому предложенію, такъ какъ оно избавляло меня отъ большихъ хлопотъ производства работъ хозяйственнымъ способомъ. Онъ привелъ большую артель на свою ответственность и въ этомъ году заработалъ, конечно, болѣе предшествующаго. Затѣмъ, онъ явился серьезнымъ поставщикомъ у моего брата на Рязанско-Козловской дорогѣ, а послѣ того уже весьма крупнымъ подрядчикомъ у насъ, на Курско-Кіевской дорогѣ. Впослѣдствіи онъ работалъ на разныхъ дорогахъ и имѣлъ большой подрядъ въ Либавскомъ портѣ. Въ сложности онъ произвелъ работъ, конечно, на нѣсколько миліоновъ и теперь состоитъ весьма крупнымъ подрядчикомъ на Симбирской дорогѣ. Имя его Салтыковъ.

Послѣ обѣда мы сейчасъ же поѣхали, и князь, скинувъ съ себя пальто, явился передъ рабочими въ полномъ мундирѣ съ лентой и звѣздами.

— Что вы бунтуете, не вышли сегодня на работу?—сказалъ князь, обращаясь къ рабочимъ.

Выступилъ одинъ изъ нихъ безъ особой почитительности и отвѣтилъ словами, которые были не вѣжливы и которые можно было признать за дерзость, такъ какъ князь никогда не имѣлъ дѣла съ рабочимъ людомъ.

— Розогъ!—закричалъ князь.

Тогда я шепнулъ ему, что полицейскаго начальства здѣсь нѣтъ, и означеннаго добра не имѣется, а лучше арестовать рабочаго и отослать въ Новочеркасскъ. Такъ и было сдѣлано.

На обратномъ пути, я сказалъ князю:

— Вамъ извѣстно, что у меня нѣтъ полицейскаго управленія, что я задался принципомъ обходиться безъ тѣлесныхъ наказаній, который намѣренъ, абсолютно, выдержать, дабы при вопросахъ, поставляемыхъ министромъ о поведеніи рабочихъ, я могъ бы отвѣчать, что порядокъ между рабочими держится безъ употребленія тѣлесныхъ наказаній. Чтò же касается до означеннаго рабочаго, то его выдержать недѣли двѣ въ тюрьмѣ, и въ это время ему объяснять, что онъ сдѣлалъ преступленіе противъ такого высокаго начальника, какъ князь, и долженъ идти въ Сибирь на поселеніе. Такимъ образомъ, этотъ рабочій промучается двѣ недѣли, а потомъ ему скажутъ, чтобы онъ просилъ свезти его подъ конвоемъ къ князю, и тамъ онъ бросится при всѣхъ на колѣни и будетъ просить у князя пощады.

Все это и было въ дѣйствительности продѣлано.

Мѣсяца черезъ два, я получилъ извѣстіе, что рабочіе, верстахъ въ 30 отъ Новочеркасска, тоже не вышли на работу. Я поѣхалъ къ Хомутову и просилъ его дать мнѣ человекъ десять верховыхъ казаковъ, чтобы ѣхать со мною.

— Что же это будетъ?—замѣтилъ онъ.—Въ прошедшемъ году на Волго-Донской дорогѣ казаки стали стрѣлять въ рабочихъ и двоихъ убили.

— Не тревожьтесь,—сказалъ я,—до стрѣльбы не дойдетъ.

— Зачѣмъ же вамъ казаки?

— Для того, чтобы рабочіе видѣли, что я пріѣхалъ не одинъ, а съ 10-ю казаками.

— Боже, Боже, чтò такое будетъ?

Онъ перекрестилъ меня и сказалъ:—Храни васъ и помощи вамъ Богъ. Пожалуйста, когда вернетесь, хотя бы это было ночью, пріѣзжайте ко мнѣ, я въ тревогѣ и не буду спать.

Я тотчасъ отправился въ сопровожденіи десяти казаковъ. Приѣхавъ на мѣсто, я вызвалъ изъ бараконъ рабочихъ, которыхъ было до 300 человекъ.

— Что вы затѣяли, ребята, не выходить на работу! Вы получили задатки и обязаны работать; стало быть, вы ослушники начальства; пусть зачинщики выйдутъ впередъ, а казаки сведутъ ихъ въ Новочеркасскъ.

— Помилуйте,—загалтѣли рабочіе;—мы начальство готовы слушать, да намъ десятники задаютъ большіе уроки, пишутъ въ книжкахъ недоработки, а глина крѣпкая.

— Отчего же вы не заявляли мнѣ прежде о большихъ урокахъ; вѣдь я бываю здѣсь каждую недѣлю, а иногда и два раза на недѣлю?

— Да глина подошла теперь другая,—отвѣчали рабочіе.

Видя совершенно не враждебное настроеніе рабочихъ, я вступилъ съ ними въ разговоры.

— Покажите же мнѣ ваши уроки, и что это за крѣпкая глина?

Рабочіе, видя, что я желаю разобрать ихъ претензію, привалили гуртомъ на мѣсто работъ.

Хотя уроки не были вовсе большіе, но я при рабочихъ накинулся на десятниковъ, что они должны принимать во вниманіе качество грунта. Рабочіе видимо удовлетворились.

— Ну что же пойдете завтра на работу?

— Хоть сейчасъ пойдѣмъ, ваше высокоблагородіе.

Я сейчасъ же велѣлъ отпустить тѣхъ, которые были отдѣлены для отсылки въ Новочеркасскъ.

— Ну, ладно, братцы, помиримся и выпьемъ на мировую чарочку винца.

И я приказалъ купить три ведра водки. Рабочіе съ пѣснями проводили меня.

Вернувшись въ Новочеркасскъ часа уже въ два ночи, я проѣхалъ прямо къ Хомутову; онъ дѣйствительно не спалъ.

— Ну что?—спросилъ онъ меня видимо встревоженнымъ тономъ.

— Все кончилось отлично—водкой,—и я рассказалъ ему все, какъ было.

Хомутовъ облобызалъ меня и сказалъ:

— Слава Богу, слава Богу; у меня словно гора съ плечъ свалилась.

— Видите ли, ваше высокопревосходительство,—замѣтилъ я,—съ русскимъ рабочимъ человѣкомъ надо только знать, какъ обращаться, онъ по природѣ человѣкъ смиренный.

Хомутовъ вообще любилъ дѣло устройства желѣзной дороги и интересовался всѣмъ, что до него относилось.

Однажды, онъ обратился ко мнѣ и просилъ меня ознакомить его съ порядкомъ счетоводства, которое, на основаніи высочайше утвержденнаго положенія, должно было вестись по примѣру коммерческихъ операций и по двойной бухгалтеріи.

— Я не знакомъ съ этимъ счетоводствомъ, объясните мнѣ его,— говорилъ онъ.

— Я попрошу васъ съѣздить въ контору, гдѣ братъ мой покажетъ вамъ весь порядокъ счетоводства.

Когда онъ пріѣхалъ въ контору и сталъ разсматривать порядки, введенные для счетоводства, онъ такъ заинтересовался этимъ дѣломъ, что сталъ пріѣзжать въ контору ежедневно, въ теченіе цѣлой недѣли, чтобы прослѣдить весь ходъ счетоводства.

Хомутовъ былъ въ восторгѣ отъ порядка счетоводства и неприминувъ высказать это гласно при слѣдующемъ случаѣ.

Въ воскресенье по утрамъ, къ Хомутову собирались воѣ начальствующія лица Новочеркаска съ тѣмъ, чтобы отправляться съ нимъ къ обѣднѣ. Однажды я пріѣхалъ къ Хомутову въ это время. Всѣ собравшіеся сидѣли у него въ кабинетѣ.

— Знаете ли что, господа,— началъ говорить Хомутовъ,— я посоветовалъ бы вамъ съѣздить къ намъ въ контору желѣзной дороги и поучиться у Кроніда Александровича (имя моего брата), какъ надо вести отчетность. Если бы мнѣ была извѣстна прежде такая отчетность, то я бы не получалъ столько официальныхъ непріятныхъ замѣчаній, и разъ чуть не попалъ подъ судъ, когда мы строили Аксайскую дамбу и почтовые станціи по Войску.

Послѣ этого нѣсколько официального внушенія, сдѣланнаго Хомутовымъ весьма деликатнымъ образомъ, я понялъ, что Хомутова надо не опасаться, какъ говорилъ мнѣ Лихачевъ, а что атаманъ являлся самымъ искреннимъ помощникомъ дѣлу желѣзной дороги, успѣхъ котораго лежалъ на моей строгой отвѣтственности.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853—1856 гг.

V 1).

Дипломатическія интриги въ Константинополѣ.—Требованія князя Меншикова.—Опасенія европейскихъ державъ за неблагополучный исходъ переговоровъ.—Вниманіе, оказанное императоромъ Николаемъ Сеймуру.—Отвѣтъ Порты на требованіе кн. Меншикова.—Вмѣшательство европейской дипломатіи.—Переговоры англійскаго посла Каннинга съ княземъ Меншиковымъ.—Перемѣна министерства въ Константинополѣ.—Разсказъ бывшаго визира Мехмеда-Али-паши.—Прекращеніе переговоровъ.—Отъѣздъ князя Меншикова.

озвращеніе великобританскаго посланника въ Константинополѣ обострило взаимныя отношенія дипломатическихъ представителей.

8-го марта нов. ст., князь Меншиковъ имѣлъ секретную аудіенцію у султана; происшедшее во время этого свиданія держалось въ строгой тайнѣ, и дипломаты опасались, что султанъ, подъ влияніемъ страха, сдѣлалъ какую-либо уступку, угрожавшую ему потерю самостоятельности. Опасенія усиливались тѣмъ, что, по единодушному свидѣтельству купцовъ, путешественниковъ и консуловъ, въ Севастополѣ поспѣшно вооружались суда, а на берегахъ Прута сосредоточивались войска. Когда Бенедетти и полковникъ Розе разспрашивали Меншикова объ этихъ приготовленияхъ, то онъ либо отрицалъ ихъ, либо объяснялъ различными причинами; чаще всего онъ отговаривался незнаціемъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1902 г.

— А я полагалъ,—возразилъ ему однажды полковникъ Розе,—что вы назначены главнокомандующимъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, коимъ поручено поддержать миссію, возложенную на васъ.

Лордъ Редклиффъ-Каннингъ, привыкшій вести переговоры съ турками, вывѣдалъ вскорѣ отъ Рифаатъ-паши и отъ великаго визиря все, что ему хотѣлось знать. Какъ человекъ опытный, онъ тотчасъ понялъ угрожающую опасность и предостерегалъ англійское правительство. «Дѣло идетъ уже не о Святыхъ мѣстахъ,—писалъ онъ,—не о религіозномъ спорѣ между латинянами и греками; оно касается всей Европы. Независимости и, быть можетъ, даже существованію Турціи угрожаетъ опасность».

Между тѣмъ какъ депеши Каннинга доходили въ Лондонъ и волновали англійское министерство, князь Меншиковъ рѣшился наконецъ облечь свои таинственныя требованія въ официальную форму.

Не получая на свои требованія никакого отвѣта отъ турецкихъ министровъ, которые благоразумно воздерживались отъ всякихъ официальныхъ заявленій, князь Меншиковъ послалъ Рифаатъ-пашѣ новую ноту, въ которой, исчисливъ всѣ претензіи Россіи въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ, требовалъ заключенія договора, подтверждающаго на вѣчныя времена привилегіи, дарованныя православнымъ христіанамъ на Востокѣ. Въ концѣ своей ноты князь Меншиковъ заявлялъ, что, въ случаѣ отказа со стороны турецкаго правительства, «его дальнѣйшій образъ дѣйствій будетъ согласоваться съ достоинствомъ его правительства и религіи, исповѣдуемой его монархомъ».

Не смотря на эту угрозу, Рифаатъ-паша, возлагавшій надежду на поддержку Франціи и Англии, оказался такъ же мало сговорчивъ, какъ и его предшественникъ, «коварный» Фуадъ-эффенди, и нота князя Меншикова усилила тревогу дипломатовъ. Тувенель писалъ по этому поводу Кастельбажаку 30-го апрѣля 1853 г.:

«Признаюсь вамъ, я сильно боюсь, чтобы мы могли съ честью покончить вопросъ о Святыхъ мѣстахъ. Очевидно, въ Петербургѣ намъ не помогутъ въ этомъ; князю Меншикову необходимо одержать успѣхъ во что бы то ни стало. Поэтому, когда дѣло дойдетъ до крайняго предѣла, то намъ волей-неволей придется протестовать, заявить въ Лондонѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, какія жертвы мы были готовы принести ради сохраненія мира, и, лишивъ такимъ образомъ Россію всякаго предлога къ войнѣ, пригласить прочія державы присоединиться къ намъ, чтобы обуздать ея честолюбіе. Почва для этого уже подготовлена; Петербургскій кабинетъ, быть можетъ, плохо взвѣсилъ свои шансы въ будущемъ, не соглашаясь на приличный для насъ исходъ настоящаго недоразумѣнія. Какъ бы то ни было, это поведетъ къ охлажденію взаимныхъ отношеній и покажетъ, что Франціи нечего ожидать отъ Россіи».

«Извѣстія, получаемыя изъ Константинополя, далеко не успокои-

тельны,— писалъ въ то же время ¹⁾ прусскій министр Мантейфель графу Гацфельду въ Парижъ. Вильденбрухъ ²⁾ пишетъ мнѣ, что гг. Каннингъ и де-Лакуръ никакъ не могутъ сопоставить то, что происходитъ на ихъ глазахъ, съ увѣреніями, которыя получены ихъ дворами изъ Петербурга. Я опасаюсь, что намъ предстоитъ пережить не мало серьезныхъ событій, къ которымъ мы далеко не подготовлены. Русскіе очевидно стремятся рѣшить этотъ вопросъ какъ свое домашнее дѣло. Въ содѣйствіи Австріи императоръ Николай вполне увѣренъ. Намъ весьма важно, по моему мнѣнію, сохранить какъ можно дальѣ свободу дѣйствій.

«Если меня не обманываютъ получаемыя мною извѣстія, которыя отличаются вообще довольно большой точностью,—писалъ въ отвѣтъ Мантейфелю графъ Гацфельдъ (2-го мая), то надобно полагать, что князь Меншиковъ, помимо вопроса о Святыхъ мѣстахъ, предъявляетъ Портѣ еще какія-либо значительныя требованія; поэтому, весьма вѣроятно, что восточный вопросъ принесетъ намъ не мало осложненийъ.»

«Въ Англіи этотъ вопросъ возбуждаетъ, кажется, нѣкоторую тревогу.»

Дѣйствительно, общественное мнѣніе Англіи было уже въ это время нѣсколько возбуждено противъ Россіи, но великобританскій кабинетъ еще не высказался официально такъ опредѣленно, какъ французское правительство, и англійскій флотъ оставался на мѣстѣ, тогда какъ французская эскадра получила, какъ мы уже говорили, приказаніе идти въ Архипелагъ и быть готовой ко всякой случайности. Это разногласіе въ отношеніи къ Россіи со стороны Франціи и Англіи, которое продолжалось, впрочемъ, не долго, дозволяло императору Николаю не уступать въ своихъ требованіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожило французскаго посланника въ Петербургѣ. Опасенія генерала Кастильбажака усилились вслѣдствіе одного на первый взглядъ маловажнаго факта,—именно обѣда, на который государь, вопреки существовавшему при русскомъ дворѣ этикету, пригласилъ великобританскаго посланника, сэра Гамальтона Сеймура и его супругу. Въ государствѣ, гдѣ воля монарха составляетъ законъ, самый маловажный фактъ имѣетъ нерѣдко важное значеніе; французскій посланникъ писалъ по поводу этого обѣда Тувенелю 30-го апрѣля 1853 г.:

«Любезный товарищъ, я послалъ 19-го числа сего мѣсяца министру шифрованную депешу, въ которой я сообщилъ ему о фактѣ, необычайномъ по этикету и обычаямъ, существующимъ при русскомъ дворѣ,—ибо этотъ фактъ, въ связи съ ходящими въ обществѣ слухами и нѣкоторыми посторонними обстоятельствами, заставилъ меня предполагать о суще-

¹⁾ 28-го апрѣля 1853 г.

²⁾ Прусскій посланникъ въ Константинополь.

створеніи секретнаго соглашенія между Россіей и Англіей; но мои подозрѣнія разсѣялись. Любезность, оказанная императоромъ Николаемъ сэру Гамильтону Сеймуру, была только благодарностью Англіи за «неподвижность» ея флота и за совѣты, которые были даны намъ Англіей относительно нашего флота. Отъ одного лица, присутствовавшего на обѣдѣ, данномъ императоромъ Николаемъ сэру Сеймуру, мнѣ извѣстно, что императрица пила за здоровье королевы Викторіи и что императоръ сказалъ:

— Англичане имѣютъ средство вліять въ Константинополь особымъ путемъ, я же, къ сожалѣнію, могу угрожать туркамъ только матеріальной силой, къ чему мнѣ и пришлось прибѣгнуть. Но я объяснился по этому поводу откровенно, я человекъ честный. Англійское министерство, не колеблясь, повѣрило моей честности. Я очень чувствителенъ къ этому знаку довѣрія и отъ всего сердца благодаренъ за него.

«Императоръ не прибавилъ ни слова въ похвалу или осужденіе Франціи или какой-нибудь иной великой державы. На другой день его величество пригласилъ меня на большой парадъ. Но мнѣ пришлось извиниться по причинѣ гриппа, коимъ я страдаю впервые со времени моего пріѣзда сюда. Нѣсколько дней спустя я получилъ вторично приглашеніе и вторично долженъ былъ отказаться по той же причинѣ. Императоръ присылалъ осведомиться о моемъ здоровьи и выразилъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу моего недомоганія. Впрочемъ, я не выказалъ никакого неудовольствія по поводу обѣда, даннаго англійскому посланнику, и только отвѣтилъ генералу Киселеву, который говорилъ со мною объ этомъ въ «сочувственномъ» для меня тонѣ, что «я нахожу вполне естественнымъ, что къ братьямъ и сестрамъ (какъ называютъ другъ друга монархи и монархини) относятся лучше, нежели къ друзьямъ (необычное названіе, данное императоромъ Николаемъ императору Наполеону III). Къ тому же, это было единственное средство вознаграждать сэра Гамильтона Сеймура за милостивое вниманіе, коимъ я пользуюсь со стороны императора ежедневно, какъ военный генералъ, и я въ восторгѣ отъ удовольствія, доставленнаго моему коллегѣ, котораго я люблю и уважаю.

«Сэръ Гамильтонъ, весьма довольный моимъ поведеніемъ, сталъ снова довѣрчивъ и торжественно увѣрялъ меня, что Англія пойдетъ рука объ руку съ Франціей въ случаѣ, ежели Россія посягнетъ на неприкосновенность Оттоманской имперіи. Впрочемъ, онъ раздѣляетъ мой взглядъ, что эти вооруженныя угрозы имѣютъ единственной цѣлью застрашать турокъ, что Россія довольно неудачно считаетъ необходимымъ. Онъ увѣряетъ меня также, что Нессельроде высказался по поводу Святыхъ мѣстъ въ самомъ примирительномъ духѣ и выразилъ желаніе, чтобы князь Меншиковъ и де-Лакуръ покончили съ этимъ вопросомъ. Я пола-

гаю, что настоящій моментъ благоприятствуетъ этому, такъ какъ вооруженія начинаютъ тяготить Россію, и она опасается праскорбныхъ послѣдствій, какія они могутъ повлечь за собою, тѣмъ болѣе, что благоразумная партія можетъ быть увлечена въ противоположную сторону религіозными чувствами народа и честолюбіемъ молодыхъ офицеровъ и старо-русской партіей. По поводу увольненія сербскаго перваго министра Гарашанина Нессельроде сказалъ мнѣ съ несвойственнымъ ему оживленіемъ, что «это человекъ дурной, неблагодарный по отношенію Россіи, что онъ одержимъ опасными политическими стремленіями, которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ распространены въ Сербіи и въ Придунайскихъ провинціяхъ. Сербія,—присовокупилъ Нессельроде,—обязана намъ своимъ существованіемъ; на нашемъ мѣстѣ вы, конечно, не потерпѣли бы, чтобы она сдѣлалась вашимъ врагомъ и врагомъ консервативныхъ принциповъ. Это былъ главный поводъ, вызвавшій неудовольствіе императора Николая и которымъ онъ руководствуется въ настоящую минуту въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи и къ подвластнымъ ей провинціямъ».

Но возвратимся къ Константинополю.

5-го мая оттоманское правительство рѣшилось наконецъ отвѣтить официально на требованія Россіи. Министръ иностранныхъ дѣлъ вручилъ князю Меншикову два фирмана, на имя Гафиза-паши, управлявшаго Іерусалимскимъ санджакомъ, въ коихъ ему сообщалось рѣшеніе, принятое султаномъ. Въ первомъ фирманѣ, относительно большаго купола церкви Святаго гроба, говорилось, что куполь будетъ возобновленъ «въ его настоящемъ видѣ», и что если въ его формѣ будетъ сдѣлано какое-либо измѣненіе, то греческому патриарху, живущему въ Іерусалимѣ, будетъ дозволено сдѣлать противъ этого свои возраженія. Кромѣ того говорилось, что дома смежныя съ церковью Святаго гроба, служащія «для молитвы и уединенія мусульманъ», не будутъ снесены, но что султанъ прикажетъ заложить окна, выходящія непосредственно къ Святому гробу ¹⁾. Во второмъ фирманѣ, данномъ также на имя іерусалимскаго губернатора и касавшемся «привилегій грековъ относительно пользованія Святыми мѣстами», говорилось, что латиняне будутъ имѣть по-прежнему ключъ отъ одной изъ дверей большой Виедеемской церкви, чтобы они могли «проходить» чрезъ верхнюю церковь, въ пещеру Рождества Христова, помѣщающуюся подъ церковью. Кромѣ того серебряная звѣзда, указывающая мѣсто рожденія Христа и похищенная въ 1847 г., будетъ возстановлена на средства султана. Что касается гроба Богородицы, то «грекамъ было предоставлено право совершать возлѣ

¹⁾ Кн. Меншиковъ называлъ эти мѣста не молитвенными домами, а гаремами и требовалъ, чтобы они были снесены. В. Т.

него богослуженіе послѣ восхода солнца первымъ; послѣ нихъ предоставлялось служить армянамъ, а затѣмъ латинянамъ, всѣмъ же, въ общей сложности, не болѣе полутора часа. Наконецъ, за каждымъ вѣроисповѣданіемъ утверждалось на вѣчныя времена владѣніе тѣми святилищами, кои находились въ ихъ рукахъ».

Русскій и французскій посланники изъявили согласіе принять эти фирманы. Казалось, вопросъ о Святыхъ мѣстахъ былъ поконченъ.

Но Святые мѣста были только предложены. Объ этомъ давно уже подозрѣвали, но теперь всѣ окончательно въ этомъ убѣдились.

Извѣщая 5-го мая министра иностранныхъ дѣлъ, Рифаатъ-пашу, о полученіи двухъ фирмановъ и о томъ, что они будутъ доведены до свѣдѣнія русскаго правительства, князь Меншиковъ препроводилъ Портѣ проектъ договора, въ коемъ были изложены окончательныя требованія Россіи. Въ силу этого договора, турецкое правительство должно было принять на себя обязательство соблюдать на вѣчныя времена привилегіи, дарованныя грекамъ въ прежнее время ¹⁾. Князь Меншиковъ требовалъ, чтобы отвѣтъ на эту ноту былъ представленъ не позже пятидневнаго срока, присовокупляя, что неисполненіе этого условія «будетъ принято имъ какъ знакъ неуваженія къ его правительству и поставитъ его въ необходимость прибѣгнуть къ самымъ прискорбнымъ мѣрамъ».

Турки теперь поняли, что ихъ независимости угрожала опасность. Члены дипломатическаго корпуса отправились къ великому визирю, который жилъ въ то время въ своемъ загородномъ домѣ на берегахъ Босфора, чтобы переговорить съ нимъ по поводу ноты русскаго посла, и застали его совѣщающимся съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и сераскиромъ; турецкіе сановники рѣшили отвѣчать на требованія Россіи отказомъ.

7-го мая Каннингъ поѣхалъ къ Меншикову, въ надеждѣ убѣдить его. Но всѣ старанія были напрасны. Князь не скрывалъ, что инструкція, полученныя имъ изъ Петербурга, повелѣвали ему спѣшить. Видя, какъ всѣ были взволнованы его требованіями, онъ прикинулся изумленнымъ.

— Развѣ Россія не въ правѣ, — говорилъ онъ, — требовать чего-либо въ пользу грековъ, подобно тому, какъ Франція и Австрія ходатайствуютъ въ пользу католиковъ.

Напрасно доказывали ему, что католиковъ было въ Турціи всего нѣсколько тысячъ, что они разсѣяны по всей Оттоманской имперіи и что большинство изъ нихъ даже не подданные султана, между тѣмъ какъ

¹⁾ Между прочимъ русское правительство требовало, чтобы ему было предоставлено право соорудить въ Іерусалимѣ церковь и госпиталь для богомольцевъ и странниковъ. В. Т.

греки, численностью до 11 миллионѣвъ, составляли обширное государство въ государствѣ.

Между тѣмъ приближалось 10-го мая—срокъ, указанный русскимъ ультиматумомъ.

Отвѣтъ, сообщенный Рифаатъ-пашою, былъ написанъ въ томъ именно тонѣ, какого можно было ожидать. Онъ предлагалъ Россіи отъ имени султана всевозможныя преимущества, заявлялъ, что къ сооруженію русской церкви и госпиталя не встрѣтится препятствія и что Абдулъ-Меджиду никогда и въ голову не приходило отиѣнять привилегіи, дарованныя христіанамъ православнаго исповѣданія; но заключеніе особаго договора было бы нарушеніемъ основныхъ принциповъ независимости Турціи и ея верховной власти.

Поэтому Рифаатъ отказывался вести переговоры въ этомъ смыслѣ и обращался къ общественному мнѣнію Европы и къ прямодушію русскаго императора.

Всѣ полагали, что, получивъ подобный отвѣтъ, Меншиковъ уѣдетъ тотчасъ въ Одессу. Но вмѣсто того, онъ заявилъ Рифаатъ-пашѣ 11-го, что готовъ ожидать до 14-го числа болѣе благопріятнаго рѣшенія.

Въ тотъ же день, великій визирь, Мехметъ-Али-паша, принимавшій дѣятельное участіе въ переговорахъ, послалъ къ князю Меншикову перваго драгомана Дивана, Нуррединъ-бея, съ приглашеніемъ прибыть на совѣщаніе, которое должно было состояться 13-го числа, въ часъ дня въ дворцѣ, занимаемомъ великимъ визиремъ.

Князь Меншиковъ, вѣрный своей системѣ устрашать турокъ, желая оказать свое неудовольствіе по поводу медленнаго хода переговоровъ, еще 4-го мая уѣхалъ изъ Перы и поселился на русскомъ фрегатѣ «Бесарабія», который стоялъ на якорѣ противъ Буюкдере, гдѣ находится лѣтняя резиденція русскихъ посланниковъ въ Константинополѣ. Тутъ ему и было передано приглашеніе Мехмета - Али - паши, которое онъ принялъ.

На слѣдующій день, въ назначенный часъ, великій визирь ожидалъ русскаго посланника, какъ вдругъ, къ его величайшему изумленію, онъ увидѣлъ изъ оконъ своего дворца, что русскій фрегатъ, подъ флагомъ посланника, величественно плывъ по Босфору, не останавливаясь у его пристани. Удивленіе Мехмета-Али-паши смѣнилось изумленіемъ, когда онъ узналъ, что князь Меншиковъ, вмѣсто того, чтобы прибыть на совѣщаніе къ визирю, приказалъ вести себя во дворецъ султана и, вопреки всѣмъ правиламъ этикета, явился неожиданно къ Абдулъ-Меджиду и попросилъ у него немедленно аудіенціи, не смотря на то, что ему было извѣстно, что султанъ, незадолго передъ тѣмъ потерявшій мать и весьма огорченный ея потерей, заперся въ гаремѣ и никого не принималъ. Не смотря на строгое приказаніе никого не принимать, драгоманъ рус-

скаго посольства настаивалъ до такой степени, что князь Меншиковъ былъ допущенъ къ султану, который принялъ его. Свиданіе ихъ было весьма непродолжительно; русскій посланникъ сказалъ Абдуль-Меджиду, откланиваясь:

— Умоляю ваше величество взвѣсить послѣдствія, какія можетъ имѣть продолжительное сопротивленіе, съ вашей стороны, желаніямъ императора Николая.

Возвратившись затѣмъ на фрегатъ, князь стоялъ нѣсколько минутъ на мостикѣ, подъ самыми окнами султана, какъ бы выжидая его рѣшенія. Но, видя, что на отвѣтъ нельзя было рассчитывать, онъ приказалъ возвратиться въ Буюкдере.

Послѣдствія неожиданнаго посѣщенія княземъ Меншиковымъ султана не замедлили сказаться. Этотъ смѣлый и необычный шагъ еще болѣе увеличилъ тревогу турокъ; въ тотъ же вечеръ великій визирь Мехметъ-Али-паша и министръ иностранныхъ дѣлъ Рифаатъ-паша были смѣщены. Перваго замѣнилъ Мустафа-паша, а на мѣсто втораго былъ назначенъ Решидъ-паша, извѣстный государственный дѣятель Турціи, который съ трудомъ переносилъ свое временное удаленіе отъ дѣлъ.

Абдуль-Меджидъ, человѣкъ слабый и нерѣшительный, надѣялся перемѣною своихъ министровъ выиграть время и, быть можетъ, смягчить гнѣвъ императора Николая. Но, помимо этихъ высшихъ политическихъ соображеній, на рѣшеніе султана могли повліять нѣкоторыя побочныя обстоятельства.

Въ Турціи все начинается и кончается дворцовой интригою. Эта истина подтверждается какъ нельзя лучше нижеслѣдующимъ любопытнымъ разказомъ, который сохранился въ бумагахъ Тувенеля, записанный имъ собственноручно; въ немъ сообщаются весьма любопытные факты.

Въ 1855 г. Тувенель былъ назначенъ посланникомъ въ Константинополь, находясь еще подъ впечатлѣніемъ важныхъ событій, предшествовавшихъ Крымской войнѣ, въ коихъ онъ принималъ дѣятельное участіе, въ качествѣ директора департамента французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ; онъ имѣлъ съ бывшимъ великимъ визиремъ, Мехметъ-Али-пашою, интимный разговоръ, настолько его заинтересовавшій, что, по возвращеніи домой, тотчасъ записалъ его.

«Нашъ разговоръ,—пишетъ Тувенель,—коснулся миссии князя Меншикова, во время которой Мехметъ-Али-паша былъ великимъ визиремъ, и той роли, которую игралъ, въ это время, Аристархъ-бей, только что возвратившійся въ Константинополь. Начиная этотъ разговоръ, я имѣлъ цѣлю, главнымъ образомъ, разсѣять сомнѣнія относительно возвращенія къ власти Решида-паши,—фактъ, для меня совершенно необъ-

яснымъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ вызванъ самимъ княземъ Меншиковымъ. Вотъ что сказалъ мнѣ по этому поводу Мехметъ-Али-паша:

«Первоначальнымъ поводомъ миссиі князя Меншикова была просьба или прошеніе, поданное императору Николаю именитыми греками. Въ этомъ документѣ обращалось особенное вниманіе на недостойное положеніе, какое занимала Россія въ Константинополѣ, по сравненію съ Франціей и Англіей, и указывались средства, коими можно было выйти изъ этого положенія. Эта цѣль могла быть достигнута, говорилось въ прошеніи, посылкою въ Турцію чрезвычайнаго посольства, съ тѣмъ, чтобы тотъ, кто будетъ стоять во главѣ посольства, своимъ твердымъ тономъ и угрозами, съ коими онъ обратился бы къ Дивану, добился для императора Николая неограниченной власти надъ греческой церковью во владѣніяхъ султана, и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ надъ греческой націей. Этотъ документъ или это прошеніе было подписано греческимъ патриархомъ въ Іерусалимѣ, логофетомъ Николаемъ Аристархи, Богоридесомъ, банкиромъ миссиі Яни, г. Лазараки и другими лицами, кои, всё до единаго, считаются до сихъ поръ дѣятельными и ревностными приверженцами и приспѣшниками Решида-паши. Г. Озеровъ препроводилъ это прошеніе въ Петербургъ и со своей стороны поддержалъ его».

«Князь Меншиковъ, во время своихъ первыхъ бесѣдъ со мною, говорилъ о Турціи въ угрожающемъ тонѣ, а о Франціи и Англіи съ ненавистью и презрѣніемъ, надѣясь этимъ вынудить меня подписать сенедъ (договоръ). Встрѣтивъ съ моей стороны упорное сопротивленіе, онъ оставилъ мысль о сенедѣ и предложилъ заключить наступательный и оборонительный союзъ. Но такъ какъ, съ осуществленіемъ этого проекта, Турція оказалась бы во власти Россіи связанная по рукамъ и по ногамъ, и это повлекло бы вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно къ разрыву съ Франціей и Англіей, то я старался возвратиться къ первоначальному предложенію князя,—къ сенеду. Я подмѣтилъ, что князь Меншиковъ отнюдь не хотѣлъ довести дѣло до разрыва, но старался даже по возможности избѣжать его. Надобно сознаться, что въ стараніи рѣшить вопросъ миролюбивымъ путемъ я встрѣтилъ содѣйствіе: 1) князя Меншикова; 2) перваго драгомана русскаго посольства Агригопуло. Но мнѣ мѣшали въ этомъ: 1) Решидъ-паша, 2) логофетъ Николай Аристархи, 3) г.г. Озеровъ и Балабинъ — оба послѣдніе опасались быть поставлены въ неловкое положеніе по отношенію къ правительству, коему они служили. Они постарались, во-первыхъ, отдалить князя Меншикова отъ перваго драгомана русскаго посольства Агригопуло, который былъ склоненъ дѣйствовать въ примирительномъ духѣ, толкнуть его въ объятія логофета Николая Аристархи и, слѣдовательно, Решида-паши. Вотъ какимъ путемъ удалось этого достигнуть: султану донесли, что г. Агригопуло хотѣлъ бы имѣть дачу, но что сред-

ства не позволяли ему приобрести такую. Султанъ подарилъ ему домъ въ Бужкдере. Всѣ переговоры по этому поводу происходили безъ вѣдома Агригопуло, и самый подарокъ былъ для него полнѣйшею неожиданностью. Я узналъ объ этомъ, но старался разстроить подозрѣваемую мною интригу и просилъ, чтобы съ подаркомъ дома повременили. Но логофетъ Николай Аристархи предупредилъ меня. Онъ передалъ Агригопуло, изумленному неожиданнымъ счастьемъ, ключи отъ дома, что составляетъ на Востокѣ признакъ собственности, и тотчасъ донесъ на него его начальнику. Князь Меншиковъ призвалъ драгомана, допросилъ его и, не повѣривъ его увѣренію, что все это было сдѣлано безъ его вѣдома, отрѣшилъ его отъ должности. Дѣйствительно, Агригопуло поступилъ опрометчиво и, будучи застигнутъ врасплохъ, взялъ ключи вмѣсто того, чтобы возвратить ихъ; они дѣйствительно находились въ его рукахъ, хотя онъ получилъ ихъ всего за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ. Съ этой минуты князь Меншиковъ очутился въ рукахъ логофета Николая Аристархи или скорѣе Решада-паша, который, со своей стороны, принялъ извѣстные обязательства по отношенію къ логофету на тотъ случай, если бы онъ помогъ ему вновь овладѣть властью. Всѣ прочіе служащіе въ русскомъ драгоманствѣ были не способны играть какую бы то ни было роль въ политическихъ переговорахъ.

«Между тѣмъ переговоры, которые велись между русскимъ посланникомъ и мною, подвинулись впередъ. Я смѣло могу утверждать, что переговоры эти были почти окончены и что мнѣ удалось, совмѣстно съ сераскиромъ (военный министръ), найти средство устранить послѣднее затрудненіе, которое намъ предстояло преодолѣть. Оставалось придумать, въ какихъ именно выраженіяхъ слѣдовало упомянуть о Кучукъ-Кайнарджійскомъ договорѣ, — въ нотѣ, которую мы должны были вручить русскому правительству, ибо вмѣсто сенеда условлено было ограничиться нотой. Признаюсь, князь Меншиковъ искренно помогъ мнѣ устранить всѣ прочія затрудненія. Я дѣйствовалъ относительно его вполне откровенно. Я старался доказать ему, что Россія своими требованіями заставляла насъ кинуться безъ оглядки въ объятія морскихъ державъ и что настанетъ моментъ и въ сущности онъ уже насталъ, когда мы будемъ только орудіями въ ихъ рукахъ и что мы не будемъ имѣть возможности поступить такъ, какъ намъ хотѣлось бы согласно нашему желанію. Я давно уже видѣлъ, что князю Меншикову хотѣлось выйти изъ затруднительнаго положенія, въ какое онъ себя поставилъ, слѣдующимъ совѣтамъ гг. Озерова и Балабина, коими руководило тщеславіе и желаніе не испортить свою карьеру. Я видѣлъ, что Россія не хотѣла разрыва. 13-го мая, въ день, назначенный для окончанія скрѣпленія мира, я ожидалъ по этому поводу князя Меншикова къ себѣ. Я былъ совершенно увѣренъ въ успѣхъ. Между тѣмъ Решиду-пашѣ

все было известно через логофета Николая Аристархи. Миръ былъ бы обезпеченъ безъ участія съ его стороны. Онъ рѣшилъ принять рѣшительныя мѣры. Логофетъ отправился къ князю Меншикову и увѣрилъ его въ томъ, что если Решидъ-паша вернется къ власти, то онъ подпишетъ сенедъ въ его первоначальной редакціи, не принимая во вниманіе тѣхъ уступокъ, которыя уже были сдѣланы княземъ Меншиковымъ мнѣ. Меншиковъ попался на удочку. Въмѣсто того, чтобы пріѣхать ко мнѣ, онъ отправился къ султану и просилъ его о назначеніи Решид-паши министромъ иностранныхъ дѣлъ и получалъ на это согласіе Абдуль-Меджида. Когда же онъ потребовалъ вслѣдъ затѣмъ у Решидъ-паши исполненія его обѣщанія, то послѣдній сказалъ, что онъ скорѣе позволитъ отрубить себѣ руку, нежели подпишетъ сенедъ, и самымъ безсовѣстнымъ образомъ отрекся отъ того, что имъ было принято какое бы то ни было обязательство въ этомъ отношеніи. Принималъ ли въ этомъ дѣлѣ какое-либо участіе одинъ вліятельный дипломатъ (англійскій посланникъ Каннингъ)? Находилъ ли онъ, что, дѣйствуя, какъ ревностный патріотъ и преданный слуга султана, я сдѣлалъ слишкомъ большія уступки Россіи? Опасался ли онъ утратить вліяніе, коимъ онъ пользовался, или боялся, что Англіи придется раздѣлить ея преобладающее вліяніе съ Россіей? Имѣлъ ли онъ поводъ опасаться этого, потому, что князь Меншиковъ отказался прибѣгнуть къ его посредничеству, которое было ему предложено? На всѣ эти вопросы я не могу дать никакого положительнаго отвѣта. Послѣдствія всего этого известны. Великій джунъ, Решидъ, сталъ снова во главѣ министерства. Однако дѣло было еще поправимо. Я предложилъ султану послать меня въ Петербургъ. Я знаю императора Николая. Я поговорилъ бы съ нимъ, вооружившись документами, откровенно и искренно, я обратился бы къ его великодушію. Я до сихъ поръ убѣжденъ въ томъ, что мнѣ удалось бы убѣдить его. Хотя Решидъ не могъ добиться того, что мой планъ былъ отвергнутъ, но ему удалось замедлить его исполненіе. Злосчастный переходъ войскъ черезъ Прутъ, несвоевременное объявленіе войны Портою заставили отказаться отъ этого плана окончательно. Я хотѣлъ бы, чтобы вы присутствовали на моемъ свиданіи съ логофетомъ три дня тому назадъ. Вы услышали бы, что я отъ слова до слова припоминалъ ему всѣ эти обстоятельства; я умолялъ его сказать мнѣ, неужели онъ не вѣрилъ, что между нами и Россіей могло бы быть заключено соглашеніе, почетное для насъ и на которое Россія, со своей стороны, могла бы согласиться, если бы только князь Меншиковъ былъ у меня, какъ онъ общалъ, къ утру 13-го мая, и вы видѣли бы и слышали бы, что тотъ, кому я предлагалъ эти вопросы, отвѣтилъ мнѣ утвердительно и билъ себя въ грудь, проливая слезы».

15-го мая, новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Решидъ-паша, до-

*

стигшій власти при помощи вышеописанной интриги, просилъ у князя Меншикова пятидневной отсрочки для отвѣта, ссылаясь на то, что ему не были извѣстны подробности происходившихъ переговоровъ. Князь отвѣчалъ, что оффиціальныя переговоры окончены, но что онъ согласенъ повременить отъѣздомъ. Онъ все еще льстилъ себя надеждою, что упорство турокъ прекратится и что они уступятъ.

18-го мая всѣ бывшіе великіе визири, паши и улемы были созваны въ торжественное засѣданіе, на которомъ проектъ договора, предложеннаго кн. Меншиковымъ, былъ прочитанъ и обсужденъ и почти единогласно признанъ неосуществимымъ (42 голоса изъ 44).

Въ послѣдующіе два дня происходилъ еще нѣкоторый обмѣнъ мыслей между Диваномъ и Буюкдерскимъ дворцомъ, причемъ князь Меншиковъ жаловался на то, что отвѣтъ турецкаго правительства «совершенно не соответствовалъ надеждамъ, которыя подалъ ему милостивый пріемъ султана и все сказанное его величествомъ». Общанія Блистательной Порты были названы «уклончивыми и обманчивыми», и такъ какъ султанъ отказался исполнить требованія императора, «оказавъ этимъ неуваженіе своему августѣйшему и старинному союзнику», то русское правительство выражало «самыя серьезныя опасенія относительно поддержанія исконныхъ правъ Восточной церкви». Заканчивая эти обвиненія, князь Меншиковъ заявлялъ, что «россійскій императорскій дворъ не можетъ долѣе имѣть посланника въ Константинополь, не унизивъ свое достоинство и не рискуя подвергнуться новымъ оскорбленіямъ, и что отказъ дать лицамъ греко-россійскаго вѣроисповѣданія требуемая императоромъ гарантія вынуждаетъ императорское правительство искать этихъ гарантій въ своей собственной силѣ и что всякая попытка нарушить *statu quo* Восточной церкви вынудитъ царя прибѣгнуть къ такимъ дѣйствіямъ, которыхъ ему всегда хотѣлось избѣжать».

Очевидно, это былъ окончательный разрывъ. 20-го мая англійскій, французскій и прусскій посланники: Каннингъ, де-Лакуръ и Вильденбрукъ поручили своему сотоварищу, австрійскому посланнику, сдѣлать послѣднюю попытку склонить князя Меншикова покончить дѣло миролюбиво. Чрезвычайный посолъ русскаго царя отвѣчалъ австрійскому посланнику, что изъ «уваженія къ Европѣ» онъ согласится замѣнить въ своихъ требованіяхъ слово договоръ словами «дипломатическая нота, имѣющая обязательную силу», но онъ требовалъ, чтобы окончательный отвѣтъ былъ данъ ему въ тотъ же день. Австрійскій посланникъ поспѣшилъ къ Решидъ-пашѣ, который не согласился на измѣненіе, предложенное княземъ Меншиковымъ. Тѣмъ не менѣе онъ послалъ къ князю своего собственнаго сына, поручивъ сказать ему, что греческому патриарху будетъ данъ султаномъ фирманъ, коимъ будутъ подтверждены на вѣчныя времена привилегія православныхъ христіанъ

и будетъ объявлено, что *statu quo* въ Иерусалимѣ не можетъ быть измѣнено безъ согласія Франціи и Россіи, что греческая церковь будетъ пользоваться всѣми преимуществами, кои могутъ быть даны впредь прочимъ вѣроисповѣданіямъ, и что въ Иерусалимѣ будетъ разрѣшено сооруженіе русской церкви и монастыря.

Въ тотъ же день, 20-го мая, де-Лакуръ посѣтилъ въ Буюкдере князя Меншикова, который сѣхалъ съ фрегата, на которомъ онъ поселился, чтобы принять французскаго посланника въ домѣ русскаго посольства. Посланники обмѣнялись любезностями, но ихъ свиданіе осталось безъ послѣдствій. Впрочемъ, князь Меншиковъ проводилъ де-Лакура до Буюкдерской пристани, фактъ самъ по себѣ маловажный, но имѣвшій значеніе въ странѣ, гдѣ за всякимъ шагомъ высокопоставленныхъ лицъ слѣдятъ, истолковывая ихъ въ томъ или другомъ смыслѣ; эта любезность свидѣтельствовала о томъ, что личныя отношенія, существовавшія между кн. Меншиковымъ и де-Лакуромъ, носили совершенно иной характеръ, нежели отношенія князя къ Каннингу. Дѣйствительно, англійскій посланникъ, со времени своего возвращенія въ Константинополь, былъ въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ съ Меншиковымъ и даже имѣлъ съ нимъ, нѣсколько дней передъ тѣмъ, довольно бурное объясненіе. Ихъ личныя отношенія были настолько плохи, что Каннингъ, единственный изъ представителей великихъ державъ, не простился съ княземъ. Послѣднія, неудавшіяся попытки къ примиренію имѣли послѣдствіемъ новую ноту, которую кн. Меншиковъ препроводилъ на слѣдующій день, 21-го мая, Решиду-пашѣ и которая была, по существу, одинаковаго содержанія съ отвергнутымъ турками проектомъ договора. Меншиковъ раскрылъ наконецъ въ этой нотѣ истинное и единственное желаніе императора Николая, а именно, чтобы Россіи былъ предоставленъ оффиціально протекторатъ надъ всѣми греками, проживающими въ Оттоманской имперіи, со всѣми изъ этого истекающими послѣдствіями гражданской и административной юрисдикціи.

Можно сказать навѣрно, что на подобное требованіе Турція ни при какихъ условіяхъ не изъявила бы своего согласія. Дипломатическая группировка державъ, выяснившаяся въ то время, когда всѣмъ стала понятна истинная цѣль миссіи князя Меншикова, еще болѣе поощрила турокъ къ упорству и разрушила съ самаго начала честолюбивые замыслы императора Николая. При томъ выборѣ посла для столь важной миссіи оказался въ высшей степени неудаченъ. Заносчивое поведеніе князя Меншикова, его нерѣшительность съ одной стороны и уступчивость съ другой были причиною неудачи всего дѣла. Когда въ частномъ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ Турція согласилась удовлетворить всѣ требованія Россіи, князь Меншиковъ счелъ возможнымъ предъявить

новыя требованія. Колеблясь между желаніемъ исполнить буквально сокровенныя желанія императора Николая, которыя были ему извѣстны лучше, нежели кому-либо иному, и опасеніями, вызванными послѣдствіями, какія могъ имѣть неудачный исходъ переговоровъ, онъ согласился на уступки, которыхъ его мнѣніемъ не одобрилъ, и предъявилъ Турціи такія условія, какихъ самъ въ глубинѣ души не одобрялъ, словомъ, онъ выказалъ большую слабость и непослѣдовательность, что въ дипломатіи составляетъ всегда большую ошибку.

Послѣ того какъ турки отвѣтили на послѣднюю ноту кн. Меншикова отказомъ, точно такъ же, какъ и на его предложеніе заключить договоръ, князю не оставалось болѣе никакой надежды на благопріятный исходъ его миссіи. Въ ночь съ 21-го на 22-ое мая онъ оставилъ Буюкдере и 22-го мая отплылъ на своемъ фрегатѣ въ Одессу. Въ тотъ же день флагъ на домѣ русскаго посольства былъ спущенъ. Озеровъ также собирался выѣхать изъ Константинополя со всѣмъ составомъ русской миссіи.

VI.

Впечатлѣніе, произведенное отъѣдомъ князя Меншикова изъ Константинополя.—Положеніе, принятое Австрією, Пруссією, Англією и Францією.—Циркулярная нота графа Нессельроде.—Отъѣздъ русской миссіи изъ Константинополя.—Движеніе союзнаго англо-французскаго флота къ Дарданелламъ.—Манифестъ императора Николая.

Въ Европѣ слѣдили съ особеннымъ вниманіемъ за драмою, которая разыгралась въ Константинополѣ. Удивленіе дипломатическаго міра было велико, но когда получилось извѣстіе объ отъѣздѣ князя Меншикова изъ Константинополя, то это удивленіе смѣнилось тревогою. Представителямъ русскаго императора при европейскихъ дворахъ пришлось выслушать выраженія всеобщаго неодобренія. Образъ дѣйствій Россіи былъ строго осужденъ даже въ Берлинѣ, гдѣ Николай I пользовался особымъ уваженіемъ и вліяніемъ, и въ Вѣнѣ, гдѣ еще было живо воспоминаніе объ оказанныхъ имъ австрійской монархіи услугахъ. Буоль, руководившій австрійской политикой, заявлялъ во всеуслышаніе, что великимъ державамъ слѣдуетъ воспротивиться требованіямъ Россіи. Рѣзкія сужденія, которыя высказывались въ это время по поводу образа дѣйствій Россіи во всѣхъ кругахъ Вѣны, еще болѣе утверждали его въ этихъ мысляхъ.

«Въ какомъ смыслѣ понимаетъ русскій императоръ протекторатъ?—писалъ Буолу старикъ, князь Меттернихъ.—Если въ смыслѣ церков-

номъ, то это не подлежит компетенціи султана, если же въ смыслѣ свѣтскомъ, то его требованія суть посягательство на верховныя права Оттоманской имперіи ¹⁾.

Въ Берлинѣ осуждали дѣйствія Россіи, хотя были сдержаннѣе въ выраженіяхъ. Прусскаго министра Мантейфеля особенно интересовало знать, какое положеніе займетъ въ восточномъ вопросѣ Австрія и каковы будутъ дальнѣйшія дѣйствія Россіи, и онъ старался разобраться въ доходявшихъ до него разнорѣчивыхъ свѣдѣніяхъ.

«Восточный вопросъ поглощаетъ въ настоящее время все наше вниманіе ²⁾. Я долженъ сознаться, что поведеніе Россіи представляется мнѣ во многихъ отношеніяхъ загадочнымъ. Это входило, повидимому, въ намѣренія русскаго кабинета, такъ какъ онъ держалъ насъ въ этомъ вопросѣ въ полномъ невѣдѣніи, и его отношеніе къ намъ въ этомъ случаѣ можетъ быть названо оскорбительнымъ и по меньшей мѣрѣ далеко не дружественнымъ и не любезнымъ. Я прекрасно знаю, что русская политика руководствуется въ этомъ случаѣ тѣмъ принципомъ, что это свое домашнее дѣло, которое никого не касается; но ему слѣдовало бы понять, что этимъ еще не все сказано, что оно затрагиваетъ договоры, подписанные пятью державами, и что, даже въ томъ случаѣ, если бы мой взглядъ былъ ошибоченъ, а взглядъ русскаго кабинета вполне правиленъ, то намъ, несомнѣнно, угрожаетъ европейская война и что въ случаѣ таковой войны, какъ бы справедливы или несправедливы ни были ея поводы, мы не можемъ и не захотимъ остаться ея безучастными зрителями. Графъ Генкель ³⁾ говоритъ объ этомъ дѣлѣ все время въ самыхъ радужныхъ краскахъ и считаетъ вопросъ почти улаженнымъ и т. д. Я вполне увѣренъ, что онъ въ точности передаетъ мнѣ то, что говорилъ ему въ откровенной бесѣдѣ графъ Нессельроде; по крайней мѣрѣ графъ Будбергъ говорилъ со мною въ томъ же смыслѣ. Но когда видишь, что послѣ подобныхъ увѣреній князь Меншиковъ исчезаетъ (изъ Константинополя) съ быстротою ракеты, когда читаешь депешу лорда Сеймура о его разговорѣ съ графомъ Нессельроде, который пахнетъ пороховымъ дымомъ, когда мнѣ пишутъ изъ Варшавы, что черезъ десять дней на границѣ Молдавіи будетъ выставлено четыре армейскихъ корпуса, тогда вполне извѣстно держаться своей собственной точки зрѣнія, не обращая вниманія на эти увѣренія».

Досадуя на политическое осложненіе, происшедшее на Востокѣ, и не

¹⁾ Письмо къ Буолю отъ 29-го апр. 1853 г. (Mettérnich, Mémoires), томъ VIII, стр. 340.

²⁾ Мантейфель—прусскому военно-уполномоченному въ Петербургѣ графу Мюнстеру, 2-го іюня 1853 г.

³⁾ Прусскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ.

одобряя дѣйствій Россіи ни по существу, ни по отношенію къ прочимъ державамъ, готовый со своей стороны всячески содѣйствовать поддержанію мира, Мантейфель жаловался на то, что Пруссія, не смотря на яко бы дружественныя отношенія къ ней русскаго кабинета, получила отъ него лишь самыя краткія и неудовлетворительныя разъясненія по поводу миссіи князя Меншикова, и была имъ какъ бы устранена въ этомъ вопросѣ.

«Я знаю,—прибавлялъ онъ ¹⁾),—что также точно было поступлено и со всѣми прочими державами, и пожалуй даже еще хуже, такъ какъ въ сдѣланныхъ имъ сообщеніяхъ истина была если не искажена, то скрыта; я знаю также, что въ этомъ заключается истинный смыслъ дѣла, на которое русскіе смотрятъ какъ на *res domestica* (домашнее дѣло), въ которое никто не въ правѣ вмѣшиваться, но русскому кабинету не удастся покончить вопросъ, въ коемъ заинтересованы всѣ великія державы, какъ свое домашнее дѣло, только потому, что оно объявило его таковымъ. Я высказалъ это довольно откровенно г. Будбергу; до рѣзкаго объясненія у насъ дѣло не дошло, и я такового всячески буду избѣгать.

«Мое положеніе особенно затруднительно потому, что король желаетъ, чтобы державы отнеслись къ этому вопросу съ христіанской точки зрѣнія; это едва-ли возможно, хотя мнѣ придется съ этимъ считаться».

Въ воспоминаніяхъ Герлаха ²⁾ читаемъ, что король Фридрихъ-Вильгельмъ хотѣлъ провести мысль объ учрежденіи надъ христіанскимъ населеніемъ Турціи протектората пяти великихъ державъ, подобно тому, какъ Россія добивалась его относительно христіанъ православнаго исповѣданія, и былъ готовъ взять на себя роль посредника между державами. Это вполнѣ подтверждается обнародованною нынѣ перепискою государственныхъ дѣателей Пруссіи ³⁾).

Съ этимъ предложеніемъ король думалъ обратиться къ Англіи и даже поручилъ своему министру написать прусскому посланнику въ Лондонѣ, чтобы онъ предложилъ великобританскому кабинету поставить религиозный вопросъ подъ защиту великихъ державъ. Король такъ же, какъ и нѣкоторые близкія къ нему лица, былъ того мнѣнія, что это было бы наилучшимъ исходомъ изъ тогдашняго затруднительнаго положенія и что Россія скорѣе всего могла бы на это согласиться, такъ какъ подобное рѣшеніе вопроса наименѣе затронуло бы ея самолюбіе и ея чувство собственнаго достоинства.

¹⁾ Мантейфель—графу Гацфельту 4-го іюня 1853 г.

²⁾ Gerlach Denkwürdigkeiten, ч. II, стр. 43 и 49.

³⁾ Preussens auswärtige Politik, и т. д.

«Его величество исходитъ въ своихъ взглядахъ на восточный вопросъ,—писалъ Мантейфель Бунзену ¹⁾),—изъ этой политической аксіомы, что если, въ интересахъ европейскаго равновѣсія и поддержанія мира, Турція сдѣлалась нынѣ болѣе нежели когда-либо европейской необходимостью, сохраненіе которой особенно желательно для Пруссіи, при ея географическомъ положеніи и при невозможности быть непосредственной участницею въ могущемъ быть раздѣлѣ Турціи, то ея дальнѣйшее существованіе возможно лишь при условіи, что всѣ пять великихъ державъ примутъ на счетъ этого совмѣстно и единодушно извѣстныя обязательства.

«Турецкая имперія не есть ни христіанское, ни социальное государство, поэтому она ни съ той, ни съ другой точки зрѣнія не можетъ имѣть притязаніе на покровительство и участіе христіанскихъ культурныхъ государствъ. Она обязана до нѣкоторой степени своимъ значеніемъ и нѣкоторой тѣнью давно уже утраченной ею жизнеспособности исключительно политикѣ и необходимости сохранить европейское равновѣсіе. Она представляетъ собою въ настоящее время не что иное, какъ искусственный политическій вуль въ крупной математической задачѣ, предстоящей Европѣ, и который, слѣдовательно, можетъ быть поддержанъ только искусственно при помощи всѣхъ пяти великихъ державъ».

Обсудивъ условія, при которыхъ могло бы состояться подобное соглашеніе, Мантейфель говоритъ, что «греческое населеніе, принадлежащее, относительно догматовъ, православной церкви, съ точки зрѣнія политики должно твердо знать и помнить, что оно обязано своей религіозной свободою по отношенію къ Портѣ не только русскому кабинету, но и покровительству и содѣйствію прочихъ державъ. Только этимъ путемъ, будемъ мы въ состояніи,—прибавляетъ онъ,—уравновѣсить неблагопріятное для насъ численное превосходство православнаго населенія Турціи».

«Если мы придемъ по этому поводу къ соглашенію съ Англіей,—говорилъ принцъ прусскій ²⁾),—то остальные державы присоединятся къ намъ. Только это предложеніе должно быть сдѣлано не Франціей и Англіей, а Пруссіей и Англіей».

Но Англія отвѣчала на предложеніе Пруссіи отказомъ, ссылаясь на то, что императоръ Николай не потерпѣлъ бы посторонняго вмѣшательства.

Между тѣмъ сближеніе Франціи съ Англіей, ставовившееся неизбежнымъ, крайне занимало и тревожило умы прусскихъ государственныхъ дѣятелей.

¹⁾ Мантейфель—Бунзену 11-го іюня 1853 г.

²⁾ Записка принца—Мантейфелю 3-го іюня 1853 г.

«Не вдаваясь въ бесполезную и не особенно лестную критику дѣйствій петербургскаго кабинета,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ Мантейфеля къ гр. Мюнстеру ¹⁾),—я замѣчу одно, что нахожу весьма прискорбнымъ, что Англія и Франція, коихъ съ такимъ трудомъ удалось разъединить, поневолѣ будутъ вынуждены броситься другъ другу въ объятія».

Таковы были мысли и опасенія, высказываемыя прусскими дипломатами? Что же происходило въ это время въ Парижѣ и Лондонѣ?

Въ Англіи общественное мнѣніе было чрезвычайно возбуждено противъ Россіи. Къ тревогѣ по поводу угрожавшей войны присоединилось сознание, что Англія была обманута. Газеты внезапно перемѣнили тонъ и обрушились на Россію, не находя словъ, чтобы осудить требованія князя Меншикова ²⁾).

Англійское правительство со своей стороны негодовало по поводу того, что разъясненія, данныя ему Петербургскимъ кабинетомъ, находились въ полномъ противорѣчій съ истиннымъ ходомъ событій, и лордъ Кларендонъ, получивъ въ исходѣ мая извѣстія изъ Константинополя, послалъ англійскому посланнику въ Петербургъ очень язвительную депешу и поручилъ ему высказать графу Нессельроде, что происходящее въ Константинополѣ противорѣчитъ увѣреніямъ, даннымъ его правительству, и что англійскій кабинетъ, «не допуская мысли, что Россія не сдержала своихъ обѣщаній ³⁾), полагаетъ, что князь Меншиковъ превысилъ данныя ему полномочія» ⁴⁾).

То же самое думали въ то время и во Франціи, и, полагая, что дѣло не дойдетъ до разрыва, объясняли все случившееся однимъ недоразумѣніемъ.

«По извѣстіямъ, получаемымъ изъ Петербурга,—писалъ изъ Парижа прусскій посланникъ министру Мантейфелю ⁵⁾),—ваше превосходительство можете составить себѣ понятіе о томъ, думаетъ ли Россія поддерживать требованія князя Меншикова силою оружія. Я этого не думаю, хотя Киселевъ говоритъ въ воинственномъ тонѣ. Даже въ томъ случаѣ, если бы Меншиковъ дѣйствовалъ согласно даннымъ ему инструкціямъ, я не думаю, что Россія доведетъ дѣло до войны, увидавъ, что Англія и Франція совмѣстно придутъ на помощь Турціи. Между тѣмъ, заявленія, сдѣланныя англійскимъ министромъ, связываютъ уже, по моему мнѣнію, Англію, и не подлежатъ сомнѣнію, что Франція поступитъ въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ Англія. Но англійскій кабинетъ не хочетъ въ

¹⁾ Мантейфель—гр. Мюнстеру 2-го іюня 1853 г.

²⁾ „Times“, 22-го мая 1853 г.

³⁾ Не посягать на права султана.

⁴⁾ Гацфельдъ—Мантейфелю 19-го мая 1853 г.

⁵⁾ Гацфельдъ—Мантейфелю 29-го и 30-го мая 1853 г.

настоящую минуту сдѣлать шага, который стѣснилъ бы Россію и помѣшалъ бы ей выразить свое неодобреніе Меншикову; поэтому онъ избѣгаетъ всего, что могло бы дать понять, будто западныя державы угрожаютъ Россіи. Но мнѣ кажется, что послѣднія достаточно высказались и поэтому не могутъ остаться равнодушны, ежели Россія будетъ окончательно угрожать Турціи войною.

«Здѣсь (въ Парижѣ), полагають, что султанъ могъ бы подтвердить фирманомъ гарантіи, по поводу которыхъ Меншиковъ требуетъ заключенія договора. Друэнъ де-Люисъ допускаетъ даже заключеніе договора между Россіей и Турціей, лишь бы имъ не затрогивались права подданныхъ султана.

«Онъ сказалъ мнѣ, что если Россія вздумаетъ принудить Турцію исполнить требованія Меншикова, то Франція воспротивится этому такъ же энергично, какъ всѣ прочія державы. Онъ далъ мнѣ понять, какъ будто, въ случаѣ войны, онъ рассчитываетъ на Англію навѣрное. На мой вопросъ, объявитъ ли Франція войну одна, онъ ничего не отвѣчалъ».

А наканунѣ, Гацфельдтъ писалъ Мантейфелю, что «Англія сближается съ французскимъ правительствомъ, повидимому, весьма неохотно, но что сближеніе ихъ тѣмъ не менѣе состоится, такъ какъ Константинопольскія событія вынуждаютъ къ тому англійскій кабинетъ».

Вопросъ, будетъ ли Англія дѣйствовать совмѣстно съ Франціей, былъ самымъ животрепещущимъ въ Парижѣ. Неподвижность англійскаго флота въ то время, какъ французская эскадра уже отплыла изъ Тулона, наводила на размышленія, тѣмъ болѣе, что лордъ Эбердинъ, первый министръ, былъ въ принципѣ противъ войны съ императоромъ Николаемъ. Хотя Франція вполнѣ рассчитывала на сочувствіе Австріи и Пруссіи¹⁾, но начать войну съ Россіей, безъ поддержки Англии, было для нея дѣломъ весьма рискованнымъ. Къ счастью для Франціи, помимо возмущеннаго общественнаго мнѣнія въ Англіи, въ Константинополѣ находился Каннингъ, который, ненавидя Россію, бросилъ Англію въ объятія Франціи, такъ что французскій посланникъ въ Лондонѣ, графъ Валуевскій, могъ писать Тувенелю уже 28-го мая 1853 года:

«Все идетъ, повидимому, хорошо. Я надѣюсь, что мы вступимъ въ новый фазисъ, который долженъ наступить въ Восточномъ вопросѣ,

¹⁾ «Хотя Друэнъ ничего не говорилъ мнѣ, — писалъ графъ Гацфельдъ Мантейфелю 3-го іюня 1853 г., — но и знаю навѣрно, что французскій посланникъ сообщилъ ему вчера, вѣроятно, шифрованной депешей, что баронъ Мантефейль сказалъ ему, что на него можно положиться; это означаетъ, что берлинскій кабинетъ въ Восточномъ вопросѣ совершенно единомысленъ съ французскимъ и англійскимъ кабинетами. Французскій кабинетъ полагаетъ, что въ Восточномъ вопросѣ между нимъ и прусскимъ кабинетомъ существуетъ наибольшее согласіе».

въ полномъ единогласіи съ Англіей и пойдемъ съ нею рука объ руку. Въ совѣтѣ обсуждается вопросъ о посылкѣ флота; конечно, начнутся проволочки, и онъ будетъ рѣшенъ не сразу, но будьте увѣрены, что дѣло не затянется. Дешени, отъ 19-го числа, полученныя англійскимъ кабинетомъ изъ Петербурга, которыя я читалъ сегодня утромъ, заставляютъ предполагать, что тамъ на миссію князя Меншикова взглянули не въ ея истинномъ свѣтѣ. Повидимому, англійскій и французскій посланники въ Петербургѣ и самъ Нессельроде считаютъ договоръ, предложенный Турціи Меншиковымъ, дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Это доказываетъ еще разъ, что въ нашей карьерѣ нѣтъ ничего труднаго, какъ не поддаться окружающимъ впечатлѣніямъ, и что всѣ старанія дипломата должны клониться къ тому, чтобы смотрѣть на вещи издали, не поддаваясь оптическому обману, который создаетъ передъ глазами миражъ».

Въ письмѣ Тувенеля къ Кастельбажаку, отъ 1-го іюня 1853 г., виденъ отголосокъ тѣхъ опасеній, касательно возможнаго одиночества Франціи съ Россіей, которыя волновали дипломатовъ въ Парижѣ.

«Министръ (Друэнъ де-Люисъ) поручилъ мнѣ сказать вамъ,—писалъ Тувенель,—что онъ разрѣшаетъ прочесть нашу депешу г. Нессельроде и самому императору Николаю, но онъ требуетъ, чтобы вы не выпускали ее изъ своихъ рукъ и чтобы съ нея не было снято копій. Эта депеша служитъ слабымъ выраженіемъ нашихъ чувствъ; съ другой стороны, наша уступчивость въ дѣлѣ о Святыхъ мѣстахъ доведена до того, что это можетъ возстановить противъ насъ всѣхъ нашихъ католиковъ».

Такимъ образомъ, ни одна изъ великихъ державъ не желала войны, напротивъ всѣ онѣ старались уладить дѣло и до послѣдней минуты надѣялись, что это имъ удастся. Когда англійскій кабинетъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и настойчивыхъ требованій Франціи, хотѣлъ, чтобы англійскій флотъ въ первыхъ числахъ іюня присоединился къ французской эскадрѣ, то лордъ Эбердинъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы замедлить посылку судовъ. Но Россія продолжала настаивать на своихъ требованіяхъ; ея представители, Киселевъ въ Парижѣ, Брунновъ въ Англии и Будбергъ въ Берлинѣ высказывали громко, что императоръ не уступитъ. Выслушавъ однажды подобное заявленіе Будберга, сказанное довольно рѣшительнымъ тономъ, прусскій министръ Мантейфель сказалъ ему откровенно:

— Я не министръ вашего монарха и имѣю право сказать, что если онъ не выразитъ своего неодобренія князю Меншикову, то всѣ возстанутъ противъ него¹⁾.

¹⁾ Тувенель—Кастельбажаку 1-го іюня 1853 г.

Сопоставляя вышеприведенные факты и заявления дипломатовъ, заимствованные изъ ихъ частной, не официальной и, слѣдовательно, болѣе откровенной переписки, невольно приходится признать, что война 1854 г. была личнымъ дѣломъ императора Николая и что графу Несельроде пришлось только облечь воинственныя стремленія своего монарха въ полудипломатическую форму. Личная политика государя, отличная въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ отъ политики его канцлера, продиктовала инструкцію князю Меншикову, обдумала и пустила въ ходъ рядъ угрожающихъ мѣръ. Вступивъ на этотъ роковой путь, императоръ уже не могъ остановиться. Настала часъ, когда воля монарха нарушила всѣ расчеты благоразумія.

Невольно рождается вопросъ, какія побужденія руководили при этомъ императоромъ, такъ ли онъ желалъ войны, какъ это могло казаться, и желалъ ли онъ ея вообще?

Графъ Генкель, повѣренный въ дѣлахъ Пруссіи въ Петербургѣ, въ частномъ письмѣ къ Мантейфелю, отъ 4-го іюня 1853 г., изображалъ положеніе Восточнаго вопроса въ крайне безотраднѣхъ краскахъ:

«Надобно, наконецъ, признаться, что русскій кабинетъ умышленно скрываетъ истину,—писалъ онъ,—по всей вѣроятности, съ цѣлью рѣшить дѣло съ Турціей en bloc и затѣмъ уже заявить о *fait accompli* (о совершившемся фактѣ). Это не удалось, и если Россіи въ концѣ концовъ все-таки удастся настоять на своихъ требованіяхъ, то она потерпитъ нравственно большее пораженіе, нежели ей принесетъ эта побѣда, одержанная на берегахъ Босфора. Ореоль рыцарскаго третейскаго судьи Европы, окружавшій императора Николая съ 1848 г., можетъ сильно затмиться. Весьма странно, что императоръ полагаетъ, что онъ не требуетъ ничего новаго, что онъ вполне правъ, что онъ обязанъ охранять свое право и что это высшее право *de vobis foi* (на самомъ дѣлѣ) существуетъ, а не есть что-либо кажущееся. Я не берусь этого объяснить, такъ какъ это входитъ уже въ область психологіи. Я до сихъ поръ убѣжденъ, что извѣстныя вооруженія дѣлаются не серьезно, а лишь съ цѣлью внушить туркамъ страхъ, что его величество до послѣдняго времени не думалъ о возможности войны и что эта война для него въ высшей степени неприятна. Но императоръ уже не можетъ отступить и не отступить; никакія представленія, сдѣланныя въ этомъ смыслѣ, ни къ чему не поведутъ. Тутъ задѣта греческая церковь, а за нее всякій бѣдняга въ Россіи готовъ отдать своего излюбленнаго сына и свой послѣдній грошъ. Только-что получена по телеграфу депеша, извѣщающая о томъ, что лордъ Кларендонъ заявилъ, что Англія готова поддержать совмѣстно съ Франціей верховную власть султана и независимость Турціи. Читая эту депешу, императоръ сказалъ: «въ та-

комъ случаѣ мы всѣ одного мнѣнія»¹⁾, все дѣло портить только вѣчное недовѣріе, которое питають къ Россіи.

«Можно быть увѣреннымъ, что пока императоръ Николай живъ, въ положеніи Турціи по отношенію къ Россіи не произойдетъ никакой перемѣны, но если бы Порта приняла ноту (князя Меншикова), то для какого-нибудь честолюбиваго императора Россіи это былъ бы во всякомъ случаѣ весьма лакомый кусочекъ».

Нѣсколько дней спустя (8-го іюня), прусскій военный агентъ графъ Мюстеръ писалъ Мантейфелю, въ отвѣтъ на его письмо, отъ 2-го іюня²⁾:

«Если донесенія графа Генкеля были писаны, какъ ваше превосходительство выражаетесь, постоянно въ слишкомъ радужномъ свѣтѣ, то онъ раздвлялъ этотъ взглядъ не только съ сѣромъ Гамильтономъ Сеймуромъ и мною, но и со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ. Да и сами русскіе дотого поражены оборотомъ, который приняло дѣло, что они все еще не могутъ установить на него правильный взглядъ.

«Россія ясно доказала не только Адрианопольскимъ миромъ, но и въ то время, когда Мехметъ-Али (Египетскій) притѣснялъ султана и въ разныхъ другихъ случаяхъ, что она не помышляетъ о завоеваніяхъ въ ущербъ Портѣ. Такова русская политика и до нынѣ, и таковъ взглядъ императора и такихъ людей, какъ графъ Нессельроде, графъ Орловъ, князь Паскевичъ, Мейендорфъ, генералы Бергъ и Ливенъ, словомъ, всѣхъ сколько-нибудь вліятельныхъ лицъ. Причины къ тому очень ясны и понятны и заключаются приблизительно въ слѣдующемъ:

«Хотя прочія великія державы не могли бы помѣшать завоеванію Турціи, но онѣ могли бы оспаривать обладаніе ею. Въ случаѣ завоеванія, Константинополь былъ бы всегда камнемъ преткновенія. Обладаніе Константинополемъ безъ одновременнаго обладанія побережьемъ Малой Азіи было бы до такой степени ненадежно и необезпечено, что русскій кабинетъ считаетъ его невысказаннымъ; слѣдовательно, для того, чтобы упрочить обладаніе Европейской Турціей, было бы необходимо владѣть еще нѣкоторой частью Малой Азіи, до Смирны или хотя бы до Бруссы и, само собою разумѣется, всѣмъ побережьемъ Чернаго моря. Независимо отъ протеста со стороны прочихъ великихъ державъ и отъ прискорбныхъ послѣдствій, какія могли бы произойти отъ этого и для Россіи, такъ какъ, въ случаѣ европейской войны, никогда нельзя знать, чѣмъ она окончится,—всѣ благомыслящіе русскіе не сочувствуютъ идеѣ о расширеніи Россіи хотя бы до Константинополя. Это

¹⁾ Эти слова приводятся также Герлахомъ въ его „Denkwürdigkeiten“, т. II, стр. 48.

²⁾ См. выше.

расширеніе могло бы быть въ ущербъ централизаціи ея управленія въ Петербургѣ; весь югъ, начиная приблизительно съ Кіева, приобрѣлъ бы вскорѣ слишкомъ большое протяженіе на востокъ и, такимъ образомъ, быть можетъ, уже при ближайшемъ поколѣніи было бы подготовлено разьединеніе Россіи на сѣверную и южную половину. Къ тому жѣ императоръ и его совѣтники слишкомъ стары, чтобы у нихъ хватило охоты и энергіи приступить къ выполненію такой исполинской задачи; они занимались всю жизнь съ любовью вопросами Запада и принимали въ нихъ непосредственное участіе; вопросы же, касавшіеся Востока, были всегда въ тягость императору и его канцлеру. Къ нимъ приступали всегда неохотно, откладывали ихъ быть можетъ слишкомъ въ долгій ящикъ. Такъ неужели же они займутся теперь имъ исключительно? Этого нельзя допустить; ихъ могла бы побудить къ этому только крайняя необходимость, и, что бы ни говорили Каннынгъ и Вильденбрухъ, война съ Турціей была бы весьма неприятна императору и его совѣтникамъ, такъ какъ они бы не знали, что дѣлать съ возможной добычей. Мысль основать въ Константинополѣ новое христіанское государство не приходитъ на умъ русскому кабинету, такъ какъ вмѣсто умирающаго онъ могъ бы встрѣтить тамъ опаснаго сосѣда.

«Но прежде всего императоръ не желаетъ вообще никакой войны, и, кажется, я могу смѣло утверждать, что она не была бы ни одному монарху столь неприятна, какъ императору, за исключеніемъ, быть можетъ, Англіи. Почему? Потому, что финансы (Россіи) находятся въ печальномъ состояніи, и отчетъ сводится каждый годъ съ значительнымъ дефицитомъ; потому что война могла бы существенно измѣнить положеніе, занимаемое въ настоящее время Россіей въ Европѣ, и что положеніе это, когда Россія держитъ надъ Европой Дамокловъ мечъ, весьма выгодно и удобно, потому что русскіе неуверены въ томъ, что ихъ армія и флотъ не понесутъ тяжелыхъ пораженій и потому что, если бы была сокрушена непобѣдимость Россіи, въ которую всѣ вѣрятъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ погибло бы и завоеванное петербургскимъ кабинетомъ положеніе судьи и управителя Европы. Наконецъ, европейская война могла бы завлечь русское войско въ конституціонныя державы Запада, что для Россіи крайне нежелательно, тѣмъ болѣе, что ея войско, побывавъ въ Венгріи, возвратилось оттуда съ такой антипатіей къ Австріи, что только очевидная любовь государя къ императору Францу-Иосифу и его арміи можетъ если не побороть это сочувствіе, то хотя бы заставить его только смолкнуть.

«Если Англіи удастся вовлечь Турцію въ войну обѣщаніемъ ей матеріальной поддержки, то еще неизвѣстно, одержитъ ли у императора верхъ умѣренность надъ жаждою славы и желаніемъ обладать Стамбуломъ. Я все еще въ этомъ сомнѣваюсь, хотя графъ Орловъ и сказалъ

мнѣ на-дняхъ: «Ce gâteau, une fois entamé alors il ne s'agira plus de partage, aussi sanglantes que les suites pourraient être» ¹⁾.

«Сдѣлавъ это вступленіе, я коснусь болѣе подробно современнаго положенія вещей. Если бы (государь) захотѣлъ вновь затронуть восточный вопросъ, то подходящий для этого моментъ былъ въ прошломъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда я находился съ императоромъ въ Крыму во время его поѣздки по Черному морю.

«Его сопровождалъ князь Меншиковъ, а Лавалеттъ былъ въ это время въ Константинополѣ побѣдителемъ или около того. Русскій посланникъ жилъ въ Неаполѣ, но во все путешествіе на югъ ни о Константинополѣ, ни о томъ, что тамъ происходило, не было даже и рѣчи.

«Когда возникло осложненіе въ Черногоріи, туда былъ посланъ агентъ и черногорцамъ велѣно было уступить и не нарушать мира. Энергическій образъ дѣйствій Австріи, вступленіе ея войскъ въ Боснію, посылка графа Лейнингена и достигнутый имъ быстрый успѣхъ произвели здѣсь вначалѣ сильное впечатлѣніе. Тогда какъ въ иное время черногорцевъ дали бы преспокойно изрубить, тутъ сочли неудобнымъ отставать отъ Австріи, присоединились къ ея образу мыслей и хотѣли послать кого-нибудь въ Константинополь. Но подагра, которой страдаетъ князь Меншиковъ, воспрепятствовала этому и заставила отложить это намѣреніе на нѣсколько недѣль. Что же касается выбора умнаго, быть можетъ, черезъ-чуръ язвительнаго и насмѣшливаго и отнюдь не добросердечнаго посла, то этотъ выборъ былъ сдѣланъ самимъ императоромъ, хотя графъ Нессельроде, графъ Орловъ, Мейендорфъ и другіе были рѣшительно противъ посылки его, но они не имѣли мужества высказать это откровенно и рѣшительно. Быть можетъ, канцлеръ думалъ, что нѣтъ надобности этому препятствовать, ибо если миссія Меншикова увѣнчалась бы успѣхомъ, то это было бы прекрасно, а если нѣтъ, то онъ и самъ могъ бы поправить дѣло. Таково было здѣсь мнѣніе весьма многихъ, и этимъ объясняется растерянность и безпомощность канцлера, выражающаяся въ выжиданіи и лавированіи, и упорство императора, которое особенно замѣтно. Безъ сомнѣнія, канцлеръ слишкомъ предоставилъ все волѣ Божіей, а императоръ не взвѣсилъ всей важности этого дѣла въ самомъ началѣ; здѣсь хотѣли сразу покончить всѣ старые счеты и сорвать давно накипѣвшій гнѣвъ и, если возможно, дѣйствовать съ такою же энергію, какъ Австрія, и одержать такой же успѣхъ.

«Другой, весьма важный вопросъ заключается въ томъ, какого рода инструкціи были даны Меншикову, согласовались ли онъ съ тѣми за-

¹⁾ Если этотъ пирогъ будетъ начать, то уже не будетъ болѣе рѣчи о раздѣлѣ, какъ бы вравы ни были послѣдствія этого.

явленіями, какія были сдѣланы одновременно великимъ державамъ, или же имъ не все было сказано? Обозначились ли заявленныя нынѣ требованія въ ихъ полномъ объемѣ только во время переговоровъ, формулировалъ ли ихъ князь Меншиковъ по своему собственному усмотрѣнію, было ли одобрено все сдѣланное имъ, или же здѣшній кабинетъ принимаетъ дѣло такъ, какъ оно есть, только для того, чтобы не выразить князю неодобренія? На эти вопросы я не могу, при всемъ моемъ желаніи, отвѣтить удовлетворительно, ибо со стороны всѣхъ лицъ, къ коимъ я давно уже обращался съ этими вопросами, я встрѣчалъ либо полное невѣдѣніе, либо гробовое молчаніе; какъ императоръ, такъ и всѣ свѣдущія лица упорно твердятъ: «Вѣдь мы не требуемъ ничего новаго, мы требуемъ только возобновленія прежнихъ договоровъ и гарантій относительно исполненія этихъ договоровъ, чего мы до сихъ поръ не видѣли».

«Но при всемъ томъ, мнѣ не доводилось слышать никакихъ положительныхъ жалобъ, и если, какъ утверждаютъ, во 2-й статьѣ предпоследней и последней ноты князя Меншикова не заключается никакихъ новыхъ требованій, въ такомъ случаѣ я не понимаю по крайней мѣрѣ 7-й и 14-й статей Кайнарджійскаго договора, на которыя здѣсь ссылаются. Несомнѣнно, что очень ясно намекается на протекторатъ надъ православными христіанами, хотя точно этого и не говорится; этотъ именно пунктъ и вынудилъ англійскаго посланника дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ. Но хотя бы въ измѣненныхъ требованіяхъ князя Меншикова права императора Николая были только въ принципѣ сопоставлены съ правами императора Франца-Иосифа, коему предоставлено, по Карловицкому мирному договору, право вступаться чрезъ своего посланника за христіанъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, и съ правами Франціи, имѣющей право протектората надъ духовными общинами и монастырями въ Палестинѣ и Сиріи,—во всякомъ случаѣ это уже новость, и тѣмъ болѣе важная, что въ Турціи проживаетъ приблизительно столько же тысячъ католиковъ, сколько милліоновъ грековъ. Изъ этого видно, какъ легко перенести политическій вопросъ на религіозную почву, и ясно, что хотя никто не желаетъ выразить недовѣрія императору Николаю лично, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя забывать, что ему 57 лѣтъ, а канцлеру свыше 70, и никто не знаетъ и не можетъ знать, каковы будутъ взгляды будущаго поколѣнія. Словомъ, можно опасаться, что явится случай, когда въ силу этого протектората (Россіи) надъ десятью милліонами грековъ власть султана въ его владѣніяхъ будетъ значительно умалена Россіей.

«Императоръ, по своимъ личнымъ качествамъ и канцлеръ по своей опытности и всѣмъ извѣстнымъ его взглядамъ, не могли, съ умысломъ, дѣйствовать въ этомъ случаѣ неискренно. Они были вовлечены въ это

стеченіемъ обстоятельствъ; императоръ, по моему мнѣнію, до сихъ поръ не даетъ себѣ вполне яснаго отчета въ томъ, какъ велико можетъ быть значеніе требованій, предъявленныхъ Меншиковымъ; я могъ убѣдиться въ этомъ во время моего послѣдняго разговора съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ, по нѣкоторымъ вырвавшимся у него фразамъ, хотя онъ избѣгалъ высказывать что-либо опредѣленное.

«Послѣ отъѣзда князя Меншикова въ Одессу, канцлеръ писалъ Решиду-пашѣ, чтобы онъ убѣдилъ султана уступить, ибо иначе Россія будетъ вынуждена занять Придунайскія княжества, *pour pour faire la guerre à la sublime Porte; mais pour acquérir des garanties pour les traités antérieurs!* ¹⁾).

«Императоръ, со своей стороны, упорно настаиваетъ на требованіяхъ князя Меншикова и если они не будутъ приняты, то онъ навѣрно прикажетъ войскамъ вступить въ Молдавію. Поведеть ли это къ войнѣ, это будетъ зависѣть всецѣло отъ того, какъ отнесется къ этому Англія и предложитъ ли она Турціи матеріальную помощь.

«Если пройдетъ нѣкоторое время, то императоръ смягчится и станетъ сговорчивѣе въ дальнѣйшихъ переговорахъ, такъ какъ, по его словамъ, онъ не хочетъ ни войны, ни завоеваній и не заблуждается на счетъ того, что война съ Турціей поведетъ къ общеевропейскому столкновенію.

«Даже сэръ Гамильтонъ Сеймуръ находитъ, что его константинопольскій коллега зашелъ слишкомъ далеко, хотя и онъ раздѣляетъ мое мнѣніе, что русскій кабинетъ дѣйствовалъ въ этомъ вопросѣ не вполне искренно и что кромѣ того русскія требованія заключаютъ, во всякомъ случаѣ, много новаго; но я убѣжденъ, что Россія не стремится въ сущности къ завоеваніямъ. За то Каннинга издавна преслѣдуетъ мысль, что Россія только выжидаетъ благопріятный моментъ, чтобы проглотить Европейскую Турцію; ни Адрианопольскій миръ, ни позднѣйшія событія не разубѣдили его въ этомъ.

«Генералы Бергъ и Ливенъ, близко знавшіе его въ Константинополѣ, говорятъ о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, властномъ и всецѣло поглощенномъ этой навязчивой идеей. Поведеніе князя Меншикова по отношенію къ нему еще болѣе раздражило его, и сэръ Гамильтонъ Сеймуръ отозвался о немъ въ разговорѣ со мною, какъ о «*fort mauvais coucheur*» ²⁾).

Онъ не обсудилъ достаточно хладнокровно своихъ поступковъ и не зависимо отъ того, справедливы или не справедливы были русскія тре-

¹⁾ Не для того чтобы объявить войну Блистательной Портѣ, но для того, чтобы приобрѣсти гарантіи касательно соблюденія бывшихъ трактатовъ.

²⁾ Неуживчивомъ, сварливомъ человѣкѣ.

бованія и хотя Порта убѣдительно просила его не противиться ея одобренію, онъ настаивалъ на своемъ и могъ этимъ достигнуть какъ разъ обратнаго того, чего хотѣлъ, т. е. неприкосновенности Турціи и власти султана въ его владѣніяхъ; ибо если дѣло дойдетъ до войны, то наибольшая опасность будетъ угрожать именно тому, что онъ особенно старался охранить, если же Турція уступитъ, все останется по-старому и придется пожертвовать только формою. Я не отрицаю того, что Россіи точно также не слѣдовало гоняться за этой формой и вносить пламя пожара въ воспламененную безъ того Европу. Съ другой стороны, Каннингъ еще болѣе Россіи заставляетъ свою страну броситься въ объятія Франціи и заключить съ нею союзъ; здѣшніе англичане ставятъ ему это главнымъ образомъ въ укоръ. Пруссія и Австрія могли бы, съ своей стороны, сдѣлать упрекъ русскому и английскому кабинетамъ въ томъ, что никто, какъ они сами, вызвали насильственно англо-французскій союзъ.

«Что касается собственно Австріи, то императоръ сказалъ мнѣ, приблизительно съ недѣлю тому назадъ, что графъ Буоль сообщилъ по порученію императора Франца-Иосифа, что хотя онъ весьма дорожитъ сохраненіемъ мира, но онъ вполне понимаетъ поведеніе Россіи въ этомъ вопросѣ и во всякомъ случаѣ готовъ поддержать ее.

«Нѣсколько дней тому назадъ императоръ получилъ собственноручное письмо отъ императора Франца-Иосифа и сказалъ мнѣ: «Я получилъ очень любезное письмо отъ императора, онъ пишетъ мнѣ, что его взглядъ на дѣло вполне согласуется съ нашимъ!»

«Какъ бы то ни было,—заканчиваетъ свое письмо гр. Мюнстеръ,—Россія требуетъ чего-то новаго или нѣчто болѣе того, на что она имѣетъ право въ силу договоровъ, и она предъявила эти требованія уже послѣ того, какъ вопросъ о Святыяхъ мѣстахъ былъ поконченъ; сдѣланное ею заявленіе, будто оба эти требованія равнозначущи, не выдерживаетъ критики; также точно несправедливо, будто она съ самаго начала требовала одного и того же; кромѣ того это дѣло не есть ея домашнее дѣло, и русскій кабинетъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по отношенію къ прочимъ великимъ державамъ не вполне откровенно и искренно; онъ не желаетъ ни войны, ни приобрѣтеній, но онъ зашелъ сверхъ ожиданія такъ далеко, что дѣло легко можетъ кончиться тѣмъ и другимъ».

Между тѣмъ 30-го мая в. ст. графъ Нессельроде разослалъ представителямъ Россіи за границую первую циркулярную, необычайно пространную, ноту, которая произвела огромное впечатлѣніе. Сдѣлавъ краткій обзоръ переговоровъ, предшествовавшихъ миссіи князя Меншикова, канцлеръ пытался доказать долготерпѣніе и великодушіе своего монарха. Этотъ документъ былъ произведеніемъ Лабенскаго, ревностнаго сына православной церкви, на котораго возлагалась обыкновенно

*

въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ редакция документовъ, касавшихся вопроса о Святыхъ мѣстахъ.

На слѣдующій день, Нессельроде обратился непосредственно къ Решиду-пашѣ съ предложеніемъ подписать ноту, переданную ему передъ отъѣздомъ русскимъ уполномоченнымъ, предоставивъ ему 8-ми дневный срокъ, для того чтобы препроводить ее со своей подписью князю Меншикову въ Одессу и угрожая, въ противномъ случаѣ, тѣмъ, что русскія войска переступятъ границу Турецкой имперіи.

8-го іюня Балабину было поручено настаивать у Блистательной Порты на исполненіи требованій князя Меншикова, повторенныхъ въ нотѣ канцлера. А съ 17-го іюня, когда стало извѣстно, что султанъ не счелъ возможнымъ измѣнить своихъ намѣреній, Балабинъ въ свою очередь уѣхалъ изъ Константинополя со всѣмъ личнымъ составомъ русской миссіи.

Въ отвѣтъ на эти шаги англійское и французское правительства рѣшили произвести совмѣстно морскую демонстрацію; англійскому адмиралу Дундасу, находившемуся въ Мальтѣ, было послано приказаніе войти въ Дарданеллы и стать на якорѣ въ Безикской бухтѣ. Такое же приказаніе получила одновременно и французская эскадра, находившаяся въ Саламинской бухтѣ.

Принявъ это важное рѣшеніе, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ постарался насколько возможно умалить его значеніе.

«Мы не хотимъ,—говорилъ онъ,—поощрить этимъ Турцію отвѣчать отказомъ на требованія Россіи, но хотимъ только защитить ее отъ неминуемой опасности» ¹⁾.

«Намъ даетъ на это право договоръ 1841 г.—прибавлялъ онъ;—мы будемъ строго соблюдать его до тѣхъ поръ, пока какой-либо наступательный шагъ не дастъ Турціи право законной защиты» ²⁾.

Настойчивость Россіи и еще болѣе властный тонъ, коимъ русское правительство предъявляло свои требованія, возбудилъ въ Европѣ негодованіе. Всѣ поступки князя Меншикова были одобрены самымъ торжественнымъ образомъ въ русской нотѣ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, лордъ Эбердинъ, Меттернихъ, всѣ друзья Россіи, всѣ тѣ, кои были готовы вѣрить, что произошло какое-то недоразумѣніе, или кои ожидали, что императоръ не одобритъ дѣйствій своего посла, были поражены.

«Главное несчастье въ томъ,—писалъ съ грустью Сеймуръ,—что русскіе считаютъ себя умѣренными въ своихъ требованіяхъ» ³⁾.

¹⁾ Денеша Друэнъ-де-Люиса—графу Валевскому въ Лондонъ отъ 31-го мая 1853 г.

²⁾ То же, письмо отъ 5-го іюня 1853 г.

³⁾ Сеймуръ—Кларендону 24-го іюня 1853 г.

Когда въ Петербургѣ было получено извѣстіе объ окончательномъ отказѣ Порты на требованія Россіи (при чемъ султаны общалъ вновь подтвердить всѣ привилегіи своихъ греческихъ подданныхъ), то Нессельроде заявилъ членамъ дипломатическаго корпуса о неизбежномъ вступленіи русскихъ войскъ въ Придунайскія княжества. Стараясь всячески оправдать политику своего монарха, онъ настаивалъ на томъ, что эта мѣра отнюдь не имѣла наступательнаго характера.

— Мы не начинаемъ войны,—говорилъ онъ,—мы хотимъ только имѣть матеріальную гарантію.

— Положимъ,—отвѣчалъ ему Сеймуръ,—но какъ согласовать дѣйствія со словами, какъ согласовать увѣренія съ фактами ¹⁾.

26-го іюня появился наконецъ манифестъ, коимъ императоръ Николай возвѣстилъ своимъ подданнымъ, что, основываясь на славномъ Кучукъ-Кайнарджійскомъ договорѣ, онъ требуетъ отъ Блистательной Порты строгаго соблюденія привилегій православной церкви.

2-го іюля нашимъ представителямъ за границу былъ разосланъ второй циркуляръ, возвѣставшій, что въ виду упорства Турціи и послышки англійскаго и французскаго флота въ турецкія воды войскамъ, расположеннымъ въ Бессарабіи, повелѣно перейти границу и занять Княжества для того, чтобы имѣть матеріальную гарантію въ виду англо-французскаго союза.

Узнавъ о переходѣ русскихъ войскъ черезъ Прутъ, Оттоманское правительство обратилось къ европейскимъ державамъ съ протестомъ, въ которомъ, изложивъ пространно весь ходъ предшествовавшихъ переговоровъ и всѣ уступки, сдѣланныя имъ Россіи, оно еще разъ подтверждало свое желаніе окончить дѣло мирнымъ путемъ.

Въ этотъ критическій моментъ на сцену выступила новая держава—Австрія.

В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Тамъ же.

Отказъ императора Александра произвести въ коллежскіе ассесоры безъ экзамена.

Въ 1807 году, за долго еще до указа объ экзаменахъ чиновниковъ, оберъ-директоръ С.-Петербургскаго коммерческаго училища ходатайствовалъ предъ императрицею Марією Феодоровною о награжденіи эконома училища тит. сов. Олофсона слѣдующимъ чиномъ. На запискѣ директора, доложенной государынѣ 27-го октября, ея величество соизволила начертать: «О награжденіи Олофсона чиномъ представить можно, если онъ утвержденъ въ дворянскомъ достоинствѣ».

Такъ какъ Олофсонъ утвержденъ въ дворянствѣ въ то время не былъ, то представленіе, конечно, замедлилось, а событія шли своимъ чередомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнились условія производства въ чинъ коллежскаго ассесора.

Въ 1810 г. статсъ-секретарь Вилламовъ сообщилъ министру юстиціи высочайшую волю государыни объ исходатайствованіи у императора о награжденіи Олофсона чиномъ коллежскаго ассесора, «во уваженіе того, что сей чинъ обѣщанъ ему государынею императрицею за ревностные и отличные труды до состоянія еще объ экзаменахъ указа, но отложена эта милость до утвержденія Олофсона въ дворянскомъ достоинствѣ».

27-го іюня 1810 г. Григорій Ивановичъ Вилламовъ получалъ отъ министра юстиціи отвѣтъ, «что его императорское величество высочайше отозваться соизволилъ, что, при всемъ удовольствіи его угождать родительской волѣ ея величества, не можетъ онъ въ семь случаевъ оную исполнить по той единственно причинѣ, что таковое исполненіе было бы нарушеніемъ изданнаго имъ самимъ единожды навсегда о производствѣ въ чины узаконенія; ежели же благоугодно ея императорскому величеству удостоить Олофсона къ другому какому-либо за усердную его службу награжденію, то его величество поставитъ себѣ пріятнѣйшимъ долгомъ исполнить ея волю».

Сообщилъ Н. Мурзановъ.

Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская.

(По подлиннымъ неизданнымъ письмамъ) ¹⁾.

XIV.

Н е говоря уже о враждѣ съ отдѣльными личностями, Фотій враждовалъ и съ цѣлыми обществами, напр., съ крестьянами Юрьевской слободки. Эта вражда стоила Фотию большихъ хлопотъ и великихъ непріятностей. Здѣсь были замѣшаны и мѣстные власти, во главѣ съ губернаторомъ, и столичные чиновники, и министры, даже дѣло доходило до государя. Отдалить слободу, которая стояла бокъ-о-бокъ съ монастыремъ, было завѣтной мечтой Фотія, для осуществленія которой онъ не жалѣлъ ни силъ, ни средствъ, ни даже личного достоинства. Оффициально онъ говорилъ, что слободка для монастыря представляла одинъ соблазнъ, но истинною цѣлью удаленія было желаніе, чтобы крестьяне не могли заглядывать и видѣть происходившее внутри монастыря.

«Ты пишешь о слободкѣ Юрьевской, чтобы отдалить,—писалъ Фотій графинѣ Орловой.—Я и вся братія зѣло желаемъ, чтобъ она была отдалена отъ монастыря или въ ближайшія деревни разселена. Двѣ причины важнѣйшія понуждаютъ желать, дабы крестьянъ не было подлѣ Юрьевского монастыря: 1) близъ деревянной монастырской ограды, на 1½ аршина крестьянская постройка начинается, а оградю обнесень огородъ и садъ. Крестьянскія строенія—избы, бани, риги и прочее, всегда составленныя изъ дерева и соломы, хотя и не совсѣмъ, но все-таки опасны для монастыря, по крайней близости; 2) въ Юрьевскую слободу къ крестьянамъ ходятъ градскіе и прочіе гости; пляски, пѣсни, играща деревенскія у крестьянъ такъ велики бывають, что въ церкви слышны

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1902 г. іюнь.

во время службы не только пѣсни и игры, но нерѣдко и деревенскіе крики; 3) коровы, овцы, кони, свиньи и проч. весьма беспокоят монастырь, вредят садамъ и мирнымъ монахамъ всегда дѣлаютъ хлопоты, тогда же вовсе не нужно было бы заботиться; 4) соблазнъ отъ крестьянъ, не имѣющихъ дороги въ городъ, какъ токо около каменной стѣны монастырской, весьма наскучилъ. Нынѣ монастырю отъ созданія 800 лѣтъ. А какъ Юрьевъ теперь благоустроенъ, слободка же 700 лѣтъ не существовала подлѣ монастыря, построена только около 100 лѣтъ, то хорошо бы для монастыря и нынѣ оную не имѣть. Крестьянъ или въ ближайшія деревни расселить, или, ежели сего не можно сдѣлать, то отъ самаго монастыря отдалить на конецъ поля ихъ, т. е. хотя бы на $1\frac{1}{2}$ —2 версты, или въ обмѣнъ на монастырскую землю выселить, коя въ трехъ верстахъ отъ монастыря за рѣчкой, или коя по рѣкѣ Волхову, близъ с. Троицы, въ Поозерьѣ. Кромѣ того, я бы или ты были согласны ¹⁾ дать имъ по 100—150 р., даже по 200 р. на домъ для обзаведенія» (Письмо 18-го іюня 1830 г.).

Вскорѣ послѣ того Юрьевская слобода сгорѣла. Объ этомъ Фотій писалъ графинѣ не безъ удовольствія, забывъ людское горе. «Теперь скажу тебѣ новость: сегодня въ $1\frac{3}{4}$ по полудни загорѣлась слобода и въ 4 ч. почти вся сгорѣла... Ты можешь представить, что при сильномъ вѣтрѣ, который дулъ отъ монастыря, какой ужасный огонь былъ. Одна женщина, вдова 30 лѣтъ, сгорѣла вся, я смотрѣлъ на останки ея; огонь захватилъ ее на улицѣ, и она пала бѣдная, а спасти было невозможно. Единственное благо было бы, ежели бъ крестьянъ погорѣвшихъ расселить. У крестьянъ не осталось ни кола, ни двора, кромѣ трехъ избъ, которыя монастырь защитилъ съ великимъ усердіемъ... Ты посоветуйся съ К. Платономъ ²⁾, графомъ Орловымъ и Бенкендорфу скажи, а равно у В(ладыки) возьми благословеніе. Итакъ, ежели ты услышишь о семъ пожарѣ, то знай, что слобода Юрьевская выгорѣла. Это было далеко отъ монастыря, да монастырь весь каменный и крытый желѣзомъ, то и опасности быть не могло никогда» (30-го іюня 1830 г.).

Хотя, по словамъ Фотія, опасности въ пожарномъ отношеніи для монастыря не было, но онъ все-таки настаивалъ на отдаленіи слободки. «Просьба монастыря состоитъ въ томъ,—писалъ онъ графинѣ Орловой,—чтобы Юрьевская слобода была отдалена отъ монастыря и выстроена не ближе $1\frac{1}{2}$ версты... Мнѣ кажется, министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ сіе сдѣлать, а впрочемъ можно и царю доложить чрезъ Алексѣя Федоровича (Орлова)» (1-го іюля 1830 г.).

«Впрочемъ,—писалъ Фотій въ другомъ письмѣ,—ты дѣлай, какъ

¹⁾ Фотій безъ согласія графини распоряжается ея средствами.

²⁾ Князь Платонъ Ширинскій-Шихматовъ.

знаешь сама, но поспѣвши, пока еще не начали строиться крестьяне. Въ случаѣ выѣзда, поручи о семъ хлопотать тому, на кого можешь надѣяться» (2-го іюля 1830 г.).

Однако, водвореніе юрьевскихъ крестьянъ на новомъ мѣстѣ оказалось не такъ легко, какъ думалъ Фотій, поэтому онъ считалъ необходимымъ просить о томъ государя. «Письмо твое я получилъ. Спасибо, что ты приняла на себя попеченіе объ отдаленіи слободы на 750 саж., т. е. на 1½ версты отъ монастыря. Но надобно поспѣшить симъ дѣломъ, ибо время уже начинать дѣлать что-нибудь бѣднымъ крестьянамъ. Я думаю, что пока царь не уѣдетъ въ Ревель, то лучше доложить ему. А. П. (Ангель Премудрости), кажется, долженъ сдѣлать удовлетвореніе для обители. Бога ради попроси о поспѣшаніи» (3-го іюля 1830 г.).

«Дабы дѣло не замедлилось, то скажи Алексѣю Ѳеодоровичу, пусть онъ доложитъ А. П., что министры не хотятъ тотчасъ сдѣлать добра о слободѣ для монастыря» (4-го іюля 1830 г.).

Митрополитъ Серафимъ не благословилъ графиню Орлову на ходатайство объ удаленіи Юрьевской слободы. Узнавъ объ этомъ, Фотій писалъ духовной дщери:—«Я получилъ письмо твое о томъ, что В(ладыка) противится отдаленію слободы на 1½ версты. Я не удивляюсь, ибо онъ и прежде мнѣ не совѣтовалъ отдалять... Впрочемъ, ежели онъ противится отдаленію, то ты не оскорбляй его, Богъ съ нимъ... Если В. не будетъ согласенъ, то я и самъ по себѣ на 100 саж. отдаю; мнѣ сіе сдѣлають и такъ. Ежели ты будешь просить удаленія, то хотя на одну версту, дабы свиньи не мучили монастырь. Въ случаѣ дѣло не подвигнется, то, по пріѣздѣ, мы съ тобою обо всемъ переговоримъ и абіе сдѣлаемъ» (5-го іюля 1830 г.).

Вопросъ объ удаленіи слободы былъ уже возбужденъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ; но дѣло затянулось въ Петербургѣ, и Фотій начинаетъ беспокоиться. «О, какъ бы Господь помогъ,—писалъ онъ,—все сіе устроить такъ, чтобы слободское строеніе было отдалено отъ монастыря» (10-го сентября 1830 г.).

«Теперь все дѣло состоитъ въ царѣ,—писалъ Фотій графинѣ.—Видно неблаговоленіе къ Юрьеву монастырю министровъ—финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Вотъ какое понятіе у нихъ о спасеніи души. Иновѣрецъ не можетъ быть таковъ, каковъ единовѣрецъ, вражда иновѣрца во всемъ видна». Фотій просилъ графиню сказать государю, что министры самовольничаютъ, что Канкринъ предлагаетъ построить слободу въ 120 саженьяхъ отъ монастыря и что въ такомъ случаѣ яко бы отъ пожара будетъ безопасно, а отъ игръ и разговоровъ крестьянскихъ не будетъ беспокойства, если монастырь самъ установитъ строгій порядокъ и благочиніе у себя. — «Вотъ какъ изуродовано дѣло въ рукахъ иновѣрцевъ,—писалъ Фотій.—Гдѣ же вѣрная подданность царю у министровъ? Я взыду

бумагою на сіе и укажу, что уклонились отъ монастырскаго указанія. Вотъ какъ писцы министерскіе изворачиваютъ во всѣ стороны повелѣнія царскія» (24-го сент. 1830 г.).

Крестьяне не согласились строиться на новомъ мѣстѣ, а министры къ удивленію Фотія не слушали его указаній.—Что было дѣлать? Надо было смириться и видѣть въ этомъ волю Божию, хотя, по замѣчанію юрьевскаго архимандрита, всѣ святые обители болѣе или менѣе не токмо вредъ духовный терпятъ отъ слободъ, подлѣ выстроенныхъ, даже разоряются. Чтобы избѣжать такого разоренія, Фотій рѣшился опять прибѣгнуть къ карману графини. «Ты скажи,—писалъ онъ ей,—или дай записку, что хотя и дано крестьянамъ на построеніе уже на каждый домъ, но ты намъ рена дасть еще, когда будетъ строеніе отдалено отъ монастыря. Почему крестьяне будутъ имѣть выгоду, а не убытокъ. Худо съ крестьянами дѣло имѣть, всегда грубы, неблагодарны и злы зѣло» (7-го октября 1830 г.).

Между тѣмъ, крестьяне подали государю просьбу оставить ихъ на прежнемъ мѣстѣ. Фотія это крайне волновало, и онъ писалъ графинѣ: «Прошу тебя отъ имени моего попроси Алексѣя Ѳедоровича, дабы онъ взялъ участіе въ томъ, чтобы подлѣ монастыря слободу не строить. Что за порядокъ, ежели къ монастырю, т. е. мѣсту уединенія и безмолвія, строить и приближать мірскія жилища; шумъ и неустройство, чрезъ что дѣлать вредъ и соблазнъ монастырю. Прошу всѣ силы употребить и удивляюсь, что графиня Канкринна слыветъ за добрую и благочестивую, а для Юрьева не хочетъ сдѣлать добра. Хотя князя Платона Шихматова отъ имени моего пошли къ ней поговорить, дабы не было препонъ незаконныхъ въ добромъ дѣлѣ; вѣдь кромѣ грѣха и отъ Бога наказанія не будетъ за это. Кто виновенъ будетъ теперь въ построеніи слободы подлѣ монастыря. Всѣ грѣхи, соблазны и всякій вредъ на душѣ останется у человека, не исполняющаго волю царя (?) и представляющаго свои мнѣнія незаконныя. Видно, сатанѣ и діаволу врагу душъ человѣческихъ, а особенно врагу ангельскаго образа, пріятно, что не отдалится слобода. Письма графини Канкриной запечатай и отправь куда нужно» (21-го октября 1830 г.). «У меня едино дѣло, едино желаніе и едино на потребу паче всего то, чтобы отдалить слободу отъ обители». Фотій просилъ графиню Орлову поговорить объ этомъ съ императоромъ, посылалъ планы съ указаніемъ, гдѣ стоитъ слобода и гдѣ надо поселить ее, и просилъ передать одинъ Канкриной, а другой Энгелю; просилъ Чесменскую пригласить графиню Канкрину «на хлѣбъ и соль» и уговорить ее. — Уступая настояніямъ Фотія, графиня Орлова рѣшила дать крестьянамъ какъ можно болѣе вспомоствованія, и дѣло пошло на ладъ.

«Весьма много,—писалъ Фотій,—меня утѣшаетъ надежда о переселенія крестьянъ на новое мѣсто. Съ великимъ удовольствіемъ готовъ я

рубашку послѣднюю отдать въ пособіе, лишь бы было повелѣно крестьянамъ переселиться. Ты представь сама, чадо, что около монастыря проходу нѣтъ никакого братіи» (28-го октября 1830 г.).

«Сказать не можно, какъ меня обрадовало твое письмо отъ 30-го октября. Мнѣ кажется, есть надежда на удаленіе. Съ чѣмъ сравнить сіе. Отъ единого желанія сердце трепещетъ въ радости» (1-го ноября 1830 г.).

Дѣло о слободѣ дошло до Комитета министровъ. Было рѣшено, что крестьяне могутъ селиться въ какомъ угодно разстояніи отъ монастыря, если сами на то согласятся. По поводу этого рѣшенія графиня писала Фотію: «Теперь, Бога ради, не смутися и постарайся крестьянъ тамъ поселить, гдѣ святой обители желательно, ежели они согласятся».

Предвидущія взаимныя отношенія не давали Фотію надежды на согласіе крестьянъ, и онъ, не довольный рѣшеніемъ Комитета министровъ, обрушился на всѣхъ и на вся.—Онъ жаловался, что Комитетъ измѣнилъ рѣшеніе царя, называлъ его членовъ отступниками отъ вѣры и мстителями, желающими уязвить его. «Кроткое и смиренное православное духовенство,—писалъ онъ,—одно страдаетъ въ Россіи, а духовенство католиковъ, лютеранъ, жидовъ и пр. живетъ въ благоденствіи. Вотъ какія времена нынѣ. Что дѣлать, когда есть люди изъ князей и другихъ вельможъ, кои печатаютъ явно книги противу вѣчнаго блага. Что же духовенству ожидать православному. Молитесь и терпѣть. Ты пишешь, дабы согласить чернь удалиться отъ монастыря. Когда воля, лучше сказать своеволие, дано черни предъ святою обителью на вредъ ей, то сія неправда долженствующихъ защищать правду и св. обитель пусть падетъ на совѣсть тѣхъ, которые имѣютъ власть отъ Бога и могутъ волею и силою сдѣлать удаленіе слободы погорѣвшей; пусть будетъ въ обличеніе и осужденіе на страшномъ судѣ Божиѣмъ творящимъ не правду. Господь—моя сила. Богъ и Господь, честная церковь—мое дѣло и моя правда. Я честенъ предъ Богомъ и человекѣми. Денегъ не дамъ и мыслить за грѣхъ считаю соглашать чернь къ переселенію отъ монастыря. Когда отъ царя нѣтъ милости и отъ министровъ нѣтъ правды, то въ черни ли можно обрѣсти милость и правду. Какой можно обрѣсти толкъ и разумъ въ черни простой. Нѣтъ, я правдою хочу жить, на благодать Божию надѣюсь, а не на дѣло рукъ нашихъ. Да будетъ воля Божія во мнѣ и въ святой обители. Когда отъ царя тебѣ не сдѣлано благоволенія, монастырю милости, намъ трудникамъ и непрестаннымъ молитвенникамъ предъ чернью предпочтенія, то я за грѣхъ считаю съ моей стороны, низкостью и лестью считаю соглашать напрасно чернь, ибо никогда чернь не согласится. Крестьяне обираютъ и окрадаютъ монастырь всячески, покосы портятъ и убытки дѣлаютъ великіе, то я ту землю, около 90 десятинъ, которая начинается отъ слободы на 3 версты, намѣренъ отдать на 80 лѣтъ за большую сумму, вчетверо больше, нежели

монастырь получалъ донинѣ, и тѣмъ лишу крестьянъ всего за неблаго- дарность. А подмонастырскія земли обнесу изгородью и караулъ по- ставлю, то крестьяне хоть пескомъ пусть кормятъ своихъ скотинъ, ко- торыя непрестанно пакости и бѣды дѣлаютъ монастырю. Теперь мона- стырь долженъ имѣть свои мірскія законныя защиты, и тогда узнаютъ неблагодарные плоды своеволия. Что дѣлать, когда отъ власти нѣтъ за- щиты, то нужно защищаться крестьянскими средствами. Вотъ до чего мы нынѣ дожили. Слава Богу, это есть знакъ того, что мы люди Божіи и избранные сыны вѣры, ибо, кромѣ милости Господней, милости, гдѣ можно обрѣсти добро и правду, нѣтъ больше. Всѣ живутъ мирно, только мы, духовные, трепетать должны ежечасно за другихъ» (22-го ноября 1830 г.).

Между тѣмъ 20-го января, когда начальство новгородскаго зем- скаго суда отводило мѣста крестьянамъ для поселенія по-прежнему вмѣстѣ съ служителями монастырскими, крестьяне отказывались при- нять къ себѣ послѣднихъ. Фотій воспользовался этимъ и писалъ Орло- вой, что это прекрасный поводъ для царя крестьянскіе дома по- вотчѣ намъ разселить или удалить отъ монастыря.

«При семъ случаѣ,—писалъ онъ,—теперь крестьянъ можно вовсе отдавать отъ монастыря, ибо, когда высочайшаго повелѣнія не слуша- ютъ, то что же дѣлать будетъ монастырю съ ними. Весьма развратился народъ въ слободѣ» (21-го января 1831 г.). «Не знаю, сотворить ли Господь милость чрезъ царя для обители снова по буйному случаю. Нужно обратить вниманіе и на монастырь, дабы своевольная чернь не смѣялась надъ св. обителью» (22-го янв. 1831 г.).

Крестьяне приходили къ Фотію и просили, чтобы служителя не селились вмѣстѣ съ ними, но архимандритъ, конечно, не согласился и приступилъ къ выполненію высочайшаго повелѣнія относительно сво- ихъ служителей. «На сихъ дняхъ крестьяне безпокоили меня насчетъ поселенія, и я занимался дѣлами по сей части. Слава Богу, служителя теперь устроены, мѣста всѣмъ отведены» (23-го января 1831 г.).

Въ началѣ февраля Фотій ѣздилъ въ Петербургъ, прожилъ 8 дней въ Невской лаврѣ. За его отсутствіемъ крестьяне учинили въ монасты- рѣ крупное буйство. «Послѣ моего выѣзда, въ воскресенье, крестьяне со- злости выбили камнями нѣсколько стеколъ въ кельяхъ и камни нашли въ комнатахъ. Опять нѣкоторые отправились въ Петербургъ хлопотать о своей слободѣ. Намѣстникъ о разбитіи стеколъ лично ѣздилъ донести къ губернатору. Вотъ какіе сосѣди крестьяне. Бога ради внуши о семъ графу Закревскому ¹⁾, дабы онъ обращалъ вниманіе и бунтовщиковъ, ослушниковъ высочайшаго повелѣнія заставилъ усмириться» (17-го

¹⁾ Министру внутреннихъ дѣлъ.

февраля 1831 г.). Буйства крестьянъ повліяли на дѣло не въ пользу ихъ. Фотій этому радовался и давалъ совѣты графинѣ, какъ поступить съ бунтовщиками.

«Слышно, что губернаторъ мнѣніе послалъ о слободѣ невыгодное для крестьянъ. Мнѣ желательно для спокойствія обители и дабы худые крестьяне не возмущали другихъ, выселить ихъ за худое поведеніе въ разныя деревни. Это сдѣлать легко и нужно. Дай о семь записочку, чтобы въ записочкѣ было прописано: крестьянъ, замѣшанныхъ въ возмущеніи противъ высочайшаго указа, выселить изъ Юрьевской слободы въ другія деревни Поозерской вотчины.

Эта просьба не увѣнчалась успѣхомъ, но крестьянъ приказано было нѣсколько отдалить отъ монастыря. 18-го марта 1831 г. Фотій писалъ графинѣ Орловой:

«Скажу тебѣ, что въ Новгородѣ новый землемѣръ, весьма молодой человекъ, ловкій и бойкій; онъ тотчасъ все сдѣлалъ: въ порядкѣ разбилъ мѣста, и крестьяне на нихъ устроятся; 120 саж. вѣрныхъ отъ ограды отбито. Теперь ладно и хорошо».

Такъ, должно быть, осталось и по настоящее время. Между первымъ домомъ слободы и оградой находится монастырскій огородъ, который, вѣроятно, и составляетъ извѣстный клочокъ земли, столь упорно и настойчиво отвосванный архимандритомъ Фотиємъ.

XV.

Фотій имѣлъ большую страсть къ строительству, онъ готовъ былъ строиться безъ конца, тѣмъ болѣе къ услугамъ его было миллионное состояніе графини Орловой. Проекты и постройки у него росли, какъ грибы; графиня едва успѣвала снабжать страстнаго строителя средствами. Когда же изсякли деньги и процентныя бумаги, графиня стала продавать свою недвижимую собственность. У нея были громадныя дома въ Москвѣ, богатые конскіе заводы въ Орлѣ, въ трехъ губерніяхъ имѣнія, съ огромнымъ числомъ душъ крестьянъ. Все шло, конечно, по недорогимъ цѣнамъ, лишь бы поскорѣ продать и поскорѣ удовлетворить просьбы духовнаго отца, который то и знай писалъ графинѣ «не можно ли прислать». Духовный отецъ не сказалъ ни единого слова, которое могло бы остановить увлеченіе графини въ сбытъ имущества. Большихъ хлопотъ стоила продажа конскихъ заводовъ, такъ какъ они цѣнились болѣе 2-хъ мил. безъ имѣній; единичныхъ покупателей не на-

ходило, даже казна покупала на условіяхъ отдать деньги не сразу, а частями и по срокамъ. Фотій принялъ всё мѣры, чтобы графиня не продешевила такого крупнаго имущества. Когда казна только еще изъ-явила желаніе купить заводы, Фотій восторгался такимъ покупателемъ, писалъ графинѣ, что «заводы для правительства богатство и красота», совѣтовалъ непремѣнно продать ихъ въ казенныя руки, тѣмъ болѣе, что это будетъ приятно государю. Когда же стали извѣстны условія, монахъ отнесся уже недовѣрчиво къ казенной покупкѣ, испугался продолжительной уплаты, и вся важность продажи правительству исчезла безслѣдно. А тутъ еще подвернулась компанія изъ трехъ лицъ, желавшая тоже купить заводы. Фотій писалъ графинѣ, чтобы она продавала заводы компаніи, потому что «тому или другому заводы достанутся, ни чести, ни славы, ни спасенія отъ нихъ не будетъ». Онъ преслѣдовалъ въ продажѣ одно—выгоду, «чтобы сходно и вѣрно могло быть продано». Однако частная компанія покупала только одни заводы, отъ имѣній отказывалась. Между тѣмъ съ заводомъ продавались три вотчины съ 8-ю тыс. душъ: Хатунь, Островъ и Чесменка. Разумѣется, послѣ продажи заводовъ, продать имѣнія труднѣе, такъ какъ по дѣятельности эти имущества были тѣсно связаны между собою и именно тѣмъ, что на заводахъ работали вотчинные крестьяне, значить, имѣнія должны были остаться съ одними дворовыми людьми. Фотій смекнулъ это и повелъ дѣло совершенно въ другую сторону. Теперь онъ не говорилъ о продажѣ заводовъ съ имѣніями, а находилъ выгоднѣе держать заводы по-прежнему, и лучше продать одни имѣнія съ крестьянами, такъ какъ заводы «могутъ существовать сами по себѣ, безъ одного человѣка крестьянъ и всякаго пособія посторонняго». Всю Чесменку хотѣлъ купить графъ А. Ѳ. Орловъ, и графиня стѣснялась отказать ему въ продажѣ, какъ двоюродному брату, за то не стѣснялся Фотій, полагая, что сдѣлка можетъ быть по родству невыгодная для графини. Поэтому архимандритъ далъ политичный совѣтъ относительно Чесменки. Онъ писалъ: «лучше продать графу Чесменку съ однимъ строеніемъ и мѣстомъ, безъ лошадей, а пусть своихъ заводитъ, какія понравятся». Но вскорѣ Фотія ужасно озадачило сообщеніе о томъ, что графъ Орловъ хочетъ пріобрѣсти въ свою собственность всё заводы съ имѣніями на такихъ же условіяхъ, на какихъ покупала и казна. Монахъ положительно завертѣлся отъ могущей быть невыгодности въ сдѣлкѣ и написалъ для графини отвѣтъ, который и просилъ ее в т в е р д и т ь.—Она должна была сказать брату:

— Я не отказывала, не отказываю и отказывать, какъ брату, по любви, не хочу въ сдѣлкѣ по конскимъ заводамъ, и ты дѣлай съ такою же любовью, дабы мнѣ было выгодно. Съ заводовъ при управляющемъ Шишкинѣ болѣе половины шло не въ мою пользу, расхищалось,

и то мнѣ было прибыльно. Вотъ каковы заводы. Золотое дно. Я теперь Бога ишу, злато совѣмъ бросила.

Заводы и имѣнія дѣйствительно купилъ графъ Орловъ, за исключеніемъ крестьянъ деревни Острова, которыхъ графиня ранѣе отпустила на волю. Фотій рассказываетъ, какъ островскіе крестьяне являлись къ государю и что имъ говорилъ Николай Павловичъ про графиню.

Крестьяне пришли съ хлѣбомъ-солью. Государь принялъ ихъ ласково и спросилъ: «каково вамъ было жить за графинею?» Пришедшіе отвѣтили, что у нихъ была не госпожа, а мать. Государя это тронуло; онъ сказалъ крестьянамъ: «Нѣтъ примѣрныхъ людей противъ графини во всемъ моемъ государствѣ; я ее любилъ, люблю и уважаю. Будьте спокойны, вамъ и за мною будетъ жить хорошо».

Сверхъ наслѣдственнаго имущества, Фотій прибиралъ къ рукамъ и то, что графиня покупала лично для себя. Въ Петербургѣ она прискивала домъ, чтобы жить въ немъ во время пребыванія ея въ столицѣ. Фотій и тутъ явился со своими услугами. Онъ совѣтовалъ купить домъ цѣною не болѣе 100 тыс., устроить въ немъ церковь, внутреннее помѣщеніе приноровить къ такому расположенію, чтобы у нея никто не могъ бывать, кромѣ него, архимандрита, и юрьевскихъ монаховъ,—вообще такой домъ, который впоследствии пригодился бы для подворья и какъ писалъ Фотій: «послѣ оной ты могла бы подарить монастырю».

Драгоценныя вещи графиня не переводила на деньги, а прямо отсылала настоятелю для украшенія храмовъ или передавала ему лично, когда прѣзжала на Юрьевскую мызу. Золото, серебро, жемчугъ, брилліанты и другихъ породъ камни—все перешло въ собственность монастыря. И теперь можно судить о крупной стоимости драгоценностей, которыми украшены митры, облаченія и образа. Въ Георгіевскомъ соборѣ въ иконостасѣ, близъ Царскихъ вратъ, образъ Богоматери осыпанъ крупными брилліантами, стоящими не одну сотню тысячъ. Въ монастырѣ есть брилліантовыя митры по 10 тыс. р. и болѣе; въ ризницѣ облаченія сплошь унизанныя жемчугомъ. Въ томъ же соборѣ, въ иконостасѣ, помѣщенъ древній образъ пѣшаго Георгія Побѣдоносца, у котораго на рукояткѣ меча вправлена жемчужина величиною въ голубиное яйцо.

Конечно, графиня не знала точно, куда могутъ быть помѣщены драгоценности, и Фотій указывалъ имъ мѣсто. Онъ писалъ графинѣ, что есть нужда «убрать» образъ Богоматери и Спаса драгоценными камнями. По его мнѣнію, слѣдовало въ вѣнецъ Богоматери вставить три крупныхъ жемчужины, а въ вѣнецъ Спаса—три брилліанта и по краямъ обихъ вѣнцовъ рассыпать мелкій жемчугъ. При этомъ онъ писалъ, что ему хотѣлось бы сдѣлать золотые вѣнцы, а денегъ у него хва-

таеть только на серебряные. «У тебя совѣта прошу,—прибавлялъ онъ смиренно и подобострастно,—и ежели прикажешь, то мѣру вѣнцамъ и камнямъ пришлю».

Иногда Фотій просто увлекался въ вымогательствахъ и доходилъ до жадности. Бывъ какъ-то у Орловой, духовный отецъ замѣтилъ, что у его дщери имѣется много фамильнаго серебра. Сначала, разумѣется, монахъ не преминулъ сказать графинѣ цѣлую проповѣдь насчетъ тлѣнности металла въ мѣрѣ, потомъ предложилъ помѣстить его для душе-спасенія въ монастырь. Графиня согласилась, и Фотій не замедлилъ указать, куда употребится серебро: «во-первыхъ, 4 пуд. на престолъ въ церкви Спаса; во-вторыхъ, 1 пуд. на большую ризу для трехъ мѣстныхъ образовъ въ соборѣ; въ третьихъ, 5 пуд. на легкія ризы для всѣхъ образовъ; въ четвертыхъ, 1 пуд. на ризу саженнаго образа Неопалимыя купины, помѣщающагося надъ могилой отца графини и, въ пятыхъ, 2 пуд. на два выносные подсвѣчника.

Графиня сообщила, что у нея собралось серебра до 18 пудовъ, тогда какъ требуется только 13 пуд. Фотію стало жалко остатка, и, опасаясь, что графиня пожертвуетъ его въ какой-нибудь другой монастырь, Фотій просилъ выслать и остальные 5 пудовъ, а онъ «послѣ подумаетъ, куда употребить». На этомъ излишкѣ Фотій останавливается въ письмѣ особо, говоря, чтобы графиня въ пятипудовой вѣсъ отобрала «сосуды, которые болѣе ко грѣху служили». Излишекъ пошелъ на самые священные предметы; одна часть на сѣнь надъ престоломъ въ Георгіевскомъ соборѣ, другая на евангеліе, которое, кромѣ того, украшено крупными сибирскими камнями и въ цѣломъ вѣсиль около 3 пудовъ.

Помимо отпуска денегъ на сооруженіе церквей, благолѣпіе ихъ и церковныя принадлежности, графиня присылала натурою и продуктивные предметы церкви, даже по заведенному порядку, ежегодную порцію: 200 ведеръ кагору на 4.000 р.; 150 пудовъ елея на 6.000 руб. и ладона смирискаго на 2.000 руб., всего на 12.000 руб.

Архимандриту было и этого мало, и онъ писалъ: чѣмъ больше пришлетъ графиня, тѣмъ лучше.

Такимъ образомъ, богатство широкой волной текло въ монастырь, поэтому надо представить себѣ весь ужасъ Фотія, когда графиня сообщила ему, что ей сдѣлалъ предложеніе князь Волконскій. Она спрашивала его, какъ духовнаго отца, дастъ ли онъ или нѣтъ благословеніе на этотъ бракъ. Дѣйствовать противъ брака явно и круто Фотій не рѣшался, ибо станеть извѣстно князю, а онъ—лицо вліятельное, высокопоставленное, и борьба съ нимъ получится далеко неравная. Фотій въ данномъ случаѣ избралъ благую мѣру и, надо сказать, удачную—имѣть дѣло только съ графиней и разжечь въ ней еще больше религіозное

чувство. Онъ писалъ ей, что ему бракъ чрезвычайно пріятенъ: такъ долженъ быть пріятенъ и ей; но когда графиня сама пріѣхала въ Юрьевъ, чтобы получить отъ своего духовнаго отца благословіе, то Фотій долго уговаривалъ дочь отказаться отъ руки князя.—Графиня упорствовала, и Фотій далъ слово благословить ее послѣ ранней обѣдни въ Спасскомъ храмѣ. Когда наступила желанная минута, Фотій подвелъ графиню къ небольшому образу Спасителя, висѣвшему на колонкѣ царскихъ вратъ, снялъ у нея брилліантовое кольцо и повѣсилъ его на вѣнчикъ образа со словами: «се женихъ твой». Это такъ сильно повлияло на графиню, что она впала въ обморокъ. Придя въ себя, графиня тутъ же дала обѣтъ никогда не выходить замужъ. Это столь важное событіе въ жизни благодѣтельницы монастыря и теперь напоминаетъ тѣмъ же кольцомъ, висѣщимъ на томъ же образѣ, но уже вѣланномъ въ иконостасѣ.

Данный обѣтъ все-таки не вполне успокаивалъ монаха, слишкомъ воспаленнаго дѣломъ брака. Съ момента исторіи, Фотій сталъ усложненно отклонять графиню не только отъ брачной жизни, но даже не бывать и на чужихъ свадьбахъ. Когда однажды она написала ему, что благословляла жениха и просидѣла въ домѣ, ожидая прибытія молодыхъ изъ церкви, онъ отвѣчалъ, что черницѣ не подобаешь присутствовать на свадьбахъ, слѣдуетъ быть подальше отъ брачныхъ вещей, не забывать, что она инокиня, самая строгая, положившая соблюсти непорочность до самой смерти. «Теперь,—писалъ онъ,—тебѣ не время по свадьбамъ ходить съ кѣмъ бы то ни было, даже смотрѣть ихъ». Архимандритъ пошелъ дальше. Онъ совѣтовалъ графинѣ вовсе оставить общественную жизнь, просилъ не посѣщать балы, парады, смотры, мотивируя тѣмъ, что подобныя «потѣхи» для ея здоровья вредны. «Я замѣчаю,—писалъ Фотій,—что послѣ каждаго бала или вечеринки у тебя бываетъ немощь». «Что за радость и утѣха смотрѣть на парады? спрашивалъ онъ и отвѣчалъ: весною комнатный воздухъ, разувѣтся, теплѣе уличнаго. Если отворить окно и смотрѣть на маршировку войскъ, то какъ разъ приходится вбирать грудью воздухъ свѣжій, прохладный, между тѣмъ платье надѣто легкое, и человекъ окруженъ теплымъ воздухомъ». Вѣря въ непреложность своихъ доказательствъ, Фотій восклицалъ: «неужели ты, разумная дѣвица, не отвыкла отъ похоти смотрѣть на парады!»

XVI.

Подчинивъ графиню окончательно своей волѣ, Фотій сталъ приередничать до глумленія. Онъ носилъ шапочки, приготовляемыя въ

монастырской швальнѣ. Вдругъ ему захотѣлось, чтобы шапочки были не мѣстнаго производства, а чтобы ихъ прислала непременно графиня. Фотій писалъ ей, что у него много было приготовлено шапочекъ, но «его такъ всё любить, что раскрали до послѣдней», а того мастера, который шилъ по его нраву, уже нѣтъ въ монастырѣ. Онъ просилъ графиню прислать ему шапочекъ изъ Москвы: «носить нечего въ кельяхъ, говорилъ онъ, а я привыкъ къ шапочкамъ».

Графиня прислала, и тогда Фотій просилъ привезти ему три пары черныхъ сандалій—одну на толстыхъ подошвахъ, да три пары разныхъ цвѣтовъ, вышитыхъ серебромъ или золотомъ. Франтоватія сандаліи онъ желалъ имѣть полегче, чтобы ходить ночью по кельямъ, при чемъ присовокуплялъ, чтобы она никому не говорила о посылкѣ сандалій, иначе «толку опять будетъ много изъ пустаго».

Графиня отвѣтила, что монаху не подобаетъ выходить и быть въ церкви въ сандаліяхъ, да еще въ цвѣтныхъ, вышитыхъ и что кто посовѣтовалъ ему это, тотъ, должно быть, хотѣлъ посмѣяться надъ нимъ или сорвать злобу. Фотій доказывалъ, что сандаліи носятъ все монашествующіе, тѣмъ болѣе въ мірѣ, не исключая и самой графини. Сандаліи онъ надѣваетъ на сонъ грядущій, да во время молитвы—и только. Совѣтовъ онъ ни отъ кого и никакихъ не принимаетъ, а вздумалъ это самъ, когда почувствовалъ, что ему стало тяжело ходить въ сапогахъ. «Быть можетъ,—писалъ Фотій,—въ С.-Петербургѣ нѣтъ готовыхъ сандалій, которыхъ я вмѣсто гостинца хотѣлъ получить, такъ на тотъ случай, ежели таковыхъ нельзя обрѣсти и мнѣ доставить, я самъ закажу спить какія мнѣ желательно, по собственному вкусу».

Затѣмъ просилъ прощенія у своей благодѣтельницы, что прогнѣвалъ ее проступкомъ, который ей противенъ, а ему «во здравіе годный».

«Прости,—прибавляетъ онъ,—что пустяками и бездѣлицами докучаю, буду разумнѣе поступать, видишь, какъ я умомъ сталъ слабѣе».

Все-таки графиня умиротворила духовнаго отца сандаліями, и Фотій не столько ходилъ по кельямъ въ расшитыхъ туфляхъ, сколько щеголялъ ими въ сухую погоду по монастырю и садамъ.

Пришла фантазія Фотію одѣть всю свою братію въ синіе хитоны, и онъ, не долго думая, сшилъ хитоны двумъ-тремъ монахамъ, а затѣмъ обратился къ графинѣ съ просьбою прислать для этой надобности 12 кусковъ синяго полумериносу, объясняя при этомъ, что нѣкоторые монахи уже носятъ хитоны и любятъ на себя; прочіе же завидуютъ и просятъ, чтобы и имъ сдѣлали хитоны. Что же касается лично до настоятеля, то новая одежда его «весьма утѣшаетъ и радуетъ». Только не нашлось цѣльныхъ лентъ для поясовъ. Объ этомъ Фотій сожалѣетъ и пишетъ, что въ Петербургѣ, вѣроятно, найдутся длинныя ленты. Полумериносъ былъ присланъ. Монаховъ тогда считалось 50 человекъ;

всѣ они нарядились въ синіе хитоны съ шелковыми поясами. «Радуюсь» новинкѣ, Фотій и себѣ сдѣлалъ хитонъ, но носилъ его однако не долго; по распоряженію начальства, хитонъ съ него «сняли», а братіи приказано было не возобновлять болѣе такой одежды, неразрѣшенной высшей властью.

Можетъ быть, онъ самъ по себѣ и бросилъ бы носить хитонъ, «натѣшившись» новинкой, но разъ послѣдовало запрещеніе, значить, самолюбіе было затронуто, а въ данныхъ случаяхъ настоятель всегда шелъ наперекоръ. Когда монахи донашивали синіе хитоны, Фотій снова надумалъ шить себѣ хитонъ и уже голубаго цвѣта. Насчетъ запрещенія онъ ни мало не стѣснялся, говоря, что рука человѣческая сняла съ него хитонъ, а нынѣ Божія опять его облекла въ оный, отчего онъ не сниметъ хитона до самой смерти. «Теперь,—писалъ Фотій,—первое для меня утѣшеніе, больше у меня радости носить таковой хитонъ». Фотій надѣвалъ его въ кельѣ и при графинѣ, дабы не обнаружить своей трусости передъ начальствомъ и показать свое право на ношеніе такой одежды. Но въ тонкомъ хитонѣ было не тепло тощему, сухому тѣлу; Фотій подшилъ хитонъ плюшемъ и не выходилъ изъ него, пока не покидалъ кельи. Привыкнувъ къ такой одеждѣ, онъ отбросилъ всякій страхъ къ начальству и сталъ ходить въ ней въ храмъ, даже отправлять службу. Большой Георгіевскій соборъ не отапливается и до сихъ поръ, поэтому для службы, кромѣ хитона, надо было одѣвать какой-нибудь ватный подрясникъ. Когда Фотій надѣвалъ то и другое, онъ уставалъ. Тогда онъ надумалъ положить мѣхъ на мѣхъ, но и въ такомъ хитонѣ чувствовалъ тяжесть. Кажется, приходилось разстаться съ излюбленнымъ хитонкомъ, но этого ему страшно не хотѣлось. Вдругъ Фотій просить свою дочь прислать ему фунтовъ десять лебяжьего пуху. Графиня встала въ тупикъ и недоумѣвала, зачѣмъ ему понадобился пухъ.

Оказывается, Фотій придумалъ, вмѣсто мѣха, подъ мѣхъ положить пухъ, отчего хитонъ «будетъ тепелъ и легокъ». Кромѣ того, у Фотія во время службы стали забнуть ноги, и онъ просилъ шить ему сапоги на мѣху, но только «не звѣря класть въ нутро, а хорошую овчину», при чемъ угрожалъ, что если овчинные сапоги не будутъ готовы къ Пасхѣ, то онъ сошьетъ ихъ у себя въ монастырѣ тоже на пуху. Вообще ухватившись за пухъ, какъ за хорошо грѣющее средство и легкое въ носкѣ, Фотій отвергалъ все мѣховое: подрясники, рясы, шубы и говорилъ, что эти вещи не практичны и подвергаются «молебденію».

Писалъ онъ о высылкѣ и миниатюрной камилавки подъ клобукъ, и о какой-то особенной митрѣ, прямой и чрезвычайно легкой, просилъ замѣнить «ради Христа» стальные перья гусиными и прислать послѣд-

*

нихъ побольше—цѣлую корзину, да чтобы были непременно чиненныя, такъ какъ никому онъ не довѣряетъ подходить къ его письменному столу; страшно сѣтоваль онъ на металлическія перья, говоря, что «тяжело рукѣ слабой и перстамъ, даже боль приключается». Соболезновалъ Фотій и о томъ, что въ новгородскихъ лавкахъ продается такое отвратительное мыло, которымъ «въ пору» мыть только телятъ, а никакъ не человѣка. Поэтому онъ не былъ въ банѣ два мѣсяца и пошелъ уже тогда, когда невозможно было переносить зудъ. Фотій писалъ: «грязь на мнѣ выросла, какъ на свиньѣ, такъ и скоблилъ съ тѣла». Всѣ эти откровенія вели къ тому, конечно, чтобы графиня прислала мыла и при томъ болѣе лучшаго качества, чѣмъ употребляется въ монастырѣ.

Въ своихъ прихотяхъ Фотій доходилъ до того, что просилъ графиню выслать ему диванъ, на которомъ можно полежать и отъ усталости отдохнуть «безъ всякой опасности».

Курьезно было ходатайство о конѣ. Дѣло въ томъ, что Фотій состоялъ благочиннымъ монастырей, окружающихъ Юрьевъ. Такъ, видите ли, ему тряско было ѣздить на ревизію ихъ въ тарантасѣ. Вотъ онъ и просилъ графиню отправить къ нему съ ея завода верховаго коня, чтобы ѣздить верхомъ и тѣмъ избѣжать тряпки. Конь долженъ быть ѣзжалый, «духомъ смиренъ и добръ, а главное, масти бѣлый, видомъ георгіевскій». Безъ этихъ условій,—писалъ Фотій,—лучше коня не присылать. Конь былъ присланъ, и въ деревняхъ, гдѣ проѣзжалъ Фотій, явно смѣялись надъ оригинальнымъ наѣздникомъ. Вскорѣ конь былъ заброшенъ.

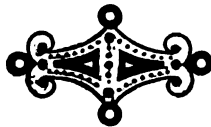
За просьбою о конѣ послѣдовала просьба о палаткѣ, безъ которой лѣтомъ въ саду некуда дѣваться—вѣтеръ дуетъ, солнце печетъ. Палатка будетъ не только укывательствомъ отъ вѣтра и знойныхъ лучей, но и мѣстомъ служебныхъ приемовъ. Тамъ, на лонѣ природы Фотій будетъ принимать эконома, казначея, ризничаго, какъ нѣкогда принимали подъ открытымъ небомъ воеводы начальниковъ своихъ дружинъ. Графиня прислала изъ Москвы не одну, а двѣ палатки. Фотій обрадовался имъ, какъ малый ребенокъ, и благодарилъ графиню, точно за крупное пожертвованіе.

Относительно лица, Фотій не меньше проявлялъ прихотей и ни о чемъ такъ не хлопоталъ, какъ о сельдахъ. «Бога ради,—писалъ онъ графинѣ,—не забудь сельдей прислать, ибо безъ нихъ, какъ мнѣ жить». Въ другомъ письмѣ онъ писалъ, что у него нѣтъ ни одной селедки, и ѣсть простыя подпаренныя. «Ты знаешь,—говорилъ онъ,—что отецъ твой въ дни разрѣшенные прикасается только къ селедкѣ, и прочей рыбы вовсе не употребляетъ. Пришли, моя дорогая матушка, старичку получше сельдей и прости мя грѣшнаго Фотія».

Однажды графиня посовѣтовала Фотію ѣсть яйца и пить молоко. Онъ страшно обидѣлся и назвалъ эту пищу «смертоносной» для него. «Пища моя,—сообщалъ, якобы оскорбленный, монахъ,—простая, святая: три частички селедки, елей, красное вино и просфора изъ перваго сорта муки». При этомъ оговаривался, что для тѣлесъ его—селедка и елей, какъ цѣлебное свойство, но красное вино и просфору онъ употребляетъ во имя св. Тайнъ. За селедками шли финики: «Чадо мое, давно, давно не ѣлъ я финиковъ. Нѣтъ ли свѣжихъ, а старыхъ и костныхъ не желаю. Христа ради, утѣшь, пришли хотя одинъ ящикъ». Финики надѣли: «винныхъ ягодъ хочю,—писалъ онъ,—пришли мягкихъ, хорошихъ не боги ящика». Онъ просилъ прислать барбариснаго варенья и рябиновыхъ лепешечекъ. Затѣмъ архимандриту, употреблявшему пищу въ маломъ количествѣ, понадобился серебряный сервизъ. Когда графиня пожелала ему преподнести таковой, то Фотій самъ указалъ, какіе предметы должны быть въ немъ: 1) миска для щей; 2) блюдо для кашицы; 3) тарелка подъ кисель; 4) сосудъ для селедки; 5) стаканъ винный; 6) два стакана для варенья. Мало того, Фотій просилъ не спѣшить съ заказомъ сервиза, пока онъ не составитъ и не вышлетъ собственныхъ рисунковъ для него. Такъ привередничалъ Фотій, ставшійся изобразить изъ себя аскета и святошу.

А. Слезскинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Камень съ природой начертаннымъ изображеніемъ императрицы Екатерины II.

Всеподданнѣйшее письмо капитана М. Лонгинова.

Ваше императорское величество
всемиловѣйшая государыня

припадши подъ покровъ милосердія матери отечества, дерзаю всеподданнически представить предъ лицо великой монархини изображеніе ея на камнѣ, избрѣтенномъ (то-есть найденномъ) случайно.

По званію моему и охотѣ упражняся въ собраніи ископаемаго царства и давая нѣкоторымъ камнямъ для виду лицо, открылося на представляемомъ камнѣ изображеніе, которое, по удаленіи отъ зрѣнія, показалося чувствительнѣе. Правда: оное не есть дѣло искуснѣйшей руки художника; но дѣло природы, которая, видно, производя подлинникъ, истощила всѣ свои силы, но желая совершеннѣйшему своему произведенію оставить памятникъ и не надѣяся на искуснѣйшихъ, ею сдѣланныхъ художниковъ, работу, которая снѣдается временемъ, уже ослабшими руками въ нѣдрѣ камня начертала изображеніе для позднѣйшихъ потомковъ, которые бы познали, что была въ свѣтѣ несравненная государыня.

Такое природою начертанное изображеніе, въ каковомъ оное видѣ обрѣтено и открыто, въ томъ точно видѣ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и представляется, купно съ тѣмъ же и обрѣтатель онаго повергается къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества! всемиловѣйшая государыня! вѣрноподданнѣйшій капитанъ Матѣей Лонгиновъ.

Екатеринбургъ
октября 21-го дня
1796 года.

На докладѣ рукою Д. П. Троцинскаго написано: «Присланный камень отъ его императорскаго величества отданъ въ Кабинетъ для храненія. Ноября 19-го».

Сообщ. В. Н. Строевъ.

Изъ переписки М. Н. Загоскина ¹⁾.

(р. 14-го іюля 1789 † 23-го іюня 1852).

VIII.

Письма разныхъ лицъ.

П. Н. Араповъ ²⁾ — М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ, 7-го іюля 1822 г.

За мѣсяць предъ симъ я послалъ чрезъ г-на Похорскаго ³⁾ къ Ф. Ф. Кокоскину ⁴⁾ комедію-водевиль своего сочиненія ⁵⁾, представленіе которой кн(язю) Шаховскому ⁶⁾ не угодно было позволить на здѣшнемъ театрѣ; я рѣшился напечатать мою піесу и украсилъ ее литографическою виньеткою ⁷⁾, за что имѣлъ большую неприятность. Шаховской узналъ себя въ картинкѣ и чрезъ друга своего Майкова ⁸⁾ (кото-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, августъ 1902 г.

²⁾ Пимень Николаевичъ Араповъ (р. 1797 † 1861), драматическій писатель, авторъ труда „Лѣтопись русскаго театра“.

³⁾ Съ однимъ Похорскимъ Загоскинъ издавалъ, во второй половинѣ 1817 г., журналъ „Сѣверный Наблюдатель“.

⁴⁾ См. выше, стр. 359, прим. 3-е.

⁵⁾ Статья изъ газетъ, или женихъ въ книжной лавкѣ (Спб. 1822).

⁶⁾ Извѣстному князю Александру Александровичу Шаховскому, бывшему члену конторы театровъ по репертуарной части.

⁷⁾ На виньеткѣ изображены двое мущия въ книжной лавкѣ (изъ нихъ въ одномъ легко можно узнать кн. А. А. Шаховскаго). Подъ виньеткою стоитъ подпись: Здѣсь совершенная бѣда съ театромъ автору связаться.

⁸⁾ Аполлона Александровича Майкова, директора императорскихъ театровъ.

рый во всякомъ случаѣ имѣеть честь быть его покорнѣйшимъ слугою) жаловался на меня графу Милорадовичу ¹⁾; послѣдній приказалъ меня арестовать; къ счастью, что за меня всѣ тотчасъ вступились, и графъ призналъ свою ошибку. Виньеты при книжкахъ запрещены; два экземпляра при семъ къ вамъ посылаю, изъ коихъ одинъ можете доставить Федору Федоровичу ²⁾.

Вотъ вамъ краткое описаніе подлостей здѣшной дирекціи. Шаховской жалуется теперь на журналы, которые безпрестанно его атакуютъ, и никакъ не можетъ забыть тѣхъ чувствительныхъ ударовъ, которые получилъ прошедшей зимою; приложенная пѣса съ виньетой такой сдѣлала шумъ въ городѣ, что теперь платять по 25 руб. за экземпляръ, чтобъ имѣть ее съ карикатурнымъ портретомъ Шаховскаго.

Если московская дирекція отойдетъ отъ зависимости здѣшной ³⁾, покорнѣйше прошу васъ приложить стараніе, чтобъ мой водевиль былъ игранъ ⁴⁾, чувствительно одолжите; музыку я также при письменномъ экземплярѣ къ Ф(едору) Ф(едоровичу) отправилъ.

Пожалуйте, любезный Михаилъ Николаевичъ, напишите ко мнѣ мнѣніе ваше и почтеннаго Ф(едора) Ф(едоровича) насчетъ пѣсы; адресъ мой у сего прилагаю. Изъявля мое истинное почтеніе всему вашему семейству, имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою П. Араповъ.

Р. С. Пимену (Николаевичу) Арапову, близъ Вознесенскаго моста, въ домѣ Шипулинскаго № 146.

М. Е. Лобановъ ⁵⁾ — М. Н. Загоскину.

18-го сентября 1823 г.

Любезный другъ Михаилъ Николаевичъ. Давно не писалъ къ тебѣ, и вдругъ съ просьбою, да еще и весьма съ важною. Въ бытность князя

¹⁾ С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу.

²⁾ Кожошкину.

³⁾ Это и произошло въ 1823 году.

⁴⁾ 18-го мая 1822 г. Загоскинъ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ московскому военному генералъ-губернатору, съ исправленіемъ должности экспедитора по театральному отдѣленію. (Въ Москвѣ тогда не было дирекціи театра, а находилась контора, состоявшая въ непосредственномъ завѣдываніи генералъ-губернатора). Въ 1823 году Загоскинъ былъ назначенъ членомъ конторы дирекціи московскаго театра по хозяйственной части, въ 1830 г. сталъ управляющимъ конторою московскихъ театровъ, а съ 1831 по 1847 годъ былъ ихъ директоромъ.

⁵⁾ Михаилъ Евстаѣевичъ Лобановъ († 1846), писатель, членъ Россійской Академіи. Отвѣтное письмо Загоскина, отъ 3-го октября 1823 года, напечатано въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1880 года, т. II, стр. 692—693.

Дмитрія Владиміровича ¹⁾ у насъ въ Петербургѣ, я предлагалъ ему для московскаго театра Федру ²⁾, мной переведенную; князь благосклонно принималъ мое предложеніе и тогда же поручилъ мнѣ писать объ этомъ къ Федору Федоровичу Кокоскину ³⁾. Это было, помнится, зимою; а я только теперь спохватился: можетъ быть, поздно; но дружба твоя все поправить.

Я предлагаю Федру московской театральнѣй дирекціи и буду доволенъ тѣмъ, что вы сами мнѣ за нее предложите. Двѣ тысячи, кажется, не много. Дирекціи отъ сей пьесы, которую честь театра велитъ вамъ принять, будетъ вѣрный доходъ; а мнѣ, любезный другъ, и это пригодилось бы. Я потерялъ 5.000 въ Головиномъ дѣлѣ: выдали вмѣсто денегъ билетами, да еще такими негодными, что ни одинъ не выигралъ. Но что дѣлать! На судьбу не принимаютъ просьбы въ губернскомъ правленіи, хоть, правду сказать, не она одна виновата; наследники уплелись отсюда и благоденствуютъ... безсовѣстные! Постарайся, любезный другъ, склонить почтеннаго Федора Федоровича къ принятію моего предложенія именемъ блистательнаго отца нашего Аполлона, который за доброе ваше дѣло воздастъ вамъ внушеніемъ прекрасныхъ пѣсней и, увѣнчавъ чела ваши вѣнками неувядаемыми, введетъ во храмъ безсмертія.

Устрой, любезный другъ, это дѣло и обрадуй меня съ первою почтою отвѣтомъ и, если можно, официальной бумагою за подписаніемъ директора, а я съ первою же почтою доставлю вамъ рукопись.

Ахъ, любезный другъ, когда бы ты зналъ, какихъ трудовъ мнѣ стоитъ эта Федра! Десять трагедій, кажется, перевелъ бы другаго автора, если бы не страсть къ божественному Расину. А сколько у меня завистниковъ, соперниковъ! Здѣсь въ Петербургѣ живыхъ и ходячихъ поддюжины!... А черви-то, черви-то парнасскіе копышутся, кипятъ и ярятся!

На здѣшнемъ театрѣ Федра должна итти въ концѣ этого мѣсяца; Семенова ⁴⁾, надѣюсь, будетъ безподобна. Да и другія роли изряднехонько поплетутся.

Ты, вѣрно, хочешь услышать что-нибудь о Колосовой ⁵⁾? Она играла Герміону въ Андромахѣ. Прекрасно сдѣлала, что съѣздила въ Парижъ: наружность, всѣ движенія, всѣ манеры гораздо лучше. А талантъ?

¹⁾ Голицына, московскаго генералъ-губернатора.

²⁾ Переводъ „Федры“ вышелъ въ 1823 году.

³⁾ Директору московскаго театра.

⁴⁾ Знаменитая актриса Еваторина Семеновна Семенова (см. выше, стр. 360, прим. 1-е).

⁵⁾ Александръ Михайловичъ († 1880), бывшей потомъ замужемъ за извѣстнымъ трагикомъ Василюмъ Андреевичемъ Каратыгинымъ († 1853).

тотъ же: бѣда! таланту-то нигдѣ не прикупишь. Однакожъ очень, очень пріятная актриса. Не жди сравненія съ Семеновою: у одной чувство, а у другой искусство.

Хочешь некрологи? Умеръ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ ¹⁾; умеръ Стейбельтъ ²⁾, славный музыкантъ; а мы всѣ прочіе, слава Богу, живы покамѣстъ и здоровы.

Не хочешь ли стиховъ? Изволь, мой любезный, пришлю цѣлую трагедію, досыта наслушаешься!

Въ Библиотекѣ ³⁾ все по-прежнему, и всѣ наши здоровы. Иванъ Андреевичъ ⁴⁾ захворалъ было, и весьма серьезно, но поправился, и теперь какъ маковъ цвѣтъ! Цѣлое лѣто онъ гостилъ въ Павловскѣ у императрицы ⁵⁾ и чрезвычайно пріятно провелъ время. Николай Ивановичъ ⁶⁾ здоровъ и оканчиваетъ свою Илиаду.

Я пишу съ сею же почтою къ князю Дмитрію Владиміровичу и къ Федору Федоровичу; но много полагаюсь на твое искреннее и дѣятельное участіе. Прощай. Душевно преданный тебѣ Михаилъ Лобановъ.

Наше искреннее почтеніе Аннѣ Дмитріевнѣ ⁷⁾; Александра Антонова цѣлуетъ ее, а тебя проситъ похлопотать по нашему дѣлу.

Князь Н. А. Щербатовъ—М. Н. Загоскину.

Москва. 9-го марта 1830 г.

Государь императоръ, восхищенный «Юріемъ (sic) Милославскимъ», изъявилъ сегодня князю Дмитрію Владиміровичу ⁸⁾ желаніе васъ видѣть у себя, почему его сіятельство поручить изволилъ мнѣ просить васъ завтра утромъ, въ 11 часу, явиться въ Николаевскій дворецъ, для представленія его величеству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ, милостиваго государя, покорнѣйшимъ слугою князь Николай Щербатовъ.

¹⁾ Государственный контролеръ баронъ Б. Б. Кампенгаузенъ († 10-го сентября 1823).

²⁾ Даниель Штейбельтъ (Steibelt, р. 1764 † 8-го (20-го) сентября 1823 г. въ Петербургѣ), извѣстный композиторъ и піанистъ, бывший капельмейстеромъ петербургскаго театра.

³⁾ Въ Императорской Публичной Библиотекѣ, въ которой служили Лобановъ, Крыловъ и Гнѣдичъ, а въ 1818—20 г.г. и Загоскинъ, занимавшій въ ней должность помощника бібліотекаря.

⁴⁾ Крыловъ.

⁵⁾ У императрицы Маріи Феодоровны.

⁶⁾ Гнѣдичъ.

⁷⁾ Женѣ Загоскина.

⁸⁾ Голицыну, московскому генералъ-губернатору.

Андрей Ник. Муравьевъ—М. Н. Загоскину.

Александровское. 16-го августа 1830.

Возвратясь изъ Палестины, гдѣ я такъ долго былъ лишенъ всего русскаго, съ невыразимымъ удовольствіемъ бросился я на первую русскую книгу, которая мнѣ встрѣтилась, и по счастію это была «Милославскій». Хвалить не стану, скажу только, что сцены въ Нижнемъ и въ лаврѣ заставили меня утирать глаза столь пламеннымъ отголоскомъ любви къ отечеству (sic), и слова Палицына надъ гробомъ Сергія восхитительны! Но не стану завлекаться симъ предметомъ, ибо другой прозаическій побудилъ меня писать вамъ.—Вотъ онъ: я хочу дать 15-го сентября праздникъ батюшкѣ¹⁾; у насъ есть малый театръ и малый хоръ пѣвчихъ, нельзя ли прислать мнѣ, какъ можно скорѣе, какую-нибудь малую оперу по вашему выбору, но только смѣшную, ибо грустная для нихъ слишкомъ трудна.

Не годится ли Удача отъ неудачи, или Жидовская корчма; полагаюсь совершенно на вашъ вкусъ, но только пришлите вмѣстѣ и ноты изъ театра; я самъ возвращу вамъ ихъ въ цѣлости, ибо приѣду въ Москву въ исходѣ сентября; сколько бы оперъ и нотъ ни прислали, я за всѣ самъ ручаюсь и возвращу лично. Хотя наше знакомство было прервано войною и моимъ путешествіемъ, однакожъ вполне надѣюсь, что вы по прежней благосклонности не откажете въ моей просьбѣ и тѣмъ много обяжете вашего покорнѣйшаго слугу А. Муравьева.

Пришлите пожалуйста сіи оперы въ нашъ домъ къ управляющему Гаврилъ Мосѣеву, но ради Бога не медлите.

О. М. Сомовъ—М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ, 15-го іюня 1831 г.

Благодарю, и тысячу разъ благодарю васъ за пріятный подарокъ, который подоспѣлъ ко мнѣ въ концѣ минувшей недѣли и съ которымъ до сего дня я неразлученъ, sans phages. Вашъ «Рославлевъ»²⁾ пробудилъ нашу заплѣсневѣлую литературу отъ лѣтняго ея застою, и я отвелъ имъ душу, какъ добрымъ стаканомъ шампанскаго, игриваго, шипучаго,

¹⁾ Николай Николаевичъ Муравьевъ († 1840), основавшій въ 1811 г. въ Москвѣ учебное заведеніе для колонновожатыхъ.

²⁾ Романъ Загоскина „Рославлевъ, или русскіе въ 1812 году“ вышелъ въ 1831 году.

бросающаго искры. Въ будущемъ № моей газеты вы увидите то, что я чувствовалъ при чтеніи вашего прекраснаго романа¹⁾; и я напередъ увѣренъ, что вы не подосадуете на меня за критику откровенную и не злоумышленную.

Отъ Саввы Михайловича²⁾ получилъ я 5 экземпляровъ «Рославлева» (въ томъ числѣ и назначенный мнѣ). Одинъ изъ нихъ (Гречу) доставилъ я въ тотъ же день. Князь А. А. Шаховской живетъ теперь на дачѣ, на 3-й верстѣ по Петергофской дорогѣ. На-дняхъ я поѣду къ нему нарочно и отвезу вашъ подарокъ. На-дняхъ же буду у Пушкина, кочующаго теперь съ молодою своею въ садахъ царскосельскихъ, гдѣ остается онъ на цѣлое лѣто. Я порадую его милымъ спутникомъ лѣтнихъ прогулокъ, живымъ, лихимъ, истинно-русскимъ Рославлевымъ. Аладына³⁾ не знаю гдѣ отыскать: онъ долженъ мнѣ, не платитъ уже съ полгода послѣ срока и глазъ не показываетъ. Впрочемъ, буду выпытывать его чрезъ книжныя лавки, для полученія принадлежащаго ему экземпляра. Назначеннаго А. С. Шишкову, по приложенному вами описку, экземпляра я не получилъ, но надѣюсь на нынѣшней недѣлѣ увидѣться съ Саввою Михайловичемъ и спрошу у него.

Вѣрю съ полнымъ убѣжденіемъ, что (Малый) театръ въ томъ видѣ, какъ вы его застали, *n'était pas le Régou*⁴⁾, чувствую это по сравненіямъ и слухамъ, доходящимъ до меня о здѣшнемъ, ибо самъ я давно уже отрекохся отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и потому не бываю больше въ здѣшнемъ храмѣ жалкой Таліи и смѣшной Мельпомены. Что дѣлать! Душа не лежитъ къ этому пошлomu святилищу: съ меня довольно и пошлыхъ статей о немъ, которыхъ я тоже не читаю.

Кстати о театрѣ. Шальной хронологъ его *avant la naissance du monde*, Ушаковъ⁵⁾, раздосадовалъ меня вздорною своею статьею о «Рославлевѣ». Я хочу придать ему мазу въ моемъ разборѣ. Онъ прикидывается доброжелателемъ; но если и правда, то

Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Забавенъ его вопросъ: почему названъ де романъ: «Русскіе въ 12-мъ году»? И вслѣдъ за тѣмъ высказалъ все, чего можно требовать только отъ исторіи. Не разжевалъ голубчикъ и того, что русскіе тутъ въ характерахъ и картинахъ. Поэтому можно напасть и на Вальтеръ-

¹⁾ См. отзывъ о „Рославлевѣ“ въ „Литературной Газетѣ“ 1831 года, т. 3, № 36 (отъ 23-го іюня), стр. 294—296.

²⁾ Мартынова (см. выше, стр. 362, прим. 6-е).

³⁾ Егоръ Васильевичъ Аладынъ († 1860) писалъ повѣсти и стихи, издавалъ „Невскій Альманахъ“.

⁴⁾ Т. е. не имѣлъ особаго значенія.

⁵⁾ Статья Василія Аполлоновича Ушакова († 1838) о „Рославлевѣ“ была напечатана въ №№ 129, 130 и 139 „Сѣверной Пчелы“ 1831 года.

Скотта, зачѣмъ онъ написалъ въ заглавіи Ваверлея: «Шотландцы за 60 лѣтъ назадъ»? Ибо де тутъ не всѣ они на лицо по ревизскимъ сказкамъ. Это привязка истинно киргизъ-кайсацкая и очень пахнетъ лошадинымъ мясомъ и кобыльимъ молокомъ.

Снова повторяя чувствительнѣйшую мою благодарность за милый вашъ подарокъ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и душевною преданностію вашъ покорнѣйшій слуга О. Сомовъ.

П. П. Свиньинъ ¹⁾ — Загоскину.

15-го февраля 1832 г.

Ломая голову, какъ бы дать поумнѣе названіе моей комедіи, мнѣ пришло на мыслъ окрестить ее слѣдующимъ образомъ: «Не въ одной Москвѣ смѣшное!».

Какъ вы думаете, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Михайло Николаевичъ?

Я рѣшился остаться до овторника первой недѣли, чтобъ прочесть вамъ остальное дѣйствіе, которое есть развязка всему. Между тѣмъ покорнѣе прошу прислать мнѣ мою комедію, дабы я еще ее просмотрѣлъ. Ради Бога, не забудьте.

Да благоволите приказать дать на прилагаемые при семъ 15 рублѣй хорошенькій бенуаръ для французскаго спектакля въ среду. Если можно, третій съ котораго ни есть конца.

Симъ премного обяжете вашего покорнѣйшаго слугу Пав(ла) Свиньина.

В. В. Пассекъ ²⁾ — М. Н. Загоскину.

Харьковъ. 1-го сентября 1832 г.

И вдали отъ васъ чувствованія мои исполнены признательности— и уваженіе къ вамъ навсегда неизмѣнно. Вамъ извѣстно, что обстоятельства завлекли меня въ Украину, и я, конечно, обрадую васъ, сказавши, что дѣла окончились въ нашу пользу, что меньшіе мои братья и сестры будутъ имѣть болѣе нашего средствъ къ своему образованію и что наша маменька, послѣ продолжительныхъ несчастій, хотя въ по-

¹⁾ Издатель журнала „Отечественныя Записки“ († 1839).

На письмѣ, сбоку, рукою М. Н. Загоскина сдѣлана слѣдующая замѣтка: „Было изъ чего ломать голову. Назвалъ бы просто: Г... въ трехъ актахъ“.

²⁾ Вадимъ Васильевичъ Пассекъ († 1842), извѣстный издатель „Очерковъ Россіи“.

слѣднихъ дней жизни, не будетъ имѣть тягостныхъ заботъ о доставленіи насущнаго хлѣба своимъ дѣтямъ. Я говорю: обрадую васъ въ увѣренности, что сердце, расположенное къ добру, радуется счастію людей, въ которыхъ принимаетъ истинное участіе. Подробно можетъ рассказать вамъ объ окончаніи сего дѣла Левъ Дмитріевичъ Хорватъ, который обѣщался доставить вамъ это письмо. Онъ здѣсь судьей. Мы ему много обязаны.

Братъ Евгенийъ уѣхалъ отсюда въ іюлѣ мѣсяцѣ, а я, доканчивая порученныя мнѣ дѣла, еще живу въ странѣ, близкой мнѣ по родинѣ и далекой по душѣ. Въ пять мѣсяцевъ въ половинѣ здѣшней губерніи я нашелъ не болѣе пяти человѣкъ, съ которыми можно дѣлиться полнотою думъ и чувствованій. Здѣсь много умовъ свѣтлыхъ; но умъ безъ наукъ, науки безъ благодѣтельнаго приложенія не много улучшаютъ человѣка. А здѣсь просвѣщеніе поглощено или невѣжествомъ или наружнымъ образованіемъ, и масса людей не соединена никакою цѣлю, не оживлена общею идеею: всякій живетъ по обстоятельствамъ; сообразно съ ними измѣняется его духовная сторона, и если поденщикъ рабо(та)етъ для настоящаго дня, то здѣсь болѣе живутъ только для своихъ пожизненныхъ цѣлей. Можетъ быть, тоже самое и въ другихъ мѣстахъ, но здѣсь оно для меня замѣтнѣе.

У деревенскаго дворянства почти нѣтъ другихъ книгъ, кромѣ учебниковъ, сонниковъ, романовъ *des mesdames* Радклифъ и Жанлисъ и нравственныхъ наставленій, по способу дѣйствія на человѣка, запоздавшихъ въ минувшемъ столѣтіи. Даже подобныя бібліотеки рѣдки; почти все ограничивается напольнымъ хозяйствомъ, повѣркою приходо-вовъ и расходо-вовъ, но и здѣсь они страдаютъ ввести какую-нибудь новизну. Подъ сей итогъ нельзя подвести только немногихъ, въ противоположность которымъ являются помѣщики, которыхъ военное счастье сдѣлало безграмотными дворянами. Новое поколѣніе вообще и здѣсь лучше. Простонародіе съ рѣдкою характеристикою. Вотъ краткій очеркъ того, чтѣ я вижу; вотъ состояніе и вкусъ большей части публики. Повѣрите ли, что и ваши романы, почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичъ, здѣсь для многихъ неизвѣстны по имени: причина ясная—вы выше толпы. Это ручается вамъ за продолжительность вашей славы: Россія въ одно время заключаетъ въ себѣ много вѣковъ, принимая мѣриломъ ихъ просвѣщеніе. Для многихъ людей чрезъ два или три столѣтія наступитъ настоящее девятнадцатое. Слѣдовательно, только чрезъ два или три столѣтія будутъ доступны для нихъ нѣкоторыя ваши сочиненія, такъ справедливо занимающія любящихъ прекрасное и близкое сердцу русскому.

Свидѣтельствуя искреннее почтеніе милостивой государынѣ Аннѣ Дмитріевнѣ, съ полнымъ уваженіемъ имѣю честь быть къ вамъ, мило-

стивому государю, признательный и покорный слуга Вадимъ Пасекъ.

Р. S. О театрѣ здѣшнемъ буду писать Николаю Ивановичу¹⁾, которому не откажитесь засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Князь К. А. Ливень—М. Н. Загоскину²⁾.

16-го декабря 1832 г.

Я получилъ письмо ваше отъ 20-го ноября, въ коемъ жалуетесь, что московская цензура не пропустила антикритику на статью г. Полеваго, помѣщенную въ 13-мъ № его журнала, въ коей онъ разбираетъ пѣсу князя Шаховскаго «Рославлевъ»³⁾. Надо полагать, что въ сдѣланномъ вамъ членами Московскаго цензурнаго комитета отзывѣ вышло какое-нибудь недоразумѣніе; ибо комитету сему поставлено въ обязанность вообще не пропускать критикъ, въ коихъ заключаются личности, не дѣлая въ пользу какого бы то ни было лица исключеній. Настоящій случай можетъ быть развѣ тѣмъ изъясненъ, что сія статья г. Полеваго пропущена цензурою прежде, нежели было ей сдѣлано вышеупомянутое наставленіе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою князь Ливень.

Князь П. А. Вяземскій—М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ. 22-го декабря 1833 г.

M-me Julien, французская актриса Варшавскаго театра и прежде знакомая и московской публикѣ, ѣдетъ въ Москву съ желаніемъ и надеждою вступить во французскую московскую труппу. Она проситъ у меня рекомендательнаго письма къ вамъ, и, увѣренный въ вашемъ

¹⁾ Гнѣдичу.

²⁾ Генералъ-отъ-инфантеріи князь Карлъ Андреевичъ Ливень былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ 1828—32 гг.

³⁾ Въ № 13-мъ издававшася Н. А. Полевымъ „Московскаго Телеграфа“, въ отдѣлѣ „Русскій театр“, была помѣщена (стр. 118—129) критика на пѣсу: „Рославлевъ, романтическое зрѣлище въ 5-ти суктахъ, съ пѣніемъ, хорами и военными эволюціями, взятое княземъ А. А. Шаховскимъ изъ романа М. Н. Загоскина: Русскіе въ 1812 году“. — Загоскинъ, бывшій въ то время директоромъ московскаго театра, вообще принималъ на свой счетъ замѣтки въ „Московскомъ Телеграфѣ“ о театрѣ (см. „Историческій Вѣстникъ“ 1880 г., т. II, стр. 701—704).

ко мнѣ благосклонномъ расположеніи, я осмѣливаюсь исполнить просьбу ея и просить васъ не отказать ей въ покровительствѣ. Кромѣ таланта ея, который всегда хорошо былъ оцѣненъ публикою, она заслуживаетъ особенное участіе и по несчастному положенію своему. Последняя польская революція лишила ее всего имущества и плодовъ многолѣтнихъ занятій на сценѣ. Признаніемъ ея вы сдѣлаете, точно, доброе дѣло, а о талантѣ ея вы сами судить будете основательнѣе меня. Въ этомъ отношеніи она сама должна быть за себя ходатаемъ предъ вами и публикою.

Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы напомнить вамъ, милостивый государь, о себѣ и просить васъ принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и неизмѣнной преданности, съ коими имѣю честь быть вашъ покорнѣйшій слуга к(назь) Петръ Вяземскій.

А. С. Хомяковъ—М. Н. Загоскину.

Воскресенье, 27-го мая 1834 г.

Получивъ дружеское ваше письмо, я долго не смѣлъ ни вѣрить всѣмъ вашимъ похваламъ, которыхъ едва-ли заслуживаю, ни не вѣрить имъ, зная вашу откровенность. Ваше мнѣніе объ «Самозванцѣ»¹⁾ такъ лестно, такъ много превышаетъ самыя самолюбивыя мои надежды, что я приписываю оное пристрастію, внушенному или вашимъ ко мнѣ расположеніемъ или сочувствіемъ русскаго сердца съ другимъ сердцемъ, которое я также съ нѣкоторою гордостію могу назвать чисто русскимъ. Во всякомъ случаѣ это для меня лучшая награда: сладостныя воспоминанія останутся мнѣ отъ труда, доставившаго мнѣ такой прекрасный плодъ. Говорять, литераторъ пишетъ для себя и для удовлетворенія своему внутреннему чувству. Я согласенъ въ этомъ; но знаю и то, что трудъ становится легче, любовь къ дѣлу сильнѣе, когда благородныя души встрѣчаютъ дружбою труженика искусствъ. Судите же сами, какія были во мнѣ чувства при чтеніи вашего посланія. Если будущій мой сынокъ заслужитъ также похвалъ, то вѣрите, онъ много будетъ вамъ обязанъ. Съ прошедшаго вторника яснѣе кажется мнѣ цѣль моя, «Ляпуновъ»²⁾ принимаетъ живѣйшія краски, и я самъ какъ будто окрѣпчалъ. Это не слова, но отъ души. Я забываю холодность робкой и томной публики, ибо ваша похвала для меня залогомъ будущаго

¹⁾ Трагедія Хомякова „Дмитрій Самозванецъ“ была издана въ Москвѣ въ 1833 году.

²⁾ Отъ этой трагедіи сохранился лишь отрывокъ. Онъ напечатанъ въ Сочиненіяхъ А. С. Хомякова, IV, Москва 1900, стр. 179—186.

одобрения публики болѣе образованной и менѣе благоговѣющей передъ заморскимъ; а зубы польской хохлатой собаки ¹⁾ или налетъ бухарскаго коршуна ²⁾ уже просто становятся шуткой для того, кто въ рукѣ своей чувствуетъ руку друга-богатыря. Вашъ отъ души Хомяковъ.

Н. И. Гречъ—М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ. 7-го іюля 1834 г.

Любезнѣйшій Михаилъ Николаевичъ.

Тебѣ до выхода въ свѣтъ моего романа ³⁾ посылаю и «Черную Женщину», и «Мазепну» ⁴⁾ (sic). Прошу принять благосклонно!

Сдѣлай одолженіе, скажи, чтó дѣлаетъ вашъ Надеждинъ ⁵⁾? Или онъ вовсе не дорожитъ репутаціею честнаго человѣка и благороднаго литератора? Чтó значать его доносы на Брамбеуса ⁶⁾? Сенковскаго онъ не тронетъ, ибо С(енковскій) не читаетъ «Телескопа». Публики онъ не обморочитъ, ибо и она не знаетъ о существованіи «Телескопа». Но если кто и возьметъ въ руки эту гадкую статью, тотъ почувствуетъ величайшее презрѣніе къ ея автору. Полевой никогда этого не дѣлалъ. Можетъ быть, Н(адеждинъ), слышавъ неблаговоленіе министра ⁷⁾ къ С(енковскому), хочетъ поддѣлаться? Напрасный трудъ! Министръ нашъ такъ благороденъ, что не одобритъ низкихъ оскорбленій, хотя бы и такого человѣка, котораго онъ не любитъ, и такъ уменъ, что догадается о причинахъ этихъ рапортчекъ. Въ одномъ Н(адеждинъ) можетъ быть увѣренъ, что ему никто отвѣчать не будетъ, никто не захочетъ войти въ состязаніе съ грязнымъ донощикомъ. Онъ напрашивается на драку—напрасно! Можно не любить Сенк(овскаго), можно бранить его сочиненія, но онъ человѣкъ достойный уваженія, ученый, полезный, приносящій честь и пользу нашей словесности. А чтó сдѣлалъ Н(адеждинъ) для того, чтобъ имѣть голосъ въ литературѣ? Написалъ нелѣпную рѣчь о теоріи изящныхъ искусствъ ⁸⁾, предъ которою рѣчь Поле-

¹⁾ Т. е. Булгарина.

²⁾ Т. е. Сенковскаго.

³⁾ Романъ Греча, вышедшій въ 1834 году.

⁴⁾ Романъ Булгарина, вышедшій въ 1833—1834 гг.

⁵⁾ Николай Ивановичъ Надеждинъ издавалъ тогда журналъ „Телескопъ“.

⁶⁾ Псевдонимъ О. И. Сенковскаго.—Статья Надеждина подъ заглавіемъ „Здравый смыслъ и баронъ Брамбеусъ“ напечатана въ XXI части „Телескопа“ за 1834 годъ (стр. 131—175, 246—276 и 317—335).

⁷⁾ С. С. Уварова.

⁸⁾ „О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ“. Эта рѣчь была произнесена въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 6-го іюля 1833 года.

ваго ¹⁾, безтолковая и безграмотная, есть chef-d'œuvre. Если ты желаешь ему добра, посоветуй ему, чтобы онъ не дурачился. Во-первыхъ, онъ срамитъ себя предъ всею русскою публикою; во-вторыхъ, отсюда за эти мерзости такъ могутъ царапнуть, что и костей не унесетъ.

Я въ этомъ дѣлѣ человекъ совершенно посторонній. Меня не укусятъ никакая глупая дворняшка. Поскалить зубы, да и отстанетъ. Но честь, но словесность, но Россія! Подумай, что на насъ обращены глаза сорока милліоновъ; что мы должны быть выше толпы. Доносить на литератора, обвинять человека въ якобинствѣ и развратѣ! Это непозволительно! Не знаю, что дѣлаетъ ваша глупая цензура. И Полевого она сгубила.

Извини, что я распространился о предметѣ, можетъ быть, для тебя неприятномъ. Но я привыкъ знать, любить и уважать тебя не только какъ человека съ отличнымъ талантомъ, но и какъ благороднаго русскаго патріота, которому дорога честь отечественной литературы. Если имѣешь какое-либо вліяніе на Н(адеждина), уйми его. Ей-ей, худо кончится.

Прости, любезнѣйшій! Клянись твоей любезной супругѣ и помни твоего искренняго друга Н. Греча.

И. И. Дмитріевъ—М. Н. Загоскину ²⁾.

Москва. 29-го января 1836 г.

Слѣшу изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за вашъ литературный подарокъ. Увѣряю васъ искренно, что при представленіи «Недовольныхъ» ³⁾ я былъ въ числѣ ихъ противоположниковъ, а по прочтеніи этой пьесы еще болѣе въ томъ утвердился. Не смѣю состязаться съ двумя журналами ⁴⁾, какъ невѣжда XVIII вѣка: но я видѣлъ и слышалъ на сценѣ что-то похожее на правду; я улыбался иногда, глядя на сцену—и чего же для меня болѣе! Въ простотѣ сердца моего, право, доволенъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, покорнѣйшимъ вашимъ слугою И. Дмитріевъ.

¹⁾ Рѣчь о купеческомъ званіи и особенно въ Россіи (Москва. 1832).

²⁾ Одно письмо И. И. Дмитріева къ Загоскину было издано въ „Раутѣ“ Н. В. Сушкова, книга третья (Москва. 1854), стр. 315.

³⁾ Комедія Загоскина, напечатанная въ 1836 году.

⁴⁾ Имѣются въ виду отзывы о „Недовольныхъ“ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ (см. выше, стр. 96, прим. 2-е) и въ „Телескопѣ“ 1835 г., № 28 стр. 81—103.

Н. А. Полевой—М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ. 10-го января 1838 г.

Съ наступленіемъ новаго года позвольте мнѣ пожелать вамъ, отъ души и сердца, всего добраго и прекраснаго. Дай Богъ, чтобы вы провели наступившій годъ весело и счастливо, и позвольте прибавить къ большому малое, но для меня весьма большое, чтобы помнили и не забывали меня. Последнее время пребыванія моего въ Москвѣ такъ раскрыло мнѣ вашу чистую, поэтическую душу, ваше горячее, благородное сердце, что я навсегда полюбилъ васъ, навсегда сохранию къ вамъ чувства моей преданности, моего совершеннаго уваженія.

Увѣренность, что вы сохраняете ко мнѣ чувства драгоценной для меня пріязни, заставляетъ теперь меня обратиться къ вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою. Вотъ въ чемъ состоитъ она: вамъ уже извѣстно что я отдалъ на бенефисъ П. С. Мочалова свою драму «Уголино» ¹⁾. Меня уже увѣдомляли, что она репетируется и положено ее дать 21-го января. Но грозное извѣстіе вмѣстѣ съ тѣмъ пришло мнѣ изъ Москвы, что нельзя играть ее, не имѣя экземпляра рукописи, скрѣпленнаго цензурою г. Ольдекопа ²⁾. Къ крайнему прискорбію моему, времени до 21-го числа остается такъ мало, что я никакъ не могу успѣть переслать табою экземпляръ, и мнѣ остается прибѣгнуть только къ вашему великодушному заступленію. Увѣряю васъ моею честью и всѣмъ, что только есть для меня святаго на землѣ и въ небѣ: 1-е, что рукопись «Уголино» точно цензурою, съ весьма немногими измѣненіями, пропущена и подписана, а въ доказательство этого «Уголино» данъ будетъ 17-го числа на здѣшнемъ театрѣ; 2-е, что въ самомъ скоромъ времени, не далѣе 1-го февраля, я непременно вышлю списокъ, скрѣпленный г. Ольдекопомъ, а между тѣмъ окажите мнѣ ваше великодушное пособіе и покровительство: позвольте играть пьесу по списку, предварительно мною высланному, гдѣ всѣ измѣненія цензуры отмѣчены, и скрѣпленному однимъ изъ чиновниковъ здѣшней дирекціи. Въ семъ случаѣ никакой неприяности выйдти не можетъ, и остается неисполненною только канцелярская форма. Можетъ быть-напрасиваясь на представленіе «Уголино», я напрасиваюсь на шikanье и паденіе, но я прошу ваше превосходительство войти въ положеніе бѣднаго Мочалова, если ему не позволено будетъ вами, за полученіемъ только скрѣпленнаго цензурою списка, дать пьесу въ бенефисъ! Вотъ почему униженно прошу и готовъ на колѣни стать

¹⁾ Вышла въ свѣтъ въ 1838 году.

²⁾ Цензора Евстаѳа Ивановича Ольдекопа.

передъ вами: будьте великодушны! Строгость формъ я первый всегда готовъ уважить, но она терпитъ исключенія, если они не зловредны, а здѣсь, истинно и по совѣсти, ничего злаго нѣтъ, и все касается только внутреннихъ распоряженій. Это моя первая къ вамъ просьба—не откажите мнѣ въ ея исполненіи! А я вновь увѣрить васъ смѣю, что вожделѣнный списокъ за драгоценною скрѣпою г. Ольдекопа отнюдь не замедлю доставить, но только теперь, за малостью времени, списать и переслать его ко дню бенефиса не имѣю возможности.

Если вамъ любопытно вѣдать обо мнѣ, братъ мой ¹⁾ можетъ пересказать вамъ всѣ подробности. Я живъ, здоровъ, и только обремененъ работою, едва успѣваю съ нею управляться. Рѣшась трудиться — не ропщу! Первые начатки моего новаго журнальнаго дѣла ваше превосходительство, вѣроятно, уже видѣли въ новомъ «С(ынѣ) О(течества)» и новой «С(ѣверной) П(челѣ)» ²⁾. Могу ли надѣяться, что вы не откажетесь подарить въ нашъ перерожденный журналъ хоть нѣсколько страницекъ вашихъ? Я почелъ бы это драгоценнымъ подаркомъ и большимъ знакомъ вашего ко мнѣ вниманія. Надобно было противостать нашествію гордаго ляха на нашу литературу—будущее рѣшить успѣхъ...о

Обращаюсь снова къ моей просьбѣ объ «Уголинѣ». Увѣдомленія вашимъ согласіемъ буду ждать нетерпѣливо, и признаюсь, что извѣстіе о противномъ, послѣ чего не знаю уже, чѣмъ замѣнится на свой бенефисъ Мочаловъ, поставитъ меня въ самое грустное противъ него отношеніе. Отъ васъ зависитъ теперь обрадовать и опечалить меня. Я увѣренъ, что даже съ пожертвованіемъ многого вы согласитесь подарить радостью вашего ближняго, и, если только во власти вашей будетъ, всегда удалите отъ него минуту прискорбья...

Съ истиннымъ, совершеннымъ почтеніемъ и неизмѣнною преданностью честь имѣю пребыть, вашъ, вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Николай Полевой.

Н. В. Кукольникъ—М. Н. Загоскину ³⁾.

С.-Петербургъ. 2-го марта 1841 г.

Письмо ваше, драгоценнѣйшій Михайло Николаевичъ, я получилъ и приношу всякую признательность за вниманіе. Спѣшу васъ увѣдомить,

¹⁾ Ксенофонтъ Алексѣевичъ Полевой.

²⁾ Съ 1838 года Н. А. Полевой сдѣлался негласнымъ редакторомъ „Сына Отечества“ и „Сѣверной Пчелы“ (см. „Русскую Старину“ 1901 года, май, стр. 409).

³⁾ Одно письмо Кукольника къ Загоскину, тоже 1841 г., напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1901 г., мартъ, стр. 693.

что Холмскаго моего ¹⁾ приступаютъ разучивать, но онъ раньше исхода апрѣля данъ быть не можетъ за отлучкою въ Москву гг. Каратыгиныхъ. Идетъ онъ по разамъ, слѣдственно и на московской сценѣ я сохраняю такія же права. Все теперь зависитъ отъ вашей воли и содѣйствія. Знаю и вѣдаю ваше ко мнѣ расположеніе и потому предаю себя и сына моего вамъ въ руки. Ставьте, когда хотите, хоть лѣтомъ, хоть къ зимѣ, только поставьте въ этомъ году. Положеніе мое вынуждаетъ хлопотать о нѣкоторомъ хотя вознагражденіи, а я на Москву больше надѣюсь, чѣмъ на нашу архи-европейскую столицу; и по разамъ перепало бы мнѣ что-нибудь не на одну бумагу и перья; сколько-нибудь окупилось бы и время. Вы частенько сидите въ конторѣ, у васъ подъ руками почтовый лоскутокъ, а въ рукѣ перышко, я не теряю надежды, что вы въ одну изъ такихъ минутъ—хватъ и увѣдомите меня о вашихъ намѣреніяхъ насчетъ Холмскаго. Но вообразите мой восторгъ, восхищеніе моихъ добрыхъ сотрудниковъ, радость подписчиковъ на «Русскій Вѣстникъ», еслибы вдругъ при лоскуткѣ о моемъ дѣлѣ приложенъ былъ коротенькій разсказъ, даже отрывочекъ съ отдѣльнымъ содержаніемъ(мъ), что-нибудь, что-нибудь руки вашей для нашего журнала, иже подвизается съ такимъ безкорыстіемъ и съ такими честными намѣреніями на рынкѣ словесности? Не правда ли, что эта мечта обольстительна, а что же, если она обратится въ дѣйствительность? Къ вамъ я пишу безъ лести и аггіеге-rensée ²⁾, какъ нѣкогда разговаривалъ съ вами.

Въ Москву ѣдетъ Гейнефеттеръ ³⁾. Чудо, не пѣвица; диво, не чело-вѣкъ. Вы ее полюбите, какъ полюбили ее всѣ, понимающіе искусство и чувство. И риема, и правда.

Весь и по вся дни вашъ Несторъ Кукольникъ.

К. П. Масальскій—М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ, 3-го апрѣля 1842 г.

Хотя много уже прошло времени съ 1834 года, когда я былъ въ Москвѣ, но мнѣ до сихъ поръ живо памятенъ радушный, обязательный приемъ, которымъ вы тогда удостоили петербургскаго пріѣзжаго. Не даромъ сказалъ Батюшковъ:

¹⁾ Драма Кукольника „Князь Данилъ Дмитріевичъ Холмскій“ вышла въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1840 году.

²⁾ Т. е. задней мысли.

³⁾ Пѣвица Сабина Гейнефеттеръ (р. 1802 † 1872), пользовавшаяся большимъ успѣхомъ въ Германіи, Франціи и Италіи.

О, память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной¹⁾.

И до того времени, никогда еще не выдавъ васъ, я любилъ и уважалъ искренно автора «Юрія Милославскаго»; но, узнавъ его лично, сталъ любить и уважать его еще болѣе. Не считите, милостивый государь Михаилъ Николаевичъ, словъ моихъ за мишурный комплиментъ. Я не охотникъ до мишуры и не люблю говорить не согласно съ сердцемъ.

Податель этого письма, родной братъ мой, Михаилъ Петровичъ Масальскій, отправляющійся по порученію министра государственныхъ имуществъ на слѣдствіе въ Ярославскую губернію. Онъ вручить вамъ 3-й номеръ моего «Сына Отечества». Тамъ я высказалъ, въ статьѣ о вашемъ новомъ твореніи²⁾, то, что давно у меня лежало на сердцѣ. Мои чувства, безъ сомнѣнія, раздѣляютъ всѣ русскіе, любящіе отечество и славу родины. По крайней мѣрѣ въ Петербургѣ статья моя надѣлала много шума. Я получилъ за нее отъ многихъ, вовсе незнакомыхъ мнѣ лицъ благодарственныя письма. Они доказываютъ, какъ всѣ любятъ васъ. За то, съ другой стороны, партія европейцевъ и верхоглядовъ собираются войною на «Сына Отечества». «Быть грому великому» можно мнѣ сказать вмѣстѣ съ пѣвцомъ Слова о полку Игоревомъ. Но робѣть не должно. За правое дѣло весело сражаться.

Весьма бы поддержали вы, милостивый государь Михаилъ Николаевичъ, «Сына Отечества», подавъ ему помощь. Эта помощь—все равно, что стотысячное войско. «Сынъ Отечества» сдѣлался бы втрое, вчетверо сильнѣе, если бы вы украсили его хоть разъ вашимъ именемъ. Обращайте меня присылкою повѣсти или какой угодно піесы. Условія предоставляю совершенно на ваше благоусмотрѣніе. Я на всѣ условія изъявляю напередъ полное согласіе. Адресъ мой: Дѣйствительному статскому совѣтнику Масальскому, редактору «Сына Отечества», въ С.-Петербургѣ, въ собственномъ домѣ.

Братъ мой торопитъ меня окончить письмо, потому что опасается опоздать и упустить отъѣзжающій дилижансъ. Извините за это письмо, писанное на почтовыхъ, и вѣрьте, что навсегда сохраню чувства глубокаго уваженія къ вамъ и искренней преданности, которыя у меня въ сердцѣ, а не на концѣ письма. Вашъ покорнѣйшій слуга К. Масальскій.

¹⁾ Эти два стиха взяты изъ стихотворенія К. Н. Батюшкова „Мой гений“.

²⁾ См. отзывъ о романѣ Загоскина „Кузьма Петровичъ Мирошевъ“, помещенный въ № 3 „Сына Отечества“ 1842 года, Критика, стр. 13—28.

Князь В. Ѳ. Одоевскій—М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ, 4-го февраля 1843 г.

Честь имѣю препроводить къ вамъ при семь, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Михаилъ Николаевичъ, нашу книжицу ¹⁾, которая украшена вашею статьею ²⁾. Я до сихъ поръ не благодарилъ васъ за нее, но вы вѣрно простите мнѣ эту неучтивость, когда узнаете все, что подѣлалось со мною въ теченіи этого года. По возвращеніи изъ-за границы, я нашелъ, что дома у меня очень худо: теща ³⁾ при смерти и въ страданіяхъ непрерывныхъ — и эти страданія длились три мѣсяца! Теща умерла, жена ⁴⁾ занемогла, а къ тому же приспѣла работа служебная, и еще какая—корректорная! Хотя поздно, но примите мою искреннюю благодарность и за вашу прекрасную статью, и за готовность, съ которою вы изъ первыхъ приняли участіе въ семь полезномъ и, можетъ быть, болѣе важномъ дѣлѣ, нежели какъ обыкновенно думаютъ наши литераторы о народныхъ книгахъ. Между тѣмъ не поспѣйте и не удивитесь нѣкоторому роду предисловія, находящемуся въ началѣ вашей статьи ⁵⁾ — насъ принудила къ тому духовная цензура, сама оное написала и объявила, что безъ таковаго прибавленія статьи пропустить нельзя; долго мы съ нею торговались; и какъ на малѣйшее исключеніе изъ вашей статьи мы не соглашались,—надобно было согласиться на предисловіе; мы отдѣлили его чертою, чтобы показать, что это грѣхъ не вашъ, а только приклеенъ къ вашей статьѣ. Вы знаете этого рода тиски—и потому поймете насъ.

Если бы вамъ Богъ положилъ на сердце написать статью для будущей книжки «Сельскаго Чтенія» ⁶⁾, которая уже готовится, то много бы насъ обязали; если въ ней и будетъ что-либо, относящееся до духовной цензуры—нужды нѣтъ; теперь, находясь самъ въ Петербургѣ, я удобнѣе найду средства избавиться по крайней мѣрѣ отъ при б а в л е н і я. Да прошу оказать мнѣ слова два, что вы думаете вообще о вышедшей книжкѣ. Это дѣло не литературное, не блестящее, но, мо-

¹⁾ Первую книжку сборника „Сельское Чтеніе“, который издавался княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ.

²⁾ Въ первой книжкѣ „Сельскаго Чтенія“ на первомъ мѣстѣ (стр. 1—16) помѣщена статья Загоскина „Отецъ Василій“.

³⁾ Марья Васильевна Ланская, рожденная Шатилова (†1842).

⁴⁾ Княгиня Ольга Степановна (†1872), рожденная Ланская.

⁵⁾ Небольшое предисловіе, въ которомъ указывается важность священническаго сана.

⁶⁾ Во второй книжкѣ „Сельскаго Чтенія“ нѣтъ статей Загоскина.

жетъ быть, болѣе дѣло кр о в н о е; бѣда, если разрастется нашъ народъ, съ первой минуты чтенія, подѣ влияніемъ нелѣпой блудни, демократизма, безвѣрія и прочихъ гадостей, переходящихъ къ намъ изъ-за моря посредствомъ переводовъ или домашнихъ издѣлій Выжигиныхъ ¹⁾, и упрекъ въ томъ останется на воѣхъ тѣхъ, кто въ наше время держалъ совѣтъ и любовь въ сердцѣ и перо въ рукѣ; ибо наша минута— важная минута: теперь нашему простому народу — кажется не болѣе дѣтъ 13-ти; бѣда, ели къ нему попадется Фоблазъ ²⁾ или Выжигинъ; испортится и физически, и нравственно—и послѣ не поправишь никакимъ лѣкарствомъ; а чѣмъ кормить его теперь—о томъ не худо подумать и раздумать.

Не забывайте, почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичъ, васъ истинно уважающаго и любящаго к(нязя) В. Одоевскаго.

Ө. В. Булгаринъ—М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ. 29-го октября 1843 г.

Было время, въ которое непримиримые враги мои, вознамѣрившись приобрѣсть новаго союзника, разгласили печатно и изустно, будто бы я написалъ критику на вашего «Юрія Милославскаго» ³⁾. Еслибъ я это одѣлалъ, то ужъ конечно не сталъ бы всеяродно отпираться, а между тѣмъ, вѣроятно, вамъ извѣстно, что я во всеуслышаніе сказалъ въ «Сѣверной Пчелѣ», что критики на «Юрія Милославскаго» я не писалъ ⁴⁾, потому что во время выхода этого романа лежалъ боленъ, безъ памяти, и что это самое было причиною, что и мой «Самозванецъ» ⁵⁾ вышелъ позже, нежели я предполагалъ. Это утверждалъ я моимъ честнымъ словомъ — всеяродно, а я не дамъ ложно честнаго слова—ни для спасенія души моей! Критику писалъ бывшій нашъ сотрудникъ Очкинъ ⁶⁾, а Н. И. Гречъ, увидѣвъ ее въ корректурѣ, пропустилъ, по своему обыкновенію, чтобъ не перебивать набора «Пчелы». Надѣюсь, что если подлые мои зави-

¹⁾ Т. е. Булгарина и К^о.—Иванъ Выжигинъ“ и „Петръ Ивановичъ Выжигинъ“—романы Булгарина.

²⁾ Извѣстный скабрзный романъ французскаго писателя Луве-де-Кувре (р. 1760 † 1797).

³⁾ Критика на романъ Загоскина „Юрій Милославскій“ была напечатана въ №№ 7, 8 и 9 „Сѣверной Пчелы“ 1830 года.

⁴⁾ См. въ № 13 „Сѣверной Пчелы“ 1830 года Заявленіе издателю „Русскаго Инвалида“ (А. Ө. Воейкову).

⁵⁾ Романъ Булгарина „Дмитрій Самозванецъ“ вышелъ въ 1830 году.

⁶⁾ Амплій Николаевичъ Очкинъ (†1865), бывшій въ 1838 — 1863 гг. редакторомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

стники не повѣрили моему честному слову, то вы, человекъ честный, благородный и даровитый, повѣрите ему и повѣрили, и повѣрите также и теперешнему моему увѣренію, что я, чуждый всякой зависти, всегда радовался вашимъ успѣхамъ и былъ всегда искреннимъ вашимъ приверженцемъ и во всѣхъ статьяхъ, писанныхъ мною, отдавалъ вамъ должную дань хвалы.

Слѣдовательно, не полагая, чтобъ вы были моимъ непріателемъ, я рѣшился писать къ вамъ, прося вашего содѣйствія по моимъ занятіямъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Николай Ивановичъ Гречъ, мой товарищъ, живетъ въ Парижѣ, а я, между тѣмъ, хочу улучшить «Пчелу» помѣщеніемъ въ ней статей лучшихъ нашихъ писателей—и адресуюсь къ первому—къ вамъ! Прошу васъ покорнѣйше написать нѣсколько статей, малыхъ повѣстей, рассказовъ, сценъ или воспоминаній—но написать нарочно для «Пчелы», т. е. по ея размѣру и духу. Статья—повѣсть, или рассказъ, или что угодно—не должна быть длиннѣе двухъ печатныхъ листовъ шрифта «Пчелы», корпуса, какимъ нынѣ печатаются повѣсти и рассказы въ «Пчелѣ». Крайній размѣръ два листа съ половиною. Какъ всякій трудъ на землѣ долженъ имѣть возмездіе, то я предлагаю вамъ по двѣсти пятидесяти рублей ассигнаціями за печатный листъ, которые деньги вы и будете получать исправно чрезъ посредство М. Д. Ольхина ¹⁾. При семъ прошу покорнѣйше позволенія поставить имя ваше въ программѣ. Увѣряю васъ честью, что вамъ не стыдно будетъ помѣститься съ моими сотрудниками. Прошу также покорнѣйше прислать хотя одну статейку къ ноябрю или въ ноябрѣ къ декабрю, чтобъ можно было напечатать ее еще въ нынѣшнемъ году. Смѣю надѣяться, что вы не откажете мнѣ, своему вѣрному приверженцу, въ сихъ просьбахъ, и пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ засвидѣтельствовать душевное мое почтеніе и искреннюю преданность, съ коими имѣю пребыть вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнымъ слугою Фаддей Бугаринъ.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

¹⁾ Матвѣй Дмитріевичъ Ольхинъ († 1853), основатель книгопродавческо-издательской фирмы въ Петербургѣ, издатель „Библиотеки для Чтенія“ послѣ Смирдина.

**Рескриптъ Александра I графу Ростопчину по поводу письма
его о слухахъ и безпорядкахъ въ провинціи.**

2-го января 1807 г.

Графъ Ѳеодоръ Васильевичъ! Къ немалому удивленію моему, письмо ваше отъ 19-го декабря содержитъ извѣясненіе такого образа мыслей, который вовсе не сходствуетъ съ тѣмъ, что мнѣ по нынѣ извѣстно было. Свѣдѣнія, въ разныя времена и при различныхъ обстоятельствахъ до меня доходившія, о расположеніи умовъ, о довѣренности къ правительству и привязанности къ отечеству, производили во мнѣ сердечное удовольствіе: я находилъ въ нихъ всегда опыты похвальныхъ и ревностныхъ чувствованій во всѣхъ сословіяхъ государства и особенно въ благородномъ дворянствѣ, которое, неизвѣстно мнѣ, почему вы говорите, что я наконецъ признавать сталъ подпорою престола, хотя подлинно никогда я не переставалъ почитать его таковымъ.

Я желаю, чтобы вы яснѣе представили мнѣ, въ чемъ состоятъ тѣ нелѣпыя разглашенія, своевольство, прзерѣніе къ министерству и неуваженіе законовъ, которыя по словамъ вашимъ погашаютъ преданность и любовь ко мнѣ народа. Что жъ касается до выбора адмирала Мордвинова въ губернскіе начальники милиціи, то, предоставляя дворянству право назначать начальниковъ милиціи по своему благоусмотрѣнію, я не могу входить въ сіи выборы, тѣмъ болѣе, что противу самаго адмирала Мордвинова никакого неудовольствія не имѣю.

Опасеніе ваше о толкахъ мнимой вольности, которые впрочемъ не свойственны истинному просвѣщенію, а развѣ тому, которое называется вами несчастнымъ и не что иное есть, какъ невѣжество—было уже предусмотрѣно, и принимаются сколько возможно такія мѣры, которыя предупредить могутъ вредныя оныхъ дѣйствія. Я желалъ бы только знать, какой поводъ имѣли вы къ заключенію о внушеніяхъ слухамъ о вольности, которыя дѣлаются здѣшними французами и заставляютъ ожидать ихъ Бонапартѣ. Почитая сіе столь важнымъ, что не должно оставить онаго безъ изслѣдованія, дабы, открывъ виновныхъ, примѣрнымъ наказаніемъ остановить распространеніе сей заразы, прошу васъ увѣдомить меня, какое происшествіе подало вамъ сіи мысли. Впрочемъ я совершенно согласенъ съ вами, что мѣры, принятыя на первый случай въ разсужденіи французовъ, въ Россіи живущихъ, не могутъ сами по себѣ успокоить правительство. Онѣ внушены челоуѣколюбіемъ и тою предосторожностію, чтобы не подвергнуть притѣсненію безвинныхъ. Но усугубивъ за ними надзоръ полиціи, легко можно будетъ при первомъ случаѣ злыхъ покушеній съ большою справедливостію принять строжайшія мѣры.

Ожидая отъ васъ нужныхъ объясненій на письмо ваше, надѣюсь что по усердію вашему къ отечеству, не оставите вы въ скорости сообщить мнѣ оныя, пребывая впрочемъ вамъ благосклоннымъ.

1838 годъ въ Петербургѣ.

(По дневнику П. Г. Дивова).

ъ точки зрѣнія политической, истекшій годъ представляетъ собою удивительный рядъ событій, которыя не поколебали желанія европейскихъ кабинетовъ заключить миръ, но содержали въ себѣ всѣ данныя къ тому, чтобы возжечь войну въ Европѣ, Азiи и Америкѣ.

Франція, въ наказаніе за притѣсненіе ея подданныхъ въ Мексикѣ, блокировала всѣ ея порты. Англія, недовольная этимъ шагомъ Тьюлерійскаго кабинета, предложила свое посредничество, котораго Франція не приняла. Оскорбленное англійское правительство послало въ Мексику свой флотъ и уполномоченнаго для переговоровъ. Во французскихъ газетахъ отражается неудовольствіе правительства противъ образа дѣйствій Англіи и хотя между этими двумя державами еще не произнесено слово «разрывъ», но замѣтна большая холодность. Вотъ картина политическаго міра въ исходѣ 1838 г.

Съ другой стороны, торговый договоръ, заключенный Портою съ Англіею, затрагиваетъ торговые интересы Франціи. Это новый предлогъ неудовольствія для этой державы противъ Англіи. Англійское же правительство со своей стороны недовольно бездѣйствіемъ Франціи въ испанскихъ дѣлахъ. Оно хотѣло бы, чтобы Франція была вовлечена въ войну, поддерживая интересы королевы Христины. Но французское правительство не поддается наущеніямъ Англіи и держится нейтралитета, какъ и послѣдніе два года. Внутреннія дѣла Франціи находятся все въ томъ же положеніи. Ее раздираютъ партіи. Республиканская партія при- тихла, но ежедневно обнаруживаются дѣлаемые ею военныя пригото-

*) См. „Русскую Старину“ іюнь 1902 г.

вленія, арестовываютъ лицъ, принадлежащихъ къ этой партіи, коихъ присяжные не признаютъ виновными въ государственномъ преступленіи. Съ другой стороны желѣзнодорожныя и пароходныя акціи подорвали цѣлыя состоянія.

Предпріятія, начатыя правительствомъ, пріостановились, и по всей вѣроятности оно будетъ вынуждено вмѣшаться въ дѣло и взять на себя постройку нѣсколькихъ дорогъ, которыя частныя лица не въ состояніи окончить, такъ какъ публика потеряла довѣріе къ подобнаго рода предпріятіямъ. Этотъ вопросъ будетъ обсуждаться въ палатахъ наравнѣ съ важными политическими вопросами.

Въ интересахъ своей торговли, Англіи приходилось имѣть въ виду два главныхъ вопроса: 1) по возстанію въ Канадѣ и 2) объ ея владычествѣ въ Индіи. Умиротвореніе Канады было поручено лорду Дургаму, который не поладилъ съ министерствомъ и сложилъ съ себя эту обязанность, обнародовавъ прокламацію къ канадцамъ, которая была встрѣчена англійскимъ обществомъ несочувственно. Англія полагала, что шахъ персидскій предпринялъ завоеваніе Герата по наущенію Россіи и что если бы это ему удалось, то всѣ индійскія племена выѣстѣ съ шахомъ попытались бы прогнать англичанъ изъ Индіи. Но шаху пришлось отказаться отъ своего замысла. Вслѣдъ за этимъ успѣхомъ великобританское правительство одержало таковой по отношенію къ Оттоманской Портѣ, которая согласилась заключить съ нею торговый договоръ съ цѣлью распространить ея торговлю по ту сторону Босфора.

Лондонскій кабинетъ видимо не особенно интересовался испанскими дѣлами, хотя Англія интриговала въ этомъ дѣлѣ, но безъ успѣха для королевы Христины, такъ какъ партія Донъ-Карлоса растетъ съ каждымъ днемъ. Недоразумѣнія, возникшія между Нидерландами и Бельгіей, уладились, и все вниманіе лондонскаго кабинета направлено на Восточную Индію и Канаду, для усмиренія которой лордъ Дургамъ ничего не успѣлъ сдѣлать. Что касается дѣлъ внутренняго управленія, то въ этомъ отношеніи болѣе всего заботъ доставила ей Ирландія. Этотъ островъ стремится отдѣлиться отъ Англіи, имѣть свой парламентъ и свое управленіе.

Австрія, вѣрная своей политикѣ, молча поддерживала Донъ-Карлоса и угрожала Франціи, давъ въ своихъ владѣніяхъ пріютъ герцогу Бордосскому. Она уклонилась отъ своей политики по отношенію Россіи, заключивъ торговый договоръ съ Англіей; къ чему ее побудила, вѣроятно, боязнь захватовъ со стороны Россіи въ устьяхъ Дуная, на Черномъ морѣ.

Пруссія, не смотря на нѣкоторыя волненія въ Прирейнскихъ провинціяхъ, не измѣнила своей политики по отношенію къ Испаніи и Нидерландамъ.

Голландія никакъ не могла придти къ соглашенію съ Бельгіей, ко-

торая настойчиво требовала уплаты долга. Что касается территоріальныхъ уступокъ, то Бельгія, повидимому, болѣе не требуетъ таковыхъ отъ Голландіи, и Люксембургъ и Люнебургъ останутся за Голландіей. По крайней мѣрѣ европейскія державы, предложившія свое посредничество, вели переговоры въ этомъ смыслѣ.

Въ Италіи было много поводовъ къ волненію, которое было подавлено только въ Папской области, и во владѣніяхъ короля сардинскаго и неаполитанскаго, но не искоренено окончательно. Король неаполитанскій ввелъ въ своихъ владѣніяхъ новую систему управленія. Онъ рѣшилъ проводить шесть мѣсяцевъ въ Сициліи и шесть въ Неаполѣ. Король сардинскій былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ Испаніей и Португаліей изъ-за Донъ-Мигуэла, который все еще надѣялся при помощи своихъ приверженцевъ вернуть престолъ.

Въ Испаніи и Португаліи были смуты. Донъ-Карлосъ не разъ былъ у воротъ Мадрида; вообще въ этой странѣ существовала анархія. Министры и генералы королевы Христины то и дѣло смѣнялись. Казна была пуста, и войска, плохо одѣтыя, обутыя и накормленныя, сражались безъ воодушевленія.

Франція снова предъявила требованія къ Швейцаріи, касательно Людовика Бонапарта, и двинула туда свои войска; этотъ искатель приключеній былъ наконецъ вынужденъ уѣхать въ Англію, гдѣ правительство и народъ оказали ему самую радушную встрѣчу ¹⁾.

Въ Баваріи, Виртембергѣ и остальной Германіи, включая Саксонію, не случилось ничего достопримѣчательнаго; только дочь французскаго короля Филиппа вышла замужъ за принца Виртембергскаго, а баварскаго наслѣднаго принца прочать въ женихи великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ.

Данія была занята вопросомъ о полученіи съ Англіи вознагражденія за суда, захваченныя этимъ правительствомъ нѣсколько времени тому назадъ, но лондонскій кабинетъ остается, повидимому, глухъ къ ея требованіямъ. Сардинія сдѣлала шаги, чтобы выхлопотать для своихъ судовъ право свободнаго плаванія въ Зундѣ, а державы, торговые интересы которыхъ связаны съ судоходствомъ по Балтійскому морю, обсуждали съ Даніей вопросъ о карантинахъ, учрежденныхъ для товаровъ, идущихъ изъ мѣстностей неблагополучныхъ относительно чумы. На этихъ двухъ пунктахъ вертѣлись всѣ дипломатическіе переговоры копенгагенскаго двора.

¹⁾ Луи Наполеонъ, впоследствии Наполеонъ III, вслѣдствіе попытки при содѣйствіи арміи объявить себя императоромъ (1836 г.), былъ арестованъ и отправленъ въ Сѣверную Америку, откуда возвратился въ Швейцарію въ Аренненбергъ, къ своей больной матери, но французское правительство потребовало его удаленія изъ Швейцаріи. В. Т.

Швеція была осчастливлена посѣщеніемъ Стокгольма наслѣдникомъ русскаго престола и неожиданно самого императора. Это посѣщеніе было весьма пріятно королю. Онъ плакалъ отъ радости и говорилъ, что императоръ Александръ дружески пожалъ руку ему, а императоръ Николай его сыну Оскару. Въ Стокгольмѣ произошло небольшое волненіе, которое было вскорѣ усмирено; неистовство либераловъ успокоилось послѣ того, какъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму одинъ писатель, позволившій себѣ дурно отзываться о королѣ. Россія заключила съ Швеціей торговый договоръ.

Сдѣлавъ такимъ образомъ бѣглый обзоръ европейскихъ событій, перейдемъ къ внутреннимъ дѣламъ Имперіи въ 1838 г.

Не приводя изданныхъ указовъ и постановленій, напомнимъ сдѣланное въ общихъ чертахъ: 1) Учреждено министерство удѣловъ и выработано для него положеніе. 2) Изданы правила для управленія еврейскими поселеніями въ Херсонской губерніи и на Кавказѣ. 3) Определены права и преимущества генераль-фельдцейхмейстера. 4) Назначена сумма на содержаніе института для дѣвицъ въ Бѣлостокѣ 24.000 р. Вообще правительство назначило на содержаніе женскихъ учебныхъ заведеній въ 25 губерніяхъ 183.000 р. 5) Учрежденъ корпусъ топографовъ. 6) Выработаны правила для управленія морской кораблестроительной частью. 7) Выдана авансомъ сумма для перестройки Тулы и Саратова, и опредѣлена повинность нѣкоторыхъ городовъ касательно расквартированія войскъ: какъ-то Тулы, Полтавы, Калуги, Пскова, Харькова. 8) Выработаны для духовенства правила веденія метрическихъ книгъ. 9) Определенъ размѣръ жалованья для чиновниковъ, служащихъ въ Сибири и на Кавказѣ, по министерству финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Для перваго министерства потребовалось: для Сибири 698.000 р., для Кавказа 838.000 р. Для втораго—на Восточную Сибирь 634.000 р., на западную Сибирь 542.000 р. Наконецъ для министерства юстиціи на обѣ окраины 585.000 р. Составлена также инструкція для окружныхъ казначействъ, ихъ ревизіи и для продажи соли. 10) Выработана новая форма для составленія инвентарей недвижимыхъ имуществъ, подлежащихъ продажѣ за неплату долга банкамъ; составленъ новый уставъ для ломбарда при Воспитательномъ домѣ. 11) Увеличена сумма, отпускаемая на департаментъ герольдіи (съ 11.000 на 26.000 р.). 12) Учрежденъ главный медицинскій департаментъ (24.000 р.). 13) Основана гимназія въ Митавѣ (61.000 р.). 14) Разрѣшено учрежденіе новыхъ обществъ, а именно: а) Водопроводное общество въ С.-Петербургѣ, б) Льнопрядильное, в) Торговли шерстью въ Харьковѣ, г) Свеклосахарнаго производства въ Вильно, д) Удобренія пахотныхъ земель, е) Свѣчнаго производства въ С.-Петербургѣ, ж) Солки мяса. 15) Основано пароходное общество на

Дѣйствѣ и въ Ригѣ. Изданы правила для бичевниковъ на рѣкахъ. 16) Для увеличенія средствъ столицы обложены новыми налогами магазины, лавки и погреба; установленъ акцизъ на табакъ курительный и нюхательный. 17) Изданы правила для ввоза хлопчатобумажныхъ издѣлій въ русскіе порты для предупрежденія заноса чумы. 18) Изданы правила о казенныхъ золотыхъ розсыпяхъ. 19) Изданы правила для управленія киргизами въ Сибири. 20) Наконецъ даны различныя привилегіи для изготовленія свекловичнаго сока и т. д. 21) Изданы полицейскія правила для Петербурга и назначена временная коммиссія для ревизіи старыхъ дѣлъ. 22) Утверждены правила для студентовъ Дерптскаго университета. 23) Основана главная Астрономическая обсерваторія (въ Пулковѣ). 24) При министерствѣ финансовъ учреждено 44 ревизіонныхъ отдѣла, которые стоятъ 428.000 р.

Изъ этого бѣглаго перечня видно, какъ дѣятельно правительство было озабочено усовершенствованіемъ различныхъ отраслей управленія. Мы не привели еще перечня вновь изданныхъ законовъ и разъясненій къ нимъ, изъ коего видно, какъ быстро стали развиваться различныя отрасли промышленности; весьма желательно, чтобы свеклосахарное производство достигло возможнаго развитія; но вообще настойчивость въ развитіи промышленныхъ предпріятій не составляетъ отличительную черту русскаго характера. Если предпріятіе не даетъ сразу большихъ барышей, то предприниматели теряютъ энергію и бросають дѣло.

Въ этомъ году, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ путешествовалъ по Европѣ; императрица ѣздила для поправленія своего здоровья въ Баварію; императоръ вскорѣ послѣдовалъ за ними и провелъ такимъ образомъ 4 мѣсяца за границей. Въ Карлсбадѣ происходило нѣчто въ родѣ конгресса, обсуждались дѣла Испаніи и возможность возстановленія на престолѣ Донъ-Карлоса.

Путешествіе великаго князя началось съ посѣщенія сѣверныхъ государствъ Европы. Онъ отправился въ Стокгольмъ моремъ; вслѣдъ за нимъ туда же отправился неожиданно императоръ. Оттуда наслѣдникъ поѣхалъ въ Копенгагенъ, гдѣ онъ заболѣлъ, и возвратился на континентъ чрезъ Ганноверъ. Для императора и наслѣдника вездѣ устраивали смотры и маневры. Во время путешествія по Германіи былъ рѣшенъ вопросъ о бракѣ великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ.

Здоровье наслѣдника требуетъ пребыванія въ Италіи, гдѣ онъ проведетъ зиму; весною онъ, окончивъ свое путешествіе, посѣтитъ Англію.

Всѣ прошлогодніе министры сохранили свои посты; кажется, наибольшимъ вліяніемъ пользуется военный министръ. Орловъ и Бенкендорфъ остаются по-прежнему самыми приближенными къ императору лицами, за ними слѣдуютъ Адлербергъ, Клейнмихель и пр. Въ 1839 г.

предполагается издать указъ, ограничивающій права на полученіе дворянства, которыя даются извѣстнымъ чиномъ; даже былъ поднятъ вопросъ объ ограниченіи этого права чиномъ статскаго совѣтника, но я надѣюсь, что для военныхъ будетъ сдѣлано исключеніе, такъ какъ этимъ былъ бы не только ниспровергнутъ регламентъ Петра Великаго, изданный для поощренія службы въ войскѣ; но нанесенъ ударъ и всему государственному строю. Этотъ вопросъ взволнуетъ умы.

Января 1-го. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта графъ Васильчиковъ пожалованъ княземъ; Сперанскій графомъ. Нѣсколько сенаторовъ получили ордена Бѣлаго Орла и Владиміра.

Января 6-го. Сильно поговаривали о выпускѣ вмѣсто серебра бумажныхъ рублей; это нарушило бы всю монетную систему и не принесло бы никакой выгоды для уничтоженія ажіотажа, на который всѣ жалуются.

Января 13-го. Появился указъ о закрытіи на годъ Кіевскаго университета съ сохраненіемъ профессорами ихъ жалованья. Эта мѣра вызвана беспорядками, происходившими въ университетѣ. Получено извѣстіе о кончинѣ князя Ливена, принцессы Виртембергской и принцессы Туръи-Такисъ. Обязанности покойнаго князя Ливена возложены на графа Орлова, онъ поѣдетъ за наслѣдникомъ въ Вѣну, будетъ сопровождать его въ Лондонъ и оттуда въ Россію. Извѣстіе о кончинѣ двухъ принцессъ не помѣшало двору бывать на балахъ у частныхъ лицъ, которые даются ежедневно.

Января 24-го. Сегодня скончался оберъ-камергеръ графъ Литта, которому было болѣе 80 лѣтъ. Онъ пользовался прекраснымъ здоровьемъ и умеръ отъ обжорства. Его кончина не можетъ считаться потерей для государства. Онъ дѣлалъ добро ради тщеславія, а не по чувству, и первый внушилъ молодежи мысль подражать заграничнымъ модамъ. Уроженецъ Милана, онъ относился съ ненавистью къ австрійскому владычеству, и я полагаю даже, что онъ былъ одно время въ сношеніи съ революціонерами Пьемонта. Онъ оставилъ, вѣроятно, огромное состояніе; изъ его завѣщанія окажется, какъ онъ имъ распорядился.

Января 26-го. Сегодня былъ балъ у вице-канцлера, на которомъ присутствовали императоръ и императрица. Стѣздъ былъ небольшой.

Января 28-го. Похороны графа Литта. Изъ оставленныхъ имъ наличными деньгами 8 милліоновъ завѣщана самая ничтожная сумма на благотворительныя учрежденія въ Россіи, гдѣ онъ нажилъ свое огромное состояніе; всѣ эти милліоны уйдутъ въ Италію, его племянникамъ. Мнѣ говорили однако, будто на дѣла благотворительности все-таки завѣщано 100 тысячъ. Поэтому, радѣя объ интересахъ глазной лѣчебницы, я написалъ письмо его племянникамъ, прося ихъ, ежели воѣ 100.000 р.

уже распределены, пожертвовать что-либо для нашего заведенія отъ себя лично. И что же, эти архимилліонеры прислали мнѣ 300 р. Я поблагодарилъ ихъ письменно, сказавъ, что я доведу до свѣдѣнія комитета объ участіи, принимаемомъ ими въ дѣлѣбницѣ. Надѣюсь, что таковая сумма будетъ присылаться ежегодно.

Въ газетахъ упоминается о нотѣ русскаго двора къ лондонскому по дѣламъ Персіи, въ которой изложена просьба шаха о вмѣшательствѣ въ его распрію съ англичанами, завладѣвшими однимъ изъ его острововъ. Петербургскій кабинетъ, кажется, считаетъ Индѣ предѣломъ, далѣе котораго не должны простираться захваты, и говорить, что Россія не можетъ не признать требованіе шаха справедливымъ. Въ нотѣ говорится также, что Россія не намѣрена воевать въ столь отдаленной странѣ.

Февраля 12-го. Императоръ провелъ всю первую недѣлю великаго поста въ Петергофѣ, гдѣ онъ говѣлъ. У него была незначительная лихорадка, и по этому поводу былъ вызванъ его врачъ Арендтъ, что повергло въ отчаяніе тяжело больныхъ Сперанскаго и Кушниковъ, изъ коихъ первый страдаетъ печенью и у втораго водяная. Кушниковъ оставилъ мѣсто предсѣдателя комиссіи прошеній, куда назначенъ Тучковъ, новое дѣйствующее лицо, появляющееся на государственной сценѣ. Говорятъ, что онъ человѣкъ достойный.

Февраля 13-го. Знаменитый законодатель Сперанскій завершилъ свою земную карьеру. Кто его замѣнитъ? Теперь трудъ по составленію законовъ для Россіи будетъ уже легокъ; но не знаю, кому можно будетъ поручить пересмотръ польскаго законодательства.

Февраля 14-го. Сегодня скончался Кушниковъ. Публика почувствуетъ со временемъ потерю этого честнаго человѣка, который прекрасно завѣдывалъ дѣлами ломбарда, поддерживалъ въ немъ образцовый порядокъ и соблюдалъ величайшую справедливость при раздачѣ ссудъ. Предсѣдателемъ законодательнаго отдѣла будетъ назначенъ, вѣроятно, министръ юстиціи Дашковъ, который замѣнилъ покойнаго Сперанскаго, передавъ портфель министра юстиціи Блудову, а на его мѣсто, вѣроятно, будетъ назначенъ малороссійскій генераль-губернаторъ, графъ Строгановъ. Поговаривали о назначеніи на это мѣсто оренбургскаго генераль-губернатора Перовскаго, но его вообще не долюбиваютъ здѣсь, къ тому же Строгановы пользуются большимъ вліяніемъ при дворѣ.

Февраля 18-го. Въ Сенатѣ прочитанъ указъ, коимъ Дашковъ и Блудовъ производятся въ дѣйствительные тайные совѣтники. Намъ читали также указъ, коимъ Блудовъ назначается министромъ юстиціи, а Дашковъ на мѣсто Сперанскаго предсѣдателемъ въ комиссію законовъ.

Марта 11-го. Я слышалъ, что императоръ, прочитавъ дешифиро-

ванную депешу датскаго посланника, графа Блома, былъ очень опечаленъ и сказалъ: «кто бы могъ подумать, что графъ Бломъ могъ писать подобныя вещи?»

Сегодня я видѣлъ впервые главноуправляющаго путями сообщеній графа Толя. Я игралъ по обыкновенію весело въ карты, а графъ игралъ мрачно и безстрастно, но въ концѣ концовъ оживился. Играя съ нимъ, я могъ составить себѣ понятіе объ его характерѣ (скорѣе вспыльчивомъ, нежели миролюбивомъ).

М ар та 17-го. Появился указъ о производствѣ военныхъ чиновъ при поступленіи на гражданскую службу. Всѣ преимущества на сторонѣ лицъ гражданскаго вѣдомства. Эти правила изданы, кажется, съ цѣлью препятствовать переходу военныхъ въ гражданскую службу.

М ар та 26-го. Награды, пожалованныя къ Пасхѣ, были весьма значительны въ денежномъ отношеніи; особенно щедро награждены всѣ тѣ, кои принимали участіе въ перестройкѣ сгорѣвшаго дворца. Клейнмихель пожалованъ графомъ и получилъ 600.000 р. с.

Четыре медали съ изображеніемъ дворца, осыпанныя алмазами, пожалованы: министру финансовъ, министру двора князю Волконскому, графу Клейнмихелю и оберъ-егермейстеру князю Василю Долгорукову, который получилъ сверхъ того Андреевскую ленту. Всѣ прочія лица, участвовавшія въ постройкѣ: архитекторы, каменщики, рабочіе, маляры и т. д. получили знаки отличія и денежные награды.

Министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ пожалованъ въ графы. Графъ Строгановъ, бывшій посланникомъ въ Лондонѣ, получилъ Андрея, точно такъ же, какъ митрополитъ кievскій. Пожалованіе графу Строганову Андрея Первозваннаго возбудило зависть князя Меншикова, который выказывалъ свою досаду, ни мало не стѣсняясь. Нѣсколько времени спустя и ему дали Андрея.

М ар та 29-го. Въ городѣ толкуютъ о какомъ-то недоразумѣніи, возникшемъ между великимъ княземъ Михайломъ Павловичемъ и военнымъ министромъ графомъ Чернышевымъ по поводу чести, которую адъютанты великаго князя должны отдавать министру. Удовлетворивъ просьбу министра, великій князь обошелся съ графомъ, какъ говорятъ, очень грубо, и графъ просилъ у него извиненія письменно.

М ар та 31-го. Былъ годичный актъ въ университетѣ, на которомъ я былъ впервые. Народу было немного. Между прочимъ были оба графа Строгановы, министръ внутреннихъ дѣлъ и кураторъ Московскаго университета, адмиралъ Рикордъ, духовникъ императора Музовскій. Я немного опоздалъ и съ удовольствіемъ прослушалъ рѣчь Калмыковскаго о римскомъ правѣ и его вліяніи на европейскія законодательства.

А пр ѣ л я 2-го. Былъ съѣздъ ко дворцу для принесенія поздравленій по случаю Пасхи, которыя были отложены по болѣзни императрицы.

Купечество въ этотъ день также было приглашено въ дворецъ. Императоръ хотѣлъ показать имъ вновь отстроенное зданіе.

А прѣля 21-го. Въ засѣданіи Государственнаго Совѣта обсуждался вопросъ о способѣ прекратить ажіотажъ. Дай Богъ, чтобы, желая помочь дѣлу, его не ухудшили.

Пользуясь свободнымъ временемъ, я сдѣлалъ изъ одной иностранной газеты нижеслѣдующую выписку относительно недоразумѣнія, возникшаго между лондонскимъ и русскимъ дворами по поводу периодскихъ дѣлъ, которое было улажено вслѣдствіе сдѣланныхъ по этому поводу разъясненій. Эта выдержка изъ «Прусской газеты» (Gasette de Prusse), которой были, вѣроятно, сообщены всѣ акты, касающіеся этого дѣла, кои необходимо было предать гласности послѣ того, какъ они были сообщены англійскому парламенту англійскимъ посланникомъ.

1) «Въ нотѣ, врученной 10-го ноября 1838 г. маркизомъ Кленрикадомъ вице-канцлеру графу Нессельроде, говорилось, что лондонскій и петербургскій дворы давно уже заинтересованы въ дѣлахъ Персіи въ силу однѣхъ и тѣхъ же причинъ; что Россія, имѣя сосѣдомъ Персію, весьма естественно должна заботиться объ обезпеченіи своихъ подданныхъ отъ нападенія персовъ и о поддержаніи съ нею мира; ея интересы требуютъ, слѣдовательно, чтобы этотъ порядокъ вещей не нарушался внѣшними предпріятіями Персіи. Англія, съ своей стороны, смотритъ на Персію какъ на оплотъ противъ поползновеній европейскихъ державъ, направленныхъ противъ ея владѣній въ Индіи; поэтому великобританское правительство заключило союзный договоръ съ Персіей. И такъ интересы Россіи и Англіи совпадаютъ и клонятся къ одной и той же цѣли.

«Далѣе англійскій посланникъ излагаетъ, что по смерти Абасъ-Мирзы, въ 1833 г., дѣла касательно Персіи были окончательно улажены между Россіей и Англіей, но въ 1836 г. русскій посланникъ графъ Симоничъ, вопреки даннымъ ему инструкціямъ, позволилъ себѣ поощрять персидскаго шаха въ его воинственныхъ предпріятіяхъ противъ Герата и приложилъ всевозможное стараніе къ тому, чтобы помѣшать сближенію шаха съ владѣтелемъ Герата; кромѣ того одинъ русскій агентъ послалъ письмо къ владѣтелю Кандагара, обнадеживая его въ томъ, что ему удастся при посредствѣ графа Симонича добиться уступки Герата, что русская армія будетъ послана въ Бухару и Хиву, чтобы, по взятіи Герата, содѣйствовать шаху въ разграниченіи его владѣній; что англійское правительство получило копию съ договора, заключеннаго съ владѣтелемъ Кандагара; что другой русскій агентъ Ваховичъ, называемый также Омеръ-бей, состоящій при штабѣ войскъ въ Оренбургѣ, является пособникомъ афганистанскаго эмира въ его возстаніи противъ Англіи и т. д. Англійское правительство, въ видахъ сохраненія дружес-

*

ственныхъ отношеній съ Россіей, выразило желаніе получить разъясненіе по всѣмъ вышеупомянутымъ пунктамъ.

2) Въ нотѣ графа Нессельроде къ графу Поццо-ди-Борго отъ 1-го ноября 1838 г., которая была сообщена великобританскому правительству 11-го ноября, говорится: что «такъ какъ политика Россіи руководствуется тѣми же принципами въ Азій, какъ и въ Европѣ, и что императоръ никогда не имѣлъ въ мысляхъ тревожить Англію въ ея Индійскихъ владѣніяхъ, что всякая коалиція противъ Англіи не имѣла бы смысла, ибо Россія отдѣлена отъ Индіи огромнымъ пространствомъ и подобное предпріятіе потребовало бы большихъ жертвъ и, слѣдовательно, было бы совершенно не согласно съ требованіями здоровой политики». Перейдя затѣмъ къ отношеніямъ Персіи и Афганистана, графъ Нессельроде говоритъ, что владѣльцы этого послѣдняго издавна считались данниками Персіи, и что никто не въ правѣ помѣшать Персіи предъявить къ нему свои права, тѣмъ болѣе, что послѣднее время въ Персію неоднократно вторгались изъ Герата разбойничьи шайки, и Англія дала слово тегеранскому двору, что въ случаѣ войны между Персіей и Афганистаномъ она не будетъ въ нее вмѣшиваться; что Россія, съ своей стороны, одѣлала все возможное, чтобы предупредить экспедицію на Гератъ, и что ею даны въ этомъ смыслѣ инструкціи графу Симоничу; императоръ потребовалъ даже отъ персидскаго шаха, чтобы ему былъ возвращенъ баталіонъ, сформированный изъ русскихъ дезертировъ; и что если бы побѣда оказалась на сторонѣ персидскаго шаха, то Россія не согласилась бы на увеличеніе персидскихъ владѣній. Это и было причиною посланки графа Симонича въ лагерь шаха къ Герату; Россія даже предлагала уступить Афганистанъ владѣльцу Кандагара, и договоръ, заключенный въ этомъ смыслѣ, сдѣлалъ бы Афганистанъ совершенно независимымъ отъ Персіи, что неразрывно связано съ интересами Россіи и Англіи. Относительно посланки Витковского въ Кабуль, петербургскій кабинетъ заявилъ, что это было только вѣжливостью по отношенію къ Достъ-Магометъ-хану, который послалъ въ 1837 г., въ Петербургъ миссію, чтобы выработать основы торговаго договора, не нарушая при этомъ интересовъ Англіи, между тѣмъ какъ русское правительство имѣетъ причины жаловаться на то, что англійскіе путешественники старались постоянно возбуждать противъ него населеніе Малой Азіи и даже сосѣдніе съ Россіей дворы. Наконецъ, въ нотѣ выражалось искреннее желаніе, чтобы Россія, совмѣстно съ Англіей, удалось уладить персидскія дѣла; поэтому Россія горячо желаетъ, чтобы Англія возстановила свои отношенія въ Персіи и отозвала свой флотъ изъ Персидскаго залива, очистила Каракскій островъ и не брала подъ свое покровительство претендентовъ на персидскій престолъ. Тогда Россія поспѣшитъ, со своей стороны, дать своему посланнику въ Тегеранъ со-

отвѣтственныя инструкціи, дабы предупредить всякія дальнѣйшія экспедиціи, подобныя походу на Герать. Таковыя инструкціи уже даны ему полковнику Дюгамелю, преемнику графа Симонича.

«Въ послѣдней нотѣ графа Нессельроде, помѣченной 5-мъ марта, онъ говоритъ между прочимъ, что его императорское величество находитъ вполне возможнымъ представить всю эту переписку на обсужденіе парламента, если только сентъ-джемскій кабинетъ этого пожелаетъ, такъ какъ политика русскаго кабинета не боится гласности, и договоръ, заключенный съ кабульскимъ эмиромъ, еще не былъ ратификованъ. Англійское министерство отвѣчало, что оно вполне удовлетворено этой деклараціей. Однако оно не отказалось отъ мысли выждать, чтобы тегеранскій кабинетъ сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію и восстановленію своихъ отношеній къ Англии, какъ того желаетъ русское правительство. Г. Макгиль (англійскій посланникъ) при проѣздѣ чрезъ Петербургъ объяснился въ этомъ смыслѣ съ графомъ Нессельроде, а также по поводу задержаннаго курьера, у котораго были отняты депеши.

«Вице-канцлеръ сообщилъ объ этомъ прежде всего графу Поццо-ди-Борго въ Лондонѣ, который съ своей стороны получилъ подобную же декларацію отъ англійскаго министра отъ 4-го апрѣля, подписанную лордомъ Пальмерстономъ, въ которой этотъ министръ говоритъ: что англійское правительство было довольно узнать, что первымъ дѣломъ полковника Дюгамеля по вступленіи его въ должность было отозвать Витковскаго изъ Афганистана. Что же касается восстановленія отношеній между Англіей и Персіей, то онъ писалъ его превосходительству, что англійское правительство ожидаетъ съ нетерпѣніемъ момента, когда оно будетъ имѣть возможность восстановить ихъ на прежнемъ основаніи; но что Персія должна сдѣлать тѣ шаги, какихъ требуютъ отъ нея обстоятельства.

«Сговорчивость лондонскаго кабинета объясняется недоразумѣніями, возникшими у него съ Америкой на границѣ Канады, и вообще осложненіемъ дѣлъ. Иначе Англія заговорила бы болѣе рѣшительнымъ тономъ».

Апрѣля 23-го. Былъ большой балъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Апрѣля 25—29-го. Былъ назначенъ парадъ войскамъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ столицы, но такъ какъ императоръ заболѣлъ 28-го числа, то парадъ отмѣненъ, и войска возвратились въ мѣста ихъ расположенія.

Маѣ 18-го. Происходилъ экзаменъ восточныхъ языковъ, на который я былъ приглашенъ. Я узналъ съ удовольствіемъ, что это прекрасное и полезное заведеніе, которое всегда будетъ дѣлать честь министерству графа Нессельроде, будетъ увеличено.

Маѣ 20-го. Приѣхалъ герцогъ Лейхтенбергскій; говорятъ, будто на

свадьбу великой княжны прѣдетъ также его мать и императрица Бразильская.

Іюня 6-го. Сегодня появился указъ объ орденахъ, даваемыхъ въ награду, коимъ отмѣняется орденъ Станислава 4-й ст. Отнынѣ этотъ орденъ будетъ имѣть всего 3 степени; у 2-й степени отнята звѣзда, которая будетъ замѣнена короной, прикрѣпляемой къ кресту сверху. Императоръ замѣтилъ, что при раздачѣ орденовъ дѣлаются большія злоупотребленія. Быть можетъ, на его рѣшеніе повліяли пренія, происшедшія во французскихъ палатахъ относительно ордена Почетнаго Легиона, раздачу коего рѣшено ограничить.

Іюня 8-го. Въ городѣ разнесся слухъ, что кавказская армія одержала, подъ начальствомъ генерала Граббе, полную побѣду надъ лезгинами и разрушила одинъ изъ ихъ главныхъ городовъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ получено также извѣстіе о побѣдѣ, одержанной десантнымъ отрядомъ подъ командою генерала Раевского.

Іюня 23-го. Въ городѣ разнесся слухъ, что въ Симбирской, Саратовской и Пензенской губерніяхъ взбунтовались казенные крестьяне, требуя раздѣла земли; нѣсколько помѣщичьихъ крестьянъ сожгли усадьбы.

Іюня 27-го. Обнародованъ церемоніаль бракосочетанія великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, которое состоится 2-го іюля.

Въ тотъ же день для публики была открыта зала дворца, гдѣ выставлено приданое великой княжны. Стеченіе народа было такъ велико, что многіе ушли, ничего не видавъ.

Іюля 2-го. Въ 2 часа дня совершенъ обрядъ бракосочетанія во дворцѣ, который отдѣланъ заново послѣ пожара. Сначала совершенно вѣнчаніе по обряду православной церкви, а затѣмъ по католическому обряду въ часовнѣ, воздвигнутой въ самомъ дворцѣ. Около 3-хъ часовъ сѣли за столъ. Къ столу были приглашены особы первыхъ трехъ классовъ, коихъ было около 300 человекъ обою пола. При распредѣленіи мѣстъ не соблюдалось никакого порядка. Вечеромъ въ 7 часовъ былъ балъ въ Бѣлой залѣ, который продолжался до 9 часовъ. Танцевали только одни полонезы. Разошлись рано.

Въ тотъ же день обнародовано два указа: одинъ о титулѣ императорскаго высочества, пожалованномъ герцогу Лейхтенбергскому, а другой о курсѣ серебрянаго рубля, равнаго 350 к.

Князь Любецкій сообщилъ мнѣ, что это сдѣлано по предложенію министра финансовъ гр. Канкринъ; онъ предлагалъ 360 коп., а не 350 коп.; большинство членовъ Государственнаго Совѣта было на его сторонѣ, но государь присоединился къ меньшинству, надѣясь, что министръ финансовъ какъ-нибудь извернется. Всѣ чувствуютъ неудобство этой мѣры, которая повлечетъ за собою неизбѣжно всевозможныя злоупотре-

бленія и внести большую путаницу въ разные отрасли управленія, какъ-то: въ налоги, откупа и т. д. Какъ бы то ни было, императоръ хочетъ испробовать эту мѣру.

Сегодня получено извѣстiе о кончинѣ султана, котораго, вѣроятно, отравили. Его кончина произведетъ большое впечатлѣнiе въ Европѣ и въ Азiи, и дѣла Египта съ Портою отъ этого нисколько не выиграютъ.

1 юля 4-го. По утру великая княгиня Марiя Николаевна принимала поздравленiя во дворцѣ. Вечеромъ былъ блестящiй балъ во дворцѣ, который отдѣланъ еще съ болѣею роскошью и вкусомъ, нежели прежде.

1 юля 6-го. Большой балъ у великаго князя Михаила Павловича, на который я былъ приглашенъ. Комнаты были великолѣпно убраны; великая княгиня изощрила на это весь свой вкусъ. Между прочимъ она устроила посреди танцевальнаго зала прекрасный фонтанъ, который билъ весь вечеръ и, будучи окруженъ роскошными цвѣтами, производилъ прекрасное впечатлѣнiе. Во время бала, великая княгиня подошла ко мнѣ и сказала: «я давно васъ не видѣла, но я не забыла васъ». Дѣйствительно, въ составленномъ ею первоначально спискѣ насъ было всего двое сенаторовъ: Полетика и я, а прежде было приглашено еще нѣсколько сенаторовъ, къ которымъ былъ посланъ съ приглашенiемъ чиновникъ.

1 юля 8-го. Послѣднiй балъ у принца Ольденбургскаго, на Каменномъ островѣ.

1 юля 11-го. Празднества по случаю бракосочетанiя великой княгини Марiи Николаевны завершились иллюминацiей въ Петергофѣ и маскарадомъ. Буря, поднявшаяся около полудня и продолжавшаяся до 5 часовъ вечера, не помѣшала иллюминации, но затонуло нѣсколько пароходовъ, шедшихъ изъ Кронштадта въ Петергофъ, и нѣсколько десятковъ человѣкъ утонуло въ заливѣ. Правительство не сочло удобнымъ напечатать подробности этой катастрофы; онѣ были опубликованы позднѣе кратко.

Говорятъ, будто волненiе въ Симбирской губернiи затихло; его приписываютъ проискамъ поляковъ.

1 юля 20-го. Императоръ приказалъ посланнику Татищеву немедленно отправиться изъ Петербурга въ Вѣну по поводу турецкихъ дѣлъ, которыя осложнились по смерти султана. Даже капитанъ-паша съ флотомъ хотѣлъ броситься въ объятiя египетскаго паши Ибрагима и дѣйствовать противъ молодаго султана.

Августа 8-го. На маневрахъ, происходившихъ на-дняхъ, получили увѣчья генералы Бенкендорфъ и Анненковъ.

Сегодня окончились маневры, и войска возвратились въ казармы. Императоръ остался очень доволенъ ими.

Августа 12-го. Генералъ-лейтенантъ графъ Эссенъ сообщилъ мнѣ

подъ секретомъ о происшествіи, случившемся наканунѣ у митрополита, который былъ оскорбленъ раскольниковъ; онъ не могъ сказать мнѣ, что именно заставило этого раскольника до такой степени забытья. Виноный арестованъ и будетъ заключенъ въ тюрьму.

А в г у с т а 21-го. Я былъ у статсъ-секретаря Танъева, гдѣ слышалъ, что императоръ только-что получилъ донесеніе о безпорядкахъ, бывшихъ въ Пензенской губерніи, гдѣ происходятъ такія же волненія, какъ въ Саратовской губерніи. По всей вѣроятности, его императорское величество пошлетъ туда, по обыкновенію, одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ изъ Бородина, гдѣ онъ находится въ настоящее время.

А в г у с т а 29-го. Получено извѣстіе объ окончаніи смотра войскамъ въ Бородинѣ; въ память этого сраженія, императоръ пожаловалъ всѣмъ состоящимъ на службѣ жалованье, соответствующее чину, въ какомъ они находились въ этомъ сраженіи; это добавочное жалованье будетъ выдаваться только до тѣхъ поръ, пока человекъ находится на службѣ; оно будетъ сниматься при выходѣ въ отставку и не будетъ имѣть никакого значенія при назначеніи пенсіи.

С е н т я б р я 1-го. Я былъ послѣ каникулъ первый разъ въ Сенатѣ, на общемъ собраніи. Министръ юстиціи Блудовъ внесъ 22 предложенія; онъ будетъ огорченъ, узнавъ, что относительно пяти изъ этихъ 22 предложеній никто не присоединился къ его мнѣнію. Я увидѣлъ въ Сенатѣ новыя лица, а именно: гр. Сиверса, Таубе и Карташевскаго. Первый человекъ совершенно ничтожный, второй—военный, будетъ дѣйствовать добросовѣстно, а третій, креатура министра Блудова, и будетъ дѣйствовать въ его интересахъ.

Сентября 10-го. Извѣстія, полученные о безпорядкахъ и пожарахъ въ Пензенской губ., подтвердились; получено донесеніе, что суконная фабрика сенатора Лубяновскаго обращена въ груды пепла и что его самого едва не бросили въ огонь.

Получено донесеніе о побѣдѣ, одержанной генераломъ Граббе на Кавказѣ.

Императоръ возвратился вчера въ 6 часовъ въ Царское Село. Императрица, которая была опасно больна нѣсколько дней тому назадъ, поправилась.

Сентября 20-го. Я былъ на похоронахъ княгини Лопухиной. Весьма немногіе присутствовали на этой церемоніи. Въ тотъ же день скончалась начальница общества благородныхъ дѣвицъ, генеральша Адлербергъ. Неизвѣстно, кто будетъ назначенъ на ея мѣсто. Весьма вѣроятно, что придворная нѣмецкая партія постарается доставить это мѣсто какой-либо дамѣ изъ Лифляндіи или Эстляндіи.

Сентября 24-го. Сегодня похоронили г-жу Адлербергъ. Отпѣваніе происходило въ одной изъ залъ института. Я видѣлъ тамъ великаго

князя Михаила Павловича. Служба началась до приѣзда императора, который прибылъ, когда уже было произнесено надгробное слово. Я поклонился праху и шелъ за гробомъ, ведя подъ руку г-жу Баранову, дочь покойной; другую ея дочь, г-жу Пашкову, велъ подъ руку герцога Лейхтенбергскій.

Въ концѣ мѣсяца были получены извѣстія о пожарахъ въ разныхъ уѣздахъ и губернскихъ городахъ. Пенза и Тверь сильно пострадали отъ огня.

Врачи, пользующіе императрицу, отчаявались въ ея выздоровленіи, но теперь появилась надежда, хотя нельзя еще сказать ничего положительнаго. Наслѣдникъ цесаревичъ, поѣхавшій изъ Бородина въ Варшаву, заболѣлъ въ Вильно. вмѣсто колясокъ ему выслали кареты. Возвратится ли онъ въ Петербургъ или поѣдетъ все-таки въ Варшаву, не извѣстно.

О к т я б р я 3-го. Получено извѣстіе, что гр. Толь, управляющій путями сообщеній, разбитъ параличемъ на обратномъ пути изъ царства Польскаго. Императоръ опечаленъ этимъ извѣстіемъ; въ обществѣ говорятъ съ грустью о вѣроятной кончинѣ этого генерала (такъ какъ онъ еще живъ), кто будетъ его преемникомъ?

Принцъ Ольденбургскій назначенъ почетнымъ опекуномъ опекунскаго совѣта. Не онъ ли замѣнитъ гр. Толя въ случаѣ его кончины?

О к т я б р я 26-го. Наслѣдникъ прибылъ въ Царское Село.

Н о я б р я 7-го. Царская фамилія, исключая великой княжны Ольги Николаевны, возвратилась въ городъ изъ Царскаго Села.

Въ теченіе этого мѣсяца императоръ навѣщалъ своихъ больныхъ министровъ, гр. Толя, гр. Канкринъ и Дашкова.

Н о я б р я 22-го. Говорятъ объ экспедиціи въ Хиву. Главнокомандующимъ называютъ оренбургскаго генераль-губернатора, который поѣдетъ на Хиву во главѣ 10 т. человекъ. Въ пустынѣ, по которой придется идти войскамъ, имъ представится много трудностей.

Н о я б р я 26-го. Въ ночь съ 25-го на 26-е скончался министръ юстиціи Дашковъ. Это огромная потеря для страны.

Д е к а б р я 1-го. Я былъ у митрополита московскаго Филарета съ приглашеніемъ осмотрѣть лѣчебницы; онъ обѣщалъ пріѣхать, если позволитъ здоровье.

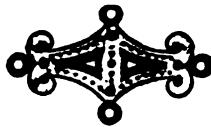
Д е к а б р я 6-го. Въ день тезоименитства государя при дворѣ не было приѣма. Я былъ у графа Нессельроде, у котораго былъ только дипломатическій корпусъ. Вице-канцлеръ просилъ французскаго посланника предложить тостъ за здоровье императора, а самъ предложилъ выпить за здоровье союзниковъ его величества.

Д е к а б р я 15-го. Говорятъ о назначеніи министромъ юстиціи Панина; Блудова прочать на мѣсто покойнаго Дашкова въ редакторы

Свода законовъ. Послѣдній будетъ на мѣстѣ; что же касается перваго, то я въ этомъ сомнѣваюсь.

Декабря 29-го. День освѣщенія церкви въ (глазной)лѣчебницѣ. Мнѣ было много хлопотъ, но богослуженіе и завтракъ прошли какъ нельзя лучше. Удивительно, что на освященіе церкви не пріѣхалъ никто изъ властей, ни графы Бенкендорфъ, Орловъ, Эссенъ, ни оберъ-полицеймейстеръ; принцъ Ольденбургскій также прислалъ сказать, что онъ не будетъ, и извинился тѣмъ, что онъ долженъ хлопотать объ обѣдѣ, на который совершенно неожиданно выразилъ желаніе пріѣхать императоръ.

Князь Александръ Голицынъ былъ на освященіи и на завтракѣ, что было мнѣ очень пріятно.

Къ біографіи Н. В. Гоголя.

1.

О недоволеніи печатать «Размышленія о Божественной литургіи» Н. В. Гоголя.

Отношеніе комитета духовной цензуры профессору императорскаго Московскаго университета, статскому совѣтнику Осипу Максимовичу Бодянскому.

С.П.Бургъ, 13-го августа 1856 г. № 277.

С.-Петербургскій комитетъ для цензуры духовныхъ книгъ, разсматривавшій рукопись «Размышленія о Божественной литургіи» сочин. Н. В. Гоголя, нашель, что въ размышленіяхъ о литургіи Гоголя при множествѣ прекрасныхъ мыслей, встрѣчается не мало объясненій обрядовъ Богослуженія произвольныхъ и даже неправильныхъ; есть даже выраженія противныя ученію православной церкви. Посему и размышленія эти не могутъ быть одобрены въ настоящемъ ихъ видѣ. Объ этомъ канцелярія комитета честь имѣетъ увѣдомить ваше высококорodie съ возвращеніемъ самой рукописи. Секретарь Иванъ Вознесенскій.

2.

Аттестатъ, выданный Н. В. Гоголю изъ С.-Петербургскаго университета.

Состоящій по установленію въ 8-мъ классѣ, Николай Васильевъ сынъ, Гоголь, бывшій адъюнктъ по кафедрѣ исторіи при императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, какъ изъ формулярнаго о службѣ его списка видно, происходитъ изъ дворянъ. По окончаніи курса ученія

въ лицѣ высшихъ наукъ князя Безбородко поступилъ на службу въ департаментъ удѣловъ съ правомъ на чинъ 14 класса 1830, апрѣля 10; указомъ Правительствующаго Сената утвержденъ въ чинъ коллежскаго регистратора со старшинствомъ со дня вступленія въ службу, 1830, іюня 3-го, помѣщенъ помощникомъ столоначальника въ томъ же департаментѣ 1830, іюля 30-го; по прошенію его изъ онаго департамента уволенъ 1831, марта 9-го; съ высочайшаго соизволенія ея императорскаго величества опредѣленъ въ Патріотическій институтъ старшимъ учителемъ исторіи, состоя по силѣ высочайшаго указа 1-го апрѣля 1831 года въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Со дня вступленія въ сію должность 1831, марта 10-го, въ награду отличныхъ трудовъ пожалованъ отъ ея императорскаго величества брилліантовымъ перстнемъ 1834, марта 9-го. Опредѣленъ адъюнктомъ по кафедрѣ исторіи при императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 1834, іюля 24-го. По случаю преобразованія университета остался за реформою съ выдачею годового оклада жалованья 1836, января 1-го. Отъ роду ему 27 лѣтъ. Благопріобрѣтеннаго имѣнія за нимъ не состоитъ; родового имѣеть 86 душъ крестьянъ и 700 десятинъ земли въ Миргородскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Холостъ. Исповѣданія грекороссійскаго. Въ отпускѣ былъ съ 1-го мая по 1-е сентября 1835 года и возвратился на срокъ. Въ отставкѣ, въ штрафахъ и подъ судомъ не былъ, и ни одному изъ случаевъ, лишającychъ права на полученіе знака отличія безпорочной службы, не подвергался. Аттестованъ былъ всегда способнымъ и достойнымъ и во все продолженіе своей службы велъ себя какъ подобаетъ приличному благородному человѣку. Въ увѣреніе чего и данъ ему сей аттестатъ изъ правленія императорскаго С.-Петербургскаго университета за надежащимъ подписаніемъ и приложеніемъ казенной печати. Въ С.-Петербургѣ мая 14-го 1836 года.

Его императорскаго величества всемилостивѣйшаго государя моего статскій совѣтникъ, ректоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета ординарный профессоръ и разныхъ орденовъ кавалеръ Н. Шулгинъ.

Сообщ. В. И. Шенрокъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1902 г.
ТОМЪ СТО ОДИННАДЦАТЫЙ.
ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.	СТРАН.
I. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.	61—80 331—347
II. Записки генерала В. И. Левенштерна. (Окончаніе).	171—208
III. Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розень, въ монашествѣ Митрофаніи. Сообщ. князь А. Дадіанъ.	209—224, 439—448
IV. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.	399—426, 548—568

**Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Раз-
сказы, матеріалы и зашѣтки.**

	СТРАН.
I. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Дубро- вина.	5—30, 225—247, 449—471
II. Заграничная поѣздка великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодо- ровны въ 1824 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	31—43
III. И. Ѳ. Паскевичъ о пользѣ изученія дѣяній ве- ликихъ полководцевъ и о своихъ дѣйствіяхъ. Письмо И. Паскевича—Егору Борисовичу Фуксу. 10-го февраля 1828 года Сообщ. В. К. Всево- жерве.	44

IV.	Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ (Изъ бумажекъ акад. А. Ѳ. Бычкова) Сообщ. И. А. Бычковъ.	45—59
V.	Памяти В. А. Жуковского. (Стихотвореніе) А. И. С—ва.	60
VI.	Изъ переписки М. Н. Загоскина. 1. Письма А. Н. Оленина. 2. Письма и записки гр. А. Х. Бенкендорфа. 3. Письма О. И. Сенковского. 4. Письма Ф. Ф. Вигеля. 5. Письма П. А. Корсакова. 6. Письма Н. И. Гяйдича. 7. Письма М. П. Погодина. 8. Письма разныхъ лицъ. Сообщ. И. А. Бычковъ	81—106, 349—355, 615—633
VII.	Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853 — 1856 году. В. В. Тимошукъ.	107—227, 367—398, 569—597
VIII.	Суворовъ въ Варшавѣ. (Историческая справка). Сообщ. В. Лугаковскій	128
IX.	Изъ дневника французскаго дипломата при дворѣ Екатерины II. (Оковчаніе). Р.	129—150
X.	Экспедиція Государственнаго Хозяйства. (1797—1803 г.г.). В. И. Вешнякова.	151—170, 427—438
XI.	Прототипъ Бобчинскаго. Сообщ. В. Н. Строевъ.	248
XII.	В. А. Жуковскій какъ народникъ. (Ко дню пятидесятилѣтія кончины). Пав. Висковатова.	249—266
XIII.	Русская журналистика въ 1849—1875 г.г. (Изъ бумагъ М. В. Авдѣва). Сообщила К. Четверикова.	267—287, 493—512
XIV.	Распоряженіе одного изъ мировыхъ посредниковъ 5-го февраля 1862 г. Сообщ. П. Н. Вереха.	288
XV.	Великій князь Константинъ Павловичъ и его дворъ (1810—1833 г.г.)	289—309, 533—546
XVI.	Воспрещеніе сообщать корреспонденціи въ иностранныя журналы. 15-го февраля 1824 г.	310
XVII.	Наслѣдіе Петра Великаго. (Окончаніе). П.	311—329
XVIII.	Образцы дворянскихъ дипломовъ. Сообщ. Н. Мурзановъ.	330
XIX.	Поправки неточностей въ «Пушкинскомъ сборникѣ». Сообщ. Евгенія Клебанская.	348
XX.	Двѣ награды Д. В. Давыдову. Письмо Д. В. Давыдова—генераль-адъютанту Васильчикову 19-го декабря 1812 г. Сообщ. В. И. Харкевичъ.	366
XXI.	Исправленіе коляски графа Аракчеева.	472
XXII.	Французскій іезуитъ въ Москвѣ въ XVII стол. П. Пирлинга.	473—483
XXIII.	Письмо А. Тургенева П. А. Галахову объ изданіи книги М. М. Сперанскаго «О подражаніи Христу»	484
XXIV.	Изъ рассказовъ А. О. Смирновой о Н. В. Гоголѣ. Пав. Висковатова.	485—492

XXV. Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ. Д. Г. Анучина	514—532
XXVI. Графъ Д. И. Хвостовъ и его патриотическія стихотворенія	547—548
XXVII. Отказъ императора Александра произвести въ коллежскіе ассесоры безъ экзамена. Сообщ. Н. Мурзановъ	598
XXVIII. Фотій и гр. А. Орлова-Чесменская. А. Слез- скинскаго	599—613
XXIX. Камень съ природою начертаннымъ изображеніемъ императрицы Екатерины II. Сообщ. В. Н. Строевъ	614
XXX. Реокрытѣ Александра I графу Ростопчину по поводу письма его о слухахъ и безпорядкахъ въ провинціи	634
XXXI. 1838 г. въ Петербургѣ (По дневнику П. Г. Дивова)	635—650
XXXII. Къ биографіи Н. В. Гоголя. Сообщ. В. И. Шенрокъ	651—652
XXXIII. Систематическое оглавленіе сто одиннадцатаго тома	653—656

Библиографическій листокъ.

1. Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край. П. Шереметева. Москва 1902 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ июльской книги).
2. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ XIII. Трактаты съ Францією. 1717—1807. Спб. 1902 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ августовской книги).
3. Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Томъ второй. Часть 1-я. Комитетъ Министровъ въ царствованіе императора Николая Перваго (1825 г. ноября 20—1855 февраля 18). Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе Канцеляріи Комитета Министровъ. Спб. 1902 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ сентябрьской книги).

Портреты.

- I. Портретъ Михаила Николаевича Загоскина.
Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 7-ой книгѣ).

II. Портретъ великаго князя Константина Павловича. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 8-ой книгѣ.)

III. Портретъ Михаила Васильевича Авдѣева.
Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 9-ой книгѣ).

П р и л о ж е н і я.

1 Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщ. И. А. Бычковъ. 369—432

завъ былъ, по просьбѣ своей, отъ завѣдывающа дѣлами Комитета Министровъ; тогда же было постановлено, чтобы меморіи и журналы Комитета подносили были государю управляющимъ дѣлами Комитета; онъ объявляла Комитету высочайшія резолюціи и ему же непосредственно была подчинена канцелярія Комитета. Въ это время обсуждался вопросъ даже о самомъ существованіи Комитета Министровъ.

Во время польскаго мятежа 1831 года особенно высочайшимъ повелѣніемъ было запрещено уроженцамъ Западнаго края прѣизажать въ Петербургъ и опредѣляться на службу; по возобновленіи спокойствія графъ Бенкендорфъ возбуждалъ вопросъ, нельзя ли отменить это распоряженіе? Комитетъ призналъ, что воспрещеніе это было вызвано исключительными обстоятельствами, которыхъ теперь нѣтъ, и что западное дворянство, оставаясь дома, будетъ только предаваться вредной праздности; почему Комитетъ и полагалъ дозволить имъ прѣизажать въ Петербургъ, но не иначе, какъ по удостовѣреніи въ ихъ поведеніи и образѣ мыслей. Государь рѣшилъ такъ: «спрашивать всеніи разъ моего разрѣшенія, но не преплеставать къ ихъ опредѣленію».

Изъ мѣръ по народному здравію, принятыхъ Комитетомъ Министровъ, на первомъ мѣстѣ стоятъ мѣры противъ эпидемическхъ болѣзней—чумы и холеры. При обсужденіи мѣропріятій для охраны государства отъ эпидемій, Комитетъ всегда имѣлъ въ виду основное положеніе, выработанное государственной практикой, чтобы предлагаемыя мѣры были въ строгой соотвѣтственности съ угрожающею опасностью. Въ этомъ отношеніи дѣйствія Комитета замѣтно отличаются отъ дѣйствій истинныхъ властей или лицъ, признающихъ къ непосредственной борьбѣ съ эпидеміей. Онъ не былъ расположенъ держаться основанія, въ-когда принятаго, что въ дѣлѣ этомъ лучше допустить больше осторожности и строгости, чѣмъ слѣдуетъ; напротивъ, Комитетъ въ это царствованіе всегда помнилъ, что всенія чрезмѣрно строгія правила вредно отзвучатъ на торговлѣ и промышленности; что они стѣсняютъ общество и что въ то же время польза ихъ еще не доказана.

Въ дѣлѣ просвѣщенія Комитету Министровъ пришлось высказаться по слѣдующему поводу: дворянство въ-которыхъ губерніяхъ назначало «складки» на устройство учебныхъ заведеній, почти исключительно—для дѣтей дворянскаго сословія. Напр., пензенское дворянство постановило устроить пансіонъ на 50 бѣдныхъ воспитанниковъ—дворянъ, изъ этого числа 20 человекъ предполагалось воспитывать, согласно проекту, безденежно, а 30—за самую уиѣренную плату, по 15 коп. въ день съ человѣка; въ собраніи, принявшемъ это постановленіе, было, сравнительно, немного дворянъ, но губернаторъ удостовѣрялъ, что впоследствии ни отъ кого не было получено заявленія о несогласіи съ этимъ

постановленіемъ; министръ внутреннихъ дѣлъ раздѣлялъ его взглядъ. Комитетъ посмотрѣлъ на дѣло иначе: неурокай 1834 г. поставилъ дворянство въ тяжкое положеніе; на упомянутомъ собраніи было только 16 дворянъ, не служавшихъ по выборамъ; слѣдовательно, по мнѣнію Комитета, правильнѣе, было отложить рѣшеніе дѣла до обыкновеннаго губернскаго собранія.

Отноительно благородныхъ пансіоновъ возникъ вопросъ: допускать ли въ нихъ дѣтей другихъ сословій? Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ число дворянъ-пансіонниковъ оказывалось недостаточнымъ для содержанія пансіоновъ, не смотря на поддержку, получаемую пансіонами отъ дворянства. Поэтому возникло ходатайство о дозволении принимать въ благородные пансіоны также дѣтей купцовъ 1-й и 2-й гильдій и дѣтей почетныхъ гражданъ. Комитетъ не далъ дозволенія на это въ видѣ общей мѣры, положивъ, чтобы на каждый такой случай испрашивалось мѣстнымъ начальствомъ согласіе вмѣстнаго начальства. Государь согласился на это.

Въ 1831 г. Комитетъ слушалъ представленіе гр. Палена, въ которомъ указывалось на усилившіяся побѣги крестьянъ изъ Подольской губерніи въ Херсонскую, вслѣдствіе того, что помѣщики притѣсняли крестьянъ этихъ за то, что они не принимали участія въ бывшемъ мятежѣ; крестьяне,—объяснялъ гр. Паленъ,—остались рѣшительно върны намъ, ловили мятежниковъ, и теперь между ними и ихъ владѣльцами господствуетъ взаимная ненависть, которую можетъ уничтожить только забвеніе самыхъ событій, чего трудно ожидать безъ помощи особыхъ средствъ, но какія могутъ быть употреблены средства? Прежде генералъ-губернаторы могли устанавливать оенки, но нѣтъмъ положеніями Комитета Министровъ и Государственнаго Совѣта было постановлено, чтобы генералъ-губернаторы только предлагали дворянству о составленіи приговоровъ объ учрежденіи оенки. Паленъ предлагалъ возобновить прежнее право генералъ-губернаторовъ. Государь на этотъ представленіи написалъ: «предложить Комитету Министровъ на сужденіе. И полагаю дать указъ на имя всѣхъ генералъ-губернаторовъ о томъ, что если дозволено имъ будетъ, что прощеніе помѣщички и даже тѣ, кои явно не изобличены, поступать будутъ притѣснительно со своими крестьянами, то имѣнія немедля брать въ оенку; прощеныхъ отдавать военному суду и имѣнія брать въ казну; другихъ же судить обыкновеннымъ порядкомъ. Разсмотрѣть немедля и представить проектъ указа».

Изъ приведеннаго видно, насколько разнообразна была дѣятельность Комитета Министровъ въ царствованіе императора Николая I, и какъ живо государь интересовался всѣми этими дѣлами.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИНАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбаеникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглобина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и замѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.